

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

А.С. ЕРУСАЛИМСКИЙ

**ГЕРМАНСКИЙ
ИМПЕРИАЛИЗМ:
ИСТОРИЯ
И
СОВРЕМЕННОСТЬ**

(ИССЛЕДОВАНИЯ, ПУБЛИЦИСТИКА)



ИЗДАТЕЛЬСТВО • НАУКА •
МОСКВА • 1964

ВЕЛИКИЙ КАРФАГЕН ВЕЛ ТРИ ВОЙНЫ.
ОН БЫЛ ЕЩЕ МОГУЧ ПОСЛЕ ПЕРВОЙ,
ЕЩЕ ОБИТАЕМ ПОСЛЕ ВТОРОЙ,
ПОСЛЕ ТРЕТЬЕЙ ЕГО НЕВОЗМОЖНО БЫЛО НАЙТИ.

Бертольд Брехт

Эта книга не является систематическим изложением истории германского империализма и не заключает в себе последовательного анализа всех его проблем. Она сложилась в результате отбора и систематизации работ по общим и конкретным вопросам развития германского империализма в XX в., его внутренней, внешней и колониальной политики, его идеологии и историографии, а также источниковедения. Эти работы были написаны на протяжении большого периода, начиная со середины двадцатых годов и до последнего времени, и каждая из них имела свои собственные, порою ограниченные задачи. Одни являются результатом научного исследования, когда автор, не довольствуясь существующей литературой вопроса, обращался к изучению публикаций архивных документов — советских, немецких, английских, французских, к изучению материалов государственных архивов Советского Союза, Германской Демократической Республики, а также некоторых архивов в научных институтах Германии времен Веймарской республики. Другие работы являются попыткой анализа некоторых важных явлений или течений в реакционной историографии и исторической идеологии германского империализма в тот или иной период. Наконец, некоторые работы, написанные «по следам событий», носят публицистический характер, но и в них, как заметит читатель, делается попытка дать историческую оценку этих событий¹.

Итак, если одни сюжеты этой книги разработаны в плане научных исследований и в этом смысле имеют твердую историко-документальную почву и завершенность, то другие — публицистические, написанные на актуальные темы и под свежим впечатлением событий, уже сами стали отголоском истории, даже в том случае, когда автору как историку и современнику удалось более или менее верно уловить их смысл.

Автор всегда интересовался исторической публицистикой и длительное время сам занимался ею — и в годы, предшествовавшие Великой Отечественной войне, и в послевоенный период, а особенно в годы войны, когда он работал в качестве военного журналиста. В те памятные годы, находясь в Москве, на фронте или за рубежом, он в ходе работы вел (к сожалению, далеко нерегулярно) различного рода записи, в которых фиксировал материалы и впечатления о положении в отдельных

¹ Работы, за исключением заново написанных для этой книги, в разное время были напечатаны в следующих изданиях: в сборниках «Октябрьская революция и Германия» (М., 1960), «Германский империализм и вторая мировая война» (М., 1961), «Из истории общественных движений и международных отношений. Сборник статей в память акад. Е. В. Тарле» (М., 1957), в журналах «Историк-марксист», «Мировое хозяйство и мировая политика», «Большевик», «Вопросы истории», «Новая и новейшая история», «Международная жизнь», а также в «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft» (ГДР) и в «Анналах» («Annalen») Германской Академии наук в Берлине, газетах «Красная звезда», «Neues Deutschland». Названия работ в ряде случаев изменены.

странах, о событиях, характеризующих влияние Советского Союза и других государств антигитлеровской коалиции на общую международную обстановку. Более пространное место в записях занимали материалы о военном и политическом положении гитлеровской Германии, о немецко-фашистской пропаганде и др. Эти материалы были нужны автору как основа для статей, которые печатались в «Красной звезде», а также в «Правде» и в «Известиях», и, наконец, для выступлений по радиовещанию (преимущественно для зарубежных стран). Автор надеется, что указанные материалы и некоторые комментарии к ним могут представить для читателя известный интерес как попытка советского историка заглянуть глазами современника по ту сторону фронта и отметить некоторые явления, характеризующие положение в фашистской Германии; поэтому он счел возможным включить в книгу выдержки «Из записей военных лет».

Работы, включенные в книгу, расположены в историко-хронологическом порядке в соответствии с их основной темой; таким образом, они превращены в главы и сгруппированы в четырех частях

Некоторые главы книги воспроизводятся без всяких изменений по сравнению с их первоначальным текстом. Другие потребовали литературной редакции, однако в них не внесены поправки или дополнения по существу даже в том случае, если это было возможно ввиду появления новых документальных материалов: касаясь современных ему событий, автор хотел бы донести до читателя тот взгляд, который выработался в ходе событий, если, конечно, этот взгляд не устарел и не противоречит современным достижениям науки. Некоторые главы по сравнению с первоначальным текстом значительно расширены, дополнены новым материалом, а частично и переосмыслены. Кроме того, автор написал и включил в эту книгу новые главы. Даты, проставленные в конце каждой главы, отмечают время написания первоначального текста; там, где изложение вопроса хронологически продолжено до последнего времени или расширено, проставлены две даты.

За долгие годы, в течение которых писались работы, включенные в книгу, многое изменилось и в мире, и в жизни, и в исторической науке. Многое менялось и в научных интересах автора. Однако, занимаясь в течение большей части своей сознательной жизни изучением истории международных отношений в XIX и XX вв., он особенное внимание уделял изучению проблемы германского империализма и милитаризма: жизнь побуждала к этому. В самом деле, можно ли уйти в сторону от изучения германского империализма и милитаризма, от попыток осмысления его зловещей исторической роли, если, спустя полвека после начала первой мировой войны, спустя четверть века после возникновения второй мировой войны и спустя менее двух десятков лет после крушения немецко-фашистской «третьей империи» и ее безоговорочной капитуляции, возрожденный германский милитаризм снова нависает над политическим горизонтом народов Европы?

Поколение людей — ровесников XX века — уже столкнулось с агрессивной силой германского империализма лицом к лицу, и притом самым трагическим образом, поскольку оно оказалось участником или современником двух мировых войн, развязанных с интервалом всего только в двадцать лет. Каждая из них, — и вторая, разумеется, в неизмеримо большей мере, чем первая, — так глубоко врзалась в сознание народов, что не только современники, но и будущие поколения еще долго будут размышлять обо всем том, что связано с военными катастрофами, которые, как страшные бедствия, обрушились в XX в. на народы Европы и все человечество.

Еще и теперь тайна возникновения мировых войн, порожденных империализмом, является одной из самых важных и волнующих проблем,

хотя историческая наука уже немало сделала для раскрытия этой тайны, в особенности в отношении первой мировой войны. Поскольку историческую ответственность за возникновение обеих мировых войн несут все империалистические державы, а главным их зачинщиком являлся германский империализм и милитаризм, в лагере реакции имеется немало влиятельных сил, которые политически заинтересованы в том, чтобы скрыть эту тайну. Однако в современном мире имеется много прогрессивных сил, заинтересованных в том, чтобы ее раскрыть возможно глубже, всесторонне и до конца. В данном случае вопрос имеет не только познавательное значение: ответ на него в большой мере определяет то накопление опыта, которое столь необходимо в борьбе за предотвращение новой войны. В мире родилось новое поколение, не испытавшее военных катастроф. Когда сотни тысяч молодых людей этого поколения со свойственными их возрасту жаждой знания и жаждой впечатлений отправляются в путешествия по своей стране и по другим странам, их пытливое внимание задерживается не только перед уникальными памятниками архитектуры и искусства, созданными гением и трудом народов в средние века или в новое и новейшее время. На Пискаревском кладбище в Ленинграде и у печей Освенцима, у памятника героям восстания Варшавского гетто или у деревянного креста в Лидице, в лагере Бухенвальд или в других лагерях массового уничтожения миллионов людей — мужчин, женщин и детей — их потрясенное сознание еще в большей степени, чем сознание людей старшего поколения, встает перед вопросом: кто несет ответственность за чудовищные военные преступления и преступления против человечности, которые затмевают страшную практику инквизиции на протяжении всего средневековья? Это встревоженное сознание ставит вопрос, имеющий не только моральное значение, хотя, конечно, и это далеко незначительно. Оно ставит вопрос и о необходимости осмысления самых трагических событий нашего века. Главное состоит в том, чтобы, учтя социальную природу этих событий и исторические условия, при которых они развернулись, уяснить, кто и при каких обстоятельствах является главной движущей силой агрессивной политики и военной агрессии, сделать надлежащие политические выводы и принять решения, которые полностью соответствовали бы реалистической оценке соотношения сил, сложившегося в мире. Речь идет о выборе тех исторических путей, которые воспрепятствовали бы германскому милитаризму во имя осуществления ревизионистских планов в Европе развернуть военную агрессию в третий раз.

В третий раз... Это возможность, которую нельзя игнорировать. Но она вовсе не является признанием цикличности или повторяемости исторических явлений, процессов и событий. Тем более признание этой возможности не несет на себе печати той идеи обреченности человечества, которую исповедует «атомная идеология» империализма. Полной реставрации прошлого в истории вообще не бывает: даже реставрация Бурбонов, последовавшая после крушения Наполеоновской империи, не была полной реставрацией в точном смысле этих двух слов. Разумеется, и восстановление германского милитаризма не может идти по замкнутому историческому кругу, т. е. в точности пройти через все этапы и воплотить в себе все формы, которые уже были в его прошлом, начиная со времен прусской армии ландскнехтов Фридриха II, милитаристской системы времен Мольтке-старшего или Людендорфа и кончая фашистской военной машиной времен Гитлера, Кейтеля и Хойзингера. Но традиции, а в еще большей степени опыт старого милитаризма вовсе не выброшены за борт. Главное же заключается в другом, а именно в том, что возрождение германского милитаризма, пусть даже в формах псевдodemократического «обновления», и его рост в системе НАТО представляют серьезную угрозу для всеобщего мира. И если можно говорить об «об-

новлении» германского милитаризма, то только в смысле его приспособления к новой обстановке, которая сложилась в мире и в самой Германии. А в объективной исторической обстановке действительно произошли огромные изменения.

Если бросить ретроспективный взгляд на историю первой половины XX в. и сопоставить ее с основными факторами современной истории во второй половине этого века, нельзя не увидеть, что эти огромные изменения произошли в связи с тем, что в течение короткого времени сложилась мировая система социалистических государств, нарастающее влияние которой на всю международную ситуацию трудно переоценить. В силу объективных закономерностей развития этой системы, бурного распада старой системы колониализма, роста рабочего и демократического движения в странах капитализма темпы исторического процесса после второй мировой войны неимоверно возросли, тем более, что небывалый взлет научной мысли и внедрение новой техники наложили на этот процесс неизгладимую печать. Нельзя недоучитывать и того обстоятельства, что в условиях этого сложного исторического процесса произошли изменения в сознании людей, в котором идея мира и необходимости борьбы за него занимает гораздо больше места, чем это можно было наблюдать в начале XX в. или в короткий период между двумя мировыми войнами. Начало атомного и космического века открыло перед человечеством новые, неизведанные исторические горизонты, но оно раскрыло и небывалые опасности, которые в интересах жизни нашего и будущих поколений необходимо не только реалистически оценить, но и устранить.

И в Германии после второй мировой войны произошли серьезные изменения. С тех пор, как усилиями Советского Союза и всей антигитлеровской коалиции «третья империя» была сокрушена, прошло много времени, больше чем то, которое потребовалось, чтобы исчерпать историю Веймарской республики или историю гитлеровского райха. Если бы основные принципы Потсдамской конференции руководителей трех держав антигитлеровской коалиции — СССР, США и Великобритании, предусматривавшие устранение господства крупных монополий и милитаризма, были бы осуществлены на территории всей Германии, мирное развитие этой страны было бы обеспечено. Но отказ западных держав от этих принципов и восстановление господства монополистического капитала на Западе страны привели к расколу Германии, а тем самым создали в Центральной Европе новую политическую ситуацию: на немецкой земле сложились два суверенных германских государства — Федеративная Республика Германии и Германская Демократическая Республика. Первая, оставшись в системе капиталистических государств, встала на путь возрождения милитаризма и вступила в НАТО. Вторая развивается по пути социализма, стала членом сообщества социалистических стран и вступила в Организацию Варшавского договора. Германская Демократическая Республика не имеет никаких территориальных требований, полностью признает границу Одер — Нейссе и другие границы, установленные после второй мировой войны, и отстаивает политику мирного сосуществования государств с различным социально-экономическим строем. Между тем агрессивные круги Федеративной Республики Германии выдвигают ревизионистские требования, крайне обостряющие международную напряженность и чреватые новой войной.

Конечно, после опыта двух мировых войн, в ходе которых германский империализм добивался осуществления своих планов мирового господства, даже наиболее агрессивные круги в ФРГ этих планов больше не выдвигают. Они убедились, — и это, наконец-то, признает и современная немецкая реакционная историография, — что идея мирового господства германского империализма — антиреалистическая идея, от которой при сложившемся в мире соотношении сил приходится отказаться. Вре-

мена «мировой политики» (Weltpolitik) германского империализма в традиционном понимании отошли в прошлое, как и старый клич «наше будущее на море», а созданная еще в прошлом веке, в период образования Германской империи, историческая идея «немецкой миссии» претерпела значительную модификацию применительно к новым обстоятельствам, когда возможности германского милитаризма оказались сужены. Но и в этих условиях, используя новые формы экономической экспансии в Европе в виде «европейской интеграции» и «общего рынка», а также активную экспансию на других континентах в форме неокOLONиализма, он явно стремится утвердить свою гегемонию в Западной Европе и расширить свое политическое и военное влияние в системе НАТО. Более того, он стремится и к территориальной экспансии в Центральной и Восточной Европе. Устами своих ведущих деятелей он заявляет, что его первоочередная задача — восстановить свое господство в границах «третьей империи» 1937 г., в границах бисмарковской империи 1871 г. и даже настаивает на правомерности гитлеровской сделки в Мюнхене о расчленении Чехословакии. Эта программа территориального расширения не только сознательно игнорирует важнейшие итоги второй мировой войны и реальности послевоенного развития в Восточной и Центральной Европе, но и предполагает осуществление реваншистских целей за счет Германской Демократической Республики, Польши, Чехословакии и Советского Союза.

В этом смысле Московский договор между Советским Союзом и Германской Демократической Республикой о дружбе, взаимной помощи и сотрудничестве (от 12 июня 1964 г.) имеет поистине историческое значение как фактор стабилизации положения в Центральной Европе. В целях осуществления реваншистской программы западногерманский милитаризм в соответствии со своей военной доктриной стремится овладеть атомным оружием в НАТО или используя «ось Бонн — Париж». Германская Демократическая Республика, сделав выводы из опыта двух мировых войн, впервые в немецкой истории провозгласила «германскую доктрину мира» — реалистическую программу, предусматривающую превращение Центральной Европы в безатомную зону.

Так, на территории Германии существуют две Германии, и каждая из них олицетворяет в себе определенную историческую традицию, в частности, в идеологии. И, конечно, каждая из этих традиций преломляется сквозь призму новых задач в условиях современности. В самом деле, старые традиционные черты милитаристской идеологии, связанные, например, с пруссачеством в духе Трейчке или с агрессивным национализмом в духе Пангерманского союза, а тем более с откровенным, разнузданным расизмом в духе Розенберга и его «мифа XX века», отошли на задний план; они уступили место более модернистским — в духе «атлантической идеи», «европейской идеи», а также «христианской идеи Запада», особенно импонирующей господствующему режиму политического клерикализма. И хотя вся гамма милитаристских идей, облеченных в форму «европеизма», весьма широка и включает в себе много нюансов, включая космополитические, в нее то и дело врывается голос традиционного агрессивного немецкого национализма.

Нельзя не признать, что проблема милитаризма является одной из центральных проблем в идейной жизни обоих германских государств. Оно и понятно. В современных условиях эта проблема настолько важна, что отношение к ней становится проверкой позиции не только общественных, политических и государственных деятелей, но и исторической и даже философской мысли. Но если в Германской Демократической Республике все усилия при рассмотрении этой проблемы в области историографии и в публицистике, а также практический подход к этой проблеме определяются полным разрывом с милитаризмом прошлого и с возрож-

дением и дальнейшим развитием антимилитаристских традиций, то в Федеративной Республике Германии дело обстоит как раз наоборот, но вместе с тем и сложнее, так как не ограничивается простым воспроизведением традиционных идей старого агрессивного прусско-германского милитаризма.

Эти идеи достаточно скомпрометированы перед общественным мнением государств, в прошлом дважды находившихся в лагере противников Германии, а ныне являющихся союзниками ФРГ в системе НАТО. Они в немалой степени скомпрометированы и в глазах молодого поколения, которое не подвергалось массовой идеологической обработке со стороны гитлеровского фашизма. И, наконец, поражение германского милитаризма в 1918 г. и его крушение в 1945 г. настолько глубоко развенчали легенду о его величии и непобедимости, о тождественности его идей и интересов с идеями и интересами немецкого народа, словом, о его позитивной роли, что, когда начался процесс его нового возрождения, немецкая историческая школа в лице своих наиболее крупных представителей не осталась в стороне и целеустремленно включилась в этот процесс. «Одна из важнейших обязанностей политической истории,— заявил глава этой школы Герхард Риттер в 1954 г.,— заключается в том, чтобы определить историческое место современности, исходя из познания прошлого». То было время, когда правительство Аденауэра, опираясь на опыт бывшего гитлеровского генералитета, уже открыто стало на путь создания бундесвера как основы системы милитаризма, составной частью которой является и вновь разработанная система «психологической войны». Вскоре идеологи возрождающегося милитаризма коллективными усилиями создали своего рода катехизис историко-политических идей — «Вопросы судьбы современности» (т. 1—4, издано в 1957—1959 гг.). Но уже раньше, отвечая на волнующий вопрос об исторической ответственности германского милитаризма за развязывание войн и за бедствия, которые он навлек на немецкий народ, Риттер пришел к следующему выводу: «Никто более не несет ответственности, ибо гигантская военная машина с ее вечными сложностями и трениями стала слишком велика и необозрима, чтобы вообще можно было кого-либо считать ответственным за ее действия». Так была сформулирована концепция военного автоматизма, как могущественной иррациональной силы, не поддающейся в решающие, критические моменты ни контролю, ни самоконтролю и действующей в соответствии со стихией исторических событий. По сути дела, вопрос об исторической ответственности милитаризма был подменен концепцией его исторической безответственности, а следовательно, и исторической реабилитацией.

Впоследствии Риттер расширял и модифицировал свою концепцию в различных направлениях, чтобы в конце концов прийти к утверждению, что проблема милитаризма в истории Германии — это всего лишь проблема «милитаризма» в весьма условном, техническом значении — «военного ремесла», исторически необходимого и оправданного, если не считать тех исключительных случаев, когда, персонифицируясь в таких фигурах, как Людендорф, оно противопоставляло себя «искусству государственного разума», требовало поставить политику на службу войне или вообще превращалось в орудие таких фигур «демонической власти», как Гитлер. В известном смысле идеал «искусства государственного разума» усматривался в исторической фигуре Бисмарка. Что касается антимилитаристских сил и традиций (Риттер называет их «радикальным пацифизмом»), то они вообще отрицаются как историческая реальность, а поскольку «государственное руководство» не может их вобрать в себя «без опасности самоуничтожения», им вообще отказывается в праве на историческое существование.

Таковы в общих чертах сложные извилины исторической мысли, пы-

тающейся сплести старые идеи немецкого милитаризма с новыми задачами его возрождения и утверждения в современных условиях. Но этот вариант, наиболее традиционный и наиболее реакционный, вовсе не является единственным. Имеются и другие, по внешним признакам более радикальные и даже, на первый взгляд, заключающие в себе переоценку установившихся традиционных и исторических понятий и представлений в духе решительного расчета с прошлым и поисками новых философско-исторических идей и новых исторических путей в будущее. «Экономическое чудо, вермахт — это великолепно», — пишет Карл Ясперс, один из наиболее крупных философов-экзистенциалистов Западной Германии в своей книге „Жизненные вопросы немецкой политики“ (1963 г.), — но все это совершенно недостаточно, чтобы обеспечить продолжительность существования и стабильность свободного государства». И в поисках условий этой стабильности он обращается к тому, что считает позитивным и негативным опытом исторического прошлого. В качестве исходного пункта современной немецкой истории он берет фигуру Бисмарка, как воплощение «немецко-прусского национального самосознания». Он не превращает ее в воплощение «европейской идеи», как это стало модным в современной западногерманской историографии (в особенности после того, как У. Черчилль сравнил Аденауэра с Бисмарком). Казалось бы, он касается фигуры «железного канцлера» в связи с главной проблемой — проблемой германского милитаризма. Напоминая слова Бисмарка, сказавшего однажды «Нужно посадить Германию в седло, а скакать она уже сможет сама», Ясперс далее пишет: «Нет, он (т. е. Бисмарк. — А. Е.) не обучил народ ездить верхом, а, наоборот, отказал ему в этом обучении. После отставки Бисмарка последствия этого начали медленно сказываться: народ, не приученный ездить верхом, правящая группа кайзера, чиновников, генералов, умеющая только сидеть в седле, но неспособная к езде, сделали то, что конь начал совершать вздорные и глупые прыжки, и в конце концов дошло до того, что после изменчивых политических ситуаций мир стал относиться к лошади не как к лошади, а как к бешеной собаке, которую и прикончил. Таково, — заключает К. Ясперс, — было наше положение в 1945 году». Так, отождествляя немецкий народ с немецким милитаризмом, Ясперс создал псевдообъяснение исторических судеб Германии, которое к тому же облечено в импонирующую форму радикального расчета с прошлым.

Мы видим, следовательно, как с разных позиций и при помощи разных аргументов, то консервативных, то, казалось бы, весьма критических и ломающих традиционную историческую схему, создается легенда об отсутствии у немецкого народа антимилитаристских сил и традиций. Вот почему при всем различии исходных позиций реакционного немецкого историзма и философии немецкого экзистенциализма их политические выводы оказываются тождественными: «Сегодня великая задача состоит в том, — утверждает К. Ясперс, — чтобы научиться скакать под защитой Запада и солидарно с ним».

Между тем после двух мировых войн и тех бедствий, который немецкий милитаризм навлек на свою страну, немецкий народ больше всего нуждается не в восстановлении или трансформации милитаристских легенд, а в возрождении его реальных антимилитаристских традиций, в сплочении всех антимилитаристских сил, чтобы, опираясь на них, вести борьбу против снова возродившегося милитаризма и против опасности третьей катастрофы, которая в условиях ядерного века может поставить на карту самое существование немецкой нации. Эти антимилитаристские и демократические традиции немецкого народа начали складываться давно, и хотя немецкий народ часто, слишком часто оказывался орудием реакционных и агрессивных сил, в его среде всегда находились другие силы, которые представляли и защищали его подлинные, жизненные ин-

тересы. То были люди, группы, партии высокой мысли, осознанного долга, которые даже в тяжелых условиях имели мужество защищать жизнеутверждающую философию своего народа, выдвигать прогрессивные, творческие идеи, которые оплодотворяли культуру и побуждали к борьбе. Это единство идеи и действия уже со времен немецкого Возрождения проявило себя как неотъемлемое свойство прогрессивного движения.

Формирование и рост рабочего класса, создание теории научного коммунизма и деятельность Маркса и Энгельса открыли новую полосу в истории Германии. Отныне борьба против реакционных и милитаристских сил получила научную основу и глубоко осознанную целенаправленность. В эту борьбу были вовлечены широкие массы рабочего класса, который стал представлять подлинные национальные и демократические интересы немецкого народа. Немецкий рабочий класс и все демократические силы Германии вправе гордиться тем, что еще в конце XIX в. Фридрих Энгельс, стремясь приостановить начавшийся новый тур гонки вооружений, впервые разработал проект всеобщего разоружения, проект — не утопический, а подлинно реалистический, даже в условиях капитализма. Старая гвардия социал-демократии — А. Бебель, В. Либкнехт, П. Зингер были убежденными антимилитаристами. Продолжая и приумножая традиции антимилитаристской борьбы, Ф. Меринг и К. Цеткин, К. Либкнехт и Р. Люксембург оплодотворяли борьбу глубокими теоретическими изысканиями. Сейчас даже многие представители буржуазной историографии и социологии признают, что мировая война 1914—1918 гг. являлась войной империалистической, войной ради капиталистического господства на мировых рынках. Но за утверждение этой концепции, научно разработанной В. И. Лениным, за свою борьбу против сил, породивших империалистическую войну, К. Либкнехт и Р. Люксембург заплатили своей жизнью.

Теперь, обращаясь к проблемам происхождения второй мировой войны, буржуазная историография утверждает, что в период Веймарской Германии никто не предвидел и не мог предвидеть возможности прихода фашизма к власти, а тем более возникновения войны. Но Коммунистическая партия Германии, опиравшаяся в своей деятельности на научную теорию марксизма-ленинизма, во всеуслышание заявляла: «Кто выбирает Гинденбурга, тот выбирает Гитлера. Кто выбирает Гитлера, тот выбирает войну». Эти слова, которые ныне звучат как научное предвидение, были многими восприняты как «коммунистическая пропаганда». Немецкий народ дорого заплатил за то, что не прислушался к этому встревоженному и оправданному историей голосу предостережения, голосу, звавшему к борьбе против фашизма, милитаризма и войны. Мужество людей, коммунистов и не коммунистов, идейно окрепли в этой борьбе.

Гёте сказал: «Талант рождается в тиши, характер лишь в потоке жизни». В этом потоке сформировался характер деятелей Коммунистической партии, которые шли в первых рядах антимилитаристского и антифашистского движения. В этом потоке проявилось сознание и у многих деятелей социал-демократической партии, которые, как Рудольф Брейтшейд, поняли, к сожалению, слишком поздно, что только единство действий рабочего класса и всех демократических сил может спасти Германию от фашизма и войны. Это понимали и лучшие люди немецкой интеллигенции, которые, не являясь коммунистами, также олицетворяли собой дух и устремления «другой Германии». Таков был Карл Осецкий. С первых шагов своей сознательной жизни он уяснил себе, какую пагубную роль играет милитаризм в истории Германии, и беспощадно разоблачал демагогию и практику милитаризма и национал-социализма. Как вода из чистого родника, его деятельность, увенчанная Нобелевской премией мира (в 1935 г.), утоляла умственную жажду многих честных людей

в Германии и в других странах Западной Европы, которые чувствовали опасность милитаризма и фашизма, испытывали отвращение к ним и усматривали моральную задачу своей жизни в борьбе против этих чудовищных порождений германского империализма. Таков был и Курт Тухольский, талантливый, проникательный и мужественный писатель-антифашист. Говоря словами Леонарда Франка, демократа и гуманиста, их ориентация была — «налево, там, где сердце».

Рассматривая в этой книге в основном проблемы германского империализма и милитаризма, автор никогда не забывал о существовании «другой Германии» — Германии рабочего класса, широких демократических кругов, передовой интеллигенции, гуманистической культуры, заслуживающей глубокого уважения и внесшей большой вклад в сокровищницу мировой культуры.

В долгую темную ночь фашистской диктатуры, когда большинство немецкого народа, одурманенное шовинизмом или напуганное террором, оказалось слепой силой в руках нацизма и милитаризма, в Германии нашлось немало людей, которые, уйдя в глубокое подполье или в эмиграцию, развернули борьбу против фашизма, милитаризма и войны. Эта борьба в неимоверно тяжелых условиях закаляла людей, и требовалась огромная убежденность и сила характера, чтобы выдержать ее. Отважно противоборствуя судьбе, осмысливая прошлое и устремляя свои надежды на будущее, антифашисты своей борьбой стремились спасти честь немецкого народа.

Современная реакционная историография создала легенду — «как легко создаются легенды и как трудно рассеиваются!» — будто единственной патриотической силой Сопротивления в гитлеровской Германии была группа участников «заговора 20 июля». При этом она вовсе игнорирует борьбу Коммунистической партии, движение народного Сопротивления, деятельность Национального Комитета «Свободная Германия», — словом, борьбу широких демократических кругов против фашизма и войны. Вместе с тем в ряде случаев она дает искаженную оценку патриотическому, демократически настроенному крылу заговора. Главным героем легенды выдвигается одна из центральных фигур заговора — Гёрделер, философско-политические и религиозно-этические взгляды которого расцениваются как предвосхищение современных идей «христианского мира» и западногерманского «европейского мышления». Реакционность его идей не подлежит сомнению, как и то, что после провала заговора Гёрделер обнаружил непостижимое моральное бессилие: капитулировав перед Гитлером, он призвал к капитуляции и остальных участников заговора. Составленное им письмо является в этом смысле поистине уникальным историческим и политическим документом. В этом письме Гёрделер писал: «...Мы должны считать 20 июля окончательным судом божьим. Фюрер спасся от почти верной гибели. Богу было неужодно, чтобы существование Германии, ради которого я хотел действовать и действовал, было куплено ценой кровавого злодеяния. Он вновь поручил эту задачу фюреру. Это — старый немецкий принцип. Каждый немец, участвовавший в заговоре, ныне обязан присоединиться к спасенному богом фюреру...»

Нет, истинные герои народного Сопротивления думали, чувствовали и действовали не так. У них была другая философия, выкованная в труднейших условиях непримиримой антифашистской борьбы, жизнеутверждающая философия, проникнутая глубокой идейностью, широким полетом мысли, чувством долга перед современниками и перед историей. Примерно за полгода до генеральского заговора, в начале 1944 г. в одном из предсмертных писем, написанном в одиночном каземате Бауцена, другой узник написал своему товарищу письмо, которое всегда будет стоять в ряду лучших произведений мировой эпистолярной литературы

как памятник величия человеческого духа и человеческого достоинства. В этом письме, как бы обращаясь к своим современникам и к будущим поколениям, Тельман формулировал свое философско-историческое кредо. Он писал: «Существует историческая правда... Существует политическая совесть, требующая служения этой правде. Правда не поддается фальсификации на длительное время, так как нет ничего непреложнее фактов. Помни всегда, что наша совесть чиста, она ничем не запятнана по отношению к трудящемуся немецкому народу. Она не отягощена военными преступлениями, империалистической разбойничьей политикой, тиранией, террором, диктатурой и насилием над совестью, ущемлением свободы и произволом, лжесоциализмом, фашистскими расовыми теориями, философствованиями розенберговского толка, заносчивостью, высокомерием, хвастовством и пр. Мы ничем не запятнаны». Тельман был бы вправе гордиться своей партией, традиции которой и ныне воспитывают коммунистов в Западной Германии и воодушевляют рабочий класс Германской Демократической Республики, строящей новое, социалистическое общество. Но всегда,— и в дни успехов партии и в тяжелые дни,— Тельман подвергал свою деятельность и деятельность партии суровому огню самокритики, чтобы, закалившись, двинуться дальше в путь. «Конечно, и мы не являемся чистыми, непорочными ангелами,— писал он в тюрьме.— Мы также совершали в прошлом большие и порою серьезные ошибки в области политики. Мы, к сожалению, кое-что упустили и недоделали из того, что нужно было сделать... чтобы преградить фашизму путь к государственной власти».

Признание этих ошибок расчищало путь к дальнейшей борьбе. На алтарь этой борьбы антифашисты принесли большие жертвы. Только в 1944 г. в руки гестапо попало не менее полумиллиона человек. Антифашистский фронт «другой Германии» в политическом отношении был широк. На передовой линии была Коммунистическая партия Германии, которая на Брюссельской и Бернской конференциях разработала и тактику, и стратегию борьбы. В длинном скорбном листе антифашистских борцов, наряду с именами коммунистов, стоят имена социал-демократов, христиан, многих сотен, тысяч и десятков тысяч рабочих, студентов, представителей интеллигенции, которые вносили свою лепту в дело антифашистской борьбы. И в «заговоре 20 июля» была небольшая группа настоящих антифашистов-патриотов. Глава этой группы полковник граф Клаус Шенк фон Штауфенберг, как и участники «кружка Крейзау» (граф Хельмут фон Мольтке, Адам Тротт цу Зольц и др.), ориентировались на сближение с демократическими, антифашистскими и антимилитаристскими силами немецкого народа. В целом все эти силы и представляли собой «другую Германию».

И вот на немецкой земле две Германии, одна из которых — Германская Демократическая Республика опирается на давно сложившиеся демократические, антимилитаристские традиции, опирается в жизни, в идеологии, в исторической науке и в борьбе за будущее немецкого народа. Но традиции не прерываются границами. Они живут и в Федеративной Республике Германии, где становятся той почвой, на которой произрастает понимание опасности агрессивно-ревизионистских и милитаристских сил, выступающих под знаменем антикоммунизма. Это понимание еще не проникло в самые широкие слои, но оно уже проявляется в различных формах, и прежде всего как пробуждение политического реализма в условиях современности: люди начинают понимать,— тому есть много признаков,— что идеология антикоммунизма в сочетании со стратегической концепцией «меча и щита» является в руках западногерманского милитаризма своего рода пробивной силой, используя которую, он добивается места у пульта атомной войны. Жизнь и исторический опыт раньше или позже подскажут народу Федеративной Республики Германии,

что его сосуществование с агрессивными силами милитаризма угрожает самому существованию немецкой нации и что только принцип мирного сосуществования государств с различными социально-экономическими системами способен сблизить оба германских государства, а вместе с тем обеспечить мирное развитие немецкого народа, народов Европы и всего мира. Огромные исторические изменения в современном мире и реальности нашего века таковы, что они впервые в истории человечества открывают оптимистическую перспективу устранения новой мировой катастрофы и могут обеспечить перспективу мирного развития.

Итак, мирное сосуществование или атомная катастрофа — такова альтернатива нашей эпохи, с которой нельзя не считаться, если учесть, к каким тяжелым последствиям привела политика антикоммунизма накануне второй мировой войны и какие кровавые следы германский милитаризм уже оставил в истории XX в. К сожалению, эта альтернатива не порождена воображением, склонным преуменьшить одни явления, уже ставшие достоянием истории, чтобы преувеличить другие, относящиеся к гипотетическому будущему. Нет, это горькая, но реальная альтернатива, особенно опасная в наш ядерный век. Нужно исторически ее осмыслить, и притом не созерцательно — пассивно, а политически — активно, чтобы, уяснив себе в многообразии и сложности важнейших событий диалектическую связь времен, попытаться извлечь из опыта прошлого уроки для настоящего во имя созидания будущего в условиях мира. В этом смысле историческая мысль никогда не обращена только в глубь веков и ушедших десятилетий, ибо историк — сын своего времени, и, изучая, в меру своих сил и возможностей, прошлое, близкое и далекое, он не может освободить себя от ответственности, — не только профессиональной, но и моральной. Как бы ни был скромнен его вклад в изучение волнующей его проблемы, он не может ограничиться только тем, чтобы рассказать, «как оно собственно было»; он должен стремиться к тому, чтобы его труд стал хотя бы каплей, которая вольется в общий поток жизни и борьбы, именуемый историей и современностью.

Нужно ли говорить о том, что творческая теория марксизма-ленинизма была и остается путеводной звездой! Подобно тому как К. Маркс, создавая свой «Капитал», изучал историю и экономику Англии, в которой усматривал наиболее ясно обозначенный тип сложившегося капитализма, В. И. Ленин, создавая свой труд «Империализм, как высшая стадия капитализма», по этим же мотивам наиболее пристально изучал экономические и политические черты и особенности германского империализма. При этом «Тетради по империализму» дают историку возможность проникнуть в творческую лабораторию Ленина, во многом уяснить методологию, примененную им в процессе изучения империализма вообще, германского империализма в особенности.

Теперь, когда книга, создававшаяся в течение почти всей жизни, завершена, автор отчетливо видит в ней многочисленные пробелы. Более того, если бы в его распоряжении оставалось время, он написал бы ее заново. И это естественное желание. Ведь наука, как и сама жизнь, — это движение, и историческая наука, конечно, не является исключением.

* * *

В ходе обсуждения рукописи этой книги в Институте истории АН СССР и на других, более ранних и поздних этапах работы над ней многие товарищи дали весьма ценные замечания и советы, которые автор стремился учесть. Без помощи работников Архива внешней политики России, Центрального государственного военно-исторического архива в Москве, Центрального государственного исторического архива в Ленинграде, Германского центрального архива в Потсдаме и в Мерзебурге соответственная часть работы не могла бы быть выполнена. Постоян-

ную помощь на протяжении многих, многих лет автору неизменно оказывали Фундаментальная библиотека общественных наук им. В. П. Волгина АН СССР и Всесоюзная государственная библиотека им. В. И. Ленина. Научный сотрудник Института истории АН СССР Н. Я. Крайнева взяла на себя труд составления указателя личных имен, а главный библиограф Всесоюзной библиотеки иностранной литературы В. И. Кривуля составил библиографию к книге. Автор всех сердечно благодарит.

Особенную признательность автор выражает С. А. Левиной, которая на протяжении длительного времени была его неизменным, терпеливым и вдумчивым помощником при отборе материала, подготовке к печати и редактировании этой книги.

Август 1964 г.

Часть I

**„МИРОВАЯ ПОЛИТИКА”-
ПУТЬ К ВОЙНЕ
И ПОРАЖЕНИЮ**

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

(ПРОБЛЕМЫ И ИСТОЧНИКИ)

Нашему современнику трудно себе представить ту степень неоправданного оптимизма и неограниченного самовосхваления, с которой господствующие классы главных капиталистических стран готовились встретить вступление человечества в XX в. Промышленный подъем и высокая экономическая конъюнктура внушали им самые радужные надежды, и всемирная выставка, которая готовилась к открытию в Париже в 1900 г., казалось, должна была продемонстрировать начало новой эры процветания капитализма. Принятые конференцией 26 государств в Гааге несколько деклараций относительно «законов войны» дали повод буржуазной прессе развернуть широкую пропаганду идеи о возможности коллективных усилий держав в пользу мира. Это была иллюзия. Решения конференции ни в какой степени не помешали американскому империализму укрепиться на Кубе и завершить захват Филиппин — важнейшего стратегического плацдарма на путях к Китаю, английскому империализму — развязать войну против бургундской республики в Южной Африке, германскому — приобрести Каролинские и Маршалловы острова, а также часть Самоа, развернуть экспансию в Турции и в Китае, разработать новую программу строительства военно-морского флота и приступить к ее осуществлению. Наконец, они не помешали французскому империализму активизировать свою колониальную политику в Африке и в Индокитае, русскому империализму нацелиться на Маньчжурию, японскому — расширить свои позиции в Корее, усилить свое влияние при пекинском дворе и начать подготовку вооруженного конфликта с Россией. Таким образом, главные империалистические державы, с новой силой развертывая активную колониальную экспансию в различных направлениях, стремились как можно быстрее завершить экономический и политический раздел мира и в то же время уже приступили к его насильственному переделу; ни одна крупная держава, европейская и неевропейская, не оставалась безучастной зрительницей в этой борьбе. Каждая из них принимала активное участие в гонке вооружений.

Именно тогда в качестве доказательства эффективности усилий капиталистических держав в пользу мира буржуазная историография, пресса и публицистика начали ссылаться на то, что Европа в течение 30 лет после франко-прусской войны не знала военных потрясений. Разумеется, каждая из держав главную роль в этих усилиях стремилась приписать себе. Наибольшую активность проявляли идеологи германского империализма: они создали легенду, будто сохранение мира в Европе обязано нарастающей мощи и активной внешней политике Германской империи. Эта историческая легенда впоследствии была блестяще разоблачена В. И. Лениным, который, анализируя закономерности всемирной истории в период складывания и развития империализма, показал, что

одной из основ относительного мира в Европе являлись непрерывные войны на колониальной периферии¹.

И действительно, реальный ход исторических событий на рубеже XIX и XX вв. никак не напоминал идиллическую картину международных отношений, созданную усилиями буржуазных идеологов, когда капитализм завершал свой переход в империализм. Идея об эффективности усилий главных капиталистических держав в пользу обеспечения мира, столь шумно разрекламированная в период Гаагской конференции (и притом не только пацифистскими кругами), на деле использовалась этими державами совсем в других целях. Так, когда американский империализм начал войну за господство на Кубе и на Филиппинах, германская дипломатия пыталась, прикрываясь интересами мира и защиты испанской монархии, сколотить коллективное выступление некоторых европейских держав против агрессии США. Но идея оказалась мертворожденной. Вокруг испано-американской войны сразу возникло столь сложное переплетение империалистических противоречий, что ни о каком коллективном вмешательстве европейских держав не могло быть и речи. Более того, вскоре стало очевидным фактом, что даже главный инициатор и вдохновитель хитроумной идеи — германский империализм — вовсе и не собирался спасти мир, а стремился лишь использовать идею коллективных усилий держав и принципы монархизма, чтобы заставить США предоставить ему территориальные компенсации, кстати сказать, за счет колониальных владений испанской монархии. И он добился этого, — конечно, не в результате мирного вмешательства, а в результате воинственных угроз, подкрепленных демонстрацией германского военно-морского флота².

Еще более нереальными оказались идеи дипломатического вмешательства держав в целях прекращения англо-бурской войны. Когда британский империализм приступил к подготовке этой войны, ни одна империалистическая держава не помышляла о ее предотвращении ни путем индивидуального, ни, тем более, коллективного вмешательства.

Наоборот, каждая держава была заинтересована в том, чтобы, создав Англии дополнительные затруднения, извлечь из них определенные экономические или политические выгоды. Единственной крупной европейской державой, которая сначала была заинтересована в том, чтобы ее английский соперник не поглотил территорию бурских республик и их золотые и алмазные россыпи, являлась Германия. Влиятельные круги германского финансового капитала, группировавшиеся, с одной стороны, вокруг «Немецкого банка» («Deutsche Bank»), а с другой — вокруг банка «Учетное общество» («Disconto-Gesellschaft»), сами нацеливавшиеся на подчинение этих республик своему влиянию, сначала стремились воспрепятствовать расширению английской агрессии в Южной Африке. Однако после того, как влиятельные силы финансового капитала в Англии, группировавшиеся вокруг Ротшильда, а также Джозефа Чемберлена и Сесилия Родса, предложили «Немецкому банку» крупную компенсацию в виде финансовой и дипломатической поддержки на Ближнем Востоке (прежде всего в концессии на Багдадскую ж. д.), эта мощная группа германского финансового капитала и германское правительство решили предоставить буров их собственной судьбе. Более того, они способствовали разжиганию англо-бурской войны³. Попытка Пангерманского союза, в течение ряда лет выступавшего поставщиком расистской идеологии и планов создания «Великой Германии в Южной

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 80.

² А. С. Ерусалимский. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века. М., 1951, стр. 459—478.

³ См. ниже: «Германский империализм и возникновение англо-бурской войны».

Африке», поднять кампанию против «предательства» германским правительством «братьев по племени» проходила вяло и в общем неудачно. Только позднее, в 1900 г., когда стало ясно, что в результате сопротивления буров Англия начинает испытывать серьезные военные и политические затруднения, эта кампания стала вестись гораздо активней.

Не довольствуясь полученной в Лондоне поддержкой своей экономической экспансии в Турции, руководящие круги германского империализма стремились воспользоваться затруднениями английского соперника и даже усугубить их, чтобы развернуть свою экспансию и в других направлениях — прежде всего в Китае. Но и другие соперники Англии — Франция и особенно царская Россия — также стремились воспользоваться ее затруднениями, каждая в своих интересах. Во время англо-бурской войны Николай II обольщал себя тем, что ключ ко всей международной ситуации лежит в его руках; однажды он втайне размышлял даже о том, чтобы сосредоточить войска в Средней Азии и оттуда угрожать колониальному могуществу Англии⁴. Однако даже этот неумный царь вскоре понял, что у него не хватает малого — войск, денег, транспортных средств, а также уверенности в благожелательной позиции других держав. Только германская дипломатия из своекорыстных соображений толкала его на эту авантюру. Правящие круги Германии и связанная с немецкими монополиями пресса, открыто провозгласившие политику «*Drang nach Osten*», имея в виду проникновение германского империализма не только в Малую Азию, но уже и к Персидскому заливу, считали, что усиление напряженности между Англией и Россией даст им возможность поживиться еще в большей степени, чем англо-бурская война.

Николай II со своей стороны стремился сравнить кайзеровскую Германию с Англией, но потерпел неудачу⁵. Вскоре германская дипломатия решила, что можно вновь воспользоваться идеей коллективных усилий держав в пользу мира в Южной Африке, чтобы создать дополнительные дипломатические трудности для Англии и вырвать у нее какие-либо новые уступки на попрание колониального грабежа. Начались закулисные переговоры с правительствами царской России и Франции. Эти delicate переговоры велись осторожно, ибо партнеры не доверяли друг другу и каждый из них больше всего опасался, что он будет предан другой стороной и скомпрометирован ею перед Англией, финансовое и военно-морское могущество которой, а также дипломатическое влияние в мировой политике все еще расценивались — и не без основания — весьма высоко. В конце концов, об этих переговорах стало известно в Англии, и германская дипломатия самым трусливым образом пыталась свалить ответственность за инициативу переговоров на царя, а русская дипломатия — на кайзера. Еще одна попытка использовать идею дипломатического вмешательства держав в пользу мира, а на деле в их экспансионистских интересах потерпела крах.

Между тем в 1900 г. вспыхнул мировой экономический кризис. Начавшись в России, он постепенно охватил многие страны Западной Европы, и в первую очередь Германию. Влияние кризиса сразу сказалось в двух связанных между собою направлениях: во-первых, он усилил рост концентрации капитала и монополий, во-вторых, — усилил экспансионистские устремления держав.

Уже в начале XX в., когда старый «свободный» капитализм сменился монополистическим капитализмом, империалистические противоречия,

⁴ См. «Красный архив», 1934, т. 2 (63), стр. 125 и сл. Письмо Николая II, 2 ноября (21 октября) 1899 г.

⁵ См. Б. А. Романов. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895—1907. М.—Л., 1955, стр. 116.

• бурно нарастая и широко оплетая весь мир, создавали угрозу войны мирового масштаба. Германский империализм стал одной из наиболее мощных экспансионистских сил, заинтересованных в переделе мира: для людей нашего поколения история германского империализма — это прежде всего история его экспансионизма, история двух развязанных им мировых войн.

Нет нужды поэтому доказывать, насколько важно изучать внешнюю политику и дипломатию германского империализма на разных исторических этапах. Эта задача привлекает к себе внимание историков в СССР⁶, в Германской Демократической Республике⁷, а также прогрессивных историков других стран⁸. Исследование этой темы — задача, имеющая много аспектов и обширное конкретно-историческое содержание. На нескольких примерах хотелось бы пояснить, как эта проблематика, с одной стороны, побуждает исследователя встать на путь поисков нового расширенного круга источников, а с другой — изучение новых источников различного происхождения заставляет его ставить и решать такие проблемы, которые выводят за рамки традиционных представлений об одном из наиболее важных этапов истории германского империализма и милитаризма.

Традиционные представления сводятся в общем к рассмотрению следующих разнородных вопросов: в области внутренней политики Германии — «эра Бюлова», эра «политики сплочения» юнкерства и буржуазии и осуществление программы военно-морского строительства; в области внешней политики — англо-германское соглашение о разделе сфер влияния в Китае в 1900 г., англо-германские переговоры о союзе против России в 1901 г., проникновение Германии в Турцию и завершение переговоров о концессии на Багдадскую железную дорогу, активность германской дипломатии в период русско-японской войны, англо-германское морское соперничество, начало «политики окружения» Германии, Марокканский кризис и образование Антанты как крупнейшая неудача германской политики игры на противоречиях между ее соперниками — Англией, Францией и Россией.

⁶ В советской литературе имеются ценные работы, которые в обобщающей форме излагают историю внешней политики и дипломатии германского империализма в начале XX в. См. Е. В. Тарле. Европа в эпоху империализма. — Соч., т. V. М., 1958; В. М. Хвостов. История дипломатии, т. II. М., 1963; «Международные отношения на Дальнем Востоке (1840—1949 гг.)». Под ред. Е. М. Жукова. М., 1956. Интересная работа И. Гольдштейна и Р. Левиной «Германский империализм» (М., 1947) представляет собой попытку исследовать социально-экономические особенности германского империализма. Кроме того, следует отметить ряд специальных работ, в которых освещаются отдельные вопросы нашей темы: Г. В. Ефимов. Внешняя политика Китая 1894—1899 гг. М., 1958; Г. Л. Бондаревский. Багдадская дорога и проникновение германского империализма на Ближний Восток (1888—1903). Ташкент, 1955; Б. А. Романов. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895—1907. М. — Л., 1955; Е. И. Рубинштейн. Политика германского империализма в западных польских землях в конце XIX — начале XX в. М., 1953. Об антиимпериалистической борьбе немецкого рабочего класса см. Б. А. Айзин. Подъем рабочего движения в Германии в начале XX века (1903—1906). М., 1954; он же. Борьба Карла Либкнехта против милитаризма в начале XX века (1903—1907 гг.). — Сб. «Империализм и борьба рабочего класса». М., 1960.

⁷ См. A. Schreiner. Zur Geschichte der deutschen Aussenpolitik 1871—1945, Bd. 1. Berlin, 1952; J. Kuczyński. Studien zur Geschichte des deutschen Imperialismus, Bd. I—II. Berlin, 1950—1952; В. Марков, Л. Ратман. Проникновение германских монополий в Египет. — Сб. «Империализм и борьба рабочего класса». М., 1960; H. Stoeker. Deutschland und China im XIX. Jahrhundert. Berlin, 1958; G. Heidorn. Monopole — Presse — Krieg. Die Rolle der Presse bei der Vorbereitung des 1. Weltkrieges. Berlin, 1960.

⁸ G. Badia. Histoire de l'Allemagne contemporaine (1917—1962), t. 1, 1917—1933; t. 2, 1933—1962. Paris, 1962. Ряд важных и интересных наблюдений имеется в работе А. Тэйлора «Борьба за господство в Европе. 1848—1918». Перев. с англ. М., 1958.

Эти традиционные рамки, за которые не выходит немецкая буржуазная историография⁹, рассматривающая, как правило, вопросы внешней политики и дипломатии в отрыве от вопросов экономической истории, борьбы классов и внутренней политики, определяются двумя моментами: во-первых, стремлением немецких буржуазных историков скрыть истинные цели господствующих классов в вопросах «национальной» внешней политики, в особенности скрыть механизм растущего и направляющего влияния германских и международных монополий, а также противодействие этому механизму со стороны других социально-экономических и политических сил; во-вторых, тем, что многотомная германская публикация «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914», главный источник буржуазных исследований, представляет собой публикацию исключительно дипломатических документов, освещающих в основном лишь политику европейских держав¹⁰. Германская буржуазная историография оказалась в несколько парадоксальном положении: трактуя внешнюю политику Германии в начале XX в. как «мировую политику», она, по сути дела, сводит ее к политике европейско-переднеазиатской и затрагивает дальневосточный и марокканский вопросы лишь в той степени, в какой они отразились на положении Германской империи в Европе. Этот расширенный «европоцентризм» имеет, разумеется, свою логику: он коренится во влиянии идеологии германского милитаризма, который упорно искал решения проблем «мировой политики», т. е. достижения германской мировой гегемонии в войне на европейском континенте.

Что касается анализа глубинных процессов германской экспансии и движущих сил внешней политики и дипломатии германского империализма, то, как правило, буржуазная историография (и довоенная, и послевоенная) этих вопросов почти не касается. Впрочем, Ф. Мейнеке, один из столпов германской историографии, однажды пытался сформулировать проблему в следующих словах: «Все находилось в тесной взаимозависимости: экспортный индустриализм и строительство флота (военно-морского.— А. Е.), законы Тирпица о флоте и политика сплочения Микеля, которая объединила высшие круги работодателей в городе и в деревне против пролетариата и в интересах политики строительства флота, а в то же время поставила государство на службу материальным интересам этих классов (т. е. буржуазии и юнкерства.— А. Е.) и тем самым усилила социальный раскол нации»¹¹.

Однако дальше этой общей формулы немецкая буржуазная историография сдвинуться не смогла. Только Хальгартен в своей работе

⁹ См., например, E. Brandenburg. Von Bismarck zum Weltkriege. Berlin, 1924; J. Haller. Die Ara Bülow. Eine historisch-politische Studie. Stuttgart — Berlin, 1922; F. Hartung. Deutsche Geschichte vom Frankfurter Frieden bis zum Vertrag von Versailles, 1871—1919. Bonn — Leipzig, 1924; E. Reventlow. Deutschlands Auswärtige Politik 1888—1914. Berlin, 1918; J. Ziekursch. Politische Geschichte des neuen deutschen Kaiserreiches, Bd. 3. Frankfurt a/M., 1930; H. Oncken. Das Deutsche Reich und die Vorgeschichte des Weltkrieges, Bd. I—II. Leipzig, 1933; H. Lohmeyer. Die Politik des Zweiten Reiches 1871—1918, Bd. I—II. Berlin, 1939; W. Schüssler. Deutschland zwischen Russland und England. Leipzig, 1940; E. Eyck. Das persönliche Regiment Wilhelms II. Politische Geschichte des deutschen Kaiserreiches von 1890 bis 1914. Erlangen — Zürich, 1947; F. Haselmayer. Diplomatische Geschichte des Zweiten Reiches von 1871—1918, Bd. I—V. München, 1955—1962. Из новейших работ, посвященных реабилитации милитаризма кайзеровской Германии, см. G. Pitter. Staatskunst und Kriegshandwerk. Das Problem des «Militarismus» in Deutschland, Bd. I. Die Altpreuussische Tradition (1740—1890), Bd. 2. Die Hauptmächte Europas und das Wilhelminische Reich (1890—1914). München, 1954—1960.

¹⁰ См. ниже: «Версальский тезис и его ревизия (Исторические документы как оружие политической борьбы)».

¹¹ F. Meinecke. Geschichte des deutsch-englischen Bündnisproblems 1890—1901. München — Berlin, 1927, S. 6.

«Империализм до 1914 г.», а также Э. Кер¹² сделали попытку найти выход из порочного круга, стремясь вскрыть «социологические основы» внешней политики империализма вообще, германского — в особенности. Их работы, основанные на большом историко-экономическом материале, представляют несомненный интерес, но они лишены той живительной силы, которую дает ленинская теория империализма. И хотя Хальгартен, труд которого заслуживает большого внимания, в свою очередь счел возможным положительно отозваться о моей работе «Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века»¹³, а Ренувен¹⁴ в докладе на X Международном конгрессе историков в Риме утверждал, что обе эти работы соприкасаются и образуют новое направление в историографии вопроса, я склонен утверждать, что наши работы существенно отличаются одна от другой не только по манере изложения, но прежде всего в понимании основополагающей теоретической проблемы империализма, а также вопроса о влиянии классовой борьбы в метрополии и национально-освободительной борьбы колониальных народов на внешнюю политику и дипломатию германского империализма¹⁵.

Если бы советский историк поставил перед собой задачу дать общую характеристику германской внешней политики и показать основные акции германской дипломатии по узловым вопросам межгосударственных отношений, в частности роль германской дипломатии в провоцировании европейских кризисов, а также методы, применявшиеся ею для достижения политических целей, то конкретно-исторического материала для решения такой задачи более чем достаточно: многотомное издание «Staatsarchiv», публикации «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette», «British Documents», «Documents diplomatiques français», «Красный архив», огромная мемуаристика, многочисленная литература вопроса, наконец, богатейшие фонды Архива внешней политики России МИД СССР. Немало новых интересных деталей и дополнительных сведений можно почерпнуть и в недавно опубликованных материалах личного архива Ф. Гольштейна¹⁶, «серого преподобия» германской дипломатии, сыгравшего крупную роль в свержении Бисмарка, а затем в течение многих лет (до 1906 г.) оказывавшего сильное влияние на германскую дипломатию «маятника» между Россией и Англией.

На основании этих источников, если их критически использовать, можно обрисовать сложные пути и перепутья германской внешней политики и дипломатии в конце XIX и в начале XX в. вплоть до возникновения первой мировой войны. На конкретно-историческом материале следует показать влияние экономических интересов юнкерско-буржуазного империализма, отдельных групп финансовой олигархии, промышленных монополий и юнкерства на внешнюю политику Германии, раскрыть внутреннюю механику борьбы классов и партий вокруг вопросов внешней и колониальной политики.

Мне представляется, что одновременное, синхронное рассмотрение

¹² G. W. F. Hallgarten. Imperialismus vor 1914. Soziologische Darstellung der deutschen Aussenpolitik bis zum ersten Weltkrieg, Bd. I—II. München, 1951. Г. Хальгартен. Империализм до 1914 года. Социологическое исследование германской внешней политики. Перев. с нем. М., 1961. Э. Кер. Schlachtflottenbau und Parteipolitik 1894—1901. Berlin, 1930.

¹³ Г. Хальгартен. Указ. соч., стр. 673.

¹⁴ См. «Вопросы истории», 1956, № 7, стр. 207—208.

¹⁵ См. ниже: «Опыт социологического исследования германского империализма (О труде Г. Хальгартена „Империализм до 1914 года“»).

¹⁶ F. v. Holstein. Die geheimen Papiere Friedrich von Holsteins, Bd. I—IV. Göttingen — Berlin — Frankfurt a/M., 1957—1963; см. также G. W. F. Hallgarten. Fritz von Holsteins Geheimnis. Neues Licht auf die Lebensgeschichte der «Grauen Eminenz». — «Historische Zeitschrift», 1954, Bd. 177, S. 75—83.

фактов внутренней политики и классовой борьбы в Германии, внешней политики и дипломатии германского империализма в общей связи с его колониальной политикой и политикой других империалистических держав заключает в себе ряд крупных преимуществ: во-первых, это позволяет исследователю развернуть перед читателем историческую панораму последовательно и в соответствии с объективным ходом исторических событий; во-вторых, историк сможет рассматривать внутреннюю и внешнюю политику данного государства в их взаимозависимости и в самой непосредственной связи с общей системой государств, которая никогда не бывает стабильна, а постоянно претерпевает изменения¹⁷; в-третьих, при таком рассмотрении исторических событий наиболее наглядно и конкретно выступает одна из основных закономерностей капитализма, усугубляющаяся в период его вступления в империализм,— крайнее обострение неравномерности его развития¹⁸. С этой точки зрения проблематика внешней политики и дипломатии германского империализма в начале XX в. является как бы продолжением проблематики предшествующих лет, но вместе с тем она содержит и много нового как в теоретическом, так и в конкретно-историческом плане. Вот почему исходной позицией в анализе внешней политики и дипломатии германского империализма нового периода является не смена фигур на посту рейхсканцлера — отставка Гогенлоэ и приход Бюлова,— а мировой экономический кризис 1900—1903 гг.

Этот кризис, развитие которого в разных странах происходило неравномерно, имел огромные последствия. Экономический аспект кризиса хорошо изучен¹⁹. Но кризис 1900—1903 гг., который прошел, по выражению В. И. Ленина, «всецело под знаком картелей»²⁰, в особенности в Германии, имел огромные внутривнутриполитические и внешнеполитические последствия, и чтобы раскрыть глубокие взаимосвязи этих исторических явлений, нужно привлечь большой и широкий круг источников различного происхождения.

Придавая первостепенное значение вопросу об экономическом и политическом влиянии монополий, я счел необходимым прежде всего разыскивать материалы по истории немецких банков, картелей и трестов, военных концернов типа Круппа, Германского союза предпринимателей, Союза сельских хозяев, колониальных организаций, т. е. тех организаций господствующих классов, которые оказывали огромное влияние на политику германского правительства. Такие документы были обнаружены частью в Германском центральном архиве в Потсдаме, частью в бывшем Прусском архиве в Мерзебурге, частью в коллекциях Германского экономического института в Берлине, где, кстати сказать, хранится и часть фонда «Немецкого банка». В совокупности эти материалы показывают, как глубоко был прав В. И. Ленин, говоря о возросшей и качественно новой роли монополий в период кризиса 1900—1903 гг. Документы позволяют раскрыть картину огромного непосредственного влияния юнкерства и монополий на внутреннюю политику государства²¹, в особенности в отношении рабочего класса²² и в польском вопросе.

¹⁷ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 80; Соч., изд. 4-е, т. 35, стр. 215.

¹⁸ См. об этом А. С. Ерусалимский. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века, стр. 555.

¹⁹ «Мировые экономические кризисы 1848—1935», т. I. Под ред. Е. Варги. Ж., 1937; И. Трахтенберг. Денежные кризисы (1821—1938). М., 1939; Л. А. Мендельсон. Теория и история экономических кризисов и циклов, т. 1—3. М., 1959—1964.

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 28, стр. 47.

²¹ См., например, DZA Potsdam, Akten der Reichskanzlei betreffend die Mittellandskanäle; DZA Merseburg, Staatsministerium, Sitzungsprotokolle; Die Polenpolitik; Zolltarifberatungen и др.

²² DZA Potsdam, Akten der Reichskanzlei betreffend Sozialdemokraten.

а также их влияния на внешнюю политику — и прямо и косвенно — через буржуазные и юнкерские партии в рейхстаге и вне его²³, наконец, их воздействие на прессу, причем не только в самой Германии, но и в других странах²⁴.

Особое значение имеет вопрос о политической роли Пангерманского союза — идеологического штаба наиболее агрессивных кругов германского империализма. Буржуазная литература явно искаженно освещает этот вопрос²⁵. Изучение главного органа Пангерманского союза — «*Alldeutsche Blätter*», ряда изданных им памфлетов, наконец, архивных документов, дает возможность исследователю-марксисту вскрыть связи Пангерманского союза с крупными монополиями, руководящими кругами буржуазных и юнкерских партий и с правительственными инстанциями. Это важно не только для уяснения конкретного содержания империалистической концепции «Срединной Европы»²⁶, но и вообще широких экспансионистских планов германского империализма как в Европе, так и на других континентах.

Архивные материалы позволяют более конкретно обрисовать борьбу в лагере господствующих классов: между юнкерством, занимавшим ключевые позиции в государственном аппарате и армии, и буржуазией, между отдельными группами финансовой олигархии, между отдельными монополиями и их группами, формировавшимися в определенных отраслях промышленности (например, в угольной, сталелитейной, судостроительной). Вместе с тем документы раскрывают сущность так называемой «*Sammlungspolitik*» — реакционной «политики сплочения» буржуазии и юнкерства для совместной борьбы против рабочего класса и социал-демократической партии, а также в интересах роста милитаризма²⁷, осуществления огромной военно-морской программы²⁸ и агрессивной внешней политики. Наряду с многотомными протоколами германского рейхстага²⁹, материалы Потсдамского и Мерзебургского архивов, в частности неопубликованные протоколы заседаний прусского министерства, помогают восстановить достаточно подробную картину перегруппировки юнкерских и буржуазных партий³⁰, борьбу между ними и внутри них по вопросам, связанным с дальнейшим ростом милитаризма³¹, в частности со строительством военно-морского

²³ Попытки западногерманской историографии осветить этот вопрос носят тенденциозно-апологетический характер. См., например, O. E. Schüdddekopf. *Die deutsche Innenpolitik im letzten Jahrhundert und der konservative Gedanke. Die Zusammenhänge zwischen Aussenpolitik, innerer Staatsführung und Parteigeschichte, dargestellt an der Geschichte der Konservativen Partei von 1807 bis 1918.* Braunschweig, 1951; K. Buchheim. *Geschichte der christlichen Parteien in Deutschland.* München, 1953.

²⁴ См., например, G. Heidorn. *Monopole — Presse — Krieg. Die Rolle der Presse bei der Vorbereitung des I. Weltkrieges.* Berlin, 1960, а также P. R. Anderson. *The Background of Anti-English Feeling in Germany. 1890—1902.* Washington, 1939; E. M. Carroll. *Germany and the Great Powers. 1866—1914. A Study in Public Opinion and Foreign Policy.* New York, 1938; O. J. Hale. *Publicity and Diplomacy. With Special Reference to England and Germany, 1890—1914.* New York — London, 1940.

²⁵ См., например, L. Werner. *Der Alldeutsche Verband 1890—1918.* Berlin, 1935; A. Kruck. *Geschichte des Alldeutschen Verbandes 1890—1939.* Wiesbaden, 1954.

²⁶ См. H. C. Meyer. *Mitteleuropa in German Thought and Action 1815—1945.* Hague, 1955; J. Pajewski. «*Mitteleuropa*...» Poznań, 1959.

²⁷ См. G. Craig. *The Politics of the prussian Army. 1640—1945.* Oxford, 1955.

²⁸ Западногерманская историография снова проявляет внимание к этому вопросу. См., например, W. Hubatsch. *Die Ara Tirpitz. Studien zur deutschen Marinepolitik 1890—1918.* Göttingen — Berlin — Frankfurt a/M., 1955; он же. *Der Admiralstab und die Obersten Marienebehörden in Deutschland 1848—1945.* Frankfurt a/M., 1958; «*Weltmachtstreben und Flottenbau*». Witten — Ruhr, 1956.

²⁹ См. «*Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstages*».

³⁰ DZA Merseburg, Akten der Reichskanzlei betreffend politische Parteien.

³¹ DZA Potsdam, Akten der Reichskanzlei betreffend Friedenspräsenzstärke des deutschen Heeres.

«флота»³², и по другим проблемам «мировой политики» германского империализма.

Вторая, не менее важная сторона дела заключается в том, что указанные источники позволяют показать широкую панораму экспансии германского финансового капитала в самых различных направлениях. Не всегда германский капитал выступал под флагом своего государства, и требуется детальный анализ, чтобы раскрыть, как под маркой, например, английского финансового института или даже в космополитическом облике международной монополии действуют те, кто, выступая на арене политической пропаганды, провозглашал: «Deutschland, Deutschland über alles!» При ближайшем рассмотрении оказывается, что «über alles» — «превыше всего» — они ставили свои дивиденды, во имя которых не раз заставляли правительство, по выражению Бюлова, «бить в национальный барабан».

Следует особо подчеркнуть, что столкновение финансового капитала Англии и Германии — борьба между отдельными группами в рамках уже сложившихся международных монополий, все более расширяющееся соперничество и на главных и на второстепенных театрах мировой политики на всех континентах мира (за исключением Австралии) — стало в начале XX в. доминирующим империалистическим антагонизмом, во многом определявшим общую расстановку сил на международной арене. Но нужно иметь в виду, что развитие этого антагонизма не было прямолинейным процессом, ибо наряду со столкновениями двух мировых хищников в ряде случаев их интересы переплетались как в области экономической (например, в международных монополиях), так и в области политической (например, в борьбе против движения колониальных и полуколониальных народов), а порой и в области дипломатической (например, с целью изоляции общих соперников).

Развитие англо-германского империалистического антагонизма в начале XX в. — несомненный исторический факт, и только современные идеологи западной ориентации германского империализма и апологеты политики НАТО пытаются это оспаривать³³. В частности, развитие этого антагонизма объясняет во многом историю дипломатических переговоров между Англией и Германией по вопросу о союзе против России — переговоров, которые протекали на протяжении всего 1901 г., являясь преддверием англо-японского союза 1902 г. Теперь даже буржуазная историография не принимает всерьез ранее весьма распространенного представления, будто в основе неудачи этих переговоров лежало «великое „нет“ Гольштейна»³⁴. Даже Мейнеке, Риттер³⁵ и другие столпы буржуазной историографии при всем различии их взглядов пришли к выводу, что необходимо искать объективные условия, предопределившие крах проектов англо-германского союза и дальнейшее разветвление англо-германского соперничества.

Решение проблемы следует, однако, искать не в дипломатической истории³⁶, а в анализе тех глубинных процессов, которые происходили в сфере экономических и политических взаимоотношений между господствующими классами Англии и Германии, в частности и в особенности между германскими и британскими монополиями. Полезная

³² DZA Potsdam, Akten der Reichskanzlei betreffend Flottengesetz.

³³ H. Aubin. Abendland, Reich, Deutschland und Europa. — «Schicksalsfragen der Gegenwart. Handbuch politisch-historischer Bildung», Bd. I. Tübingen, 1957, S. 29 ff.

³⁴ E. Fischer. Holsteins grosses Nein. Die deutsch-englischen Bündnisverhandlungen 1898—1901. Berlin, 1925.

³⁵ F. Meinecke. Geschichte des deutsch-englischen Bündnisproblems 1890—1901. München — Berlin, 1927; G. Ritter. Die Legende von der verschmähten englischen Freundschaft 1898—1901. Freiburg, 1929.

³⁶ См., например, O. Hauser. Deutschland und der englisch-russische Gegensatz 1900—1904. Göttingen, 1958.

работа Р. Гофмана³⁷ рисует развитие торгового соперничества, но эта картина недостаточна для выяснения характера империалистических противоречий. Э. Кер в своей книге³⁸ освещает роль германских монополий в развитии морского соперничества, дает анализ борьбы партий в Германии по вопросу о строительстве военно-морского флота, однако он ограничен не только тематикой и хронологическими рамками, но и некоторыми исходными методологическими позициями. Нужно идти дальше и глубже, идти по пути, указанному В. И. Лениным в его «Тетрадах по империализму». Только монографическое исследование и разработка новых архивных материалов могут расширить наши конкретные представления об этой сложной проблеме.

Насколько сложна проблема англо-германских противоречий, если рассматривать ее не в общем, а в конкретно-историческом выражении, показывают события 1900 г., когда под влиянием экономического кризиса и в поисках выхода из него усилились экспансионистские устремления империализма. Воспользовавшись англо-бурской войной, германский империализм увеличил свою активность в Турции и в Китае, где под видом сотрудничества и даже соглашения с Англией стремился оттеснить ее и расширить собственное влияние. Под флагом борьбы против «желтой опасности» правящие круги Германии приняли активное участие в международной военной интервенции с целью удушения в Китае народного движения ихэтуаней и последующего ограбления страны³⁹. Но кто был подлинным вдохновителем этой интервенции? В чьих интересах она проводилась? Какие цели, близкие и дальние, она преследовала? Чтобы ответить на эти вопросы, нужно было прежде всего внимательно изучить другие вопросы — о позициях, завоеванных к тому времени германскими монополиями в Китае, о методах, целях и планах их дальнейшего проникновения в эту страну.

Трудность такой задачи тем более велика, что издатели большой германской публикации дипломатических документов, посвятив целый том «беспорядкам в Китае»⁴⁰, приложили немало усилий, чтобы (как это удалось теперь установить) скрыть одни документы, фальсифицировать другие и не дать в целом объективного представления о подлинной роли германского империализма и милитаризма в удушении Китая⁴¹. В данном случае некоторые обстоятельства благоприятствовали привлечению новых архивных материалов, прежде всего документов архива миссий и консульств Германской империи в Китае. Эти материалы я нашел в Потсдаме в еще неразобранном виде⁴². Технически разработка их была очень трудна, но результаты не могли не принести творческого удовлетворения. Прежде всего удалось заглянуть в сложный процесс проникновения германских монополий в Китай, установить подлинную роль «Шаньдунского синдиката», за спиной которого стояли крупней-

³⁷ R. J. Hoffman. Great Britain and the German Trade Rivalry 1875—1914. Philadelphia — London, 1933.

³⁸ E. Kehr. Schlachtfloottenbau und Parteipolitik 1894—1901. Berlin, 1930.

³⁹ См. А. С. Ерусалимский. Германский империализм и подготовка международной интервенции в Китае в 1900 г. — «Народы Азии и Африки», 1961, № 4 (перев. на нем. яз.: Der deutsche Imperialismus und die diplomatische Vorbereitung der internationalen Intervention in China im Jahre 1900. — «Die Volksmassen Gestalter der Geschichte». Berlin, 1962); он же. Поход Сеймура и его провал. — «Международные отношения. Политика. Дипломатия XVI—XX вв. Сборник статей к 80-летию академика И. М. Майского». М., 1964.

⁴⁰ GbP, Bd. XVI. Berlin, 1927.

⁴¹ См., например, F. Klein. Über die Verfälschung der historischen Wahrheit in der Aktenpublikation «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914». — «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1959, H. 2, S. 318—330; он же. Zur Chinapolitik des deutschen Imperialismus im Jahre 1900. — «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1960, H. 4, S. 817—843.

⁴² DZA Potsdam, Die deutsche Gesandtschaft in China.

шие немецкие банки, частично связанные, между прочим, с английским капиталом, а также Крупп и другие магнаты тяжелой промышленности. Эти материалы при сопоставлении их с другими⁴³ позволили также установить, какие группы германского финансового капитала были заинтересованы в том, чтобы, основываясь на соглашении с Англией, добиться проникновения в богатейший бассейн р. Янцзы. Материалы германской миссии и консульств в Китае содержат данные и о внутреннем положении в Китае (о движении ихэтуаней, о борьбе группировок при китайском дворе, о позиции губернаторов провинций и т. д.). Но, разумеется, этих сведений оказалось недостаточно, и пришлось обратиться к материалам советских архивов — Архива внешней политики России МИД СССР, Центрального государственного военно-исторического архива, Центрального государственного исторического архива в Ленинграде, Центрального государственного архива военно-морского флота в Ленинграде. Важными являются и исторические документы, изданные в Китае⁴⁴.

Все источники в совокупности при критическом их изучении дают возможность осветить следующие вопросы: борьбу империалистических держав за раздел Китая и проникновение германских монополий в эту страну⁴⁵; роль германского империализма в дипломатической подготовке международной интервенции в Китае; роль германского милитаризма в проведении военной интервенции и борьба немецкого рабочего класса против интервенции; германские монополии и «мирные» переговоры держав с Китаем об условиях его закабаления; место Китая в «мировой политике» германского империализма. Таким образом, вопрос о роли германских монополий в борьбе за закабаление Китая и их влиянии на внешнюю политику и дипломатию правительства решается теперь почти исчерпывающим образом.

Труднее было найти нити, которые связывали милитаристские круги, в особенности генеральный штаб, с монополиями и правительством. Официальный отчет о военной экспедиции в Китае в 1900—1901 гг.⁴⁶ был составлен не генеральным штабом, а военно-морским ведомством, что, разумеется, не могло не отразиться на его содержании. Согласно косвенным данным — воспоминаниям бывшего прусского военного министра генерал-полковника Эйнема⁴⁷, — планы организации военной экспедиции против Китая уже давно лежали заготовленными в папках генерального штаба и прусского военного министерства и германские милитаристы ждали только подходящего случая, чтобы приступить к их осуществлению. Такие же настроения царили в руководящих кругах ведомства иностранных дел. Маг и кудесник этого ведомства всесильный Гольштейн, который тайне искусно играл на бирже (в частности, имея на руках и акции банков, заинтересованных в китайских делах), находился, по образному выражению Бюлова, в таком состоянии, «какое бывает у старой эскадронной лошади, когда она слышит звуки трубы и сигнал „галоп“»⁴⁸. Известно также, что Гольштейн находился в тесном контакте с начальником германского генерального штаба Шлиффеном⁴⁹, однако непосредственная роль

⁴³ DZA Potsdam, Auswärtiges Amt, Bd. 3533, 8466, 12976, 12991 и. а.; DZA Merseburg, Rep. 89H, Auswärtige Sachen.

⁴⁴ «Ихэтуань данань шилияо» («Архивные материалы о движении ихэтуаней»), т. 1. Шанхай, 1959.

⁴⁵ См. ниже: «Германские монополии в Китае на рубеже XIX—XX веков».

⁴⁶ «Die Deutsche Marine während der Chinawirren». Berlin, 1903.

⁴⁷ Generaloberst K. Einem. Erinnerungen eines Soldaten 1853—1933. Leipzig, 1934.

⁴⁸ B. v. Bülow. Denkwürdigkeiten, Bd. I. Berlin, 1930, S. 367.

⁴⁹ См. А. С. Ерусалимский. Указ. соч., стр. 70; H. Lohmeyer. Die Politik des Zweiten Reiches 1871—1918, Bd. I, S. 220; Bd. II, S. 87; P. Rassow. Schlieffen und Holstein.— «Historische Zeitschrift», 1952, Bd. 173, S. 297—313.

Шлиффена и его ведомства в организации интервенции в Китае оставалась неясной.

Главное затруднение в установлении необходимых документированных фактов состоит в том, что в «Die Grosse Politik» соответствующие документы не включены, архив прусского генерального штаба и военного министерства полностью сгорел в 1945 г., а досье ведомства иностранных дел, сохранившиеся в Потсдамском архиве, касаются лишь технических вопросов и личного состава экспедиции. Между тем ясно, что и на генеральный штаб — мозг германского милитаризма — распространилась та специфическая атмосфера алчности и авантюризма, которой уже охвачена была вся элита германского финансового капитала и дипломатии. «Если мы хотим быть совсем честными, — признавался генерал Мольтке в письме к жене, — то это жадность до денег побудила нас разрезать большой китайский пирог. Мы хотим зарабатывать деньги, строить железные дороги, пускать в ход горные предприятия, нести европейскую культуру — все это может быть выражено одним словом: обогащаться. В этом мы несколько не лучше англичан в Трансваале»⁵⁰. Подобные угрызания совести будущего начальника генерального штаба не помешали ему, однако, сожалеть, что не на его долю выпала обязанность возглавлять военную экспедицию, которая должна была принести значительные выгоды. Как известно, выбор пал на бывшего начальника генерального штаба фельдмаршала Вальдерзее, который оставил кровавый след в истории Китая. Но не многие знают, что его трехтомные воспоминания⁵¹ опубликованы с большими, искажающими смысл купюрами. Мало известно и другое: подобно тому, как контрибуция, полученная с Франции, была затрачена на усиление германской армии, так контрибуция, которую Вальдерзее должен был сорвать с Китая, предназначалась для покрытия расходов по строительству военно-морского флота — орудия борьбы германского империализма за мировое господство. И еще менее известна роль генерала Шлиффена, который тогда являлся начальником генерального штаба и донныне остался кумиром германского милитаризма⁵².

Наши поиски в немецких архивах ни к чему не привели; удалось только установить некоторые косвенные данные о том, что в дни организации интервенции против Китая генерал Шлиффен встречался с русским военным агентом в Берлине графом Ностицем. Тогда поиски источников были перенесены в Центральный государственный военно-исторический архив в Москве; здесь и были, в конце концов, обнаружены личные письма, врученные Шлиффеном Ностицу для передачи в русский генеральный штаб. Они показывают, что, разрабатывая планы войны на два фронта — против Франции и России, — Шлиффен одновременно принимал участие и в организации военной интервенции против китайского народа. Они свидетельствуют также о том, что, несмотря на рост противоречий между русским и германским империализмом, когда вставала задача удущения национально-освободительного движения, генеральные штабы Германии и России устанавливали друг с другом очень тесные отношения.

При изучении истории внешней политики германского империализма в начале XX в. проблема национально-освободительного движения колониальных и полуколониальных народов должна занимать самостоятельное место. Это относится не только к Китаю, но и к другим районам экспансии германских монополий.

Рассмотрение конкретных форм и направлений этой экспансии показывает, что идея «мировой политики», провозглашенная руководящими

⁵⁰ H. v. Moltke. Erinnerungen. Briefe. Dokumente. 1877—1916. Stuttgart, 1922.

⁵¹ A. Waldersee. Denkwürdigkeiten. Hrsg. v. H. O. Meisner, Bd. I—III. Stuttgart — Berlin, 1923—1925.

⁵² G. Ritter. Der Schliffen-Plan. Kritik eines Mythos. München, 1956.

кругами германского империализма, вовсе не была только призывом или программой на будущее. Уже в начале XX в. она имела конкретное содержание и реальное основание. Речь идет в первую очередь о проникновении германского капитала и об усилении экономического, политического и военного влияния германского империализма в Турции и на всем Ближнем Востоке, в особенности в связи с концессией на строительство Багдадской железной дороги⁵³. Планы создания «Германской империи в Южной Африке» или «Германской империи в Южной Америке», которые с большим глубокомыслием излагались на страницах главного органа Пангерманского союза⁵⁴, на первый взгляд могут показаться фантазмагорией, тем более, что официальная германская публикация дипломатических документов совершенно не освещает политики германского империализма в этих районах земного шара. Однако изучение материалов немецких архивов дает основание для иной оценки. Наряду с проникновением в Китай, на Балканы и в Переднюю Азию, а также в Марокко и отчасти в другие страны Северной Африки, германские монополии в начале XX в. сумели создать себе «опорные пункты» в Южной Африке и в Латинской Америке.

В первом случае речь идет не только об африканских колониальных владениях, которые Германия успела захватить в конце XIX в., но и в известной степени о колониальных владениях Англии и Португалии. Новые документы показывают, что банк «Учетное общество» и другие влиятельные группы германского капитала, действуя в блоке с Пангерманским союзом, отнюдь не отказались от своих обширных планов в Южной Африке. После англо-бурской войны их активность в Южной Африке опять возросла⁵⁵. В частности, это объясняет их действия в Португальской Анголе, которую они надеялись поделить с Англией. Здесь, в Южной Африке, хотя и не так явственно, как в Северной Африке (в Марокко)⁵⁶, стал складываться новый крупный узел англо-германских империалистических противоречий.

Но если в Марокко германский империализм был вынужден считаться с сопротивлением своих объединившихся соперников — Англии и Франции, которые привели в движение все рычаги финансового и дипломатического влияния и, в конце концов, на международной конференции в Альхесирасе добились изоляции Германии⁵⁷, то в Южной Африке германский империализм был вынужден считаться с сопротивлением колониальных народов, восстание которых нанесло серьезный удар не только по престижу Германии, но и по ее политическим позициям на всем африканском континенте. Материалы о героическом восстании гереро, почерпнутые в немецких архивах⁵⁸, раскрывают черные страницы германского колониализма, вдохновителем которого были влиятельные немецкие монополии и «Колониальный союз». Но они показывают также и возрастающую роль сопротивления народов, даже самых отсталых. Уже в начале XX в. народы Африки выступали с оружием в руках против неслыханной эксплуатации и зверского угнетения. И только на фоне этих важнейших событий можно понять развитие отношений между Англией и Германией в Африке, как в Северной, так и в Южной.

⁵³ АВПР, ф. Канцелярии, д. 17, 27, 38 и др.; ф. Политархива, д. 231 и др.; DZA Potsdam, Auswärtiges Amt. Akten betreffend die Beteiligung deutschen Kapitals bei der Orienteisenbahn und die wirtschaftliche Bedeutung Kleinasiens.

⁵⁴ См. «Alldeutsche Blätter», 1898, 1899, 1900.

⁵⁵ DZA Potsdam, Reichskanzlei. Südwestafrika 1905—1907; Auswärtiges Amt, Bd. 5312 Handelsverhältnisse mit den britischen Besitzungen in Südafrika.

⁵⁶ DZA Potsdam, Reichskanzlei. Akten betreffend Flottengesetz. Kriegsmarine.

⁵⁷ См. ниже: «Дипломатическая подготовка мировой войны 1914—1918 гг.».

⁵⁸ DZA Potsdam, Auswärtiges Amt. Kolonialabteilung. Kolonialgesellschaft; Reichskanzlei: Akten betreffend militärische Expedition nach Südwestafrika; Reichskanzlei: Südwestafrika.

Другим крупным опорным пунктом экспансии германского империализма в начале XX в. стала Латинская Америка. Венесуэльский кризис в 1902 г., вызванный тем, что германские монополии решили выбивать проценты по займам и дивиденды при помощи военной интервенции, во все не был преходящим событием местного значения, и тот факт, что к берегам Венесуэлы было послано всего лишь военно-учебное судно, не дает оснований преуменьшать широкие планы, которые уже тогда вынашивались руководящими кругами германского империализма. Историческое место Венесуэльского кризиса становится более значительным, если его причины, ход, а главное результаты рассматривать в общей связи с германской политикой в отношении Англии, США и стран Латинской Америки. А. Вагтс в своем большом исследовании, трудно читаемом, но насыщенном большим количеством фактов, дает серьезный анализ германо-американских отношений, преимущественно экономических; соответственно он опирался главным образом на материалы экономической прессы, конгресса и рейхстага⁵⁹. Однако документы советских и немецких архивов дают возможность сделать более глубокие выводы и по политическим вопросам. Источники показывают, что, толкая германское правительство и его дипломатию на провоцирование кризиса в Венесуэле⁶⁰, крупные немецкие фирмы, банки и монополии нацеливались на развертывание экспансии и в другие страны Латинской Америки, и прежде всего в Аргентину, Бразилию, а также в Мексику⁶¹. Экспансия проводилась в очень своеобразных формах: в ряде случаев германские монополии выступали не открыто и самостоятельно, а под покровом международных монополий, при содействии или противодействии английских или американских монополий. Ясно, что борьба между этими монополиями и внутри них во многом определила развитие англо-германских и германо-американских отношений и противоречий. Экономическое и политическое значение этих последних, разумеется, не ограничивалось Латинской Америкой. И это сразу раздвигает исторические рамки проблемы в целом. Сосредоточивая свои усилия на изучении главного империалистического противоречия в начале XX в. — между Англией и Германией, мы невольно отодвигаем на второй план изучение германо-американских противоречий того периода и тем самым в значительной степени упрощаем вопрос о происхождении первой мировой войны.

Эта тема непосредственно связана не только с проблемой политических союзов, но и с вопросом об экономическом разделе мира. В. И. Ленин писал: «Эпоха новейшего капитализма показывает нам, что между союзами капиталистов складываются известные отношения *на почве* экономического раздела мира, а рядом с этим, в связи с этим между политическими союзами, государствами, складываются известные отношения на почве территориального раздела мира, борьбы за колонии, „борьбы за хозяйственную территорию“»⁶². В. И. Ленин придавал этой проблеме исключительно большое значение и притом не только историческое, но и теоретическое. В своем труде «Империализм, как высшая стадия капитализма» Ленин указывает на следующий пример того, как рост концентрации капитала привел к разделу мира в рамках крупнейшей международной монополии в области торгового судоходства:

«В Германии выделились два крупнейших общества: „Гамбург — Америка“ и „Северогерманский Ллойд“, оба с капиталом по 200 млн.

⁵⁹ A. V a g t s. Deutschland und die Vereinigten Staaten in der Weltpolitik, Bd. I—II. London, 1935.

⁶⁰ АВПР. ф. Канцелярии, д. 14; ЦГИАЛ, ф. 40, оп. 1, д. 89.

⁶¹ DZA Potsdam, Auswärtiges Amt, Bd. 21, № 8462.

⁶² В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 373.

марок... С другой стороны, в Америке 1 января 1903 г. образовался так называемый трест Моргана, „Международная компания морской торговли“, объединяющая американские и английские судоходные компании... Уже в 1903 году между германскими колоссами и этим американо-английским трестом заключен был договор о разделе мира в связи с разделом прибыли. Немецкие общества отказались от конкуренции в деле перевозок между Англией и Америкой. Было точно установлено, кому какие гавани „предоставляются“, был создан общий контрольный комитет и т. д. ...

Международные картели показывают, до какой степени выросли теперь капиталистические монополии и *из-за чего* идет борьба между союзами капиталистов. Это последнее обстоятельство есть самое важное; только оно выясняет нам историко-экономический смысл происходящего, ибо *форма* борьбы может меняться и меняется постоянно... но *сущность* борьбы, ее классовое *содержание* прямо-таки *не может* измениться, пока существуют классы»⁶³.

Приступая к изучению германо-американских отношений в начале XX в., мы, естественно, не могли не лелеять надежду, что рано или поздно удастся обнаружить документы, которые раскроют историю этой первой международной крупнейшей монополии в области морского судоходства, имевшей, как показал В. И. Ленин, столь большое значение. И вот в результате длительных поисков эти документы нами найдены⁶⁴. Они полностью подтверждают не только самый факт относящегося к столь раннему периоду международного соглашения между крупнейшими германскими и американскими монополиями по вопросу о судоходстве на Атлантическом океане, но и общую оценку, которую В. И. Ленин дал этому соглашению, как одному из характерных проявлений империалистической борьбы. Найденные документы расширяют также наши представления об упомянутом соглашении как в хронологическом отношении, так и в смысле его внутреннего содержания. Документы показывают, что переговоры о германо-американском соглашении, достигнутом в 1903 г., начались в 1901 г. Они показывают наличие серьезных противоречий не только между германской группой, с одной стороны, и американской группой Моргана — с другой, но и внутри самой германской группы — между «Гамбург-Американской линией» Баллина и «Северогерманским Ллойдом». Они доказывают далее, что кайзер, германское правительство и германская дипломатия с самого начала принимали активное участие в этой сделке крупнейших монополий и что кампания об «американской опасности», поднятая в германской прессе, была инспирирована правительством и немецкими монополиями.

Но как бы ни оценивать вопрос о создании крупной германо-американской монополии с участием английского капитала в плане экономического, уже теперь можно сделать по меньшей мере два важных вывода. Во-первых, упоминаемая В. И. Лениным монополия Морган — Баллин уже в то время вовсе не являлась единственной; материал, собранный ими в немецких архивах, показывает, что в начале века создавались, распадались и вновь возникали и другие международные монополии, причем германский капитал пытался с их помощью проникнуть на американский финансовый рынок, а американский — на германский. Эта борьба вызывала серьезную экономическую и политическую реакцию в самой Германии. Мы имеем в виду заинтересованность аграриев в противодействии экспансии американской продукции сельского хозяйства и связанный с этим комплекс вопросов внешнеторговой

⁶³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 370, 372.

⁶⁴ DZA Potsdam, Auswärtiges Amt. Plan des Pierpont Morgan, Bd. I—X.

политики (усиление протекционизма и т. д.). Мы имеем далее в виду возникавшие на экономической почве комбинации интересов как аграриев, так и некоторых групп финансовой олигархии, вступивших в сотрудничество или в соперничество с американским империализмом. Эти меняющиеся комбинации экономических интересов в известной степени и в определенные моменты отражались на ходе борьбы классов партий в Германии как по вопросам внутренней, так и по вопросам внешней политики. Наконец, комплекс экономических и политических взаимоотношений между двумя молодыми империалистическими державами — Германией и США⁶⁵ становился существенным фактором в общей расстановке сил на мировой арене, притом не только в Европе, но и в Азии и в Южной Америке.

Таким образом, проблема германо-американских противоречий должна быть включена в анализ всей системы международных отношений. Мы убеждаемся, что следует значительно расширить общий круг проблем, относящихся к истории возникновения мировой войны 1914—1918 гг. В основе мировой войны лежали антагонизмы мирового масштаба.

Разумеется, это вовсе не означает отхода от установившейся проблематики, касающейся взаимоотношений империалистической Германии с европейскими державами — как с ее союзниками Австро-Венгрией и Италией⁶⁶, так и с входившими в противостоящий военный блок Россией и Францией. Наоборот, рассмотрение всего комплекса мировых империалистических антагонизмов в начале XX в. помогает глубже понять исторические корни вспыхнувшей в 1914 г. мировой войны. Она развернулась на европейском континенте, но генезис ее следует искать в глубине мировых противоречий империализма. Что касается империалистических блоков, сложившихся в Европе в конце XIX — начале XX в., то и они возникли на базе не только европейских, но и мировых противоречий. Проблема военных блоков остается весьма актуальной и исторически и политически, и история германского военного блока до сих пор не написана. Нельзя забывать, что, развернув в начале XX в. строительство крупного военно-морского флота, германский милитаризм как раз в это время завершил разработку планов войны на два фронта.

С другой стороны, именно в начале XX в., в период русско-японской войны и русской революции 1905—1907 гг., в мире произошла серьезная и глубокая перегруппировка системы государств, что, в частности, сказалось на русско-германских отношениях. Дипломатическая сторона этих отношений хорошо освещается материалами советских и немецких архивов и публикаций документов, а также рядом исследований⁶⁷. Что касается экономической и классовой подоплеки этих отношений, то материалы Центрального государственного исторического архива в Ленинграде (в особенности, фонда Министерства торговли и промышленности), а также материалы Пангерманского союза и предпринимательских организаций Германии раскрывают реальные основы борьбы классов по вопросу об отношении к России. Так, история русско-германского торгового договора 1904 г.⁶⁸, вопрос, который игнорируется в большой германской публикации дипломатических документов, многое раскрывает в диалектике взаимоотношений германских монополий и юнкер-

⁶⁵ DZA Potsdam, Auswärtiges Amt. Handelsverhältnisse mit den Vereinigten Staaten von Amerika, Bd. 70 и. а.

⁶⁶ АВПР, ф. Канцелярии, д. 17, 105, 106 и др.

⁶⁷ См., например, Б. А. Романов. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895—1907. М.—Л., 1955.

⁶⁸ См. ЦГИАЛ, ф. 40, оп. 1, д. 89.

ства, их внутренних противоречий, переплетенности интересов в борьбе против немецкого рабочего класса и в обеспечении политики экспансии на Восток.

При анализе изменений, происшедших в начале XX в. в системе государств, и в частности в русско-германских отношениях, экономический и дипломатический аспекты не могут исчерпать всей проблемы. Тут следует учесть огромные революционные потрясения, которые произошли в России и которые изменили роль России в системе государств по сравнению с тем, что было в конце XIX в. Поражение России в Крымской войне привело к тому, что наметился процесс ослабления самодержавной России как оплота реакции в Европе. Но этот процесс не был прямолинейным. В частности, франко-прусская война, завершившаяся объединением германской империи и присоединением к ней двух французских областей — Эльзаса и Лотарингии, внесла существенные изменения в международное положение царской России. Эта война и ее результаты поставили правящие круги России перед достаточно реальным, хотя и не сразу вполне осознанным, фактом появления на западных границах экономически более сильного милитаристского государства, а с другой стороны, создали царизму благоприятные возможности маневрирования и использования франко-германского антагонизма для осуществления собственных целей в области внешней политики и колониальной экспансии. Еще в 1895 г. В. И. Ленин дал объяснение этому факту: «Необыкновенно выгодное международное положение, в которое поставила Россию война 1870 года, надолго поселившая раздор между Германией и Францией, конечно, только увеличило значение самодержавной России как реакционной силы»⁶⁹. Как отметил В. И. Ленин, царизму были выгодны раздоры между Францией и Германией, в результате которых Европа в 70-х и 80-х годах XIX в. не раз оказывалась на грани войны. Но в начале XX в., когда в Германии и в других крупных капиталистических странах окончательно сформировался империализм, международное положение царской России претерпело существенные изменения: как писал В. И. Ленин, «царизм заведомо и бесспорно перестал быть главным оплотом реакции, во-1-х, вследствие поддержки его международным финансовым капиталом, особенно Франции, во-2-х, в силу 1905 года. Тогда (т. е. до империализма.— А. Е.) система крупных национальных государств — демократий Европы — несла миру демократию и социализм вопреки царизму... Теперь (т. е. к началу XX в.— А. Е.) сложилась система горстки (5—6 числом) „великих“ империалистических держав, из коих каждая угнетает чужие нации... Теперь союз царистского с передовым капиталистическим, европейским, империализмом, на базе всеобщего угнетения им ряда наций, стоит против социалистического пролетариата...

Вот в чем конкретное изменение ситуации...»⁷⁰.

Это обстоятельство ставит перед исследователем важную проблему — о роли российского пролетариата, который своей революционной волей и энергией внес глубокие изменения не только в исторические судьбы России, но и во всю систему международных отношений. А с этим связаны три других вопроса, непосредственно касающиеся внешней политики германского империализма в начале XX в.: во-первых, о влиянии революции в России на развитие рабочего социалистического движения в Германии⁷¹, во-вторых, о подготовке германского

⁶⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 14.

⁷⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 39, 40; см. также Соч., изд. 4-е, т. 35, стр. 212—216.

⁷¹ «Die Auswirkungen der ersten russischen Revolution von 1905—1907 auf Deutschland», Bd. 1—II. Hrsg. v. L. Stern. Berlin, 1954—1956.

империализма к интервенции против русской революции и, в-третьих, о борьбе международного рабочего класса против опасности мировой империалистической войны, в частности об отношении немецкого рабочего класса и социал-демократической партии к внешней политике германского империализма. Наконец, в плане большой политики на международной арене с этим связан и вопрос о взаимоотношениях между русским царизмом и крупнейшими империалистическими державами Западной Европы — Францией и Англией. Потерпевший поражение на Дальнем Востоке и ослабленный революцией русский империализм был вынужден идти на соглашение со своим исконным соперником — английским империализмом. Англо-французское, а затем и англо-русское соглашение предвещали крах внешней политики и дипломатии германского империализма, который, развертывая широкую экспансию во всех направлениях в Европе, а также во многих направлениях на других континентах, в конце концов восстановил против себя своих соперников — настоящих и потенциальных.

Сказанным не исчерпана ни проблематика темы, ни характеристика ее основных источников. Здесь только обрисовано общее направление исследования и те принципы, на которых оно зиждется. Хотелось бы лишь подчеркнуть, что марксистско-ленинская наука не может ограничиваться изложением чисто внешней, дипломатической, истории событий, а должна раскрывать глубинные процессы империализма, рассматривать события и факты экономического развития, экспансии в различных ее формах, классовой борьбы, национальных движений, внешней политики и даже идеологии империализма в их диалектической связи и взаимозависимости со всей системой государств, которая под влиянием различных факторов никогда не остается стабильной.

Путеводной нитью изучения этих глубинных и разнородных процессов в их типичности, сложности и многообразии, и притом не только с точки зрения методологии, но и методики, являются «Тетради по империализму»⁷² В. И. Ленина, которые дают возможность проникнуть в творческую лабораторию гениального ученого и революционера — основоположника подлинно научной теории империализма. Разработав эту теорию в период мировой войны 1914—1918 гг. на основе тщательного и всестороннего исследования огромного конкретного материала экономической, социальной, политической и дипломатической истории, В. И. Ленин показал, что «для Европы можно установить довольно точно время *окончательной* смены старого капитализма новым: это именно — начало XX века»⁷³. Изучение творческой лаборатории Ленина убеждает нас в том, что выработанная в ней научная концепция империализма, являясь обобщением всей суммы знаний, в основе своей чужда и по духу своему враждебна не только ревизионистским извращениям, но и догматическим формулам, лишаящим возможности адекватно понять и проникнуть в глубокий многоводный диалектический поток живой исторической жизни. Даже выработав предельно точное определение империализма, Ленин считал нужным предостеречь своих последователей и будущих исследователей, что «слишком короткие определения хотя и удобны, ибо подытоживают главное, — все же недостаточны, раз из них надо особо выводить весьма существенные черты того явления, которые надо определить»⁷⁴. Поэтому, выделив основные признаки империализма и тем самым дав этому сложному историческому явлению адекватное определение, выведенное на основе глубокого критического изучения огромного материала, собранного в работе «Им-

⁷² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 28.

⁷³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 315.

⁷⁴ Там же, стр. 386.

периализм, как высшая стадия капитализма», Ленин призывал не забывать «условного и относительного значения всех определений вообще, которые никогда не могут охватить всесторонних связей явления в его полном развитии»⁷⁵.

Задача историка внешней политики германского империализма заключается, следовательно, в том, чтобы раскрыть механизм растущего и определяющего влияния монополий, их переплетений и соперничества, их воздействия на правительство, его политику и дипломатию, равно как и противодействие других социально-экономических и политических сил, в том числе, и отнюдь не в последнюю очередь, рабочего класса. Это нелегкая задача. Но трудная задача — всегда увлекательна!

1961 г.

⁷⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 386.

ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ГЕРМАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

(О ТРУДЕ Г. ХАЛЬГАРТЕНА
«ИМПЕРИАЛИЗМ ДО 1914 ГОДА»)

Книги, как известно, имеют свою судьбу, и большой труд Георга (Джорджа) Хальгартена «Империализм до 1914 года»¹ в этом отношении не составляет исключения. Этот труд, вышедший в свет в Западной Германии после второй мировой войны, имеет, как и его автор, нелегкую судьбу.

Историческая литература, посвященная проблеме происхождения мировой войны 1914—1918 гг., необъятна, и все же каждое серьезное исследование, если оно основано на новых материалах, а тем более является опытом социологического исследования этой важной и сложной проблемы, не может не привлечь к себе внимания всякого, кто стремится осмыслить механизм империалистической экспансии и природу империалистических войн мирового масштаба. В этом смысле труд Хальгартена, посвященный анализу социологических основ и движущих сил преимущественно внешней политики германского империализма в конце XIX и в начале XX в., примечателен во многих отношениях,— и не только по своему предмету и содержанию, не только по методу, положенному в его основу, но и по тем условиям идейно-политической жизни, в которых он создавался.

Начав работать над своим трудом в середине 20-х гг., Хальгартен, в то время молодой немецкий ученый американского происхождения, на первых порах имел другую, более узкую тему — «Партии и внешняя политика». В ходе напряженной работы он изучил огромную литературу вопроса и многотомные публикации дипломатических документов, издававшиеся тогда в Советском Союзе, Германии, Англии, Австрии и Франции. Поскольку германская публикация дипломатических документов «Die grosse Politik der Europäischen Kabinette» не включает в себя материалов, которые могли бы осветить экономическую подоплеку внешней политики германского империализма, автор погрузился в изучение неопубликованных документов германского ведомства иностранных дел.

Здесь Хальгартену пришлось столкнуться с немалыми трудностями: стремясь скрыть корни, методы и цели германской империалистической экспансии, министерство иностранных дел Веймарской Германии закрыло исследователям доступ к архивным материалам даже тридцатилетней давности, в частности к особенно интересовавшим Хальгартена материалам о германской политике в Турции. Получив возможность изучить лишь небольшую часть этих материалов, Хальгартен тем более

¹ G. W. F. Hallgarten. Imperialismus vor 1914. Soziologische Darstellung der deutschen Aussenpolitik bis zum ersten Weltkrieg, Bd. I—II. München, 1951. Г. Хальгартен. Империализм до 1914 года. Социологическое исследование германской внешней политики. Перев. с нем. М., 1961.

интенсивно начал разрабатывать архив города Гамбурга. Разумеется, документы, хранящиеся в этом архиве, по своему характеру и кругу освещаемых вопросов далеко не тождественны материалам архива дипломатического ведомства, однако они представляют для исследователя особый интерес, ибо освещают роль буржуазии одного из крупнейших центров в развертывании экспансии германского капитала: гамбургские негоцианты и судовладельцы были, с одной стороны, непосредственно заинтересованы в росте германского торгового флота и в колониальной политике, а с другой — имели тесные связи с влиятельными кругами финансового капитала Англии и Соединенных Штатов Америки. Далее Хальгартен обратился к изучению неопубликованных документов военно-морского ведомства. Эти документы позволили ему ответить на важный вопрос: в какой степени магнаты германской тяжелой промышленности были связаны с правительственными кругами и оказывали влияние на планы строительства военно-морского флота как нового оружия «мировой политики» германского империализма. Наконец, в целях уяснения позиции политических партий господствующих классов — юнкерства и буржуазии — автор погрузился в изучение не только главных органов прессы различной партийной принадлежности, но и архива крупного издательского концерна «Ulstein». Много нового и интересного Хальгартен почерпнул также в архиве газеты «Kölnische Zeitung», близко стоявшей к правительственным кругам и к кругам рейнских промышленных магнатов, и в архиве «Frankfurter Zeitung» — весьма влиятельного органа финансовой и торговой буржуазии, особенно хорошо осведомленного в вопросах экономической политики и экспансии.

В ходе исследования Хальгартен пришел к выводу, что научно разработать поставленную им тему «Партии и внешняя политика», т. е. дать научный анализ подлинных мотивов борьбы политических партий по вопросам внешней политики, можно только при условии глубокого «социологического» проникновения в природу империализма вообще и германского — в данном случае.

Стремление решить эти проблемы и определило поиски новых материалов, выходящих за пределы дипломатической истории и относящихся в первую очередь к области экономических интересов господствующих классов и отдельных их групп. Так ранее намеченная тема сменилась новой, более широкой — «Империализм до 1914 года». Сама жизнь побуждала к размышлениям о характере и роли империализма, в частности германского, в период, предшествующий первой мировой войне. В те годы, когда Хальгартен социологически разрабатывал эту историческую проблему, германский империализм и его неизбежный спутник — милитаризм, потерпевшие поражение в 1918 г., сделали большой скачок на путях к своему возрождению. С другой стороны, традиционные политические партии германской буржуазии и юнкерства, борьба которых по вопросам внешней политики являлась, по первоначальному замыслу Хальгартена, главным объектом исследования, вступили к этому времени в полосу глубокого кризиса. В 1933 г., когда наиболее реакционные и агрессивные круги германского империализма утвердили в стране свое безраздельное господство в форме гитлеровской диктатуры, эти партии были распущены или дали себя унифицировать. Таким образом, в тот момент, когда Хальгартен в итоге семилетней работы в основном завершил свое исследование о движущих силах экспансионистской внешней политики германского империализма, стремясь раскрыть их роль в возникновении первой мировой войны, выяснилось, что империалистическая Германия, выступая в новой политической форме национал-социализма, сделала решающий рывок в сторону подготовки второй мировой войны.

В этих условиях труд Хальгартена не только не отвечал, но, наоборот, противоречил основным целям «третьей империи». Осуществляя эти цели, руководители и идеологи немецкого фашистского империализма, несмотря на свои демагогические выпады против «плутократии», вели беспощадную борьбу против всех демократических сил немецкого народа. Преследованиям подвергались и те честные буржуазные ученые, которые, стремясь сохранить свои научные убеждения, не считали возможным включиться в ряды адептов Геббельса и Розенберга. Хальгартен был вынужден покинуть Германию и поселиться во Франции. Здесь левые, прогрессивные круги немецкой эмиграции помогли Хальгартену в 1935 г. издать сокращенный, популярный вариант его труда под названием «Предвоенный империализм»².

В предисловии к этой книге Хальгартен отметил, что он был вынужден опубликовать сокращенный вариант своего труда потому, что издать его полностью оказалось невозможным по мотивам политического характера. Он считал, что нет необходимости заново перерабатывать материал книги, ибо со времени завершения работы над рукописью в мировой научной литературе, за исключением публикаций, изданных в Советском Союзе, не появилось новых материалов, которые могли углубить решение его основной задачи — исследовать «экономические и социальные условия, лежавшие в основе внешней политики предвоенного времени и приведшие к мировой войне». Опубликованные к тому времени новые материалы могли быть использованы только для характеристики «политической стратегии и тактики действовавших личностей». Хальгартен утверждал, что он вовсе не стремится игнорировать роль политических интересов определенных социальных сил и тех деятелей, которые эти интересы выражали или защищали. Функциональную роль политического деятеля он сравнивал с ролью адвоката, который только защищает интересы тех, кто ему поручает ведение своих дел. Вот почему Хальгартен призывал не поддаваться словам «адвокатов» — это может увлечь исследователя на путь самообмана, — а лучше и глубже рассмотреть деятельность и интересы их «клиентов, находящихся на скамье подсудимых». Здесь впервые у немецко-американского ученого прозвучали слова, открыто осуждающие империализм как подлинного виновника мировой войны.

Вышедшая во Франции книга Хальгартена вскоре привлекла к себе известное внимание, хотя и по разным мотивам, представителей не только французской исторической науки, но и американской. Французский историк П. Ренувен высоко оценил материалы, положенные в основу книги, и отметил новое освещение ряда конкретных вопросов истории международных отношений в период, предшествующий возникновению первой мировой войны. В специальных американских журналах появились рецензии, отметившие метод Хальгартена — социологический подход к изучению истории. Тем не менее основной вариант большого исследования Хальгартена оставался в рукописи. В атмосфере, когда среди правящих кругов Франции нарастало стремление к сговору с гитлеровской Германией, ни одно большое издательство не проявило заинтересованности издать крупный труд ученого — труд, задачей которого являлось стремление раскрыть социологические основы внешней политики империализма, в особенности германского. Затем, после мюнхенскогоговора западных держав с гитлеровской Германией в 1938 г., этот труд, посвященный столь острой и актуальной теме, уже не мог быть издан ни в какой стране западной «демократии».

² W. Hallgarten. Vorkriegsimperialismus. Die soziologischen Grundlagen der Aussenpolitik Europäischer Mächte bis 1914. Paris, 1935.

Дальнейший ход событий показал, что, вступив на путь развязывания новой мировой войны, германский империализм, как и в 1914 г., устремился не только на Восток, но и на Запад. В 1940 г. германская армия вторглась во Францию, и автор неизданного труда о движущих силах экспансии германского империализма был вынужден уехать за океан — в Соединенные Штаты Америки. Это, однако, не внесло изменений в трудную судьбу его книги. Несмотря на все попытки Хальгартена издать свое исследование, ни фонд Карнеги, ни какое-либо другое учреждение или издательство даже в период войны против гитлеровской Германии не оказало ему поддержки, и единственное, чего добился автор,— это микрофильмирование рукописи некоторыми университетскими библиотеками США и обеспечения своих авторских прав.

Только спустя несколько лет после разгрома гитлеровской Германии у Хальгартена впервые открылась возможность издать свой труд, однако не в США. Находясь в Соединенных Штатах, Хальгартен оставался в той атмосфере идей, в которой он сложился как ученый и исследователь,— в атмосфере идей немецкой буржуазной историографии и социологии. В 1949 г. Хальгартен получил приглашение прочесть курс лекций в Мюнхенском университете. Здесь, внося в свое исследование некоторые дополнения на основании новых публикаций (преимущественно «Documents diplomatiques français»), он начал готовить его к изданию в двух томах под общим заглавием «Империализм до 1914 года». В первые послевоенные годы, когда в результате краха идеологии германского империализма начались некоторые поиски новых путей, появление книги Хальгартена в Западной Германии стало возможно. Так, спустя почти двадцать лет после того как Хальгартен завершил в Мюнхене свое исследование, он смог его там издать,— и то лишь благодаря тому, что финансировал издание из собственных средств. Поистине, книги имеют свою судьбу...

1

Книги, как и вещи, познаются в сравнении, и для того, чтобы правильно оценить значение труда Хальгартена, следует прежде всего уяснить себе, какое место этот труд занимает в немецкой историографии и социологии новейшего времени. Историческая литература, посвященная вопросам внешней политики Германии в период от образования империи до начала первой мировой войны, поистине необъятна: один только каталог работ о Бисмарке, имеющийся в Немецкой государственной библиотеке в Берлине, составляет четыре увесистых фолианта; каталог же работ о политике Германии последующего периода еще более обширен. Многие из этих работ освещают лишь отдельные вопросы или те или иные исторические эпизоды, иногда второстепенного значения. Но имеется немало работ и обобщающего характера, а также больших трудов, посвященных рассмотрению более широких вопросов или определенных этапов истории кайзеровской Германии. Даже в том случае, когда эти работы различны по теме и кругу использованных в них источников, они, как правило, находятся в общем русле развития немецкой буржуазной историографии. В целом эта историография глубоко реакционна как по своим идейным истокам, так и по содержанию и политическим целям.

Общая концепция немецкой буржуазной историографии не возникла самопроизвольно и не родилась, подобно Афине Палладе, из головы Зевса. Не возникла она и из того потока больших публикаций документов, который стал таким широким после первой мировой войны. Наоборот, сами эти публикации издавались в интересах подтверждения и оправдания исторической концепции, которая отвечала сложившимся

интересам или идеологическим задачам господствующих классов Германии веймарских времен. После того как западные державы, продиктовав Германии Версальский договор, возложили на нее одностороннюю ответственность за возникновение первой мировой войны, немецкая буржуазная историография с большим единодушием ринулась на поиски новых фактов и документов, которые могли бы быть использованы в целях определенной политической интерпретации исторических событий, приведших к войне. Выдвинув на первый план «вопрос об ответственности за войну» («die Kriegsschuldfrage») ³, немецкая буржуазная историография стремилась не столько раскрыть причины военной схватки мирового масштаба, сколько исторически оправдать внешнеполитический курс или дипломатические зигзаги германского империализма в ходе подготовки реванша и новой мировой войны.

Вместе с тем в немецкой реакционной историографии уже давно сформировалось течение, которое подвергало германскую политику резким нападкам, считая, что эта политика, в особенности «мировая политика», была недостаточно активной и агрессивной. Еще в 1918 г., когда германский империализм уже стоял на грани военного поражения, а верховное командование в лице генерала Людендорфа было вынуждено признать, что настал «черный день» германской армии, граф Ревентлов, автор известного труда по истории внешней политики Германии, утверждал, что война была порождена военной слабостью Германии, правительство которой уже начиная с конца XIX в. не смогло обеспечить осуществления назревших и жизненно необходимых задач «мировой политики». «В этом неверном соотношении между средствами и целью,— писал Ревентлов,— заключается, по крайней мере частично, трагическая сторона различных неудач германской политики на протяжении последующего десятилетия» ⁴. После военного поражения и капитуляции Германии, когда немецкая буржуазная историография в процессе осмысления прошедших и грядущих судеб Германии была вынуждена приступить к «переоценке ценностей», она явно направила свои усилия на то, чтобы реабилитировать германский империализм и милитаризм и тем самым идеологически подготовить его возрождение. Именно тогда в реакционной историографии и публицистике сформировалось течение, усматривавшее свою главную задачу в том, чтобы доказать, что если Германия была вынуждена подписать акт о капитуляции, то вовсе не в результате поражения ее армии, а в результате революционных событий в тылу, которые «всадили нож в спину» германской армии. Так была воссоздана легенда о непобедимости германской армии, легенда, которая впоследствии была широко использована Гитлером, а ныне снова возрождается в Западной Германии.

Став на путь апологии милитаризма, немецкая реакционная историография встала и на путь апологии империализма. Вскоре после поражения германского империализма Ф. Гартунг в своей книге «Немецкая история, 1871—1919 гг.» ⁵ утверждал, что империализм — это жиз-

³ «Die Kriegsschuldfrage» — так назывался специальный журнал, издававшийся А. Вегерером и получавший субсидии от германского правительства. По материалам этого журнала можно проследить идеологию нараставшего в Германии реваншизма. В этом смысле журнал только выражал в концентрированном виде и в более откровенной форме общее политическое направление реакционной историографии по вопросам внешней политики и дипломатии Германии кайзеровских времен. Подробнее см. ниже: «Версальский тезис и его ревизия (Исторические документы как орудие политической борьбы)»; а также Ф. О. Нотович. Фашистская историография о виновниках мировой войны.— Сб. «Против фашистской фальсификации истории». Под ред. Ф. О. Нотовича. М.— Л., 1939, стр. 280—409.

⁴ E. Reventlow. Deutschlands auswärtige Politik 1888—1914. Berlin, 1918, S. 100.

⁵ F. Hartung. Deutsche Geschichte vom Frankfurter Frieden bis zum Vertrag von Versailles, 1871—1919. Bonn — Leipzig, 1924.

ненная потребность «всех здоровых народов», а расширение их господства над другими народами является тем более благотворным фактом, что завоевания, осуществленные путем милитаризма, идут об руку с торгово-политическим и духовным завоеваниями.

Но если политику германского империализма немецкая реакционная историография рассматривала с точки зрения задач экономической и территориальной экспансии и приобретения «жизненного пространства», то рост германского милитаризма она оправдывала географическим положением Германии в Европе. Она утверждала, что «срединное» положение Германии, стиснутой другими державами с востока и запада, порождало необходимость постоянного роста германских вооружений, а вместе с тем неизбежно влекло за собой перспективу войны на два фронта — опасность, которую германская дипломатия не смогла предотвратить. Этот традиционный тезис был выдвинут еще в годы первой мировой войны⁶, и Г. Онкен, один из корифеев немецкой историографии, с тех пор не раз пытался его обосновать.

В 1933 г., то есть в том году, когда Хальгартен завершил свой труд «Империализм до 1914 года», Онкен опубликовал новую большую двухтомную работу⁷, в которой подвел итоги развития буржуазной историографии послевоенного периода. Снова вернувшись, на более расширенной основе, к идее об определяющем значении «срединного» положения Германии как фактора, оправдывающего рост милитаризма в этой стране, Онкен особое внимание уделил вопросу о необходимости осуществления «мировой политики» и апологии строительства крупного военно-морского флота как оружия этой политики. Отражая общие идеи немецкой буржуазной историографии, Онкен стремился доказать, что эта политика определялась объективными, глубоко оправданными и исторически обоснованными самодовлеющими интересами германского государства, имманентно выражающего общую национальную идею немецкого народа в целом. Отсюда остался всего лишь один шаг до фашистской теории «народной общности», которой идеологи гитлеровской диктатуры прикрывали установившееся безраздельное господство монополистов и милитаристов и оправдывали кровавые репрессии против передового, наиболее сознательного отряда немецкого рабочего класса и против всех демократических сил немецкого народа.

Фашизм окончательно ликвидировал самую возможность критического мышления и научного анализа крупных исторических проблем и событий, и в немецкой историографии почти безраздельно воцарилось националистическое бахвальство и апология «геополитики» захватов и войн⁸. Так немецкая реакционная историография, вставшая на путь апологии германского империализма и милитаризма и уже давно вступившая в полосу глубокого кризиса, в конце концов зашла в тупик. Одним из примеров тому может служить развернувшаяся дискуссия по проблеме военных союзов и внешнеполитической ориентации Германии в период, предшествовавший первой мировой войне.

Эта проблема была выдвинута стремлением подменить вопрос об ответственности германского империализма за возникновение мировой войны 1914—1918 гг. вопросом о том, кто несет ответственность за его поражение в этой войне. В атмосфере, когда в немецкой историографии с новой силой утверждался культ милитаризма, поиски

⁶ H. Oncken. Das alte und das neue Mitteleuropa. Historisch-politische Betrachtungen über deutsche Bündnispolitik im Zeitalter Bismarcks und im Zeitalter des Weltkrieges. Gotha, 1917.

⁷ H. Oncken. Das Deutsche Reich und die Vorgeschichte des Weltkrieges, Bd. I—II. Leipzig, 1933.

⁸ Е. В. Тарле. «Восточное пространство» и фашистская геополитика. — Соч., т. XI. М., 1961. стр. 785—806.

ответственности за его поражение были перенесены в область дипломатической истории: речь шла о том, почему кайзеровская дипломатия не смогла предотвратить создание военной коалиции Англии, Франции и России против Германии и поставила страну перед необходимостью вести войну на два фронта. Словом, в центре дискуссии стоял вопрос, не совершила ли германская дипломатия каких-либо важных и решающих ошибок, предотвращение которых в конце концов обеспечило бы Германии благоприятную международную обстановку для войны и достижения победы. Такой, по сути дела, глубоко субъективистский подход открывал весьма широкий простор утверждению откровенного волюнтаризма и простой перетасовке исторических фактов в интересах определенных тезисов чисто политического свойства.

Сначала критика была направлена против бисмарковского творения — союза с Австро-Венгрией. Был ли этот союз выгоден для Германии, поскольку он в конце концов оборвал традиционные связи последней с царской Россией и тем самым способствовал созданию франко-русского союза? И далее, не был ли союз с Австро-Венгрией — лоскутной, многонациональной, распадающейся Габсбургской империей — жерновом на шее Германии, которая, проявив в критический момент якобы присущую ей «верность Нибелунгов», была вынуждена начать войну, приведшую к поражению империи не только Габсбургов, но и Гогенцоллернов? И, наконец, не должна ли была Германия ради обеспечения своих широких экспансионистских интересов в области «мировой политики» своевременно пересмотреть свою систему союзов, пойдя на сближение с Англией против России или на сближение с Россией против Англии? И вот в течение ряда лет многие представители немецкой буржуазной историографии стремились доказать, что начиная с конца XIX в. и даже со времен Бисмарка Германия имела возможность заключить военно-политический союз с Англией⁹, — союз, существование которого в корне изменило бы всю международную ситуацию в Европе и во всем мире, и притом в благоприятную для Германии сторону. Ясно, что такая постановка вопроса означала не только полное игнорирование исторических фактов, но и — что тесно связано с этим — полное отрицание исторической закономерности развития объективно сложившихся в конце XIX — начале XX в. глубоких и нараставших англо-германских империалистических антагонизмов. И если в то же время в немецкой историографии оформилось и другое течение, решительно выступившее против легенды «об упущенной дружбе с Англией»¹⁰, то вовсе не потому, что к этому ее побуждало изучение объективно существовавших экономических, политических и колониальных противоречий между английским и германским империализмом. Оба течения в области историографии ограждали борьбу вокруг вопроса о внешнеполитической ориентации германского империализма после его поражения в 1918 г. — на путях к второй мировой войне. Полностью отрывая внешнюю политику от внутренней и тем самым как бы подтверждая свой старый, установившийся еще в XIX в. теоретический догмат о примате внешней политики над внутренней, реакционная историография ринулась в область дипломатии. Но теперь, в условиях общего кризиса буржуазной исто-

⁹ H. Eckardstein. *Lebenserinnerungen und politische Denkwürdigkeiten*, Bd. I—III. Leipzig, 1919—1921; J. Haller. *Die Ara Bülow. Eine historisch-politische Studie*. Stuttgart — Berlin, 1922; W. Becker. *Fürst Bülow und England 1897—1909*. Greifswald, 1929; E. Brandenburg. *Von Bismarck zum Weltkrieg*. Berlin, 1924; F. Meinecke. *Geschichte des deutsch-englischen Bündnisproblems 1890—1901*. München — Berlin, 1927.

¹⁰ G. Ritter. *Die Legende von der verschmähten englischen Freundschaft. 1898—1901*. Freiburg, 1929; H. Huene. *Untersuchungen des deutsch-englischen Bündnisproblems 1898—1901*. Breslau, 1934; H. Zühlke. *Die Rolle des Fernen Osten in den politischen Beziehungen der Mächte 1895—1905*. Berlin, 1929.

риографии, этот догмат был доведен до абсурда. В самом деле, расценивая одни шаги германской дипломатии как роковые ошибки, а другие — как великую удачу и во всех случаях считая, что эти шаги направляли и даже определяли дальнейший ход исторических событий, официальная историография неизбежно стала рассматривать отдельные фигуры германского дипломатического Олимпа как демиургов мировой истории. Наиболее крайнее и в то же время наиболее типическое выражение это нашло в работе Э. Фишера «Великое „нет“ Гольштейна»¹¹. Автор этой книги, которая в свое время привлекла к себе широкое внимание, пытался доказать, что на рубеже XIX и XX веков для Германии трижды открывалась возможность заключить союз с Англией и трижды она не была реализована из-за решительного «нет», заявленного Гольштейном — «серым преосвященством» германской дипломатии тех времен. Отсюда следовал вывод, что если бы Гольштейн занял иную позицию, решительно поддержав идею союза с Англией, то мировая история, во всяком случае история Германии, пошла бы по другому пути.

Так, плывя в ладье субъективизма и идеализма, подчиняясь голым интересам борьбы течений вокруг вопроса о внешнеполитической ориентации германского империализма на путях к его возрождению и войне, немецкая реакционная историография достигла своих геркулесовых столбов. Ограничив свою деятельность только сферой политической истории, окончательно оторвав рассмотрение вопросов внешней политики Германии от вопросов ее внутренней политики, а по сути дела, выдвинув на первый и определяющий план дипломатическую историю, она, как иронически заметил Хальгартен, строила свои исследования «по схеме: Каприви хотел — Эккардштейн думал — Бисмарк сказал — Гогенлоэ говорил — Гатцфельд сообщал». Эта «схема» исследования, независимо от манеры изложения, свидетельствовала, разумеется, о том, что официальная немецкая историография вступила в глубокий кризис еще до того, как была почти полностью поглощена антинаучными «концепциями» фашизма и низведена до роли служанки ведомств Геббельса и Розенберга.

Нужно воздать должное Хальгартену: еще будучи молодым ученым и пройдя школу виднейших представителей буржуазной историографии и социологии тех времен, он начал задумываться над причинами этого кризиса и стал искать выход из него. В этом отношении Хальгартен не одинок. Среди небольшой группы молодых ученых, стремившихся преодолеть этот кризис и ставших на путь поисков новых методологических позиций, наиболее видным был Э. Кер, монография которого «Строительство военно-морского флота и политика партий 1894—1901 гг.»¹² являлась первым в немецкой историографии, говоря словами самого автора, «опытом анализа внутривнутриполитических, социальных и идеологических предпосылок германского империализма». Несмотря на хронологическую ограниченность темы, а может быть именно поэтому, Кер сумел дать скрупулезный анализ событий, относящихся к раннему этапу истории германского империализма, и сделать выводы, имеющие общее, методологическое значение.

Решительно отбросив старую теоретическую догму немецкой буржуазной историографии и социологии о примате внешней политики над внутренней¹³, Кер на огромном и весьма разностороннем материале

¹¹ E. Fischer. *Holsteins grosses Nein. Die deutsch-englischen Bündnisverhandlungen von 1898—1901*. Berlin, 1925.

¹² E. Kerr. *Schlachtflottenbau und Parteipolitik 1894—1901*. Berlin, 1930.

¹³ «В истории доминирует внешняя политика государств, а в политической теории ничего этого не замечают» (O. Hintze. *Staatenbildung und Verfassungsentwicklung*. — «Preussische Jahrbücher», 1902, Bd. 88, S. 2).

сумел убедительно показать обратное, а именно: что все сомнения «политических историков» относительно определяющей роли «социальных и экономических сил» в вопросах «государственной внешней политики» не имеют под собой никаких реальных оснований и что «германская внешняя политика около 1900 г. определялась приматом внутренней политики», в особенности «политики сплочения» господствующих классов — юнкерства и буржуазии¹⁴. Тщательный анализ социальных и идеологических основ германского империализма привел его к выводу, «что правительство Германской империи на рубеже XIX и XX веков не проводило больше внешнюю политику в интересах немецкой нации, а только в интересах одного класса и что оно больше не являлось правительством национального государства, а только классового государства, которое пыталось спрятаться за установившимися формами национального государства». Нетрудно заметить, что, придя к этому общему выводу в отношении германского государства в период сформировавшегося империализма, Кер тем самым косвенно признает, что немецкое государство доимпериалистического периода (т. е., например, в период господства Бисмарка) не являлось классовым. С другой стороны, Кер не раскрыл экономических основ империализма и обнаружил, как далек он от подлинно научного понимания империализма¹⁵. В целом это означает, что, предприняв серьезную попытку порвать с методологией и традицией немецкой буржуазной историографии и сделав в этом значительный шаг вперед, Кер остановился на полпути. Во всяком случае, при всех своих крупных научных достижениях и, нужно признать, научной смелости он не мог перейти тот рубеж, который отделяет буржуазную идеологию и методологию от подлинной науки¹⁶.

Такова же была и научная судьба Хальгартена, который, опубликовав труд «Империализм до 1914 года», посвятил его памяти своего друга Экарта Кера. Как и Кер, Хальгартен пришел к выводу, что традиционное представление немецкой историографии о примате в истории Германии внешней политики над внутренней, о том, что первая определяет вторую, не выдерживает научной критики и не подтверждается ни фактическими материалами, ни живым процессом исторического развития. Это представление Хальгартен называет «теорией, оторванной от жизни». Он считает, что изучение только политической истории, как бы оно ни было важно само по себе, не раскрывает ее подлинных, глубоких движущих сил, рассмотрение которых тем более необходимо, что только они дают возможность уяснить механизм империалистической политики и тем самым вскрыть корни таких крупных явлений, как империалистические войны мирового масштаба. Хальгартен открыто заявил, что свое исследование «Империализм до 1914 года» он предпринял «в противовес господствующей историографии, которая по внутренним и внешним причинам во все большей степени ограничивает себя исследованием чисто политических связей». Критикуя таких столпов буржуазной историографии, как Э. Бранденбург и Ф. Мейнеке, за то, что они отказались «от изложения скрытых связей», Хальгартен замечает: «Политика не физическое движение безжизненных схем в безвоздушном пространстве». Это в еще большей степени относится к дипломатии, которую немецкая буржуазная историография, как мы уже отмечали, возвела на уровень самостоятельного фактора, в известной мере даже определяющего исторические судьбы Германии. При таком положении вещей, отмечает Хальгартен, «современная историография (имеется в виду немецкая буржуазная историография.— А. Е.), обна-

¹⁴ E. Kehr. Op. cit., S. 448.

¹⁵ См. рецензию В. М. Хвостова на книгу Кера («Историк-марксист», 1932, № 1—2).

¹⁶ Кер умер в 1933 г., совсем молодым (в возрасте 31 года).

руживая беспомощность перед окружающей ее непрерывно растущей массой печатных и письменных документов», изучает лишь «политическое мышление» государственных деятелей. Между тем, считает Хальгартен, «анализ международных событий как исследование дипломатических усилий... с применением в соответствии с обстоятельствами всех политических и стратегических средств... должен постоянно подкрепляться анализом социологических интересов, которые приходилось защищать отдельным государственным деятелям и от которых эти деятели зависели». В качестве примера Хальгартен приводит историю русско-германских отношений 70-х — 80-х гг. XIX в., т. е. в начальный период перехода к империализму. Если, отмечает он, рассматривать только политическую историю этих отношений, изолировав ее от глубоких подспудных процессов, определявших или сопровождавших переход к империализму, в частности от таких фактов первостепенной важности, как мировой экономический кризис, его влияние на сельское хозяйство, на внешнюю торговлю и общее развитие международных отношений, то «возникнет и искаженная политическая картина: история кризисов тех лет (имеются в виду не только экономический, но и дипломатические кризисы.— А. Е.) потонет в личном единоборстве Бисмарка с Горчаковым и „славянофильской партией“». Этот пример Хальгартен приводит для того, чтобы доказать, что изложение чисто политической истории является с научной точки зрения крайне ограниченным и потому «доказало свою непригодность». «Отсюда видно,— заключает он,—...сколь неудовлетворительной должна быть научная продукция того периода, когда почти исключительное внимание... уделялось дипломатии и критике источников,— традиция, все еще господствующая и поныне».

В отличие от господствовавшей в Германии историографии Хальгартен, следовательно, свою задачу усматривал в изучении не самой политики, а «социального базиса политики». Вот почему, применительно к теме и историческим рамкам своего исследования, он пришел к выводу, что «по мере... усиления империалистических трений на всем земном шаре основная задача германской внешней политики... все усложнялась, а методы ее решения оказывались во все большей зависимости от позиции правящих лиц в рамках общего процесса империалистического развития».

Таким образом, книга Хальгартена — это не общая история германской внешней политики в период, предшествовавший началу первой мировой войны, а конкретное исследование вопроса о том, какие социальные силы и во имя каких реальных интересов определяли внешнюю политику Германской империи. Но если Кер сосредоточил свое внимание на анализе внутривнутриполитических, социальных и идеологических предпосылок германского империализма, то Хальгартен — на исследовании экономических предпосылок и их влияния на внешнюю политику и дипломатию. Впрочем, Хальгартен свой труд называет «социологическим исследованием», — и не случайно.

Дело в том, что, стремясь найти выход из кризиса буржуазной историографии, Хальгартен пытался искать его не на пути марксизма-ленинизма — единственном пути, открывающем широкие возможности для глубокого, подлинно научного исследования сложных исторических явлений, а на пути буржуазной социологии, путем использования ее категорий и методов в исторической науке. Как правильно отметили Говард Беккер и Алвин Босков, «эпоха Веймарской республики была „золотым веком“ социологии в Германии. Ее можно характеризовать как период, когда доминировало теоретическое мышление и тяготение к конструированию всеобъемлющих социологических систем»¹⁷. И дей-

¹⁷ Г. Беккер и А. Босков. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. Перев. с англ. М., 1961, стр. 730.

ствительно, если в области философии истории в тот период все еще доминировала идеалистическая концепция Риккерта, согласно которой историческая наука, выделяя путем отнесения к «культурным ценностям» единичное и неповторимое¹⁸, не может быть основана на общих принципах закономерностей общественного развития, то немецкая буржуазная социология при помощи «образования аналогий» («сравнительно-исторический метод») занималась выработкой «общих правил» социального действия; она сводила их к одной или нескольким категориям, имеющим вневременной характер независимо от закономерностей, присущих определенной общественно-экономической формации. Макс Вебер, властитель дум немецкой буржуазной социологии тех времен, назвал эти категории «идеально-типическими понятиями», которые могут быть отнесены к различным историческим периодам вне зависимости от сменяющихся формаций. Так, конструируя «идеально-типические понятия» капитализма, а тем самым придавая определенной формации, имеющей конкретно-историческое содержание, общий и даже абстрактный характер, Макс Вебер стремился, например, доказать, будто социальные предпосылки современного капитализма существовали уже в древней Индии. С другой стороны, он предпринял серию крупных социологических исследований¹⁹ с единственной целью «доказать,— как справедливо отмечает Хальгартен,— что хотя общественная структура, свойственная современному капитализму, имела в наличии в различные времена и при различных обстоятельствах, однако современный капитализм смог развернуться лишь там и тогда, когда у соответствующего социального базиса установились отношения избранного родства с аскетически-пуританским духом; в других же случаях подходящие социальные основы ввиду их связи с неподходящей экономической этикой так и не могли родить капитализма». Немецкая буржуазная социология попыталась марксистскую концепцию о «базисе» и «надстройке» вывернуть наизнанку, или, правильной сказать, поставить с ног на голову.

В этом вопросе взгляды Хальгартена расходятся со взглядами Макса Вебера и, как он сам считает нужным отметить, скорее приближаются к взглядам Маркса. Хальгартен не удовлетворяет размышления, которым предаются господствующая историография и социология, на тему о том, «в какой степени» духовное или материальное развитие является причиной социальных явлений. Он считает, что такая постановка вопроса приводит лишь к банальным заявлениям, вроде того, что «в истории действуют не только материальные, но и духовные мотивы», т. е., по сути дела, «заводит в логический тупик». Хальгартен стремится найти выход из этого тупика. Как известно, изучение истории — не новое дело; с древних времен оно является составной частью общественного мировоззрения и входит в идеологический арсенал классовой борьбы. Но это дело в течение многих веков было лишено научной основы, и лишь К. Маркс «указал путь к научному изучению истории, как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости, процесса»²⁰. Хальгартен привлекает мистический и материалистический взгляд на историю, выработанный Марксом и марксистами. В особенности его привлекает учение о базисе и надстройке. В отличие от Макса Вебера, который в своих социологических исследованиях стремился доказать, что идеологическая, в частности, религиозно-этическая, надстройка может определять характер и развитие

¹⁸ Г. Риккерт. Границы естественнонаучного образования понятий. Логическое введение в исторические науки. Перев. с нем. СПб., 1913.

¹⁹ См. M. Weber. *Wirtschaft und Gesellschaft*. Tübingen, 1921; он же. *Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie*. Bd. I—III. Tübingen, 1922.

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 58.

базиса, Хальгартен пришел к выводу, что «„идеи“ в силах продвигаться лишь в той степени, в какой это допускает структура их социального базиса, или же в случае соответствующего изменения самой структуры. Без переворота в „базисе“ идея не будет иметь социальной почвы, способной возратить ее в преобразованном виде, т. е. не будет иметь возможности дальнейшего развития».

Таким образом, изучение истории Хальгартен считает необходимым начинать с изучения «базиса» — «производственных отношений, то есть экономических связей, возникающих между членами общества в зависимости от характера их участия в общественном производственном процессе». Он решительно выступает против распространенного в немецкой социологии противопоставления «хозяйства» и «политики», которые рассматриваются ею как антиподы, или в том смысле, что «политика» определяет развитие «хозяйства». Напомним, что это противопоставление было некогда свойственно либеральной теории, возникшей в период, когда буржуазия в интересах самоутверждения и укрепления своих позиций была заинтересована в борьбе против феодального государства и его политики регламентации. Позднее это противопоставление использовалось буржуазией в реакционных целях: для борьбы против марксизма. Так, например, Р. Штаммлер, автор книги «Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории»²¹, выступая с неокантианских позиций против марксизма и материалистического понимания истории, пытался доказать независимость «права» и даже его примат над «хозяйством». Подобные взгляды были распространены и среди ревизионистских кругов германской социал-демократии. Хальгартен считает их абсурдными. Практически свою задачу он усматривает в том, чтобы исследовать интересы господствующих классов в области внешней политики. Но он решает эту задачу непоследовательно и односторонне. Объяснение тому — в системе его методологических взглядов, которые представляют собой довольно сложную амальгаму положений различного происхождения.

Хальгартен, как мы видели, не игнорирует некоторых положений марксизма, например о классовом характере политики, об отношении базиса и надстройки, о связи внешней политики с внутренней, однако, применяя эти положения в практике своего исследования, он вместе с тем показал, что не может перейти тот широкий рубеж, который отделяет его от марксизма. С другой стороны, подвергая критике выводы социологических исследований Макса Вебера, он вовсе не отказывается от использования его категорий и многих сторон его метода. В частности, вместо марксистского учения об исторических закономерностях классовой борьбы Хальгартен оставил в своем методологическом арсенале категорию «социального правила», хотя, по-видимому, понимает отличие этой искусственно созданной категории от глубоко научного, реалистического марксистского понимания объективно существующей общей закономерности развития человеческого общества и закономерностей, присущих развитию каждой общественно-экономической формации в отдельности. Он считает, далее, возможным и необходимым применить методы немецкой буржуазной социологии к изучению «исторических индивидуумов», под которыми, следуя Риккерт, понимает «не только исторические личности, но и любые единые (в соответствии с категориями историографии) общественные группы». Эту необходимость амальгамирования в области теории различных и даже разнородных элементов Хальгартен пытается объяснить мотивами практического свойства. «Сегодня, — утверждает он, — социальный мир слишком сло-

²¹ Р. Штаммлер. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории, т. I—II. Перев. с нем. СПб., 1907.

жен, чтобы обойтись без науки, противостоящей истории, науки, образующей правила», т. е. в его понимании — социологии.

Итак, несмотря на критическое отношение к основным направлениям немецкой буржуазной философии истории, с одной стороны, и противопоставленной ей немецкой буржуазной социологии — с другой, Хальгартен считает необходимым их сблизить и эту амальгаму взглядов, одобренную толикой марксистских положений, положить в методологическую основу своего исследования. Он сам подчеркивает, что его «социологическое исследование» в области истории, предпринятое «во имя сугубо конкретной цели, разумеется, ни в какой мере не представляет собой атаки» ни на философско-исторические взгляды Риккерта, ни на социологические взгляды Макса Вебера, поскольку идею о единичности и неповторимости исторического события и вообще исторического бытия он растворяет в общих «идеально-типических» понятиях и аналогиях, устанавливающих «правила социальных событий». Правда, в отличие от традиционных взглядов господствующей немецкой историографии и социологии Хальгартен считает, что «политику» нельзя рассматривать в отрыве от «хозяйства» и как его антипод. «Более того: политические действия,— пишет он,— функционально зависят от общественно-производственного процесса и его развития»; это, однако, не исключает того положения, что политическая власть, все ее средства и рычаги используются «для сохранения и укрепления позиций отдельных групп и лиц в рамках этого процесса». Речь, следовательно, идет о выяснении экономических корней и интересов, определяющих политику господствующих классов. Хальгартен формулирует свою задачу по-иному. Он пишет: «Тем самым встает сама по себе проблема правил, в соответствии с которыми протекает экономический процесс. Дискуссия по данному вопросу особенно важна при исследовании... периода империализма». Но что Хальгартен имеет в виду, говоря об империализме? Ответ на этот вопрос дает ключ к пониманию и сильных и слабых сторон его труда.

2

Понятие «империализм», как известно, впервые появилось в Англии в последней четверти XIX в., когда «империалисты» — «друзья империи» среди буржуазии и колониальных чиновников подняли движение протеста против либеральных кабинетов, обвиняя их в недооценке колониальной и имперской политики. В качестве первых идеологов империализма в 70-х — 80-х гг. выступили Сили²² и Дилк²³, их книги, пропагандирующие необходимость экономического, политического и военного расширения Британской империи, привлекли широкое внимание, и не только в Англии, но и на европейском континенте.

Но в самом начале XX в., после испано-американской и англо-бурской войн, в экономической и политической литературе сформировалось направление, преследующее цель дать научную характеристику и вместе с тем критику империализма. Основоположителем и наиболее крупным представителем этого направления был английский экономист Гобсон²⁴, который, как отметил В. И. Ленин, «дал очень хорошее и обстоятельное описание основных экономических и политических особенностей империализма», однако с позиций буржуазного социал-реформизма и пацифизма²⁵. Крупным вкладом в экономическую литературу

²² J. R. Seeley. The Expansion of England. London, 1895 (Сили. Расширение Англии. Перев. с англ. СПб., 1903).

²³ Ch. Dilke. Probleme of Greater Britain, v. I—II. London — New York, 1890.

²⁴ Дж. Гобсон. Империализм. Перев. с англ. М., 1927.

²⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 309.

являлась работа Р. Гильфердинга «Финансовый капитал»²⁶. В. И. Ленин расценивал эту работу как «в высшей степени ценный теоретический анализ „новейшей фазы в развитии капитализма“», хотя он видел в этой работе и ряд серьезных недостатков, в частности «склонность к примирению марксизма с оппортунизмом»²⁷. В дальнейшем к этому направлению в той или иной степени примыкали Г. Брейлофорд, Скотт Нириг, Дж. Фримэн, Паркер Томас Мун²⁸. В одних из этих работ для характеристики империализма на первый план выдвигались экономические интересы определенных капиталистических групп, связанные с ростом промышленности и банков, железнодорожного строительства и торгового экспорта; в других империализм рассматривался как международное экономическое соперничество и борьба за господство в колониях; в-третьих первостепенное значение в оценке империализма придавалось роли, которую играет тяжелая индустрия, в особенности военная промышленность; наконец, некоторые работы исходят из того положения, что движущей силой империализма является «экономический национализм».

Каждая из этих работ и все они вместе, несмотря на критическое отношение к империализму, не были в состоянии научно раскрыть его подлинную сущность. Несмотря на войны, порожденные империализмом, критическое острие работ этого направления все более притуплялось; в известной степени это объяснялось общим наступлением реакции в области идеологии. Научное значение этих работ ограничивалось только тем, что в них был собран и систематизирован под определенным углом зрения конкретно-исторический материал, проливающий свет на ту или иную сторону экономики или политики империализма. Что касается ученых апологетов империализма, то они, разумеется, не только не могли, но и не стремились создать научную теорию империализма; они были заинтересованы лишь в том, чтобы скрыть его реакционную и агрессивную сущность, затушевать присущие ему глубокие противоречия, постоянно угрожающие человечеству новой мировой войной.

Подлинно научная теория империализма впервые в истории была создана В. И. Лениным. То была теория, вмещавшая в себя наиболее последовательную и обоснованную критику империализма с позиций революционного творческого марксизма. В результате глубокого проникновения в новые явления капиталистической действительности, научного осмысления сложнейших процессов, происходивших в мире с конца XIX в. и приведших в 1914 г. к мировой войне, в результате тщательного критического изучения огромного фактического материала, а также почти необъятной литературы вопроса²⁹ В. И. Ленин пришел к выводу, что империализм характеризуется совокупностью следующих основных и определяющих признаков: во-первых, концентрация производства и капитала, достигающая такого уровня развития, когда складываются монополии, играющие решающую роль в экономической жизни страны; во-вторых, сращивание банкового капитала с промышленным и создание на этой основе «финансового капитала», финансовой олигархии; в-третьих, усиление роли вывоза капитала, что является более ти-

²⁶ Р. Гильфердинг. Финансовый капитал. Перев. с нем. М., 1912.

²⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 309. В работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» и в своих подготовительных «Тетрадах по империализму» Ленин отмечает следующие «недостатки Гильфердинга»: 1) теоретическая ошибка относительно денег, 2) игнорирует (почти) раздел мира, 3) игнорирует соотношение финансового капитала с паразитизмом и игнорирует соотношение империализма с оппортунизмом (см. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 396; т. 28, стр. 178, 308—309).

²⁸ H. N. Brailsford. The War of Steel and Gold. London, 1914; С. Нириг. Американская империя. Перев. с англ. М.—Л., 1926; С. Нириг и Дж. Фримэн. Дипломатия доллара. Л., 1926; П. Т. Мун. Империализм и мировая политика. М., 1928.

²⁹ См. В. И. Ленин. Тетради по империализму — Полн. собр. соч., т. 28.

пическим для империализма, чем вывоз товаров; в-четвертых, создание международных капиталистических монополий, делящих между собой мир; в-пятых, завершение территориального раздела мира между крупнейшими капиталистическими державами и развертывание между ними борьбы за его передел³⁰. Особо выделяя паразитизм и загнивание капитализма как явления, свойственные империализму, Ленин показал, какое место занимает империализм в поступательном ходе исторического процесса, в смене общественно-экономических формаций; он показал, что империализм не является новой общественно-экономической формацией, а представляет собой лишь определенную стадию в развитии капитализма — высшую и последнюю стадию. Наконец, он показал, что на смену капитализму и империализму в силу объективных исторических закономерностей неизбежно придет социализм.

Великое научное открытие Ленина в области теории и критики империализма так же трудно переоценить, как и влияние этого открытия на развитие социалистических и коммунистических идей во всех странах и на всех континентах. Эти идеи, овладев массами, стали материальной силой в борьбе против капитализма. Вот почему, не имея возможности замолчать ленинскую теорию империализма, апологеты капитализма стали изыскивать новые аргументы, которые они хотели бы противопоставить марксистско-ленинской концепции. Их старый тезис, что источником капиталистической прибыли является не эксплуатация рабочих, а постоянные технические усовершенствования в области производства, транспорта и сбыта, перед лицом объективно существующих фактов уже не выдерживал критики. Как признает и Хальгартен, даже немарксисты не могут больше отрицать наличие одного из свойств империализма — паразитизма. «Под паразитизмом, — пишет Хальгартен, — подразумевается тенденция современного монополистического капитализма к торможению технического прогресса и некоторой стагнации, обусловленная беззастенчивой скупкой новых изобретений, ставящих под угрозу прибыли монополий, и насильственным сбытом на поработанных колониальных территориях товаров, устаревших как в техническом, так и в торговом отношении». Во всяком случае, сам Хальгартен явно не склонен отрицать наличие в современном монополистическом капитализме этой тенденции паразитизма. С другой стороны, отмечает он, буржуазная наука выдвигает против марксистско-ленинского учения об империализме новый тезис, связанный с ее оценкой роли кризисов: она утверждает, что кризисы не являются неизбежным порождением капитализма, что индустриализация прежде некапитализированных стран хотя и затрудняет или даже вовсе устраняет возможность для деятельности империализма, тем не менее может и не способствовать краху капиталистической системы. Учитывая, что экономическая и политическая практика империализма полностью его дискредитировала, буржуазная наука ныне уже не чувствует себя в силах открыто выступать под знаменем империализма. Времена Сили, Дилка и Киплинга прошли, и притом безвозвратно. Поэтому многие из представителей буржуазной науки даже утверждали, что империализм является не стадией в развитии капитализма, а неким наростом над капитализмом, и если этот нарост будет устранен, то останется «чистый» капитализм, в условиях которого капиталистическая система может развиваться и без кризисов.

Пропасть между марксистско-ленинской теорией империализма и тезисами апологетов капитализма настолько велика и непреодолима, что было бы удивительно, если бы кто-либо взялся ее устранить. Тем не менее — странное дело! — Хальгартен совершает попытку и в этом на-

³⁰ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 386.

правлении. Он заявляет, что глубокое различие между марксистской и немарксистскими теориями кризисов относится только к вопросу о будущем капитализма и империализма, т. е. к сфере прогнозов. Что касается метода изучения прошлого, то тут, по его мнению, их выводы якобы близки, и «поэтому в нашем историко-ретроспективном исследовании мы можем пренебречь этим различием». Но на какой же теоретической основе Хальгартен считает возможным осуществить сближение двух антиподов в области теории империализма: марксизма и антимарксизма³¹? Мотивируя свою попытку, Хальгартен отвечает: «Как бы ни объясняли причины кризисов и периодичность их появления, во всяком случае совершенно ясно, что в период кризисов появляется особая тяга к некапитализированным территориям и что в это время такие территории являются объектом особо активной деятельности... Поэтому в период кризиса следует ожидать не только форсированного экспорта капитала, но и экспорта излишнего населения, которое, обосновавшись на новых землях и поселенческих колониях, будет создавать новые ценности и одновременно содействовать расширению сферы сбыта для промышленности метрополии, а также способствовать экспорту капитала».

Нет сомнения, что экономические кризисы способствуют колониальной экспансии капиталистических держав и усилению их соперничества. Что касается влияния экономических кризисов на рост эмиграции населения из метрополии в колонии, то этот бесспорный факт относится больше к эпохе домонополистического капитализма и вовсе не является характерным для эпохи империализма. С другой стороны, Хальгартен явно не понял, что колониальная экспансия отнюдь не устраняет глубоких внутренних противоречий империализма и что усиление этих противоречий в различных формах является имманентным свойством империализма. Вот почему, опустив при характеристике своих методологических взглядов вопрос о роли монополий, о роли финансового капитала как формы сращивания промышленного капитала с банковским, об обострении борьбы международных союзов капиталистов и внутри этих союзов, наконец о решающей роли экспорта капитала по сравнению с экспортом товаров, Хальгартен обнаружил, что, зная ленинскую теорию империализма, он не только не усвоил, но даже и не постиг ее. Восприняв только отдельные ее элементы, он не понял даже того, чем отличается ленинская теория империализма от теории Гильфердинга и Розы Люксембург³²; все эти теории он в одинаковой степени называет марксистскими, с той только разницей, что теории последних расценивает как «менее догматические». Если при изложении марксистской теории общественного развития он положил в основу труд ревизиониста Кунова³³, то при изложении марксистской теории империализма — труд ревизиониста Ф. Штернберга³⁴. Не удивительно поэтому, что Хальгартену показалось так легко амальгамировать различные теоретические взгляды по вопросу об империализме — марксистские, буржуазные и ревизионистские. Он объясняет это тем, что из всех рассмотренных им теорий, посвященных объяснению хода экономических процессов, якобы «могут быть сделаны аналогичные социологические выводы». Каковы же в таком случае исходные позиции историко-социологического исследования Хальгартена?

Если учесть все вышесказанное о теоретическом эклектизме Хальгартена, его ответ может показаться парадоксальным. Он формулирует

³¹ Хальгартен называет его «немарксизм».

³² Р. Люксембург. Накопление капитала. Перев. с нем. М., 1921.

³³ Н. Cunow. Die Marx'sche Geschichts-Gesellschafts- und Staatstheorie. Berlin, 1921.

³⁴ F. Sternberg. Der Imperialismus. Berlin, 1926. Критику взглядов Штернберга см. А. М. Деборин. Философия и политика. М., 1961, стр. 725—736.

его в следующих словах: «Комплекс и функции финансового капитала, финансового и промышленного экспорта капитала, картелизации и трестирования, покровительственных таможенных тарифов, стремление к максимальному расширению своего экономического района и к господству над зарубежной некапитализированной территорией, демпинг, то есть типичная для картелей политика продажи по бросовым ценам товаров, не находящихся сбыта внутри страны,— все эти и им подобные явления столь явно стоят перед глазами экономистов, не придерживающихся марксистских взглядов, что было бы чудом, если бы последние, хотя и исходя из практики, не пришли к взглядам, подобным тем, которые Маркс и Энгельс сумели сформулировать еще до того, как началось такое развитие. Эти взгляды Маркс и Энгельс включили затем в диалектическую схему, что придавало их мировоззрению гораздо большую весомость, но в то же время и большую честность по сравнению с немарксистскими эмпирическими взглядами». Таким образом, создается впечатление, что, находясь в теоретическом тупике, куда Хальгартен сам себя загнал благодаря свойственному ему эклектизму, он в практике своего конкретного исследования собирается найти выход из него при помощи марксистских взглядов, которые считает более глубокими, более научными и более честными, чем взгляды противников марксизма. Однако ленинскую теорию империализма Хальгартен явно не постиг.

Тем не менее Хальгартен обрушивается на тех буржуазных теоретиков, которые, «более или менее сознательно пренебрегая экономическими моментами, изображают государство как таковое в качестве основного носителя всего империалистического движения». Следуя идеям Леопольда Ранке, одного из патриархов немецкой реакционной историографии XIX в., который абсолютизировал роль государства вообще, а прусско-германского в особенности, некоторые буржуазные социологи стремились повернуть эту идею в целях апологии капитализма. Уже вскоре после выхода в свет труда В. И. Ленина, раскрывшего историческое место империализма как высшей и последней стадии капитализма, Шумпетер в своей работе «К вопросу о социологии империализма»³⁵ пытался доказать, что империализм по природе своей не только не связан с капитализмом, но, наоборот, является военно-феодальной помехой для мирного капиталистического развития. Впоследствии эту концепцию пытался обосновать Артур Зальц³⁶, который утверждал, что государство издавна, еще со времен феодализма, являясь носителем политики силы, облекается ныне в формы империализма и тем самым затрудняет развитие якобы миролюбивого капитализма. Итак, по мнению этих «теоретиков», империализм — это не последняя стадия в развитии капитализма, а рудимент феодализма, используемый государством в период современного капитализма. Их общий вывод таков: империализм как новая форма феодализма — это политика силы, осуществляемая государством, а капитализм — это политика мира, основанная на принципах международного права. После второй мировой войны эта апологетическая концепция получила широкое распространение и в Соединенных Штатах Америки.

Хальгартен решительно критикует сторонников этой концепции. «Большинство этих теоретиков,— пишет он,— не видит того, что государство, которое они рассматривают как мотор империализма, не висит в воздухе, что оно связано интересами сменяющих друг друга социальных слоев, которые в ходе исторического развития протискиваются к го-

³⁵ См. J. Schumpeter. Zur der Soziologie des Imperialismus.— «Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik», Bd. 41, Tübingen, 1918—1919, S. 1—39, 215—310.

³⁶ A. Salz. Das Wesen des Imperialismus. Leipzig, 1931.

сударственному аппарату и используют его в своих целях. То же самое можно сказать о роли международной внешней политики, которую такие исследователи рассматривают как горючее для империалистического мотора. Эта политика также не представляет собой сферы, оторванной от экономического развития: она является не чем иным, как результатом общественного развития в различных соперничающих друг с другом странах». Таким образом, критикуя тех, кто усматривает в государстве самодовлеющий и всеопределяющий фактор империализма и империалистической политики, Хальгартен видит свою задачу в том, чтобы обнаружить, какие социальные силы, преследуя определенные экономические интересы, господствуют в государстве и направляют его политику. Тем самым он подходит к проблеме классового характера государства, в частности Германской империи кайзеровских времен.

Однако Хальгартен идет еще дальше. Он считает, что «следующей ошибкой теоретиков указанного направления является односторонняя оценка капитализма данной эпохи, который они слепо провозглашают миролюбивым, не понимая, что мирные секторы тогдашней экономики были... почти полностью подмяты и что ведущую роль в это время играли воинственные и экспансионистские тенденции». Хальгартен стремится раскрыть эти воинственные и экспансионистские тенденции в истории внешней политики германского империализма в период, предшествующий первой мировой войне, показать социально-экономические корни этих тенденций. Это, конечно, означает разрыв с традициями немецкой буржуазной историографии, но, поскольку Хальгартен, как мы видели, остается в плену буржуазной философии истории,— далеко не полный разрыв. Вскрывая экономические мотивы, лежавшие в основе внешнеполитических интересов господствующих классов кайзеровской Германии, Хальгартен, по сути дела, обходит вопрос о влиянии классовой борьбы на внешнюю политику, в частности вопрос о борьбе немецкого пролетариата, в лице которого господствующие классы Германии усматривали своего главного врага и противника. Исследование разногласий и трений между буржуазией и юнкерством и внутри отдельных фракций этих классов, как бы они ни были важны, может быть доведено до конца только на основе марксистско-ленинской теории империализма и классовой борьбы. С другой стороны, критика, которой Хальгартен подвергает некоторые положения буржуазной социологии, вовсе не означает разрыва с нею. Сам Хальгартен утверждает, что его метод не является марксистским, но не является и немарксистским. Он пытается характеризовать его как «феноменологический». На деле же его социологическое исследование показывает, что в поисках выхода из осознаваемого им кризиса немецкой буржуазной историографии он идет по пути экономического материализма, причем больше в практике исследования, чем в теории.

3

В ходе изложения Хальгартен отмечает, что он не стремится «ни выяснять отдельные политические проблемы, ни выискивать „новое“ и „неизвестное“». Если иметь в виду выявление ранее не известных крупных событий политической истории или новых нюансов в сфере дипломатических отношений, то его замечание является в большой степени оправданным. Касаясь вопросов этой сферы, Хальгартен о многом упоминает, но излагает далеко не все, и такое самоограничение вытекает из задачи, которую он перед собой поставил. «Я ни в коем случае не претендую на то,— пишет он,— чтобы каким-либо разделом своей книги заменить анализ отдельных дипломатических соображений...» Однако это вовсе не означает, что читатель, интересующийся политиче-

ской и дипломатической историей, не найдет в книге ничего нового. Хальгартен освещает большой круг вопросов истории внешней политики Германии в период от образования империи до начала первой мировой войны, и освещает не изолированно, а в определенной связи с историей международных отношений в Европе. Он рисует события широко, на большом полотне, динамично и крупным планом, с соблюдением необходимых пропорций, и, как мы уже указывали, используя богатый и разносторонний документальный материал. В целом перед умственным взором читателя проходит большая картина сложных событий внутренней и внешней политики Германии, приведших к кровавой развязке в 1914 г. К тому же автор в целях иллюстрации некоторых наблюдений, выходящих за традиционные рамки политической истории, пустил в научный оборот и новые факты, которые привлекут к себе внимание. Это относится главным образом к событиям дипломатических конфликтов и международных кризисов, заполнивших политическую историю Европы в начале XX в. Голые факты сухи и бесцветны, в особенности если рассматривать те из них, которые лежат на поверхности событий. Только их связь с глубинными процессами исторической жизни придает им смысл и возбуждает научный интерес. Правда, характеристику некоторых событий в области истории внешней политики и дипломатии, а также некоторых международных ситуаций Хальгартен дает в самой общей форме, а порою, к сожалению, экспрессионистски. В ряде случаев он не выписывает предмет в его конкретности, а как бы несколькими мазками кисти, грубо и расплывчато намечает его; он не ищет точности, а стремится больше к выразительности; иногда же, как бы смазывая кистью некоторые факты политической истории, он стремится показать их не так, как они выглядят в традиционной историографии, а их изнанку. Вот почему в работе Хальгартена наряду с интересными и глубокими научными наблюдениями, конкретными сопоставлениями и общими выводами имеется немало спорного, иногда необоснованного и даже, как нам представляется, неверного, проистекающего из общих теоретических и методологических позиций автора. Мы далеки от мысли, что Хальгартен извращает факты, вырывает их из контекста или замалчивает. Нет, речь идет о том, как он их интерпретирует. Хальгартен и не стремится к тому, чтобы, включив новые факты о событиях политической и дипломатической истории в систематику старых, установить, таким образом, их связи и сделать некоторые новые выводы. Его главная цель в другом: показать не внешние, а внутренние связи этих фактов и событий с экономическими интересами определенных социальных сил, представляющих собою современный империализм. Разумеется, отсутствие у Хальгартена марксистско-ленинского понимания империализма не могло не сказаться и при анализе конкретно-исторических вопросов и на общих выводах исследования. Однако следует признать — и это примечательно, — что во многих случаях сам материал и практика его исследования толкали автора к таким заключениям, которые не только противоречат основной концепции реакционной буржуазной историографии, но и не соответствуют его собственным исходным теоретическим положениям. Вот почему этот материал и многие наблюдения, сделанные Хальгартеном, могут быть использованы и историком-марксистом.

Уже в разделе, посвященном рассмотрению «социологических основ внешней политики Бисмарка», Хальгартен, по сути дела, признает, что созданное Бисмарком «национальное государство» — Германская империя — являлось классовым государством, в котором прусское дворянство играло руководящую роль, но на политику которого все большее влияние оказывали интересы крупной промышленной буржуазии и банков. Хальгартен подробно анализирует вопрос, в чем состояли конкрет-

ные экономические интересы обоих господствующих классов, показывает, как они менялись, сталкивались, переплетались и снова сталкивались под воздействием различных факторов — экономических и политических, начиная с распределения «миллиардной благодати» — французской контрибуции и с грюндерской горячки и последующего глубокого экономического кризиса в первые годы империи и кончая кризисом внутренней и внешней политики Бисмарка в конце 80-х гг., завершившимся в 1890 г. отставкой «железного канцлера». На большом конкретном материале он показывает далее, какую роль в формировании и направлении политики Германской империи играли не только прусское юнкерство, столпом которого был сам Бисмарк, но и феодалы и владельцы угольных шахт в Силезии, промышленные магнаты Рурской и Саарской областей типа Круппа и «короля» Штумма, крупные банкиры типа Блейхрөдера и Ганзмана, часть аристократии, повернувшаяся лицом к капитализму и поставлявшая империи кадры дипломатов («партия послов»), и, наконец, прусская военщина, воплощением которой являлся генеральный штаб и его начальник Мольтке, а затем Вальдерзее. Но Хальгартен не ограничивается этим. Он вскрывает классовую структуру политических партий, юнкерских и буржуазных, показывает экономические, организационные и идеологические связи этих партий с теми социальными силами (а также с отдельными фигурами), которые, играя большую роль, предпочитали оставаться в тени; вместе с тем он вскрывает механизм борьбы партий и борьбы внутри отдельных фракций рейхстага и прусского ландтага по конкретным вопросам экономической, внутренней и внешней политики. Так, он показывает экономическую основу и сложную социальную структуру католической партии центра, анализирует влияние экономического кризиса 1873 г. на позиции партий и вообще на внутривнутриполитическую обстановку в Германии, которая определила поворот в области внешнеторговой политики. Он показывает, что борьба Бисмарка против католицизма — «культуркампф» — преследовала не только внутривнутриполитические, но и внешнеполитические цели, показывает, какие социальные силы были заинтересованы в раздувании военных законопроектов и в росте милитаризма и каковы были социально-экономические основы кризиса и распада либерализма в Германии, перегруппировки сил среди аграриев и центра, словом, как сложилась ситуация, «при которой постепенно разрушались основы мирной политики Бисмарка». Так от анализа экономических основ борьбы среди господствующих классов и их партий по вопросу внутренней политики Хальгартен постепенно переходит к анализу движущих сил внешней политики. При этом он особенно детально анализирует четыре вопроса: во-первых, о социально-экономических предпосылках «отчуждения» между кайзеровской Германией и царской Россией; во-вторых, о факторах, приведших к заключению австро-германского союза; в-третьих, о «социологических основах» колониальной политики Бисмарка; в-четвертых, о влиянии экономического кризиса на «потрясение основ» всей системы бисмарковской политики. И здесь, опуская некоторые второстепенные погрешности или спорные утверждения в труде Хальгартена, мы считаем нужным выделить некоторые вопросы принципиального характера, с решением которых не можем согласиться, тем более, что эти вопросы в той или иной степени проходят и через дальнейшее содержание его труда.

Хальгартен, конечно, прав, когда пишет: «Основной характер любой внешней политики может быть сохранен лишь до тех пор, пока для нее существуют внутренние социологические предпосылки и пока эта политика не опровергнута соответствующим развитием в других странах». Отсюда задачу исторической науки Хальгартен усматривает в том — и с этим нельзя не согласиться, — «чтобы постоянно нащупывать эту

социальную основу». Однако, приступая к характеристике политики Бисмарка, он явно испытывает некоторое влияние немецкой буржуазной историографии, которая потратила немало усилий, чтобы создать впечатление о мирном и миролюбивом характере этой политики³⁷. Хальгартен признает, что «мирная политика, которую стал проводить... Бисмарк, не была миролюбивой политикой как таковой, что совершенно ясно из ее становления», т. е. из развязанных Бисмарком войн, предшествовавших образованию Германской империи. Но его политику Хальгартен характеризует как «реалистический пацифизм», основанный «на глубоко антиимпериалистически-квиеетических инстинктах сельского юнкера». Разумеется, это неверно: основой политики Бисмарка был милитаризм, а не пацифизм; квиетизм, т. е. непротивленческая покорность «божественной воле», никак не был присущ «железному канцлеру». К тому же Бисмарк осуществлял свою политику в доимпериалистический период, когда «антиимпериалистические инстинкты» не могли и проявиться. Между тем прусское юнкерство, столь тесно связанное со всей системой германского милитаризма, являлось хорошей питательной почвой агрессивной политики. Сам Хальгартен обращает внимание на то, что бисмарковская политика — в интересах укрепления господства юнкерства — была направлена к усилению этой системы. Он показывает, как велико было воздействие генерального штаба при определении ряда вопросов внешней политики. И если Хальгартен утверждает, что в этих случаях Бисмарк находился «в полном противоречии со своими традициями и привычками», то это можно расценить лишь как своего рода дань традиционному представлению о «железном канцлере», созданному буржуазной историографией после первой мировой войны. Реализм Бисмарка определялся не его мирными устремлениями, тем более не «антиимпериализмом» юнкерства, а прежде всего учетом реальных интересов господствующих классов и возможностью их осуществления в меняющейся международной обстановке 70-х — 80-х гг. XIX в. К тому же германская политика во времена Бисмарка не раз доводила международные отношения в Европе до военного накала и в немалой степени способствовала тому, что другие державы развязывали войны на Балканах и в колониях.

Анализируя далее расстановку сил в Германии, содействовавших и противодействовавших «реалистическому пацифизму» в 70-х гг., Хальгартен утверждает, что «не только немногочисленные социалисты, но и.. финансовый капитал... воспринимали пацифизм позитивнее». И с этим утверждением трудно согласиться: во-первых, позицию социал-демократов того периода правильнее было бы характеризовать не как пацифистскую, а как антимилитаристскую, а во-вторых, в тот период процесс сращивания промышленного капитала с банковским был еще только в зачатке и, следовательно, финансовый капитал, в марксистско-ленинском его понимании, еще не существовал. По-видимому, Хальгартен имеет в виду интересы некоторых кругов немецкой финансовой буржуазии, связанных с международной биржей. К сожалению, это неправильное понимание природы финансового капитала имеет не только терминологическое значение. И в дальнейшем, анализируя внешнюю политику империализма, Хальгартен рисует дело так, будто эти круги («финансовый капитал»), заинтересованные в широких международных связях с финансовыми кругами других стран, прежде всего Англии, являлись сторонниками развития мирных отношений и противниками агрессивной политики империализма. Хальгартен приводит большой и интересный материал о нарастании империалистических интересов и импе-

³⁷ См. ниже: «Проблемы „восточной“ и „западной“ ориентации германской политики в бисмаркианской историографии».

риалистических настроений в Германии и о социально-экономических силах, которые побудили Бисмарка встать на путь колониальных захватов. Но и здесь он допускает смешение понятий, в результате чего искажается представление об истоках империализма: с одной стороны, он слишком выдвигает вперед роль «среднего сословия», а с другой — утверждает, будто уже в начале 80-х гг. существовал «современный империализм, опирающийся на наличие техники». Все это приходится иметь в виду и при рассмотрении проблем кризиса политики Бисмарка.

Попытка Хальгартена показать воздействие экономического кризиса на кризис политики Бисмарка, равно как и влияние аграрного кризиса на ход борьбы политических партий и исход выборов в рейхстаг в 1887 г., заслуживает внимания. Беда, однако, в том, что, склонный к экономическому материализму, Хальгартен порою слишком прямолинейно объясняет позиции партий движением цен на сельскохозяйственные продукты, хотя и связывает это с борьбой партий по вопросу о таможенных пошлинах, — вопросу, который имел немалое значение в экономических взаимоотношениях юнкерско-буржуазной Германии с царской Россией и Австро-Венгрией. Не меньшего внимания заслуживает анализ борьбы среди господствующих классов и политических партий, а на этой основе — различных группировок и клик, — борьбы, в результате которой последовало свержение Бисмарка с его поста. Однако здесь, как и раньше, Хальгартен игнорирует активную роль немецкого рабочего класса и его социал-демократической партии, которые были не только объектом внутренней политики и исключительных законов бисмарковского государства, но и субъектом собственной политики. Именно славная, беззаветная борьба немецкого рабочего класса наряду с другими факторами во многом предопределила крах бисмарковской системы. Увлеченный выяснением социологических основ германской внешней политики, в особенности анализом экономических интересов отдельных групп и партий господствующих классов, Хальгартен явно недооценивает массовое рабочее движение и политику социал-демократической партии как важнейший фактор классовой борьбы, в частности и по вопросам внешней политики. Значение этого фактора явно возросло в период «мировой политики» германского империализма.

4

Хальгартен подробно останавливается на важнейших социально-экономических предпосылках «мировой политики». И здесь, в результате анализа объективных фактов экономического развития Германии, он делает выводы, которые идут дальше, чем его исходные теоретические положения. Он показывает, как процесс концентрации производства сопровождается процессом концентрации банковского дела, а последнее обстоятельство «явилось существенной предпосылкой для широких финансовых операций во всех частях земного шара и служило интересам поддержки германской промышленности на мировом рынке». Он показывает, как складывающиеся монополии ринулись в схватку за источники сырья, за рынки сбыта товаров, а также — и это, разумеется, была новая черта — за сферы приложения капиталов. Стремясь, далее, обрисовать в конкретных терминах особые условия, определявшие специфику развития Германии в эпоху империализма, Хальгартен наряду с наличием в стране крупных природных богатств, необходимых для развития тяжелой промышленности, наличием резерва рабочей силы, постоянно пополняемого за счет сельского населения, наряду с милитаризмом и некоторыми другими исторически сложившимися важными условиями, выдвигает еще одно условие, которому он придает большое

значение. Речь идет о воздействии партикуляризма как последствия раздробленности Германии. Эта раздробленность, считает Хальгартен, «уберегла от уничтожения средние классы во время всемирного поворота», а империализм был заинтересован в том, чтобы подкармливать разоряющееся среднее сословие. В целом, пишет Хальгартен, «политика концернов, монополий, брожение в среднем сословии, милитаризм и иногда антисемитизм в экономике и внутренней политике, приспособление еще имеющихся остатков либеральных идей к интересам „политики мощи“, — вот что составляет основу новой Германии, что определяет мышление кайзера, давшего имя всей этой эпохе».

В такой обобщающей характеристике социально-экономических предпосылок «мировой политики» германского империализма бросаются в глаза два момента: во-первых, некоторая переоценка значения «среднего сословия» и, во-вторых, явная недооценка роли массового рабочего движения.

Разумеется, «средние классы» играли в Германии немалую роль, однако Хальгартен, по-видимому, склонен усмотреть в них самостоятельную силу, и притом не только в социально-политическом, но и в идеологическом отношении. Он считает, что Пангерманский союз зародился как организация, призванная мобилизовать «среднее сословие» против финансово-капиталистических кругов, и что идеология пангерманизма, «ее расовые, „народные“, антирационалистические, антилиберальные, антидемократические и цезаристские доктрины... сумели утвердиться в промышленности и среднем сословии». Между тем Пангерманский союз был идеологическим штабом наиболее агрессивных кругов германского финансового капитала, германского империализма, стремившихся утвердить свое влияние в более широких кругах буржуазии — средней и даже мелкой. Германский империализм был заинтересован в том, чтобы направить эти круги против рабочего, демократического и социалистического движения. В этом смысле и следует понимать правильное замечание Хальгартена, что Пангерманский союз является родоначальником идеологии немецкого фашизма.

В исследовании Хальгартена, как мы отметили выше, не нашлось места для уяснения роли массового рабочего движения. Между тем господствующие классы и во внутренней и во внешней политике не могли не считаться с этим движением, направленным против реакционной «политики сплочения» юнкерства и крупной буржуазии, против милитаризма, агрессивных авантюр германского империализма и подготовки войны. Как раз в период экономического кризиса 1900—1903 гг., а затем под влиянием русской революции 1905—1907 гг. и под воздействием экономического кризиса 1907 г. и, наконец, в 1910 г., когда в Германии, как отметил В. И. Ленин, сложилась своеобразная предреволюционная ситуация³⁸, рабочее и социалистическое движение достигло высокого уровня развития, — и это нельзя не учитывать при конкретно-историческом анализе социально-экономических предпосылок «мировой политики». К сожалению, в своем исследовании Хальгартен недооценивает значение этого вопроса, а когда и упоминает о нем, то явно переоценивает влияние и удельный вес реформизма и ревизионизма в немецком рабочем движении того времени. Анализ двух тенденций, боровшихся в немецком рабочем движении — революционной, социалистической, и оппортунистической; реформистской, — во многом обогатил бы «социологическое исследование германской внешней политики». Борьба этих тенденций входила в общий комплекс тех экономических, классовых и политических противоречий, выхода из которых германский империализм и милитаризм искали на пути к войне.

³⁸ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 17.

В своем исследовании Хальгартен приводит большой, яркий и интересный материал, который показывает, как эти внутренние, социально-экономические противоречия германского империализма сказывались на внешней политике. Он показывает корни экономических, политических и колониальных антагонизмов, которые в конце XIX и в начале XX веков так явно нарастали во взаимоотношениях между двумя империалистическими державами — Германией и Англией. Далее он вскрывает и корни нараставших экономических противоречий между Германией и Россией, в большой степени определивших также политические взаимоотношения между этими двумя державами. Наконец, он показывает, как «политика сплочения», т. е. союз между крупными промышленниками и юнкерами на основе усиления милитаризма, строительства крупного военно-морского флота, высокого таможенного тарифа и развертывания «мировой политики», остро выдвинула вопрос о внешнеполитической ориентации Германии. В целом Хальгартен стремится показать, какие внутренние силы определили внешнеполитический курс, который прокладывался «по принципу маятника» — между Россией и Англией.

При всем различии наших взглядов по общим методологическим вопросам и при различии некоторых выводов, вытекающих из конкретного анализа «политики сплочения» германского империализма как политики усиления реакции, экспансии и агрессии³⁹, мы должны признать, что многие наблюдения Хальгартена нам представляются правильными и плодотворными. Однако имеется один существенный вопрос, который свидетельствует о том, как ошибочная его трактовка в теории неизбежно повлекла за собою и неправильные выводы в конкретном исследовании. Речь идет о противопоставлении интересов финансового капитала не только интересам аграриев и «среднего сословия» (что теоретически и практически в известной степени оправдано), но и интересам милитаризма и тяжелой промышленности. В ряде случаев Хальгартен сам приводит факты, показывающие, как тесно переплелись промышленные монополии с банковским капиталом и как возникший на этой основе финансовый капитал был заинтересован не только в строительстве военно-морского флота, как орудия борьбы против главного империалистического соперника — Англии, но и в сухопутной армии, укрепляемой в целях войны против Франции и России. Тем не менее Хальгартен усматривает в немецком финансовом капитале только ту часть банковского капитала и экспортной торговли, которая была заинтересована в сотрудничестве с лондонским Сити. Вот почему Хальгартен в одном месте пишет даже следующее: «Опыт со всей очевидностью показывает, что мировой экспансии Германии препятствовали финансово-капиталистические интересы...». Между тем этот опыт свидетельствует о противоположном: финансовый капитал и его интересы являлись главной движущей силой германского юнкерско-буржуазного империализма.

Одностороннее и весьма ограниченное понимание финансового капитала в известной степени затруднило Хальгартену объяснение ряда конкретно-исторических вопросов. Так, например, анализируя политику германского империализма в Южной Африке в связи с англо-бурской войной, Хальгартен не связал перипетии этой политики со столкновением интересов двух групп немецкого финансового капитала — «Немецкого банка» и банка «Учетное общество», каждая из которых на разных этапах то сталкивалась с английским капиталом, то искала сотрудничества с ним⁴⁰.

В качестве примера, к чему приводит ограниченное и, следовательно, неправильное понимание финансового капитала, можно сослаться на то,

³⁹ См. А. С. Ерусалимский. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века. М., 1951.

⁴⁰ См. ниже: «Германский империализм и возникновение англо-бурской войны».

как Хальгартен расценивает проникновение германского капитала в Китай на рубеже XIX и XX веков. Правильно отмечая, что немецкие банки действовали на Дальнем Востоке в тесном сотрудничестве с крупнейшей английской компанией — «Гонконг-Шанхайским банком» («Hongkong and Shanghai Banking Corporation»), Хальгартен приходит, далее, к выводу, что «английские и германские интересы в Шаньдуне и в районе реки Янцзы были тесно связаны между собою». В этом он усматривает экономические корни англо-германского соглашения о Янцзы 1900 г.; он считает, что это соглашение было подписано германским правительством «в интересах немецких судоходных компаний». Нам представляется, что Хальгартен не заметил, как под оболочкой сотрудничества германского и английского капитала в Китае быстро укреплялись и расширялись самостоятельные позиции и интересы германского финансового капитала в этой стране⁴¹. Соглашение о Янцзы было продиктовано с немецкой стороны не только интересами военной промышленности и судоходства, но и интересами более широких кругов финансового капитала, которые рассматривали свое проникновение в Китай как одну из составных частей своей «мировой политики». Англо-германское соглашение о Янцзы было не только попыткой сближения между английским и германским империализмом в целях вытеснения влияния царской России в Китае, но и, как показал дальнейший ход событий, одной из конкретных форм растущего антагонизма между финансовым капиталом Англии и Германии.

Хальгартен понимает объективное значение нараставших англо-германских противоречий, предопределивших, в частности, крах дипломатических переговоров о союзе между Англией и Германией. Если буржуазные исследователи, в том числе наиболее крупный из них Гофман, стремились доказать, что экономической основой этих противоречий была торговая конкуренция⁴², то Хальгартен на большом материале показывает, что сущность этих противоречий была империалистической. «...Как раз этот вид конкуренции,— пишет он,— наименее характерен для сущности англо-германского антагонизма. Англо-германское расхождение объясняется... скорее тенденцией монополизировать для экспорта капитала и потребностей собственной промышленности максимум рынков сырья. В результате вся проблема попала в сферу насилия, „политики мощи“ и флотской политики». С другой стороны, при объяснении конкретных событий международной политики (русско-германский торговый договор, политика Германии накануне и во время русско-японской войны, марокканские конфликты и другие события, связанные с колониальной политикой германского империализма) Хальгартен немало внимания уделяет вопросу о влиянии аграриев на внешнюю политику Германии, раскрывая при этом их экономические интересы. И хотя он не пользуется определением германского империализма того периода как юнкерско-буржуазного, тем не менее весь приведенный им материал лишь подтверждает, насколько теоретически точным и исторически правильным является определение, выработанное В. И. Лениным применительно к эпохе первой мировой войны и ее подготовки. Но это только подчеркивает непоследовательность Хальгартена, проистекающую из его общих теоретических взглядов.

Эта непоследовательность еще более досадно сказывается во второй и, нужно признать, наиболее интересной половине его исследования. В этой части своего труда он исследует внутривластные основы той перегруппировки сил на международной арене, которая привела, с одной

⁴¹ См. ниже: «Германские монополии в Китае на рубеже XIX—XX веков».

⁴² R. J. S. Hoffman. *Great Britain and the German Trade Rivalry 1875—1914*. Philadelphia — London, 1933.

стороны, к созданию Тройственного согласия (Англия, Франция и Россия), а с другой — к кризису «политики маятника» и растущей изоляции Германии в условиях усилившейся экспансии германского империализма (борьба за влияние в России, колониальная политика в Африке, германское «внедрение» в Голландию и Бельгию и т. д.). Особое внимание Хальгартен уделяет вопросу о проникновении германского империализма на Ближний Восток, в частности, в связи со строительством Багдадской железной дороги. Многие приводимые им материалы свежи и интересны. Но, будучи увлечен задачей показать роль Круппа и вообще военной промышленности, он не видит более широких аспектов германской политики на Ближнем Востоке⁴³. Много важных и интересных наблюдений Хальгартен сделал и там, где он, показывая усилия германской дипломатии устранить опасность международно-политической изоляции Германии, анализирует социально-экономические условия, наличие которых объективно определило неизбежную неудачу этих усилий. Далее, выйдя за пределы анализа движущих сил германской империалистической экспансии и внешней политики, он обратился к анализу более широкой проблемы — социологических предпосылок первой мировой войны.

В этой связи Хальгартен уделил много места и внимания рассмотрению «социологических основ» внешней политики не только германского, но и английского, французского и русского империализма⁴⁴. С большим мастерством и порою не без злой иронии и сарказма он раскрывает механизм влияния крупных монополий, финансовых клик, крупных промышленных магнатов и пушечных королей на политику правительств, разоблачает финансовые махинации, которые лежали в основе дипломатических комбинаций и политики колониальных захватов. Хальгартен рисует впечатляющую картину беспримерного биржевого ажиотажа и погони за легкой наживой, которым безудержно предавались воротилы капиталистического мира, их политики, дипломаты, журналисты и просто крупные и мелкие хищники, например в Конго и Камеруне. Факты колониального грабежа могли бы казаться почерпнутыми из хроники уголовной жизни, если бы они не составляли существа колониальной политики империалистических держав, больших и малых. Эти факты являлись составной частью того механизма колониальной эксплуатации и колониального соперничества, который, превращаясь в дело государственной политики господствующих классов, не раз ставил мир, применяя термин нашего времени, «на грань войны».

Не менее интересно и важно многое из того, что Хальгартен пишет о зловещей роли крупных магнатов военной промышленности: Круппа — в Германии, «Шнейдер-Крезе» — во Франции, «Армстронг» — в Англии, Путилова — в России. Исследование глубоких связей, скрытых под покровом тайны, между пушечными королями различных стран обнажает сложную систему рычагов давления на правительства в целях разжигания военных конфликтов. В систему этих рычагов входили и инспирируемая пресса, и парламентские инсценировки, и тайные подкупы политических деятелей путем соответствующего распределения акций и дивидендов, и широкая коррупция высшей бюрократии и включение в состав правительств прямых агентов военных концернов. Хальгартен показы-

⁴³ См. Г. Л. Бондаревский. Багдадская дорога и проникновение германского империализма на Ближний Восток (1888—1903). Ташкент, 1955.

⁴⁴ Социально-экономическую основу внешней политики царской России Хальгартен определяет как «феодалный милитаризм», что приближается, но далеко не совпадает с ленинской характеристикой русского империализма как военно-феодалного. При написании своей работы Хальгартен опирался на труды М. Н. Покровского, хотя по некоторым конкретным вопросам полемицировал с ним. Анализ теоретических взглядов В. И. Ленина см. А. Л. Сидоров. В. И. Ленин о русском военно-феодалном империализме («История СССР», 1961, № 3).

вает, что по мере роста империалистических противоречий шел процесс быстрого роста военной промышленности и вооружений, который в свою очередь превращался в могущественный фактор, стимулировавший империалистическое соперничество держав и толкавший их к войне. Это относилось к морским вооружениям (строительство dreadnoughtов), которые разжигали соперничество в первую очередь между Германией и Англией, и в одинаковой степени к сухопутным вооружениям, которые разжигали соперничество между австро-германским военным блоком, с одной стороны, и франко-русским — с другой. Такое соперничество приносило огромные прибыли пушечным королям, которые, прикрываясь маской патриотизма и раздувая военную опасность, а заодно военные бюджеты государств, создали своего рода «Интернационал смерти». Как утверждает Хальгартен, именно магнаты военной промышленности толкали правительства европейских стран сделать последний «рывок к войне», и в конце концов они добились того, что этот «рывок» в кровавую пропасть был совершен... Выдвигая на первый план роль пушечных королей, Хальгартен тем самым явно отодвигает на задний план роль империалистических монополий и финансового капитала в целом. Но еще никогда часть не была равна целому. Если Хальгартен, по сути дела, пришел к обратному выводу, то в этом повинны его исходные теоретические позиции.

Хальгартен очень много места уделяет анализу роли военной промышленности в назревании империалистических конфликтов, сотрясавших мир в начале XX в., и самого крупного из них — первой мировой войны. Создается впечатление — и не только у читателя, но, по-видимому, у самого автора, — что именно военная промышленность являлась главной движущей силой империалистической экспансии и войны. Вот почему заключительный фрагмент «Идеи — люди — силы», включенный в немецкое издание, Хальгартен начинает с вопроса: «Можно ли утверждать, что... военная промышленность повинна в возникновении мировой войны?» И тут же отвечает: «С таким утверждением, по крайней мере в подобной формулировке, никогда не выступит даже самый строгий марксист, не говоря уже о серьезно мыслящем немарксисте». Хальгартен считает, что «проблема... военной промышленности предстает по меньшей мере лишь как часть общей большой проблематики» (он имеет в виду общую проблематику капитализма и империализма). В рамках этой проблематики он конструирует механизм взаимодействия капиталистического общества и военной промышленности в следующих выражениях: «...Капиталистическое общество... предоставляло денежные средства промышленности. Это же самое общество через государственный аппарат пускало в ход налоговый пресс, с помощью которого оплачивались вооружения; наконец государству и обществу при раздаче заказов на поставки принадлежал выбор между отдельными претендентами — все это функции, имевшие жизненно важное значение для самого существования военной индустрии, и на них надо было оказывать постоянное воздействие с помощью печати. До войны крупные банки были главными акционерами германской промышленности вооружений... Кроме того, военная промышленность вела дела на международной основе... Дело не только в том, что военные концерны были заинтересованы в увеличении вооружений за границей, поскольку рост вооружений в иностранных государствах влиял на уровень вооружений в собственной стране. Кроме сказанного выше, необходимо отметить, что происходило слияние предприятий военной промышленности разных стран...». Отмечая, что Вильгельм II, имевший тесные связи с фирмой Крупин, «поощрял стремление германской военной промышленности получать иностранные заказы», Хальгартен в конце своей книги пришел к начальному общему выводу: «Для вильгельминизма чрезвычайно типичны эти тесные связи

с (военной.— А. Е.) промышленностью и монополистическим капитализмом». Но эти связи типичны не только для вильгельминизма.

Еще накануне первой мировой войны В. И. Ленин обратил внимание на «хитрую капиталистическую „механику“ вооружений». Он уже тогда отметил, что «судостроительные и пушечные, динамитные и ружейные фабрики и заводы представляют из себя *международные предприятия*, в которых капиталисты разных стран дружно надувают и обдирают, как липку, „публику“ разных стран...»⁴⁵. Уже в 1908 г. Ленин пришел к выводу, что «современный милитаризм есть результат капитализма. В обеих своих формах он — „жизненное проявление“ капитализма: как военная сила, употребляемая капиталистическими государствами при их внешних столкновениях („*Militarismus nach aussen*“, как выражаются немцы) и как оружие, служащее в руках господствующих классов для подавления всякого рода (экономических и политических) движений пролетариата („*Militarismus nach innen*“)»⁴⁶.

Хальгартен широко показывает милитаризм в первой форме его проявления и более чем скуп — во второй. Вот почему его социологическое исследование германской внешней политики не дает ответа, по крайней мере исчерпывающего ответа, на вопрос: какие социальные силы были или могли стать барьером на путях германского империализма и милитаризма к войне? Это связано с другим вопросом: каким образом германский империализм, который видел размах рабочего и социалистического движения, сумел при помощи правых лидеров социал-демократии временно отбросить это движение далеко назад? И на этот вопрос Хальгартен не дает ответа. Вместе с тем, анализируя расстановку сил в лагере господствующих классов, Хальгартен утверждает, что «мировой экспансии Германии препятствовали финансово-капиталистические интересы». Не раз выдвигая мысль о возможной сдерживающей силе «финансово-пацифистских кругов», он поясняет свою мысль в следующих словах: «Крупные финансисты были на „ты“ с империалистическими правительствами не только из страха перед социализмом; их международные связи не одинаковы и в каждом случае должны рассматриваться особо. Они могут являться сильной поддержкой для пацифизма, особенно в периоды, когда промышленность различных стран объединяется в картели и при этом поддерживается финансистами. С другой стороны, они могут усиливать трения».

Не разделяя ленинской концепции империализма, Хальгартен считает, что только финансисты, имеющие широкие международные связи, представляющие интересы финансового капитала; тем самым в какой-то степени он противопоставляет их общим интересам агрессивного империализма. Разумеется, эти международные финансовые связи не были, да и не могли быть, серьезным препятствием на пути к империалистической войне. Наоборот, участие германского финансового капитала в международных союзах капиталистов являлось одной из форм его экспансии и стремления к переделу мира. Ведь и военная промышленность, как признает Хальгартен, имела широкие финансовые связи. В целом концепция Хальгартена сводится к тому, что «военная промышленность как по своему экономическому, так и социальному значению была... одной из составных частей — правда, ведущей, — в том комплексе интересов», который определяется им как империализм⁴⁷.

⁴⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 175, 176.

⁴⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 187.

⁴⁷ Интересно отметить, что эту же мысль Хальгартен положил в основу и нового исследования, в котором на основании неопубликованных документов стремился показать связи гитлеровского фашизма с милитаризмом и тяжелой промышленностью. См. G. W. F. Hallgarten. Hitler, Reichswehr und Industrie. Zur Geschichte der Jahre 1918—1933 Frankfurt a/M., 1955.

Таким образом, несмотря на противоречивость своей общей концепции, вытекающую из разнородности его философско-исторических и социологических взглядов, Хальгартен в ходе своего исследования пришел к выводу, что внешней политике германского империализма всегда были присущи свойства особой агрессивности и авантюризма и что эти свойства были порождены «уже давно существовавшей диспропорцией германской социальной и экономической системы», т. е. глубокими внутренними противоречиями германского империализма. «По этой причине,— заключает Хальгартен свое исследование,— возникла необходимость в насильственных решениях, по этой причине Германия со всем своим населением, находившимся под властью военной касты, неудержимо устремлялась от одной катастрофы к другой».

Ясно, что подобного рода выводы не могли найти резонанса в Западной Германии, где крупные монополии и милитаризм полностью сохранили свое господство. Попытка Ф. Мейнеке, предпринятая после военного разгрома «третьей империи», осмыслить «немецкую катастрофу»⁴⁸ как «величайшую загадку» являлась лишь свидетельством глубокой идейной растерянности немецкой буржуазной интеллигенции тех времен. Но уже вскоре реакционная историография в Западной Германии, консолидировав свои силы, открыто и целеустремленно включилась в дело реставрации идеологических основ германского империализма применительно к новым задачам⁴⁹. Не удивительно, что в этих условиях она постаралась замолчать работу Хальгартена. Встав на путь апологии милитаризма и его исторических традиций, она в то же время вернулась к старым, изжившим себя схемам дипломатической истории⁵⁰ и тем самым в методологическом отношении вернулась в тот самый тупик, из которого Хальгартен пытался найти выход.

Этот выход нашла прогрессивная историческая наука в той части Германии, где устранено господство империалистических монополий и агрессивного милитаризма. Решительно порвав с идеологией и традициями немецкой буржуазной историографии, молодая, набирающая силы историческая наука в Германской Демократической Республике в последние годы обогатилась рядом серьезных трудов по отдельным вопросам истории германского империализма конца XIX — начала XX веков⁵¹. Ее исходные научные позиции — марксистско-ленинская методология. И в этом залог ее успеха.

Исходные теоретические позиции Хальгартена иные: он не сумел пойти на полный разрыв с методологическими идеями немецкой буржуазной философии истории и социологии. И поэтому, сделав крупный шаг вперед, он все же не мог найти выхода из кризиса, который они переживают.

⁴⁸ F. Meinecke. Die Deutsche Katastrophe. Wiesbaden, 1949.

⁴⁹ См. ниже: «О некоторых попытках реабилитации германского империализма», «Идеология германского империализма и реальности нашего века». E. Engelberg. Über das Problem des deutschen Militarismus.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1956, № 6; W. Berthold. «...grosshungern und gehorchen». Zur Entstehung und politischen Funktion der Geschichtsideologie des westdeutschen Imperialismus untersucht am Beispiel von G. Ritter und F. Meinecke. Berlin, 1960.

⁵⁰ См., например, F. Haselmayer. Diplomatische Geschichte des Zweiten Reiches von 1871—1918. Bd. I—V. München, 1955—1962.

⁵¹ См. J. Kuczynski. Studien zur Geschichte des deutschen Imperialismus, Bd. I—II. Berlin, 1950—1952; A. Schreiner. Zur Geschichte der deutschen Aussenpolitik 1871—1945, Bd. I. Berlin, 1955; А. Норден. Уроки германской истории. К вопросу о политической роли финансового капитала и юнкерства. М., 1948; H. Stoecker. Deutschland und China im XIX. Jahrhundert. Berlin, 1958; он же. Kamerun unter deutscher Kolonialherrschaft, Bd. I. Berlin, 1960; K. Büttner. Die Anfänge der deutschen Kolonialpolitik in Ostafrika. Berlin, 1959; K. Stenkewitz. Gegen Bajonett und Dividende. Berlin, 1960; L. Rathmann. Araber stehen auf. Berlin, 1960.

Существует в буржуазной историографии представление, будто история учит только тому, что она ничему не учит. Хальгартен не разделяет этого взгляда. Он надеется, что, показав в своей работе «груз исторического наследия», которым обременен современный империализм, он как бы предостерегает капиталистическое общество относительно будущего. «Недостаточная решимость покончить с прошлым,— пишет Хальгартен,— смело пожертвовать все равно потерянными позициями, вероятно, дорого обойдется капитализму в его борьбе за существование». И все же Хальгартен надеется, что правящие круги Запада извлекут уроки из истории, откажутся от колониализма и тем самым смогут «предотвратить катастрофу и загладить грехи, допущенные в этой области... в классический период империализма». Вот почему в «Предисловии 1950 года», предпосланном его исследованию, Хальгартен писал: «Труд адресован всем тем, в ком ужасы истекших десятилетий еще не погасили надежды на возможность проникнуть разумом в суть вулканических извержений исторического процесса и обуздать их. Он написан для тех, кто по убеждению или инстинктивно пришел к выводу, что к пониманию сущности этого периода нельзя приблизиться, применяя методы как гитлеровской, так и догитлеровской историографии, которая рассматривала технологию „политики силы“ как движущий фактор исторического развития. Он посвящен всем тем, кто в обломках мира, разрушенного войной, ищет средства подчинить себе слепые силы якобы неотвратимого исторического процесса, тем, кто не желает стать беспомощной жертвой апокалиптических всадников, которые сегодня, как и в начале нынешнего века, грозят растоптать человечество своими подковами».

Для нас крупное исследование Хальгартена ценно не только тем, что включает в себе обширный и интересный фактический материал, но прежде всего тем, что, выйдя за рамки традиционной буржуазной историографии, оно в не малой степени помогает уяснить, как алчные интересы господствующих классов приводят в действие механизм империалистической экспансии, агрессии и войны.

1961 г.

ГЕРМАНСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ АНГЛО-БУРСКОЙ ВОЙНЫ

Поздней осенью 1899 г. среди националистических и шовинистических элементов Германии царило необычайное возбуждение. В Берлине, Гамбурге и в других крупных и мелких городах тысячи людей собирались у витрин редакций наиболее распространенных газет, чтобы поскорее узнать последние сообщения, поступившие из Лондона, из Гааги, а главное из Южной Африки. Там, в отдаленном уголке земного шара, в эти дни развернулись события, которые сразу привлекли к себе внимание не только правительственных канцелярий, высших военных инстанций, дипломатии и биржи, но и широких общественных и политических кругов почти во всех странах Старого и Нового света. То была война, только что начавшаяся между крупнейшей колониальной державой — Великобританией и двумя небольшими бурскими республиками — Трансваалем и Оранжевой.

Наряду с войной, которую Соединенные Штаты Америки вели в 1898 г. против Испании в целях захвата ее колоний — Кубы и Филиппин, война, предпринятая Англией в Южной Африке, знаменовала собой, как впоследствии отметил В. И. Ленин, начало новой эпохи мировой истории, эпохи господства финансового капитала, эпохи империализма¹. В прошлом мировая история знала много войн, которые велись в целях расширения торговли и колониальных владений капиталистических держав, но никогда еще интересы монополистического капитала и финансовой олигархии не играли такой решающей, всеопределяющей роли, как в этих войнах. То были первые в мировой истории войны в целях частичного передела поделенного мира.

Историческое значение англо-бурской войны было велико. Исследование обстоятельств возникновения этой войны дало бы возможность, во-первых, осветить методы и цели агрессивной политики английского империализма в Южной Африке и, во-вторых, вскрыть исторические корни расистской политики и идеологии верхов бурских республик — политики и идеологии, унаследованных ныне господствующими классами Южно-Африканской республики. Не следует забывать, что война и предшествовавшие ей события экономической, политической и дипломатической истории были тесно связаны с борьбой за монопольную эксплуатацию огромных природных богатств и основных производителей материальных благ в Южной Африке — многочисленных племен и народностей, составляющих коренное население страны. Хотя рабство было формально отменено в английских колониях еще в 1833 г., фактически оно существовало даже в конце XIX в. Это отмечали и внимательные современники. Так, в июле 1896 г. русский дипломат Лессар, обозревая по материалам лондонских газет положение в Южной Африке, писал:

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 164

«В местных газетах нередко встречаются объявления об уступке за такую-то цену партии черных рабочих, законтрактованных на долгие сроки». «Что это значит,— многозначительно заключал он,— известно всем, как известно также, как обходятся хозяева с этими „законтрактованными рабочими“»². Не в лучшем положении находилось и индийское население, которое появилось в Южной Африке в результате эмиграции, организованной по соглашению между колониальными властями в Индии и в Натале³. Положение индийских, а также насильственно законтрактованных китайских рабочих в бурских республиках было еще хуже, чем в английских колониях. В 1899 г. бурское правительство опубликовало указ, по которому все выходцы из Азии загонялись в своего рода гетто, лишались человеческих прав и, по сути дела, низводились до уровня порабощенного коренного населения страны.

Проблема возникновения англо-бурской войны, как одной из первых войн империалистического типа, имеет, таким образом, много сложных и важных аспектов. Задача настоящего исследования — показать роль германского империализма в возникновении этой войны, показать, насколько позволяют источники, мотивы тех изменений, которые произошли в политике кайзеровского правительства при возникновении англо-бурской войны в 1899 г. по сравнению с его позицией во время Трансваальского кризиса в 1895—1896 гг. Эти изменения были таковы, что германское правительство в данном вопросе заняло позицию, которая практически являлась, как мы увидим, поддержкой английского империализма.

Резкое расхождение английских и германских империалистических интересов в Южной Африке обнаружилось уже в середине 90-х годов⁴. Золотая лихорадка, вспыхнувшая в Южной Африке в связи с обнаружением желтого металла в районе Йоганнесбурга, быстро охватила правящие круги не только Лондона, но и Берлина. Создание «Нидерландско-Южно-Африканской компании железных дорог» и открытие железнодорожной магистрали, соединяющей столицу Трансвааля Преторию с морем у бухты Делогоа, усилило проникновение германского капитала в Трансвааль. Крупные берлинские банки во главе с «Немецким банком» («Deutsche Bank») принимали непосредственное участие в финансировании строительства этой дороги, так же как ряд крупных промышленных фирм и монополий Западной Германии во главе с фирмой Круппа осуществляли это строительство и выступали поставщиками рельсов, вагонов, паровозов и всего остального железнодорожного оборудования. Кроме того, немецкие банки через голландские имели капиталовложения в «Трансваальском национальном банке» или открывали в Трансваале свои отделения. Когда правительство Трансвааля создало «Динамитную компанию», то оказалось, что значительная часть ее акций находится в руках германских банков. Однако наиболее мощной финансовой группой, заинтересованной в Трансваале, был «Немецкий банк». Его дирек-

² АВПР, К. 189, д. 128, лл. 196—200. Деша Лессара. Лондон. 22(10) июля 1896, № 49.

³ О бесправном положении индийцев были даже запросы в английской палате общин. На эти запросы министр колоний Джозеф Чемберлен отвечал стереотипной фразой: «Приняты меры для устранения расовых различий». См. *Parliamentary Debates (House of Commons)*, s. IV, v. XXXVII, 14.II 1896, p. 345.

⁴ См. J. N. Riesser. *Die deutschen Grossbanken und ihre Konzentration im Zusammenhange mit der Entwicklung der Gesamtwirtschaft in Deutschland*. Jena, 1910, S. 332; R. I. Lovell. *The Struggle for South Africa. A study of Economic Imperialism 1875—1899*. New York, 1934, p. 346; W. L. Langer. *The Diplomacy of Imperialism 1890—1902*, V. I. New York, 1935, p. 219; K. Helfferich. *Georg Siemens*, Bd. II. Berlin, 1923, S. 286—287; G. W. F. Hallgarten. *Imperialismus vor 1914*, Bd. I. München, 1951, S. 316—337, 360—371, 397—421; А. С. Ерусалимский. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века. Глава II. Трансваальский кризис и германские планы «континентальной Антанты».

тор Георг Сименс, не менее чем лидер английских империалистов Сесиль Родс, был привлечен трансваальским золотом. Сименс начал с того, что создал в Йоганнесбурге крупное акционерное общество, во главе которого он поставил одного из своих родственников Адольфа Герца. Но, в отличие от английского капитала, германский капитал не мог действовать методами прямого захвата: не было ни плацдарма, ни кадров, ни военных и других предпосылок, необходимых для осуществления политики аннексий в Южной Африке. Тем не менее тотчас же после того, как Сесиль Родс, тесно связанный с финансовой олигархией Англии, стремившейся утвердить и расширить «золотую монополию», направил банды под командованием своего сподвижника Джемсона в Трансвааль в целях захвата Йоганнесбурга, последовало дипломатическое вмешательство кайзеровской Германии и резкое обострение империалистических противоречий между Англией и Германией.

Не входя в рассмотрение вопроса об историческом значении Трансваальского кризиса, возникшего в связи с вторжением банд Джемсона в Трансвааль⁵, следует, однако, отметить, что крах разбойничьего набега Джемсона означал в тот момент и крах разработанных Сесилем Родсом английских планов создания федерации в Южной Африке. Поскольку буры, идеология которых имела явно выраженную расистскую окраску, считали себя южноафриканским ядром белой расы, призванной господствовать над массой цветного населения всей занятой ими территории, Сесиль Родс сначала пытался играть на этих взглядах: он призывал буров к сплочению с Англией в рамках единой Южно-Африканской федерации в целях совместной борьбы против цветного населения. Он имел в виду, таким образом, подчинить буров господству английского империализма.

Разбойничий набег Джемсона, потерпевший неудачу, разоблачил Сесилия Родса перед лицом бурского населения всей Южной Африки. Правда, созданный английским правительством Комитет по расследованию обстоятельств, связанных с организацией набега Джемсона, уже вскоре снискал ироническое название «Комитета по нерасследованию». Министр колоний Джозеф Чемберлен заявил, будто он ничего не знал о рейде Джемсона. Это была ложь, которую нетрудно было бы разоблачить, если бы Сесиль Родс положил на стол досье, состоящее из 54 писем и телеграмм, которыми Лондон и Кейптаун обменивались в месяцы, предшествовавшие аванюре Джемсона. Летом 1896 г., опасаясь разоблачений, Чемберлен подал в отставку, которая, однако, не была принята. Более того, Чемберлен был назначен членом Комитета по расследованию. Не удивительно, что этот комитет оттянул свою работу до начала 1897 г. К этому времени известный английский журналист Стид опубликовал отчет «История тайны», который в некоторой степени способствовал тому, чтобы запутать дело. Когда, наконец, Комитет по расследованию приступил к работе, он сделал все от него зависящее, чтобы спасти репутацию Сесилия Родса, а в еще большей степени Джозефа Чемберлена. Вскоре досье, компрометирующее обоих деятелей английского империализма, было уничтожено, и, таким образом, «Комитет по нерасследованию» мог считать, что он блестяще справился со своей задачей.

Однако недавно среди личных бумаг Сесилия Родса, хранящихся в Оксфорде, были обнаружены копии документов, находившихся в уничтоженном досье,— копии, которые не оставляют сомнений, что за спиной

⁵ См. Е. В. Тарле. О приемах буржуазной дипломатии — «История дипломатии», т. III. М.—Л., 1945, стр. 745—749; А. С. Ерусалимский. Указ. соч., стр. 86—123. См. также интересное документированное исследование J. Van der Poel. The Jameson Raid. Cape Town — London — New York, 1951.

организаторов разбойничьего набега Джемсона находился не только С. Родс, но и министр колоний Дж. Чемберлен⁶.

Когда весть о крахе авантюры Джемсона достигла Берлина, Пангерманский союз не преминул воспользоваться ею. В многочисленных брошюрах и книгах, наводнивших Германию и Южную Африку, в иллюстрированных журналах и в дешевых газетных листках, на собраниях националистических фереинов — везде с умилением расписывались идиллические картинки быта и нравов буров как «братьев по племени», выполнивших великую историческую миссию в качестве носителей «нижнегерманского языка и культуры в Южной Африке» и борющихся за свое существование против многочисленных орд чернокожих дикарей и против гнета английских колонизаторов. И в Германии, и в Южной Африке Пангерманский союз вел пропаганду в пользу создания «Новой Великой Германии в Южной Африке»⁷. За этим пышным лозунгом скрывалось стремление некоторых наиболее агрессивных кругов германского империализма создать собственную колониальную империю, которая, включив земли Южной Африки, населенной бурами, а также уже имеющиеся там германские колониальные владения, простиралась бы от Атлантического океана до Индийского. С другой стороны, поражение самонадеянных английских захватчиков в самом начале 1896 г. вызвало среди всех буров Южной Африки взрыв антианглийских настроений, в атмосфере которых правящие круги Трансвааля стали пропагандировать план создания «Федерации африкандеров от Лимпопо до Кейптауна». То был план создания «Соединенных Южно-Африканских штатов», имевший в виду вытеснение влияния английского империализма и утверждение господства буров над всеми племенами и народностями Южной Африки. Между тем, как отметил Лессар в конце июля 1896 г., «удар, нанесенный английскому престижу, послужил сигналом к восстанию матабеле». Он даже сообщал, что «восстание матабеле, почти подавленное, возобновилось: их примеру последовали боязливые и добродушные машона, а теперь появились признаки брожения среди макалалка»⁸. В этих условиях перед Дж. Чемберленом, С. Родсом и их империалистической группой встала задача: прежде чем приступить к подготовке нового нападения на Трансвааль и к устранению со своего пути германских соперников, подавить восстание коренного населения. Поскольку бурские колонизаторы сами начали осуществлять ряд военных экспедиций против коренного населения, они тем самым помогли английским империалистам укрепить свои позиции. Подавив движение коренного населения, обе стороны — правящие круги Англии и Трансвааля — развязали себе руки и приступили к активной подготовке войны.

Большие военные заказы, которые втайне стали поступать из Трансвааля и из Англии, вызвали на европейской бирже приподнятое настроение. Особенно были активны пушечные короли Германии. Крупн получил большие заказы на поставку артиллерийских орудий. Берлинская фирма «Леве» добилась заказов на поставку большого количества ружей системы Маузера. На поставках бельгийского оружия бурам хорошо заработали и некоторые торговые фирмы в Англии, которые не могли не знать, что это оружие будет употреблено против английских солдат. Со своей стороны, немецкие фирмы, поставляя оружие бурам для войны против Англии, не упустили возможности поживиться и за

⁶ С. М. Woodhouse. The Missing Telegrams and the Jameson Raid.—«History Today» London, June 1962, v. XII, № 6, p. 395—404; Elizabeth Longford. Lost Jameson Raid Telegrams Found.—«Times», 29 июня 1962 г.

⁷ «Alldeutsche Blätter», № 18, 20 мая 1897 г.

⁸ АВПР, К. 189, д. 128, лл. 196—200. Делеша Лессара. Лондон, 22 (10) июля 1896, № 49. См. также «Народы Африки» Под ред. Д. А. Ольдерогге, И. И. Потехина. М., 1954, стр. 557, А. Давидсон. Матабеле и Машона в борьбе против английской колонизации 1888—1897. М., 1958.

счет продажи оружия и боеприпасов английской армии, которая готовилась к войне против буров. Многие крупные капиталисты в странах Западной Европы задолго до начала войны стали извлекать из нее прибыли. Они были заинтересованы в том, чтобы поддерживать и раздувать напряженность отношений между Англией и бурами.

В этом особенно были заинтересованы империалистические воротилы в Германии, и притом не только те, кто подобно Круппу уже успел получить высокие прибыли. Заинтересованы были и более широкие круги германского финансового и промышленного капитала, рассматривавшие Англию как крупнейшего конкурента на мировом рынке и стремившиеся создать ей новые политические и военные затруднения в Южной Африке. Даже те круги, которые, будучи непосредственно связаны с трансваальскими или вообще с южноафриканскими делами, рассчитывали усилить свою экспансию на других театрах мирового соперничества — в Китае или в Турции, даже они строили свои планы в известной степени на том, что смогут удачней, быстрее и полней осуществить свои цели, если внимание их английских соперников будет отвлечено в другом направлении. Учитывая интересы различных групп господствующих классов, германское правительство исходило из того, что любые затруднения, которые встанут перед правящими кругами Англии, сделают их более податливыми в отношении вымогательств, с которыми время от времени, но все более часто выступала германская дипломатия, требуя по каждому поводу, а иногда и без всякого повода компенсаций в виде колониальных уступок. В данном случае германская дипломатия учитывала еще одно обстоятельство: она считала, что чем сильнее правительство Трансвааля почувствует угрозу со стороны Англии, тем более определенно оно будет вынуждено склоняться в сторону Германии, тем скорее оно будет вынуждено допустить усиление германского финансово-экономического, политического и дипломатического влияния в своей стране.

И в этом отношении застрельщиком являлся Пангерманский союз, который тщательно следил за английскими происками в Трансваале. Он отмечал каждый факт, свидетельствовавший о том, что мысль о захвате золотоносной бурской республики не оставляла английских империалистов. Но и германские империалисты все еще не оставили эту беспокойную мысль. На съезде, состоявшемся в июне 1897 г. в Лейпциге, Пангерманский союз разработал обширную и детальную программу германской политики в трансваальском вопросе — программу, которая выражала стремление использовать напряженность, создавшуюся в Южной Африке, в интересах германского империализма.

Пангерманский союз требовал от германского правительства прежде всего осуществления таких мер, которые должны были предотвратить или сорвать попытки Англии установить свой контроль над португальским Мозамбиком. В случае, если бы Англии это удалось, Трансвааль был бы лишен единственного выхода к морю, а Германия лишилась единственного прохода в Трансвааль. Это означало бы полное окружение и блокирование Трансвааля, что в огромной мере облегчило бы Англии осуществление захвата этой страны. С другой стороны, португальский порт Лоренцо-Маркеш, расположенный в бухте Делагоа, служил главной и единственной точкой опоры для проникновения германского империализма в бурские республики — Трансвааль и Оранжевую.

Поскольку германское правительство не имело сил и возможности захватить этот порт в свои руки, Пангерманский союз настоятельно требовал, чтобы он оставался в португальских руках, т. е. свободным от непосредственного контроля Англии. А так как железная дорога, проходящая от Претории через Мозамбик до Делагоа, была построена в основном группой германского финансового капитала, германская дипломатия имела достаточно веский повод, чтобы заявить о своей заинте-

ресованности в судьбе португальского порта Лоренцо-Маркеш и всей бухты Делагоа. Ее усилия были направлены к тому, чтобы сорвать попытки Англии установить свое господство или свой контроль в этой части португальских владений.

Со своей стороны, Пангерманский союз считал необходимым воспользоваться намечающимися агрессивными поползновениями Англии в бурских республиках, чтобы под видом оказания им помощи и сохранения там мира и порядка в кратчайшие сроки в наибольшей степени обеспечить усиление в них германского влияния. С этой целью германское правительство должно было, как указывалось в резолюции пангерманского съезда, «покрыть сетью германских консульств» всю Южную Африку, в особенности Мозамбик и республики Трансвааль и Оранжевую. По мнению Пангерманского союза, задача этих консульств должна была заключаться в том, чтобы содействовать сплочению между «верхнегерманским элементом (Hochdeutsche) и нижнегерманским» (Niederdeutsche), т. е. между немецкими поселенцами и бурами, «в целях укрепления германских интересов». Немецким поселенцам в «нижнегерманских государствах, и в особенности в Трансваале», должны были быть даны указания окончательно отмежеваться от английских поселенцев — уитлендеров, не поддаваться «лозунгам свободы и демократии», при помощи которых английские агенты и их сторонники «подрывают фундамент нижнегерманских государств», и придерживаться этой линии до тех пор, «пока на почве этих государств не будет навсегда обеспечена победа нижегерманизма». С этой целью немецкие поселенцы в Южной Африке должны были поскорее и повсеместно закончить формирование своих собственных организаций в виде многочисленных феррейнов, задачей которых являлось «укреплять германский элемент и идти рука об руку с нижнегерманским».

Программа, разработанная Пангерманским союзом, предусматривала также усиление экспорта германского капитала в Южную Африку (при том в форме самостоятельных инвестиций, без соучастия английского или голландского капитала), а также поощрение создания там новых германских поселений, прежде всего за счет эмиграции крестьянского элемента из Германии⁹.

Совершенно очевидно, что эта обширная программа действий и борьбы за влияние в Трансваале и во всей Южной Африке была рассчитана на довольно длительный срок, и поскольку она отвечала интересам влиятельных кругов германского империализма, правительство Гогенлоэ — Бюлова не могло не считаться с ней. Разрабатывая ее, Пангерманский союз исходил из того, что если эта программа не будет осуществлена, английский империализм успешно осуществит свою собственную программу, и тогда через 30—40 лет Трансвааль падет к ногам английских «строителей империи», как зрелый плод¹⁰. Вместе с тем было очевидно, что эти «строители империи» не проявляют склонности к политике выжидания, что они спешат осуществить свою империалистическую программу, прежде чем их германские соперники успеют выполнить свою. Как явствует из документов, опубликованных в Англии, руководящие круги германской финансовой олигархии уже в начале 1897 г. вступили в секретную переписку с известным лондонским банкиром Альфредом Ротшильдом относительно экономического и политического положения, сложившегося в Трансваале. На запрос немецких банкиров о причинах падения золотых акций в Южной Африке Ротшильд ответил, что рудники находятся в хорошем состоянии, но что во всем виновата политика президента республики Трансвааль Пауля Крюгера. При этом он много-

⁹ «Alldeutsche Blätter», № 25, 20 июня 1897 г.

¹⁰ Ibid., № 18, 20 мая 1897 г.

значительно добавил, что если немецкие банкиры действительно заинтересованы в улучшении положения, они могут дать совет Крюгеру прислушиваться к голосу английского правительства Дж. Чемберлен, которому Ротшильд сообщил о своей переписке с немецкими банкирами, высказался в том смысле, что было бы, безусловно, хорошо, если бы немецкие финансисты предприняли такие шаги в Трансваале, однако английское правительство придает значение тому, чтобы сохранить свободу рук, и не желает какого-либо усиления влияния германского правительства в Трансваале¹¹.

Таким образом, правящие круги Англии не собирались предоставлять своим германским соперникам возможность осуществить их экспансионистские планы в Южной Африке, — планы, которые в наиболее крайней, детальной и агрессивной форме были разработаны. Несмотря на то, что английский капитал, вложенный в Трансвааль, приносил неслыханные прибыли (до 500%)¹², финансовая олигархия в Англии при поддержке английского правительства и джингоистской (националистической) прессы начала агитацию против бурского правительства, обвиняя его в том, что своей политикой оно мешает несчастным английским капиталистам выполнить свою благородную миссию по добыче золота и выплате акционерам еще более крупных дивидендов. С особенной яростью она нападала на динамитную монополию в Трансваале, стремясь, с одной стороны, устранить влияние немецкого капитала в этой монополии, а с другой — подорвать бюджет бурского правительства. За кулисами этой кампании стояла крупная английская монополия взрывчатых веществ Киноха, директором которой являлся брат министра колоний Дж. Чемберлена¹³. Не менее сильная кампания велась и против «Нидерландско-Южно-Африканской компании железных дорог», в которой главную роль играл германский капитал. Внося смятение и неурядицы во внутреннюю жизнь Трансвааля, английские империалисты считали необходимым заранее устранить всякую поддержку, которую бурская республика могла бы получить со стороны. Конкретно имелось в виду убрать с пути германского соперника. Летом 1898 г. перед ними открылись благоприятные перспективы.

К этому времени среди влиятельных кругов германского финансового капитала обнаружили расхождения по вопросу о главном направлении империалистической экспансии. Побуждаемое интересами влиятельных кругов финансового капитала, германское правительство следило за событиями в Южной Африке и за настроениями и действиями империалистской клики в Англии по отношению к бурам. Не довольствуясь официальными дипломатическими донесениями, германское правительство получало информацию от директора «Немецкого банка» Сименса, который был тесно связан с английским банкиром Ротшильдом,

¹¹ E. Drus Select Documents from the Chamberlain papers concerning Anglo Transvaal relations 1896—1899 — «Bulletin of the Institute of historical research», November 1954, v. XXVII, № 76.

¹² «Rapport relatif a l'annee 1897 par l'ingenieur des Mines d'Etat» Pretoria, 1898.

¹³ Впервые некоторый свет по вопросу о связях между Дж. Чемберленом и фирмой «Кинох и К°» был брошен на заседании палаты общин 21 июля 1895 г. На соответствующий запрос Дж. Чемберлен тогда ответил, что он интересуется делами своего брата не как брата, а как избирателя. Это различие столь тонкое, заметил по этому поводу русский поверенный в делах в Лондоне Лессар, что едва ли можно согласиться с тем, что он никогда не вмешивался в доставку заказов фирме «Кинох и К°». Впоследствии специальная парламентская комиссия, назначенная для расследования серьезных злоупотреблений в военном министерстве, установила, что эта фирма пользовалась особым покровительством министерства. «Ей разрешалось, — сообщил Лессар, — после предъявления условий другими фирмами изменять свои первоначальные предложения, ей предоставлялись поставки, несмотря на высшие цены, ей, наконец, прощались постоянные невыполнения заказов в срок» (АВПР, Кит ст., д. 767, лл. 141—144. Денеша Лессара Лондон 15 (2) августа 1900, № 57).

а через него с наиболее влиятельными кругами лондонского Сити. Сименс поддерживал также тесный контакт с Чемберленом, который никогда не отделял своих действий как министра колоний от своих интересов крупного промышленника, участника финансовых афер и колониального дельца большого масштаба. С этими же лицами постоянно был связан германский посол в Лондоне граф Гатцфельд. Одним из наиболее видных посредников являлся крупный прусский помещик, советник германского посольства в Лондоне барон Эккардштейн, который в качестве зятя английского парламентария и крупного фабриканта Джона Блонделя Мейпла был вхож в лондонские салоны¹⁴. Обширную доверительную информацию германское правительство получало непосредственно из Южной Африки — от своих консулов, тесно связанных с сетью местных пангерманских организаций и с представителями немецкого капитала и «Динамитной компании» Трансвааля. Наряду с кругами «Немецкого банка», а также «Дармштадтского банка», державшего большой пакет акций железных дорог в Трансваале, за событиями внимательно следили и агенты Круппа, и гамбургские судовладельцы, и экспортеры, которые собирались погреть руки на пожаре новой войны. Особенно важную роль играла одна из крупнейших групп немецкого финансового капитала — банка «Учетное общество» («Disconto-Gesellschaft»). Эта группа не имела значительных интересов в Трансваале. Но ее глава, влиятельный банкир Ганземан, как раз в это время заинтересовался проектом постройки железной дороги, которая должна была соединить Германскую Восточную Африку с Германской Юго-Западной Африкой. Проект предусматривал, что эта дорога частично пройдет через территорию Трансвааля. Германский проект пересечь африканский континент с Востока на Запад и соединить Индийский океан с Атлантическим вступал в противоречие с английским проектом Сесилия Родса — проложить железнодорожную магистраль с юга на север континента, соединив Кейптаун с Каиром.

Пангерманский союз поспешил поднять на щит проект Ганземана и провозгласить его «истинно немецким делом». Шум, поднятый пангерманской прессой в пользу этого проекта, объяснялся очень просто: некоторые лидеры Пангерманского союза сами были участниками спекулятивного «Комитета Центральной железной дороги в Германской Восточной Африке», заполучившего поддержку финансовой клики из «Учетного общества»¹⁵. Однако заранее было ясно, что этот банк не сможет самостоятельно обеспечить финансирование столь грандиозного предприятия — строительства Трансафриканской железной дороги. Попытка получить финансовую поддержку «Немецкого банка» ни к чему не привела: группа Сименса требовала, чтобы прибыль была гарантирована государством и притом в размере 3,5%. Еще менее можно было рассчитывать на привлечение английского капитала: лондонское Сити было больше заинтересовано в осуществлении проекта Сесилия Родса, чем в проекте своих германских соперников. К тому же группа «Учетного общества» не хотела идти на сделку с английским капиталом в Южной Африке. Она уже имела некоторый опыт «сотрудничества» с английским банком в Китае и мечтала о том, чтобы, укрепившись, освободиться от этого «сотрудничества» и выступать самостоятельно. Ганземан был противником нового соглашения с английским капиталом и, задумав осуществление нового проекта в Южной Африке, считал, что нужно дей-

¹⁴ Уже в апреле 1898 г. Эккардштейн, вернувшись из Гамбурга, где он встречался с Вильгельмом II, давал понять Чемберлену, что кайзер на определенных условиях мог бы согласиться предоставить Англии свободу действий в Египте и Трансваале. J. L. Garvin. The Life of Joseph Chamberlain, v. III London, 1933, p. 271 (3-й меморандум Чемберлена, 22 апреля 1898).

¹⁵ W. Oechelhauser Die Deutsch-Ostafrikanische Zentralbahn Berlin, 1899

ствовать без Англии и против Англии. Он требовал, чтобы германское правительство проводило в Южной Африке более активную политику. Часть ганзейского купечества и пароходная компания Вермана стояли на тех же позициях. Глашатаем финансовых воротил из «Учетного общества» и других крупных капиталистических кругов, стремившихся к усилению экспансии в Южную Африку и, следовательно, заинтересованных в более активной борьбе за влияние в Трансваале, являлась пангерманская пресса.

Как ни влиятельна была эта группа финансового капитала, германское правительство должно было считаться и с интересами другой группы, во главе которой стоял «Немецкий банк». Последний был заинтересован в делах Трансвааля не менее и даже более, нежели «Учетное общество». Он также был сторонником активной политики в Трансваале. Однако в его руководящих кругах, отличии информированных о положении дел у буров и о подлинных намерениях английских империалистов, уже зрели другие, более обширные планы, в осуществлении которых Трансвааль стал занимать подчиненное место. То было время, когда прусский генеральный штаб и «Немецкий банк», обратив свои взоры на Восток, в сторону Османской империи, начали разрабатывать широкие планы проникновения в Переднюю Азию с целью постепенного вытеснения оттуда влияния европейских соперников — Англии, России и Франции и превращения ее в колониальный придаток и стратегический плацдарм германского империализма. Будущее показало, что сердцевиной этого грандиозного экспансионистского плана являлся проект строительства железнодорожной магистрали, которая, беря начало у Босфора, должна была пройти через Багдад к Персидскому заливу. Если стратегическая сторона общего плана натиска на Восток разрабатывалась в генеральном штабе, то финансово-экономическая, а в известной степени и политическая стороны разрабатывались в «Немецком банке»¹⁶. Вырвав у Турции согласие на концессию по строительству железной дороги Босфор — Багдад, влиятельные круги германского капитала, связанные с «Немецким банком», стали осыпать к делам Трансвааля. Они, правда, не потеряли вкус к трансваальскому золоту, тем более что золотые горы, которые мерещились на востоке, находились еще в далекой перспективе. Но приступив к осуществлению политики натиска на восток, они оказались не в силах одновременно финансировать и осуществлять натиск на Трансвааль и всю Южную Африку. Сам Георг Сименс еще раньше начал терять интерес к трансваальским делам. Созданное им акционерное общество «Адольф Герц», ввиду усиления английской конкуренции, стало нуждаться в постоянной поддержке. Германских капиталовложений в Трансваале оказалось недостаточно, чтобы остановить бурно растущий там натиск английских капиталистов. Чтобы противопоставить этому натиску мощные заслоны, нужно было высвободить большие финансовые средства и притом без всякой уверенности в конечном успехе. Те меры экономического и политического характера, которые столь крикливо выдвигались Пангерманским союзом в качестве программы действий в Трансваале и во всей Южной Африке, Сименс и «Немецкий банк» считали отчасти недостаточными, отчасти нереальными. Опыт Трансваальского кризиса показал, что даже в наиболее благоприятных условиях, когда Англия потерпела серьезное поражение и не могла рассчитывать на чью-либо поддержку со стороны, германское правительство было не в силах протянуть руку, чтобы захватить золотonosные поля буров и под видом помощи Трансваалю установить над ним свой протекторат. Не имея мощного военно-морского

¹⁶ А. С. Ерусалимский. Указ соч., стр. 488—504; Г. Л. Бондаревский. Багдадская дорога и проникновение германского империализма на Ближний Восток (1888—1903). Ташкент, 1955, стр. 63—128.

флота, оно было вынуждено тогда ограничиться угрозами по адресу Англии и усилением против нее пропаганды в прессе.

Теперь, приступая к осуществлению грандиозного проекта багдадской дороги, «Немецкий банк» пришел к выводу, что на первых порах он сам будет нуждаться в привлечении иностранного капитала, в частности английского. В этой-то связи у Сименса и у других видных деятелей «Немецкого банка» стала выкристаллизовываться идея, что будет более выгодным, если германский капитал, втайне отказавшись от теряющих реальную почву аннексионистских домогательств в Трансваале, использует свои существующие там экономические позиции и общее политическое влияние, чтобы заставить Англию пойти на сделку, и взамен уступки в трансваальском вопросе получит крупные компенсации — финансовые, колониальные и дипломатические — на других театрах «мировой политики». Так, в руководящих кругах «Немецкого банка», который был заинтересован в трансваальских делах более других групп немецкого финансового капитала, стала формироваться линия в пользу отхода от активной политики в Трансваале. Эта линия совпадала с общими интересами более широких кругов господствующих классов — империалистической буржуазии и юнкерства, которые, осуществляя «политику сплочения» против рабочего класса, приступили к строительству военно-морского флота на основе военно-морской программы адмирала Тирпица. В решающих кругах германской империалистической буржуазии, а также в правительственных кругах возобладало мнение, что даже 28% мировой добычи золота не могут служить достаточной компенсацией за срыв этой программы и общий крах основ развертывавшейся мировой политики, — тем более, что при отсутствии у Германии мощных военно-морских сил трансваальское золото все равно оставалось весьма и весьма недостижимым.

В конце концов в германской политике определилась такая линия: не доводя дело до войны с Англией, постараться создавать ей всяческие затруднения, в частности в Южной Африке, мешать ее проникновению в бурские республики, натравливая эти республики на Англию, разоблачать в прессе новые происки Англии и создавать впечатление, будто Германия не может и не хочет отказаться от своих позиций и от своих прежних замыслов в Трансваале. В этом свете деятельность Пангерманского союза в Южной Африке, его пропаганда среди буров идей «нижнегерманизма», а в Германии призывы защищать бурских «братьев по крови» нисколько не мешали той линии, которую «Немецкий банк», военно-морское ведомство и другие более широкие круги германского финансового капитала диктовали германской дипломатии. Наоборот, неустанно продолжая шуметь по поводу буров и рядясь в тогу их защитников, Пангерманский союз прикрывал эту формирующуюся линию и, более того, предоставлял германской дипломатии возможность в закулисных переговорах с английским правительством или с представителями лондонского Сити маневрировать, торговаться, ссылаться на настоятельные требования немецкого «общественного мнения» и на неизбежность своих интересов в Трансваале, а в общем постепенно и потихоньку продавать эти «интересы» и самих буров английскому империализму за «компенсации» — колониальные, дипломатические и иные. Кайзер Вильгельм II, статс-секретарь ведомства иностранных дел Бюлов и Гольштейн — главная фигура в этом ведомстве, — каждый из них считал себя великим мастером подобного рода дипломатической торговли Трансваальской республикой и ее золотом. Однако следует признать, что в данном случае все они, вместе взятые, лишь следовали по стопам директора «Немецкого банка» Сименса. Когда группа финансового капитала, возглавлявшаяся «Немецким банком», уяснила себе почти полную безнадежность овладения Трансваалем, а с другой сторо-

ны, реальную перспективу экспансии на Восток, Сименс, вступив в переговоры непосредственно с Чемберленом, стал обсуждать с ним вопрос: не предоставят ли английские финансисты и английское правительство поддержку стремлениям «Немецкого банка» заполучить и осуществить в Турции концессию на строительство Багдадской железной дороги, в частности устранить там противодействие России, в обмен на то, что «Немецкий банк» и германское правительство со своей стороны не будут чинить английским империалистам препятствий в трансваальских делах.

Так на южноафриканском и на других театрах империалистических противоречий развертывалась сложная дипломатическая игра и с новой силой разгорались аппетиты. Трансваальское золото было крупной ставкой в этой азартной игре кровью и судьбою народов. В данном случае один из ее главных участников — германский империализм — хотел заранее себя обеспечить: если бы ставка была сорвана английским соперником, он все же должен получить крупное вознаграждение в другом месте и за чужой счет. Но обоим соперникам было заранее ясно, что при всех условиях расплачиваться будут буры. Что касается народов, составляющих коренное население Южной Африки, то их интересы, разумеется, вовсе не принимались в расчет.

Итак, в результате борьбы между разными, но связанными между собою группами германского финансового капитала, из которых одна возглавлялась «Немецким банком», а другая «Учетным обществом», в конце концов возобладало то течение, которое считало наиболее выгодным поддерживать и разжигать напряженность во взаимоотношениях между английским империализмом и бурскими государствами. В этом направлении и действовала германская дипломатия.

С одной стороны, германские консулы в Южной Африке, которые были связаны с кругами Пангерманского союза, создавали у буров и у Крюгера представление, что могущественная Германская империя никогда не оставит их в беде. С другой стороны, кайзер и Бюлов, а также германский посол в Лондоне граф Гатцфельд никогда не отказывались от возможности осторожно, под сурдинку, позондировать почву у английского премьера Солсбери и у лидера наиболее агрессивного крыла империалистической партии Дж. Чемберлена относительно компенсаций за «дружбу», которую Германия при известных условиях может предоставить Англии. В этих переговорах, инициатива которых исходила чаще всего из Берлина, но иногда и из Лондона, германская дипломатия не раз давала понять, что бурские «братья по племени», поставляющие более одной четверти мировой добычи золота, представляют собой такой куш, от которого никто не отказывается даром. Это был шантаж и вымогательство в чистом виде. Однако английское правительство, не проявлявшее склонности щедро расплачиваться со своим назойливым соперником, оставалось глухим: обе стороны явно старались не раскрывать свои карты преждевременно.

Но вот летом 1898 г., когда кампания, поднятая Сесилем Родсом, Чемберленом и Милнером против Трансвааля, снова вступила в острую стадию, перед германской дипломатией, рвущейся к «компенсациям», открылись некоторые, более благоприятные в этом отношении перспективы. Узнав, что английское правительство собирается воспользоваться тяжелым финансовым положением Португалии, чтобы наложить руку на ее колониальные владения, германская дипломатия, призвав на помощь встревоженных держателей португальских займов из «Дармштадтского банка», ринулась в бой и потребовала в Лондоне и своей доли. Все попытки Солсбери отвергнуть германские вымогательства ни к чему не привели. В германской прессе поднялась новая волна анти-английской кампании, под прикрытием которой германская дипломатия,

почуяв запах жареного, стала проявлять большую настойчивость, расторопность и изворотливость, а говоря более точно, назойливость. Она угрожала, набивала себе цену и требовала во что бы то ни стало допустить ее к дележу португальских колоний. При этом она давала понять, что, как ни значительны ее права, ее интересы или, правильнее сказать, ее домогательства в Южной Африке, они не распространяются на южную часть Мозамбика. Между тем в ассортименте португальских колоний, пробудивших захватнические вожделения английских империалистов, именно эта часть Мозамбика, примыкающая к бухте Делагоа, представляла собою самый драгоценный объект с точки зрения тех планов, которые предусматривали полное окружение и удушение бурских республик. «Я считаю,— писал Милнер 5 июля 1898 г.,— что обладание Делагоа — лучшая гарантия победы в великом состязании между нами и Трансваалем за господство в Южной Африке без войны. Но, по правде сказать, я не уверен, что мы когда-либо достигнем господства без войны»¹⁷. Понимая, какое значение Делагоа занимает в английских планах, германская дипломатия продолжала скрывать свои подлинные намерения в отношении Трансвааля, угрожала Англии вмешательством в пользу буров, страшила ее тем, что будет договариваться с Россией и с другими державами — соперниками Англии, а в общем шантажировала и набивала цену, требуя, чтобы и ее допустили к участию в разделе португальских колоний. Но английская дипломатия, со своей стороны, шантажировала Германию: она хотела заставить ее открыто отказаться от всех поползновений к вмешательству в назревающий конфликт между Англией и Трансваалем.

В конце концов, после долгих и утомительных препирательств и торгов, сделка между Англией и Германией о разделе португальских колоний была заключена¹⁸. Это была сделка двух империалистических соперников, решивших удовлетворить свои захватнические аппетиты в Африке за счет колониальных владений третьей стороны. В своем главном существе сделка оставалась секретной. Однако официальная пресса в Германии извергала восторги по поводу того, какие блестящие перспективы отныне открываются перед Германской империей на путях ее колониальной политики. Восторги были явно инспирированы и нарочито преувеличены: их целью было рекламировать «успехи» правительства, нуждавшегося в поддержке курса на усиление внутривнутриполитической реакции и внешнеполитической агрессии. Среди партий и организаций правящих классов только Пангерманский союз возмущался новой сделкой с Англией. Он громкогласно квалифицировал сделку как акт предательства по отношению к бурам. Интересы «Учетного общества» в данном случае были особенно близки его сердцу. Кроме того, за этим скрывалось недовольство тем, что германское правительство, негласно отказавшись от намерений захватить золотonosные земли «нижнегерманских братьев по племени», фактически еще ничего не получило взамен. Руководители и идеологи Пангерманского союза считали, что Бюлов и германская дипломатия явно продешевили. Все же и они предполагали, что заключенный договор обеспечивает Германии получение кое-каких колониальных кусков. Но они считали эти куски недостаточно крупными и недостаточно жирными, а главное, пока еще совсем не осязаемыми.

Между тем английские империалисты, посулив своим германским соперникам допустить их к разделу португальских колоний, вовсе не думали осуществлять этот раздел. Они взяли курс на сохранение этих колоний под господством Португалии — номинальным господством, поскольку сама Португалия находилась в финансовой и дипломатической зависимости от лондонского Сити и правительства. Теперь эта зависи-

¹⁷ J. L. Garvin. Op. cit., v. III, p. 311.

¹⁸ А. С. Ерусалимский Указ соч., стр. 444—458.

мость Португалии от Англии еще более усилилась¹⁹. Однако из секретной сделки с Германией и предшествующих с ней переговоров руководящие империалистские круги в Лондоне сумели извлечь немалые выгоды: они не только начали проникать в сокровенные намерения германского правительства, но и увеличили шансы относительно его благоприятной позиции на случай своего конфликта с Трансваалем. Нашупав таким образом почву, они и дальше продолжали свои усилия в том же направлении, действуя не только через официальные дипломатические каналы, но и непосредственно.

В марте 1899 г. Сесиль Родс сам явился в Берлин, чтобы заручиться обещанием правящих кругов Германии не мешать английским империалистам проглотить Трансвааль. Формально он добивался только соглашения о прокладке английской телеграфной линии через территорию германских владений в Восточной Африке. В беседе с кайзером он открыто заявил о своих планах строительства трансафриканской железнодорожной магистрали Кейптаун — Каир и столь же открыто заявил, что Германия «зато может без ущерба держаться в Малой Азии». «Месопотамия, Евфрат и Тигр, Багдад, город калифов, — вот где, — сказал он, — заложено ее будущее». Бюлов, который хорошо знал склонность своего кайзера к разглагольствованиям, в которых обычно выбалтывалось то, о чем лучше было бы помолчать, заранее просил его быть как можно более сдержанным и осторожным в беседе с английским гостем. Это ни к чему не привело. Возбужденный грандиозным проектом Сесилия Родса, а также не менее грандиозным германским проектом Багдадской железной дороги, Вильгельм со своей стороны поведal ему широкие планы политики в отношении России, Японии, Соединенных Штатов Америки, в отношении Австрии и Дарданелл, Суэцкого канала и Китая. Заявив, что он разделяет германские планы на Среднем Востоке, Сесиль Родс вместе с Вильгельмом нарисовал широкую картину строительства Багдадской железной дороги. Он понял, как в данном случае можно бить без промаха. Впоследствии, рассказывая в своем кругу об этом эпизоде, он лукаво заметил, что, как только в беседе с кайзером он произнес «магическое слово Месопотамия, он понял, что его дело в шляпе»²⁰.

Позднее Бюлов постарался свести переговоры с Родсом на более практическую почву. Он заверил его, что германское правительство стремится к «возможно более тесной дружбе с Англией, конечно по принципу „do ut des“», и добавил: «Что же касается борьбы англичан с бурами, то мы тем скорее сможем сохранить нейтралитет, чем больше Англия будет на практике считаться с нашими интересами во всем мире и будет избегать всего того, что общественным мнением Германии может рассматриваться как вызов»²¹. Слово «нейтралитет» прозвучало достаточно определенно. Правда, «общественное мнение» в Германии рассматривало уже само появление Сесилия Родса в Берлине как вызов. Вначале особенно неистовствовали лидеры Пангерманского союза, за спиной которых стояли финансовые воротилы из «Учетного общества» и спекулятивный «Комитет Центральной железной дороги в Германской Восточной Африке». Все эти деятели опасались, что приезд Сесилия Родса помешает осуществлению их планов строительства железной дороги, соединяющей германские владения в Восточной Африке с владениями в Юго-Западной Африке. Но в еще большей степени они опасались, что Сесиль Родс вовсе сорвет их планы, если, не договорившись с берлинским правительством, он войдет в соглашение с брюссельским пра-

¹⁹ Об англо-германских переговорах о разделе португальских колоний см. BD, v. I, № 62—121; GP, Bd. XIV, № 3806—3883.

²⁰ J. L. Garvin. Op. cit., v. III, p. 330.

²¹ B. v. Bülow. Denkwürdigkeiten, Bd. I. Berlin, 1930, S. 290.

вительством о проведении дороги Кейптаун — Каир через Бельгийское Конго. Было поэтому решено идти на соглашение с ненавистным английским соперником при условии, чтобы участок проектируемой им железной дороги, проходящей по территории Германской Восточной Африки, был бы построен на германские капиталы и находился бы под германским контролем. К тому же, как отметил русский посол в Берлине Остен-Сакен, немецкие дельцы, заинтересованные в колониальных аферах, пришли к выводу, что «осуществление грандиозного плана Сесилия Родса поведет к скорейшей постройке немецких дорог от океана до английской линии и тем вызовет торговое оживление восточных имперских колоний вообще»²².

По-видимому, Сесилию Родсу удалось установить закулисный контакт с этими дельцами. Во всяком случае, лидеры Пангерманского союза, извергая, как всегда, хулу против Англии, дали понять, что на сей раз они являются сторонниками соглашения с ней. Но энтузиасты железнодорожных афер и спекуляций в Южной Африке требовали, чтобы германское правительство гарантировало им определенную прибыль. При этом, как выяснилось, сами они не располагали крупными капиталами, необходимыми для осуществления их планов. В поисках капиталов они обратились в «Немецкий банк». Но банк также требовал, чтобы ему была предоставлена государственная гарантия не менее 3,5% прибыли, — его главные экспансионистские интересы заключались в тот момент в реализации полученной концессии на строительство железной дороги Босфор — Багдад. Капиталы же, выделявшиеся «Учетным обществом», были недостаточны. К тому же Ганземан, глава этой финансовой группы, как и Сименс, директор «Немецкого банка», рассчитывал, что государство возьмет на себя гарантию определенной прибыли. Между тем, несмотря на происки заинтересованных колониальных дельцов, рейхстаг не обнаружил склонности выделять ассигнования на удовлетворение разыгравшихся аппетитов²³. Занятое выжиманием средств на строительство крупного военно-морского флота, германское правительство, по сведениям, полученным Остен-Сакеном из финансовых кругов, также отказалось «обеспечить какие бы то ни было акционерные предприятия в форме правительственных гарантий». В те дни в Берлине ходили слухи, будто некоторые финансисты создали синдикат, который хотел «взять на себя постройку железнодорожных линий в германской колонии от восточного побережья в глубь Центральной Африки, без правительственной гарантии, но под условием дарования синдикату земельных участков вдоль проектированных линий»²⁴. Но и эти предложения повисли в воздухе.

Таким образом, вопрос о соглашении с Сесилем Родсом по железнодорожным делам, хотя и сдвинулся с мертвой точки, но еще не был окончательно решен. Немалую роль играло и то обстоятельство, что германское правительство стремилось использовать заинтересованность Сесилия Родса в этом вопросе, чтобы побудить его оказать давление на правящую верхушку в Англии и таким путем выжать у нее колониальные уступки, в частности на островах Самоа, которые военно-морские круги в Германии расценивали как важную стратегическую базу в Океании²⁵. «Африканский Наполеон», который, по его собственным словам, привык «мыслить континентами», обещал кайзеру и Бюлову посо-

²² АВПР, К. 15, 1899, лл. 47—50. Депеша Остен-Сакена. Берлин, 16 (4) марта 1899, № 14 (доверительно).

²³ А. С. Ерусалимский. Указ. соч., стр. 510—512.

²⁴ АВПР, К. 15, 1899, лл. 59—61. Депеша Остен-Сакена. Берлин, 27 (15) марта 1899, № 16.

²⁵ Об англо-германских переговорах по вопросу о Самоа см. GP, Bd. XIV, № 4028—4117.

действовать в получении таких мелочей, как английские куски Самоа, взамен он требовал согласия содействовать ему соорудить трансафриканскую телеграфную линию и железнодорожную магистраль. Согласие было дано, но не оформлено.

Тем не менее империалистическая клика в Лондоне была удовлетворена результатами дипломатической миссии Сесилия Родса в Германии. Пообещав «Немецкому банку» поддержку в Передней Азии, она таким образом устранила со своего пути одного из наиболее крупных соперников в Южной Африке; теперь же сравнительно легко был устранен и другой соперник — немецкая финансовая группа во главе с «Учетным обществом». Кроме того, пообещав бросить германскому правительству колониальные куски вроде Самоа, Сесиль Родс сумел заручиться его благожелательной позицией по вопросу о нападении Англии на Трансвааль. В результате даже германская печать, связанная с капиталистическими кругами, едва скрывала свое удовлетворение по поводу переговоров с Сесилем Родсом. Только юнкерская пресса, придерживавшаяся бисмарковских традиций, предостерегала против сближения Германии с Англией на почве колониальных дел. Она утверждала, что это сближение будет способствовать подрыву взаимоотношений между Германией и Россией, поскольку Англия стремится лишь к тому, чтобы использовать Германию в интересах собственной агрессивной политики против России²⁶.

Неожиданное появление «африканского Наполеона» в столице Германии не могло не привлечь к себе внимания и европейской дипломатии. Прием, оказанный Сесилию Родсу в Берлине, его переговоры с Вильгельмом II и с Бюловым она расценивала как симптом новых тенденций в англо-германских отношениях. «Если вспомнить роль, которую играл этот деятель в набеге Джемсона, столь резко осужденном его величеством (Вильгельмом II.— А. Е.) в известной телеграмме к президенту Крюгеру,— писал в специальном донесении русский посол в Берлине Остен-Сакен,— то нельзя не усмотреть в самом факте этого приема значительной перемены, происшедшей за последнее время в отношениях между Германией и Англией». Русская дипломатия не без основания считала, что переговоры Сесилия Родса с руководителями германской дипломатии являются одним из звеньев в цепи усилий Дж. Чемберлена и его империалистической клики путем сближения с Германией и соглашения с ней, а еще более путем посулов обширных колониальных «компенсаций» (преимущественно за чужой счет) превратить ее в орудие своей политики на европейском континенте, в особенности направленной против России. Вот почему Остен-Сакен считал нужным в беседе с кайзером и с Бюловым «обратить серьезное внимание... на опасность для Германии быть вовлеченной в сферу английской политики вообще». Со своей стороны и кайзер, и руководитель его дипломатического ведомства стремились «неоднократно и с особенной настойчивостью» заверить русского посла, «что их соглашение с Англией в Африке никоим образом не отзовется на общем направлении германской политики и что переговоры с Родсом не свяжут свободы действий германского кабинета»²⁷. Они умолчали, разумеется, о том, что в результате этих переговоров Сесиль Родс и его друзья из империалистского лагеря в Англии развя-

²⁶ Отмечая опасности, которые встают перед Германией в результате переговоров с Сесилем Родсом, старый бисмарковский орган писал: «Но немецкий народ, на собственном опыте ставший разумным, не желает поддаваться любезным заигрываниям Англии, не желает идти рука об руку с Англией, для того чтобы в конце концов вести войну в ее интересах» («Hamburger Nachrichten», 31 марта 1899). На это обратил внимание и русский посол в Берлине (АВПР, К. 15, лл. 68—71. Делеша Остен-Сакена Берлин, 22(10) марта 1899, № 18).

²⁷ АВПР, К. 15, 1899, лл. 47—50. Делеша Остен-Сакена. Берлин, 16 (4) марта 1899, № 14 (доверительно).

зали себе руки и получили еще бо́льшую свободу действий в целях подготовки захвата золотоносных земель в Южной Африке. И действительно, империалистская кампания против Трансвааля тотчас же поднялась в Англии с новой силой.

В начале мая 1899 г. Бюлов пришел к выводу, что «некоторые руководящие лица в Англии... находят настоящий момент особенно подходящим, чтобы окончательно разрешить южноафриканский вопрос, возможно силой оружия»²⁸. В этих условиях, считал он, все будет зависеть от результатов предстоящих переговоров между Крюгером и Милнером в Блумфонстейне. Заранее уверенный в том, что крохотный бурский народ Трансвааля, не получив нигде реальной поддержки, в случае войны с могущественной Англией будет раздавлен ею, он решил посоветовать Крюгеру пойти в предстоящих переговорах на уступки Милнеру. В этом шаге было много алчности, трусости и ни грана миролюбия. Бюлов побоялся преподать такой же совет в Лондоне, перед которым он выслуживался в расчете на будущие «компенсации», в частности в Самоа. Но и в Претории, где еще, возможно, существовали некоторые иллюзии относительно заступничества Германии, он не решался выступить открыто. Он хотел спрятаться за спину голландского правительства, которое должно было передать его ценный совет как бы от своего собственного имени. Но де Бофор, голландский министр иностранных дел, вовсе не хотел быть марионеткой германской дипломатии. Подумав, он заявил, что передаст Крюгеру советы Бюлова только при условии, если сможет указать, от кого они в действительности исходят²⁹. Бюлов согласился: он уже придумал, как можно будет свой «дружественный» и «миролюбивый» шаг в Претории использовать для новой дипломатической интриги в Лондоне.

Выслушав германо-голландский совет идти на уступки настоящим Англии, Крюгер ответил, что он готов последовать ему, но до определенных пределов, переступить которые значит принести в жертву самостоятельность государства. При этом он раскрыл перед голландским представителем, каковы те крайние уступки, которые он готов сделать Англии в переговорах с Милнером. Получив эти сведения, Бюлов еще во время конференции в Блумфонстейне сообщил о них английскому правительству. Это был, конечно, акт предательства по отношению к Трансваалю, но Бюлов хотел таким образом добиться двух целей: во-первых, продемонстрировать перед Солсбери и Чемберленом свою полную лояльность, а во-вторых, как он сам выразился, «получить ясное представление относительно того, каковы конечные намерения Англии»³⁰.

Между тем конференция в Блумфонстейне не разрядила напряженной обстановки, созданной английскими империалистами в Южной Африке. Да это и не входило в намерения английских властей. Усвоив тон властелина, дающего приказание вассалу, Милнер пытался продиктовать Крюгеру программу, которую тот должен был немедленно осуществить. Но Крюгер внес другие предложения. Тогда Милнер со всей присущей ему наглостью дал почувствовать свое превосходство и ультимативно заявил, что он не собирается обсуждать представленный Крюгером контрпроект. Все попытки Крюгера приступить к обсуждению обеих программ ни к чему не привели. Милнер требовал дипломатической капитуляции, но получил решительный отпор. 6 июня конференция была

²⁸ GP, Bd. XV, № 4357. Бюлов — поверенному в делах в Гааге Флотову Берлин, 11 мая 1899

²⁹ GP, Bd. XV, № 4358. Поверенный в делах в Гааге Флотов — ведомству иностранных дел. Гаага, 12 мая 1899

³⁰ GP, Bd. XV, № 4360. Бюлов — послу в Лондоне Гатцфельду. Берлин, 4 июня 1899

сорвана³¹. Лондонская биржа реагировала падением курсов. Ясно было, что дело стремительно идет к войне. Но так как английские военные контингенты, предназначенные для борьбы против буров, все еще далеко не были готовы, Чемберлен пытался продолжить дипломатическую кампанию «мирного урегулирования» конфликта с Трансваалем. Так в кругах министерства колонии родилась мысль подтолкнуть германское правительство выступить в роли посредника.

Когда весть об этой идее достигла правительственных кругов Германии, она вызвала замешательство. В других обстоятельствах в Берлине, возможно, с радостью ухватились бы за эту идею, осуществляя которую там пытались бы разыграть, конечно не без собственной выгоды, «великую роль» Германии на арене «мировой политики». Но на сей раз обстоятельства были явно неблагоприятны. Без серьезных уступок одной из сторон компромиссного решения добиться уже было нельзя. Если бы германское правительство взялось оказывать давление на Трансвааль, оно вызвало бы против себя серьезные нападки не только пангерманских империалистов, но и более широких кругов господствующих классов, которые весьма враждебно относились к английским соперникам и конкурентам. С другой стороны, если бы оно предложило английскому правительству пойти на компромисс, отказавшись от своих домогательств в Трансваале,— оно в еще большей степени восстановило бы против себя английских империалистов и лишилось бы всякой надежды на получение от них вожаемых компенсаций. Поразмыслив, Гольштейн, советник ведомства иностранных дел, которого считали дипломатической головой, умеющей находить выход из безнадежного положения, пришел к выводу, что не дело Германии поддаваться английским «идеям». Поэтому единственный выход он видел в том, чтобы решительно отказаться от выступлений в роли миротворческого посредника,— тем более, что, как он понимал, после того, как германское правительство заключило с Англией сделку о португальских колониях, буры в значительной степени потеряли доверие к германской дипломатии. Это было очень близко к истине. Но поскольку в правительственных кругах Англии возникла мысль о посредничестве, Гольштейн решил, что нужно ее использовать в германских или, правильнее сказать, в антианглийских интересах. Для этого нужно было при помощи прессы подбросить посредническую роль Соединенным Штатам Америки. Американская дипломатия с ее провинциализмом, польщенная этой ролью, считал он, вероятно, постарается ухватиться за нее. А когда она приступит к практическим действиям в качестве посредника, она добьется только того, что восстановит против себя Англию. На ухудшение англо-американских отношений Гольштейн и рассчитывал: как и вся германская дипломатия, он надеялся, что любые осложнения, которые происходят в мире, могут быть для правящих классов Германии только выгодны³². В данном случае ухудшение англо-американских отношений должно было облегчить осуществление германских планов относительно Самоа.

Бюлов тотчас же приступил к действиям. После того как удалось через какую-то английскую газету пустить слух, будто США являются сторонником мирного посредничества между Англией и Трансваалем, Бюлов поручил германскому поверенному в делах в Гааге Флотову постараться внушить голландскому правительству, что идея о посреднической роли США — замечательная идея, и было бы неплохо подтолкнуть дипломатию Вашингтона взять эту роль на себя. Бюлов рекомендовал использовать новую звезду, восходящую на небосклоне американ-

³¹ P. Krüger. Lebenserinnerungen. München, 1902, S. 198; Э. Галеви История Англии в эпоху империализма. Перев. с франц. М., 1937, стр. 63—65.

³² GP, Bd. XV, № 4362. Записка Гольштейна. Берлин, 8 июня 1899.

ской политике, честолюбивого полковника Рузвельта, который, будучи голландцем по происхождению, может пользоваться доверием и у буров. Что касается роли германской дипломатии в посреднической затее, то Бюлов заранее принял меры, чтобы ее скрыть ³³.

Не прошло и десяти дней, как стало ясно, что интриганская затея Гольштейна и Бюлова полностью провалилась. Голландское правительство очень неохотно поддавалось уговорам участвовать в ней: оно видело, что американские империалисты во время войны против Испании уже спелись с английскими империалистами и ныне крупнокапиталистическая пресса в Нью-Йорке и в Вашингтоне довольно недвусмысленно высказывается в пользу Чемберлена и его клики. В этих условиях трудно было ожидать, чтобы Крюгер с доверием отнесся к миротворческой миссии американского деятеля. Но германская дипломатия продолжала в Гааге свои усилия. В конце концов, сославшись на информацию, полученную «от различных кабинетов», голландское правительство запросило Крюгера, не пожелает ли он воспользоваться американским посредничеством. Крюгер ответил отрицательно ³⁴. Он держал в запасе другой план.

Вскоре после провала переговоров в Блумфонштейне стало известно, что Крюгер вносит на утверждение своего парламента — фольксраада в качестве законопроекта то самое предложение, которое Милнер отказался даже обсуждать. Таким образом, старый и хитрый бурский президент показал, что он действительно готов идти на уступки, однако не намерен поступиться суверенитетом Трансвааля. Чемберлен заявил протест против намерений Крюгера и требовал, чтобы законопроект был предварительно послан ему на рассмотрение. Это наглое требование, рассчитанное на то, чтобы утвердить право Англии на вмешательство во внутренние дела Трансвааля, буры, не приняло во внимание. 23 июля фольксраад утвердил законопроект.

Через пять дней, 28 июля, в обеих палатах английского парламента развернулись дебаты по трансваальскому вопросу. Чемберлен рвал и метал. Он требовал дипломатической капитуляции бурского правительства и угрожал войной. Премьер-министр Солсбери, который на протяжении всего кризиса стремился показать, что он настроен более умеренно и даже не является сторонником войны, счел момент подходящим, чтобы несколько приподнять маску и настаивать на правах Англии вмешиваться во внутренние дела Трансвааля. Тотчас же, по распоряжению Вильгельма, германский посол Гатцфельд посетил Солсбери, чтобы попытаться выяснить, каковы его подлинные намерения. Солсбери «совершенно доверительно» высказался в том духе, что он «не верит в войну»; впрочем, он говорил весьма неопределенно и двусмысленно. Отчет об этой беседе не удовлетворил Вильгельма ³⁵. Он считал, что Солсбери водит Гатцфельда за нос, и к заверениям английского премьера отнесся более чем скептически. Бюлов также считал, что парламентские дебаты в Лондоне не оставляют сомнений в намерениях английского правительства настаивать на требованиях, о которых можно было быть заранее уверенным, что они будут неприемлемы для буров. Однако, опасаясь, что буры могут воспользоваться нехваткой у Англии войск в

³³ GP, Bd. XV, № 4363. Бюлов — поверенному в делах в Гааге Флотову. Берлин, 12 июня 1899.

³⁴ GP, Bd. XV, № 4366. Поверенный в делах в Гааге Флотов — ведомству иностранных дел. Гаага, 22 июня 1899.

³⁵ На тексте телеграммы Гатцфельда кайзер надписал: «Лорд Солсбери отделался от Гатцфельда общими фразами, потому что он не желает прямо ему наврать, чтобы в будущем, когда он все-таки прибегнет к оружию, ему не пришлось опровергать самого себя! Как и раньше, все остается в потемках! Эта депеша не прибавляет мне ничего нового!» (GP, Bd. XV, № 4368. Гатцфельд — ведомству иностранных дел. Лондон, 30 июля 1899).

Южной Африке и начать военные действия, английское правительство все еще продолжало маневрировать. Несмотря на угрожающие речи, раздававшиеся в парламенте по адресу буров, английские ценные бумаги не падали. Бюлов видел в этом верный признак, что подлинный правитель Англии — лондонское Сити — «еще не верит в войну»³⁶.

Но и Крюгер продолжал маневрировать. Получив английскую ноту, в которой Чемберлен требовал создания смешанной комиссии для исследования вопросов о представительстве уитлендеров в органах самоуправления и пересмотре принятого фольксраадом нового закона об избирательном праве³⁷, он не спешил с ответом. Сначала он решил позондировать почву, не согласятся ли германский, русский и французский консулы назначить своих делегатов для участия в этой комиссии³⁸. Германский консул в Претории Бирман, более чем расположенный к идеям Пангерманского союза, не мог и не хотел примириться с теми новыми политическими веяниями, приходящими из Берлина, которые все более явно означали, что официальная линия германского правительства в отношении к бурам претерпела определенные изменения. По-видимому, под сурдинку он даже продолжал подогревать надежды буров на то, что Германия в конце концов в той или иной форме окажет им поддержку. Но узнав о намерениях Крюгера привлечь его в комиссию, которая призвана будет разбираться в сложных англо-бурских расприях по поводу уитлендеров, Бирман решил запросить дипломатическое ведомство в Берлине. Он сделал это через представителя германской фирмы «Адольф Герц» в Йоганнесбурге, и, таким образом, можно быть уверенным, что и «Немецкий банк» находился в курсе дела. Оказалось, однако, что идея Крюгера привлечь иностранных консулов была подсказана ему агентами Чемберлена, который всячески стремился разжигать вопрос о суверенитете Англии — вопрос, который являлся, можно сказать, основным в империалистической пропаганде, проводившейся среди широких кругов населения Англии. И еще прежде, чем в Берлине узнали, какова будет позиция правительств России и Франции, там решили ни в коем случае не реагировать на зондаж Крюгера. Бирману были посланы строжайшие инструкции проявлять максимальную сдержанность не только в отношении представителей бурского правительства, но и частных лиц, интересующихся тем, какую позицию займет Германия в случае англо-бурского конфликта³⁹. Через несколько дней, 13 августа, ему было сообщено еще более определенно, что «Германия ни в какой форме не даст себя втянуть в трансваальские распри»⁴⁰. Но и это сообщение он должен был до последнего момента держать при себе.

Более сдержанная позиция германского правительства в назревавшем конфликте в Южной Африке в 1899 г. по сравнению с его позицией во время событий, разыгравшихся там в начале 1896 г., объясняется не только тем, что за истекшие три года изменилось направление экспансионистских интересов одной из наиболее влиятельных групп германского финансового капитала, в особенности «Немецкого банка». За эти три года произошли серьезные изменения и в международном положении как Германии, так и Англии. Если отношения Англии с Францией после урегулирования Фашодского конфликта (в 1898 г.) стали значительно улучшаться, то отношения Германии с Россией стали обостряться в

³⁶ GP, Bd. XV, № 4369. Бюлов — ведомству иностранных дел. Земмеринг, 31 июля 1899.

³⁷ Текст ноты от 27 июля 1899 г. см. «Staatsarchiv», Bd. 63, S. 310 ff.

³⁸ GP, Bd. XV, № 4370. Гатцфельд — ведомству иностранных дел. Лондон, 9 августа 1899.

³⁹ GP, Bd. XV, № 4371. Рихтгофен — консулу в Претории Бирману. Берлин, 10 августа 1899.

⁴⁰ GP, Bd. XV № 4373. Рихтгофен — консулу в Претории Бирману. Берлин, 13 августа 1899.

связи с усилившейся экспансией германского капитала на Ближний Восток.

Политическая линия германского правительства в англо-бурском конфликте опиралась на поддержку наиболее влиятельных кругов господствующих классов. «Немецкий банк» полностью ее разделял: он видел в ней условия успеха политики «натиска на Восток» — широкой экспансии в Переднюю Азию, к берегам Персидского залива. Круги, связанные с «Учетным обществом», и колониальные дельцы не были от нее в восторге, но выжидали обещанных больших выгод, которые должен был им принести недавно заключенный договор с Англией о разделе португальских колоний, а также соглашение с С. Родсом о железной дороге в Африке. Крупн и другие магнаты военной промышленности уже получали большие барыши и имели основание в случае начала военных действий в Трансваале ждать еще больших. Магнаты тяжелой промышленности и более широкие круги финансового капитала считали, что международная обстановка способствует осуществлению их планов развертывания строительства военно-морского флота в больших масштабах. В этих целях они искали сближения с юнкерством, которое, со своей стороны, требовало предоставления ему новых значительных выгод в области экономической политики. Совместная борьба крупной буржуазии и юнкерства против рабочего класса и социал-демократической партии составляла основу той реакционной «политики сплочения» господствующих классов, которая имела свое продолжение и в агрессивной внешней политике.

Вся официозная, националистическая и шовинистическая пресса, которая в январе 1896 г. буйно торжествовала по поводу «крюгеровской телеграммы» Вильгельма, теперь изменила свой тон в отношении событий, связанных с английской политикой в Трансваале. Это вовсе не значит, что антианглийская кампания замерла на ее страницах. Вовсе нет. За исключением англофильствующей прессы, связанной с партией «свободомыслящих», и некоторых органов вроде «Kölnische Zeitung», непосредственно связанных с ведомством иностранных дел, большая часть капиталистической прессы продолжала свои нападки на английскую политику. Она напоминала, что, успев захватить, а теперь и продолжая расширять и без того обширные колонии, рынки сбыта товаров и сферы приложения капиталов, Англия должна считаться и с настоящими потребностями германского капитала, нуждавшегося в расширении своих колониальных владений и вообще в расширении возможностей экспансии. Что касается прессы, обслуживающей интересы могущественной юнкерской партии консерваторов, то у нее были особые, дополнительные мотивы продолжать нападки на английскую политику: стремись поддерживать и укреплять отношения между гогенцоллерновской, опруссаченной Германией и царской Россией, она всегда подозрительно относилась ко всяким симптомам возможного сговора между германской дипломатией и английской. Как раз в это время она опасалась, что, заключив секретный договор с Германией, английское правительство использует ее в своих интересах. Но и юнкерская пресса, критикуя германскую дипломатию за ее готовность к сближению с Лондоном, очень спокойно относилась к тому, что она не проявляет никакой активности и готовности выступить на стороне или в защиту буров. Даже пресса, непосредственно отражающая взгляды Пангерманского союза, в тот момент не мешала правительству проводить намеченную им линию.

В этом отношении любопытно, что весной и в начале лета 1899 г., когда у всех на глазах происходило обострение отношений между Англией и Трансваалем, Пангерманский союз публично, в ясной и четкой форме, не высказывал своего отношения к той политике, которую германское правительство проводило в трансваальском конфликте. В это

время его главный печатный орган занимался другими вопросами: он вел систематическую пропаганду в пользу строительства крупного военно-морского флота, требовал усиления германизаторского курса в западных польских землях, находившихся под господством Пруссии, разжигал антиславянскую политику в Австро-Венгрии, а главное выискивал новые и новые аргументы, чтобы доказать, что «морское могущество означает мировое господство»⁴¹. Что касается событий, назревающих в Южной Африке, то в связи с ними в пангерманских кругах шла дискуссия на такую тему: «Является ли Германская Юго-Западная Африка верхнегерманской или нижнегерманской?»

За этой напыщенной фразой, выдержанной в обычном расистском духе, скрывался важнейший практический вопрос, вытекавший из той обстановки, которая сложилась в Южной Африке в связи с ростом активности колониальной политики английского империализма. Ближайшей жертвой английской экспансии явились буры, но и германские колонии испытывали давление этой экспансии. Вопрос стоял так: следует ли содействовать переселению буров из Трансвааля и из английских колоний на территорию германских владений в Юго-Западной Африке или же целесообразно обеспечить там исключительное и монопольное положение немецких колонизаторов, которые прибыли из Германии. Дискуссия показала⁴², что речь идет вовсе не только о методах колониационной политики в Германской Юго-Западной Африке, но главным образом об общих целях колониальной политики германского империализма в Южной Африке. Некоторые круги Пангерманского союза придерживались той точки зрения, что следует в возможно большем количестве привлечь буров в германскую колонию и постараться сделать из них опору экспансионистской политики во всей Южной Африке. В статье «Германская Юго-Западная Африка должна быть пангерманской» публицист Гарстенгауэр, продолжая прежнюю линию Пангерманского союза, писал: «Если буры будут нашими друзьями, мы, а не англичане будем хозяевами Африки»⁴³. Но те, кто в тот момент более точно отражал настроение руководящих кругов Пангерманского союза, уже несколько по-иному подходили к вопросу. И они не возражали против поощрения иммиграции буров в пределы германских колониальных владений, но путь к сохранению этих владений они видели в другом: они требовали, чтобы правительство провело там такие мероприятия, которые обеспечили бы германское экономическое влияние и германское политическое господство за счет полного устранения английского и даже голландского влияния⁴⁴. Вообще же, считали они, с точки зрения высокой политики этот вопрос потерял свое значение с тех пор, как Германская империя отказалась способствовать тому, чтобы всю Южную Африку сделать нижнегерманской⁴⁵. Это было косвенным признанием того факта, что идея создания «Великой Германии в Южной Африке» в данный момент отодвигалась ими на второй план.

Но далеко не все идеологи Пангерманского союза соглашались с этой новой установкой. Они исходили из того, что, несмотря на усили-

⁴¹ «Alldeutsche Blätter», № 22, 28 мая 1899 г.

⁴² В дискуссии приняли участие многие газеты и журналы, выходящие не только в Германии, но и в Южной Африке: «Windhoeker Anzeiger», 16 февраля 1899 г.; «Deutsche Zeitung», 17 мая 1899 г.; «Kolonialzeitung», 4 мая 1899 г.; «Alldeutsche Blätter», № 24, 11 июня 1899 г.; № 28, 9 июля 1899 г.; № 31, 30 июля 1899 г. и др.

⁴³ «Alldeutsche Blätter», № 28, 9 июля 1899 г.

⁴⁴ Имелось в виду проведение в Германской Юго-Западной Африке следующих мероприятий: признание германской валюты единственной допущенной к обращению, усиление торгового оборота между колонией и германской метрополией, массовое переселение из Германии девушек для увеличения народонаселения немецкого происхождения.

⁴⁵ «Alldeutsche Blätter», № 24, 11 июля 1899 г.

вающийся натиск Англии против буров, у германского империализма есть еще и время и средства противодействовать ей и добиться осуществления своих собственных надежд и планов. «Нужно только,— указывали они,— чтобы Германия... использовала в качестве операционного базиса принадлежащее ей западное побережье в целях поддержки буров и сопротивления англоизации всего населения Южной Африки». Но поскольку германское правительство «не хочет этого делать», они требовали, чтобы Пангерманский союз действовал в этом направлении самостоятельно, «в случае необходимости, даже против правительства»⁴⁶. Они имели в виду не только усилить кампанию, которая должна была бы заставить германское правительство активно вмешаться в пользу «нижнегерманских братьев по племени», но и приступить к формированию добровольческих отрядов, которые могли бы отправиться на помощь бурам. Как выразился граф фон Таттенбах, германский посланник в Лиссабоне, в Германии «имеется много оставленных и не находящихся на службе офицеров, которые всегда готовы принять участие в любой войне, где бы она ни вспыхнула»⁴⁷. Сторонники активных действий считали, что нужно умело использовать эти кадры потенциальных ландскнехтов. Начало положил полковник Шиль, который, находясь в Южной Африке, сумел сформировать в Трансваале германский легион⁴⁸.

Другие круги, близкие к руководству Пангерманского союза, так далеко еще не заходили. Сначала они вообще молчали по поводу своего отношения к политике правительства в Трансваальском вопросе. И только 9 июля, т. е. после того, как Чемберлен выступил с откровенно поджигательской речью, угрожая бурам войной, они, правда косвенным образом, определили свою позицию. Поводом была статья в официозе «Kölnische Zeitung», которая сообщала о положении в Йоганнесбурге в общем духе английской версии. В этой связи в главном органе Пангерманского союза была помещена передовая статья, в которой было много слов о «бесстыдной жадности» правящих кругов Англии и об отсутствии «национального эгоизма» в политике Германии. В ней было много изъятий бесплодного сочувствия бурам и еще больше брюзжания по поводу стремления Англии захватить то, что германские империалисты сами хотели бы захватить. Никаких сомнений относительно исхода войны между Англией и бурами не было: убеждение в том, что преданные и проданные буры потерпят поражение, было лишь несколько замаскировано при помощи утверждений, что «победа Англии, несомненно, послужит основанием в будущем для полного ее изгнания из Южной Африки»⁴⁹. Эта пустопорожняя фраза ничего более не выражала, как только чувство досады, зависти и ненависти по отношению к более богатому и более удачливому английскому сопернику. Но центр тяжести статьи, отражавшей взгляды руководящих сфер Пангерманского союза, заключался в характеристике отношения к политике германского правительства в трансваальской войне. Расценивая эту политику в случае возникновения англо-бурской войны, как политику «корректного нейтралитета», статья не заключала в себе и намека на то, что правительство должно проводить какую-то другую политику. В статье высказывались лишь опасения, как бы германское правительство не скатилось к состоянию «полной бездеятельности». По сути дела, руководящие круги Пангерманского союза в это время сами заняли позицию «корректного нейтралитета» в отношении политики правительства в трансваальском во-

⁴⁶ «Alldeutsche Blätter», № 28, 9 июля 1899 г.

⁴⁷ GP, Bd. XV, № 4392. Посланник в Лиссабоне Таттенбах — рейхсканцлеру Гогенлоу. Монт-Эсториаль, 9 октября 1899 г.

⁴⁸ Ad. Schiel. 25 Jahre Sturm und Sonnenschein in Südafrika. Leipzig, 1902.

⁴⁹ «Alldeutsche Blätter», № 28, 9 июля 1899 г.

просе. Но эта позиция не получила поддержки в их собственных рядах. На страницах пангерманской прессы стали раздаваться другие, протестующие голоса: «Буры являются нашими нижнегерманскими соплеменниками, их победа является нашей победой, их враг является нашим врагом. Дипломатические мероприятия теперешнего германского правительства ничего в этом изменить не могут»⁵⁰. Все это означало, что за кулисами Пангерманского союза обнаружились определенные расхождения. В будущем они стали еще более острыми и еще более глубокими.

Опасения пангерманских империалистов по поводу того, что правительство Гогенлоэ — Бюлова в случае англо-бурского конфликта собирается предаваться «полной бездейственности», не имели реальных оснований. В этой форме они скорее выражали стремление подтолкнуть правительство к активным действиям. Но правительство и без того проявило дипломатическую активность и готовность воспользоваться обстоятельствами, чтобы вырвать у Англии какой-нибудь кусок добычи в виде «компенсаций». В конце августа Гатцфельд снова сделал попытку прощупать, не наступил ли момент предъявить новые претензии. Но Солсбери оказался непроницаемым. Он все еще «не верил» в войну и делал вид, что не хочет ее. Влиятельная консервативная газета «Standard» поместила статью, в которой доказывала, будто обвинения Англии в том, что она стремится захватить Трансвааль, несправедливы, так как территория бурских республик, за исключением золотonosных районов, вообще не имеет ценности. Когда Гатцфельд в шутовском тоне сказал Солсбери, что подобного рода утверждения не вяжутся с явным стремлением Чемберлена подчинить Англии весь Трансвааль, «премьер-министр сердечному рассмеялся по поводу этого замечания, но не оспаривал его»⁵¹.

Симулируя некоторые расхождения с империалистской кликой Чемберлена, лорд Солсбери хитрил. На самом деле он просто прикрывал деятельность этой клики, которая готовила войну, а вместе с тем стремился дезинформировать иностранные державы о подлинных намерениях лондонского правительства. Так и на сей раз он убеждал Гатцфельда, что хотя военная пропаганда Чемберлена сделала некоторые успехи в Лондоне, в стране, в особенности на севере Англии, царят мирные настроения, с которыми нельзя не считаться. С другой стороны, он заверял, что Англия в настоящий момент не боится вмешательства со стороны России и Франции. Подобного рода характеристика общей ситуации, конечно, не являлась благоприятной для того, чтобы германская дипломатия могла заниматься вымогательством. Гатцфельд это понимал. Отмечая, что господствующие классы в Англии заинтересованы в поддержке добрых отношений с Германией, он несколько разочарованно доносил Вильгельму: «Однако понимание того, что Англия должна за это принести соответствующие жертвы (в пользу Германии.— А. Е.), только тогда пробьет себе дорогу, когда для нее наступят тяжелые времена». Прочтя это донесение, Вильгельм надписал на нем: «Любопытно, что в своем докладе относительно разыгрывания одних держав против других премьер (Солсбери.— А. Е.) забыл об Индии и о Персии. Именно там в случае трансваальской войны русские дадут себя почувствовать. И тогда наши проявления дружбы начнут подниматься в цене! Сначала в Лондоне!»⁵²

В этом и заключались расчеты и надежды германской дипломатии. Снова и снова она пыталась прощупать в Лондоне, насколько близко начало войны и не пора ли английскому правительству удовлетворить германские требования относительно Самоа, и каждый раз Солсбери

⁵⁰ «Alldeutsche Blätter», № 32, 6 августа 1899 г.

⁵¹ GP, Bd. XV, № 4374. Гатцфельд — Вильгельму II. Лондон, 27 августа 1899 г.

⁵² Ibid. Пометы Вильгельма II, 29 августа 1899 г.

искусно создавал впечатление, что он «определенно войны не желает»⁵³. Со своей стороны, английская дипломатия стремилась везде, в частности в Берлине, создать впечатление, будто все зависит от того, захотят ли буры начать войну. Гатцфельд, который все время подвергался в Лондоне сильной обработке, сообщал 27 августа в частном письме в Берлин: «Я и сегодня все еще не верю в войну, если только в Претории не сошли с ума»⁵⁴. В то же время английское правительство сознательно стремилось внушить миру представление, что вся империя встает против Трансвааля. На самом деле оно не обладало крупными сухопутными силами, организация транспортировки этих сил была из рук вон плоха, а военное министерство, которое заверяло правительство, что все готово «до последней пуговицы», в момент обострения трансваальского кризиса обнаружило почти полную несостоятельность. Чемберлен видел это и приходил почти в полное отчаяние. «Я не доверяю себе,— писал он в одном личном письме,— чтобы сказать, что я думаю о бесполезности настоящего военного министерства. Спаси нас небо, если мы попадем в беду»⁵⁵. Он надеялся на то, что буры подготовлены к войне еще хуже, а также на то, что при помощи нот, переговоров, заявлений, требований и других дипломатических форм борьбы английское правительство сможет выиграть время для завершения начатой военной подготовки и не дать бурам захватить военную инициативу в свои руки. «Они беспомощны,— писал Чемберлен в военное министерство,— и это должно быть благом, если только они не приведут нас к катастрофе»⁵⁶. Вместе с тем своими политическими, дипломатическими и военными мероприятиями английское правительство, говоря словами лорда Милнера, продолжало «систематически закручивать винт»⁵⁷.

Чемберлен и Милнер стремились довести буров до капитуляции. Но бурское правительство продолжало ловко маневрировать. В середине августа Крюгер неожиданно заявил, что Трансвааль в основном принимает программу по вопросу о предоставлении прав уитлендерам, выполнения которой Милнер требовал в Блумфонштейне⁵⁸. Вместе с тем, настаивал Крюгер, английское правительство должно заявить, что впредь оно больше не будет вмешиваться во внутренние дела Трансвааля и формально отказывается от своего сюзеренитета в делах, касающихся внутреннего положения этого бурского государства. 26 августа Чемберлен, выступая в Бирмингеме, в самой резкой форме обрушился на Трансвааль, открыто угрожал войной и дал понять, что программу Милнера он считает уже недостаточной. «Ситуация теперь снова явно ухудшилась»,— сообщал Гатцфельд в Берлин⁵⁹. И действительно, на следующий день английское правительство отправило бурам ноту⁶⁰, в которой, категорически отказываясь обсуждать новое предложение Крюгера, настаивало на своих претензиях относительно сюзеренитета и указывало, что оно имеет в запасе еще и другие требования, которые бурскому правительству придется удовлетворить. 31 августа Милнер телеграфировал Чемберлену: «Британская Южная Африка готова к крайним мерам»⁶¹. Опасаясь восстания колониальных буров против Англии, он настаивал на том, чтобы ускорить нанесение удара Трансваалю. В эти дни Гатц-

⁵³ GP, Bd. XV, № 4375. Бюлов — посланнику в Гааге барону Бринкену. Берлин, 29 августа 1899 г.

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ J. L. Garvin. Op. cit., v. III, p. 455.

⁵⁶ Ibid.

⁵⁷ Ibid.

⁵⁸ P. Krüger. Op. cit., S. 204—205.

⁵⁹ GP, Bd. XV, № 4374. Гатцфельд — Вильгельму II. Лондон, 27 августа 1899 г.

⁶⁰ Текст ноты от 28 августа 1899 г. см. «Staatsarchiv», Bd. 63, S. 322.

⁶¹ P. Krüger. Op. cit., S. 208.

фельд, находясь под влиянием своих доверительных бесед с Солсбери и Ротшильдом, сообщал, что буры смогут избежать войны только при условии, если они пойдут на признание английского сюзеренитета. «Теперь шансы таковы,— писал он,— что Трансвааль при всех условиях будет побежден и тогда все потеряет»⁶². Бюлов поспешил передать это мнение в Преторию⁶³ и, по сути дела, помог Англии дублировать ее угрозы. Получив сообщение, что финансисты и дельцы в лондонском Сити «требуют теперь прежде всего немедленного решения в любую сторону», Бюлов постарался (как и раньше, через Голландию) поставить об этом в известность Крюгера, добавив, что, как ему хорошо известно из самых достоверных источников, война неизбежна, если Крюгер не заявит, что он не собирается отрицать сюзеренитет Англии⁶⁴.

Но бурское правительство и само отлично понимало, о чем идет речь. 2 сентября оно ответило отказом от капитуляции по вопросу о сюзеренитете. Более того, Крюгер заявил, что он берет обратно сделанное им предложение на основе программы Милнера. 8 сентября английский кабинет рассматривал ноту Крюгера и утвердил ответ, который был отправлен в Преторию. Ответ был составлен в более мягкой форме, чем можно было ожидать. Английское правительство высказывало в нем пожелание, чтобы Крюгер не брал обратно своих предложений, но одновременно выдвигало новые требования⁶⁵. Одновременно было решено отправить в Южную Африку еще войска (10 тыс. человек, из них 6 тыс. из Индии). Но для проведения этих военных мероприятий английское правительство еще нуждалось в продолжении переговоров. Солсбери заверял, что он и «теперь еще не верит в войну»⁶⁶, но ему уже никто не верил, даже Гатцфельд. В середине сентября на лондонской бирже началось падение курса некоторых ценных бумаг, и Гатцфельд в этом усмотрел, что Сити «верит в войну»⁶⁷. Еще раньше в Берлине стало известно, что престарелая королева Виктория прежде чем умереть очень хочет насладиться разгромом буров, которым она не может простить их победу над английскими войсками при Маджубе (в 1881 г.)⁶⁸. Перед правящими кругами Англии еще и еще раз вставал вопрос: какова будет позиция германского соперника?

Заверения, которые Бюлов дал в марте С. Родсу, нуждались в подтверждении: и тогда, и впоследствии германская дипломатия требовала в виде компенсации Самоа, но в Лондоне все еще не проявляли большой склонности идти навстречу этим требованиям. Не уверенный в том, какую позицию Германия займет в решающий момент, Чемберлен в конце августа решил снова прощупать почву в Берлине. На сей раз эту миссию, по-видимому по его просьбе, выполнил Эккардштейн, одинаково тесно связанный с финансовой олигархией в Англии и с верхушкой пра-

⁶² GP, Bd. XV, № 4375. Бюлов — посланнику в Гааге барону Бринкену. Берлин, 29 августа 1899 г.

⁶³ GP, Bd. XV, № 4376. Барон Бринкен — ведомству иностранных дел. Гаага, 30 августа 1899 г.

⁶⁴ GP, Bd. XV, № 4377. Бюлов — посланнику в Гааге Бринкену. Берлин, 31 августа 1899 г.; № 4378. Бринкен — ведомству иностранных дел. Гаага, 1 сентября 1899 г.

⁶⁵ Текст ноты от 9 сентября 1899 г. см. «Staatsarchiv», Bd. 63, S. 327. Германская публицистика уже тогда отметила, что эти требования (предоставление утилендерам всех политических прав без всяких ограничений по истечении пятилетнего срока их пребывания в Трансваале, снесение фортов в Йоганнесбурге и др.) Дж. Чемберлен облек в форму приказа (см. A. v. Müller. Der Krieg in Südafrika und seine Vorgeschichte. Berlin, 1900; «Сборник материалов по англо-бурской войне в Южной Африке 1899—1900 гг.», вып. VII. Издание Военно-ученого комитета Главного штаба. СПб., 1900, стр. 28).

⁶⁶ GP, Bd. XV, № 4380. Рихтгофен — Вильгельму II. Берлин, 13 сентября 1899 г.

⁶⁷ GP, Bd. XV, № 4381. Гатцфельд — ведомству иностранных дел. Лондон, 15 сентября 1899 г.

⁶⁸ GP, Bd. XV, № 4374. Гатцфельд — Вильгельму II. Лондон, 27 августа 1899 г.; № 4379. Гатцфельд — ведомству иностранных дел. Лондон, 8 сентября 1899 г.

вающих классов в Германии. Приехав в Берлин, Эккардштейн убедился, что там среди руководящих кругов имеется сильная партия, которая считает, что при помощи прямых и грубых угроз можно заставить английское правительство оплатить германский нейтралитет, и притом немедленно и щедро. Сторонниками открытого антианглийского курса являлись аграрии. Они критиковали действия Бюлова и явно стремились свалить его: на смену они выдвигали Герберта Бисмарка. Лидеры Пангерманского союза, как мы знаем, полностью поддерживали эту тактику или же шли еще дальше и требовали активного вмешательства на стороне буров. Другая партия, стремясь к тем же целям, поддерживала Бюлова и считала эту тактику опасной: она исходила из того, что германское правительство, не имея крупного военно-морского флота, не в состоянии подкрепить свои угрозы силой; с другой стороны, грубые угрозы могут только восстановить Англию, которая, наладив отношения с Россией и Францией, повернется к Германии спиной, и тогда всякие надежды на колониальные компенсации лопнут, как мыльный пузырь.

В конце концов в Берлине было решено, что до начала англо-бурской войны следует применить тактику «умеренности» и «сдержанности». Посланец Чемберлена остался этим решением очень доволен. «Дипломатия,— поучал он,— это шахматная игра, а не сшибание кеглей»⁶⁹. Он больше всего опасался, как бы не были сшиблены его излюбленные планы англо-германского союза против России. На самом деле вся тонкость шахматной игры германской дипломатии в данном случае заключалась лишь в том, чтобы преждевременно не спугнуть английских империалистов, вползающих в трясину войны. Несколько позднее Бюлов сформулировал эту тактику в виде следующей директивы: «Перед лицом все более обостряющегося кризиса в Трансваале мы не должны создавать впечатление, как будто хотим использовать действительное или кажущееся затруднительное положение англичан в своих интересах. Однако на деле было бы недостатком нашей дипломатии, если бы мы не довели до удовлетворительного разрешения вопросы, возникающие между нами и Англией, и прежде всего вопрос о Самоа!»⁷⁰

Вернувшись в Лондон, Эккардштейн сообщил Чемберлену, что «Англия может определенно рассчитывать на благожелательный нейтралитет германского правительства», и осторожно напомнил о том, как было бы желательно когда-нибудь урегулировать некоторые колониальные вопросы «в интересах англо-германских отношений»⁷¹. Чемберлен торжествующе ответил, что Германия в скором времени будет иметь случай проявить свои симпатии к Англии и тем самым устранить с дороги все оставшиеся недоразумения. Тут же он выразил радость по поводу того, «что германская пресса в настоящее время заняла в общем более умеренную позицию»⁷².

Через несколько дней при личной встрече с Эккардштейном Чемберлен уже без всяких стеснений заявил, что «война с Трансваалем неизбежна». Он признался, что осталось только предъявить Трансваалю кое-какие дополнительные претензии, а затем потребовать предоставления гарантий, что эти претензии будут выполнены, и тогда начатое им дело будет доведено до конца. Таким образом, в дипломатическом отношении развязывание войны с Трансваалем уже было обеспечено. Оставалось только обеспечить, чтобы и другая бурская республика — Оранжевая

⁶⁹ H. Eckardstein. Lebenserinnerungen und politische Denkwürdigkeiten, Bd. II, S. 35.

⁷⁰ GP, Bd. XV, S. 396, прим. Бюлов — ведомству иностранных дел. Земмеринг, 21 сентября 1899 г.

⁷¹ H. Eckardstein. Op. cit., Bd. II, S. 35.

⁷² GP, Bd. XV, № 4382. Чемберлен — Эккардштейну. Бирмингем, 14 сентября 1899 г.; H. Eckardstein Op. cit., Bd. II, S. 35—36.

оказалась втянутой в войну. Английское правительство знало, что в случае войны Трансвааль рассчитывает на поддержку Оранжевой республики⁷³. Но Чемберлен опасался, как бы в последний момент президент Оранжевой республики Стейн не объявил нейтралитет и таким образом создал бы брешь в системе английского господства во всей Южной Африке⁷⁴. К тому же английские стратегические планы предусматривали прохождение английских войск через Оранжевую республику. Словом, империалистская клика Чемберлена — Родса, ведя подготовку войны против Трансвааля, рассчитывала одним ударом покончить с обеими бурскими республиками. Со стороны парламента эта клика опасности для себя не ожидала; громовержцы английского кабинета решили в случае необходимости не созывать парламент и начинать войну на средства резервного фонда, имеющегося в распоряжении правительства. Оставалось окончательно заручиться благоприятной позицией своих империалистических соперников, и прежде всего Германии.

С этой целью королева Виктория прислала своему внуку Вильгельму II любезное письмо, в котором приглашала его вместе с Бюловым приехать в Англию, а заодно, придравшись к какому-то малозначительному поводу, пыталась сыграть на крайнем самолюбии тщеславного кайзера, чтобы восстановить его против Франции. Но даже Вильгельм понял, какие цели она при этом преследовала. Далее, в самом конце сентября Чемберлен попытался (снова через Эккардштейна) побудить германское правительство открыто проявить в какой-либо форме свои симпатии к Англии⁷⁵. Но Бюлов еще раньше тайне дал указание германской прессе, прежде всего официозной, вести себя спокойно и не возбуждать толков ни проявлением симпатии к Англии, ни выпадами по адресу буров. Для того, чтобы оградить германское правительство от нападок со стороны тех кругов германского империализма, которые ненавидели Англию и считали ее своим главным врагом на арене «мировой политики», он предложил прессе придерживаться следующего тезиса: поскольку ни одна европейская держава, ни Россия и Франция, ни Австро-Венгрия и Италия не собираются в связи с трансваальскими делами вести политику, враждебную Англии, Германия не может самостоятельно связывать себя в этом отношении⁷⁶. Учитывая наличие сильных антиянглийских настроений среди кругов крупной империалистической буржуазии и юнкерства, германская дипломатия не могла, да и не хотела идти дальше и демонстративно «перешагнуть через линию» формального нейтралитета в сторону Англии. Бюлов дал указание в Лондон заявить Чемберлену, что если бы германское правительство на это решилось, не получив компенсации хотя бы в виде островов Самоа, оно навлекло бы на себя возмущение «общественного мнения», и кайзер вынужден был бы дать ему отставку. Вместе с тем Бюлов подтвердил, что позиция Германии в южноафриканском кризисе формально «является строго нейтральной и абсолютно лояльной» по отношению к Англии, а по сравнению с позицией других держав, например России или Франции, «даже заметно дружественной»⁷⁷.

Между тем английская политика «закручивания винта» в Трансваале продолжалась. Каждая из нот, которыми Чемберлен обменивался с Крю-

⁷³ GP, Bd. XV, № 4383. Гатцфельд — ведомству иностранных дел. Лондон, 20 сентября 1899 г.

⁷⁴ «Im Kampf um Südafrika Präsident Steyn und die Freistaater im Krieg mit England», Bd. 3, Teil I. F. Rompel. Präsident Steyn. Ein Lebensbild. München, 1902, S. 35—43.

⁷⁵ GP, Bd. XV, № 4386. Гатцфельд — ведомству иностранных дел. Лондон, 30 сентября 1899 г.

⁷⁶ GP, Bd. XV, № 4384 Бюлов — ведомству иностранных дел. Земмеринг, 20 сентября 1899 г.

⁷⁷ GP, Bd. XV, № 4387. Бюлов — ведомству иностранных дел. Земмеринг, 2 октября 1899 г.

гером, лишь усугубляла и без того напряженное положение: 22 сентября в Англии была объявлена мобилизация армейского корпуса. Еще через несколько дней стало известно, что значительная часть этого корпуса отправляется в Южную Африку. Английские войска уже начали прибывать к границам Трансвааля. Уитлендеры грозили восстанием. Еще одна попытка президента Оранжевой республики Стейна выступить в роли посредника потерпела неудачу⁷⁸. Старый Крюгер еще раньше понял, что если, поддаваясь тактике английских империалистов, повременить, то это даст возможность закончить концентрацию войск и захватить военную инициативу в свои руки. Жребий был брошен. 2 октября, в тот самый день, когда Бюлов давал Чемберлену свои последние заверения о благожелательном нейтралитете, Крюгер выступил с двумя краткими речами перед фольксраадом. Цитируя библейские притчи и псалмы, он призывал положиться на бога в предстоящей борьбе. Обращаясь через фольксраад ко всем бурам и в подражание древним пророкам благословляя их на борьбу против превосходящих сил, он сказал: «Кто определяет полет пуль? Господь! И теперь он будет охранять вас, даже если тысячи пуль будут пролетать возле вас». В оправдание своей политики он приводил примеры, заимствованные из Ветхого завета, и призывал «молигвою поддерживать мужей, которые должны вести за собой правительство»⁷⁹.

Разрыв окончательно еще не наступил, но английское правительство уже обратилось в Берлин с просьбой, чтобы Германия взяла на себя в случае войны защиту английских интересов в Трансваале⁸⁰. Опасаясь взрыва возмущения среди господствующих классов Германии, охваченных в общем антианглийскими настроениями, Бюлов поспешил отказаться под тем предлогом, что германский консул в Претории «еще не дорос до выполнения подобной задачи»⁸¹. Таким образом он хотел дать понять Англии, что правящие круги в Берлине раздражены тем, что лондонское правительство становится глухим, когда с ним заводят речь о Самоа. Вместе с тем германское правительство не хотело создавать впечатление в стране и за границей, что оно благоприятствует захватнической политике английского империализма в Южной Африке. Оно стремилось избежать новых нападков со стороны прусских аграриев и пангерманских империалистов⁸² и сохранить возможность для дальнейшего маневрирования в делах внешней политики и дипломатии.

9 октября Чемберлен, едва скрывая радостное возбуждение, сообщил Эккардштейну и Гатцфельду, что война с Трансваалем может начаться в любой момент. При этом он не преминул хвастливо заявить, что при всех условиях английские войска уже готовы идти на Преторию и Иоганнесбург⁸³. В этот же день Крюгер ультимативно потребовал у английского правительства отвести войска от границ Трансвааля⁸⁴. Лондонское правительство отвергло ультиматум. Президент Оранжевой республики заявил о готовности поддержать Трансвааль. Захватив инициативу, буры вторглись в пределы Наталя. Война началась. По компетентному определению Сесилия Родса, это была война за акции и дивиденды⁸⁵.

⁷⁸ P. Krüger. Op. cit., S. 212—214.

⁷⁹ Ibid., S. 267—277.

⁸⁰ GP, Bd. XV, № 4388. Лесселс — Деренталю. Берлин, 3 октября 1899 г.

⁸¹ GP, Bd. XV, № 4389. Записка Деренталю. Берлин, 8 октября 1899 г.; защиту английских интересов в Трансваале взяло на себя правительство США, так как американское правительство «хотело бы оплатить за благожелательную позицию Англии в последней войне» (с Испанией). GP, Bd. XV, № 4390. Мумм — Шварценштейну. Вашингтон, 12 октября 1899 г.

⁸² H. Eckardstein. Op. cit., Bd. II, S. 56—57.

⁸³ GP, Bd. XV, № 4389. Записка Деренталю. Берлин, 8 октября 1899 г.

⁸⁴ P. Krüger. Op. cit., S. 219.

⁸⁵ «Сборник материалов по англо-бурской войне в Южной Африке», стр. 91.

Германский империализм и его дипломатия немало потрудились, чтобы ее разжечь.

Они рассчитывали, что эта война принесет им немалые выгоды — экономические и политические. Но непосредственных выгод в Южной Африке они не добились, если не считать тех в общем незначительных прибылей, которые немецкие фирмы сумели извлечь из контрабандной торговли оружием, да и эта торговля едва не вызвала серьезного дипломатического столкновения Германии с Англией. Обширная программа Пангерманского союза относительно методов и целей экспансии германского империализма в Южной Африке в конце концов осталась неосуществленной. В частности, германскому правительству не удалось воспользоваться англо-бурской войной, чтобы расширить там свои колониальные владения за счет территорий, входящих в состав португальских владений. Убедившись, что в ходе этой войны Англия претерпевает серьезные затруднения, германская дипломатия попыталась при помощи Франции и России оказать давление на британское правительство и таким образом вырвать у него компенсации. Но эта попытка являлась не более чем дипломатической интригой, которая к тому же не удалась, так как ни Франция, ни Россия не пожелали принять участие в дипломатическом вмешательстве против Англии. В результате германское правительство было вынуждено изменить тактику и демонстративно занять позицию, благожелательную в отношении Англии. Этому в немалой степени способствовало и то обстоятельство, что среди руководящих кругов германского империализма, в особенности среди тех, которые непосредственно не были заинтересованы в делах Южной Африки, еще зрела надежда, что политика сближения с Англией отнюдь не исчерпана и еще может принести плоды, — торгово-политические, колониальные и иные. Во всяком случае, германская дипломатия рассчитывала, что политика балансирования между Англией и Россией не может быть принесена в жертву иллюзорным экспансионистским планам в Южной Африке, а должна оставаться основой «мировой политики» в других направлениях.

Когда Крюгер, президент Трансвааля, будучи вынужден покинуть свою страну, в 1900 г. приехал в Германию в надежде, что ему удастся здесь добиться финансовой и политической поддержки, Вильгельм II даже отказался его принять. Правда, Пангерманский союз устроил Крюгеру неслыханные овации, и никогда еще буры не были так популярны среди широких мелкобуржуазных кругов Германии, как в это время. Идиллическая легенда о «дядюшке Крюгере» как о борце за свободу и независимость своей страны затмила тот непреложный факт, что верхушка бурских республик представляла интересы крупных плантаторов и эксплуататоров труда основной массы населения — африканских племен и народностей, экономически закабаленных, низведенных до уровня полурабов и в полной мере испытывавших на себе гнет расистской политики в самых жестоких ее проявлениях. Но как раз расизм, составивший основу внутренней политики бурских республик, импонирует Пангерманскому союзу, — не в меньшей степени, чем призывы к борьбе против Англии как главного соперника германского империализма. С другой стороны, симпатии к бурам — «нижнегерманским братьям по племени», охватившие тогда широкие круги мелкой и средней буржуазии, являлись проявлением тех антианглийских настроений, которые усердно насаждались не только Пангерманским союзом, но и большинством юнкерских и буржуазных партий, в особенности в связи с шумной националистической кампанией в пользу строительства крупного военно-морского флота как орудия «мировой политики».

Вот почему вынужденный тактический поворот германского правительства в сторону сближения с Англией, в частности за счет того, что

бурские республики были предоставлены самим себе, застал Пангерманский союз врасплох. Некоторая его часть еще рассчитывала, что переход буров к длительной партизанской войне ухудшит военное и политическое положение Англии и таким образом создаст условия, которые облегчат осуществление их ранее выработанных планов в Южной Африке. Другая его часть стала изыскивать аргументы в пользу поддержки правительственной тактики в вопросах внешней политики. В 1900 г. в результате борьбы между обоими течениями в Пангерманском союзе обнаружился открытый раскол, который привел к смене руководства. Эта борьба течений отражала борьбу интересов различных групп германского монополистического капитала, а также колебания тех слоев средней и мелкой буржуазии, среди которых Пангерманский союз рекрутировал своих сторонников, независимо от того, к какой юнкерской или буржуазной партии они принадлежали. Немалую роль в этой борьбе играли и идеологические традиции пангерманизма времен его формирования, а с другой стороны, попытки приспособить старые идеологические воззрения к новым задачам, продиктованным изменениями в направлении экспансии германского империализма — от Южной Африки к Ближнему Востоку. Но к этому времени полностью определилось еще одно крупное направление экспансии: германские монополии с огромной силой и энергией ринулись в Китай.

1957 г.

ГЕРМАНСКИЕ МОНОПОЛИИ В КИТАЕ НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВЕКОВ*

В 1900 г., когда главные капиталистические страны уже начали испытывать первые удары надвигавшегося мирового экономического кризиса, а правительства этих стран были заняты вопросом, какие выгоды они могут извлечь из затянувшейся войны Англии против бурских республик в Южной Африке, империалистическая дипломатия, европейская и неевропейская, вдруг оказалась перед лицом новых затруднений — политических и даже военных, возникших в связи с крупнейшими событиями на Дальнем Востоке: массовым антиимпериалистическим восстанием в Китае. Эти события поразили тогда мир своим размахом и полной неожиданностью. Они оказались неожиданными не только для буржуазной прессы, которая на рубеже XIX и XX вв. предавалась оптимистическим пророчествам и радужным надеждам относительно возможностей быстрого и полного раздела Китая, но, в первую очередь, для сильных мира сего: монополистических кругов и правительств главнейших капиталистических держав, протянувших свои щупальца к Китаю и уже создавших там свои сферы влияния — опорные базы дальнейшего грабежа и расширения эксплуатации многомиллионных масс китайского народа. Переломным моментом в этом отношении являлась японо-китайская война 1894—1895 гг., когда Япония, по выражению В. И. Ленина, «попробовала пробить брешь в китайской стене, открывая такой лакомый кусок, который сразу ухватили зубами капиталисты Англии, Германии, Франции, России и даже Италии»¹. В течение нескольких последующих лет империалистические державы положили начало разделу Китая на сферы влияния.

Начавшееся после японо-китайской войны 1894—1895 гг. финансовое закабаление Китая путем займов, предоставляемых иностранными консорциумами, стимулировало соперничество между державами за влияние в этой стране. В течение короткого времени каждая из них успела закрепить за собой не только концессии — железнодорожные, горнорудные и иные, но и опорные пункты и обширные «сферы влияния»: Германия — Шаньдун, Россия — Маньчжурию, Англия — Вэйхайвэй и бассейн Янцзы, Франция — Юньнань и некоторые районы других провинций Юго-Западного Китая. Япония, захватив Тайвань, вгрызалась в провинцию Фуцзянь. Закрепившись на этих позициях, иностранные монополии вели борьбу за дальнейшее экономическое проникновение в Китай, за дальнейшее расширение «своей» сферы влияния, а также за усиление политического влияния на цинское правительство и на правителей отдельных провинций.

* Переводы материалов с китайского языка любезно предоставлены мне Ю. М. Гарушянцем.— А. Е.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 83.

Американский империализм, не успевший захватить себе «сферу влияния», выдвинул доктрину «открытых дверей» с целью не только повлиять на расстановку сил в Китае, но и прорваться через «открытые двери», чтобы получить свободу действий в пределах Китая в целом².

Американская доктрина «открытых дверей» поставила господствующие классы Германии перед дилеммой: поддержать ли эту доктрину или взять курс на открытый раздел Китая? Как ни остро звучала эта дилемма, по существу, в подходе к ее решению сказывались мотивы как общеполитического, так и тактического свойства. Круги немецкой либеральной буржуазии, поддерживавшие партию «свободомыслящих», а также крупный капитал ганзейских городов, заинтересованные в развертывании экспортной торговли с Китаем и тысячами нитей связанные с финансовым капиталом, торговыми фирмами и страховыми компаниями Англии, заявляли себя сторонниками политики «открытых дверей». Несколько более туманную позицию, но в общем склоняющуюся к той же политике, занимали те круги германского империализма, которые были представлены национал-либеральной и свободно-консервативной партиями. Тесно связанные с мощным «банковским консорциумом», породившим специальные синдикаты по эксплуатации Шаньдунa, эти круги усматривали в доктрине «открытых дверей» возможность выиграть время для осуществления политики «свободы рук» в Китае — тем более, что германский финансовый капитал уже нацеливался на бассейн Янцзы. Зато значительная часть юнкерства выступала против доктрины «открытых дверей» — отнюдь не потому, что усматривала в ней какой-либо для себя ущерб: реакционному юнкерству просто претили всякие формулы, доктрины и лозунги, даже откровенно империалистического свойства, если только они были облачены в подобие либеральных фраз. Главное же, эти юнкерские круги опасались, что готовность поддержать доктрину «открытых дверей» практически заставит германское правительство встать на путь сближения с США и Англией и тем самым ослабить свои политические узы с царской Россией. Но особых споров между сторонниками и противниками политики «открытых дверей» не было: никто не хотел связывать себя определенной программой действий в Китае.

Если в течение предшествующего периода главными соперниками в Китае выступали Англия и Россия, то на рубеже XIX и XX в. все более заметным становилось проникновение в Китай германских монополий³. Это проникновение имело и серьезные политические последствия. Именно в Шаньдуне, главной сфере деятельности германских монополий в Китае, сложились первые очаги антиимпериалистического движения китайского народа — движения ихэтуаней.

В данном случае речь идет об изучении тех новых форм и методов экспансии капитала, которые стали столь характерными для конца XIX — начала XX в., когда домонополистический капитализм сменился империализмом и когда закон о неравномерности развития капитализ-

² См. А. Канторович. Америка в борьбе за Китай. М., 1935; А. А. Фурсенко. Борьба за раздел Китая и американская доктрина «открытых дверей», 1895—1900. М.—Л., 1956; С. Б. Горелик. Политика США в Маньчжурии в 1898—1903 гг. и доктрина «открытых дверей». М., 1960.

³ Об экономическом проникновении германского капитала в Китай и о политике Германии в Китае в период японо-китайской войны 1894—1895 гг. см. А. Л. Нарочницкий. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке 1860—1895. М., 1956, а также Н. Stöcker. Deutschland und China im XIX. Jahrhundert. Berlin, 1958. О политике Германии в Китае в последующие годы см. А. С. Ерусалимский. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века, гл. V. М., 1951; Г. Ефимов. Внешняя политика Китая 1894—1899 гг. М., 1958; С. Л. Тихвинский. Движение за реформы в Китае и Кан Ю-вэй, гл. V. М., 1959.

ма стал проявляться особенно остро и наглядно как в экономической, так и в политической областях. Тогда же появился новый тип монополий, которые предназначались и для целей империалистической экспансии в колониальные и полуколониальные страны. Вот почему в ходе изучения империализма как высшей и последней стадии капитализма В. И. Ленин особенно внимательно исследовал формы монополий и те методы, экономические и политические, которые применялись этими монополиями для достижения своих целей. В частности, он самым тщательным образом отбирал факты, воссоздававшие картину концентрации банковского капитала в целях проникновения в Китай и империалистического закабаления этой страны путем ее раздела на сферы влияния. Не удивительно, что В. И. Ленин сделал объектом своего изучения и деятельность созданного в Германии в конце XIX в. «Немецко-Азиатского банка» («Deutsch-Asiatische Bank») ⁴, ставшего вскоре одной из главных движущих сил проникновения тогда еще молодого, но уже весьма агрессивного германского империализма в Китай. Ныне изучение экспансионистских методов и целей германского империализма в отношении колониальных и полуколониальных стран нам представляется важным еще и потому, что они, эти методы и цели, используются и современным западногерманским «неоколониализмом», который стремится скрыть старую империалистическую сущность своей политики в Азии и в Африке под новым идеологическим флагом «демократического обновления».

1

В конце XIX века английский капитал в Китае действовал совместно с германскими фирмами и не сразу заметил, как эти услужливые и аккуратные фирмы, плодясь и размножаясь на благодатной почве огромной «Поднебесной империи», постепенно начали освобождаться от той скромной роли, которую они раньше выполняли, стали наращивать силу и способствовать проникновению германского капитала в Китай. То были большие торговые фирмы, прежде всего обосновавшиеся в китайских портах, но сумевшие проникнуть и в глубь страны. В 1897 г. в китайских портах насчитывалось 137 английских фирм, а немецких — 99, из коих 87 занимались торговлей в крупных размерах. Конечно, их удельный вес в различных портах был неодинаков. Так, в Шанхае английских фирм было вдвое больше, чем немецких, и они играли явно преобладающую роль ⁵. Это объяснялось в первую очередь тем, что через Шанхай ввозились английские хлопчатобумажные товары, и притом в огромном количестве, несмотря на усилившуюся американскую и японскую конкуренцию. В Сянгане (Гонконге) сложилось положение, более выгодное для немецких фирм. Общее число немецких фирм во всех остальных портах Китая приближалось к числу английских (их было соответственно 47 и 54). Только в бассейне Янцзы английские фирмы и по количеству, и по влиянию удерживали превосходство в своих руках. Однако и здесь немецкий капитал проявлял повышенную активность. Немецкие фирмы уже не только обслуживали интересы английской торговли — они все более настойчиво продвигали германские промышленные товары на китайский рынок и, с другой стороны, поставляли сырье из Китая в Германию, да и в некоторые другие страны. Это означало, что германский капитал, вступив в борьбу за увеличение своей доли в импортной и экспортной торговле Китая, становился до-

⁴ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 28, стр. 116, 145.

⁵ «Beiträge zur Flottennovelle von Nauticus», Bd. 2; см. также «Alldeutsche Blätter», № 13, 25 марта 1900 г.

тенциальным конкурентом и соперником английского капитала в бассейне реки Янцзы.

Серьезные симптомы в этом направлении проявились еще в середине 90-х годов, когда наместник Хугуана (провинции Хунань и Хубэй) Чжан Чжи-дун заключил с немецкими фирмами сделку о займе на сумму в 1 млн. ланов для поддержания созданных им предприятий — хлопчатобумажной мануфактуры, железоделательного и оружейного заводов. Находясь в тяжелом финансовом положении, не имея денег даже для уплаты рабочим, Чжан Чжи-дун решил было передать все свои предприятия группе китайских капиталистов в Гуанчжоу (Кантон). Но переговоры с ними ни к чему не привели. Тогда Чжан Чжи-дун обратился к английским банкам. Последние, однако, отказались не только от приобретения этих предприятий, но и от предоставления ему займа, требуя гарантии пекинского правительства. Воспользовавшись этими неудачами китайского наместника, две немецкие фирмы, «Arnhold Karberg und Co» и «Carlowitz und Co», действуя через находящегося на китайской службе немецкого инженера Шейдтвеллера, устроили Чжан Чжи-дуну необходимый ему заем, с тем чтобы погашение займа гарантировалось действующими предприятиями, которые обязывались впредь выписывать из Германии не только машины и оборудование, но также инженеров и механиков. Самое любопытное в этой сделке заключалось в том, что, предоставляя заем, немецкие фирмы обеспечили себе получение прибылей с двух сторон: они выступали лишь в роли посредников, сумевших привлечь китайских капиталистов путем предоставления им гарантий, а вместе с тем смогли воспользоваться этим миллионным займом, чтобы выгодно разместить заказы среди крупных промышленных фирм в Германии. При этом немецкие посредники рассчитывали на то, что упомянутого займа окажется недостаточно и что, снова воспользовавшись оплаченными услугами китайских капиталистов, они смогут навязать своему китайскому клиенту новые займы на более тяжелых условиях. Вот почему англичане и бельгийцы, работавшие на предприятиях Чжан Чжи-дуна, уже тогда пришли к выводу, что предоставленный заем является «первым шагом немцев к захвату в свои руки как уже существующих, так и будущих предприятий Чжан Чжи-дуна, а затем, шаг за шагом, и здешнего рынка»⁶.

Но к этому времени и другие немецкие фирмы стали проявлять активность в бассейне Янцзы. Так, фирма «Mandl und Co», которая уже ранее стала преуспевать на поставках оружия в северные порты Китая, теперь сумела расширить свою деятельность и на юге страны. Ее представитель Лидер, действуя при помощи того же немецкого инженера Шейдтвеллера, сумел заключить с Чжан Чжи-дуном соглашение об устройстве в его провинции двора для чеканки серебряной монеты и налаживании других промышленных производств. Предоставив своему китайскому партнеру часть необходимых ему капиталов, немецкая фирма заранее оговорила как выгодные для себя условия распределения прибылей, так и то, что предстоящие заказы на оборудование будут помещены на германском рынке. Сообщая в Петербург об этих фактах, русский консул в Ханькоу заключал: «Вот еще один успех, и довольно крупный, в стремлении немцев водвориться в здешнем крае»⁷.

За пределами бассейна Янцзы немецкий капитал уже был представлен большим количеством фирм (36), чем английский (35). В Гу-

⁶ АВПР, Кит. ст., д. 384, лл. 40—43. Донесение российского консульства в Ханькоу, 10 февраля (29 января) 1894 г., № 15.

⁷ Там же, лл. 44—45. Донесение российского консульства в Ханькоу, 16 (4) февраля 1894 г., № 18.

анчжоу в течение трех лет образовались 6 немецких фирм, которые начали вытеснять китайских купцов, занимавшихся ввозом иностранных товаров из Сянгана⁸. Что касается Тяньцзиня, то там позиции германского капитала были значительней, чем капитала всех других иностранных держав, вместе взятых⁹. Конечно, соотношение общего количества английских и немецких фирм еще не дает представления об их экономической роли и влиянии, а также о характере и перспективах их соперничества.

Немецкая торговля в Китае в тот период неуклонно росла. Правда, вначале точные цифры ее роста определить было трудно, ибо, как справедливо отметил русский наблюдатель полковник Десино, «отчеты таможен (Returns of Trade and Trade Reports) показывают товары по флагу судна, на котором они ввезены или вывезены, а за недостатком у немцев коммерческого флота значительное количество их ввоза и вывоза из Китая идет на судах других наций, и потому таможи причисляют такие товары той нации, которой принадлежит судно»¹⁰. Тем не менее даже простое сопоставление цифр водоизмещения иностранных судов, прибывавших в Китай, свидетельствовало о том, что немецкая торговля с Китаем значительно расширялась, и притом в более быстрых темпах, чем торговля других государств¹¹. Следует также учесть, что немецкие суда занимались перевозкой в Китай товаров почти исключительно германского происхождения, а с другой стороны, немецкие товары перевозились и на судах под чужим флагом. Несколько позднее в официальном отчете, представленном рейхстагу, германское правительство отметило, что на рубеже XIX и XX в. в течение одного десятилетия (начиная с 1894 г.) экспорт германских товаров в Китай увеличился с 28,2 млн. марок почти до 53 млн., а импорт из Китая в Германию — с 27,1 млн. почти до 40 млн. марок¹². И хотя торговые интересы Англии в Китае в абсолютных цифрах все еще значительно превосходили интересы Германии¹³, рост германской торговой экспансии становился фактором, который не мог остаться незамеченным. «Каждому живущему в Китае,— писал Десино,— заметно увеличение немецких фирм и магазинов и в особенности их товаров, которые можно получить даже в английских магазинах».

Англо-германское торговое соперничество развернулось не только в Шаньдунской провинции, но и в таких крупных центрах Китая, как Шанхай, Гуанчжоу, Сватоу, Ханькоу и Чифу. Формы этого соперничества были в ту пору весьма своеобразны. Уверенный в своей монополии на китайском рынке, английский капитал удерживал в своих руках

⁸ DZA Potsdam, Auswärtiges Amt, Bd. 3533, Bl. 197. «Handel Kantons im Jahre 1900».

⁹ В начале XX в. в Тяньцзине существовало 29 немецких торговых фирм с оборотом в 19 млн. марок; в Шанхае — 68 фирм, их капитал в имуществе и торговых оборотах исчислялся в 120 млн. марок; 12 немецких фирм, существовавших в Гуанчжоу, обладали оборотным капиталом до 70 млн. марок; в Ханькоу существовало 9 немецких фирм, занимавшихся экспортом промышленных товаров из Германии в Китай (на сумму 12 млн. марок) и имевших капиталовложения в угольные копи Пинсяна (на сумму 4 млн. марок); 4 немецкие фирмы в Чифу обладали капиталом в 4,5 млн. марок. См. ЦГВИА, ф. 447, д. 64, л. 31.

¹⁰ По подсчетам Десино, в течение четырех лет (с 1898 по 1901 г.) водоизмещение немецких судов, прибывавших в китайские порты, возросло в 4,4 раза; в то же время водоизмещение судов других государств возросло немногим более чем в 1,2 раза. См. ЦГВИА, ф. 447, д. 44, лл. 114—117. Рапорт полковника Десино управляющему делами Военно-ученого комитета Главного штаба. Шанхай, 7 июля (24 июня) 1902 г., № 134.

¹¹ Там же.

¹² «Die Entwicklung der deutschen Seeinteressen im letzten Jahrhundert. Zusammenge stellt im Reichs-Marine Amt». См. «Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstages, 11. Legaturperiode. Zweiter Anlageband». Berlin, 1906, S. 1712.

¹³ По официальным немецким данным, английский экспорт в Китай исчислялся в 1904 г. в сумме 181,3 млн. марок, а вывоз из Китая — 56,3 млн. марок. См. там же.

традиционные предметы торговли (текстиль, железные изделия и др.), в то время как его молодой конкурент — германский капитал — изыскивал новые и новые предметы импорта, не пренебрегая пуговицами, швейными иглами и всякими, казалось бы, пустяками¹⁴. Английские купцы и статистики пренебрежительно называли эти предметы немецкого импорта «german articles» или «german picknack», но в конце концов были вынуждены с горечью признать, что немецкие «высочки» добиваются успеха на китайском рынке. «Немцы привозят сюда все, на что имеется спрос,— говорилось в официальном английском отчете о положении в Сянгане.—...Первоначально тот или иной товар может еще не иметь значения, тем не менее немецкий купец его поддерживает и продвигает, пока он не становится предметом, заслуживающим внимания. Те товары, которые английские купцы отбрасывают в сторону как недостойные внимания, он берет в свои руки»¹⁵.

Все сказанное в еще большей степени относится к экспорту китайских товаров. Как отмечалось в том же отчете, «почти все увеличение экспорта с Востока, поскольку речь идет о новых предметах торговли, следует отнести за счет немцев. Они являются первыми, кто понял ценность нового предмета, первыми, кто сделал попытки его продвинуть, первыми, кто отправляет его на родину, первыми, кто превращает его в нечто, имеющее рыночную ценность». Не удивительно, что стоимостью того, что в статистике китайской внешней торговли носило неопределенное название «всякая всячина» («sundries»), в течение всего лишь девяти лет (с 1890 по 1898 г.) выросла более чем вдвое (с 42 млн. до 90 млн. шанхайских таэлей)¹⁶.

Но гораздо более важное значение имело другое обстоятельство: во многих случаях немецкие фирмы росли и наживались, опираясь на иностранный капитал. Так, например, из 73 компаний, которые немецкие фирмы представляли в Сянгане, 27 вовсе не были немецкими. В Шанхае 10 крупных немецких фирм были связаны с английскими, а также с бельгийским и американским капиталом. Даже английская монополия «Армстронг» — крупнейший соперник Круппа в производстве смертоносных орудий — была представлена в Шанхае немецкой фирмой. Зарекомендовав себя по части продвижения иностранных товаров на китайский рынок ловкостью в посреднических операциях, немецкие фирмы становились представителями английских (текстиль и железные изделия), американских (нефть и текстиль) и бельгийских (железные изделия) компаний.

Некоторые немецкие фирмы выступали в столь сильно выраженном космополитическом обличье, что даже сведущие люди затруднялись определить национальное происхождение их капитала. Такова, например, была крупная фирма «Arnhold Karberg und C^o». Ее служащие, в том числе высшие, были немцы, главная контора фирмы находилась в Лондоне, а в китайских портах она торговала русским керосином. Другая немецкая фирма, «Meyer, Lemke und C^o», обосновавшаяся в

¹⁴ В одном из германских официальных отчетов, составленном в мае 1898 г. об импорте немецких товаров в Китай отмечалось следующее: «В главных предметах торговли — хлопчатобумажных изделиях и опиуме — Германия не может конкурировать с Англией, но она может это делать в отношении всех мелких и галантерейных товаров, которые она в состоянии поставлять по более дешевым ценам. При бедности Китая дешевизна является главным условием для импорта. На качество обращается меньше внимания, хотя следует считать большим заблуждением, когда некоторые наши отечественные фабриканты убеждают себя в том, что «все, что нравится неграм, должно угодить и китайцам». DZA Potsdam, Auswärtiges Amt, Bd. 3533, Bl. 38. «Memorandum betreffend chinesische Mustern für den deutschen Import».

¹⁵ «Beiträge zur Flottennovelle von Nauticus», Bd. 2; см. также «Alldeutsche Blätter», 13, 25 марта 1900 г.

¹⁶ Там же.

Шанхае (в Тяньцзине и Сянгане она выступала под другими наименованиями), являлась представительницей «Королевской Нидерландской компании по эксплуатации нефтяных источников в Нидерландской Индии», и ее агентами в ряде китайских городов были некоторые английские фирмы. Большинство фирм было связано с более или менее крупными китайскими фирмами, имевшими отделения в глубине страны¹⁷.

Таким образом, образовавшиеся в Китае немецкие фирмы, будучи связанными с иностранными компаниями или действуя самостоятельно и лишь отчасти представляя интересы германского капитала, не только проникали на китайский рынок, но и сумели тщательно его изучить, установить с ним крепкие связи, прежде чем крупные немецкие монополии запустили туда свои щупальца. Когда эти монополии стали на путь проникновения в Китай, там уже имелась широко разветвленная сеть опытных и изворотливых немецких фирм, на которую можно было положиться. Большая часть этих фирм, представляя интересы английской промышленности и торговли, пустила глубокие корни в Китае, экономически окрепла и теперь охотно готова была нажиться и на экспансии германского капитала. Конечно, перед немецким капиталом в Китае стояло еще много преград и нужны были большие усилия, чтобы, вытесняя экономически и политически своих соперников, укрепить там собственные позиции. К началу XX в. немецкий экспорт в Китай едва достиг лишь пятой части английского экспорта в эту страну. Но крупные германские монополии рассчитывали, что, опираясь на связи и опыт ранее обосновавшихся в Китае немецких фирм, а главное на захваченный плацдарм в провинции Шаньдун и используя противоречия между своими соперниками, прежде всего между Англией и Россией, они смогут быстро и сильно рвануться вперед в развертывании своей экспансии на Дальнем Востоке.

Одним из важных орудий этой экспансии явилось германское судоходство. К началу XX в. германский капитал сумел овладеть акциями нескольких иностранных судоходных компаний, действовавших в Восточной и Юго-Восточной Азии, и получить в свои руки их торгово-пассажирские корабли. Так, компания «Bremer Lloyd» скупила всю флотилию британской «Scottish Oriental Steamship Co» (13 пароходов), а также большую часть кораблей «Henry Holt Line» и, таким образом, стала участвовать в эксплуатации каботажного флота в странах Юго-Восточной Азии. После того как «Norddeutsche Lloyd» приобрел линию «East India Ocean Steamship Co», владевшую 27 кораблями, можно считать, что германский капитал стал играть видную роль в каботажном флоте всей Юго-Восточной Азии¹⁸. Расширяя сферу своей деятельности, германские линии достигали Рангуна, Бангкока и Сянгана¹⁹. Особо важное значение имело проникновение германских судоходных компаний в бассейн Янцзы. Немецкие фирмы в Ханькоу стремились здесь захватить в свои руки экспортную торговлю по Янцзы, однако не смогли этого сделать, поскольку две английские пароходные компании, обслуживавшие линии Шанхай — Ханькоу, практически держали монополию на судоходство по Янцзы. Чтобы подорвать эту монополию, заинтересованные германские фирмы, действуя через германского посланника в Пекине барона Гейкинга, сумели заручиться в осуществлении своего плана

¹⁷ ЦГИАЛ, ф. 632, оп. 1, д. 10, лл. 6—28. Доклад представителя Русско-Китайского банка в Пекине Д. Покотилова правлению банка о состоянии торговли керосином в Китае, 2 сентября (21 августа) 1897 г.

¹⁸ A. v. Waldersee. *Denkwürdigkeiten*. Hrsg. v. H. O. Meisner, Bd. III. Stuttgart — Berlin, 1925, S. 14.

¹⁹ «Nauticus, Jahrbuch für Deutschlands Seeinteressen», S. 240; см. также «Alldeutsche Blätter», № 6, 4 февраля 1900 г.

поддержкой рейхсканцлера Гогенлоэ²⁰, и спустя несколько месяцев гамбургский сенат сообщил германскому правительству, что две гамбургские фирмы уже приступили в Шанхае к постройке пароходов, специально предназначенных для судоходства по Янцзы до Ханькоу²¹. Так германский капитал стал подрывать английскую монополию на судоходство по Янцзы.

В области торговли оружием германский капитал уже давно выступал в роли главного соперника Англии, роль французских и бельгийских поставщиков оружия была менее значительной. Борьба английских и немецких торговцев смертью за китайский рынок была упорной и протекала для каждой из сторон с переменным успехом. Так, в одном случае немецкая фирма «L. Spitzel und Co», занимавшаяся поставкой патронов, не выдержав английской конкуренции, была вынуждена прекратить свою деятельность в Тяньцзине²². В другом — английская фирма «Армстронг», являвшаяся поставщиком оружия в Китай, была вынуждена смириться с тем, что пушечный король Германской империи Крупп заключил в Китае выгодные сделки. Тесно связанная с германским правительством, и в частности с ведомством иностранных дел, постоянно пользуясь его активной поддержкой, дирекция Круппа уже в начале 90-х годов посылала в Китай одного агента за другим, и каждый из них добывал заказы от пекинского правительства или от губернаторов отдельных провинций. Эти сделки обычно сопровождались темными махинациями, и коррумпированные китайские мандарины, уяснив себе, сколь легко и быстро можно наживаться на заказах и торговле крупповским оружием, никогда не отказывались от этой возможности.

Китайские сановники отлично отдавали себе отчет в том, какое влияние Крупп имел в правительственных кругах Германии, и однажды они даже пытались использовать это влияние в своих интересах, но потерпели неудачу. То было в конце 1897 г., когда германское правительство под предлогом защиты миссионеров направило в Шаньдунскую провинцию войска с целью захвата Цзяочжоу. Этот разбойничий акт вызвал в правящих кругах Китая столь серьезное беспокойство, что даже Ли Хун-чжан, наиболее влиятельный сановник китайского двора, всегда склонный идти на уступки домогательствам империалистических держав, в данном случае начал искать пути, которые помогли бы Китаю амортизировать удар германского «бронированного кулака». Зная, как велика заинтересованность Круппа в китайском рынке, Ли Хун-чжан решил непосредственно обратиться к нему с просьбой умеряющим образом воздействовать на политику германского правительства в Шаньдуне. Ответ Круппа не заставил себя ждать, но он свидетельствовал о том, как плохо китайский сановник разбирался во взаимоотношениях между Круппом и германским правительством. Крупп писал, что не в состоянии принести в жертву дружбе с Ли Хун-чжаном свой «долг германского подданного» и не чувствует себя вправе довести просьбу Ли Хун-чжана до сведения германского кайзера. Крупп ограничился тем, что порекомендовал китайскому сановнику действовать через обычные каналы, то есть обратиться в германское ведомство иностранных дел. Вылив, таким образом, на голову Ли Хун-чжана ушат холодной воды, Крупп, разумеется, не преминул конфиденциально сообщить об этом кайзеру, который поспешил выразить ему свою благодарность и

²⁰ DZA Potsdam, Auswärtiges Amt, Bd. 3533, Bl. 90. Записка Гейкинга Гогенлоэ, 27 декабря 1898 г.

²¹ Там же, л. 96. Письмо сената Гамбурга Гогенлоэ, 5 мая 1899 г.

²² DZA Potsdam, Auswärtiges Amt, Bd. 8466, Bl. 2—3. Письмо Гейкинга Гогенлоэ, 23 февраля 1897 г.

за сообщение, и за поддержку²³. Со своей стороны, кайзеровское правительство было готово оказать Круппу помощь, когда это было нужно, чтобы оттеснить соперника и вырвать у китайского правительства или у его провинциальных сатрапов большой и прибыльный контракт.

В самом начале 1898 г. фирма Круппа получила тревожные вести, что ее английский соперник Армстронг добивается в Пекине весьма выгодных контрактов на снабжение китайской армии и флота вооружением. Тотчас же Менсгаузен, член дирекции Круппа, обратился с письмом к статс-секретарю Рихтгофену, в котором настоятельно требовал, чтобы германское правительство не оставалось в стороне от борьбы за китайский рынок: оно должно было пустить в ход всю силу своего дипломатического влияния и «не допустить, чтобы при раздаче заказов на военные материалы и корабли немецкая индустрия осталась с пустыми руками»²⁴. Эта поддержка была немедленно оказана. Тогда же, в январе 1898 г., Крупп потребовал от германского правительства помощи, чтобы отстранить французского конкурента — фирму «Schneider et C^o au Creusot», добивавшуюся в Пекине заказов на снабжение китайской армии артиллерией. В данном случае эта фирма предлагала Круппу действовать совместно²⁵, но последний предпочитал оттеснить французов и весь заказ захватить в собственные руки. Бывало и так, что фирма Круппа действовала в Китае через другие немецкие фирмы. Так в феврале 1898 г. связанная с Круппом торговая фирма «Carlowitz und C^o» заключила с властями провинции Чжэцзян контракт о поставке полного комплекта завода по производству бездымного пороха. Практически заказ был передан Круппу с условием, что сдача оборудования китайским властям будет происходить при участии официального представителя германских военных учреждений. Ссылаясь на то, что «немецкая промышленность всегда получает действительную поддержку у королевских учреждений» Пруссии, фирма Круппа и на сей раз потребовала содействия, в данном случае от артиллерийской инспекции²⁶. Не приходится сомневаться в том, что и это требование было выполнено, тем более, что все расходы, связанные с поездкой представителей инспекции в Китай, были взяты фирмой Круппа на себя.

О характере взаимоотношений между Круппом и германским правительством дает представление и следующий эпизод. Однажды некий Бауэр, отправляясь в Китай по поручению нескольких немецких фирм, обратился в ведомство иностранных дел с просьбой об оказании ему помощи. Положительный ответ задержался. Тогда вмешался Крупп. В личном письме он уведомил рейхсканцлера Гогенлоэ, что означенный Бауэр — знаток китайского рынка — едет прежде всего по его, Круппа, поручению и он весьма заинтересован в этой поездке. Этого было достаточно, чтобы Гогенлоэ счел нужным лично, немедленно и почти в извинительном тоне ответить, что представитель Круппа всегда может рассчитывать на самую широкую и всестороннюю поддержку со стороны правительства. Германскому посланнику в Пекине были отправлены соответствующие инструкции²⁷.

Связь между правительством и Круппом была настолько тесной, что некоторые агенты фирмы, например майор Ленне, отправляясь в

²³ DZA Merseburg, Rep. 89H, Auswärtige Sachen, VI, 1, Bl. 61—62. Письмо Круппа китайскому посланнику в Берлине. Эссен, 3 декабря 1897 г.; л. 64. Секретное письмо ведомства иностранных дел Круппу. Берлин, 14 декабря 1897 г.

²⁴ DZA Potsdam, Auswärtiges Amt, Bd. 8466, Bl. 6—7.

²⁵ Там же, л. 8. Письмо фирмы «Schneider et C^o au Creusot» члену дирекции Круппа Клюпфелю, 24 января 1898 г.

²⁶ Там же, лл. 16—17. Письмо фирмы «Carlowitz und C^o». Гамбург, 2 июня 1898 г.; лл. 22—23. Письмо фирмы Круппа Королевской инспекции технического института артиллерии, 18 июня 1898 г.

²⁷ Там же, л. 75.

Китай, получали от правительственных органов устные поручения, по видимому, особо деликатного свойства²⁸. Наряду с поставкой современного оружия Крупп частенько сбывал в Китай всякую заваль, и обычно это сходило ему с рук. Но иногда китайские власти обнаруживали недобросовестность Круппа как поставщика и обращались с жалобами в Берлин. Представители Круппа, как правило, отрицали обоснованность подобного рода жалоб. В случае, если китайская сторона продолжала настаивать на своих претензиях, в роли верховного арбитра выступал сам германский кайзер, который всегда высказывался в пользу Круппа²⁹. После этого китайские претензии отвергались, а германское ведомство иностранных дел спешило направить в немецкие газеты тексты оплаченных статей, восхвалявших высокое качество оружия крупповского производства. Эти статьи печатались во всех газетах, кроме тех, которые были известны как официозные издания. Так прятались в воду концы, связывавшие фирму Круппа с «высокими сферами в Берлине». Ведомство иностранных дел вообще активно продвигало в прессу материал, призванный живописать успехи, выгоды и перспективы экспансии германского капитала на Дальнем Востоке³⁰.

2

Несмотря на то, что в области торговли влияние немецкого капитала росло быстро и германские фирмы в ряде случаев оттесняли с китайских рынков старые, многоопытные английские фирмы, главное орудие колониальной экспансии — крупные банки оставались монополией Англии. Быть может, нигде в мире банковский капитал не был столь космополитичен, как в Китае. Здесь в самых причудливых сочетаниях и сложных противоречиях сплетались финансовые интересы английских, французских, бельгийских, русских, американских и даже итальянских банкиров, богатых индийских евреев, американизированных китайцев, китайских финансистов и мандаринов. Но по мере роста финансового капитала наиболее крупную роль в Китае начали играть английские банки, в управлении которых участвовали, впрочем, не только англичане. Банковские учреждения, представлявшие финансовый капитал различных стран, оспаривали друг у друга возможность размещения китайских займов, боролись за железнодорожные концессии и участвовали в любых других спекуляциях, приносивших высокие дивиденды.

Масштабы деятельности в Китае были настолько обширны, что ни английские, ни созданные позднее немецкие банки не являлись просто филиалами тех или других банков метрополии. Английский финансовый капитал создал в Китае специальную крупную корпорацию «Гонконг-Шанхайский банк» (*Hongkong and Shanghai Banking Corporation*), центр которой находился в Сянгане, а ее 26 филиалов — в больших городах Азии, Америки и Европе (в том числе в Гамбурге). Эта огромная и влиятельная банковская корпорация, обладавшая акционерным капиталом в 10 млн. серебряных долларов, имевшая, кроме того, 1,5 млн. резервного фонда и почти на ту же сумму резервных обязательств акционеров, заняла столь видное место, что многие немецкие фирмы в Китае искали ее поддержки и в конце концов связали с ней свои материальные

²⁸ Там же, л. 84.

²⁹ Там же, лл. 51, 98—105 и др.

³⁰ DZA Potsdam, Auswärtiges Amt, Bd. 12976. «Akten betreffend den «Ostasiatischen Lloyd» und andere deutsche Zeitungen in Ostasien, sowie die Vertretung der deutschen Interessen in nichtdeutschen Zeitungen». В этом досье собраны материалы, свидетельствующие о том, что германское правительство субсидировало «Ostasiatische Lloyd» — орган, издававшийся в Китае на немецком языке, а также ряд газет, выходивших в Японии, в частности «Kobe Chronicle».

интересы. Представители четырех наиболее крупных немецких фирм в Китае были включены в состав дирекции этой банковской корпорации, и даже управляющий делами ее дирекции был немец.

До тех пор пока Лондон сохранял роль главного центра международного денежного рынка, немецкие торговые фирмы в Китае считали, что их сотрудничество с этим крупным и влиятельным английским банком является делом весьма выгодным. Поэтому некоторые из них без всякого энтузиазма встретили сообщение о том, что 13 крупнейших немецких банков, объединив свои усилия, создали «Немецко-Азиатский банк» с акционерным капиталом в 5 млн. шанхайских таэлей (25 млн. марок). Между тем уже в момент образования этого банка, призванного обеспечить экспансию германского капитала в Восточную Азию, оказалось, что не только финансисты, но и правительственные круги в Германии проявляют к его деятельности повышенный интерес. И действительно, в создании этого банка наряду с частными банкирскими домами и фирмами приняла участие и «Königliche Seehandlung-Societät» — наиболее крупное финансовое учреждение прусского государства. К тому же согласно статуту «Немецко-Азиатского банка» избрание президента наблюдательного совета банка подлежало утверждению кайзера³¹. Таким образом, созданный «Немецко-Азиатский банк», имея столь тесные связи с прусско-германским государством, с самого начала рассматривался как одно из орудий внешней политики Германии.

Открыв свои двери 1 января 1890 г., банк сразу же начал устанавливать связи с теми европейскими, и притом не только немецкими, фирмами, которых привлекала перспектива освободиться от монополии всемогущего английского банка. Эта перспектива показалась заманчивой и некоторым представителям китайских властей, с которыми «Немецко-Азиатский банк» также не преминул завязать связи. В результате уже в первый год своей деятельности банк выплатил 2,5% дивидендов. Это было немного, но банк продолжал расширять круг своих связей и поле деятельности. Однако первые успехи оказались призрачными: завязнув в спекуляциях в Сянгане и Шанхае американскими акциями серебряных рудников и не предвидя падения цен на серебро, «Немецко-Азиатский банк» потерпел значительный финансовый урон, а после краха крупнейшей американской фирмы «Russel and Co», в финансовых делах которой он был заинтересован, его положение стало почти катастрофическим: в течение нескольких лет акционеры не получали никаких дивидендов. Чтобы спасти капиталы и обеспечить проценты по ним, банк начал изыскивать более надежные формы деятельности: он расширил вексельные операции (с 19 млн. таэлей в 1893 г. до 61 млн. в 1898 г.), а главное начал заниматься вывозом золота в Германию и Австро-Венгрию. Кроме того, банк стремился привлечь и китайский капитал (его депозиты росли именно за этот счет). Все это, вместе взятое, позволило ему в 1894 г. выплатить акционерам 7% дивидендов. То был год, когда началась война милитаристской Японии против Китая.

В результате этой войны, закончившейся поражением Китая и открывшей новые пути финансового закабаления страны иностранными державами, «Немецко-Азиатский банк» получил возможность участвовать в китайских государственных займах. Но руководители банка уяснили себе, что при сложившемся в то время соотношении сил они будут в состоянии осуществить эту возможность только при условии, если, не претендуя на монопольное положение, будут действовать как партнеры своего английского конкурента — «Гонконг-Шанхайского банка». В результате больших финансовых усилий, дипломатических нажимов,

³¹ DZA Potsdam, Auswärtiges Amt, Bd. 12991, Bl. 140. Письмо «Немецко-Азиатского банка» ведомству иностранных дел. Берлин, 19 июня 1902 г.

сложных интриг и переговоров оба банка, немецкий и английский, в 1895 г. поделили между собой поровну участие в пятипроцентном государственном китайском займе на общую сумму в 16 млн. фунтов стерлингов.

За спиной «Немецко-Азиатского банка» стоял большой синдикат магнатов германского финансового капитала во главе с банком «Учетное общество» («Disconto-Gesellschaft»), между тем как «Гонконг-Шанхайский банк» представлял группу крупных английских финансистов во главе с банкирским домом Ротшильда. Достигнув соглашения с английскими банкирами, синдикат немецких банков решил, что нужно закрепить принцип паритета в деле размещения китайских займов; осуществление этого принципа открывало перед ним широкие возможности дальнейшего проникновения в Китай. С этой целью Ганзема, глава банка «Учетное общество», обратился к Ротшильду с письмом, в котором доказывал, что подобного рода сделки, заключенные непосредственно между английскими и немецкими банками, являются «необходимостью», ибо, во-первых, они не дают Китаю возможности играть на противоречиях между этими банками и, во-вторых, создают препону «русской конкуренции» в Китае. Вместе с тем Ганзема поставил в известность Ротшильда, что германское ведомство иностранных дел, одобряя в принципе соглашение немецких и английских банкиров, заявило, что размещение международных китайских займов на немецком денежном рынке и впредь будет допущено только при условии соблюдения паритетного начала³². Нет сомнения, что заявление ведомства иностранных дел было заранее согласовано с немецким финансовым синдикатом, заинтересованным в китайских делах, и если Ганзема счел нужным уведомить о нем Ротшильда, то только для того, чтобы подчеркнуть политическое значение сделки, поскольку германское правительство было готово оказать финансовому синдикату свою поддержку.

На английских банкиров это сообщение произвело впечатление. Через три года, в 1898 г., когда некоторые круги английского империализма стали склоняться к плану Джозефа Чемберлена и Ротшильда привлечь на свою сторону Германию для борьбы против России³³, английские банкиры снова проявили готовность пойти на соглашение со своими немецкими соперниками, поделив с ними участие в китайском 4½-процентном займе на сумму в 16 млн. фунтов стерлингов.

Таков был новый успех «Немецко-Азиатского банка», но его активность этим далеко не ограничилась. В 1897 г. германское правительство передало ему ранее уступленные Китаем концессии в Тяньцзине и в Ханькоу. Рассчитывая усилить там немецкое экономическое влияние, созданные в этих центрах акционерные общества тотчас же приступили к постройке больших пристаней, подъездных путей и т. п. В особенности большое значение придавалось строительству в Ханькоу в связи с тем, что по Янцзы начали курсировать пароходы немецких линий, установившие регулярные связи между портами на протяжении более 2 тыс. километров, вплоть до Чунцина.

Окрепнув, «Немецко-Азиатский банк» стал расширять поле своей деятельности. Он создал сеть филиалов и агентств в самом Китае — в Тяньцзине, в Сянгане и в Циндао, а также открыл филиалы в Калькутте и Сингапуре, где немецкие купцы стали проявлять большую активность в связи с тем, что гамбургская компания «Norddeutsche Lloyd», как мы уже отмечали, приобрела пароходы, принадлежавшие англо-индийской компании. Извлекая выгоды из поражения отсталого Китая

³² Там же, лл. 46—47. Письмо Ганземана Ротшильду. Берлин, 4 августа 1895 г.

³³ См. А. С. Ерусалимский. Указ. соч., стр. 403—444.

в японо-китайской войне, «Немецко-Азиатский банк» решил попытаться использовать также победу быстро развивающейся Японии. Учитывая, что в течение лишь полутора лет после окончания войны ввоз немецких товаров в Японию увеличился в 20 раз, банк счел момент подходящим, чтобы направить свои финансовые щупальца и в эту страну³⁴.

В 1898 г. дивиденды германских капиталистов — акционеров банка подскочили до небывало высокого уровня — 10%. В этот год германский империализм совершил военное вторжение в Китай и путем навязанного китайскому правительству договора об «аренде» сроком на 99 лет захватил Цзяочжоу. Этот разбойничий акт открыл перед группой финансового капитала, связанной с «Немецко-Азиатским банком», новые возможности в деле закабаления Китая. И в то время как генеральный директор управления китайских морских таможен Роберт Харт занялся (в 1899 г.) подсчетом, в каких размерах и из каких источников Китай сможет покрыть навязанные ему иностранные займы и проценты по ним, «Немецко-Азиатский банк» подсчитал, что эта форма грабежа, в которой и он уже принял участие, будет приносить прибыли до... 1943 года³⁵.

Но займы не являлись единственной формой экономического проникновения иностранного капитала в Китай. Между империалистическими державами в Китае началась битва за концессии, преимущественно железнодорожные и горнозаводские, и германский капитал не собиравшись оставаться в стороне. Первые шаги в этом направлении не принесли ему, однако, крупной удачи. Еще в 1891 г. наместник Хугуана Чжан Чжи-дун призвал к себе в Учан немецкого инженера Гильдебрандта, который построил железную дорогу протяженностью в 26 км. На этом практическая деятельность Гильдебрандта в Китае закончилась: немецкий капитал в те времена еще не мог принять участия в строительстве железных дорог в Китае. В 1895 г. Гильдебрандт разработал проект строительства целой сети железных дорог, которые должны были связать между собой крупнейшие центры страны. Но этот обширный проект остался на бумаге. Китай не обладал капиталами, необходимыми для железнодорожного строительства столь большого масштаба, а попытки Гильдебрандта привлечь германский капитал в то время оказались безуспешными.

Капиталисты других стран были более активными. Франко-бельгийский синдикат взял в свои руки сооружение железной дороги Ханькоу — Пекин, а американский — железной дороги Ханькоу — Гуанчжоу. Тогда и германский капитал попытался вступить в бой за участие в железнодорожном строительстве в Китае. В результате переговоров с китайским правительством германским монополиям удалось вырвать у него крупную концессию на постройку линии Шанхай — Нанкин — Ханькоу. Переговоры велись в большой тайне, но когда соглашение было достигнуто и его условия стали известны, английское правительство заявило, что не может допустить, чтобы германский капитал взял в свои руки сооружение железной дороги в бассейне Янцзы, который Англия рассматривала как сферу собственных интересов. Гейкинг запросил у своего правительства инструкции. Посланнику было предписано всячески поддерживать интересы немецких предпринимателей и банков, добывающихся концессий, но при одном условии — не вызывать на этой почве серьезных политических трений с Англией. Практически это означало отступление, и германский капитал был вынужден временно умерить претензии на железнодорожные концессии в Китае.

Тем временем английские капиталисты активизировали свою дея-

³⁴ См. «Kölnische Zeitung», 7 июня 1900 г.

³⁵ См. «Kölnische Zeitung», 8 июня 1900 г.

тельность. В течение короткого времени «Гонконг-Шанхайский банк» приобрел концессию на постройку участка железной дороги (Пекин — Тяньцзинь — Шанхайгуань — Нючжуан) общей протяженностью около 500 английских миль. Так называемый «Пекинский синдикат», в который входили английские и итальянские капиталисты, приобрел концессию в провинции Шаньси на строительство подъездных путей (протяженностью около 250 миль) к магистралям или удобным судосходным рекам в целях перевозки каменного угля, добываемого в шаньсийских копях. Синдикат, состоящий из фирмы «Jardine, Matheson and Co» и «Гонконг-Шанхайского банка», добился концессии на постройку железнодорожной линии между Шанхаем и Нанкином длиной в 180 миль³⁶. В то же время на севере, в Маньчжурии, Россия получила в свои руки важную монополию на сооружение Китайско-Восточной железной дороги с ответвлениями к Порт-Артуру и Даляню, а также на строительство линии Чжэндин — Тайюань (в Шаньси) общей протяженностью свыше 1500 миль³⁷. Другие державы в деле захвата железнодорожных концессий в Китае опережали германский капитал.

Однако едва германское правительство успело «оформить» захват Цзяочжоу в виде арендного договора с Китаем, как тотчас же в Германии начали складываться крупные капиталистические группы, выдвигавшие претензии на получение железнодорожных, горнопромышленных и иных концессий в Шаньдуне. Наиболее влиятельной группой был так называемый «банковский консорциум», созданный несколькими наиболее мощными банками, имевшими теснейшие связи с магнатами тяжелой промышленности. Эта финансовая группа уже раньше обратила внимание на Дальний Восток, где ее интересы представлял «Немецко-Азиатский банк». Теперь, опираясь на захватнические акты германского правительства в провинции Шаньдун, эта группа стала добиваться в Пекине концессии на строительство крупной железнодорожной магистрали, имевшей важное экономическое и стратегическое значение, от Цзинцзяна (на Янцзы) через Шаньдунскую провинцию к Пекину и далее к Тяньцзиню.

Узнав об этих намерениях, Англия решительно возразила, снова заявив, что она рассматривает бассейн Янцзы как сферу своих интересов. Переговоры, начатые в Пекине представителями немецких банковских кругов, были продолжены через дипломатические каналы, и Гейкингу удалось добиться соглашения, придавшего задуманной концессии характер англо-германского предприятия. Строительство железной дороги на участке от Цзинцзяна до границы провинции Шаньдун взяли на себя английские капиталисты, германские же должны были сооружать магистраль на остальном участке, проходившем через провинцию Шаньдун до Тяньцзиня. Это было явным успехом германского империализма в Китае, опиравшегося на силу «бронированного кулака». Со своей стороны, английские капиталисты были удовлетворены тем, что не допустили проникновения Германии в бассейн Янцзы.

Наряду с «банковским консорциумом» тогда же сложился в Германии и «Шаньдунский синдикат». В него вошли несколько крупных фирм гамбургских негоциантов и магнатов рейнско-рурской тяжелой промышленности. «Промышленный синдикат» объединил менее крупных промышленников и банкиров, тем не менее обладавших достаточным весом и влиянием, чтобы заставить своих соперников считаться и с их претен-

³⁶ Кроме того, фирма «Jardine, Matheson and Co» приобрела концессию на постройку железнодорожной линии между Цзюлуном (против Сянгана) и Гуанчжоу длиной в 100 миль (ЦИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 591, лл. 90—93. Донесение российского коммерческого агента в Лондоне Г. Виленина. Лондон, 13 (1) февраля 1899 г. см.: также «The Times», 13 февраля 1899 г.).

³⁷ См. Б. А. Романов. Россия в Маньчжурии (1892—1906). Л., 1928.

зиями. Наконец, под руководством графа Дёнгофа-Фридрихштейна был образован синдикат крупных земельных спекулянтов, так называемый «синдикат магнатов»³⁸, который стремился получить возможность спекулировать землей на территории всей Шаньдунской провинции. Все эти монополистические объединения разрабатывали планы эксплуатации Шаньдунской провинции, а некоторые из них уже видели перед собою перспективу более широкой и далеко идущей экспансии в пределы «Поднебесной империи».

В июне 1899 г. стало известно, что соперничавшие между собой финансовые группы пришли к соглашению и совместно создали два синдиката. Наиболее крупным из них было «Общество шаньдунских железных дорог» с основным капиталом в 54 млн. марок. Одновременно «банковский консорциум» образовал с другими группами, в частности с банкирским домом Оппенгейма, «Общество шаньдунской горной промышленности» с основным капиталом в 12 млн. марок³⁹. На деле, однако, в обоих случаях это соглашение свелось к тому, что самая мощная финансовая группа — «банковский консорциум» — поглотила остальные (не без помощи ведомства иностранных дел)⁴⁰, предоставив им возможность приобрести часть выпускаемых акций и занять несколько мест в наблюдательном совете созданных обществ по эксплуатации Шаньдунской провинции. Только «синдикат магнатов» получил видимость самостоятельности и концессию на добычу минералов в Шаньдуне.

Германские финансовые и промышленные тузы, объединившиеся в новые общества, захватили в свои руки огромную и богатую концессию на строительство и эксплуатацию железной дороги в китайской провинции Шаньдун — от Циндао до Цзинани через Вэйсянь с веткой от Чжандянь к Бошань. По условиям концессии трасса железной дороги пролагалась по наиболее населенным районам, имеющим богатые угольные запасы, и должна была соединять северную и южную границы Шаньдунской провинции. Особо оговаривалось, что «для строительства железнодорожных линий по возможности будет использован немецкий материал»⁴¹. Таким образом, крупные промышленники заранее обеспечили себя заказами на рельсы, локомотивы, вагоны, мосты и вообще железнодорожное оборудование. Для начала (то есть только в течение нескольких последних месяцев 1899 г.) эти заказы составляли в общей сумме 20 млн. марок.

Доставку этой огромной массы материалов взяли на себя крупные германские пароходные компании⁴², которые, как и крупные страховые компании, сразу стали извлекать из концессий большие прибыли сверх дивидендов, причитавшихся им как участникам синдиката. В то же время «Общество шаньдунской горной промышленности» получило право разработки и эксплуатации природных богатств Шаньдуна в зоне 30 ли по обе стороны от железнодорожной трассы. «Общество» должно было снабжать углем дальневосточную эскадру германского военноморского флота⁴³. Практически это означало обязательство военноморского ведомства Германии закупать у «Общества» определенное количество угля для нужд эскадры, и германские капиталисты, при-

³⁸ DZA Potsdam, Ges. China. «Schantung-Eisenbahn», № 496, Bl. 2. «Aus einer vertraulichen als Manuskript gedruckten Denkschrift betreffend die Schantung-Eisenbahn-Gesellschaft und die Schantung-Gesellschaft».

³⁹ DZA Potsdam, Ges. China. «Schantung-Eisenbahn», № 43, Bl. 102. «Bau- und Betriebs-Konzession für die Schantung-Eisenbahn-Gesellschaft»; л. 100. Письмо Бюлова временному поверенному в делах Германии в Китае Приттвицу, 10 июня 1899 г.

⁴⁰ DZA Potsdam, Ges. China. «Schantung-Eisenbahn», № 496, Bl. 2.

⁴¹ DZA Potsdam, Ges. China. «Schantung-Eisenbahn», № 43, Bl. 102.

⁴² «Denkschrift betreffend die Entwicklung des Kiaotschou-Gebiets». Berlin, 1900, S. 14.

⁴³ DZA Potsdam, Ges. China. «Schantung-Eisenbahn», № 496, Bl. 3.

ступая к эксплуатации шаньдунских шахт, уже имели постоянного и крупного потребителя угля, притом потребителя, который платил цену, установленную самим «Обществом». Несмотря на внесенную в договор оговорку, что поставки угля военно-морскому ведомству будут осуществляться по цене, дающей потребителю некоторые преимущества, «Общество», выступая, по сути дела, как монополист, имело возможность установить достаточно высокие цены. Таким образом, перед акционерами открывалась перспектива получения крупных дивидендов не только за счет эксплуатации населения одной из провинций Китайской империи, но и за счет интересов широких масс налогоплательщиков Германии.

3

Сложившаяся небольшая, но мощная группа финансового капитала, в которой участвовали и некоторые представители юнкерской аристократии и бюрократии, сначала обеспечила себе право грабежа Шаньдунской провинции путем строительства железной дороги, а затем расширила эти возможности по своему усмотрению. Эта финансовая группа действовала настолько самоуверенно и нагло, что не считала даже пужным запросить мнение китайского правительства или хотя бы провинциальных китайских властей. Правда, было оговорено, что концессия будет считаться «смешанной», «немецко-китайской», что в открытой подписке на акции «могут принять участие как немцы, так и китайцы». Более того, в концессионном акте имелся специальный параграф (2), в котором было сказано, что подписка на акции должна быть наиболее широко проведена в торговых центрах Восточной Азии⁴⁴. На деле же акции были заранее расписаны в Берлине, за закрытыми дверями, между 14 немецкими банками во главе с левиафанами финансового капитала — «Немецким банком», «Дрезденским банком» и «Учетным обществом». Как видно из одного доверительного меморандума, составленного для узкого круга главных акционеров, финансовая клика, захватившая в свои руки эксплуатацию Шаньдунской провинции, с самого начала считала, что упоминание о смешанном «немецко-китайском характере» шаньдунских концессий должно служить лишь ширмой, на самом же деле к этим концессиям следует относиться, «как если бы речь шла о немецких предприятиях внутри страны»⁴⁵. Что же касалось наиболее заинтересованной стороны — Китая, то с ним германские монополии вообще не считались.

Созданные в Берлине «банковский консорциум» получил концессии в Шаньдуне не от китайского, а от германского правительства. Условия этих концессий были сформулированы в одних случаях очень точно и конкретно: это давало основание германскому синдикату требовать, чтобы Китай обеспечил проведение железнодорожной трассы. В других случаях условия концессии были сформулированы нарочито туманно и неопределенно; когда речь шла, например, о приобретении территории для горнозаводской промышленности, синдикат мог толковать свои права весьма широко и с наибольшей для себя выгодой⁴⁶.

Германское правительство доверительно сообщило Гейкингу, что заключение с Китаем особого договора по вопросу о шаньдунских концессиях является нецелесообразным. Опасаясь сопротивления Китая, активного и даже пассивного, правящие круги Германии стреми-

⁴⁴ DZA Potsdam, Ges. China. «Schantung-Eisenbahn», № 43, Bl. 102

⁴⁵ DZA Potsdam, Ges. China. «Schantung-Eisenbahn», № 496, Bl. 3.

⁴⁶ DZA Potsdam, Ges. China. «Schantung-Eisenbahn», № 43, Bl. 120—122 Письмо «Немецко-Азиатского банка» своему представителю в Шанхае Урбигу. Шанхай, без даты

лись по возможности избегать переговоров с китайским правительством по этому вопросу, предпочитая ставить Китай перед свершившимися фактами. «Банковский консорциум» считал достаточным поручить представительство своих интересов в Китае «Немецко-Азиатскому банку»⁴⁷. На германское правительство возлагались определенные задачи, выполнение которых обеспечивало экономически и политически интересы консорциума в Шаньдуне. Прежде всего кайнозойское правительство должно было оказать давление на императорское правительство в Китае и на провинциальные власти, чтобы добиться от них отказа от взимания различного рода пошлин со всех товаров и оборудования, которые немецкие синдикаты считали нужным ввозить в Шаньдун. Удовлетворение этого требования почти автоматически влекло за собой уменьшение концессионных расходов и, следовательно, повышение прибылей. Далее, германское правительство должно было добиться от китайских властей, центральных и провинциальных, обеспечения неприкосновенности всего того, что будет составлять собственность германского капитала, его представителей, агентов и служебного персонала. Это означало обязательство китайских властей охранять интересы германского капитала в Шаньдуне, а в случае, если бы население Шаньдуна оказало сопротивление иностранным эксплуататорам, подавлять это сопротивление. Не надеясь, однако, на эффективность действий китайских властей, немецкие концессионеры решили присвоить себе право сформировать в Шаньдуне собственную железнодорожную полицию. Германское правительство должно было выговорить согласие китайских властей и на это⁴⁸.

В то же время германские монополисты решили действовать хотя и согласованно с дипломатическими органами, но параллельно им и самостоятельно. С этой целью «Немецко-Азиатский банк» поручил Урбигу вступить в переговоры непосредственно с Цзунлиямынем (ведомство внешних сношений Китая)⁴⁹. Концессионеры были заинтересованы в том, чтобы, приступая к прокладыванию трассы и к разработке породы, не встречать препятствий ни со стороны китайских властей, ни со стороны населения провинции.

Уже первые шаги немецких предпринимателей в Шаньдуне показали, что захват земельных участков вызывает сопротивление населения. Попытки осуществить этот захват с помощью местных властей не приносили ожидаемых результатов: испытывая давление со стороны высших китайских инстанций, а главное страх перед населением, которое недвусмысленно начало возмущаться действиями иностранцев, местные власти обычно не проявляли склонности оказывать открытую помощь непрошенным заморским претендентам на китайские земли. Германская миссия в Китае, убедившись в том, что обращение к китайским властям не сулит быстрого решения вопроса, рекомендовала концессионерам не посвящать китайские власти, ни центральные, ни провинциальные, в планы строительства трассы и изыскательских работ⁵⁰.

И «Немецко-Азиатский банк», и дипломатическое ведомство были вполне согласны с тем, что эти планы вообще не следует фиксировать в виде какого-либо договора с Китаем: они опасались, что пекинское правительство попытается использовать переговоры для того, чтобы создать затруднения и затянуть дело. Вот почему в случае, если бы

⁴⁷ DZA Potsdam, Ges. China. «Schantung-Eisenbahn», № 43, Bl. 28. Телеграмма Рихтгофена Гейкингу, 31 мая 1899 г.

⁴⁸ Там же, л. 104

⁴⁹ Там же, лл. 120—122. Письмо «Немецко-Азиатского банка» своему представителю в Шанхае Урбигу, без даты, Инструкции для переговоров с Цзунлиямынем.

⁵⁰ Там же, л. 60. Письмо Приттвица германскому губернатору Цзяочжоу Иешке, 26 июня 1899 г.

Цзунлиямынь вздумал поставить вопрос о заключении договора, Урбиг должен был решительно отвергнуть это предложение. «Ваша главная задача,— говорилось в инструкции Урбигу,— заключается в том, чтобы... обеспечить нам (немецким концессионерам.— А. Е.) необходимую свободу действий»⁵¹.

Урбигу предписывалось убедить китайских сановников в том, что говорить об общих основах, правовых принципах, характере и масштабе концессий было уже поздно и что лишь некоторые «подробности», требующие быстрого урегулирования, могли бы быть зафиксированы в виде подобия соглашения, которое представители «Немецко-Азиатского банка» рассчитывали навязать Цзунлиямыню⁵².

Основы проекта соглашения⁵³, разработанного «Немецко-Азиатским банком», прикрывавшего словесными формулами прямой грабеж, организованный в государственном масштабе, были бесподобны по цинизму. Во-первых, путем этого соглашения «Немецко-Азиатский банк» уведомлял Китай, что германское правительство односторонним актом создало «Немецко-Китайское общество» и передало ему концессию на строительство и эксплуатацию железных дорог в Шаньдуне. И хотя китайская сторона не имела никакого представления об этом «обществе», а тем более не имела в нем своих представителей, соглашение должно было ее убедить, что оно зиждется на принципах паритета и высокого альтруизма. Этот «паритет» в данном случае означал, что «Немецко-Азиатский банк» берет на себя всю тяжесть капиталовложений в железнодорожное строительство, эксплуатацию природных богатств Шаньдунской провинции, а Китай, чтобы внести свою лепту, должен был отказаться от взимания налогов с немецких капиталовложений в любой их форме. Таким образом «Немецко-Азиатский банк» и те влиятельные группы германского финансового капитала, которые стояли за его спиной, стремились обеспечить себе возможность ничем не ограниченного проникновения в одну из важнейших и крупнейших провинций Китая и в то же время в порядке «паритета» и «взаимности» лишить Китай элементарных прав суверенного государства во внешнейторговой политике на территории Шаньдуна.

Примечательно, что свою попытку обеспечить грабеж Шаньдуна на договорной основе «Немецко-Азиатский банк» цинично представлял как выражение неудержимого стремления осчастливить китайское население этой провинции. «Забота» германских концессионеров об интересах китайского населения простиралась настолько далеко, что они готовы были взять на себя обязанность при массовом изгнании китайцев с их земель, расположенных в полосе прохождения железнодорожной трассы, уведомлять их не только на немецком, но и на китайском языках (!). Однако на тот случай, если китайское население, не сумев оценить «благородной» деятельности германских концессионеров, вздумает оказать сопротивление насильственному изгнанию с родных мест и разрушению родных очагов, «Немецко-Азиатский банк» требовал от Цзунлиямыня право иметь в своих руках собственную железнодорожную полицию⁵⁴. При этом Урбиг должен был внушить китайским министрам, что если «Немецко-Азиатский банк» решил приступить к созданию собственных полицейских сил в полосе шаньдунских железных дорог, то это «ни в коем случае не имеет какой-либо задней мысли политического характера»⁵⁵.

⁵¹ Там же, лл. 120—121.

⁵² Там же.

⁵³ Там же, лл. 124—126. «Grundzüge für den vom Vertreter des Syndikats mit dem Tsungli Jamen zu vereinbarenden Vertrag».

⁵⁴ Там же, л. 125.

⁵⁵ Там же, л. 123.

Не в меньшей степени, чем интересы железнодорожного синдиката, Урбиг призван был защищать в переговорах с Цзунлиямынем и интересы немецкой финансовой группы по эксплуатации горнозаводской промышленности в Шаньдуне. Чтобы избежать затрат по возмещению за земли, попавшие в сферу деятельности концессии, «Немецко-Азиатский банк» готов был сделать широкий жест, заявляя, что он вовсе не собирается формально посягать на права китайских собственников, если последние не будут препятствовать деятельности немецких концессионеров. При помощи столь грубого трюка «Немецко-Азиатский банк» предполагал провести массовую экспроприацию земельной собственности в Шаньдуне, освободив себя по возможности от обязанности выплачивать компенсацию за причиненный ущерб. То был расчет на обогащение немецких синдикатов за счет массового разорения китайского населения. Таковы были на деле цели и методы «Немецко-Азиатского банка», стремившегося путем переговоров Урбига с Цзунлиямынем всесторонне обеспечить проникновение германского капитала в Шаньдун, ничего не давая Китаю взамен.

Германская дипломатия целиком и полностью разделяла и активно поддерживала интересы и цели германских империалистов в Шаньдуне. Однако она считала, что тактика, предписанная Урбигу «Немецко-Азиатским банком», не лишена серьезных изъянов. На это первым обратил внимание Гейкинг⁵⁶. Еще более твердо и определенно настаивал на этом сменивший его барон Кеттелер. Вскоре после своего назначения на пост посланника в Пекине, едва ознакомившись на месте с положением дел в Китае, он обратился к рейхсканцлеру Гогенлоэ с пространном письмом⁵⁷, в котором утверждал, что «Немецко-Азиатскому банку» не следует вступать в переговоры с китайским правительством даже об «уточнениях» и «подробностях», ибо Цзунлиямынь постарается воспользоваться любыми обстоятельствами, чтобы затянуть дело и в конце концов подорвать германские концессии в целом. Было бы иллюзией рассчитывать, писал Кеттелер, что какое-либо общее соглашение с пекинским правительством по поводу уступки концессионерам земли для постройки железной дороги и для горнозаводской разработки недр может заставить население Шаньдуна примириться с чинимым захватом и разорением. Для достижения поставленных целей он рекомендовал «Немецко-Азиатскому банку» прибегать к другим средствам, грубым, но более надежным: не переговоры представителей банка с китайским правительством, а подкуп ими китайских провинциальных властей и чиновничества. Только этот широкий подкуп, полагал Кеттелер, даст «Немецко-Азиатскому банку» быстрый и нужный эффект. «Китайский землевладелец,— писал он,— недолго сможет противостоять настояниям или угрозам со стороны местных чиновников, в особенности если предложенная ему закупочная или арендная цена будет не слишком низка». Словом, он полагал, что «Немецко-Азиатскому банку» и группе крупных акционеров, стоявших за его спиной, следует несколько раскошелиться за счет своих будущих дивидендов, чтобы «обеспечить себе свободу действий». В случае же, если в том или ином районе Шаньдунской провинции начнутся волнения и протесты против проводимой экспроприации, Кеттелер рекомендовал решительно их подавлять в самом начале, пока они носят локальный характер и изолированы от возможных аналогичных выступлений в других районах.

⁵⁶ DZA Potsdam, Ges. China. «Schantung-Eisenbahn», № 496, Bl. 7. «Vertrauliche Denkschrift betreffend die Schantung-Eisenbahn-Gesellschaft und die Schantung-Bergbau-Gesellschaft»

⁵⁷ DZA Potsdam, Ges. China. «Schantung-Eisenbahn», № 43, Bl. 127—139. Письмо Кеттелера Гогенлоэ, 19 августа 1899 г.

Программа действий, предложенная Кеттелером, была принята, и, переговоры, которые «Немецко-Азиатский банк» предполагал вести с Цзунлинямынем, не состоялись.

Итак, германский империализм поставил перед собой задачу в кратчайший срок превратить Шаньдун в исключительную сферу своего влияния. Руководящие круги и идеологи германского империализма исходили из того, что курс на «раздел Китая» и политика «открытых дверей» в Китае принципиально не противоречат друг другу. Они считали, что обе формулы, несмотря на кажущееся различие между ними, по сути дела покрываются единой целью — обеспечить германскому финансовому капиталу наибольшие возможности экспансии и широкого участия в экономической эксплуатации Китая. Различия они усматривали только в том, что если сторонники «раздела» Китая стремятся определить «сферу интересов», чтобы устранить из этой сферы иностранных соперников, то сторонники принципа «открытых дверей» стремятся обеспечить возможность экспансии в пределах всего Китая, чтобы повсеместно «делать хороший гешефт». Председатель Пангерманского союза Хассе, по существу разгадавший замысел монополий США, — опираясь на свою растущую экономическую мощь, оттеснить в «сферах влияния» иностранных соперников и утвердить свое преобладающее влияние на территории всего Китая, — так сформулировал задачу руководящих кругов германского империализма: «Мы должны желать, чтобы наши дипломаты не связывали себе руки сделками с Англией и Америкой относительно «открытых дверей» и чтобы они не сграпичивали свободу рук Германии на Дальнем Востоке»⁵⁸. С другой стороны, эти круги считали более выгодным избегать точного разграничения «сфер влияния» даже в Шаньдуне, где германский империализм уже установил преобладающее экономическое, политическое и военное влияние, поскольку, как уже отмечалось, их манил и бассейны Янцзы. В момент, когда Англия была занята тяжелой войной в Южной Африке, а США — подавлением народных восстаний на Филиппинах, главный орган германского капитала на Дальнем Востоке — «Ostasiatische Lloyd» — писал: «Мы твердо надеемся, что если даже у нас пока еще не хватает необходимой вооруженной силы, чтобы на огромной Янцзы напомнить о мощи Германской империи, то все же найдутся средства и пути, чтобы заставить признать германское влияние»⁵⁹.

Следует также учесть, что в самой Германии все внимание господствующим классам, правительства и политических партий в это время было приковано к вопросу о прохождении новой программы строительства военно-морского флота. Выдвигая эту программу как одну из главнейших основ сплочения господствующих классов против рабочего социалистического движения, наиболее агрессивные круги монополистической буржуазии и юнкерства подняли в стране шумную кампанию за увеличение флота как орудия «мировой политики». Те германские монополии, которые уже захватили крупные позиции в Китае, в начале января 1900 г. присоединились к этому хору, доказывая, что для достижения более широких целей в духе «мировой политики» необходимы активные действия не только германской дипломатии, но и в еще большей степени военно-морского ведомства. Эти круги прямо требовали от правительства максимального увеличения военно-морских сил, специально предназначенных для крейсирования у берегов Восточной Азии. Они утверждали, что, учитывая уже сложившиеся интересы германского капитала в Китае, перспективы соперничества с другими державами и, возможно, военного столкновения на почве борьбы за господство в

⁵⁸ «Alldeutsche Blätter», № 4, 21 января 1900

⁵⁹ «Ostasiatische Lloyd», № 60, 29 ноября 1899.

Китае, даже новая программа строительства флота, разработанная адмиралом Тирпицем, является недостаточной. Они требовали еще большего увеличения флота на Дальнем Востоке, а также строительства военных укреплений в районе Цзяочжоу⁶⁰, который рассматривался как плацдарм дальнейшего наступления на Китай. За два года господства в Цзяочжоу военно-административные власти уже накопили некоторый опыт эксплуатации природных и человеческих ресурсов и немало сделали, чтобы ознакомить с этим опытом определенные круги и организации крупного немецкого капитала. Материалы, рассылавшиеся этим организациям через военно-морское ведомство, преследовали двоякую цель: во-первых, они служили как бы рекламой, призывавшей германский капитал к более активной и весьма выгодной экспансионистской деятельности в Китае, во-вторых, они должны были показать финансовой и торгово-промышленной элите, что военно-морское ведомство печется о ее интересах и всей своей деятельностью, в частности в Китае, раскрывает перед нею широкие возможности на уровне «мировой политики». Официальный отчет, изданный имперским морским ведомством⁶¹, должен был показать, как быстро, твердо и успешно германский империализм обосновался в Цзяочжоу, который может быть использован в качестве плацдарма для широкой экспансии в Шаньдун и в остальной Китай.

Но официальный отчет умалчивал о бесчинствах германских властей в Шаньдуне и о нарастании антиимпериалистического движения китайского народа. Между тем уже в марте 1898 г. цензор сычуаньского округа Ху Фу-чэнь в своем докладе императору сообщал, что немецкие войска в Шаньдуне убивают мирное население, и предупреждал о неизбежности крупных политических последствий, если «на это закрыть глаза». «Разве мы можем называться государством,— писал он,— если иностранцы начинают обладать всей полнотой власти. Сейчас иностранцы без всякого повода убивают мирное население, а мы даже не интересуемся этим. Гарантия жизни личности общепризнана как в Китае, так и за рубежом. Но немцы всячески попирают этот принцип. Народ терпит бесчисленные страдания. Но настанет день, когда гнев вырвется наружу». Чтобы это предотвратить, Ху Фу-чэнь рекомендовал трону заявить германскому правительству протест, сообщить кайзеру о бесчинствах германских войск в Китае и потребовать отозвания посланника Гейкинга и адмирала Дидерикса. «Если же кайзер не прислушается к нам,— заключал цензор,— то следует отвергнуть все их договоры, заключенные с ними»⁶². Но китайское правительство и двор не хотели и не могли действовать решительно. В лучшем случае они обращались в Берлин с учтивыми запросами или вежливыми протестами, которые не имели ровно никаких последствий.

Но вот в конце 1898 — начале 1899 г. появились сообщения, что в Шаньдуне заметно усилились антиимпериалистические выступления народа, и германская дипломатия сразу заговорила языком угроз и агрессий. Гейкинг потребовал от китайского правительства «держат население в узде» и угрожал пустить в ход германские войска⁶³. Такова была дипломатическая демонстрация «дружбы» между Германией и Китаем. Через несколько дней обстоятельства еще более осложнились. Глава немецкой католической миссии в Шаньдуне епископ Анцер сооб-

⁶⁰ DZA Potsdam, Akten der Deutschen Gesandtschaft China betreffend politische Angelegenheiten, № 19, Bl. 14—15. Auszug aus einem Artikel d. «Ostasiatischen Lloyd», 5 января 1900.

⁶¹ «Denkschrift betreffend die Entwicklung des Kiaotschou-Gebiets». Berlin, 1900.

⁶² «Ихэтуань данань шиляо» («Архивные материалы о движении ихэтуаней»), т. 1. Шанхай, 1959, стр. 11.

⁶³ DZA Potsdam, Ges. China. Gen. 5a, Bd. 15. Письма Гейкинга Цзунлиямыню. Пекин, 7 декабря 1898 г. и 12 января 1899 г.

шил, что в районе Ичжоу вспыхнуло восстание, душой которого является какая-то тайная секта, созданная в целях изгнания немцев. Еще более тревожные сведения об этом восстании начали поступать от находившихся там американских миссионеров: они сообщали, что восставшие нападают на представительство католической миссии, на железнодорожные сооружения и горные предприятия, принадлежащие немецкому капиталу, и просили немедленно послать германские войска в целях подавления восстания⁶⁴.

Германский вице-консул в Чифу уловил в алармистских призывах американских миссионеров недоброе. «Вероятно,— предположил он,— некоторым элементам хотелось бы использовать обстоятельства для вмешательства»⁶⁵. Немецкие дипломаты опасались, что под предлогом помощи своим миссионерам США вторгнутся в Шаньдун. Было решено предотвратить во что бы то ни стало возможное вторжение, подавив восстание силами германских войск. Войска двинулись на Ицзин, и это было похоже на военно-карательную экспедицию. Цзунлиямынь предписал китайскому посланнику в Берлине Люй Хай-хуаню срочно обратиться к германскому правительству с требованием приостановить движение войск⁶⁶. Но в Берлине на это требование не обратили никакого внимания. Там больше интересовались другим вопросом, а именно активностью США в Шаньдунской провинции. Гейкингу было поручено «незаметно, но тщательно следить» за действиями американской дипломатии и ее агентами в Шаньдуне⁶⁷. Наблюдения показали, что США, не прибегая к военному вторжению в Шаньдун, энергично добиваются от Цзунлиямыня отстранения китайского губернатора в Шаньдуне Юй Сяня, рассчитывая на то, что их ставленник будет более послушной фигурой в руках империалистических держав. Но этого же добивалось и германское правительство, надеясь с помощью нового губернатора укрепить и расширить свои владения в Шаньдуне.

Дополнительные затруднения возникли в связи с тем, что германские капиталисты и колониальные власти приступили к изыскательским работам, связанным с проектированием железнодорожной трассы и разработкой горных пород и недр провинции. Юй Сянь напомнил германским властям об их обещании распределить акции железной дороги в Шаньдуне «между китайскими и германскими купцами», о чем еще предстояло договориться Цзунлиямыню и германскому посланнику в Пекине⁶⁸. Это было неприятное напоминание. Германские капиталисты, во-первых, вовсе не собирались уступать часть акций китайским капиталистам и сановникам, а во-вторых, не без основания опасались, что пока этот вопрос не будет урегулирован, китайские власти найдут способ помешать начатым в срочном порядке изыскательским работам. И действительно, в конце апреля 1899 г. китайский губернатор запретил производство этих работ в районе Гаоми, ссылаясь на то, что он не имеет инструкций от пекинского правительства⁶⁹. На самом деле Юй Сянь действовал по указанию из Пекина. Ему приказали «срочно направить навстречу немцам войска», но стараться «избегать конфликтов».

⁶⁴ Там же. Письмо Гейкинга в ведомство иностранных дел Германии, 15 января 1899 г.; письмо германского вице-консула в Чифу Ленца германской миссии в Пекине, 14 января 1899 г.; телеграмма Ленца германской миссии в Пекине, 14 января 1899 г.

⁶⁵ Там же. Письмо Ленца германской миссии в Пекине, 14 января 1899 г.

⁶⁶ «Ихэтуань данань шиляо», т. 1, стр. 21.

⁶⁷ DZA Potsdam, Ges. China. Gen. 5a, Bd. 15. Телеграмма Бюлова германской миссии в Пекине, Берлин, 17 января 1899 г. Гейкинг ответил в Берлин, что германская консульская служба уже ведет наблюдение за деятельностью американской агентуры в Шаньдуне (там же. Письмо Гейкинга, 19 января 1899 г.).

⁶⁸ DZA Potsdam, Ges. China. «Schantung-Eisenbahn», № 43, Bl. 3. Письмо Юй Сяня Иешке, 2 апреля 1899 г.

⁶⁹ Там же. Телеграмма Иешке Гейкингу, 28 апреля 1899 г.

Юй-Сянь жаловался в Пекин, что немецкие войска продолжают бесчинствовать и убивать мирное население. Он настаивал на том, чтобы потребовать от германского правительства вывода немецких войск⁷⁰.

Гейкинг неоднократно обращался в Цзунлиямынь с жалобами на действия Юй Сяня⁷¹, однако Пекин не отменял запрета, наложенного губернатором на производство изыскательских работ в Шаньдуне. Тогда Гейкинг приказал продолжать работы, не обращая внимания на запрет⁷².

Но в это время (29 апреля 1899 г.) директор «Немецко-Азиатского банка» Рёдерс приехал в Цзяочжоу и поведal Иешке, что правящие круги в Берлине пока не считают целесообразным идти на обострение отношений с пекинским правительством. Гейкингу были даны указания возобновить переговоры с Цзунлиямынем о заключении договора, согласно которому железная дорога Тяньцзинь — Цзинцзян должна была строиться и эксплуатироваться как китайское государственное предприятие. При условии подписания китайскими сановниками этого договора германское правительство соглашалось отозвать военные отряды из некоторых пунктов провинции Шаньдун, в частности из района Ичжоу. Узнав об этом, германская военная администрация в Цзяочжоу пришла в ярость. Как можно отзывать военные отряды из районов, где в связи с изыскательскими работами германских инженеров или деятельностью немецких миссионеров происходят волнения среди китайского населения? — возмущался Иешке в письме к германскому посланнику в Пекине. Как можно вести переговоры с китайским правительством о заключении договора, не отвечающего экономическим интересам германской колонии в Китае?⁷³

Но Гейкинг мог только констатировать, что «ведомство иностранных дел, во всяком случае, придерживается других взглядов».

Правящие круги Германии, заявляя о готовности вести переговоры с Китаем относительно железнодорожной концессии, стремились выиграть время, необходимое для того, чтобы окончательно сформировалась группа финансовых магнатов, заинтересованных в шаньдунских концессиях, и для того, чтобы вместе с этой группой разработать общий курс и методы экспансионистской политики в Китае. Германские империалисты должны были учитывать ход и исход борьбы между движением реформаторов и консервативным лагерем в Китае. 2 сентября 1898 г. в Пекине произошел дворцовый переворот против реформаторов в пользу маньчжурских и китайских феодалов, и не было уверенности в том, что проникновение иностранного капитала в Китай в будущем не встретит новых затруднений⁷⁴. Не посвященный во все эти тонкости высокой политики, Иешке решил вопреки указанию не отзывать военных отрядов, пока выступления китайского населения против изыскательских партий и миссионеров не прекратятся. Тем временем Гейкинг в переговорах с Цзунлиямынем добился тактического успеха: пообещав заключить дополнительный договор о железнодорожной концессии, он вырвал у китайских сановников согласие на производство изыскательских работ еще до заключения договора. Это был настоящий обман, так как ни германское правительство, ни германский синдикат, получивший концессию, и не думали заключать обещанного договора с Китаем.

⁷⁰ «Ихэтуань данань шилiao», т. 1, стр. 23, 27.

⁷¹ DZA Potsdam, Ges. China. «Schantung-Eisenbahn», № 43, Bl. 5. Телеграмма Гейкинга Иешке, 29 апреля 1899 г.; лл. 6—7. Нота Гейкинга Цзунлиямыню, 29 апреля 1899 г.

⁷² Там же, л. 5.

⁷³ Там же, лл. 8—11. Секретное письмо Иешке Гейкингу, 3 мая 1899 г.

⁷⁴ О внутренней борьбе в Китае в этот период см. С. Л. Тихвинский. Указ. соч., гл. V.

3 мая Гейкинг торжественно уведомил Иешке о полученном согласии Цзунлиямыня на производство работ⁷⁵. В то же время германское правительство, его дипломатия и представители военно-колониальной администрации сочли нужным скрыть от китайского правительства намеченную трассу изыскательских работ. Иешке получил специальную инструкцию не показывать Юй Сяню даже карту этих работ под тем предлогом, что тот все равно ничего в ней не поймет⁷⁶.

Германский империализм стремился иметь в своем распоряжении вооруженные силы в Шаньдуне. Они были нужны для подавления выступлений китайского населения. Осуществление концессионного строительства означало экспроприацию земельной собственности населения, подрывало устои сложившегося хозяйства, несло разорение множеству людей. Уже предварительные работы, связанные с сооружением железных дорог, вызывали недовольство и даже открытое сопротивление крестьянской массы. То тут, то там начинались беспорядки. Как раз в те дни, когда в Берлине оформлялись крупные синдикаты по эксплуатации Шаньдуна, в одном из районов этой провинции — уезде Гаоми — жители деревень поднялись, чтобы изгнать немецких чиновников и инженеров, явившихся туда для работ в связи с проектами строительства железной дороги.

Движение началось в деревне Чжилань. Строительство железной дороги прекращало доступ воды для орошения полей этой деревни. Поэтому крестьяне обратились в управление дороги с просьбой прорыть два тоннеля, чтобы дать выход воде. Управление оставило эту просьбу без внимания, и крестьянам не оставалось ничего другого, как попытаться силой защищать свою землю⁷⁷. Чтобы сломить это сопротивление, германские власти в Цзяочжоу решили двинуть военный отряд в район восстания.

Германская нота, уведомлявшая Цзунлиямыня о посылке немецких военных отрядов в район Гаоми, была составлена в наглом и оскорбительном тоне, столь присущем в те времена империалистической дипломатии в Китае. Приттвиц вызывающе обвинил в этой ноте китайское правительство в том, что оно всегда занимается только «красивыми словесными заверениями», за которыми никогда «не следует дела». «Поэтому, — заявлял он, — мы должны действовать сами»⁷⁸. Конечно, германская военно-колониальная администрация в Шаньдуне вовсе не желала вмешательства китайских властей. Она считала необходимым и своевременным «преподать урок» китайскому населению Гаоми. «Если уже в нашей зоне влияния, — писал Иешке, — поднимается сопротивление населения против железнодорожного строительства, то его можно ожидать в еще большей степени в глубине страны»⁷⁹.

Однако результаты военной экспедиции были неожиданными: китайское население оказало немецким экзекуторам такое серьезное сопротивление, что командование отряда было вынуждено затребовать подкреплений. Лишь хорошо вооруженный германский военный отряд задушил это движение⁸⁰. Тем не менее китайские крестьяне добились

⁷⁵ DZA Potsdam, Ges. China, «Schantung-Eisenbahn», № 43, Bl. 11.

⁷⁶ Там же, л. 60. Письмо Приттвица Иешке, 26 июня 1899 г.

⁷⁷ Тань Тянь-кай. Шаньдун вэнти чжи шимо (История шаньдунского вопроса). Циндао, 1932, стр. 31. См. также Ло Чэн-лэ. Цун Цзюйэ цзяоань дао Шаньдун ихэтуань (От миссионерского конфликта в Цзюйэ до движения ихэтуаней в Шаньдуне). Цзинань, 1959, стр. 54—57.

⁷⁸ DZA Potsdam, Ges. China. «Schantung-Eisenbahn», № 43, Bl. 46. Нота Приттвица Цзунлиямыню, 21 июня 1899 г.

⁷⁹ Там же, лл. 64—65. Письмо Иешке германской миссии в Пекине, 21 июня 1899 г.

⁸⁰ Там же, л. 54. Телеграмма Иешке Приттвицу, 24 июня 1899 г.; л. 55. Телеграмма Иешке Приттвицу, 25 июня 1899 г.; л. 70. Телеграмма Иешке германской миссии в Пекине, 29 июня 1899 г.

своей цели: управление немецкой железной дороги было вынуждено удовлетворить требование восставших и прорубить тоннели. Однако германские войска не были выведены из Гаоми⁸¹.

Недовольство продолжало расти, и в начале 1900 г. восстание в районе строительства шаньдунской железной дороги вспыхнуло с новой силой. В нем участвовали уже не только крестьяне, но и китайские солдаты. Восстание сразу приняло такие масштабы, что, как стало ясно германским властям, для его подавления потребовались бы крупные военные контингенты. Чтобы выиграть время, было решено снова прибегнуть к испытанному методу — вступить в переговоры с китайскими сановниками. У германских властей сложилось впечатление, что организаторами восстания являлись именно китайские мандарины, которые таким образом пытались вынудить германских концессионеров пойти на предусмотренное договором об «аренде» Цзяочжоу соглашение об участии китайского капитала в строительстве и управлении железнодорожной концессии в Шаньдуне. Даже германская буржуазная пресса⁸² признавала, что правительство и капиталисты Германии не выполняют этих условий и тем самым восстановили против себя правящие круги как в Пекине, так и в провинции Шаньдун. По сведениям, проникшим в немецкую печать, в ходе переговоров, состоявшихся в Цзинани, директор строительства железной дороги сумел вырвать у губернатора провинции Шаньдун обещание ликвидировать сопротивление строительству, оказываемое населением. Китайские власти предприняли для этого все возможные меры, и на трассе были возобновлены работы. Однако германская администрация не обольщалась иллюзиями относительно будущего: положение оставалось напряженным, и даже «оптимистически настроенные знатоки Китая» ожидали возобновления волнений китайского населения. В связи с этим даже вставал вопрос, не следует ли строить дорогу по отдельным участкам, не растягивая работы на сотни километров, что дало бы возможность распылять эти работы на больших пространствах среди многочисленного китайского населения, возмущенного вторжением иностранных захватчиков.

Германским властям удалось настоять на том, чтобы пекинское правительство убрало строптивого и неугодного им губернатора провинции Шаньдун⁸³. Юй Сянь был заменен 24 ноября 1899 г. генералом Юань Ши-каем, вскоре зарекомендовавшим себя в качестве кровавого палача и душителя народных движений. Германское посольство в Пекине и германские власти в Цзяочжоу считали Юань Ши-каю «германофилом» и надеялись на его поддержку и «твердую руку»⁸⁴. Германская дипломатия была обрадована его назначением еще и потому, что в создании «новой армии» Юань Ши-каю, считавшейся образцовой в Китае, принимали участие германские инструкторы. Теперь часть этих отрядов Юань Ши-каю перевел в Шаньдун.

В начале 1900 г. положение в Шаньдуне вновь крайне обострилось.

⁸¹ Тань Тянь-кай. Указ. соч., стр. 31. См. также Ло Чэн-лэ. Указ. соч., стр. 54—57.

⁸² См., например, «Frankfurter Zeitung», 3 мая 1900 г.

⁸³ В том же направлении, исходя из собственных интересов, оказывала на пекинское правительство и американская дипломатия («The Foreign Relations of the United States», v. I, 1902, p. 77—84. См. подробно Цзин Цзя-жуй. Ихэтуань юньдун (Движение ихэтуаней). Шанхай, 1957, стр. 43—44).

⁸⁴ С другой стороны, как сообщал Д. Покотилов, «по мнению весьма многих... при назначении Юань Ши-каю в Шаньдун центральное китайское правительство руководствовалось, конечно, не соображениями о симпатиях его к немцам, а скорее желанием воспользоваться его военными способностями для того, чтобы, с одной стороны, обеспечить успокоение умов в Шаньдуне, а с другой — оградить эту провинцию от дальнейших захватов со стороны Германии, представители коей в Цзяочжоу выказывают, по видимому, наклонности к расширению тамошних своих владений» (СГИАЛ, ф. 560, сп. 28, д. 155, лл. 1—3. Цисьмо Д. Покотилова Витте, без даты).

По свидетельству китайского цензора Гао Си-чжэ, «бесчинства иностранцев достигали такой степени, что местные чиновники никак не могут найти на них управу». Чтобы «смыть позор», цензор требовал строго наказывать злостных преступников иностранцев. «В противном случае,— заключал он,— гнев будет расти, народ поднимется, и тогда мы не оберемся бед»⁸⁵.

Но руководящие круги германского империализма, их дипломатия и военщина не видели глубинных процессов, происходивших в широких массах китайского народа. Они видели перед собою лишь пекинский двор и провинциальные власти, раздираемые внутренней борьбой, и прежде всего иностранных империалистических соперников, каждый из которых преследовал свои цели и интересы. Именно это являлось в представлении империалистов главными политическими факторами, с учетом которых и строились их экспансионистские планы. Ослепленные своекорыстными интересами, империалистические державы не видели процесса назревания широкого массового движения китайского народа. Когда же это движение, выйдя за рамки разрозненных выступлений в Шаньдуне, развернулось в полную силу и в других провинциях, империалистические державы убедились, что они застигнуты событиями врасплох. То было движение ихэтуаней — первое в XX веке широкое движение китайского народа, направленное против иностранного империализма⁸⁶.

1960 г.

⁸⁵ «Ихэтуань данань шиляо», т. 1, стр. 71.

⁸⁶ См. А. С. Ерусалимский. Германский империализм и подготовка международной интервенции в Китае в 1900 г.— «Народы Азии и Африки», 1961, № 4 (перев. на нем. яз.: *Der deutsche Imperialismus und die diplomatische Vorbereitung der internationalen Intervention in China im Jahre 1900.*— «Die Volksmassen Gestalter der Geschichte». Berlin, 1962); он же. Поход Сеймура и его провал.— «Международные отношения. Политика. Дипломатия XVI—XX вв. Сборник статей к 80-летию академика И. М. Майского». М., 1964.

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1914—1918 ГОДОВ

Дипломатическая подготовка мировой войны, вспыхнувшей в 1914 г., началась задолго до ее возникновения. Рост экономических и политических противоречий между крупнейшими капиталистическими державами и сложившиеся на этой основе военные союзы определяли новую расстановку сил в Европе, новую систему государств, тем более неустойчивую, что гонка вооружений и усилившаяся колониальная экспансия постоянно вносили в эту систему значительные изменения, чреватые опасностью военных столкновений. Англия, в те времена наиболее крупная колониальная держава, обладавшая самым могущественным военно-морским флотом, до определенного времени предпочитала оставаться за рамками складывающихся союзов, однако ее роль в общей системе государств во многом определяла всю международную ситуацию в целом, и притом не только в Европе, но и во всем мире. Сложившаяся система государств получила тогда название «системы вооруженного мира»; это внутренне противоречивое понятие было призвано прикрыть и оправдать нарастающие противоречия капиталистических держав, порожденные их торгово-экономической конкуренцией, колониальным соперничеством и гонкой вооружений¹.

Уже вскоре после окончания периода войн, связанных с национальным воссоединением буржуазных государств — Германской империи и Италии, в самый разгар процесса складывания в Европе системы военных союзов, Ф. Энгельс предвидел не только возможность войны нового масштаба — не местной и даже не европейской, а войны мировой, — но и неизбежные ее результаты — общий кризис капиталистической системы. «И это была бы, — писал Ф. Энгельс в 1887 г., — всемирная война невиданного раньше размера, невиданной силы. От восьми до десяти миллионов солдат будут душить друг друга и объедать при этом всю Европу до такой степени дочиства, как никогда еще не объедали тучи саранчи. Опустошение, причиненное Тридцатилетней войной, — сжатое на протяжении трех-четырех лет и распространенное на весь континент, голод, эпидемии, всеобщее одичание как войск, так и народных масс, вызванное острой нуждой, безнадежная путаница нашего искусственного механизма в торговле, промышленности и кредите; все это кончается всеобщим банкротством; крах старых государств и их рутинной государственной мудрости, — крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовым и не находится никого, чтобы поднимать эти короны; абсолютная невозможность предусмотреть, как это все кончится и кто выйдет победителем из борьбы; только один результат абсолютно несомненен: всеобщее истощение и создание условий для окончательной

¹ См. новейшее исследование В. М. Хвостова «История дипломатии», т. II. М., 1963.

победы рабочего класса»². Но основоположники марксизма никогда не считали, что война, развязанная капиталистическими державами, является единственным или главным условием победы социалистических идей и устремлений рабочего класса. Наоборот, они постоянно призывали к борьбе против агрессивных действий капиталистических держав, разоблачали методы и цели «рутинной государственной мудрости», высшим воплощением которой считалась дипломатия. И хотя дипломатия во многих странах по-прежнему оставалась доменом старой аристократии, ничто не могло приостановить воздействия на нее тех новых сил и интересов, носителем которых становился крупный промышленный, а затем и финансовый капитал. Агрессивной, экспансионистской и националистической внешней политике этих сил, господствовавших в капиталистическом обществе и всецело опиравшихся на систему постоянно растущего милитаризма, основоположники марксизма противопоставляли миролюбивую внешнюю политику рабочего класса, основанную на идеях интернационализма и социалистической солидарности.

В эпоху, когда старый доминирующий капитализм сменился господством империализма, система милитаризма продолжала расти усиленными темпами, борьба за передел рынков сбыта и источников сырья, а главное борьба за сферы приложения капитала и расширение колониальной экспансии, словом, борьба за передел мира стала одним из факторов, направляющих внешнюю политику и дипломатию крупных империалистических держав. Мировые масштабы основных империалистических антагонизмов с неизбежностью порождали вооруженный конфликт мирового масштаба.

Переход «свободного» капитализма в империалистическую стадию ознаменовался появлением в руководящих кругах главных капиталистических стран планов, свидетельствовавших об их почти безграничных притязаниях. В Англии это были планы создания «более Великой Британии», призванные в конечном счете подчинить своему влиянию огромные территории в Азии, Африке, Океании. В Германии банковские и промышленные магнаты, юнкерство и связанная с ним военщина проектировали создание «Великой Германии» или «Срединной Европы», которая, все более расширяясь, охватила бы огромный территориальный конгломерат не только Европы, но и Передней Азии; кроме того, намечалось создать обширную германскую колониальную империю в Африке, в бассейне Тихого океана, широкую сферу влияния в Южной Америке³. Французская финансовая олигархия, разжигая в стране реваншистские настроения, стремилась не только вернуть Франции Эльзас и Лотарингию, но и захватить Рурский бассейн, а также расширить французскую колониальную империю в Африке. Буржуазия и помещики царской России хотели установить свое политическое и военное господство на Балканах, овладеть Константинополем и проливами, расширить сферу своего влияния в Иране; несмотря на поражение в русско-японской войне, они не оставили своих планов и на Дальнем Востоке. Господствующие классы Австро-Венгрии, не довольствуясь своим экономическим и политическим влиянием в Болгарии, а в известной степени и в Румынии, добивались разгрома Сербии, чтобы превратить ее в своего рода вассала и укрепить свою гегемонию как в восточной, так и в западной части Балканского полуострова. Итальянские империалисты, ссылаясь на славу древнего Рима, домогались подчинения Италии Тироля, Триеста, Албании, участия в разделе Малой Азии и переделе колониальных владений в Африке, установления итальянской гегемонии в бассейне Средиземного моря.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. т. 21, стр. 361.

³ См. ниже: «Легенды и правда о первой мировой войне».

Широкие захватнические планы строились также империалистическими кругами неевропейских держав. Уже в начале XX в. американский сенатор Беверидж говорил: «Бог... сделал нас искусными организаторами, призванными установить порядок в мире... Из всех рас он указал на американцев, которые должны в конечном счете привести к возрождению мира». В первую очередь американский империализм намеревался утвердить свое преимущественное влияние в Западном полушарии, а также усилить свое проникновение в Китай.

В Японии среди крупнокапиталистических и милитаристских кругов зрела мысль об установлении японского владычества над всей Восточной Азией и прилегающей частью Тихого океана.

Подготовка империалистических держав к реализации всех этих планов и отдельные попытки практического воплощения их в жизнь углубляли существующие и порождали новые противоречия на международной арене.

Уже на рубеже XIX и XX в. Англии пришлось считаться с германским империализмом как с растущим соперником в борьбе за экспорт товаров и за сферы приложения капиталов, и притом не только в Европе, но и на колониальном поприще. В Китае и в Южной Америке, на Балканском полуострове и в Африке, в Передней Азии и в Океании — везде и всюду германский империализм напоминал о себе Англии, привыкшей к положению промышленного гегемона и колониального монополиста. При этом правящие круги Германии не отказывали себе в удовольствии демонстративно подчеркнуть, что стареющей Англии пора уступить дорогу своему более молодому и рвущемуся к экспансии германскому сопернику. «Англия,— заявил Вильгельм II,— должна привыкнуть к тому, что Германия во что бы то ни стало будет великой колониальной державой». Продолжая наращивать свои сухопутные силы, правящие круги германского империализма в то же время приступили к осуществлению разработанных адмиралом Тирпицем планов строительства крупного военно-морского флота. Их клич — «Наше будущее на море!» — был прямым вызовом английскому сопернику.

В период формирования империализма Великобритания находилась в зените своего мирового могущества, хотя уже тогда появились признаки наступающего ущерба. Англия в те времена уже утратила свое прежнее значение единственной «мастерской мира», но все еще являлась первой промышленной державой. Она занимала первенствующее положение в экспорте капитала, что само по себе давало ей в руки могущественный рычаг для борьбы за мировое господство. Она имела огромную, самую большую, колониальную империю, представляющую одну из главнейших экономических основ ее мирового могущества. Она имела также многочисленные, разбросанные по всему миру, но находящиеся в определенной системе, опорные стратегические пункты (морские базы, угольные станции и т. д.), охраняющие ее сложную и разветвленную систему коммуникаций. Наконец, она опиралась на сильнейший в мире военный флот, господствовавший на всех морях и океанах, не имевший себе равного по качеству личного состава и превосходивший или, по меньшей мере, равный соединенным флотам двух других европейских держав.

Опираясь на это экономическое, политическое и морское могущество, Англия имела возможность до поры до времени пребывать в состоянии «блестящей изоляции», сохраняя в своих руках баланс между державами, борющимися за влияние на международной арене. При этом, опираясь на свое могущество, она могла создавать известное «равновесие»,— поскольку это было ей выгодно; Англия использовала в своих интересах противоречия держав на европейском континенте, а также острое соперничество европейских и неевропейских держав на колони-

альном поприще. Но уже очень скоро начались поиски новых путей внешней политики. На мировой арене появились новые факторы, угрожающие основам британского могущества. Наряду со старыми соперниками — царской Россией и Францией, — появились новые, более могущественные и более настойчиво требующие своего «места под солнцем». В силу закона неравномерности развития капитализма Англия начала терять свое место первой промышленной державы, ее быстро начали нагонять — в Европе Германия, за океаном США. Эти страны стали играть все более значительную роль и в экспорте капитала, и в борьбе за господство в колониальных и полуколониальных странах. Каждый из этих соперников, старых и новых, за исключением США, имел более сильную и значительную армию, чем Англия, наконец, некоторые из них, — и притом не только Германия, — встали на путь усиления военноморского флота. От Англии потребовались огромные усилия, чтобы сохранить ее морское могущество, однако возможность объединения некоторых империалистических соперников продолжала вызывать серьезные и основательные опасения правящих кругов Великобритании. К тому же английский империализм, обуреваемый, как и другие империалистические державы, стремлением к новым захватам, вовсе не ограничивал свою задачу только сохранением существующего положения вещей. В течение некоторого времени традиционная политика «блестящей изоляции» еще имела объективные основания, но уже вскоре изоляция Англии становилась отнюдь не «блестящей». Она становилась прикрытием политики «свободы рук», направленной к тому, чтобы в сонме соперников установить главного империалистического противника и создать против него систему союзов.

Кризис политики «блестящей изоляции» вызвал и усилил среди правящих кругов Англии борьбу различных интересов по вопросу об их дальнейшей ориентации в области дипломатии. Отсюда неоднократные, а порою и одновременные попытки к сближению с Россией против Германии, с Германией против России, — обычно на основе раздела сфер влияния в колониальных и полуколониальных странах. Эти попытки начались еще в 1898 г., когда противоречия между Англией и Францией в связи с борьбой за раздел Африки стремительно нарастали и, достигнув своего апогея в конфликте из-за Фашоды, едва не привели к войне. Возобновляемые и в последующие годы, они вовсе не были только дипломатическими маневрами, предпринятыми с целью натравить одного своего соперника на другого. Они отражали стремление правящих кругов британского империализма приспособить свою политику к новым условиям, но с тем, чтобы извлечь для себя наибольшую выгоду. Дипломатическое зондирование Англии о возможности договориться с Россией ни к чему не привело. Царизм чувствовал себя еще достаточно сильным и не отказывался от своих экспансионистских планов ни на Ближнем, ни на Дальнем Востоке. Более того, действуя вслед за Японией, Англией и Германией, уже приступившими к захватам на Дальнем Востоке, царская Россия взяла там курс на военную авантюру. Поскольку милитаристская Япония, со своей стороны, готовилась к борьбе против России, военный конфликт между ними становился неизбежным.

Складывающуюся ситуацию германская дипломатия считала для себя весьма благоприятной. То вступая в переговоры о союзе с Англией, то отказываясь от них, она стремилась, говоря словами германского кайзера, «выдавить» у Англии компенсации — колониальные, дипломатические и иные. На протяжении 1901 г. некоторые влиятельные круги снова вели переговоры с Германией о заключении союза против России, или против Франции, или против обеих держав одновременно. Понимая, что Англия ставит своей конечной целью втравить Германию в

войну на два фронта, германская дипломатия постоянно набивала себе цену; к тому же, поскольку речь шла и о возможности включения в англо-германский союз Японии, она лелеяла мысль, что, в конце концов, Германии удастся избежать войны на два фронта и, более того, поставить Россию перед необходимостью вести войну на Дальнем Востоке и на Западе одновременно. Во всяком случае, как утверждал в марте 1902 г. Гольштейн — одна из ведущих фигур германской дипломатии, — «в наших интересах сохранять свободу рук» с тем, чтобы можно было «потребовать надлежащей компенсации не только за оказание поддержки в конечном счете, но даже за нейтралитет». Хитроумные планы, возникавшие в Англии и в Германии в связи с переговорами о союзе, не могли не потерпеть неудачу: поскольку обе империалистические державы стремились к мировой гегемонии, базы для сближения между ними не оказалось. Переговоры были прерваны, и на сей раз окончательно. Вскоре выяснилось, что под покровом этих попыток сближения с Германией английское правительство, в поисках ударной силы против России, добилось военно-политического союза с Японией. Этот союз дал Англии возможность перебросить часть своего военного флота из Тихого океана в Северное море, где вырастал германский флот. Одновременно английская дипломатия стала форсировать урегулирование своих отношений с Францией.

В этих условиях германская дипломатия пыталась действовать одновременно в трех направлениях: во-первых, она стремилась ослабить узы франко-русского союза, во-вторых, еще более обострить англо-русское соперничество, и, в-третьих, ускорить возникновение русско-японского конфликта на Дальнем Востоке. Называя себя «адмиралом Атлантического океана», Вильгельм II возлагал немалые надежды на столкновение Николая II — «адмирала Тихого океана» с Японией. Убедившись, что за спиной Японии стоит Англия, германская дипломатия втайне подталкивала и Японию к войне против России. Правящие круги германского империализма и милитаристские круги, мозговым центром которых являлся генеральный штаб, были убеждены, что русско-японская война, каков бы ни был ее ход и исход, отвлекая внимание и силы соперников в связи с событиями на Дальнем Востоке, откроет перед Германией широкие возможности экономической экспансии, дипломатического лавирования, колониальных требований, даже использования благоприятной стратегической обстановки для нажима на Францию и, возможно, осуществления планов превентивной войны против нее. На деле же все сложилось по-иному.

В экономической и дипломатической борьбе всех против всех, которая разгорелась в начале XX в. в связи с закончившимся территориальным разделом мира и начавшимся его переделом в виде ряда локальных войн и крупных международных осложнений, подгоняемых ростом сухопутных и морских вооружений, обнаружились новые сложные процессы перегруппировки сил в системе империалистических держав. Русско-японская война, знаменовавшая собою завершение процесса формирования новой, высшей стадии в развитии капитализма — утверждение господства империализма, отнюдь не ослабила ни международных противоречий в Европе, ни общемировых антагонизмов, назревающих в ходе экономического, политического и колониального соперничества главнейших империалистических держав. Наоборот, обострив общую систему этих антагонизмов, она как бы открыла новый тур экономических схваток между крупными монополиями, борющимися за расширение своего влияния, дипломатических конфликтов и локальных войн, чреватых серьезными последствиями. Все это усложняло международно-политическую ситуацию и в немалой степени определяло расстановку сил для вызревания всеобщего империалистического столкновения. В усло-

виях неравномерности экономического и политического развития, свойственного капитализму, а империализму в особенности, каждое соглашение двух держав являлось лишь передышкой или формой подготовки совместной борьбы против третьего государства или групп государств. Эта неравномерность развития не могла не сказаться и на состоянии ранее сложившихся военно-политических блоков; они проявляли тенденции то к консолидации, то к ослаблению внутренней связи их механизма и даже к распаду; в ходе перегруппировки сил создавались и новые блоки, которые то расширялись и укреплялись, то подтачивались внутренними противоречиями, а порою их отдельные звенья в той или иной степени переплетались с участниками противостоящей империалистической группировки.

Одним из наиболее важных моментов в этом процессе перегруппировки сил в мировой системе государств являлся окончательный отказ Англии от ее политики «блестящей изоляции» и переход к системе союзов. 8 апреля 1904 г., сразу после начала русско-японской войны, Англия и Франция заключили соглашение, главным содержанием которого было признание за Англией «прав» на господство в Египте, а за Францией — «прав» на удовлетворение ее претензий в Марокко. Поскольку значительная часть торговли с Марокко находилась в руках английского капитала, в особенности ливерпульских торговых кругов, отказ Англии от влияния в Марокко в пользу Франции представлялся крупной уступкой. Однако, учитывая, что объем этой торговли в общей массе мировой торговой экспансии Англии занимал крайне незначительное место, экономическое значение уступки было весьма невелико; к тому же она была замаскирована признанием Францией принципа «открытых дверей» в Марокко. Таким образом, сделка с Францией относительно Марокко имела для Англии преимущественно политическое значение.

Вслед затем в январе 1906 г. начались секретные переговоры между английскими и французскими генеральными штабами по военным вопросам. Так возникло «сердечное согласие» (*Entente cordiale*) — англо-французская Антанта. Связав себя сначала военно-политическим союзом с Японией, в основном направленным против России, Англия теперь вступила в соглашение с Францией, которое в основном было направлено против Германии.

Германский империализм, со своей стороны, рассчитывал воспользоваться русско-японской войной и ослаблением царской России, чтобы добиться по меньшей мере трех целей: во-первых, навязать России невыгодный для нее торговый договор, который в интересах прусских юнкеров затруднил бы экспорт сельскохозяйственных продуктов из России на германский рынок и обеспечил экспансионистские интересы германского капитала в России; во-вторых, подорвать франко-русский союз и тем самым изолировать Францию на европейском континенте; в-третьих, создать наиболее благоприятные условия для подчинения Ближнего Востока при помощи концессии на постройку Багдадской железной дороги, окончательно оформленной в 1903 г.

Затруднения русского царизма в связи с военными неудачами на Дальнем Востоке открывали в этом отношении известные возможности. Используя эти затруднения, германская дипломатия прилагала огромные усилия к тому, чтобы привлечь царскую Россию на свою сторону, а тем самым оторвать ее от союза с Францией. Эти усилия отвечали интересам германского милитаризма, который, разрабатывая план войны на два фронта — против Франции и России одновременно, все же предпочитал вести войну на одном фронте — на Западе, если граница на Востоке будет обеспечена. Таким образом, после разгрома Франции открылась бы реальная перспектива направить удар и против России, т. е. разбить своих континентальных противников поодиночке. В то же

время в руководящих кругах германской дипломатии возникали и другие планы использования возможностей сближения с Россией. В этом сближении Гольштейн усматривал орудие не только подрыва франко-русского союза, но и привлечения Франции на сторону русско-германского союза в рамках возрожденного плана «Континентальной Лиги», направленной против Англии. Подобный план был, конечно, химерой, не имевшей никаких перспектив для своего воплощения в действительность. Но он был весьма показателен для настроений не только германской дипломатии, но и руководящих кругов германского империализма, в частности, ряда влиятельных монополий, военно-морских и колониальных кругов, усматривавших в Англии своего главного соперника и врага.

Падение Порт-Артура было не только военной катастрофой царизма. Оно имело серьезные политические последствия. Как и предвидел В. И. Ленин, оно послужило толчком к взлету революционного движения российского рабочего класса. С другой стороны, вся европейская буржуазия на первых порах оказалась «встревоженной крахом русской военной силы, которая долго считалась надежнейшим оплотом европейской реакции». Европейская буржуазия, писал тогда Ленин, — «так привыкла отождествлять моральную силу России с военной силой европейского жандарма. Для нее престиж молодой русской расы был неразрывно связан с престижем непоколебимо сильной, твердо охраняющей современный „порядок“, царской власти... Да, европейской буржуазии есть чего пугаться. Пролетариату есть чему радоваться. Катастрофа нашего злейшего врага означает не только приближение русской свободы. Она предвещает также новый революционный подъем европейского пролетариата»⁴.

«Кровавое воскресенье» (9/22 января 1905 г.) и последующие «революционные дни»⁵ в России еще более испугали буржуазию и правительства западноевропейских стран, которые, как тогда же отметил Ленин, взяли курс «на избавление России от революции и царизма от полного краха»⁶. Они опасались, что свержение царизма в России послужит толчком для подъема революционного движения в Европе, пробудит национально-освободительное движение народов Востока, а вместе с тем лишит их военного союзника или возможного политического партнера в международных делах. Правящие круги Германии опасались еще и того, что революционные события в России могут способствовать подъему национально-освободительного движения в западных польских областях, находящихся под их господством.

Одним из главных орудий политического давления на царскую Россию стал вопрос о предоставлении петербургскому правительству займов. Уже в самом начале русско-японской войны царское правительство обнаружило, что ему необходимо получить крупный заем на международном финансовом рынке. Узнав, что некоторые круги царской бюрократии считают, что по политическим мотивам нужно отложить реализацию займа до победы над Японией, Коковцов, министр финансов, с раздражением писал: «Все это прекрасно, если бы не напоминало мне уравновешенного разговора о преимуществах той или иной кухни, который ведет сытый человек с голодным». Вскоре министр иностранных дел Ламздорф был вынужден согласиться с ним: «При наличии огромных сумм, поглощаемых этой ужасной войной, придется в недалеком будущем отыскивать золото во что бы то ни стало. Когда же придется в недалеком будущем выбирать между мнением тех, кто несет прямую от-

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 151—152.

⁵ Там же, стр. 205—229.

⁶ Там же, стр. 378.

ветственность в вопросах внешней политики, и настояниями тех, которые отвечают за состояние казны и распоряжаются ею, то весьма вероятно, что победят последние...»

В начале 1905 г. царское правительство было вынуждено обратиться к французским банкирам с просьбой о финансовом займе: деньги были необходимы для продолжения войны и подавления начавшейся революции. Но французские банкиры, стремясь добиться от царизма заключения мира с Японией и мира с русской либеральной буржуазией, отказали в займе. Как отметил Ленин, это была спекуляция «в интересах противoproлетарских и антиреволюционных»⁷. Вскоре выяснилось, что германское правительство, действуя в тех же антиреволюционных интересах, решило пойти вразрез с политикой Франции для того, чтобы добиться конкретных политико-стратегических целей. Предложив банкирскому дому Мендельсона снабдить царское правительство крупным займом, оно рассчитывало укрепить самодержавие и поддержать его решимость продолжать войну с Японией. Оно надеялось, что таким образом сумеет вбить клин между Россией и Францией, расшатать существующий между ними, хотя и ослабленный, союз, а затем, сблизившись с Россией, поставить Францию в положение международной изоляции. На случай, если революционные события в России примут угрожающий оборот,— не только для самодержавного режима в России, но и, в условиях активности немецкого рабочего класса, для полусамодержавного режима в Германии,— кайзеровское правительство и генеральный штаб считали возможным приступить к подготовке военной интервенции в России.

Но прежде всего германская дипломатия решила использовать обстановку, чтобы, оторвав Россию от Франции, привлечь ее на свою сторону. При встрече с Вильгельмом в Бьерке в конце июля 1905 г. Николай II неистовствовал по поводу позиции Франции, которая во время русско-японской войны праздновала свое соглашение с Англией. «Французы вели себя как негодяи в отношении меня,— говорил он кайзеру.— По приказу Англии моя союзница отказала мне в помощи, и теперь взгляни на Брест, как они братаются там с англичанами. Что я должен делать в этих условиях?» Кайзер подсказал царю, что он «должен делать»: он навязал ему «маленькое соглашенище» — секретный договор о союзе и взаимной поддержке на случай столкновения с одной из европейских держав. По требованию кайзера, договор должен был быть закреплен подписью министра, и царь приказал своему морскому министру Бирлеву поставить подпись, не читая договор. Вильгельм ликовал: «Так утро 24 июля в Бьерке благодаря милости бога стало поворотным пунктом в истории Европы и огромным утешением для моего отечества, которое, наконец, будет свободно от ужасных тисков Галлии и России».

Однако, несмотря на апелляцию к богу, германской дипломатии не удалось оторвать царскую армию от ее ранее установившихся связей с французским генеральным штабом и получить уверенность в том, что ее можно будет использовать в борьбе против Англии. Узнав, что Николай II подписал в Бьерке союзный договор с Германией, министр иностранных дел Ламздорф и Витте предприняли самые энергичные шаги, чтобы свести на нет дипломатическую акцию царя, грозившую крахом франко-русского союза. «Главная, если не единственная, цель Вильгельма заключается в том, чтобы поссорить нас с Францией и за наш счет выйти самому из состояния изолированности», — так характеризовал этот договор Ламздорф. Бьеркский договор фактически не вступил в силу. Напрасно венценосный вождь германского империализма метал гром и молнии, укоряя Николая II в нарушении взятых им на себя обяза-

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 373.

тельств, и призывал в свидетели самого господ бога, — русско-германский договор, заключенный в Бьерке, был в конце концов окончательно сорван.

Попытка германской дипломатии при помощи союзного договора с Россией подорвать союз последней с Францией знаменательна во многих отношениях. Она свидетельствовала о том большом значении, которое правящие круги Германии, с одной стороны, и правящие круги Франции, с другой, придавали позиции России в предстоящей войне. Германская дипломатия и генеральный штаб рассчитывали, что союз с Россией приведет к изоляции Франции на европейском континенте. Рейхсканцлер Бюлов и военно-морские круги рассчитывали, что этот союз может себя оправдать, если его действие выйдет за пределы Европы и будет направлено в первую очередь против Англии. С другой стороны, империалистические державы, заинтересованные в позиции России, были вынуждены считаться с новым фактором: рост и размах революционного движения российского рабочего класса подрывали позиции царизма в стране и ослабляли позиции самодержавной России как военной и реакционной силы в Европе и в Азии. Внимательно приглядываясь к событиям, происходящим в России, каждый из ее империалистических соперников — Англия, Германия, Австро-Венгрия и даже союзная Франция — были готовы извлечь выгоды из новой ситуации, складывающейся в связи с некоторым ослаблением роли России в международных делах, — выгоды экономические, дипломатические и стратегические.

Итак, борьба между империалистическими державами за привлечение на свою сторону царской России продолжалась; исход ее в полной мере определился несколько позднее в связи с новым международным кризисом, возникшим в ходе империалистического соперничества в Марокко.

В конце 1904 г. французские финансисты и промышленники (среди них фирма «Шнейдер-Крез»), создав «Комитет по делам Марокко» и опираясь на поддержку ряда влиятельных политиков, стали навязывать марокканскому султану крупный заем. Задача заключалась в том, чтобы поскорее реализовать возможность, предоставленную Франции условиями ее недавнего соглашения с Англией. Предоставление займа обуславливалось введением французского контроля над таможнями и полицией в важнейших портах и приглашением французских инструкторов в армию. Осуществление этих требований вело непосредственно к уничтожению независимости Марокко. Движимое интересами некоторых немецких монополий и финансовых кругов, имевших собственные виды на Марокко, германское правительство решило вмешаться, чтобы не допустить реализации планов своих французских соперников. Другой его целью было нанести удар по англо-французскому соглашению и доказать Франции, что в острый момент Англия не окажет ей поддержку. Учитывая, что Россия занята войной с Японией, Шлиффен, начальник генерального штаба, а также руководящие деятели германской дипломатии считали, что обстановка складывается благоприятно для войны против Франции.

31 марта 1905 г. Вильгельм II, прибыв в марокканский порт Танжер, публично заявил, что Германия не потерпит господства какой-нибудь державы в Марокко и окажет этому всяческое сопротивление. Затем германское правительство объявило, что оно отказывается вести переговоры с французским министром иностранных дел (одним из создателей Антанты) Делькассе, считая его политику враждебной Германии.

Маневры Германии вызвали, однако, немедленную реакцию в Англии. Английское правительство посоветовало французскому премьер-министру Рувье не уступать Германии в Марокко и оставить Делькассе на его посту. Английские военные круги обещали Франции в случае герман-

ского нападения высадить на континенте 100—115-тысячную английскую армию.

Опираясь на эти, хотя и не вполне официальные, заверения английского правительства, Делькассе на бурном заседании французского правительства предложил отклонить германские претензии. Однако ввиду ослабления военного союзника Франции царской России (как раз в эти дни поступило сообщение о потоплении Японией русского флота при Цусиме) французское правительство решило отступить. В июне 1905 г. Делькассе был вынужден подать в отставку, и Франция согласилась рассмотреть вопрос о Марокко на международной конференции. Германское правительство, которое еще недавно провоцировало войну с Францией, теперь, столкнувшись с твердой позицией Англии, также было вынуждено уступить и согласиться на участие в конференции. Решение берлинского правительства было вызвано отчасти нажимом президента США Т. Рузвельта и, кроме того, надеждой, что удастся взорвать франко-русский союз и привлечь Россию в качестве союзника на свою сторону.

В начале 1906 г. в Альхесирасе (на юге Испании) открылась конференция по вопросу о Марокко. На ней определилась новая расстановка сил, сложившаяся на международной арене. Как отметил Артур Никольсон, британский делегат на конференции, «английская дипломатия проводила более французскую линию, нежели сами французы»; тем самым была продемонстрирована крепость англо-французского «сердечного соглашения». По сведениям германского военного атташе в Лондоне, английский генеральный штаб разработал несколько вариантов переброски экспедиционной армии против Германии на случай провала конференции и начала войны. Позднее стало известно, что английский военный атташе в Брюсселе Бернардистон вел переговоры с представителем бельгийского генерального штаба Дюкарном о планах совместных операций на случай, если германская армия в ходе военных действий против Франции двинется через Бельгию. По свидетельству русского консула в Бомбее Клемма, находившегося тогда в Индии, колониальные и военные круги британского империализма «с напряженным вниманием» следили за перипетиями конференции: «Возможность вооруженного столкновения между Францией и Германией,— писал он,— открыто обсуждается... и на всех лицах как бы читается вопрос: найдется ли в лице Франции новый благодетель, который вытащит для Англии каштаны из огня, т. е. ослабит глубоко ненавистную и экономически столь опасную Германию... В военных кругах считают,— указывал далее Клемм,— что настоящий момент — самый благоприятный для нанесения Германии чувствительного удара, который надолго парализовал бы ее мировую торговлю и колониальную политику».

В ходе работы конференция не раз стояла перед опасностью срыва. Никольсон получил из Лондона инструкцию, что «если конференция должна быть сорвана, Франция не должна попасть в такое положение, которое может создать впечатление, будто она несет всю вину». В этих условиях под давлением англо-французской Антанты германская дипломатия была вынуждена отступить, тем более, что вскоре обнаружилась ее полная изоляция.

Немаловажную роль на Альхесирасской конференции сыграла и позиция царской России. Ослабленное войной с Японией и революционными выступлениями рабочего класса, находясь перед угрозой финансового банкротства и крайне нуждаясь в иностранных займах, царское правительство попыталось выступить посредником между Англией и Францией, с одной стороны, и Германией, с другой. Оно явно стремилось к быстрейшему окончанию работ конференции, рассчитывая этим ускорить получение займа во Франции, в Германии или в обоих госу-

дарствах одновременно. Главный аргумент русской дипломатии был таков: необходимо скорейшее подавление «революционного движения, имевшего уже отголосок и в соседних монархических государствах, которыми признано было необходимым действовать сообща против надвигающейся опасности...»

Раздраженная позицией России, германская дипломатия ответила напоминанием, что призывы к совместной борьбе против революционного движения не освобождают царское правительство от того, чтобы, руководствуясь чувством самосохранения, рассчитывать в первую очередь на собственные силы. В данном случае подобный ответ являлся лишь формой давления с целью побудить царское правительство поддерживать колониальные планы германского империализма в Марокко. С другой стороны, французское правительство недвусмысленно заявило в Петербурге, что в случае дальнейших колебаний России не может рассчитывать на получение крупного займа для подавления революции. В конце концов, в решающий момент Альхесирасской конференции царское правительство оказало дипломатическую поддержку Франции; последняя немедленно санкционировала предоставление займа парижскими банкирами, которые умышленно его задерживали до завершения работ конференции.

Даже Италия поддержала на конференции не свою союзницу Германию, а Францию. Это объяснялось тем, что еще в 1900 г. Италия, несмотря на участие в Тройственном союзе, заключила с Францией секретное соглашение о разделе сфер влияния в Северной Африке: признав интересы Франции в Марокко, она получила от Франции обещание не препятствовать захвату Триполитании, входившей в состав Османской империи. Через два года, в 1902 г., Италия подписала с Францией новое секретное соглашение — о взаимном нейтралитете, что еще больше свидетельствовало о начавшемся отходе Италии от Тройственного союза. Франко-итальянское сближение не ускользнуло от внимания германской дипломатии. Но что она могла поделать? Рейхсканцлер Бюлов сначала призывал к спокойствию и однажды шутливо заметил, что плох тот мужчина, к голове которого приливает кровь, когда он видит, что его жена делает лишний тур вальса с кем-то посторонним. На Альхесирасской конференции германская дипломатия могла убедиться, что подобная оценка позиции Италии по меньшей мере легкомысленна. Даже Австро-Венгрия, финансовые связи которой с французскими банками были значительны и которая все еще рассчитывала на дипломатическую поддержку Англии в случае столкновения с Россией на Балканах, далеко не всегда и не твердо поддерживала претензии своей германской союзницы в Марокко.

В результате Франция одержала на Альхесирасской конференции дипломатическую победу. Конференция формально признала равенство экономических интересов всех «великих держав» в Марокко, однако поддержание «внутреннего порядка» в стране, контроль над марокканской полицией передавались Франции. Это был крупный успех французского империализма, облегчивший ему в дальнейшем захват Марокко.

Подъем революционного движения в России оказал глубокое влияние на сложившуюся ранее систему государств. Международные позиции русского царизма в некоторой степени оказались подорванными, а роль западных капиталистических держав как реакционных сил на международной арене значительно поднялась. Тогда же обнаружились и другие изменения в системе крупных европейских держав. «Блестящая изоляция» Англии окончательно отошла в прошлое. Англо-французская Антанта не только укрепилась, но и проявила явную тенденцию к расширению за счет сближения с другими державами. Франко-русский союз, ослабленный в период русско-японской войны на Дальнем

Востоке, снова начал укрепляться, в особенности после того как царское правительство, проявив колебания между англо-французской Антантой и Германией, было вынуждено идти на сближение с первой и тем содействовать изоляции второй. Германия, которая надеялась отколоть царскую Россию от Франции, а затем Францию от Англии, чтобы изолировать каждую из них, сама оказалась почти изолированной. Из этого факта, не сразу и не до конца осмысленного, руководящие круги германского империализма должны были сделать необходимые политические выводы. Знаменательные уроки из своего столкновения с Германией в ходе Марокканского кризиса сделала и британская дипломатия. В секретном меморандуме, представленном правительству, один из влиятельных чиновников Форейн оффиса Эйр Кроу, указывая на захватнические притязания империалистической Германии, на дух милитаризма, охвативший ее, приходил к выводу, что для Англии невозможно добиться соглашения со своим соперником. «Германия,— писал он,— не подарила нам дружбы, хотя не раз прикарманивала себе то, что требовала за нее». Кроу категорически отвергал представление, все еще не изжитое в некоторых политических кругах английской буржуазии, будто «Германию можно примирить (с Англией.— *А. Е.*) и сделать более дружественно настроенной при помощи щедрых британских уступок».

К этому же времени относится поворот в отношениях между Англией и Россией. Британский империализм, ослабив при помощи Японии позиции царской России на Дальнем Востоке, теперь стремился к сближению с ней, так как видел в царизме возможного союзника, нужного ему и для подавления национально-освободительного движения на Востоке и на случай войны с Германией. В свою очередь царизм, получив финансовую и политическую поддержку западноевропейского капитала и устояв против шквала революции, после русско-японской войны и Портсмутского мира стал склоняться к соглашению с Англией, чтобы упрочить свои позиции по отношению к Германии. Таким образом, расчет германской дипломатии на то, что русско-японская война обострит англо-русские противоречия и что, играя на них, Германия сможет успешнее вести борьбу за мировую гегемонию, не оправдался.

В ходе сложных переговоров между Англией и Россией был достигнут компромисс по спорным колониальным вопросам, и 31 августа 1907 г. было подписано соглашение о разделе сфер их империалистического влияния в Азии. Иран был поделен на три зоны: северная отошла в сферу влияния России, юго-восточная — в сферу влияния Англии, а центральная часть страны составила «нейтральную» зону — поле «свободного» соперничества обеих держав. Афганистан признавался фактически сферой влияния Англии. Обе стороны обязались воздерживаться от вмешательства во внутреннее управление Тибета. Подписанию англо-русского соглашения предшествовало соглашение между царской Россией и Японией, по которому устанавливались их сферы влияния в Северо-Восточном Китае.

Англо-русским соглашением 1907 г. был создан фундамент Тройственного соглашения (или Антанты) — военно-дипломатической империалистической группировки Англии, Франции и России, противостоявшей другой империалистической группировке — Тройственному союзу (Германия, Австро-Венгрия и Италия). Это ускорило процесс раскола Европы на два противостоящих друг другу военных блока.

Некоторые крупные деятели II Интернационала приветствовали соглашение Англии и России — двух старых соперников — как «гарантию мира». Ленин выступил против таких оппортунистических оценок империалистических блоков и соглашений. Менее чем через год после образования Антанты Ленин, отмечая огромное накопление «горючего материала» в мировой империалистической политике, предостерегал рабочий

класс, что все эти явные и тайные договоры, соглашения и т. д. могут при любом даже самом незначительном «щелчке» какой-нибудь из держав повлечь к войне⁸.

Создание Антанты, как дипломатической группировки, противостоящей Тройственному союзу, несомненно, являлось важным этапом на пути к всеобщей войне. Вначале эта группировка не имела сложного военного механизма в виде общих военных конвенций или согласованных стратегических планов. Правда, после заключения англо-французского «сердечного согласия», во время Марокканского кризиса и Альхесирасской конференции английский генеральный штаб вел секретные переговоры с генеральными штабами Франции и Бельгии. В ходе переговоров было определено, что Англия, в случае вступления в войну, отправит на континент четыре дивизии. Состоялись также переговоры о военноморском сотрудничестве, но никаких твердых обязательств английское правительство на себя не взяло. Все усилия французской дипломатии добиться этих обязательств в форме договора о военном союзе или в какой-либо другой форме успеха не имели. Зато военный механизм в рамках франко-русского союза постоянно действовал, обновлялся и получал все более определенную стратегическую направленность. В апреле 1906 г. на очередном совещании начальников генеральных штабов Франции и России было достигнуто соглашение об объеме и направленности мобилизации на случай столкновения с Тройственным союзом или с одним из его участников. Если раньше (соглашение 1901 г.) франко-русский союз предусматривал военные действия также и против Англии, то теперь необходимость в этом отпала: союз имел в виду военные действия только против австро-германского блока. Французский империализм обнаружил явную заинтересованность в укреплении вооруженных сил царской России, ослабленных поражением на Дальнем Востоке и развитием революционных событий.

Объединенная общностью империалистических интересов, каждая из группировок — Тройственная Антанта и Тройственный союз — не являлась ни стабильной, ни тем более монолитной. Внутри империалистических группировок сохранялись, а иногда и усиливались разногласия и противоречия, которые приводили к сближению между отдельными участниками противостоящих группировок. В одних случаях эти сближения носили эпизодический характер, в других случаях — более длительный. Но всегда они являлись проявлением неустойчивости сложившейся системы капиталистических государств, одной из форм обострения противоречий внутри этой системы, провоцировали возникновение локальных конфликтов, таящих в себе опасность перерастания во всеобщий европейский дипломатический кризис и, в конечном счете, в мировую войну. Существовала только одна сфера интересов, которая сплачивала интересы империалистических держав, — сфера борьбы против национально-освободительного движения народов Азии, пробудившихся к активной политической жизни. Эти интересы отнюдь не были однородными; по сути дела, они имели двудединую основу. Еще в 1908 г., когда в Иране и в Турции развернулись революционные события, привлекая к себе всеобщее внимание, Ленин в этой связи отметил, что существуют «два двигателя всей европейской политики»: во-первых, «конкуренция капиталистических держав, желающих „урвать кус“ и расширить свои владения и свои колонии», и, во-вторых, «боязнь самостоятельного демократического движения среди зависимых или „опекаемых“ Европой народов»⁹. Именно на этой противоречивой основе создавался незримый политический союз между всеми главнейшими европейскими державами

⁸ В И Ленин Полн. собр. соч., т. 17, стр. 186.

⁹ Там же, стр. 223.

независимо от того, в какую группировку они фактически входили. После того как царизм удушил революцию в России, реакционные державы Западной Европы были заинтересованы в том, чтобы удушить революцию и в Иране, и в Турции. По мере развития революционных событий в Иране между Англией и царской Россией наметилось сближение. В сентябре 1908 г. между державами происходили оживленные дипломатические переговоры, в ходе которых, наряду с разногласиями и противоречиями по ряду вопросов, обнаружилась общность интересов реакционных сил империализма. Ленин тогда же уяснил смысл и объективно сложившийся итог этих переговоров. «Теперь *все* крупнейшие державы Европы..., смертельно боясь всякого расширения демократии у себя дома, как идущего на пользу пролетариату, *помогают* России играть роль азиатского жандарма. Не подлежит ни малейшему сомнению,— писал он,— что в *сентябрьский реакционный заговор* России, Австрии, Германии, Италии, Франции и Англии *входила* „свобода действий“ России против персидской революции...»¹⁰

В то же время складывание этого общего реакционного заговора империалистических держав, направленного против освободительного движения в Азии, отнюдь не помешало углублению противоречий между этими державами и даже противоречий внутри сложившихся блоков и группировок. Это обнаружилось в 1908—1909 гг., когда в связи с аннексией Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией возник серьезный международный конфликт. По условиям Берлинского трактата 1878 г., эти две провинции были оккупированы австро-венгерскими войсками, но оставались формально в составе Османской империи. После младотурецкой революции правящие круги Австро-Венгрии, опасаясь дальнейшего развития революционного и национально-освободительного движения на Балканах и учитывая ослабление своего главного соперника — России, пришли к выводу, что наступил момент для окончательной аннексии Боснии и Герцеговины. С этой целью Австро-Венгрия решила вступить в закулисный сговор с царской Россией, чтобы, пообещав ей компенсацию в вопросе о проливах, получить ее согласие на аннексию Боснии и Герцеговины. Со своей стороны, царская дипломатия после неудачной войны с Японией и потрясений, испытанных во время революции 1905—1907 гг., хотела добиться какого-нибудь внешнеполитического успеха.

В сентябре 1908 г. в Бухлау состоялась встреча русского министра иностранных дел Извольского с австрийским министром иностранных дел Эренталем. Заключенная здесь тайная сделка сводилась к тому, что царская дипломатия соглашалась на аннексию Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией, а последняя взамен давала согласие на открытие черноморских проливов для русского военного флота. Вскоре русское министерство иностранных дел получило такое же согласие и от Германии, хотя оно было выражено в общей форме и обусловлено получением Германией «компенсации». Итальянское правительство также было готово поддержать царскую Россию в вопросе о проливах при условии, что Россия согласится на захват Италией Триполитании.

Однако решение вопроса о проливах в желаемом для России смысле зависело не столько от Австро-Венгрии, Германии или Италии, сколько от Англии, а также от Франции. Чтобы добиться их поддержки, Извольский направился в Париж и в Лондон. Решив не ждать, пока Россия договорится со всеми заинтересованными державами, австро-венгерское правительство 7 октября 1908 г. официально объявило об аннексии Боснии и Герцеговины. Этим был нанесен удар одновременно и по младотурецкой революции, и по национальным чаяниям южных

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 228.

славян, и по агрессивным дипломатическим замыслам царской России в вопросе о проливах.

Аннексия Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией вызвала бурные протесты в Турции и в Сербии. Царское правительство также пыталось возражать против односторонних действий Австро-Венгрии, требуя обсуждения вопроса на международной конференции. Расчет Извольского на то, что Франция и Англия поддержат его домогательства в вопросе о проливах, не оправдался. Французское правительство заняло уклончивую позицию, а английское — прямо отказало в поддержке. Германия же активно помогала своей австро-венгерской союзнице, и притом не только дипломатически. Начальник австро-венгерского генерального штаба Конрад фон Хётцендорф, давнишний сторонник превентивной войны против Сербии, считал, что приближается момент, когда Габсбургская империя может и должна нанести удар. Отныне он мог быть уверен в поддержке Германии. Начальник германского генерального штаба Мольтке обещал эту поддержку. Более того, оба генеральных штаба достигли соглашения о различных вариантах их совместных военных действий на случай, если удар против Сербии приведет к столкновению не только с Россией, но и с Францией.

Дипломатический кризис продолжался несколько месяцев. В конце концов Австро-Венгрия при содействии Германии сумела в феврале 1909 г. получить за денежную компенсацию согласие Турции на аннексию Боснии и Герцеговины. Вслед затем австро-венгерское правительство начало концентрировать свои войска на границе Сербии, а германское правительство в марте того же года ультимативно потребовало от России, чтобы она не только сама согласилась с совершившимся актом аннексии, но и добилась такого согласия от Сербии. Правящие круги Германии, угрожая России, открыто бряцали оружием. Кайзер Вильгельм не менее угрожающе по адресу России заявил, что, исполненный «нибелунговой верности» в отношении Австро-Венгрии, он будет поддерживать последнюю до конца. Неподготовленное к войне царское правительство было вынуждено принять германское требование и отступить. Как заявил премьер-министр Столыпин, развязывание войны могло бы привести к новому подъему только недавно подавленной в России революции. Извольскому пришлось уйти с поста министра иностранных дел.

Позиция царской России в Боснийском кризисе была ослаблена еще и тем, что 9 февраля 1909 г., в самый разгар кризиса, Германия и Франция заключили соглашение по вопросу о Марокко. Борьба между французскими и германскими концернами за влияние в железорудной промышленности Лотарингии и в бассейне Брийей, а также в угольной промышленности Саарского и Рурского бассейнов в течение многих лет обостряла противоречия между обоими государствами. В начале XX в., как показал Марокканский кризис, на эти противоречия начали нагромождаться и колониальные противоречия, которые Альхесирасская конференция несколько приглушила, но отнюдь не устранила. Если одна группа германского капитала, возглавляемая фирмой «Братья Маннесман», взяла курс на завоевание в Марокко важных экономических позиций, то другая, возглавляемая монополиями Круппа и Тиссена, вступив в соглашение с французским концерном Шнейдера, приняла участие в смешанном синдикате «Общество марокканских копей». Германское правительство решило политически санкционировать это соглашение, формально заявив, что преследует в Марокко только экономические цели, и признав за Францией «особые политические интересы». Соглашение о Марокко временно усилило во Франции позиции тех финансовых кругов, которые, будучи заинтересованными в колониальной экспансии, отодвигали политику реванша и поддерживали политический

курс Рувье на примирение с Германией. Воспользовавшись этой тенденцией, германская дипломатия стремилась при помощи сделок с Францией по вопросу о Марокко и другим колониальным делам ослабить англо-французскую Антанту и франко-русский союз.

Боснийский кризис резко обострил противоречия на Балканах, в особенности между Россией и Сербией, с одной стороны, и Австро-Венгрией и Германией — с другой. Хотя этот кризис и обнаружил трещины внутри Антанты, но в еще большей степени он показал всю глубину разногласий между двумя основными империалистическими группировками — англо-франко-русской и австро-германской.

Создание Антанты и неудачные попытки германского империализма расколоть ее свидетельствовали о важных изменениях в системе международных отношений. Антагонизм между двумя старыми колониальными державами — Англией и Францией отошел на второй план. Противоречия между Англией и Россией на Ближнем Востоке (в особенности в вопросе о проливах), хотя и не были преодолены, уже не играли решающей роли. На первый план в полной мере выдвинулись империалистические противоречия между Англией и Германией. Новый мировой экономический кризис, возникший в 1907 г., еще более обострил эти противоречия. Правящие классы обоих государств искали выхода из кризиса в борьбе за новые концессии, за новые сферы приложения капитала, искали на пути усиления колониальной экспансии и — далеко не в последнем счете — в новых государственных заказах на вооружение, сухопутное и морское. Выборы в Германии в 1907 г. прошли под знаком небывалого колониального ажиотажа («готтентотские выборы») и широкой пропаганды «мировой политики», направленной против главного соперника — Англии, где, в свою очередь, аналогичная кампания велась против Германии.

Экономическое, политическое и колониальное соперничество между Англией и Германией осложнялось гонкой морских вооружений, в нарастании которой в обеих странах были заинтересованы весьма влиятельные круги тяжелой промышленности и связанные с ними могущественные финансовые круги.

Успешное осуществление Германией программы военно-морского строительства, разработанной адмиралом Тирпицем, вызвало в правящих кругах Англии серьезную тревогу. В ответ на стремление Германии изменить соотношение сил на морях Англия приступила к строительству крупных броненосцев нового типа — дредноутов, имевших значительные преимущества как в вооружении, так и в скорости хода. В 1905 г. у Англии было 65 броненосцев обычного типа, а у Германии — 26. Введением в строй дредноутов Англия предполагала сделать крупный скачок в развитии своей военно-морской мощи и заставить Германию признать безнадёжность своих усилий поколебать морскую гегемонию Англии. Однако Германия также приступила к строительству дредноутов и уже в 1908 г. имела 9 дредноутов против 12, построенных Англией. Таким образом, соотношение в области морских вооружений начало меняться в пользу Германии, хотя Англия все еще сохраняла морское превосходство.

Английское правительство пыталось договориться с Германией об ограничении морских вооружений при условии признания ею фактического превосходства Англии на морях. Такие попытки были сделаны на созванной в 1907 г. в Гааге международной конференции мира и затем в 1908 г. в ходе переговоров между Эдуардом VII и Вильгельмом II. В обоих случаях германское правительство решительно отвергло английские предложения, демонстрируя свою непримиримость и желание продолжать гонку морских вооружений. «...Если Англия намерена только благосклонно подать нам руку, указывая, что мы должны ограничить наш флот, то это наглость, не имеющая под собою никакой почвы, — написал

Вильгельм на донесении германского посла в Лондоне Вольфа-Меттерниха летом 1908 г.—...С таким же основанием Франция и Россия смогут потом потребовать ограничения наших сухопутных вооружений... Этот закон (о военно-морском строительстве.— А. Е.) будет выполнен до последней буквы; нравится ли это британцам или нет — безразлично! Если они хотят войну,— пусть они ее начнут, мы ее не боимся!» На другом донесении Вольфа-Меттерниха, сообщавшего об очередном предложении английского правительства приостановить гонку морских вооружений (ввести «морские каникулы»), Вильгельм наложил еще более красноречивую резолюцию: «Подобного рода переговоры... являются для Германии недостойными и провокационными. Я должен просить посла в будущем никоим образом не позволять подобного рода разведывательный зондаж... Он должен был бы дать этим господам, которые не желают считаться с „нашим бессмысленным стремлением к нападению“, ответ вроде „Идите к черту и т. д.“ (в оригинале нецензурное выражение.— А. Е.). Это привело бы их в чувство... Вольф-Меттерних должен был бы дать подобного рода фантазерам пинок в зад: он слишком мягок».

Подобные инструкции Вильгельма, свидетельствовавшие об истинных настроениях германской правящей верхушки, не оставляли у немецких дипломатов сомнений в том, как следует встречать каждую английскую попытку начать переговоры по вопросу о морском строительстве. Но, отвергая инициативу Англии, Германия неоднократно проявляла свою инициативу в другом направлении и с другими целями.

Так, в апреле 1909 г. английское правительство получило из Берлина предложение о заключении морской конвенции при условии подписания взаимного обязательства не объявлять друг другу войну и соблюдать благожелательный нейтралитет в случае войны одной из сторон с третьим государством или группой государств. В Лондоне быстро раскусили этот немецкий орех. Там поняли, что, усилив, под прикрытием морского соглашения, свой флот и разгромив, под прикрытием нейтралитета Англии, своих европейских соперников — Францию и Россию, Германия в конце концов сможет добиться того, что Англия «впервые в своей истории будет вынуждена занять место среди сателлитов германской группировки». Если предложения Англии обычно диктовались стремлением сохранить морскую гегемонию, то предложение Германии о нейтралитете английская дипломатия не без основания расценила как намерение ее правящих кругов осуществить свою гегемонию на европейском континенте, пока Великобритания будет оставаться безучастным зрителем. В договоре о взаимном нейтралитете, предложенном германской дипломатией, таились расчеты на изоляцию Англии.

Аналогичный смысл заключался и в предложении, сделанном Германией в конце 1909 г.: взамен английского нейтралитета германское правительство обязывалось несколько уменьшить темпы военно-морского строительства с тем, однако, условием, чтобы размеры этого строительства были заранее установлены как для Германии, так и для Англии. Руководящие круги английской внешней политики пришли к заключению, что это предложение обещает значительно больше политических преимуществ Германии, чем Англии. В конце концов германское предложение постигла в Лондоне та же участь, что и английское предложение в Берлине. Тогда английское правительство решило на строительство каждого крупного военного корабля в Германии отвечать строительством двух таких же кораблей. Со своей стороны, правящие круги Германии усилили кампанию против Англии, обвиняя ее в политике «окружения Германии». Эта кампания была призвана оправдать рост германских вооружений как сухопутных, так и морских. В итоге англо-германские противоречия продолжали нарастать.

Франко-германское соглашение и поражение царской дипломатии в ходе Боснийского кризиса в 1909 г. предоставили правящим кругам германского империализма некоторые возможности для дальнейшего маневрирования с целью разрушения Антанты. Стремясь выиграть время для укрепления вооруженных сил и осуществления реакционных «реформ», разработанных Столыпиным, царское правительство уяснило себе, что оно не может воевать с Германией и, следовательно, должно вступить в переговоры с ней. Стремление не доводить дело до конфликта и даже попытаться договориться с Германией было теснейшим образом связано с настоятельным требованием русской буржуазии предотвратить германскую экспансию в Месопотамию и в особенности в Западный и Северный Иран. Вот почему, когда новый министр иностранных дел Сазонов (сменивший Извольского) приехал в ноябре 1910 г. в Потсдам, центральное место в переговорах занял вопрос о проникновении германского капитала в Иран и о Багдадской железной дороге. Однако германская дипломатия постаралась на первый план выдвинуть политические вопросы. Выразив готовность заявить, что отказывается от дальнейшей поддержки наступательной политики Австро-Венгрии на Балканах, она требовала, чтобы Россия взамен отказалась от «намерения оказывать поддержку враждебной Германии политике в случае, если бы таковой придерживалась Англия». Это была еще одна попытка выключить Россию из системы Антанты.

Переговоры, начатые в Потсдаме, в течение многих месяцев продолжались в Петербурге. Не раз английская дипломатия пыталась воспрепятствовать им. Тем не менее 19 августа 1911 г. было подписано русско-германское соглашение. Царское правительство дало согласие на постройку Германией Багдадской железной дороги и участие в ней иностранного капитала, выговорив себе право на постройку в будущем линии Ханекин — Тегеран. Это был успех экспансионистской политики германского империализма. Однако главной политической цели германская дипломатия не достигла: ей не удалось добиться нейтралитета России в случае англо-германской войны, т. е. не удалось выключить Россию из системы Антанты. Финансово-экономические позиции англо-французского капитала в России и военно-дипломатический механизм, связывающий Россию с Францией и даже с Англией, а также экономические и политические противоречия между российским и германским империализмом, — все это оказалось сильнее, чем общность династических интересов Гогенцоллернов и дома Романовых. Тем не менее правящие круги Германии, удовлетворенные соглашением с Россией, решили, что они могут предпринять новую попытку разрушить или ослабить англо-французское согласие.

В 1911 г. германский империализм снова попытался нанести удар англо-французской Антанте. Как и за шесть лет до этого, Германия выступила в связи с событиями в Марокко, где французский капитал постепенно прибирал к рукам богатства страны, вытесняя оттуда своего германского соперника. Весной 1911 г. в районе Феца, столицы Марокко, вспыхнуло восстание. Французские войска под предлогом «умиротворения» захватили Фец. Движимое интересами влиятельных групп германского финансового капитала — Круппа, Тиссена, а затем и монополии «Братья Маннесман», имевшей значительные капиталовложения в Марокко, а также под влиянием агрессивных кругов, группировавшихся вокруг Пангерманского союза, германское правительство сначала подняло шумную кампанию в прессе, требуя раздела Марокко или значительных компенсаций в других районах, а затем неожиданно направило в марокканский порт Агадир канонерскую лодку «Пантера». Правящие круги Франции расценили «прыжок „Пантеры“» как прямую угрозу войны. Националистическая пресса Франции, подогреваемая

заинтересованными монополиями, подняла воинственную кампанию против Германии. Если монополии, стоящие за спиной французского правительства, стремились окончательно вытеснить из Марокко своего германского соперника, то «прыжок „Пантеры“» означал стремление одних германских монополий удержаться в Марокко, а других (в частности, банкира Л. Дельбрюка, члена наблюдательного совета фирмы Круппа) превратить эту страну в объект компенсаций за счет других колоний — имелось в виду получить Конго. В начавшихся между Францией и Германией переговорах обе стороны проявляли большое упорство и не раз прибегали к взаимным угрозам.

Марокканский кризис обострил также противоречия между Германией и Англией, подталкивавшей Францию на решительное сопротивление германским притязаниям. «В случае войны между Германией и Францией,— утверждал министр иностранных дел Великобритании Эдуард Грей,— Англия должна была бы принять в ней участие. Если бы в эту войну была втянута Россия, Австрия была бы также втянута... Следовательно, это было бы не дуэлью между Францией и Германией, а европейской войной».

Европейская война тогда все же не вспыхнула. Царская Россия еще не была в состоянии активно поддержать Францию и даже предлагала ей свое посредничество в переговорах с Германией. Это вызвало бурное негодование французского правительства; из Парижа, как об этом рассказывает в своих мемуарах Р. Пуанкаре, последовало в Петербург грозное напоминание о том, что Россия «даже по поводу колониального вопроса обязана была оказать нам поддержку против Германии... несмотря на последствия войны с Японией, несмотря на недостаточность военной и морской подготовки». Однако в самой Франции влиятельные финансовые круги, представленные Жозефом Кайо, считали необходимым добиваться соглашения с Германией. С другой стороны, ни Австро-Венгрия, ни тем более Италия — каждая по своим собственным мотивам — не были склонны идти на военную поддержку своего германского союзника. Поэтому решительное заявление английского правительства, сделанное устами Ллойд Джорджа 21 июля 1911 г., о готовности Англии принять вызов и воевать на стороне Франции заставило вдохновителей империалистической политики Германии отступить. В ноябре 1911 г. между Францией и Германией было достигнуто соглашение. Германия признала протекторат Франции над большей частью Марокко, а взамен получила часть Французского Конго.

Испания также стремилась принять участие в разделе Марокко, но она была на положении «младшего партнера» крупных империалистических государств. По франко-испанскому соглашению 1904 г. ей отводилась небольшая полоса между Мелильей и Сеутой. Теперь, после второго Марокканского кризиса, Франция и Испания заключили новое соглашение, предусматривавшее окончательный раздел Марокко: Франция получила площадь в 572 тыс. кв. км, Испания — 28 тыс. кв. км. По настоянию Англии на побережье Марокко, у входа в Гибралтарский пролив, выделялась международная зона Танжер площадью около 380 кв. км.

Агадирский кризис, вновь раскрывший остроту противоречий между германским империализмом и англо-французской Антантой, обнаружил и острую политическую борьбу среди правящих кругов держав — участников конфликта по вопросу о дальнейшем направлении их внешнеполитического курса. В Германии то была борьба между сторонниками разработанной Тирпицем новой программы военно-морского строительства, предусматривающей в течение 5 лет (с 1912 по 1917 г.) ввод в строй дополнительно трех дредноутов, и сторонниками усиления сухопутной армии с целью быстрой подготовки войны на континенте.

Борьба закончилась своеобразным, но угрожающим миру компромиссом: внесение законопроектов о новом усилении и армии и флота означало победу всех агрессивных сил германского милитаризма. В Англии усилилась борьба между сторонниками дальнейшего усиления военноморского могущества, дальнейшего сближения с Францией и Россией на основе консолидации Антанты и сторонниками попыток сближения с Германией на основе некоторого ограничения гонки морских вооружений и расчетов на противопоставление растущей германской армии — России, с которой английский империализм сталкивался на Среднем Востоке.

В этих условиях английская и германская дипломатия в начале февраля 1912 г. сделала последнюю попытку нащупать почву к соглашению. С этой целью в Берлин прибыл лорд Холден, английский военный министр. Он предложил германскому правительству отказаться от соперничества с Англией на море, задержать дальнейшее выполнение военноморской программы и дал понять, что в качестве компенсации Англия предоставит Германии «некоторые возможности» расширить ее колониальные владения в Африке. Но правящие круги Германии считали английские предложения совершенно недостаточными. Ознакомив Холдена со своей новой военноморской программой, которая еще не была опубликована, они заявили, что осуществят ее во что бы то ни стало. Не довольствуясь также заверениями Англии о возможности дружественных отношений с Германией, они требовали, чтобы Англия формально обязалась сохранять нейтралитет в случае, если Германия будет вовлечена в войну на континенте. Речь шла, по словам Тирпица, не более и не менее как о том, что «Англия должна отказаться от своих антант».

Миссия Холдена окончилась неудачей, и все империалистические круги во всех странах остались этим довольны. В Германии победил не только Тирпиц, но и все наиболее агрессивные круги империализма и милитаризма. В Англии, правящие круги которой получили возможность заранее ознакомиться с новыми обширными планами строительства германского военноморского флота, укрепились позиции сторонников гонки вооружений и дальнейшей консолидации Антанты для предстоящей борьбы с германским соперником. Во Франции влияние группы финансистов, стремившихся к соглашению с Германией на основе соучастия в колониальных предприятиях и аферах (Рувье, Кайо, Тардье), стало явно оттесняться курсом на дальнейшее укрепление военнодипломатического механизма Антанты и курса на реваншистскую войну. Приехав осенью 1912 г. в Петербург, французский премьер-министр Пуанкаре дал понять, что отныне Франция в случае вмешательства Германии в австро-русский конфликт выступит на стороне России и поставит Германию перед необходимостью воевать на два фронта. После русско-германского соглашения 1911 г., имевшего ограниченное значение, царизм также взял курс на дальнейшее укрепление своих позиций в системе Антанты, курс на столкновение с Германией, которое, однако, он хотел бы отсрочить до окончания выполнения программы по восстановлению и усилению своей армии.

Итак, Германии не удалось разрушить Антанту; наоборот, Англии удалось ее укрепить. В 1912 г. Англия заключила секретную морскую конвенцию с Францией, а последняя в том же году заключила секретную военноморскую конвенцию с Россией. Втайне от парламента и даже от большинства кабинета Грей в ноябре 1912 г. обменялся с Камбоном, французским послом в Лондоне, письмами, в которых формулировалось обещание Англии выступить в случае войны с Францией на основе секретных военных конвенций, заключенных штабами обеих стран.

Уже в начале 1912 г. генерал Жоффри мог констатировать, «что все

касающееся английской высадки подготовлено до мельчайших подробностей, так что английская армия примет участие в первом генеральном сражении»; движение германской армии через Южную Бельгию он считал «весьма выгодным и для Франции на том основании, что это даст возможность вести войну, во-первых, не на своей территории, а во-вторых, на театре, где противник не имеет никаких фортификационных сооружений».

В начале 1912 г. во французском генеральном штабе рассчитывали, что война начнется весной того же года, но что, возможно, Германии будет выгодней выступить даже «до весны, пока бездорожье и оттепель снегов будут затруднять и задерживать мобилизацию в России». Там считали также, что Германия будет «искать столкновения с Англией, не откладывая более, дабы прекратить и приостановить бесконечное разорительное, параллельно идущее соперничество в усилении морских вооружений обоих государств». С другой стороны, в германском генеральном штабе ожидали, что «французы будут искать предлога для войны», так как правящие круги Франции уже к этому времени считали себя в военном отношении достаточно подготовленными.

Со своей стороны, правящие круги германского империализма считали, что к этому времени они будут иметь явное военное превосходство если не на море, то на суше, превосходство, которое они смогут реализовать, если в надлежащий момент, в благоприятной международно-политической обстановке пустят в ход стратегический план Шлиффена — Мольтке. Тут в первую очередь сказалась борьба между теми кругами германской военщины, которые группировались вокруг генерального штаба, и теми военно-морскими кругами, которые на первый план выдвигали идею необходимости пройти «зону опасности» прежде, чем предпринять агрессивные действия и развязывание мировой войны. Обе эти группировки, выражая общие интересы агрессивного юнкерско-буржуазного империализма, стремились к тому, чтобы в ходе и в результате войны добиться установления мирового господства. Но одна из этих группировок считала, что, поскольку главным и единственным театром войны будет европейский континент, при решении вопроса следует исходить из оценки состояния сухопутных сил, преимуществ в проведении мобилизации, технической оснащенности и планов стратегического развертывания германской армии. Другая группировка исходила из оценки состояния германского военно-морского флота как главного орудия борьбы против английской соперника в целях завоевания мирового господства. При этом учитывались и внутренние противоречия, которые издавна подтачивали систему Тройственного союза и основой которых являлись все возрастающие аппетиты к колониальным захватам. Милитаристские круги, заинтересованные в развязывании войны на континенте, взяли курс на ускорение конфликта, так как опасались окончательного отхода Италии, а в еще большей степени политического ослабления и даже распада единственного надежного союзника — многонациональной Габсбургской империи.

Марокканский кризис создал благоприятную обстановку для осуществления планов итальянского империализма в отношении Триполитании и Киренаики. Эти африканские провинции Османской империи уже давно привлекали внимание Римского банка, тесно связанного с Ватиканом, а также других влиятельных финансовых и промышленных кругов Италии. В захвате Триполитании и Киренаики итальянские империалисты усматривали первый шаг на пути к установлению своего господства в бассейне Средиземного моря. Они использовали триполитанский вопрос и в интересах своей внутренней политики. Итальянская империалистическая пропаганда утверждала, что война против Турции «сплотит итальянцев» и заменит «борьбу классов борьбой наций».

Ни одна из европейских держав не оказала противодействия планам Италии. Германия опасалась, то если она воспротивится захвату Триполитании, то Италия окажется от возобновления договора о Тройственном союзе. Австро-Венгрия вообще считала для себя выгодным отвлечь захватнические аппетиты Италии от Албании и всего Адриатического побережья Балканского полуострова в сторону Триполитании. Франция еще в 1902 г. секретным договором обязалась поддержать Италию в триполитанском вопросе. Россия обещала Италии такую же поддержку по соглашению, заключенному в 1909 г. в Раккониджи. Наконец, Англия, отношения которой с Германией непрерывно обострялись, также не хотела восстанавливать против себя Италию. Негласная санкция на захват Триполитании была дана британским правительством еще в 1902 г. в итоге, по выражению русского военно-морского атташе в Италии, «совершилась удивительная вещь — Италия пошла войной на Турцию с общего согласия Европы».

Предъявив Турции (28 сентября 1911 г.) ультимативное требование уступить Триполи и Киренаику и получив отказ, Италия начала военные действия. Итальянское командование решило нанести быстрый военный удар в надежде, что Турция не сможет оказать серьезного сопротивления и капитулирует. Действительно, турецкая армия была очень слаба, и в начале войны итальянским войскам удалось захватить город Триполи и другие более мелкие пункты на побережье. Однако в дальнейшем, встретив сильное сопротивление местного арабского населения, итальянцы так и не смогли продвинуться в глубь страны. Война затянулась.

С целью дополнительного давления на Турцию итальянский флот обстрелял Бейрут и Дарданеллы, а итальянские войска высадились на Додеканесских островах и захватили их. Обращения Турции к державам с просьбой о посредничестве ни к чему не приводили. На протяжении всей войны Турция оставалась изолированной.

Начавшийся кризис на Балканах и совпавшее с ним обострение внутренней борьбы в Турции заставили турецкое правительство пойти на уступки Италии и подписать с ней 15 октября 1912 г. тайный, а через три дня, 18 октября, уже и гласный договор, по которому турецкий султан отказывался в пользу Италии от всех своих прав на Триполи и Киренаику.

Таким образом, Италия в конце концов захватила Триполи и Киренаику, превратив их в свою колонию Ливию. Огромные жертвы в триполитанской войне понесли арабы, которые в течение долгих лет после подписания мирного договора еще продолжали оказывать сопротивление итальянским захватчикам. «Война,— писал В. И. Ленин в 1912 г.,— несмотря на „мир“, будет еще на деле продолжаться, ибо арабские племена внутри материка Африки, вдали от берега, не подчинятся. Их будут долго еще „цивилизовать“ штыком, пулей, веревкой, огнем, насильством женщин»¹¹. Триполитанская война являлась, по выражению В. И. Ленина, типичной колониальной войной «цивилизованного» государства XX в.

Вслед за Марокканским кризисом 1911 г. и итало-турецкой войной 1911—1912 гг. начался новый кризис — на этот раз на Балканах, где глубокие социальные и национальные противоречия переплетались с соперничеством великих держав.

Национально-освободительное движение балканских народов, еще остававшихся под господством Турции (в Македонии, Албании, на островах Эгейского моря и т. д.), продолжало неуклонно развиваться. При этом классовые противоречия осложнялись национальными и

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 114.

религиозными. Так, в Македонии помещиками были турки-мусульмане, крестьянами же — славяне-христиане. Борьба балканских народов за национальное освобождение сливалась с борьбой против остатков средневековья — феодализма и абсолютизма. «Создание объединенных национальных государств на Балканах, свержение гнета местных феодалов, окончательное освобождение балканских крестьян всяческих национальностей от помещичьего ига,— писал В. И. Ленин,— такова была историческая задача, стоявшая перед балканскими народами»¹². Передовая часть рабочего класса балканских государств, правильно понимая исторические задачи, боролась за последовательное демократическое, революционное решение национального вопроса на Балканах.

Однако в определении внешней политики балканских государств решающую роль играли не интересы народа, а династические домогательства правящих монархий, вмешательство крупных империалистических держав, а также захватнические стремления растущей национальной буржуазии. Весной 1911 г. правительства Сербии и Болгарии решили, что наступает благоприятный момент, чтобы окончательно разрешить вопрос о Македонии и других областях европейской Турции. После возникновения итало-турецкой войны Сербия ускорила начатые ранее переговоры с Болгарией о заключении военного союза. В них приняла негласное участие и русская дипломатия. «Австрия оторвала кусок (Боснию и Герцеговину), Италия оторвала кусок (Триполи), теперь наш черед поживиться...— так разоблачал Ленин аргументы и политику российских националистов.— Тройственный союз (Германия, Австрия, Италия) в данный момент ослаблен, ибо Италия затратила 800 миллионов франков на войну с турками и на Балканах „интересы“ Италии и Австрии не совпадают,— писал Ленин в октябре 1912 г.— Италия хочет урвать еще кусок — Албанию, Австрия этого допустить не хочет. Рассчитывая на это,— писал он далее,— наши националисты ведут отчаянную азартную игру, полагаясь на силу и богатство двух держав тройственного соглашения (Англия и Франция) и на то, что „Европа“ не захочет всеобщей войны из-за проливов или „округления“ „наших“ земель за счет азиатской Турции»¹³. И действительно, воспользовавшись ослаблением Тройственного союза во время итало-турецкой войны, царская Россия с ведома французской дипломатии и с помощью французских финансистов начала плести ту сеть, которой ей удалось временно объединить балканские страны в единый военно-политический блок, направленный как против Турции, так и против Австро-Венгрии. При этом, не будучи еще подготовлено к большой войне, царское правительство не хотело, чтобы Сербия и Болгария преждевременно начали войну с Турцией.

Сербо-болгарские переговоры затянулись почти на полгода из-за острых разногласий по вопросу о распределении территорий в Македонии, которые предполагалось освободить от турецкого господства и на которые одновременно претендовали Сербия и Болгария. Они закончились подписанием 13 марта 1912 г. союзного договора. По его условиям Болгария и Сербия обязались поддерживать друг друга, если какая-либо великая держава сделает попытку присоединить, хотя бы временно, часть балканских территорий (тем самым Сербия заручилась поддержкой Болгарии против агрессивной политики Австро-Венгрии на Балканах), а секретное приложение к союзному договору предусматривало вооруженное выступление Сербии и Болгарии против Турции. Союзники договорились и об условиях будущего раздела Македонии, выделив при этом «спорную зону», окончательная судьба которой должна была быть

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 38.

¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 115, 116.

определена по третейскому решению русского царя. 12 мая 1912 г. Сербия и Болгария заключили военную конвенцию, определявшую количество войск, выставляемых в случае войны против Турции или Австро-Венгрии. Вскоре Болгария подписала союзный договор с Грецией, а Сербия заключила устное соглашение о союзе с Черногорией. Так сложился Балканский союз, участники которого ставили своей главной целью полную ликвидацию турецкого господства на Балканском полуострове. «Слабость демократических классов в теперешних балканских государствах,— отмечал В. И. Ленин,— (пролетариат немногочислен, крестьяне забиты, раздроблены, безграмотны) привела к тому, что экономически и политически необходимый союз стал союзом балканских монархий»¹⁴.

Летом и осенью 1912 г. отношения между балканскими союзниками и Турцией достигли большого напряжения. Обе стороны обменивались угрожающими нотами. Россия и Австро-Венгрия от имени европейских держав выступили с декларацией о том, что никакого изменения статус-кво на Балканах допущено не будет. Но это предупреждение уже не возымело действия.

9 октября Черногория начала войну против Турции, 17 октября в войну вступили Болгария и Сербия, а на следующий день — Греция. Уже первые военные столкновения показали превосходство балканских союзников над Турцией. В течение нескольких недель они добились крупных успехов.

Сербские войска заняли верхнюю долину Вардара, Ново-Базарский Санджак и северную часть Албании, а греческие — Салоники (лишь на несколько часов опередив подошедшие туда же болгарские части). Болгарские войска продвигались к Стамбулу. В руках Турции оставались только крепости Эдирне (Адрианополь), Янина и Шкодер (Скутари).

Победы балканских союзников знаменовали крушение турецкого феодального господства на Балканском полуострове. В. И. Ленин раскрыл социальное значение этих побед: «Несмотря на то, что на Балканах образовался союз монархий, а не союз республик,— несмотря на то, что осуществлен союз благодаря войне, а не благодаря революции,— несмотря на это, сделан великий шаг вперед к разрушению остатков средневековья во всей Восточной Европе», где, отмечал он, теперь остается только одна Россия «наиболее отсталым государством»¹⁵. Именно в оценке исторического значения событий на Балканах столкнулись две политические концепции,— реакционная, буржуазно-империалистическая и националистическая, с одной стороны, и демократическая, социалистическая и интернационалистская, с другой.

«Буржуазия, даже либеральная, вроде наших кадетов,— писал Ленин 7 ноября 1912 г. в „Правде“,— кричит о „национальном“ освобождении „славян“. Этим прямо извращается смысл и историческое значение тех событий, которые происходят сейчас на Балканах, этим затрудняют дело действительного освобождения балканских народов. Этим поддерживается сохранение в той или иной мере помещичьих привилегий, политического бесправия, национального гнета. Напротив, рабочая демократия одна только отстаивает действительное и полное освобождение балканских народов. Только доведенное до конца экономическое и политическое освобождение *крестьян* всех балканских народностей может уничтожить всякую возможность какого бы то ни было национального угнетения»¹⁶.

Таким образом, в ленинской оценке балканской войны 1912 г., ее исторического значения и результатов не только наиболее

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 155—156.

¹⁵ Там же, стр. 156.

¹⁶ Там же, стр. 187—188.

последовательно отстаиваются интересы международного рабочего и социалистического движения, но и разоблачена политика империалистических держав, которые, соперничая между собою, стремились не к освобождению балканских народов, а к их закабалению в новых формах.

3 ноября 1912 г. турецкое правительство обратилось к великим державам с просьбой о мирном посредничестве. В начале декабря между Турцией и Болгарией было заключено перемирие. Каждая из крупных европейских держав пыталась использовать создавшуюся на Балканах обстановку в своих интересах, экономических, политических и стратегических. Это означало, как указывал тогда В. И. Ленин, что «центр тяжести вопроса перенесен окончательно с театра военных действий на театр грызни и интриг так называемых великих держав»¹⁷. Борьба империалистических держав на Балканах сразу осветила всю международную обстановку зловещим заревом вплотную надвинувшегося мирового пожара.

Вскоре в Лондоне начались совещания послов великих держав и одновременно переговоры между Турцией и балканскими союзниками по вопросу об условиях мирного договора. Империалистические державы оказывали на эти переговоры прямое и все возрастающее давление, стремясь обеспечить свои эгоистические интересы. По ряду вопросов возникли острые разногласия.

Так, требование Сербии предоставить ей порт на Адриатике вызвало крайнее недовольство Австро-Венгрии. Поддержанная Германией, она провела мобилизацию и приступила к сосредоточению войск на границе Сербии. Россия одобряла территориальные претензии Сербии, но рекомендовала сербскому правительству избегать открытого столкновения. В это время Франция начала склоняться к более агрессивному курсу, надеясь, что в случае большой европейской войны можно будет использовать болгарскую и сербскую армии против австро-германского блока. С этой целью Пуанкаре подталкивал царское правительство к более активной поддержке Сербии против Австро-Венгрии, а парижская биржа предоставила царскому правительству новый заем, предназначенный исключительно на военные нужды. Англия со своей стороны разжигала противоречия между державами, надеясь обеспечить себе роль арбитра. Тем не менее державы не решились развязать большую войну, а Сербии пришлось отступить от своих территориальных планов на Адриатике и удовлетвориться получением коммерческого выхода к свободному порту в Албании.

Одним из крупных вопросов лондонских переговоров был вопрос о судьбе Албании.

В 1911—1912 гг. национально-освободительное движение охватило всю Албанию. Когда началась балканская война, в дела Албании вмешались балканские союзники и великие державы. Согласно первоначальному плану балканских союзников Албанию предполагалось разделить между Черногорией, Сербией и Грецией. Австро-Венгрия в противовес требованию Сербии о выходе к Адриатике выдвинула проект создания «независимой» Албании, рассчитывая установить над нею свой протекторат. Австро-Венгрии поддержали Италия и Германия. По их расчетам, Албания должна была служить преградой усиливавшемуся влиянию России на Балканах.

Однако, считаясь с домогательствами Австро-Венгрии, которая стремилась расширить свое влияние на балканском побережье Адриатики, а с другой стороны, с требованием Сербии предоставить ей выход к Адриатике, державы решили создать автономную Албанию под сюзерен-

¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 38.

нитетом султана и под контролем европейских держав. Шкодер передавался Албании.

Черногория, войска которой вели осаду Шкодера, отказалась выполнить решение о его передаче Албании. В поддержку Черногории выступала Россия, против нее — Австро-Венгрия. Поскольку Германия поддерживала Австро-Венгрию, а Англия — Россию, албанский вопрос и, в частности, вопрос о Шкодере перерос в большой международный конфликт и грозил серьезными осложнениями. В конце концов Черногория уступила и вывела свои войска из-под Шкодера.

Таким образом, в результате борьбы албанского народа против турецкого ига и в результате войны балканских стран против Турции Албания восстановила свою государственность. Однако фактически Албания не обрела тогда полной независимости. Иностранные державы, возведя на княжеский престол Албании немецкого принца Вида, продолжали вмешиваться в ее дела.

В ходе мирных переговоров обнаружились глубокие противоречия и по другим вопросам. Болгария требовала значительного расширения границ в направлении Восточной Фракии. Греция, которая уже заняла Салоники, добивалась передачи ей Эгейских островов, а также претендовала на южную часть Албании. Сербия присоединила к себе всю Македонию, в том числе «спорную зону» и часть, предназначавшуюся ранее Болгарии, не собираясь ничего уступать. Болгария не хотела примириться ни с сербскими приобретениями, ни с переходом Салоник к Греции.

Положение осложнилось в связи с государственным переворотом, произведенным в Турции в январе 1913 г. воинственно настроенной группой младотурок и повлекшим за собой возобновление военных действий между Турцией и Болгарией. Но турецкие войска снова потерпели поражение, и 30 мая 1913 г. в Лондоне был подписан выработанный под давлением великих держав мирный договор между участниками Балканского союза и Турцией. Согласно этому договору только Стамбул и прилегающая зона проливов по линии Энос — Мидия остались во владении Турции. Вся остальная территория европейской Турции, за исключением Албании, выделявшейся в самостоятельное государство, отходила к участникам Балканского союза. Вопрос о принадлежности Эгейских островов передавался на решение великих держав.

Заключение Лондонского мирного договора не устранило, а еще более обострило противоречия как между главными империалистическими державами, так и между балканскими государствами. Итоги балканской войны оказались невыгодными для австро-венгерского блока. Турция, которая рассматривалась правящими кругами Германии как возможный союзник в борьбе против России, потерпела жестокое поражение. Значительно усилилась Сербия, составлявшая главный объект империалистических устремлений Австро-Венгрии. Вместе с тем само существование Балканского союза означало дальнейший подрыв влияния австро-германских империалистов на Балканах и усиление позиций держав Антанты.

В этих условиях австрийская и германская дипломатия поставила перед собою задачу расколоть союз балканских государств.

Используя возникшее в Болгарии бурное недовольство приобретениями Сербии в Македонии и опираясь на свою креатуру — царя Фердинанда Кобургского, Германия и Австро-Венгрия стали подталкивать Болгарию на выступление против других участников Балканского союза.

В свою очередь Сербия, Черногория и Греция заключили тайный военный союз против Болгарии; к этому союзу присоединилась и Румыния. Попытки России предотвратить назревавшее столкновение не увенчались успехом. Уверенная в своем военном превосходстве, Болгария

29 июня 1913 г. внезапно напала на своих бывших союзников. Однако сербские, черногорские и греческие войска удержали свои позиции; в то же время Румыния, а также и Турция выступили против Болгарии.

Так началась вторая балканская война. В короткий срок Болгария была разгромлена и запросила мира. 30 июля 1913 г. в Бухаресте открылась мирная конференция, и уже 10 августа Болгария подписала мирный договор с Сербией, Грецией и Румынией; 29 сентября был подписан и болгаро-турецкий мирный договор. Сербия получила почти целиком ту часть Македонии, которая была перед этим отобрана Болгарией у Турции; Южная Македония и Западная Фракия отошли к Греции, Южная Добруджа — к Румынии, часть Восточной Фракии с Эдирне — к Турции.

В итоге Болгария сохранила из территорий, приобретенных в результате первой балканской войны, лишь небольшие части Македонии и Западной Фракии. Турецко-болгарская граница отодвинулась западнее линии Энос — Мидия.

Австро-германский империализм не преминул воспользоваться расколом Балканского союза. В правящих кругах Болгарии усилились прогерманские, а также реваншистские тенденции. Вместе с тем германское правительство направило в Турцию военную миссию, глава которой генерал Лимап фон Сандерс был вскоре назначен на пост командующего турецкими войсками, расположенными в столице империи — Стамбуле. Этот ход германской дипломатии свидетельствовал, что в Берлине твердо решили продолжать осуществление «багдадской политики», направленной на полное порабощение Османской империи и превращение всего Ближнего Востока в исключительную сферу влияния германских монополий.

Усмотрев угрозу своим интересам на Балканах и в Турции, особенно в районе черноморских проливов, царское правительство выступило с решительным протестом против назначения Лимап фон Сандерса. Это привело к новому русско-германскому конфликту, который, однако, закончился компромиссом. Германское правительство согласилось, чтобы Лимап был не командиром корпуса, а инспектором турецкой армии. Уступка имела в известной мере формальное значение и не смягчала противоречий между Германией и Россией.

Балканские войны не открыли одушиину для горячего материала, накопившегося в каналах мировых империалистических антагонизмов. Наоборот, эти войны и их результаты еще более осложнили и запутали противоречия не только между балканскими государствами, но и между разноречивыми империалистическими интересами крупных европейских держав. Гонка вооружений в интересах милитаризма и военных концернов получила новый толчок.

Господствующие классы видели в ней не только средство для поддержания экономической конъюнктуры, но и орудие борьбы против рабочего и социалистического движения, которое, несмотря на рост влияния реформизма и оппортунизма, серьезно их беспокоило. В конце 1913 г. и в начале 1914 г. буржуазная пресса, отмечая отдельные факты дипломатической активности европейских государств, больших и малых, в целом создавала впечатление, что правительства, отвлекаемые насущными вопросами внутренней политики, оценивают ближайшие перспективы мира в общем оптимистически и что если возникает какой-либо конфликт, то, как и в предыдущие годы, его удастся дипломатическими усилиями локализовать.

Прощаясь с 1913 г., прошедшим в Европе под знаком балканской войны и новых империалистических распрей, большая часть буржуазной прессы утверждала, что новый, 1914 г., приходит в обстановке, когда на арене международной политики отмечается некоторое ослаб-

ление напряженности и даже затишье. Но Ленин предвидел, что переключение внимания господствующих классов к борьбе против рабочего и социалистического движения чревато огромной опасностью и для судеб мира. Еще в мае 1913 г. он писал: «Европейская буржуазия судорожно цепляется за военщину и реакцию из страха перед рабочим движением. Ничтожное число мелкобуржуазных демократов бессильно твердо желать мира и еще более бессильно обеспечить его. Власть — в руках банков, картелей и крупного капитала вообще. Единственная гарантия мира — организованное, сознательное движение рабочего класса»¹⁸. Ведя борьбу со своими империалистическими соперниками, готовясь к решающей схватке за передел мира, правящие классы и правительства главных держав вели одновременно борьбу за оттеснение, политическое разъединение и угнетение рабочего класса, рассчитывая при этом на поддержку его реформистских и оппортунистических лидеров. Империалистические державы искали выхода из своих затруднений в ускоренной подготовке войны. Народы Европы стояли накануне величайшей трагедии...

1960—1963 гг.

¹⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 144.

ИЮЛЬСКИЙ КРИЗИС 1914 ГОДА

1

К весне 1914 г. противоречия между главнейшими империалистическими державами достигли большой напряженности. Сложность складывающейся обстановки в немалой степени определялась тем, что противоречия нарастали не только между двумя сложившимися военно-политическими группировками — Тройственным союзом, с одной стороны, и Тройственным согласием, с другой, но и внутри каждой из этих группировок. Вне рамок сложившихся блоков также шла острая борьба, порожденная в одних случаях — династическими, в других случаях — национальными, в третьих случаях — откровенно захватническими интересами и устремлениями господствующих классов малых стран, в особенности на Балканах, которые после войн 1912—1913 гг. еще в большей степени, чем раньше, продолжали оставаться «пороховым погребом» Европы. Каждый день приносил новые международные конфликты и инциденты, имеющие локальное значение. Любой из них в условиях раскола Европы на два противостоящих блока империалистических держав и проявившихся симптомов начинающегося внутреннего кризиса этих блоков мог оказаться отправной точкой или поводом для провоцирования всеобщего дипломатического кризиса, чреватого самыми серьезными последствиями.

Еще не были окончательно урегулированы вопросы, порожденные балканскими войнами, а в мире уже нагромождались новые столкновения: весной 1914 г. черные тучи снова покрыли европейский небосвод; на этот раз опасность надвигалась с периферии. Назревающий конфликт между Грецией и Турцией из-за Эгейских островов грозил вызвать военное столкновение, которое ввиду наличия противоречий между балканскими государствами могло повлечь за собой новую балканскую войну, тем более, что соперничество крупных империалистических держав на Балканах явно усиливалось. В дипломатических кругах европейских столиц в то время считались с возможностью нападения греческого флота на турецкий дредноут, построенный в Англии и готовившийся к отплытию в Средиземное море. Считались и с тем, что это нападение, вызвав греко-турецкую войну, может повлечь за собой закрытие проливов, а это в свою очередь — выступление царской России, против которой на стороне Турции неизбежно выступила бы и Германия. Так, любой инцидент или столкновение, имеющие локальное значение, таили в себе опасность вызвать серьезный дипломатический кризис, результаты которого никто не мог предусмотреть: вся система международных отношений между капиталистическими державами, большими и малыми, европейскими и неевропейскими, была весьма неустойчива, и кризис между державами противостоящих блоков, осложняемый назревающим кризисом внутри этих блоков, являлся выражением новых глубинных про-

цессов во всей системе капиталистических государств. В целом эта система вступила в полосу сложного политического кризиса, развитие которого в разных странах наложило свой отпечаток и на дипломатическую историю этих стран.

Два факта в развитии этих новых глубинных процессов имели особо большое значение: перемещение центра революционного движения в Россию и пробуждение Азии — революции в Иране, в Турции, в Китае, подъем освободительной борьбы в Индии, а также в Латинской Америке. Подавление русской революции 1905—1907 гг., период реакции в России и, с другой стороны, общая активность реакционных европейских держав, направленная на подавление национально-освободительного движения в странах Востока, задержали рост антиимпериалистических сил, но не устранили их как фактор, с которым господствующие классы в главных державах не могли не считаться.

Уже в 1910 г. в России появились признаки нового оживления рабочего движения, а спустя два года в стране развернулась мощная волна стачечного движения, охватившая в первую половину 1914 г. почти полтора миллиона человек. К этому времени большевистская партия стала не только ведущей, но и наиболее массовой партией рабочего класса. С другой стороны, движение рабочего класса и более широких демократических масс стало подрывать устои самодержавного режима, в правящих кругах которого, а также среди господствующих классов начались серьезные разногласия по вопросам как внутренней, так и внешней политики. Еще в середине 1913 г. В. И. Ленин, который, находясь в эмиграции, пристально следил за развитием событий в России, пришел к важному выводу: «Политический кризис общенационального масштаба в России налицо и притом это — кризис такой, который касается именно *основ* государственного устройства...»¹. Этот политический кризис не мог не сказаться и в области внешней политики России, тем более, что правящим кругам приходилось считаться и с изменениями в международной обстановке и с необходимостью ускорить курс на перевооружение и усиление армии и флота, потерпевших поражение в войне на Дальнем Востоке в 1904—1905 гг. Предусматривалось, что программа вооружений будет выполнена в 1916 г. Значительная часть правительственной верхушки считала, что, прежде чем начинать большую войну, необходимо подавить поднимающееся массовое движение в стране, т. е. предотвратить революцию. В этой связи наиболее правые, наиболее реакционные круги настаивали и на изменении внешнеполитического курса путем отхода от Антанты и более решительного сближения с Германией: они считали, что война между Российской империей и Германской империей представляет для царизма опасность, ибо в случае поражения одной из них неизбежная революция сметет династию и господство правящих классов в обеих. Далее, как раз в 1914 г. с новой силой начало сказываться обострение соперничества России и Англии в Иране, что вело к осложнению англо-русских отношений в системе Антанты. Дело зашло столь далеко, что предметом официальных и крайне секретных переговоров стал вопрос о пересмотре конвенции 31 августа 1907 г. — основы англо-русского соглашения. Все это внушало правящим кругам Германии надежду на кризис или даже распад этой системы. Однако финансово-экономическая зависимость царизма от его западных союзников и ранее сложившийся механизм военно-дипломатического сближения России с остальными державами Антанты объективно закрывали путь к сближению с Германией, тем более, что общие экономические и политические противоречия между российским и германским империализмом продолжали нарастать. Русская буржуазия

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 300.

активно толкала царизм на усиление завоевательной политики, и в 1914 г. среди правящей верхушки стало усиливаться влияние тех элементов, которые в агрессивном курсе усматривали главную, если не единственную, возможность подавить взметнувшееся с новой силой революционное движение масс.

События в России, и в частности борьба среди господствующих классов по вопросам внешнеполитической ориентации, не могли не привлечь внимания правящих кругов держав Антанты — Англии и Франции, а с другой стороны, австро-германского блока. Приняв закон о трехгодичном сроке военной службы (в 1913 г.) и увеличивая военный бюджет, правящие круги Франции стремились усилением милитаризма задержать или отбросить рабочее, революционное, социалистическое движение в стране, а укреплением своих связей с Россией и Англией предотвратить назревающий кризис Антанты. Внутренняя борьба между двумя группировками империалистической буржуазии — сторонниками активной колониальной политики и сторонниками реваншистского курса в Европе — постепенно отходила на задний план, ибо обе группировки стали понимать, что в общей борьбе за передел мира их главный враг — Германия.

Сложнее обстояло дело в Англии, где в последние годы усилилось рабочее движение и одновременно в Ирландии наблюдался подъем массового движения за полное национальное освобождение. Вспыхнувший летом 1914 г. Ирландский кризис имел не только внутривнутриполитическое значение. Он усилил среди правящих кругов борьбу и по вопросам внешней политики. Если одно крыло либерального правительства Асквита, имевшее значительное количество сторонников, считало, что в сложившихся условиях английская дипломатия должна искать точки сближения и даже объекты соглашения с Германией, а тем самым отодвинуть назревающий большой военный конфликт и выиграть время для завершения очередного тура перевооружений, то другая усматривала задачу в том, чтобы форсировать приближение этого конфликта, а тем самым консолидировать Антанту и заставить германского соперника вести войну на два фронта. Колебания английской дипломатии между этими противостоящими группировками в значительной степени и сбывают, казалось бы, противоречивые ее шаги: с одной стороны, попытки укрепить военно-политический механизм Антанты, а с другой — переговоры с Германией о более выгодных для последней условиях раздела португальских колоний в Африке, об участии английского капитала в финансировании Багдадской железной дороги, а также об ограничении морских вооружений.

Таким образом, в условиях назревающего политического кризиса каждая из держав Антанты, — по разным мотивам и в разной степени, — в начале 1914 г. обнаруживала тенденцию к сближению с Германией, хотя последняя и оставалась их главным противником. Но и в противостоящем блоке — Тройственном союзе — также происходили серьезные изменения. Правящие круги Италии испытывали большие внутривнутриполитические затруднения. Никогда еще со времени существования Итальянского королевства революционное движение масс не достигало такого уровня, как летом 1914 г. Забастовки, демонстрации и другие активные действия в течение «красной недели» (в начале июня) сотрясали королевство, и в этих условиях правительство опасалось ввергнуть страну в войну, но стремилось националистическими и аннексионистскими требованиями отвлечь внимание масс от борьбы за удовлетворение их социальных требований.

Уже давно отойдя от Тройственного союза, Италия, по сути дела, усиливала центробежные силы в этом союзе. Вот почему руководящие военные и политические круги Германии были так заинтересованы в

усилении своего влияния в Австро-Венгрии. Эта лоскутная империя стояла перед лицом глубокого кризиса, вызванного ростом национального движения населяющих ее народов, и ее правящая верхушка пришла к выводу, что имеется только один путь предотвратить распад империи: рост вооружений и превентивная война против Сербии, а если потребуются, то и против России. Главным условием осуществления этого агрессивного курса являлась уверенность в том, что Германия окажет этому курсу полную поддержку. Правящие круги Германии готовы были к этому. Более того, как справедливо отмечает западногерманский историк Ф. Фишер в своем обстоятельном и во многих отношениях замечательном исследовании «Рывок к мировому господству»², Германия хотела австро-сербской войны, помогала ее возникновению и прикрывала в ней свою союзницу. Правящие круги германского империализма решили пойти по этому пути вовсе не из чувства «нибелунговой верности», а по расчету, диктуемому политическими и стратегическими интересами. Прежде всего они опасались, что дальнейшее углубление национального кризиса в Австро-Венгрии может не только ослабить эту союзницу, но и вовсе вывести ее из строя. Это означало бы полную изоляцию Германии на международной арене. Между тем к 1914 г. выполнение новой военной программы успешно завершалось, и это давало явные стратегические преимущества германскому командованию. Правда, уровень морских вооружений еще не достиг намеченной цели, но переговоры с Англией давали основание предполагать, что последняя, по крайней мере на известный период, останется нейтральной. Политический кризис в Англии и рост ее соперничества с Россией в Иране, казалось бы, подкрепляли этот вывод.

Рост милитаризма вызвал среди господствующих классов Германии новый прилив агрессивных настроений, которые еще более подогревались стремлением задуть в националистическом угаре войны новый подъем рабочего движения, начавшийся с 1910 г. Уже тогда, в конце 1910 г., анализируя сложившуюся в Германии обстановку и перспективы развития рабочего движения, Ленин писал: «Теперь близится время, когда эта полувековая полоса германской истории *должна*, в силу объективных причин должна, смениться иной полосой». Он отмечал, что «в Германии явно для всех *надвигается* великая революционная буря», зреет «предреволюционная ситуация»³. В мае 1913 г., в связи с утверждением в германском рейхстаге военного законопроекта, В. И. Ленин отмечал агрессивно-националистический курс германской буржуазии и юнкерства, которые, «чтобы оправдать новые вооружения, стараются, как водится, намалевать картину опасностей, угрожающих „отечеству“». Разоблачая «эти лицемерные, шовинистические выходки», Ленин писал: «Немцев пугают русскими шовинистами, русских — немецкими!»⁴ В целом, правящие круги юнкерско-буржуазного империализма считали, что усиление их агрессивного курса на развязывание войны является верным средством против рабочего и социалистического движения. В конце 1913 г. такой вдумчивый наблюдатель, как Камбон, французский посол в Берлине, отметил, что эти круги желают войны из социальных соображений: они хотят переключить внимание на интересы внешнеполитического характера, которые одни только в состоянии помешать росту влияния демократического и социалистического движения. Таковы в совокупности были настроения в правящих кругах Германии в начале лета 1914 г.

К этому времени и в правящих кругах США обнаружилась большая заинтересованность в положении дел в Европе. Рост американского

² F. Fischer. Griff nach der Weltmacht. Düsseldorf, 1961, S. 97.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 10, 16.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 182—183.

капитализма и усиление в его политике интересов империалистической экспансии повлекли за собой изменение места США в мировой системе государств. Правительство США было хорошо осведомлено «о закулисном политическом мире на европейском континенте» и, более того, проявило немалую активность, чтобы углубить раскол Европы и использовать его в своих интересах. В этих условиях американская дипломатия решила предпринять «грандиозную затею» — вступить в переговоры с Германией. «Затея» была осуществлена с согласия руководителей британской дипломатии, но втайне от мирового общественного мнения. Ее цели были таковы: не только прощупать подлинные намерения правящих кругов Германии и Англии, но и воздействовать на них в определенном направлении.

Когда полковник Хауз, личный друг и политический советник президента США В. Вильсона, приехал с неофициальной миссией в Германию, он был поражен тем, что ему удалось там увидеть и услышать. 1 июня 1914 г. он присутствовал на традиционном празднике германской армии, ежегодно устраиваемом в Потсдаме, — этой цитадели старого пруссачества. Как всегда в этот день, германский кайзер в присутствии членов своей семьи, военных и гражданских властей, а также дипломатического корпуса давал в Сан-Суси, резиденции прусских королей, традиционный завтрак образцовому батальону местного гарнизона в знаменитом Ракушечном зале дворца («пожалуй, самая безобразная в мире комната», — по словам американского посла Джерарда). После завтрака император Вильгельм, к вящему удивлению всех присутствовавших, так долго вел беседу с глазу на глаз с приехавшим американцем, что едва не опоздал на поезд. Оказывается, затянувшаяся беседа действительно представляла значительный политический интерес.

Хауз выступил тогда со своеобразными предложениями, которые он представил как американский план организации мира. Прикрываясь, таким образом, «пацифистской» идеей, план Хауза сводился, по существу, к созданию нового империалистического блока держав на основе «полюбовного» передела мира, — за счет чужих интересов, конечно. Имелось в виду «дружественное соглашение» четырех держав — Англии, Германии, Японии и США, между которыми уже существовали или назревали глубочайшие противоречия. Основой этого соглашения, по мысли Хауза, должно было служить предоставление германскому империализму «зоны влияния в Малой Азии и в Персии», т. е. как раз той зоны, на которую нацеливалась царская Россия. Интересами этой последней Хауз, очевидно, считал возможным пренебречь. В еще большей степени он считал возможным пренебречь интересами самих «зон» — Турции и Персии. Словом, предполагалось, что основой соглашения четырех держав может быть предоставление германскому империализму «свободы рук» в ее политике «*Drang nach Osten*». В качестве компенсации за предоставление столь значительных объектов империалистической экспансии Германия должна была, по мысли Хауза, отказаться от антианглийской политики, отказаться от большого морского флота. «Я высказал мысль, — сообщает Хауз, — что... для Англии выгодно, чтобы Германия могла сдерживать Россию. Германия является барьером между Европой и славянами»⁵. Вместе с тем Хауз настойчиво убеждал кайзера в том, что существует общность интересов Англии, Германии и Соединенных Штатов. Хауз подталкивал Германию выступить против России и считал возможным на этой основе создать атмосферу содружества между западными державами и, следовательно, предотвратить опасность столкновения между ними.

⁵ «Архив полковника Хауза», т. I. Подг. к печати Ч. Сеймуром. Перев. с англ. М., 1937, стр. 63.

Германский император на словах высказал сочувствие этому плану. Но когда Хауз осторожно повел разговор о том, не согласится ли Германия подписать «пакт Брайана», предусматривающий арбитраж и частичный «период для остывания» до того, как могут быть начаты военные действия, германский император и военный министр генерал фон Фалькенгейн никак не хотели понять, что, собственно, от них хочет посланец американского президента. Когда Хауз начал настаивать на своем предложении, утверждая, что оно может предотвратить назревающую войну, кайзер раздраженно ответил ему: «Германия никогда не подпишет такого договора. Наша сила в том, что мы готовы вступить в войну без предупреждения. Мы не откажемся от этого преимущества и не дадим нашим врагам времени подготовиться»⁶. Хауз мог воочию убедиться, что руководящие политические круги германского империализма не только не собираются ни при каких обстоятельствах приступить к сокращению своих огромных вооружений, но, наоборот, собираются вскоре пустить эти вооружения в ход. Таковы были настроения к лету 1914 г. не только у эксцентричного императора Вильгельма. Так называемые «умеренные» и более «рассудительные» представители правящей верхушки были тогда обуреваемы теми же настроениями. «Положение — исключительное, — писал Хауз Вильсону, суммируя свои потсдамские и берлинские впечатления. — Это милитаризм, дошедший до полного безумия»⁷.

Приехав из Берлина в Лондон, Хауз тотчас же поделился с Греем своими впечатлениями о поездке в Германию. Он рассказал «о воинственном настроении Германии и о напряженном настроении населения и высказал опасение, что какой-нибудь искры будет достаточно, чтобы раздуть огонь»⁸. Относительно германских методов развязывания войны он высказал предположение, что в их основе будет внезапный удар: «Когда Германия двинется, — она ударит сразу»⁹. Наконец, во время пребывания в Германии Хауз уяснил себе, кого именно имели в виду Вильгельм и его политическое окружение, когда говорили о врагах, с которыми следует расправиться во что бы то ни стало. У Хауза сложилось твердое впечатление, что германский империализм рассчитывает нанести удар не только своим врагам на континенте. «Немцы убеждены в том, — заметил Хауз, — что вскоре Англия станет такой же досягаемой для удара, как и ее континентальные соседи»¹⁰. Хауз считал, что эта уверенность руководящих кругов германского империализма покоится на учете роли новейших технических изобретений, благодаря которым стратегические позиции Англии становятся достаточно уязвимыми для нападающей стороны. Он поведал Грею «свое мнение о воздушной мощи Германии и о том, что они (т. е. правящие круги Германии. — А. Е.) могут сделать уже сейчас»¹¹.

Эта информация, полученная от Хауза, была по достоинству оценена Греем. Впоследствии Сесиль Спринг-Райс, английский посол в Вашингтоне, говорил, что она открыла Грею глаза на положение вещей и что, с другой стороны, ознакомление с американским планом «предотвращения войны» лишь усилило позиции наиболее агрессивных элементов Германии, решивших, что наступил момент для удара¹². И удар был действительно нанесен, сначала в дипломатической области: американский план соглашения западных империалистических держав, преду-

⁶ «Архив полковника Хауза», т. I, стр. 63.

⁷ Там же, стр. 58.

⁸ Там же, стр. 66.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, стр. 67.

¹¹ Там же.

¹² Там же, стр. 80.

смастривающий «свободу рук» германского империализма в Турции и в Персии за счет его отказа от экспансии в других направлениях, т. е. отказа от планов борьбы за мировую гегемонию, был в Берлине отвергнут. Это означало, что германский империализм ищет не соглашений с Англией, в которой он видел своего соперника, а всеобщей европейской войны во имя утверждения своей мировой гегемонии.

В середине июня, спустя две недели после «грандиозной затеи» Хауза и как раз во время его пребывания в Лондоне, в Конопиште состоялась встреча между австрийским престолонаследником Францем-Фердинандом и германским императором, которого сопровождал адмирал Тирпиц. Официально было объявлено, что встреча носит частный характер и что она вызвана желанием Вильгельма полюбоваться чудесной расцветкой роз в Конопишском замке. В действительности же в Конопиште «с глазу на глаз»¹³ обсуждался вопрос о сокращении сроков выполнения австро-венгерской военно-морской программы (она предусматривала строительство dreadnoughtов в течение пяти лет), а также «секретная программа, состоящая в изготовлении на заводах отдельных частей судов, могущих быть собранными в случае надобности весьма скоро»¹⁴.

Вопрос об ускорении военной подготовки Австро-Венгрии имел для руководящих кругов германского империализма особое значение. К началу лета 1914 г. эти круги окончательно пришли к выводу, что германская армия имеет ряд военно-технических преимуществ по сравнению со своими континентальными соперниками и что общая международно-политическая ситуация достаточно благоприятна для того, чтобы военной развязкой на Балканах сделать огромный скачок к завоеванию мировой гегемонии. В Берлине считали, что для проведения в жизнь только что принятого во Франции закона о трехлетней службе, который должен был значительно увеличить кадры французской армии, требуется еще известное время. Затруднения, переживаемые английским правительством в Ирландии, казалось, сковывали внешнеполитическую активность английского империализма. Одновременно германская дипломатия с напряженным вниманием следила за развитием отношений между царской Россией и Англией. Правда, развитие противоречий между Англией и Россией на почве соперничества в Азии шло параллельно с процессом консолидации Антанты, в частности выразившимся в переговорах о заключении англо-русской (наподобие существовавшей англо-французской) морской конвенции. И хотя эти переговоры являлись абсолютно секретными, — среди деятелей Антанты о них знало всего лишь несколько человек, — в Берлине были получены «секретные, но безусловно надежные сообщения... относительно начатых уже... переговоров между Англией и Россией»¹⁵. Германская печать распускала слухи, будто эти сведения получены из Петербурга. На самом деле поставщиком информации об англо-русской морской конвенции являлся один из чиновников русского посольства в Лондоне. После того как германская печать разоблачила эти переговоры, английская дипломатия выступила с категорическими опровержениями; и вопрос о заключении военно-морской конвенции с Россией был отодвинут. Принимая решение идти на развязывание войны, правящие круги Германии и Австро-Венгрии учитывали эти факты, но, как оказалось впоследствии, явно переоценивали их значение.

Германская дипломатия, со своей стороны, делала все возможное, чтобы использовать и обстановку, сложившуюся на Балканах. И хотя

¹³ GP, Bd. XXXIX, № 15736. Тройтлер — Циммерману 15 июня 1914 г. Приложение.

¹⁴ МО, сер. III, т. I. № 382. Посол в Вене — министру иностранных дел 26 (13) июня 1914 г.

¹⁵ DD, Bd. I, № 6. Циммерман — рейхсканцлеру. Берлин, 27 июня 1914 г.

в связи с визитом Николая II и русского министра иностранных дел Сазонова в Констанцу позиция Румынии вызвала в Берлине и в Вене подозрения, тем не менее там не теряли надежды, что в случае войны румынское правительство лояльно выполнит свои союзные обязательства по отношению к державам австро-германского блока. Экономическое и политическое влияние германского империализма в Болгарии и в Турции укрепилось, и можно было ожидать, что вскоре, если понадобится, они примкнут к Тройственному союзу. С другой стороны, усилились опасения в связи с позицией Сербии, которая становилась центром притяжения живущих в Австро-Венгрии южных славян, стремившихся завершить свое национальное воссоединение. В этих условиях эрцгерцог Франц-Фердинанд стал выдвигать планы привлечения верхушки славянских народов, населяющих Габсбургскую империю, на сторону династии путем реорганизации двуединой австро-венгерской империи в триединую. Между тем рознь между австрийской буржуазией и венгерскими магнатами усиливалась. Во время свидания с Вильгельмом в Конопиште австрийский эрцгерцог Франц-Фердинанд жаловался на венгров и на растущее влияние главы их правительства графа Тиссы. «Уже теперь, — говорил он, — как только Тисса собирается в поездку, Вена начинает дрожать, и как только Тисса прибывает в Вену, все падают перед ним на брюхо»¹⁶. Триалистические планы Франца-Фердинанда обостряли эту рознь, вызывая недовольство и правящих кругов Венгрии, и многих деятелей в Австрии. Чего же можно было ждать в будущем?

В Конопиште рассматривался также вопрос о том, насколько царская Россия подготовлена к войне. По мнению Франца Фердинанда, не было оснований опасаться царской России: «Внутренние затруднения слишком велики, чтобы разрешить этой стране вести агрессивную внешнюю политику»¹⁷. Германский император, видимо, согласился с подобной оценкой положения в России. Чванливые статьи, написанные или инспирированные русским военным министром Сухоминовым («Россия готова, должна быть готова и Франция!»), отнюдь не могли ввести в заблуждение германский генеральный штаб, который от своих агентов из окружения того же Сухоминова знал, что Россия еще не готова к войне; германскому генеральному штабу было также известно, что Франция не закончила программы вооружений. Позиция Англии казалась достаточно благоприятной, чтобы можно было рассчитывать на ее нейтралитет, по крайней мере в начальный период войны. Зато германская армия находилась в полной боевой готовности, и в Берлине считали, что молниеносным ударом можно сразу разгромить противников на континенте и изменить в свою пользу соотношение сил в Европе.

В этих условиях кайзер считал возможным посоветовать австрийским союзникам воспользоваться создавшейся ситуацией, чтобы крепким ударом по Сербии предотвратить объединение южных славян и окончательно утвердить свое влияние на Балканах. Этот удар открывал перед германским империализмом перспективу неимоверного укрепления его экономического и политического влияния, охватывающего огромный территориальный комплекс от Гамбурга до Персидского залива, а тем самым вытеснение политического влияния русского империализма и финансово-экономического влияния французского империализма на Балканском полуострове, а также в Малой Азии.

Опираясь на содействие французской дипломатии и парижской биржи, царская Россия не только не собиралась уступить дорогу своему империалистическому сопернику, но и сама готовилась к дальнейшим захватам и к борьбе. И почти в те же самые дни, когда в Конопиште

¹⁶ GP, Bd. XXXIX, № 15736. Тройтлер — Циммерману. 15 июня 1914 г. Приложение.

¹⁷ Ibidem.

кайзер Вильгельм и эрцгерцог Франц-Фердинанд обсуждали вопрос о развязывании войны против Сербии и, возможно, против России, в Константинополе Сазонов в доверительных беседах сообщал о возможности «вооруженного столкновения России с Австро-Венгрией по почину России» и тем самым о возникновении европейской войны «в том случае, если... под каким-либо... предлогом Австрия пожелает напасть на Сербию...»¹⁸.

В сложной сети общих империалистических и местных, балканских противоречий было достаточно предлогов для военного столкновения. Участники переговоров в Конопиште и Константинополе едва ли предполагали, что через несколько дней произойдет событие, которое и послужит предлогом к австро-сербскому столкновению, как исходному очагу возникновения мировой войны.

2

Закончив переговоры с германским кайзером, Франц-Фердинанд отправился в Боснию, где вблизи сербской границы происходили маневры австро-венгерских войск. Эти военные маневры, а затем въезд Франца-Фердинанда в Сараево 28 июня, в день сербского национального траура — «Видовдан», — были восприняты в Сербии, как вызов и провокация в отношении сербского национального движения. В особенности были возбуждены сербская националистически настроенная молодежь и офицеры — участники великосербской тайной организации «Черная рука» («Единение или смерть»), руководимой начальником осведомительного отдела сербского генерального штаба полковником Драгутином Димитриевичем, по прозвищу Апис. Эта законспирированная организация играла видную роль в политической жизни страны и накануне войны даже имела конфликт с правительством Пашича. Правительство не преследовало организацию «Черная рука», но боялось ее. Австрийское правительство уже давно, почти с самого появления «Черной руки», следило за деятельностью тайной великосербской организации¹⁹. Следило за ее деятельностью и русское правительство, которое давно через своих агентов установило связи с организациями сербских офицеров, политически поддерживая, однако, более осторожного и послушного Пашича. В 1910 г. царское правительство выдало субсидию в размере 40 млн. франков «Задруге», игравшей роль легального прикрытия «Черной руки». Уверенная в поддержке царской России (русский посланник в Белграде Николай Гартвиг давно носился с планами «натравить Сербию на Австрию»²⁰), уверенная, что сербское правительство не решится назвать в Вене имена тех, кто взял на себя подготовку террористического акта, «Черная рука» довела дело до конца и на австрийскую провокацию ответила встречной провокацией: 28 июня в Сараеве сербский гимназист Гаврило Принцип выстрелами из револьвера убил эрцгерцога Франца-Фердинанда и его морганатическую жену.

Правящие круги в Вене и в Берлине были потрясены убийством австро-венгерского престолонаследника. Характеризуя настроения в дипломатических кругах Австрии и Германии, Шебеко, русский посол в Вене, сообщал: «Работу приходится начинать сначала, и перспектива эта, по-видимому, вызывает большое раздражение у германского представителя в Вене, напрягающего все силы, дабы надлежащим образом использовать печальное событие для возбуждения общественного мнени-

¹⁸ МО, сер. III, т. III, № 339. Докладная записка министра иностранных дел Николаю II. 24 (11) июня 1914 г.

¹⁹ ОУА, Bd. II, S. 575; Bd. III, S. 545, 549, 806, Bd. IV, S. 236; Bd. VIII, S. 42, 394.

²⁰ МО, сер. III, т. V. Прилож. 2. Посланник в Париже — министру иностранных дел. 4 февраля (22 января) 1914 г.

ния страны против Сербии и России»²¹. В Будапеште с трудом скрывали радость по поводу избавления от ненавистного носителя триалистических идей. От европейских правительств последовали официальные соболезнования. В широких народных массах убийство не произвело особенно сильного впечатления. Только австрийская социал-демократическая пресса рыдала над гробом эрцгерцога: «Этот роковой выстрел в один страшный момент положил конец всем ожиданиям и стремлениям, всем помыслам и намерениям, которые могли осуществиться и развернуться на основе императорской власти!»²² В финансовых кругах Вены на выстрел в Сараеве реагировали повышением курса ценных бумаг. Одновременно пошел вверх и курс государственной ренты. В Италии кое-где состоялись демонстрации, в которых выражалась нескрываемая радость по поводу убийства ненавистного австрийского престолонаследника. Европейская буржуазная пресса большей частью выражала убеждение, что австро-венгерское правительство теперь возьмет более спокойный и умеренный внешнеполитический курс.

Но в Вене, не раскрывая карт перед внешним миром, решили действовать. Началось обсуждение вопроса о том, как подготовить общественное мнение. Как сообщал германский посол в Вене фон Чиршки, правящие круги Австро-Венгрии решили, «что нужно, наконец, основательно посчитаться с сербами». «Теперь или никогда!» — эти три слова кайзера Вильгельма определили исходную позицию германского империализма в назревающем кризисе. Занимаясь «возбуждением», Чиршки требовал от своих австрийских союзников осторожности: он говорил им о германской поддержке, но предлагал предварительно выработать такой план действий, который не оттолкнул бы Румынию и Италию в противоположный лагерь. Словом, Чиршки воспользовался своим влиянием в Вене, «чтобы спокойно, но весьма настойчиво и серьезно предостеречь от слишком поспешных шагов». Но даже этот скромный призыв Чиршки к осторожности привел германского кайзера в неистовство. «Кто его уполномочил на это? — писал Вильгельм. — Очень глупо! Это его совсем не касается, так как дело самой Австрии решать, что она намерена предпринять дальше. А потом, если дела пойдут плохо, скажут: Германия не хотела!! Пусть Чиршки соблаговолит оставить этот вздор! С сербами пужно покончить, и именно с е й ч а с ж е»²³.

Через несколько дней правящие круги Австро-Венгрии получили возможность окончательно убедиться в том, какова позиция германского правительства. 5 июля в Потсдаме кайзер Вильгельм принял австро-венгерского посла в Берлине графа Седьени и начальника канцелярии австро-венгерского министерства иностранных дел графа Гойош. Эти представители австрийской дипломатии вручили Вильгельму письмо императора Франца-Иосифа вместе с меморандумом, составленным министерством еще до убийства в Сараеве. В меморандуме заключалась программа усиления позиций австро-германского империализма на Балканах.

Франц-Иосиф в своем письме зондировал позицию Германии относительно возможного конфликта с Сербией. Очевидно, и Австро-Венгрия и Германия отдавали себе полный отчет в том, что австро-сербский конфликт не может остаться локализованным. По позднейшему свидетельству графа Гойош²⁴, в Потсдамских переговорах 5 июля 1914 г. он прямо заявил, что Австро-Венгрия считает «по внутренним и внешнепо-

²¹ МО, сер. III, т. IV, № 47. Посол в Вене — министру иностранных дел. 1 июля (18 июня) 1914 г.

²² «Arbeiter Zeitung», 29 июня 1914 г.

²³ DD, Bd. I, № 7. Чиршки — рейхсканцлеру. Вена, 30 июня 1914 г. Помета Вильгельма II

²⁴ «Journal des Débats», 12 ноября 1931 г.

литическим причинам... момент подходящим для выступления против Сербии, даже с риском вызвать конфликт с Россией. Мы, с другой стороны, точно знали,— признается Гойош,— что подобная политика может спровоцировать мировую войну».

Австро-венгерское правительство, таким образом, запрашивало своего германского союзника, считает ли Германия сложившуюся обстановку благоприятной для вооруженного конфликта и готова ли вооруженной рукой поддержать Австрию. На этот запрос, как указывает Гойош, германский канцлер Бетман-Гольвег и помощник статс-секретаря по иностранным делам Циммерман дали совершенно недвусмысленный ответ: «Вы можете, во всяком случае, рассчитывать на нашу поддержку, поддержку верных союзников, и мы считаем, что если война должна разразиться, было бы лучше, чтобы это случилось сейчас, чем через два года, когда Антанта сделается более сильной»²⁵.

В ходе переговоров, которые велись в Потсдаме 5 и 6 июля, представителям австро-венгерского правительства было сказано, что в закупаемой войне Австро-Венгрии против Сербии Германия окажет своей союзнице полную поддержку при всех условиях. «В Германии не поймут»,— так австрийское правительство расценило политический результат переговоров в Потсдаме²⁶. Несколько дней спустя уже по другому поводу Вильгельм повторил слова Фридриха II: «Я против военных советов и совещаний, ибо всегда получает перевес более трусливая сторона»²⁷. Закончив Потсдамские переговоры, Вильгельм вызвал представителей военного и морского ведомств, отдал им приказ начать подготовительные мероприятия на случай войны, а сам отправился в давно предусмотренное морское путешествие. Несмотря на серьезность надвигающихся событий, а вернее, имея их в виду, путешествие не было отменено, дабы не возбуждать подозрений. Чтобы скрыть решение, принятое в Потсдаме, глава военно-морского ведомства Тирпиц, начальник генерального штаба Мольтке и другие руководящие лица уехали в отпуск.

За кулисами дипломатии началась напряженная военная и политическая подготовка к выступлению Австро-Венгрии против Сербии. Австрийское правительство, как, впрочем, и германское, стремилось подготовить общественное мнение к предстоящей войне и вместе с тем не дать повод державам Антанты заподозрить участников австро-германского блока в принятом ими решении. Австрийская дипломатия повсюду заверяла, что в Вене ничего не замышляется. И даже позднее, всего за 5 дней до предъявления ультиматума Сербии, австро-венгерский посол в Петербурге граф Сапари уверял Сазонова в «полном отсутствии у Австрии каких-либо намерений обострить свои отношения с Сербией». «Он был кроток, как ягненок»,— заметил Сазонов после этой беседы с австрийским представителем²⁸. В то же время в правящих кругах Австро-Венгрии шли споры и о методах, и о целях расправы с Сербией. Граф Тисса, в частности, опасался, что в случае разгрома Сербии присоединение ее территории к двуединой империи Габсбургов усилит славянский элемент в ущерб влиянию Венгрии. Австрийское правительство заботилось и о дипломатической подготовке войны против Сербии, чтобы вина пала на правительство Сербии.

Война в принципе была решена, и надо было, с одной стороны, представить ее народным массам самой Австро-Венгрии как войну оборони-

²⁵ «Journal des Débats», 12 ноября 1931 г.

²⁶ DA, Teil I, № 10 Граф Берхтольд — графу Тиссе. Вена, 28 июля 1914 г.

²⁷ DD, Bd I, № 29. Чиршки — в ведомство иностранных дел. Вена, 10 июля 1914 г. Помета Вильгельма II.

²⁸ МО, сер. III, т. IV, № 272. Поденная запись министерства иностранных дел. 18 (5 июля) 1914 г.

тельную, а с другой, позаботиться о впечатлении, какое может создаться в других балканских странах и в Европе. Вот почему, подталкивая Австро-Венгрию к выступлению, германская дипломатия предостерегала свою союзницу от слишком грубой игры, которая могла затруднить и внутреннее и международное положение Германии. Когда в правящих кругах Австрии тотчас же после сараевского убийства начали говорить о собственных планах расчленения Сербии, в Берлине ничего не возразили по существу, а только посоветовали держать язык за зубами, так как эти сведения через различные каналы, например через Италию, могли бы слишком преждевременно дойти до держав Антанты и тем самым дать им лишний козырь в разоблачении политики австро-германского блока. С другой стороны, в течение всего июльского кризиса германское правительство неутомимо доказывало своей союзнице необходимость предварительно договориться с Италией, которая, в силу обострения соперничества с Австрией на Балканах, уже тогда заметно отошла от центральноевропейских держав, несмотря на существование союзных обязательств. В Вене, однако, не были согласны в этом отношении следовать германским предостережениям, понимая, что за итальянскую поддержку нужно заплатить, а платить объектами своих собственных империалистических вожделений на Балканах и тем более территориальными компенсациями за счет своих собственных владений никакой склонности не было.

Расследование обстоятельств сараевского убийства еще не было закончено, и венскому правительству не удавалось сформулировать претензии к Сербии. У Берхтольда, австро-венгерского министра иностранных дел, возникли опасения: а вдруг Сербия удовлетворит предъявляемые ей требования? Сообщая об этом в Берлин, Чиршки указывал, что если бы Сербия приняла все предъявленные ей требования, это было бы «крайне несимпатичным» решением вопроса. Вот почему австрийская дипломатия в течение нескольких дней обдумывала, какие следует выставить требования, чтобы Сербия наверняка не могла их принять. Но в Берлине сочли, что незачем над этим ломать себе голову. «Очистить Санджак²⁹ — и тогда свалка немедленно налицо! — написал Вильгельм на полях донесения из Вены. — Австрия, безусловно, должна сейчас же вернуть его себе, чтобы не допустить объединения Сербии с Черногорией и выхода Сербии к морю»³⁰.

Задача австрийской дипломатии состояла в том, чтобы, как формулировал Берхтольд, ответственность за возникновение войны перенести с Австро-Венгрии на Сербию. Австро-венгерское правительство не спешило с предъявлением ультиматума, так как, по расчетам начальника австрийского генерального штаба Конрада фон Хётцендорфа, провести мобилизацию можно было только через 16 дней. Но этот срок совпадал со временем уже ранее объявленного приезда французского президента Пуанкаре в Петербург. Поскольку было ясно, что визит Пуанкаре «представлял французам и русским возможность договориться об их совместной позиции», в Вене пришли к выводу, что ультиматум должен быть вручен в Белграде до отъезда Пуанкаре из Парижа или после его отъезда из Петербурга, т. е. до 18 или после 24 июля³¹. В конце концов приняли решение вручить ультиматум после отъезда Пуанкаре из Петербурга.

Пока в Вене изыскивали формулы для таких требований, которые Сербия не могла бы удовлетворить, германское правительство занялось

²⁹ Вильгельм имел в виду Ново-Базарский Санджак, который был занят Сербией.

³⁰ DD, Bd. I, № 29. Чиршки — в ведомство иностранных дел. Вена, 10 июля 1914 г. Помета Вильгельма II.

³¹ DA, Teil I, № 21. Берхтольд — Седьени. Вена, 15 июля 1914 г.; DD, Bd. I, № 50. Чиршки — рейхсканцлеру. Вена, 14 июня 1914 г.

подготовкой общественного мнения внутри страны и за границей к предстоящим событиям, стремясь вместе с тем подчеркнуть свою полную непричастность к ним. Специальной секретной инструкцией германское правительство предлагало своим дипломатическим представителям за границей повлиять на прессу в таком духе, чтобы «общественное мнение Европы, насколько только возможно, было уверено в истинной правоте Австрии»; германское правительство считало необходимым «самым тщательным образом скрыть все то, что может возбудить подозрение, будто мы (т. е. Германия.— А. Е.) подстрекали австрийцев к войне»³².

Одновременно в самой Германии, с целью обработки народных масс, пресса, близкая к правительству, начала помещать статьи о назревавшем австро-сербском конфликте «в умышленно мягком тоне, с оглядкой на европейскую дипломатию». Германский статс-секретарь по иностранным делам Ягов указывал, что «высокоофициозной газете не следует заранее бить тревогу», и в то же время просил Чиршки разъяснить австрийскому правительству, что такой тон германской прессы не должен быть в Вене «ложно истолкован как отказ Германии от своей решимости»³³ полностью и целиком поддержать выступление Австро-Венгрии.

Германская пропаганда была особенно активна в Англии, и это, конечно, имело политические основания: германский империализм и его дипломатия рассчитывали, что Англия в случае европейского конфликта, хотя бы временно, останется нейтральной. Но британская дипломатия уже приступила к двойной игре, которая, сталкивая противников, углубляла назревающий кризис и, в конечном счете, разжигала войну.

Главную роль в этой игре исполнял руководитель Форейн оффиса Эд. Грей. Потомок старинного рода английской аристократии, тесно связанный с железнодорожными магнатами Англии, сэр Эдуард, по замечанию Ллойд Джорджа, принадлежал «к тому классу, который по праву наследственности и традиций претендует на место среди судей мира сего... Люди такого типа обычно сохраняют судейское высокомерие всю жизнь»³⁴. Казалось, министр иностранных дел Англии имел только одну страсть — слушать пение птиц, и хотя был участником группы либералов-империалистов, находился в отдалении от бурной партийной борьбы. Всегда сдержанный, осторожный и молчаливый, Грей сумел создать у современников впечатление, что именно в нем воплощается высшая мудрость дипломатической школы британского империализма, и недаром граф Бенкендорф, занимавший долгие годы пост русского посла в Лондоне, почти все свои донесения начинал со слов «Grey m'a dit...» («Грей мне сказал...»). Иностранные дипломаты привыкли взвешивать слова английского молчаливника на чувствительных весах большой политики и искать в них определенный смысл, поскольку обычно они были двусмысленны. Еще за несколько месяцев до начала июльского кризиса Бенкендорф уяснил себе не только, какова общая политическая позиция Грея, но и каковы методы его дипломатии. «Его (Грея.— А. Е.), — сообщал он в Петербург, — постоянно беспокоит, вопреки всем видимостям, именно угроза германской гегемонии, он с тревогой следит за некоторыми ее успехами. Не думайте, что он слеп, — это далеко не так. Он гораздо больше кажется нерешительным, чем это есть на самом деле... Он не любит угрожать. Если только нет твердых решений относительно дальнейшего образа действий и в особенности до тех пор, пока Тройственный союз очевиднейшим образом не поставит себя в положение явно виновного, что необходимо для английского общественного мнения.. Он уже близок к тому, чтобы поставить ловушку..»³⁵.

³² DD, Bd. 1, № 36 Ягов — Лихновскому Берлин, 12 июля 1914 г

³³ DD, Bd I, № 70 Ягов — Чиршки Берлин, 18 июля 1914 г

³⁴ Д. Ллойд Джордж Мемуары, т. I—II М., 1934, стр. 91

³⁵ МО, сер. III, т. I, № 328 Посол в Лондоне — министру иностранных дел. 27 (12) февраля 1914 г

Весть о сараевском убийстве, полученная в Лондоне в самый разгар Ирландского кризиса, произвела там «не большее впечатление, чем голос тенора в котельном цехе»³⁶. Однако уже через несколько дней британская дипломатия и ее руководитель Эд. Грей начали действовать. Разразившийся конфликт между Австро-Венгрией, за спиной которой стояла Германия, и Сербией, за спиной которой стояла Россия, создавал условия, позволившие английской дипломатии поставить сразу две ловушки: и для германского соперника, и для русского друга, соглашение с которым, достигнутое в 1907 г., успело к этому времени дать серьезную трещину.

6 июля, в тот самый день, когда заканчивались Потсдамские переговоры, Лихновский, германский посол в Лондоне, «совершенно лично» сообщил Грею, что в Берлине считают необходимым, пользуясь слабостью царской России, не сдерживать Австро-Венгрию. Германская дипломатия начала, следовательно, зондировать позицию Англии в надвинувшейся войне. Полученный ответ лишь подталкивал Германию к выступлению: Грей осторожно соглашался с тем, что Россия не собирается выступать, и одновременно заверял, что Англия не имеет никаких обязательств в отношении России и Франции (в этом последнем, как мы увидим, Грей сознательно лгал). Он заверял далее, что Англия «в случае европейской войны никогда не выступит вместе с государством, являющимся нападающей стороной»³⁷. Не раскрывая своих карт и оставляя за собой полную свободу действий, британская дипломатия, по существу, подталкивала Германию к выступлению против России.

Через два дня, 8 июля, уже догадываясь о сокровенных планах Германии в отношении России, английская дипломатия очень осторожно, но настойчиво начала подталкивать Россию к выступлению против Германии. «Для начала Грей сказал мне,— сообщал Бенкендорф в Петербург,— что известия, получаемые им из Вены, ему не нравятся». Всю беседу Грей вел с большой сдержанностью и, казалось бы, в самых отвлеченных выражениях. Подобно тому как незадолго до этого он осторожно подталкивал Германию, уверяя, что царская Россия не выступит, он теперь давал понять русской дипломатии, что «рассчитывать на Германию... было бы неблагоприятно». Имея дело с Германией, английская дипломатия соглашалась, что Россия в военном отношении слаба и еще не подготовлена. Имея дело с царской Россией, Грей говорил совсем иное. В этой беседе Бенкендорф следующим образом резюмировал военное положение в Европе: «Россия значительно более сильна людским составом и железными дорогами, Франция — в том же точном положении, что прежде, Румыния — стала подозрительной (с точки зрения Германии.— А. Е.), Англия — тем более». Услышав такие речи, Грей дал весьма многозначительный ответ: «Да,— заявил он.— Таковы мои впечатления по этому поводу, о которых я хотел бы, чтобы г. Сазонов знал. Наш разговор, конечно, является строго конфиденциальным, но я считаю, что мы должны об этом подумать». И чтобы у царского правительства не оставалось сомнений в том, о чем следует подумать, Грей тут же сказал, «что он знает из очень серьезных военных источников, что в глазах Германии центр тяжести военных операций перемещается довольно быстро с Запада на Восток», что «мало-помалу главным противником (Германии.— А. Е.) становится Россия» и что «военное положение видоизменяется в невыгодную для Германии сторону»³⁸. Таким образом, одной

³⁶ «Архив полковника Хауза», т. I, стр. 72.

³⁷ ВД, в. XI, № 4. Грей — Гошену. Лондон, 24 июня 1914 г.; № 32. Грей — Румбольду. Лондон, 6 июля 1914 г.

³⁸ МО, сер. III, т. IV, № 146. Посол в Лондоне — министру иностранных дел. 9 июля (26 июня) 1914 г.

рукой подталкивая Германию, британская дипломатия другой рукой подталкивала царскую Россию. Каждый из противников укреплялся в своей уверенности относительно благоприятной позиции британского империализма, который, ведя двойную игру, активно разжигал европейский пожар.

Не зная об англо-русских переговорах в Лондоне, германское правительство укрепляло в Вене решение предъявить Сербии такие требования, которые она не смогла бы принять³⁹, и таким образом создать предпосылку для военного выступления. Если предъявлением ультиматума австрийское правительство стремилось спровоцировать войну с Сербией и заставить врасплох своих империалистических противников, то его содержание должно быть таково, чтобы по возможности удержать Россию от активного вмешательства в конфликт, а в особенности воздействовать на общественное мнение Англии, направив его против Сербии. Таким образом, австрийская дипломатия, следуя советам германской, стремилась добиться нейтралитета Англии⁴⁰. Все эти решения о войне были искусно скрыты под маской миролюбия, и эта заботливость о настроениях широкой публики зашла весьма далеко: было сделано все возможное, «чтобы создать впечатление, будто ничто серьезное не предстоит». В частности, в Германии было установлено специальное наблюдение за прессой, которая, по словам статс-секретаря ведомства иностранных дел Ягова, «не должна преждевременно возбуждать тревогу»⁴¹.

В то же время германское правительство неустанно продолжало указывать австро-венгерскому правительству, что нужно действовать против Сербии самым энергичным образом, ибо обстановка для этого складывается максимально благоприятная. На чем была основана подобная оценка соотношения сил международной политической конъюнктуры?

Германское правительство, как указывалось, исходило из того, что время начинает работать против Германии: если Австро-Венгрия не предпримет военного похода против Сербии, это ускорит распад Габсбургской империи, и Германии в ближайшем будущем грозит потеря последнего союзника. Правда, в те дни германская дипломатия все еще рассчитывала, что сможет добиться от Италии лояльного выполнения союзных обязательств в случае войны. Однако уже в середине июля она пришла к выводу, что за эту лояльность Италия потребует крупной компенсации. Правящие круги Германии прикидывали, чем можно будет удовлетворить аппетиты их итальянской союзницы, — за чужой, конечно, счет. Ягов, статс-секретарь ведомства иностранных дел, предлагал пообещать Триент. «Это настолько жирный кусок, — утверждал Ягов, — что заткнул бы глотку даже самым австрофобским элементам» в Италии⁴².

Но свою главную задачу правящие круги Германии усматривали в том, чтобы не допустить развала многонациональной Габсбургской империи, а вместе с тем и развала существующего австро-германского союза. «И по внутренним и по внешним основаниям, — развивал эти мысли Ягов, — для нас необходимо сохранение Австрии, притом по возможности сильной Австрии. Охотно признаю, что ее не удастся сохранить навеки. Но со временем найдутся, быть может, другие комбинации». Это письмо Ягова интересно тем, что оно раскрывает характерные для правящих кругов Германии политические расчеты и настроения. «Мы должны постараться локализовать конфликт между Австрией и Россией, — писал

³⁹ DD, Bd. I, № 49. Чиршки — рейхсканцлеру. Вена, 14 июля 1914 г.

⁴⁰ DD, Bd. I, № 62. Лихновский — рейхсканцлеру. Лондон, 16 июля 1914 г.; № 72. Ягов — Лихновскому. Берлин, 18 июля 1914 г.; № 100. Рейхсканцлер — послам в Петербурге, Париже и Лондоне. Берлин, 21 июля 1914 г.

⁴¹ Ibid., № 70. Ягов — Чиршки. Берлин, 18 июля 1914 г.

⁴² Ibid., № 46. Ягов — Чиршки. Берлин, 15 июля 1914 г.

далее Ягов.— Удается ли это, будет зависеть прежде всего от России или же, во вторую очередь, от умеряющего влияния ее собратьев по Антанте. Чем решительнее проявит себя Австрия, чем энергичнее мы ее поддержим, тем вернее Россия будет хранить спокойствие. Правда, без некоторого бряцания оружием в Петербурге дело не обойдется, но, по существу, Россия сейчас не боеспособна. Франция и Англия тоже не захотят сейчас воевать. Через несколько лет Россия, по общему мнению компетентных людей, будет готова к войне. Тогда она забьет нас численностью своих солдат, тогда у нее будут построены балтийский флот и стратегические дороги. Между тем наша группировка становится все слабее. В России об этом прекрасно знают и потому решительно хотят покоя еще на несколько лет»⁴³. Правящие круги Германии усматривали в локализации войны между Австро-Венгрией и Сербией желательный, однако наименее возможный вариант. В Берлине, конечно, полностью учитывали, что разгром Сербии при нейтралитете царской России будет равносителен поражению последней еще до начала войны. В таком случае царская Россия потеряла бы свое политическое влияние на Балканах. Иначе говоря, германский империализм без единого выстрела создал бы условия, по существу, равнозначные его крупной победе.

Но все говорило за то, что царская Россия, несмотря на неподготовленность, выступит на стороне Сербии и что расчеты на локализацию конфликта — несбыточная иллюзия. Правящие круги Германии склонялись к выводу, что в случае перерастания австро-сербского конфликта в австро-русский они неизбежно должны будут бросить на весы свой меч. «Мы не можем бросить Австрию на произвол судьбы,— указывал Ягов.— Если бы мы на это пошли, Австрия (и мы сами) могли бы бросить упрек, что мы лишили ее последней возможности политической реабилитации. Тогда процесс ее внутреннего распада еще более усилился бы... Я не хочу превентивной войны, но если придется воевать, то нельзя же нам дрейфить (kneifen). Я и сейчас еще надеюсь и верю, что конфликт удастся локализовать, причем большое значение будет иметь позиция Англии»⁴⁴. Так писал Ягов германскому послу в Лондоне Лихновскому, одному из немногих, кто взывал к осторожности и предостерегал германское правительство об опасностях избранного пути.

Правящие круги германского империализма были твердо убеждены в благоприятной ситуации для развязывания превентивной войны против империалистических соперников, также подготовлявшихся к войне. Буржуазно-оппозиционные круги не могли «сметь свое суждение иметь» и поддакивали, поскольку вся милитаристская и политическая верхушка решила воевать. Эти настроения, царившие в Берлине, довольно точно передал Седьени, австрийский посол. Он писал, что «император Вильгельм, равно как и все другие руководящие здесь лица... самым решительным образом подбадривают нас, убеждая не упустить момента и решительно выступить против Сербии, чтобы раз и навсегда навести порядок в тамошнем гнезде революционных заговорщиков». Нажим со стороны правящих кругов Германии был столь значителен, что даже сам Седьени призадумался: что все это может означать и чем все это объясняется?

«В последнее время,— сообщал он в Вену,— в Германии окрепло убеждение, что Россия не просто учитывает войну как некую возможность в будущем, а непосредственно строит свои расчеты на ней. Но... вооружаясь из всех сил в расчете на войну в будущем, Россия не замышляет ее в настоящий момент или, лучше сказать, сейчас еще недостаточно подготовлена к войне. Поэтому абсолютно не предпрешено, что в случае

⁴³ DD, Bd. I, № 72 Ягов — Лихновскому. Берлин, 18 июля 1914 г.

⁴⁴ Ibidem.

воины Сербии с нами Россия придет к ней на помощь с оружием в руках; если царская империя даже решится на это, она сейчас еще далеко не готова в военном отношении и не так сильна, как, предположительно, будет через несколько лет. Далее, германское правительство полагает, что... Англия в настоящий момент менее всего стремится к войне из-за балканских стран.. и совершенно не склонна таскать каштаны из огня для Сербии или, в конечном счете, для России»⁴⁵. И все же в середине июля, когда австро-венгерское правительство еще занималось разработкой ультиматума, который должен был быть вручен Сербии, правящим кругам германского империализма становилось ясно, что Россия не останется в стороне, что за ней последует и Франция и что, таким образом, европейский конфликт неизбежен. Но и на это милитаристские круги Германии шли со спокойным сердцем, в уверенности, что германские войска смогут, по плану Шлиффена, единым ударом разгромить Францию, а затем обрушиться на Россию.

Более устойчивой была надежда на нейтралитет Англии. Британская дипломатия, со своей стороны, все еще старалась не разубеждать Германию. Наоборот, уклончивая линия английского правительства, тон английской прессы и т. п. — все создавало в Берлине впечатление, что можно надеяться на нейтралитет Англии. Это впечатление имело и некоторые объективные основания: в составе английского правительства было крыло, которое по различным мотивам сопротивлялось курсу на вступление в войну против Германии. Некоторые члены кабинета (Морель и другие) занимали такую позицию по мотивам пацифистского свойства. Другие считали, что Англия, сохраняя нейтралитет, только выиграет, если Германия вступит в войну с Россией. Третьи, прежде чем окончательно определить свою позицию, просто выжидали дальнейшего развития событий. К небольшой группе сторонников войны (Асквит, Черчилль) примыкал и Грей, который в качестве руководителя английской дипломатии, считаясь с позицией большинства, был вынужден лавировать и не открывать своих карт. Тем самым английская дипломатия фактически подталкивала Германию на выступление. Даже на худой конец, думали в Берлине, если Англия вмешается, можно нанести Франции удар раньше, чем подоспеет Англия. Поэтому главное — стремительное развитие событий и молниеносный удар. Но тут получилась вынужденная проволочка: было решено, что вручение ультиматума Сербии придется отложить до отъезда Пуанкаре из Петербурга, чтобы не предоставить Франции и России возможности тотчас же договориться о совместных действиях. «Какая досада!» — воскликнул искренне огорченный Вильгельм.

Несмотря на попытки германской и австрийской дипломатии скрыть агрессивные замыслы против Сербии, все делалось так грубо и неуклюже, что в лагере Антанты очень скоро возникло серьезное подозрение относительно подлинных намерений германского и австрийского правительств. Во время пребывания Пуанкаре в Петербурге (20—23 июля) главной темой переговоров был вопрос о том, какую позицию должны занять Россия и Франция в назревающем конфликте. Английский посол в Петербурге Бьюкенен знал о содержании этих переговоров и сообщил о них своему правительству. Ознакомившись с его донесением, английская дипломатия сделала следующий вывод: «Совершенно ясно, что Франция и Россия пришли к решению поднять брошенную им перчатку»⁴⁶. Перед отъездом Пуанкаре сделал довольно решительное предупреждение австрийскому послу в Петербурге. Аналогичное предостережение сделал и Сазонов.

⁴⁵ OUA, Bd. VIII, S. 408.

⁴⁶ BD, v. XI, № 101. Бьюкенен — Грею. Петербург, 24 июля 1914 г. Помета Эйр Кроу от 25 июля 1914 г. Некоторые документы о позиции Франции в связи с началом австро-сербского конфликта см. DDF, 3-e série, t. XI, № 1—21.

Но в Вене и в Берлине заранее знали, на что идут. К тому же не была потеряна иллюзия, что русско-французская угроза останется лишь угрозой. И вот, 23 июля, в 6 часов вечера, в тот самый день и час, когда Пуанкаре уезжал из Петербурга, австрийский посланник в Белграде барон Гисль фон Гислинген вручил сербскому правительству ультимативную ноту⁴⁷. О ее содержании германское правительство было информировано уже в середине июля. Там знали, что нота «так средактирована, что Сербия наверняка не сможет ее принять».

3

Известие о вручении ультиматума вызвало в правящих кругах Берлина ликование. «Браво! — писал Вильгельм. — От венцев этого уже не ожидали! Каким пустым оказывается все так называемое великосербское государство; подобным образом обстоит дело и со всеми славянскими государствами! Только бы покрепче наступить на ноги этой сволочи!»⁴⁸

Текст ультиматума превзошел самые пессимистические предположения. Ознакомившись с нотой, Грей назвал ее «страшным документом». Прочтя текст ультиматума, Сазонов воскликнул: «Это европейская война!»⁴⁹ Позиция германского правительства была уже заранее определена. «Австрия должна получить на Балканах перевес над остальными мелкими державами за счет России, иначе не будет покоя»⁵⁰, — так формулировал ближайшую задачу германский кайзер. Германский империализм торопил своих австрийских союзников нанести решающий удар на Балканах, чтобы застать соперников врасплох. В Берлине, как сообщил Седьени в Вену 25 июля, «видят в каждой проволочке открытия военных действий большую опасность вмешательства других держав». «Нам самым настоятельным образом советуют, — писал он далее, — немедленно выступить и поставить мир перед совершившимся фактом»⁵¹.

В этих условиях, 25 июля, русская дипломатия была вынуждена признать необходимым хотя бы временно прекратить свою активность в Персии. «В настоящую минуту все касающееся Персии отступает на второй план перед осложнениями, вызванными обострением австро-сербских отношений», — писал Сазонов⁵². Это отступление перед британским империализмом в Персии определилось тем, что царская Россия тотчас же после начала австро-сербского конфликта начала готовиться к активному выступлению в Европе. Но и тут действовали великолепно замаскированные батареи британской дипломатии.

Некоторые иллюзии относительно того, что царская Россия будет вынуждена уклониться от войны, правящие круги Германии и Австро-Венгрии еще питали в связи с теми сведениями, которые поступали относительно революционных выступлений в России. С другой стороны, эти выступления не на шутку перепугали союзников и друзей русского царизма. «В последнюю неделю, — встревоженно сообщал из Петербурга английский посол Бьюкенен, — мы имеем (кто «мы»? — английская дипломатия и царская охранка? — маленькая, но весьма характерная обмолвка. — А. Е.) целый ряд очень плохих стачек»⁵³. Они носят исключи-

⁴⁷ МО, сер. III, т. V, № 18 Приложение

⁴⁸ DD, Bd. I, № 159 Гринингер — в ведомство иностранных дел. Белград, 24 июля 1914 г. Помета Вильгельма II.

⁴⁹ МО, сер. III, т. V. Поденная запись министерства иностранных дел 24 (11) июля 1914 г.

⁵⁰ DD, Bd. I, № 155. Чиршки — в ведомство иностранных дел. Вена, 24 июля 1914 г. Помета Вильгельма II.

⁵¹ DA, Teil II, № 32. Седьени — Берхтольд. 25 июля 1914 г.

⁵² МО, сер. III, т. V, № 47. Докладная записка министра иностранных дел Николаю II. 25 (12) июля 1914 г.

⁵³ BD, v. XI, № 164. Бьюкенен — А. Никольсону. Петербург, 23 июля 1914 г.

тельно политический характер и организованы подпольным центром,— сообщает далее Бьюкенен. С другой стороны, в иностранных дипломатических кругах Петербурга небезосновательно считали, что среди подстрекателей к войне «министр внутренних дел играет первую роль»; последний указывал на «воинственное настроение, опасное в настоящее время даже для престола, из чего вытекает безусловная необходимость, чтобы „что-нибудь произошло“»⁵⁴.

Этим «что-нибудь» было решение о форсировании войны: при обсуждении вопроса о мобилизации одним из главнейших аргументов явилось стремление с помощью войны прервать назревающий в России революционный кризис.

24 июля, еще до истечения срока австрийского ультиматума, русское правительство приняло решение просить у царя «соизволения на объявление, в зависимости от хода дел, мобилизации четырех военных округов — Киевского, Одесского, Московского и Казанского». Но собираясь вступить в войну, царское правительство сочло необходимым мобилизовать и Черноморский флот: царизм сразу ставил вопрос о подготовке захвата Константинополя и проливов. На сей раз Николай II оказался последовательней своих сановников: если приходилось «защищать» сербов на Черном море, то это означало, что нужно воевать с Германией,— и в журнале Совета министров перед словами о мобилизации Черноморского флота Николай своей рукой вставляет слово «Балтийского»⁵⁵. Утром 25 июля царское правительство вынесло решение о введении со следующего дня на всей территории России положения о подготовительном к войне периоде. Военный механизм царской России начал работать, но, конечно, он не мог поспеть за военной машиной Австро-Венгрии и в особенности Германии, которые начали готовиться к военным действиям тотчас после совещания в Потсдаме. Английский флот после 25 июля был приведен в боевую готовность. Тогда же и французское правительство начало проводить ряд подготовительных мероприятий военного характера. Поездка Пуанкаре в Петербург не была безрезультатна: даже Извольский, русский посол в Париже, «был поражен», насколько члены французского правительства «верно понимают положение и проникнуты твердою и спокойною решимостью оказывать нам полнейшую поддержку и избегать малейшей видимости разногласия с нами»⁵⁶. Австро-сербский конфликт сразу начал разрастаться в конфликт общеевропейского масштаба. Когда Сазонов угрожающе заявил германскому послу Пурталесу, что «если Австро-Венгрия поглотит Сербию, мы будем с нею воевать», в Берлине это вызвало довольно определенную реакцию. «Ну, что же, валяйте!»,— написал Вильгельм на донесении из Петербурга.

В ожидании сербского ответа Австро-Венгрия концентрировала войска на сербской границе. Однако непредвиденный ответ Сербии чуть не сорвал всю игру. 25 июля сербское правительство сообщило, что оно готово урегулировать конфликт. Приняв в основном требования неслышанно жесткого ультиматума, оно предложило один из его пунктов, наиболее неприемлемый, передать на рассмотрение держав. Столь тщательно подготовленный повод к войне как будто отпадал. Казалось, все придется начинать сначала. Чтобы облегчить осуществление агрессивного политического курса, германское официальное агентство Вольфа не передало в печать текст ответной сербской ноты, по-видимому, как отметил осведомленный наблюдатель, «в сознании того отрезвляющего впечатле-

⁵⁴ МО, сер. III, т. V, № 395. Австро-венгерский посол в Петербурге Сапари — австро-венгерскому министру иностранных дел Берхтольду. 1 августа (19 июля) 1914 г.

⁵⁵ Там же, № 19. Особый журнал Совета министров. 24 (11) июля 1914 г.

⁵⁶ Там же, № 129. Посол в Париже — министру иностранных дел. 27 (14) июля 1914 г. Помета Вильгельма II.

ния, которое он бы произвел в германских читающих кругах»⁵⁷. С другой стороны, крайне обеспокоенная перспективой того, что повод к войне может ускользнуть, германская дипломатия поспешила преподать в Вену совет, осуществление которого означало бы немедленное закабаление Сербии Австро-Венгрией: «Этого можно добиться временной военной оккупацией части Сербии, подобно тому как мы оставили в 1871 г. во Франции войска, пока не были уплачены миллиарды»⁵⁸. Но еще раньше, 25 июля, австро-венгерское правительство поспешило разорвать отношения с Сербией.

С этого момента задача всех держав, входящих в обе империалистические группировки, заключалась в том, чтобы под покровом дипломатических переговоров о локализации конфликта, о посредничестве между Австро-Венгрией и Сербией, между Россией и Австро-Венгрией успеть осуществить необходимые мобилизационные меры. Нужно было действовать так, чтобы изобразить перед народными массами надвигающуюся империалистическую войну как войну, вынужденную нападением противника, как войну оборонительную. Это было особенно важно, чтобы заручиться поддержкой лидеров социал-демократических партий.

Если для германского правительства было важно создать представление, что война вызвана нападением русского царя на Германию, то царское правительство стремилось создать представление о нападении германского кайзера на Россию. Англия же прежде всего стремилась оттянуть внимание и силы германского империализма с запада на восток — против России.

Английская пресса продолжала твердить о незаинтересованности Англии в австро-сербском конфликте. Официальная британская дипломатия заверяла Германию, что только с того момента, когда вслед за австрийской мобилизацией последует мобилизация России, «возникнет положение, в коем заинтересованы будут державы».

«Англию страшит не столько австрийская гегемония на Балканах, сколько мировая гегемония Германии», — так формулировал Бенкендорф исходные позиции британского империализма⁵⁹. В течение нескольких дней британская пресса и официальная дипломатия, отражая расстановку сил в кабинете, делали вид, что считают возможным и необходимым локализовать австро-сербский конфликт. На деле наиболее агрессивные круги британского империализма с самого начала понимали, что ни о какой локализации не может быть и речи, и английская дипломатия поддержала решение царского правительства об объявлении мобилизации. «Берлин является более, чем Вена, центром действия», — неустанно продолжал Грей внушать Бенкендорфу, который столь же неустанно сообщал об этом в Петербург. Фактически этот центр незримо уже переместился в Лондон.

«Борьба идет вовсе не по вопросу о судьбе Сербии, — указывал Кроу в одном из секретных документов, представленных кабинету, — борьба идет о цели Германии, о том, чтобы достичь политического господства в Европе»⁶⁰.

Империалистические противоречия достигли такой остроты, что Англия должна была поставить вопрос и о своем участии в разжигаемой ею войне.

⁵⁷ МО, сер. III, т. V, № 185. Поверенный в делах в Берлине — министру иностранных дел. 28 (15) июля 1914 г.

⁵⁸ DD, Bd. II, № 293. Кайзер — статс-секретарю ведомства иностранных дел. 28 июля 1914 г. О военных приготовлениях Австро-Венгрии см DDF, 3-e série, t. XI, № 27. Дюмен — Бьенвеню-Мартену. Вена, 24 июля 1914 г.

⁵⁹ МО, сер. III, т. V, № 91. Посол в Лондоне — министру иностранных дел. 26 (13) июля 1914 г.

⁶⁰ BD, ч. XI, № 101. Бьюкенен — Грею. Петербург, 24 июля 1914 г. Помета Эйр Кроу от 25 июля 1914 г.

«В этой борьбе..., в которой Германия добивается цели утвердить свое политическое превосходство в Европе, ...наши интересы переплетаются с интересами Франции и России»,— писал Кроу 25 июля, в тот момент, когда еще не было формально известно, примет или отвергнет Сербия предъявленный ей ультиматум.

«Если война вспыхнет и Англия в нее не вступит, тогда это приведет к следующему:

а) Побеждают Германия и Австрия; они раздавливают Францию и укрощают Россию. Французский флот уничтожается. Германия овладевает Ла-Маншем при содействующей или противодействующей кооперации Голландии и Бельгии. Каково будет тогда положение Англии, лишенной друзей?

б) Побеждают Франция и Россия. Какую они тогда займут позицию в отношении Англии? И как тогда будет обстоять дело с Индией и Средиземным морем»⁶¹.

Исходя из этой альтернативы, Кроу 25 июля предлагал принять решение о немедленной мобилизации флота и об этом решении поставить в известность французское и русское правительства. Пока английская либеральная пресса пропагандировала, что худой мир лучше доброй ссоры, и великодушно приглашала Сербию принять любые требования, предъявленные Австро-Венгрией, пока консервативная пресса, вроде «Times» и «Morning Post», размышляла о том, может ли Англия остаться невовлеченной в европейскую войну,— британская дипломатия своими предложениями о посредничестве и поддержании мира умело разжигала эту войну.

25 июля, т. е. до окончания срока австрийского ультиматума, британская дипломатия выступила с предложением задержать все другие мобилизации, кроме русской и австрийской. Но ни в России, ни в Австро-Венгрии мобилизация в этот момент даже не была объявлена — и это предложение сразу, таким образом, давало английскую санкцию на превращение Восточной и Юго-Восточной Европы в вооруженный лагерь.

Имея наготове свой военный флот, английская дипломатия считала, что пацифистский план очень хорош, если им можно сковать военную активность своего империалистического соперника: «Грей сказал мне,— сообщал Бенкендорф,— что этот план предполагает прежде всего согласие на него Германии и обязательство ее не мобилизоваться...»⁶² Первое же английское предложение о предотвращении войны являлось, по выражению самого Грея, не чем иным, как «средством прощупать пульс Германии». Как свидетельствует Бенкендорф, Грей «мало рассчитывает на действительность придуманного им средства. Он сомневается,— и признался мне в этом совершенно конфиденциально,— сообщает далее Бенкендорф,— чтобы Германия отказалась от выгод чрезвычайной быстроты своей мобилизации»⁶³.

И в то время как английская дипломатия поддерживала в Германии иллюзии относительно своего нейтралитета, Бенкендорф утверждал, что он «не наблюдал ни одного симптома ни со стороны Грея, ни со стороны короля, ни со стороны кого-либо из лиц, пользующихся влиянием, ука-зывающего на то, что Англия серьезно считается с возможностью остаться нейтральной. Мои наблюдения,— заключает Бенкендорф,— приводят к определенному выводу обратного порядка»⁶⁴. На следующий день, 26 июля, Бенкендорф высказал надежду, что ему удастся в самое бли-

⁶¹ BD, v. XI, № 101. Бьюкенен — Грею. Петербург, 24 июля 1914 г. Помета Эйр Кроу от 25 июля 1914 г.

⁶² МО, сер. III, т. V, № 54. Посол в Лондоне — министру иностранных дел. 25 (12) июля 1914 г.

⁶³ Там же, № 56. Посол в Лондоне — министру иностранных дел. 25 (12) июля 1914 г.

⁶⁴ Там же.

жайшее время «заставить Грея приподнять маску»⁶⁵. Слово «маска» — не случайное слово. Маска пацифизма сыграла великолепную роль. Она была необходима английской дипломатии, ибо «суть дела в том, что Грей не уверен в английском общественном мнении и опасается, что не будет поддержан, если он слишком ввяжется в дело»⁶⁶.

Не снимая маски, прикрывающей подлинные намерения британского империализма, Грей продолжал свое дело. Его многочисленные проекты о посредничестве и предотвращении войны, — всегда аккуратно запоздалые и заранее обреченные на провал, — имели определенную цель: скрыть борьбу, происходившую в самом кабинете, попытаться разыграть перед английским народом и перед всем миром роль чемпиона пацифизма и вместе с тем прошупать, насколько далеко зашла Германия в своей политике развязывания войны. Английские предложения крайне затрудняли германскую игру, и без того достаточно бездарную. В Берлине начали понимать, что отказ от посредничества, предложенного Англией, возложил бы на Германию «ответственность перед всем светом за мировой пожар и выставил бы нас как подлинных поджигателей войны. Это создало бы для нас невыносимое положение и в собственной стране, где мы должны выступать как вынужденные к войне»⁶⁷. Поэтому, передавая в Вену некоторые посреднические предложения Лондона, берлинская дипломатия тут же дала понять, что на маневр следует ответить маневром, иначе «мы были бы признаны Англией и всем миром ответственными за мировой пожар и истинными поджигателями войны. Это, с одной стороны, лишило бы нас возможности поддерживать нынешнее хорошее настроение в стране, а с другой стороны, побудило бы Англию отказаться от нейтралитета»⁶⁸.

Но и русская дипломатия поняла смысл миротворческих маневров Грея и считала нужным занять такую позицию, которая облегчила бы Грею достижение его целей. «...Мне кажется более выгодным, — указывал Бенкендорф в связи с одним из посреднических выступлений английской дипломатии, — чтобы проект Грея был отвергнут не нами, а правительствами Тройственного союза»⁶⁹. Это давало возможность прививать народным массам сознание того, что угроза войны надвигается вплотную, несмотря на противодействие английского правительства. 27 июля, еще до того, как на континенте были объявлены мобилизации армий, английское правительство поспешило произвести мобилизацию своего флота. Подготавливая войну, английское правительство делало все возможное, чтобы ввести в заблуждение общественное мнение своей страны. Вопросы внешней политики в основном решались самым узким кругом лиц; даже кабинет в целом о многом не был информирован. Еще менее был осведомлен парламент.

Мобилизация флота вызвала возбуждение среди широких масс английского народа. В этих условиях на возможные запросы в парламенте были заранее заготовлены весьма двусмысленные ответы, предварительно согласованные с русской дипломатией. «Он (т. е. Грей. — А. Е.) сказал мне, — сообщал Бенкендорф в Петербург, — что если его спросят, „будет ли Англия при всех условиях придерживаться нейтралитета“, он ответит: „несомненно, нет“, а если его спросят „находятся ли распоряжения, данные флоту, в связи с обстоятельствами момента“, он ответит

⁶⁵ МО, сер. III, т. V, № 91. Посол в Лондоне — министру иностранных дел. 26 (13) июля 1914 г.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ DD, Bd. I, № 277. Рейхсканцлер — Чиршки. Берлин, 27 июля 1914 г.

⁶⁸ DD, Bd. II, № 283. Рейхсканцлер — кайзеру. Берлин, 27 июля 1914 г.

⁶⁹ МО, сер. III, т. V, № 125. Посол в Лондоне — министру иностранных дел. 27 (14) июля 1914 г.

„конечно, да“»⁷⁰. Выступая в парламенте; Грей говорил еще менее откровенно. Он говорил как посторонний человек, желающий мира и ни чего не знающий о подготовке войны. Он даже уверял, что его осведомленность покоится только на данных, опубликованных в прессе, в той самой прессе, которую читают и distinguished джентльмены, сидящие в палате общин. Однако, добавил он, поскольку австро-сербский конфликт приобретает общеевропейский характер, нужно опасаться дальнейшего усиления пожара, который принесет неисчислимые бедствия всему миру⁷¹.

Таким образом, переговоры и действия, происходившие за кулисами тайной дипломатии, оставались неизвестными. Германия не была предупреждена, царская Россия и ее французский союзник не были разочарованы, и все это было покрыто добротным слоем английского пацифистского лака. Остальное предоставлялось делать прессе.

4

Шли дипломатические переговоры, но еще более напряженно шли военные приготовления. Подталкиваемая германским империализмом, Австро-Венгрия завершила концентрацию войск на сербской границе. 28 июля, подвергнув Белград артиллерийскому обстрелу, австрийская армия начала войну против Сербии. В тот же день германская дипломатия сделала еще одну попытку нейтрализовать Россию и тем самым облегчить Австро-Венгрии расправу над Сербией. Вильгельм отправил Николаю II телеграмму, в которой, играя на чувствах монархической солидарности, убеждал царя в том, что не следует вмешиваться в конфликт между Австро-Венгрией и Сербией, поскольку поводом для его возникновения явилось «гнусное преступление» — убийство австрийского престолонаследника; он убеждал царя и в том, что в последующем развитии кризиса «политика не играет никакой роли»⁷². Но царское правительство, зная громоздкость и медлительность своего мобилизационного аппарата, спешило и, после того как убедилось, что втайне провести мобилизацию не удастся, назначило на 30 июля объявление общей мобилизации⁷³. Германские угрозы ответить встречной мобилизацией, конечно, не подействовали и только заставили царское правительство торопиться: ни для кого не было секретом, что германская армия может быть мобилизована в гораздо более короткие сроки. Заканчивала свои военные приготовления и Франция. 30 июля, как только в Париже стало известно о германских угрозах ответить на русские военные приготовления объявлением войны, французское правительство выступило с советом, «чтобы приготовления эти носили как можно менее открытый и вызывающий характер...» «...Военный министр,— сообщил Извольский,— высказал... что мы могли бы заявить, что в высших интересах мира мы согласны временно замедлить мобилизационные мероприятия, что не помешало бы нам продолжать и даже усилить военные приготовления...»⁷⁴.

В таких условиях Николай II, испугавшийся надвигающихся событий, вдруг по телефону приказал отменить мобилизацию. Этот приказ вызвал в царском правительстве настоящую панику. Сазонову пришлось прибегнуть к сильному нажиму, чтобы вырвать у венценосного кретина вторичное согласие на объявление общей мобилизации, а на-

⁷⁰ МО, сер. III, т. V, № 122. Посол в Лондоне — министру иностранных дел 27 (14) июля 1914 г.

⁷¹ BD, v. XI, № 190. Парламентские дебаты в палате общин. 27 июля 1914 г.

⁷² МО, сер. III, т. V, № 184. Вильгельм II — Николаю II. 28 (15) июля 1914 г.

⁷³ Там же, № 210. Начальник генерального штаба — главнокомандующему... 28 (15) июля 1914 г.

⁷⁴ Там же, № 291. Посол в Париже — министру иностранных дел. 30 (17) июля 1914 г.

чальник штаба Янушкевич, во избежание повторения подобных приказов царя, хотел даже сломать свой телефон. Таким образом, к вечеру 30 июля приказ был получен и судьба миллионов людей, посылаемых на бойню, была решена. 31 июля был объявлен указ о всеобщей мобилизации России. «Известие об этом,— по свидетельству одного из самых близких участников событий,— было встречено с восторгом тесным кругом лиц, которые были посвящены в дело»⁷⁵. Такие же настроения господствовали в момент развязывания войны и в руководящих кругах Парижа: там в генеральном штабе наблюдалась «нескрываемая радость воспользоваться выгодной, по мнению французов, стратегической обстановкой»⁷⁶. Еще более приподнятое настроение в дни дипломатического кризиса было в руководящих политических кругах австро-венгерского и германского империализма. Но 29 июля у правительственной верхушки в Германии впервые дрогнуло сердце.

В этот день в Берлине было получено тревожное сообщение от посла в Лондоне Лихновского; Грей недвусмысленно дал ему понять, что в Берлине ошибаются, если рассчитывают на нейтралитет Англии. События, следовательно, пошли по варианту, хотя и предусмотренному, но наименее желательному для германского империализма. Это вызвало в правящих кругах Берлина припадок бешенства. «Англия открывает свои карты,— возмущался Вильгельм,— в тот момент, когда ей кажется, что мы загнаны в тупик и с нами, так сказать, покончено! Гнусная, торгашеская сволочь пыталась обмануть нас банкетами и речами... По существу, его угроза, соединенная с блефом, чтобы оторвать нас от Австрии, помешать мобилизации и взвалить на нас вину за войну. Он (т. е. английский король.— А. Е.) совершенно определенно знает, что стоит ему сказать одно только серьезное и резкое слово предостережения Парижу и Петербургу и порекомендовать нейтралитет, как оба тотчас же притихнут. Но он остерегается вымолвить такое слово и вместо этого угрожает нам! Гнусный сукин сын! Только одна Англия несет ответственность за войну и мир, а не мы. Это нужно установить публично»⁷⁷.

Разумеется, никакого предостережения ни в Петербурге, ни в Париже не последовало. Французское правительство, как с удовлетворением констатировал Извольский, с самого начала кризиса было проникнуто «твердой и спокойной решимостью оказывать нам полнейшую поддержку и избегать малейшей видимости разногласия с нами»⁷⁸. «Во Франции все возможное сделано, и в министерстве спокойно ждут событий»,— сообщил русский военный агент в Париже Игнатьев 29 июля⁷⁹. На следующий день он дополнительно сообщал о том, что «все военные мероприятия... принимаются в строгой и спокойной последовательности», что все пограничные корпуса «находятся уже почти в боевом составе». «Поражает общее спокойствие,— писал он,— удовлетворенность своей работой — плодом мирной подготовки — и нескрываемая радость воспользоваться выгодной, по мнению французов, стратегической обстановкой»⁸⁰. «Демонстрациям против войны,— сообщается тут же,— не придается никакого значения», однако для их предотвращения все же, ока-

⁷⁵ МО, сер. III, т. V, № 224. Поденная запись министерства иностранных дел. 29 (16) июля 1914 г.

⁷⁶ Там же, № 296. Военный агент во Франции в отдел генерал-квартирмейстера генерального штаба. 30 (17) июля 1914 г.

⁷⁷ DD, Bd. II, № 368. Лихновский — в ведомство иностранных дел. Лондон, 29 июля 1914 г. Помета Вильгельма II.

⁷⁸ МО, сер. III, т. V, № 129. Посол в Париже — министру иностранных дел. 27 (14) июля 1914 г.

⁷⁹ Там же, № 236. Военный агент во Франции в отдел генерал-квартирмейстера генерального штаба. 29 (16) июля 1914 г.

⁸⁰ Там же, № 296. Военный агент во Франции в отдел генерал-квартирмейстера генерального штаба. 30 (17) июля 1914 г.

зывается, пришлось произвести многочисленные аресты. 31 июля был убит Жорес.

Осуществление всей системы подготовительных к войне мероприятий французское правительство провело под покровом переговоров о предотвращении войны, и провело столь блестяще, что пыталось этот свой опыт передать русской союзнице.

Если Франция и Россия с самого начала июльского кризиса добивались поддержки Англии, то Германия и Австро-Венгрия стремились заручиться обещанием Англии придерживаться политики нейтралитета. В Берлине зародилась даже мысль — «купить английский нейтралитет за компенсации»⁸¹. Германская дипломатия великодушно предложила Англии Персию, которую Англия в 1907 г. поделила с царской Россией на сферы влияния. Но царское правительство предупредило этот удар германской дипломатии: оно дало указание посланнику и консулам в Персии не осложнять и даже сглаживать отношения по всем вопросам англо-русского соперничества. Попытки германской дипломатии нейтрализовать Англию или отсрочить ее вступление в войну продолжались. 29 июля в переговорах с английским послом Гошеном рейхсканцлер Бетман-Гольвег заявил, что Германия после разгрома Франции не собирается аннексировать ее территории. Британская дипломатия заинтересовалась этим заверением лишь с целью позондировать, как далеко идут захватнические планы германского империализма. Оказалось, что в отношении французских колоний германское правительство не собиралось давать никаких гарантий. Было ясно, что оно собирается их захватить. При этом Бетман-Гольвег прозрачно намекнул на готовность Германии поделиться с Англией в уплату за ее нейтралитет некоторой толикой будущей добычи за счет колониальных владений Франции, с которой в настоящий момент германское правительство еще находилось в нормальных дипломатических отношениях.

Циничный торг с Англией, предпринятый германской дипломатией, не принес ей успеха. Британский империализм вставал на путь борьбы со своим германским соперником, и в политических кругах Берлина впервые за время кризиса обнаружилось некоторое смятение. Но, как выразился Бетман-Гольвег, «направление утеряно, и камень покатился». На Балканах уже вспыхнул пожар войны. Во всех империалистических странах Европы военные приготовления шли полным ходом. Каждое из империалистических правительств стремилось прикрыть эту подготовку, сыграть время, свалить ответственность за войну на своего империалистического противника. В частности, подобные цели преследовал обмен «мирными» телеграммами и личные взаимные увещевания германского кайзера и русского царя — «Вилли» и «Ники»⁸². Особенно осторожно действовало английское правительство. 31 июля Грей уведомил послов Франции и России — Камбона и Бенкендорфа, что германская дипломатия все еще настаивает «на объявлении английского нейтралитета, в чем он категорически оказал». Однако, добавил он, эту информацию «не следует рассматривать как данное нам (т. е. Франции и России.— А. Е.) обязательство». Состоялось заседание кабинета, на котором «было констатировано, что в данный момент парламент не может одобрить решительную позицию; дело Сербии несколько не захватывает общественное мнение..., но новые события могут легко изменить настроение умов; нужно их выждать»⁸³. Эта выжидательная тактика означала, что в кабинете

⁸¹ МО, сер. III, т. V, № 487. Посол в Лондоне — министру иностранных дел. 3 августа (21 июля) 1914 г.

⁸² Там же, № 170, 184, 214, 238, 275, 276, 299, 338, 357, 384, 416.

⁸³ Там же, № 351. Посол в Лондоне — министру иностранных дел. 31 (18) июля 1914 г.

все еще продолжается борьба. Однако группа Асквита — Черчилля — Грея явно укрепляла и расширяла свое влияние.

«Грей отлично понимает положение и смотрит на дело совершенно ясно,—сообщал Бенкендорф в Петербург 31 июля.—...Прошу вас считать несомненным, что правительство не может двинуться вперед, не подготовив общественного мнения»⁸⁴.

Выжидательная тактика британского правительства вызвала в правящих кругах Франции большое нетерпение и даже раздражение. В Париже знали, что Германия уже готовится провести всеобщую мобилизацию и что по плану Шлиффена — Мольтке, ввиду медлительности проведения русской мобилизации, главные силы Германии будут брошены на французскую границу. 31 июля в России был объявлен указ о всеобщей мобилизации, а в полночь германское правительство вручило ультиматум с требованием ее отмены. В этих условиях французская дипломатия стала всячески торопить английский кабинет. 1 августа Грей был вынужден заявить, что британский кабинет еще не в состоянии выступить. «Они нас предадут! Они нас предадут!» — вскричал изнервничавшийся французский посол в Лондоне Камбон. Вечером того же дня германский посол в Петербурге граф Пурталес явился к Сазонову и от имени германского правительства еще раз потребовал отмены русской мобилизации, но получил отказ. Тогда, вынув из кармана сложенную бумагу, Пурталес, не скрывая своего волнения, второй и третий раз повторил требование. «Сазонов,— гласит запись свидетеля,— твердо и спокойно подтвердил еще раз только что данный им ответ». Дрожащими руками Пурталес передал Сазонову ноту германского правительства, объявляющую России войну. Когда ноту рассмотрели, оказалось, что она «содержала в себе 2 варианта, по оплошности германского посольства в Петербурге соединенные в одном тексте»⁸⁴.

В тот же день в Германии была объявлена давно и тщательно подготовленная мобилизация. Военный пожар, вспыхнувший на Балканах, охватил и Восток Европы.

В целях быстрого проведения плана Шлиффена германский генеральный штаб требовал немедленного объявления войны Франции. Но тут произошло неожиданное событие: из Лондона поступило сообщение о готовности Англии сохранить нейтралитет и дать гарантии в том, что Франция не выступит вслед за своим русским союзником, если только Германия не нападет на Францию. Этот ловкий шаг английской дипломатии, казалось, связал руки германскому генеральному штабу. Вильгельм и его политическое окружение готовы были благоприятно отнестись к лондонскому предложению. «Итак, мы просто двинемся со всей армией на Восток», — заявил кайзер. Он предполагал, что, избежав опасности войны на двух фронтах, германская армия быстро разгромит Россию, а затем, перебросив основные силы на Запад, обрушится на Францию и разгромит ее. Между тем удар против Франции был давно предусмотрен планом Шлиффена как первое стратегическое мероприятие, и начальник генерального штаба Мольтке не считал возможным ломать этот план. Мольтке рвал и метал, он требовал отклонить английское предложение. В конце концов германское правительство решило ультимативно потребовать от Франции нейтралитета в начинающейся русско-германской войне, а в случае готовности Франции пойти на уступки потребовать от нее в «залог» не более и не менее, как сдачи крепостей Туль и Верден. Французское правительство, уже заранее решившееся на войну, разумеется, отклонило ультиматум. 3 августа Германия объ-

⁸⁴ МО, сер. III, т. V, № 350. Посол в Лондоне — министру иностранных дел. 31 (18) июля 1914 г.

⁸⁵ Там же, № 396. Поденная запись министерства иностранных дел. 1 августа (19 июля) 1914 г.

явила Франции войну. Нужен был предлог, и он был немедленно создан: берлинское правительство ссылалось на то, что над Нюрнбергом пролетели французские военные самолеты. Впоследствии Бетман-Гольвег был вынужден признать, что никаких самолетов никто не видел.

Как бы то ни было, к обоюдному удовлетворению противников война началась и на Западе. «Этот европейский мировой характер конфликта бесконечно важнее повода, его возбудившего», — телеграфировал Сазонов в Лондон, призывая английское правительство к выступлению⁸⁶. И еще до формального объявления войны Камбон, терпение которого уже иссякло и который не хотел ждать, пока английское правительство будет считать законченной операцию обмана своих народных масс, явился в Форейн оффис и положил на стол небольшой документ. Это был меморандум, напоминающий об одной хранящейся у него «маленькой бумажке», — письме, которым Эд. Грей еще в конце 1912 г. подтвердил готовность Англии применить военные соглашения, заключенные между французским и английским генеральными штабами при переговорах, начавшихся в 1906 г. Политическое обязательство являлось столь секретным, что о нем не знали даже многие члены кабинета. Решение британского кабинета не заставило себя долго ждать.

Первые германские отряды перешли французскую границу, и это вызвало у французского правительства, как отметил русский посол в Париже Извольский, вздох облегчения, ибо «даст возможность... заявить палатам..., что на Францию сделано нападение»⁸⁷.

Со своей стороны, в ожидании неизбежного нарушения бельгийского нейтралитета, английское правительство обратилось к Германии и Франции с требованием сохранить нейтралитет Бельгии. Все это делалось в стремлении доказать массам, что английское правительство хочет мира и только мира, что оно стоит на страже справедливости и свободы малых государств. «Даже консерваторы, — не без удивления сообщал Бенкендорф, — несмотря на воодушевляющий их воинственный дух, стараются не выступать в роли „военной партии“, что могло бы оттолкнуть либеральные и пацифистские мысли»⁸⁸.

К 3 августа английский империализм, его правительство, его пресса достигли уже многого: «Возбуждение в Лондоне возрастает с часу на час»⁸⁹. В тот же день Эд. Грей выступил в палате общин со своей знаменитой речью о неизбежности войны во имя чести, во имя справедливости, во имя жизненных интересов английского народа, во имя сохранения бельгийского нейтралитета. «Речь была произнесена твердым тоном, ясно свидетельствовавшим о мысли о войне, но о войне, вступить в которую Англия была бы вынуждена не в силу обязательств, — передавал Бенкендорф свое впечатление. — ...Грей заботится о непосредственном достижении своей цели. Но нужно предоставить ему свободу и выбор средств»⁹⁰. В этих средствах обмана масс руководитель внешней политики британского империализма не стеснялся. Он утверждал, что Англия не имеет никаких секретных политических обязательств, и в доказательство он даже прочел ту секретную «маленькую бумажку», о которой напоминал ему Камбон. При чтении ее он, однако, предусмотрительно

⁸⁶ МО, сер III, т. V, № 452. Министр иностранных дел — послу в Лондоне. 2 августа (20 июля) 1914 г.

⁸⁷ Там же, № 458. Посол в Париже — министру иностранных дел. 2 августа (20 июля) 1914 г. О позиции Франции в связи с ее вступлением в войну см. DDF, 3-e série, t. XI, № 462—710.

⁸⁸ Там же, № 534. Посол в Лондоне — министру иностранных дел. 4 августа (22 июля) 1914 г.

⁸⁹ Там же, № 486. Посол в Лондоне — министру иностранных дел. 3 августа (21 июля) 1914 г.

⁹⁰ Там же, № 534. Посол в Лондоне — министру иностранных дел. 4 августа (22 июля) 1914 г.

опустил те строки, которые указывали на существование военных соглашений с Францией, а также о политической санкции этих соглашений.

Грей заявлял далее, что Англия не может допустить нарушения бельгийского нейтралитета, но скромно умолчал о том, что уже в течение ряда лет английский генеральный штаб строил планы, предусматривающие ведение войны на территории Бельгии, что начиная с 1906 г. между английским и бельгийским генеральными штабами велись об этом секретные переговоры, и о том, что еще во время первого Марокканского кризиса Англия разработала план переброски экспедиционного корпуса на континент через Бельгию. Все это осталось скрытым от народных масс.

Осуществляя план Шлиффена, дополненный Мольтке, германская армия вторглась в пределы Бельгии. Тотчас же английское правительство направило Германии ультимативную ноту, которая как заранее было известно, будет неприемлема. Не было сомнения в том, что Германия не откажется от проведения своего стратегического плана, но стремление к войне было столь велико, что даже тут не обошлось без маленького подлога. Срок ультиматума истек в 12 часов ночи. Английский кабинет собрался за большим столом, покрытым зеленым сукном, в зале, где в прошлом не раз принимались исторические решения. Хотя не было надежды, что германский империализм отступит, все-таки английское правительство опасалось, как бы Германия не приняла ультиматума. И чтобы это предупредить, было решено использовать разницу во времени между Берлином и Лондоном: считать срок истечения ультиматума на один час ранее. В ожидании ответа все смотрели то на стрелку часов, то на двери, и когда пробило одиннадцать, в зале воцарилась торжественная тишина. Через 20 минут явился первый лорд адмиралтейства Уинстон Черчилль и сообщил, что им разослана по всем морям и океанам радиотелеграмма, приказывающая английским военным судам начать военные операции. Пожар, начавшийся на Балканах, через несколько дней охватил Европу и превратился в пожар мировой.

Во всех империалистических странах правые лидеры социал-демократии, предавая идеи интернационализма, поддерживали правительства и включились в кампанию, имевшую своей целью внушить народам, что война носит оборонительный характер. Они поддерживали версии правительств о том, что война вызвана нападением противника. Уже в начале июльского кризиса социал-демократические партии недооценили угрозу империалистической войны, не смогли, да и не хотели мобилизовать рабочий класс на активные действия против этой угрозы. В Германии только левые элементы социалистического движения пытались развернуть антимилитаристскую пропаганду, которую правительство решило подавить. Используя в качестве посредника Зюдекума, германское правительство сумело фактически договориться с руководством социал-демократии. Так, изменив интересам немецкого и международного рабочего движения, правые лидеры социал-демократии пошли на сделку и включились в империалистическую политику «гражданского мира». Такую же позицию заняло руководство социалистических партий в Австро-Венгрии, во Франции и в других странах.

Только большевики в России выступали против империалистической войны. Уже вскоре после начала войны Ленин дал научный анализ вопроса о происхождении, возникновении, классовом содержании и целях войны. Война была подготовлена в глубокой тайне от народных масс. Массы были поставлены перед совершившимся фактом — мировая война началась.

1963 г.

«ЦВЕТНЫЕ КНИГИ»

Нет сомнения, что многотомные издания документов, советские и зарубежные, освещающие историю возникновения первой мировой войны, окончательно скомпрометировали те небольшие сборники, так называемые «цветные книги», которые в свое время были выпущены в свет правительствами воюющих стран со специальной политической целью доказать обычный тезис империалистических правительств — тезис о своем миролюбии и коварстве противника. В развязывании военного столкновения империалистических группировок каждое из правительств, ввергнувших народы в мировую войну, занимало особое положение и соответственно играло особую роль. В этих условиях известную трудность представляло построение такой простой и четкой схемы, оправдывавшей начало военных действий, которая могла бы быть брошена в массы, чтобы эти массы обмануть. Довольно богатая литература о технике пропаганды в годы мировой войны позволяет уяснить общую структуру и даже отдельные детали тех монополистических организаций, которые были созданы с исключительной целью развернуть активную и сложную деятельность по обработке сознания миллионов людей.

Широкая, настоячивая военная пропаганда умело велась в самых различных направлениях, при помощи самых беззастенчивых средств и приемов, но в своей основе она имела одно построение, одну концепцию, разработанную каждым из правительств воюющих стран применительно к собственным условиям, задачам и целям. Поскольку цели военной пропаганды — мобилизация сознания и мобилизация людей — у правительств обеих империалистических группировок были тождественными, официальные концепции были пронизаны одной основной мыслью — тезисом об оборонительном характере войны, вызванной угрожающими действиями противника. Для подтверждения этого тезиса, выдвинуть который было столь же необходимо, сколь трудно его обосновать, и были опубликованы сборники документов, которые, явившись материалом для парламентских обсуждений, тотчас же сказались на направлении политической пропаганды буржуазной прессы. Пресловутый вопрос о «виновниках войны» был выдвинут таким образом не в связи с Версальским миром, а в связи с началом империалистической войны, и притом он сразу же стал вопросом классовой борьбы. Это правильно подметил и довольно четко сформулировал американский исследователь техники военной пропаганды Гарольд Ласвель. «Правительства Западной Европы, — пишет он, — никогда не могут быть уверены в том, что сознающий свои классовые интересы пролетариат их страны откликнется на призыв к войне». Пропаганда как одна из форм классовой борьбы строилась поэтому так, чтобы не было «колебаний по отношению к тому, кого нужно ненавидеть». «Причиной войны, — пишет Г. Ласвель, — не должны представляться ни мировая система управления международными делами, ни

тупость и недоброжелательность правящих классов, но исключительно хищнические инстинкты неприятеля. Для возбуждения в народе ненависти к противнику пропагандист должен позаботиться, чтобы циркулировало все, что устанавливает исключительную ответственность неприятеля»¹.

1

Подзаголовок русского издания германской «Белой книги» — «Книга лжи» — на равных основаниях мог бы быть перенесен и на все другие «цветные книги», изданные в начале войны, в том числе, и отнюдь не в меньшей мере, и на книги, изданные правительствами стран Антанты. «Цветные книги» — это прежде всего метод политической аргументации, орудие военной пропаганды. И если германская «Белая книга» чем-нибудь существенным отличается от других аналогичных правительственных изданий, то лишь определенной противоречивостью аргументации.

Дело в том, что «Белая книга», которую канцлер Бетман-Гольверг представил рейхстагу 3 августа как памятную записку и документы, относящиеся к возникновению войны, закончена была составлением в полдень 2 августа. Ввиду быстроты развертывания событий исключительно большого значения установить этот момент чрезвычайно важно, ибо сложившиеся тогда военные и политические расчеты германского правительства самым непосредственным образом сказались и в построении «Белой книги», и в выборе помещенных документов, и в общей политической тенденции издания².

Памятная записка и приложенные к ней документы, включенные в «Белую книгу», освещают период июльского кризиса, предшествующего началу войны: от 28 июня (дня убийства австрийского эрцгерцога в Сараеве) по 1 августа (французская мобилизация). В этих хронологических пределах материал мог быть представлен только так, как это требовалось общей военно-политической ситуацией в момент, когда Англия еще продолжала вести свою двойственную политику по отношению к Германии. Основной политический тезис, вокруг которого развертывалась германская концепция, сводился к утверждению, что русское правительство встало на путь агрессии. Чтобы согласовать этот тезис с австрийским ультиматумом Сербии, санкционированным Германией, издание пытается убедить в том, что на протяжении всего кризиса германское правительство рассматривало австро-сербский конфликт как столкновение, имеющее только местное, ограниченное значение. «С самого начала конфликта, — аргументирует германское правительство, — мы стояли на такой точке зрения, что тут идет речь о деле, касающемся одной Австрии, которое и должно разрешиться между ею одной и Сербией. Поэтому мы все свои стремления направили на то, чтобы локализовать войну и убедить другие державы в том, что Австро-Венгрия вынуждена обстоятельством и законная необходимость самообороны взяться за оружие»³. Прикрывая факт настойчивой германской поддержки и даже руководства в австрийских выступлениях после сараевского убийства, «Белая книга» ограничивается сообщением, что, предоставив Австро-Венгрии свободу действий в отношении Сербии, Германия в приготовлениях к этим дей-

¹ Г. Ласвель. Техника пропаганды в мировой войне. Перев. с англ. М.—Л., 1929, стр. 55.

² «Das Deutsche Weissbuch. Wie Russland Deutschland hinterging und den europäischen Krieg entfesselte...» Berlin, 1914.

³ «Германская Белая книга о возникновении германо-русско-французской войны. По представленным рейхстагу материалам. Книга лжи». Перев. с нем. Р. Марковича. Пг., 1915, стр. 10.

ствиям никакого участия не принимала. Поэтому вмешательство России в австро-сербский кризис выступало как решающий фактор, превративший конфликт местного значения во всеевропейскую войну. Позиция Германии при этом рисуется в двух аспектах: безоговорочная, но пассивная санкция политики Австро-Венгрии в ее конфликте с Сербией и частойчивые попытки посредничества с момента, когда в австро-сербский конфликт вмешалась Россия. Оба аспекта столь же мало соответствовали действительному положению вещей, сколь полно отражали ту общую политическую тенденцию, которой руководствовалось германское правительство.

Любопытно, что в «Белой книге» не опубликован ни один документ из обширной переписки, которая происходила между Берлином и Веной в напряженные дни предвоенного кризиса. Опубликование хотя бы одного документа этой переписки нарушило бы всю стройность политической концепции как орудия военной пропаганды. Дело в том, что германское правительство должно было заботливо скрывать не только факты своей активной поддержки Австро-Венгрии, но и некоторые тактические разногласия с союзницей, которые появились в связи с угрожающей позицией Англии между 28 и 31 июля. В условиях только что разразившейся войны нужно было продемонстрировать не только незаинтересованность Германии, но и верность ее союзным обязательствам, и твердость австро-германского политического союза. Отсюда могло создаться представление, что Германия была вовлечена в катастрофу благодаря своей пассивной позиции в отношении безумной политики Австро-Венгрии, игравшей руководящую роль.

Позиция, занятая в те дни германским правительством, заставила его быть последовательным до конца. Политическая демонстрация твердости австро-германского союза определяла и общий смысл концепции возникновения войны, и отношение к публикуемым документам. Поскольку детали некоторых документов, если бы они были подлинно воспроизведены, могли обнаружить истинный характер австро-германских взаимоотношений в ходе июльского кризиса, германское правительство предпочло учинить насилие над документами (сокращения, изменения и т. д.). Более того, в некоторых случаях документы о посреднических усилиях между Веной и Петербургом, предпринятых в самые последние дни июля, могли бы помочь германскому правительству более отчетливо иллюстрировать тезис о том, что Германия всячески стремилась предотвратить войну, навязанную Россией. Но в создавшихся условиях пришлось отказаться от включения этих документов в «Белую книгу»: война уже началась, и нужно было устранить даже малейший намек на трения между германской и австрийской политикой. А это, в свою очередь, заставляло подчеркивать не столько оборонительный характер собственной позиции, сколько агрессивный характер политики России.

Доказать последнее положение было очень просто, но ввиду исходных точек зрения германскому правительству именно тут пришлось более всего потрудиться над документами. Соответствующая выразительность была достигнута за счет того, что ряд документов, касающихся политики России, был опубликован в значительно сокращенном виде. Общую тенденцию фальсификаторских усилий можно раскрыть в том, что, например, телеграмма, отправленная царем вечером 29 июля Вильгельму с предложением передать австро-сербский конфликт на разрешение Гаагского трибунала, попросту не была помещена в «Белой книге», очевидно из боязни, как бы тут не был усмотрен пример уступчивости России. Понятно, что русское правительство могло в любой момент опубликовать эту телеграмму, а тем самым разоблачить германскую версию и даже воспользоваться ею для антигерманской пропаганды. Вот почему в германской историографии впоследствии было отмечено, что сокрытие

вильгельмовским правительством документа противника явилось «тактически неумным»⁴. Главная задача германской «Белой книги» состояла в том, чтобы показать особую агрессивность царской России. Вильгельмовское правительство считало это необходимым, в частности, для того, чтобы получить открытую поддержку германской социал-демократии. Как ни странно, одно из средств для достижения своей пропагандистской цели германское правительство усматривало в тот момент в преуменьшении роли Франции в возникновении войны. Франция изображалась лишь спутником нападающей России, спутником, пассивно следующим за своим союзником. Прямое обвинение в провокации войны не было брошено в лицо Франции потому, что в момент составления книги (2 августа) германское правительство еще не находилось с Францией в состоянии войны, а также потому, что отдавало себе отчет в истинном характере англо-французских отношений.

В свете последующих событий может представляться чрезвычайно странной та трактовка позиции Англии в предвоенном кризисе, которая нашла свое отражение в германской «Белой книге». Дело изображалось так, что Англия выступает в качестве непреклонного хранителя европейского мира, и все документы, противоречащие этому тезису (как, например, известная телеграмма германского посла в Лондоне Лихновского, предупреждающая об истинной антигерманской позиции Грея), не были опубликованы. Такая трактовка диктовалась двумя мотивами: во-первых, стремлением избежать лишнего повода для раздражения Англии на тот случай, если она еще удержится на позиции нейтралитета и, во-вторых, расчетом получить возможность в случае ее вступления в войну бросить ей обвинение в неслыханном коварстве. По этим же мотивам «Белая книга» создала совершенно неверное представление об истинном характере англо-германских отношений накануне войны. Поскольку через несколько дней Англия вступила в войну на стороне России и Франции против Германии, германское правительство изданием «Белой книги» как бы выдало документальное свидетельство своей политической бездарности. Не удивительно, что впоследствии в новом, значительно измененном, издании «Белой книги» оно сочло необходимым полностью перестроить всю первоначальную композицию в изображении виновников возникновения войны. Но первоначальная германская версия, выраженная в «Белой книге» 1914 г., была такова, что в части, касающейся роли Англии в предвоенном кризисе, она могла быть использована британской «Синей книгой», опубликованной всего лишь через два дня (т. е. 5 августа 1914 г.) с целью оправдать вступление Англии в войну на стороне Франции и России против Германии. Британское правительство имело огромный опыт подбора и подтасовки дипломатических документов, предназначенных для опубликования в «Синей книге».

2

На сей раз «Синяя книга» являлась попыткой документального обоснования знаменитой речи сэра Эд. Грея, произнесенной в палате общин 3 августа 1914 г. с целью доказать неизбежность и необходимость вооруженного выступления Англии против Германии⁵. «Мы опублику-

⁴ A. Bach. Das erste deutsche Weissbuch.— «Die Kriegsschuldfrage», 1925, XI, S. 773. Телеграмма включена в русский перевод «Белой книги».

⁵ «Correspondence respecting the European Crisis. Presented to both Houses of Parliament by His Majesty's Stationery Office». London, 1914. Затем в более расширенном виде была опубликована под названием: «Great Britain and the European Crisis. Correspondence and Statements in Parliament, together with an Introductory Narrative of Events». London, 1914. В русском переводе последняя называлась так: «Белая книга. Переписка Англии, относящаяся к европейскому кризису, представленная обоим палатам по повелению его величества короля Георга V». Пг., 1914.

ем документы, — заявил тогда Эд. Грей, — относительно того, что произошло в последнюю неделю, когда мы действовали в интересах мира. И когда эти документы будут опубликованы, я не сомневаюсь, что всякому человеческому существу ясно станет, как усердны, чистосердечны и искренни были наши усилия в пользу мира, и они дадут возможность людям составить свои собственные мнения о том, какие силы противодействовали миру». После того как германское правительство, надеясь сохранить последние шансы на нейтралитет Англии, своей «Белой книгой» засвидетельствовало примирительный характер британской политики, пропагандистская задача лондонского кабинета была наполовину облегчена.

Но задача Грея состояла не только в том, чтобы доказать свое миролюбие, но и в том, чтобы оправдать войну с Германией, исходя исключительно из собственных интересов Англии, якобы абсолютно не связанной каким бы то ни было тайным соглашением или даже «обязательством чести». Это последнее утверждение о «свободе рук» английской политики являлось исходным и основным положением, полностью пронизавшим подбор и состав документов, опубликованных в «Синей книге». Нет нужды доказывать, что вся развернутая тогда аргументация о необходимости для Англии вооруженного вмешательства в европейскую войну была построена на ложных, и притом заведомо ложных, основаниях. Понятно, что Франция изображалась как сторона, вынужденная защищаться от германского нападения. В качестве главного и решающего аргумента Форейн оффис выдвинул вопрос о неприкосновенности бельгийского нейтралитета, гарантированного державами еще в 1839 г. «Если утрачена будет ее (т. е. Бельгии. — А. Е.) независимость, — заявил в палате общин Грей, — утрата независимости Голландии последует за ней. Я прошу палату обсудить с точки зрения британских интересов, что может произойти, если все это поставить на карту». В действительности это все уже было поставлено на карту за много лет до начала мировой войны. Руководящие круги английской политики давно знали, что в случае войны на два фронта Германия нарушит бельгийский нейтралитет; более того, в 1887 г., когда Англия вступала в Средиземноморскую Антанту, созданную при закулисной поддержке Германии, она была готова дать последней свое согласие на нарушение нейтралитета Бельгии⁶.

Далее, в 1907 г., когда в результате роста своих противоречий с Германией Англия уже завершала создание Антанты, британский генеральный штаб вступил в переговоры с бельгийским генеральным штабом о возможных совместных военных действиях. Таким образом, бельгийский нейтралитет, по сути дела, уже давно стал политической фикцией. По сведениям, которыми располагало германское правительство еще в разгар первого Марокканского кризиса, в Англии на случай франко-германской войны были разработаны три варианта переброски экспедиционного корпуса против Германии: через Кале и Дюнкерк, через Шлезвиг и Данию и, наконец, через Бельгию⁷. Последний вариант считался наиболее вероятным, но нейтралитет Голландии и Дании, на который Грей в парламентском выступлении также распространил свои заботы, был уже давно поставлен на карту, и притом поставлен самой Англией.

За фикцией неприкосновенности бельгийского нейтралитета, которую ввиду особой секретности англо-бельгийских переговоров можно было изобразить как политическую реальность, последовала прямая фальсификация решающего вопроса — об англо-французских отношениях. Для

⁶ H. Lutz Lord Grey und der Weltkrieg. Berlin, 1927, S. 257.

⁷ GP, Bd XXI, № 6946.

того чтобы доказать, что Англия абсолютно свободна от всяких европейских политических комбинаций, не имеет никаких военно-политических обязательств и не дала Франции «никакого обещания чего-либо большего, нежели дипломатическая поддержка», Грей употребил прием весьма вольного, выражаясь мягко, обращения с документами. Сообщая текст своего, до той поры неизвестного, письма французскому послу в Лондоне Камбону (от 22 ноября 1912 г.), в котором в неофициальной форме были установлены принципы совместного англо-французского военного и морского выступления, т. е., по существу, обязательства решающего характера, Грей ограничился только той частью, в которой говорилось об обязательствах Англии и Франции обсудить, должны ли оба правительства «действовать сообща, дабы воспрепятствовать нападению и сохранить мир, и если так, то какие меры они готовы были бы совместно принять», а следующей, заключительной фразы документа, содержащей в себе основу англо-французских обязательств вооруженного выступления против Германии, Грей счел более выгодным не зачитывать. Эта пропущенная фраза гласила буквально следующее: *«Если эти меры включают военное выступление, то должны быть немедленно приняты во внимание планы генеральных штабов, и правительство тогда решит, в какой мере они будут приведены в действие»*⁸.

Непонятно, на какого читателя рассчитывал Грей, когда впоследствии в своих мемуарах писал, что в момент решения вопроса о вступлении Англии в войну, фраза, заключающая в себе эти важные обязательства, не была им зачитана лишь случайно, ввиду нервного состояния или потому, что он якобы считал эту фразу не имеющей значения⁹. Передержка фактов столь крупного военно-политического значения имела, конечно, другие основания. Деланная наивность — крайнее средство, применяемое тогда, когда приходится затрагивать вопросы, о которых хочется молчать. Так, например, и Грей¹⁰, и Пуанкаре¹¹, говоря об англо-французском соглашении 1904 г., лишь глухо упоминают о его секретной части, как будто оно не имело особого значения, а ведь речь шла не более и не менее, как о Египте и Марокко. Но если это крайнее средство умело прикрывается у Пуанкаре хорошей литературной формой, то Грей злоупотребляет этим средством настолько, что становится смешным. Манерная наивность не помогает, когда приходится оправдываться в том, что стало широко известно и что ранее всячески скрывалось.

Гораздо более эффективным оказался другой метод, который был применен в исторической речи Грея 3 августа и в «Синей книге», — метод фальсификации и передержек. В каком направлении и с какой целью применялся этот метод, показывают следующие (отнюдь не самые яркие) примеры. В «Синюю книгу» была включена телеграмма английского посла в Петербурге Бьюкенена от 24 июля 1914 г. В этой телеграмме сообщалось, что по мнению русского правительства, получившего текст австрийского ультиматума Сербии, война неизбежна и что Бьюкенен прямо, хотя пока от своего личного имени, заявил в Петербурге, что не следует питать надежды относительно такой английской декларации, которая заключала бы в себе «безусловное обязательство поддерживать Россию и Францию силой оружия».

«Непосредственные британские интересы, — заявил тогда Бьюкенен, — в Сербии сводятся к нулю, и война в защиту этой страны никогда

⁸ B. v. Siebert. Diplomatische Aktenstücke zur Geschichte der Entente politik der Vorkriegsjahre. Berlin — Leipzig, 1921, S. 816.

⁹ E. Grey. Twenty five Years (1892—1916), v. II. London, 1926, p. 17.

¹⁰ Ibid., v. I, p. 49.

¹¹ R. Poincaré. Au service de la France. Neuf années de souvenirs, v. I. Paris, 1926, p. 107.

не была бы одобрена общественным мнением Великобритании». В последнем и заключался политический смысл опубликования документа. Но эта же телеграмма заключала в себе сообщение о политических соглашениях, которые состоялись во время недавнего пребывания Пуанкаре в Петербурге и которые теперь были доверены Бьюкенену. С точки зрения последующего изображения английской позиции в течение всего кризиса руководителям английской политики вовсе не следовало бы знать содержание франко-русских переговоров в Петербурге, во время которых был совместно разработан план действий, приведший к войне. Иначе английскую политику можно было бы квалифицировать по меньшей мере как двойственную. Поэтому большой абзац телеграммы, в котором передавалось содержание соглашения, достигнутого во время визита Пуанкаре, пришлось предусмотрительно вычеркнуть. Вычеркнуть пришлось и ту небольшую фразу, которая давала повод предполагать, что в случае, если бы Англия в самом начале кризиса твердо отклонила агрессивные домогательства царской политики, последняя не зашла бы столь далеко¹².

Задача состояла в том, чтобы скрыть истинный характер своей политики, политики расчетливого выжидания и ставки на обострение противоречий, политики планомерной молчаливой поддержки Франции и России и одновременно тонкой провокации в отношении Германии. Это достаточно ясно выступает на примере той ловкой фальсификации, которая была проделана с телеграммой Бьюкенена (от 25 июля); в ней сообщалось о настоячивых представлениях русского министра иностранных дел Сазонова, чтобы Англия развеяла уверенность Германии в ее нейтралитете и немедленно и открыто примкнула к франко-русскому союзу. На это, говорится в опубликованной телеграмме, английский посол ответил, что «Англия может сыграть роль посредницы в Берлине и Вене, выступив в качестве друга». Однако истинный, реальный смысл этих пацифистских слов о посредничестве вскрывается в их контексте: оказывается, что после заявления французского правительства о готовности Франции безоговорочно идти вместе с Россией до конца, с английской стороны дано было понять о необходимости «выиграть время»¹³. Контекст пришлось убрать, и таким образом создалась английская пацифистская формула. Исключительная заботливость о мире проступает и тогда, когда указывается на шаги английской политики в Петербурге, предпринятые якобы с целью добиться согласия, «что Россия не станет содействовать ускорению войны, объявив мобилизацию». Какое значение имели эти слова, можно заключить из того, что фактически они являлись лишь ответом на сообщение царского правительства о решении провести мобилизацию 1 млн. 100 тыс. человек, и из того, что это решение уже проводилось в жизнь. Но и этот контекст предусмотрительно не был опубликован.

Таким образом, предполагалось создать впечатление, что английское правительство предпринимало шаги, чтобы предотвратить мобилизацию в России, сыгравшую исключительную роль в последующих событиях, и что оно не было предупреждено русским правительством в его решении провести эту мобилизацию. Поскольку английские обязательства по отношению к Франции скрывались, приходилось вычеркивать из публикуемых документов все, что свидетельствовало о безоговорочной готовности французского правительства поддерживать Россию в ее конфликте с Австро-Венгрией из-за Сербии. Тем более приходилось скрывать прямое требование Франции к Англии относительно того, чтобы последняя твердо заявила о своей готовности выполнять взятые на себя

¹² BD, v. XI, № 101.

¹³ BD, v. XI, № 125.

обязательства. *«Французский посол заметил,— сообщал Бьюкенен 25 июля в только что цитированной телеграмме,— что французское правительство хотело бы тотчас же знать, готов ли наш (т. е. британский.— А. Е.) флот играть ту роль, которая предназначена ему англо-французской военной конвенцией. Он (т. е. французский посол.— А. Е.) отказывается верить, что Англия не будет стоять рядом со своими обоими друзьями, которые в этом деле идут рука об руку».* Если вспомнить, что вся пропаганда лондонского правительства была в то время построена на тезисе, что Англия вынуждена вступить в войну, исходя из собственных интересов и не будучи понуждаема к тому какими бы то ни было обязательствами, то становится понятным, что и это место телеграммы было в публикации опущено.

Таким образом, пропагандистская задача британского правительства — документально доказать свои усилия в пользу мира — могла быть разрешена в результате значительных усилий: из 159 особо отобранных документов свыше 100 документов были опубликованы в сильно фальсифицированном виде.

3

Подобно тому как британская «Синяя книга» имела своей целью документальное и неопровержимое подтверждение концепции, выраженной в известной речи Эд. Грея в палате общин, русская «Оранжевая книга», изданная царским правительством 6 августа н. ст.¹⁴, заключала в себе ту весьма примитивную политическую концепцию, которая была изложена Сазоновым с трибуны Государственной думы. «Наши враги,— заявил тогда Сазонов,— стремятся перенести на нас ответственность за те бедствия, которые они навлекли на Европу, но их наветы не могут ввести в заблуждение никого, кто добросовестно следит за политикой России в последние годы и последние дни». Очевидно, в качестве предметного урока «добросовестности» Сазонов тут же прибегнул к довольно дешевому приему политической пропаганды: он пальцем указал на Австро-Венгрию как виновницу второй балканской войны, ни одним словом не обмолвившись, конечно, о роли России в возникновении первой балканской войны. Аналогичные приемы были применены и при построении схемы политической пропаганды в «Оранжевой книге».

Эта схема не отличалась сложностью. Исходным моментом для ее построения являлся тот непреложный факт, что формальное объявление войны как России, так и Франции последовало от Германии. Это чрезвычайно облегчило построение схемы о Германии как основном «виновнике войны». Согласно официальной версии Австро-Венгрия, за спиной которой стояла Германия, напала на Сербию, рассчитывая этим унижить Россию, которая вместе с Францией и Англией предприняла все возможное для мирного разрешения конфликта. Однако коварная Германия срывала все мирные начинания России, ее друзей и союзников «и со своей стороны,— как заявил Сазонов,— выступала с пустыми заверениями». На всякий случай, особенно ввиду угрожающей позиции Австрии, русское правительство было вынуждено объявить мобилизацию армии и флота, а «государю императору благоугодно было своим царственным словом поручиться перед германским императором, что Россия не приступит к применению силы». В ответ последовало объявление войны Германией. Логическое завершение всей этой незамысловатой правительственной версии оказывается несколько неожиданным: Германия несет всю ответственность за возникновение мировой войны

¹⁴ «Оранжевая книга (До войны). Сборник дипломатических документов...» СПб., 1914

потому, что она имела наглость усмотреть в русской мобилизации факт более реального значения, чем в полновесном «царственном слове» русского императора. Но и таких аргументов оказалось достаточно, чтобы вызвать восторг буржуазно-помещичьей Думы. Оставалось затратить немного труда, чтобы официальная версия возникновения войны получила свое документальное подтверждение. Поскольку документы явно не соответствовали правительственной версии, пришлось менять содержание документов, и на службу царской политики были привлечены ножицы¹⁵.

Советское издание секретных документов царского правительства восстановило полную картину деятельности царской политики в дни предвоенного кризиса и тем самым дает возможность изучить также и ту фабрику фальсификации документов, которая помещалась в царском министерстве иностранных дел и была организована с определенной целью — готовить материалы для военно-политической пропаганды¹⁶.

Само собой разумеется, все отраженные в документах шаги германской политики, которые могли бы дать повод предполагать, «что Германия не стремится во что бы то ни стало к войне»¹⁷, пришлось самым тщательным образом скрывать. Точно так же устранены были все следы, которые могли бы указать на истинные причины отклонения различных германских предложений относительно локализации австро-сербского конфликта. Политически было важно установить, что «выступления Германии имеют несомненной целью разъединить Россию и Францию, завлечь французское правительство на путь представления в Петербурге и тем скомпрометировать единство в наших глазах, а в случае войны отбросить ответственность за нее не на Германию..., а на Россию и Францию»¹⁸.

Для этого пришлось, разумеется, скрыть, что французское правительство, идя на дальнейшее обострение кризиса, сознательно затягивало ответ в связи с предложением Германии о коллективном посредничестве. И тем более пришлось скрыть то, что являлось ключом всего положения: «Я был поражен здесь,— сообщил в Петербург Извольский,— насколько министр юстиции (Бьенвеню-Мартен, замещавший тогда министра иностранных дел.— А. Е.) и его сотрудники верно понимают положение и проникнуты твердой и спокойной решимостью оказывать нам полнейшую поддержку и избегать малейшей видимости разногласия с нами»¹⁹.

Таким образом, при опубликовании документов была срезана та их значительная часть, которая свидетельствовала о том, что французское правительство с самого начала толкало царскую Россию в бой и столь определенно обещало поддержку. Позиция правящих кругов Франции приятно взволновала даже русского посла в Париже Извольского, который мог пожинать плоды своей многолетней деятельности. «Это — моя война»,— гордо заявил он впоследствии.

¹⁵ С. v. Romberg. Die Fälschungen des russischen Orangebuches. Berlin, 1922

¹⁶ «Дипломатическая переписка с Берлином за период 7 (20) VII—19. VII (1. VIII) 14 г.» — «Красный архив», 1922, т. I; «Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг. Сборник секретных дипломатических документов бывш. имп. российского мин-ва иностр. дел». М., 1922; «Международные отношения в эпоху империализма», сер. III, т. IV, V.

¹⁷ Секр. телеграмма русского поверенного в делах в Париже Севастопуло от 25 (12) июня 1914 г., № 186. — «Материалы по истории франко-русских отношений», стр. 514; «Un livre noir. Diplomatie d'avant-guerre d'après les documents des archives russes. Novembre 1910 — juillet 1914», v. II, p. 277; ср. «Оранжевая книга», № 19.

¹⁸ «Оранжевая книга», № 35.

¹⁹ Телеграмма от 29 (16) июня 1914 г. № 1551. — «Материалы по истории франко-русских отношений», стр. 520; «Livres noirs», v. II, p. 289.

Истинную роль Франции в развязывании мировой войны пришлось скрыть не столько потому, что дело шло о союзнице России, сколько потому, что приходилось думать об оправдании собственных военно-политических мероприятий. Для этого, в частности, необходимо было фальсифицировать хронологию событий и особенно по такому вопросу первостепенного значения, как общая мобилизация. Поскольку, согласно официальной версии, мобилизация в России, вызвавшая ответную мобилизацию в Германии, последовала лишь в результате общей мобилизации в Австро-Венгрии, т. е. носила оборонительный характер, нужно было представить и документальное подтверждение этой версии. Выход был найден довольно просто. Военные приготовления, телеграфировал Сазонов, «стали приниматься нами только вследствие состоявшейся уже мобилизации восьми корпусов в Австрии...» Два слова — «*восемью корпусов*» — при опубликовании были изъяты²⁰, и таким образом мобилизация в России была представлена как ответ на всеобщую мобилизацию, уже произведенную в Австро-Венгрии. Любопытно отметить, что для достижения своей основной цели и явно рассчитывая произвести впечатление в мелкобуржуазных и рабочих массах, царское правительство с готовностью опубликовало телеграмму, сообщавшую, что «даже Жорес резко осуждает австрийское выступление, рискующее вызвать всеобщую войну»²¹; одновременно, само собой разумеется, оно решительно вычеркнуло из публикуемого материала все сообщения, которые говорили об антивоенных демонстрациях французского пролетариата и о том, какими мерами правительство империалистической Франции «убеждало» французских революционных рабочих в оборонительном характере войны²².

О том, как далеко зашло старание царского правительства устранить всякий повод заподозрить истинную позицию и роль французского правительства, дает представление следующий пример: «Вчера вечером,— сообщал Извольский в Петербург 1 августа (19 июля),— австрийский посол был два раза у (французского премьер-министра.— А. Е.) Вивiani... и заявил ему, что Австрия не только не имеет намерения нарушить территориальную целость Сербии, но готова обсудить с другими державами свой спор с Сербией по существу. *Сегодня германский посол еще до назначенного ему вчера часа посетил Вивiani, который высказал ему свое удивление по поводу вчерашнего его выступления, не оправдываемого между Францией и Германией. На заявление посла, что Германия принуждена прибегнуть к энергичным мерам вследствие общей мобилизации русских сухопутных и морских сил, очевидно, направленной не только против Австрии, но также и против Германии, Вивiani ответил, что по имеющимся здесь сведениям в России не произошло мобилизации морских сил. Это, видно, озадачило посла. В результате длинного разговора барон Шенн возобновил требования ответа о намерениях Франции и угрозу отъезда и просил Вивiani еще раз принять его сегодня в 6 часов вечера. Несмотря на случайный характер сегодняшнего выступления германского посла, французское правительство крайне озабочено чрезвычайными военными приготовлениями Германии на французской границе, ибо оно убеждено, что под покровом так называемого «Kriegszustand» происходит настоящая мобилизация, что поставит французскую армию в невыгодное положение. С другой стороны, по политическим соображениям, касающимся как Италии, так и, главным образом, Англии, для Франции весьма важно, чтобы ее мобилизация не предшествовала германской, а явилась ответом на таковую. Вопрос этот*

²⁰ «Оранжевая книга», № 58.

²¹ «Оранжевая книга», № 19.

²² Ср. «Оранжевая книга», № 55; «Материалы», стр. 519 «Livre noir», v. II, p. 288.

*в настоящую минуту обсуждается в Совете министров в Елисейском дворце, и весьма вероятно, что он решит общую мобилизацию»*²³.

Все набранные курсивом слова были из документа вырезаны. Таким образом содержание его приобрело противоположный смысл, как раз тот, что был необходим с точки зрения военно-политической пропаганды царского правительства, версия которого была полностью усвоена и французской военной пропагандой.

Было бы неправильно предполагать, что эти версии лишь пассивно усваивались правительствами Антанты и каждое из них на основе публикаций своих союзников самостоятельно создавало и препарировало соответствующий документальный материал, предназначенный им к опубликованию. Империалистические правительства Антанты не только обменивались опытом и создавали друг другу облегчающие условия для достижения общих целей, но и установили своего рода систему взаимной поруки и взаимного контроля. Дело не ограничивалось формальным соблюдением круговой лояльности правительств Антанты. Для них важно было не только документировать собственную агитационно-политическую версию возникновения мировой войны, но и согласовать ее с соответствующей версией своего империалистического соратника. Иначе какое-либо вскрывшееся противоречие между публикациями Антанты могло скомпрометировать правительства и их дипломатию.

Автор этих строк имел возможность читать в архивном фонде царского министерства иностранных дел любопытную переписку между царским и британским правительствами, содержание которой являлось согласованием некоторых фальсификаций документов. Британское правительство, политически заинтересованное в опубликовании некоторых документов, касающихся англо-русских отношений в Персии накануне первой мировой войны, запрашивало согласие своего политического контрагента и в то же время сообщало о тех купюрах, которые оно производило. Царское правительство ответило Англии согласием, а вместе с тем дало распоряжение о том, чтобы при публикации этого документа в России иметь в виду купюры в английской публикации, дабы не скомпрометировать Форейн оффис.

4

Все это, несомненно, затрудняло работу того, кто позднее приступал к опубликованию документов. Именно это обстоятельство побудило французское правительство опубликовать свою «Желтую книгу»²⁴ значительно позднее «цветных книг» России и Англии. Официальные французские круги пытались объяснить опоздание своим стремлением к обстоятельности и полноте издания. Правильней было бы, однако, искать объяснение в том количестве времени, которое потребовалось для фальсификации документов и, более того, для извлечения из реторты военно-политической пропаганды таких документов, которые вообще никогда не существовали.

Все это преследовало одну достаточно последовательно проведенную цель: доказать, что Франция — держава, неустанно добивавшаяся мирного разрешения австро-сербского конфликта, и что она была вынуждена ввиду угрозы, нависшей со стороны милитаристской Германии, выполнить свои союзнические обязательства по отношению к царской России, подвергшейся нападению со стороны той же Германии.

²³ «Оранжевая книга», № 73; «Материалы», стр. 253; «Livres noirs», v. II, p. 295.

²⁴ «Le livre jaune. Documents diplomatiques français, relatifs à l'origine de la guerre, texte officiel complet» Paris, 1915. «Желтая книга. Документы, относящиеся к великой европейской войне 1914 года». Пг. (б. г.).

Чтобы подвести исторический фундамент под эту концепцию, предусматривавшую одностороннюю ответственность Германии, французская «Желтая книга», в отличие от других «цветных книг», освещающих только события непосредственно предвоенного периода, начинается с документов, относящихся еще к началу 1913 г.; из ознакомления с ними читатель должен убедиться в исконной агрессивности Германии и в ее угрожающих военных приготовлениях. Если бы французское издание начиналось, например, с протоколов совещаний, происходивших между французским и русским морскими штабами, политический эффект был бы, несомненно, иной... Исторические экскурсы подвергались, таким образом, самой тщательной цензуре, соответственно требованиям которой обрабатывался и материал, предназначенный к опубликованию под углом зрения задач военно-политической пропаганды.

Речь идет не только о том, что французское правительство скрыло ряд важнейших документов, но и о других, еще более неожиданных методах публикации. Так, в «Желтой книге» под № 106 помещена телеграмма от 30 июля 1914 г., в которой французский премьер-министр Виивиани через французского посла в Лондоне П. Камбона извещал руководителя внешней политики Англии Эд. Грея о военных приготовлениях Франции и Германии с тем, как гласит документ, «чтобы показать этим, что оно (т. е. французское правительство.— А. Е.), подобно России, не ответственно за нападение». Этот документ, как теперь выяснилось, является искусственным и искусным соединением двух различных документов, причем при соединении был допущен ряд пропусков, изменений и прямых фальсификаций, общее политическое направление которых легко можно уяснить на следующем примере. Перечисляя свои якобы ответные, запоздалые и оборонительные мероприятия, французское правительство в документе, помещенном в «Желтой книге», между прочим указывает, что во Франции вокзалы были переданы военным властям лишь во «вторник 28 июля», между тем как в подлиннике стояло «в воскресенье»; это означает, что милитаризация железных дорог во Франции была проведена уже 26 июля.

Следуя версии, созданной царским правительством, руководители французской политики в свое время довольно много потрудились над фальсификацией хронологии такого важного военно-политического мероприятия, каким являлась мобилизация. Желая доказать непредотвратимость войны, Пуанкаре утром 1 августа 1914 г. сообщил английскому послу в Париже Берти, что всеобщая мобилизация в России уже объявлена, причем объявлена в ответ на общую мобилизацию, проведенную в Австро-Венгрии. Для того, чтобы поддержать это утверждение, была проделана следующая манипуляция с телеграммой французского посла в Вене от 31 июля 1914 г. После слов посла: «Всеобщая мобилизация, распространяющаяся на всех мужчин от 19 до 42 лет, объявлена австро-венгерским правительством»,— специально добавлено: «сегодня рано утром». При этом весь последующий текст, неудобный, очевидно, для французского правительства, был попросту выброшен. Французское правительство не стеснялось в средствах для достижения своих целей; если нужного материала в природе не существовало, он легко измышлялся. Так, например, краткая телеграмма французского посла в Петербурге (от 31 июля), гласящая: «Отдан приказ о всеобщей мобилизации русской армии»,— напечатана в следующем виде: «Ввиду всеобщей мобилизации в Австрии и секретно предпринятых и непрерывно проводимых уже шесть дней мобилизационных мер в Германии отдан приказ о всеобщей мобилизации русской армии, так как Россия не могла без тяжкого риска дать себя опередить еще больше: в действительности она предприняла такие военные меры, которые в Германии уже осуществлены. По неуклонным стратегическим мотивам русское правительство,

зная о вооружениях Германии, не могло дальше замедлять превращения своей частной мобилизации во всеобщую».

Все набранные курсивом слова никогда, следовательно, в телеграмме Палеолога не заключались, и можно считать установленным, что эта телеграмма сфабрикована во французском министерстве иностранных дел.

5

Прикрывая свои империалистические цели, правительства австро-германского блока, как и правительства держав Антанты, стремились поддержать свою официальную версию об оборонительном характере войны. Но в отличие от австро-германского блока державы Антанты использовали в своей пропаганде лозунг о защите малых народов. На службу этим целям были поставлены легенды о защите «маленькой Сербии», о «маленькой беззащитной Бельгии», на которую обрушилось нашествие «гуннов».

Уже в начале мировой войны, возникшей в 1914 г., Ленин уяснил, что «национальный элемент в теперешней войне представлен *только* войной Сербии против Австрии»²⁵. Однако он подчеркнул, что этот элемент «имеет совершенно подчиненное значение, не меняя общего империалистического характера войны»²⁶. И действительно, королевское правительство Сербии стремилось подкрепить официальные версии, созданные правительствами держав Антанты.

18 ноября 1914 г. в Сербии был опубликован небольшой сборник документов — «Синяя книга»²⁷. Содержание сборника должно было убедить не только в миролюбии сербского правительства, но и в его непричастности к сараевскому убийству. Если методы сербского издания чем-либо отличаются от приемов, примененных при издании других «цветных книг», то разве только известной долей искусственной наивности; из всей переписки между Петербургом и Белградом сербское правительство сочло возможным опубликовать лишь минимальное количество документов, и притом ни о чем не говорящих (№ 14, 29, 34, 36, 43, 44). Разумеется, политические светотени были расположены должным образом: позиция Сербии и царской России изображалась уступчивой до пределов крайней возможности. Разумеется также, что вопрос о сараевском убийстве, организованном тайным офицерским обществом «Черная рука», был самым тщательным образом обойден молчанием.

Наконец, издав небольшую «Серую книгу»²⁸, бельгийское правительство пыталось документально показать формальную готовность Франции соблюдать нейтралитет Бельгии (№ 13), подчеркнув тем самым факт исключительной ответственности Германии в деле нарушения основных установлений международного права.

Сербское и бельгийское выступления на арене военно-политической пропаганды Антанты в свою очередь не остались без ответа со стороны австро-германской империалистической группировки. Правительство Австро-Венгрии, которое вообще весьма неумело использовало возможность пропаганды за границей, лишь в 1915 г. ответило «Красной книгой»²⁹, которая, по существу, является не чем иным, как сборником ма-

²⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 240.

²⁶ Там же, стр. 162.

²⁷ «Министарство иностраних дела. Дипломатска преписка о српско-аустријском сукобу». Ниш, 1914. «Синяя книга. Сербская дипломатическая переписка, относящаяся к войне 1914 года». Пг., 1915.

²⁸ «Livre gris belge. Correspondance diplomatique... relative à la guerre de 1914...» Berne, 1914. «Бельгийская серая книга». Пг., 1915.

²⁹ «Österreichisch-ungarisches Rotbuch. Diplomatische Aktenstücke zur Vorgeschichte des Krieges 1914». Wien, 1915. «Красная книга. Австро-венгерская дипломатическая переписка, относящаяся к войне 1914 года». Пг., 1915.

териалов, подтверждающих все обвинения, выставленные в ультиматуме, предъявленном Сербии (в частности, о деятельности «Народна Одбрана»). В остальном «Красная книга» имеет целью доказать, что Австрия отнюдь не предпринимала военных приготовлений, но к этому побудила ее «сербская мобилизация» (№ 39), что Россия первая вступила на роковой путь всеобщей мобилизации (№ 42), словом, что «Россия... напала на Германию». Различные цели достигались одинаковыми средствами, прямо противоположные тезисы доказывались одинаковыми аргументами.

В мае 1915 г., вступая в войну на стороне держав Антанты против своих бывших союзников — Германии и Австро-Венгрии, итальянское правительство также пыталось обосновать свое решение публикацией дипломатических документов, получившей название «Зеленая книга»³⁰. Эта небольшая публикация (в ней всего 77 документов) не менее тенденциозна, чем все остальные «цветные книги», изданные правительствами держав обеих коалиций. Но она отличается прежде всего крайней односторонностью. В самом деле, в «Зеленую книгу» были включены только те документы, которые относятся к взаимоотношениям Италии с Австро-Венгрией и Германией. Тенденциозной подборкой этих документов итальянское правительство стремилось доказать, во-первых, что, вступив в войну с Сербией без согласования с Италией, правительство Австро-Венгрии тем самым нарушило одно из условий Тройственного союза, а, во-вторых, что Австро-Венгрия, а также Германия повинны перед Италией, ибо не предоставили своей итальянской союзнице требуемых ею территориальных компенсаций. Но итальянское правительство сокрыло тогда те документы, которые свидетельствовали, что еще в начале XX в., находясь в лагере австро-венгерского блока, Италия за спиной своих союзников заключила с Францией договор о нейтралитете. Более того, оно сокрыло многочисленные документы своей переписки с державами Антанты. Сопоставление переписки с державами обеих военных коалиций показало бы, что под прикрытием своего нейтралитета правящие круги Италии вели сложную дипломатическую игру, похожую на вымогательство территориальных компенсаций. В целом «Зеленая книга» должна была прикрыть захватническую программу итальянского империализма, во имя осуществления которой итальянский народ был вовлечен в войну на стороне Антанты.

Правящие классы всех стран, участвовавших в мировой войне, прикрывали свои истинные империалистические цели пропагандой об оборонительном характере военного столкновения. Тайная дипломатия империалистических государств планомерно готовила эту войну, а когда война разразилась, продолжала свою упорную работу по подготовке передела мира. «...Эти (т. е. буржуазные.— А. Е.) правительства,— писал Ленин еще в 1916 г.,— опутаны сетью тайных договоров между собой, со своими союзниками и против своих союзников, причем содержание этих договоров не случайно, не только „злой волей“ определено, а зависит от всего хода развития империалистской внешней политики»³¹.

Империализм, его правительства, его историография были менее всего заинтересованы в том, чтобы раскрыть массам правдивую картину планомерной подготовки мировой войны. Еще более тщательно скрывались истинные цели этой войны. Народные массы должны были верить в оборонительный, навязанный характер войны, «священной войны по

³⁰ «Atti parlamentari. Legislativa XXIV — Camera dei deputati, № XXXII (Documenti). Documenti diplomatici presentati al Parlamento Italiano dal Ministro degli affari esteri (Sonnino)». Milano, 1915. «Зеленая книга. Итальянская дипломатическая переписка, относящаяся к войне 1914 года». Пг., 1916.

³¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 186—187.

заказу»³². Империалистический миф был создан, социал-демократия стала его проповедником. «Цветные книги», заключавшие в себе особо избранный, тенденциозно ограниченный, но даже в этих пределах фальсифицированный материал, представляли собою попытку документального обоснования политического мифа. Сомнения в священном характере этой войны, попытки объяснения этой войны империалистическими интересами господствующих классов рассматривались как уголовное преступление. Официальная концепция возникновения мировой войны превращалась в принудительный и обязательный символ веры, который получил широкую поддержку со стороны социал-демократических партий, изменивших делу международного рабочего и социалистического движения и ставших на позиции национализма и шовинизма.

В этих условиях великая историческая заслуга В. И. Ленина и партии большевиков состояла в том, что уже в самом начале войны, когда угар национализма охватил все воюющие страны, они мужественно подняли свой голос, чтобы разоблачить официальные версии правительств и софизмы социал-шовинистических партий, созданные в целях оправдания империалистической войны³³. «Вся экономическая и дипломатическая история последних десятилетий показывает,— писал В. И. Ленин,— что обе группы воюющих наций систематически готовили именно такого рода войну. Вопрос о том, какая группа нанесла первый военный удар или первая объявила войну, не имеет никакого значения при определении тактики социалистов. Фразы о защите отечества, об отпоре вражескому нашествию, об оборонительной войне и т. п. с обеих сторон являются сплошным обманом народа»³⁴.

«Цветные книги» и являлись одним из орудий обмана. Заклячая в себе фальсифицированные документы, они послужили основой многочисленных апологетических версий. Сколько бы каждая из этих версий ни обрастала вновь подобранными документами, сколько бы ни подкреплялась вновь выдвинутыми хитроумными аргументами, она не смогла выдержать испытание временем. История показала, что сама основа правительственных версий была лжива, а тем самым она осудила все попытки буржуазной историографии их модифицировать, обосновать и утвердить. Народы Европы дорого заплатили за то, что в 1914 г. поддались националистическому ослеплению. Тем самым история показала, как глубоко в сущность явлений и как далеко в будущее смотрел В. И. Ленин, который не только раскрыл лживость исторических аргументов, прикрывающих империалистический характер войны, но и прокладывал реальные пути борьбы против нее. Так пусть это будет напоминанием историку о его научной, моральной и политической ответственности в вопросах войны и мира перед современниками, ближними и дальними.

1932 г.

³² Л. Денни. Америка завоевывает Британию. М., 1930, стр. 2.

³³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 1—7.

³⁴ Там же, стр. 162.

ЛЕГЕНДЫ И ПРАВДА О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

1

В многовековой истории человечества существует немало крупных событий, правдивое понимание которых требует устранения многочисленных, ранее созданных, легенд. Это относится к событиям отдаленных времен, но в еще большей степени к тем событиям новой и новейшей истории, свидетелями и участниками которых были люди поколения, родившегося в конце XIX и в начале XX в. Именно на плечи этого поколения легли неслыханно тяжелые испытания двух мировых войн.

Мировая война, вспыхнувшая в последние дни июля и в первые дни августа 1914 г., развернулась в таких масштабах и с такой разрушительной силой, потребовала такого количества жертв — человеческих и материальных, — что не могла идти ни в какое сравнение с самыми опустошительными войнами прошлого. Десять миллионов убитых, двадцать миллионов искалеченных — вот жертвы, которые народы, главным образом европейские, были вынуждены принести на ее алтарь. Перед народами встал тогда кардинальный вопрос: как вырваться из кровавого водоворота войны и предотвратить возможность ее повторения в новом, еще более тяжелом варианте?

Глубоко научно раскрыв империалистический характер войны, разоблачив захватнические цели господствующих классов во всех странах, принимавших в ней участие, Ленин и партия большевиков указали народам верный путь борьбы против империалистической войны, за обеспечение всеобщего мира. То был путь революционной борьбы широких народных масс против современного монополистического капитала, стремление которого к извлечению сверхприбылей является главным, определяющим фактором его реакционной и агрессивной политики. Поднявшись на борьбу против господства капитализма, нещадно эксплуатирующего народы и порождающего империалистические войны, рабочий класс и крестьянство России пришли к победе Великой Октябрьской социалистической революции. Она не только вырвала Россию из пучины империалистической войны, но и превратила нашу страну в могучую силу, постоянно, последовательно и действенно отстаивавшую интересы мира, идею мирного сосуществования государств с различным социально-экономическим устройством.

Еще в годы первой мировой войны агрессивные силы, стремясь обмануть народы, усыпить их бдительность, создали хитроумную легенду: они объявили начавшуюся войну «последней войной», после победоносного окончания которой народы получат возможность жить в мире и благоденствии. Авторы этой легенды, созданной в пропагандистских целях, разумеется, сами не верили своим словам. Более того, уже вскоре после окончания первой мировой войны агрессивные силы капиталистического

мира приступили к подготовке новой войны во имя осуществления в изменившейся обстановке своих широких экспансионистских замыслов. С этого времени легенда о «последней войне» сменилась пропагандой новой войны. И спустя всего лишь два десятка лет после окончания войны, развязанной в 1914 г., в Европе снова вспыхнула война, которая, охватив весь мир, нанесла человечеству еще больший ущерб, унесла еще большее число человеческих жизней, уничтожила еще больше материальных и культурных ценностей, чем предыдущая. Но сразу же после окончания второй мировой войны агрессивные силы современного капитализма снова начали внушать народам мысль о неизбежности новой войны. Между тем создание мировой системы социализма и очевидное укрепление ее мощи, а также так называемые реальности ядерного века впервые в истории человечества превратили идею всеобщего мира и всеобщего контролируемого разоружения из давно желанных народных чаяний в историческую необходимость и возможность. Альтернативой может быть только разрушительная и опустошительная война в масштабах, небывалых во всей предшествующей истории человечества.

В этих целях реакционная историография и публицистика снова встали на путь искажения фактов и приспособливания их к системе определенных политических взглядов. Стремясь парализовать активность народных масс, их возрастающую волю к миру, проповедники новой войны пытаются вызвать в массах настроения обреченности, убедить их в неизбежности гибели всех лучших надежд современного человечества. Такова, например, основная политическая идея книги Джона Фостера Даллеса «Война или мир»¹. Такова же главная мысль и американского дипломата Кеннана, который в своей книге по истории американской дипломатии явно хотел бы повернуть историю вспять и начать все сначала: говоря его словами, «взять за отправной момент, ну, скажем, 1913 год». Это означало бы, пишет Кеннан, возродить «сильную (т. е. милитаристскую.— А. Е.) Германию..., способную снова играть определенную роль в качестве противовеса России в Европе». Вместе с тем, продолжает Кеннан, «Америка должна была бы заручиться правом создать в различных местах те или иные военные сооружения (имеются в виду военные базы.— А. Е.), так чтобы наше слово могло иметь определенный вес и чтобы державы к нам прислушивались»². Так, пересматривая историю в своих интересах, современные идеологи американского империализма еще недавно пытались обосновать обширные экспансионистские планы господствующих классов Соединенных Штатов Америки. Но и в Европе раздаются голоса, отрицающие роль народов как творцов современной истории.

Бертран де Жувенель, французский публицист, сформулировал это утверждение в следующих словах: «Вместо того чтобы творить историю, европейцы в настоящее время боятся истории». Это, конечно, хитроумная легенда. Никогда еще народы Европы, как и народы других континентов, не проявляли столь высокой активности, многообразной и творческой инициативы в борьбе за обеспечение всеобщего мира и собственной безопасности, как теперь. И никогда еще они не имели возможности столь глубоко и плодотворно использовать опыт недавнего прошлого в интересах своей борьбы. Попытки осуществить планы мирового господства обречены на провал,— в этом заключается один из главных уроков двух мировых войн, развязанных международной империалистической реакцией.

¹ J. F. Dulles. War or Peace. New York, 1950

² G. F. Kennan. American Diplomacy, 1900—1950. Chicago, 1951, p. 55—56, 77. Подробнее об этой книге см. ниже: «О некоторых попытках реабилитации германского империализма».

История — великий учитель; ее уроки поистине назидательны. На собственном опыте познав уроки истории, народы прокладывают новые, хотя порою и весьма извилистые, пути в будущее. Борясь за мир, народы научились бдительности. Они не боятся истории, а творят ее.

2

28 июня 1914 г., когда в небольшом городе Сараево сербский гимназист убил престолонаследника австро-венгерской монархии Габсбургов, не много было в мире людей, которые сразу поняли, что это начало всеобщей войны, пожар которой опалит весь мир. Правящие круги в столицах Европы и в США при помощи буржуазной и социал-демократической прессы на первых порах искусно создавали впечатление, будто дипломатический конфликт, вспыхнувший между Австро-Венгрией и Сербией, может быть ликвидирован без особого труда, будто главные империалистические державы не причастны к его возникновению и, во всяком случае, стремятся остаться в стороне от него. На самом деле, правительства каждой из крупных империалистических держав, действуя за кулисами дипломатии, не только заранее определили свое место в назревавшей войне, но и активно ее разжигали. Разумеется, они скрывали до поры до времени свои расчеты и цели перед лицом будущего противника, как и перед лицом своих народов. Развязывая войну, правительства и генеральные штабы рассчитывали на активное пособничество правых лидеров социал-демократов, которые с самого начала поддерживали империалистическую войну.

В действительности мировая война возникла вовсе не случайно, не внезапно и не в результате того, что дипломатия не сумела справиться со своей задачей — предотвратить ее. Дипломатия империалистических держав вовсе и не ставила перед собой такую задачу. Эта война была порождена всей системой капитализма, вступившей на рубеже XIX и XX в. в империалистическую стадию своего развития. Война готовилась давно, в течение нескольких десятилетий, хотя никто заранее не знал точно, когда именно она начнется, когда и как кончится. Даже генеральные штабы, разрабатывая свои стратегические планы, не смогли предугадать ни ее сроков, ни подлинных масштабов, какие она примет, ни числа жертв, каких она потребует, ни, тем более, ее результатов — экономических, социальных и политических. Даже в конце лета 1914 г., когда война, начавшаяся на Балканах, уже превратилась в войну мировую, германские милитаристы уверяли, будто разработанный и осуществленный ими молниеносный удар обеспечит победоносное окончание военных действий «до осеннего листопада». Знакомые слова! Спустя четверть века, в 1939 г., после начала войны в Западной Европе, а затем в 1941 г., после нападения на Советский Союз, они были почти буквально повторены правителями фашистской Германии.

Существует еще одна легенда, с помощью которой агрессивные силы Западной Европы и США пытаются оправдать неслыханную гонку вооружений наших дней. Отказывая настоятельным требованиям народов о запрещении средств массового уничтожения людей и об общем сокращении вооружений, стремясь подкрепить свою агрессивную политику «с позиции силы», американские и западногерманские апологеты гонки вооружений утверждают, что «система вооруженного мира», сложившаяся еще в конце XIX в., явилась реальной основой того, что Европа на протяжении почти полувека не знала войн и кровопролитий. С этой легендой обычно связывается и другая, созданная германской реакционной историографией и ныне получившая широкое распространение среди государств — участников НАТО: речь идет о том, что Германская империя, сложившаяся в 1871 г. на милитаристской основе в «сердце

Европы», между Россией и Францией, будто бы уравнивала противоречивые интересы различных держав, европейских и неевропейских, представляя собою фактор, стабилизировавший всю мировую ситуацию в целом. Словом, «система вооруженного мира» и рост германского милитаризма — составная часть этой системы — якобы способствовали длительному миру в Европе.

Но непредвзятое изучение и осмысление истории приводит к другому выводу. «Система вооруженного мира» была на деле системой постоянной, лихорадочной гонки вооружений и подготовки войны. У колыбели этой «системы», в качестве ее первоначальной основы, стоял ничем не прикрытый захват французских областей Эльзаса и Лотарингии, учиненный милитаристскими силами Германии после их победы над Францией. Так германский райх, созданный на реакционной прусско-милитаристской основе, возвестил миру о своем существовании. Еще тогда, когда прусско-германские милитаристы разрабатывали планы осуществления своего первого захватнического акта, К. Маркс, великий современник событий того периода и великий провидец истории, заметил, что аннексия Пруссией Эльзаса и Лотарингии неизбежно вызовет напряженность в международных отношениях и европейскую войну³.

И действительно, тот факт, что объединение Германии было осуществлено не на демократической, а на милитаристской основе, в результате захватнической войны, наложил глубокий отпечаток на развитие всей системы международных отношений в Европе. Начиная с 70-х гг. XIX в., когда старый капитализм, основанный на свободной конкуренции, стал приобретать новые черты, предвещавшие его превращение в монополистический капитализм, в империализм, все европейские державы, большие и малые, встали на путь гонки вооружений. Тяжелое, все возрастающее бремя вооружений легло на плечи народных масс. Конечно, по сравнению с общим уровнем и темпами гонки вооружений империалистических держав в наши дни вооружения того времени могут показаться незначительными. Но по сравнению с предшествующим периодом они стали важнейшим фактором политической истории Европы. В непрестанном и нарастающем усилении вооружений были заинтересованы крупнейшие и весьма влиятельные магнаты военной промышленности — Крупп, Армстронг, Путилов и другие.

Огромный рост милитаризма, собственно, и составлял одну из главнейших основ «системы вооруженного мира» в Европе. Ведущей силой этой системы являлась милитаристская Германия; ее сухопутная армия и расходы на нее росли из года в год, форсируя рост вооружений в других странах; юнкерство и крупная буржуазия осуществляли и в борьбе против рабочего класса усиливали реакционный курс внутри страны и агрессивный курс по отношению к другим странам. Идеология господствующих классов Германии в наиболее откровенной, резкой и циничной форме воплощала в себе их растущие экспансионистские устремления, их наглую уверенность в том, что настанет день, когда судьба Эльзас-Лотарингии постигнет большую часть Европы.

На пороге XX в., когда в крупнейших странах Европы, а также в США процесс перерастания домонополистического капитализма в империализм окончательно завершился, война стала превращаться из европейской институции в институцию мировую. Уже последняя четверть XIX в. прошла под знаком значительного усиления захватнической колониальной политики, в которой участвовали не только крупные, но и некоторые малые державы. Все, кто бросился в водоворот борьбы за раздел мира, стремились захватить побольше территорий в Африке, в Азии, в Океании, чтобы найти там новые источники сырья, новые рынки

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVI, стр. 68.

сбыта товаров, новые сферы приложения капитала, новые стратегические плацдармы. Богатства монополий приумножались за счет грабежа и чудовищной эксплуатации колониальных народов. На них-то и обрушились все ужасы европейской и американской «цивилизации», вооруженной до зубов, алчной и беспощадной. Впереди шли миссионеры и купцы, за ними следовали солдаты. Сопротивление колониальных народов натиску империализма топилось в реках крови. Такова была оборотная сторона, или, правильней сказать, подлинная сущность «системы вооруженного мира» в Европе.

Как справедливо отметил В. И. Ленин, «в Европе господствовал мир, но он держался потому, что господство европейских народов над сотнями миллионов жителей колоний осуществлялось только постоянными, непрерывными, никогда не прекращавшимися войнами, которых мы, европейцы, не считаем войнами, потому что они слишком часто похожи были не на войны, а на самое зверское избиение, истребление безоружных народов»⁴.

То было время, когда весь мир уже был поделен. Неравномерность развития капитализма, особенно остро проявившаяся в эпоху формирования империализма, выдвинула на первый план две молодые, экономически преуспевавшие державы — Германию и США; каждая из них стремилась к переделу мира в своих интересах. Не только в Англии, являвшейся тогда наиболее могущественной финансовой и колониальной державой, но и в Германии, а также в Соединенных Штатах стала рождаться идея мирового господства. Подобно тому как идея панамериканизма была призвана прикрыть стремление империалистов США установить свое господство над обоими американскими континентами, идея пангерманизма была призвана прикрыть германские планы господства в Европе и на обширных пространствах других континентов.

Уже тогда наиболее реакционные шовинистические агрессивные круги германского империализма создали Пангерманский союз — главный идеологический штаб, разработавший широкие планы экономической, политической и военной экспансии. Эти планы имели в виду создание «Срединной Европы» за счет территорий России, Австро-Венгрии, Франции, Бельгии, Голландии, Швейцарии и Передней Азии; впоследствии эти планы легли в основу гитлеровских проектов «нового порядка в Европе», а ныне они мерещатся западногерманским сторонникам «европейской идеи», выращиваемой в духе экспансионизма под эгидой НАТО и требований атомного вооружения бундесвера. Тогда же пангерманские идеологи планировали создание обширных колониальных империй в Африке, в Азии, в бассейне Тихого океана и даже в Латинской Америке, т. е. примерно в тех же районах, куда впоследствии были направлены экспансионистские устремления германского фашизма, а ныне направляются усилия западногерманского неокOLONИализма. На заре XX в., встав на путь соперничества с Англией на мировых рынках и в области колониальной политики, германский империализм выдвинул задачу достигнуть мирового господства и приступил к осуществлению обширных морских вооружений.

Если сухопутные вооружения Германии были в тот период направлены главным образом против России и Франции, ее морские вооружения преследовали цель вырвать «трезубец Нептуна» из рук Англии. На протяжении ряда лет, предшествовавших войне, гонка морских вооружений придавала англо-германскому экономическому, политическому и колониальному соперничеству особую остроту. Стремясь отвлечь от себя германскую угрозу и осуществить экспансионистские цели англо-германского империализма, британская дипломатия не раз вступала с

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 80.

Германией в переговоры о снижении темпов германских морских вооружений. При этом в секретных переговорах с Германией она пыталась соблазнить ее перспективами усиления германской армии, что, разумеется, могло только усилить опасность на границах соседей Германии на Востоке и Западе. По сути дела, это означало «черта изгонять дьяволом».

В течение десятилетий правящие круги Англии, стремясь обеспечить наиболее благоприятные условия для своей колониальной экспансии, разжигали противоречия и разногласия между Германией и другими континентальными державами, в особенности Россией и Францией. Этому давалось пышное название «политики равновесия сил». В начале XX в. эту же политику на Дальнем Востоке осуществлял не только английский, но и американский империализм, что привело к военному столкновению между Японией и царской Россией в 1904—1905 гг. Политика «равновесия сил» до крайности осложняла международную обстановку, обостряла отношения между державами и не только не способствовала устранению усилившейся опасности военной развязки, но, наоборот, приближала эту опасность, нависавшую и над самой Англией. Традиционная британская политика «блестящей изоляции» получала одну пробойну за другой. И правящие круги Англии встали на путь поисков союзов,— путь, который привел к тому, что Европа оказалась окончательно расколотой на два противостоящих друг другу военно-политических блока империалистических держав.

Так завершался процесс, продолжавшийся почти четверть века. Не прошло и десяти лет после окончания первой мировой войны, как политика, прикрывавшаяся формулой «равновесия сил», сменилась откровенной политикой «канализации» агрессии,— политикой, которая способствовала созданию очагов войны на Дальнем Востоке и в Европе, складыванию блока фашистских агрессоров и, в конце концов, возникновению второй мировой войны.

По сравнению с более быстрыми темпами образования военно-политических блоков накануне второй мировой войны и в особенности по сравнению с темпами, которыми пытаются действовать в наши дни вдохновители Североатлантического блока и других агрессивных блоков, этот процесс сколачивания блоков в период подготовки первой мировой войны осуществлялся, можно сказать, черепашьям шагом⁵.

Среди крупных европейских и неевропейских держав того времени не было, да, в сущности, и не могло быть, ни одной, которая была бы заинтересована в упрочении всеобщего мира. Стремясь обеспечить себе наилучшие позиции в ходе ожесточенной борьбы за раздел мира, а затем и в ходе подготовки к всеобщей борьбе за его передел, крупные капиталистические державы искали союзников, создавали временные или более устойчивые военные и политические комбинации, угрожали своим противникам, а порой, если это соответствовало их корыстным интересам, договаривались с противниками за спиной своих союзников и часто за их счет. Создание империалистических блоков не предотвращало, а порождало возникновение все новых и новых дипломатических конфликтов, каждый из которых был чреват возможностью военного столкновения.

Раскол Европы на две противостоящие военно-политические группировки не только не установил «равновесия» между ними, а, наоборот, усилил напряженность в международных отношениях. Взаимные угрозы, провокации, дипломатические конфликты и, наконец, войны, вспыхнувшие на Дальнем Востоке, в Северной Африке и на Балканах,— все это свидетельствовало об углублении соперничества и противоречий, потря-

⁵ См. ниже: «Германский милитаризм и агрессивные блоки».

сающих мир. Раскол Европы имел глубокие последствия не только для самой Европы, но и для внеевропейских стран: в ходе событий явственно ощущалось, что назревавший вооруженный конфликт неминуемо должен перерасти в конфликт мирового масштаба. Углубив противоречия между державами, этот раскол послужил толчком к новой гонке вооружений, сухопутных и морских.

Таковы были последствия прославленной «системы вооруженного мира» — системы гонки вооружений и раскола Европы, системы, породившей мировую войну. Еще в 1908 г. В. И. Ленин отметил, что «при сети нынешних явных и тайных договоров, соглашений и т. д. достаточно незначительного щелчка какой-нибудь „державе“, чтобы „из искры возгорелось пламя“»⁶.

3

В иных условиях убийство австро-венгерского эрцгерцога Франца-Фердинанда, совершенное молодым сербским националистом в Сараеве 28 июня 1914 г., могло остаться одним из малозначительных эпизодов европейской истории, — такими эпизодами была особенно богата кровавая хроника политической жизни балканских стран. Вначале в столицах Европы и Америки весть об убийстве не произвела глубокого впечатления. Но все европейские дворы и правительства делали вид, будто они потрясены этим событием, хотя, как справедливо отмечала тогда одна западноевропейская газета, «только слезы детей убитого были искренни».

В то время еще не существовало жупела «коммунистической опасности», при помощи которого впоследствии гитлеровский фашизм и японский милитаризм, а ныне западные империалистические державы прикрывали и прикрывают собственные агрессивные планы и действия. Но существовал другой жупел — «славянская опасность», уже давно служивший агрессивным целям германского империализма в качестве прикрытия его «натиска на Восток». После убийства в Сараеве жупел «славянской опасности» не сходил со страниц реакционной печати как в Германии, так и в Австро-Венгрии. В течение некоторого времени это и являлось единственным симптомом тайных намерений правящих кругов германского империализма и его австрийской союзницы. Создав легенду о «славянской опасности», идеологи пангерманского империализма стремились не только разжечь расовые и националистические инстинкты среди немецкого народа, но и убедить западные державы в том, что правящие круги Германии считают возможным избежать столкновения с ними путем локализации войны на Балканах и на Востоке Европы — против России. История опрокинула эту легенду. Война, вспыхнувшая на Востоке Европы, перекинулась на Запад и вскоре охватила весь мир.

Такова была расплата за политику гонки вооружений и раскола Европы, прикрываемую лозунгом борьбы против «славянской опасности». Этот лозунг был положен в основу легенды о целях войны. Приступив к ее развязыванию, правящие круги Германии утверждали, что они вынуждены обнажить меч, исходя из высших побуждений: разорвать гибельное кольцо «окружения Германии», предотвратить угрозу нападения со стороны России и ее союзницы — Франции, а главное выполнить свой долг «нибелунговой верности» по отношению к союзнице — Австро-Венгрии, которой «славянская опасность» угрожала в первую очередь. Правые лидеры германской социал-демократии поддерживали эту легенду, придав ей собственную модификацию: апеллируя к традициям Маркса и Энгельса, которые на заре своей деятельности — в период «бури и

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 186.

натиска» 1848 г.—призывали к революционной войне против царской России как главного оплота реакции в Европе, они, среди других софизмов, выдвинули лживую версию, будто война, в которую Германия вступила в 1914 г., является оборонительной войной с русским самодержавием. В. И. Ленин разоблачил эту легенду, как и те, которые были созданы господствующими классами России, Франции, Англии и других империалистических держав, о целях войны, которую они готовили и развязали. В то же время он раскрыл лживость тех софизмов, которые были созданы лидерами социал-демократии в каждой из этих стран с целью поддержать легенду об оборонительном характере войны. Ленин показал, что война была не оборонительной, а империалистической со стороны обеих коалиций — австро-германского блока и держав Антанты; он показал, что каждый из участников коалиций имел широкую и в ходе войны нарастающую аннексионистскую программу, стремился к переделу мира в своих интересах. В этом смысле основной политический тезис держав Антанты об их оборонительной войне против «тевтонской угрозы» был столь же фиктивен, как и тезис участников австро-германского блока об оборонительной войне против «славянской угрозы», а затем против английской политики «окружения».

Аннексионистские планы каждого из участников воюющих коалиций в основном сформировались еще во время подготовки войны, но уже вскоре после того, как война началась, они стали расширяться до чудовищных размеров. Наносив в первый период войны, в соответствии со стратегическим планом генерального штаба, главный удар на Запад, германский империализм тогда же приступил к более детальной разработке своих аннексионистских планов в отношении Франции и Бельгии. Уже в октябре 1914 г. прусский министр фон Лёбель представил германскому правительству меморандум «О целях войны», в котором писал: «Удовлетворение наших потребностей должно пойти в первую очередь за счет Франции...» «Мы должны... ослабить Францию в отношении ее силы, территориальной мощи и в экономическом отношении». Разумеется, этого можно было бы достигнуть только поставив одновременно на колени и Англию, которую Лёбель характеризовал как врага, «с которым мы раньше или позже должны покончить». В разгроме Англии германский империализм рассматривал непрерывное условие для захвата колоний, в первую очередь французских и бельгийских. С другой стороны, захват Бельгии рассматривался как условие сокрушения британской мощи. «Оккупация побережья Немецкого (т. е. Северного.— А. Е.) моря,— указывал Лёбель,— является пригодным средством для того, чтобы заставить Англию заключить выгодный для нас мир».

К концу 1914 г. германское правительство разработало детальный план полного закабаления Бельгии. Этот план предусматривал восстановление Бельгии «как вассального государства, находящегося в военном и экономическом отношении в распоряжении Германской империи». План предусматривал запрещение Бельгии содержать собственную армию, установление Германией «фактического господства над крепостями, побережьем и путями сообщения Бельгии». Для обеспечения экономического закабаления Бельгии германское правительство считало необходимым «максимально включить эту страну в германскую хозяйственную систему». Наконец, согласно германскому плану, Бельгия должна была быть лишена всякой политической самостоятельности. «Бельгия должна будет передать германскому правительству представительство своих интересов в международном масштабе».

Но, направляя главный удар на Запад, германский империализм в первый период войны начал оформлять свои аннексионистские планы и в отношении Восточной Европы. Правящие круги Германии сначала отбрасывали мысль о восстановлении Польши. Раздел Польши они счи-

тали самым удачным решением вопроса, пересмотра которого следует избежать: «Нам неудобна самостоятельная сильная Польша», — указывал Лёбель. Вместе с тем уже в тот период правительственные круги сочли необходимым такое «исправление» восточных границ Германии, которое означало бы аннексию Прибалтийского края. Вскоре после неудач на Марне среди правящих кругов и политических партий Германии стали все более явно оформляться аннексионистские планы на Востоке не только относительно Прибалтики, но и Украины. В 1915 г. аннексионистская программа была представлена правительству шестью руководящими организациями германских правящих классов. Программа широко обсуждалась и политической публицистикой. «Бросим взгляд на карту, — писал, например, Штрупп, — и мы увидим, что путь Берлин — Одесса короче, чем путь Берлин — Константинополь. Мы увидим далее, что через Варшаву, Киев, Ростов-на-Дону, через Кавказские горы, Тифлис и Тавриз идет прямой железнодорожный путь к Персидскому заливу, в Индию». Захват Украины рассматривался, следовательно, как этап к дальнейшей агрессии и как одна из предпосылок осуществления планов так называемой «Срединной Европы», — планов, которые уже давно разрабатывались Ф. Науманом и Пангерманским союзом. «Отчужденная от России, включенная в хозяйственную систему Срединной Европы, Украина могла бы стать одной из богатейших стран мира», — писал Курт Ственхаген. «Неисчислимое количество хлеба, скота, кормов, животных продуктов, шерсти, текстильного сырья, жиров, руды, в том числе незаменимой марганцевой руды, и угля преподносит нам эта страна, — писал другой публицист Генш. — После того как мы захватим эти богатства, в Срединной Европе будет 120 млн. человек».

Планы образования «Срединной Европы» имели весьма широкое пространство в правящих кругах германского империализма. Эти планы предусматривали создание в Центральной и Юго-Восточной Европе тесного блока государств (Австро-Венгрия, Болгария, Украина, Румыния, Турция и др.), над которым германский империализм должен был установить свое непосредственное экономическое, политическое и военное господство. Опираясь на материальные ресурсы «Срединной Европы», германский империализм вместе с тем создавал широкий стратегический плацдарм для своего дальнейшего проникновения на Восток и для своей агрессии на Запад. Аннексионистские планы, обсуждаемые германской публицистикой, являлись отражением аналогичных планов, которые разрабатывались тогда в правящих кругах Германской империи. Зафиксированные в переговорах германского правительства и военного командования весной 1917 г., эти планы предусматривали следующее:

«Бельгия... переходит под германский военный контроль... По военно-стратегическим соображениям останутся навсегда во владении Германии (или в аренде на 99 лет) Льеж и побережье Фландрии с Брюгге... При помощи оккупации нужно обеспечить возможность выступления германской армии против Франции на бельгийско-французской границе». Франция, находясь под постоянной угрозой нового военного вторжения Германии, должна уступить последней районы, богатые углем и железной рудой. Кроме того, Франция, равно как и Бельгия, должна уступить Германии свои африканские колонии. Колониальные уступки должна сделать и Англия. Таким образом, за счет своих империалистических противников Германия стремилась создать для себя среднеафриканскую колониальную империю.

Еще не закончив первой мировой войны, германский империализм уже предусматривал захват стратегических позиций для ведения новой войны. «Если, как мы надеемся, во время заключения мира удастся осуществить идею среднеафриканской колониальной империи, — писал в мае 1917 г. начальник германского морского генерального штаба, — то мы

должны будем одновременно приобрести опорные пункты, необходимые для того, чтобы удержать в позднейшей войне колониальную империю». Морская клика требовала захвата на Атлантическом океане Азорских островов, ряда портов на средиземноморском побережье Европы и Африки, на Индийском океане — португальской части Тимора, на Тихом океане — Новой Гвинее и Таити, ряда опорных пунктов в Китае.

Не менее обширны были и аннексионистские планы на Балканах. Они предусматривали присоединение к Австро-Венгрии Сербии, Черногории и Албании; закабаление Румынии как в военно-политическом, так и экономическом отношении («нужно будет обеспечить германские нефтяные интересы в Румынии»). На Востоке Европы эти планы предусматривали аннексию Курляндии и Литвы, а также «частей остальных остзейских провинций, включая острова у входа в Рижский залив».

Восстанавливаемой Польше германский империализм великодушно предоставлял роль своего вассала. «Если нам удастся обеспечить свое военное, политическое и экономическое господство в Польше, то верховное командование армии готово отказаться от границы, которой оно до сих пор требовало». Вместе с тем германское правительство и военное командование соглашалось на то, что «Польское государство должно получить возможность экспансии на Восток». Наконец, главнейшей составной частью «натиска на Восток» являлся план аннексии в той или иной форме Украины.

Таковы были аннексионистские планы германского империализма в 1917 г. Так в общих чертах выглядел бы мир, если бы империалистической Германии удалось добиться победы.

4

Существовала в мире одна крупная империалистическая держава, которая сумела воспользоваться растущими противоречиями между европейскими державами, а еще больше вспыхнувшей войной, чтобы извлечь для себя максимальные выгоды: это были Соединенные Штаты Америки. Легенда о миролюбивом характере их политики «нейтралитета» и неучастия в военных блоках, получившая широкое распространение накануне первой мировой войны, была уже вскоре опровергнута историческими фактами. Тем не менее реакционная американская историография пыталась возродить ее накануне второй мировой войны, когда в правящих кругах США усилилась тенденция под прикрытием политики «невмешательства» направить агрессию фашистской Германии на Восток, а милитаристской Японии — на Запад. То была активная политика в интересах американского экспансионизма, зародившегося еще на рубеже XIX и XX в.

В конце XIX в. американский империализм возвестил о своем существовании активной захватнической политикой. В 1898 г. началась война США против Испании. Она преследовала далеко идущие цели: не только закабаление Кубы и захват Филиппин, но и создание крупного плацдарма на Тихом океане в интересах усиления американской экспансии в Китае. Испано-американская война была первая в истории война откровенно империалистического характера. Она открыла целую серию насильственных действий, с помощью которых империалистические державы стремились переделить мир, пока эти частные столкновения не привели к всеобщему столкновению.

Уже тогда, на первых этапах экспансии, американский империализм сумел воспользоваться расколом Европы, чтобы удовлетворить свои растущие захватнические аппетиты. Впоследствии он воспользовался расколом между европейскими державами еще более широко и эффективно. Американская политика «вне союзов» вовсе не выражала стремления

к обеспечению мира. Наоборот, она выражала стремление к разжиганию войн и столкновений между другими державами в надежде, что это принесет определенные выгоды Соединенным Штатам. Усиливая свою экспансию в странах Латинской Америки за счет вытеснения оттуда влияния европейских держав, американский империализм уже тогда, в начале XX в., стал активно вмешиваться в дела европейских и азиатских государств. В анналах истории имеется немало тому примеров. Напомним, что Т. Рузвельт, президент США, предпринимал большие усилия для разжигания русско-японской войны, а затем весьма активно содействовал обострению Марокканского кризиса 1905—1906 гг. Чем острее становилась борьба между европейскими державами в Африке, на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке, тем шире раскрывались перед американским империализмом перспективы экспансии на других театрах мировой политики, в особенности в Китае и в странах Латинской Америки.

Американские монополисты, подлинные властители США, были заинтересованы в возникновении европейской войны. Они хотели воспользоваться ею для укрепления своих позиций — финансовых, экономических и политических. Являясь страной-должником, США стремились стать страной-кредитором. Был момент, когда финансовой олигархии Уолл-стрита казалось, что это ей удалось, и Джон Хей, государственный секретарь США, с радостью заявил (27 февраля 1902 г.): «Понадобились тысячелетия, чтобы финансовый центр мира переместился с берегов Евфрата на берега Темзы и Сены, а теперь, видимо, хватит и одного дня, чтобы он передвинулся на берега Гудзона»⁷. Это было сказано, по меньшей мере, преждевременно. Понадобился огромный военный пожар, который резко ослабил экономическую и политическую мощь всех крупных империалистических держав Европы, чтобы США действительно стали одним из крупнейших финансовых центров мира.

Война требовалась Уолл-стриту и для дальнейшего усиления американской промышленности. В последние годы перед первой мировой войной темпы подъема промышленности США снизились как по сравнению с предыдущими годами, так и по сравнению с другими странами. Летом 1914 г. США вступили в полосу очередного экономического кризиса. Лишь европейская война позволила экономике США преодолеть этот кризис и выйти на широкие просторы небывалого промышленного «бума», который стал приносить монополиям Уолл-стрита неслыханные ранее прибыли. Получив возможность ликвидировать свою финансовую задолженность и огромными темпами развивать собственную промышленность, ссужая европейские державы кредитами и займами, американские монополии разбухали на дрожжах войны. Между тем война истощала народы Европы. Как справедливо отметил Уильям Фостер, «во время первой мировой войны и после этой ужасной бойни американская капиталистическая система росла и процветала, питаясь человеческой кровью»⁸.

После жесточайшего экономического кризиса, потрясшего США в 1929 г., американский капитализм вступил в стадию относительной стабилизации только тогда, когда снова возникла угроза мировой войны в результате агрессивной политики фашистских держав.

5

Вторая мировая война в еще большей степени, чем первая, показала: чем шире гонка вооружений, чем быстрее рост милитаризма, тем больше прибылей притекает в сейфы американских монополий. Вот по-

⁷ A. Vialatte. L'impérialisme économique et les relations internationales pendant le dernier demi-siècle (1870—1920). Paris, 1923, p. 79.

⁸ У. Фостер. Закат мирового капитализма. Перев. с англ. М., 1951, стр. 42.

чему монополиям США так выгодна бывает напряженность международных отношений, политика подготовки новой войны, политика агрессивного Североатлантического пакта. Ему выгодно воссоздание бундесвера в Западной Германии как ударной силы в рамках атлантической коалиции.

Учтя опыт истории, народы выступают против американской политики воссоздания германского милитаризма. Они не верят утверждениям американской пропаганды, будто возрождение германской военной машины сулит им безопасность. Этому не верят и широкие круги немецкого народа. «Какой немец, знающий историю последних 50 лет, серьезно верит в то, что на этот раз политика силы в Германии будет успешной? — писала газета „Westdeutsches Tageblatt“. — Политика силы не будет служить делу умиротворения во всем мире».

Делу мира служит уже давно предложенный Советским Союзом план создания системы коллективной безопасности в Европе. Этот план предусматривал, с одной стороны, заключение «Общеввропейского Договора о коллективной безопасности в Европе» с участием всех европейских государств и США, а тем самым урегулирования отношений между организацией Североатлантического пакта и участниками Варшавского договора. Если бы предложенная концепция была осуществлена, это означало бы ослабление международной напряженности, устранение опасности новой войны. Но западные державы уклонились от серьезного рассмотрения советских предложений, утверждая, будто система коллективной безопасности может объединить только государства, придерживающиеся одинаковой идеологической основы. Таким образом, они, по существу, возродили концепцию Священного союза, созданного реакционными режимами европейских держав в начале XIX в. в целях борьбы против демократического движения в Европе. Австрийский канцлер Меттерних, один из его создателей, уверял тогда, будто эта система продержится не менее тридцати лет. Она не продержалась и трех лет; демократическое движение в Европе пошатнуло, а затем и разрушило реакционную систему Священного союза. Блок фашистских агрессоров также был блоком единомышленников, но и он не выдержал испытаний, потому что был направлен против жизненных интересов народов.

Идея мирного сосуществования является единственной прочной основой, на которой могут и должны объединиться все народы и все государства независимо от того, какой идеологии, какой социально-экономической системы они придерживаются. Предложение Советского Союза заключить пакт о ненападении между участниками Варшавского договора и участниками военно-политического блока НАТО не является политической иллюзией. Оно порождено историческими потребностями и реальной возможностью в современных условиях предотвратить новую войну. Принять это предложение — означало бы, что человечество сделало крупный шаг к этой цели.

Задача сегодняшнего дня — не гонка вооружений, а их сокращение, вплоть до полного разоружения, не подготовка войны, а обеспечение мира. Этому учат нас не легенды, а уроки и правда истории.

1954 г.

КАПИТУЛЯЦИЯ В 1918 ГОДУ

Представители германского командования и правительства во главе с Эрцбергером 11 ноября 1918 г. в пять часов утра вышли из салон-вагона маршала Фоша, стоявшего в Компьенском лесу. Они только что подписали продиктованный им договор о перемирии, заключавший в себе условия капитуляции Германской империи. Через шесть часов на фронте умолкли орудия. Так закончилась первая мировая война. Державы-победители были охвачены ликованием. В Германии бушевала революция. Кайзер еще в ночь с 8 на 9 ноября бежал в Голландию, а его генералы поспешили спрятаться в тени событий. Для большинства людей конец войны наступил неожиданно.

Когда в августовские дни 1914 г. на полях Европы раздались пушечные залпы, возвестившие о начале мировой войны, никто не знал, сколько эта война продлится. Только в Германии войскам, уходящим на фронт, было сказано о сроках достижения победы: им было обещано, что вскоре они вернутся к своим очагам. Пока что это был не обман, а расчет. Военное руководство Германии было действительно убеждено, что события пойдут по точно вычерченным линейкам плана Шлиффена — Мольтке. В основе этого плана лежала идея быстротечной войны: одним ударом повергнуть в прах Францию, затем Россию и таким образом лишить владычицу морей Англию ее континентальных союзников. Так германская стратегия должна была восполнить провал германской дипломатии, которая, несмотря на все усилия и маневры в течение десятилетий, начиная со времен Бисмарка, так и не смогла разрешить основную задачу — изолировать каждого из противников, а тем самым предотвратить необходимость вести войну на два фронта. Эта политико-стратегическая задача была объективно неразрешима, она и германской стратегии оказалась не по плечу: разгромить каждого из противников поодиночке германскому милитаризму не удалось. Более того, вскоре выяснилось, что, добиваясь мирового господства, германский империализм восстановил против себя крупнейшие державы не только Европы, но и других континентов, тем более, что правящие круги противостоящей империалистической коалиции — Антанты, — обладая огромным экономическим потенциалом и человеческими ресурсами, столь же настойчиво готовились к борьбе за передел мира. Как в таких условиях Германия могла выиграть войну?

Уже через шесть недель после начала войны было ясно, что план Шлиффена — Мольтке потерпел крушение. Но германское командование, загипнотизированное этим планом, уверенное в превосходящей мощи германской армии и в своей собственной стратегической мудрости, рассчитывало одержать конечную победу не только в молниеносной войне, но и в затяжной. Прошло два года, и в 1916 г. германское командование все еще не добилося успеха: на Западе германская армия, истекая

кровью под Верденом, испытала сильные удары со стороны англо-французских войск на Сомме, на Востоке — прорыв русских войск в Галиции серьезно ухудшил общее стратегическое положение Германии и ее союзников. С этого момента германская дипломатия усилила свою деятельность, стремясь «мирными» маневрами в различных направлениях разобщить союзные державы и таким образом содействовать германскому командованию в достижении его стратегических целей. Несмотря на провал первоначальных стратегических планов и на затяжку войны, правящие круги германского империализма все еще были весьма далеки от мысли, что их ставка в кровавой игре может быть проиграна, тем более, что германская армия добилась захвата обширных территорий на Западе, на Востоке, на Юге. Их вера в победу еще более укрепилась, когда во главе командования был поставлен фельдмаршал Гинденбург, за спиной которого стоял начальник штаба генерал-квартирмейстер Людендорф, — несомненно, один из наиболее крупных военных авантюристов того периода, жестокий, упорный и властный человек, холодный в расчетах, горячий в борьбе. Впоследствии он сам признался, что война приобретала для него «характер бесшабашной, азартной игры»; то была игра миллионами человеческих жизней во имя достижения мирового господства германского империализма.

В сентябре 1917 г. Людендорф заявил, что Германия не может ограничиться аннексией уже захваченных территорий как на Востоке, так и на Западе. Он требовал захвата Прибалтики, Польши, значительной части Украины, Бельгии, Голландии, французской территории, а также «определенных точек опоры за океаном, в Америке, колониальной империи в Африке, равно как и военно-морских баз в пределах или за пределами колониальной империи». При этом он уже думал о том, как обеспечить для Германии «такие экономические и военные условия, которые сделают для нас возможной другую войну без всяких опасений за ее исход». В самый разгар войны германское командование разрабатывало планы подготовки новой войны! Конечно, эти планы не были плодом творчества генерал-квартирмейстера. Сложившись в руководящих кругах германского империализма в начале XX в. и в особенности накануне и в первые годы мировой войны, эти планы предусматривали не только подчинение Европы, но и обширные колониальные приобретения в Азии, Африке и Океании. Таким образом, империалистические и милитаристские круги Германии рассматривали настоящее и будущее как постоянно нарастающее усилие совершить решающий рывок к мировому господству.

Германские военные успехи на континенте и на морях казались столь значительными, что не раз вызывали смятение в лагере противника. Беспощадная подводная война, объявленная германским командованием, на первых порах была далеко не безуспешна. И все же она не могла поставить Англию на колени. После того как английское морское командование ввело систему конвоирования судов, германское оружие подводной войны явно притупилось. Зато применение этих средств борьбы, в сочетании с провокационными выходками германской дипломатии, ускорило вступление США в войну.

Великая Октябрьская социалистическая революция в России, нанесшая могучий удар по империализму, внесла огромные изменения в систему международных отношений. Правящие круги Германии и ее генералитет не понимали и не могли понять, что в истории человечества начинается новая эра. Ослепленные своими военными успехами, они спешили использовать грабительский Брестский мир не только для оккупации огромной территории нашей Родины, но и для переброски значительной части своих войск с Востока на Запад в целях нанесения решающего удара по англо-французским войскам.

Война приближалась к решающему этапу, а общее положение для всех ее участников все еще оставалось неясным. Германский блок обладал огромными захваченными территориями на европейском континенте: Бельгия, часть Франции, часть Северной Италии, балканские страны, а в особенности широкие пространства на Востоке — в Польше, в Прибалтике, на Украине и в России. Правда, Германия утратила все колонии в Африке и на Тихом океане, но не они решали судьбу войны. Решение надвигалось в Европе, а здесь баланс, казалось, складывался в пользу германского блока. И все же участники этого блока — Болгария и Турция, а затем Австро-Венгрия — начали терять веру в будущее, и каждый из них стал подумывать, где и как можно найти выход из создавшегося тупика. Правящие круги Германии все еще с серьезным видом разрабатывали детали перекройки карты мира по своему усмотрению, но и у них внутренняя убежденность в осуществимости военных и политических целей уже была надорвана.

Решение германского командования идти напролом, начать новое наступление стало созреть зимой 1917—1918 гг. Это решение не было результатом уверенности в несокрушимой мощи германской армии и в близкой победе. Наоборот, оно было результатом все более ясно ощутимого ослабления германской военной машины. Германская армия была сильно истощена в предыдущих боях. Ее потери были огромны, и командование уже неоднократно прибегало к прочесыванию тыла, чтобы извлечь оттуда пополнение, необходимое для фронта. Еще более осязательна была нехватка опытных офицерских кадров. Запасы стратегического сырья вовсе не хранились в бездонной бочке, а новые изобретения и созданные «эрзацы» (заменители) не могли восполнить растущие потребности. Все это скрывалось и прикрывалось шумными речами: никто — ни немецкий народ, ни союзники Германии, ни тем более ее противники — не должны были знать, что силы германской армии уже истощены и что червь неминуемого поражения уже гложет ее организм.

Нужно было решать: как, наконец, достигнуть конечной победы, все время ускользающей из рук? Германское командование серьезно обдумывало вопрос, не перейти ли к обороне. Оно учитывало состояние армии и возможности ее укомплектования. Взвесив все шансы, оно отвергло этот план. «Помимо того, — сообщает Людендорф, — переход к обороне произвел бы неблагоприятное впечатление на наших союзников, я опасался, что оборонительные бои, в которых противнику будет легче сосредоточить свои мощные боевые средства на отдельных полях сражения, тяжелее отразятся на наших войсках, чем наступательные. Наступление предъявляло солдатам менее высокие требования, чем оборона... Наступление давало огромный моральный перевес, и мы не могли добровольно от него отказаться. Все слабые стороны войск должны были при обороне выявиться гораздо резче».

Итак, жребий был брошен, — нужно было наступать, во что бы то ни стало наступать! «Другого выхода у нас не было», — сообщает генерал фон Куль в своей книге о крушении германских наступательных операций в 1917 г. Возрастающие экономические трудности в Германии, а также возрастающие трудности комплектования армии, с одной стороны, и возрастающая мощь союзников, в частности, в связи с прибытием американских частей в Европу, с другой стороны, определили решение германского командования предпринять большое наступление как на Востоке, так и на Западе. Занимаясь арифметическими подсчетами, германское командование пришло к выводу, что американская армия сможет сконцентрировать свои силы в Европе не ранее чем в 1920 г. и что захват и эксплуатация широких российских пространств может принести немедленные выгоды, как военные, так и экономические. То были расчеты авантюристов, последняя попытка зарвавшегося игрока сыграть

ва-банк. Выдвигая новую задачу, решение которой требовало огромных усилий, германское командование не учитывало, что она заключала в себе глубокое и непреодолимое противоречие: захватническая политика требовала огромных материальных и людских ресурсов, т. е. того, чего требовал новый решающий удар на Западе. Но Людендорф решил все бросить на карту и добиться успеха до прихода американских войск. «Если бы этот удар удался,— писал он впоследствии,— то стратегический результат его во всяком случае был бы очень велик».

Англо-французское командование знало, что весной 1918 г. Людендорф начнет новое наступление огромной силы, но никто не предполагал, что это будет последний крупный рывок германской военной машины. Военное положение коалиции союзников было в то время довольно серьезным. Английские войска еще не успели оправиться от неудач в Пешендельских болотах. Франция была охвачена смятением, а ее армия барахталась в сетях реорганизации, проводимой бездарным Петэнном. Тем больше надежд английское и французское командование возлагало на США. Еще в конце 1917 г. в Лондон прибыла американская миссия во главе с личным представителем президента Вильсона — полковником Хаузом. На совещании Ллойд Джордж, английский премьер, заявил: «Мы для войны содрали с себя все, вплоть до рубашки». Он потребовал от американцев, чтобы те обеспечили союзников «возможно большим числом бойцов, которых следует возможно раньше обучить и экипировать». Он потребовал увеличить размеры американского судостроения в невиданных до той поры размерах. Он потребовал, наконец, продовольствия. Но главное, он потребовал учесть коэффициент времени. «Я должен искренне рассказать вам,— обратился он к американской миссии,— о действительном положении, чтобы вы не думали, что вы имеете возможность создавать армию постепенно, с прохладцей. Будет неправильно, если вы решите, что не имеет большого значения, придут ли войска в Европу в 1918 или в 1919 году. Я хочу, чтобы вы поняли, что разница эта может оказаться роковой».

Полковник Хауз, знакомый с военным и политическим положением в Европе, отлично понял значение этих слов. В секретном отчете президенту США он писал: «Если эта война должна быть выиграна, то нужно добиться лучшей совместной работы союзников. Центральные державы не осилены потому, что их ресурсы полностью мобилизованы и находятся под единым управлением. Отдельный германский солдат, возможно, не так хорош, как английский, но германская военная машина превосходит как английскую, так и французскую».

Далеко не все, даже в лагере союзников, полагали, что США будут способны к быстрым и активным действиям. Генерал Петэн, например, относился ко всем сведениям о планах развертывания американской армии на европейском континенте лишь как к «гипотетическим данным». Он считал весьма сомнительным, что американские войска могут иметь большое значение в сражениях 1918 г. «Следовательно,— заключал он,— с войсками Франции и Англии надо обращаться особенно бережно, чтобы не допустить никакой случайности». Еще яснее Петэн изложил свои стратегические планы 24 января 1918 г. в Компьене. Согласно официальной версии, «французский главнокомандующий не скрыл того, что он считает едва ли возможным при состоянии наших сил предпринять наступление в 1918 г. По его мнению, недостаток в необходимых средствах для наступления будет ощущаться до тех пор, пока участие американской армии не станет достаточно веским фактором в положении на фронте». Это означает, что Петэн явно недооценил нарастание сил союзников и переоценил силы противника. Вскоре воображение Петэна еще более погрузилось во мрак безверия и пессимизма. Клемансо, семидесятишестилетний французский премьер, разъяренный, как тигр, по поводу

подобных настроений «героя Вердена», негодуяще заявил Пуанкаре: «Петэн раздражает меня своим пессимизмом... Он сказал, что немцы разобьют англичан в открытом поле, а после этого они разобьют французов». Уже в те времена Петэн мог снискать себе лавры, как трус и кунктатор!

Другие военные руководители союзников были далеки от панических настроений Петэна, но и они, за исключением Фоша, не считали, что смогут в 1918 г. перейти в наступление и нанести Германии сильный удар. Военные представители Франции, Англии и Италии — Вейган, Генри Вильсон и Кадорна, — на совещании в Версале 21 января 1918 г. пришли к заключению, что ожидаемый приток американских войск не будет в течение года играть существенной роли для достижения перевеса сил союзников над силами врага. Они надеялись, что «в связи с непрерывным поступлением американских войск, орудий, аэропланов, танков и пр., с одной стороны, и возрастающим ослаблением сопротивления неприятеля, с другой», изменения в соотношении сил обнаружатся только в 1919 г. Эта оценка положения не могла не отразиться и на взглядах относительно предстоящей кампании 1918 г. Петэн требовал проведения строго оборонительной стратегии до тех пор, пока в Европу придут американские войска. Английский генерал Хейг, наоборот, требовал наступательных операций весной 1918 г., хотя считал, что американские войска к этому времени еще не придут. Это свидетельствовало не только о несогласованности планов союзников, но и об отсутствии плана вообще. «Сегодня, накануне... наступления со стороны неприятеля, — с тревогой заметил генерал Вейган 28 января 1918 г., — мы не имеем общего плана кампании 1918 г. для войск союзной коалиции».

В этом сказались и разногласия между руководящими военными кругами Франции и Англии. Французское командование указывало, что Франция испытывает всю тяжесть войны, непомерно великую по сравнению с тем, что выпало на долю Англии. Оно указывало также, что французским войскам приходится оборонять большую часть фронта. Оно обращало внимание на то, что слишком большое число британских войск находится на островах, и требовало расширения английской линии на континенте.

К весне 1918 г. германское командование сочло обстановку благоприятной, чтобы нанести сильные удары на Востоке и на Западе. Эти удары, по мнению Людендорфа, должны были предотвратить распад германского блока и принести решающую победу.

1 марта 1918 г. германская армия захватила Киев, через двенадцать дней она захватила Одессу, 8 апреля — Харьков, в конце апреля — Крым, а в начале мая — Ростов-на-Дону. Испытывая огромный недостаток нефти (румынская добыча не могла покрыть все потребности), Людендорф всерьез задумался над вопросом: «Как нам попасть в Баку?» Все это заставляло германскую армию затрачивать огромные силы, отвлекало на Восток не один десяток дивизий, — тем более, что русский, украинский и белорусский народы, а также народы Прибалтики не проявляли готовности примириться с господством немецких захватчиков и вели против них ожесточенную борьбу.

21 марта 1918 г. германское командование бросило войска в наступление и на Западе. В первые дни наступление развивалось успешно. На Западном фронте германское командование имело численный перевес: против 167 английских и французских пехотных дивизий оно смогло выставить 197 дивизий. Измученные длительной войной, германские войска снова воспрянули духом. «Страшные физические страдания, тяжелое моральное давление, безграничное переутомление сделались с течением времени невыносимыми», — так рисует генерал фон Куль настроение солдатской массы накануне наступления. «Во всей армии слышался один

вопл: „Лучше пойти в самое трудное наступление, лишь бы, наконец, выйти из окопов и воронок!“» Немецкие солдаты шли в бой, считая, что это последнее наступление или, как они говорили, «наступление для достижения мира». Сражение продолжалось до 4 апреля. Успехи были большие. Германские войска продвинулись вперед, захватили много трофеев и пленных.

Мартовское наступление германской армии было слишком серьезным ударом, чтобы в лагере союзников все могло остаться по-старому. Германское командование явно стремилось разорвать фронт и отсечь английские войска от французских. 26 марта в лагере Антанты было решено, что «генералу Фошу поручается... согласование действий союзных армий на Западном фронте». В то же время еще более остро встал вопрос о немедленном эффективном вмешательстве США. Военные приготовления в США развертывались быстрыми темпами, но англо-французское командование считало их недостаточными. Генерал Робертсон сравнивал американскую помощь с хрупкой соломинкой. Ллойд Джордж не был склонен предаваться столь меланхолическим размышлениям. Однако и он впоследствии признавался, что «на том этапе нам приходилось непрерывно понукать наших американских друзей». 27 марта он открыто обратился с призывом к президенту США преодолеть трудности, препятствующие переброске войск в Европу. Он прямо указал, что американские подкрепления «необходимы нам возможно скорее».

Технические трудности в переброске американских войск в Европу вскоре были устранены. В переговорах между представителями английского и американского командования было установлено, что если Англия временно пойдет на значительное сокращение ввоза некоторых грузов, то освободившийся транспорт может быть использован для дополнительной переброски 150 батальонов американских войск в течение трех-четырех месяцев. Таким образом, самым лучшим советчиком оказалась нужда.

Под ударами германского наступления разногласия, существовавшие между союзниками, несколько улеглись. Серьезность момента требовала от союзников не слов, а дела. В частности, правящие круги США, по словам лорда Ридинга, английского посла в Вашингтоне, уяснили себе, «что речи и пропаганда не смогут остановить германских милитаристов. Наконец, они поняли, что если надо разбить Германию, надо ее разбить военными средствами». Нужны были мощные резервы, чтобы приостановить германское наступление.

Не многие среди союзников понимали, что германское наступление ведется из последних сил, что оно вскоре может выдохнуться. Даже маршал Фош явно преувеличивал силы врага. Он считал, что потребуется по меньшей мере 100 американских дивизий, чтобы иметь численное превосходство союзников и сломить сопротивление Германии. Это означало, что он требовал новой армии численностью в 4 млн. человек. Но, как показали события, достаточно было наличия 55 процентов численности этой армии, чтобы обеспечить нужный перелом. К моменту окончательного разгрома Германии в 1918 г. в американской экспедиционной армии не насчитывалось и половины количества тех сил, о которых мечтал Фош.

Итак, германское наступление на Западе послужило могучим толчком, побудившим американцев к действию. Но Людендорф все еще надеялся, что ему удастся заставить время работать на Германию.

Едва затихло первое сражение, как через пять дней, 9 апреля, началось новое наступление германской армии — на сей раз во Фландрии, на реке Лис. Оно продолжалось до конца апреля. Имея более чем двукратное численное превосходство над английскими войсками, германская армия двигалась вперед, захватывая трофеи и пленных. Но и здесь.

встретив стойкое сопротивление, она не добилась решающих успехов. Людендорф заметался. 27 мая он начинает новое наступление на реке Эн. Германские войска в последнем напряжении сражались отчаянно, — они рвались к Парижу в надежде обрести там конечную победу. 2 июня они были уже близко к столице. Они захватили Шато-Тьерри. Людендорф надеялся, что Франция вскоре рухнет. Но нет! «Мы боремся, мы сопротивляемся, мы победим, — воскликнул Клемансо в палате депутатов. — Дело не кончено, есть хорошие признаки. Выше сердца!»

Наступление германской армии начало выдыхаться и вскоре было приостановлено. Тогда германское командование бросило своих солдат в новое наступление. Оно началось в ночь на 15 июля. Германские войска перешли Марну, и когда разнеслась об этом весть, правящие круги Германии возликовали. Но никогда они не были столь близки к поражению.

Через два дня огромные резервы Фоша были брошены в бой, и германская армия получила мощный удар, откатилась, понесла при этом огромные потери. Союзники вырвали инициативу из рук врага. 8 августа, начав новое контрнаступление в районе Амьена, они нанесли германским войскам поражение, тем более тяжелое, что германское командование уже не имело ресурсов, ни экономических, ни людских, чтобы исправить положение. «8 августа представляет самый черный день германской армии в истории мировой войны», — писал Людендорф. С этого момента смятение поселилось среди всей германской военной клики. Остов германской военной машины уже был перешиблен. Германские резервы были окончательно истощены. Планы переброски на Запад германских и австро-венгерских войск, занятых на Востоке, осуществить не удалось. Как раз в августе 1918 г. на Украине с новой силой вспыхнуло крупное вооруженное восстание против германских оккупантов. Надежды правящих кругов Германии на то, что разбойничий Брестский мир, навязанный Советской России, будет для них выгодным «хлебным миром», потерпели банкротство. Захватнические планы германского империализма в Восточной Европе, казалось бы осуществленные, стали рушиться. Это еще более усложнило военное и политическое положение Германии. Убедившись, что все проиграно, Людендорф готов был отбросить в сторону карты. Бледный от ужаса, как проигравшийся картежник, он мог только молвить: «Конец!» И все же 14 августа 1918 г. коронный совет с участием Людендорфа и Гинденбурга пришел к заключению, что необходимо заставить людей «произносить пламенные речи», и вскоре Вильгельм, выступив перед рабочими в Эссене, кричал, что «враги обманулись в расчетах» и что, хотя весь мир ненавидит Германию, «ненависть — удел тех, которые чувствуют себя побежденными». В азарте безнадежной игры обанкротившиеся стратеги еще в течение почти трех месяцев продолжали бессмысленное сопротивление. А на улицах Берлина в это время были развешаны плакаты: «Германская победа обеспечена...»

Не все сразу поняли значение военных событий 8 августа 1918 г. Уже после того, как германская военная машина была надломлена, в лагере союзников все еще находились влиятельные люди, которые считали, что не сильный удар объединенных армий, а дальнейшая затяжка войны может привести к победе. Петэн во Франции все еще пребывал в унынии, а генерал Вильсон размышлял о том, когда союзники смогут начать решающее наступление — в июле 1919 г. или даже только в 1920 г.

По-видимому, не всегда легко уловить момент, когда история совершает свой знаменательный поворот. Нужно иметь зоркий глаз, высокий полет мысли, чтобы сквозь кровавую пелену войны различить в куче нагромождающихся событий то зерно, из которого начинается произрастать будущее. Нужно иметь непреклонную волю, трезво и реалистически

оценивать соотношение сил, материальных и моральных, чтобы вмешаться в ход событий и направить их в нужное русло. Стойкость, мужество, решимость ускоряют победу над обреченным врагом.

Удары, нанесенные германской армии на Востоке и на Западе в 1918 г., имели далеко не местное значение. Они ускорили расшатывание германского блока.

Осенью 1918 г. союзники Германии, по словам Эрцбергера, были охвачены паникой и некоторые из них встали на путь поисков сепаратного мира. Но обстоятельства были таковы, что решающее слово принадлежало не дипломатии, а армиям. Перейдя в наступление на Салоникском фронте, войска генерала Франше д'Эспре принудили Болгарию к капитуляции. Вскоре капитулировала и Турция, познав всю тяжесть испытаний, связанную с пребыванием в лагере германского блока. Двухединая монархия — Австро-Венгрия, не выдержав ударов союзников, распалась и капитулировала.

Через несколько дней на путь капитуляции встала и империалистическая Германия. Руководящие круги германского милитаризма поняли, что только при помощи немедленной капитуляции можно уберечь основные кадры армии от полного разгрома, а тем самым не допустить, чтобы военные действия огромной разрушительной силы были перенесены на территорию Германии. По требованию германского командования Эрцбергер 7 ноября 1918 г. под белым флагом отправился в Компьенский лес, чтобы просить о перемирии на любых условиях. Через два дня Германия уже была охвачена революцией, а еще через четыре дня высший орган Советского государства аннулировал «похабный» Брестский договор, — детище аннексионистской политики германского империализма. Крушение германского империализма означало победу политической стратегии великого Ленина.

Никогда в истории не бывало, чтобы одна война была схожей с другой, и вторая мировая война существенно отличается от войны 1914—1918 гг. Теперь — другие темпы войны, другой размах, другие масштабы, а главное ныне народы обуреваемы другими целями. Над Германией снова нависли призраки 1918 года, однако еще более страшные и на сей раз несущие фашизму справедливое возмездие. Когда настанет день полного и окончательного разгрома германской армии, это будет ни с чем несравнимо в прошлом. Крах гитлеровской армии приведет к краху гитлеровского государства, и капитуляция 1918 года померкнет по сравнению с капитуляцией фашистской Германии, которая так же неизбежна, как после ночи неизбежен рассвет.

Часть II

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗИГЗАГИ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ПРОБЛЕМА СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Великая Октябрьская социалистическая революция произвела огромную ломку во всей сфере международных и междугосударственных отношений. В историко-хронологическом и в политическом смысле ломка сказалась в первую очередь во взаимоотношениях между молодым Советским государством и Германией. Проблема советско-германских отношений как в общей, так и в частной форме встала перед В. И. Лениным и большевистской партией еще до Октябрьской революции и создания Советского государства. Она встала перед ними как составная, важная часть сначала более широкой проблемы революционного выхода России из мировой империалистической войны, а затем проблемы мирного сосуществования государств с разным социально-экономическим устройством.

Совершенно по-другому стоял вопрос перед правящими кругами империалистической Германии.

Германская буржуазная историография и публицистика и в прошлом и в настоящем немало занимались проблемой отношений Германии к Востоку и Западу, преимущественно в плане дипломатическом или стратегическом; в центре их внимания стоял главным образом один вопрос: можно ли избежать войны на два фронта, чтобы последовательно разгромить каждого из противников поодиночке и утвердить гегемонию германского империализма в Европе и во всем мире. Однако они никогда не занимались рассмотрением этой проблемы с точки зрения обеспечения мира для самой Германии и для всего мира. Они и теперь игнорируют эту точку зрения, хотя, разумеется, не могут игнорировать самой проблемы советско-германских отношений. Никто не может отрицать, что эта проблема является центральной в международных и междугосударственных отношениях в Европе и что судьба мира в Европе в огромной степени зависит от того, в каком направлении пойдет ее решение. Поскольку же, как показала история двух мировых войн, время крупных локальных вооруженных конфликтов отошло в далекое прошлое, решение проблемы советско-германских отношений в огромной степени определяет и судьбу мира во всем мире. Вот почему эта проблема является одной из наиболее важных и актуальных проблем современной эпохи, и рассмотрение этой проблемы не только в плане политическом, но и в плане историческом поистине поучительно. Это рассмотрение, историческое и историографическое, дает возможность уяснить, какое место историческая наука занимает в формировании политического сознания различных классов общества в современный период, в какой степени и в каком направлении она способствует пересмотру одних взглядов, обветшавших или обанкротившихся в ходе истории, и утверждению и развитию других взглядов и принципов, которые, пройдя суровую проверку жизнью, выдержали испытание и оправдали себя перед лицом самого строгого судьи — истории.

В дальнейшем мы убедимся, что современная западногерманская историография и публицистика, будучи ослеплены ненавистью к Великой Октябрьской социалистической революции и к Советскому Союзу, не видят ни достижений нашей эпохи, ни тех возможностей позитивного решения проблемы советско-германских отношений, которые диктуются национальными интересами всего немецкого народа, интересами всего мира и объективным ходом всей истории. Мы убедимся также, что реакционная историография и публицистика в Западной Германии поистине ничего не забыли и ничему не научились. История не только учит, но и выносит справедливый и беспощадный приговор, притом не только тем, кто ее делает, но и тем, кто ее пишет.

1

Теперь уже никто не может отрицать, что Советское государство с самого начала своего существования являлось международным фактором первостепенного значения. Это признает ныне даже реакционная публицистика Западной Германии, пытаясь, однако, отрицать закономерность этого исторического факта. Теперь уже никто не может отрицать и того, что идеи социализма и мира, провозвестником которых является коммунистическая партия, имеют всеобщий характер, и даже реакционная западногерманская историография признает, что социалистическая революция, начатая большевиками в России в октябре 1917 г., имела глубокие международные корни и широкое международное влияние. Георг фон Раух, один из наиболее типичных представителей реакционной историографии, в своей книге «История большевистской России», предаваясь рассуждениям о мистической сущности большевизма, коренящейся, по его словам, «в двойственной натуре человека — как греховного создания и в той же степени как подобия бога», выражает эту мысль в следующих, впрочем, весьма туманных словах: «Во всяком случае, большевизм — это явление, которое не может быть объяснено одной только русской историей и которое пустило корни не только среди русских людей или других народов Восточной Европы или Восточной Азии»¹. В то же время он, с одной стороны, невольно подтверждает глубокую приверженность русского народа идеям большевистской партии, а с другой — возвращается к старым, обанкротившимся надеждам удушения коммунистических идей и ликвидации социалистических порядков путем иностранного вмешательства. Последнее, по сути дела, является лишь модифицированным воспроизведением политических надежд и планов руководящих кругов германского империализма кайзеровских времен в 1917—1918 гг. Отличие лишь в том, что тогда в этих кругах сначала вообще никто не считал возможным создание в России советского государства рабочих и крестьян, а затем, когда его возникновение стало историческим фактом, эти круги были убеждены, что оно недолговечно и быстро рухнет под ударами контрреволюции. В этом отношении и взгляды империалистических вершителей судеб мира в лагере Антанты ничем не отличались от взглядов правящих кругов германского империализма. И в то время, как страны Антанты стремились удержать Россию в своем лагере в качестве участницы войны, в правящих кругах Германии зрели другие планы и другие надежды: в условиях войны на два фронта, затяжной характер которой означал, что ее победоносное окончание уже превратилось в мираж, и притом все более отдаляющийся, юнкерство и империалистическая буржуазия искали сепаратного мира с русским царизмом. Даже во время войны они считали себя его потенциальным союзником как в смысле возможного сговора об усло-

¹ G. v. Rauch. Geschichte des bolschewistischen Russland. Wiesbaden, 1955, S. 581.

виях передела мира за спиной Англии и за счет ее империалистических интересов, так и в смысле общности их классовых и династических интересов для борьбы против революции, назревавшей в России и угрожавшей господству реакции и в Германии.

В прошлом буржуазно-помещичья Россия проделала сложную и далеко не прямолинейную эволюцию в области междугосударственных отношений: от реакционного союза с Германией к не менее реакционному и империалистическому союзу с Францией и Англией. В основе этой эволюции лежали рост экономических и политических противоречий между военно-феодальным империализмом в России и юнкерско-буржуазным империализмом в Германии, столкновение их экспансионистских интересов на Ближнем, на Среднем, а также на Дальнем Востоке. В дальнейшем столкновение экспансионистских интересов распространилось на Прибалтику и Финляндию (со стороны правящих кругов Германии) и на Галицию (со стороны правящих кругов России). Польша, раздел которой ранее составлял один из устоев союза между кайзеровской Германией и царской Россией, стала в период войны не только яблоком раздора, но и полем столкновения между ними. Немаловажным фактором являлась борьба между англо-французским и германским финансовым капиталом за проникновение, влияние и преобладание на обширных внутренних рынках России, борьба, которая привела к усилению экономической и политической зависимости России от англо-французского капитала. Тем не менее существование и даже нарастание империалистических противоречий между Россией и Англией (в частности, на Ближнем Востоке и в Персии), существование династических связей между буржуазно-помещичьей Россией и юнкерско-буржуазной Германией, а главное общность интересов реакционных сил, всегда рассчитывавших на возможность совместной борьбы против революционного рабочего движения,— все это означало наличие перспективы для сближения между старой Россией и старой Германией на империалистической и контрреволюционной основе.

Вот почему, учитывая весь опыт истории взаимоотношений между юнкерско-буржуазной империей Гогенцоллернов и буржуазно-помещичьей Российской империей Романовых, В. И. Ленин еще во время войны считал возможным «поворот от империалистского союза России с Англией против Германии к не менее империалистскому союзу России с Германией против Англии»². Он говорил, что немецкая «буржуазия вместе с юнкерами направит все свои усилия, при всяком исходе войны, на поддержку царской монархии против революции в России»³. Таким образом, рассматривая перспективы социалистической революции в России, большевики учитывали не только роль германского империализма как агрессивной и реакционной силы, но и возможные варианты конкретно-исторических условий, которые будут затруднять или облегчать вызревание революционных сил и соответственно проведение тактики и стратегии революционных действий. В этом смысле характер взаимоотношений между империалистической Германией и империалистической Россией, а также международное и военное положение каждой из воюющих держав имели немаловажное значение. К анализу и оценке всех этих сложных факторов большевики, как наиболее последовательные патриоты и пролетарские интернационалисты, подходили не с позиций великодержавности и шовинизма, а исключительно с позиций интересов развития социалистической революции в своей стране и ее поддержки и продолжения рабочим движением в других странах, прежде всего в Германии.

² В. И. Ленин Полн. собр. соч., т. 30, стр. 242.

³ В. И. Ленин Полн. собр. соч., т. 26, стр. 16.

Германская буржуазная историография периода первой мировой войны, периода Веймарской республики и последующего периода вплоть до настоящего времени, отражая политические интересы и стратегические расчеты господствующих классов, рассматривает проблему русско-германских отношений как составную часть проблемы военно-политических союзов и блоков, а решение этой проблемы она ищет в рассмотрении усилий германской дипломатии. Так, например, Фридрих Мейнеке, один из корифеев германской буржуазной историографии XX в., утверждал, что дипломатические переговоры о союзе между Германией и Англией против России и неудача этих переговоров являлись поворотным пунктом в истории Германии и даже в истории всего мира⁴. Примерно из тех же методологических позиций в оценке проблемы русско-германских отношений исходили Э. Бранденбург⁵, Г. Онкен⁶ и другие представители германской буржуазной историографии. И сейчас в связи с найденными и опубликованными бумагами Ф. Гольштейна, фактического руководителя германской дипломатии послебисмарковских времен в конце XIX и в начале XX в.⁷, западногерманская историография и публицистика снова возвращаются к вопросу об определяющей роли дипломатии в решении проблемы выбора союзников, в частности об отношении к Англии, с одной стороны, и к России — с другой. К этому можно добавить, что во времена господства фашизма «геополитическое» направление в области историографии и публицистики, поднятое до уровня официальной государственной доктрины, рассматривало русско-германские отношения не только под углом зрения проблемы военно-политических блоков и союзов, но и под углом зрения путей колониальной экспансии германского империализма в Восточной Европе⁸.

Но проблема внешней политики, в частности русско-германских отношений в период империализма, выходит далеко за пределы вопроса о методах и целях дипломатических усилий. Ничего общего она не имеет и с пресловутой «геополитикой». Это не проблема дипломатического искусства или географически predetermined политической «судьбы», а сложная проблема классовых интересов в области междугосударственных и международных отношений.

Великая Октябрьская социалистическая революция раскрыла существо этой проблемы в полной мере, притом не только теоретически, что уже давно было доказано марксизмом, но и в практике политической борьбы в переломный и решающий момент всемирной истории.

Октябрьская революция и последующий период триумфального шествия Советской власти привели к революционным изменениям в социальной структуре общества, к быстрой и полной ликвидации буржуазно-помещичьей государственности в России. Господство монополий и банков, имевших тесные связи с французским, английским, немецким и бельгийским капиталом, господство крупного помещичьего землевладения и старой бюрократии, господство их партийно-политических организаций — от черносотенного «Союза русского народа» до кадетов, — а также мелкобуржуазных партий меньшевиков и эсеров — все это под ударами революции рухнуло. На руинах старой общественно-экономической

⁴ F. Meinecke. Geschichte des deutsch-englischen Bündnisproblems 1890—1901. München — Berlin, 1927.

⁵ E. Brandenburg. Von Bismarck zum Weltkriege. Berlin, 1924.

⁶ H. Oncken. Das alte und das neue Mitteleuropa. Gotha, 1917; он же. Das Deutsche Reich und die Vorgeschichte des Weltkrieges, Bd. II. Leipzig, 1933.

⁷ F. v. Holstein. Die geheimen Papiere Friedrich von Holsteins, Bd. I—IV. Göttingen — Berlin — Frankfurt a/M., 1957—1963.

⁸ Е. В. Тарле. «Восточное пространство» и фашистская геополитика. — Соч., т. XI. М., 1959, стр. 785—806.

системы и буржуазно-помещичьей государственности начала складываться новая структура общества, сложилось государство нового типа — советское государство рабочих и крестьян. Естественно, рождение государства новой структуры означало и рождение политики нового типа. Большой удачей, или, как говорил В. И. Ленин, счастливым моментом⁹, облегчившим победу Октябрьской революции в России, было то, что две империалистические коалиции продолжали в то время военное столкновение за передел мира. Это вовсе не означает, как утверждают реакционная историография и публицистика, будто Советское государство уже с тех пор и до настоящего времени заинтересовано в войне между западными державами, надеясь с ее помощью разжечь социалистическую революцию. Подобное утверждение ложно. Международное революционное движение, разумеется, не несет ответственности за возникновение империалистических войн. Оно всегда было самым решительным их противником, всегда вело и до сих пор ведет борьбу за их предотвращение. XX съезд Коммунистической партии Советского Союза убедительно доказал, что революция может победить не только в обстановке, аналогичной условиям 1917 г. в России, т. е. в период, когда трудящиеся России должны были вытерпеть все бедствия опустошительной войны. Захват власти рабочим классом, представителем интересов большинства нации, может стать фактом не только в условиях войны и не обязательно путем вооруженного восстания. Он может быть осуществлен и мирным путем. Одна из великих задач Октябрьской социалистической революции как раз и заключалась в том, чтобы, вырвав Россию из огня мировой империалистической войны, показать народам реальную возможность покончить с этой войной и установить в ее общий мир на демократических началах. Ленинский Декрет о мире впервые в истории воплотил в себе не только лучшие надежды и упования трудящегося человечества, измученного войной, но реалистическую концепцию всеобщего демократического мира, разработанную большевистской партией в период социалистической революции. В этом его неповторимый исторический пафос, и это вдохнуло в него ту неиссякаемую моральную силу, которая обеспечивает ему большое политическое значение в веках.

Таким образом, решительно, целиком и полностью порвав с классово-вой сущностью, методами и целями внешней политики буржуазно-помещичьей России, внешняя политика Советского государства приобрела новое классовое содержание, отвечающее миролюбивым интересам самых широких народных масс и прежде всего рабочего класса. Она получила и новое направление как в отношении иностранных капиталистических государств и правительств, так и в отношении рабочего класса и народных масс этих государств.

Буржуазная пресса и публицистика, обнаружив полное непонимание и растерянность перед лицом новых, невиданных ранее фактов международной жизни, утверждали тогда, что Советское правительство вообще не имеет никакой «внешней международной политики»¹⁰. Между тем, практически направляя внешнюю политику Советского государства, В. И. Ленин одновременно разрабатывал и ее основные принципы. Разумеется, эти принципы возникли не сразу. Они сложились в конкретных условиях всего периода Октябрьской революции, когда мир был охвачен огнем империалистической войны, когда в капиталистических странах, с одной стороны, началось пробуждение рабочих масс к активным революционным действиям, а с другой — господствующие классы начали разрабатывать и осуществлять планы военной интервенции и

⁹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 9.

¹⁰ Там же, стр. 253

удушения социалистической революции; эти принципы возникли, когда рабочий класс России, вооруженный ранее разработанной ленинской теорией о возможности построения социализма в одной стране, взял на себя трудную и ответственную историческую миссию осуществления этой теории в условиях враждебного капиталистического окружения, военной интервенции, «санитарного кордона» и попыток экономического удушения первого в мире социалистического государства рабочих и крестьян.

Направляя свои обращения о мире «всем! всем! всем!», В. И. Ленин и Советское правительство исходили из того, что в истории наступило время, когда возрастающая и целенаправленная активность рабочего движения в главных капиталистических странах может оказать серьезное и даже решающее воздействие на политику правительств, представляющих интересы господствующих классов. Вот почему, борясь за всеобщий мир на демократической основе и будучи вынужденным — в связи с отказом западных держав — вести сепаратные переговоры о мире с германским правительством, В. И. Ленин и весь советский народ надеялись на активное выступление и политическое воздействие германского рабочего класса.

Таким образом, уже с самого начала Великой Октябрьской социалистической революции, когда старая проблема русско-германских отношений оказалась опрокинутой всем ходом истории, впервые на передний план выступила проблема нового классового содержания — проблема советско-германских отношений: то была, с одной стороны, проблема взаимоотношений между Советским государством и империалистической Германией и, с другой стороны, проблема взаимоотношений между рабочим классом России, взявшим власть в свои руки, и рабочим классом Германии, находящимся под игом капитала. Отношения с капиталистической Германией строились на основе общих принципов мирного сосуществования государств с различными социально-экономическими системами, выработанных В. И. Лениным, принципов, осуществление которых Советское государство отстаивает на всем протяжении своей истории. Солидарность с германским рабочим классом определялась непреложными и неизменными принципами пролетарского интернационализма. Утверждение реакционной историографии и публицистики, будто принцип мирного сосуществования является лишь ширмой для прикрытия пролетарского интернационализма, а этот последний в свою очередь якобы является идеологическим оправданием и прикрытием политики «экспорта революции», свидетельствует не только о теоретической несостоятельности тех, кто высказывает подобные утверждения, но в еще большей степени об их стремлении исказить и фальсифицировать историю внешней политики Советского государства, исказить и фальсифицировать ее основы и принципы. Не удивительно, что, встав на этот путь и нагромождая одну легенду на другую, реакционная историография и публицистика пытаются доказать, с одной стороны, наличие «экспорта революции» из России в Германию, а с другой, как мы увидим, нечто прямо противоположное, а именно «экспорт революции» из Германии в Россию. В обоих случаях это ложь. Но, как гласит немецкая пословица, у лжи короткие ноги...

Правда заключается в том, что принципы пролетарского интернационализма сложились давно, задолго до Октябрьской революции и до того, как Ленин разработал концепцию мирного сосуществования государств с различными социально-экономическими системами. Правда заключается в том, что со времени победы Октябрьской революции вопросы внешней политики Советского государства решаются, говоря словами В. И. Ленина, «не с точки зрения предпочтительности того или другого империализма, а исключительно с точки зрения наилучших условий

для развития и укрепления социалистической революции»¹¹. Таким образом, определяющим фактором внешней политики Советского государства являются не традиционные связи с тем или иным из капиталистических государств, и тем более не отношения экономической или дипломатической зависимости, столь свойственные междугосударственным отношениям капиталистического мира, а суверенный выбор наиболее благоприятных в сложившейся обстановке условий для мирного социалистического строительства.

23 ноября 1917 г., уже после исторического Декрета о мире, В. И. Ленин заявил: «Мы предлагаем немедленно начать мирные переговоры... со всеми странами без изъятия»¹². Стремление к урегулированию всех спорных вопросов путем переговоров, стремление к мирным отношениям со всеми странами стало основным принципом внешней политики Советского государства на всем протяжении его истории. Разумеется, этот принцип не являлся изолированным от других, в частности, от принципа пролетарского интернационализма, ибо только их сочетание и могло придать жизненную силу Октябрьской революции в ее борьбе за мир, демократию и социализм. На основании огромного исторического и жизненного опыта, накопленного в течение десятилетий, В. И. Ленин знал, что в борьбе советского народа за мир подлинным и верным союзником может быть только международное рабочее и социалистическое движение. Но при всем своем революционном оптимизме он также знал, что «революция не заказывается; революция является, как следствие взрыва негодования народных масс»¹³.

Когда социалистической революции в России угрожала непосредственная опасность со стороны империалистической Германии, Ленин пристально следил за развитием рабочего революционного движения в Германии и возлагал на него большие надежды. Он всегда высоко ценил опыт рабочего движения в Германии и всегда придавал ему большое историческое и политическое значение. В значительной степени это объясняется тесными идейными, политическими и в некоторой степени организационными связями, которые сложились между передовыми отрядами социалистического пролетариата России и Германии, а также взаимным влиянием и взаимопомощью в ходе борьбы против реакционных и агрессивных сил, господствовавших в обеих странах. Традиционные связи между русским и германским революционным движением сложились давно, еще во времена К. Маркса и Ф. Энгельса, а в особенности в начале XX в., накануне и во время первой русской революции 1905—1907 гг. На протяжении своей сознательной жизни В. И. Ленин изучал историю Германии, ее экономическую и политическую жизнь, ее философию и науку, ее культуру и бескультурье ее господствующих классов. В особенности же он изучал — притом не глазами постороннего, а глазами руководителя наиболее последовательного революционного крыла международного социалистического движения — развитие, формы и идеологию германского рабочего движения, высоко ставил деятельность его вождей — Зингера и Бебеля, Люксембург и Либкнехта — и решительно клеймил ревизионизм Бернштейна и Легина, Парвуса, а затем и Каутского, сыгравших пагубную роль в германском рабочем движении, — и далеко не только в германском.

Исторически сложилось так, что в течение десятилетий социалистическое движение в Германии являлось для социалистического движения в России своего рода образцом, даже в большей степени, чем для

¹¹ В. И. Ленин Полн. собр. соч., т. 35, стр. 247.

¹² Там же, стр. 85.

¹³ Там же, стр. 117.

социалистических партий других стран¹⁴. В. И. Ленин дал объяснение этому факту. В апреле 1914 г., накануне первой мировой войны, он писал: «У германской социал-демократии есть громадные заслуги. У нее есть строго выработанная, благодаря борьбе Маркса со всякими Хёхбергами, Дюрингами и К°, теория... У нее есть массовая организация, газеты, профессиональные союзы, политические союзы — та самая массовая организованность, которая так явственно складывается теперь и у нас...» Указывая далее, что германское социалистическое движение имеет заслуги не благодаря постыдной деятельности реформистов и ревизионистов, а несмотря на нее, В. И. Ленин заключал: «Несомненную *болезнь* немецкой партии, обнаруживающуюся в явлениях такого порядка, мы должны не затушевывать и не запутывать „казенно-оптимистическими“ фразами, а вскрывать перед русскими рабочими, чтобы мы учились на опыте более старого движения, учились, чему не подражать»¹⁵. Как известно, во время войны эта болезнь стала еще более серьезной — социал-шовинизм и центризм в рабочем движении превратились в прямых союзников германского империализма. И все-таки В. И. Ленин глубоко верил в революционные потенции германского рабочего класса. То была не слепая вера, основанная на воспоминаниях о боевых традициях прежних времен. То была уверенность, основанная на анализе системы государственно-монополистического капитализма, сложившегося в Германии в годы войны, на анализе изменений экономического положения и политического сознания германского рабочего класса и солдатских масс. В апреле 1917 г., покидая Швейцарию, чтобы отправиться в революционную Россию, В. И. Ленин писал в прощальном письме швейцарским рабочим: «*Немецкий пролетариат есть вернейший, надежнейший союзник русской и всемирной пролетарской революции*»¹⁶.

И вот теперь реакционная историография и публицистика делают попытку утверждать, что союзником социалистической революции в России был не германский пролетариат, а... германский генеральный штаб. В Западной Германии и в других западноевропейских капиталистических странах появилась обширная литература, которая под видом изучения истоков Великой Октябрьской социалистической революции занимается вопросом о маршруте возвращения В. И. Ленина из швейцарской эмиграции через Германию и Швецию в Россию¹⁷. При этом выдвигается утверждение, будто организатором этого маршрута был генерал Людендорф. Отсюда делается два вывода: во-первых, что Людендорф и генеральный штаб занимались «экспортом революции», или, вернее, «транзитом революции», в Россию в целях облегчения военного положения германского империализма; во-вторых, что Людендорф и генеральный штаб поэтому повинны в возникновении Великой Октябрьской социалистической революции и в ее последующем влиянии на Германию, — будто, если бы В. И. Ленин вернулся в Россию другим маршрутом, всемирная история приняла другой оборот.

Наряду с общим курсом реакционной историографии на реабилитацию германского милитаризма, наряду с глупой версией об «экспорте революции» из Германии в Россию, находящейся в вопиющем противоречии с не менее глупой, но более укоренившейся версией об «экспорте революции» из России в Германию, в последнее время появились новые историографические зигзаги. Так, один из ведущих реакционных жур-

¹⁴ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 98.

¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 110.

¹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 93.

¹⁷ W. Hahlweg. Lenins Reise durch Deutschland im April 1917. — «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte», 1957, H. 4, S. 307 ff. В примечаниях 1 и 2 (стр. 307) приводятся подробные библиографические данные.

налов Западной Германии «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte», ссылаясь на какие-то немецкие дипломатические документы, хранящиеся в Лондоне, с псевдоакадемической серьезностью стремится доказать, что Людендорф не только не был повинен в возникновении Октябрьской социалистической революции в России, но даже, оказывается, не был лично знаком с В. И. Лениным и даже не знал его имени¹⁸... Но дело не ограничивается этим «открытием», ибо далее выдвигается утверждение, что идея «транзита революции» через Германию в Россию принадлежит не мудрым германским стратегам, а незадачливой дипломатии в лице одного из ее представителей — графа Брокдорф-Ранцау. Общий вывод должен быть следующий: правящие круги Германии вообще не ведали, что творили, и подрывали собственное положение, когда вступали в переговоры с политическими деятелями революционной России. Таким образом, под видом разоблачения смехотворной легенды о Людендорфе как прародителе Октябрьской социалистической революции делается попытка достигнуть сразу трех целей: во-первых, реабилитировать в глазах западногерманской реакции Людендорфа и генеральный штаб, освободив их от обвинения в том, что они являлись союзниками социалистической революции в России; во-вторых, скомпрометировать как пособника этой революции графа Брокдорф-Ранцау, который, как известно, впоследствии был активным сторонником улучшения советско-германских отношений; в-третьих, исторически обосновать тезис современных сторонников «холодной войны», утверждающих, что нельзя иметь дело с Советским государством и его лидерами, ибо это приводит к «экспорту революции» в Германию.

Но это еще не все: два крупных западногерманских органа прессы, которые обычно кичатся своей «независимостью», пали так низко, что под сенсационными заголовками напечатали «Выдержки из документов Вильгельмштрассе к истории Октябрьской революции» — фальсифицированные материалы, цель которых заключается в том, чтобы попытаться скомпрометировать В. И. Ленина и газету «Правду»¹⁹. При ближайшем рассмотрении оказывается, что «Выдержки» составлены по образцу и подобию публикации, изданной в Берне в 1919 г. Комитетом общественной информации Соединенных Штатов Америки. Международная общественность уже давно разоблачила это издание как грубую фальсификацию, выполненную тогда белогвардейскими кругами, которые по заданию американского агента Эдгара Сиссона взялись «документировать» глупые и клеветнические измышления кадетской газеты «Речь»²⁰. В. И. Ленин еще в 1917 г. на страницах «Правды» дал достойный ответ подобным клеветникам и пригвоздил их к позорному столбу²¹. Тем не менее западногерманская реакционная историография и публицистика, стремясь скомпрометировать В. И. Ленина, делают попытки возродить эту клеветническую и давно разоблаченную легенду.

2

Если нужны доказательства жизненности и непреодолимой силы ленинских принципов внешней политики, принципов пролетарского интернационализма, с одной стороны, и мирного сосуществования государств с различными социально-экономическими системами — с другой, то исторические пути и исторические итоги советско-германских отношений да-

¹⁸ «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte», 1957, Н. 4, S. 307 ff.

¹⁹ «Die Welt», 7 ноября 1957 г.; «Die Zeit», 27 июня 1957 г.

²⁰ «Die deutsch-bolschewistische Verschwörung». Hrsg. vom Committee on Public information of United States of America. Bern, 1919.

²¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 422.

ют эти доказательства. То были трудные и сложные пути. Их главные вехи таковы: Брестский мир, когда германский империализм пытался закабалить Советское государство; Рапалло, где были нормализованы отношения между Германией и Советским Союзом; ряд открытых и закулисных сговоров между правящими кругами Германии и западными империалистическими державами, имевших целью международную изоляцию Советского Союза; советско-германский договор 1939 г.; Великая Отечественная война, вызванная вероломным нападением гитлеровского империализма на Советский Союз и являвшаяся переломным моментом не только советско-германских отношений, но и всемирной истории. Уже в ходе войны, а затем на Потсдамской конференции Советский Союз отстаивал и отстоял идею ликвидации германского милитаризма и империализма, концепцию создания единой, миролюбивой, демократической Германии, концепцию, отвечающую национальным интересам немецкого народа. И всегда на этих трудных путях и перепутьях, при решении сложнейших вопросов, определяющих не только судьбы советского и немецкого народов, но и судьбы Европы и всего мира, Советский Союз руководствовался ленинскими принципами, рожденными Великой Октябрьской социалистической революцией.

Разумеется, эти принципы, как и все учение марксизма-ленинизма, не являются застывшей формулой и, будучи реалистическими и диалектическими по своей природе, находят свое многообразное проявление и воплощение в действительности. Разумеется также, что эти принципы, адекватные задачам социалистического общества на международной арене, не имеют ничего общего с принципами, или, вернее, беспринципностью, буржуазной дипломатии, воспитанной на традициях Талейрана или Пальмерстона, Дизраэли или Бисмарка. Конечно, имеются некоторые различия и в этих традициях. Если Талейран, по словам А. И. Герцена, доказал, что плутовство не значит гениальность, а Пальмерстон и не пытался этого доказывать, то Бисмарк, который сам считал себя искусным жонглером в области дипломатических принципов, в случае надобности умел надевать на себя и маску прямодушия.

В. И. Ленин всегда понимал не только исторические задачи германского рабочего класса, но и национальные интересы всего немецкого народа, национальные интересы, которые германский империализм и милитаризм попирали. Призыв Советского государства к всеобщему миру в 1917 г. правящие круги Германии расценили как признак слабости Советской власти, и на этой оценке они строили свои агрессивные стратегические планы на Востоке и на Западе. Правда, они не могли не учитывать влияния этого призыва на рост революционных настроений рабочего класса в самой Германии, но они исходили из того, что, зажав немецкий народ в тисках военной диктатуры, смогут сначала продиктовать грабительские условия мира на Востоке, а затем добиться военной победы на Западе, прежде чем революционное рабочее движение в Германии успеет развернуться и сказать свое решающее слово. Однако стратегия агрессии ничего общего не имеет со стратегией революции. Развернув широким фронтом борьбу за мир, рабочий класс России боролся не только за собственные интересы, но и за интересы германского рабочего класса и всего немецкого народа и этим оказывал ему огромную морально-политическую поддержку. В то же время всякая весть об антивоенных и революционных выступлениях германского рабочего класса и солдатских масс воспринималась в России как замечательный ответный акт поддержки российского рабочего класса. Одним из высших выражений этих возрожденных традиций пролетарского интернационализма и социалистической взаимопомощи в условиях продолжающейся со стороны Германии империалистической войны являлось братание немецких и русских солдат. В. И. Ленин считал, что братание «есть революционная

инициатива *масс*, есть пробуждение совести, ума, смелости угнетенных классов, есть, другими словами, одно из звеньев в цепи шагов к социалистической, пролетарской революции»²². Но при наличии социально-экономических предпосылок германская революция еще не созрела, и германский империализм имел возможность всей мощью своего «брошированного кулака» обрушиться на молодое Советское государство.

С тяжелым сердцем, но с пониманием глубокой ответственности Советское правительство пошло на Брестские переговоры. Там впервые в истории за столом дипломатических переговоров столкнулись две силы: с одной стороны, силы революции, социализма и мира, с другой — силы империализма, реакции и войны. Там незримо столкнулись и две стратегические задачи: перед Советским правительством стояла задача — выиграть время во имя будущей победы социализма; перед германским правительством — в возможно быстрый срок осуществить грабительские притязания на Востоке, чтобы добиться решающих военных побед на Западе. Задача Советского правительства была продиктована интересами народа, мира и социалистической революции. Задача германского правительства, как теперь подтверждено на основе сохранившихся архивных документов, — интересами представителей крупных немецких банков, монополий и юнкерства (Карла Гельфериха, президента имперского банка Гавенштейна, директора фирмы Круппа Гугенберга и др.)²³.

Весь мир, затаив дыхание, следил за дипломатической борьбой этих сил, и много было людей, которые не сомневались в победе агрессивных сил германского империализма над силами советской революции. В это тяжелое время и в большевистской партии нашлись трусы, фразеры и даже дезертиры. Нужна была огромная воля, исключительная прозорливость и глубокая принципиальность, чтобы, не поддаваясь ни «революционным» фразам, ни провокациям, правильно решить одну из сложнейших проблем, которые выдвинула история. Для решения этой проблемы следовало учитывать многие факторы.

В Германском центральном архиве в Потсдаме сохранился документ, который свидетельствует о том, как правильно В. И. Ленин расценил не только соотношение сил в правящих кругах германского империализма, но и расчеты и замыслы этих кругов. Это краткая запись совещания германской правящей верхушки, состоявшегося в Гомбурге 13 февраля 1918 г., когда после разрыва переговоров в Бресте решался вопрос о возобновлении военных действий²⁴. На этом совещании, как и предугадал В. И. Ленин, боролись два течения: «умеренная» группа, представленная Кюльманом и Пайером, и агрессивная «военная партия», представленная Гинденбургом, Людендорфом и Вильгельмом. Требования Гинденбурга, согласно записи, были таковы: «Мы должны действовать решительно и быстро. Борьба на Западе продолжится долго. Мы должны высвободить все силы. Мы должны поэтому разгромить русских. Должны сбросить их правительство». Пайер пытался доказать, что сбросить большевиков не так-то просто, ибо они пользуются поддержкой народа, и что «симпатия к большевикам может возникнуть и у нас», а Людендорф продолжал твердить: «Мы должны закончить войну военными средствами. Для этого мы должны иметь свободу рук на Востоке. Мы

²² В. И. Ленин Полн. собр. соч., т. 31, стр. 459—460.

²³ См. W. G. Brünin. Die deutsche Regierung und der Friedensvorschlag der Sowjetregierung (November — Dezember 1917). — «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1957, H. 5, S. 962 ff.

²⁴ Протокол совещания в Гомбурге от 13 февраля 1918 г. см. DZA Potsdam, Akten des Reichskanzlei, Bd. 2477, Bl. 71 ff. В обсуждении приняли участие: Вильгельм II, рейсканцлер, статс-секретарь Кюльман, вице-канцлер Пайер, Гинденбург, Людендорф, Гольцендорф.

убеждены, что сможем добиться победы на Востоке. Мы должны для этого иметь свободные руки».

В том же духе выступал и кайзер, дополнительно выдвинув при этом один любопытный аргумент. Он сообщил, что в некоторых английских кругах складывается мнение, что «Англия должна совместно с Германией бороться против большевиков». Таким образом, разоблачения В. И. Лениным и Советским правительством стремлений Антанты столкнуть Советское государство с империалистической Германией получают свое подтверждение и в том, что, по крайней мере, некоторые круги в Англии, по свидетельству Вильгельма II, были заинтересованы столкнуть империалистическую Германию с Советской Россией.

Как известно, гомбургское совещание приняло решение о военном наступлении, и Советское правительство было вынуждено подписать «несчастный мир»²⁵ на еще более тяжелых условиях, чем те, которые германский империализм навязывал на первом этапе брестских переговоров. Но сохранившаяся запись гомбургского совещания свидетельствует и том, как прав был В. И. Ленин в своих расчетах. И «умеренные», и представители военщины в одинаковой степени испытывали тревогу по поводу внутреннего положения и роста стачечного движения в Германии. Когда Людендорф заявил: «Мы должны маршировать на Петербург», — рейхсканцлер был вынужден предупредить: «Мы рискуем стачкой». И хотя Людендорф самоуверенно ответил: «Стачка ничего не значит», — все совещание прошло в атмосфере едва скрытых опасений, что Октябрьская социалистическая революция окажет огромное влияние на германский рабочий класс. На этом совещании германский империализм полностью раскрыл свои агрессивные планы.

Дальнейшие события показали, как прав был В. И. Ленин, когда в борьбе с противниками подписания «несчастливого мира» утверждал, что Брест не затруднит дело германской революции, а, наоборот, поможет ей²⁶. В этот критический момент истории Советского государства, когда решался вопрос о судьбах социалистической революции, В. И. Ленин и коммунистическая партия черпали свою уверенность в революционных силах и в разуме русского рабочего класса, и в историческом опыте немецкого народа. В. И. Ленин сравнивал Брестский мир с Тильзитским миром, когда Наполеон I раздробил Германию и подверг ее величайшему унижению. «И тем не менее, — отмечал В. И. Ленин, — даже после такого мира немецкий народ устоял, сумел собраться с силами, сумел подняться и завоевать себе право на свободу и самостоятельность». «Тогда, — писал далее В. И. Ленин, — историческая обстановка не давала иного выхода этому подъему, кроме выхода к *буржуазному* государству. Тогда, сто с лишним лет тому назад, историю творили горстки дворян и кучки буржуазных интеллигентов, при сонных и спящих массах рабочих и крестьян. Тогда история могла ползти в силу этого только *с ужасающей медленностью*»²⁷.

Октябрьская социалистическая революция, пробудив, расширив и подняв эти массы к активному историческому творчеству, вовлекла в исторический процесс новые мощные факторы и тем ускорила бег времени, и притом не только в России. В. И. Ленин это предвидел. Германские стратеги не понимали и не могли понять смысла и неизбежности великих событий. Увлеченные авантюристическими планами оккупации на Востоке и на Западе, они подсчитывали количество имеющегося на Востоке хлеба, который собирались перебросить в Германию, и количество освобождающихся там дивизий, которые они собирались перебросить во

²⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 382.

²⁶ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 457—459; т. 37, стр. 98.

²⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 81.

Францию. Но они не подсчитывали и не могли подсчитать энергии революционных сил, которая нарастала не только в России, где уже победил Октябрь, но и в Германии, которая шла навстречу своему Ноябрью.

Обещав немецкому народу «хлебный мир», они не дали ему ни хлеба, ни мира. Стремясь перебросить свои силы с Восточного фронта на Западный, они практически увязли на обоих фронтах, и единственное, чего они добились, это распространения революционных настроений среди солдат не только на Восточном, но и на Западном фронте. Им казалось, что захватив территорию с 34 процентами населения Советского государства, на которой было расположено 54 процента его промышленности и 90 процентов его угля, они повергли социалистическую революцию в прах, а сами находятся на вершине победы. Но, как это бывает при пирровой победе, они уже сами стояли на краю поражения. Брестский мир, раскрывший авантюризм германского империализма и его стратегии, был его роковым шагом к военному краху и революционному взрыву в Германии.

Впоследствии Гитлер в книге «Mein Kampf» пытался оправдать брестскую политику германского империализма. Вообще же даже реакционная германская историография и публицистика в большей своей части вынуждены теперь признать, что Брест был не победой, а крупнейшей дипломатической ошибкой, более того — политическим и стратегическим провалом правящих кругов Германии в тот период, когда они впервые встали перед проблемой их отношений с Советским государством. Каковы же выводы?

Чтобы дать ответ на этот вопрос, следует обратиться к тем темам, которые современная немецкая историография, считая их актуальными, выдвигает на первый план. Если историческая наука в Германской Демократической Республике изучает социально-экономические, политические и идеологические условия Ноябрьской революции в Германии, а также условия, определившие влияние Великой Октябрьской социалистической революции²⁸, то реакционная историография в Западной Германии считает возможным, как уже было отмечено выше, ограничиться концепцией «экспорта революции». Если историческая наука в Германской Демократической Республике рассматривает события и проблемы отношений немецкого и советского народов как проявление крепнущих традиций и принципов пролетарского интернационализма²⁹, то западно-германская историография решительно оправдывает политику разрыва отношений с Советским государством, которую осуществляло правительство кайзеровских социалистов Эберта и Шейдемана. Известный реакционный историк и публицист Г. Штегеман идет еще далее. Он утверждает, что события 1917—1918 гг. прервали добрые традиционные отношения, которые существовали между Россией и Германией, и обвиняет в этом Октябрьскую революцию в России и Ноябрьскую революцию в Германии. Но нужно поставить историю с ног на голову, чтобы прийти к такому выводу. В самом деле, разве эти традиционные отношения между юнкерско-буржуазной Германией и буржуазно-помещичьей Россией мешали возникновению войны, которую народы обеих стран должны

²⁸ Прежде всего следует отметить сборник «Revolutionäre Ereignisse und Probleme in Deutschland während der Periode der Grossen Sozialistischen Oktoberrevolution 1917/1918», Berlin, 1957, изданный под редакцией Альберта Шрейнера; книгу Клауса Маммаха «Влияние Февральской революции в России и Великой Октябрьской социалистической революции на рабочий класс Германии» (М. 1957), а также интересные статьи по этому вопросу в журнале «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1957, № 5.

²⁹ См. А. Норден. Между Берлином и Москвой. М., 1957; F. Klein. Die diplomatischen Beziehungen Deutschlands zur Sowjetunion 1917—1932, 2. Aufl. Berlin, 1953; G. Rosenfeld. Die deutsch-sowjetischen Beziehungen bis 1925.— «Deutsche Aussenpolitik», 1957, H. 11, S. 995 ff.

были оплачивать взаимоистреблением и кровью? И разве революционные события 1917—1918 гг. не раскрыли перед народами России и Германии реальную возможность действительно восстановить и укрепить те старые традиции пролетарского интернационализма и социалистической взаимопомощи, дальнейшее развитие которых исключает возможность возникновения новой русско-германской войны? Но дело в том, что господствующие классы Германии — империалистическая буржуазия и юнкерство, сохранившие при поддержке социал-демократии свои позиции внутри страны, — стремились осуществить свой курс и в области внешней политики. Как признает и Эд. Карр в своей работе «Берлин — Москва», именно тогда дал себя знать сложившийся ранее союз генерального штаба и тяжелой индустрии, и «политика новой Германии определялась тем, в чем они усматривали свои интересы»³⁰. Эти интересы они усматривали прежде всего в том, чтобы помешать сплочению революционных сил советского и немецкого народов, изолировать эти силы в Германии и повести курс на разгром германского рабочего движения, не останавливаясь перед убийством его вождей. Тем самым они показали, говоря словами В. И. Ленина, что «„свобода“ в одной из самых свободных и передовых республик мира, в германской республике, есть свобода безнаказанно убивать арестованных вождей пролетариата»³¹.

Поскольку революционное рабочее движение признается корнем всех зол, остается лишь один шаг до возрождения старой милитаристской концепции «удара ножом в спину», удара, который Ноябрьская революция якобы нанесла германской армии. Политическая цель этой исторической концепции, или, вернее, реакционной легенды, была ясна еще в веймарские времена, когда милитаристские силы создали ее для того, чтобы оправдать себя. Теперь эта легенда выступает с модификацией, которая сама по себе заслуживает внимания: реакционная историография и публицистика, с одной стороны, оправдывают курс германского правительства тех времен на отказ от всякой помощи со стороны Советской России, даже от помощи хлебом, которую советский народ предложил немецкому народу, а с другой стороны, пытаются доказать, что именно революционная угроза, идущая с Востока, заставила германское правительство капитулировать в Версале. Модификация старой легенды заключается, следовательно, в том, что если раньше ответственность за военный разгром Германии возлагалась на германский рабочий класс, то теперь появляется тенденция возложить ответственность за Версаль на Советскую Россию. Но разве В. И. Ленин не предупреждал во всеуслышание, что западные империалистические державы «для Германии... готовят мир, полный настоящего удушения, мир более насильнический, чем мир Брестский»³²? Разве он не предупреждал, что политика «антибольшевизма», которую правящие круги Германии тогда начали проводить в отношении западных империалистических держав, не спасет положения Германии, а, наоборот, ввергнет Германию и ее победителей в состояние «хаоса и бессмыслицы»³³? Естественно, возникает вопрос: какова же была позиция Советской России по отношению к грабительскому Версальскому миру? Западногерманская историография не дает ответа. Но, как гласит немецкая пословица: отсутствие ответа — это тоже ответ. В данном случае она или просто замалчивает важнейший исторический вопрос, связанный с проблемой советско-германских отношений, или подменяет его другими вопросами. В качестве примера можно привести работу Дитриха Гейера «Вильсон и Ленин», зада-

³⁰ E. H. Carr. Berlin — Moskau. Deutschland und Russland zwischen den beiden Weltkriegen. Stuttgart, 1954, S. 18.

³¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 497.

³² Там же, стр. 163.

³³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 291.

ча которой заключается в том, чтобы доказать, что американский президент подходил к решению проблем международной жизни с позиции «демократии», а Ленин — с позиции «диктатуры»³⁴.

В тех же редких случаях, когда реакционная историография и публицистика в какой-то степени затрагивают вопрос об антиверсальской позиции Советского государства, они пытаются создать впечатление, будто русский «большевизм» стремился вступить в союз с германским «национализмом» и даже с милитаризмом для совместной борьбы против западных держав. Автором этой легенды был английский премьер Ллойд Джордж, который, изложив ее в своем знаменитом меморандуме из Фонтенбло в 1919 г., преследовал цель запугать своих версальских партнеров³⁵. Но и он изложил эту версию не как исторический факт, а как возможность. И если теперь реакционные круги пытаются снова пустить ее в ход, то только для того, чтобы отвлечь внимание от другого, подлинного исторического факта, а именно от той огромной морально-политической поддержки, которую Советское государство и советский народ оказывали германскому рабочему классу и всему немецкому народу в их борьбе против империалистического Версальского мира. В тяжелые годы установления версальского режима, а затем в период оккупации Рура советский народ обнаружил глубокое понимание национальных интересов немецкого народа и не раз имел случай доказать это на деле, даже в период, когда между Германией и Советским Союзом не было нормальных дипломатических отношений. С другой стороны, и германский рабочий класс в период антисоветской интервенции, движимый идеями пролетарского интернационализма, развернул под руководством коммунистической партии действенную кампанию под лозунгом «Руки прочь от Советской России!», кампанию, которая охватила большую часть немецкого народа³⁶. Западногерманская историография и публицистика об этом молчат. Историческая наука в Германской Демократической Республике разрабатывает эту важную сторону общей проблемы истории советско-германских отношений, разрабатывает глубоко, всесторонне и на обширном документальном материале. В этом ее большая заслуга. Таким образом, немецкая прогрессивная историография, разрабатывающая, в частности, проблему советско-германских отношений, обращается к темам, имеющим актуальное значение.

Но и реакционной историографии в Западной Германии в этом отказать нельзя. Наоборот, следует отметить, что ее наиболее видные представители, откликаясь на зов политических и идеологических интересов господствующих классов Западной Германии, в ряде случаев относят свои интересы от более ранних к более поздним периодам и активно вторгаются в область публицистики как одной из форм освещения проблем «современной истории». Элемент историзма и объективности, которыми кичилась старая буржуазная историография, утверждавшая устами Ранке, что она пишет «как оно собственно было», выбрасывается за борт, особенно когда дело касается проблемы советско-германских отношений. Это видно из дискуссии, которая развернулась в связи с оценкой Рапалло и вообще проблемы так называемой «восточной» и «западной» ориентации внешней политики Германии в период между двумя мировыми войнами.

Версальская система поставила Германию в такое тяжелое положение, что, как отмечает и Карр, уже в 1919 г. «все пути (Германии. —

³⁴ D. Geyer. Wilson und Lenin.— *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 1955, Н. 3, S. 430 ff.

³⁵ K. F. Nowak. Versailles. Berlin, [1927], S. 145 ff.

³⁶ См. А. Норден. Между Берлином и Москвой. М., 1957; интересный материал по этому вопросу содержится в обработанном и изданном на правах рукописи протоколе конференции пропагандистов Общества германо-советской дружбы, состоявшейся 6—7 июня 1957 г. в Берлине, на тему «Руки прочь от Советской России».

А. Е.) вели на Восток»³⁷. В сближении с Советской Россией были заинтересованы не только широкие массы немецкого народа, но и влиятельные круги господствующих классов, нуждавшиеся в выходе из внешнеполитической изоляции, а также в том, чтобы получить заказы и загрузить промышленные предприятия. Если правящие круги Германии все же не сразу пошли по этому пути, соответствовавшему национальным интересам всего немецкого народа, то это объясняется тем, что на них оказывали воздействие два фактора: во-первых, крупные силы (в частности, верхушка социал-демократии), которые сделали «антибольшевизм» своим политическим знаменем; во-вторых, давление держав Антанты. Как рассказывает в своих мемуарах бывший советник германского посольства в Москве Гильгер, при малейшем проблеске улучшения советско-германских отношений со стороны западных держав начинались интриги или раздавалось такое рычание, которое пугало правящие круги Германии, особенно тех, кто хотел казаться напуганным, чтобы найти предлог для отсрочки урегулирования советско-германских отношений³⁸. И все же в апреле 1922 г. во время Генуэзской конференции был подписан советско-германский договор, вошедший в историю под названием Рапалльского. Этот договор предусматривал лишь восстановление и нормализацию отношений между Германией и Советской Россией. Тем не менее он повсеместно вызвал весьма сильную, хотя и различную реакцию. Если, как справедливо отметил Иозеф Вирт, «Рапалльский договор был признан и оценен рабочими всего мира как первое подлинно мирное творение после великой катастрофы»³⁹, то в руководящих кругах Западной Европы он был встречен с тревогой и вызвал протесты, а «Temps», руководящий орган французской империалистической буржуазии, не преминул пригрозить Германии превентивной войной. Тем более любопытно и знаменательно, что в настоящее время резкую кампанию против Рапалло ведет значительная часть историографии и публицистики в Западной Германии. Почему?

Даже самые ярые противники Рапалло не могут в тексте договора найти оснований для нападок на него. Для них неприемлем самый «дух Рапалло», т. е. принципы, которые нашли свое воплощение в Рапалльском договоре и в объективно сложившейся в тот период перспективе развития советско-германских отношений. То были принципы мирного сосуществования Советского Союза и Германии, двух крупных европейских держав, имевших различные социально-экономические и политические системы. Если бы эти принципы и дальше определяли развитие советско-германских отношений, это являлось бы большим вкладом в дело европейского мира: западные империалистические державы практически лишились бы возможности использовать Германию, говоря словами Бисмарка, как гончую собаку, которую можно натравливать на Россию. Победа принципа мирного сосуществования и его осуществление в практике советско-германских отношений, таким образом, могли изменить всю политическую обстановку, восстановить и укрепить роль Германии в международных отношениях и лишить сторонников «крестового похода» против СССР возможности развязать новую войну. Именно это и вызвало недовольство западных держав в период Рапалло. И именно это побуждает значительную часть современной западногерманской историографии и публицистики выступать против «духа Рапалло». В этих целях делается все, чтобы дискредитировать Рапалло. Журнал «Die Ge-

³⁷ E. H. Carr. Berlin — Moskau, S. 22.

³⁸ G. Hilger. Wir und der Kreml. Deutsch-sowjetische Beziehungen 1918—1944. Frankfurt a/M.—Berlin, 1955, S. 55.

³⁹ J. Wirth. Reden während der Kanzlerschaft. Berlin, 1925, S. 345. См. также F. Klein. Joseph Wirth und Walter Rathenau.—«Die Weltbühne», 7 ноября 1951, S. 1475 ff.

genwart» заявляет, что Рапалло — это «фантом» и только «сенсационный эпизод»⁴⁰, а «Merkur», называющий себя «немецким журналом европейского мышления», заявляет, что Рапалло — это «тайна, мечта и призрак»⁴¹. Выдвигаются утверждения, будто Рапалльский договор был создан только для того, чтобы напугать западные державы, и практически он был использован не Германией, а Советским Союзом против Германии. Далее утверждается, что Рапалло, являясь по существу своему блефом, был не более как орудием политической тактики. Но раздаются и другие голоса, которые готовы приписать Рапалло характер советско-германского военного союза. И то и другое — блеф, и если значительная часть западногерманской историографии и публицистики так охотно пользуется им, то лишь с целью исторически скомпрометировать «дух Рапалло» — одно из возможных воплощений идеи мирного сосуществования государств с различными социально-экономическими и политическими системами. Они больше всего опасаются, чтобы этот дух и эти принципы не восторжествовали в настоящее время в отношениях между Федеративной Республикой Германии и Советским Союзом. Они понимают, что «дух Рапалло» несовместим с духом милитаризма и реванша, который ныне снова возрожден в Западной Германии.

Но сторонники «холодной войны», мастера блефа в области исторической публицистики, пытаются оправдаться еще и тем, что реальные исторические условия, сложившиеся после второй мировой войны, не дают оснований для возрождения Рапалло, который они рассматривают как прикрытие военного союза.

Существуют, однако, и в Западной Германии круги, которые понимают, что все эти оправдания являются нагромождением ложных утверждений: во-первых, Рапалло никогда не был мелким тактическим маневром, а был большой политической концепцией; во-вторых, он никогда не был тайным военным союзом, и, в-третьих, никто в мире и не предлагал восстановить букву Рапалльского договора.

«Рапалло, а не Тауроген!» — под таким заголовком опубликовал статью Дитер Поссер⁴², автор работы по истории советско-германских отношений⁴³, противопоставляя тем самым рапалльскую концепцию взаимоотношений с Советским Союзом на основе принципов мирного сосуществования таурогенской концепции старого русско-прусского военного союза.

Интересно отметить и третью, более старую, струю в западногерманской исторической публицистике: и противники, и даже некоторые сторонники «духа Рапалло» рассматривают проблему Рапалло с одной точки зрения — удастся ли Западной Германии использовать в своих интересах противоречия между западными империалистическими державами, с одной стороны, и Советским Союзом — с другой. Некоторые дают на это положительный ответ, но большинство отрицательный. Однако ясно, что западногерманская историческая публицистика и историография все еще находятся во власти понятий и представлений кайзеровских, веймарских и гитлеровских времен; игра на противоречиях между Западом и Востоком все еще рассматривается как высшее проявление «государственной мощи» и «государственной мудрости». Они не понимают и не хотят понять, что после победы социалистической революции в России и особенно после того, как сложилась мировая система социалистических государств, курс на разжигание конфликтов и подготовку войны не только входит в противоречие с жизненными, историческими

⁴⁰ «Die Gegenwart», 5 ноября 1955, S. 720 ff.

⁴¹ «Merkur», 1952, H. 9, S. 872.

⁴² См. «Die Stimme der Gemeinde», 1954, № 4, S. 87.

⁴³ D. Posser. Die deutsch-sowjetischen Beziehungen seit 1917. Darmstadt (6. r.).

интересами человечества, но и не соответствует конкретным интересам отдельных государств и народов. В новых исторических условиях этим задачам отвечают усилия, направленные на осуществление принципа мирного сосуществования государств с различными социально-экономическими системами и на этой основе осуществление конструктивных и реалистических мероприятий, которые были бы способны устранить опасность новой войны и в то же время создать наиболее благоприятные условия для решения конкретных вопросов международных отношений.

Между тем реакционная историография Западной Германии в последнее время снова выдвинула на передний план проблему внешнеполитической ориентации Германии в период между первой и второй мировыми войнами. На наших глазах снова возрождается противопоставление «духа Локарно» «духу Рапалло». В этом отношении характерна дискуссия, которая развернулась в Западной Германии по вопросу об оценке политического наследия Штреземана⁴⁴. Рассматривая результаты дискуссии, можно установить по крайней мере два непреложных факта: во-первых, публикация документов Штреземана была фальсифицирована, особенно в той части, которая касается проблемы советско-германских отношений; во-вторых, политика балансирования между Востоком и Западом, то есть политика лавирования между Советским Союзом и западными империалистическими державами, которая так высоко превозносилась германской буржуазной историографией и рекламировалась как воплощение бисмарковских традиций в области дипломатии, на самом деле лишь прикрывала стремление германского империализма и милитаризма подорвать политику Рапалло.

Но если «дух Рапалло» в свое время означал подход к решению проблемы советско-германских отношений на основе принципа мирного сосуществования, то что такое «дух Локарно»?

Как показал опыт истории, «дух Локарно» расчищал путь к включению Германии в империалистический блок западных держав, путь к Мюнхену и в конце концов путь ко второй мировой войне. Конечно, это был путь не прямой, со сложными зигзагами, путь, при котором одно империалистическое противоречие нагромождалось на другое и при котором все империалистические противоречия предполагалось решить за счет Советского Союза, используя ударную силу германского милитаризма. Так историческая концепция о внешнеполитической ориентации Германии между Востоком и Западом в конце концов раскрылась как политико-стратегическая концепция «канализации» агрессии германского империализма и милитаризма против Советского Союза.

Известно, что и эта реакционная концепция обанкротилась. Но человечество пролило слишком много крови, чтобы допустить возрождение и осуществление этой концепции в новом варианте. Поэтому и историческая апология этой концепции представляет собой серьезную идеологическую опасность с точки зрения интересов обеспечения мира в Европе. Ясно, что жизненным интересам народов отвечает концепция, основанная на принципах мирного сосуществования государств с различными социально-экономическими системами, и концепция, основанная на принципах пролетарского интернационализма. Сила этих ленинских принципов внешней политики Советского государства, провозглашенная в период Великой Октябрьской социалистической революции, заключается не только в их большой теоретической значимости. Овладев массами, эти принципы стали воплощением огромной материальной силы, все более и более определяющей исторические судьбы человечества.

⁴⁴ См. Н. Gatzke. Von Rapallo nach Berlin.— «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte», 1956, Н. 1, S. 1 ff. В статье имеется подробная библиографическая справка. Статья Гатске написана на материалах архива Штреземана, находящихся в США.

Новая эра в истории человечества, начало которой было положено Великой Октябрьской социалистической революцией, открыла перед народами такую перспективу, какой они никогда раньше не имели: речь идет о реальной возможности предотвращения новой империалистической войны. В конце XIX — начале XX в. единственной силой, которая могла воспрепятствовать росту милитаризма и сокрушить планы поджигателей войны, являлось международное революционное рабочее движение. Однако в результате многолетней оппортунистической деятельности верхушки социал-демократии и профессиональных союзов, опиравшейся на сравнительно небольшие, но политически влиятельные слои так называемой рабочей аристократии, в результате их предательской деятельности в трагические дни августа 1914 г. международный рабочий класс оказался не в состоянии предотвратить империалистическую войну: во-первых, преданный своими оппортунистическими лидерами, он не смог начать решительные и решающие массовые антивоенные выступления, и, во-вторых, в то время он еще не имел такого могучего оплота в лице Союза Советских Социалистических Республик и сложившейся ныне мировой системы социалистических государств, опираясь на которую его борьба за предотвращение войны и упрочение мира имела бы реальную перспективу.

Только после Великой Октябрьской социалистической революции и образования Советского государства, когда на одной шестой части земного шара сложилась и укрепилась социалистическая зона мира, только тогда борьба за укрепление мира и предотвращение империалистических войн стала приобретать значительные шансы на конечный успех. Эти шансы в огромной степени возросли после того, как Советский Союз вышел из капиталистического окружения, после того как в мире наряду с существующей системой капиталистических государств сложилась и укрепилась мощная система социалистических государств, привлекающая к себе симпатии трудящихся капиталистических стран, а также народов Азии и Африки, ведущих борьбу за национальную независимость против позорной империалистической системы колониализма.

В эту великую мировую систему социалистических государств входит и Германская Демократическая Республика. Это первое в истории Германии государство рабочих и крестьян было создано после того, как западные империалистические державы, преследуя собственные экономические, политические и стратегические цели и пренебрегая национальными интересами немецкого народа, встали на путь раскола Германии; они создали Федеративную Республику Германии с целью включения ее в систему агрессивного Атлантического пакта. Так в Центральной Европе образовались два германских государства с различными социально-экономическими, политическими и идеологическими системами, два государства, не имеющих между собой даже нормальных дипломатических отношений. Эти два германских государства имеют неодинаковую численность населения, неодинаковый экономический потенциал и различный тип внешнеэкономических связей. Но в живом диалектическом процессе исторического развития, особенно когда его движущей силой становится творческая энергия народных масс, арифметические подсчеты, как бы они ни были важны, не дают представления об огромных потенциях, которые несут с собою прогрессивные силы, и о тех перспективах, которые открываются перед ними. Трагедия немецкого народа в том, что он не сумел воспрепятствовать возрождению монополий и милитаризма в Западной Германии. И величайшее счастье немецкого народа в том, что, несмотря на 12 лет господства фашизма, который уничтожал

лучших сынов Германии и, используя расизм, национализм и агрессивный милитаризм, одурманивал немецкий народ, в Германии нашлись политические силы, которые, сплотившись и получив единодушную поддержку рабочего класса и широких трудящихся масс Восточной Германии, спасли честь немецкого народа и открыли перед ним такую благоприятную историческую перспективу, какой он никогда ранее не имел. В основе этой перспективы лежит активность рабочего класса и широких масс немецких трудящихся, которые начали понимать пагубную роль германского империализма и милитаризма. В основе этой перспективы лежит и новое соотношение сил, сложившееся на мировой арене в результате победы Советского Союза и разгрома гитлеровской Германии. Эта перспектива зиждется на огромном историческом опыте советско-германских отношений с Великой Октябрьской социалистической революцией и окончания первой мировой войны до настоящего времени.

На германский рабочий класс ложится огромная историческая ответственность — ответственность национальная и международная. Создание единой, миролюбивой, демократической республики будет его огромным вкладом в дело решения общей проблемы обеспечения мира в Европе. Вот почему, как справедливо отметил Вальтер Ульбрихт, «историческое значение Германской Демократической Республики заключается в том, что она выполняет великую и важную роль в национальном возрождении Германии и превращении ее в миролюбивое, демократическое государство»⁴⁵. Предложение о создании конфедерации двух существующих германских государств, которая могла бы быть первым шагом по пути к решению германской проблемы⁴⁶, является исторически оправданным и реалистическим предложением, отвечающим национальным интересам немецкого народа и интересам мира в Европе. Вот почему оно было поддержано и Советским Союзом. Игнорируя это предложение, стремясь встать на путь атомного вооружения в системе агрессивного Атлантического блока, правящие круги Западной Германии показали, что у них вообще нет желания мирно решить германский вопрос. С другой стороны, взяв одностороннюю ориентацию на укрепление своей ударной силы в системе НАТО, они игнорируют все попытки Советского Союза урегулировать отношения на принципах мирного сосуществования. Это значит, что они сознательно игнорируют и уроки, преподанные историей советско-германских отношений.

Германский рабочий класс учел эти уроки. Германская Демократическая Республика, созданная его руками и в его исторических интересах, не только навсегда исключила опасность столкновения с Советским Союзом, но и создала отношения братского содружества и тесного экономического и политического сотрудничества. С полным правом можно сказать, что проблема отношений Советского Союза и Германской Демократической Республики полностью решена. В решении этой проблемы нашли воплощение марксистско-ленинские принципы пролетарского интернационализма. Крупнейшим вкладом в дело обеспечения мира в Европе мог быть отказ Федеративной Республики Германии от курса на реванш в пользу курса на мирное сосуществование с Советским Союзом и со всеми другими участниками социалистического сообщества государств в Европе. Тогда Марс, бог войны, так часто тревоживший старую Европу, никогда больше не посмел бы топтать ее нивы и разрушать ее города.

⁴⁵ Rede in der Volkskammer der DDR am 8. August 1957.— «Neues Deutschland», 9 августа 1957 г.

⁴⁶ Regierungserklärung des Ministerpräsidenten der DDR Otto Grotewohl vom 8. August 1957.— «Neues Deutschland», 9 августа 1957 г.

Сближение двух германских государств в форме конфедерации весьма способствовало бы общей разрядке международной напряженности не только в Европе, но и во всем мире. Отношения между ГДР и СССР успешно развиваются на основе принципов социалистического интернационализма и свидетельствуют об огромных изменениях, которые произошли после второй мировой войны в связи с тем, что Германская Демократическая Республика приступила к строительству социализма и с **первых** шагов своей исторической жизни стала важнейшим фактором стабилизации мира в Центральной Европе. Если бы в основу своей политики ФРГ положила признание принципа мирного сосуществования,— это открыло бы новую полосу в поступательном ходе истории европейских народов и создало бы новые предпосылки для плодотворного обмена материальными и культурными ценностями, порождаемыми творческим гением советского и немецкого народов, и притом в интересах всего мира.

1957 г

ВЕРСАЛЬСКИЙ ТЕЗИС И ЕГО РЕВИЗИЯ

(ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ
КАК ОРУДИЕ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ)

Социалистическая революция, вырвав Россию из системы империалистических держав, усматривала одну из своих главных задач в том, чтобы, борясь за всеобщий мир на демократической основе, разоблачить тайную дипломатию и тайные договоры, при помощи которых господствующие классы подготовили мировую империалистическую войну и готовили империалистический мир. Уже в марте 1917 г., намечая программу мира будущего Советского правительства, Ленин указывал на необходимость опубликовать «тотчас *все* эти договоры, чтобы предать публичному опозорению разбойничьи цели царской монархии и *всех* без исключения буржуазных правительств»¹. Октябрьская революция немедленно приступила к осуществлению этой программы. Не далее как на третий день пролетарской диктатуры было объявлено об опубликовании тайных договоров. Впервые в мировой истории была обнародована секретная дипломатическая переписка, относящаяся к самому непосредственно близкому прошлому, и впервые история видела такого своеобразного публикатора — матроса Николая Григорьевича Маркина, который хорошо, по словам очевидцев, пользовался пулеметом, но не менее хорошо пользовался и другим оружием социалистической революции — публикацией документов. Его семь «Сборников секретных документов» (Пг., 1917—1918), несомненно, оказали влияние на международную политику конца 1917 и начала 1918 г., оказали большое влияние на массы². Никто не может отрицать того исключительно большого политического значения, какое эти несовершенные с технической точки зрения публикации имели в качестве одного из существенных элементов подлинно демократических методов советской внешней политики и борьбы за мир.

Революционно-классовый характер советских публикаций являлся фактом, совершенно очевидным. «...Борьба протекала вокруг открытия тайных архивов,— писал, например, немецкий историк А. Розенберг,— борьба, столь обостренная, столь ожесточенная, охватившая столь широкие слои народа, как это можно только представить, ибо обе стороны сознавали, что дело идет о войне или о мире, о демократической или максималистской (Советской.— А. Е.) республике. Пример оказал сильное влияние на последующие движения, направленные к свержению существующего строя»³. «Опубликование тайных архивов тогда,— писал он

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 53.

² См. Б. Штейн. К истории внешней политики СССР.— «Мировое хозяйство и мировая политика», 1930, № 10, стр. 67—68.

³ А. Rosenberg. Erschliessung der Geheimarchive.— «Neue Zürcher Zeitung», 23 декабря 1928 г.

в другом месте,— когда хранящиеся там документы еще глубоко внедряются в жизнь современности,— дело новое... Революционная форма проявления имела революционную цель»⁴.

Действительно, эта революционная целеустремленность была отличительной чертой советских публикаций. Их появление приоткрыло непроницаемую завесу, за которой можно было рассмотреть обнаженные контуры и некоторые конкретные черты империалистической политики и методов тайной дипломатии в подготовке мировой войны. В этом смысле советское издание явилось могучим орудием борьбы за мир.

Но значение первых и последующих советских изданий еще более увеличивалось в связи с тем, что они впервые осветили не только подготовку мировой войны, но и те переговоры, соглашения и секретные сделки, которые протекали во время мировой войны, которые, разрабатывая условия будущего империалистического передела мира, легли в основу версальской системы, созданной державами Антанты. Политическая актуальность этих материалов, таким образом, неизмеримо выросла, тем более, что советской публикацией был создан прецедент: если исключить грубо фальсифицированные «цветные книги», опубликованные с практической целью военной пропаганды⁵, дипломатические документы оставались секретными и не разрешались к опубликованию обычно в течение многих десятилетий.

Перед правительствами империалистических стран встала необходимость сделать попытку самореабилитации, и притом в заранее ограниченных рамках и вопросах: иностранные публикации освещают вопросы, лишь связанные с происхождением мировой войны, и ни одна из них не включает в себе материалов, хотя бы в малейшей степени проливающих свет на ту борьбу, которая протекала во время мировой войны по вопросу о переделе мира, о подготовке будущих мирных условий, короче, о подготовке послевоенной системы со всеми ее внутренними противоречиями, системы, в условиях которой идет напряженная подготовка новой империалистической войны. Но поскольку установленный прецедент стимулировал опубликование нового богатейшего материала, научное значение этого факта трудно переоценить.

Политическая задача советских изданий — не скрывать, не затушевывать, а, наоборот, наиболее полно освещать все противоречия, все изгибы, все специфические методы империалистической политики. Это нашло свое диалектическое выражение в высшей и подлинно научной объективности.

1

При каждом политическом и дипломатическом зигзаге в отношениях Веймарской Германии к странам победившей Антанты вопрос о «виновниках войны» снова приобретал большую политическую актуальность, становился предметом официальной дискуссии между руководящими политическими кругами Германии и ее «западных» партнеров. Эта дискуссия определялась новыми политическими условиями, создававшимися в результате поражения Германии, стала обслуживать новые политические цели, выдвигаемые различными этапами сложной и напряженной борьбы за утверждение или ревизию версальской системы.

В свое время вопрос о виновнике войны был выдвинут как прием

⁴ A. Rosenberg. Die neue französische Urkundenveröffentlichungen.— «Vossische Zeitung», 24 июля 1929 г.

⁵ См. выше: «Цветные книги».

военной пропаганды. Советские издания секретных политических документов, раскрывшие содержание тайных договоров о переделе мира, заставили империалистические правительства несколько изменить методы этой пропаганды.

Законченным выражением этого поворота политических методов Антанты можно считать знаменитые 14 пунктов Вильсона: лозунги об уничтожении тайных договоров, военных союзов, самоопределении наций и т. п.

Под влиянием советских разоблачений и продемонстрированных в Бресте захватнических стремлений германского империализма державы Антанты сочли более удобным изменить характер своей пропаганды; тема о «виновниках войны» временно сменилась темой о «справедливом мире», но тотчас же всплыла вновь, как только победившая Антанта получила возможность диктовать побежденной Германии свои условия мира. И тут народные массы Германии, столь надеявшиеся на «справедливый мир», могли убедиться, что реальное содержание этого мира определяется условиями более материального порядка, чем пацифистская фразеология американского президента. Вильсонизм — такова была формула, определившая международно-политическую ориентацию германского социал-демократического правительства, которое, испытывая ненависть к революции, всячески поддерживало в массах буржуазно-пацифистские иллюзии. Социал-демократы старались убедить массы, что благодаря безусловному выполнению всех требований Антанты Германия сможет получить вильсоновский «справедливый мир».

Настал, наконец, момент, когда торжествующие победители могли приступить к разделу добычи. Тайные соглашения о переделе мира, заключенные между империалистическими державами во время войны, должны были вступить в силу. Победившая группировка империализма приступила к фиксации своих непомерных требований, а разоренным, обнищавшим массам, уставшим от войны и изнемогавшим под налоговым бременем, был брошен лозунг: «Немец заплатит». «Справедливый мир» получил совершенно иную интерпретацию: степень «справедливости» стала определяться степенью германской виновности в возникновении мировой войны. Германская социал-демократия полностью усвоила такую постановку вопроса и усвоила аргументацию, которая в руках наступающей Антанты являлась весьма удобным орудием политической пропаганды.

Эта пропаганда велась непрерывно со дня заключения Компьенского перемирия и усиливалась по мере того как Парижская конференция держав-победительниц продвигалась в своей работе, устанавливая основные положения мирного договора. Вместе с тем Антанта пыталась использовать создавшееся в Германии положение.

То было время, когда во главе правительства Баварии стоял «независимый социалист» Курт Эйсер, который надеялся добиться от победителей пощады.

Чтобы продемонстрировать свой разрыв с политической линией не только старой милитаристской Германии, но и с вильгельмовскими социал-демократами типа Эберта, Шейдемана и Носке, находившимися в берлинском правительстве, Курт Эйсер решил опубликовать некоторые дипломатические документы прежнего Баварского королевского правительства — документы, которые разоблачали Вильгельма II и его политических советников как главных виновников мировой войны. «Каждому, кто умеет читать, — заявил Эйсер, — каждому, кто честен, я показал, как преступная шайка людей инсценировала эту мировую войну, подобно тому как ставят на сцене театральную пьесу, ибо эта война не возникла, а ее сделали». «Немногие, ответственные за

войну люди — это не Германия, — писал он в другом месте, — несколько лиц, виновных в мировом потрясении, — это не отечество»⁶.

Выгораживая в своих выступлениях политических деятелей Антанты, в частности Эд. Грея, Курт Эйсер в то же время обличал деятелей кайзеровского «правительства, ответственного за возникновение войны и военную политику, которая привела немецкий народ к пропасти». В опубликовании документов, компрометирующих политических деятелей вильгельмовского правительства, он усматривал «единственное средство добиться того, чтобы мирные переговоры (с Антантой. — А. Е.) велись в духе взаимного доверия». И так как цель была установлена, то приемы издания этим были определены: документы были вырваны из контекста и опубликованы с купюрами. Но впечатление от публикации было огромно. Монархические группы объявили Эйснера предателем, изменником и фальсификатором. Революционные массы требовали опубликования всех секретных архивов германского правительства, разоблачения всей системы империалистической политики.

Под воздействием именно этих массовых требований Карл Каутский испросил у социал-демократического правительства разрешения издать документы, касающиеся возникновения мировой войны⁷. Но приступая к работе, Каутский не ставил себе целью борьбу с империализмом. По существу, он стоял на тех же позициях, что и Курт Эйсер, с той лишь разницей, что был более осторожен и постоянно оглядывался на Эберта и Шейдемана; его целью было, как он сам формулирует, доказать «недоверчивой за границе полный разрыв нового режима со старым». Любопытно, что правительству Эберта — Шейдемана и это показалось слишком рискованным и радикальным: оно поставило условием — не публиковать «отдельно документов тотчас же по нахождении, как это сделал Эйсер», а одно время к Каутскому был даже приставлен правый социал-демократ Кварк.

Каутский рассчитывал приступить к публикации до начала мирных переговоров. Издание этих документов должно было, по его мнению, явиться политическим доказательством того, «что германское правительство, ведущее... эти переговоры, не имеет ничего общего с правительством, объявившим войну». Но социал-демократическое правительство запретило публиковать уже подготовленные к печати документы, а сам Каутский признает, что, выполняя волю правительства, он «молчал... не в силу юридических, а лишь политических соображений». И несомненно, что из этих же соображений он согласился на просмотр подготовленной им к печати коллекции документов и на те изменения в ее составе, которые были сделаны проф. Шюкингем и графом Монжеля, назначенными для этого германским правительством уже после заключения Версальского договора.

В своей книге, которую Каутский писал параллельно с подготовкой к печати сборников, он, несомненно, из тех же политических соображений счел необходимым приступить к рассмотрению вопроса о том, какие лица являются персональными виновниками мировой военной катастрофы. Мы говорим «рассмотрение», ибо момент изучения и классо-

⁶ K. Eisner. Unterdrücktes aus dem Weltkrieg. München — Wien — Zürich, 1919, S. 58 f.; P. Dirr. Auswärtige Politik Kurt Eisners und der bayerischen Revolution. Leipzig — München, 1922; он же. Kriegsschuldfrage und Bayerische Dokumente. Eine Abrechnung. München — Berlin, 1924; A. Rosenberg. Erschliessung der Geheimarchive. — «Neue Zürcher Zeitung», 23 декабря 1928 г.

⁷ «Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch 1914. Vollständige Sammlung der von Karl Kautsky zusammengestellten amtlichen Aktenstücke mit einigen Ergänzungen». Im Auftrage des Auswärtigen Amtes nach gemeinsamer Durchsicht mit Karl Kautsky herausgegeben von Graf Max Montgelas und Prof. Walter Schücking, Bd. I—IV. Charlottenburg, 1919.

вого анализа совершенно отсутствует в его работе. «Это ни в коем случае не марксизм,— заявляет Каутский,— когда указанием на безличную вину капитализма хотят отвлечь внимание от розыска виновных лиц»,— и поэтому он предпочитает повернуть вопрос в более удобном, с социал-демократической точки зрения, политическом направлении. Он обратился к поискам «виновных лиц» и тем самым отвлек внимание от анализа и оценки классовых сил капитализма. «Словечко „империализм“,— полагает он,— не приближает нас к разрешению задачи»⁸. Несомненно, эта концепция не могла не сказаться и в отборе документов для опубликования, и в расположении их внутри сборников. Аналогичная тенденция отразилась и в изданной в Австрии публикации, предпринятой по распоряжению Отто Бауэра, занимавшего тогда пост статс-секретаря⁹.

Исходная политическая концепция издания германских документов сказалась даже в хронологических рамках публикуемого материала. Поскольку вопрос о происхождении войны понимается как вопрос об ответственности отдельных лиц, постольку повод для возникновения войны превратился в главный определяющий фактор. Отсюда переоценка предвоенного кризиса 1914 г., отсюда исходная дата публикации — сараевское убийство, отсюда и искажение всей исторической перспективы. Другая исходная дата могла бы привести к иным оценкам и выводам, расширение рамок привлекаемого материала могло бы вскрыть картину международно-политических противоречий эпохи империализма. От этого последнего Каутский уклонился, видимо, не только потому, что не понимал сущности империализма, но и по соображениям политического порядка.

Публикация Каутского была издана после того, как державы Антанты уже вынесли свой вердикт: на Германию была возложена односторонняя ответственность за возникновение мировой войны, и это явилось оправданием для взимания с нее репарационных платежей. Еще до того, как стало известно, что державы Антанты формально решили сами себе подарить политическую, историческую и моральную санкцию правомерности требований контрибуции под видом репарационных платежей, германское правительство обратилось к ним через посредство Швейцарии с предложением организовать нейтральную комиссию для изучения вопроса о «виновниках войны»¹⁰. На это последовал ответ Антанты, столь же краткий, сколь и категорический: ответственность Германии давно и непрерываемо установлена. Действительно, параллельно с дискуссией по вопросу о репарациях победители сочли необходимым учредить специальную «комиссию по установлению ответственности за возникновение войны»¹¹. Проблема репараций являлась на Парижской конференции предметом самой ожесточенной борьбы между Францией, Англией и Америкой — борьбы, которая поставила конференцию в конце марта 1919 г. на грань кризиса. К этому времени комиссия закончила свою работу и представила соответствующий отчет.

Нужно отметить, что американские представители воздержались от присоединения к некоторым пунктам доклада комиссии. Это вполне соот-

⁸ К. Каутский. Как возникла мировая война. По документам германского министерства иностранных дел. Перев. с нем. с предисловием М. Н. Покровского М., 1924, стр. 50—51.

⁹ «Diplomatische Aktenstücke zur Vorgeschichte des Krieges 1914. Ergänzungen und Nachträge zum österreichisch-ungarischen Rotbuch». Wien, 1919. Ср.: R. Gooss. Das Wiener Kabinett und die Entstehung des Weltkrieges. Wien, 1919. Кроме того, в Австрии была издана работа А. Pribram. Die politischen Geheimverträge Österreich-Ungarns 1879—1914. Wien — Leipzig, 1920.

¹⁰ Нота от 29 ноября 1918 г.

¹¹ В эту комиссию вошли 15 видных представителей различных государств: Лансинг, Тардье, Джемс Броун Скотт, Политис и др.

ветствовало политической позиции, занятой в тот момент Соединенными Штатами Америки в вопросе о репарациях. Правительство США настаивало на выполнении его ноты от 5 ноября 1918 г., гласившей, что «Германия обязана возместить весь ущерб, причиненный гражданскому населению союзных держав и их имуществу нападениями на суше, на море и с воздуха». Англия и Франция требовали полного возмещения военных издержек, и при этом между ними развернулась ожесточенная борьба, так как каждая из сторон пыталась обеспечить за собой известную долю будущих репарационных платежей. В конце концов был достигнут компромисс. Он заключался в том, что английской дипломатии, договорившейся с французской, удалось прикрыть свои требования формулой, приемлемой для доктринерства американских представителей¹², которые оказались изолированными на конференции и стали терять поддержку даже во влиятельных политических кругах своей страны. Американские представители исходили из того, что, утратив положения арбитра в отношениях между Германией и Антантой, Соединенные Штаты смогут регулировать эти отношения в нужном для себя направлении, в частности и в том случае, если развитие репарационной проблемы примет оборот, невыгодный для американского капитала. В последнем счете для господствующих кругов США вопрос заключался в том, чтобы обеспечить получение долгов.

В этой борьбе снова вскрылась обратная сторона вильсонистского доктринерства: политически изолированные, вынужденные идти на компромисс, а по существу сдать свои первоначальные позиции по этому вопросу, представители США пошли далее, нежели этого требовала английская дипломатия. Свою политическую уступку они компенсировали морализирующей ссылкой на германскую виновность и обязательства Германии. Моральная основа всей версальской конструкции была установлена, и американский принцип «справедливого мира» мог, таким образом, торжествовать победу¹³. Между тем вильсонистская ориентация германского правительства имела в виду нечто совершенно иное. В руководящих кругах германской буржуазии обнаружили расхождения по вопросу о тактике борьбы против тех условий, которые были выработаны Антантой на Парижской конференции, а теперь навязывались Германии. В частности, наблюдались трения между германским правительством и германской делегацией в Версале, руководимой графом Брокдорф-Ранцау. Лидер католического центра Эрцбергер настаивал на необходимости отказаться от попытки вести с Антантой дискуссию о мирных условиях. Полной и безоговорочной капитуляцией он предполагал облегчить участь Германии, предотвратить дальнейшее неприятие и расчленение Германии. Он считал, что особенно опасно ставить вопрос в плоскость дискуссии о виновности Германии. С этим солидаризировались и социал-демократы, и германская делегация стала получать из Берлина соответствующие инструкции. Но политическая битва в Версале уже началась, и началась именно с вопроса о германской виновности. Осведомившись неофициальным путем о результате работы «комиссии по выяснению ответственности за возникновение войны», германская делегация опубликовала свои замечания по докладу этой комиссии — так называемый «профессорский меморандум»¹⁴.

¹² B. M. Baguch. The Making of the Reparation and Economic Sections of the Treaty. New York — London, 1920, p. 31.

¹³ Впоследствии США не утвердили Версальский договор. В мирный договор, заключенный между США и Германией, статья, устанавливающая одностороннюю ответственность Германии за возникновение мировой войны, не была включена.

¹⁴ «Das deutsche Weissbuch über die Schuld am Kriege». Charlottenburg, 1919, S. 55 ff. Авторами этого меморандума являлись Г. Дельбрюк, А. Мендельсон-Бартольд, граф М. Монжеля и Макс Вебер. О политических настроениях последнего и о тех

Основная мысль его была выражена в известной речи Брокдорфа-Ранцау на Парижской конференции. «От нас требуют,— заявил он,— чтобы мы признали себя единственными виновниками войны. Подобное признание в моих устах было бы ложью. Мы далеки от того, чтобы отбросить от себя всякую ответственность за те события, которые привели к мировой войне, и за то, что она велась таким образом. Поведение прежнего германского правительства на мирных конференциях в Гааге, его образ действия, его упущения в трагические двенадцать июльских дней, быть может, содействовали тому, что одна Германия, народ которой был убежден в оборонительном характере войны, отягчена этой войной... Русская мобилизация отняла у государственных деятелей возможность спасти положение и отдала решение в руки военной стихии»¹⁵.

Финал дискуссии о виновниках войны был predetermined. Ареопаж держав-победительниц на Парижской мирной конференции принял в 1919 г. решение объявить Германию не только главной, но и единственной виновницей мировой войны 1914—1918 гг. Державы Антанты объявили германской делегации, что поднятый ею вопрос не подлежит дискуссии. Граф Брокдорф-Ранцау ушел в отставку, и представители Германии в новом составе подписали Версальский договор. Тем самым правительства главных капиталистических государств — Франции, США, Англии и Италии — стремились добиться двух целей: во-первых, отвергнуть ленинский тезис, проникший в революционное сознание народных масс, тезис о том, что виновниками войны являются все правительства империалистических государств, вся система империализма в целом, а во-вторых, оправдать получение с Германии крупной контрибуции в форме репараций, размеры которых вначале даже не были определены. Виновный платит, виновный должен возместить все убытки и расходы победителей¹⁶ — это решение было зафиксировано в ст. 231 Версальского договора. Экономический смысл версальского тезиса оказался поэтому достаточно веским основанием, чтобы среди господствующих классов в странах-победительницах — особенно во Франции — такое решение вопроса о виновниках войны утвердилось как политический символ веры. И если господствующие классы Веймарской Германии, их правительство, дипломатия, их пресса стали настаивать на том, что тезис о виновниках войны (*Kriegsschuldfrage*) является «ложью о виновниках войны» (*Kriegsschuldlüge*), то это, конечно, следует объяснять отнюдь не их преклонением перед богиней Клио.

Политическая борьба продолжалась. Общая сумма репарационного долга оставалась не определенной, размеры платежей не были установлены. Развернувшиеся англо-французские противоречия отражались и в репарационном вопросе, обострению которого сопутствовало и обострение борьбы вокруг версальского тезиса. Реально-политическое значение этой борьбы прекрасно учитывали обе стороны. «Действительно,— писал Пуанкаре,— если центральные державы не были теми, кто вызвал войну, почему именно они должны быть присуждены к тому, чтобы оплатить убытки? Из поделенной ответственности необходимым и справедливым образом следует также и то, что должно быть поделено и покрытие убытков»¹⁷.

условиях, в которых писался этот меморандум, интересные сведения имеются у Marianne Weber. Max Weber. Ein Lebensbild, Tübingen, 1926, S. 665—670.

¹⁵ K. F. Nowak. Versailles. Berlin, [1927], S. 261.

¹⁶ «Один из союзников,— передает американский участник Парижской конференции,— этим не ограничился и потребовал возмещения даже таких потерь и убытков, которые были вызваны столь неожиданным перемирием, благодаря чему прекращение военных действий повлекло за собой финансовые потери» (В. М. Вагуча. The Making of the Reparation and Economic Sections of the Treaty. New York—London, 1920, p. 20).

¹⁷ A. v. Wegerer. Die Widerlegung der Versailler Kriegsschuldthese. Berlin, 1928, S. 111—112 f.

Особенно большой остроты и, так сказать, материальной ясности этот вопрос достиг к весне 1921 г., когда английское правительство, встревоженное и раздраженное незадолго до того протекавшими переговорами между представителями французского правительства и промышленности, с одной стороны, и представителями крупнейших германских промышленных объединений — с другой, в целях срыва этих переговоров неожиданно стало поддерживать самые крайние требования Франции. Германские контрпредложения, сделанные на Лондонской конференции союзников (в начале марта 1921 г.), были самым решительным образом отвергнуты. Германии было предъявлено ультимативное требование под угрозой оккупации Дуйсбурга и Дюссельдорфа принять план непосильных репарационных платежей. Этот ультиматум сопровождался гневной тирадой Ллойд Джорджа, не оставляющей сомнения в политическом значении вопроса: «Для союзников,— заявил он,— германская ответственность за войну является основным положением. Это — базис, на котором воздвигнуто здание Версальского договора. Если это положение будет отклонено или если тут будет сделана уступка, договор окажется разрушенным. Мы желаем поэтому уяснить раз навсегда, что союзники должны рассматривать германскую виновность как установленный факт»¹⁸. По существу, ту же мысль высказал в августе 1921 г. и Бриан.

2

Вопрос об ответственности за войну обратился таким образом в орудие конкретной политической практики, в частности в орудие давления на Германию. С другой стороны, в самой Германии между отдельными буржуазными группировками развернулась политическая дискуссия по вопросу о том, следует ли затрагивать версальский тезис в качестве аргумента в борьбе за те или иные вопросы конкретно-политического характера. Из пацифистского и буржуазно-демократического лагеря раздавались голоса (например, члена «демократической партии» графа Бернсторфа, бывшего посла в США, а впоследствии представителя Германии в подготовительной комиссии по разоружению), советующие в практической политике не затрагивать вопроса об ответственности и бороться за достижение политических целей непосредственно политическими аргументами. Но руководящие круги германской буржуазии стояли на противоположной точке зрения и борьбу с версальским тезисом сделали мощным политическим орудием борьбы с версальской системой. Весь аппарат политической власти, университетская наука, пресса и школа были использованы в этой борьбе. Идеологическим штабом и координирующим центром этой борьбы было специальное бюро, субсидируемое германским министерством иностранных дел. Это бюро, во главе которого был поставлен А. Вегерер, в прошлом полковник кайзеровской армии, свою главную идейно-политическую задачу усматривало в том, чтобы «создать необходимые моральные основания для ревизии Версальского договора»¹⁹.

Именно этим и определялось решение германского министерства иностранных дел предпринять работу по изданию документов своего архива. Первые тома этого издания появились в 1922 г., т. е. как раз в год сильнейшего обострения репарационного вопроса и нового политического и экономического нажима на Германию. Роли переместились: подобно тому как после войны 1870—1871 гг. и Франкфуртского мира французское правительство приступило к изданию дипломатических

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid., S. 10.

документов, освещающих события, предшествовавшие войне, и вместе с тем предъявило требование Германии опубликовать свои секретные архивы, после войны 1914—1918 гг. германское правительство, приступив к изданию дипломатических документов о происхождении этой войны, начало выступать с требованием к Антанте предпринять аналогичное издание²⁰.

Политическая задача, стоявшая перед публикаторами, сказалась в основных моментах схемы сборников: в хронологических рамках документального материала и в системе его расположения. В основу германского издания исторических документов о происхождении войны положен не хронологический, а тематический принцип. К тому же документ часто публикуется в сокращенном виде (условный знак «рр».) или разорванным по частям в различных отделах одного тома или даже в различных томах.

Последнее обстоятельство не могло не вызвать серьезных критических замечаний не только вне Германии, но и со стороны отдельных германских исследователей²¹. Фр. Тимме, вынесший на своих плечах всю редакционную и подготовительную работу, указывает, что в основе мотивов, побудивших принять тематический принцип расположения материала, лежали политические цели в широком смысле этого слова²². Политическими мотивами определялся и хронологический охват публикуемого материала, и основная рубрикация всего издания. Издание не захватывает предвоенного кризиса 1914 г., оно как бы подводит к этому моменту, освещенному публикацией Каутского, с тем чтобы объяснить и одновременно оправдать позицию германского правительства в этом кризисе. «Документы,— писал А. Вегерер в связи с окончанием всего издания,—приносят неопровержимое доказательство того, что Германия не являлась „преступным государством“... что политика Германской империи в последние сорок лет носила по меньшей мере столь же мирный характер и была столь же морально оправдана, как политика сербов, русских, французов или англичан»²³.

Снимая вопрос о виновности отдельных лиц, издатели поставили перед собою задачу осветить, на основании германского материала, ту международно-политическую ситуацию, которая, разделяя мир на две враждебные группировки, привела к военной катастрофе.

Исходные методологические пункты этой концепции не опускаются глубже явлений политико-дипломатического порядка. Предполагается, что в этих явлениях как бы имманентно заложены силы, образующие те или иные политические комбинации большого масштаба, которые в силу разных условий становятся пунктами притяжения всех других более мелких государственно-политических образований²⁴. Не глубочайшие противоречия империализма, а «Большая политика европейских кабинетов» — таково название публикации — вот, что являлось той движущей силой европейской истории, которая привела к мировой войне. В этом отношении самое название отражает исходные методологические позиции, положенные в основу издания.

Отсюда вполне понятно, что для издания были привлечены лишь материалы министерства иностранных дел и не были использованы, например, документы, освещающие активную колониальную политику

²⁰ См. речь В. Патенау от 13 июня 1922 г. и речь Штреземана от 16 декабря 1923 г. — «Archiv für Politik und Geschichte», 1924, № 1.

²¹ Напр., Е. Brandenburg. Von Bismarck zum Weltkriege. Berlin, 1924, S. VIII.

²² F. Thimme. Die Aktenpublikation des auswärtigen Amtes. — «Preussische Jahrbücher», 1929, № 7.

²³ «Die Kriegsschuldfrage», 1926, № 12.

²⁴ Эта концепция еще более ясно выступает в сокращенном издании большой германской публикации — «Die auswärtige Politik des Deutschen Reiches 1871—1914», Bd. I—IV. Berlin, 1928.

германского империализма. Колониальная проблема рассматривается, таким образом, только под углом зрения ее влияния на основные линии европейской политики, на соотношение сил в международно-политическом космосе Европы. Эти силы приобретают как бы самодовлеющий характер, имеют собственную внутреннюю закономерность, получают определенное направление в своем развитии, поскольку они определены самой системой — системой союзов и тайной дипломатии.

Именно это понимание движущих сил истории международных отношений сказалось и в выборе исходной хронологической даты издания, ибо с данной точки зрения было важно осветить перегруппировку международно-политических сил, в результате чего создалась та комбинация, которая вошла в полосу мировой войны,— австро-германский союз. К тому же пришлось принять во внимание и другие обстоятельства политического характера — пропаганду французской публицистики, которая в качестве доказательства изначальной германской виновности указывала на образование австро-германского союза в 1879 г. как на фактор наступательной политики и вообще характеризовала политику Бисмарка как неизменное тяготение к абсолютной гегемонии в европейском концерте и даже к мировому владычеству. Именно это обстоятельство, как свидетельствуют сами издатели²⁵, послужило одним из оснований к публикации первой серии документов (6 томов), относящихся к эпохе Бисмарка, начиная с образования Германской империи. Несомненно также, что в решении отодвинуть исходную дату издания к 1871 г. отразилось стремление дать материал для сравнения оккупационной политики Германии после Франкфуртского мира с оккупационным режимом Франции после Версаля; в годы издания первой серии политически было важно подчеркнуть факт досрочного освобождения Германией оккупированных в свое время французских департаментов.

Исходя из понимания определяющего значения системы политических союзов, вся германская политика, в том числе ее политика балансирования и союзов, представлена в публикации как развитие тех элементов, которые были заложены Бисмарком,— элементов защиты германских интересов и сохранения status quo; политика же вильгельмовского периода проводилась неудачливо в том смысле, что не смогла предотвратить, а затем расстроить «окружение Германии». Таким образом, как это сказано всеми словами²⁶, исторические документы должны подвести к мысли, что если и можно ставить вопрос об ответственности германских политических деятелей во главе с Вильгельмом, то лишь об их ответственности перед германским народом, которому приходится пожинать горькие плоды этой неудачливой политики. Версальскому тезису стало противопоставляться утверждение, что всякое, даже опасное или обоюдоострое средство подчиняется конечной цели сохранения мира; там же, где документ может навести на мысль о том, что примененный политический метод слишком противоречит указанной цели, издатели «Die Grosse Politik» помещают обильные примечания, обычно весьма тенденциозные и в научном, и в политическом отношении.

Публикуя тот или иной дипломатический документ, издатели, как они сами признают, часто не сообщают о пометах кайзера, имеющих на полях документа, объясняя это тем, что эти пометы могут представлять известный интерес только в том случае, если они оказали влияние на последующую политико-дипломатическую практику ведомства иностранных дел. Подобные принципы издания вызвали довольно многочис-

²⁵ «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette, 1871—1914», Bd. I, S. VIII. Все издание составляет 40 томов (в 54 частях).

²⁶ F. Thimme. Rückblick und Ausblick.— «Archiv für Politik und Geschichte», 1924, № 1.

ленные критические замечания. При этом даже в условиях Веймарской республики германским публикаторам приходилось считаться с настроениями влиятельных кругов старых политиков и дипломатов кайзеровских времен, а также правых националистических партий и группировок.

Следует отметить, что в первые годы издания «Die Grosse Politik» в монархических кругах замечалось довольно энергичное движение протеста против опубликования секретных материалов, относящихся к столь недавнему прошлому. Это движение определялось, несомненно, тем предположением, что издание политически скомпрометирует и разоблачит старый монархический режим и его наиболее видных политических представителей. «Подобная публикация,— писал, например, один старый дипломат вильгельмовской школы,— является, *meo voto*, слишком преждевременной. Время еще не созрело, так как даже у самого объективного историка, я уже не говорю о журналистах и т. д., еще отсутствует и не может не отсутствовать дальновидная точка зрения. Мы являемся участниками ожесточеннейшей борьбы, внутренней и внешней, нового режима против старого, победившего союза врагов побежденной Германии... Политика последних десятилетий со времени образования Германской империи и поражения Франции еще твердо стоит в центре этой борьбы и повсюду внедряется в нее!... Дискуссия будет отравлена борьбой актуального характера. По вопросу о настоящей публикации я спрашиваю себя: *cuī voto*? Только для исследования? Как политик я не могу признать публикацию самоцелью. Политическая цель (которой документы также обязаны своим существованием) стоит выше. А когда публикуются документы нашей эпохи (мы еще всецело продолжаем стоять под тенью последних четырех десятилетий), приходится считаться с политической целью»²⁷.

Но уже очень скоро это недовольство правых политических кругов потеряло свою остроту, а позднее сменилось даже явным удовлетворением. С другой стороны, издание вызвало некоторые критические замечания в буржуазно-пацифистских и социал-демократических кругах, главным образом в связи с тем, что издатели при опубликовании опустили ряд характерных резолюций Вильгельма II, которые, по их мнению, могли бы скомпрометировать германского кайзера. Любопытно, что, возражая этим критикам, Фр. Тимме в качестве оправдывающего аргумента ссылается на аналогичный прием, примененный Эд. Бернштейном при издании переписки Маркса и Энгельса. Всякому, кто знаком с публикаторскими приемами Бернштейна, должно быть ясно, как опасно звучит такая аналогия...

В остальном критические замечания, поскольку они появлялись в германской прессе, ограничивались указаниями на те или иные пропуски, допущенные в публикации, а также на отсев большого количества документов, не включаемых в издание.

Но именно по этой-то линии решили предпринять свою яростную критическую атаку французские националисты. Правые органы французской прессы поспешили объявить германскую публикацию очередным пропагандистским трюком, а со страниц французских журналов был брошен германским публикаторам ряд серьезнейших обвинений. Во главе этой кампании стал Эмиль Буржуа²⁸, профессор Сорбонны, соавтор доклада о «виновниках войны», представленного в 1919 г. французскому сенату²⁹, и соиздатель французских документов о происхождении

²⁷ Это письмо, автор которого остается неизвестным, приводит F. Timme. Die Aktenpublikation des auswärtigen Amtes und ihre Gegner.—«Archiv für Politik und Geschichte», 1924, № 5—6.

²⁸ E. Bourgeois. Les Archives d'Etat et l'Enquête sur les origines de la guerre mondiale.—«Revue Historique», № 155.

²⁹ E. Bourgeois et G. Pagès. Rapport pour la Commission d'Enquête sur les faits de la guerre. Paris, 1919.

франко-прусской войны. Уже в самом заглавии германской публикации — «Большая политика европейских кабинетов» — Буржуа усматривал нарочитую политическую тенденциозность, проявляющуюся в том, что германские издатели имели намерение не столько дать развернутую картину германской политики, сколько оттенить мирную политическую позицию Германии на фоне агрессивных политических замыслов ее противников. Далее указывалось на ряд существенных пропусков, допущенных в германской публикации. Издателям германских документов бросалось обвинение в прямом и злом сокрытии ряда документов первостепенного значения и предъявлялось требование опубликовать «все депеши германского генерального штаба и его военных атташе».

Не знаем, удовлетворился ли Буржуа ответом германских издателей, которые, отмечая, что ряд таких депеш, находящихся в фонде ведомства иностранных дел, ими опубликован, открыто заявили о своей готовности предпринять соответствующее издание документов германского военного министерства при условии, что французское правительство со своей стороны предпримет аналогичное издание³⁰.

Во всяком случае, небезынтересно отметить эту франко-германскую перепалку, которая являлась отражением напряженности франко-германских политических отношений того времени: в этом смысле было достаточно симптоматичным высказанное Фр. Тимме удовлетворение по поводу отставки Пуанкаре, отставки, показавшей, «что люди, еще пытающиеся найти свое благополучие только в искусстве адвокатского крючкотворства и искажения, и во Франции начинают терять почву под ногами»³¹.

Политический смысл этих слов будет еще более ясен, если вспомнить, что они писались после того, как обнаружилось крушение французской политики насильственного захвата Рурской области, и накануне того, как на Лондонской конференции 1924 г., принявшей план Дауэса, Франции пришлось отказаться от своих замыслов насильственного решения репарационного вопроса.

Последующий этап развития франко-германских отношений также нашел свое отражение во всей этой перепалке, раздававшейся с обоих берегов Рейна. Так, например, М. Леритье, вскрывая пропуски, допущенные при опубликовании документов, касающихся роли Греции в политической истории предвоенного периода, высказал сожаление, что германское издание не было предпринято позднее, когда могли бы сказаться на нем «последствия Локарно»³². Это послелокарнское сожаление М. Леритье должно было быть понято как завуалированное пожелание, чтобы в Германии при разработке вопросов происхождения и возникновения мировой войны больше подчеркивалось отсутствие агрессивных замыслов у французского правительства. Наряду с ответом по существу вопроса³³, с германской стороны последовало предложение, которое звучало весьма ядовито: Франция сама приглашалась приступить к публикации своих исторических материалов в «духе Локарно»³⁴. В создавшейся политической обстановке, когда после Локарно, сделавшего Англию арбитром франко-германских отношений, французская и

³⁰ F. Thimme. Französische Kritiken zur deutschen Aktenpublikation. — «Europäische Gespräche», 1927, № 8—9.

³¹ F. Thimme. Die Aktenpublikation des Auswärtigen Amtes und ihre Gegner. — «Archiv für Politik und Geschichte», 1924, № 5—6.

³² M. Lhéritier. Les documents diplomatiques allemandes sur les origines de la guerre. — «Revue d'Histoire de la guerre mondiale», 1926, № 6.

³³ A. Mendelssohn-Bartholdy. Kleine Missverständnisse über eine grosse Publikation. — «Europäische Gespräche», 1926, № 7.

³⁴ F. Thimme. Französische Kritiken zur deutschen Aktenpublikation. — «Europäische Gespräche», 1927, № 8—9.

германская политика начала искать в Туари пути для самостоятельного урегулирования некоторых политических и финансовых проблем, германское предложение могло быть понято только как намек на то, что будущая французская публикация не должна иметь антигерманской заостренности.

Этот обмен мнениями являлся лишь отражением той большой дискуссии об «ответственности», которая в связи со вступлением Германии в Лигу наций к этому времени оживленно протекала на страницах французской и германской печати, получила затем свое оформление в официальных выступлениях политических руководителей Франции и Германии и, наконец, претерпела судьбу германской политики сближения с Францией.

«Вступление Германии в Лигу наций и обозначенный в Локарно — Туари новый этап германо-французских отношений давали возможность надеяться, — писал орган, близко стоявший к Вильгельмштрассе, в статье „Новые духи — старые призраки“, — что версальский вердикт о виновности будет признан неправильным»³⁵. Ближайшее будущее показало, что новые ревизионистские надежды германской политики, связанные с «духом Локарно», действительно оказались призрачными. Принятое всеми буржуазными партиями решение германского рейхстага о необходимости добиться в Лиге наций и в Международном трибунале окончательного урегулирования «вопроса об ответственности»³⁶, ни к чему не привело, как и еще ранее высказанная надежда на то, что в Лиге наций можно будет добиться от всех ее участников опубликования материалов, касающихся происхождения мировой войны, и учреждения международного комитета экспертов для «беспристрастного изучения и разрешения вопроса о германской ответственности»³⁷.

Очень скоро в связи с тем, что в правящих кругах Франции победило течение, решившее сорвать политику Туари, полную ясность внес Пуанкаре, который в ответ на ревизионистскую речь Штреземана недвусмысленно заявил от имени кабинета, что все ревизионистские тенденции германской политики и германской печати относительно «виновности» получают решительный отпор³⁸. Таким образом, те зигзаги франко-германских отношений, которые нашли отображение в «политике Локарно» и «политике Туари», не оправдали надежд возрождающегося германского империализма, поскольку французское правительство, не привнося ничего нового, кроме политических методов, не собиралось давать согласия на германские требования ревизии условий Версальского договора.

В свете этих событий понятно, что Эмиль Буржуа, который в германской публикации усматривал лишь простую и грубую политическую пропаганду, направленную против версальских постановлений, как раз в этот период франко-германского «сближения» решительно выступил против планов Олара предпринять французский перевод германского издания «Die Grosse Politik»³⁹. Продвигать в круги французской общест-венности то, что он считал орудием германской политической пропаганды, было бы, по мнению Буржуа, совершенно недопустимо, так как это лило бы воду на мельницу врагов Франции, немцев, и во всяком случае могло бы бросить семя опасного сомнения по вопросу, о котором другому французу лучше не рассуждать.

Если тем не менее вопреки настояниям Эмиля Буржуа французское

³⁵ «Kölnische Zeitung», 3 октября 1926 г.

³⁶ «Berliner Lokalanzeiger», 23 ноября 1926 г.

³⁷ «Berliner Tageblatt», 19 ноября 1925 г.

³⁸ Официальное сообщение агентства Гавас от 4 октября 1926 г.

³⁹ «Revue Historique», 1927, № 5—6.

издание германских документов все же состоялось⁴⁰, то вовсе не потому, что Олар не разделял точки зрения Буржуа относительно германской публикации и версальского вердикта. Исходные позиции были тождественны, и лишь методы были разные. Располагая германские материалы в строго хронологической системе, Олар руководствовался соображениями отнюдь не академического порядка: такой переработкой он имел в виду обнаружить соответствующие пропуски, допущенные в германской публикации. Этим самым он пытался скомпрометировать перед французским общественным мнением тот факт, что Германия решила открыть свои архивы, а вместе с тем изобличить истинный характер германской политики. Чтобы подчеркнуть эти моменты, Олар решил дать германскому изданию новое заглавие: «Внешняя политика Германии 1870—1914 гг.».

Вскоре Институт внешней политики в Гамбурге выпустил под тем же названием «Внешняя политика Германской империи 1871—1914» сокращенное издание большой германской публикации⁴¹. Применяв на сей раз историко-хронологический принцип расположения материала, руководители издания А. Мендельсон-Бартольди и Ф. Тимме в центре своей общей концепции поставили проблему англо-германских отношений в связи с более общей проблемой образования военно-политических группировок в Европе. В этих последних и усматривается ими корень мировой войны. Нельзя не признать, что такая постановка вопроса стала особенно актуальной для Веймарской Германии после того, как проблема вовлечения последней в западный блок и в этой связи проблема ее внешнеполитической ориентации стала в центре внимания не только господствующих классов, но и самых широких общественных кругов.

Еще раньше Ф. Тимме подверг критике предпринятое Оларом французское издание большой германской публикации⁴², тем более, что французское правительство все еще продолжало самым тщательным образом охранять тайны своих дипломатических и военных архивов: дать полное освещение такому актуальному вопросу, как, например, вопрос об истории возникновения и деятельности Антанты, все еще считалось, очевидно, слишком рискованным.

Естественно, что советское издание документов по истории франко-русских отношений⁴³, исключительная ценность которого признана повсеместно, во Франции пытались скомпрометировать указанием на то, что оно предпринято лишь «в целях антицаристской пропаганды; которую ведет советское правительство»⁴⁴.

Естественно также, что в Германии по прямому поручению министерства иностранных дел было предпринято издание дипломатической переписки русского посла в Париже Извольского⁴⁵ с несомненной политической целью, как это указывает Герман Канторович⁴⁶, использовать

⁴⁰ Оно стало выходить (с 1927 г.) под названием «La Politique Exterieur de l'Allemagne 1870—1914». Documents officiels publiés par le Ministère Allemand des Affaires Etrangères. Avant-propos de A. Aulard, Paris.

⁴¹ «Die auswärtige Politik des Deutschen Reiches. 1871—1914». Unter Leitung von Albrecht Mendelssohn-Bartholdy und Friedrich Thimme herausgegeben vom Institut für auswärtige Politik in Hamburg, Bd. I—IV. Berlin, 1928. В этом издании опубликован ряд новых документов, преимущественно по истории англо-германских отношений.

⁴² F. Thimme. Französische Kritiken zur deutschen Aktenpublikation.—«Europäische Gespräche», 1927, № 9.

⁴³ «Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг.» М., 1922.

⁴⁴ C. Bloch. Les documents officiels sur les origines de la guerre — «Revue d'Histoire de la guerre mondiale», 1929, № 3.

⁴⁵ «Der Diplomatische Schriftwechsel Iswolskis 1911—1914... Im Auftrage des Deutschen auswärtigen Amtes». Hrsg. von Friedrich Stieve, Bd. I—IV, 2 Aufl. Berlin, 1925.

⁴⁶ H. Kantorowicz. Der Geist des englischen Politik und das Gespenst der Einkreisung Deutschlands. Berlin, 1929, S. 456.

ее против французской политики, и в частности против Пуанкаре. Наконец, изданием дипломатической переписки русского посла в Лондоне Бенкендорфа⁴⁷ (эта переписка, главным образом, в копиях была в свое время похищена секретарем русского посольства Зибертом и затем передана или продана в Германии) предполагалось дать документальное подтверждение тезиса о той политике «окружения» Германии, которую планомерно проводила Антанта.

3

Публикация австрийских документов изменила направление в германской разработке вопроса о «виновниках войны», тем более, что эта публикация почти совпала с решением Гаагской конференции 1930 г. принять для Германии новый репарационный план Юнга и фактически освободить Австрию от репарационных платежей.

Это совпадение фактов является наглядным показателем того, что репарационный вопрос разрешается вне какой бы то ни было связи с постановкой вопроса о «виновниках войны». Но вместе с тем, поскольку с самого начала соответствующая точка зрения была усвоена, это совпадение одновременно и затруднило и облегчило распространение тех политических идей, которые были заложены в германском издании исторических документов о происхождении мировой войны. «Вместе с родственной нам Австрией,— писал орган германской либеральной буржуазии,— мы радуемся, что своей умной политикой, диктуемой исключительно нуждой, она добилась успехов, но мы должны выступить против определенных заключений по вопросу об ответственности за войну, которые могут быть сделаны из этого освобождения (от репараций.— А. Е.) Австрии во вред нам. Может создаться представление, что единственный еще оставшийся плательщик репараций является и единственным виновником»⁴⁸.

Условия, которые могли быть использованы для того, чтобы развеять это представление, оказались заложенными в той самой историко-политической концепции, которая только что выросла в живой ткани документальных показаний австрийской публикации.

Это девятитомное издание⁴⁹ появилось совсем неожиданно и произвело в европейской прессе сенсацию. Оно подготовлялось в абсолютной тайне, так как государства, образовавшиеся на территории бывшей Австро-Венгрии, т. е. по существу те государства, которые стали союзниками Франции, имели преимущественное право изучения австрийских дипломатических архивов и могли бы воспользоваться этим правом. «Они это несомненно сделают,— писал один из издателей австрийской публикации,— и будут так отбирать и группировать материал, что ответственность Австрии за возникновение войны окажется навсегда установленной на основании ее же собственных документов»⁵⁰.

Австрийская публикация и была предпринята с целью предотвратить эту надвигающуюся опасность, с целью пропаганды собственных

⁴⁷ B. v. Siebert. *Diplomatische Aktenstücke zur Geschichte der Entente politik der Vorkriegsjahre*. Berlin — Leipzig, 1921. В этом издании материал разбит по отдельным темам. Имеется также другое, переработанное издание, где материал расположен хронологически. B. v. Siebert. *Graf von Benckendorffs diplomatischer Schriftwechsel*, Bd. I—III. Berlin — Leipzig 1928.

⁴⁸ «Berliner Tageblatt», 1 апреля 1930 г.

⁴⁹ «Österreichs-Ungarns Aussenpolitik von der Bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914. Diplomatische Aktenstücke des österreichisch-ungarischen Ministerium des Aussern». Ausgewählt von Ludwig Bittner, Alfred Francis Pribram, Heinrich Srbik und Hans Übersberger. Wien — Leipzig, 1930.

⁵⁰ Цитируем записку Людвиг Битнера по статье E. Glaize v. Horstenau, *Das Österreichische Aktenwerk über die Vorgeschichte des Weltkrieges*. — «Die Kriegsschuldfrage», 1930, № 1.

идей по вопросу о возникновении мировой войны. Благодаря некоторым техническим качествам публикации издателям удалось в девяти томах, освещающих 6—7 предвоенных лет, напечатать свыше 11 тыс. документов, т. е. примерно всего лишь на 3 тыс. документов меньше того количества, которое приведено в 40 томах германской публикации, освещающей период в 43 года. Таким образом, количеством публикуемого материала издатели как бы хотят дать гарантию предельно возможной полноты⁵¹. С другой стороны, они все же не останавливаются перед тем, чтобы приводить документы в сокращенном виде там, где они находят нужным, где это, с их точки зрения, определяется основными принципами издания.

Естественно, что главная масса опубликованного материала относится к балканским проблемам. И неслучайно, что публикация начинается с освещения темных обстоятельств дипломатической истории Боснийского кризиса. Этот момент знаменателен активизацией (после дальневосточных поражений) политики царской России на Балканах, событиями, связанными с революционным переворотом в Турции и — как одним из последствий этого — возрастанием политической активности балканских государств. Последняя сторона дела освещается особенно подробно и составляет существенную часть той широкой политической перспективы, которая выступает из большого документального материала первых трех томов австрийского издания.

Может создаться впечатление, что в 1908 г., подготавливая захват Боснии и Герцеговины, австрийские политики больше всего думали о целесообразности освобождения Ново-Базарского Санджака, что если Австро-Венгрии и пришлось идти на захват Боснии и Герцеговины, то не столько в целях укрепления и расширения своего влияния на Балканах, сколько для противодействия агрессивным тенденциям Сербии. Австрийские публикаторы не скрыли, правда, и тех документальных материалов, которые позволяют установить, что уже летом 1908 г. в Вене разрабатывались планы раздела Сербии. Однако эти материалы тонут среди других, которые должны убедить, что политические деятели Габсбургской монархии руководствовались одной идеей — сохранения Австро-Венгрии территориальной неприкосновенности и ее незаинтересованностью в захвате чужих земель.

И тут перед читателем разворачивается картина, с помощью которой пытаются убедить его, что боснийский вопрос являлся предметом полной договоренности между Веной и Петербургом, но что общее направление возникшему кризису дало внезапное и закулисное вмешательство британской политики. Этот вопрос освещен в публикации с большой полнотой. Таким образом подчеркивается, что уже первое, наиболее значительное выступление Австро-Венгрии на балканской арене определялось факторами, непосредственно не связанными с проблемой австро-русских или австро-сербских отношений: балканская политика Габсбургской монархии оказывается вставленной в широкий контекст англо-германских мировых противоречий.

При желании отсюда можно сделать вывод, что интересы австрийской политики терпели известный ущерб благодаря влиянию тех сложных комбинаций, которые привносились самым фактом союза с Германией. В качестве отличной иллюстрации этого тезиса обычно используются опубликованные высказывания австро-венгерского министра иностранных дел Эрентала, сводимые в стройную политическую концепцию о необходимости для Австро-Венгрии постепенно превратить союз

⁵¹ Однако можно установить, что ряд чрезвычайно важных документов, например, протокол Совета министров от 29 марта 1909 г. по вопросу о мобилизации против Сербии и Черногории, не вошли в австрийскую публикацию. Ср. F. Conrad v. Hötzendorf. Aus meiner Dienstzeit 1906—1918, Bd. I. Wien, 1921, S. 162.

с Германией в систему отношений, построенную на холодных, «рассудочных» основаниях, с тем чтобы открылась возможность установить более дружественные отношения с Англией и Францией: вместо «нибелунговой верности» австро-германского союза достаточно было бы взаимной перестраховки на случай возможного нападения со стороны России.

В зависимости от выбора того или иного угла зрения этот исходный тезис, освещающий центральную проблему публикации, проблему австро-германского союза, становится узлом различных линий политических оценок.

Поскольку политика преемника Эренталя графа Берхтольда не смогла и не имела возможности осуществить тот тезис, который оценивается как политически целесообразный и исторически наиболее дальновидный, вся политика двуединой монархии изображается как элемент, претерпевающий давление со стороны внешних сил, обладающих более значительным влиянием и проявляющихся в более значительном диапазоне действий.

Однако даже публикуемые документы дают яркую картину австро-венгерских политических планов, направленных против Сербии,— планов «укрощения» или раздробления ее. Но и это имеет своей предпосылкой официальную концепцию, утверждающую, что только таким образом можно было сохранить целостность многонационального государства.

Апологеты политики Габсбургской империи стремились подсказать вывод, что вся политика Австро-Венгрии в отношении Сербии, и в частности во время июльского кризиса 1914 г., если и не оправдывается, то объясняется государственно-охранительными интересами; во всяком случае, расчеты Австро-Венгрии имели в виду неизбежную балканскую, и притом исключительно балканскую войну. Таким образом, здесь раскрывается несоответствие между оценкой австро-германского союза и возможностью европейской войны: приведенные документы даже подчеркивают австро-германские противоречия по ряду политических и экономических проблем, в частности на Балканах.

Естественно, что германская буржуазная историография стала особенно охотно разрабатывать вопрос об австро-германских противоречиях накануне войны: в этом аспекте ее утверждение, что Германия не вызвала войны, а была в эту войну вовлечена, нашло богатую аргументацию. Вопрос об ответственности Германии сменился вопросом о целесообразности союза с Австрией,— проблемой, достаточно актуальной в момент, когда в плоскость политической дискуссии встал вопрос о присоединении Австрии к Германии (аншлюс). Эти германские планы встретили, однако, в 1929—1930 гг. резкое сопротивление со стороны Франции, которая противопоставила им собственные планы Дунайской федерации.

Постановка проблемы австро-германских отношений, таким образом, подсказывалась самой политической практикой и соответствующей интерпретацией исторических документов. «Австро-Венгрия, борющаяся с духом XIX в.— национализмом, повсюду усматривает угрозу и готовящееся против нее нападение. Наконец, учитывая эти опасности и угрозы нападения, она сама решает нанести удар,— будучи уверенной, что этим она сможет спасти свое существование. Она была права и одновременно ошибалась: ее судьба была трагична. Должна ли была Малая Германия (Kleindeutschland), объединенная Берлином, вести борьбу... вместе с ней — вот в чем вопрос»,— писал Э. Фишер, генеральный секретарь комиссии рейхстага по изучению вопроса о происхождении войны. В этих словах он выразил ту политико-историческую идею, которая пронизывает с модификациями все соответствующие выступления герман-

ской буржуазной, а также социал-демократической печати⁵². Подобным образом поставленный исторический вопрос выражает план политического разрешения проблемы австро-германских отношений: национальная проблема в том смысле, как она существовала для Габсбургской монархии, для современной Австрии не существует. Из этого нетрудно было сделать вывод, что создалась подходящая обстановка для присоединения Австрии к Германии.

Неожиданную поддержку своей политической позиции германская буржуазная пресса в плоскости исторической аргументации получила в любопытных сообщениях бывшего венгерского министра иностранных дел Граца⁵³. В качестве доказательства невинности Венгрии в возникновении мировой войны Грац опубликовал материалы, которые должны свидетельствовать о том, будто граф Тисса противился военному выступлению Австро-Венгрии, — не менее решительно, чем противился военному выступлению Великобритании и Великобритании министр Морлей, который в виде протеста против политики Грея и Асквита вышел из кабинета⁵⁴. Ссылаясь на взаимные австрийские и венгерские укоры и препирательства о том, какая сторона сыграла роковую роль в возникновении войны и последующем крушении, Грац стремился убедить, что обе страдающие стороны в свое время ничем не руководствовались, кроме как «интересами третьей стороны — монархии». Далее Грац утверждал, что поскольку Тисса, будучи противником войны, все же стал ее сторонником, он оказался трагической жертвой интересов монархии (был убит в знак протеста против войны). Если вспомнить, что Грац остался одним из виднейших легитимистов, то политический смысл его исторического экскурса будет еще более понятен.

Но вместе с тем эта версия создала почву для самых различных исторических оценок и политических интерпретаций: буржуазная печать Вены и Будапешта стала отклонять ответственность Австрии и Венгрии, указанную в Сен-Жерменском и Трианонском договорах; социал-демократия в этих странах, не поднимая вопроса об империалистическом характере войны, стала с большим, но очень удобным запозданием обвинять в возникновении войны Габсбургскую монархию, а защитники этой последней получили возможность привести ряд доказательств того, что австрийская политика была вынуждена предпринять решительное выступление против Сербии в целях самозащиты.

Из опубликованных разоблачений, сделанных Станоевичем⁵⁵ и Иовановичем⁵⁶ в результате борьбы различных политических группировок

⁵² E. Fischer. Des Verhängnis der Nibelungentreue. — «Vossische Zeitung», 12 декабря 1929 г.; W. Schaer. Von der Bosnischen Krise bis Sarajevo. — «Kölnische Zeitung», 1 декабря 1929 г.; F. Thimme. Österreich-Ungarns Vorkriegsdokumente. — «Berliner Tageblatt», 10, 13 декабря 1929 г.; H. v. Hindenburg. Eine Anmerkung zu den österreichischen Vorkriegsakten. — «Berliner Tageblatt», 1 апреля 1930 г.; F. Stieve. Bundesgenosse Österreich-Ungarn. — «Hamburger Fremdenblatt», 5 марта 1930 г.; E. Käbisch. England und die Annexionskrise 1908/09. — «Berliner Monatshefte für internationale Aufklärung», 1930, № 10; A. Rosenberg. Zur Vorgeschichte des Weltkrieges. — «Die Gesellschaft», 1931, № 1.

⁵³ G. Gratz. Tiszas Haltung bei Ausbruch des Weltkrieges. — «Pester Lloyd», 28 декабря 1928 г.; «Graf Tisza und das Ultimatum an Serbien». — «Kölnische Zeitung», 30 марта 1929 г.; «Die Kriegsschuldfrage gegen Ungarn». — «Deutsche Allgemeine Zeitung», 30 марта 1929 г. Документ, аналогично освещающий позицию Тиссы, опубликован также в «Pester Lloyd», 9 июля 1929 г.

⁵⁴ J. Morley. Memorandum on Resignation. August 1914... London, 1928.

⁵⁵ Stanojveić. Die Ermordung des Erzherzogs Franz-Ferdinand. Ein Beitrag zur Entstehungsgeschichte des Weltkrieges. Aus dem serbischen Manuskript übertragen und herausgegeben von Hermann Wendel. Frankfurt a/M., 1923.

⁵⁶ Немецкий перевод статьи Л. Иовановича, помещенной в белградском сборнике «Кровь славянства», см. «Kriegsschuldfrage», 1925, № 2. По данному вопросу см. ряд статей Богичевича, Верепера, Люца и др. в том же журнале за 1924 г. и сл.

в королевской Югославии, стали известны многие нити, связывающие сараевское убийство, с тайным сербским обществом «Черная рука».

Австрийская публикация документов показывает (№ 2911, 2921, 2928, 2966, 3041, 3264, 3270), что о деятельности этой тайной организации, о ее политической роли и методах работы, о ее вдохновителе и фактическом организаторе — начальнике сербской контрразведки полковнике Драгутине Димитриевиче (Аписе) — были хорошо информированы в Вене еще с ноября 1911 г. А между тем в своем ультиматуме, предъявленном Сербии в 1914 г., правительство Австро-Венгрии ни одним словом не упомянуло о «Черной руке», обрушившись главным образом на деятельность сербской легальной организации «Народна Одбрана». Едва ли можно считать, как это высказывалось в немецкой прессе, что руководители австрийской политики, составляя свой ультиматум, не знали, что в одном из отделов архива министерства иностранных дел хранятся донесения о деятельности «Черной руки». Более правдоподобно было бы утверждение, что составители австрийского ультиматума не упомянули о «Черной руке» потому, что знали о ней достаточно много, в том числе и об ее двойственных взаимоотношениях с руководящими политическими кругами Сербии (радикалами), о скрытой, глухой внутренней борьбе, прорвавшейся к весне 1917 г., когда политическая клика, носившая название «Белой руки», сочла необходимым спешно организовать в Салониках специальный процесс и расстрелять Димитриевича. Тогда, в 1914 г., упоминать в ультиматуме о «Черной руке» казалось политически невыгодно, ибо это дало бы сербскому правительству возможность снять с себя всякую ответственность за деятельность общества, которое им же преследуется (все факты, предшествующие убийству, австрийскому правительству известны, конечно, быть не могли). Тем большее политическое значение имело опубликование исторических документов в условиях, когда нужно было подчеркнуть, что Габсбургская монархия была вынуждена идти на столь решительное выступление только потому, что ей были хороши известны агрессивные замыслы Белграда.

Упомянутые разоблачения Станоевича, несомненно, определялись соображениями защиты репутации сербского правительства: нужно было показать, что утверждения австрийского ультиматума не имели под собой никаких оснований, что «Народна Одбрана» — организация, близкая к белградскому правительству, не принимала никакого участия в подготовке убийства, которое произведено было совершенно другой, тайной организацией, и притом враждебной правительству.

Но бывший сербский министр Иованович сразу нарушил стройность этой схемы, заявив, что убийство австрийского эрцгерцога, действительно организованное «Черной рукой», было совершено с ведома белградского правительства и, в частности, сербского премьер-министра Пашича. Этот последний после смущенного молчания был вынужден выступить с категорическим опровержением, которое особенно стало необходимым с политической точки зрения: дело в том, что, по сообщению югославского посланника в Лондоне, разоблачения Иовановича произвели сильное и отрицательное впечатление в Англии, где как раз в это время королевская Югославия подготавливала почву для получения займа. Естественно, соответствующая кампания поднялась и на страницах германской прессы. Белградское правительство было вынуждено через своего посланника обратить внимание лондонского кабинета на кампанию английской прессы, а впоследствии выступило с формальным демаршем и в Берлине в связи с аналогичными статьями, появлявшимися в Германии, в частности по вопросу о роли югославского короля Александра в подготовке сараевского убийства⁵⁷.

⁵⁷ «Deutsche Allgemeine Zeitung», 24 июля 1926 г.

Наконец, под прямым давлением этой политической кампании, весьма нежелательной для Белграда в связи с необходимостью реализации займа на лондонском денежном рынке, югославское правительство заявило в своем офицозе⁵⁸, что им готовится издание «Синей книги» с целью разоблачения попыток Германии «свалить на Сербию ответственность за самое большое в истории кровопролитие». Однако появление этой обещанной «Синей книги» заставило себя очень долго ждать, а один сербский журналист⁵⁹, близко стоящий к белградским правительственным кругам, прямо заявил, что не следует ожидать от этой «Синей книги» каких-либо неизвестных фактов, а тем более разоблачений. Вместе с тем он высказал пожелание, чтобы югославское королевское правительство приступило к большому изданию своих документов, освещающих период от 1878 до 1914 гг.

Это ни к чему не обязывающее пожелание было весьма понятно: в 1928 г. в Германии появилась коллекция документов, опубликованных Богичевичем и освещающих внешнюю политику Сербии за период от 1903 до 1914 гг.⁶⁰ Королевское правительство Югославии, где, по словам Богичевича, «так называемые государственные интересы в большинстве случаев являются не чем иным, как личными интересами отдельных власть имущих лиц и клик»⁶¹, через официальное агентство Авала поспешило оповестить, что Богичевич, состоявший до войны на сербской дипломатической службе в Берлине, еще в 1915 г. был отстранен от всех государственных должностей ввиду того, что он вступил в соглашение с военным противником⁶².

Тенденциозная публикация Богичевича имеет своей прямой целью дать документальное подтверждение той версии, которая проходит и через все другие его работы: Сербия неустанно на протяжении долгих лет при помощи царской России готовилась к войне и эту войну сознательно спровоцировала. Главная масса представленного материала падает на период 1908—1914 гг.—период активизации сербской политики. Расположением материала Богичевич пытался начертить две линии политики, между собою переплетающиеся и в конце концов приводящие к одному финалу — мировой войне: во-первых, линия сербской политики, линия нарастающей, особенно после Боснийского кризиса, активности, направленной против Австро-Венгрии, когда для достижения поставленной цели считалось возможным применение любых провокационных и авантюристских средств, и, во-вторых, руководящая линия политики царской России, то сдерживающая, то, наоборот, толкающая Сербию на выступления против Австро-Венгрии и при этом пользующаяся поддержкой Франции, Англии и Италии. Что касается политики Австро-Венгрии и Германии в сербском вопросе, то, с точки зрения Богичевича, их ошибка состояла в недооценке опасности направленной против них политики Сербии и в переоценке возможности сохранения мира⁶³.

Наряду с сербскими дипломатическими материалами Богичевич включил в свою публикацию и некоторые материалы, освещающие по-

⁵⁸ «Время» от 18 марта 1925 г., цитируем по статье A. Wegerer, Wo bleibt das Serbische Blaubuch? — «Kriegsschuldfrage», 1929, № 4.

⁵⁹ F. Kulundschitsch. Hat Serbien Österreich gewarnt? — «Berliner Tageblatt», 17 апреля 1929 г.

⁶⁰ M. Boghitschewitsch. Die auswärtige Politik Serbiens, 1903—1914, Bd. I—III. Berlin, 1928—1931.

⁶¹ M. Boghitschewitsch. Mord und Justizmord. — «Süddeutsche Monatshefte», 1929, № 5, S. 1.

⁶² H. v. Hindenburg. Wann erscheint das Serbische Blaubuch? — «Berliner Tageblatt», 12 марта 1929 г.

⁶³ M. Boghitschewitsch. Die auswärtige Politik Serbiens 1903—1914, Bd. II, S. 7.

литику царской России на Балканах. В частности, он использовал и документы советского архива. Как нам удалось установить при изучении подлинных документов, Богичевич в ряде случаев соединял различные тексты при одновременном их сокращении⁶⁴. В целом воссоздание картины внешней политики Сербии возможно только на основе полного и аутентичного издания документов, хранящихся в Белграде. Но реакционное правительство Югославии предпочитало молчать.

4

Правительства победившей империалистической группировки — государств Антанты — долгое время не проявляли склонности к опубликованию своих секретных документов. Традиция многие десятилетия охранять тайну дипломатических архивов продолжала господствовать.

Да и зачем им была нужна такая публикация? Вопрос о происхождении войны для каждой из стран в победившем лагере получил свое политическое решение в установлениях Версальского и других послевоенных договоров, и нужно было только зорко следить за неприкосновенностью версальской системы. Когда в 1925 г., накануне подписания гарантийного пакта в Локарно, втягивающего Германию в систему западных капиталистических держав с целью изоляции Советского Союза, германское правительство предприняло официальный демарш в Лондоне, Париже и Риме, сделав заявление о невозможности согласовать версальский тезис о германской виновности с «духом Локарно», ему пришлось выслушать почти тождественно звучащий ответ: вопрос об «ответственности» никакого отношения к подписанию Локарнского пакта не имеет, тем более, что самый пакт должен рассматриваться в рамках версальских установлений. Несколько мягче, вернее уклончивее, звучал лишь ответ Англии, для которой важно было добиться заключения Локарнского пакта, вовлекающего Германию в орбиту британской политики и имеющего антисоветскую заостренность. Английская уклончивость впоследствии еще более проявилась в речи Макдональда, произнесенной перед немецкой аудиторией, и это вызвало большое недовольство германского официоза⁶⁵.

Но несколькими годами ранее лейбористский премьер под давлением уже состоявшихся публикаций (советских, германских, австрийских), изобличающих роль политики британского империализма в подготовке мировой войны, решил, наконец, ознаменовать «пацифистскую эру» своего пребывания у власти обещанием приступить к изданию британских документов довоенной дипломатической истории. Апологетический характер публикации выступал с такой ясностью, что консервативное правительство, сменившее лейбористов, утвердило план издания, намеченный правительством Макдональда. Состоящая из 11 томов британская публикация охватывает период от 1898 до 1914 гг.⁶⁶

Все еще продолжая скрывать документы, освещающие период мировой войны 1914—1918 гг., английское издание начинается с момента, когда Германия приступила к реализации своей большой военно-морской программы, когда, с другой стороны, исход столкновения в Фашоде определил перелом англо-французских отношений и открыл путь к последующему заключению Антанты. Но любопытно, что начало британской публикации было положено изданием последнего (по счету одиннадцатого) тома, освещающего так называемый предвоенный кризис

⁶⁴ К тому же многие документы опубликованы Богичевичем только в выдержках.

⁶⁵ H. Schnee. *Widerlegung oder Schweigen*. — «Deutsche Allgemeine Zeitung», 21 ноября 1928 г.

⁶⁶ «British Documents on the Origins of the War, 1898—1914». Edited by G. P. Gooch and H. Temperley, v. 1—11. London, 1927—1936.

1914 г., т. е. от сараевского убийства до вступления Англии в мировую войну. Хидлам-Морлей, советник по историческим делам Форейн оффиса, которому специально было поручено (если не сказать доверено) составление этого тома, в своем введении пытается объяснить выбор исходной даты аналогией с германской публикацией Каутского и дает изложение событий, начиная с конопиштского свидания Вильгельма и адмирала Тирпица с австрийским эрцгерцогом Францем-Фердинандом.

Такой выбор исходного момента публикации и введения к ней, несомненно, имеет специальный смысл — подчеркнуть таинственный сговор Австрии и Германии, их провокационную наступательную позицию еще до сараевского выстрела. Между тем, если бы этот том был открыт документами, освещающими переговоры о заключении англо-французского «джентльменского соглашения» или англо-русской морской конвенции, впечатление, конечно, было бы иное, и, нужно сказать, обратное тому, какое пытаются создать составители и вдохновители британской публикации. В свете англо-германских отношений того периода более отчетливо выступил бы и смысл англо-русских отношений в Персии, момент, который составитель всячески выдвигает, желая подчеркнуть, что ко времени разразившегося в 1914 г. кризиса никакой напряженности в англо-германских отношениях лондонская политика не замечала и что для последней весь ход событий явился совершенно неожиданным.

Но не только в хронологических рамках издания и его периодизации проявляется определенная апологетическая тенденция, она проявляется и в отборе документов, и в примечаниях составителей, и в расположении материала и, наконец, в общей концепции издания. Как и все остальные буржуазные публикации, английское издание освещает вопросы только внешней политики в собственном смысле этого слова; колониальная политика британского империализма остается, конечно, совершенно незатронутой, что в значительной мере сужает объем привлекаемого материала. Но и в этих пределах материал привлечен лишь постольку, поскольку он касался вопросов «большой политики». Кроме официальных донесений, издатели использовали также — и это чрезвычайно важно — частную переписку ответственных руководителей внешней политики британского империализма, но не иначе, как только ту часть, которая разрешалась к опубликованию заинтересованной стороной.

Даже опубликование официальных донесений должно было получить санкцию не только Форейн оффиса, но и правительства того государства, о котором шла речь в соответствующем документе. Далее, опубликование документов или помет Эдуарда VII требовало специального просмотра и разрешения короля Георга V. Таким образом, элементы цензуры пронизывают британское издание, и в результате даже особо избранные и разрешенные к публикации документы часто приводятся со значительными сокращениями и в пересказе⁶⁷, многочисленные замечания, сделанные на документах ответственными лицами и иногда имевшие характер директивы, в издании вовсе не воспроизведены.

Более того, составитель XI тома публикации счел нужным выступить с примечаниями, в которых делается попытка, конечно абсолютно безнадежная, реабилитировать фальсифицированную «Синюю книгу» никого не убеждающими ссылками на различные технические трудности. По существу же эта попытка является составной частью общей идеи издания — реабилитации Грея и всей политики британского империализма, и эта тенденция в первую очередь сказывается в расположении материала: если том XI имеет строго хронологический принцип расположе-

⁶⁷ Например, помещенная в XI томе телеграмма Грея Бьюкенену от 24 июля 1914 г.

ния документов, то во всех предыдущих томах в пределах известных хронологических отрезков материал группируется по темам. Так историческая проблематика превращается в дипломатическую апологию, становится неразрывной частью общих проблем актуальной политической практики. Это единство исторической и политической проблематики очень выпукло намечено в мемуарах Эд. Грея, появившихся, возможно неслучайно, почти одновременно с началом английской публикации⁶⁸, это единство достаточно явственно выступает и в общей концепции составителей издания⁶⁹.

Исходный тезис — неизменное миролюбие английской политики, тезис, который ничего не объясняет, но служит хорошую пропагандистскую службу политике империализма: вся задача заключается в том, чтобы обосновать с помощью этого тезиса более реальные задачи и практические мероприятия, которые как раз во время подготовки публикации исторических документов нашли свою формулировку в секретном меморандуме, содержавшем общие принципы британской политики в связи с конкретными задачами ее «политики Локарно»⁷⁰.

В анализе общеевропейской ситуации, предвещающем и оправдывающем предлагаемые политические выводы, этот меморандум наметил основные европейские проблемы, как они понимались под специфическим углом зрения интересов английского империализма. «...Здоровая английская политика должна следовать всецело и исключительно по линии британских интересов. Путь слишком темен для того, чтобы куда-либо уклониться». В качестве основной задачи выдвигается устранение опасности, которая может грозить Великобритании в случае, если какая-либо держава или коалиция держав окажется господствующей над Ла-Маншем или над портами Северного моря и таким образом получит базу для нападения на Англию. Однако это как бы исходное соображение оборонительного военно-стратегического порядка в дальнейшем разворачивается в широкую активную программу английской политики на континенте в целях перегруппировки сил и перестройки всей системы международно-политических отношений, созданных на основе послевоенных договоров, а также плана Дауэса. Проблема гарантий получила тут новый реально-политический смысл, дело шло о построении такой системы отношений, в которой английская политика играла бы доминирующую роль. Ссылаясь на историю и экономику, руководящие политические круги утверждали, что «изоляция при современных условиях означает опасность, уязвимость и бессилие». «Сомнительно, — указывалось далее, — чтобы даже в 1914 г. Германия затеяла мировую войну, если бы наверняка знала, что Британская империя придет на помощь Франции».

Таким образом, как мы видим, снова воскресла проблема продуманной и сознательной «изоляции» английской политики, вокруг постановки и разрешения которой развернулась большая дискуссия и политическая борьба между отдельными группировками британского империализма. В свете этой борьбы приобретает значение и литературно-политическое выступление Эд. Грея с его защитой принципа преемственности английской дипломатии, принципа относительной «свободы рук», установления политического равновесия в Европе, обеспечивающего борьбу за господство над морями, — все те политические идеи, историче-

⁶⁸ E. Grey. Twenty five Years (1892—1916), v. I—II. London, 1925—1926.

⁶⁹ См., например, автореферат докладов, прочитанных Гучем в феврале 1929 г. в Берлине на тему: «Die Entstehung der Triple Entente». — «Die Kriegsschuldfrage», 1929, № 6.

⁷⁰ Имеется в виду секретный меморандум Остина Чемберлена от 20 февраля 1925 г. — «Английская политика и ее отношение к европейскому положению», впервые опубликованный в парижском издании «Chicago Tribune» от 6 марта 1925 г. и затем полностью воспроизведенный в «Europäische Gespräche», 1925, № 9.

ское обоснование которых представляет английское издание документов. Но если в своей дипломатической апологии и изложении политического кредо Эд. Грей мог умолчать о таких фактах, как англо-французская морская конвенция 1912 г., то издание документов по самой своей природе должно было освещать события, так или иначе ставшие известными. Вопрос заключался в том, как и под каким углом зрения дать это освещение.

Германская публикация документов, захваченных в 1914 г. в Бельгии, несколько приоткрыла завесу и показала, как мало считались с бельгийским нейтралитетом в генеральных штабах Франции и Англии, и это обвинение было тогда же с германской стороны брошено в лицо Англии⁷¹. Теперь и Англии пришлось опубликовать соответствующие документы, и стало ясно, что еще с самого начала 1906 г. между руководящими военными кругами Бельгии и Англии происходили такие переговоры, которые очень плохо сочетались с принципом нейтралитета. Один из аргументов английской военной пропаганды оказался, таким образом, скомпрометированным.

Спасая положение, издатели британской публикации были вынуждены объяснить, что Эд. Грей ничего об англо-бельгийских переговорах не знал, что эти переговоры имели в виду лишь возможность нападения на Бельгию со стороны Германии и что, следовательно, они носили абсолютно оборонительный характер. Последнее утверждение нашло очень благоприятный резонанс во Франции, и «Temps»⁷² счел необходимым посвятить этому вопросу специальную большую статью, между тем как орган, близкий к германскому министерству иностранных дел, ответил прямо противоположной оценкой существа дела⁷³.

Вообще французские официальные отклики на британскую публикацию были весьма симптоматичны: в них больше всего подчеркивалось значение англо-германских противоречий⁷⁴, тогда как с английской стороны указывалось, что именно франко-германские противоречия являлись движущей силой в возникновении войны,— контрверза, имеющая некоторый политический аспект в условиях англо-французского соперничества за влияние на политику Веймарской Германии.

Но зато британские документы широко осветили проблему англо-германского морского соперничества,— проблему, достаточно актуальную для политической действительности после мировой войны 1914—1918 гг.

Английский империализм с его доктриной господства на море, ценой войны устранив германские планы создания первоклассного, мощного флота, получил чувствительный удар со стороны Соединенных Штатов Америки с их требованием «свободы морей» и паритета морских вооружений. В условиях англо-американского соперничества историческая проблема морского соперничества превратилась в проблему исключительного политического значения. Специально подготовленная вашингтонским правительством публикация документов, освещающих англо-американский конфликт, разразившийся в 1916 г. в связи с английской тактикой морской блокады, в руководящих политических кругах Лондона была понята только так, как она могла быть понята, а именно как антибританское выступление, сопутствовавшее напряженно протекавшим в это время переговорам о морских вооружениях. Потребовалось специальное вмешательство британской дипломатии, чтобы, в связи с политической поездкой лейбористского премьера в Вашингтон, американское правительство задержало издание уже подготовленной публи-

⁷¹ Имеется в виду речь Бетман-Гольвега от 1 августа 1915 г.

⁷² «Temps», 9 августа 1928 г.

⁷³ «Kölnische Zeitung», 14 августа 1930 г.

⁷⁴ См., например, «Temps», 9 мая 1930 г.

кации. Но тотчас же по окончании Лондонской морской конференции в 1930 г., открывшей новую страницу англо-американского морского соперничества, вашингтонская публикация вышла в свет⁷⁵, а с другой стороны, был выпущен в свет специальный том английской публикации, главное содержание которого сводится к освещению малоизвестных англо-американских довоенных переговоров по актуальному вопросу «ограничения морских вооружений». Так тематика публикации исторических документов определялась живой политической практикой и переплеталась с ней. Еще в большей мере это можно сказать относительно интерпретации опубликованных документов.

5

Уже после появления многочисленных изданий, достаточно ярко осветивших роль Франции в подготовке мировой войны 1914—1918 гг., французское правительство было вынуждено также приступить к соответствующему изданию. В это время французское правительство допустило к работе над документами, относящимися лишь к эпохе до 1852 г., а затем решило предоставить исследователям также дипломатические архивы периода Наполеона III. Изучение подлинных дипломатических документов Третьей республики в течение длительного времени, таким образом, оставалось под запретом⁷⁶. Приходилось довольствоваться многочисленными «Желтыми книгами»⁷⁷, специально препарированными для той или иной политической цели, в том числе сравнительно тощими изданиями относительно балканских дел, Марокко, франко-итальянских переговоров 1900—1902 гг. и франко-русского союза, — изданиями, которые прошли почти незаметно. Агитация, предпринятая в 1920 г. французскими синдикалистскими и пацифистскими кругами в пользу опубликования всеми странами — участницами войны, дипломатических архивов, была очень слабой, она оказалась заглушенной победными фанфарами французского империализма и по существу не оказала никакого влияния на позиции правительственных кругов. Выступлением Пуанкаре о происхождении мировой войны эта позиция как бы догматизировалась, и версальский тезис об односторонней виновности Германии устанавливался как политическая аксиома.

Тем большее впечатление в этих условиях произвела советская публикация документов, освещающая франко-русские отношения 1910—1914 гг., изданная на французском языке в Париже Маршаном в начале 1922 г.⁷⁸ В палате депутатов был внесен ряд запросов правительству и даже разразилась политическая дискуссия. Советские материалы сразу обратили на себя всеобщее внимание и их стали пристально изучать в Западной Европе и в США. Руководящие политические круги Франции были, очевидно, достаточно смущены неожиданными разоблачениями, и Пуанкаре, например, лично наиболее скомпрометированный, не нашел ничего более остроумного, как заподозрить советское издание в фальсификации. Далее он объявил, что русский посол в Париже Извольский, опубликованные донесения которого были столь убедительны, не заслуживает веры, ибо он якобы приписывал Пуанкаре свои собствен-

⁷⁵ «Frankfurter Zeitung», 24 декабря 1930 г. Имеется в виду один из дополнительных томов к американскому официальному изданию «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States», Washington.

⁷⁶ Пользование документами разрешено было только авторам отчета, о котором упоминалось в прим. 29 настоящей главы.

⁷⁷ Они начали издаваться в 1860 г. Всего издано несколько сот «Желтых книг», главным образом по колониальным вопросам.

⁷⁸ «Un livre noir. Diplomatie d'avant-guerre d'après les documents des archives russes. Novembre 1910 — juillet 1914», v. I—III. Paris, 1922—1934.

ные политические планы. Но поскольку голое отрицание не спасло положения вещей, Пуанкаре был вынужден решиться на большое многотомное издание мемуаров, в котором он выступает с оправданием всей своей политики, проводимой на службе у империалистической Франции⁷⁹.

Вместе с тем под неумолимым давлением всей совокупности данных, ставших широко известными и использованными во Франции его политическими противниками из пацифистского лагеря⁸⁰, Р. Пуанкаре в своем ответе на вопросы, предложенные ему одним журналистом⁸¹, был вынужден отказаться от некоторых утверждений, которые он ранее пытался защищать. Пользуясь тем, что постановка вопроса облегчала формулировку ответа, Пуанкаре, смягчая и обходя вопрос о роли политики Франции и Англии, стал значительно более многоречив в разоблачении политики царской России и, утверждая, что Австро-Венгрия является главнейшим виновником войны, значительно ослабил свои прежние обвинения против Германии. «Если в 1927 г., — пишет Пуанкаре, — я не хотел выступать относительно Германского государства с той же строгостью, как раньше, то для этого было два существенных основания: во-первых, мне казалось, что с принятием Германией плана Дауэса настал час с полной лояльностью осуществлять политику сближения, и, во-вторых, в результате всеобщего изучения возникновения войны стало казаться очевидным, что вина Австро-Венгрии являлась первой по своей дате и поэтому наиболее серьезной, хотя этим самым вина с Германии вовсе не снимается»⁸².

Это определяющее значение политических мотивов для оценок исторических вопросов сказалось и тогда, когда Пуанкаре, находясь у власти, провел через кабинет решение предпринять многотомное издание дипломатических документов, освещающих внешнюю политику Франции эпохи 1871—1914 гг. Тем самым было приостановлено издание документов военного периода, намеченное кабинетом Эррио еще в 1925 г. и подготовлявшееся чиновниками министерства иностранных дел (уже были подготовлены к печати шесть томов). Французская политика решила выступить со своей собственной документированной апологией⁸³.

Издание было поручено⁸⁴ правительством «комиссии по публикации документов, относящихся к происхождению мировой войны. 1914—1918 гг.», состоящей из 54 членов. В комиссию была назначена группа таких искушенных, находившихся в отставке дипломатов, как Палеолог, Жюль Камбон, Бомпар, и таких видных политических деятелей, продолжавших стоять у политического руля Франции, как Фромажо и де Лакруа, и влиятельный Бертелло, о ком говорили, что он в противоположность его шефу Аристиду Бриану, который ничего не знает, но все

⁷⁹ R. Poincaré. *Au service de la France. Neuf années de souvenirs*, t. I—X. Paris, 1926—1933.

⁸⁰ A. Fabre-Luce. *La Victoire*. Paris, 1924; G. Demartial. *L'évangile du Quai d'Orsay. La guerre de 1914*. Paris, 1926; он же. *La mobilisation des consciences*, 2 éd. Paris, 1927, и др. Жорж Демартиаль был лишен ордена Почетного легиона за свои взгляды, расходящиеся с официальной точкой зрения относительно односторонней ответственности Германии.

⁸¹ «Les responsabilités de la guerre». *Quatorze questions par René Gerin; quatorze réponses par Raymond Poincaré*. Paris, 1930.

⁸² Любопытно, что если германская буржуазная пресса быстро откликнулась на вынужденный сдвиг в позиции Пуанкаре, то французская пресса организовала «заговор молчания» или ограничилась замечанием, что ответы Пуанкаре «успокаивают сознание всякого француза, которое не одержимо манией искать в своем глазу бревно, находящееся в глазу у соседа».

⁸³ Первый том третьей серии «*Documents diplomatiques français (1871—1914)*» вышел в Париже в 1929 г.

⁸⁴ Соответствующий декрет, подписанный Р. Пуанкаре и А. Брианом, был опубликован 21 января 1928 г.

понимает, наоборот, все знает, но ничего не понимает. Декорум, создаваемый группой «бессмертных», лишь оттенял политическое лицо комиссии, определяемое участием в ней не только дипломатов, но и историков — Эмиля Буржуа, руководителя Парижского католического института Альфреда Бодрильяра и др.

Принципы, положенные французской комиссией в основу своей работы, существенно отличаются от принципов, которые характерны для германского издания «Die Grosse Politik». Французскому изданию придана большая академичность: оно имеет строго хронологический порядок расположения материала, снабжено минимальным количеством редакционных примечаний, в нем вовсе отсутствуют тенденциозные комментарии. Однако общая идея, определяющая выдвижение проблем, в основном остается той же: «Эта политика союзов и противосоюзов, — прокламирует комиссия, — является собственно корнем истории европейской дипломатии». Отсюда понятно, что колониальная политика французского империализма вовсе не освещается.

Хронологические рамки говорят о том, что французская публикация является ответом на германскую. При этом издание началось с публикации первого тома третьей серии, освещающего ближайшие месяцы после заключения франко-германского соглашения о Марокко и Конго (4 ноября 1911 г.). Выбор исходной даты публикации можно признать с французской точки зрения удачным: публикация начинается с освещения момента, когда грозившая военным столкновением напряженность франко-германских отношений сменилась заключением соглашения.

К тому же этот момент дал комиссии возможность сразу, и притом с удобной исходной позиции, приступить к ответному изображению как раз того периода политики Франции, который уже ранее был освещен советским изданием переписки Извольского. Но любопытно, что именно эти моменты оказались документированными наиболее бедно: так проявилась тенденция ничего не сказать сверх того, что уже стало известно из публикаций советских архивов. Зато с большой яркостью оказался освещенным другой вопрос — о характере франко-русских отношений, вопрос тем более значительный, что хронологически он относится ко времени подготовки Балканского союза, направленного не только против Турции, но и против Австро-Венгрии. И тут с особенной тщательностью вычерчиваются те моменты, в которых наиболее очевидно раскрывались расхождения политики Франции и царской России. При этом Франция неизменно выступает как фактор, сдерживающий агрессивность и «капризы» царской России, в первую очередь на Балканах.

Таким образом, уже в первом томе можно было без труда уловить некоторый сдвиг в оценке движущих сил, приближавших военное столкновение. Более того, во французское издание включено несколько донесений французских дипломатов, свидетельствовавших о мирном настроении германского народа и даже германского кайзера, — момент, который тотчас же с большим удовлетворением был отмечен всей буржуазной прессой в Германии.

Наряду с этим были подчеркнуты и другие исторические моменты, нашедшие живой отклик в политической прессе. Так актуальная проблема англо-германских отношений не выступает изолированно; она оканчивается связанной, с одной стороны, с общим вопросом о консолидации англо-французской Антанты как группировки, опираясь на которую Франция ограждала себя от германских притязаний, а с другой стороны, с вопросом о колебаниях итальянской политики между Тройственным союзом и Тройственным согласием. Разоблачение довоенной политики Италии, ее нелояльности по отношению к собственным обя-

зательствам, ее постоянной агрессивности, бросающей Европу в пропасть международно-политических осложнений и военных столкновений,— в историческом освещении всех этих вопросов нашел свое отражение тот этап обострения франко-итальянских противоречий, который в значительной мере характеризовал европейскую международно-политическую ситуацию на рубеже двадцатых и тридцатых годов. Не удивительно, что, сообщая об этих французских разоблачениях относительно итальянской политики в начале XX в., германская газета, отражающая точку зрения министерства иностранных дел, писала: «Этот взгляд в прошлое представляется нам особенно своевременным в момент, когда некоторые круги в Германии думают поставить внешнеполитическую ставку на итальянскую карту»⁸⁵. В момент, когда правящие круги Германии напряженно искали пути внешнеполитической ориентации, это заявление звучало достаточно предостерегающе.

Было бы, однако, заблуждением предполагать, что, включая некоторые «благоприятные» для Германии показания, французское издание отказалось от своей антигерманской заостренности. Наоборот, последняя достаточно отчетливо выступает уже в первом томе первой серии издания, заключительным моментом которого является окончание «военной тревоги 1875 г.». Большая часть этого тома и посвящена вопросу о планах Германии начать превентивную войну против Франции,— планах, которые были сорваны благодаря бдительности французской политики и дипломатическому давлению России и Англии. Этим самым с французской стороны как бы бросается новая пачка доказательств, обвиняющих бисмарковскую Германию и опровергающих аргументацию, выдвинутую германской буржуазной историографией веймарского периода.

В общем относительно первых трех томов французского издания можно было бы сказать, что светотени в них расположены так, что наиболее ярко очерчены отдельные моменты прусской, итальянской, английской политики, активность же французской политики отступила на задний план. Но выдержать подобную линию на протяжении всего издания, конечно, не представлялось возможным. Уже следующий том (второй том третьей серии), освещающий события февраля—мая 1912 г., должен был затронуть такие важные моменты, как миссия Холдена, переговоры о бельгийском нейтралитете.

И тут-то выяснился истинный смысл утверждений французской комиссии о том, что выбор документов производится историками, исходя только из интересов научно-исторического порядка. Группа документов была изъята из текста и приведена в редакционном примечании. Из этого сухого примечания можно заключить, что во французском генеральном штабе уже в 1912 г. существовал план нарушения бельгийского нейтралитета для вторжения в Бельгию; Пуанкаре делал все возможное, чтобы облегчить осуществление этого плана и, в частности, добивался поддержки Англии. «Важно,— писал Пуанкаре 28 марта 1912 г.,— чтобы Англия не пошла ни на какие обязательства оставаться нейтральной между Францией и Германией,— и это даже в том случае, если будет казаться, что нападение исходит от нас».

Вышеуказанный пример свидетельствует о том, что, прикрываясь объективно-хронологическим принципом, французское издание, как и публикации в Германии и в других капиталистических странах, встало на путь сокрытия некоторых важных материалов дипломатических архивов. Французская комиссия сама признала, что ряд документов приводится лишь в выдержках. При таком положении вещей остается свободное поле для догадок относительно того, какие именно места не при-

⁸⁵ «Kölnische Zeitung», 28 декабря 1930 г.

водятся в публикации; но зато не приходится ломать голову над тем, под каким углом зрения сделаны эти купюры. И когда нам заявляют, что частная переписка французских политических деятелей и дипломатов была на обозрении у членов комиссии, мы готовы этому поверить: ведь в комиссии состоят и те видные представители французской дипломатии, которые являются главными корреспондентами этой переписки. Однако, когда к тому же добавляется, что в этой частной переписке ничего политически интересного не содержится, то нам остается только пожалеть плечами...

Гораздо более убедительными представляются слова одного из членов французской комиссии, который, пытаясь уверить читателей в том, что документы, освещающие политику Франции в период 1871—1914 гг., не будут скрыты, указывал, что такое сокрытие являлось бы «политикой страуса», поскольку «большевистское правительство», имея в своих руках тайники «старых русских архивов», в любой момент может все это разоблачить. Таким образом, говорилось тут же, автоматически создается взаимный контроль⁸⁶. И если Р. Пуанкаре зимой 1931 г. счел нужным заранее выступить с предположениями, что большая советская публикация документов по истории мировой войны будет включать в себя «много довольно парадоксальных выдумок», то это говорит лишь о том, что в большой советской публикации дипломатических документов царского правительства «Международные отношения в эпоху империализма» усматривалось продолжение той линии, которая была заложена в первых советских публикациях,— разоблачение политики империализма.

Вскоре можно было констатировать, что в официальной французской концепции вопроса о виновниках войны произошел некоторый сдвиг. Этот сдвиг отразился в историко-политической статье профессоров Сорбонны Камиля Блока и Пьера Ренувена⁸⁷, напечатанной в официозе Кэ д'Орсей. В этой статье, вызвавшей в европейской буржуазной прессе много откликов, авторы утверждали, что хотя победители в свое время лично были убеждены в ответственности старого кайзеровского правительства, однако они ни в коем смысле не предполагали включить и не включили в Версальский договор тезиса о моральной ответственности всей Германии. Победители, утверждают авторы статьи, стремились лишь формально установить факт нападения, принятого Германией в августе 1914 г.,— факт юридический, предусматривающий материальное возмещение за понесенные убытки; обычное же понимание ст. 231 Версальского договора не имеет-де под собой никаких исторических оснований и является лишь злополучным следствием неправильного перевода, допущенного в официальном немецком издании Версальского трактата.

Следует отметить, что германская буржуазная печать эти положения категорически отвергла⁸⁸.

Развернувшаяся дискуссия показала, что она является далеким эхом закулисных зондирований и переговоров, которые — это можно теперь считать установленным — имели место по репарационному вопросу вскоре после франко-американского соглашения об условиях одногодичного моратория. С французской стороны в этих переговорах было дано понять о готовности идти на уступки в ряде второстепенных вопросов, в частности отказаться от версальского тезиса об односторонней ответ-

⁸⁶ L. Eisenmann. Die französische Aktenpublikation.— «Europäische Gespräche», 1929, № 10.

⁸⁷ «Temps», 15 ноября 1931 г.

⁸⁸ См., например, «Germania», 24 ноября 1931 г., «Vossische Zeitung», 12 декабря 1931 г., «Kölnische Zeitung», 13 декабря 1931 г., «Deutsche Allgemeine Zeitung», 15 декабря 1931 г.

«ственности Германии, в случае, если последняя формально откажется от борьбы за ревизию материальных основ Версальского трактата и последующих соглашений. В этом смысле попытка частичной «амнистии» относительно версальского тезиса имела характер пробного шара. Еще более показательным было выступление архиепископа иоркского 31 января 1931 г. по поводу открытия конференции по разоружению. В своей речи, привлекавшей широкое внимание, архиепископ требовал прекратить, во имя торжества принципа христианского всепрощения и братства, взаимные распри между западными державами, отказаться от версальского тезиса об односторонней германской ответственности, чтобы открыть путь к объединению в целях разрешения общих задач, стоящих перед раздираемым внутренними противоречиями капиталистическим миром. Это выступление вызвало резкие возражения в правом секторе французской политической прессы, а еще более со стороны консервативных кругов в Англии. Эти круги предприняли в «Times» яростную атаку, общее направление которой выразил Остин Чемберлен: «Заявление, что все нации несут одинаковую ответственность, не служит ни поднятию нравственного сознания, ни укреплению христианской веры, но означает уничтожение учения христианской морали. Должна существовать публичная мировая мораль, которую можно было бы привести в движение для того, чтобы воздействовать на нарушителя (международных нравственных законов)... Но поставить невинного и виновного на одну доску,—заявил далее Чемберлен,—...это значит уничтожить основы международной морали... Сила Лиги наций заключается... в установлении ответственности и вины каждой нации, которая миру предпочитает войну»⁸⁹.

Если вспомнить, какое значение в свое время при переговорах о вступлении Германии в Лигу наций Чемберлен придавал ст. 16. Статута Лиги, допускающей использование территории участника Лиги для проведения войск против государства, признанного Советом Лиги нападающей стороной, то политический смысл его речи о неприкосновенности принципа о виновниках войны выступит достаточно отчетливо.

Пояснения, которые архиепископ иоркский вскоре дал своим многочисленным негодующим оппонентам, обнаружили, что его позиция не противоречит позиции Остина Чемберлена.

Речь шла уже не только о признании ответственности Германии за предыдущую войну, но и об обязательной поддержке Германией подготавливаемой империалистическими державами новой войны, об обязательности для Германии ст. 16 Статута Лиги наций, которую английская дипломатия в то время стремилась использовать в определенных, далеко идущих целях: заставить Германию включиться в антисоветский блок западных держав. По мере возрождения позиций германского империализма и роста его ревизионистских вожелений исторические документы активно использовались в качестве орудия политической борьбы. В своей книге «Мировая война документов» Б. Швертфегер, бывший полковник германской армии, уже в 1929 г. писал в достаточной степени откровенно: «Мы, немцы, еще теперь вынуждены вести настоящую мировую войну против... Версальского договора»⁹⁰. Но за этими словами уже скрывались другие цели, которые формировались в связи с перспективой новой войны.

Политическая война историческими документами не утихала.

И если в связи с Женевской конференцией по разоружению, являвшейся тогда ареной борьбы за новую расстановку империалистических сил, была сделана попытка при помощи христианской формулы дать

⁸⁹ «Times», 13 февраля 1931 г., «Berliner Monatshefte», 1932, № 3.

⁹⁰ B. Schwertfeger. Der Weltkrieg der Dokumente. Berlin, 1929.

всеобщую амнистию историческому прошлому германского империализма, то это имело определенные политические мотивы. «Платон,— писал затем архиепископ иоркский,— смотрел в будущее, в котором конец войны между греческими городами должен будет рассматриваться как война гражданская»⁹¹. Эти слова должны были служить не только грозным предупреждением, но и призывом к господствующим классам капиталистических государств-победителей и государств-побежденных сплотиться во имя совместной борьбы против страны социализма и против международного рабочего движения.

1932 г.

⁹¹ «Berliner Monatshefte», 1932, № 4.

ПРОБЛЕМЫ

«ВОСТОЧНОЙ» И «ЗАПАДНОЙ»

ОРИЕНТАЦИИ ГЕРМАНСКОЙ ПОЛИТИКИ В БИСМАРКИАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Есть что-то неожиданное и, казалось бы, даже парадоксальное в том, что уже вскоре после провозглашения Веймарской республики историческая мысль господствующих классов Германии, и притом различных партийно-политических направлений, обратилась к образу основателя Германской империи, убежденного монархиста и антиреспубликанца, отца политики «железа и крови» и ненавистника демократических и социалистических сил немецкого народа — князя Отто фон Бисмарка. То была прежде всего идейная реакция на поражение Германии, Ноябрьскую революцию и Версальский мир. После поражения германской армии как на Западе, так и на Востоке и бегства кайзера Вильгельма II в Голландию, после компьенской капитуляции и краха аннексионистского Брестского мира не только милитаристские и монархические, но и более широкие круги господствующих классов, стремясь спасти свои реакционно-исторические традиции и утвердить свои политические воззрения и поколебленный престиж, стали на путь идеализации «железного канцлера» как политика и дипломата. Ключ к этому следует искать в политическом положении Веймарской Германии: если передовые отряды рабочего класса, боровшиеся против милитаризма и империализма в своей стране, смотрели в историческое будущее, связывая с ним свои демократические и социалистические идеалы, то господствующие классы, учитывая результаты поражения германского милитаризма, обращали свой умственный взор в прошлое — к тем временам, когда Бисмарк успешно сколачивал Германскую империю, а ее экономические и военно-политические позиции в системе европейских государств неизменно усиливались и казались непоколебимыми. То были времена, когда прусско-германский милитаризм, сумев в короткий срок провести три победоносные войны — на севере, юге и западе, был на большом подъеме и во многом определял развитие не только внутреннего положения в Германии, но и международных отношений в Европе. Вот почему одним из лейт-мотивов буржуазной историографии веймарского периода является следующее утверждение: если бы Бисмарк все еще продолжал стоять у политического руля Германии или если бы Германия не вышла из фарватера, предуказанного ей Бисмарком, ее современное положение было бы совершенно иное¹. Так историческая оценка явно переходит в политическую, а исследование политической истории прошлых времен превращается в историческую характеристику современных задач. В дальнейшем бисмаркианство стало общей и наиболее характерной чертой германской буржуазной историографии веймарского периода.

¹ Ср., например, H. Friedjung. Das Zeitalter des Imperialismus. 1884—1914, Bd. I Berlin, 1919, S. 32.

Только учитывая эту атмосферу, можно понять, почему выход в свет III тома «Мыслей и воспоминаний» Бисмарка был воспринят как крупная сенсация². Дело, конечно, не только в том, что опубликование было осуществлено вопреки воле автора, который завещал, чтобы последняя часть его мемуаров вышла в свет лишь после смерти Вильгельма II. Но издатели распорядились по-своему: они решили, что после своего отречения и бегства Вильгельм II превратился в политический труп, и будет весьма своевременно, если Германия узнает, что об этом экс-кайзере, о его внутренней и внешней политике думал и писал основатель Германской империи. В других условиях можно было ожидать, что монархические и милитаристские круги, еще так недавно остававшиеся преданными своему прусскому королю и германскому кайзеру, поднимут шумный протест против преждевременного опубликования бисмарковских мемуаров, заключающих в себе убийственную характеристику Вильгельма II и его «нового курса». Но этого не случилось. Наоборот, фиксируя внимание на личных взаимоотношениях и расхождениях между первым канцлером и последним кайзером, германская публицистика и историография вскоре расценили опубликованный том мемуаров Бисмарка как составную и завершающую часть политического завещания, оставленного «сынам и внукам для понимания прошлого и в поучение на будущее». Так бисмаркианские настроения получили крупный толчок для своего распространения — тем более, что вслед за опубликованием третьего тома мемуаров Бисмарка стали выходить в свет мемуары других политиков, дипломатов и военных деятелей его времени — Эккардштейна³, Радовица⁴, Швейница⁵, Вальдерзее⁶, Мольтке-младшего⁷ и др.

В 1924 г. начало выходить «Собрание трудов» Бисмарка, включавшее в себя его речи, доклады, переписку и т. п.⁸ Но с точки зрения идейно-политического содержания бисмаркианской историографии и публицистики наиболее впечатляющим было опубликование первых шести томов коллекции дипломатических документов⁹, т. е. той серии, которая относится к периоду пребывания Бисмарка на посту имперского канцлера (1871—1890 гг.)¹⁰.

Этот большой конкретно-исторический материал, архивный и мемуарный, относительно внешней политики Бисмарка, который появился в Веймарской Германии, не мог не отразиться и в историографии. Новый материал открыл новые горизонты, выдвинул новые проблемы, уточнил многие данные фактического порядка, дал возможность осветить новые аспекты. С точки зрения фактических данных бисмаркианская историография веймарского периода несравненно богаче работ, написанных до появления новых источников¹¹. Это дало основание говорить о

² O. Bismarck. Gedanken und Erinnerungen, Bd. III. Stuttgart — Berlin, 1919 (русск. перевод: О. Бисмарк. Мысли и воспоминания, т. I—III. М., 1940—1941).

³ H. v. Eckardstein. Lebenserinnerungen und politische Denkwürdigkeiten, Bd. I—III. Leipzig, 1919—1921.

⁴ M. v. Radowitz. Aufzeichnungen und Erinnerungen aus dem Leben..., Bd. I—II. Stuttgart — Berlin, 1925.

⁵ H. L. v. Schweinitz. Denkwürdigkeiten des botschafters General v. Schweinitz, Bd. I—II. Berlin, 1927.

⁶ A. v. Waldersee Denkwürdigkeiten Hrsg. v. H. O. Meisner, Bd. I—III. Stuttgart — Berlin, 1923—1925; он же. Aus dem Briefwechsel. Hrsg. v. H. O. Meisner. Stuttgart — Berlin, 1928.

⁷ H. v. Moltke. Erinnerungen, Briefe, Dokumente 1877—1916. Stuttgart, 1922.

⁸ O. Bismarck. Die gesammelten Werke, Bd. I—V. Berlin, 1924—1933.

⁹ GP, Bd. I—VI.

¹⁰ См. выше: «Версальский тезис и его ревизия (Исторические документы как оружие политической борьбы)».

¹¹ Ср., например, H. Plehn. Bismarcks auswärtige Politik nach der Reichsgründung. München — Berlin, 1920.

«перевороте в немецкой историографии»¹². Однако «переворот» произошел не только в результате появления и обработки новых источников, но в гораздо большей степени под влиянием определенных политических условий и актуальных политических задач, которые ставили перед собою господствующие классы Веймарской республики. Эти условия и задачи отражались в историографии как в смысле выдвижения той или иной историко-политической проблемы, так и в смысле ее общего освещения и трактовки, но прежде всего с точки зрения тех апологетических тенденций и политических выводов, которые являются предпосылками, определяющими общую историческую схему, ее идейную целенаправленность. Основная линия развития бисмаркианской историографии по вопросам внешней политики Германии сопутствует, а иногда прямо сливается с общей линией внешней политики Германии послеверсальского периода, и весьма возможно, что будущий историк, изучая эту историографию, сможет восстановить и основные политические контуры того периода, в котором она складывалась и развивалась.

Социально-политическую обусловленность этой области буржуазной историографии следует понимать не только в отношении методологических принципов, положенных в ее основу. В данном случае речь идет не о методологии, а о тематике, об историческом конструировании, о преимущественном выдвижении проблем и оценок, словом, об общей политической тенденции и даже просто о многочисленных попытках исторического обоснования политического кредо. В результате на протяжении нескольких лет в Веймарской Германии появилась целая отрасль исторической литературы, посвященная Бисмарку. Часто работая в те годы в Прусской государственной библиотеке в Берлине, автор этих строк мог наблюдать, как огромные тома *in folio*, переплетенные в толстую свиную кожу, — то был каталог исторической литературы о Бисмарке, — быстро заполняются и заметно продолжают расти. Над каталогом, в той части, которая относится к германской литературе, можно было бы поставить общий заголовок: «Бисмарк как миротворец», и если эта характеристика не отвечает сущности внешней политики и дипломатии «железного канцлера», то она вполне соответствует содержанию и направлению бисмаркианской историографии веймарских времен. Новые политические условия, сложившиеся после поражения германского империализма в 1918 г. и в связи с началом его возрождения, определили новые задачи буржуазной историографии. Это нетрудно установить, если сравнить бисмаркианскую историографию веймарского периода с историографией периода мировой войны 1914—1918 гг. В самый разгар войны, в 1915 г., исполнилось столетие со дня рождения Бисмарка, и, естественно, это сильно способствовало количественному росту «бисмарковской литературы». В качественном отношении эта литература весьма невысока. Ее политическое содержание можно раскрыть при сопоставлении работ наиболее видных представителей германской буржуазной историографии — Ганса Дельбрюка и Эриха Маркса. Каждый из них пытался истолковать «завещание Бисмарка» по-своему: первый¹³ — как политику соглашения, второй¹⁴ — как политику аннексий. А как далеко в годы войны зашло стремление использовать политическое завещание «железного канцлера» в интересах оправдания борьбы за мировое господство, можно заключить на примере известного публициста Рорбаха, который умудрился, ссылаясь на Бисмарка, призывать к походу на Египет¹⁵.

¹² F. R a c h f a h l. Die Umwälzung der neuesten Geschichtsschreibung durch die letzten Quellen der Bismarckzeit. Berlin, 1923.

¹³ H. D e l b r ü c k. Bismarcks Erbe. Berlin — Wien, 1915.

¹⁴ E. M a r c k s. Vom Erbe Bismarcks. Leipzig, 1916.

¹⁵ P. R o h r b a c h. Bismarck und wir. München, 1915.

Итак, история внешней политики Бисмарка привлекалась для оправдания агрессивных задач в период войны, за интерпретацией исторических источников скрывалась дискуссия и пропаганда определенных целей. Тень Бисмарка стала политической реальностью. Это относится не только к обширной публицистике и так называемой литературе о целях войны (*Kriegszielliteratur*), но и вообще к буржуазной историографии того периода. Правда, в те времена было трудно установить грань между публицистикой и историографией, ибо в последней заранее и сознательно поставленная цель поучения определяла и историческую тему, и общую политическую устремленность. «Прошлое учит нас... не для того, чтобы при другом случае быть умнее, но для того, чтобы всегда оставаться мудрыми», — писал, например, тюбингенский профессор Галлер. «На примере Бисмарка, — писал он, — возможно познание мудрости, имеющей значение не только для того или иного отдельного случая, но и вообще. Имеются, следовательно, общезначимые истины, которые возможно познать и из того, как он (т. е. Бисмарк.— А. Е.) заключал мир»¹⁶. Подробно анализируя условия и политические методы Бисмарка при заключении мирных договоров (1864, 1866 и 1871 гг.), Галлер стремился на исторических образцах дать своим современникам предметный и поучительный урок: «Если примеры прошлого вообще имеют какое-нибудь значение, если слова об уроках истории являются чем-то большим, нежели привнесенным оборотом речи, то из того, как Бисмарк заключал мир, можно будет кое-что узнать и о том, как победитель должен заключить мир правильным образом»¹⁷.

Тут имеется в виду, конечно, не механическое перенесение воспроизведенных конкретных особенностей или дипломатических приемов из одного исторического периода в другой, а установление некой бисмаркианской догмы, политического принципа, широкой политической формулы, имеющей актуальное практическое значение. «Никогда не следует, — сказал однажды Бисмарк, — брать все то, что можно, но всегда только то, что нужно»¹⁸, — такова поучительная сентенция Галлера. В другом месте он формулировал программный итог еще более многозначительно: «В чем лежит для победителя трудность при заключении мира, сказать легко: дело сводится к тому, чтобы в наиболее подходящий момент прекратить борьбу и — что обычно с этим связано, но не всегда совпадает — правильно определить размер требований»¹⁹. Германия в 1916 г. испытывала огромное военное напряжение, на общем фоне которого в работах Дельбрюка, Рорбаха и Галлера отразилась борьба различных военно-политических программ в правящем лагере Германии того времени, борьба об условиях аннексионистского мира. Исходная формула Галлера: «Заключать мир труднее, нежели вести войну»²⁰, — несколько парадоксально, но довольно точно передавала сложившееся положение вещей: идея соглашения с Антантой и «ограниченной аннексии» в противовес лозунгу «войны до победного конца», который выдвигался наиболее агрессивными кругами, в одинаковой степени освящалась бисмаркианской санкцией. Апелляция к бисмаркианской традиции сопутствовала, следовательно, различным, иногда даже противоположным, тенденциям в политике правящих классов. Все это весьма примечательно и свидетельствует о широких возможностях в интерпретации внешней политики Бисмарка и об изменчивости общей оценки соотношения Бисмарка и современности, как она воспринима-

¹⁶ J. Haller. Bismarcks Friedensschlüsse. München, 1916, S. 99.

¹⁷ Ibid., S. 11.

¹⁸ Ibid., S. 101.

¹⁹ Ibid., S. 8.

²⁰ Ibid., S. 7.

лась различными политическими группировками господствующих классов и их историографией.

Решающие изменения, которые впоследствии произошли на театре военных действий и тем самым на общей арене международной политики в соотношении сил между Германией и ее противниками, сказались и в публицистике, и в историографии. В 1918 г. Германия потерпела военное поражение, она была охвачена Ноябрьской революцией. Парадокс немецкого историка: «Заключать мир труднее, нежели вести войну»,— обратился в зловещую реальность. Началась пора переосмысливания исторических событий под углом зрения новых задач, суда и осуждения одних явлений, защиты и оправдания других, попыток построения новых исторических и политических схем. Появилась новая историческая литература, не представляющая никакой научной ценности, но влиятельная в публицистическом отношении, которая пыталась порвать с идеализацией первого германского канцлера. Ее смысл можно было бы определить формулой: «Прочь от Бисмарка»²¹. В поисках причин поражения Германской империи эта антибисмаркианская историография или, лучше сказать, историческая публицистика, давала общей системе политики Бисмарка довольно резкую критическую оценку. Проблема внешней политики Бисмарка, следовательно, ставилась снова, но ставилась на этот раз с отрицательной оценкой: вопрос шел о разрушении культа Бисмарка, о необходимости развенчать «железного канцлера». Социально-политические мотивы исторической публицистики этого рода были разнородны: в свете военного поражения и революции сказывались и отрицательные оценки всей истории Германской империи со дня ее образования, и попытки снять ответственность с руководителей «нового курса», и тенденция противопоставления буржуазной демократии Веймарской республики консервативной и реакционной политике Бисмарка, и, наконец, противоположная тенденция, вскоре ставшая основной,— стремление искать в политике Бисмарка оправдание политики германского рейха веймарских времен. Этому в немалой степени способствовало то обстоятельство, что вопрос о виновниках войны, как он был поставлен в Версальском договоре, осложнился новой проблемой, имеющей большое внутреннеполитическое значение, вопросом о виновниках исхода войны. В этих условиях, когда правящие классы Германии стремились консолидировать свои силы, чтобы выступить против новых течений, готовых искать демократические пути развития общественной и политической жизни, стало оформляться мощное движение, стремившееся к реакционной идеализации Бисмарка: поскольку спасти престиж вильгельмовского режима было невозможно, буржуазная историография и публицистика снова устанавливали и закрепляли традиции политики Бисмарка. К тому же эта реакционная задача подкреплялась и условиями внешнеполитического порядка. Необходимо было нечто противопоставить политическим тенденциям французской публицистики, настоятельно пытавшейся задним числом расквитаться с Бисмарком и доказать, что уже в его политике были заложены элементы ответственности Германии за войну 1914—1918 гг. Не удивительно, что первая значительная работа, появившаяся в этой связи,— работа Отто Гаммана, уже в заглавии заключала явный полемический оттенок: «Непонятый Бисмарк»²². В ней впервые тезис Антанты об ответственности за возникновение войны разрабатывался в своеобразном сочетании с германским тезисом об ответственности за исход

²¹ К. Scheffler. Bismarck. Leipzig, 1919; H. Kantorowicz. Bismarcks Schatten. Freiburg, 1921.

²² О. H a m m a n n. Der Missverstandene Bismarck. Zwanzig Jahre deutscher Welt-politik. Berlin, 1921.

войны; в ней впервые были намечены специфические элементы разросшейся впоследствии бисмаркианской историографии, впервые проблема изучения и оценки внешней политики Бисмарка непосредственным образом связывалась с актуальными политическими задачами, вставшими перед господствующими классами побежденной Германии. Наконец, в ней впервые выдвигалось утверждение о мирном, неагрессивном характере всей истории внешней политики Германской империи, в частности политики Бисмарка; это утверждение было направлено не только против Антанты, но отчасти и против немецкой историографии и публицистики военного периода. «Агрессивные войны, войны из честолюбия, захватнические войны мы никогда не будем вести. Захватничество совершенно чуждо немецкому характеру», — сочувственно цитирует Гамман Бисмарка²³, политика которого рисуется как «борьба за идею», равную «гуманной идее отмены рабства, а именно, идею привести нацию к единству после многосотлетней разобщенности и растерзанности»²⁴.

Концепция Гаммана, следовательно, такова: внешняя политика Бисмарка была понята неправильно, а «то, что политика императора (Вильгельма II. — А. Е.) пошла по новому пути без умной осмотрительности и умеренности Бисмарка, было несчастьем для его дела». Заключительная часть работы Гаммана и посвящена выяснению «главных ошибок» в мировой политике последнего германского кайзера. Основным и отправным критерием здесь снова послужила интерпретация «непонятой» внешней политики Бисмарка. В этой последней были выделены ее общие черты и постоянные принципы, — «миролюбие» «отсутствие агрессивности», — ибо, по концепции Гаммана, и в политике «нового курса» эти черты сохранены во всей своей полноте. Гамман усматривает основную ошибку руководителей внешней политики «нового курса» лишь в том, что они недооценили всего значения и благоприятных особенностей бисмарковской европейской политики и выступили на широкую и опасную дорогу мировой политики. Однако центр тяжести гаммановской концепции лежит отнюдь не в вопросе об экономической и политической экспансии германского империализма, а только в вопросе о методах поддержания политического равновесия в Европе и об общей ориентации германской внешней политики. Тут-то и лежит, по его мнению, непонимание политического наследства Бисмарка, недооценка и неправильная линия поведения по отношению к «западному флангу Европы». Изоляция Германии среди мировых держав, которая привела к объединению всех великих держав против Германии, была бы невозможной, считает Гамман, если бы «внук Вильгельма I и его советники столь же долго и столь же серьезно заботились о сближении с Англией, как о сближении с Россией»²⁵. Так в бисмаркианской историографии веймарского периода уже в начальных моментах ее развития ставилась проблема «восточной» и «западной» ориентации внешней политики Германии.

С такой оценкой, выдвигаемой Гамманом, логически была связана и характеристика всей линии внешней политики Бисмарка как ориентации на сближение с Англией в целях ее привлечения к системе Тройственного союза. Вильгельмовские планы континентального союза против Англии, по мысли Гаммана, тем и были неудачливы, что отступали от бисмарковской политики отрыва Англии от франко-русской комбинации. Борьбу нужно было вести не против Англии, а за нее и вместе с ней, не за Россию, а против России (то, что Франция находится

²³ О. Н а м м а н п. *Op. cit.*, S. 185.

²⁴ *Ibid.*, S. 23.

²⁵ *Ibid.*, S. 173.

во враждебной группировке при всех условиях, не требовало даже прямого упоминания). Концепция Гаммана об уроках бисмарковской политики, оценивавшей столкновение с Англией как «вопрос немецкой судьбы»²⁶, интерпретация бисмарковской системы союзов как комбинации, искавшей опоры в привлечении Англии и тем самым в исключении России,— все это в такой форме являлось голой схемой, лишенной конкретно-исторического содержания, но вполне понятной в тех условиях, когда она была разработана. То было время, когда Соединенные Штаты Америки, от которых германская буржуазия после поражения ожидала помощи, вернулись к политике самоизоляции, когда Западная Европа стала ареной англо-французского соперничества, когда, наконец, на развалинах старой России укреплялась Советская Республика. Для побежденной Германии, превратившейся в объект политики Антанты, проблема внешнеполитической ориентации действительно получила актуальное значение. Вокруг этой проблемы развернулась борьба, исторические оценки были привлечены для поддержания и оправдания политической позиции; схема Гаммана о внешнеполитической ориентации «непонятого Бисмарка» и была одним из проявлений этих оценок. И сам Гамман свою историческую концепцию вставил в общий контекст международно-политических отношений, как они сложились тотчас после заключения Версальского мира. «Америка,— писал он,— задыхающаяся в богатстве, хладнокровно и без внимания к невыполненным обещаниям Вильсона поворачивается спиной к разрушенной Европе... Япония спокойно рассчитывает и выжидает...» К Советской России Гамман относился неприязненно. И если не считать Италии, где начинает проявляться «несколько более дружественное настроение», то только в Англии, указывал Гамман, у «смертельного врага», «начинает оживать положительное понимание и отвращение к продолжающемуся терзанию бывшего соперника»²⁷. В дальнейшем германской буржуазии действительно иногда удавалось получить некоторую поддержку Англии, которая в длинной серии драматических переговоров по репарационному вопросу временами была вынуждена противодействовать стремлению Франции к утверждению своей гегемонии на европейском континенте. Характеристика и оценка внешней политики Бисмарка, предложенная Гамманом, таким образом, логически сливалась с общей тенденцией внешнеполитической программы ориентации на Англию. Бисмарк остался непонятым, но это не вина вильгельмовской Германии — это ее беда, которую Веймарская Германия должна, очевидно, устранить,— таков жизненный нерв, связывающий историческую и политическую концепцию Гаммана.

Надежды Гаммана на Англию в ближайшем будущем не оправдались. В 1923 г. Франция захватила Рурскую область, и проблема оккупации германской территории сразу получила крайнюю политическую заостренность. Подобно тому как тезис об односторонней виновности Германии за войну был привлечен в качестве морального основания Версальского трактата, наиболее реакционные политические деятели Франции сочли теперь необходимым создать видимость морального оправдания этого захвата: в своих политических выступлениях Раймон Пуанкаре, обращаясь к истории, обличал «бесстыдные маневры» Бисмарка, в свое время оккупировавшего французские департаменты²⁸. На политический экскурс Пуанкаре в область истории правящие круги Германии тотчас ответили не только выступлением руководителя ее внеш-

²⁶ О. Н а м м а н. *Op. cit.*, S. 182.

²⁷ *Ibid.*, S. 198.

²⁸ Речи Пуанкаре 22 апреля и 26 августа 1923 г.

ней политики²⁹, но и разработкой новых материалов в целях освещения вопроса и реабилитации Бисмарка.

Если история франко-прусской войны 1870—1871 гг. была освещена как во французской, так и в немецкой буржуазной историографии довольно подробно, то история франко-германских отношений в первые годы после этой войны, особенно в части, касающейся вопросов выполнения Франкфуртского мира и оккупации французских департаментов, осталась у исследователей в некотором пренебрежении. В свое время, в первой половине семидесятых годов XIX в., эти вопросы, по вполне понятным причинам, еще интересовали исследователей побежденной Франции³⁰, но и они по-настоящему с тех пор к этим темам почти не возвращались³¹.

Тем более этот вопрос оставался неосвещенным в немецкой историографии; последняя заинтересовалась историей выполнения Франкфуртского договора тогда, когда Германии пришлось выполнять условия Версальского договора, и проблема оккупации во франко-германских отношениях оказалась исторически актуальной потому, что приобрела политическую актуальность. Этого не скрывают и сами немецкие исследователи, которые усматривают свою задачу в том, чтобы исторически реабилитировать политику Бисмарка по отношению к побежденной Франции и тем самым политически противодействовать мероприятиям Пуанкаре в отношении побежденной Германии. «Очень часто, особенно с французской стороны, делается попытка поставить на одну линию германскую оккупацию Франции в 1871—1873 гг. и оккупацию немецкой Рейнской области с 1918 г.», — отмечал Линнебах в книге «Германия как победитель в оккупированной Франции». «Одинаковыми были бы эти оккупации только в том случае, если бы державы, занимающие чужую территорию, связывали с этой оккупацией одинаковые политические намерения, если бы договоры, заключенные относительно оккупации, носили бы тождественный характер и если бы сама оккупация проводилась в одинаковом духе. Политическое намерение является решающим моментом для всего остального. Оно определяет характер заключаемых договоров, оно определяет тот дух, в котором оккупация проводится, а также до мелочей поведение оккупационных властей и оккупационных отрядов. Во всем этом оккупация германскими войсками французской территории в 1871—1873 гг. отличается от французской оккупации Рейнской области, как светлый день от темной ночи. Иначе и быть не может. Два столь различных дерева, как политика Бисмарка и Франкфуртский мир, с одной стороны, и политика Клемансо и Пуанкаре и Версальский договор, с другой стороны, могут приносить не иначе, как только самые различные плоды»³². Эта заключительная тирада обширного введения направляет и тему, и расположение материала, и исторические выводы, и общие политические оценки Линнебаха.

Но в данном случае важна не столько политическая оценка линии Пуанкаре, сколько историческая оценка политики Бисмарка, и если эти два вопроса поставлены рядом, то только в таком противопоставлении, в котором первый момент обратным образом влияет на второй. И следуя за общим стилем послеверсальской немецкой буржуазной историографии с ее полемическим духом, направленным против французской официальной концепции, Линнебах характеризовал внешнюю политику Бисмарка как политику мира, условия Франкфуртского договора как

²⁹ Речь Г. Штреземана 19 сентября 1923 г.

³⁰ J. Valfrey. Histoire du traité de Francfort et de la liberation du territoire francais, v. 1—2. Paris, 1874—1875; A. Sorel. Histoire diplomatique de la guerre franco-allemande, v. I—II. Paris, 1875.

³¹ В 1909 г. появилась работа Gaston May, Le traité de Francfort.

³² K. Linnebach. Deutschland als Sieger im besetzten Frankreich 1871—1873. Stuttgart — Berlin, 1924, S. 24—25.

средство установления гарантии для молодой Германской империи от возможного нападения ее западного соседа и исторического соперника, а присоединение Эльзас-Лотарингии к Германии как простое возвращение издревле немецкой территории. Таким образом, делается попытка исторически оправдать аннексионистскую политику Бисмарка и Франкфуртский мир 1871 г. и в то же время дискредитировать политику Франции и аннексионистские основы Версальского мира 1919 г.

Вот почему, освещая вопрос о ближайших результатах Франкфуртского договора, Линнебах исходит из аргумента, сформулированного английским правительством в 1923 г.: захват Рура французскими войсками является нарушением условий Версальского договора. Отсюда и исторический замысел работы. Линнебах исходит из анализа договорных условий оккупации 1871—1873 гг., рассматривает отдельные этапы этой оккупации и заканчивает специальным разделом, посвященным вопросу о размерах материальных тягостей и политического давления, которое Франции в свое время пришлось испытать. Понятно, что по каждому из этих вопросов врываються и исторические аналогии, и общие политические оценки. Чтобы подчеркнуть строго-правовой характер германской оккупации французских департаментов после Франкфуртского мира. Линнебах пишет относительно послеверсальской оккупации германской территории следующее: «Произвол, нарушение прав и насилие являются тем знаком, под которым стоит оккупация Рейнской области. Эта оккупация не гарантирует, нет, она устраняет возможность выполнения Германией Версальского договора. Она является действительным продолжением той политики, которая была создана неслыханным нарушением статей Версальского договора»³³.

Историческая аналогия служит тут целям политического противопоставления. Линнебах заходит при этом так далеко, что, стремясь доказать корректность и мирный характер оккупационной политики Бисмарка, в противоположность послеверсальской политике Франции, просто механически и тенденциозно сравнивает цифры преступлений, совершенных в свое время германскими войсками в оккупированных департаментах Франции, а затем войсками Антанты — в Рейнской области. «Эти цифры,— подводит итог Линнебах,— не говорят, нет, они кричат на весь мир, что теперешняя оккупация Рейнской области является возвращением к варварству давно прошедших столетий и что для Франции, на белых и черных солдат которой падает наибольшая часть совершенных преступлений, это является несмываемым позором. Недостижимо высоко стоит германская оккупационная армия 1871—1873 гг. над насильнической французско-бельгийской солдатчиной, которая с конца 1918 г. мучает и терзает рейнское население, а в Рурской области, до которой ей не может быть никакого дела, бессмысленно и преступно выступает против безоружных»³⁴.

Эта основная политическая и даже пропагандистская задача немецкой историографии являлась одной из составных частей общего курса немецкой буржуазии на реабилитацию прусско-германской армии, а в то же время на подрыв версальской системы и ее морально-политических основ. В этой связи не только оккупационная политика, но и общая политическая линия Бисмарка по отношению к Франции освещается так, будто бы она проводилась исключительно в мирных целях поддержания Франкфуртского договора, предотвращения французского реванша и возможности европейской войны. Под таким же углом зрения рассматривается и бисмарковская политика дипломатической изоляции Франции. Знаменательна не только попытка исторического оправдания

³³ K. Linnebach. Op. cit., S. 24.

³⁴ Ibid., S. 196 f.

политики Бисмарка в отношении Франции, не только интерпретация этой политики как исключительно лояльной в смысле выполнения Франкфуртского договора и абсолютно мирной в смысле ее конечных целей, но и выдвижение общей проблемы создания политических группировок и союзов как бисмарковского метода изоляции Франции и поддержки мирного равновесия европейских сил. В этом отношении весьма характерна историческая работа Герцфельда о франко-германских отношениях в первые годы после заключения Франкфуртского мира ³⁵, которая также является попыткой исторической реабилитации политики Бисмарка. В частности, Герцфельд касается и вопроса об отношении Бисмарка к превентивной войне против Франции.

История вопроса о превентивной войне — так называемой военной тревоге 1875 г. — имеет своеобразную судьбу: не только общие оценки и характеристики, различно акцентированные, но и документальные материалы обычно выдвигаются конкретными и реальными задачами, так или иначе связанными с политической злобой дня. Речь идет о дипломатическом эпизоде 1875 г., когда Бисмарк и в особенности прусский генеральный штаб сделали попытку развязать новую войну против Франции, — попытку, которая была приостановлена в результате дипломатического нажима России и Англии в Берлине.

Конфигурация держав в мировой войне 1914—1918 гг., когда Германия и ее союзники столкнулись с державами Антанты (Россия, Франция и Англия), снова вызвала свой прообраз из тени прошлого и заставила буржуазную историографию оживить эту тень. Забытый кризис франко-германских отношений 1875 г. снова стал предметом всестороннего или, правильней сказать, двустороннего освещения, ибо как раз в этом и сказывалась дань времени. Какова была общая политическая тенденция, нетрудно понять, если вспомнить, что в своих мемуарах Бисмарк придавал этому кризису чисто личный характер: несколько страниц, пропитанных злобой и досадой, рисуют «тщеславного, суетного, лживого» руководителя русской политики князя Горчакова, желавшего прослыть «ангелом мира», вместе с французским послом в Берлине Гонтон-Бироном в роли основных авторов всех тех дипломатических интриг, которые привели к ненужному и раздутому инциденту 1875 г. ³⁶ Как инцидент, дальнейшее дипломатическое эхо давно утихших франко-германских сражений, эхо, имеющее некоторый исторический интерес, но не имевшее значительных политических последствий, — так оценивал «военную тревогу 1875 г.» и немецкий историк Плен, работа которого, опубликованная в 1920 г., была написана еще в условиях доверсальских настроений ³⁷.

Но война заострила не только перья, хочется сказать — копья, исследователей, но и память. В разгар мировой войны английская историография, касаясь вопроса о происхождении этой войны, утверждала, что внешняя политика Германской империи, начиная с бисмарковских времен, была воистину угрожающей делу европейского мира ³⁸. Это заявление было, конечно, аналогией не только исторической, но и политической. Но, быть может, никто так хорошо не вскрыл роль историко-политической аналогии, конструирующей внутреннюю зависимость между определенными политическими и общими историческими оценками, как

³⁵ H. Herzfeld. Deutschland und das geschlagene Frankreich 1871—1873. Berlin, 1924.

³⁶ O. Bismarck. Gedanken und Erinnerungen, Bd. II. Stuttgart — Berlin, 1922, S. 198—205, 266—268.

³⁷ H. Plehn. Bismarcks auswärtige Politik nach der Reichsgründung. München — Berlin, 1920, S. 55.

³⁸ H. Rose. The Origins of the War. Cambridge, 1914.

Раймон Пуанкаре. «Действительно,— писал он,— уже в то время обозначились первые штрихи той политики, в результате которой создалось Тройственное соглашение, и когда мы слышим сетования Германии на то, что Англия, Россия и Франция заранее согласились, чтобы создать окружение Германии, мы должны вспомнить, что причиной этого были угрозы со стороны Бисмарка, которые... побудили эти три державы объединиться в целях поддержания мира»³⁹. Так в исторической оценке столкнулись политические мотивы и противоречия, сложившиеся в западных капиталистических странах в условиях послеверсальской действительности.

В политических условиях, созданных Версальским договором, германская буржуазная историография, неизбежно подчеркивая якобы исконное миролюбие Германской империи, стала характеризовать политику Бисмарка как мощную политику мира и рассматривать кризис 1875 г. как одно из звеньев в общей цепи «окружения Германии»⁴⁰. В англо-русской дипломатической интервенции в защиту Франции (лето 1875 г.) стал усматриваться зародыш будущей мировой схватки или, во всяком случае, завязки франко-англо-русского сближения, направленного к изоляции держав Центральной Европы⁴¹. Франко-германский кризис 1875 г., вызвавший временное смягчение англо-русских противоречий, получил в глазах германской буржуазной историографии уже то значение, что, являясь прообразом впоследствии реализованного «кошмара коалиций», как бы может оправдать внешнюю политику Бисмарка и подчеркнуть ее исключительную дальновидность.

Может показаться странным, что в германской буржуазной историографии шла ожесточенная дискуссия по такому сравнительно детальному вопросу, всплывшему в связи с изучением пресловутой «военной тревоги», как миссия Лотара Бухера в Лондон. Предвоенная историография и даже Плен об этом эпизоде не упоминают, и только мемуары Эккардштейна, бывшего советника германского посольства в Лондоне, заключали в себе документ, относящийся к 14 апреля 1898 г., на основании которого была выдвинута версия о том, что еще в самом конце 1875 г. Бисмарк отправил Лотара Бухера в Лондон со специальной секретной миссией искать пути к заключению англо-германского союза⁴². Анализируя политическую и дипломатическую ситуацию середины семидесятых годов, мы выражали сомнение относительно того, чтобы эта миссия имела задачу заключить союз между Англией и Германией в целях интенсивной колониальной политики обеих стран. «Скорее,— писали мы,— тут могло быть очередное дипломатическое зондирование возможности некоторого сближения с Англией,— политика, необходимость которой Бисмарк программно формулировал еще накануне Лондонской конференции 1871 г. и которая пока не удавалась отнюдь не по его вине»⁴³.

Этот эпизод, вообще говоря довольно вероятный, приходится рассматривать в общем контексте сложившихся в тот момент международно-политических отношений, в частности англо-русских отношений, как очередной маневр: сближением с одной из сторон — в данном случае с Англией — приобретать сближение с другой стороной — с Россией. И если оценка миссии Бухера в Лондон,— факта, который к тому же под-

³⁹ Р. Пуанкаре. Происхождение мировой войны. Перев. с франц. А. Ф. Сперанского с предисловием И. Н. Бороздина. М., 1924, стр. 59.

⁴⁰ O. Becker. Bismarck und die Einkreisung Deutschlands. Erster Teil. Bismarcks Bündnispolitik. Berlin, 1923, S. 10.

⁴¹ H. Herzfeld. Die deutsch-französische Kriegsgefahr von 1875. Forschungen und Darstellungen aus dem Reichsarchiv. Berlin, 1922, S. 2.

⁴² H. v. Eckardstein. Lebenserinnerungen und politische Denkwürdigkeiten, Bd I, S. 296 ff; Bd II, S. 120 f. Leipzig, 1919—1920.

⁴³ А. С. Ерусалимский. Военная тревога 1875 года.— «Ученые записки Института истории», т. I. М., 1928, стр. 183.

вергается сомнениям,— все же оказалась предметом ожесточенной дискуссии в германской историографии, то только потому, что с ней обычно связываются проблемы более значительного масштаба и имеющие для бисмаркианства общее значение. Швейцарский историк Нэф обозначил эти проблемы в самом тематическом дроблении своей работы⁴⁴: 1) Бисмарк и Франция; 2) построение бисмарковской системы союзов; 3) колониальная политика и отношение к Англии; 4) кризис и крушение бисмарковской системы союзов. В самом деле, поскольку, с точки зрения бисмаркианской историографии, весной 1875 г. в германской политике изоляции Франции открылась брешь, поскольку дипломатическая интервенция России, с одной стороны, и Англии, с другой, может рассматриваться как угрожающий прообраз расстановки сил в Европе накануне мировой войны 1914—1918 гг.,— рассмотрение и оценка миссии Бухера стала приобретать особое значение, упираясь в вопрос о бисмарковской системе политических союзов. По существу же этот вопрос всплыл в германской буржуазной историографии веймарского периода как составная часть общего вопроса об ориентации внешней политики Бисмарка.

Важно отметить, что самое понятие «ориентация», утвердившееся в политике Веймарской Германии после заключения Рапалльского договора с Советским Союзом во всем своем специфическом значении, приобрело в буржуазной историографии полную гражданственность. Но еще важнее отметить, что именно с этого времени в германской историографии развернулась дискуссия вокруг вопроса о внешнеполитической ориентации Бисмарка: была ли эта ориентация односторонне «западная», т. е. «английская», или «восточная»? Возникнув в определенных условиях, когда среди господствующих классов и среди политических партий Веймарской Германии стали проявляться различные тенденции, интересы и просто дипломатические маневры в области международных отношений, историческая проблема «восточной» и «западной» ориентации превратилась в одну из центральных политических проблем бисмаркианской историографии. Не удивительно, что сообщение Эккардштейна о ранней попытке Бисмарка заключить союз с Англией сделалось в соответствующем контексте полем для борьбы различных исторических концепций. Голая схема Гаммана относительно «английской» ориентации политики Бисмарка стала подкрепляться документальным материалом. Наиболее подробное и исторически разработанное обоснование тезиса об этой «западной» ориентации Бисмарка дал Феликс Рахфаль; он утверждал, что уже в 1875 г. германский канцлер «был готов... выбросить за борт старую дружбу с Россией и заключить союз с Англией,— союз, направленный, естественно, против России и возможной франко-русской комбинации»⁴⁵. Это не простое упоминание мелкого, эпизодического факта, а одна из многозначительных характеристик общего направления внешней политики Бисмарка. Решительный поворот Бисмарка в сторону Англии Рахфаль наделяет эпитетом «гениальности» и «непревзойденности в величии», и этим, по существу, определяется идейно-политическое содержание громоздкой и скучной книги немецкого историка. Преобладающее место Англии в германской системе союзов, созданной Бисмарком,— эта проблема представляется Рахфалю столь значительной и актуальной, что он счел нужным посвятить ей специальную работу, в которой следующим образом формулирует свои основные выводы: «С тех пор, как он (т. е. Бисмарк.— А. Е.) в случае новой франко-германской войны не мог определенно рассчитывать на большее, нежели благожелательный нейтралитет России, с тех пор как он увидел возра-

⁴⁴ W. N ä f. Bismarcks Aussenpolitik 1871—1890. St. Gallen, 1925.

⁴⁵ F. R a c h f a h l. Deutschland und die Weltpolitik 1871—1914, Bd. I. Die Bismarcksche Aera. Stuttgart, 1923, S. 84.

стающую для русско-германских отношений опасность восточного кризиса, начиная с первого его проявления и обратного действия на австро-русские отношения на Балканах, и понял увеличивающуюся необходимость выбора между обоими восточными соседями, англо-германский оборонительный союз, направленный против России и прежде всего против Франции, ему представился как идеальнейшее и наиболее радикальное средство, гарантирующее безопасность Германии, а также результаты побед 1870—1871 гг.»⁴⁶

Но, как отмечает Рахфаль, историческая проблема англо-германского союза выдвигается им потому, что является актуальной в политическом смысле: «Современность черпает отсюда указания для будущего»⁴⁷, — утверждает он. В тот момент, когда складывалась историческая концепция Рахфалья, эта «современность» сводилась к попытке правящих кругов Германии искать сближения с Англией с целью противодействия Франции, которая в те годы выступала против малейших попыток ревизии Версальского договора и, более того, стремилась использовать сложившиеся обстоятельства для укрепления и продвижения своего экономического, политического и военного влияния в Европе. Но, с другой стороны, правящие круги Германии в поисках выхода из состояния международной изоляции были вынуждены сделать решительный шаг, заключив в 1922 г. Рапалльский договор с Советской Россией. Новый курс, наметившийся в германской политике, получил поддержку со стороны самых широких кругов Веймарской Германии. Немецкая пресса тогда же определила его как начало «восточной» ориентации. Отто Гётч, историк, публицист и депутат рейхстага, а также другие сторонники рапалльской политики немало потрудились, чтобы в области историографии и публицистики придать этой ориентации бисмаркианскую санкцию. Они доказывали, что ориентация германской политики в сторону укрепления экономических и политических взаимоотношений с Россией и соответственно с Советской Россией является возрождением старых традиций бисмарковской политики в новых условиях.

Но Рахфаль, видимо, стоял в оппозиции к этим новым, обращенным на Восток, тенденциям германской политики. Его политические надежды были явно направлены на Запад, в сторону Англии, и также подкреплялись, по его выражению, «историческим опытом». Правда, этот опыт страдал большой дозой волюнтаризма, но и в нем проявилась генетическая связь между политической и исторической концепцией Рахфалья: восстановление «спокойствия и мира в истерзанной Европе», по его мнению, возможно «только на основе свободы и права для всех ее наций» он имел в виду восстановление международных позиций и политической роли империалистической Германии. «И как бы ни было печально и ужасно то, что принесли с собой последние годы,— заключал Рахфаль,— теперь разрешена проблема, составлявшая главную заботу Бисмарка и конечный источник всех тех затруднений, которые стесняли его и принуждали к непрерывной, лихорадочной деятельности, а именно: восточный вопрос в его старой форме, заставлявший Бисмарка заступаться за аморфное и расшатанное в своих основах государственное образование, предъявляющее, однако, претензии великой державы (т. е. за Австро-Венгрию.— А. Е.), против колбаса, который, подобно Молоху, протягивал свои руки и на Юг, и на Восток, и даже на Запад (т. е. против России.— А. Е.)»⁴⁸. Но подобно тому как эта концепция в историческом смысле противоречила фактам, односторонность англофильской политической ориентации стояла в противоречии с политикой баланси-

⁴⁶ F. Ra ch f a h l. *Bismarcks englische Bündnispolitik*. Freiburg, 1922, S. 22 i

⁴⁷ Ibid., S. 26.

⁴⁸ Ibid., S. 26—27.

рования между Востоком и Западом, столь характерной для общего политического курса Германии веймарского периода.

Не удивительно, что концепция Рахфала подвергалась резкой критике. Особенно настойчив в этой критике был Отто Беккер, который направил острие своей полемики против утверждений о том, что Бисмарк уже с семидесятых годов считал игру с Россией проигранной и искал возможности реализовать свое одностороннее, направленное против России, сближение с Англией. Беккер вообще считал невозможным говорить о какой-либо односторонней ориентации бисмарковской политики, будь то ориентация на Восток или на Запад⁴⁹, и изображал эту политику как закономерно развивающуюся цепь виртуозных маневров, мастерского балансирования между Россией и Англией. «Такой союз, какой хотела Англия,— писал Беккер,— должен был сделать Германию зависимой от Англии так же, как союз, какого хотела Россия, поставил бы Германию в зависимость от России. Подобную зависимость Бисмарк пытался предотвратить до тех пор, пока это было возможно. Для этой цели служило ему сочетание союза с Австрией и Италией, договора о перестраховке с Россией и дружбы с Англией. На тот случай, если бы Россия, ее народ, так же как и правительство, превратились в смертельных врагов Германии и в союзников французской мести, он предпочитал лучше связать себя с Англией, и, если бы это оказалось неизбежным, предпринять войну на стороне Англии, нежели допустить полное окружение Германии». «Ибо,— заключает Беккер,— войну не предотвращают только тем, что ее не хотят, и даже для пацифиста должно быть более приемлемо вести войну четвером против троих, чем вдвоем против троих или четверых»⁵⁰.

Такова основная историко-политическая тенденция построений Беккера. В этом отношении характерно то ограниченное содержание, которое вкладывается им при анализе бисмарковской политики балансирования в понятия «Восток» и «Запад»: под первым понимается Россия, под вторым — Англия; Австро-Венгрия как величина положительная и Франция как величина отрицательная заранее выводятся за скобки в бисмарковской системе союзов. Союз Германии с Австро-Венгрией рассматривается как явление органически неизбежное, однако не направленное против России. Беккер даже склонен утверждать, что бисмарковская Германия поддерживала равновесие в отношениях между Австро-Венгрией и Россией — явный след влияния мемуаров «железного канцлера». Основное внимание Беккера переместилось от австро-русско-германского треугольника к англо-русско-германским отношениям, в фокус которых была поставлена Франция. И если заострить основную точку зрения Беккера, несколько отвлекаясь от многообразия приведенного в работах конкретного материала, ее можно было бы выразить следующим образом: Бисмарку была чужда политика односторонней ориентации, и если в самых крайних случаях он все же был готов идти на союз с Англией, то только на такой союз, который был бы направлен не против России, но исключительно против Франции. Таким образом, принципиальная грань в основных точках зрения, которую пытался установить Беккер, полемизируя с Рахфалем, в конечном счете может быть преодолена. В обеих исторических концепциях делается попытка конструировать некую руководящую идею всей внешнеполитической практики Бисмарка. Рахфаль считает, что основной идеей первого канцлера было стремление к сближению и даже к союзу с Англией. Беккер видит ее в политике балансирования между Востоком и Западом. Отличие со-

⁴⁹ O. Becker. Bismarck und die Einkreisung Deutschlands. Zweiter Teil. Das französisch-russische Bündnis. Berlin, 1925, S. 264.

⁵⁰ O. Becker. Bismarck und die Einkreisung Deutschlands. Erster Teil. Bismarcks Bündnispolitik. Berlin, 1923, S. 149.

стоит в том, что первый усматривал в бисмарковских попытках установить союзные отношения с Англией реализацию этой идеи, а второй — отклонение от нее, навязанное объективным ходом вещей. Однако это различие исторических концепций таило в себе более глубокое различие в понимании общих целей и методов германской политики.

Дело в том, что контрверза об односторонней ориентации и политике балансирования осложнилась другой, не менее актуальной историко-политической проблемой: куда были направлены попытки сближения с Англией — против России или против Франции? Нужды нет, что употребляемые понятия «Восток» и «Запад» в таких условиях вовсе не покрывали предполагаемого реального содержания, — все это было результатом влияния той терминологии, которая укоренилась в дипломатии, в буржуазной прессе и политической публицистике веймарского периода.

В этой связи следует отметить еще один немаловажный факт, характеризующий политические основы определенных исторических концепций. После того как германское правительство приняло участие в создании Локарнского договора, который втягивал Веймарскую Германию в антисоветскую комбинацию главных капиталистических держав Западной Европы, оно сочло целесообразным подписать с Советским Союзом договор о нейтралитете в качестве противовеса Локарнскому пакту. С трибуны рейхстага, а затем в публицистике и на страницах буржуазной прессы советско-германский договор был расценен как воспроизведение в новых условиях «договора о перестраховке», заключенного бисмарковской Германией с Россией в 1887 г. Так бисмаркианская историческая традиция была призвана подкрепить внешнеполитический акт германского правительства веймарских времен. И подобно тому как германское правительство осуществляло зигзаги и маневры в области внешней политики и дипломатии, германская историография, в частности бисмаркианская, то развивала, то сужала рамки своих исторических построений в различных направлениях. Беккер, который в этом смысле не менее характерен, чем Рахфаль, исходил из представления, что политическая система Бисмарка потерпела крушение только в 1918 г.; возведенная на исторический пьедестал, она была низвергнута лишь в результате «нового курса». В виртуозной политике союзов, в маневрах на сближение, — в этом Беккер усматривал основной элемент бисмарковских успехов, элемент, отсутствовавший, по его мнению, у деятелей вильгельмовской эры. В частности, Беккер особенно обвинял руководителей «нового курса» в недооценке значения русско-германских отношений. Эти исторические оценки находились в полном соответствии с общим пониманием актуальных задач германской политики: острое должно быть направлено исключительно против Франции. Следует оставить в стороне вопрос о том, насколько разработка этих проблем, в «форме психологически развивающегося повествования»⁵¹, выдерживает критику с методологической точки зрения. В данном случае интересна другая сторона дела. Центр тяжести концепции Беккера лежит не только в том абсолютном значении, какое придавалось германской политике балансирования между Востоком и Западом, т. е. между Россией и Англией, но и в том, что подчеркивалось антифранцузское заострение политической системы, построенной на этом балансировании. Политика по возможности одновременного сближения с «Востоком» и «Западом», а в крайнем случае политика сближения только с Англией, но направленная не против «Востока», а против Франции, — эта характеристика бисмарковской системы, взятая в ее абсолютном, надисторическом выражении, превратилась в политический рецепт.

⁵¹ O. Becker. Bismarck und die Einkreisung Deutschlands. Zweiter Teil. Das französisch-russische Bündnis, S. XII.

Система «двойной перестраховки» — заключение русско-германского «договора с двойным дном», а с другой стороны, создание Средиземноморской Антанты с участием Англии, без прямого участия Германии, но в условиях существования Тройственного союза — в германской историографии обычно признается вершиной политического творчества «железного канцлера». В соответствии со своей общей тенденцией — представить политику Бисмарка изначально направленной на союз с Англией против России — Рахфаль, ссылаясь на роль германской политики в образовании Средиземноморской Антанты, указывает на внутреннюю бессодержательность русско-германского договора «с двойным дном»⁵², а в последнем предложении Бисмарка — заключить англо-германский союз (11 января 1889 г.) — усматривает вполне закономерную, исторически и политически оправданную попытку самого Бисмарка отказаться от собственного дипломатического детища — русско-германского перестраховочного договора⁵³. К этой же оценке основной линии внешней политики Бисмарка примыкал и Борнхак: договор с Россией он считал несовместимым с бисмарковской попыткой заключить англо-германский союз, «ибо, — аргументировал он, — ценность этого договора именно и заключалась для Германии в невозможности франко-русского союза, а для России в невозможности англо-германского союза»⁵⁴. Фактически к этому же строю взглядов примыкала и работа Таубе⁵⁵ и, в несколько более осторожной форме, работа Рааба. «Если рассматривать его с точки зрения длительности, — пишет Рааб, — перестраховочный договор является лишь вспомогательным построением, но ни в коем случае не союзом или чем-либо подобным, имеющим в каком-нибудь смысле значение для будущего»⁵⁶. Вместе с тем в концепции Рааба были некоторые положения, которые отрывали ее от концепции Рахфаля и сближали с противоположной точкой зрения Беккера: мы имеем в виду оценку предложения, сделанного Бисмарком лорду Солсбери в ноябре 1887 г. о заключении англо-германского союза, направленного против Франции. Россия в этой связи не упоминается, и вопрос об «антивосточной» тенденции в политике Бисмарка был взят, следовательно, под сомнение. Тем самым подтверждалась обычная версия немецкой буржуазной историографии веймарских времен о балансировании внешней политики Бисмарка между Востоком и Западом. Бисмарковская система «двойной перестраховки» рассматривалась, с одной стороны, как метод изоляции Франции⁵⁷, а с другой, как метод смягчения англо-русских противоречий, в особенности в вопросе о проливах⁵⁸. Эти оценки отнюдь не отвечают фактическому положению вещей, общим целям и методам внешней политики Германской империи в последние годы канцлерства Бисмарка, но это несоответствие только резче подчеркивает основной политический смысл данной исторической концепции: задача заключалась в том, чтобы представить бисмарковскую политику балансирования между Востоком и Западом, т. е. между Россией и Англией, как некую генераль-

⁵² F. R a c h f a h l. Der Rückversicherungsvertrag, der «Balkandreibund» und das englische Bündnisangebot Bismarcks an England vom Jahre 1887. — «Weltwirtschaftliches Archiv», Bd. 16, H. 1, S. 63.

⁵³ F. R a c h f a h l. Deutschland und die Weltpolitik 1871—1914, Bd. I. Stuttgart, 1923. S. 796.

⁵⁴ C. B o r n h a k. Im neuen Reiche. Deutsche Geschichte von 1871 bis 1890 auf Grund der Akten... Berlin, 1924, S. 185.

⁵⁵ A. v. T a u b e. Fürst Bismarck zwischen England und Russland. Stuttgart, 1923.

⁵⁶ G. R a a b. Der deutsch-russische Rückversicherungsvertrag in dem System der Bismarckschen Politik vornehmlich des Jahres 1887. Wezlar, 1923, S. 92.

⁵⁷ H. T r ü t s c h l e r v. F a l k e n s t e i n. Bismarck und die Kriegsgefahr des Jahres 1887. Berlin, 1924.

⁵⁸ R. H. F r a n k e n b e r g. Die Nichterneuerung des deutsch-russischen Rückversicherungsvertrages. Berlin, 1927.

ную линию, гарантирующую мощь Германской империи и усиление ее международных позиций в Европе.

Эта дискуссия имеет гораздо более широкий интерес, нежели только историографический. Исторические и политические концепции Рахфала и Беккера являются теми полярными точками, к которым примыкают остальные построения буржуазной историографии веймарских времен. Но как бы ни были различны эти построения в смысле интерпретации бисмарковской системы союзов, все они объединены одной общей идеей — представить бисмарковскую политику абсолютно ценной и тем самым общезначимой. Недаром одни обвиняли политику «нового курса» в том, что невозобновлением русско-германского договора она отказалась от одновременной ориентации на Восток и на Запад, а другие подвергли ее критике за то, что она не продолжала бисмарковской линии на заключение союза с Англией против России. Вопрос, следовательно, заключался не только в исторической реабилитации, но и в политическом утверждении так или иначе понимаемого общего курса и отдельных zig-zагов бисмарковской дипломатии.

Этой цели обычно служат попытки интерпретировать систему бисмарковской политики, выдвигая то одни, то другие ее составные части и элементы на различных этапах истории Германской империи. В этой связи интересно сопоставить историко-политическую тенденцию Рахфала, ссылавшегося на самые ранние выступления Бисмарка в пользу союза с Англией, с противоположной тенденцией Гольборна, предпринявшего специальное исследование для доказательства следующего тезиса: «Мысль о „двойной перестраховке“, которую Бисмарк реализовал в 1887 г. в очень изменившихся обстоятельствах и в совершенно иной форме, была у него в зародыше еще в начале семидесятых годов. Из этого не следует делать вывода, что он уже в те годы сомневался в России, он хотел этим лишь увеличить для Германии свободу движения»⁵⁹. Политика «свободы движения» провозглашается, таким образом, общим принципом всей бисмарковской системы в области внешней политики. Тем самым этот принцип трактовали как основное положение политического «завещания Бисмарка». Ясно, что историческая оценка этого завещания связана с политическими устремлениями внешней политики Германии в послеверсальский период. Все это достаточно ясно Гольборн формулирует в другом месте. Сравнивая положение Германии после мировой войны 1914—1918 гг. и Версальского договора с тем, какое сложилось во время Берлинского конгресса 1878 г., представитель гайдельбергской исторической школы утверждал, что бисмаркианская традиция еще многое может сказать и политическому деятелю Веймарской Германии: «Мы ни в коей мере не должны сомневаться в том, — писал Гольборн в 1928 г. по случаю 50-летия Берлинского конгресса, — что, так же как в бисмарковскую эпоху, еще долгое время западная проблема будет стоять для Германии на переднем плане. Но именно напор западных держав заставляет нас... не допускать того, чтобы мы были использованы против России. С другой стороны, мы научены опытом, что Советское государство, так же как и царизм, стоит перед опасностью компрометации внешнеполитического разума внутреннеполитическими соображениями и маневрами. Не только наша западная, но и восточная политика еще недостаточно сильна, чтобы защитить наше промежуточное положение от всякого нажима и обеспечить нам осуществление той европейской миссии, к которой мы призваны самой природой и историей. Это будет только тогда, когда нам удастся использо-

⁵⁹ H. Holborn. Bismarcks europäische Politik zu Beginn der siebziger Jahre und die Mission Radowitz... Berlin, 1925, S. 31.

вать для европейского равновесия в новой федерации юго-восток и средний восток Европы. Политика, которая признает эту задачу и примет ее во внимание, могла бы поставить себе в заслугу то, что она является многообещающим продолжением и развитием традиции политического искусства Бисмарка»⁶⁰.

Если принять во внимание, что, говоря о компрометации внешней политики Советского Союза внутреннеполитическими маневрами, Гольборн, как он признался в беседе с автором этих строк при встрече в Гайдельберге в 1928 г., имел в виду шахтинский процесс, то можно со всей определенностью сказать, что связь между историческим построением и политическим выступлением тут достигла большой выразительности. Обращение к бисмарковской традиции Гольборн открыто трактовал как политическую проблему. Но в данном случае мы имеем перед собой и нечто новое: Гольборн утверждал не только бисмарковскую политику балансирования между Востоком и Западом, но и необходимость искать опору на «юго-востоке и среднем востоке Европы». Он имел в виду, конечно, Польшу, а также балканские государства, где, начиная с середины двадцатых годов, Германия снова стала стремиться к усилению своих позиций, ослабленных в результате поражения в 1918 г. В этом отношении любопытна тенденция трактовать успехи бисмарковской политики, например в Турции, в том смысле, что политическое влияние осуществлялось там независимо от экономической заинтересованности⁶¹.

Общая тенденция доказать примат политического влияния еще более отчетливо выступала в дискуссии, которая развернулась в германской историографии по вопросу о времени первоначального вступления бисмарковской Германии на путь колониальных захватов. По существу, дело сводилось к вопросу о том, следует ли считать, что интерес Бисмарка к колониальной политике пробудился в середине 70-х годов или в середине 80-х годов. Но за этой академической дискуссией о хронологии нетрудно рассмотреть основные политические линии, намечающиеся в Веймарской Германии в связи с тем, что среди некоторых кругов господствующих классов снова пробудились аппетиты к колониальной политике. Вопрос был поставлен так: следует ли приступить к колониальной политике лишь тогда, когда появятся для этого реальные экономические предпосылки, или следует признать эту политику имеющей самостоятельное значение, вне зависимости от экономической заинтересованности, но принимая во внимание утверждение позиций Германии в общей системе международных отношений капиталистических стран. Такая постановка вопроса самым непосредственным образом отразилась и в определении хронологических сроков начала колониальной политики Бисмарка: в семидесятые годы Германия, конечно, не имела никаких экономических предпосылок для развертывания активной политики колониальных захватов. А какое значение имеет вопрос о том, вступил ли Бисмарк на путь колониальной политики тогда, когда господствующие классы Германии были в этом экономически заинтересованы, или тогда, когда этих интересов у них еще не было, нетрудно понять, если вспомнить, какое место в обосновании политических устремлений правящих кругов Веймарской Германии имела апелляция к бисмаркианской традиции.

Имеется еще одна важная черта, в одинаковой степени присущая исторической характеристике колониальной деятельности Бисмарка и политической публицистике Веймарской Германии: в обоих случаях вы-

⁶⁰ Н. Holborn. Deutschland und Europa heute wie vor 50 Jahren. Zur Erinnerung an den Berliner Kongress vom 1878 — «Vossische Zeitung», 13 июня 1928 г.

⁶¹ Н. Holborn. Deutschland und die Türkei 1878—1890. Berlin, 1926.

двигался тезис о неимпериалистическом характере германской колониальной политики⁶². А это подняло вопрос, имеющий кардинальное историко-политическое значение,— вопрос о том, была ли бисмарковская политика «мировой» (Weltpolitik) или центр ее тяжести лежал в континентальной системе союзов. Значение этого вопроса неизмеримо возросло, поскольку он неизбежно связывался с другим: что предопределило исход войны и поражение Германии в 1918 г.? Усиление бисмаркианства в буржуазной историографии и публицистике веймарского периода в известной степени было связано с той большой дискуссией, которая после Версальского договора развернулась в Германии по вопросу о виновниках ее поражения. Наряду с антиреволюционной концепцией «удара ножом в спину», призванной оправдать германский милитаризм и восстановить миф о его непобедимости, обнаружились две тенденции, в одинаковой степени политические и апологетические: первая из них усматривала корень зла в переходе от континентальной политики Бисмарка к «новому курсу» и «мировой политике» Вильгельма II, вторая — в том, что эта последняя слишком полагалась на дипломатические средства и недооценила роль вооружений, сухопутных и в особенности морских, которые единственно могли обеспечить достижение общей цели. Обе тенденции, даже при условии падения престижа политики, персонифицированной в фигуре последнего кайзера, отражали политические стремления буржуазии и военных кругов к тому, чтобы восстановить престиж вооруженных сил — кадровой армии и военноморского флота — с целью возрождения в сложившихся условиях системы милитаризма. Вот почему политическая проблема военных союзов, дипломатических соглашений и балансирования между Востоком и Западом так нуждалась в исторической санкции, а бисмаркианская историография, откликаясь на зов времени, охотно предоставляла в этом смысле широкие возможности.

Итак, перед лицом выставленного Антантой тезиса, имеющего актуальное политическое значение, об односторонней виновности Германии в возникновении войны, немецкая буржуазная историография выступила единой, сплоченной линией, доказывая обратное и, в частности, абсолютно мирный характер политической системы, созданной Бисмарком. Но вместе с тем был выдвинут вопрос об ответственности за исход войны, разрешение которого не могло не иметь большого внутреннеполитического значения. Сопоставление исторической литературы, посвященной эпохе Бисмарка и эпохе Вильгельма, могло бы показать, что и тут исторические оценки определяются политическими суждениями. Но какова бы ни была оценка политики Германии вильгельмовских времен, характеристика бисмарковской политики как абсолютно положительной являлась для всей немецкой буржуазной историографии исходным и основным моментом. Поскольку это так, бисмарковская традиция получила значение, выходящее за пределы определенного хронологического периода,— апелляция к истории стала оборотной стороной политической концепции. Именно тут и заложены предпосылки актуализации той или иной исторической проблемы, касающейся внешней политики Бисмарка. Однако эти предпосылки неизбежно должны были разорвать единую цепь бисмаркианской историографии, поскольку между отдельными группами господствующих классов в Веймарской Германии усиливалась борьба вокруг проблемы внешнеполитической ориентации. Договор с Советской Россией, подписанный в Рапалло, утверждение американского репарационного плана Дауэса, заключение Германи-

⁶² M. v. Hagen. Bismarcks Kolonialpolitik. Stuttgart — Gotha, 1923; H. Zache. Weltwirtschaft und Kolonialpolitik. Berlin, 1928.

ей в Локарно договора с главными капиталистическими державами Западной Европы, подписание с Советским Союзом договора о нейтралитете, вступление Германии в Лигу наций, являвшуюся в то время инструментом английской и французской дипломатии, подписание взаимовыгодного торгового договора с Советским Союзом — эти и другие факты международной жизни свидетельствовали о том, что значение проблемы внешнеполитической ориентации Германии все более возрастает. Борьба отдельных политических группировок вокруг этой проблемы не прекращалась, в особенности, когда в центре дискуссии и борьбы вставал вопрос о пределах дипломатического балансирования между Востоком и Западом и вообще о целях германского империализма, политических и стратегических. В таких условиях проблемы, поставленные буржуазной историографией, заняли важное политическое место, и дискуссия по поводу этих исторических проблем стала выражением борьбы среди правящих кругов за ту или иную внешнеполитическую линию Германии.

Влияние внутреннеполитических факторов на историческую оценку вопросов внешней политики отчетливо раскрылось и в той пертурбации взглядов, которая происходила в кругах германской социал-демократии: один из ее идеологов не постеснялся заявить, что автор исключительного закона против социалистов действовал в области внешней политики «как революционер»⁶³. Такая оценка оказывается еще более знаменательной для понимания общей политической линии германской социал-демократии, если сопоставить ее с тенденцией, идущей из другого политического лагеря: Ф. Штieve, один из представителей дипломатического ведомства Веймарской Германии, он же официальный историк внешней политики Германии кайзеровских времен, усмотрел глубокую трагедию «железного канцлера» в том, что последний не понял «молодой силы» — «идеи социал-демократии»⁶⁴. Рассуждения о «непонятом Бисмарке» и о «непонятой социал-демократии» имели, следовательно, под собой реальную основу в тех попытках консолидации политических сил от «германской народной партии» — партии монополистического капитала — до правой социал-демократии, которые, оформляясь в правительстве «большой коалиции», являлись столь характерной чертой Веймарской Германии, — республики, во главе которой стояли антиреспубликанцы... Вот почему исторический культ «железного канцлера» получил во времена Веймарской республики такое широкое распространение не только в лагере крупной буржуазии и юнкерства, но и среди мелкобуржуазных кругов и даже, к сожалению, в некоторых слоях рабочего класса. Избегая касаться вопросов внутренней политики Бисмарка, в особенности его драконовских законов против социал-демократии, ставшей одной из опор господства буржуазии в Веймарской республике, бисмаркианская историография свои главные цели направила на обоснование актуальных проблем внешней политики Германии, в частности и в особенности проблем «восточной» и «западной» ориентации. И если один из лидеров немецкой буржуазной историографии писал: «Будем честны и признаем, что история переходит тут в политику, и тем больше должна переходить, чем ближе затрагивает нас исследуемый объект»⁶⁵, — то прибавить к этому, пожалуй, ничего не приходится.

1929 г.

⁶³ H. Wendel. Bismarck und Serbien im Jahre 1866. Stollberg, 1927.

⁶⁴ F. Stieve. Deutschland und Europa 1890—1914. Berlin, 1928, S. 14.

⁶⁵ F. Meinecke. Geschichte des deutsch-englischen Bündnisproblem 1890—1901. München — Berlin, 1927, S. 8.

ГЕРМАНСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ ОТ ЛОКАРНО ДО ЖЕНЕВЫ

В Локарно, одном из курортов Швейцарии, 16 октября 1925 г. представители четырех западноевропейских держав — Англии, Франции, Италии и Германии — парафировали разработанный ими пакт, гарантирующий неприкосновенность установленных в Версале границ между Францией и Бельгией, с одной стороны, и Германией — с другой. Попытки Франции и Польши добиться таких же гарантий границ между Германией и Польшей не увенчались успехом. 27 ноября 1925 г. германский рейхстаг большинством 291 голоса против 174 при трех воздержавшихся утвердил текст соглашения, парафированного в Локарно. 1 декабря Локарнские соглашения были подписаны в Лондоне, и буржуазная пресса в странах Западной Европы и в США возвестила миру, что отныне «дух Локарно» восторжествовал. Английская дипломатия не скрывала, что гарантийный пакт между державами-победительницами, с одной стороны, и Германией, с другой, — это прежде всего ее победа в борьбе за утверждение влияния Великобритании в системе западноевропейских государств, сколачиваемой в целях международной изоляции Советского Союза. И действительно в секретном меморандуме, представленном на рассмотрение британского правительства (вскоре он был опубликован), Остин Чемберлен — руководитель Форейн оффиса, формулировал в качестве ближайшей задачи английской политики создание такой системы взаимных гарантий капиталистических держав Западной Европы, которая могла бы послужить основой военного блока под эгидой Лиги наций и была бы направлена против Советского Союза. «Россия, — писал Чемберлен, —...не только не является фактором устойчивости, но скорее служит самым опасным из моментов нашей необеспеченности. Поэтому необходимо формулировать политику гарантий в отношении России и даже против России». В этой политике, разработанной в Лондоне, Германии было предназначено особое место.

Репарационный план Дауэса, созданный представителями нью-йоркского Уолл-стрита и лондонского Сити, открыл шлюзы для широкого притока в Германию крупных американских и английских займов и капиталовложений. Тот, кто жил в это время в Берлине или в другом крупном центре Германии, мог наблюдать, какое быстрое воздействие имели англо-американские финансовые инъекции на оживление капиталистической предприимчивости и общее экономическое положение страны. Революционные выступления немецкого рабочего класса, которые, словно вулканические извержения, потрясли Германию в 1923 г., были подавлены силами политической реакции при помощи рейхсвера. Страшные воспоминания о небывалой инфляции, когда марка быстро докатилась до одной миллиардной части своей первоначальной стоимости, когда рабочий, получив недельную заработную плату, стремился поскорее избавиться от нее, когда среди обездоленных пронеслась волна самоубийств,

а спекулянты-шиберы неслыханным образом наживались на разорении и нужде миллионов людей,— эти воспоминания вскоре померкли. Капиталистическое хозяйство вступало в период относительной стабилизации, монополии стали крепнуть и расширять свое влияние; империалистические круги Германии быстро восстанавливали свои экономические и политические позиции; при этом они должны были учитывать огромные изменения, которые произошли не только во внутренней жизни страны, но и в ее международном положении. После поражения 1923 г. рабочий класс собирал силы для будущих боев, экономических и политических, коммунистическая партия перестраивала свои ряды и в повседневной практике накапливала опыт классовой борьбы в новых условиях. Социал-демократия стремилась расширить свое влияние не только в рядах рабочего класса, но и в широких кругах мелкой буржуазии. Выступая под знаменем республиканизма и буржуазной Веймарской конституции¹, она открыто провозглашала свою готовность активно сотрудничать не только с левобуржуазной «демократической партией», но и с реакционным крылом католической партии центра и даже с руководящей партией монополистического капитала — «германской народной партией».

Никто так громко не воспевал план Дауэса, как социал-демократия; она видела в нем панацею от всех зол классовой борьбы и экономических невзгод, постигших Германию после ее поражения и в результате Версальского договора. И никто не выступал таким верным трубадуром политики соглашений с западными капиталистическими державами — «западной» ориентации, как социал-демократическая партия. Даже те силы монополистического капитала, которые являлись подлинными вдохновителями этой политики, были более умеренны и стремились окончательно не связывать своих рук. Задача этих кругов заключалась в том, чтобы, используя противоречия между странами капитализма и первым в мире социалистическим государством — Советским Союзом, наращивать свои силы — экономические, политические, а в будущем и военные, — чтобы постепенно подтачивать основы Версальского договора, навязанного западными империалистическими державами побежденной Германии, а затем вступить в новую борьбу за «место под солнцем».

Заключение Рапалльского договора с Советским Союзом в 1922 г. вызвало взрыв негодования среди западных держав, тем более, что германская дипломатия, а также часть германской прессы пугала западные державы-победительницы готовностью продолжать новый курс — «восточную» ориентацию в духе Рапалло. Правда, среди господствующих классов и правящих кругов Германии уже в те времена имелись влиятельные противники этого курса, в особенности в связи с тем обстоятельством, что «восточная» ориентация, т. е. торгово-экономическое, политическое и дипломатическое сближение с Советским Союзом, отвечала интересам немецкого рабочего класса. В империалистических кругах западных держав — ревнителей неприкосновенности Версальского договора — раздавались испуганные голоса, подозревающие наличие тайного германо-советского военного союза, и как раз наиболее реакционные круги Германии, являвшиеся противниками политики Рапалло, а также верхушка рейхсвера были не прочь поддерживать этот страх, чтобы вырвать у держав-победительниц какие-либо уступки в своих интересах. Если сторонники политики Рапалло и «восточной» ориентации из кругов крупной германской промышленности (Вольф, Ратенау), из кругов дипломатического ведомства (Мальцан, граф Брокдорф-Ранцау) и буржуазной интеллигенции (проф. Отто Гётч) апеллировали к старым традициям бисмарковской политики поддержания добрых отношений с Россией как

¹ См. ниже. «Ликвидация Прусского государства и исторические традиции милитаризма»

одного из непреложных устоев общей политики Германской империи, то противники этого курса — наиболее реакционные круги, в частности связанные или стремящиеся связаться с международными монополиями, пытались разработать и оформить курс ориентации «на Запад». В осуществлении этого курса они видели путь к соглашению с империалистическими державами Запада в интересах поддержания капиталистической системы в Германии. При этом германская буржуазия, ее правительство и дипломатия, ее пресса и пропаганда вовсе не отказывались и от того, чтобы использовать международные противоречия или разногласия между империалистическими партнерами на Западе — Соединенными Штатами Америки, Англией, Францией и Италией. Крупные германские банки и монополии искали пути к установлению или расширению ранее существовавших связей с партнерами в Англии и в США. Но некоторые, впрочем ограниченные, круги германской промышленности искали соглашения с французскими монополиями и надеялись на помощь со стороны французского правительства. Среди них находились магнаты рурской промышленности и один из закулисных вдохновителей сепаратистской политики на Рейне — обер-бургомистр Кельна Конрад Аденауэр.

Оккупация Рура французскими войсками, осуществленная по приказу премьера Раймона Пуанкаре в интересах утверждения гегемонии французского империализма в Европе, нанесла сильный удар германским сторонникам сепаратного соглашения с Францией. С другой стороны, не имея опоры на Востоке в виде Рапалльского договора с Советским Союзом, Германия вообще не была бы в состоянии выдержать тяжелую схватку с Францией. Английская дипломатия стала выжидать. Ту же позицию занимала и американская дипломатия. Только после того как стало ясно, что оба участника этой схватки — Германия и Франция — в большей и меньшей степени истощили свои силы и что международный кризис в Руре может повлечь за собой в Германии кризис капиталистического строя, Англия и США решили выступить, каждая в своих интересах. План Дауэса способствовал стабилизации германского капитализма, усилил позиции германских монополий, а также связанных с ними милитаристских сил, которые, сумев приспособиться к условиям послеверсальской действительности, стремились восстановить свою мощь и улучшить стратегическое положение Германии. С этой точки зрения их первоначальной целью было добиться эвакуации войск держав-победительниц с оккупированной ими территории Германии², однако, поскольку условием эвакуации являлось, согласно Версальскому договору, выполнение Германией обязательств по разоружению, задача ее правящих кругов становилась двойкой: во-первых, сохранить в тайне систему милитаризма, придав ей новую форму, и, во-вторых, систематически подрывать прежде всего те постановления Версальского договора, которые в какой-то степени ограничивали возрождение германского империализма, милитаризма и реваншизма. Заключение Локарнского договора открывало перед правящими кругами Германии значительные перспективы в этом смысле. Но оказалось, что путь к вступлению Германии в концерт западных капиталистических держав — путь извилистый и сопряженный с внутренними противоречиями в этом концерте.

1

Германское правительство выдвинуло требование об эвакуации Кельнской зоны тогда, когда предварительные переговоры о заключении Локарнского договора достигли своей завершающей точки. Этот вопрос имел для германского правительства большое внутреннеполитическое

² Первая (Кельнская) зона имела территорию в 64 тыс. кв. км с 2,5 млн. населения и согласно Версальскому договору должна была быть эвакуирована в 1925 г.;

значение; оно стремилось, таким образом, заручиться поддержкой широкого политического фронта — от правой «национальной партии» до социал-демократии включительно. Добиваясь эвакуации союзных войск из Кельнской зоны, оно хотело продемонстрировать, какие блага приносит усиление «западной» ориентации внешней политики Германии и «дух Локарно».

26 сентября 1925 г. германские послы, сообщив правительствам Франции, Бельгии, Великобритании и Италии о согласии Германии на созыв конференции в Локарно, одновременно вручили ноту, которая гласила: «До тех пор, пока будет продолжаться оккупация большей части германской территории... не может быть восстановлено доверие к мирному развитию, от которого зависит претворение в жизнь предполагаемых международных соглашений». На эти первые робкие требования, сделанные к тому же в «духе лояльности», от каждого из союзников последовал ответ. Уже через три дня, 29 сентября, английское правительство заявило, «что срок эвакуации зависит исключительно от выполнения Германией обязательства по разоружению». Аналогичным был ответ Бельгии и Франции. Но это единство формулировок вовсе не означало единства позиций этих трех держав. За кулисами дипломатии в связи с требованиями Германии развернулась борьба. В тексте соглашения, парафированного в Локарно, вопрос об эвакуации оккупированных зон не упоминается. Однако во время автомобильных прогулок участников конференции по идиллическим окрестностям швейцарского курорта этот вопрос обсуждался довольно оживленно. Штреземан настаивал на эвакуации, ссылаясь на то, что он должен удовлетворить требования политических партий и всего общественного мнения Германии. Остин Чемберлен, руководитель английской дипломатии и инициатор Локарнского пакта, был склонен удовлетворить требования Штреземана, чтобы облегчить ему включение Германии в систему западноевропейских держав. Аристид Бриан, златоуст французской дипломатии, пытался удержать Англию от уступок. В конце концов было решено передать вопрос на окончательное решение Совета послов главных держав-победительниц. Совет должен был предварительно установить, выполнила ли Германия, согласно Версальскому договору, свои обязательства по разоружению. Тотчас же после конференции в Локарно по обе стороны Рейна начались подготовительные работы к заседанию Совета.

В то время как правящие круги Франции продолжали настаивать на том, что требования германского правительства могут быть удовлетворены лишь после точного выполнения Германией обязательств по разоружению, германская буржуазная пресса выдвинула обширную программу новых требований, программу, в которой вопрос об эвакуации Кельнской зоны стоял лишь первым пунктом. Помимо него предусматривались: изменение режима в Саарской области — установление автономии, уменьшение количества войск держав-победительниц в оккупированных областях до численности германских гарнизонов в довоенное время, изменение режима на Рейне и, в частности, уменьшение прав Верховной Межсоюзной Комиссии, прекращение деятельности военных судов оккупантов, отказ Франции от пропаганды на Рейне идей сепаратизма, невмешательство союзного командования в дела рейнского судоходства, освобождение немцев, приговоренных к заключению военными трибуналами держав-победительниц.

7 ноября 1925 г. Совет послов приступил к рассмотрению доклада версальской военно-контрольной комиссии маршала Фоша, но еще до начала заседания стало известно, что между «союзниками» и Германией

вторая зона (6400 кв. км с 1,2 млн. населения) — в 1930 г.; третья зона (19 тыс. кв. км с 3 млн. населения) — в 1935 г.

«в принципе» нет поводов для серьезных разногласий по вопросу о разоружении. Пункты, подлежащие урегулированию, с точки зрения версальской комиссии, сводились к следующему: 1) ограничение полномочий, предоставленных командующему рейхсвером генералу фон Секту, 2) прекращение военного обучения, проводимого спортивными организациями бывших офицеров, 3) демилитаризация полиции, состав которой не должен превышать 150 тыс. человек, и еще некоторые вопросы более мелкого значения.

Совет послов утвердил доклад маршала Фоша, и германскому послу в Париже Гёшу был немедленно послан запрос о позиции германского правительства в отношении этих требований. Английское правительство неофициально дало понять, что, если германское правительство примет эти требования, британские войска будут эвакуированы из Кельнской зоны к 1 декабря 1925 г. Ответ германского правительства не заставил себя долго ждать. Единственное, что оказалось в нем неожиданным, было многословие. Германское правительство заявило, что принимает требования Совета послов.

Впрочем, версальская комиссия была недовольна германским ответом, считая его недостаточно определенным. Но решающей инстанцией в данном случае был Совет послов, который, собравшись 14 ноября, заявил, что германский ответ следует считать удовлетворительным. Эта поспешность объяснялась озабоченностью, возникшей в Лондоне и в Париже в связи с теми внедипломатическими методами давления, к которым прибегали германские националисты, назначившие на 15 ноября большую демонстрацию против Локарнского соглашения. Демонстрация носила явно демагогический характер. В этих условиях Совет послов встал перед альтернативой: настаивать на традициях версальского диктата или облегчить положение германского кабинета, вставшего в Локарно на путь «западной» ориентации. Решение было таково: эвакуацию Кельна и его окрестностей назначить на 1 декабря. «Дух Локарно» вытеснил версальскую традицию, которой, однако, была отдана некоторая дань: было определено, что вопрос о разоружении Германии остается предметом дальнейших переговоров с германским правительством. На сей раз германское правительство поспешило согласиться: милитаристские круги поняли, что они достигли немаловажного успеха, поскольку проблема оккупации была оторвана от проблемы разоружения. 16 ноября председатель Совета послов Аристид Бриан передал германскому послу Гёшу ноту, которая, признав, что Германия в основном выполнила ст. 429 Версальского договора, объявила об эвакуации Кельнской зоны. Более того, нота провозгласила этот шаг началом «новой эры» в международных отношениях.

Итак, в ночь на 1 декабря 1925 г. английские войска покинули Кельн, и таким образом эвакуация первой зоны началась.

Но еще раньше Бриан сообщил германскому послу постановление Совета послов об изменении режима в остальных зонах оккупации. Это официальное уведомление было составлено в том литературном стиле, который стал называться «языком Локарно». Превознося «дух доброй воли и доверия», установившийся после того, как Германия на основе Локарнского гарантийного пакта стала втягиваться в систему крупнейших капиталистических держав Западной Европы, Совет послов, а затем Межсоюзная Комиссия сообщили о том, что западные державы решили внести некоторые облегчения в оккупационный режим. В частности, они объявили о своем согласии на назначение германским правительством комиссара в оккупированной Рейнской области и о готовности вступить с последним в деловой контакт. Далее они обещали снизить численность оккупационных армий, пересмотреть полицейский режим и т. д. Однако

уже 26 ноября, т. е. всего лишь через десять дней после вручения постановления о смягчении режима в Рейнской области, германское правительство заявило Франции протест против усиления оккупационных отрядов в Трире и Юлихе. Усиление отрядов наблюдалось также в Майнце и Кобленце. В конце ноября стало известно, что союзники предполагают оставить на еще оккупированных территориях войска в размере 79 тыс. человек. Германское правительство настаивало на количестве, не превышающем состава довоенного германского гарнизона, т. е. 42 тыс. Германская дипломатия апеллировала при этом к «духу Локарно» и ссылалась на обещания, полученные ею от Англии.

Требование об уменьшении оккупационной армии германское правительство выдвинуло еще во время локарнских переговоров; однако со стороны Франции, кроме неопределенного согласия, ничего не последовало. Когда же германская дипломатия стала настаивать на снижении оккупационной армии до 42 тыс. человек, Бриан запротестовал, и представители держав парафировали Локарнский акт, не приняв окончательного решения по этому вопросу. Переговоры возобновились при подписании Локарнского соглашения в Лондоне, где Штреземан в виде компромисса предложил установить рейнскую оккупационную армию в размере 60 тыс. человек. Но Бриан ловко увильнул от ответа, сославшись на то, что не может взять на себя никаких обязательств без предварительных переговоров с французским генералитетом. Как и следовало ожидать, французский генералитет нашел германское предложение «непрактичным». Тогда германская дипломатия открыто заявила о несоответствии непримиримой позиции в этом вопросе с теми заявлениями, которые были даны в ноте Совета послов от 16 декабря 1925 г. Обещание представителей Франции снизить оккупационную армию приблизительно «до нормальных размеров» интерпретировалось как снижение приблизительно до довоенных размеров германских гарнизонов. Ввиду позиции, занятой Францией, комиссия по иностранным делам рейхстага приняла резолюцию протеста, а германское правительство предприняло новые дипломатические шаги. Германские послы в Лондоне, Париже и Брюсселе от имени своего правительства заявили энергичный протест против установленной численности армии во второй и третьей оккупационной зонах (60 тыс. французов, 8 тыс. англичан и 7 тыс. бельгийцев), ссылаясь при этом на ст. 429 Версальского договора и на «дух Локарно». Характерно, что ссылка на «дух Локарно» была для Англии более убедительной, чем статья Версальского договора. В Лондоне дали довольно прозрачно понять, что версальские статьи тут не при чем, но что план Дауэса и соглашение в Локарно делают исполнение германских требований весьма желательным. В то же время английская дипломатия, как обычно, ссылалась на непримиримую позицию Франции. Со своей стороны, французская дипломатия ссылалась как на решающую инстанцию на Совет послов, подчеркнув при этом, что «германское разоружение не проведено еще в полной мере»; именно это утверждал председатель военно-контрольной комиссии в Берлине в своем докладе председателю версальской комиссии маршалу Фошу. Все же попытка французской дипломатии не допустить снижения размеров оккупационной армии на сей раз не удалась. В результате переговоров Чемберлена с Брианом стало известно, что ее численность устанавливается в 60 тыс. человек и что вопрос о дальнейшем снижении будет поднят после вступления Германии в Лигу наций. Таков был типичный компромисс в духе английской дипломатии: требования Франции не были полностью отвергнуты, а Германия получила возможность возобновить свои требования. Любопытно, что «*Deutsche diplomatisch-politische Korrespondenz*», официальный бюллетень германского министерства иностранных дел, писал в конце января 1926 г.: «Последняя цель Локарнского договора еще не достигнута, так

же как и не будет достигнута уменьшением войск до 50 тыс. или еще менее». И в этом вопросе Англия не упустила возможности связать Германию универсальным средством своего давления: перспективой, которая откроется перед Германией после того, как она вступит в Лигу наций. Поскольку ст. 16 Статута Лиги наций предусматривала возможность использования территории участника Лиги для прохождения иностранных войск против государства, которое могло бы быть объявлено агрессивным, британские вдохновители локарнской системы западных держав рассчитывали, что незначительным компромиссом по вопросу об оккупационном режиме в Рейнской области они покупают широкие возможности вовлечения Германии в свой политический курс, направленный против Советского Союза.

2

Дальнейшая реализация «политики Локарно» мыслилась в виде вступления Германии в Лигу наций в качестве полноправной и великой державы, которой предоставляется место в Совете Лиги. Но еще не заняв это место, правящие круги Германии стали репетировать свою великодержавную роль, и притом в наступательном духе. Германское правительство дало понять, что берет на себя обязанность заботиться — ни много, ни мало — о судьбе всех народов и этнических групп, говорящих на немецком языке, где бы они ни находились. На языке официальной дипломатии эта претензия прикрывалась формулой об ответственности Германской империи за единство немецкой национальной культуры. Практически же дело заключалось в возрождении старых политических традиций и устремлений пангерманской идеологии, слегка приспособленных к новым условиям послеверсальской действительности. Это возрождение наблюдалось не только в Германии, но и в Австрии, где пангерманские планы и организации, насаждаемые еще с конца XIX в., имели свои корни, а после краха и распада Габсбургской империи отнюдь не были выкорчеваны. Вот почему, когда бывший австрийский канцлер доктор Зейпель, прелат, известный ранее как историк раннего христианства и католической церкви, приехав в Берлин, выступил с речью о величии немецкого культурно-национального единства, которое должно восполнить ущербность германского государственного единства, — эти его новые политико-идеологические проповеди вызвали определенные опасения в правящих кругах Франции и Италии: парижская и римская пресса стала обсуждать вопрос, не возрождаются ли планы присоединения Австрии к Германии. По мере восстановления экономических и политических позиций германского империализма после прилива американских и английских капиталов на основе и в результате репарационного плана Дауэса, а в особенности в связи с переговорами в Локарно о признании великодержавных позиций Германской империи, пангерманские устремления стали во многом определять не только пропаганду по вопросам внешней политики, но и некоторые практические шаги германской дипломатии. Общий тон германского правительства в области внешней политики стал более резок и напорист, однако там, где эта политика наталкивалась на сопротивление, она обычно быстро перестраивалась и делалась более уклончивой. Иллюстрацией вынужденных маневров и колебаний германской дипломатии служит конфликт, возникший между Германией и Италией уже после того, как правительства обеих стран включились в систему Локарнского пакта.

Согласно Сен-Жерменскому договору между западными державами и Австрией, Тироль был разделен на две части: северная была оставлена за Австрией, южная же перешла к Италии. «Население другой национальности, присоединенное к нам, должно знать, — заявил Титтони

в докладе итальянскому парламенту о Сен-Жерменском договоре, — что нам совершенно далека мысль угнетения и ассимиляции, что его языку и его культурным учреждениям будет отдано должное и что его администраторам предоставлены все права нашего либерально-демократического законодательства». Но фашистское правительство Муссолини решило проводить политику итальянизации. Вместо самоуправления стал насаждаться фашистский централизм со всеми его атрибутами: организация фашистских синдикатов и принудительное вступление в них, организация фашистской гвардии (*Milizia nazionale*), введение обязательности итальянского языка и т. д. Вскоре был издан декрет об обязательной итальянизации немецких имен. В ответ на мероприятия фашистской Италии поднялась кампания не только в австрийской, но и в германской прессе. В Италии были организованы демонстрации против Австрии и против Германии. Как всегда в таких случаях, публицистика пустила в ход исторические аргументы. Германская и австрийская буржуазная пресса стала апеллировать к эпохе переселения народов. Фашистская пресса в Италии утверждала, что речь идет об исконно итальянской области, лишь недавно заселенной «говорящими на другом языке». Однако на первый план она выдвигала политическое требование вести борьбу против возрождения пангерманских устремлений. «Борьба за единство 80 млн. немцев, — писал итальянский официоз, — была бы не только политически опасной, но и недопустимой претензией».

В германской буржуазной печати появились предложения бойкотировать Италию (отказ от поездок туристов и торговый бойкот), а в Баварии даже создали общество для пропаганды бойкота. Это были, конечно, пустые угрозы, которые, однако, взбесили Муссолини, заявившего, что «на бойкот Италия ответит утроенным бойкотом, на репрессии — утроенными репрессиями». Резкая протестующая речь баварского министра-президента Гельда вызвала в итальянской палате интерпелляцию генерального секретаря фашистской партии Фариначчи относительно германо-итальянских отношений. В своей агрессивной и демагогической речи (5 февраля 1926 г.) Муссолини заявил, что итальянская политика не изменится. «Италия, — сказал он, — не только никогда не уберет своего знамени с Бреннера, но, если потребуется, скорее понесет свое знамя за Бреннер».

Речь Муссолини явилась кульминационным пунктом итало-германского конфликта: в ней увидели проявление истинных намерений «молодой, гордой, фашистской Италии», угрожающей миру накануне вступления Германии в Лигу наций. По тону и по содержанию эта речь являлась вызовом Германии. Австрия, к которой в первую очередь относились угрозы итальянского диктатора, сразу взяла примирительный тон: буржуазная печать в Вене стала проявлять озабоченность по поводу «истинных дружеских отношений» с Италией. За австрийской прессой последовала и германская, даже националистическая; отмечая резкость выступления Муссолини, переходящую все границы дипломатического такта, она объясняла ее мотивами фашистской внутренней политики. При этом германская буржуазная пресса старательно подчеркивала, что Германия о Бреннере и не помышляет. 9 февраля 1926 г. Штреземан выступил в рейхстаге с изложением официальной позиции германского правительства. Касаясь жестких мероприятий фашистского правительства, он заявил: «Германское общественное мнение страстно выступило против этого ввиду культурной общности с населением Южного Тироля. Преувеличение и неправильное изображение особенно разожгли страсти. Германское имперское правительство со своей стороны вмешалось лишь постольку, поскольку оно предостерегало прессу от преувеличений, и указало на вредные последствия преувеличенной агитации». Это было явное дипломатическое отступление. Более того, Штреземан дезавуировал

баварское общество бойкота Италии и категорически заявил, что призывы к бойкоту никакого отношения к политике германского правительства не имеют. Свою главную задачу Штреземан усматривал в том, чтобы доказать необходимость вступления Германии в Лигу наций, несмотря на то, что один из ее членов — Италия столь резко выступила против Германии у самых дверей Лиги. Голос Штреземана поэтому звучал мягче, чем голоса буржуазной и социал-демократической печати.

Но фашистская Италия решила закрепить свою дипломатическую победу. 10 февраля Муссолини выступил в итальянском сенате с ответом Штреземану. Эта речь была менее вызывающей, но в своих выводах фашистский дуче подтверждал прежние позиции по вопросу, который, как он заявил, не подлежит дискуссии. Столь же длинная, сколь и напыщенная, эта речь интересна только в одном отношении: она пролила некоторый свет на закулисные итало-германские переговоры, имевшие место в связи с заключением Локарнского гарантийного пакта. Видимо, в ходе этих переговоров Италия пыталась добиться гарантии своей северной границы на случай возрождения аннексионистских поползновений Германии. Но германская дипломатия сумела обойти требования Италии ссылкой на то, что с Бреннером граничит не Германия, а Австрия. Таким образом, не связав себе руки на будущее, она удовлетворила пангерманские круги, которые, применяясь к новым условиям, нашли себе пристанище почти во всех буржуазных партиях Веймарской Германии. Пропаганда, поднятая этими кругами по вопросу о «праве Австрии на самоопределение», свидетельствовала о пробуждении аннексионистских устремлений германского империализма, — устремлений, которые, пользуясь этнографическими и историческими аргументами, прикрывали свою сущность многозначительными рассуждениями о том, что истинная граница проходит там, где проходит граница языка...

Так на фоне Локарнских соглашений четырех западноевропейских капиталистических держав стали обнажаться старые противоречия, которые не удалось прикрыть пацифистской фразой и которые таили в себе новые опасности. Любопытно, что официальная пресса Англии — главный глашатай «духа Локарно» — довольно сдержанно комментировала итало-германский конфликт и высказала предположение, что этот конфликт является отражением более глубоких столкновений в другой сфере. Зато правая печать во Франции не скрывала радости по поводу позиции Муссолини; она усматривала в ней осознание опасности пангерманизма и уместное предупреждение относительно того, что Германия, войдя в Лигу наций, намерена добиться присоединения Австрии, а затем и ревизии границы у Бреннера. Словом, наблюдая за развитием итало-германского конфликта, французская буржуазная пресса явно с удовлетворением потирала руки. Любопытно, что как раз в это время в итальянской печати появились рассуждения об общности франко-итальянских интересов и даже высказывалось предположение, что итало-германский конфликт вспыхнул не без закулисного участия французской дипломатии. Как бы то ни было, самая возможность этого конфликта тотчас же после заключения Локарнского пакта и накануне вступления Германии в Лигу наций, наконец, международная атмосфера, сложившаяся вокруг этого конфликта, весьма симптоматичны.

3

Даже такой специфически европейский вопрос, каким является итало-германский конфликт, вызванный, с одной стороны, мероприятиями фашистского правительства по итальянизации Южного Тироля, а с другой — ревизионистскими устремлениями германского правительства, не избежал той своеобразной окраски, которая привносится борьбой держав

за новый передел колониальных владений. В связи с южнотиролезским конфликтом официоз Форейн оффиса высказал предположение, что за дипломатической перепалкой между Берлином и Римом по вопросу о Южном Тироле скрывается нечто другое, а именно — требование Италии передать ей некоторые колониальные мандаты раньше, чем будут удовлетворены соответствующие требования Германии. Характерно, что пресса германских националистов приняла это сообщение за чистую монету и, в свою очередь, усилила кампанию против Италии, доказывая, что «дух Локарно» может претвориться в жизнь только при условии, что Германия получит колониальные мандаты в первую очередь.

«Германия отказывается в пользу главных союзных и объединившихся держав от всех прав и правооснований на свои заморские владения», — гласит ст. 119 Версальского трактата. В результате мировой войны 1914—1918 гг. Германия потеряла 2953 тыс. кв. км колониальных владений — все, что она приобрела на протяжении всей истории своей колониальной политики. Но уже очень скоро, весной 1921 г., когда вопрос об уплате репараций зашел в тупик, некоторые круги немецкой буржуазии стали выдвигать план решения репарационной проблемы главным образом за счет эксплуатации колониальных народов. Не успев оформиться, этот план рухнул в период оккупации Рура французскими войсками. Однако после того как англо-американский капитал разработал репарационный план Дауэса, а на горизонте замаячило соглашение в Локарно, германская буржуазия в предварительных переговорах о приобщении Германии к лику «великих держав» снова стала выдвигать вопрос о колониальном мандате. При этом уже в конце 1924 г. германское правительство заняло наступательную позицию. Так, в меморандуме, направленном в Совет Лиги наций, оно писало: «Ст. 22 Статута (Лиги наций.— А. Е.) предусматривает, что опека над народами, еще неспособными управлять самостоятельно, будет доверена передовым нациям... Устраненная после своего поражения от всякой колониальной деятельности, Германия ожидает, что Лига наций призвет ее в подходящее время к активному участию в системе мандатов». В ходе закулисных переговоров о заключении гарантийного пакта и о вступлении Германии в Лигу наций германская дипломатия снова добивалась получения колониального мандата. Во всяком случае, осведомленный немецкий журнал, близкий к тем кругам немецкой буржуазии, которые требовали возрождения колониальной политики, утверждал следующее: «Хотя при переговорах в Локарно только коснулись вопроса о предоставлении Германии мандата на колонию, однако на него, хотя и гипотетически, был дан положительный ответ. Но последует ли за утвердительным ответом предоставление мандата, зависит не только от согласия участвующих держав, но также и от решения Германии...»³

И вот на многочисленных собраниях главных буржуазных партий («германской национальной партии», «народной партии», «хозяйственной партии» и центра) развернулась кампания за возвращение Германии колоний. При этом апологеты германской колониальной политики утверждали, что выполнение плана Дауэса может идти только путем усиления германского экспорта, который, однако, весьма стеснен целым рядом условий: таможенными рогатками, индустриализацией многих стран и т. д.; приходится, следовательно, делать ставку на внутренний рынок, что возможно только при его расширении путем включения колоний. «Да,— писал автор статьи „Нуждается ли Германия в колониях?“,— восстановление обладания колониями есть предпосылка успешной экономической деятельности и дальнейшего развития немецкого

³ A. v. Rechenberg. Der Erwerb deutschen Kolonialbesitzes in seiner Bedeutung für Deutschland und die Weltwirtschaft — «Weltwirtschaft», 1925, № 12, S. 226.

народа. Если потребление колониальных продуктов, которое ставит нас в зависимость от чужих колониальных народов, не играет решающей роли, то тем большую роль играют разнообразные виды сырья, безусловно необходимого для нашей промышленности... Конечно, не приходится думать, что германские колонии смогут покрыть всю потребность германской промышленности в сырье... Но было бы достаточно, чтобы объем сырья, получаемого из колоний, мог бы регулировать цены на мировом рынке»⁴.

В период Локарнской конференции германская буржуазная пресса особенно настойчиво выдвигала вопрос о возвращении Германии Того и Камеруна. Она явно муссировала слухи, что Штресеман уже заручился в этом отношении благоприятной позицией Англии. То были пробные шары. Английская пресса реагировала на них в том смысле, что если и может идти речь о передаче Германии колониального мандата, то в первую очередь не английского, а французского. Подобные экивоки вызвали среди правящих кругов Франции недвусмысленное раздражение, и в результате 19 декабря 1925 г. в палате депутатов состоялись дебаты, которые не могли оставить сомнения в том, что Франция ни при каких условиях не собирается передать Германии какой-либо из приобретенных ею колониальных мандатов в Африке. Докладчик колониальной комиссии Аршимбо, а затем бывший министр колоний Андре Эссе сказали всеми словами, что, если в Лондоне предполагают предоставить Германии французскую часть ее бывших колоний в Африке, то эти расчеты построены на песке; более того, было сказано, что если бы Англия вздумала показать в этом деле «пример великодушия», Франция не последовала бы в этом за ней. Министру колоний Леон-Перье осталось только дать последнюю формулировку официальной позиции французского правительства: опираясь на ст. 119 Версальского договора, Франция никогда и ни под каким видом не предполагает уступить ни одной из своих колоний.

Столь решительное «нет» сказанное Францией, напоминало ушат холодной воды, вылитый на горячие головы германских энтузиастов возрождения активной колониальной политики, и в то же время весьма затруднило закулисную игру английской дипломатии, которая, при помощи осторожных, но необязывающих зондирований, намеков, уловок, торгов и переговоров между главнейшими участниками Локарнского пакта по вопросу об удовлетворении колониальных претензий германской буржуазии, стремилась подтолкнуть германское правительство более решительно придерживаться курса ориентации «на Запад» с целью международной изоляции Советского Союза. В этой закулисной игре германская дипломатия, видимо, не раз прибегала к вымогательствам и по вопросу колониальных мандатов, но, получив отказ, могла рассчитывать только на выгоды, которые она связывала с вступлением в Лигу наций.

В этой связи «Имперское колониальное общество» на конференции, состоявшейся в Берлине в начале января 1926 г., предложило германскому правительству продолжать игру до конца, т. е. оттягивать вступление в Лигу наций до осуществления следующих претензий: 1) немедленное уничтожение постановлений о ликвидации немецкой собственности в колониях, как и уничтожение всех правил, которые налагали на немцев ограничения в отношении иммиграции, поселения, ведения торговли и промыслов, 2) предоставление мандата на Камерун и Того.— Но этого мало. На случай, если бы эти требования, предваряющие вступление Германии в Лигу наций, остались неудовлетворенными и

⁴ Gen. Schlee-Pascha. Braucht Deutschland Kolonien? — «Weltpolitik und Weltwirtschaft». München, 1925, Bd. I, H. 10, S. 369.

Германии все же пришлось бы вступить в Лигу, была выработана подробнейшая инструкция, которой предлагалось строго придерживаться будущим представителям Германии в Лиге наций. Эта инструкция предусматривала: а) сохранение системы мандатов, пока у Германии нет надежд на возвращение ее колониальных владений; б) меры, которые предотвратили бы формальное присоединение бывших германских колоний к владениям держав-победительниц; в) обеспечение экономического равноправия Германии, т. е. предоставление благоприятных условий для проникновения германского капитала и германских товаров во все колонии и прежде всего в бывшие германские.

Итак, на пути к вступлению Германии в Лигу наций колониальная программа, выдвигаемая империалистическими кругами, значительно расширилась⁵. Эти их нарастающие требования вызвали ревностные опасения со стороны итальянского империализма, который, не сумев на Парижской мирной конференции 1919 г. удовлетворить свои колониальные аппетиты, в свою очередь начал активно выдвигать свои требования. Фашизм придал им еще большую настойчивость и остроту. В этих условиях было понятно, почему английский официоз усмотрел в южнотирольском конфликте проявление итало-германского антагонизма, лежащего и в других пластах международных отношений, прежде всего в сфере борьбы «обделенных» держав за колонии. Во всяком случае, возникший конфликт показал, что «дух Локарно» вовсе не устранил напряженности политической атмосферы, раздражения и недоверия между главными капиталистическими державами в Западной Европе. Обстоятельства, связанные со вступлением Германии в Лигу наций, продемонстрировали это в еще большей степени.

4

История попыток Германии вступить в Лигу наций неразрывно связана со всем ходом англо-французского соперничества, и, во всяком случае, отражает политику Англии, направленную к тому, чтобы включить Германию в систему западных капиталистических держав в целях международной изоляции Советского Союза. Впервые Германия обратилась с просьбой о принятии ее в Лигу наций еще на Версальской мирной конференции, но тогда эта просьба была отвергнута. Однако на Лондонской конференции 1924 г. при рассмотрении американского репарационного плана Дауэса снова всплыл вопрос о возможном вступлении Германии в Лигу наций — английская дипломатия в этом отношении открыла перед германской делегацией определенные перспективы.

23 сентября 1924 г. германское правительство, собравшееся под председательством президента республики Ф. Эберта, приняло решение добиваться немедленного вступления Германии в Лигу наций. Спустя шесть дней, 29 сентября, Германия уже официально направила державам представленным в Совете Лиги наций, меморандум, в котором выдвинула следующие требования, «являющиеся по своему значению решающими с точки зрения сотрудничества Германии в великом деле, лежащем на Лиге наций»: 1) предоставление Германии постоянного места в Совете Лиги, а также равноправное участие в секретариате и в других органах Лиги, 2) оговорка относительно ст. 16 Статута Лиги наций, — статьи, обязывающей членов Лиги выступать против государства, признанного нападающей стороной, 3) оговорка относительно ст. 1 Статута Лиги наций, гарантирующей соблюдение международных обязательств: германское правительство указывало, что эта статья не должна быть истолкована в том смысле, что германское правительство признает спра-

⁵ См. ниже: «Колониальные планы германского империализма».

ведливыми утверждения... «подразумевающие моральную виновность германского народа» в возникновении войны (1914—1918 гг., 4) активное участие Германии в системе колониальных мандатов.

Правительства государств, представленных в Совете Лиги, ответили, что они будут считаться с желанием Германии участвовать в Совете Лиги наций, однако отклонили германские оговорки, в особенности относительно ст. 16, ссылаясь на то, что в этом вопросе компетентна лишь Лига наций в целом. Тогда германское правительство обратилось к генеральному секретарю Лиги наций Э. Друммонду с нотой (от 12 декабря 1924 г.), в которой доказывало, что оно не может взять на себя обязательства по ст. 16 Статута Лиги наций, поскольку, согласно Версальскому договору, было вынуждено осуществить ряд мер по разоружению. Друммонд задержал ответ на три месяца. Он ответил тогда, когда переговоры о заключении гарантийного пакта продвинулись вперед. Только 14 марта 1925 г. Совет Лиги наций послал германскому правительству ноту, в которой, между прочим, было указано, «что род и значение действительного участия государств-членов в военных операциях, предпринимаемых Лигой наций во исполнение договора, по необходимости оказываются различными в зависимости от их военного положения». Эта туманная формулировка оказалась сближающей, и оживленные дипломатические переговоры продолжались. В частности, английской дипломатии пришлось потратить много усилий, во-первых, чтобы оказать нажим на Францию и заставить ее согласиться на вступление Германии в Лигу наций, а во-вторых, найти такую формулу, которая дала бы Германии возможность вступить в Лигу наций, обходя вопрос об условиях участия Германии в активной политике изоляции Советского Союза. В конце концов, после длительной закулисной борьбы была найдена формула, изложенная французским правительством в следующих словах: «Союзники остаются в убеждении, что положение члена Лиги наций предоставило бы Германии по вступлении ее в Лигу самое верное средство отстаивать свои *desiderata*, как это делали другие государства, поскольку это их касалось; вступление Германии в Лигу наций есть единственное прочное основание взаимной гарантии и европейского соглашения». Одновременно германское правительство побуждалось к ускорению переговоров, на что вскоре последовало согласие Германии. При парафировании гарантийного договора в Локарно было установлено, что он вступит в силу после того, как «Германия сделается членом Лиги наций».

3 февраля 1926 г. комиссия по иностранным делам рейхстага (большинством 18 против 8) высказалась за вступление Германии в Лигу наций. В английской буржуазной прессе эта весть была воспринята как крупный успех британской дипломатии — главного вдохновителя «политики Локарно». 10 февраля германский генеральный консул в Женеве Ашман вручил генеральному секретарю Лиги наций Э. Друммонду заявление, написанное на немецком языке и подписанное Штреземаном, о решении Германии вступить в Лигу. Открытие чрезвычайного пленарного собрания Лиги наций и ее Совета для разрешения вопроса о принятии Германии и предоставлении ей постоянного места в Совете было назначено на начало марта. Но вдруг появились сведения, которые смешали все карты дипломатической игры. Стало известно, что Польша, а за ней Испания и Бразилия также предполагают потребовать для себя постоянного представительства в Совете Лиги. Эти требования вызвали в английской прессе недоумение и даже раздражение. Еще в самом начале февраля 1926 г., до официального обращения Германии в Лигу наций, в прессу проникли сведения, что вопрос о значительном расширении Совета Лиги был затронут в Париже в одной из бесед Бриана с германским послом Гёшем. Вслед за этим французская официальная

пресса начала настойчиво выдвигать вопрос о целесообразности предоставления в Лиге постоянного места Польше, как участнице Локарнской конференции, а также Испании, как представительнице «нейтральных» государств, и, наконец, представительнице «Америки» (намек на Бразилию). Похоже на то, что французская дипломатия заручилась поддержкой Вашингтона, который, оставаясь вне Лиги наций, был заинтересован в том, чтобы ослабить там влияние Англии.

Первая реакция английской официозной прессы была довольно решительной: в Лондоне настаивали на том, что при существующих условиях постоянные места в Совете Лиги должны остаться только у Англии, Франции, Италии, Японии, а также Германии. Не скрывая своего удовлетворения по поводу того, что Германия, ослабляя свой «рапалльский курс», готова усилить свою «западную» ориентацию и после подписания Локарнского договора вступить в Лигу наций, английская буржуазная пресса в то же время не скрывала и своих тревог по поводу возможных затруднений в Лиге наций, являющейся в значительной степени инструментом международной политики Великобритании. Англо-французская дипломатическая борьба не только не прекращалась, но, наоборот, обострялась. Учитывая этот факт, германское правительство явно стремилось набить себе цену. Любопытно, что даже в комментарии агентства Вольфа по поводу германского заявления о вступлении в Лигу наций недвусмысленно отмечались ревизионистские претензии, которые правящие круги Германии постоянно выдвигали на первый план. Это было понято французской прессой, которая, ссылаясь на великодержавные претензии Германской империи, стремилась их использовать не только против Германии, но и, в первую очередь, против Англии. В ответ на это официоз Форейн оффиса 11 февраля опубликовал большую статью своего дипломатического корреспондента, который довольно откровенно указал на виновника надвигающихся затруднений — на Францию, как главного организатора большой дипломатической коалиции «латинских и славянских стран» с целью подорвать позиции Англии в Лиге наций и за ее пределами. Правда, британский кабинет тщательно уклонялся от выявления своей позиции. Приехав в Париж, Остин Чемберлен всячески избегал давать какие-либо заверения Бриану и польскому послу. В лондонской прессе появились статьи на тему «Предстоящий кризис в Лиге наций», статьи, которые сразу привлекли к себе всеобщее внимание. Все понимали, что если Германия не вступит в Лигу наций или если в результате внутренних расхождений в Лиге будут созданы условия, затрудняющие вступление, — это значит, что усилия английской дипломатии по реализации широких политических планов, связанных с политикой Локарнского пакта, оказались неосуществленными или не доведенными до конца. Между тем Локарнский пакт был призван стать одним из краеугольных камней политики английского империализма в Европе. Поскольку задача этой политики заключалась в том, чтобы в борьбе против Советского Союза использовать Германию, ее географическое положение, экономический потенциал и экспансионистские устремления на Восток, вопрос о месте и будущей роли Германии в системе западноевропейских капиталистических государств не мог не учитываться правящими кругами Англии.

С этой точки зрения немаловажным вопросом являлась и расстановка внутренних сил в Германии по вопросам внешней политики. Коммунистическая партия Германии, опирающаяся на передовые слои рабочего класса, была последовательным и решительным противником вовлечения Германии в общий курс антисоветской политики. Социал-демократия, партия центра, «демократическая партия» и большая часть «народной партии» являлись открытыми сторонниками «западного», локарнского курса и, следовательно, вступления в Лигу наций.

Но в «народной партии» — главной партии монополистического капитала, а в еще большей степени в «национальной партии» было немало элементов, которые, учитывая возрастание экономической мощи германского капитала и стремясь к скорейшему возрождению милитаризма в стране, считали необходимым набивать себе цену в переговорах с западными державами, тем более, что эта тактика способствовала разжиганию в Германии национализма и реваншизма. К тому же, как раз в это время, как мы видели, вспыхнул итало-германский конфликт из-за Бреннера, и позиция Италии по вопросу о приеме Германии в Лигу наций стала более чем сомнительной. Тем не менее, а, вернее, именно поэтому, германское правительство ясно дало понять, что продолжает настаивать на предоставлении ему постоянного места в Совете Лиги, и притом без одновременного расширения Совета.

10 марта было назначено днем торжественного вступления Германии в Лигу, но даже среди руководителей секретариата Лиги — этих оптимистов *ex professio* — стало заметно беспокойство относительно возникших затруднений. На 12 февраля было назначено заседание Совета Лиги, где формально должен был быть фиксирован день пленума. Заседание протекало в обстановке бурных дискуссий по поводу новых претензий на постоянное место. Вопрос о вступлении Германии, таким образом, как бы отошел на задний план, уступив место новой проблеме расширения Совета. Усилившиеся разноречия вызвали в Лиге наций жестокую лихорадку. Если Англия закулисно поддерживала требования Германии, то Франция открыто поддерживала требования Польши на предоставление ей постоянного места в Совете Лиги, ссылаясь при этом на то, что, поскольку Германия стремится к ревизии своих восточных границ, установление равновесия в Совете Лиги диктуется самой логикой и требованиями жизни. Вскоре число претендентов на постоянное место в Совете Лиги увеличилось за счет Чехословакии и Бельгии, а выступление Италии по вопросу о Южном Тироле только обострило ситуацию. Положение было признано серьезным («*Ernstste Lage*» — пестрело в германской печати); даже пресса германских националистов забила тревогу и начала требовать от своего правительства дипломатической активности в целях предотвращения провала.

12 февраля на закрытом заседании Совета Лиги наций была утверждена повестка дня пленума, которая предусматривала возможность расширения Совета. Уверенной рукой Франция продолжала свое дело, и тотчас же после упомянутого заседания Совета Лиги стала известна французская программа: увеличение общего числа членов Совета до 14 путем увеличения числа постоянных членов с 4 до 7 (Германия, Испания и Польша) или даже до 8 (Бельгия), предоставление трех непостоянных мест Латинской Америке, одного — скандинавским странам, и одного — кому-нибудь из государств Азии. К этому плану, цинично добавляла французская пресса, вряд ли присоединится Англия. В крайне консервативной английской прессе, однако, появились намеки, рассеивающие французские опасения, сам же руководитель английской дипломатии предпочитал не связывать себя никакими заявлениями. Но уже очень скоро, в середине февраля, можно было наблюдать некоторый поворот в позиции британского кабинета в сторону Испании и Польши. Это началось, что в Совете Лиги наций германское правительство могло окантаться совсем не в том обществе, в котором предполагало развернуть свои растущие претензии. В дипломатической сумятице большое впечатление произвело сенсационное сообщение английской либеральной газеты «*Manchester Guardian*», что тайные переговоры между Францией и Англией относительно предоставления Польше постоянного места начались еще в Локарно. В ответ появилось сообщение, что если расширение Совета Лиги наций произойдет до вступления Германии в Лигу

и до предоставления ей постоянного места в Совете, германское правительство будет вынуждено взять обратно свое заявление о вступлении в Лигу. Чтобы урегулировать назревающий конфликт, генеральный секретарь Лиги наций Э. Друммонд поспешил в Берлин. Однако в день его приезда в германскую столицу стало известно, что Испания, в случае непредоставления ей постоянного места в Совете, будет голосовать против Германии. 17 февраля в «дружественном обмене мнений» между Гёшем и Брианом требование Франции было сформулировано достаточно отчетливо: включение в Совет Лиги Польши и возможность дальнейшего расширения Совета. Англия, которая вела переговоры с доминионами, все время оглядываясь на них, продолжала занимать неопределенную позицию. К этому присоединилось еще одно обстоятельство: в связи с открытием заседания мандатной комиссии Лиги наций был поднят вопрос о предоставлении Италии колониальных мандатов, причем пресса называла Камерун — объект германских вожделений. «Медовый месяц Локарно прошел», — писала одна влиятельная итальянская газета.

18 февраля заседала комиссия по иностранным делам рейхстага. Предложение коммунистов об изъятии из Лиги поданного Германией заявления было отклонено. Германскому правительству было предложено добиваться следующего: 1) Германия должна получить в Совете Лиги наций постоянное место; 2) одновременно с этим ни одна другая держава не должна быть включена в состав Совета; 3) Германия должна получить место в Совете Лиги уже на предстоящей мартовской сессии, непосредственно при своем вступлении.

Приблизительно одновременно появились новые планы, а именно — предоставление Польше постоянного или временного места во время осенней сессии, — отзвуки или зондирование каких-то компромиссных соглашений. Польша, однако, продолжала настаивать на своем, а Франция продолжала открыто ее в этом поддерживать. За Францией последовала и Италия. В ответ на речь Штреземана и на заявление комиссии рейхстага официальная пресса обеих этих стран подчеркивала, что в Локарно не были даны никакие обязательства относительно германской монополии на постоянное место в Совете Лиги. Больше того, Бразилия заявила, что вопрос о вступлении Германии в Лигу наций может быть разрешен только после урегулирования вопроса об увеличении постоянных мест в Совете, а Испания развила дальнейшую кампанию в том же направлении.

23 февраля на заседании германского кабинета рейхсканцлер Лютер и Штреземан получили полномочия отправиться в Женеву. Приехав туда, они столкнулись с многочисленными и разнородными планами. Франция продолжала настаивать на расширении Совета Лиги и предоставлении постоянного места Польше, а также Бразилии и Испании; Англия, несмотря на неопределенность своей позиции, склонялась к тому, чтобы предоставить постоянное место Испании, а временное — Польше; Италия требовала постоянного места Польше; Испания, Польша и Бразилия продолжали настаивать на своем; Чехословакия была согласна поддержать Польшу с тем, чтобы самой получить постоянное место; Китай требовал постоянного места себе; Уругвай высказывался против Испании и лишь за временное место Бразилии; Япония была против дальнейшего расширения Совета, однако твердо на своем не настаивала; только Швеция поддерживала претензии Германии. Таково было положение к концу февраля. Германская буржуазная печать была неспокойна и пыталась то убеждать своих противников, то угрожать им.

К началу марта тучи на женевском горизонте еще более сгустились. В английском кабинете происходила борьба, однако Форейн оффис явно склонялся к тому, чтобы уступить настояниям французского правитель-

ства. В Париже правящие круги дали понять, что в случае упорства Германии Франция будет голосовать против нее. Перед лицом этой угрозы и дипломатической разногласия германское правительство было вынуждено перейти к обороне и искать опорные пункты. 2 марта в гамбургской ратуше рейхсканцлер Лютер выступил с большой речью, в которой заявил, что Германия никоим образом не собирается строить систему своей политики на выборе между Востоком и Западом, а вместе с тем заверял в лояльности к Лиге наций. По существу эта речь была окрашена опасениями за судьбы Локарнских соглашений. На следующий день Бриан заявил в палате депутатов, что позиция французского правительства остается неизменной. Английская же дипломатия продолжала искать компромисса, предлагая договориться на неофициальном заседании Совета Лиги и в частных переговорах с германской делегацией. Ее компромиссный план был таков: на первом заседании предоставить Германии постоянное место в Совете, а на втором, уже с участием Германии, предоставить временное место Польше. Германская дипломатия дала понять, что и это предложение для нее неприемлемо, а националистическая пресса заговорила о новой угрозе «окружения Германии». «Не может быть сомнения в том, что существует заговор, имеющий целью нейтрализовать голос Германии в Совете Лиги наций», — так характеризовал и английский экс-премьер Ллойд Джордж положение дел накануне открытия заседания Лиги.

Некоторое замешательство в Женеве произошло вследствие того, что в марте в Париже неожиданно пало министерство Бриана. В связи с правительственным кризисом во Франции появилась возможность отсрочки рассмотрения вопроса в целом до сентября, — мысль, которая и была впоследствии принята, однако уже под давлением обстоятельств иного порядка.

Весь день 7 марта в Женеве протекали оживленные переговоры между отдельными делегациями, но к открытию пленума Лиги наций (8 марта) никакой договоренности достигнуто не было. Вступительная речь председателя португальца Коста о «духе Локарно, приведшем сюда Германию», и о «духе братства, связующем все народы», звучала обычной, официально-оптимистической риторикой. Дело, по существу, не продвинулось ни на шаг: Франция и ее союзники были готовы предоставить Германии постоянное место в Совете Лиги при условии одновременного расширения Совета. В Берлине не скрывали, что германская делегация отправилась в Женеву без определенной программы. Однако руководящие круги германской дипломатии продолжали настаивать на том, что предлагаемый компромисс является неприемлемым. Переговоры, происходившие 10 марта между Штреземаном и французской делегацией, ни к чему не привели; Испания и Бразилия стали распространять слухи о своем решении голосовать против Германии. Большую активность в том же направлении развернула и делегация Италии. Ликвидация правительственного кризиса во Франции только усилила позицию сторонников расширения Лиги наций. В этих условиях решение политической комиссии Лиги наций под председательством О. Чемберлена принять Германию в Лигу почти не произвело эффекта.

Если возвращение Бриана в Женеву внесло что-либо новое, то только то, что усилились шансы Польши, союзницы Франции, на получение места в Совете Лиги. Таков был результат компромисса между Францией и Англией, которые были вынуждены произвести давление на тех, кто в своей непримиримой позиции удачно их заменял. Предполагалось убрать из Совета Лиги Чехословакию или Швецию, Бельгию или Уругвай и освободенное место предоставить Польше. 15 марта шведский министр иностранных дел Унден сообщил германской делегации о «добровольной готовности» уйти из Совета, чтобы тем самым предоставить

место Польше. Чехословакия под соответствующим давлением также была готова отказаться от своего места в пользу Польши. Однако Бразилия категорически подтвердила свое решение в случае непредоставления ей постоянного места голосовать против Германии. Заявление Бразилии спутало все карты — очевидно, оно направлялось твердой и опытной рукой; оно было сделано как раз тогда, когда ситуация, казалось, начала несколько проясняться и Бриан заговорил о соглашении, намечающемся между германской и французской делегациями. Последняя надежда, не успев вспыхнуть, погасла, и все усилия решить запутанный вопрос путем дипломатических интриг рухнули. Главным участникам Локарнского пакта только осталось это констатировать, что и было сделано в подписанной ими 16 марта кисло-сладкой декларации, выражающей надежду на преодоление возникших затруднений к будущей, сентябрьской сессии Лиги, когда Германия займет обещанное ей место в Лиге наций. На следующий день состоялось заседание Лиги наций, которая, предварительно выслушав объяснение бразильского представителя Мелло-Франко, а затем Чемберлена и Бриана, объявила свою работу законченной. А это означало, что вступление в силу соглашений, принятых в Локарно, пришлось отложить.

5

Получив урок «духа Локарно», германское правительство вступило с Советским Союзом в переговоры относительно заключения договора о нейтралитете. Впоследствии германская пресса, оправдывая этот шаг перед западными капиталистическими державами, указывала, что советско-германские переговоры начались еще в декабре 1924 г. Первое сообщение английской газеты⁶ относительно предстоящего подписания советско-германского договора вызвало среди руководящих кругов западноевропейских стран сильное возбуждение. Виднейшие германские политические деятели открыто высказались за необходимость для Германии в данных условиях уравновесить свой зафиксированный в Локарно сдвиг в сторону Запада политическим договором с Советским Союзом. «Тесная связь с Россией, которая могла бы втянуть нас в опасные конфликты, — невозможна, — писал Т. Вольф, известный публицист, влиятельный и осведомленный, — но с другой стороны, для нас столь же невозможно принять статьи 16 и 17 Статута Лиги наций, которые могут нас принудить к выступлению против России — предоставлением свободного прохода через нашу территорию и участием в экономическом бойкоте»⁷. Буржуазная пресса во Франции, как бы возвращаясь к временам заключения Рапалльского договора, снова заговорила о «русско-германском блоке», направленном против Версальского договора; теперь она открыто утверждала, что цель Локарнского договора вбить клин между Германией и Советским Союзом, и если советско-германский договор помешает этому, то Локарнский акт стоит того, чтобы его бросить в корзину. Стремясь несколько успокоить правящие круги Франции и Англии, часть германской прессы, явно инспирированная правительством, выступила с собственным толкованием смысла переговоров с Советским Союзом. Она утверждала, что имеется в виду заключение договора об ограниченном нейтралитете и что, таким образом, в случае нападения Советского Союза на какое-либо государство, Германия не будет обязанной по отношению к нападающей стороне соблюдать нейтралитет⁸. Английская дипломатия пыталась сорвать или затормозить переговоры

⁶ «Times», 13 апреля 1926 г.

⁷ «Berliner Tageblatt», 18 апреля 1926 г.

⁸ «Kölnische Zeitung», 15 апреля 1926 г.

Германии с Советским Союзом, в частности, соблазняя ее обещанием предоставить постоянное место в Совете Лиги наций на ближайшей же сессии и без того, чтобы провести туда и Польшу. Но эти обещания уже не могли удовлетворить германское правительство. Вот почему официальный Вильгельмштрассе с явным раздражением писал, что Германия уже была обманута в Локарно, где Англия и Франция, действуя за ее спиной, обещали Польше место в Совете Лиги наций. «Советско-германские переговоры показывают,— писала далее газета,— что Германия снова способна вести самостоятельную политику. Если в Локарно Германия находилась еще до некоторой степени под давлением английской инициативы, пользующейся Германией как инструментом для достижения английских целей, то переговоры с Россией являются показателем того, что Германия решилась и в состоянии вести такую политику, которая, как на первый взгляд может показаться, противоречит интересам западных держав»⁹.

24 апреля 1926 г. в Берлине был подписан советско-германский договор о нейтралитете. Этот договор состоял из четырех статей и двух нот, составляющих его интегральную часть. Здесь было отмечено, что договор, заключенный в Рапалло, остается основой дальнейшего развития советско-германских отношений. «Оба правительства,— гласила нота германского правительства и ответная нота Советского правительства,— исходили из того мнения, что согласование всех вопросов политического и экономического характера, касающихся обеих стран, существенным образом будет способствовать сохранению всеобщего мира». Центральным пунктом договора являлась ст. 2, устанавливающая принцип нейтралитета: «Если вопреки своему мирному поведению одна из договаривающихся сторон подвергнется нападению третьей державы или группы третьих держав, другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта». Таким образом, установленное договором обязательство нейтралитета имело ограничительный характер, что и не помешало Германии вступить в Лигу наций, Статут которой требовал обязательного применения санкций против «нападающей стороны», независимо от того, является ли последняя членом Лиги наций (статьи 16 и 17 Статута). Тем самым вступление Германии в Лигу поставило в отношении определения «нападающей стороны» вопрос: а судьи кто? — ибо в случае каких-либо осложнений Лига наций под воздействием заинтересованных сил могла объявить Советский Союз нападающей стороной и потребовать от членов Лиги применения военных и экономических санкций. В этих условиях перед Германией возникла бы опасность превратиться в орудие чужих политических целей. Исходя из этой возможности, германское правительство сделало следующее заявление: «Если бы... в среде Лиги наций возникли когда-либо стремления, которые в противоречии с этой основной чертой мира были бы односторонне направлены против СССР, германское правительство со всей энергией противодействовало бы таким стремлениям». «При этом надлежит иметь в виду, что вопрос о том, является ли СССР нападающей стороной, мог бы быть разрешен с обязательной для Германии силой только при ее согласии и что, таким образом, выдвинутое против СССР в этом отношении со стороны других держав, по мнению Германии, необоснованное обвинение не будет обязывать Германию участвовать в мероприятиях, предпринятых на основании ст. 16». Германское правительство, следовательно, взяло на себя обязательство не только противодействовать в рамках Лиги наций организации антисоветского блока или отдельным выступлениям, направленным против Советского Союза, но и ограничить свое участие в применении санкций

⁹ «Deutsche Allgemeine Zeitung», 18 апреля 1926 г.

против Советского Союза. Важное значение имело и то, что, согласно Берлинскому договору, обе стороны согласились как в мирное время, так и во время конфликта с третьей державой не принимать участия в коалициях, имеющих целью установить экономический или финансовый бойкот, направленный против одной из сторон. Для разрешения же спорных вопросов между Германией и Советским Союзом договор установил возможность применения либо согласительных, либо арбитражных форм.

Берлинский договор имел большое значение для Советского Союза. Острые, направленные против Советского Союза Локарнскими соглашениями западноевропейских капиталистических держав и вовлечением Германии в Лигу наций, было этим договором притуплено. Договор отвечал не только интересам обеспечения безопасности Советского Союза, но и интересам международной безопасности, поскольку его целью было предотвращение войны. Он имел, следовательно, для Германии не меньшее значение, чем для Советского Союза. Вот почему правая французская пресса, оценивая Берлинский договор, выражала недовольство прежде всего тем, что международно-политическое положение Германии накануне ее вступления в Лигу наций укрепились¹⁰. В руководящих кругах Англии и Франции возникли опасения, что договор может стать этапом на пути к советско-германскому союзу. Ллойд Джордж предложил немедленно исправить ошибки мартовской сессии Лиги наций, в первую очередь тем, чтобы открыть Германии дорогу в женевскую организацию.

Эта точка зрения и восторжествовала в политике Англии, которая в целях расширения своего политического влияния в Европе, ослабления Франции и изоляции Советского Союза пыталась создать новую систему европейских отношений. В этой системе Германии отведена была роль противовеса Франции и плацдарма для наступления на Советский Союз. Но в условиях относительной стабилизации капитализма Германия, которая уже ранее начала превращаться из государства — объекта политики Антанты, в государство, являющееся субъектом самостоятельной политики, стала добиваться собственных целей. Осуществляя ряд сложных дипломатических маневров, правящие круги Германии стремились использовать противоречия в лагере держав-победительниц, но прежде всего противоречия между Советским Союзом и главнейшими капиталистическими державами. В этом смысле советско-германский договор о нейтралитете, вытекающий из «политики Рапалло», и вступление Германии в Лигу наций, вытекающее из «политики Локарно», очерчивают общий круг политического балансирования Германии между «Востоком» и «Западом».

1926 г.

¹⁰ «Temps», 26 апреля 1926 г.

«ДУХ ЛОКАРНО» И ФРАНКО-ГЕРМАНСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Если «политику Локарно» рассматривать не только как систему гарантийных и арбитражных пактов, а более расширительно, как кардинальную линию, преследующую цель вовлечь Германию в антисоветский курс западных держав, то окажется, что эта политика была зигзагообразна, ее характеристика разноречива и расплывалась в потоке общих мест, поскольку она отражала противоречивые интересы капиталистических держав. Внимательный наблюдатель,— историк и современник,— легко может подметить, что роли на арене международной политики переменялись: актеры, которые в годы зарождения локарнской политики так многообещающе говорили о «духе Локарно», вскоре замолчали и с нескрываемым раздражением относились к Германии, настойчиво напоминающей о «музыке прошлого».

В этих отнюдь не академических спорах о том, что следует понимать под «духом Локарно», довольно отчетливо отражается новый этап отношений между возрождающейся империалистической Германией и ее западными партнерами. Если раньше, в период Локарнской конференции, призывы к «духу Локарно» неизбежно сопутствовали политике вовлечения Германии на путь так называемой «западной» ориентации против Советского Союза, то уже спустя три года апелляция к этому «духу» стала уделом германского правительства, во главе которого был поставлен один из лидеров правой социал-демократии Герман Мюллер.

Расширив в результате выборов 1928 г. свою парламентскую базу, социал-демократия получила возможность занять крупные посты в германском кабинете. Внешняя политика, диктуемая интересами монополистического капитала, и в этой связи усиление «западной» ориентации в германской политике,— все это и раньше осуществлялось при активной поддержке социал-демократии. Надо отдать должное последней: в своей поддержке «западной» ориентации германского империализма она была упорна, несмотря ни на что. Раньше ее позиция облегчила деятельность буржуазного кабинета Маркса. Имея в парламенте недостаточную опору в виде срединных партий, кабинет Маркса успешно балансировал: по вопросам внутренней политики он получал поддержку у партии националистов, а по вопросам внешней политики — у социал-демократии. Впоследствии, когда крупная германская буржуазия заключила политический блок с аграриями и в результате образовалась парламентски сильная коалиция правых партий, включая националистов, социал-демократическая оппозиция касалась, главным образом, вопросов внутренней политики; в вопросах же внешней политики она оказывала кабинету фактически большую поддержку, чем правительственная партия националистов, демагогически пытавшаяся снять с себя ответственность за послелокарнские неудачи германской дипломатии. После краха правобуржуазной правительственной коалиции¹,—

¹ См. ниже: «Распад правительственной коалиции в 1928 году».

а это было развалом блока буржуазных партий, а не развалом блока господствующих классов,— предвыборная агитация шла почти исключительно по вопросам внутренней политики. Будучи в оппозиции и поддерживая внешнюю политику правобуржуазного блока, социал-демократия в предвыборной борьбе, естественно, заострила внимание исключительно на вопросах внутренней политики; иначе социал-демократия невыгодным образом утратила бы всякую грань, отделяющую ее от партии монополистического капитала — «германской народной партии». Войдя после выборов 1928 г. в политический блок с этой партией, социал-демократия способствовала созданию парламентского базиса для более активной внешней политики, в осуществлении которой заинтересована возрождающаяся сила германского империализма и милитаризма.

Ухудшение экономической конъюнктуры и ее неблагоприятные перспективы после прихода к власти кабинета Мюллера обрисовались достаточно отчетливо. «Доклады, исходящие из кругов промышленности и торговли,— сообщал отчет банка „Disconto-Gesellschaft“ в половине июня 1928 г.,— а также со стороны различных следящих за их развитием учреждений, показывают далеко идущее и редкое единодушие в оценке нынешнего экономического положения. Их выводы сводятся к тому, что, хотя мы еще не двигаемся назад,— а это должно охватить в равной мере все отрасли хозяйства,— все же при взгляде на общий ход вещей невозможно отрицать неизбежное дальнейшее медленное ухудшение конъюнктуры». Это ухудшение выдвинуло на передний план проблему приобретения новых рынков, тем более, что для Германии, вступившей в первый год нормальных платежей, установленных планом Дауэса, проблема рынков была тесно связана с проблемой репараций. На эту связь обратил внимание глава кабинета Герман Мюллер. В правительственной декларации он заявил о готовности Германии приступить к окончательному разрешению репарационного вопроса на основе взаимного соглашения заинтересованных сторон, при этом он выдвинул тезис о необходимости установить платежеспособность Германии в зависимости от дальнейшего развития ее экономической экспансии в системе мирового капиталистического хозяйства. «Выполнение плана экспертов, восстановление мирового хозяйства и собственные интересы германского народного хозяйства,— заявил рейхсканцлер,— одинаково требуют облегчения и содействия торговому обороту. Репарационные платежи могут, по словам экспертов, покрываться лишь из действительных излишков германского хозяйства. Мировое хозяйство болеет протекционизмом. Германское хозяйство нуждается для своего полного раскрепощения в развитии и углублении связей с мировым хозяйством. Поэтому имперское правительство будет поддерживать все усилия, направленные к завязыванию связей с мировым хозяйством, и само будет делать все возможное для того, чтобы укрепить германское народное хозяйство посредством расширения его деятельности на арене мирового хозяйства».

Эта сформулированная Германом Мюллером программа «окончательного» решения репарационного вопроса (установление общей суммы германской задолженности, условий трансфера — перевода репарационных взносов и др.) являлась программой германского монополистического капитала.

Характерно, однако, что требование о досрочном освобождении оккупантами Рейнской области было затронуто прежде всего и вне какой бы то ни было связи с другими проблемами. Именно в этом требовании звучала апелляция к «духу Локарно», столь усердной защитницей которого является германская социал-демократия. Капитуляция социал-демократии перед требованием империалистической буржуазии и милитаризма по вопросу о постройке броненосца вызвала бурное недовольство в рядах рабочего класса и сильное разочарование в кругах мелкой

буржуазии, определивший своими голосами исход выборов 1928 г. Потребовалось спешно отвлечь внимание в другую сторону, концентрировать его на вопросе, имеющем широкий интерес: будучи руководящей партией в кабинете, социал-демократия решила захватить инициативу в свои руки, учитывая, что, выдвинув требование о досрочном очищении Рейнской области, она получит поддержку большого сектора политических сил в стране.

Вскоре этот вопрос из сферы общих деклараций был практически поставлен на рельсы внешней политики, тем более, что новое правительство нуждалось в укреплении престижа, а социал-демократия — в консолидации сформированного кабинета. Решение германского правительства о необходимости самостоятельного активного выступления в вопросе о Рейнской области было вызвано этими внутривнутриполитическими условиями, но сложившаяся международная ситуация ускорила это выступление. Первые сведения, сначала глухие и неопределенные, о сближении между Англией и Францией насторожили и даже встревожили политические круги в Берлине. Уже вскоре эти круги могли убедиться, что англо-французское сближение, одним своим острием направленное против США, а другим — против Советского Союза, не замедлит отрицательно сказаться и на международном положении Германии. Руководящие круги германского империализма, а также лидеры социал-демократии, — главные адепты «духа Локарно», — поняли, что они лишаются крупного козыря, — английской поддержки, столь могущественно сказавшейся в предыдущий период, начиная с Лондонской конференции 1924 г., принявшей репарационный план Дауэса. Несколько позднее, когда основные контуры англо-французского сближения выступили более отчетливо, английский журнал «Nation» отметил, что подобная политика лондонского кабинета, направленная на сближение с Францией, в свое время сделала бы невозможным подписание Локарнского пакта и что в европейском аспекте это англо-французское сближение, по существу, означает не более и не менее, как ликвидацию «духа Локарно». Односторонним сближением с Францией, направленным на укрепление своих мировых позиций против США и, главным образом, против Советского Союза, Англия сдвигала установившиеся соотношения в системе государств и в какой-то степени теряла положение верховного гаранта, установленное в Локарно.

Эта перспектива, неизбежность которой в случае дальнейшего развития англо-французского сближения становилась очевидной, была использована в Германии самой сильной партией парламентской оппозиции — реакционной «германской национальной народной партией». Преодолевая внутренний кризис, эта партия тотчас же перешла в наступление против правительственной коалиции. Крах «политики Локарно» означал бы неслыханную компрометацию внешнеполитической линии всех партий, входящих в кабинет Мюллера. Этот внешнеполитический удар был бы наиболее тяжелым для социал-демократической партии, уже скомпрометировавшей себя перед массами своей постоянной уступчивостью по отношению к «народной партии» в вопросах социальной политики и по отношению к католической партии центра — в вопросах культурной политики. Не следует забывать, что именно социал-демократия всегда и при всех условиях являлась сторонницей «западной» ориентации германской политики. В целях обороны своих внутривнутриполитических позиций лидерам социал-демократии пришлось выдвинуть вопросы, игравшие на выборах второстепенное значение, — вопросы внешней политики. Более того, правительство Мюллера должно было ускорить свою дипломатическую активность, поскольку было ясно, что действовать в начале англо-французского сближения неизмеримо выгодней, чем тогда, когда новая Антанта завершит свою консолидацию.

Пришлось спешить, тем более, что 30 июля 1928 г. руководитель Форейн-оффиса сделал в палате общин официальное сообщение о заключении англо-французского морского соглашения. Содержание этого соглашения еще долгое время оставалось тайной, но большое политическое значение имел уже самый момент сделанного сообщения: то была англо-французская демонстрация против США, проведенная менее чем за месяц до установленного дня подписания пакта Келлога.

В дипломатических переговорах, протекавших в связи с предложением Вашингтона подписать «пакт о вечном мире», никто не занял по отношению к США более благоприятной позиции, чем Германия. Она была первой державой, принявшей американское предложение (27 апреля 1928 г.), — и притом без всяких оговорок, лишь с одним весьма осторожно сделанным замечанием, гласящим, что «уважение к обязательствам, вытекающим из Статута Лиги наций и из Рейнского пакта, по мнению германского правительства, должно остаться ненарушенным». Эта осторожность, предназначенная, конечно, для Франции, не могла все же затушевать факта демонстрации германо-американского сближения. Поездка Штреземана в Париж для подписания пакта Келлога — первая после войны поездка германского министра иностранных дел во французскую столицу — имела двойкий смысл. Она имела целью дипломатически закрепить основную тенденцию германской политики к сближению с США. Эта тенденция сформировалась уже раньше на основе прилива американских капиталов в Германию. В условиях же англо-французского сближения она стала особо знаменательной. С другой стороны, целью поездки Штреземана было установление личного контакта с главой французского правительства Пуанкаре. Так нащупывались почва и возможности будущих переговоров между Германией и Францией.

Следует отметить, что первые зондирования Франции германской дипломатией были проведены в неофициальном порядке. В августе 1928 г. на происходившем в Брюсселе Международном конгрессе социалистических партий французская делегация единодушно высказалась за немедленное прекращение оккупации Рейнской области, — и без какой бы то ни было компенсации со стороны Германии. Это выступление делегации французских социалистов являлось результатом переговоров, в которых германская социал-демократия, пытаясь облегчить задачу своих представителей в берлинском кабинете, выясняла позицию французского правительства и старалась заручиться поддержкой своих французских коллег по Интернационалу. Обещание этой поддержки было получено, но уже через несколько дней Поль-Бонкур, член социалистической фракции в палате депутатов и представитель Франции в Лиге наций, открыто выступил против немедленного и безусловного очищения Рейнской области.

В середине августа 1928 г. стало известно, что Германия предполагает вскоре проявить инициативу и поставить на обсуждение заинтересованных сторон вопрос об эвакуации оккупированной Рейнской области. Буржуазные политические круги Франции предостерегали Германию, что ей не следует полагаться на резолюцию французских социалистов. Все же германское правительство выдвинуло свое требование, уповав на то, что английская дипломатия — главный инициатор «духа Локарно» — поддержит его. Но позиция лондонского кабинета не могла внушить в этом отношении радужных надежд. Английский министр иностранных дел Остин Чемберлен заявил в палате общин, что английская дипломатия ничего не сделает по интересующему Германию вопросу без предварительного согласования с Парижем и Брюсселем. После происходивших летом 1928 г. французских маневров, в которых принимали участие и английские кавалерийские части, заявление Чемберлена

являлось очередной демонстрацией англо-французского сближения, а за несколько дней до подписания пакта Келлога было объявлено, что в Кобленце между английскими и французскими властями заключено соглашение о... расширении английской оккупационной зоны в Германии.

Германская дипломатия встретила затруднения и с другой стороны. Польский министр иностранных дел Залеский поспешил в Париж и заявил Бриану, что Польша высказывается против досрочной эвакуации Рейнских зон и что в качестве компенсации за будущую эвакуацию этих зон следует потребовать от Германии особых гарантий неприкосновенности западных границ Польши. Получалась довольно сложная ситуация: апеллируя к «духу Локарно», германское правительство собиралось требовать в рейнском вопросе лояльного выполнения данных ей обещаний, но в ответ на это появилось предложение о необходимости в качестве предварительного условия гарантировать польско-германскую границу. Буржуазная пресса Германии, охваченная ревизионистскими настроениями, отвергла польское предложение. Любопытно, что с открытой поддержкой польских предложений выступил Польш-Бонкур, присоединивший сюда же требования об установлении постоянного контроля над Германией после 1935 г., а кроме того, гарантии в том, что Германия не присоединит к себе Австрию.

Пребывание Штреземана в Париже было, конечно, использовано для начала предварительных переговоров, в ходе которых германские требования о досрочной эвакуации Рейнских зон встретило отпор. Французское правительство отказывалось считать выполненными условия Версальского договора до тех пор, пока Германия не внесет последний пфенниг по своим репарационным обязательствам, общий размер которых, кстати сказать, оставался неустановленным. Это означало, что Франция считает себя вправе отказаться от вывода своих войск с германской территории и что выполнение германских требований может произойти только за счет соответствующих компенсаций финансового характера.

Если в Париже происходила рекогносцировка, то сессия Лиги наций в сентябре 1928 г. была свидетелем открытой схватки между германской и французской дипломатией. Выступление Германа Мюллера, социал-демократического рейхсканцлера, явно было рассчитано на внутривнутриполитический резонанс, и, следует признать, — в этом он добился цели. Демагогически выдвинув вопрос о необходимости всеобщего разоружения как главного условия сохранения европейского мира, германский канцлер тем самым направил удар против Франции: действительно, расширительно толкуя в свою пользу ст. 431 Версальского трактата о выполнении германских обязательств, французское правительство само не выполнило основного обязательства — разоружиться... О своих требованиях досрочного освобождения Рейнской области Мюллер, из тактических соображений, упомянул крайне осторожно, но и сказанного им оказалось достаточно, чтобы Бриан в своем ответном выступлении одним решительным ударом разбил германские надежды на «дух Локарно». После горячих слов о «духе Локарно» и общности судеб культуры и цивилизации стран Западной Европы, — тех общих слов, при помощи которых социал-демократия ловко прикрывала «западную» ориентацию руководящих кругов германского империализма, — речь Бриана была подобна холодному душу. Она как бы напоминала, что «дух Локарно» вовсе не устранил послеверсальских противоречий между Францией и Германией и что апелляция германского правительства к этому «духу» является лазейкой, которую стремится использовать другой дух — дух германской экспансии и милитаризма. Если бы германский канцлер вернулся в Берлин тотчас после удара, нанесенного ему Брианом, крушение правительственной коалиции было бы неминуемо. Пресловутый

«язык Локарно» стал слишком резок и, во всяком случае, ни одним звуком не напоминал те медоточивые речи, которые еще столь недавно произносил тот же Бриан в Женеве при вступлении Германии в Лигу наций. На сей раз Бриан парализовал надежды германского правительства использовать «дух Локарно» в своих интересах, но для того чтобы поддержать «западную» ориентацию правящих кругов Германии и предоставить им возможность вступить в переговоры, он дал смягчающее интервью. Герман Мюллер утратил роль блюстителя «духа Локарно», а для того чтобы не утратить и своего портфеля, был вынужден воспользоваться возможностью вступить в закулисные переговоры непосредственно с Францией.

Захватив инициативу и заручившись поддержкой Англии и Бельгии, французская дипломатия выдвинула на первый план вопросы, которые отвечали ее интересам: репарационный вопрос и вопрос о контроле в оккупированных областях Германии, в будущем подлежащих эвакуации. Все эти вопросы были связаны в том смысле, что эвакуация второй зоны ставилась в зависимость от учреждения новых контрольных комиссий, а эвакуация третьей зоны — от соответствующей финансовой компенсации. О характере переговоров можно судить по тому, что во французском предложении учредить согласительную комиссию правящие круги Германии усмотрели возрождение старой идеи французского генерального штаба об установлении над демилитаризованной Рейнской областью постоянного контроля. Мюллер был вынужден заявить, что Германия не может терпеть на своей территории проектируемые комиссии более, чем до 1935 г. Тогда изворотливый Бриан сумел связать идею об учреждении контрольных комиссий с проведением «политики Локарно».

Переговоры, происходившие в Женеве за кулисами Лиги наций, закончились, как гласило официальное сообщение, соглашением:

«1) относительно открытия официальных переговоров о выставленном рейхсканцлером требовании преждевременно эвакуировать Рейнскую область;

2) относительно необходимости окончательно и определенно урегулировать репарационный вопрос и для этой цели образовать комиссию финансовых экспертов шести держав;

3) относительно учреждения согласительной комиссии — переговоры между правительствами об образовании, функциях, положении и сроках работы этой комиссии будут продолжаться».

Содержание этого сообщения сводилось к констатации того, что фактически никакого соглашения достигнуто не было. Ни одна проблема франко-германских противоречий не была решена. При разноречивости политических позиций сторонам удалось только найти формулу для будущих переговоров. Германская дипломатия обосновывала свои требования о полной и безусловной эвакуации Рейнских зон ссылкой на ст. 431 Версальского трактата, а также на то, что принято называть «духом Локарно». В этом отношении с германской стороны отказывались устанавливать какое-нибудь различие между положением второй и третьей зон оккупации. Французская дипломатия ставила эвакуацию второй зоны в зависимость от согласия Германии на учреждение контрольной комиссии на длительный срок, а эвакуацию третьей зоны ставила в зависимость от соответствующего разрешения репарационной проблемы.

Итак, вопросы, подлежащие урегулированию в «духе Локарно», были лишь поставлены или даже лишь намечены, но не разрешены. Более того, постановка этих вопросов вызвала вспышку франко-германских противоречий, — вспышку, осветившую некоторое изменение в международной обстановке и в соотношении сил в Европе. Ввиду приближения срока очищения второй зоны, обусловленного Версальским трактатом, Франция, очевидно, решила создать новую форму контроля

над демилитаризованной зоной, дабы не выпустить из рук возможностей дальнейшего давления на Германию. Отброшенный в Локарно от роли гегемона в Западной Европе, французский империализм попытался взять частичный реванш. Вот почему французский проект об учреждении согласительной комиссии в качестве компенсации за очищение второй зоны правящие круги в Берлине расценили как маскировку старого французского плана о постоянном контроле над демилитаризованной зоной. Эта маскировка заключалась в том, что Франция соглашалась допустить в международную комиссию германского представителя, подчеркивая, что соответствующий статут следует рассматривать как дополнение к Локарнскому, а не к Версальскому договору. Таким образом, в ответ на наступление германской дипломатии последовало контрнаступление французской дипломатии, и это новое столкновение интересов двух крупных капиталистических держав на европейском континенте могло бы быть только выгодным для «третьего радующегося» — Англии.

Надежды германской дипломатии на «локарнскую» позицию Англии оказались в Женеве разбитыми. Английский представитель, который, если верить прессе, приехал в Женеву без больших полномочий и даже без инструкции своего правительства, представлял собою фигуру умолчания, а если и говорил, то не в «духе Локарно», а в духе предложений, которые выдвигала Франция. Англия как бы сохраняла нейтралитет, однако явно благоприятный для Франции. Это совсем не напоминало переговоры в Туари², ибо там была попытка франко-германского сближения, направленного против Англии. Но еще меньше это напоминало ситуацию Локарно. Дипломатическая акция германского правительства повлекла, следовательно, неожиданные результаты. Вопрос, выдвинутый Германией, оказался связанным с другими вопросами, поставленными Францией. Парижская буржуазная пресса утверждала, что не только обсуждение, но и решение вопросов относительно Рейнской области, репараций и контрольной комиссии должно идти параллельно, одновременно и связано между собой «sur le même plan», по выражению официоза министерства иностранных дел. «Напротив,— возражал официоз германского министерства иностранных дел „Deutsche diplomatisch-politische Korrespondenz“ от 18 сентября 1928 г.,— с германской стороны особенное значение придают тому, что ни сопоставление различных пунктов из коммюнике, ни параллельность или одновременность переговоров, если они начнутся, не дают права заключить об их внутренней связанности. Во время переговоров никому не удалось сдвинуть Германию с той точки зрения, что репарационный вопрос ничего общего не имеет с вопросами эвакуации Рейнской области».

Эта контроверза в толковании текста Женевского соглашения указывает на попытки правящих кругов Германии настоять на своем требовании относительно эвакуации Рейнской области, независимо от того, каков будет исход переговоров по другим вопросам. В то же время, опасаясь изоляции перед лицом англо-французского сближения, руководящие круги германской буржуазии уже вскоре высказались за необходимость привлечения к предстоящим переговорам Соединенных Штатов Америки. На этом сошлись не только все политические партии, представленные в кабинете, но и оппозиция справа,— и таким образом, тут сложился единый фронт от социал-демократов до националистов включительно. Определяющим моментом такого единодушия являются, конечно, огромные капиталовложения американских банков в германскую экономику на основе плана Дауэса и последующее развитие тесных финансо-

² А. С. Ерусалимский. «Западная» политика Германии после Туари (Туари — Ромси — Женева — Рим). — «Мировое хозяйство и мировая политика», 1927, № 1 (Подпись — А. Е.).

вых связей между монополиями США и Германии. Но в данном случае открыто выраженное стремление всех буржуазных партий и социал-демократии привлечь США к переговорам носило характер политической демонстрации. «Подобно тому как план Дауэса в действительности никоим образом не был лишь экономической акцией,— писал барон фон Рейнбабен, видный член „германской народной партии“, лицо, близко стоящее к Штреземану,— но заключал в себе и значительные политические моменты, в первую очередь „возвращение Америки в Европу“ а также известное противодействие английской политики французским планам безграничной гегемонии,— столь же мало Локарно было чем-то чисто политическим, но означало создание условий для стечения более чем 10 млрд. в „бескапитальное“ германское хозяйство. Отделять политику от экономики в настоящих немецких условиях вообще невозможно. Никогда без „Локарно“ американский финансовый мир не проявил бы и в далекой степени столько интереса к экономике Германии, как с „Локарно“, которое исключило всякую возможность повторения французского вторжения в Рур 1923 г. и создало предпосылки для добрососедской работы влиятельнейших великих держав Европы. То, что было верно для прошедших лет, годится для теперешних немецких требований ревизии плана Дауэса. Уклонение от международно-правовых основ „Локарно“ сделало бы совершенно невозможным проведение германского требования пересмотра».

Итак, правящие круги Германии стали рассматривать «политику Локарно» под углом зрения своих отношений не только к Англии, но и в меньшей степени к США. Акцент явно переместился,— и в этом, конечно, отражается, с одной стороны, сдвиг в системе международных отношений главнейших капиталистических держав, а с другой,— усиление германского империализма и его позиций в этой системе. В руководящих политических кругах Германии усилилась скрытая борьба за ориентацию,— борьба, которая внешним образом выражается в попытке использовать противоречия, нарастающие между главными капиталистическими державами, и в частности, балансировать не только между Францией и Англией, но и между обеими последними и Соединенными Штатами Америки. Возможности такой политики отнюдь не иссякли. В условиях роста экономических и политических противоречий между Англией и США балансирование стало одним из испытанных методов укрепления позиций германского империализма. Правящие круги Германии рассчитывали, что дипломатические неудачи «западной» ориентации носят преходящий характер. К тому же наиболее реакционные и агрессивные круги, выступавшие под лозунгами германского национализма и шовинизма, всегда были готовы свалить ответственность за эти неудачи на социал-демократию как носительницу «духа Локарно». В этих условиях монополистический капитал и его «народная партия» уже успели переключить внимание от «духа Локарно» к англо-французскому сближению, которое, как это открыто заявил Штреземан с трибуны рейхстага, подрывает самые основы гарантийного пакта, подписанного в Локарно. Правящие круги Германии сочли необходимым, используя дипломатические каналы, а еще больше — финансовые связи с Уолл-стритом, усилить свою активность в целях сближения с США. Учитывая предстоящие переговоры о репарациях на основе пересмотра плана Дауэса, они опасались стать объектом англо-американского соперничества. Но если в Женеве Германии пришлось считаться с тем, что при ее столкновении с Францией последняя заручилась благожелательным нейтралитетом Англии, то уже очень скоро выяснилось дальнейшее направление в развитии англо-французских отношений. «Нам кажется,— писал германский официоз,— что нынешнее состояние германо-английских отношений далее невозможно. Оно должно улучшиться или ухудшиться».

Ближайшие факты показали, что на этот прямой вопрос Англия дала прямой ответ. 3 декабря 1928 г. О. Чемберлен выступил с заявлением о том, что Германия не имеет никаких юридических оснований требовать «преждевременного» очищения Рейнской области и что ст. 431 Версальского трактата остается в силе, пока Германия не выполнит репарационных обязательств. Германская буржуазная пресса, негодуя, назвала выступление руководителя Форейн оффиса «пуанкаристским». В берлинских политических кругах оценили это заявление Чемберлена как составную часть продуманного плана сильным нажимом на Германию в Рейнском вопросе вызвать ее уступчивость в вопросе о репарациях. За этим выступлением Чемберлена тотчас же последовало весьма резкое выступление Бриана во французской палате депутатов. Бриан подчеркнул, что главной положительной чертой сентябрьских переговоров в Женеве было то, что они рассеяли немецкие «иллюзии».

Англо-французский дипломатический фронт, таким образом, сомкнулся, и этому, конечно, предшествовали оживленные переговоры между Парижем и Лондоном. Затем переговоры с Германией были возобновлены в Лугано. Ничего хорошего, кроме погоды, германских представителей там не ожидало. Германской дипломатии не удалось продвинуть свою точку зрения или укрепить свою позицию в каком-нибудь принципиальном вопросе. Переговоры вращались в сфере взаимных зондирований относительно работ будущих комиссий, предусмотренных Женевским соглашением. Однако в печать проникли сведения, осветившие позицию, занятую английской дипломатией в связи со вспышкой франко-германских противоречий. Ссылаясь на весьма авторитетные источники, «Kölnische Zeitung» сообщила о существовании английских планов связать вопрос об эвакуации Рейнской области с проблемой советско-германских отношений. Эта влиятельная и хорошо осведомленная немецкая газета (она была связана с магнатами тяжелой промышленности Рура и с министерством иностранных дел) утверждала, что своей позицией в рейнском вопросе британская дипломатия стремится воздействовать на Берлин с целью подорвать развитие советско-германских отношений и вовлечь Германию в антисоветский блок. Во всяком случае, неудачи «западной» ориентации заставили германское правительство вступить на путь улучшения своих отношений с Советским Союзом.

Советско-германские торговые переговоры, в свое время прерванные по инициативе германского правительства, были возобновлены в Москве и вскоре благополучно закончились рядом соглашений, удовлетворяющих интересы обоих государств. Развитие советско-германских отношений нашло в Германии широкую поддержку и сочувствие, — и это, пожалуй, единственное, что кабинет Мюллера внес в свой политический актив. Кажется парадоксом, что улучшение отношений с Советским Союзом осуществлено правительством, в котором руководящую роль играет партия, являющаяся наиболее яростной защитницей «западной» ориентации Германии. Но то, что скрывается за этим «парадоксом», весьма знаменательно. Внешнеполитические неудачи германского правительства на пути «западной» ориентации сильно поколебали внутреннеполитическую позицию социал-демократии, подтачиваемую напором рабочего движения, а также парламентской оппозицией националистов. Эти неудачи на Западе заставили правительство Мюллера искать пути к улучшению отношений с Востоком. Учитывая колебания экономической конъюнктуры в Германии и рост безработицы, германское правительство заинтересовано в развитии торговых отношений с Советским Союзом на прочной основе. Штресеман и его «народная партия» стремятся извлечь отсюда максимальные выгоды.

Не удивительно, что эта партия монополистического капитала, исходя из факта ослабления социал-демократии, снова, хотя и весьма

осторожно, начала искать союза с националистической партией крупных аграриев, требуя, чтобы представители последних участвовали в переговорах по урегулированию репарационного вопроса. С другой стороны, монополистический капитал, ссылаясь на решающий характер предстоящих переговоров, выставлял требование консолидации правых и средних партий в парламенте и создания более устойчивого правительства большой коалиции с целью активной борьбы против коммунистической партии и дальнейшего расширения своего политического влияния. Штреземан добился того, что представителями Германии в переговорах для пересмотра репарационного плана Дауэса были назначены магнаты тяжелой промышленности. Угрозой сближения с правой националистической партией Гугенберга партия монополистического капитала держала социал-демократию в своем подчинении. Более того, своей открытой и активной поддержкой программы строительства военно-морского флота (броненосец «А») правые лидеры социал-демократии продемонстрировали солидарность с ревизионистскими и реваншистскими устремлениями германского империализма и милитаризма. Штреземан заставил Германа Мюллера солидаризироваться с ним по вопросам внешней политики, однако ответственность за внешнеполитические неудачи перекладывал только на социал-демократию. Защитники «западной» ориентации за время пребывания у власти успели получить очередной урок «духа Локарно», — урок, свидетельствовавший о росте противоречий между державами капиталистического мира.

1929 г.

РАСПАД ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ КОАЛИЦИИ В 1928 ГОДУ

Германия готовится к выборам. Четырехлетний срок полномочий рейхстага истекает лишь 7 декабря 1928 г., но правительственная коалиция была вынуждена согласиться на более ранний срок выборов.

Весьма знаменательно, что кризис правительственного блока правых партий начался не в результате парламентского наступления оппозиции, а под влиянием взрыва внутри самой коалиции. Кризис прорвался как бы неожиданно. Поводом для развала правительственной коалиции явилась незначительная подробность школьного законопроекта, относящаяся к смешанным (так называемым симультанным), т. е. католическим и евангелическим, школам Гессена и Бадена.

Не следует переоценивать значения развала правительственной коалиции. Дело идет о развале блока правых буржуазных и юнкерских партий, а не о развале блока господствующих классов Германии. В этом отношении при рассмотрении партийно-политических сил среди господствующих классов можно вычертить две основные линии, которые внешне выглядят как противоположные, а по существу сходятся в едином центре; с одной стороны, распад правой правительственной коалиции, поставившей вопрос о роспуске рейхстага и о новых выборах, а с другой стороны, консолидация монополистического капитала, усиление его влияния на государственный аппарат, попытки дальнейшего расширения его политического влияния как на более широкие круги буржуазии, так и на промежуточные социальные слои, с тем, чтобы всю эту сложную систему экономического, политического и государственного воздействия направить против рабочего класса и его авангарда — коммунистической партии.

В свете этих последних тенденций становится понятным создание новой организации — «Союза обновления государства». Официальной целью этого «Союза» является устранение внутренних трений, которые происходят между германским государством (Reich) и составляющими его самостоятельными землями (Länder). Речь, следовательно, идет об укреплении Германской империи, об устранении всех тех помех технического, административного, юридического, наконец, партикуляристского порядка, которые в какой-то степени мешают монополистическому капиталу вновь вывести Германское государство сквозь строй внутренние и внешнеполитических затруднений на дорогу империалистической политики. Широкая пропаганда, финансируемая крупными монополиями, пытается убедить, что, несмотря на стабилизацию капиталистических порядков, укрепление валюты и успешную борьбу на внешних рынках, Германскому государству угрожает опасность — внутренняя и внешняя.

«В час опасности, — говорится в первом воззвании „Союза“, — не может быть других лозунгов, кроме лозунга укрепления государства.

Имперскому правительству должно быть предоставлено право решения всех общих важнейших вопросов. Наряду с руководством в области внешней политики и в вопросах права и высшего руководства военными силами ему принадлежит руководство в области финансов и регулирование всех вопросов, которые имеют определяющее значение для германского хозяйства. Такая империя должна заключать в себе государственную силу, которая некогда построила старую империю и которую следует поставить на службу общему делу».

«Союз обновления государства» усматривает свою задачу в том, чтобы объединить представителей самых различных групп правящих классов Германии. Членами «Союза» являются видные аграрии, представители крупных банков, торгового капитала, а главным образом, трестированной промышленности. Во главе новой организации, которая уже успела завязать непосредственные сношения с имперским и прусским правительствами, стоит д-р Лютер, бывший рейхсканцлер, лицо более чем близкое к интересам германской тяжелой промышленности. Это дает основание полагать, что «Союз» представляет собой своеобразную, так сказать, резервную организацию германской буржуазии и юнкерства под общим руководством монополистического капитала, который стремится к еще более тесному сращиванию с государством в целях действительной экспансии на внешних рынках и в целях консолидации всех политических сил реакции для наступления на рабочий класс.

Проповедь «национального единства», преодоления «трений», раздирающих общественную жизнь Германской империи,— таков идейный таран, который направляется против самостоятельных и сплоченных выступлений всего рабочего класса. Однако новый «Союз» не ограничивается попыткой организации единого фронта буржуазии и юнкерства и дальнейшего подчинения государства монополистическому капиталу. Он стремится организационно расколоть рабочий класс и привлечь его некоторую часть вместе с мелкой буржуазией в сферу своего политического и идеологического влияния; отсюда особые приглашения по адресу социал-демократии. «Если устранение инфляции и укрепление рентной марки возможно было только посредством чрезвычайных мероприятий и законов об особых полномочиях,— писал один из ведущих органов тяжелой промышленности,— если в прежние годы внутренней неустойчивости и тяжелых жизненных кризисов Германии нужно было прибегать к необычным средствам, то теперь весьма желательно обеспечить необходимое развитие, поскольку это возможно, в нормальных формах. Сюда, конечно, входит то,— и в этом заключается политическое размышление, а также государственно-политическая надежда,— что социал-демократия должна быть привлечена к активному сотрудничеству. Без социал-демократии нет в рейхстаге большинства в две трети, а без такого большинства — нет изменения конституции. Абсолютно необходимо, чтобы та партия, которая по сравнению со всеми партиями охватывает наибольшее число рабочих, в новом построении государства участвовала активно и радостно»¹.

Приглашение социал-демократии вступить в «Союз» сопровождается достаточно хорошо завуалированной угрозой применить внепарламентские методы борьбы, и ценой соблюдения парламентской формы предполагается купить сотрудничество социал-демократии. Более чем возможно, что отдельные социал-демократы (типа Носке) не откажутся от полученного приглашения, однако на ближайшее будущее вряд ли можно рассчитывать в этом отношении на социал-демократию в целом. В частности, вступление в «Союз обновления государства» будет для социал-демократии затруднено предвыборной борьбой. Не следует.

¹ «Deutsche Allgemeine Zeitung», 10 января 1928 г.

однако, забывая, что еще в мае 1927 г. на съезде германской социал-демократической партии Гильфердинг провозгласил необходимость борьбы за полное объединение и единство Германского государства (Einheitsstaat), а с этим неразрывно связывалась готовность социал-демократии к вступлению в коалиционное министерство.

В одном не может быть сомнений: взяв курс на осуществление империалистической политики, «Союз» постарается использовать и те маневры, которые буржуазия в целом и отдельные ее группировки, а также юнкерство вынуждены предпринять для расширения и закрепления своего политического влияния в условиях предвыборной борьбы, а главное в условиях, когда господствующие классы Германии идут навстречу серьезным экономическим и политическим затруднениям.

Создание новой организации германской буржуазии под руководством трестированного капитала произошло накануне распада правительственной коалиции. Провоцируя разрыв правительственной коалиции, «народная партия» — партия тяжелой промышленности, установив преобладающее влияние в созданном «Союзе», как бы застраховала свой тыл. Не следует забывать, что общим фоном кризиса правительственного блока являлась и продолжает оставаться ожесточенная классовая борьба в германской металлургической и угольной промышленности, широкая волна стачечного движения и грандиозных локаутов.

Вопросом, на котором поскользнулся правительственный блок, являлся, как отмечалось, школьный закон. Вокруг него и разгорелась борьба между партией католического центра (поддержанной «баварской народной партией» и «германской национальной партией») и, с другой стороны, «германской народной партией». Любопытно, что пресса, близкая к «германской народной партии», поддерживаемая печатью «демократической партии», пытается создать впечатление, будто борьба против школьного закона является весьма принципиальным выступлением против агрессивного клерикализма. Однако это явное преувеличение. Дело в том, что представители «народной партии» не менее резко, чем против центра, выступали и против выставленного слева требования светской школы, т. е. окончательного отделения школы от церкви и устранения ее влияния. Партия крупного капитала не решилась отказаться от того типа идейного воздействия на подрастающее поколение, которое оказывается религиозным воспитанием, ибо, как это было ясно сказано, «светская» школа в своем последовательном развитии должна привести к недопустимой «пролетаризации» умов. Так как парламентская оппозиция (социал-демократия и «демократическая партия») из тактических соображений не ставила со всей необходимой резкостью вопрос о полном высвобождении школы из-под влияния церкви, то положение «народной партии» было облегчено тем, что главный огонь в школьном вопросе был обращен направо, против так называемой клерикализации школы, а по существу за закрепление в этом вопросе существующего положения, которое и без того означает достаточно сильное господство в школе обеих доминирующих церквей: евангелической и католической.

Веймарская конституция не слишком многое изменила в положении школы. Господствующим типом в Пруссии и Вюртемберге является конфессиональная, т. е. католическая или евангелическая школа, а в Гессене, Бадене, а также Саксонии, Тюрингии — так называемая симультанная, т. е. смешанная школа. В Баварии же действует конкордат, заключенный с римской курией в январе 1925 г. Различие между обоими действующими типами школ носит, таким образом, отнюдь не принципиальный характер. Вот почему выступление «народной партии» против поддерживаемых баварскими реакционерами и «германской национальной партией» домогательств католического центра, желающего превратить симультантные школы в школы однородно-конфессионального

типа, отнюдь не является выдающимся актом антиклерикализма и возрождением либеральных традиций, как это пытается представить крупнокапиталистическая пресса, связанная с «народной партией». Любопытно, что той же позиции придерживается и пресса левобуржуазной «демократической партии»: перед лицом развала правого блока эта партия надеется на создание правительства большой коалиции и готова поэтому забыть свои планы полного освобождения школы от влияния религии и поддерживать в этом вопросе, по существу, реакционную позицию «народной партии». Если католическая партия центра требует установить определенный срок перехода симультанной школы к типу школы конфессиональной, то «народная партия» настаивает на сохранении status quo, и не более того. Но поскольку оппозиция постаралась затушевать свои требования, вся перспектива в этом вопросе исказилась: логикой положения «германская народная партия» оказалась застрельщиком в борьбе против агрессивных тенденций реакционного католического и протестантского клерикализма, выступающего как единый блок в лице партии центра, «германской национальной партии» и «баварской народной партии».

В аргументации, которая выставлена «германской народной партией» в защиту ее позиции в школьном вопросе, существенную роль играли два момента, обращенные в противоположные стороны, к различным социальным группировкам. Указывалось, что клерикализация школы обойдется весьма дорого: по разным подсчетам, от 250 до 600 млн. марок, а стоимость реформы для одной Пруссии определяется суммой от 60 до 200 млн. марок. Такие цифры должны были отрезвляюще подействовать даже на те слои мелкой буржуазии и отсталую часть рабочего класса, которые, продолжая оставаться в плену у церкви, поддерживают центр или правые германские партии; испугав эти слои, «народная партия» рассчитывает перетянуть часть голосующей массы на свою сторону. Далее, эта партия крупного монополистического капитала, используя прессу, создавала впечатление о своей готовности идти на компромисс с требованиями католического центра, который изображался непримиримым в своих клерикальных домогательствах. Тем самым «народная партия» стремилась снять с себя ответственность за развал правой правительственной коалиции.

Поддержка, оказанная националистами партии центра в школьном вопросе, является платой за создание правительства правого блока, т. е. за возможность участия в этом правительстве представителей «национальной партии». К тому же реакционный закон, имеющий в виду не только католическую, но и протестантскую клерикализацию школы, вполне соответствует общей линии и социальной природе этой монархической партии, участвующей в республиканском правительстве. Провал школьного закона более всего ударил по партии центра, которая была вынуждена (8—12 февраля) связать этот вопрос с судьбой правительственной коалиции. Угроза, выставленная центром, не имела успеха. Провоцируя возможность разрыва правой коалиции, «народная партия» действовала не менее решительно. Тем самым она выступала не только против центра, но и против националистов.

Таковой оказалась весьма своеобразная политическая ситуация, сложившаяся в связи с второстепенным вопросом о судьбе симультанных школ в Гессене и Бадене. Ясно, что эта ситуация вызвана не глубокими политическими противоречиями в стане буржуазии, а тактическими соображениями одной из буржуазных группировок, партии монополистического капитала — «германской народной партии». Однако самая необходимость в подобных глубоких обходных тактических маневрах является весьма симптоматичной в условиях той перегруппировки социально-политических сил, которая происходит в современной Германии. В этом от-

ношении характерны процессы внутри партии центра, которая ввиду ее специфической социальной разнородности, пестроты основного состава и голосующего резерва, как бы в зеркале ныне отражает общие процессы социальной жизни в условиях восстановления германского империализма.

Католический отряд буржуазии, пользуясь слаженным и разветвленным аппаратом, сумел удержать в сфере своего непосредственного влияния большие кадры мелкой буржуазии и даже индустриального пролетариата. Но откровенно классовая политика, проводимая германским капиталом, опыт борьбы последних лет — все это постепенно проводило классовую борозду и внутри партии центра, организованной по конфессиональному признаку. Наибольшие тяготы франко-германской схватки 1923 г. легли на плечи рурского пролетариата, в большей своей массе католического. После этого германские предприниматели добились отмены 8-часового рабочего дня. В усиленной эксплуатации рабочего класса, в стремлении переложить тяжесть плана Дауэса на плечи пролетариата, они ни в чем не уступали своим протестантским коллегам. Магнаты тяжелой промышленности Клёкнер и другие совмещали руководящую роль в партии центра с участием в «Стальном тресте» или в «Угльном синдикате», и едва ли требуются доказательства того, что они не путали своей политической линии: политика магнатов угля и стали проводилась в партии центра, а не наоборот. Во всяком случае, в политических вопросах, связанных с отменой 8-часового рабочего дня, капиталистической рационализацией производства, наступлением на рабочий класс, водораздел проходил не по линии церковно-религиозной и партийной, а по линии классовой принадлежности. Процессы классовой борьбы, размывающие и поляризующие социальные кадры партии центра, не могли не найти своего отражения и в области политической жизни. Еще в сентябре 1926 г. на Международной конференции католических рабочих союзов представитель партии центра Йоос говорил о том, что отношение католических рабочих к рабочему социалистическому движению начинает постепенно меняться.

Наступление буржуазии, политика правительственного блока, проводимая с участием партии центра, радикализуют даже те отсталые слои германского пролетариата, которыми хорошо пользовался католический капитал. Министр труда Браунс, являясь представителем партии центра, своей социальной политикой и системой обязательности решений принудительного арбитража при столкновении рабочего класса с предпринимателями убедительно доказал, что его общая линия направлена против рабочего класса. Роль рабочего фланга в системе буржуазной политики партии центра постепенно становится ясной для многих членов католических профессиональных союзов, которые отдавали центру свои голоса. Выступая против политики центра в буржуазном блоке, орган католических профессиональных союзов «Der Deutsche» писал следующее: «Что считается политически необходимым,— это не рабочие, но их голоса на выборах. Из-за таких голосов делают дружественное лицо или говорят красивые слова, в то время как внутри все выглядит по-иному... Время, когда рабочие могли быть удовлетворены красивым жестом, прошло... Теперь уже недостаточно того, чтобы руководство не было направлено против рабочих. Рабочие сами хотят участвовать в руководстве».

Вступив в существующую правительственную коалицию, правое ядро партии центра, выражающее интересы крупного промышленного капитала, явным и неприкрытым образом объединилось с самой реакционной частью буржуазии и аграриев. Проводя эту политику не только за спиной католически настроенных рабочих, но и непосредственно на их спине, партия центра неизбежно должна была испытывать сопротивление в собственных рядах. Это сопротивление стало ощутимо, когда все попытки

его внутрипартийного преодоления ни к чему не привели. Началом борьбы между рабочим и крупнокапиталистическим флангами партии центра является момент создания правительственной коалиции, когда правые лидеры центра, без ведома соответствующих партийных инстанций, провели тот крупный политический маневр, который поставил партию перед совершившимся фактом вступления в блок с реакционно-монархической «германской национальной партией».

Открытому кризису в партии центра предшествовала длительная дискуссионная переписка между лидером партии рейхсканцлером Марксом и одним из лидеров католических профессиональных союзов Имбушем по вопросу о дальнейших политических путях центра. Показателем этого внутрипартийного кризиса, отражающего общее обострение классовой борьбы в стране, явилось выступление Маркса, заявившего, «что центр — это не монархическая и не республиканская, но конституционная партия». В условиях подготовки к предстоящим выборам это означало готовность крупнокапиталистического крыла партии центра к будущему сотрудничеству с националистами, означало стремление использовать католические рабочие массы и мелкую буржуазию в интересах своей классовой политики. В ответ на это и под напором католических рабочих лидеры партии Штегервальд, а еще более того Имбуш были вынуждены довольно резко выступить против своего представителя в правительстве с критикой его политической линии. В частности, Имбуш указывал на классовый, «антисоциальный», т. е. антирабочий характер политики Маркса. Борьба приняла довольно резкие формы, однако вскоре начала стихать, так как Маркс получил опору в большей части партийных чиновников и членов рейхстага, которые во главе с Гераром, председателем парламентской фракции, стали тушить слишком разросшийся пожар обычным в таких случаях методом компромиссов.

В конце января 1928 г. на заседании высших партийных инстанций центра руководители всячески пытались создать для внешнего мира впечатление о консолидации внутрипартийных сил, о единстве партийной линии. Для этого Марксу пришлось на словах идти на уступки «взбунтовавшимся». Маркс был вынужден заявить, что вопрос о приверженности партии к республике не подлежит сомнению; он дал понять, что в будущем коалиция с националистами невозможна, и все это пересыпал такими фразами, которые должны были выразить стремление центра вести «социальную политику». Такая постановка вопроса надлежащим образом отразилась и в заключительной резолюции. Эту уступку со стороны той крупнокапиталистической группы, которая представлена Марксом, следует рассматривать как уступку вынужденную; в политическом отношении она является маневром, к которому пришлось прибегнуть под угрозой растерять на выборах голоса католически настроенных рабочих, поскольку возникла угроза, что на ближайших выборах они выставят собственный список. В этих условиях группе Маркса не осталось ничего иного, как сделать словесные уступки, дающие возможность и в будущем удержать руководящие позиции в партии и тем самым проводить нужную политическую линию.

На общем фоне обострения классовых противоречий в Германии большое внимание привлекла к себе позиция бывшего рейхсканцлера Вирта. После образования правой коалиции Вирт выступил против нее, и в частности против внутренней политики лидера партии центра рейхсканцлера Маркса. Это не помешало Вирту опубликовать открытое письмо под заглавием «Куда идешь ты, друг Имбуш?» Указав, что социалистические настроения могут изнутри взорвать организацию партии центра, Вирт в своем письме предупреждал Имбуша: «Пока этот процесс еще тормозится внешними обстоятельствами технического порядка, но я сомневаюсь, долго ли выдержат тормоза». Этот вывод подчеркивает факт

полевения даже тех рабочих слоев, которые находятся в идеологическом и политическом плену у католицизма и католической буржуазии. Неожиданная позиция Вирта так смутила официальную социал-демократию, что «Vorwärts» была вынуждена посвятить выступлению центра особую статью, меланхолически озаглавленную «Куда идешь ты, Иозеф Вирт?»

Не следует, однако, переоценивать размеров и значения этих внутренних трений в партии центра. Дело идет не более, как об обычных внутрипартийных маневрах католических лидеров. Эти маневры непосредственным образом связаны с «распадом правой коалиции» и, следовательно, с обострением внутривнутриполитических противоречий. Учитывая дискредитацию правобуржуазного блока в условиях обостряющейся классовой борьбы, главная партия монополистического капитала — «народная партия» перед лицом неизбежных выборов решила использовать создавшуюся ситуацию, чтобы ловким тактическим маневром и игрой на возрождении либеральных традиций привлечь на свою сторону голоса полевевших слоев, главным образом мелкой буржуазии, и тем самым политически укрепить свои позиции в будущем кабинете. Все это было облегчено внутренней борьбой в партии центра. Относительно второстепенный вопрос школьной политики, о который разбилась правительственная коалиция, был особенно удобен, ибо выдвигал на передний план интересы, так сказать, идеологического характера. Как правильно отметила «Die Rote Fahne» (20 декабря 1927 г.), «германская народная партия», учитывая положение, считается с возможностью заключить блок с лидерами социал-демократии, а в то же время правый фланг крупной буржуазии и аграриев, примыкающий главным образом к партии националистов, не оставляет мысли об открытой диктатуре и готовит для этого резервную силу в виде военных организаций типа «Стального шлема». К этому можно добавить, что левые маневры «народной партии» отнюдь не исключают возможности в случае надобности получить опору реакционных националистических организаций. В свете этих многосторонних маневров и предвыборной игры и следует расценивать выступление лидера «народной партии» и министра иностранных дел Штреземана, который с высоты парламентской трибуны потребовал, чтобы западные державы эвакуировали свои войска из Рейнской зоны. Дипломатическая перепалка Штреземана с Брианом по этому вопросу должна рассматриваться под углом зрения предстоящих выборов во Франции и в Германии.

Резкость выступлений Штреземана относительно эвакуации Рейнской зоны может быть понята как сознательное использование фразеологии националистов. Деятельность представителей «национальной партии» в правительстве в основном была направлена к тому, чтобы удовлетворить хищнические интересы крупных аграриев. В этом отношении довольно характерно, например, что в своем докладе на съезде «национальной партии» в Кенигсберге (в сентябре 1927 г.) министр Шиле открыто говорил о необходимости государственной поддержки аграриев. Стараясь до конца использовать свое участие в кабинете, «национальная партия» всячески пытается получить поддержку центра, рассчитывая в этом отношении и на исход предстоящих выборов в рейхстаг. Искать опоры вовне стало для националистов тем более необходимо, что местные выборы достаточно ясно показали основную тенденцию, которая не могла не появиться в результате дискредитации правительства правого блока, и в частности, его националистического крыла: отход от партии довольно большого числа избирателей, а тем самым потерю мандатов. Отсюда и те предвыборные маневры, к которым прибегает «национальная партия», чтобы сохранить свой удельный вес и подготовить возможность участия в будущем кабинете. Поскольку руководство вопросами внешней политики находится непосредственно в руках «народной партии» — глав-

ного соперника в предвыборной кампании, «национальная партия» стремится демагогически использовать те настроения, которые являются выражением неудовлетворенности масс политикой Локарно, вступлением Германии в Лигу наций и попытками сближения с Францией. Однако в этом она встречает противодействие со стороны «народной партии», в частности ее лидера Штреземана. Демонстрируя свои монархические тенденции и одновременно внешне подчеркивая свою лояльность к работе республиканского правительства, в состав которого они сами входят, националисты пытаются приспособиться к положению вещей и эластичными, а в то же время националистическими лозунгами удерживать то, что можно потерять. В этом отношении следует обратить внимание на две тенденции их политики, казалось бы прямо противоположные, но в основном имеющие общий корень: это, с одной стороны, заботы об укреплении боевых резервов монархической реакции — организации «Стального шлема», а с другой стороны, — попытки проникнуть в рабочие кварталы и создать там опору своего политического влияния. Такие попытки наблюдались и на выборах 1924 г., но тогда они не дали результатов. Теперь эти попытки проводятся более настойчиво. «Если германская национальная народная партия хочет достигнуть своей цели, — гласит один циркуляр ее руководства, — если она хочет выйти из предстоящей выборной борьбы окрепшей, тогда она должна искать прироста там, где только еще и можно его найти, она должна попытаться использовать колоссальный резервуар германского рабочего класса».

Пока происходило препирательство между партиями правительственного блока о виновнике кризиса, — по вопросу, имеющему лишь агитационно-предвыборное значение, фельдмаршал Гинденбург, пользуясь прерогативой президента республики, совершил шаг, который можно было бы назвать политической интервенцией: он обратился к рейхсканцлеру Марксу с письмом, в котором указал на необходимость для Германии, исходя из «интересов отечества», иметь работоспособное правительство в целях проведения ряда законопроектов; он писал, что судьба школьного закона не должна быть связана с вопросом о немедленном роспуске рейхстага. Эта интервенция Гинденбурга была сделана в интересах «национальной партии», которая всячески старалась продлить срок своего участия в кабинете и спешила провести законы, в частности закон о «помощи сельскому хозяйству», рассчитанный, конечно, на крупных аграриев. Не удивительно, что «германская национальная партия» сделала все усилия, дабы удержать партию центра в кабинете, и официально заявила о своей готовности сделать все возможное и от нее зависящее, чтобы «устранить трудности, стоящие на пути к единству относительно школьного закона». Заявление «народной партии» означало отказ от каких бы то ни было уступок, и в результате остальные партии правого буржуазного блока были вынуждены признать, что правительственная коалиция распадается.

Одновременно в ходе переговоров было достигнуто соглашение об отказе от немедленного роспуска рейхстага, с тем, чтобы правительство осталось у власти для проведения программы Гинденбурга. В эти переговоры о проведении реакционной программы германского президента были втянуты и «демократическая партия», и социал-демократы. Вместо того чтобы в условиях разразившихся в Средней Германии крупных стачек и локаутов приступить к организации единого пролетарского фронта, лидеры социал-демократии вступили в парламентские переговоры с партиями правительственной коалиции о проведении намеченной программы, пытаясь при этом довольно своеобразно оправдать свою политику: чем дольше правый блок будет стоять у власти, утверждают они, тем лучше для пролетариата. Эта аргументация имеет, очевидно, в виду дальнейший отход мелкой буржуазии от буржуазных партий и рассчитана на

мелкобуржуазные голоса: недаром социал-демократическая пресса столь усиленно подчеркивала свою готовность беспрекословно поддерживать те законопроекты (например, о помощи пенсионерам), в которых заинтересована главным образом мелкая буржуазия, в то же время социал-демократия подчеркивала свою непримиримость по отношению к некоторым пунктам программы, отрицательно отражающимся на интересах рабочего класса. Однако остается несомненным одно: получив заверение в том, что выборы состоятся в ближайшем будущем, социал-демократия отбросила всякую видимость принципиальной оппозиции буржуазному блоку, согласилась не выставлять так называемых агитационных требований, т. е., по существу, не противодействовать главному требованию буржуазии утвердить бюджет. Эта позиция в следующей извилистой формулировке была очерчена в рейхстаге лидером партии Германом Мюллером: «Мы выразили готовность, хотя и не голосовать за бюджет, но все же не делать особенных затруднений его проведению, так как мы желаем, чтобы бюджет, который в большей своей части уже обсужден, был принят до новых выборов».

Таким образом, правительство буржуазного блока, распавшееся изнутри благодаря предпринятым, в условиях полевения масс, маневрам политической группировки монополистического капитала,— искусственно поддерживается извне, с одной стороны, вмешательством президента — вождя националистической реакции, а с другой стороны, лояльной оппозицией «демократической партии» и социал-демократии. Чтобы облегчить выступление «народной партии» в школьном вопросе, социал-демократия отказалась даже от своих собственных требований — светской школы, хотя эти требования значились в соответствующей резолюции, принятой последним (Кильским) партийным съездом. Такое невнимание к собственным резолюциям и предупредительное отношение в школьном вопросе к позиции «народной партии» делается понятным, если вспомнить общий курс Кильского съезда — курс на сотрудничество с буржуазией. Вступление в коалиционное правительство — в области политической, и «хозяйственная демократия» — в области экономической — этот основной курс социал-демократии определяет и постановку всех конкретных вопросов текущей политики. Разрешение этих вопросов в условиях предстоящих выборов в рейхстаг требует от социал-демократии известного маневрирования, которое рассчитано, с одной стороны, на то, чтобы, используя полевение масс, все же не растерять своих избирателей и привлечь голоса мелкой буржуазии, а с другой стороны, не уничтожить мост, ведущий к будущей коалиции с буржуазными партиями. Выборы в ландтаги и коммунальные выборы показали, что если в некоторых землях социал-демократия смогла удержать свои позиции или даже кое-что выиграть, то в других (как, например, в Гессене) она потерпела поражение, между тем как количество голосов, поданных за коммунистическую партию, сильно увеличилось. Чтобы войти в будущее коалиционное министерство в качестве сильной партии, социал-демократия считает необходимым,—и надеется на это,—выиграть свыше 30 мандатов.

Такая ориентация направо диктует усиление борьбы социал-демократии с коммунистической партией, а также ее стремление переключить активность рабочего класса от экономических боев с буржуазией в плоскость борьбы у избирательной урны.

Начавшаяся предвыборная кампания достаточно ясно показывает, с каким идейным и политическим арсеналом социал-демократия вступает в борьбу. В этом отношении примечательна программная статья Карла Зеверинга «Наши задачи»², одной из основных мыслей которой

² «Vorwärts», 19 февраля 1928 г.

является необходимость создания предпосылок для увеличения германского экспорта, бережное отношение к наблюдавшейся в 1927 г. хорошей экономической конъюнктуре. Подобная формулировка политики социал-демократии лежит и в основе тактики, которую реформисты проводят по отношению к профессиональным союзам и на поле битвы германского рабочего класса с предпринимателями и капиталистическим государством. Это наиболее ярким образом сказалось в той позиции, которую заняла социал-демократия при последних крупных классовых столкновениях в Средней Германии, разразившихся тотчас после того, как правительство правой коалиции до исхода предстоящих выборов объявило себя нежизнеспособным. К тому же вопрос о распаде буржуазной коалиции отходит на задний план перед фактом существования единого фронта буржуазии, столь определенно и решительно заявившего себя при последних классовых столкновениях в среднегерманской металлопромышленности. Конфликт, начавшийся в связи с требованием рабочих о повышении заработной платы на 15 пфеннигов в час, вскоре обострился и принял большие размеры благодаря тому, что «Всегерманский союз металлопромышленников» объявил о своей готовности приступить к локауту солидарности в случае, если к 22 февраля соглашение в Средней Германии не будет достигнуто.

Для понимания размеров намеченного локаута следует напомнить, что число членов этого «Всегерманского союза» равно 4474, а число рабочих, работающих на их предприятиях, — 815 000 человек. В союз этот входят такие гигантские предприятия, как А. Е. Г. («Всеобщая компания электричества»), Сименс-Шукерт, Борзиг, Шварцкопф и др. В ответ на сведения о готовящемся локауте «Vorwärts» писала, что «такое решение является или безумием, или жалким блефом»³, а совет профессионального союза металлистов заявил: «Это объявление (локаута. — А. Е.) является ущербом для германского хозяйства, за который предприниматели должны нести ответственность. Германский союз металлистов с большим спокойствием смотрит на мероприятия металлопромышленников в сознании, что его требования по заработной плате совершенно справедливы и в то же время находятся в согласии с интересами всего народного хозяйства». Однако на отдельных предприятиях угроза локаута начала приближаться к исполнению, и одновременно приступил к работе арбитражный аппарат министерства труда, который принял решение о повышении заработной платы на 5 пфеннигов в час для рабочих-специалистов. Обе стороны отказались подчиниться этому решению, тогда арбитражное решение было объявлено необязательным. И несмотря на то, что раньше профессиональный союз металлистов объявил прибавку не имеющей для рабочих никакого значения, теперь, защищая престиж государства, реформисты поспешили согласиться с арбитражным решением. Условия борьбы были для рабочих благоприятны, тем не менее реформисты уклонились от нее, прикрывая это угрозами извлечь выгоды из позиции предпринимателей, обещая в будущем также вести борьбу по всему фронту при помощи всеобщей стачки солидарности. Перспектива дальнейшей борьбы германского пролетариата с наступающим капиталом более чем вероятна.

Итак, то, что представляется кризисом буржуазного блока, является не более, как перегруппировкой сил в стане буржуазных партий, — перегруппировкой, которую «германская народная партия» — партия монополистического капитала, старается использовать в своих целях, а именно, путем возрождения «либеральных» и якобы антиклерикальных традиций во второстепенных вопросах перекинуть мост налево, но вместе с тем не разрывая и с правыми, наиболее реакционными партиями

³ «Vorwärts», 8 февраля 1928 г.

господствующих классов. В этих маневрах «народная партия» имеет поддержку социал-демократии, которая всячески старается притушить развитие классовой борьбы для того, чтобы создать предпосылки к своему вступлению в правительство большой коалиции. Германская коммунистическая партия в этих условиях имеет широкое поле деятельности.

Если недовольство мелкой буржуазии политикой правительственного блока аграриев и монополистического капитала проявляется в перегруппировке партийных сил, в отходе масс от буржуазных партий к социал-демократии и в появлении многочисленных мелких и местных партий, то поведение рабочего класса выражается в явном укреплении влияния коммунистической партии за счет социал-демократии, а также, отчасти, партии центра. Передвижка классовых сил сказывается в том, что приток голосов к социал-демократии, если он имеется, происходит за счет мелкой буржуазии, между тем как рост коммунистической партии и ее влияния свидетельствуют о консолидации сил рабочего класса и успехе тактики единого фронта. Выборы в Альтоне, в Гамбурге, в Кенигсберге и в других городах, где количество голосов, поданных за коммунистическую партию, значительно возросло, являются знаменательной проверкой ее политической линии. «Какие уроки должны мы отсюда извлечь?» — писала „Die Rote Fahne“ после этих выборов. — ...Мы должны нашу тактику единого фронта проводить еще более последовательно, еще более систематически; мы должны еще более тесно связаться с массами»⁴.

Германия готовится к выборам в рейхстаг. Каковы бы ни были их результаты, немецкому рабочему классу предстоит вести тяжелые экономические и политические бои.

1928 г.

⁴ «Die Rote Fahne», 11 октября 1927 г

ПЕРЕГРУППИРОВКА ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ И НАСТУПЛЕНИЕ ФАШИЗМА

(ВЫБОРЫ 1930 ГОДА)

1

Выборы в рейхстаг 14 сентября 1930 г. следует рассматривать как крупнейшую веху в истории Веймарской Германии. И это не только потому, что результаты выборов наглядно выявили кризис буржуазного парламентаризма даже для тех, кто являются наиболее упорными защитниками последнего. Резкое изменение в соотношении мандатов, полученных германскими политическими партиями, может быть понято только в свете анализа тех глубоких социально-политических сдвигов, которые знаменуются результатами выборов и которые предвещают серьезнейшие политические события и бурные классовые взрывы. Результат выборов в рейхстаг затемнил политическую ситуацию в глазах тех, кто привык иметь дело только с парламентскими комбинациями и кто за изменившейся системой политических партий не видит перегруппировки и борьбы классовых сил, — перегруппировки, происходящей на всем протяжении истории Германии после Ноябрьской революции 1918 г. Желая несколько сгладить впечатление от исхода выборов, социал-демократическая пресса совместно с прессой партий, поддерживающих правительство Брюнинга, весьма энергично популяризует в стране и за границей мнение о радикализации масс как о явлении конъюнктурного порядка. Эта пропаганда рассчитана на то, чтобы успокоить биржу, реагировавшую на исход выборов понижением германских ценностей, особенно бумаг, выпущенных по планам Дауэса и Юнга, успокоить круги иностранного, в первую очередь американского, капитала, снабжающего Германию своими, теперь все уменьшающимися, займами, успокоить те круги отечественной буржуазии, которые поспешили перевести свои капиталы за границу и перебраться в Голландию и Швейцарию. Эта пропаганда рассчитана, само собою разумеется, и на то, чтобы преуменьшить в глазах широких масс трудящихся факт резкой поляризации классовых сил, столь характерной в условиях мирового экономического кризиса.

План Юнга, который по сравнению с планом Дауэса несколько снизил размер германских репарационных платежей, не только не улучшил экономического и финансового положения Германии, но еще сильнее обострил все противоречия германского капитализма, тем более, что он вступил в действие в условиях развивающегося и углубляющегося мирового экономического кризиса. Германия, платежный баланс которой почти неизменно остается пассивным, до сих пор имела возможность регулярно выполнять свои репарационные обязательства и осуществлять перевод (трансфер) ежегодных платежей (аннуитетов) только за счет притока иностранных, главным образом американских, займов. Чтобы в дальнейшем регулярно переводить по плану Юнга установленные аннуитеты за счет внутренних ресурсов, Германия должна увеличить свой

экспорт примерно на 5 млрд. марок. Это значит, что германские капиталисты должны продавать на мировом рынке по низким ценам, хотя в условиях мирового экономического кризиса существующие цены и без того очень низки.

С другой стороны, конкурентоспособность германского капитализма зависит от степени организации производства. Обостреннейшая конкуренция на мировом рынке, протекающая в условиях экономического кризиса, ставит перед германской буржуазией проблему накопления капиталов и, следовательно, проблему сохранения на определенной высоте нормы прибыли. Для достижения этого германская буржуазия добивается повышения производительности труда, уменьшения заработной платы рабочих. Задача буржуазии ясна: переложить на плечи широких масс трудящихся Германии тяжелые последствия плана Юнга и глубокого экономического кризиса.

В своем меморандуме от 23 ноября 1928 г. германское правительство, обосновывая ревизию плана Дауэса, писало, «что окончательное урегулирование репарационного вопроса возможно лишь... без угрозы снижения жизненного уровня немецкого народа». Это были пустые слова, имеющие лишь демагогическое значение. После принятия плана Юнга германская буржуазия предприняла решительное наступление на уровень жизни рабочего класса, а ее правительство приступило к реализации проекта финансовой реформы с целью покрыть обнаружившийся дефицит в 1 млрд. марок. Чрезвычайный закон, проведенный правительством Брюнинга в порядке § 48 конституции (опубликован в конце июля 1930 г.), предусматривал принудительное взимание пожертвования со служащих и чиновников, находящихся на общественной и государственной службе, сокращение расходов по некоторым статьям, предусмотренным сметой, налог на холостых в общей сумме на 110 млн. марок, 5-процентное увеличение подоходного налога.

Все это вместе взятое покрывало, однако, лишь 400 млн. марок, остальные 500 млн. марок покрывались за счет сокращения расходов, предусмотренных социальным законодательством. Так, сезонные рабочие по существу вовсе лишились пособия по безработице, период предварительной работы при получении пособия был значительно удлинен, было предусмотрено большое снижение пособий по безработице для лучше оплачиваемых рабочих. Большая часть молодых рабочих фактически была лишена права на получение пособия по безработице. Вся система законодательства была рассчитана на то, чтобы лишить большую часть безработных права на пособие, и без того значительно сниженное. Еще сильнее все эти мероприятия правительства Брюнинга ударили по больничному страхованию трудящихся.

Одновременно германское правительство подготовило и начало осуществлять программу, снижающую налоги с крупного капитала, увеличивающую тяжесть налогового прессы для трудящихся масс (налог на пиво, на табак и др.) и предусматривающую введение новых налогов на сумму в 526 млн. марок. Защищая интересы крупных аграриев и кулачества, германское правительство законом об охране сельского хозяйства запретило ввоз дешевого мороженого мяса и сильно повысило пошлины на все сельскохозяйственные продукты.

Вместе с тем германская буржуазия предприняла наступление на заработную плату рабочего. По вычислениям известного статистика Кучинского, «в первые десять месяцев 1929 г. заработок немецкого рабочего составлял 85% прожиточного минимума... Ни в одном месяце 1929 г. недельная заработная плата рабочего не была достаточной для того, чтобы рабочий мог прокормить и одеть свою семью. Доходы рабочего отставали на 15% от прожиточного минимума». В дальнейшем проводимое правительством Брюнинга, при поддержке социал-демократов, наступ-

ление на рабочий класс еще более ухудшило экономическое положение последнего. Вычисления, учитывающие всю систему мероприятий, проводимую германской буржуазией и капиталистическим государством после принятия плана Юнга (снижение заработной платы, увеличение косвенных налогов, рост цен на продукты питания, вызванный резким повышением аграрных пошлин и вычетов на социальное страхование и т. д.), показывают, что снижение реальной заработной платы достигло примерно 20—30 %.

Дальнейшее углубление кризиса означает увеличение количества безработных; углубление структурной безработицы поражает более широкие массы трудящихся, вырывает экономическую почву из-под ног мелкой буржуазии. Аграрный кризис приводит в движение массы сельскохозяйственных рабочих и мелкого крестьянства.

Через Германию, зажатую в тисках версальской системы и обремененную планом Юнга, проходят все основные противоречия послевоенного капитализма, и именно в ней классовая борьба развернулась с особой силой и выразительностью. Первомайские баррикадные бои, мощные и бесконечные демонстрации революционного пролетариата, могучая стойкая волна стачечного движения и усиление профпозиции, с одной стороны, а с другой — развитие фашизма и усиление полицейского террора, сопровождаемое при содействии социал-демократии общим наступлением капитала на и без того невысокий уровень жизни рабочего класса, так же как исход общинных выборов и выборов в саксонский ландтаг, — все эти отдельные явления, взятые в их внутренней диалектической связи, характеризуют ту обстановку, в которой Германия шла к знаменательным выборам 14 сентября.

Подобно тому как американские реформисты, — и не только реформисты, — создали теорию «процветания» как явления, имманентного американскому капитализму, так германская буржуазия, а еще более германские реформисты пытались сначала изобразить кризис в Соединенных Штатах Америки как явление чисто местного порядка, которое к тому же может оказать даже благотворное влияние на оживление экономической конъюнктуры в Германии. Это последнее утверждение имело свою гнилую основу в том легком и преходящем облегчении денежного рынка в Европе, которое наблюдалось после того, как на континент стал возвращаться европейский капитал, участвовавший в биржевой спекуляции в Нью-Йорке. Действительность очень скоро разбила все самообольщающие иллюзии и прогнозы. Кризис в США распространился на все мировое капиталистическое хозяйство и еще более обострил экономический кризис в Германии, которая тысячью нитей связана с американским капитализмом.

Эту связь между тяжелым экономическим положением Германии и разразившимся мировым кризисом капитализма были вынуждены признать и руководители германской политики. Берлинский конъюнктурный институт, опубликовавший свой отчет в самый разгар предвыборной борьбы, не только не мог уловить малейших признаков возможного улучшения экономического положения Германии, но, наоборот, был вынужден, ссылаясь на грозные симптомы дальнейшего снижения конъюнктурной кривой, указать на неизбежность дальнейшего роста безработицы. К концу декабря 1930 г., по мнению Института, число безработных дойдет до 3¹/₂ млн. человек. Принимая во внимание апологетические тенденции Института и специфические методы его расчетов, можно считать, что указанная цифра будет превзойдена, и притом весьма значительно. Конъюнктурный институт оценивал положение как «глубокую депрессию», между тем как все данные говорят за то, что еще со второй половины 1929 г. германский капитализм вступил в полосу кризиса. При этом все показатели экономического положения свидетельствуют

о том, что кризис продолжает углубляться и по мере своего развития увеличивает кадры безработных, углубляет структурную безработицу, поражает более широкие массы трудящихся, вырывает экономическую почву из-под ног мелкой буржуазии. Аграрный кризис приводит в движение сельскохозяйственных рабочих и мелкое крестьянство. Увеличение налогов со всей массы трудящихся, с заработной платы рабочих, служащих и чиновников, неслыханное повышение пошлин в интересах крупных аграриев, снижение, а для некоторых категорий даже полная отмена социального страхования, уменьшение заработной платы на 15 и 20% — все это дополняет тяжелые последствия экономического кризиса для трудящихся масс, выражает стремление монополистического капитала восстановить блок с крупными аграриями и переложить на широкие массы немецкого народа тяжесть кризиса и репарационных обязательств по плану Юнга. Экономический кризис германского капитализма превратился в кризис политический, — и это выражается как в тех социальных сдвигах и политических перегруппировках, которые вскрылись в итоге выборов 14 сентября, так и в том общем курсе, который взят руководящей силой современной Германии — монополистическим капиталом.

Получая поддержку социал-демократии, монополистический капитал вместе с тем не оставил мысли об установлении открыто фашистской диктатуры и страховал свои будущие планы укреплением военных организаций типа «Стального шлема». Призывая социал-демократов к участию в правительстве, монополистический капитал рассчитывал при посредстве последних провести пересмотр Веймарской конституции в сторону фашизации государства легальным путем. Участвуя в правительстве большой коалиции, социал-демократия могла держаться у власти до тех пор, пока ею была реализована программа-минимум германского капитала на данный отрезок времени его господства. За это время монополистический капитал проделал большую организационную и политическую работу по мобилизации социальных сил и утверждению своего более непосредственного руководства и влияния методами фашистской диктатуры. Введение в действие § 48 конституции, борьба за расширение прав президента, проведение чрезвычайных законов, лишаящих трудящиеся массы Германии тех завоеваний, которые рабочий класс еще сумел отстоять, — все это, при одновременном росте революционных настроений в пролетарских массах, с пластической ясностью означало, что Германия идет к выборам в обстановке острых классовых противоречий выступления одного класса против другого (как выразился один представитель тяжелой промышленности, член «германской народной партии», Германия вступает в полосу открытой диктатуры, — «диктатуры справа или диктатуры слева»).

Руководящие органы германского капитала достаточно трезво, со своей классовой точки зрения, оценивают характер и значение надвигающихся классовых боев. «Доверие широких народных и хозяйственных кругов к государственному руководству опаснейшим образом поколеблено, и господствующая хозяйственная нужда и безработица примет зимой самые скверные формы», — указывал в своем предвыборном воззвании «Имперский союз германской промышленности». Исходя из этого «Союз» предлагал консолидацию всех социальных сил и политических партий господствующих классов на платформе общей и объединенной борьбы с «коллективистскими экспериментами». «Союз» требовал создания сильного, «работоспособного и готового к реформам правительства», которое «недвусмысленно выступит за сохранение и развитие частного хозяйства, а также частной собственности». Такое правительство, — указывают в своем воззвании руководители крупнейшей организации монополистического капитала, — должно будет отказаться от «неправильной хозяйственной и финансовой политики» и приступить к тому, что

в воззвании определяется как социальная реформа, но что фактически означает проведение политики социальной реакции методами насилия. Это воззвание следует рассматривать не только как характерную оценку положения в Германии накануне выборов, но и как определенное требование, предъявленное монополистическим капиталом,— требование беспрекословного выполнения экономической и политической программы открытого наступления на рабочий класс.

Однако экономический кризис не только углубил основное классовое противоречие капиталистического общества — между буржуазией и пролетариатом,— но и вскрыл существенные противоречия в лагере самой буржуазии, обострив борьбу за распределение прибавочной стоимости. Аграрный кризис сильно ударил по интересам крупных помещиков Восточной Германии и кулацких элементов Северной Германии и активизировал их борьбу за повышение ренты. Политически это получило свое выражение в активизации «ландбунда», добившегося высоких пошлин на продукты сельского хозяйства, в проведении самостоятельной политики, и притом через голову старой «германской национальной партии», этой традиционной представительницы крупных аграриев. Но если крупные аграрии востока заинтересованы в высоких пошлинах на сельскохозяйственные продукты, то крестьянство Южной, а особенно Западной Германии, с его животноводческим хозяйством, заинтересовано в наиболее низких ценах на корма. В условиях обострившейся классовой борьбы, усиления революционной активности рабочего класса старые политические партии германского капитализма были вынуждены поддерживать требования группировок германского землевладения и, при содействии социал-демократии, провели соответствующие постановления законодательным порядком. Между тем некоторые классовые организации германских промышленников выступили против притязаний аграриев увеличить их долю прибавочной стоимости путем повышения цен на продукты питания. Любопытно, что «Имперский союз германской промышленности» высказался против введения высоких таможенных ставок на продукты сельского хозяйства, между тем как такая влиятельнейшая организация германских промышленников, как «Рейнско-Вестфальская индустрия», помогла аграриям добиться осуществления их домогательств.

Все это свидетельствует о том, что экономический кризис вызвал обострение противоречий не только между пролетариатом и господствующими классами, но и между отдельными группировками и организациями господствующих классов. Особенно сильно эти противоречия развились между тяжелой и обрабатывающей промышленностью и между металлургией и химической промышленностью. Последняя даже пыталась укрепить свои политические позиции путем создания и поддержки особой партии. Вместе с тем в результате происходящей под влиянием кризиса перегруппировки сил вскрылось несоответствие между политической старых буржуазных партий и отдельных непосредственно классовых объединений германского капитализма. Это достаточно отчетливо вскрылось при попытке организовать единый блок тех политических группировок, которые в старом рейхстаге наиболее последовательно проводили экономические интересы германской буржуазии и помещиков. Историческая партия монополистического капитала Веймарской Германии — «народная партия» — в целях консолидации основных сил буржуазной политики выступила с планом установления единого фронта буржуазных партий как для подготовки новых выборов, так и для проведения общей линии в новом рейхстаге. В условиях поддержки фашистского движения некоторыми группами монополистического капитала этот план свидетельствовал об ожидаемом поражении старых партий господствующих классов и одновременно был рассчитан на то, чтобы

перестраховать свое будущее в смысле общего руководства всеми политическими группировками германского капитализма. Однако наличие противоречий внутри последнего вскрылось при первой же попытке осуществить этот план.

Выяснилось, что выделившаяся из состава «национальной народной партии» «консервативная народная партия» и «хозяйственная партия», имеющие свои глубокие социальные корни в реакционных кругах средней и мелкой буржуазии, отклонили предложение лидера «народной партии» выступить посредником в переговорах между ними. Лишь после того, как соглашение было достигнуто в результате непосредственных переговоров, инициатор этого плана — «германская народная партия» — получил приглашение примкнуть к политическому блоку. Как бы то ни было, к началу избирательной кампании этот аграрно-буржуазный блок, казалось, был заключен на основе признания необходимости бороться за «закрепление и продолжение начатого осуществления программы реформ Гинденбурга в финансовой, социальной, хозяйственной и государственной областях». Политический блок трех правых партий открыто выдвинул своей задачей борьбу за реакционную программу Брюнинга, проводимую в чрезвычайном порядке § 48; эта программа, по утверждению этих реакционных партий, содержала «наиболее неотложные требования внутренней политики для обеспечения германского хозяйства, в особенности германского сельского хозяйства, для спасения германского востока... для восстановления авторитета государства».

Уже после заключения этого блока помещичья партия консерваторов в целях укрепления своих позиций вступила в переговоры с политическими группировками немецкого кулачества, а партия тяжелой промышленности — с политическим новообразованием в Германии, — «государственной партией». Поскольку партия центра (а за ней следует ее родная сестра — «баварская народная партия») является руководящей партией кабинета Брюнинга, проведение этих предвыборных политических маневров означало последнюю попытку монополистического капитала организовать под своим руководством все старые политические группировки правящих классов германского капитализма. «Гинденбурговская программа» должна была служить базой для такого объединения, а то, что эта программа уже проводится в жизнь правительством, поддерживаемым всеми перечисленными группировками, могло служить залогом успеха задуманного политического маневра. Однако, если первое затруднение в реализации этих планов традиционной представительницы монополистического капитала — «народной партии» — появилось в связи с тем, что партия аграриев вовсе не пожелала вступить в политический блок в качестве подчиненной силы, то второе затруднение появилось в связи с вскрывшимися противоречиями между политическими группировками германской промышленности: новообразовавшаяся «германская государственная партия» отказалась примкнуть к блоку «программы Гинденбурга», проводимой в правительстве основателями и представителями этой же партии. Это внешнее противоречие между словами и делами, столь обычное для буржуазных партий, получает на сей раз свое объяснение в оценке той роли, которую играла новая партия в системе германской политической жизни.

Остов новой партии — «демократическая партия», выступившая в дни Ноябрьской революции 1918 г. как партия буржуазной демократии, сумела на выборах в январе 1919 г. получить, за счет буржуазных партий вильгельмовской эпохи, свыше 5 млн. голосов и 75 мандатов. По мере развития процесса перегруппировки политических сил германской буржуазии влияние «демократической партии» непрерывно падало. В последнем рейхстаге партия насчитывала всего лишь 25 мандатов,

и все указывало на то, что в условиях происходящей резкой размежевки партия окажется совсем размытой и раскрошенной в жерновах обострившейся классовой борьбы. Это было тем более вероятно, что, участвуя в правительстве Брюнинга, она фактически потеряла все мало-мальски оригинальные черты своей политической физиономии. Даже самое название — «демократическая партия» — стало звучать в условиях фашистского наступления как невыносимый и отталкивающий анахронизм. Распадающаяся и мертвеющая партия была гальванизирована и выступила на политическую арену под новым названием «государственной партии». Ее основателями были министр финансов кабинета Брюнинга Дитрих, прусский министр финансов Гёпкер-Ашоф, член многочисленных наблюдательных советов Э. Фишер, но большую социальную выразительность новой партии придают такие фигуры, как представитель химического концерна (J. G. Farbenindustrie) Бош, известный банкир Мельхиор, связанный с проведением финансовых операций по плану Юнга, Артур Мараун, руководитель «Младогерманского ордена» — полуфашистской организации, субсидируемой представителями химической промышленности.

Самый факт преобразования уже устаревшей «демократической партии» в новую «государственную партию» путем слияния с «Младогерманским орденом» свидетельствует о том, что старые буржуазные партии вступили в критический период, не могут более выполнять свои прежние функции и что в создавшихся условиях они вступают на путь «омоложения» и фашизации. На путь «омоложения» — потому, что, как показали выборы 14 сентября, выросшие после войны кадры молодежи выступают с исключительно большой политической активностью. На путь фашизации — потому, что этого требуют интересы капиталистического господства, отказывающегося в условиях обостряющейся классовой борьбы от методов буржуазно-парламентского демократизма. И если «государственная партия» отказалась участвовать в организованном блоке правобуржуазных партий, то не потому, что ее программа в каких-либо серьезных пунктах отличается от «программы Гинденбурга». Ее программа достаточно бесцветна и расплывчата. Вводимое ею понятие «социального капитализма» в своем реальном выражении оказывается, конечно, все той же системой капиталистических отношений, для защиты которой могут объединиться все политические партии, от национал-социалистов до социал-демократов включительно. Но именно тактические отношения к этим последним образуют в данном случае некую показательную и разграничительную черту. Отказ «государственной партии» формально примкнуть к блоку «программы Гинденбурга» (реальный блок уже создан фактом ее участия в правительстве Брюнинга) имеет свои корни как в существующем противоречии между отдельными группами крупного германского капитала, так и в наличии двух тенденций в его общей борьбе за свое господство.

Дело в том, что некоторые группы монополистического капитала, главным образом химическая промышленность, представленная в «германской государственной партии», хотят отстоять свои самостоятельные политические позиции по отношению к тяжелой индустрии, наиболее представленной в «народной партии». Но дело не только в этом. «Государственная партия», согласившись принять все пункты программы блока трех правых партий, отказалась подписать эту программу, ссылаясь на то, что не следует связывать эту программу с именем Гинденбурга. Попытка организации политического блока всех крупных парламентских партий буржуазии, таким образом, сорвалась. С точки зрения общеклассовых интересов германского капитализма, с точки зрения объективных тенденций процесса перегруппировки политических сил, этот срыв открывал перспективу дальнейшего маневрирования. В создав-

шейся обстановке все это означало, что германская буржуазия пока не считает нужным сжечь свои мосты к социал-демократии. «В тяжелые времена, которые придут, эти мосты еще пригодятся», — эти откровенные слова одной крупной буржуазной газеты выражают ту политику перестраховки «налево», от которой пока не отказывается германская буржуазия.

Католическая партия центра, представляющая наиболее сложное и интересное явление в политической жизни Германии, — в силу специфической разнородности и пестроты своего основного состава и голосующего резерва, — как в зеркале, отражает общие процессы современной германской социально-политической жизни. Эта крупная партия, опираясь не только на католическую церковь, но и на сеть крепко сколоченных общественных организаций различного назначения, сумела удержаться в сфере своего непосредственного и устойчивого влияния немалые слои мелкой буржуазии и индустриального пролетариата. Но решающую роль в политике партии центра имеет то ее крыло, которое представлено магнатами тяжелой промышленности и представителями крупных монополий.

Проводимое с участием партии центра планомерное наступление буржуазии на рабочий класс вызвало около трех лет тому назад сильное брожение среди рабочей католической массы¹. Лидеры рабочего крыла партии центра были тогда вынуждены под напором католической рабочей массы довольно резко выступить против общего руководства партий, требуя проведения «социальной политики». Дальнейший ход событий показал, что руководство партии центра, преодолев «левые» тенденции, исходящие от католических профсоюзов и других организаций, отражающих настроения рабочих, взяло реакционный курс в интересах крупного капитала. Оно выделило из своей среды Брюнинга, который в качестве рейхсканцлера распустил рейхстаг и решился прибегнуть к чрезвычайным мерам капиталистического наступления на рабочий класс в порядке проведения § 48. Оно выделило также Штегервальда, который в качестве министра труда провел решительное наступление на интересы рабочего класса. Таким образом, небольшой срок, прошедший после внутрипартийного кризиса центра, с достаточной наглядностью показал направление общего политического курса этой партии; время показало также, в чем заключается средство ее политической консолидации: «бунгующему», под напором рабочей католической массы, Штегервальду была предоставлена возможность вступить в правительство, а предательство рабочих требований и оказалось тем тормозом, к которому взывали в свое время лидеры центра. Предательская политика лишь обнажила остроту противоречий: как показали выборы 14 сентября, в ряде крупных рабочих центров коммунистическая партия усилилась за счет потери, понесенной партией католической реакции. Тот самый орган католических профессиональных союзов, который всего лишь два-три года тому назад так резко обвинял партийное руководство центра в обмане католической рабочей массы, теперь энергично выступает в защиту антирабочей политики Штегервальда, оправдывает диктаторские мероприятия Брюнинга и все покрывает такой антисемитской демагогией, которая ничем не отличается от аналогичной демагогии гитлеровцев. Этот сдвиг достаточно знаменателен для наблюдающегося в Германии процесса размежевания классовых сил.

Брюнинг и другие лидеры партии центра решились распустить рейхстаг в надежде на усиление правобуржуазного блока и на создание такого правительства, которое сможет проводить программу капиталистического наступления без услуг социал-демократии. Последняя тотчас

¹ См. выше: «Распад правительственной коалиции в 1928 году».

же подняла большую агитацию против кабинета Брюнинга, но по мере приближения выборов становилось ясно, что в предложении своих услуг социал-демократия становится все более навязчивой и что, следовательно, ее агитация против Брюнинга носит демагогический характер. Еще при прежнем рейхстаге Брюнинг мог убедиться, что не националисты, а социал-демократы своим воздержанием от голосования спасают парламентское положение правительства. Не ограничиваясь этим, незадолго до выборов глава прусского правительства социал-демократ Браун в незавуалированной форме предложил Брюнингу «принять помощь социал-демократии», установить «положительное сотрудничество». Аналогичное заявление сделал Зеверинг, который в своей предвыборной речи по радио аргументировал необходимость сотрудничества с правящими кругами осознанием «общенародной солидарности» как «высшей обязанности и добродетели» для всех классов населения.

Старик Каутский в своей статье накануне самих выборов также выступил с теоретическим обоснованием необходимости соглашения с буржуазными партиями, — обоснованием, находящимся на общем уровне последних теоретических построений этого ренегата. Соглашение необходимо, убеждает Каутский, так как «и национал-социалисты, и коммунисты имеют своей целью только разгром и грабеж». Подлые слова! Каутский призывал идти на соглашение со «старыми партиями» буржуазии, ибо, аргументирует он, «представление, что только имущие классы заинтересованы в нормальном ходе производственного процесса, является глубочайшей ошибкой. Старый ренегат сознательно закрывал глаза на то, что «старые партии» немецкой буржуазии, теряя свое влияние, ищут спасения не в ориентации на буржуазную демократию, а в поддержке реакционного и агрессивного курса германского империализма.

Наконец, «Vorwärts», центральный орган социал-демократической партии, в самый день выборов в статье «Да здравствует социал-демократия» писала следующее: «Она (т. е. социал-демократия. — А. Е.) в старом рейхстаге вела политику соглашения, и она готова будет к этому также и в новом рейхстаге... Если партии середины хотят вернуться после выборов на путь спокойного конституционного развития, являющийся также и для хозяйства наиболее здоровым, социал-демократия готова прийти им в этом на помощь». Социал-демократия выступила, однако, не только с недвусмысленной готовностью сотрудничества, но и с предостережениями германскому капитализму относительно грозящей ему опасности. Отказ от привлечения социал-демократии к сотрудничеству является, указывает «Vorwärts», гибельным и приведет к авантюре, и тогда «предстоит борьба, размеры которой трудно предвидеть, как и трудно предвидеть значение ее для хозяйства». Социал-демократия, следовательно, заявила себя озабоченной судьбами германского капиталистического хозяйства больше, чем сами руководители этого последнего. То было зрелище для богов, но на политическом Олимпе германских монополий оно не произвело должного впечатления. Ответ, который Брюнинг дал лидерам социал-демократии, гласил, что вопрос может идти только о проведении в сей системы его мероприятий. И несмотря на то, что уже после выборов социал-демократия заявила о своем согласии парламентски санкционировать всю реакционную программу Брюнинга, проведенную в порядке § 48, — социал-демократия была оставлена за бортом.

Монополистический капитал взял иной политический курс — с конечной целью установления фашистской диктатуры. «Что является требованием момента?» — спрашивает «Deutsche Allgemeine Zeitung» — орган тяжелой индустрии, близкий к «народной партии». Ответ, являющийся наиболее законченной и решительной формулировкой конечных целей монополистического капитала, гласит: «Никаких новых компро-

миссов и никаких бесконечных переговоров о коалиции, которые могут вызвать только возмущение самых широких, даже не национал-социалистских кругов и которые должны увеличить в еще большей мере (если это только еще возможно) ненависть ко всему парламентскому,— требуется твердое проведение действительных реформ. Уроком выборов, выборов национального протеста... может быть только следующее: провести реформы не только против социал-демократии, которая исчерпывающим образом доказала свое противодействие в отношении этих реформ, а теперь находится в страхе перед коммунистами, но и вообще против партий и против парламента». В переводе на язык классовых отношений эта решительная и отнюдь не риторическая формула означает, что те издержки, которыми германский капитализм «расплачивается» за существование социал-демократии, представляются теперь, в условиях мирового экономического кризиса и обостренной конкурентной борьбы на рынках, слишком большой расточительностью. Влиятельные круги монополистического капитала, еще не порывая окончательно с социал-демократией, перешли в решительное наступление, опираясь на новую, им самим возвращенную политическую силу — фашистскую партию национал-социалистов. Это наступление ведется одновременно на фронте экономической и на фронте политической борьбы. Весьма показательно, что незадолго до выборов магнаты металлургической промышленности заявили о массовых увольнениях рабочих и служащих. Даже левобуржуазная пресса усмотрела в этих увольнениях проведение определенной политической линии. «Методы гипердемократии и схематического парламентаризма все более и более отклоняются,— писала тотчас же после выборов „Bergwerkszeitung“ — орган германских горнопромышленников.— Население в своих самых широких слоях (и прежде всего буржуазия) желает не парламентской тактики, но фактического действия; оно хочет не парламентского бессилия, но безусловной ясности и при этом даже в жестком ее проведении; оно дало понять, что ничего не хочет знать о сложных размышлениях, о „проблематике“, и т. д.; оно хочет воспринимать только такой ход мыслей и такие лозунги, которые являются абсолютно простыми, но которые именно поэтому дают возможность распознать подпочву. Смысл выборов имеет свое основание в хозяйственной проблеме. Теперешний рейхстаг окажется поставленным перед вопросом, должна ли победить в Германии социалистическая или частнохозяйственная (т. е. капиталистическая.— А. Е.) мысль». И в полном соответствии с такой решительной постановкой вопроса о судьбах германского капитализма этот орган горнопромышленников, обвиняющий германскую буржуазию в чрезмерной пассивности и в усвоении оборонительной политики, делает весьма определенный и недвусмысленный вывод: «Предпринимателям не остается ничего иного, как применить свою сильно возросшую политическую активность..., которая прежде всего должна проявляться и в выдвижении сильной личности».

Если принять довольно выразительную формулировку органа горнопромышленников — «политика — это стремление к власти», то не остается сомнения в том, какими методами крупнейшие организации монополистического капитала рассчитывают провести свое экономическое и политическое наступление на трудящиеся массы германского народа и на какую политическую силу они теперь делают свою ставку. Национал-социализм, который ловкой демагогией о «национализме» и «социализме» прикрывает совсем другие цели, и является этой силой. Но все дело в том, что перегруппировка политических сил, столь наглядно отразившаяся в итоговых цифрах выборов 14 сентября, свидетельствует о такой перегруппировке классовых сил, которая выдвинула перед руководящими кругами германской буржуазии ряд сложных политических и тактических проблем, имеющих исключительное значение как во внутригерманском, так и в международном масштабе.

Обострение классовых и политических противоречий втянуло в выборную борьбу новые массы германского населения. Выборы прошли в напряженнейшей обстановке и под знаком исключительной избирательной активности. Из 5 млн., впервые вступивших в избирательную политическую борьбу, свыше 2 млн. следует отнести за счет тех, кто впервые по возрасту получили право голосования, и около 3 млн. — за счет тех групп, которые ранее оставались пассивными. Чрезвычайно характерно, что эта активность относительно больше всего возросла в тех избирательных районах, где преобладает рабочее население. В отдельных пунктах (например, в Тюрингии) в выборах участвовало 100% правоспособного населения. По некоторым наблюдениям, сделанным в городах с преобладающим мелкобуржуазным населением (например, в Висбадене), можно заключить, что женщины отдавали свои голоса преимущественно старым буржуазным партиям и социал-демократии. Это еще более отчетливо показывает статистика выборов в Берлине, где женщины относительно больше отдавали голоса этим старым буржуазным партиям и социал-демократии, между тем как коммунисты получили относительно большее количество голосов мужчин.

Но общий итог выборов с предельной выразительностью показал, что традиционные партии германской буржуазии потеряли доверие широких избирательных масс, что политический блок партий, участвующих в правительстве Брюнинга и поддерживающих его, понес серьезнейшее поражение. Если бы политическая сила измерялась только количеством полученных избирательных бюллетеней и количеством полученных парламентских мандатов, можно было бы считать, что правительственный блок Брюнинга входит в настоящий парламент значительно более слабым, чем он был тогда, когда распустил рейхстаг. Выборы продемонстрировали упадок старой партии аграриев и части тяжелой промышленности — «германской национальной партии», которая потеряла около 2 млн. голосов. Если даже считать, что голоса отошли к таким кулацким и мелкобуржуазным группировкам, как «консервативная народная партия», «крестьянский союз» и др., то все же можно установить значительное снижение влияния всех этих групп, вместе взятых. К тому же самый факт упадка старой «национальной партии» и появления мелких самостоятельных группировок весьма знаменателен. Сильный удар выборы нанесли и основной партии монополистических организаций германского капитализма — штреземановской «народной партии», которая потеряла половину своих избирателей и собрала лишь 4,5% общего количества голосов. Характерно, что в таком рабочем районе, как округ Опфельн, «народной партии» не удалось собрать и 1½% голосов общего количества избирателей. Такая же судьба постигла и «демократическую партию», которую не спасла ее попытка фашизироваться и выступить путем слияния с «Младогерманским орденом» под флагом «государственной партии». Анализ цифр, отражающих влияние этих трех буржуазных партий, показывает, что в настоящий момент мелкобуржуазные массы быстро теряют доверие к «национальной» и «народной партии». Если после Ноябрьской революции «демократическая партия» играла роль барьера, задерживающего волну широких избирательных масс, отходящую от старых партий германского капитализма, — то выборы 14 сентября обнаружили, что этот барьер решительно опрокинут процессом перегруппировки политических сил: «демократическая партия» едва смогла собрать около 1 млн. 300 тыс. человек. Последующие события показали дальнейший распад этой партии: «демократы» оставили «Младогерманский орден» в одиночестве и, как и следовало ожидать, переключались в родное

лоно — во фракцию «народной партии». Таков финал кратковременного существования «государственной партии».

Поражение этих трех старых буржуазных партий становится тем более сокрушительным, если принять во внимание небывалую избирательную активность и вовлечение в избирательную борьбу свыше двух миллионов молодежи — людей, получивших свое политическое воспитание в условиях послевоенной, Веймарской Германии. Самый факт появления многочисленных мелких и местных партий (Deutsches Landvolk, Sächsisches Landvolk, Landbund, Deutsche Bauernpartei и др.) свидетельствует об обострении противоречий внутри отдельных групп господствующих классов, свидетельствует о том, что соответствующие слои реакционной мелкой буржуазии и кулачества отвернулись от старых партий германской буржуазии и юнкерства и пытаются, опираясь на все еще существующие традиции германского партикуляризма, создать собственные политические группировки на основе защиты своих чисто местных интересов.

Наконец, о том же свидетельствует и относительная стабильность «хозяйственной партии», получившей около 1 млн. 300 тыс. голосов. Впрочем, и «хозяйственная партия» потеряла около 85 тыс. голосов, — потеря тем более знаменательная, что она произошла в условиях, когда общее количество избирателей, по сравнению с прошлыми выборами, значительно возросло. Единственная старая буржуазная партия, получившая некоторый прирост голосов (около 400 тыс.), — это католическая партия центра, но и она — относительно общего прироста числа избирателей — оказалась в проигрыше: на выборах 1928 г. центр получил 11,9% общего количества поданных голосов, а теперь — 11,7%.

Однако анализ цифр по отдельным избирательным районам показывает наличие знаменательных классовых сдвигов, происходящих и внутри партии центра. Усилив свои позиции в ряде областей с большим процентом крестьянского населения, главным образом в Юго-Западной Германии, партия центра, организационно связанная тут с «баварской народной партией», в некоторых районах с преобладающим пролетарским населением явно потеряла значительную долю своего влияния. Наблюдающийся в этих районах небольшой прирост голосов не может отражать картины общих позиций партии центра, ибо этот рост отстает от роста политической и избирательной активности масс, от роста правоспособного населения. Поэтому гораздо симптоматичнее те цифры, которые указывают процент голосов относительно общего количества избирателей по сравнению с соответствующим процентом на выборах 1928 г. Оказывается, что, несмотря на небольшой прирост общего количества голосов в таких рабочих районах, как Оппельн, Дюссельдорф-Вест и др., партия центра в этих районах потеряла 3, 5, 7 и более процентов. Это свидетельствует о начавшемся сдвиге в рабочей католической массе, которую партия центра, используя систему христианских профессиональных союзов, так крепко держит под своим влиянием. Рабочие католические массы частично переходят на сторону коммунистической партии; это можно заключить из того, что как раз в рабочих районах Западной Германии рост коммунистической партии не покрывается теми потерями, которые имеются у социал-демократов.

Несколько месяцев весьма сомнительной парламентской оппозиции не помогли социал-демократии искупить длившийся в течение 21 месяца политический конкубинат с партиями буржуазной реакции, а предвыборная социальная демагогия, при одновременно не скрываемой готовности к дальнейшему сотрудничеству, не сумела убедить рабочие массы, что между правительством Мюллера и правительством Брюнинга имеется существенное различие. Это они, социал-демократы, начали свою деятельность в коалиционном правительстве решением о постройке броне-

носца. Это они разрешили классовые конфликты в Гамбурге, в Руре и в других районах обязательными третейскими решениями в интересах предпринимателей. Это они поставили вопрос о снижении пособия безработным, начали наступление на социальное страхование, подготовили подушный налог,— мероприятия, которые всей своей тяжестью должны обрушиться на плечи трудящихся. Это они своим голосованием в рейхстаге спасли парламентское положение Брюнинга, а накануне выборов открыто заявили о своей готовности участвовать в дальнейшем сотрудничестве. Это они готовы взвалить на плечи рабочего класса всю тяжесть экономического кризиса и военную контрибуцию плана Юнга. За все это они поплатились потерей 600 тыс. голосов, а если принять во внимание, что общее количество избирателей возросло на последних выборах почти на 14% и что за социал-демократию голосовала часть сторонников «демократической» и других буржуазных партий, то потери германской социал-демократией голосов рабочих избирателей можно исчислять в цифре, далеко превосходящей 1 миллион.

Нет ни одного района, в котором социал-демократия удержала бы свои позиции. Незначительный номинальный прирост голосов в Лейпциге, Вюртемберге, Бадене и Гессен-Дармштадте не должен вводить в заблуждение, ибо фактически,— если принять во внимание общее количество участвовавших в голосовании 14 сентября 1930 г. по сравнению с выборами 1928 г.,— окажется, что и в этих районах можно констатировать уменьшение влияния социал-демократии (соответственно на 10,1%, 9,5%, 10,7% и 1,6%). Еще более знаменательны цифры, характеризующие потери социал-демократов в крупных промышленных центрах. Если принять во внимание появление новых 5 млн. голосов, то, по сравнению с выборами 1928 г., социал-демократия потеряла в Берлине— 28,2%, во Франкфурте-на-Одере— 25,5%, в Бреславле— 28,1%, в Оппельне— 25,4%, в Вестфалии-Зюд— 31%, в Дюссельдорфе-Ост— 29,9%, в Дюссельдорфе-Вест— 30,6%. Сильное поражение социал-демократия потерпела и в аграрных областях, например в Восточной Пруссии, где потеря выражается в цифре 31% и где крайне усилились национал-социалисты. Таким образом, социал-демократия, получив некоторый приток голосов за счет буржуазных политических группировок, потеряла значительную долю своего влияния именно в рабочих массах,— и можно с несомненностью установить, что эти большие массы рабочего класса перешли на сторону коммунистической партии.

Выборы 14 сентября принесли победу только двум партиям — коммунистам и национал-социалистам. Подводя итоги выборов, даже руководящий орган социал-демократии, обычно третирующий коммунистическую партию как партию люмпен-пролетариата, был вынужден признать, что «КПГ в рабочих массах многих индустриальных областей не менее сильна и даже (в шести избирательных округах) сильнее», чем старая социал-демократическая партия. «Нужно иметь смелость,— меланхолически добавляется далее,— без всяких прикрас признать эту неприятную правду». А правда состоит в том, что выборы 14 сентября продемонстрировали во всех промышленных районах широкий отход рабочего класса от социал-демократии к коммунистической партии.

Сузившаяся социальная база социал-демократии теперь еще более наполняется мелкобуржуазными элементами. Между тем, как показали выборы, коммунистическое влияние в пролетарских массах продолжает бурно расти. Нет ни одного избирательного района, в котором не был бы зарегистрирован значительный прирост голосов, отданных коммунистической партии. Эта политическая перегруппировка классовых сил особенно наглядно выступает в районах с преобладающим рабочим населением. Во многих районах число коммунистических голосов далеко оставляет за собой общее количество голосов, полученных социал-демо-

кратией: например, в Оппелне коммунисты получили 111 тыс. голосов, а социал-демократы — лишь 62 700, в Мерзебурге коммунисты — 205 тыс., а социал-демократы — лишь 160 тыс., в Дюссельдорфе-Вест коммунисты — 176 тыс., социал-демократы — 119 тыс., в Дюссельдорфе-Ост коммунисты — 321 тыс., а социал-демократы — лишь 169½ тыс. Коммунистическая партия в некоторой степени, хотя и далеко недостаточно, усилила свои позиции и в аграрных областях Германии, — в среде батрачества и отчасти трудового крестьянства. В промышленных районах ее влияние на рабочую массу сильно возросло и кое-где оно, несомненно, превышает влияние социал-демократов, а в некоторых районах оно даже сильнее, чем влияние социал-демократов и национал-социалистов, вместе взятых. В этом отношении особенно показательны итоги выборов в рабочих кварталах Берлина, где социал-демократы и национал-социалисты вместе не собрали столько, сколько собрала коммунистическая партия. Результаты выборов по всему Берлину свидетельствуют о том, что каждый третий избиратель отдавал свой голос коммунистической партии, что ни одной партии не удалось собрать такого количества голосов, сколько получила коммунистическая партия (738 986).

Коммунистическая «Программа национального и социального освобождения немецкого народа», указавшая массам путь борьбы с германским и международным капитализмом, путь революционной борьбы с Версальским договором и планом Юнга, собрала 4600 тыс. человек. В условиях, когда фашистская партия национал-социалистов значительно увеличила число своих сторонников, серьезный рост влияния коммунистической партии означал чрезвычайно сильное ускорение темпов поляризации классовых сил.

Небывалый в истории парламентаризма успех национал-социалистов (со времени последних выборов они увеличили число своих голосов почти на 700%) представляет собою явление весьма сложное. На сторону национал-социалистов перешли значительные круги мелкой буржуазии, батрачества, части крестьянства и отсталой части рабочих, которые до этого времени шли за старыми партиями германской буржуазии и юнкерства или вообще находились в состоянии политической пассивности.

Сюда же следует присоединить большие кадры молодежи (главным образом из служащих), которые впервые пошли к избирательной урне. Все эти социальные слои пришли в движение под влиянием экономического кризиса, под влиянием протеста против непосильных обязательств по плану Юнга, навязанных Германии международным капиталом и сброшенных германской буржуазией на народные массы. Все эти слои своим голосованием заявили о том, что они больше не желают жить в существующих условиях. И если большинство голосовавших за национал-социалистов объединено отрицательным отношением к существующему положению вещей, то положительные черты их надежд и чаяний весьма неопределенны, смутны и разнородны, как разнороден и социальный состав всей массы, голосовавшей за фашизм. Избирательной победе фашизма способствовали беззастенчивая социальная и националистическая демагогия, а главное большие субсидии магнатов монополистического капитала.

Это сочетание свидетельствует о том, что германский капитализм, создавая новую политическую агентуру, пытается использовать нарастающий социальный протест в своих собственных классовых интересах, чтобы установить открытую фашистскую диктатуру против рабочего класса и его авангарда — коммунистической партии. «Увеличение рабочего времени еще на полчаса подействовало бы как чудо», — писала «Deutsche Allgemeine Zeitung» тотчас же после выборов. Но при усилении боевой способности и боевой готовности рабочего класса, при расширении влия-

ния коммунистической партии и укреплении ее руководства такие чудеса возможно провести только путем разгрома революционного движения, путем насилия. Для проведения этого последнего монополистические организации германского капитализма и создали фашистские батальоны, которым удалось повести к избирательной урне 6¹/₂ млн. человек, используя и разжигая националистические и антиплутократические настроения масс. Именно это последнее и вызвало опасение международной биржи, которая не без основания усмотрела в победе национал-социалистов, с одной стороны, и коммунистов — с другой, выражение крайней напряженности классовых противоречий в Германии и поспешила реагировать понижением германских ценностей. Однако далеко идущая демагогия фашистов, избирательные результаты которой оказались неожиданными как для тех, кто руководил этой пропагандой, так и для тех, кто ее оплачивал, поставила в затруднительное положение продажную головку гитлеровцев и вызвала сомнения в некоторых кругах германской буржуазии. «Национал-социалисты являются пленниками собственной агитации,— писала „Deutsche Allgemeine Zeitung“.— Было бы не так плохо, если бы они вступили в рейхстаг не в столь большом количестве. При 50 или 60 мандатах они могли бы легче разрешить себе отход от своей собственной линии, по меньшей мере в экономических вопросах. При 107 мандатах им придется во всех отношениях придерживаться собственной программы, ибо это большое число обязывает». Один из руководящих органов германской буржуазии через день после выборов ставит, таким образом, вопрос о необходимости фашистскому движению отказаться от опасной демагогии в экономических и социальных вопросах и показать свое истинное лицо.

Откол от Гитлера «революционной» берлинской группы Штрассера в этом смысле довольно симптоматичен: небольшая часть национал-социалистов смогла убедиться в том, что их вожди на деле запродали себя тем, против кого на словах ведут борьбу. Руководящие же круги германской буржуазии озабочены другим: задача состоит в том, чтобы помочь Гитлеру наиболее безболезненно, т. е. без больших потерь доверия масс, отбросить все псевдосоциалистические слова, на деле проявить себя политическим орудием капиталистической реакции. «Многие голосовали за национал-социалистов,— пишет „Deutsche Allgemeine Zeitung“,— потому что они были уверены, что весь социализм этой партии не следует принимать слишком трагически. На практике, если национал-социалисты придут к власти, эти (социалистические.— А. Е.) пункты быстро будут выброшены». Подобное предположение естественно и вызывает сомнение влиятельного органа тяжелой промышленности, считающего, что Гитлеру и его штабу трудно будет столь быстро справиться с этими силами. «Социал-демократы со своими планами социализации по меньшей мере уже обломали себе рога, национал-социалисты же еще только начинают. Они еще не заплатили денег за обучение».

Вопрос, следовательно, ставится так, что Гитлер и его клика, предназначенная для борьбы с рабочим классом, должны предварительно дать гарантию в том, что они справятся с обманутыми ими массами, должны гарантировать проведение капиталистической программы наступления на рабочий класс. «Кто хочет участвовать в проведении этой программы,— писала тотчас же после выборов „Bergwerkszeitung“,— должен быть для этого привлечен... Это утверждение относится также и к той партии, которая достигла на последних выборах наибольших успехов, которая поэтому, по парламентским правилам, должна быть привлечена в новое правительство и которая уже официально заявила о своей готовности участвовать в правительстве. Последние выборы показали, что национал-социализм рекрутирует свои силы не из

социализма, а из буржуазии. Чем скорее национал-социализм будет политически привлечен к тому, чтобы нести ответственность, тем больше будет возможности сдерживать это движение... в политически выносимых рамках: если же на это движение не будет возложена ответственность... тогда оно, рано или поздно, получит еще больший успех; и еще вопрос, можно ли будет ему тогда взять на себя политическую ответственность без очень тяжелых потрясений, ибо в таком случае эта партия должна будет, по меньшей мере в своем внешнем выражении, стать партией революционной, между тем как теперь еще возможно наполнить ее консервативным идейным содержанием». Сам Гитлер на словах отклоняет эту предлагаемую ему возможность. В ответ на зондирование националистов (группы Гугенберга), обращенное к национал-социалистам, относительно образования единой фракции в рейхстаге, Гитлер манерно заявил, что его партия «социальной революции» не может фракционно объединяться с гугенберговской партией «социальной реакции». Через несколько дней после выборов Гитлер не мог ответить иначе: политическая борьба усилившегося фашизма еще только началась, и предвыборная демагогия не могла уже автоматически прерваться.

Вместе с тем во влиятельных кругах германской буржуазии появились некоторые опасения, как бы гитлеровская демагогия не зашла слишком далеко, как бы издержки фашистского переворота не оказались слишком велики. Известный американский специалист по финансовым вопросам, редактор «Consolidated Press Association» Чарльз Ф. Спир, наблюдавший в Германии течение выборов, близко знакомый с руководящими банковскими и промышленными кругами Берлина, писал: «Промышленники... помогли национал-социалистам одержать победу. Но пожар, который они раздули, может их самих сделать зависимыми». Буржуазия, и притом не только в Германии, но и в других империалистических странах, всполошилась прежде всего потому, что поняла значение крупного успеха, который одержала коммунистическая партия Германии. «Берлинские банкиры,— сообщает далее Ч. Ф. Спир,— получили телеграммы, по которым можно было судить, что в банковских кругах Нью-Йорка, Лондона и Парижа создалось впечатление, будто коммунисты одержали большую победу. Всего коммунисты собрали на 1300 тыс. голосов больше, чем в 1928 г. Но национал-социалисты,— успокаивает Ч. Ф. Спир международную биржу,— являются антагонистами коммунистов. Ни капиталу, ни собственности гитлеровская партия не угрожает».

В этом последнем германское правительство поспешило официально заверить международный капитал, и даже Гинденбург ссылаясь на надежность полиции и рейхсвера. Но и сам Гитлер на лейпцигском процессе офицеров рейхсвера, организаторов фашистских ячеек в армии, заявил, что ни о каком насильственном перевороте он не помышляет и что его воинствующая программа рассчитана на завоевание «души германского народа». Если бы Гитлер заявил также, что, обещая фашистскую пресловутую «третью империю», он разумел лишь царство небесное, то и в этом не было бы ничего удивительного, так как германский фашизм является точным исполнителем заданий наиболее воинственной и влиятельной группы германского капитала. А последний позволит себе решиться на открытый вооруженный фашистский переворот лишь в том случае, если общие условия — и весьма важную роль играют условия международно-политические — будут представляться наиболее благоприятными. До этого на фашизм возлагается задача консолидировать свои силы и изнутри завоевать весь аппарат государственной власти. И гитлеровцы пытаются завоевать армию, а после выборов открыто требуют себе не портфель министра иностранных дел или министра финансов (опасный путь к неизбежному провалу и компрометации перед массами), а те портфели, которые должны дать им возможность овладеть

армией и полицией. Участвуя в правобуржуазном правительстве Тюрингии, они после выборов вошли в правительство Брауншвейга и вместе со своими политическими союзниками из старых правобуржуазных партий пытаются получить руководящую роль и в правительстве Саксонии. Тактика фашизма на ближайший период времени намечена гитлеровским руководством в следующей схеме: «1. Заполнение национал-социалистами государственного аппарата... 2. Усиление работы внутри рейхсвера и полиции... 3. Дальнейшее проведение „метода насилия“ путем развертывания боевых отрядов и дальнейшего вооружения, чтобы подготовить борьбу за власть... 4. Непрестанное создание широких „надпартийных“ массовых организаций, с тем чтобы охватить миллионы избирателей...» Таким образом, в ожидании момента, который германская буржуазия будет считать благоприятным для открытого фашистского переворота, национал-социализм предполагает провести работу по организационному укреплению своего влияния в аппарате и среди обманутых им масс и одновременно вести ожесточенную борьбу с революционными организациями рабочего класса.

До сих пор социал-демократия, несмотря на требования низовых организаций, не идет на установление единого фронта с коммунистической партией в целях совместной борьбы против нарастающей опасности фашизма.

Всячески пытаюсь сохранить большую коалицию с буржуазными партиями в Пруссии, социал-демократия фактически поддерживает реакционное правительство Брюнинга. Явившись в рейхстаг после поражения на выборах, социал-демократы, обещавшие своим избирателям свергнуть правительство Брюнинга, в решающий момент спасли это правительство буржуазной диктатуры. Более того, они санкционировали все те мероприятия, которые им были проведены в чрезвычайном порядке § 48. Объяснение этой позиции следует искать в закулисных переговорах, которые социал-демократы вели с представителями руководящих политических кругов буржуазии. Результатом этих переговоров явилось назначение Зеверинга, «твердой руки» социал-демократической партии, на пост прусского министра внутренних дел.

Но классовая борьба уже вышла за парламентские рамки. Она развернулась на заводах, на фабриках, она охватила многомиллионные массы рабочего класса. Грандиозная забастовка берлинских металлистов свидетельствует о том, что революционная активность рабочих масс возрастает. Реформистское руководство профсоюзов было вынуждено возглавить стачку, вызвавшую столь исключительно большое сочувствие в широких рядах трудящихся, — чтобы ее обезглавить. Эта политика реформистов в стачечной борьбе рабочего класса самым непосредственным образом связана с их общей политической линией, выразившейся в поддержке Брюнинга и его мероприятий, имеющих целью переложить все кризисные издержки и тяжесть плана Юнга на рабочий класс.

Под влиянием экономического кризиса дифференциация классовых сил и обострение всех противоречий германского капитализма продолжали усиливаться. В октябре 1930 г. германская промышленность была загружена не более чем на 53,4% своей производственной мощности. Соответственно росла безработица. Наряду с промышленным и аграрным кризисом германский капитализм вошел в полосу глубокого кризиса государственных финансов. Чрезвычайный указ Брюнинга, изданный в конце июля 1930 г. и рассчитанный на то, чтобы за счет жизненных интересов трудящихся и безработных покрыть миллиардный дефицит в государственном бюджете, оказался лишь временной мерой. Уже тотчас же после выборов в рейхстаг кризис денежной и кредитной системы еще более обострился, в частности также и потому, что начался сильный отлив капиталов из Германии за границу, выразившийся в сумме, превы-

шающей 1½ млрд. марок. Ремонтные платежи требуют ежемесячно около 240 млн. марок. Так как установленная в свое время планом Дауза «золотая клаузула» по плану Юнга была отменена, реальное значение ремонтных платежей для германского бюджета, в связи с повышением стоимости золота, фактически возрастает на целых 20%. Понижение цен на мировом рынке ставит Германию перед необходимостью в целях регулярного выполнения ремонтных обязательств еще больше форсировать экспорт товарной массы. К тому же иностранная задолженность, которая уже скоро достигнет примерно 27 млрд. марок, продолжает расти, так как часть германской буржуазии предпочитает свои капиталы вывезти за границу, откуда через иностранных посредников этот капитал ввозится обратно в Германию, с тем, однако, чтобы получить большой процент,— операция, на которой Германия теряет в год значительно больше 1 млрд. марок. Уплата 2 млрд. марок по ремонтным обязательствам и 1 млрд. марок по процентам своих иностранных долгов — таковы круглые цифры ежегодной германской задолженности, возможность покрытия которой германская буржуазия ищет за счет более интенсивной эксплуатации рабочего класса.

Промышленный и аграрный кризис, сопровождаемый кризисом денежной системы и значительным дефицитом в государственном бюджете, толкает германскую буржуазию на путь дальнейшего нажима на жизненные интересы трудящихся масс. 1 декабря 1930 г. правительство Брюнинга выступило с новым чрезвычайным законом, проведенным в порядке § 48. Этот закон, изданный с целью покрытия государственного дефицита, декретировал дальнейшее шестипроцентное снижение заработной платы государственных служащих, полное уничтожение социального вспомоществования безработной молодежи, сильно урезал социальное страхование различных групп трудящегося населения: безработных, больных, инвалидов и т. д. Вместе с тем закон декретировал увеличение налогового обложения широких трудящихся масс и еще энергичнее перекладывал на плечи рабочего класса расходы по социальному страхованию.

Кампания за снижение розничных цен дала фактически мизерные результаты. Сокращение заработной платы, увеличение налогов, в частности подушного налога, сильное уменьшение общественных пособий,— все это привело к тому, что заработная плата к моменту введения второго чрезвычайного закона Брюнинга даже по сравнению со средней 1929 г. снизилась на 17%. Оказав поддержку драконовской финансовой программе Брюнинга, социал-демократы тем самым высказались за предусмотренное снижение заработной платы государственных и коммунальных рабочих и служащих, а также согласились с тем пунктом программы, в котором указывается, что существующий уровень заработной платы означает «недопустимо высокие производственные издержки германского хозяйства». В этом смысле все те маневры, которые были предприняты лидерами реформистских профессиональных союзов для срыва забастовки и возвращения рабочих на производство, следует рассматривать как составную часть общего политического курса социал-демократии, поддерживающей кабинет Брюнинга и отказывающейся бороться вместе с коммунистической партией за единство действий и жизненные интересы германского рабочего класса против непосредственной угрозы фашизма. Недаром Отто Браун призывал к готовности вести «непопулярную политику».

Германская буржуазия прекрасно отдает себе отчет в том, что единственной силой, ведущей рабочий класс на революционную борьбу против капитализма и против фашизма, является коммунистическая партия. Не отказываясь от услуг социал-демократии, теряющей свое влияние в рабочих массах, германская буржуазия выдвигает фашизм, проявив-

ший себя, между прочим, и в штрейкбрехерстве во время стачки берлинских металлистов. По мере обострения классовой борьбы и в результате «непопулярной политики» правого социал-демократического руководства, неизбежен дальнейший отход рабочих масс от социал-демократии. С другой стороны, часть германской буржуазной прессы высказывала сомнение относительно того, как долго германский фашизм сумеет держать свои массы в плену демагогии. «Возможно,— пишет например „Kölnische Volkszeitung“,— что национал-социалистская волна еще вырастет. Но может получиться, что она разобьется о коммунистический берег». Борьба за массы становится самой актуальной, самой жизненной политической проблемой германского коммунистического движения. Фашизм — вот главный враг немецкого рабочего движения и всего немецкого народа.

1930—1931 гг.

Часть III

„ТРЕТЬЯ ИМПЕРИЯ“: АГРЕССИЯ И КРУШЕНИЕ

ПРОПАГАНДА ВОЙНЫ В ФАШИСТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

Фашистские историки и публицисты, выступающие в германской печати, напоминают храбрых офицеров, которые знают, что их добродетель — не рассуждая повиноваться и точно выполнять начальственный приказ. По авторитетному разъяснению «Völkischer Beobachter» (17 мая 1933 г.), именно такова роль, отведенная им в национал-социалистском государстве. «Не следует забывать,— писала эта газета,— что германская историческая наука предприняла борьбу против Версальского договора. Ее задача — выковывать историческое оружие против лжи о виновниках войны, относительно „коридора“ и Верхней Силезии, за присоединение Австрии и для борьбы за Рейн».

Упоминание о «коридоре» и Верхней Силезии не случайно: статья была опубликована до польско-германского соглашения, еще до того, как Гитлер, прикрываясь маской миролюбия, предпринял глубокий маневр.

Однако во время большой кампании, предпринятой в связи с 20-летием начала мировой империалистической войны 1914—1918 гг., фашистская печать проявила себя достаточно дисциплинированной и на пушечный выстрел не подходила к теме о «коридоре» и о Верхней Силезии. Кампания проходила в полном соответствии с конкретными внешнеполитическими задачами германского фашизма.

В цитированной выше статье центральный орган национал-социалистской партии достаточно категорически указывал, что «фашистское государство должно найти поддержку в исторической науке, а последняя должна найти свою опору в государстве». Оказывается, старые буржуазные исторические концепции, характерные своим слишком ограниченным европейским кругозором, не могут удовлетворить вершителей «национальной революции». «Национальная история,— приказывала „Völkischer Beobachter“,— должна пониматься в рамках мировой истории», история должна стать на службу германскому фашизму, должна служить задачам той борьбы, которую ведет «третья империя». Но для борьбы нужны военно-политические союзники. Отсюда вывод: без изучения истории Японии нельзя изучить национальную историю Германии, так как творить национальную историю фашистской Германии придется вместе с Японией: «То, что в другом культурном кругу в лице Японии возникла великая держава... лишает нас права рассматривать историю заморских стран только под углом зрения европейской экспансии. Теперь другие континенты должны быть поняты, исходя из их собственных предпосылок, и должны быть рассматриваемы как самостоятельные партнеры в отношениях с западноевропейскими государствами».

Эта удивительная предупредительность чистокровных арийцев в отношении японских империалистов, несмотря на их принадлежность к «желтой расе», определяется обычными мотивами политической выгоды:

нужно изучать историю прошлого таким образом, чтобы можно было оправдать подготовляемое осуществление широких захватнических планов.

Двадцатилетие мировой империалистической войны было широко использовано германским фашизмом для пропаганды этих планов. В руководящей статье «Двадцать лет тому назад» центральный орган германской национал-социалистической партии указывал, что исторические даты приобретают огромное значение только в том случае, если они имеют непосредственное отношение к актуально-политическим задачам германского фашизма, и заключал, что «пережитое в мировой войне является для нас еще вполне современностью». Далее внедрялась важная и достаточно симптоматичная мысль: оказывается, что в 1914 г., с начала мировой войны произошел и «огромный перелом германской души и германской жизни, перелом, в центре которого мы до сих пор находимся, свидетелями и деятелями которого мы являемся».

Фашистский орган разъяснял сущность этого загадочного «перелома души» германского Фауста, утверждая несколькими строками ниже, что фашистский переворот «имеет духовное происхождение в августовских днях 1914 года», когда германские войска были брошены на фронт; коллективным отцом этого духовного детища, имя которому — фашизм, объявляются «полки молодых добровольцев». При этом особенно подчеркивалось, что тип современного германского фашиста создан именно «в наступательных битвах мировой войны». Фашизм, как авторитетно указывала «*Völkischer Beobachter*», «начался в тот самый момент, когда в августе 1914 г. весь германский народ в стихийно вспыхнувшем воодушевлении поспешил взяться за оружие».

Итак, исторически связав себя с мировой империалистической войной, германский фашизм не случайно поставил следующую политическую задачу: «...Всему нашему народу дать теперь картину того великого, что было пережито и что двадцать лет назад поставило наш народ на его настоящий путь и что внешне и внутренне неким образом определяюще повлияло на каждую отдельную личность». И чтобы не было никаких сомнений относительно подлинных мотивов политической кампании, связанной с двадцатилетием мировой империалистической войны, фашистский центральный орган заключал: «Прежде всего мы должны у живущего вместе с нами поколения пробудить и углубить сознание того, что солдатское поведение и солдатские действия должны быть неотъемлемой частью государственного творения».

Первоавгустовской антивоенной кампании рабочего класса и его коммунистической партии фашизм противопоставил широкую пропаганду войны и культ солдатчины. «После захвата власти национал-социализмом понимание солдатского начала стало в усиленной мере поддерживаться также и государством, и как раз в настоящем, 1934 году, когда воспоминание об августе 1914 г. снова оживает, сердечные симпатии германского народа к его армии нашли бы особенно сильное выражение», — в таком элегическом тоне скорбела «*Deutsche Allgemeine Zeitung*» (14 июля 1934 г.) по поводу предполагавшейся отсрочки больших осенних маневров германского рейхсвера. Газета считала, что с точки зрения воспитания германского народа в духе солдатского повиновения и войны, а также с точки зрения международной демонстрации германских вооружений, прикрываемых бесконечными переговорами о равноправии, эти большие маневры были бы особенно своевременны в двадцатую годовщину мировой империалистической войны.

Апология империалистической войны и утверждение фашистского культа солдатчины — такова наиболее характерная черта всей кампании, проводившейся германской унифицированной прессой. В статье «Солдаты — носители империи» «*Völkischer Beobachter*» (25 июля

1934 г.) провозглашала, что «носителями и провозвестниками национал-социализма» являются «солдаты 1914—1934 гг.», которые, оказывается, сделаны «из того же теста», что и «великие души вечной немецкой национальности». При этом имеются в виду «прежде всего люди крепкого кулака, которые дают звучание нашей истории». Дальше недвусмысленно указывается, что это «звучание» истории и есть война.

В другой статье — «Германский народ и война» — главный орган фашистской партии (от 8 августа 1934 г.), воспевая «солдатский дух и солдатскую сущность», заявлял: «Путь германской революции (имеется в виду фашистский переворот. — А. Е.) и позднее шел не через парламенты и комиссии, а через германскую солдатчину». «*Berliner Börsenzeitung*», орган финансового капитала и генерального штаба, в статье, носящей многозначительное заглавие «Черный день» (имеется в виду 28 июня — не годовщина сараевского убийства в 1914 г., а совпадающая годовщина подписания Версальского договора в 1919 г.), писал: «Не случайно Версальский трактат впервые в истории мирных договоров не включает формулы, в которой воевавшие стороны условились бы... о взаимном согласии в длительном мире». Отсюда делался вывод, что «этот мир... связывает нас лишь фактически, но не морально». А в заключение давался рецепт приспособливания фактического положения вещей к уровню фашистской морали: «Зона потрясений (таков, очевидно, синоним войны. — А. Е.) — как переход к подлинному миру — должна быть пройдена». И чтобы не осталось сомнения относительно того, что реваншистский лозунг ревизии версальской системы лишь прикрывает захватнические планы германского фашизма и его стремление к войне за новый передел мира, газета заявляла: «Новая Германия не хочет механической ревизии, слепого восстановления всего того, что было». Не удовлетворяясь довоенными границами Германии, фашизм добивается «не столько ревизии для нас, сколько переустройства всей Европы». При этом германский фашизм добивается признания за ним права выступать от имени всего европейского капитализма: «Мы живем как жизненно важная часть Европы с полным пониманием нашей ответственности за все европейское сообщество».

Эта фашистская заботливость столь велика, что простирается даже на Францию. «Мы знаем, что при существовании Версаля Франция также не может прийти к спокойствию и к счастью», — соболезнующе и сокрушенно замечала «*Berliner Börsenzeitung*»; тут же она выражала надежду, что положение изменится после того, как во Франции придут к власти люди, «которые нас понимают и которых мы понимаем». В ожидании этой перспективы приходится бороться против тех, кто представляет собой современную Францию. И тут в первую очередь газета называла Барту, французского министра иностранных дел, ставшего сторонником системы коллективной безопасности в Европе и тем самым тесного сотрудничества в СССР. Орган, близкий к германскому генеральному штабу, изображал Барту злым гением современной Европы, стремящимся лишь к тому, «чтобы не могло наступить ничего хорошего». В свете последующих событий — убийства Барту фашистским агентом в Марселе — указание на Барту в годовщину сараевских выстрелов бросало зловещую тень на черные замыслы и деяния фашистских поджигателей войны.

Столь же знаменательна, с точки зрения понимания фашистских методов, статья «Призывы к судьбе», которая была помещена в тот же день, 28 июня, на страницах вдохновляемой Папеном газеты «*Germania*». Последовательно применяя расовую теорию к вопросу о происхождении мировой войны, статья эта вместе с тем является наиболее откровенной попыткой исторически оправдать политику захватов. Рассматривая мировую войну как исторически необходимое столкновение двух

рас — германцев и славян — и считая, что борьба отнюдь не закончена и будет продолжаться, «Германия» заявляла, что эта борьба может быть успешно завершена при условии объединения всей германской расы. Отсюда — требование захвата Австрии. «Однако, — писала газета Папена, — ни один политический деятель в Европе не защищал столь фанатически „независимость“ Австрии, как канцлер Дольфус... Выстрел в Сараеве означал войну, так как Германская империя связала свою судьбу с Габсбургской монархией, так как государственные деятели Вены могли быть уверены, что Германия была готова многим пожертвовать ради укрепления великодержавной позиции ее союзницы. Чувство и благодарность не имеют в политике никакой цены, и „нибелунгова верность“ оставила после себя очень горький привкус... Это делает для нас современной общность судьбы всех немцев, — это и есть реальность, которой ни один политик немецкой крови не может безнаказанно пренебрегать».

Убийство Дольфуса, которое во всей мировой печати сопоставлялось с убийством в Сараеве, показало, что «призывы к судьбе», раздававшиеся со страниц фашистской печати в Берлине, были правильно восприняты фашистскими путчистами в Вене.

Так исторические воспоминания не только переплетаются с политическими директивами, но и определяются этими последними. Меняются политические задачи — меняются и светотени исторических оценок.

В своем откровении «Mein Kampf» апостол германского фашизма высказал сожаление, что война 1914 г. не разразилась несколькими годами раньше, когда, как он предполагает, условия для германской армии были более благоприятны. Он утверждал, далее, что война являлась национальной необходимостью и что даже народные массы Германии ее страстно желали. С некоторыми вариациями этот тезис был положен в основу политической кампании фашистской прессы в связи с 20-летием мировой империалистической войны. При этом особый интерес проявлялся к проблеме военных союзов, политических блоков, соглашений и дипломатических сближений.

В полном соответствии с внешнеполитической линией германского империализма фашистская пресса твердила об общности основных и коренных интересов Англии и Германии в Центральной и Восточной Европе и старалась не затрагивать вопроса об англо-германских противоречиях. Складывалось впечатление, что фашистская пресса в своем рвении практически установить эту общность для создания наиболее благоприятных условий для подготовки и развязывания новой империалистической войны готова идти на амнистию в оценке роли своего английского противника в возникновении прошлой мировой войны при условии, что эта амнистия будет взаимной. С тем большей настойчивостью германская пресса обрушивалась на франко-русский союз, стараясь создать впечатление о его полном тождестве со сближением Франции с Советским Союзом. «Kölnische Zeitung» (24 июня 1934 г.) довольно прозрачно намекала, что возвращение к вопросу о довоенных блоках вызвано у нее опасением той перегруппировки сил на международно-политической арене, которая знаменует совместные усилия всех держав, заинтересованных на данном этапе в поддержании мира.

Не включаясь в эту систему организации мира и всеми силами противодействуя ей, германский фашизм раскрывал свои собственные намерения на исторических аналогиях; примерами из эпохи мировой империалистической войны 1914—1918 гг. он пытался оправдать свою подготовку к новой войне.

Раньше германская реакционная историография и публицистика приводили тысячи аргументов в пользу того утверждения, что белградское

правительство, подготовившее сараевское убийство, несет главную ответственность за возникновение мировой войны¹. Теперь, отражая попытки германского фашизма вырвать королевскую Югославию из системы Малой Антанты и добиться соглашения с Белградом относительно пердела Центральной Европы, как бы подготавливая дипломатическую миссию Геринга, А. Вегерер выступил в «*Berliner Börsenzeitung*» со специальной статьей, в которой делается попытка дать историческую амнистию белградскому правительству: «Если бы в 1914 г. расследование (сараевского убийства.— А. Е.) в Белграде состоялось, то стало бы ясно, что сербское правительство не было в состоянии сдерживать преступные деяния национал-социалистских кругов (так он называет радикальные кружки сербской молодежи.— А. Е.) и тайных организаций». Можно предполагать, что если бы автор, находящийся на службе у германского фашизма, предвидел, какие аналогии это замечание вызовет после марсельского убийства, он, вероятно, облек бы свои заигрывания с Белградом в более осторожную форму.

На страницах фашистской печати кампания идеологической подготовки войны продолжается и ее задачи директивно установила «*Völkischer Beobachter*» (23 июля 1934 г.) следующим образом:

«Каждый, принадлежащий к немецкому народу, должен ознакомиться с историей великой войны, чтобы создать себе представление о ходе военных действий и связанных с этим мероприятиях и решениях. При участии выдающихся специалистов будут опубликованы в соответствующих отделах газеты статьи, которые будут тесным образом увязаны с событиями текущей жизни. Этим самым будет достигнуто живое представление относительно сложных вопросов, выдвигаемых войной. Германский народ должен получить представление о множестве задач и величии их выполнения, о планах руководства и заботах отдельного человека, о кольце фронтов и об условиях жизни в тылу... Мы должны также спокойно рассмотреть теперь ошибки и недостатки, допущенные в период войны, чтобы тем самым приобрести такие познания, которых люди нашего поколения не могли приобрести».

Геббельс и Розенберг могут быть довольны: германская унифицированная пресса достаточно дисциплинированно выполняет эти политические директивы. Ведущую роль и тут играет центральный орган национал-социалистской партии, на страницах которого ежедневно помещаются донесения с фронта о победах, которые имели место... два десятка лет назад. Предполагается, очевидно, что эти сводки должны иметь благоприятное морально-политическое и воспитательное влияние на новое поколение, не знающее, какой ценой германский империализм в прошлом платил за свои победы,— на поколение, которому предназначено быть пушечным мясом в новой войне. Характерно, что в этих сводках особенно тщательно изо дня в день отмечаются победы, одержанные германским оружием на Востоке.

«...Нам нужно солдатское героическое понимание истории, которое учит восхищению Фридрихом Великим за мужество отчаяния, с которым он боролся против целого мира врагов, и за то, что, как говорит Клаузевиц, он чувствовал „гордость славной гибели“,— писал полковник В. Фёрстер в „*Deutsche Allgemeine Zeitung*“ (8 сентября 1934 г.).— Нам нужно понимание истории, которое видит в битве под Танненбергом классический пример того, как воля к победе в состоянии совершить вещи, кажущиеся невозможными. Нам нужно понимание истории, которое учит, что можно преодолевать судьбу».

¹ См., например, А. Wegerer. Der Entscheidende Schritt in den Weltkrieg. Berlin, 1931; а также выше: «Версальский тезис и его ревизия (Исторические документы как орудие политической борьбы)».

Апелляция к Фридриху Великому не должна удивлять: старый Фриц мечтал о том, чтобы превратить всю Пруссию в казарму. Его современные последователи идут гораздо дальше: они милитаризируют всю Германию и стремятся установить ее господство над всем миром. Но если Фридриху удалось сыграть на основном противоречии его времени, противоречии между Англией и Францией, то планы германского фашизма — сыграть на основном противоречии нашей эпохи, противоречии между Советским Союзом и капиталистическим миром. С энергией отчаявшихся людей насаждая в своей стране культ солдатчины, германские фашисты готовят новую войну. Но, развязав эту войну, они на собственном опыте убедятся, что «мужество отчаяния» отнюдь не достаточно для того, чтобы «преодолеть судьбу» тех сил, которые сами приближают собственную гибель.

1934 г.

НАЧАЛО ПЕРЕВООРУЖЕНИЯ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ И ПЕРЕГОВОРЫ С ЗАПАДНЫМИ ДЕРЖАВАМИ

(ПО СЛЕДАМ СОБЫТИЙ)

Внешнеполитическая программа германского фашизма до его прихода к власти не представляла собою стройного и продуманного целого, где каждый отдельный элемент находился бы в определенном соотношении с остальными элементами. Еще менее продуманы были в деталях тактические методы осуществления этой программы, которая напоминала скорее хаос агрессивных планов и устремлений. По мере усиления решимости руководящих кругов германской буржуазии открыть Гитлеру и его партии доступ к власти, фашисты начали серьезно задумываться над вопросами тактики, учитывая реальное соотношение сил на международной арене. Главную задачу они усматривали в том, чтобы использовать ненависть капиталистических держав к Советскому Союзу и противоречия между главнейшими капиталистическими державами в целях воссоздания военной мощи германского империализма и подготовки к вооруженной борьбе за новый передел мира.

Первые месяцы фашистской диктатуры не принесли, однако, Германии ничего, кроме политической изоляции. Своими провокационными выступлениями против Советского Союза фашистская Германия предполагала продемонстрировать перед всем миром готовность к активной «борьбе с большевизмом», чтобы таким образом получить поддержку капиталистических держав. На деле оказалось, что в эти месяцы фашистская Германия умудрилась испортить свои отношения почти со всеми государствами: с Польшей — из-за усилившейся пропаганды за аннексию Поморья и Данцига, с Литвой — из-за своих притязаний на Клайпеду (Мемель), с Чехословакией, Данией и даже Швейцарией — в результате открытой проповеди расчленения этих стран, с Австрией — из-за угроз насильственного присоединения ее к себе, с Италией — из-за нависшей опасности аншлюса Австрии, а также вследствие германской пропаганды в пользу ревизии бреннерской границы. Фашистская Германия обострила тогда отношения и с Бельгией из-за своей пропаганды возвращения областей Эйпен и Мальмеди, и, конечно, с Францией вследствие безудержной пропаганды реванша и ревизии Версальского договора. Даже с Японией отношения были некоторое время испорчены из-за германской пропаганды возвращения подмандатных островов. Напряженность международно-политических противоречий сказалась на судьбе «пакта четырех» — Германии, Италии, Франции и Англии; германский фашизм хотел иметь дипломатический инструмент, который, с одной стороны, вбил бы клин между Францией и ее союзниками — Польшей и Чехословакией, а с другой, был бы обращен против Советского Союза. Этот пакт потерпел крушение под тяжестью противоречий между его участниками. Противоречия еще больше обострились в результате

усилившейся активности германского фашизма, направленной на захват Австрии. В этом вопросе столкнулись интересы, по меньшей мере, трех участников «пакта четырех» (Германии, Италии и Франции).

Еще раньше фашистская Германия предприняла широкий дипломатический маневр в виде «мирной оффензивы». 17 мая 1933 г. Гитлер выступил в рейхстаге с большой политической речью, которой пытался убедить Францию, что фашистская Германия помышляет совсем не о реванше, а о добрососедских отношениях с ней и готова мирным путем уладить все спорные вопросы. Это неожиданное превращение нацистского Савла в пацифистского Павла было вызвано новыми обстоятельствами, с которыми правящие круги германского империализма не могли не считаться. Как сообщает Штегеман, весьма осведомленный германский публицист, в середине мая 1933 г. в Берлине были получены сведения о военных приготовлениях, предпринятых Францией. «Французские пограничные укрепления,— пишет Штегеман,— которые уже в течение зимы получили усиленные гарнизоны, были приведены в состояние военной тревоги, большие лагеря в Лотарингии, этой исходной зоне для наступления рейнской армии, были приведены в состояние боевой готовности»¹. Задача нового тактического маневра Гитлера заключалась прежде всего в том, чтобы выиграть время для осуществления разработанной гитлеровским правительством совместно с генералитетом огромной программы перевооружения и создания быстрыми темпами крупной армии. В своей книге «Гитлер вооружается» Доротти Вудман, секретарь английского «Союза демократического контроля», привела огромный документальный материал, который показывает, как осуществляется эта программа².

Д. Вудман в деталях вскрывает механику милитаризации, охватившей все стороны жизни фашистской Германии. Она показывает, как идет формирование массовой армии, которая уже в 1934 г. помимо 130-тысячного рейхсвера фактически включала в себя почти 300 тысяч полицейских солдат, железнодорожных войск и технических служб; кроме того, имеется резерв первой очереди — 2 млн. штурмовиков и членов отрядов СС. По сообщениям печати, после событий 30 июня 1934 г. штурмовые отряды были реорганизованы в 21 группу (корпус), каждая из которых состоит из 4 бригад, включающих кавалерийские, артиллерийские, саперные и санитарные подразделения. Книга Вудман содержит важные данные и о размахе военного производства в фашистской Германии. Эти данные не оставляют сомнений в том, что Германия приступила к массовому производству многих военных материалов, в том числе минометов, бомб, торпед, предметов военной оптики, бронепоездов, бронемашин и т. п. Налажено секретное производство танков. Широко поставлена подготовка командных кадров из числа бывших офицеров и молодых приверженцев фашистской партии.

Особое внимание уделяет Вудман воссозданию военной авиации в гитлеровской Германии; сообщения на этот счет все чаще появляются и на страницах мировой печати. Так, французский еженедельник «Magasine» сообщал, что Германия располагает 250 аэродромами и посадочными площадками; речь идет не столько о старых аэродромах, восстановленных после прихода фашистов к власти, сколько о новых, построенных недалеко от границ. Быстрыми темпами разворачивается производство самолетов, среди которых главное место занимают конструкции, легко переоборудуемые в боевые, а также собственно военные. Вудман приводит секретный документ — письмо самолетостроительной фирмы Пор-

¹ H. Stegmann. Weltwende. Der Kampf um die Zukunft und Deutschlands Gestaltwandel. Stuttgart — Berlin, 1934.

² D. Woodman. Hitler prepares the War. London, 1934. Д. Вудман. Германия вооружается. Перев. с англ. М., 1935.

бах, свидетельствующее о том, что эта фирма строит военные самолёты и что ее заводы полностью подготовлены к массовому их производству. Кроме Рорбаха, в фашистской Германии имеется и ряд других компаний, тайно строящих военные самолёты; в их числе Юнкерс, Гейнкель, Фокке-Вульф, Мессершмидт. Вудман даёт представление о структуре гитлеровского министерства авиации, которое, согласно заверениям Геринга, занимается сугубо мирными делами. Секретный отдел самолетостроения, вооружения и снабжения разрабатывает новые конструкции военных самолетов, размещает заказы на их изготовление, руководит испытаниями. Другие отделы заняты подготовкой и испытаниями бомб, аэронавигационных инструментов, радио- и фотоаппаратуры. Большие успехи достигнуты в Германии в области авиационного моторостроения. Нет сомнений, что Германия уже располагает крупным воздушным флотом. Выступая в ноябре 1934 г. в палате общин, Болдуин, премьер-министр Великобритании, говорил о наличии в фашистской Германии 600—1000 военных самолетов. Но фактически германская авиация значительно сильнее. Она насчитывает не менее 500—600 гражданских и 500—600 учебных и спортивных самолетов, 50—100 машин новых конструкций, проходящих испытания, свыше 300 самолетов, находящихся в филиалах германских авиационных компаний за границей, и 400—500 самолетов, тайно построенных в самой Германии. В общем это составляет 1750—2100 машин.

Подытожив приведенные ею факты, Вудман пишет: «Создание в гигантских масштабах массовой армии, использование в милитаристских целях 60-миллионного народа, лихорадочная поспешность, с какой все это проводится в жизнь, цель, к которой направлена вся эта деятельность,— все это неизбежно ведет к одному результату, и этот результат — война».

Важным дополнением к этим материалам является книга С. Эркнера «Германия — поле для маневров»³. Ее автор — бывший офицер германского генерального штаба, с большим знанием дела последовательно излагает методы и организационные формы воссоздания вооруженных сил фашистской Германии, где «все, абсолютно все,— и люди и вещи, существуют только как функция войны».

Воссоздавая мощь германского милитаризма на широкой основе, фашизм стремится на данном этапе прикрыть свою агрессивную программу, во-первых, требованиями «равноправия» в вооружениях, а во-вторых, заверениями относительно миролюбивого характера своей внешней политики. При этом он стремится заручиться поддержкой западных капиталистических держав, прежде всего Англии, и нащупать наиболее слабое звено во французской системе послевоенных союзов, чтобы подорвать эту систему и подготовить международную изоляцию Франции. Европейская печать указывала, что поездка Геринга в королевскую Югославию имела своей задачей проложить путь сближению Германии с Югославией и тем самым ослабить всю систему Малой Антанты. Аналогичные цели фашистская Германия преследует и в Румынии, где она опирается не только на «железную гвардию», но и на некоторые придворные круги, известные своими старыми германофильскими симпатиями. Убийство видного политического деятеля Дука в Бухаресте было зловещим выражением напряженной борьбы германского фашизма за внешнеполитическую переориентацию Румынии.

Эти энергичные попытки германского фашизма пока успехом не увенчались. Надвигающаяся угроза со стороны фашистской Германии усилила среди государств Малой Антанты, опасавшихся войны,

³ S. Erckner. L'Allemagne champ de manoeuvre. Le fascisme et la guerre. Paris, 1934.

тенденцию к политическому сближению с единственной крупной державой, являющейся последовательной поборницей мира,— с Советским Союзом. Однако фашистская Германия добилась успеха в Польше. Польско-германское соглашение (январь 1934 г.), обязывающее обе стороны отказаться от взаимного нападения в течение 10 лет, практически означало, что фашистской Германии удалось пробить брешь во французской системе послевоенных союзов. Вместе с тем это соглашение имеет целью создать условия для осуществления захватнических вождедений обоих государств, прежде всего на Востоке Европы. «Польша благодаря этому пакту приобрела большую свободу движения на Восток,— пишет Штегеман, вскрывая политический смысл польско-германского соглашения,— а Германия наконец-то заняла такое положение, которое позволяет ей выдвинуться на Юго-Востоке и на Юге. Это обстоятельство имеет существенное значение». Иными словами, оба государства взяли курс на войну.

Чтобы окончательно развязать себе руки для проведения программы вооружения, фашистская Германия в октябре 1933 г. покинула Лигу наций и конференцию по разоружению. В связи с усилением захватнических устремлений Германии наметилось сближение между Францией и Советским Союзом, выступившими с идеей Восточного пакта. Еще в начале 1934 г. Советский Союз предложил Польше и Германии подписать договор, гарантирующий независимость малых прибалтийских государств. Однако и Польша, и Германия отказались принять это предложение и тем продемонстрировали свои захватнические намерения. Более того, они стали активно противодействовать идее Восточного пакта, имеющего своей целью обеспечить и гарантировать мир в Восточной Европе. Несмотря на это противодействие (поездка польского министра иностранных дел Бека в прибалтийские страны), летом 1934 г. Эстония, Литва и Латвия, а также Чехословакия высказались в пользу Восточного пакта. Находясь под впечатлением роста военно-воздушных сил фашистской Германии, а также под влиянием энергичного нажима со стороны главы французской дипломатии Барту, английское правительство заняло тогда более твердую и определенную позицию: устами Болдуина оно заявило, что граница Англии находится на Рейне, и выступило с поддержкой идеи Восточного пакта.

Однако, стремясь не допустить франко-советского сближения и вместе с тем не упустить возможности использовать фашистскую Германию в своих целях, английское правительство попыталось перекинуть мост между Францией и Германией. Этому в известной мере способствовали колебания, которые начали сказываться в политике Франции после того, как фашистские агенты в сентябре 1934 г. убили в Марселе французского министра иностранных дел Барту, ставшего активным поборником идеи коллективной безопасности и сближения с Советским Союзом. Все это создало почву для маневров, которые начала предпринимать фашистская Германия с целью сорвать франко-советское сближение. В частности, германский фашизм установил непосредственные связи с фашистскими группировками во Франции; опираясь на эти группировки, он добивался такого соглашения с Францией, которое развязало бы ему руки для захватов на Востоке. Наиболее реакционные органы французской прессы высказывались за соглашение с фашистской Германией. Однако большинство указывало, что Германия, несмотря на формальный отказ от реванша на Западе, после завоеваний на Востоке повернет свое оружие и на Запад — против Франции, предварительно лишив последнюю ее европейских союзников. Наиболее дальновидные указывали, что предоставление Германии свободы рук на Востоке будет стимулировать рост вооружений Германии, и при существующих политических связях и обязательствах между Малой Антантой и Францией

война, развязанная на Востоке, не сможет быть локализована, и, следовательно, перебросятся на Запад.

В этих условиях 5 декабря 1934 г. Франция подписала с Советским Союзом декларацию, констатирующую решимость обоих правительств бороться за принципы Восточного пакта. Часть английской буржуазной прессы, которая ратовала за франко-германское соглашение и против франко-советского сближения, выдвинула версию, будто декларация является прикрытием секретного военного союза. Одновременно она всячески рекламировала лицемерное заявление Гитлера о том, что после возвращения Саара Германии у последней не будет никаких претензий к Франции и тогда откроется возможность для непосредственных франко-германских переговоров об утверждении мира в Западной Европе. Почти вся английская буржуазная пресса вела пропаганду за передачу Саара фашистской Германии. Со своей стороны английская дипломатия сделала все от нее зависящее, чтобы предопределить исход голосования в Сааре. Присоединение этой области (январь 1935 г.) не только не удовлетворило аппетитов фашистской Германии, но еще более их усилило. Германский фашизм тотчас же поднял кампанию в пользу захвата «Южного Саара» — Австрии и «Восточного Саара» — Клайпеды. В унифицированной печати Саара раздавались требования присоединить к Германии Эйпен и Мальмеди, принадлежащие Бельгии, и даже Эльзас и Лотарингию.

Вскоре после Саарского плебисцита в Лондоне состоялись переговоры Фландена и Лаваля с Макдональдом и Саймоном. На этой встрече с французскими министрами английское правительство поставило вопрос о легализации германских вооружений. «Центральным пунктом переговоров,— указывала „Times“ накануне встречи в Лондоне,— конечно, должен быть вопрос о военных постановлениях Версальского договора, о возможности возвращения Германии в Лигу наций и о гарантиях, которые Англия могла бы дать континенту». Этим переговорам между Англией и Францией предшествовали неофициальные беседы между некоторыми политическими деятелями Англии и Гитлером. Переговоры вел лорд Ротермир, газетный король, поднявший в подвластной ему прессе открытую кампанию в пользу фашистской Германии. Вслед за ним с Гитлером встретилось доверенное лицо Макдональда — лорд Лотиан. Вернувшись, Лотиан стал на страницах «Times» рекламировать «твердый» режим в Германии и предложил «во имя справедливости» дать Германии возможность открыто вооружаться, одновременно привлекая ее к подписанию пакта, гарантирующего границы европейских держав сроком до 5 лет. Вопрос о гарантиях западных границ Советского Союза явно оставался открытым. Впрочем, Лотиан сам с удовлетворением констатировал, что «взоры фашистской Германии в первую очередь направлены на Восток».

Гитлеровское правительство и германская пресса внимательно следили за ходом лондонских переговоров. Их позиция определялась тем, что к этому времени фашистская Германия уже почти прошла «опасную зону» вооружений, что французскому правительству, отказавшемуся от твердой политической линии Барту, придется с этим считаться и что никакие предварительные условия легализации вооружений для Германии неприемлемы. «Конечно, демонстративный отказ (Англии и Франции.— А. Е.) от 5-й части (Версальского договора.— А. Е.) явился бы предложением, весьма понятным и заслуживающим одобрения,— писала „Frankfurter Zeitung“ (31 января 1935 г.).— Однако нельзя отрицать, что подобное предложение, которое уже перекрыто практическим развитием, не имеет теперь той цены, какую оно могло иметь раньше». Фашистская печать давала таким образом понять, что гитлеровское правительство вовсе не склонно чем-либо платить за признание факти-

чески достигнутого ею уровня вооружений и что, наоборот, признание за Германией права на безграничные вооружения является необходимым предварительным условием для дальнейших политических переговоров. Эти претензии фашистской Германии, преследующие цель ослабить позиции Франции как в вопросе о вооружениях, так и в системе международных отношений в целом, конечно, не могли встретить сочувствия во Франции.

Результатом лондонских переговоров были англо-французские предложения Германии (3 февраля 1935 г.). Они предусматривали согласие на заключение Центральноевропейского пакта, гарантирующего независимость Австрии, и формальное признание недопустимости односторонней отмены послевоенных договоров. Далее, германскому правительству было предложено присоединиться к Восточному пакту, гарантирующему неприкосновенность границ и безопасность на Востоке Европы. Кроме того, англо-французские предложения предусматривали возвращение Германии в Лигу наций и, наконец, присоединение Германии, наряду с Бельгией и Италией, к англо-французской воздушной конвенции («воздушное Локарно»). Таковы были условия, принятием которых определялось согласие Англии и Франции на отмену версальских постановлений, ограничивающих размеры германских вооружений.

Вся буржуазная пресса Англии и Франции, за единичными исключениями, приветствовала Лондонские соглашения. В своих оценках она исходила из нового положения, которое создала гитлеровская политика вооружений: «5-я часть Версальского договора,— писал Зауэрвейн в „Paris Soir“ (4 февраля),— фактически существовала только на словах. Германия вооружалась и продолжает вооружаться. Логически рассуждая, следовало или вести против нее войну, чтобы поставить ее в должные рамки, или же договориться с ней. Если первое противоречит чувствам Франции, то второе можно было осуществить двумя способами: непосредственным соглашением с глазу на глаз или соглашением в рамках европейского договора. Мы выбрали второй метод». Вместе с тем французская пресса выражала некоторое беспокойство насчет обеспечения французской дипломатией условий для проведения этого метода. Французская пресса особенно подчеркивала, что Лондонские соглашения ни в какой мере не ослабляют связей Франции с Малой Антантой, а также политики сближения с Советским Союзом. Однако в этом вопросе обнаружились и некоторые оттенки: если официозная пресса пыталась заверить, будто «Фланден и Лаваль не поступились даже самой ничтожной частью обязательств, принятых Францией по отношению к этим странам» («Petit Parisien», 4 февраля), то осведомленный Пертинакс был настроен менее категорически и оценивал позицию французской дипломатии более скептически. «Во всяком случае,— писал он в „Echo de Paris“,— французское правительство сохранило за собой свободу действий как в области дипломатической, так и военной, и не забыло об обязательствах, взятых Францией перед Советским Союзом, Малой и Балканской Антантами».

Одновременно французская буржуазная печать выразила единодушное удовлетворение проектом «воздушного Локарно», которое должно гарантировать Франции и Англии немедленную и автоматическую взаимную помощь в случае нападения германских самолетов на одну из этих стран. Подобную гарантию воздушной безопасности на Западе английский министр иностранных дел Саймон расценил как главный итог лондонских переговоров. Подчеркивая, что Англия ни в какой мере не расширила своих обязательств в отношении других европейских держав, английская дипломатия и пресса тем самым давали понять, что в реальной гарантии мира в других районах Европы, в частности на Востоке, она заинтересована в значительно меньшей степени.

Понятно, что расхождение между английской и французской интерпретацией Лондонских соглашений не могло остаться незамеченным в фашистской Германии. «Предстоящие дипломатические переговоры относительно всей совокупности европейских вопросов покажут, что Франция находится скорее в противоречии с Англией и Италией», — писал один из официозов гитлеровской дипломатии «Kölnische Zeitung» (6 февраля). Фашистская дипломатия не скрывала, что она рассчитывает получить поддержку в Англии, которая, по словам той же «Kölnische Zeitung», «решилась взять на себя ответственность только за положение в Западной Европе».

Комментарии лондонской прессы только укрепляли эту оценку английской политики и способствовали проведению тактики, которой начала придерживаться фашистская Германия. Готовя почву для сепаратных англо-германских переговоров, «Times» особенно сильно выдвигала вопрос о «воздушном Локарно», определяя свое отношение к вопросу о Восточном пакте в следующих, по меньшей мере двусмысленных, выражениях: «Последствием Лондонских соглашений может быть то, что если одна брешь — на Западе — уменьшится, то другая брешь — на Востоке — станет шире. Франция и Германия сближаются; СССР и Германия могут еще больше отдалиться друг от друга». Позиция Англии, поскольку она была формулирована на страницах наиболее влиятельной лондонской газеты⁴, в известной мере определила расчеты и маневры фашистской Германии. «Восточный пакт не получил особенно горячих рекомендаций в Лондоне, и Бек в Варшаве относится к нему довольно холодно», — с радостью констатировала «Kölnische Zeitung» (7 февраля).

Германский ответ представляет значительный интерес не только в тех вопросах, которые в нем затронуты, но и в тех, которые были столь многозначительно обойдены молчанием. Фашистская Германия ответила согласием вступить в переговоры лишь о заключении воздушной конвенции; при этом она дала понять, что ее воздушный флот уже представляет весьма внушительную силу и что Франция и Англия, которые не могут остановить рост германских вооружений, должны смириться и идти на переговоры. Ко всем остальным вопросам, выдвинутым в Лондонских соглашениях, фашистская Германия осталась глуха. Заняв отрицательную позицию по отношению к идее Центральноевропейского пакта, правящие круги фашистской Германии тем самым обнаружили свое стремление к захвату Австрии. Правда, по тактическим соображениям отказ не был категорическим. Германская дипломатия давала понять, что она согласна вести переговоры об этом пакте, но только в обмен на известные уступки. Что же касается Восточноевропейского пакта, то гитлеровское правительство решительно отказалось присоединиться к нему, тем самым открыто обнаруживая свои стремления к захвату прибалтийских стран и к нападению на Советский Союз. Одновременно фашистская печать подняла вопрос о том, что Германия также нуждается в безопасности и поэтому должна не только возводить приграничные укрепления, запрещенные Версальским договором, но и покончить с демилитаризацией Рейнской зоны.

В дипломатической игре с западными державами Гитлер и его пресса снова бросили на стол свою антисоветскую карту. «Германия —

⁴ Противоположная тенденция в оценке Восточного пакта была выражена значительно слабее. «Оттеснение на задний план Восточного пакта, несомненно, не было целью лондонских бесед и, следует надеяться, не будет их результатом», — писал Спектатор. Тем самым осведомленный публицист признал, что влиятельные круги Лондона пытались элиминировать идею Восточного пакта. Только под большим нажимом Франции английская дипломатия согласилась на упоминание Восточноевропейского пакта в тексте соглашения от 3 февраля.

это барьер против большевизма», — напоминала «Berliner Börsenzeitung» (2 февраля), а спустя несколько дней (14 февраля) главный орган национал-социалистской партии «Völkischer Beobachter» поместил статью бывшего лейбористского министра финансов Сноудена, который писал: «Целью России является мировая революция, для того чтобы построить коммунизм, и только из тактических соображений Россия скрывает эти свои замыслы». И далее Сноуден на страницах фашистской газеты свидетельствовал об общности англо-германских интересов в Европе, явочным порядком оправдывал вооружение Германии и недвусмысленно одобрял германские планы развязывания войны против Советского Союза. Характерно, что комментируя позицию Германии по вопросу о Восточном пакте, фашистская печать указывала, что, прежде чем говорить об этом пакте, Германия должна получить Клайпеду (Мемель).

Позиция Германии вызвала во Франции недовольство. Особенно критически высказался Пертинакс, который дал в «Echo de Paris» резкую характеристику тактики Гитлера. Германия, писал он, «проявляет бесстыдство. Она не считает нужным ответить на условия, выдвинутые в Лондоне, помимо заключения воздушной конвенции, из которой рассчитывает получить известные всем выгоды. Германия не решается на прямое отклонение проекта, предложенного Францией и Англией. Но она либо попытается извратить предложенную систему, либо будет затягивать переговоры, дабы закончить свои приготовления». Остальная французская печать расценивала германские маневры примерно так же. Она указывала, что согласие Германии на переговоры о воздушной конвенции объясняется стремлением легализовать свои огромные воздушные вооружения, без того, однако, чтобы дать гарантии европейской безопасности. Французская пресса отмечала также, что стремление Германии освободиться от 5-й части Версальского договора, без того чтобы подписать всеобщую конвенцию об ограничении вооружений, встретит решительное сопротивление со стороны Франции. Но уже вскоре, по-видимому не без инспирации сверху, официозная пресса изменила свою позицию и стала утверждать, что ответ Германии в какой-то мере продиктован попыткой продолжать переговоры.

В то же время часть французской прессы явно подозревала Англию в том, что именно она является инспиратором позиции Гитлера. «Мы отнюдь не подозреваем наших английских друзей, — писал „Journal des Débats“, — в желании сознательно потворствовать такой игре в ущерб Франции. Но мы достаточно осведомлены о настроениях части британского общественного мнения, чтобы иметь основание для законного недоверия. Британские министры в еще большей мере, чем наши, имеют склонность проявлять слабость в отношении Германии». Это подтвердили колебания большей части английской буржуазной прессы, и прежде всего «Times», по вопросу о том, следует ли настаивать на неделимости первоначальных англо-французских предложений. Все чаще высказывалось мнение о необходимости пойти на новые уступки Германии, т. е. дать последующему ходу переговоров то направление, которого добивался Гитлер.

Оценка Лондонских соглашений Советским правительством, запрошенным правительствами Англии и Франции, внесла в сложившуюся ситуацию полную ясность. Советское правительство указывало, что оно будет приветствовать это соглашение лишь «в условиях полного и нераздельного его выполнения». Твердая и определенная позиция Советского правительства, озабоченного судьбами всеобщего мира, нашла отклик у самых широких кругов, в том числе и в Англии. Значительная часть английской прессы переменила тон и начала более сочувственно комментировать политику Советского Союза. Если «Times» все еще про-

должала скрывать истинные причины германских возражений против Восточного пакта и истинные мотивы, которые руководили Советским правительством, когда оно выступило в поддержку этого пакта, то «Daily Telegraph» уже более твердо начала поддерживать тезис о *неделимости мира*, выдвинутый советской дипломатией. «Невозможно угрожать миру в одной части Европы,— писала „Daily Telegraph“ (от 21 февраля),— не создавая тем самым, серьезнейшей опасности для мирных взаимоотношений со всеми соседями, которые первые оказались втянутыми в осложнения».

Ответ Советского правительства имел еще одно немаловажное значение: он дал толчок к большой дискуссии в правящих кругах Англии относительно основного направления ее общей политики в Европе. Наиболее последовательные, но полностью противоположные точки зрения были высказаны Гарвином в «Observer» и Скрутейтором в «Sunday Times». Если Гарвин доказывал, что проблема безопасности в Восточной Европе не может рассматриваться изолированно от всех остальных проблем европейской политики и что пожар войны, в каком бы пункте Европы он ни вспыхнул, немедленно охватит весь континент и неизбежно втянет Англию в европейский конфликт, то Скрутейтор выступал с идеями, которые по существу соответствовали агрессивным антисоветским планам германского фашизма. «Германия,— писал он,— определенно желает кое-чего, не хватяющего ей, и не подлежит никакому сомнению, что она при первом удобном случае попытается получить это полностью или частично. Подобным случаем может быть война между СССР и Японией». И далее Скрутейтор открыто заявлял, что в интересах Англии договориться об установлении реальных гарантий мира на Западе, чтобы предоставить Германии свободу действий и, быть может, даже активную англо-французскую поддержку в ее устремлениях на Восток. Остальные крупные органы английской буржуазной прессы высказывали суждения, промежуточные между этими двумя противоположными линиями.

Во всяком случае, английская и французская дипломатия была вынуждена считаться с советской точкой зрения. С другой стороны, пришлось учитывать, что многие страны Юго-Восточной Европы перед лицом угрозы, исходящей от фашистской Германии, стали искать сближения с Советским Союзом.

Так в правящих кругах Англии созрело мнение о необходимости послать официальных представителей английского правительства для переговоров не только в Берлин, но и в Москву. Сложившуюся дипломатическую ситуацию «Daily Telegraph», официоз Форейн оффиса, комментировал (21 февраля) в следующих словах: «Готовность СССР сотрудничать в деле заключения полного европейского соглашения рассматривается в Лондоне как полезный фактор. Тесные отношения, которые Литвинов установил сейчас с министрами иностранных дел дунайских и балканских стран, значительно расширили сферу влияния СССР в Европе».

В те дни, когда решался вопрос о поездке английских министров в европейские столицы, английская и германская печать не скрывала, что центральным пунктом сепаратных переговоров в Берлине будут вооружения Германии. Английские представители отправились в Берлин не с пустыми руками: накануне британское правительство опубликовало «Белую книгу», в которой, ссылаясь на все растущие воздушные вооружения Германии, оправдывало свою новую программу увеличения воздушных и прочих военных сил, предложенную на рассмотрение палаты общин. Это демонстративное выступление английского правительства вызвало на страницах германской печати бурю недовольства. Несмотря на то, что английская пресса в своих комментариях к «Белой

книге» всячески стремилась смягчить моменты, касающиеся Германии, антианглийская кампания фашистской печати не утихала. Более того, в тот час, когда Саймон укладывал чемоданы, чтобы отправиться в Берлин, Гитлер демонстративно захлопнул перед ним двери, сославшись на легкую простуду, которая якобы лишила его возможности разговаривать. Грубая фашистская демонстрация принесла свои плоды. Вскоре германская печать могла с удовлетворением констатировать, что в Лондоне в ходе парламентских прений проявилось стремление в такой же степени задобрить фашистскую Германию, в какой и отмежеваться от Советского Союза и его идеи создания системы коллективной безопасности. Это в особенности сказалось в речи Болдуина, который говорил не столько об угрожающем росте вооружений фашистской Германии, сколько о вооружениях Советского Союза. Гитлеровское правительство осталось вполне довольным тоном и результатами парламентских прений и через посредство унифицированной прессы дало понять о своей готовности возобновить переговоры. «Нам кажется,— писала „Frankfurter Zeitung“ (13 марта 1935 г.),— что на этой основе можно продолжать работу».

Однако, прежде чем «продолжать работу», фашистская Германия поставила мир перед совершившимся фактом — она перешла к открытому и формальному уничтожению военных постановлений Версальского договора. Используя свой постоянный рупор в английской «твердолобой» печати — корреспондента «Daily Mail» в Берлине Уорда Прайса, Гитлер дал понять, что состояние его здоровья зависит прежде всего от того, какую позицию займет Англия по отношению к новому шагу германского фашизма. И вот Геринг оповестил мир, что германское правительство формально разрывает условия Версальского договора и приступает к созданию военной авиации. Правящие круги Англии не только смирились с этим вызовом, но и поспешили заявить, что необходимо встать на практические позиции и считаться с реальным положением вещей.

Ровно через 5 дней, 16 марта, состояние здоровья Гитлера настолько улучшилось, что он своим рычащим голосом смог объявить о введении в Германии всеобщей воинской повинности. Во французской печати поднялась волна негодования, а французское правительство заявило категорический протест. Однако этим дело и ограничилось. Англия также вручила ноту протеста, настолько вялую и двусмысленную, что даже в фашистской прессе она вызвала в общем благоприятные комментарии. Более того, в Берлине в этой ноте усмотрели мост для возобновления сепаратных англо-германских переговоров.

Между Англией и Францией вскрылись серьезные разногласия, которые отразились и в прессе. Если лондонская «Times» довольно открыто поддерживала Германию и более чем примирительно отнеслась к гитлеровской декларации о введении всеобщей воинской повинности, то парижская «Temps» выступала с серьезными предостережениями Англии относительно подлинных намерений германского фашизма. «Пусть не заблуждаются! — писала „Temps“ (23 марта). — Несмотря на свои заверения, Германия может завтра нарушить демилитаризацию левого побережья Рейна, послезавтра аннексировать Мемель или Данциг, затем вызвать в Австрии национал-социалистский путч, а еще позже напасть на балтийские страны и угрожать Советскому Союзу. Только одно может заставить Германию задуматься, а именно демонстрация энергии, и притом отнюдь не словесной». В некоторых политических кругах Франции правительству указывали, что лучшим ответом Германии должно быть немедленное заключение системы пактов с государствами, готовыми дать отпор фашистской агрессии. Однако уже вскоре реакционные круги Франции встали, по сути дела, на ту же позицию, что и

английские примиренцы и покровители фашистской Германии. Даже «Темпс», которая только что разоблачала агрессивные намерения фашистской Германии и призывала французское правительство к активным действиям, вдруг сникла.

Английская же реакционная пресса в дни поездки Саймона и Идена в Берлин довольно открыто поддерживала фашистскую политику захватов на Востоке. Она критиковала позицию Франции, решившей передать вопрос об одностороннем расторжении военных постановлений Версальского договора на обсуждение Лиги наций, не менее резко, нежели печатать фашистской Германии. Из «всех великих держав мы больше всего симпатизируем Германии», — откровенно писал Скрутейтор в «Sunday Times» (24 марта).

Переговоры Саймона и Гитлера, закончившиеся 26 марта, естественно, привлекли к себе всеобщее внимание. Из сообщений печати явствовало, что Гитлер выдвигал в качестве причины вооружения Германии «борьбу с большевизмом» и пытался создать впечатление об отсутствии у него агрессивных замыслов относительно Франции и Англии. Он не скрыл также своего категорического противодействия идее Восточного (а отчасти и Центральноевропейского) пакта. Далее Гитлер потребовал увеличения германского военно-морского флота до размеров, равных одной трети британского, предоставления Германии колоний и т. д.

Агрессивные устремления германского фашизма оказали столь сильное впечатление на общественное мнение Англии, что даже «Daily Mail», обычно весьма расположенная к фашистской Германии, заявила, что Англия не может поддержать планы, изложенные в Берлине Саймону. В кругах консервативной партии снова стали раздаваться голоса, призывавшие не обольщаться фашистскими предостережениями о «большевистской опасности», поскольку они служат лишь прикрытием для укрепления военно-политической мощи Германии. Английская печать, консервативная, либеральная и лейбористская, так или иначе констатировала неудачу берлинских переговоров. Отражая тревогу и смятение, охватившие Англию в связи с безудержными планами, которые Гитлер нарисовал перед Саймоном, газета «Daily Telegraph» писала (27 марта): «Если национал-социалисты действительно сделали неотъемлемой основой своей политики теорию, что СССР является естественным врагом Германии... то нужно надолго распрощаться с мыслью о европейском мире, построенном на пакте о взаимной гарантии безопасности». Вся английская печать, за самым малым исключением, была вынуждена констатировать, что Советский Союз, имеющий огромное влияние на международное положение, является страной, последовательно проводящей политику мира. Даже «Morning Post», которую никак нельзя заподозрить в симпатиях к Советскому Союзу, писала в те дни, что «пожертвовать СССР в интересах Германии означало бы вести опасную и недальновидную политику». В общей оценке итогов берлинских переговоров французская печать была еще более единодушна: она подчеркивала, что германский фашизм, раскрывший в переговорах с Саймоном свои агрессивные планы, разоблачил себя как главного поджигателя войны.

В этих условиях поездка английского министра лорда хранителя печати Идена в Москву (в конце марта 1935 г.) вызвала всеобщий интерес как в самой Англии, так и на континенте. Германская печать стремилась создать впечатление, что англо-советские переговоры в Москве заранее обречены на неудачу. Английская пресса с большим интересом следила за развитием англо-советских переговоров и считала, что поездка Идена в Москву в общем закончилась успехом. Разумеется, эта поездка вызвала огромный интерес и во Франции, где, впрочем, не

строили иллюзий относительно маневров и колебаний английской дипломатии. В те дни в Париже раздавались особенно громкие слова насчет того, что Франция должна занять самостоятельную позицию и искать собственные пути, а именно пути сближения с Советским Союзом и другими государствами, заинтересованными в поддержании мира. Но уже вскоре германская пресса вновь с удовлетворением отмечала разницей во французской буржуазной прессе, усматривая в этом отражение лавирования и нерешительности французской дипломатии.

Кроме Москвы, Иден посетил Варшаву и Прагу. Итоги двух последних визитов, по-видимому, ничего нового не принесли. Иден мог убедиться, что правительство Пилсудского категорически возражает против идеи Восточного пакта как орудия, укрепляющего безопасность в Восточной Европе, а правительство Чехословакии высказывается в пользу пакта, усматривая в нем серьезное средство борьбы за мир, против угрозы германского фашизма. При этом польская дипломатия, выступая против Восточного пакта, аргументировала, между прочим, и тем, что Англия в этом вопросе занимает аналогичную позицию. «Едва ли приходится сомневаться,— писала „Times“ (3 апреля 1935 г.),— что Польша с готовностью приняла бы Восточный пакт, если бы он опирался на английскую гарантию, так как тогда она знала бы, что в Европе не будет войны. Но кто может вообразить возможность подобной гарантии?» Правительство Пилсудского в общем довольно недвусмысленно раскрыло перед Иденом, что по вопросу об обеспечении мира на Востоке Европы оно стоит на тех же позициях, какие занимает фашистская Германия. Как и Гитлер, Пилсудский вместо Восточного пакта выдвигал идею пактов о ненападении, и притом в форме, которая не предусматривала никаких санкций против государства, являющегося агрессором.

Не удивительно, что фашистская Германия аплодировала Пилсудскому. Ведь он, по выражению официоза Вильгельмштрассе, стремился,— и не без успеха,— склонить Англию к тому, чтобы совместно «вырвать зубы у проекта Восточного пакта». Германский фашизм через посредство Польши пытался заручиться активной поддержкой английской дипломатии в борьбе за превращение франко-советского проекта Восточного пакта в клочок бумаги.

Таким образом, в результате поездки Саймона и Идена в Берлин, а затем Идена в Москву, Варшаву и Прагу английская дипломатия могла убедиться в том, какую позицию занимают державы по вопросу о гарантиях мира в Европе. Английская дипломатия могла убедиться, каковы ближайшие политические планы и намерения агрессивных государств, с одной стороны, и государств, заинтересованных в предотвращении войны, с другой.

Вскоре стало ясно, что среди правящих кругов Англии берут верх те, которые склоняются к поддержке политики германского фашизма. Правда, даже в консервативной партии и в самом правительстве раздавались голоса, утверждавшие, что Германии никто не угрожает и что поэтому непрерывный рост ее вооружений только подтверждает агрессивные цели ее политики. Но эти голоса заглушались другими. «Daily Mail», например, писала, что следует «попытаться понять положение Германии, пойти ей навстречу во всех пунктах, которые не нанесут ущерба нашим интересам, и, обменявшись с ней обязательствами по гарантированию существующих границ, предоставить ей свободу действий в Восточной Европе... Наименее вредной для западной цивилизации была бы экспансия за счет большевистской России с согласия или даже с помощью Польши».

Характерно, что, провозглашая свою незаинтересованность в вопросе о безопасности на Востоке Европы, английская дипломатия высказыва-

лась в пользу скорейшего заключения сепаратного воздушного пакта между западноевропейскими державами. В то же время английская пресса, которая еще так недавно тревожно обсуждала документы «Белой книги» о росте германских вооружений, теперь утверждала, что не следует переоценивать подлинные размеры последних. А в общем она выступала за то, чтобы искать соглашения с фашистской Германией, не настаивая на заключении Восточного пакта. По существу это означало, что английское правительство начинает отходить от основ соглашений с Францией, которые были достигнуты 3 февраля 1935 г. Тогда английская дипломатия подчеркивала неделимость всех зафиксированных условий. Теперь же, выражая готовность идти на уступки германскому фашизму, она сама начала пробивать брешь в этих соглашениях. Однако английская политика балансирования и «посредничества» становилась все более затрудненной, поскольку, с одной стороны, росли претензии германского фашизма, а с другой, росло стремление к сближению между теми странами, которые заинтересованы в сохранении мира и в предотвращении войны, подготовляемой германским империализмом. Это нашло свое выражение на конференции в Стресе, открывшейся 11 апреля 1935 г.; в ней принимали участие главы правительств и министры иностранных дел Англии, Франции и Италии.

Разнобой среди участников конференции сказался уже в самом начале ее работы. Итальянская дипломатия ставила в центр переговоров вопрос о немедленном оказании помощи Австрии в случае, если она подвергнется нападению со стороны Германии, и вообще ее больше всего интересовал вопрос о пакте, гарантирующем неприкосновенность границ в Дунайском бассейне. Французская дипломатия на первый план выдвигала вопрос об отношении Италии и Англии к подписанию Восточного пакта.

После того как франко-советское сближение сделало значительные успехи, после того как Франция в переговорах с Советским Союзом уже наметила срок подписания пакта о взаимной помощи, ее активность в деле организации системы гарантии европейского мира значительно возросла. В частности, Франция более энергично отстаивала необходимость принятия действенных мер против нарушителей мира. Однако эта позиция Франции вызвала сильное противодействие Англии, которая более всего добивалась оставить лазейки для непосредственных переговоров с фашистской Германией.

Английская дипломатия нуждалась в каких-нибудь новых факторах, которые дали бы ей возможность продолжать маневрирование. И тут, по-видимому в результате закулисной инспирации Саймона, последовало выступление Гитлера, который заявил о своем согласии участвовать в подписании Восточного пакта, если его основой будет лишь обязательство о ненападении, консультации и третейском разбирательстве. Французская пресса небезосновательно предполагала, что внезапное выступление Гитлера имело также в виду побудить Францию отказаться или, по меньшей мере, отсрочить заключение договора о взаимопомощи с Советским Союзом.

Текст германского заявления о проекте Восточного пакта был восторженно принят не только германской фашистской печатью, но и большей частью английской прессы. Он был составлен в весьма туманных выражениях; в частности, оставался неясным вопрос, готова ли фашистская Германия заключить пакт о ненападении с Литвой, являвшейся одним из первоочередных объектов германской агрессии в Прибалтике. Итак, единственной целью нарочно расплывчатого предложения фашистской Германии было стремление подкрепить позицию английской дипломатии, предотвратить возможное соглашение между Англией, Францией и Италией на предстоящей конференции этих держав в

Стрезе, а главное не допустить сближения между Францией и Советским Союзом.

Каждый из участников конференции в Стрезе считал возможным толковать ее итоги по-своему. В частности, английское правительство устами премьер-министра Макдональда заявило, что оно не взяло на себя никаких обязательств и что хотя оно не одобряет мероприятий Германии в вопросе о безудержном вооружении, тем не менее считает, что последней должна быть предоставлена возможность участвовать «в создании европейского мира». Это означало, что английское правительство вовсе не отказалось от своей прежней политической линии, от своего стремления играть роль «посредника» и арбитра в отношениях между фашистской Германией и западными капиталистическими державами. Именно поэтому английское правительство было вынуждено в Стрезе подтвердить свои обязательства по Локарнскому пакту и подписать декларацию о совместных действиях «против какого бы то ни было одностороннего расторжения договоров, могущего создать опасность для мира в Европе». Относительно Восточного пакта никаких обязательств участники конференции на себя не взяли, выразив вместе с тем одобрение принципу двухсторонних соглашений о взаимопомощи в рамках и на основе Статута Лиги наций.

Таким образом, реальных результатов, с точки зрения обеспечения мира в Европе, конференция в Стрезе не принесла. Однако она имела известное значение, поскольку выявила позиции ее участников. Она показала, что один лишь факт готовности Франции к подписанию договора о взаимопомощи с Советским Союзом оказывает большое влияние на развитие международных отношений в Европе. Вот почему германский фашизм был вынужден предпринимать новые маневры. Германский фашизм и его покровители в странах Западной Европы могли убедиться, какую огромную притягательную силу имеет мирная политика Советского Союза среди народных масс, особенно в тех государствах, которые испытывают непосредственную угрозу для своего независимого существования.

Фашистская Германия открыто стремилась уменьшить влияние мирной политики Советского Союза. Следует признать, что в этом отношении сессия Совета Лиги наций, а в особенности последующие события международной жизни принесли германскому фашизму разочарование. Вопреки ожиданиям все три участника конференции в Стрезе выступили в Женеве единым фронтом, поддерживая резолюцию, осуждающую решение Германией односторонним актом разорвать 5-ю часть Версальского договора (хотя Саймон сделал серьезную оговорку о возможности дальнейших переговоров с Германией). Совет Лиги наций почти единодушно утвердил резолюцию относительно германских вооружений. Но самым крупным событием на сессии Совета Лиги наций было выступление главы делегации Советского Союза М. М. Литвинова, который решительно разоблачил агрессивную политику фашистской Германии и поднял вопрос о судьбах европейского мира на большую политическую высоту. Глубоко раскрыв коварные методы и агрессивные цели «третьей империи», он убедительно показал, что *мир неделим* и что только эффективная система коллективной безопасности может его спасти.

Выступление М. М. Литвинова вызвало во всей европейской печати широкое эхо. «Одного такого события, как осуждение Германии,— писал французский официоз „Petit Parisien“,— было бы достаточно, чтобы отметить памятником этот великий день. Однако произошел еще один факт, который также займет свое место в истории мира: соглашение... о франко-советском договоре, который в ближайшем будущем будет подписан». Все это вызвало сильное беспокойство фашистской Германии. Ее правящие круги пришли в неистовство, подняв новую волну

антисоветской кампании под флагом антикоммунизма. Особенно негодовали они по поводу тех сил в государствах Западной Европы, которые, опасаясь роста вооружений фашистской Германии, искали реальные пути укрепления мира.

Усиливающаяся агрессивность германского империализма побудила французское правительство, после ряда колебаний, проявить активность на пути сближения с Советским Союзом — принципиальным и последовательным оплотом мирной политики. Подписание пакта о взаимопомощи между Францией и Советским Союзом (2 мая) и между Чехословакией и Советским Союзом (16 мая) означало, что в европейской политике появился новый крупный фактор, который может стать барьером против агрессивных сил германского империализма, поставивших перед собой преступную задачу разжечь пожар новой мировой войны.

1935 г.

КОЛОНИАЛЬНЫЕ ПЛАНЫ ГЕРМАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

1

В июне 1935 г. в юго-западном углу Германии, в старинном университетском городе Фрейбурге происходил колониальный съезд, на котором выступал один из типичных представителей германского милитаризма, активный член старой фашистской гвардии наместник Баварии фон Эпп. Этот съезд еще раз громко возвестил всему миру о колониальных претензиях Германии. Почти одновременно в противоположном, северо-восточном углу Германии — в Кенигсберге — происходил годичный съезд «Народного союза зарубежных немцев», фашистской организации, руководимой заместителем Гитлера Гессом, Розенбергом и Геббельсом. Главной политической задачей Союза является пропаганда захватнических устремлений германского империализма в Европе. Возможно, что совпадение в сроках созыва обоих съездов было случайным. Однако такое совпадение все же является весьма показательным, а места созыва обоих съездов как бы символизируют направление захватнических планов фашистской Германии. Наряду со своими планами продвижения на Восток, захвата Прибалтики и подготовки войны против Советского Союза фашистская Германия отнюдь не отказывается и от планов своего продвижения в противоположном направлении. Она вынашивает и разрабатывает планы больших колониальных приобретений и захватов.

«Слово — серебро, молчать, но действовать — это золото», — пишет Манфред Зелль, автор книги, пропагандирующей фашистские планы германской колониальной политики¹. Действительно, фашистская Германия по ряду тактических соображений предпочитает на данном этапе не слишком заострять вопрос о своих колониальных притязаниях. В частности, материалы последнего колониального съезда во Фрейбурге нашли относительно слабое освещение на страницах германской печати: в это время германская дипломатия всецело была поглощена своими переговорами с Англией по военно-морским вопросам, и, естественно, фашистская печать не стала затруднять эти переговоры своими выступлениями по колониальным проблемам, — выступлениями, направленными в первую очередь против той же Англии. Возрождение германского маринизма обосновывается германским правительством исключительно стремлением укрепить свои позиции на Балтийском море (экспансия на «Восток!»). Несомненно, однако, что осуществление новой большой военно-морской судостроительной программы является лишь первым этапом на пути к общему возрождению германского морского могуще-

¹ M. Sell. Die neue deutsche Kolonialpolitik. München, 1933.

ства. Фашистская Германия, возрождающая огромную мощь милитаризма и маринизма, наряду с устремлением на Восток не забывает и другие объекты своих империалистических притязаний, и тут борьба за колонии, прерванная исходом мировой войны 1914—1918 гг., занимает совсем не последнее место. Германский фашизм готовится к борьбе за всеобщий передел мира.

Много десятилетий назад, 24 апреля 1884 г., первый германский канцлер князь Бисмарк провозгласил, что германское правительство берет под свою защиту колониальные предприятия Людерица в Юго-Западной Африке,— это являлось формальным закреплением начала германской колониальной политики. Эта политика выросла на гребне поднимающегося и быстро экономически растущего германского капитализма, который позже других вошел в круг колониальных держав и поэтому с особенной настойчивостью заявил о своих требованиях «места под солнцем». В конце XIX в. мир уже был разделен между крупнейшими империалистическими державами, и Германии в этом разделе удалось получить лишь наименее ценные колониальные владения. Их экономическое, политическое и военно-стратегическое значение уменьшалось еще благодаря разбросанности. Это создавало дополнительные трудности при эксплуатации германских колоний, при охране коммуникаций, связывающих колонии с метрополией, наконец это порождало конфликты с другими империалистическими державами. Требуя огромных правительственных субсидий и государственных затрат, покрывавшихся, естественно, из кармана германского налогоплательщика, колонии на первом этапе, весьма, впрочем, затянувшемся, вместо ожидаемых неограниченных экономических выгод приносили скорее значительные финансовые и политические издержки. Несмотря на это, вместе с ростом германского империализма росли и усиливались колониальные аппетиты, и настал наконец момент, когда руководитель внешней политики Германии князь Бюлов мог с трибуны рейхстага формулировать общую проблему передела мира. Эта вполне осознанная руководящими кругами германского империализма и открыто формулированная идея неизбежности борьбы за передел мира нашла свое весьма могучее материальное подкрепление в морской политике, которую примерно с того же момента начала проводить Германия, ставшая на путь создания большого военного флота наряду с дальнейшим укреплением и увеличением сухопутной армии.

К концу XIX в., уже бросившись в водоворот колониальной политики, чреватой многочисленными конфликтами и войнами, германское правительство активно поддерживало и раздувало колониальное движение в стране. Пионерами этого движения вначале были несколько политических маньяков, колониальных авантюристов и гамбургских негодяев, а идейными вождями — миссионеры и доктора богословия. Уже со второй половины 70-х гг. в Германии начала появляться литература, пропагандирующая колониальные захваты и привлекающая все соответствующие аргументы от богословских и «моральных» до экономических и стратегических, которые с известными вариациями до сих пор представляют собою арсенал германской колониальной пропаганды; с известными модификациями они усвоены и германскими фашистами.

Не во всех своих контурах совпадая с той программой передела мира, которая вынашивалась руководящими кругами германского империализма в годы первой мировой бойни, захватническая программа германского фашизма, в том виде как она нашла выражение в ряде официальных документов и заявлений, не уступает ей, однако, по размаху и уже теперь поражает своими чрезвычайно широкими аппетитами. Между тем германская программа захватов в годы войны имела столь широкие претензии, что, например в отношении колоний, официальные круги

считают нужным скрывать ее до сих пор². Известно все же, что представленная германскому правительству «Колониальным обществом» в 1916 г. детально разработанная программа указывала на необходимость захвата ряда угольных станций, кабельных постов, коммуникационных линий на различных участках земного шара, оговаривая при этом также необходимость захвата в каждом из этих пунктов большого колониального хинтерланда. В частности, в германских империалистических кругах носились с мыслью образования огромной колониальной империи в Африке, где должна была быть создана большая самостоятельная армия, которая в случае надобности могла бы быть брошена в новое военное столкновение, без какой бы то ни было помощи со стороны метрополии.

Хотя самый переход германского империализма от «континентальной» политики к политике «мировой» был связан с приобретением стратегических позиций на Дальнем Востоке, все же в течение всей его истории главные колониальные интересы германского империализма лежали в Африке. Это, конечно, вовсе не означает, что другие сферы колониальной политики и эксплуатации менее привлекали к себе его алчные взоры. В течение полутора десятков лет германский империализм достиг значительных успехов в своем проникновении в некоторые области Китая, в бассейн Тихого океана, в своем экономическом внедрении в страны Южной Америки, в частности в Бразилию, — а главное в своем экономическом и политическом устремлении в Переднюю Азию. Но всегда особенно напряженно и активно германский империализм боролся за свое влияние в Африке. Восстания африканских народов подавлялись германскими колонизаторами настолько жестоко, что в свое оправдание они не могут найти других аргументов, кроме того, что их империалистские противники — Англия и Франция — применяли в подобных случаях аналогичные методы — методы полного физического истребления³.

За четверть века своего господства в африканских колониях германский империализм успел уничтожить ряд племен, и в частности, как известно, большое племя гереро. В других отношениях, несмотря на быстрые темпы экономической эксплуатации, Германия успела все же сравнительно мало. Статистика торговли между Германией и ее колониями, по территории своей в пять раз превышающими размеры метрополии, показывает, что эта торговля в общей системе германского хозяйства играла минимальную роль. Торговый оборот германских колоний, возросший за последние 15 лет, предшествовавших мировой войне 1914—1918 гг., с 46,6 млн. марок всего лишь до 319,17 млн. марок, показывает, какую незначительную роль играли африканские колонии во внешней торговле, а тем более в экономическом развитии германского империализма. Капитал, вложенный в различные предприятия колониального типа, составлял в 1912 г. сравнительно небольшую сумму в 505 млн. марок. Однако, несмотря на это, а, вернее, именно поэтому, германский империализм особенно яростно продолжал бороться за свои экономические и политические позиции в Африке. Если общие размеры германской экономической заинтересованности играли и относительно и абсолютно незначительную роль, то темпы экономического развития колоний открыли перед германским империализмом радужные и многообещающие перспективы. Количество земли, занятой плантациями под

² В 1961 г. в Федеративной Республике Германии вышло в свет большое исследование, которое на огромном документальном материале немецких архивов раскрывает обширную захватническую программу германского империализма в период мировой войны 1914—1918 гг. В этом исследовании уделяется внимание и рассмотрению колониальных планов германского империализма в тот период (см. F. Fischer. *Griff nach der Weltmacht*. Düsseldorf, 1961).

³ T. Seitz. *Die deutschen Kolonien*. — «Zehn Jahre Versailles 1919—1929», Bd. II. Hrsg. H. Schnee. Berlin, 1929, S. 50.

различные культуры, с 11 тыс. га в 1896 г. выросло до 179 тыс. га в 1913 г. Капитал, вложенный в различные колониальные предприятия, за этот же срок вырос почти в девять раз. Еще более бурно развивалась в германских колониях в Африке железнодорожная сеть, возросшая за 20 лет, с 1894 г. по 1914 г., с 14 до 4176 км. Наконец, и торговые обороты германских колоний при своих незначительных абсолютных размерах показывали огромные темпы роста. Что касается германской эмиграции, то она и в малейшей степени не оправдала надежд, которые лелеяли защитники колониальной политики: и в периоды подъема, и в периоды снижения эмигрантской волны колонии отнюдь не становились центрами притяжения,— эмиграция из Германии направлялась в Соединенные Штаты, а затем, перед войной, в Бразилию, и менее всего в африканские колонии, в климатическом отношении не обладающие особой притягательностью. Все это вместе взятое и заставляло германский империализм бороться не только за еще более ускоренные темпы развития своих колоний как объектов монопольной эксплуатации, вывоза капиталов, рынков для сбыта товаров, как базы для получения сырьевых ресурсов и, наконец, как стратегических пунктов, но и за дальнейшее расширение своих колониальных владений, за приобретение новых. Не удивительно, что борьба за Африку, прежде всего с Англией и Францией, являлась столь часто источником острейших конфликтов, угрожающих войной. Это вызывалось тем, как указывает Ленин, что «против этой группы, англо-французской главным образом, выдвинулась другая группа капиталистов, еще более хищническая, еще более разбойничья — группа пришедших к столу капиталистических яств, когда места были заняты, но внесших в борьбу новые приемы развития капиталистического производства, лучшую технику, несравненную организацию, превращающую старый капитализм, капитализм эпохи свободной конкуренции, в капитализм гигантских трестов, синдикатов, картелей»⁴.

Колониальные владения Германии, охватывавшие территорию в 2,9 млн. кв. км с населением в 12,3 млн. человек, ни в какой мере не соответствовали притязаниям германского империализма. Захватив Того, Камерун, так называемую Германскую Юго-Западную Африку, Германскую Восточную Африку (Танганьика), Землю имени Вильгельма, архипелаг Бисмарка и Соломоновы острова, Самоа, Палау, часть острова Новая Гвинея, Киао-Чао, Каролинские, Маршалловы, Марианские острова, укрепив свое влияние благодаря концессии на Багдадскую железную дорогу в Передней Азии, протягивая свои щупальца в сторону Персии и Индии, пытаясь распространить свое влияние на целый ряд других колониальных и полуколониальных стран (Сиам, Либерия, Египет, Марокко), германский империализм отнюдь не удовлетворялся этим и искал все новых и новых рынков для экспорта своих капиталов, для сбыта своих товаров, искал монопольного владения источниками сырья.

В результате войны и Версальского мира потерпели крушение не только планы германского империализма относительно новых колониальных приобретений, но и надежды сохранить колониальное имущество, приобретенное до войны. Германские колонии на основе мандатов от имени Лиги наций были вскоре распределены между победителями. Англия получила мандат на управление Западным Того, а также частью Камеруна и большей частью Германской Восточной Африки (Танганьика), за исключением Руанда и Урунди, которые были переданы Бельгии. Франция получила Восточное Того, германские владения в Юго-Западной Африке отошли к Южно-Африканскому союзу. Новая Зеландия получила Самоа, а Австралия — германскую часть Новой Гвинеи. Каролинские, Маршалловы и Марианские острова были отданы Японии.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 83.

Таким образом, Германия потеряла все свои колониальные владения. Повергнутый германский империализм, отстояв на данном историческом этапе свое существование, начал накапливать силы для новой борьбы за передел колониального мира.

2

Этапы германского колониального движения после мировой войны 1914—1918 гг. почти совпадают с этапами борьбы германского империализма за восстановление его сил, укрепление и расширение его позиций. По причинам внутри- или внешнеполитического порядка германская буржуазия то сдерживала, то, наоборот, настойчиво выдвигала свои колониальные притязания. Это вызывалось необходимостью своеобразной маскировки, для того чтобы скрыть свои дальние замыслы, чтобы скрыть политическое значение тех или иных экономических мероприятий и тем самым отвлечь внимание своих противников в области колониальной политики или, наоборот, выдвигая преувеличенные требования, добиться небольших уступок в каком-либо вопросе.

Вместе с тем в этой тактике, несомненно, отражались и моменты внутриполитического порядка: в частности, германское правительство на первых этапах после войны из страха перед разящим гневом рабочего класса опасалось дать обязывающую поддержку тому колониальному движению, которое пытались организовать заинтересованные буржуазные круги. Учитывая, что германской буржуазии на первых порах существования версальской системы не приходилось и помышлять о каких бы то ни было новых колониальных приобретениях, так как она имела перед собой лишь одну задачу — бороться за самое свое существование ввиду усиливающегося революционного движения, — колониальные круги понимали, что их ближайшей задачей может стать лишь некоторая организационная перестройка, консолидация руководящего кадрового состава и использование некоторых колониальных лозунгов путем приспособления их к создавшейся обстановке.

Представители различных экспортных фирм и ученые, но отнюдь не бескорыстные любители колониальной экзотики, отставные чиновники колониального ведомства и оставшиеся не у дел адмиралы потопленного военного флота, — все они, члены различных буржуазных политических партий, — объединились и составили руководящие кадры «Германского колониального общества». Это общество, растеряв даже тех своих сторонников, среди которых оно пользовалось влиянием в течение предшествующих 36 лет своего существования, пыталось окружить себя разветвленной сетью «дочерних» колониальных организаций. В 1921 г. была создана организация, объединяющая отдельные «колониальные и заинтересованные в колониях союзы». В 1922 г. было создано «Германское общество участников колониальной войны». Осенью 1922 г. оформилось «Колониальное имперское объединение», в которое, кроме упомянутых организаций, вошли: «Женский союз», «Союз памяти колониальных воинов», «Колониально-хозяйственный комитет», «Колониальный союз германских националистов», «Женский союз Красного креста для немцев, проживающих в колониях», «Объединение для германских поселений и путешественников». Сюда же примкнули хозяйственные, торгово-промышленные, транспортные и другие экономические фирмы, предприятия и учреждения, которые непосредственно были заинтересованы в колониальных предприятиях и которые фактически субсидировали колониальную пропаганду. Так сложилась система объединенных и разветвленных колониальных организаций, в которой центральное место продолжало занимать «Германское колониальное общество».

Это общество, возглавляя многие другие аналогичные буржуазные организации, на первом этапе поставило своей задачей пропаганду борь-

бы за изменение колониальных постановлений Версальского договора. Все остальные задачи, как они были официально сформулированы, по существу подчинялись этой главной пропагандистской задаче. Победившая Антанта, отнимая у Германии колонии, оправдывала это тем, что Германия в течение всей своей истории показала полную неспособность к ведению «культурной колониальной политики». И подобно тому как германская буржуазная наука и пресса сделали пресловутый вопрос о «виновниках войны» орудием идейно-политической пропаганды ревизии Версальского договора и подготовки новой империалистической войны⁵, «Колониальное общество», пользуясь прессой и другими средствами (вплоть до распространения специальных подставок для пивных кружек, снабженных колониальными лозунгами), начало вести как в Германии, так и за ее пределами усиленную пропаганду против так называемой «колониальной лжи». Целью этой пропаганды являлась реабилитация колониальной деятельности довоенного германского империализма. Впрочем, в первое время эта пропаганда не имела сколько-нибудь заметного успеха ни в широких массах трудящихся в самой Германии, ни тем более за границей. В руководящих кругах победившей Антанты время от времени ставился вопрос о необходимости не только фактической, но и формальной аннексии бывших германских колоний, которые юридически находились в ведении Лиги наций. Против этих-то поползновений к полной и формальной аннексии, как только появлялись их симптомы, «Германское колониальное общество» тотчас же разворачивало в прессе огромную кампанию протеста. В таких случаях оно являлось и организатором германского «общественного мнения», которое требовало от своего правительства большей активности, дипломатического вмешательства и категорического протеста. Возражая (до подписания Версальского договора) против введения системы мандатов как замаскированной формы лишения Германии ее колониальных владений, «Германское колониальное общество» после подписания Версальского договора превратилось в яростного защитника этой системы.

На первых порах все пропагандистские усилия «Германского колониального общества» были направлены к тому, чтобы по возможности использовать систему мандатов в своих интересах. Пока эта система еще не была оформлена и не состоялась официальная раздача колониальных мандатов от имени Лиги наций, круги, заинтересованные в колониальной политике, требовали, чтобы германское правительство более активно добивалось от Лиги наций получения хотя бы какого-нибудь мандата. Но германское правительство ничего, конечно, поделаться не могло: оно объявило лишь о том, что задачу борьбы за возвращение колоний оно откладывает «до не слишком далекого времени». Понятно, и сами организаторы тогда не надеялись на реальный эффект этой кампании. Их задачей являлась лишь демонстрация того, что германская буржуазия, даже будучи побежденной, вовсе не склонна сложить свое оружие, что она выжидает накопления сил и благоприятной обстановки, когда сможет снова потребовать себе «места под солнцем». Капиталистические круги, стоящие за «Германским колониальным обществом», особенно ревниво относились ко всяким попыткам Англии и Франции превратить мандат в полную аннексию. Так, например, когда появились сведения, что Франция хочет аннексировать Того и Камерун, «Германское колониальное общество» организовало протест рейхстага, выступившего с требованием соблюдения системы мандатов. Наконец, это общество поставило своей задачей практическое содействие и оказание помощи германским подданным, проживающим в подмандатных областях, или германскому капиталу, стремящемуся туда проникнуть.

⁵ См. выше: «Версальский тезис и его ревизия (Исторические документы как орудие политической борьбы)».

Само собой разумеется, что в первые послевоенные годы, в период острого революционного кризиса, когда Германия переживала инфляцию, когда все ее хозяйство стояло на краю пропасти, когда германская буржуазия искала любой ценой соглашения с победителями, чтобы иметь возможность разбить поднимающуюся революционную волну, вопросы о колониальных приобретениях имели весьма и весьма платоническое значение. На общем фоне германской политики они играли почти незаметную и, во всяком случае, третьестепенную роль. Это отразилось и на тактическом лозунге, который был тогда выдвинут руководителями колониального движения, находившегося на заднем плане германской политики. Их лозунг ограничивался лишь характерной для того времени апелляцией к принципам вильсонизма, а с точки зрения тактической он вполне соответствовал реальному соотношению сил и позиции германской буржуазии, у которой в результате исхода войны клыки милитаризма и маринизма были надломлены. «Ревизия колониальных постановлений через посредство Лиги наций» — таков был тактический лозунг того времени.

Правда, уже и тогда некоторые круги германской буржуазии пытались предпринять самые первичные и, так сказать, робкие шаги организационного и экономического порядка на путях к колониальной политике. В ожидании более благоприятного будущего Германия пыталась восстановить свои внешнеторговые связи. В ее переговорах с другими капиталистическими государствами по вопросам торговли и мореплавания в какой-то мере отражался и интерес к колониям.

Когда появились сведения о заключении нового соглашения между одной из крупнейших германских пароходных компаний — «Гамбург-Американской линией» и американскими пароходными компаниями, германская пресса, близкая к колониальным кругам, радостно приветствовала это соглашение, считая его первым после войны значительным ударом против морской политики Англии, являющейся главнейшим соперником на колониальной арене. Более характерным фактом является попытка промышленного короля инфляционистской Германии Гуго Стиннеса образовать специальное коммерческое предприятие путем привлечения некоторых промышленных и колониальных кругов Голландии к проникновению в Восточную Африку. Другие, не менее влиятельные промышленные круги Западной Германии разрабатывали план эксплуатации колоний в Африке совместно с французским и бельгийским капиталом. Наконец, в это же время некоторые капиталистические круги Германии привлекли американских капиталистов к делу организации регулярных сообщений между Гамбургом и Африкой. Эти и другие факты, освещавшиеся тогда на страницах французской колониальной прессы, свидетельствуют, что с германской стороны были сделаны некоторые попытки достичь соглашения с американскими капиталистами о совместной колониальной деятельности и борьбе с абсолютно преобладающим англо-франко-бельгийским влиянием в африканских колониях. Французская печать сообщала тогда же, что именно эти германо-американские капиталистические круги субсидировали некоторые негритянские организации, надеясь превратить их в опору для своей будущей колониальной деятельности. Та же печать сообщала, что американские миссионеры, усилившие свою деятельность в Бельгийском Конго, в своей агитации выступают как агенты Германии. Возможно, что все эти сведения, порой довольно курьезные, являлись плодом вымысла новых колониальных владельцев. С другой стороны, не меньшим курьезом является и относящаяся к тому времени угроза одного из бывших деятелей германской колониальной администрации, а впоследствии одного из руководящих работников «Колониального общества» Ганса Цахе сохранить втайне открытое германскими учеными средство против свирепствовавшей в

Африке сонной болезни до тех пор, пока Германии не будут возвращены колонии. Подобные «угрозы» никого, конечно, не привели в испуг, и если они стоят упоминания, то только, чтобы показать, как бессильна была тогда германская буржуазия в своих колониальных домогательствах.

В один из наиболее критических и опасных для германской буржуазии моментов — в 1923 г., когда в стране назревал новый революционный кризис, колониальные требования почти заглохли, чтобы несколько усилиться после того, как Германия вместе со всем капиталистическим миром вошла в период относительной и частичной стабилизации. Именно в этот период германская буржуазия от платонических, демонстративных требований возвращения ей колоний начала постепенно переходить к экономическому проникновению и практической борьбе за расширение и увеличение своего влияния. Уже с конца 1923 г. германские фирмы снова начали действовать в Восточной Африке. Английский полковник Франклин в своем докладе правительственным организациям, ведающим английской колониальной торговлей, в самом начале 1925 г. констатировал, что по меньшей мере 10—12 крупных германских экспортных фирм благоденствуют в бывшей Германской Восточной Африке. Эти фирмы старались восстановить утраченные в годы войны торговые связи и особенно энергично выступали там, где раньше имели монопольное господство, прежде всего в Танганьике. Особенно на побережье немецким фирмам удалось снова установить коммерческие связи с существовавшими там старыми индийскими фирмами, главным образом в торговле продовольствием. Далее, на рынке начали появляться различные металлические изделия, экспортированные из Германии, вытесняя импорт из Англии, снизившийся за один только год на целых 40%. Германская торговля еще не смогла тогда проникнуть в Занзибар, но подготовительные мероприятия, которые проводили германские коммерсанты, их агенты и подставные лица, стали беспокоить даже английских хозяев. Статистика ввоза в Кению и Уганду за первый квартал 1925 г. показывала увеличение товарооборота этих колоний. Англия имела в своих руках 40% их товарооборота без каких бы то ни было тенденций к дальнейшему росту. Между тем доля Германии, равная 5% (в абсолютных цифрах весьма незначительная), все же показывала некоторую тенденцию роста (до 7 и выше процентов). Во всяком случае, уже тогда Германия занимала после Англии второе место по размерам своего экспорта в эти колонии (главным образом металлические и хлопчатобумажные товары). Согласно официальной британской статистике за 1925 г. германский ввоз в Танганьiku стоял на третьем месте. Но если принять во внимание, что большая часть товаров, ввозимых из Голландии, была также германского происхождения, можно предполагать, что Германия делила с Индией второе место (около 17% общего ввоза) после Великобритании (39%).

Анализ официальных статистических данных за годы относительной стабилизации капитализма показывает усиленную экономическую активность Германии прежде всего в тех из ее бывших колоний, где для этого имелась минимальная правовая возможность. Так, например, по ввозу в Танганьiku Германия в 1927 г. продвинулась сравнительно с предыдущим годом с четвертого на третье место. При этом, как тревожно отмечала английская колониальная пресса, по ввозу железных изделий Германия быстро выдвинулась на второе место, явно проявляя тенденцию к тому, чтобы нагнать английский ввоз. В эти же годы усилилось экономическое проникновение Германии в бывшую ее колонию — Юго-Восточную Африку. Если общий ввоз в эту колонию во второй половине 20-х гг. удвоился, то доля Германии более чем утроилась.

Попытки Германии проникнуть в свои бывшие колонии, отошедшие к Франции или Бельгии, были менее удачны, но и они вызвали

известные опасения со стороны владельцев мандатов. Доступ в эти колонии для Германии был более затруднен, а запрещение немцам въезда во французские Камерун и Того не могло не сказаться там и в доле германской торговли. И все же, несмотря на запрещение, доля Германии в товарообороте Камеруна и Того с самого начала составляла не менее 10%, имея определенную тенденцию к дальнейшему росту, — хотя Франция вела борьбу против попыток проникновения германских товаров и капиталов. О методах этой борьбы, характерных для периода, непосредственно следующего за подписанием Версальского договора, дает представление следующий факт: французские власти не допустили прибытия в Того германского судна, груженного товарами, и объявили, что всякое судно под германским флагом будет рассматриваться как пиратское. А когда появилось судно под норвежским флагом, зафрахтованное одной немецкой колониальной фирмой, то и оно не было допущено. Однако старые германские колониальные предприятия показали известную гибкость и приспособляемость к новым создавшимся политическим условиям. Там, где они не могли действовать путем восстановления своих прежних позиций, они пытались найти обходные пути, начали выступать под иностранными марками и т. д. В этом отношении интересный материал предоставляют отчеты отдельных германских колониальных фирм.

В своем отчете, представленном акционерам, «Германское общество Того «со скорбью в сердце» (подлинные слова!) подводило итоги своей деятельности в годы мировой войны и в первые годы после заключения Версальского договора. «Мы стоим над могилой многолетней преданной колониальной деятельности», — так оценивалось положение в отчете. Однако «скорбь в сердце» германских капиталистов и плантаторов вскоре была компенсирована финансовой субсидией, которую предоставило им германское правительство за счет народных средств. Получив частичное возмещение за потерянную собственность, общество слилось со своими дочерними акционерными обществами и тотчас же перенесло свою деятельность в Колумбию. Деятельность на новом поприще, проходившая, как констатирует отчет, с большим успехом, вовсе не исключала возвращения в Того, когда для этого представились соответствующие минимально благоприятные условия. То же самое можно сказать и относительно тех плантационных предприятий в Камеруне и среди них наиболее крупного «*Oliwe-Pflanzungs-Gesellschaft*», которые уже с 1925 г. возобновили свою деятельность. Большая часть бывшей германской собственности в Камеруне, будучи скупленной на лондонской бирже, таким образом снова вернулась в немецкие руки; в частности, непосредственно заинтересованной оказалась одна из крупнейших фирм германского монополистического капитала «А. Борзиг». В следующие годы эта колониальная деятельность принесла германским фирмам такие дивиденды, которые даже в официальном отчете были оценены как «соответствующие нашим ожиданиям». Вскоре активность германского капитала была распространена из Камеруна и на Того.

Очень быстро приспособилось к создавшимся условиям одно из самых крупных германских предприятий — «Германско-Восточноафриканское общество». Когда выяснилось, что германские колонии отходят от Германии, общество решило изыскать средства для продолжения своей деятельности на территории, ставшей подмандатной. Прежде всего это общество, в котором был заинтересован ряд банков прирейнской области, потребовало от германского правительства возмещения за потерянную собственность. Возмещение было дано, хотя и не в том размере, какое общество запросило. Тогда, не свертывая своей деятельности, «Германско-Восточноафриканское общество» сумело привлечь еще некоторые английские капиталы и начало действовать не только в Танганьике и Британской Восточной Африке, но и в португальских восточноафри-

канских колониях. В 1926 г., как только для этого представилась первая возможность, общество приобрело в собственности большие кофейные плантации (в частности в Танганьике). Недостаток капиталов покрывался выпуском новых акций, и вскоре это колониальное предприятие учредило в Танганьике дочернее плантационное общество. Сумев воспользоваться и английскими капиталами, общество в основном было непосредственно связано с Дармштадтским банком. Отчеты «Otavi-Minen- und Eisenbahn-Gesellschaft» также констатируют, что дела этой фирмы все время развиваются весьма удовлетворительно. Права общества были признаны администрацией южноафриканского доминиона.

Даже в лучшие годы подъема германского капитализма после мировой войны 1914—1918 гг. одно из главнейших затруднений, препятствовавших развитию германской колониальной деятельности, заключалось в отсутствии капиталов. Руководящие германские колониальные круги пытались заинтересовать германские банки и привлечь их к более активной экспансии на колониальном поприще. С другой стороны, намечались некоторые формы сотрудничества между германским и иностранным, прежде всего американским, капиталом. Как на пример такого сотрудничества можно указать на основанную в Нью-Йорке «European Shairs Inkorporated», в которой принимали участие и некоторые германские банки. В качестве другой формы такого сотрудничества можно указать на случаи, характерные для португальских колоний Ангола и Мозамбик, где существовавшие большие концессионные общества учреждали ряд дочерних предприятий, в той или иной мере связанных с германскими колониальными кругами.

Эти круги неоднократно поднимали вопрос о проникновении в ту африканскую колонию Португалии — Анголу, — которую уже дважды по секретным соглашениям, заключенным до войны 1914—1918 гг., предполагали разделить между собою Англия и Германия. Намеки о возможности в той или иной форме предоставления Германии старого объекта англо-германских сделок — Анголы — стоят в непосредственной связи с теми обещаниями, которые сопутствовали переговорам Англии с Германией в связи с вовлечением последней в политику Локарно и в Лигу наций. Вся германская буржуазная печать в свое время оживленно обсуждала вопрос о возможности получения Анголы, но даже весьма сдержанная английская позиция и неприкрытая германская агитация за Анголу привели лишь к тому, что португальские власти стали противодействовать германским попыткам экономического укрепления в этой колонии. Получить Анголу было тем более трудно, что фактически контроль над ней был сосредоточен в руках американской компании «Sinc-lair Oil Co». Германия все же сумела довольно прочно экономически укрепиться в Анголе. Банк Анголы, связанный с ее главными сельскохозяйственными коммерческими предприятиями, а также с угольными копями, являясь формально голландским, также представлял, по сообщению французской печати, значительные интересы германского капитала. Кроме Анголы, германская экономическая экспансия проникла также в Мозамбик, в Испанскую Гвинею, в Фернандо-По и другие места. Скупив большую часть своей прежней собственности в английской части Того и Камеруна, а также в Танганьике, германский капитал начал усиленно работать над тем, чтобы наладить связь с этими подмандатными территориями (с этой целью была создана компания «Deutscher Afrikadienst»). Наконец, отчеты «Ostasiatischer Verein» свидетельствуют о том, что и на Дальнем Востоке, прежде всего в Китае, германский капитал отстаивает свои экономические позиции, хотя пока и не создает себе иллюзий: ни возвращение Цзяо-Чжоу, ни непосредственное активное участие в империалистических попытках раздела Китая не стоят для Германии в порядке дня.

Таким образом, во второй половине 20-х гг., в период относительного подъема и частичной стабилизации германского капитализма, когда германская буржуазия сделала первые успехи, накапливая силы для развертывания империалистической политики, стала также возрождаться колониальная активность Германии. Но будучи в военном отношении сравнительно слабой державой, не имея значительной армии и тем более не имея сколько-нибудь значительного военно-морского флота, германская буржуазия не могла, конечно, ни в какой степени рассчитывать на то, чтобы вести агрессивную колониальную политику. Борьба германского империализма за передел мира, в частности колониального мира, не стояла еще в порядке дня по той простой причине, что германская буржуазия и в экономическом, и в политическом, и в военном отношениях еще не была для этого подготовлена. Она использовала лишь возможности для закрепления за собой известных экономических позиций на колониальном поприще и изыскивала методы и средства для дальнейшего расширения и укрепления своих позиций. Одним из выражений этих тенденций являлся колониальный план Шахта. План исходил из того, что Германия не могла рассчитывать, по меньшей мере в ближайшее время, на то, что ей будут возвращены колонии и что она сможет вести самостоятельную колониальную политику. Указывая, что колониальные интересы Германии имеют пока лишь экономический характер, Шахт предлагал приступить к организации международного колониального общества, с помощью которого германский капитал смог бы принять активное участие в экономической эксплуатации бывших германских колоний. Шахт даже пытался начать непосредственные переговоры с руководящими банковскими кругами Соединенных Штатов об организации такого общества. Но его план повис в воздухе, ибо заинтересованные круги мандатариев вовсе не были склонны добровольно обеспечивать Германии «места под солнцем» на территории подмандатных им колоний. Да и в самой Германии этот план вызвал ожесточенную критику: если круги аграриев, а также те круги германской буржуазии, которые непосредственно не были заинтересованы в колониях, еще с большой опаской относились к возвращению Германии на поле колониальной деятельности крупного масштаба, то, с другой стороны, сторонники возрождения колониальной политики высказывали свое крайнее недовольство планом Шахта, поскольку он заранее ограничивал себя только экономическими рамками и не подчеркивал политического значения этого вопроса для возрождающегося германского империализма.

Между тем вместе с возрождением германского империализма колониальные планы начали приобретать все более определенный политический характер. Как раз начиная с 1924 г., этого переломного момента в истории германского капитализма после мировой войны 1914—1918 гг., колониальные вопросы начали оживленно обсуждаться на страницах не только специальной, но и всей германской буржуазной печати. Воспользовавшись 40-летним юбилеем выхода Германской империи на арену колониальной политики, вся буржуазная пресса начала вести усиленную пропаганду за возвращение колоний. Когда в апреле 1924 г. «Колониальное имперское объединение» отправило Лиге наций телеграмму с требованием возвращения Германии ее колоний, это была лишь пустая и почти никем не замеченная демонстрация. Однако постепенно колониальные претензии Германии стали в какой-то степени проникать и в сферу официальных переговоров между правительствами. Активность колониальных кругов значительно усилилась; в частности, на выборах в рейхстаг эти круги пытались проводить близких им людей от каждой из политических партий. Далее, в связи с переговорами о плане Дауэса эти круги оказывали давление на правительство, требуя от него официальной постановки вопроса о возвращении колоний. Совершенно очевидно, что

подобное требование было не чем иным, как простой спекуляцией и запросом высокой цены: руководящие круги германской буржуазии понимали, что речь идет о самых первых шагах восстановления германского империализма, прежде всего об освобождении германской территории от войск победителей-оккупантов. В таких условиях германское правительство, заявив о своем сочувствии планам возвращения колоний, тем не менее не сочло возможным поднимать этот вопрос в официальных переговорах.

После принятия плана Дауэса колониальная пропаганда в Германии усилилась. Только получение колоний может обеспечить Германии дешевое сырье, которое, в свою очередь, обеспечит рост экспорта германских товаров, являющегося единственным условием выполнения репарационных обязательств, предусмотренных планом Дауэса, — таков был главный аргумент в пользу колониальных планов. Съезд германских банкиров высказался в том же смысле. Предметом официальных переговоров между правительствами колониальный вопрос стал с того момента, как определилась английская линия, направленная на вовлечение Германии в «политику Локарно». В закулисных переговорах германское правительство дало понять, что оно рассчитывает на известные уступки Англии в вопросе о Того и Камеруне. Английская дипломатия, как можно предполагать по некоторым данным, проникшим в специальную печать, была склонна не отказываться от этих переговоров, шантажируя своего германского партнера обещаниями возмездных колониальных компенсаций. Правда, она не связывала себя ничем. Но со стороны заинтересованных кругов английской буржуазии был оказан соответствующий нажим на английское правительство, которое после этого очень быстро потеряло дар речи и в конце концов ограничилось весьма платоническим и отвлеченным сочувствием германским планам. Со вступлением Германии в Лигу наций германский делегат появился в комиссии по распределению колониальных мандатов.

Все это являлось показателем того, что германская буржуазия вместе с относительным укреплением своих экономических и политических позиций не только не отказывается, но, наоборот, еще более усиленно добивается возрождения своей колониальной политики. «Германское колониальное общество», которое в первые годы после войны влечило самое жалкое и незаметное существование, теперь с шумом вышло на арену политической жизни. В связи с английскими планами формального включения бывшей Германской Восточной Африки в систему Британской колониальной империи общество организовало демонстрацию протеста германских политических партий, от «национальной» до «демократической» включительно. Это была попытка организовать по колониальному вопросу единый фронт политических представителей возрождающегося германского империализма. В 1928 г. была провозглашена «Всеобщая германская колониальная программа»; она была опубликована от имени колониальных объединений, предпринимательских хозяйственных союзов и подписана руководящими представителями германского монополистического капитала. Исходя из того, что общей ближайшей задачей германской буржуазии является борьба за возвращение Германии в круг колониальных империалистических держав, эта программа имела, так сказать, тактически-оборонительный и наступательный аспекты. Провозглашая борьбу германской буржуазии против попыток держав-мандатариев формально аннексировать подвластные им бывшие германские колонии, эта программа извлекала из исторической пыли все старые аргументы в пользу необходимости для Германии приобретения колоний: перенаселенность страны и поэтому поиски территорий для эмиграции, нужда в собственном сырье и в собственных колониальных продуктах питания. И наконец, эта программа впервые

более или менее ясно формулировала, что именно германская буржуазия понимает под лозунгом равноправия: программа открыто выставляла требование передела колониального мира.

По мере роста германского империализма в буржуазном политическом лагере влияние противников колониальных приобретений все уменьшалось. Можно было встретить различную аргументацию в пользу германской колониальной политики, но необходимость в ней подчеркивалась всеми кругами германской буржуазии. При этом интересны не столько реальные или пропагандистские аргументы, выдвигаемые с разных сторон сколько тактические линии, которые выдвигались и которые всецело опирались на ту или иную политическую оценку ближайших и более далеких перспектив развития германского империализма. Были, правда, круги, которые, учитывая незначительный вес бывших германских колоний для общего экономического развития Германии и предвидя значительные политические опасности, неизбежные на пути колониальной политики, высказывались вообще против приобретения колоний. В частности, эти круги указывали на то, что национально-освободительное движение, поднимающееся в колониальных странах, несет с собой новые и неисчислимы политические затруднения, которые могут самым пагубным для буржуазии образом сказаться и на усилении революционного движения среди рабочего класса в Германии. Подобные взгляды, прикрытые или неприкрытые пацифистско-демократическим флером, имели известное распространение среди тех кругов, которые, с одной стороны, боялись большого политического риска, а с другой, претерпевали давление мелкобуржуазных слоев, опасавшихся больших финансовых и экономических затрат, а прежде всего — перспектив новой мировой войны.

Другие, более влиятельные круги германской буржуазии, в частности связанные с рейнской промышленностью, высказывались за то, что в создавшихся условиях следует добиваться колониального мандата, но и не терять из виду конечной политической цели — приобретения в полную собственность самостоятельных колоний. Крайне правые круги, не желающие идти ни на какие компромиссы, стояли на той точке зрения, что Германии из соображений борьбы за престиж не следует искать колониальных мандатов. Эти правонационалистические, крайне реакционные круги, которые раньше составляли ядро пангерманистов, заявляли, что если бы Германия сумела получить мандат на колонии, она этим самым лишь расписалась бы в правомерности того «грабежа», который учинен был по отношению к ней державами-победительницами. Эти круги требовали интенсивной экономической борьбы на колониальном поприще и почти открыто заявляли, что только война может вернуть Германии положение колониальной державы. Однако в кругах, непосредственно заинтересованных в колониальной экспансии, как это на первый взгляд ни покажется странным, преобладали более осторожные представления: они предпочитали рекомендовать политику наименьшего политического риска при наибольшем экономическом эффекте. Понимая, что политика стоит денег, и не желая расплачиваться своими дивидендами за последствия громких националистических фраз и ура-патриотических лозунгов немедленного возвращения Германии всего того, что у нее было отнято, эти круги, связанные с гамбургскими и бременскими экспортными фирмами, проявляли скорее известную сдержанность. Подобная сдержанность, проявляемая и некоторыми кругами торгово-промышленной буржуазии, в иных случаях объяснялась тактическими соображениями: предполагалось, что лучше выждать более благоприятного момента для первого крупного прыжка в сферу самостоятельной колониальной политики, нежели несвоевременно предпринятыми переговорами заранее лишиться возможностей, открывающихся

в будущем для германского империализма. Наконец, некоторые более осторожные представители германской политики понимали, что для германской буржуазии на данном этапе гораздо выгоднее добиваться расширения экономических и торговых связей в самых различных направлениях, чем связать себе руки полученным колониальным мандатом.

Итак, поскольку с ростом германского империализма усиливались и колониальные аппетиты, поскольку вопрос о приобретении колоний из простого пропагандистского лозунга, имевшего скорее демонстративное значение, превратился в один из программных политических лозунгов германской буржуазии, постольку эта последняя все более стала задумываться над вопросом о тех общестратегических и тактических путях, которые могли бы привести Германию к положению империалистской колониальной державы. При этом колониальные планы естественно стали самым непосредственным образом увязываться с общими концепциями внешней политики германского империализма. Противоречивое развитие германского империализма сказалось также в том, что по мере ухудшения экономического положения Германии во время мирового экономического кризиса (1929—1933 гг.), когда экономическая экспансия на арене колониальной деятельности начала претерпевать серьезнейшие затруднения (анализ статистических данных показывает значительное уменьшение в эти годы товарооборота Германии с колониями), борьба и пропаганда германской буржуазии за возвращение колоний не только не ослабели, но вспыхнули с еще большей силой.

Крушение плана Дауэса было использовано для предъявления новых требований и аргументов насчет возвращения Германии колоний. Если этот вопрос и не стал тогда предметом официальных дипломатических переговоров между Германией и другими заинтересованными капиталистическими правительствами, то все же он стал предметом переговоров между достаточно влиятельными официозными кругами. В частности, колониальный вопрос был затронут на совещаниях экономических и финансовых экспертов, подготовлявших принятие плана Юнга. Шахт — фигура, весьма влиятельная в банковских и промышленных кругах германской буржуазии, — выдвинул тогда новые требования. Согласно этим требованиям условием выполнения германских репарационных обязательств на основе предложений Юнга является предоставление Германии возможности иметь «свой собственный колониальный базис сырья, который может быть создан и может развиваться с применением германских средств производства, германских капиталов и под германской ответственностью». Эта программа Шахта была отвергнута, и германское правительство было вынуждено принять план Юнга независимо от условий, предложенных Шахтом.

Так в условиях мирового экономического кризиса колониальные планы стали все более и более оформляться как сугубо политический вопрос, который активно выдвигался заинтересованными кругами и прежде всего «Германским колониальным обществом». К этому времени почти все политические круги германской буржуазии стали сторонниками колониальной политики. Свидетельство тому — шумные дебаты в рейхстаге, имевшие в значительной мере характер политических демонстраций. В условиях фашизации германской буржуазии, когда в стране среди мелкобуржуазных масс разжигались крайние националистические, реакционные, шовинистические, реваншистские инстинкты, когда влияние германской национал-социалистской партии стало нарастать, старые партии германской буржуазии, стараясь сохранить свое влияние, также пытались не отстать от той безудержной националистической демагогии, которую так успешно проводила фашистская партия Гитлера. И тут вопрос о воссоздании германской колониальной империи стал занимать довольно значительное, хотя и не первостепенное, место. Правительство

Папена — правительство холодной фашизации — пыталось дать выход бурным колониальным вожделениям германской империалистической буржуазии. Папен, выступивший в закулисных переговорах с Францией и Англией с планами, направленными против Советского Союза, не решился одновременно официально затронуть вопроса о возвращении Германии колоний. Однако немецкой буржуазии Папен дал заверения, что недалек тот момент, когда германское правительство сочтет возможным вырвать инициативу и потребовать от стран-победительниц «урегулирования» колониального вопроса. Отнюдь не случаен тот факт, что колониальный вопрос поскольку он стал приближаться к своему политическому оформлению, в известной степени связывался германской буржуазией с вопросом об отношении к Советскому Союзу. Возрождающийся германский империализм, предпринимая превентивную войну против рабочего класса, усиливая фашистскую партию — партию крайней политической реакции, милитаризма и войны, — все более и более настойчиво выдвигал вопрос о борьбе за передел мира. По мере усиления национал-социалистической партии, которая в наиболее brutальной форме выдвигала этот вопрос, официальные круги германского колониального движения стали настойчиво искать связей с Гитлером, и в результате состоявшихся переговоров достигли с ним соглашения о совместной политической борьбе и о совместной пропаганде лозунгов воссоздания германской колониальной империи. Германский фашизм дал новый толчок колониальным планам, наложив и тут свой отпечаток. Вопрос о приобретении колоний стал одним из практических вопросов в захватнических устремлениях германского империализма.

3

Мировой экономический кризис уничтожил один из основных разделов Версальского договора — репарационный вопрос. Лозунг «равноправия» для Германии, начертанный на фашистских знаменах, выражал стремление германской империалистической буржуазии уничтожить все препятствия на пути к воссозданию военной и морской мощи германского империализма. В устах империалистической буржуазии Германии лозунг борьбы против Версаля означал не что иное, как идеологическую подготовку борьбы за новый военный передел мира во имя осуществления захватнической программы империалистической Германии. Фашистское правительство включило эти колониальные планы в качестве одного из основных моментов своей империалистической программы внешней политики. Фашизм, который еще до своего прихода к власти открыто прокламировал себя как силу, возглавляющую устремления германского империализма на Восток, как партию войны против Советского Союза, должен был как-то подчинить этим своим планам вопрос о приобретении колоний. В своей книге «Mein Kampf» Гитлер неоднократно подчеркивал мысль, что территориальные границы будущей Германии должны существенно отличаться от границ довоенной Германии. Он указывал, что свои задачи германский фашизм усматривает отнюдь не только в воссоздании Германии в ее старых территориальных владениях. Это означает, что и вопрос о колониальных владениях германского империализма Гитлер ставит по-иному по сравнению с теми перспективами, которые рисовали себе руководители германских колониальных и политических кругов в предшествующий период. Если основным лозунгом этих руководящих кругов являлось возвращение того, что Германия потеряла в результате мировой войны, то Гитлер провозглашает полный разрыв с колониальной и торговой политикой довоенного времени. Гитлер обещал новую политику — «политику завоевания новых земель». «И когда

мы сегодня говорим о новых землях в Европе,— указывает Гитлер,— то мы можем думать только о России и о подвластных ей окраинах».

Эти захватнические устремления на Восток, эти планы превращения прибалтийских стран в форпосты германского влияния, планы превращения Украины в колонию германского империализма являются, несомненно, доминирующей чертой во всей внешнеполитической и военной концепции германского фашизма. Между прочим, это обстоятельство еще до прихода фашизма к власти послужило предметом специальных переговоров между национал-социалистской партией и руководящими организациями германских колониальных кругов. Последние опасались, что слишком одностороннее выдвижение вопроса о преобладающих устремлениях Германии к захвату восточноевропейских пространств неизбежно отодвинет на задний план то, что является целью их экономических и политических домогательств,— а именно вопрос о приобретении колоний. Фашистская печать, однако, пыталась успокоить эти заинтересованные специально в колониях круги германской буржуазии, указывая, что колониальную политику и «восточную политику» германский фашизм вовсе не противопоставляет.

Действительно, если в книге «Mein Kampf» Гитлер провозглашает своей главнейшей внешнеполитической задачей устремление германского империализма на Восток Европы, то этим он вовсе не снимает вопроса о подготовке борьбы за африканские или иные колонии. Оправдывая подготавливаемую войну необходимостью разрешить проблему перенаселенности Германии, германский империализм провозглашает свои захватнические устремления в различных направлениях. «Мы требуем страны и земли (колонии) для прокормления нашего народа и для размещения избытка нашего населения»,— гласит один из пунктов программы германской национал-социалистской партии. В специальном заявлении Гитлер еще в 1931 г. указывал, что фашистская партия «выступает за возвращение важнейших германских колоний». «Мы,— заявил Гитлер,— не отрицаем ценности, которую могут иметь заморские колонии для переселения и для снабжения нашего народного хозяйства колониальными продуктами и сырьем. Мы ни в коем случае не отклоняем в будущем возможных колониальных приобретений, поскольку это будет служить указанным целям». Но и тут Гитлер подчеркивал, что те задачи, которые германский фашизм ставит перед собой в Европе, должны выступить на первый план. Впоследствии вопрос о приобретении колоний в общей концепции борьбы за передел мира и в первую очередь войны против Советского Союза нашел в фашистской литературе свое более полное и детальное освещение. При этом указывалось на существование двух путей, возможных для разрешения вопроса о новых территориальных приобретениях.

Один путь — и это главный путь — германский фашизм видит в колонизации Востока, в «восточной политике», которую он рассматривает как «расширение государственной территории по ту сторону теперешних восточных имперских границ». Итак, это путь захватнической политики на Востоке Европы, путь присоединения непосредственно к Германии новых обширных территорий и далее путь колониального порабощения германским империализмом Украины и широких российских пространств. Другой путь — это путь заморской колониальной политики. Направляя свой главный удар на Восток, против Страны Советов, германский фашизм на первых порах даже предостерегал от тех представлений о колониях как о панацее от всех экономических и политических зол, которые в пропагандистских соображениях усердно распространялись колониальными кругами. Ссылаясь на исторический опыт, фашистская литература указывала, что, с точки зрения политики народонаселения, колонии не могут предоставить никакой отдушины: в Германской

Восточной Африке до мировой войны проживало 5 тыс. белых, через 15 лет после войны 7 тыс.,— и нет никаких надежд на то, что эти цифры могут значительно увеличиться благодаря германской эмиграции. Нельзя ожидать, указывалось далее, что эта колониальная эмиграция будет поглощать миллионы или даже сотни тысяч немцев; в лучшем случае речь может идти лишь о нескольких десятках тысяч переселенцев в колонии. Для основной массы «избыточного населения» германский фашизм открывал перспективы, связанные с колонизацией еще подлежащего завоеванию европейского Востока.

Однако все это вовсе не значит, что германский фашизм даже на первых порах своего существования отказывался от проведения империалистической программы создания обширной колониальной империи. Он с первых же шагов настаивал на приобретении колоний, аргументируя экономической и политической целесообразностью: если нельзя в колонии экспортировать людей, следует экспортировать туда германские товары; если Германия нуждается для расширения своего экспорта в сырьевых ресурсах (каучук, хлопок, кожа и т. п.), то колонии и должны стать неисчерпаемым резервуаром; наконец, если население Германии нуждается в продовольственных ресурсах, то колонии могут предоставить какао, рис, маис, бананы, чай, табак, кофе, мясо и т. д. Такая аргументация ничем, конечно, не отличалась от подобной же аргументации традиционных буржуазных политических партий и объединений, заинтересованных в колониальной политике. Но фашизм придал ей такое звучание, которое должно было импонировать более широким кругам, испытывающим последствия экономического кризиса.

Как партия реванша и войны германский фашизм с особенной силой подчеркивал, что главнейшим условием германской колониальной политики является неограниченный рост вооружений Германии на суше и на море. Воссоздание мощной сухопутной армии, несомненно, является крупным актом германского империализма не только в его борьбе за европейскую гегемонию и в его захватнических устремлениях на Восток, но и в борьбе за новый всеобщий империалистический передел мира. А с этим непосредственно связана и борьба германского фашизма за воссоздание первоклассного военно-морского флота. «Связь между метрополией и заморскими владениями является жизненной артерией всякой колониальной политики,— указывает Манфред Зелль, один из фашистских идеологов колониальной политики.— Если эта связь временно прервана, только морская мощь открывает возможности ее восстановления. Морская мощь является необходимой предпосылкой колониальной политики».

Эти фашистские взгляды, однако, не являются простым возрождением или воспроизведением старых политико-стратегических взглядов адмирала Тирпица — создателя германского военного флота, считавшего, что только превращение Германии в первоклассную морскую державу может обеспечить ей преобладание над английской соперницей в борьбе за передел мира. Тирпиц утверждал, что успешная борьба с британским империализмом вынуждает Германию, по меньшей мере на довольно длительный период, отказаться от агрессивных замыслов на Востоке Европы. В этом вопросе германские фашисты стоят на прямо противоположных позициях, критикуя вместе с тем старую кайзеровскую политику в области морских вооружений. Огромные темпы военно-морского строительства, проводившегося адмиралом Тирпицем, они считают недостаточными. Морская программа Гитлера, разработанная после англо-германского соглашения 1935 г., построена с учетом многих из тех обстоятельств, которые привели германский флот во время мировой войны к фактическому бездействию. Теперь, воссоздавая свой морской флот, германский империализм не только стремится получить те колонии, ко-

торые были им потеряны во время и в результате мировой войны, но и ставит перед собой задачу приобретения новых территорий, являвшихся тогда лишь объектом его колониальных притязаний.

Несомненно, что дальнейшее усиление германской армии и германского флота еще более усилит колониальные аппетиты фашистской Германии, хотя и с самого начала германский фашизм выступил с достаточно обширной программой колониальных захватов. Правда, эта программа оставалась неразвернутой, что объяснялось не только тактическими соображениями — опасениями не раздражать колониальные круги британского империализма, но и тем, что германский фашизм был более всего поглощен разработкой и пропагандой своих европейских и особенно антисоветских планов. Но вся пресса, вся публицистика германского фашизма неустанно твердила, что требования мандата, исходящие от влиятельных германских колониальных кругов, должны быть отброшены как совершенно недостаточные, ибо такие требования заранее ограничивают задачи и перспективы колониальной политики. «Германская колониальная политика обанкротилась в решающий момент,— указывает Зелль.— Ее носители, традиционно-колониальные круги и прежде всего „Германское колониальное общество“, надеялись, что будет возможно провести колониальную ревизию Версальского договора при помощи мирного обмена мнений. Все надежды возлагались на Лигу наций». Фашистская Германия в своих домогательствах нового передела мира отрешается и от Лиги наций, и от мирных способов улаживания всех возникающих вопросов. «Германские колониальные надежды на Лигу наций — это сумасбродная идея, не менее сумасбродной является и надежда на получение Германией колониального мандата. Нет свободных мандатов и их никогда не будет»,— заключает Манфред Зелль. К тому же подтверждается тезис, уже ранее выдвинутый наиболее агрессивными кругами германского империализма: даже получение мандата ни в какой мере не может удовлетворить претензии, поскольку это может стать косвенным формальным признанием послевоенного раздела колониального мира, между тем как германский фашизм носит с планами его нового передела.

Своим колониальным планам германский фашизм придает прежде всего огромное политическое значение. Он связывает с ними пропаганду националистических и милитаристских идей, пропаганду восстановления и дальнейшего укрепления всей военно-политической мощи германского империализма. Использование колониального вопроса для усиления националистических настроений внутри страны, для пропаганды войны и реванша дело, однако, не ограничивается. Создавая сильную армию и военный флот, опираясь на эту империалистскую мощь, германский фашизм рассчитывает также использовать колониальные претензии при переговорах по внешнеполитическим вопросам в целях шантажа своих возможных друзей и неизбежных противников из капиталистического лагеря. Фашистская публицистика исходит из того, что такое значение колониальных планов, поставленных на прочную базу растущего германского милитаризма и маринизма, открывает широкие и многообещающие перспективы. Задача этих колониальных планов, которым фашизм все более придает преимущественно политическое значение, в общих империалистических планах современной Германии таким образом неизмеримо возрастает по сравнению с предыдущим периодом, хотя официальные фашистские круги стараются по тактическим соображениям не слишком сильно это подчеркивать в публичных выступлениях. «Это определенно нелегкая задача»,— указывает Зелль. Предпосылка ее решения — прежде всего превращение Германии в крупнейшую милитаристскую державу, которая сможет заговорить полным голосом и сможет заставить себя внимательно слушать. «Эта задача,— продолжает Зелль,—

не является задачей сегодняшнего или завтрашнего дня, она требует известного времени. Однако... определенный момент должен быть установлен,— момент начала ее осуществления. Время работает на мандатариев. Германии не следует затягивать, ибо эта затяжка не создает благоприятных условий».

И действительно, с момента прихода к власти германский фашизм немедленно приступил к осуществлению явочным порядком той политики сухопутных, морских и воздушных вооружений, которая была направлена к одностороннему уничтожению военных постановлений Версальского договора и подготовке войны за новый передел мира, в частности передел колониального мира.

Следует отметить, что первый год фашистской диктатуры в Германии не принес особенного оживления колониальной пропаганды. Скорее наоборот,— оказавшись в первые месяцы своего пребывания у власти в состоянии почти полной внешнеполитической изоляции, фашистское правительство в поисках путей к соглашению с Англией всячески старалось не слишком выдвигать свои колониальные требования. Более того, фашистскому правительству доставляла даже известные заботы та часть буржуазии, которая, выражая настроения и интересы колониальных кругов, слишком откровенно высказывала требования относительно возвращения Германии колоний. Бросая все свои силы на пропаганду идей захвата новых территорий на Востоке Европы за счет Советского Союза, германская фашистская пресса на первых порах по тем же тактическим соображениям обходила почти полным молчанием вопрос о воссоздании старой колониальной империи. В начале пребывания фашистского правительства у власти между отдельными влиятельными кругами германской буржуазии, а также в самом политическом штабе фашистской диктатуры происходила глухая закулисная борьба по вопросу о позиции, которую Германия должна в ближайшее время занять относительно колоний. Отражением этой борьбы являлась полемика, которая даже выплыла на поверхность фашистской политической жизни и которая нашла себе место, конечно, в очень урезанном виде, на страницах фашистской партийной и буржуазной унифицированной печати. Те круги германской фашистской партии, которые из соображений социальной демагогии пытались изображать завоевательные планы германского империализма на Востоке и Юго-Востоке Европы как выражение интересов крестьянства, якобы задыхающегося от малоземелья и нуждающегося в больших новых территориальных приобретениях,— эти круги пытались протестовать против вновь оживившейся колониальной пропаганды за возвращение Германии потерянных ею заморских территорий. Прикрываясь даже антиимпериалистической фразеологией, они говорили, что колониальная пропаганда инспирируется «реакционными кругами», мечтающими о возвращении Германии на путь старой, вильгельмовской колониальной политики. По указанным соображениям они отвергали этот путь, утверждая, что «судьба Германии лежит на Востоке, который приобретает тем большее значение, что Германия является сердцем Европы». Эти фашистские круги, несомненно, руководствовались также опасениями, что оживление интересов германского империализма к колониальным захватам в Африке и в других частях мира может ослабить «натиск на Восток» и осуществление антисоветских планов германского фашизма. Характерно, однако, что от категорических суждений относительно внешней политики германского фашизма и его колониальных планов эти круги все же предусмотрительно воздерживались. В конце концов, указывали они, вопрос будет разрешен германским правительством в соответствии с общими интересами и общей международно-политической обстановкой.

В руководящих кругах германского фашизма точка зрения сторонни-

ков отказа от выдвижения колониальных планов не получила преобладания. Уже через несколько дней после своего прихода к власти Гитлер в беседе с корреспондентом английской газеты «Sunday Express» дал понять, что фашизм вовсе не предполагает заранее отказаться от возможности возбудить какие бы то ни было претензии в колониальном вопросе. В октябре 1933 г. в беседе с корреспондентом «Daily Mail» Уордом Прайсом Гитлер намекал, что Германия ввиду своей перенаселенности может также выдвинуть вопрос о предоставлении ей некоторых колоний, вопрос, который он, однако, надеется разрешить в порядке «миролюбивых переговоров». Далее, вскоре после своего прихода к власти фашистское правительство Германии сделало попытку даже официально выдвинуть требование предоставления колоний: это было сделано в виде меморандума, врученного Гугенбергом президиуму Лондонской мировой экономической конференции (1933 г.). Откровенные, наглые антисоветские тенденции, которые нашли свое выражение в меморандуме Гугенберга, вызвали решительный отпор со стороны Советского правительства. С другой стороны, колониальные претензии фашистской Германии, нашедшие свое выражение в этом меморандуме, вызвали протест со стороны французской и английской буржуазной прессы. В результате фашистское правительство было вынуждено, правда в неуклюжей форме, дезавуировать неудачливое выступление Гугенберга.

Вскоре, однако, германские фашисты начали говорить о своих колониальных планах более ясным и определенным языком, а с начала 1934 г. во всей германской фашистской прессе с новой силой развернулась колониальная пропаганда, с новой силой стали обсуждаться методы и цели фашистской колониальной политики. Воспользовавшись исполнявшимся 50-летним юбилеем вступления бисмарковской Германии на арену колониальной деятельности, «Германский колониальный союз» решил сыграть роль рупора фашистской программы по колониальному вопросу. Он утверждал, что германский фашизм вовсе не отказывается от колониальной политики и что основные захватнические устремления на Востоке Европы ни в какой мере не противоречат колониальным планам германского империализма. «Итак, никакого отказа!» — под таким лозунгом наместник Баварии фон Эпп уже тогда пытался дать дальнейший толчок политической кампании в пользу колониальной политики.

И действительно, эта кампания быстро развернулась, и в нее тотчас же включились старые колониальные организации, которым германский фашизм придал новую силу, новый пропагандистский размах и новую политическую остроту. Для этого была использована специально организованная и открывшаяся летом 1934 г. колониальная выставка в Кельне. Эта выставка должна была знаменовать собою борьбу германского фашизма за передел колониального мира. Наряду с новыми патентованными кадрами фашизма на авансцене появились старые идеологи германского империализма. В частности, начал развивать большую активность уже давно забытый Пауль Рорбах, который накануне и во время мировой войны 1914—1918 гг. был одним из наиболее энергичных идеологов политики захвата территорий в Восточной Европе и одновременно уничтожения колониального и морского могущества Великобритании. В условиях фашистской Германии Рорбах нашел широкое поле для пропаганды своих старых идей о том, что устремлениям германского империализма на Восток Европы ни в какой мере не противоречат планы передела колониального мира. Это положение стало основным во всей унифицированной германской печати. Пропаганда шла под общим лозунгом: «Кровь и земля». Этот лозунг, брошенный Дарре, — одним из фашистских идеологов, — одинаково оправдывал как политику приобретения новых территорий на Востоке Европы, так и политику колониальных

захватов. 25 марта 1935 г. орган влиятельных кругов германского монополистического капитала «Deutsche Bergwerkszeitung» писал: «Мы являемся „народом без территории“, и поэтому полны решимости предпринять прежде всего колонизацию немецкого востока, но одновременно мы хотим добиваться, чтобы нам была предоставлена территория также и в остальном мире».

4

Само собой разумеется, что германский фашизм отдает себе отчет в том, что задача возвращения старых колоний или приобретения новых не может быть разрешена в самом ближайшем будущем. И поскольку программа передела колониального мира не была выброшена из политического и идеологического арсенала германского фашизма, перед фашистской Германией практически встали две задачи, связанные с подготовкой условий, облегчающих будущую борьбу. Прежде всего чрезвычайно симптоматичен тот обостренный интерес, который германский фашизм начал проявлять к вопросу об экономическом влиянии Германии в ее бывших колониях. После того как проникновение германского капитала в его бывшие колонии в течение нескольких лет достигло известных успехов, удары экономического кризиса значительно подорвали этот успех. Германский вывоз в эти колонии катастрофически начал падать и в 1932 г. стал выражаться в совсем незначительных цифрах. Составляя в 1930 г. 11% в импорте французской части подмандатного Камеруна, доля Германии упала в 1932 г. до 5,9%, с тем чтобы в 1933 г. несколько подняться — до 6,4%. Во французской подмандатной территории Конго германский ввоз и вывоз стали почти замирать. В 1933 г. весь товарооборот Германии с этой подмандатной территории выразился в небольшой сумме — 10 млн. франков, т. е. даже меньше, чем в 1932 г. Аналогичные цифры резкого падения товарооборота официальная статистика показывает и относительно других колоний. Ввоз Германии из бывших ее африканских колоний, выражавшийся в 1929 г. в сумме 20,3 млн. марок, упал в 1932 г. до 5,3 млн. марок; вывоз в эти колонии соответственно снизился с 19,4 млн. марок до 2,2 млн. марок. Только 1933 г. дал весьма незначительный прирост торгового оборота (ввоз — 9,1 млн. марок, вывоз — 3,6 млн. марок). Понятно, что за эти годы ни о каком вывозе капиталов из Германии и помещении их в бывших германских колониях не могло быть и речи.

Значительное ослабление экономических позиций германского империализма в его бывших колониях — ослабление даже по сравнению с тем положением, которое было 10 лет назад, — вызвало заметное беспокойство германской буржуазии. Пресса, связанная с германскими банковскими и биржевыми кругами, забила тревогу и начала доказывать не только «патриотическую» необходимость, но и выгоду, которую может принести проникновение германской торговли и германского капитала в эти подмандатные территории. Вместе с тем, анализируя их экономическое развитие и экономические связи, немецкая фашистская пресса начала доказывать, что по целому ряду продовольственных и сырьевых ресурсов эти колонии уже теперь всецело могут покрыть потребности германского хозяйства. Тем самым германская пресса подняла новую кампанию за возвращение колоний. Не ограничиваясь одними только обращениями к политическим чувствам и к торгашеской чувствительности тех, кого можно привлечь к эксплуатации потерянных колоний, фашистская пресса с педантичной практичностью дает рекомендации о том, как наиболее целесообразно поступать, чтобы при минимальных затратах получить максимальную выгоду. Подробно сообщается, какие товары следует ввозить в те или иные части бывших колоний, как оттуда

можно проникнуть в колонии, принадлежащие другим государствам, и тут в первую очередь взоры обращаются к португальской колонии Анголе. Предоставляются далее практические советы относительно наиболее эффективной и действенной коммерческой рекламы в условиях колониальной торговли. И вовсе не случайно эта коммерческая реклама сочетается с политической пропагандой германского фашизма. Наряду с усилиями завоевывать экономические позиции германский фашизм, готовясь к борьбе за общий передел колониального мира, ведет в колониях широкую политическую пропаганду.

Эта пропаганда настолько усилилась, что вызвала беспокойство со стороны французских колониальных властей. Германские фашисты пытаются при этом опереться на немцев, проживающих в бывших германских колониях, и, пренебрегая своей расовой теорией, на созданные ими специальные организации среди местного населения. Так, например, в Африке создан союз, объединяющий негров («*Deutscher Togobund*»). По сообщению французской печати, германским агентам удалось даже побудить некоторых вождей негритянских племен составить нечто вроде петиции, обращенной к Лиге наций, с просьбой вернуть их под германское владычество. При открытии германского консульства в Дар-эс-Саламе было организовано подобие негритянской демонстрации перед германским черно-бело-красным флагом, украшенным фашистской свастикой. Это привело в сильное умиление германскую прессу, старающуюся не вспоминать кровавого подавления восстания гереро. Фашистские организации пытаются для подготовки проникновения в колониальные области создать там свои кадры. По вполне понятным причинам фашистская пресса обо всем этом предпочитала умалчивать, и лишь некоторые отдельные, случайно проскальзывающие сведения говорили об усиливающейся активности организаций германского фашизма, проникающих даже в отдаленные колониальные области. Главное внимание германский фашизм уделяет африканским колониям. Тут происки германского фашизма значительно усилились.

Свое политическое влияние среди местного населения германский фашизм пытается также укрепить старым испытанным методом империалистической колониальной политики — посредством специальных миссионерских организаций. В частности, в начале 1935 г. в Кельне произошло торжественное освящение двух самолетов, «Петр» и «Павел», предназначенных для несения германской миссионерской службы в Африке и на Новой Гвинее.

Таким образом, германский фашизм отнюдь не уменьшает своей активности в борьбе за колонии. Совсем наоборот, эта активность значительно возросла, особенно после того, как хозяйственный диктатор фашистской Германии Шахт при поддержке всей прессы, отражающей интересы монополистического капитала, с новой силой и решительностью заявил о необходимости для Германии получить колонии. Само германское правительство то выдвигает, то, наоборот, ослабляет свои претензии по колониальному вопросу, ставя это в зависимость от тех внешнеполитических маневров, которые оно вынуждено предпринимать, учитывая складывающуюся международную ситуацию и добиваясь использования существующих международных противоречий в собственных империалистических целях. Этими маневрами в известной степени и можно объяснить некоторое внешнее несоответствие между заявлениями отдельных представителей германского фашизма. Так, например, вскоре после того как Гитлер в одной из своих бесед с корреспондентом английской газеты «*Daily Mail*» высказал точку зрения, что колониальные владения являются в настоящих условиях роскошью, его заместитель Рудольф Гесс при других обстоятельствах интерпретировал заявление Гитлера в том смысле, что колонии являются роскошью лишь для государств,

обладающих ими в избытке, между тем как для Германии они являются чем-то вроде предмета первой необходимости.

Не случайно особенное возбуждение колониальных претензий Германии отмечалось с начала 1935 г.: исход саарского плебисцита вызвал новый взрыв аннексионистских настроений, а после англо-французских переговоров, состоявшихся в Лондоне в феврале 1935 г., усилившаяся пропаганда колониальных планов являлась своего рода подготовкой к тем сепаратным переговорам с Англией, которых германский фашизм добивался при поддержке известных влиятельных кругов британского империализма. Во время берлинских переговоров английского министра иностранных дел Саймона с Гитлером последний, как позднее сообщала осведомленная итальянская печать, наряду с другими требованиями — о предоставлении «свободы рук» на Востоке, о вооружениях и др. — выставил требование Германии относительно ее бывших колоний в Восточной Африке, в частности Танганьики, а также в Конго. Итальянская печать тогда сообщала, что Гитлер дал понять Саймону о стремлениях Германии вернуть даже те колонии, которые отошли к Японии. Колониальные претензии германского империализма, как это можно воспроизвести по фашистской прессе, идут достаточно далеко. На ближайший период германский фашизм требует от Англии, Франции и Бельгии возвращения колоний, принадлежавших Германии в прошлом. Далее, проявились определенные аппетиты относительно португальских колоний: не исключено, что германский империализм рассчитывает прежде всего достигнуть известного соглашения с Англией о разделе Анголы. Фашистская печать в первую очередь ставит также вопрос о возвращении Германии подмандатных территорий, отошедших к Австралии и Новой Зеландии.

Наконец, в германской фашистской публицистике указывается, что Япония, «жизненные права которой новая германская колониальная политика не может не учитывать, должна будет проникнуться пониманием того, что германские требования на возврат колоний вытекают из не менее решающих проблем существования».

Итак, германская пресса все более ясно высказывает ту точку зрения, что поскольку неравномерное распределение колоний между крупнейшими капиталистическими государствами в свое время привело в конечном счете к мировой войне, одним из условий предотвращения новой войны должно быть более полное удовлетворение германских претензий, т. е. предоставление ей и таких колониальных территорий, которыми она не обладала до войны. Эти требования по понятным причинам выступают в прессе еще в относительно слабой форме, но они весьма значительны и вполне совпадают с общими тенденциями развития германского империализма и его борьбы за передел мира.

Для осуществления своих колониальных планов германский фашизм рассчитывает прежде всего на использование противоречий между империалистическими государствами. Когда в своей речи 21 мая 1935 г. Гитлер дал общий обзор ближайшим целям внешней политики фашистской Германии, он в первую очередь пытался вбить глубокий политический клин между Англией и Францией, установившими единство взглядов на Лондонской конференции, а также взорвать тот дипломатический фронт, который был установлен на конференции в Стресе. Отсюда понятно его утверждение, будто борьба за укрепление германского военно-морского флота не стоит ни в какой связи с вопросом о колониальных претензиях Германии. Гитлер тем самым хотел успокоить правящие круги Англии, подчеркнув, что между Англией и Германией возможны соглашения и в сфере колониальных интересов. Такое соглашение было бы направлено не только против Советского Союза, но и против Франции.

Эти расчеты не являлись чем-то новым в политическом арсенале фашистской клики. «Германская колониальная политика,— утверждал, например, Зелль,—затруднит дальнейшее колониальное расширение Франции. Этим германская политика служит в первую очередь английским интересам». Изображая германскую дипломатию ценной союзницей Англии, германский фашизм рисует в качестве одной из возможных перспектив даже такое положение, когда Англия за «услуги» Германии станет на ее сторону в вопросе о передаче подмандатных территорий британских доминионов Германии. Наконец, германский фашизм рассчитывает для осуществления своих колониальных планов использовать и другие империалистические противоречия, а именно борьбу США против Англии или борьбу Италии против Франции. Дальнейшее усиление колониальных требований германского империализма будет направлено не только против интересов Франции, но и против интересов Англии. Главные же свои расчеты фашистская Германия строит на войне против Советского Союза. В частности, в Германии не исключают возможности в случае войны против Советского Союза, предпринятой японским империализмом, получить от последнего известные компенсации на Дальнем Востоке. Как бы то ни было, свои колониальные планы германский фашизм связывает с вопросом о войне против СССР. «Само собой разумеется, не может быть и речи о возвращении наших бывших колоний в самом ближайшем будущем,— писала „Kölnische Zeitung“ (12 января 1934 г.). — Колесо истории не движется в обратную сторону, и германский народ получит, вероятно, возможность добиться удовлетворения своих колониальных требований только в связи с величайшими политическими потрясениями».

Это должно означать, что германский фашизм решил повернуть «колесо истории» к мировой войне, с которой связано осуществление не только его колониальных планов, но и общих планов борьбы за мировое господство германского империализма.

К войне за общий передел мира и готовится германский фашизм. В его концепции планы захватов на Востоке и Юго-Востоке Европы отнюдь не противоречат планам колониальных захватов на других участках земного шара. Приобретение колоний при наличии крупного флота, огромной армии и сильных потенциальных военных возможностей германского хозяйства должно облегчить экспансию на Восток. С другой стороны, захватнические устремления на Восток Европы — против Советского Союза могут послужить могучим толчком для активизации и борьбы с крупными капиталистическими державами на Западе, в частности в интересах колониальных захватов. «Германская торговая политика и политика приобретения территорий на Востоке и германская колониальная политика дополняют друг друга. Умная и искусная германская государственная политика сумеет обеспечить себе в Восточной Европе сильные хозяйственно-политические преимущества и, возможно, даже обеспечит себя союзниками для своих колониальных планов с тем, однако, чтобы в вопросах собственно „восточной политики“ по возможности себя ничем не связывать. Колониальный вопрос приобретает непосредственное влияние на историческую миссию германского народа в Центральной и Восточной Европе», — заключает Манфред Зелль.

Действительно, как мы видели, колониальная политика германского империализма не может быть оторвана от его политики экспансии на Восток и Юго-Восток Европы. Возрождающийся германский империализм и созданная им фашистская партия ставят перед собой задачу общего передела мира, и если колониальные претензии на данном этапе пока еще как будто на заднем плане, то это не значит, что на следующем

этапе вопрос о переделе колониального мира не будет поставлен им со всей силой в порядок дня.

Руководящие круги английского империализма рассчитывают на прекращение германской экспансии целиком на «Восток». Но захватнические планы фашистской Германии идут в различных направлениях. По мере роста вооруженных сил германского империализма его претензии на мировое господство будут неизбежно расти во всех возможных направлениях. И тогда, когда германский фашизм во всей остроте поставит вопрос об общем переделе колониального мира, вскроется серьезная угроза и для Англии, санкционирующей морские вооружения Германии. Правящие круги Англии тем самым ускорят взрыв мировой войны, к которой активно готовится ее главный поджигатель — германский фашизм.

1935 г.

БОРЬБА ФАШИСТСКИХ ДЕРЖАВ ЗА ИСПАНСКИЙ ПЛАЦДАРМ

Народные массы и правительства европейских стран с первого дня вспышки восстания фашистских мятежников против республиканского правительства в Испании ясно осознали, что эта гражданская война по своему значению и по своим возможным результатам выходит далеко за пределы Испании. Трудящиеся массы всего мира с самого начала военно-фашистского мятежа отдали свои симпатии испанскому народу и его законному республиканскому правительству, борющемуся против фашизма и реакции за демократические свободы, за мир. В то же время международная реакция, и прежде всего фашистские правительства в Европе, все свои политические симпатии отдали испанским мятежникам. Материальную поддержку они начали предоставлять им еще до начала мятежа. Фронт гражданской войны, происходящей в Испании, с первого момента его возникновения как бы оказался водоразделом во всем мире между прогрессивными силами человечества, с одной стороны, и международной реакцией — с другой. Чем дольше продолжается и ожесточеннее становится борьба между испанским правительством, пользующимся всенародной поддержкой, и военно-фашистскими мятежниками, чем откровеннее и активнее становится поддержка, оказываемая испанским мятежникам фашистскими государствами Европы — Германией, Италией и Португалией, а также реакционными элементами других европейских стран, тем более явственно выступает тот несомненный факт, что вопрос об исходе борьбы в Испании все более тесно переплетается с вопросом о расстановке сил, борющихся за развязывание новой войны во имя империалистического передела мира.

1

Испания не участвовала в мировой империалистической войне 1914—1918 гг. Но уже задолго до ее начала обе боровшиеся тогда между собой империалистические коалиции держав Тройственного союза (Германия, Австро-Венгрия, Италия) и Антанты (Англия, Франция и Россия) потратили немало усилий для закрепления своего влияния в Испании и вовлечения последней в орбиту своей политики.

Испания, сохранившая многие черты феодального строя и не разрешившая задач буржуазно-демократической революции, экономически развивалась чрезвычайно слабыми темпами. Политически это нашло свое выражение в том, что в эпоху империализма ее влияние, вес и престиж в международных вопросах продолжали падать. В конце XIX в. правящие классы Испании, не имея возможности активно участвовать в борьбе империалистических держав за раздел мира, стремились во что бы то ни стало сохранить свое господство над теми колониальными владениями, которые были приобретены ими в прошлые века. Наряду

с этим они пытались использовать новые развертывающиеся на международной арене противоречия, чтобы укрепить свои позиции, а если возможно, то и получить территориальные приращения. Дело, однако, осложнилось тем, что монархическая Испания как страна экономически отсталая и политически слабая была вынуждена свои внешнеполитические планы и устремления так или иначе приспособлять, а в некоторых случаях даже подчинять политике крупных империалистических держав. Эти последние, преследуя собственные экономические и политико-стратегические цели, боролись за укрепление своего влияния на внешнюю политику Испании.

Известно, что в 1870 г. конфликт из-за замещения испанского престола послужил предлогом для войны между Францией и Пруссией. Политика Бисмарка, преследовавшая тогда цель посадить на испанский престол короля, тесно связанного с Гогенцоллернами, выражала стремление буржуазно-юнкерской Пруссии ослабить силы враждебной Франции, создав ей угрозы на пиренейской границе. Несколько позднее, в годы начавшейся обостренной борьбы капиталистических держав за окончание раздела мира, сложившаяся Германская империя стремилась подчинить Испанию своему политическому влиянию, вовлекая ее в сферу только что сформированной милитаристской группировки — Тройственного союза. Из страха перед увеличивающимся французским влиянием в Средиземноморском бассейне Испания примкнула в 1887 г. к Тройственному союзу.

Несомненно, это сближение Испании с германским империализмом проходило под влиянием английской дипломатии. Великобритания благодаря своей экономической роли, своему огромному военному флоту в Средиземном море и первоклассным военно-стратегическим позициям, в том числе на территории Пиренейского полуострова (Гибралтар), получила преобладающее влияние на развитие внешней политики Испании.

При отсутствии в то время особенно глубоких экономических и политических противоречий с Германией и при наличии острых столкновений с царской Россией и Францией британский империализм, пойдя на временное сближение с Германией, увлек на этот политический путь и Испанию. Великобритания укрепила свои позиции в Средиземноморском бассейне путем соглашения с двумя союзниками Германии — с Австро-Венгрией и Италией (так называемая Средиземноморская Антанта 1887 г.). В условиях, когда Германия еще не вступила на путь активной колониальной политики или делала на этом пути лишь первые и не очень решительные шаги, Испания видела своего главного соперника на колониальном поприще в лице Франции, искавшей колониальных приобретений в Африке. И в этом Испания, правда, с некоторыми отступлениями и зигзагами, следовала по пути Великобритании, которая в то время в лице Франции также видела своего главного соперника в связи с напряженной борьбой за влияние в Индо-Китае, а главное в связи с борьбой за окончательный раздел колониальной Африки. В самом конце XIX в., в период последних напряженнейших схваток между империалистическими державами за раздел мира, Испания могла убедиться, что, опираясь на Тройственный союз, она не только не сумеет осуществить свои планы новых колониальных приобретений, но и сама станет объектом империалистической борьбы. В 1898 г. Испания получила сокрушительный удар со стороны Соединенных Штатов, только что вступивших на путь открытой империалистической политики захватов. В войне с США Испания потеряла не только Кубу, но и Филиппинские острова. Одновременно Испания поняла, как дорого ей приходится расплачиваться не только за проигранную войну с США, но и за дружбу с германским империализмом. Воспользовавшись испано-американской

войной, империалистическая Германия, приступившая к активизации своей экспансии на Дальнем Востоке (после захвата в 1897 г. Цзяо-Чжоу), пыталась захватить и Филиппинские острова, принадлежавшие тогда Испании. Когда же это не удалось выполнить ввиду противодействия США (острый конфликт из-за обладания главной гаванью Филиппинских островов в 1898 г.), Германия была вынуждена удовлетвориться захватом на Тихом океане Каролинских островов, также принадлежавших Испании. Этот захват, правда, был прикрыт формой политической сделки с Испанией (1899 г.).

Размежевание сил, происходившее на арене международной империалистической политики и имевшее своим результатом создание противостоящей Тройственному союзу новой группировки — Антанты, не могло не сказаться и на позиции Испании. Державы, входящие в обе группировки, отлично понимали значение Испании не только как сферы приложения капиталов, но и в еще большей мере как политико-стратегического фактора в Средиземноморском бассейне и на Атлантическом океане. Соперничество между Англией и Францией в этом бассейне, а также во всей Африке еще продолжалось, хотя и в менее обостренной форме. Борьба этих держав против Германии усиливалась. Каждая из соперничающих сторон стремилась в известной мере опереться и на Испанию. Вскоре, в 1902 г., Франция и Испания заключили соглашение: Испании было обещано в будущем предоставление Северного Марокко при условии нейтрализации Танжера. Соглашение являлось серьезным ударом по далеко идущим планам германского империализма, стремившегося использовать Испанию в подготавливаемой им борьбе против Франции, а также в качестве трамплина для своей экспансии на Атлантическом океане и в Средиземноморском бассейне.

Рост германского империализма, его угрожающая экономическая и политическая экспансия, быстрое осуществление им программы военно-морского строительства — все это заставило английский империализм пересмотреть свою прежнюю политическую линию и пойти на сближение с Францией (в 1904 г.). Реальной базой для этого сближения, как известно, являлся раздел сфер влияния на всем широком поле колониального соперничества между Англией и Францией. В частности, это соглашение предусматривало свободу рук Франции в Марокко. Вместе с тем британский империализм, стремясь не допустить появления сильной державы рядом с Гибралтаром, настоял на том, чтобы северная часть Марокко перешла под влияние Испании.

Германский империализм ответил угрожающим выступлением Вильгельма в Танжере (в 1905 г.). Оно имело своей целью не только испытать прочность соглашения между Англией и Францией, но если возможно, то и сорвать его¹. Кроме того, Германия хотела вовлечь Испанию в сферу своего политического влияния. Вскоре после первого Марокканского кризиса (1905 г.), создавшего в Европе непосредственную военную опасность, германский империализм, не удовлетворившись достигнутыми результатами, пытался договориться с Испанией о предоставлении ему Балеарских островов. Даже в случае неудачи его дальнейшей политики, направленной к утверждению в Марокко, укрепление германского империализма на Балеарских островах предоставило бы ему большие возможности контроля не только над коммуникациями, соединяющими английскую метрополию через Гибралтар и Суэцкий канал с Индией, но одновременно и над коммуникациями, соединяющими Францию с ее африканскими владениями. Наконец, это дало бы возможность германскому империализму проводить политику дальнейшего нажима на Испанию, держа последнюю под фланговым ударом.

¹ См. выше: «Дипломатическая подготовка мировой войны 1914—1918 годов.»

Ослабление политических связей между Италией и остальными членами Тройственного союза еще более подталкивало германский империализм к активным действиям с целью укрепления его позиций в столь важном пункте, каким является северо-запад Африки и крайний юго-запад Европы.

В 1911 г. возник второй Марокканский кризис в связи с тем, что Франция послала свои войска в Фец, а Германия направила канонерскую лодку «Пантера» к берегам Агадира. В то же время Германия всячески пыталась вовлечь Испанию в борьбу против Франции, но неудачно. Агадирский кризис, который стремительно приблизил Европу к войне, закончился компромиссным соглашением между Германией и Францией.

Разумеется, этот компромисс с Францией отнюдь не уменьшил активности германского империализма, направленной на вовлечение Испании в орбиту его политического влияния. Не добившись сколько-нибудь серьезных политических результатов путем непосредственных переговоров с Испанией, Германия решила, очевидно, использовать свою итальянскую союзницу, которая примерно за полтора года до начала мировой войны добивалась широкого политического соглашения с Испанией. Сведения о возможном сговоре между Италией и Испанией вызвали тревогу в руководящих политических кругах Антанты.

Эти попытки добиться соглашения с Испанией совпали как раз с тем периодом, когда итальянский империализм, только что вышедший победителем из войны против Турции и захвативший Триполитанию (1911—1912 гг.), почувствовал аппетит к новым захватам. В условиях непосредственно надвигавшейся войны между обеими противостоящими друг другу империалистическими группировками молодой и «обделенный» итальянский империализм пытался использовать создавшуюся напряженную ситуацию, чтобы укрепить свои позиции в Средиземном море. Именно тогда итальянский империализм, стремясь окончательно укрепиться в этом районе, открыто выступил против Франции, обвиняя ее в намерении нарушить в свою пользу равновесие в Средиземном море. Руководители французской политики тогда считали, что Италия более чем когда-либо тяготеет к Тройственному союзу и слепо слушается приказаний, исходящих из Берлина. Активность итальянской дипломатии и стоящей за ее спиной империалистической Германии лишь стимулировала усилия Антанты экономически и политически привязать к себе Испанию.

В борьбе германского империализма с его противниками за влияние на политический курс в Испании и за определение ее позиции победителем вышла Антанта. Когда в 1914 г. в Европе началась война, Испания сохранила нейтралитет и тем самым обеспечила Франции ее границы на Пиренеях. Тем самым не были осуществлены и планы нанесения удара по главнейшим коммуникационным линиям, соединяющим Англию и Францию с их колониальными владениями. Несомненно, это имело известное значение и в том отношении, что Италия, с трех сторон открытая с моря, не пошла за своей германской союзницей, и даже, наоборот, после многомесячных переговоров о компенсациях включилась во фронт Антанты. Компенсации, обещанные Италии, касались главным образом восточной части Средиземного моря. Огромное значение господства в западной части Средиземного моря для мировой политики ясно осознавалось как руководящими политическими кругами Антанты, так и руководящими кругами германского империализма. Германия призывала Италию к выступлению против Антанты возможностью экспансии именно в западной части Средиземноморского бассейна. В условиях явного превосходства англо-французских морских сил на Средиземном море подобные обещания легче было дать, чем выполнить.

Дело выглядело бы совершенно по-иному, если бы германскому империализму удалось сделать испанский нейтралитет по меньшей мере не столь благожелательным для Франции. В годы войны активность германского империализма в этом направлении была чрезвычайно велика. Укрепление политического влияния германского империализма в Испании во многом изменило бы стратегическую ситуацию в Западной Европе. К этому и стремился германский империализм вплоть до момента своего поражения.

Поражение Германии в 1918 г. временно прервало активность ее политики, но затем по мере восстановления мощи германского империализма она возобновилась в новых условиях. Германский фашизм, проводящий политику самых реакционных и агрессивных кругов германского империализма, развернул борьбу за превращение Испании в один из плацдармов новой мировой войны.

2

Борьба германского империализма за укрепление своего влияния в Испании началась главным образом после прихода фашизма к власти. В течение послевоенного периода экономические связи Германии и Испании не были особенно велики. В экономическом отношении Испания в это время была больше связана с французским, а также с английским капиталом. Германские планы проникновения в Испанию, оживившиеся после прихода Гитлера к власти, стали преследовать преимущественно политико-стратегические цели, выдвинутые германским империализмом в связи с его напряженной подготовкой к новой вооруженной борьбе за передел мира. Германский фашизм, естественно, всячески скрывает не только эти цели, но и свои методы проникновения в Испанию и в Северную Африку. Лишь по отдельным проникающим в прессу материалам можно составить себе более или менее приблизительное представление об активных происках германского фашизма.

Уже в 1934 г. иностранная пресса отмечала активные попытки германского фашизма проникнуть в Марокко, в испанскую колонию Ифни, а также на Канарские острова, имеющие большое стратегическое значение. Характерно, что всякую возможность экономического проникновения германский фашизм пытается использовать для своих военно-стратегических целей. Так, например, германские фирмы, взяв на себя поставку оборудования для главного порта Канарских островов Лас-Пальмас, настойчиво добивались предоставления им права руководить соответствующими работами и стремились насадить там германских специалистов. Одновременно Германия добивалась также предоставления ей концессий на организацию авиационной базы в Ифни — испанской колонии, вклинивающейся в южную часть Французского Марокко. Потребовалось решительное вмешательство французской колониальной администрации, чтобы Испания отказала Германии в организации в Ифни транзитного пункта германской авиационной компании «Lufthansa». Вынужденная под влиянием французского воздействия отступить, германская компания все же сумела закрепить за собой значительное влияние на этих имеющих большое значение воздушных стратегических коммуникациях северо-западной части Африки: она все-таки добилась того, что испанское авиационное общество, эксплуатирующее эти линии, фактически работает под ее контролем.

Уже вскоре после своего прихода к власти германский фашизм организовал в ряде пунктов Северной Африки и на прилегающих островах, в частности на Канарских, специальную секретную агентуру задачей которой является установление связей с вождями местных племен, поставка им оружия и организационно-политическая подготовка всякого

рода диверсий на случай войны Германии с Францией. Опираясь на деятельность этих местных вождей, германский фашизм собирается во время войны, по меньшей мере, нарушить регулярные связи между Францией и ее колониальной империей на Черном материке, который рассматривался как огромный резервуар человеческих и материальных ресурсов. В этом же направлении работает и миссионерская служба германского фашизма, создающего довольно широкую систему соответствующих организаций. Сведения о попытках германского империализма проникнуть в эту область полностью подтверждаются разоблачениями, которые появились в английской прессе и которые свидетельствуют о методах и целях подрывной работы секретной агентуры германского фашизма в Испании и Марокко.

«Установлено,— пишет „Manchester Guardian“ на основании имеющихся в распоряжении газеты секретных фашистских документов,— что центры (Stützpunkte) и отделения (Ortsgruppen) фашистской агентуры существуют в Сеуте, Тетуане и в других местах. Так же как и в Испании, фашистская агентура имеет в Марокко „портовую службу“, под именем которой скрывается отделение германской охраны — гестапо. В функции этой „портовой службы“ входит: доставка контрабандным путем фашистской пропагандистской литературы, политическая и экономическая разведка, наконец, военный шпионаж». В стремлении подготовить почву для своего политического проникновения в Северную Африку германский фашизм самым лицемерным и циничным образом пытается также использовать лозунги освободительной борьбы и разжигает среди населения недовольство политикой Англии и Франции. Некоторые секретные документы немецко-фашистских политических органов, опубликованные в английской прессе, свидетельствуют о том, что в планы германского фашизма входит активизация политического проникновения германского империализма во все страны арабского Востока. Несомненно, как правильно указывает «Manchester Guardian», в методах этого проникновения можно констатировать «тесные переплетения, существующие между деятельностью агентуры фашистской партии за границей и официальными агентами германской дипломатии». Особенно активно официальная и неофициальная агентура германского фашизма проявляет себя в Марокко. На эту страну, как свидетельствуют опубликованные в английской прессе документы, обращено его особое внимание. «Со времени войны (1914—1918 гг.— А. Е.),— говорится в одном из них,— Англия, Франция, Соединенные Штаты закрыли для нас все пути на Запад и Восток, но здесь, в Марокко, мы можем открыть новую дверь... к мусульманскому миру в Северной Африке и на Востоке».

Если в Марокко германский фашизм ищет «дверь» для своего проникновения в Африку в целях подготовки благоприятных позиций при переделе колониального мира, то Испания является для германского фашизма одним из политических плацдармов, опираясь на который он пытается подготовить наиболее благоприятные для себя условия развязывания войны в Европе. Во всяком случае, подрывная работа германского фашизма в Испании началась задолго до военно-фашистского мятежа генерала Франко.

Германская официальная дипломатическая и руководящая ею неофициальная фашистская агентура тем более хорошо знала о подготовлявшемся мятеже, что она сама принимала активное участие в его подготовке. Дело, однако, не ограничивалось деятельностью германских дипломатических агентов в Испании, которые, пользуясь дипломатической неприкосновенностью, плели и скрепляли нити фашистского заговора против республики. Один из крупнейших лидеров испанского фашизма генерал Санхурхо, являвшийся главным автором плана военно-фашистского мятежа, в течение долгого времени жил в Берлине, встре-

чался с руководящими работниками германской фашистской партии. Последние принимали участие в разработке планов восстания, причем посредником между германскими властями и испанскими заговорщиками выступал испанский военный атташе в Берлине. Незадолго до фашистского восстания крупный мадридский банкир Марч, составивший себе огромное состояние на контрабандной торговле, побывал в Гамбурге, где вел секретные переговоры с представителями германской фашистской партии. Эти переговоры касались не только организационных вопросов, связанных с подготовкой мятежа, но и субсидирования испанских фашистов. Любопытно, что генерал Франко, возглавивший мятеж после гибели генерала Санхурхо на лиссабонском аэродроме, получал субсидии именно через один из гамбургских банков. Наконец, известно, что в переговорах с генералом Франко, когда тот находился еще в Марокко, участвовал известный фашистский агент Шлеер, руководитель «Коричневого дома» в Париже.

Как только начался военно-фашистский мятеж в Испании, германское правительство под предлогом необходимости охраны жизни и собственности германских подданных отправило в испанские воды две эскадры военных кораблей. Из них одна эскадра была направлена к северному побережью Испании, а вторая крейсировала между Барселонной и гаванями марокканского побережья. Фашистская пресса в Германии подняла шумную кампанию по поводу пресловутой «руки Москвы» — кампанию, которая должна была служить дымовой завесой, прикрывающей германскую интервенцию против испанского народа. Для оправдания интервенции в пользу военно-фашистского мятежа германский фашизм пытался спровоцировать правительство Испанской Республики. Чтобы предотвратить это, испанское правительство официально заявило о готовности взять на себя полную ответственность за жизнь и собственность иностранцев, проживающих на территории, не занятой мятежниками. Фактически отклонив эту гарантию, германское правительство ответило посылкой новых военных кораблей к берегам Испании.

Появление германской эскадры имело не только демонстративный характер, — оно являлось прямым вмешательством в гражданскую войну, происходящую в Испании, и должно было оказать прямое содействие фашистским мятежникам. Это содействие приобретало различную форму. В одних случаях германские корабли прикрывали мятежников от обстрела со стороны испанского флота, оставшегося верным республиканскому правительству, в других случаях они прикрывали переброску мятежных отрядов из Марокко, — главной базы фашистского мятежа. Далее, это содействие германского флота выражалось в корректировке стрельбы артиллерии мятежников по проходящим кораблям республиканского флота и, наконец, в передаче мятежникам различных сведений о местоположении частей и кораблей правительства и всякой другой информации, которая помогает восставшим фашистским генералам ориентироваться в обстановке. Без активной помощи германской эскадры мятежники не могли бы перебросить свои силы из Марокко в метрополию, принимая во внимание, что флот в основном остался на стороне правительства.

3

Нет сомнения, что внезапный политический удар, нанесенный европейскому миру появлением германских эскадр в Бискайском заливе и в Средиземном море, а также открытая поддержка испанских мятежников оружием, боевыми припасами, самолетами и инструкторами — словом, военная интервенция германского фашизма в Испании преследует прежде всего политико-стратегические цели. Яростная атака против

Советского Союза, проводимая германской фашистской прессой в связи с испанскими событиями, является дополнительным доказательством этого факта. Нюрнбергский съезд германских фашистов в 1936 г. уделил много внимания событиям в Испании. Утверждение идеологов германского фашизма, что гражданская война в Испании является результатом мести евреям за политику короля Фердинанда и королевы Изабеллы, живших в XV в., рассчитано разве только на дураков и на участников нюрнбергского слета. Вся деятельность германского фашизма, тайная до начала мятежа и почти явная с момента его начала, свидетельствует о том, что германский фашизм стремится использовать гражданскую войну в Испании для проведения определенного политического плана. Германский фашизм стремится создать в фашистской Испании новый плацдарм для развязывания подготавливаемой им европейской войны. Если «прыжок» кайзеровской «Пантеры» в 1911 г. являлся выражением определенных политических и колониальных домогательств германского империализма тех времен, то прыжок фашистского «Леопарда» и других военных кораблей к берегам Испании и Марокко, осуществленный спустя четверть века является выражением попыток германского империализма продемонстрировать свою волю к переделу колониального мира и к захвату важнейших политико-стратегических позиций, а также стремления испытать силу и новые образцы германских вооружений на испанском плацдарме.

Появление вооруженных сил германского империализма на крайнем юго-западе европейского континента и на важнейших коммуникационных линиях, связывающих Атлантический океан со Средиземноморским бассейном, происходит в условиях, когда вся обстановка в этой части земного шара коренным образом изменилась.

В начале XX в. под угрозой быстро растущего германского флота и особенно угрожающего роста германских дредноутов английское адмиралтейство было вынуждено, заключив соглашение с Францией, взявшей на себя охрану средиземноморских коммуникаций, сконцентрировать большую часть своего флота в Северном море. Исход мировой войны 1914—1918 гг. и потопление германского флота в Скапа-Флоу дали возможность британскому адмиралтейству, возродив его старую традицию, снова сосредоточить в Средиземном море около половины своих морских сил. Первые годы после мировой империалистической войны прошли под знаком соперничества между Англией и Францией не только в Европе, но и на других континентах, омываемых Средиземным морем. В этой борьбе с Францией Англия имела возможность в течение ряда лет опираться на Италию и, во всяком случае, сотрудничать с ней. Быстрый рост армии, морских, а главное воздушных вооруженных сил итальянского империализма, начавшийся после прихода фашизма к власти, повлек за собой, однако, значительное изменение во всем соотношении сил на Средиземном море. Это нашло свое выражение в том, что итальянский фашизм, по мере роста его военной мощи еще более обуреваемый новыми колониальными вожделениями, начал войну против Эфиопии. Тем самым итальянский империализм, прикрыв свои позиции в Европе соглашением с Францией (от 7 января 1935 г.), начал вторгаться в ту сферу Восточной Африки, которую английский империализм в течение ряда десятилетий считал для себя крайне важной, в частности, с точки зрения охраны безопасности его позиций на путях от Египта к Индии. Недвусмысленно выраженная английская угроза в виде концентрации британского флота в Средиземном море впервые в истории эпохи империализма осталась безрезультатной. Итальянский фашизм, пользуясь разобщенностью тех капиталистических государств, которые на данном этапе заинтересованы в сохранении мира, почувствовал себя достаточно сильным и действовал достаточно нагло,

чтобы не отступить перед лицом английской угрозы. С другой стороны, английский империализм по ряду причин не решился привести свою угрозу в действие.

Одной из причин создавшегося положения было резкое изменение политико-стратегического соотношения сил в Средиземноморском бассейне в результате появления там сильного итальянского воздушного флота. Итальянская авиация сыграла большую роль в войне против Эфиопии. Вместе с тем, как отмечала европейская пресса, она сыграла роль и как сила, угрожающая сконцентрированному в Средиземном море английскому флоту.

Один из важнейших стратегических опорных пунктов английского флота в Средиземном море — Мальта — в связи с ростом военно-воздушных сил итальянского фашизма в известной мере потерял свое первоначальное значение. Мальта, как морская база, расположенная в самом центре Средиземного моря, находится слишком далеко от остальных английских баз на Востоке и на Западе и слишком близко к авиационным базам итальянского фашизма. Инспекционная поездка Хора по средиземноморским позициям и его заявление после этой поездки показывают, что британское адмиралтейство вовсе не думает сдавать свои позиции в столь важном опорном пункте, каким является Мальта, хотя последняя находится в пределах досягаемости итальянской бомбардировочной авиации. Принимая необходимые меры для усиления противовоздушной обороны Мальты, укрепляя все свои средиземноморские базы, Англия вместе с тем стремится обеспечить свои позиции в Средиземном море путем соглашения с некоторыми державами, прежде всего с Грецией и Югославией. Наряду с укреплением своих опорных стратегических пунктов в восточной части Средиземного моря, где наиболее реально нависла опасность экспансии итальянского фашизма, Англия имеет в Гибралтаре, у самого входа в Средиземное море, первоклассную крепость и морскую базу, судьба которой связана с расстановкой сил на средиземноморском плацдарме.

С этой точки зрения, в плане подготовки будущей войны, вмешательство итальянского и германского фашизма в борьбу военно-фашистских мятежников против испанского народа может повлечь за собой серьезные международно-политические и стратегические последствия. Еще в 20-х годах, когда итальянский фашизм подготовлял свою активную политику экспансии, Муссолини разрабатывал планы проникновения не только в восточную, но и в западную часть Средиземноморского бассейна. Так, между 1923 и 1926 гг. Муссолини неоднократно пытался использовать испанского диктатора Primo де Ривера, чтобы путем соглашения с ним получить морскую базу в одном из пунктов, имеющих важное стратегическое значение, в частности на Балеарских островах. В тот период планы итальянского фашизма были направлены главным образом против Франции. Если бы итальянскому фашизму удалось в какой-то степени укрепиться в стратегическом треугольнике — Балеарские острова, Картахена, Сеута, — а именно сюда в конечном счете клонились тогда широкие планы итальянского фашизма, — несомненно, это поставило бы Францию в очень невыгодное положение: ее связи с владениями в Африке находились бы уже в мирное время под постоянным контролем со стороны Италии и оказались бы разорванными ею во время войны. Разумеется, Франция приложила тогда большие усилия, чтобы подобные планы итальянского фашизма не получили своего осуществления. В результате активного противодействия, проведенного французской дипломатией в Мадриде, испанское правительство Primo де Ривера не пошло дальше подписания с Италией в августе 1926 г. договора об арбитраже.

Этот итало-испанский договор служил своего рода отправным пунк-

том к выступлению итальянского империализма по вопросу о Танжерском статуте, выступлению, являвшемуся выражением того факта, что итальянский империализм, наиболее активно проводя свою экспансию в восточной части Средиземноморского бассейна, не забывает также об укреплении своих позиций и в его западной части. В 1923 г., несмотря на ее протесты, Италия не была приглашена на конференцию держав — Англии, Франции и Испании — по вопросу о возобновлении Танжерского статута. В 1927 и 1928 гг., опираясь на возросшую морскую мощь, итальянский фашизм провел внушительные демонстрации своего флота и, при содействии и поддержке Англии, добился того, что в ходе переговоров, состоявшихся тогда в Париже, его требования были удовлетворены: Италия получила доступ к участию в управлении интернациональной Танжерской зоной, а также и к разрешению ряда других вопросов, связанных с Танжерским статутом.

После падения фашистской диктатуры Примо де Ривера в испанской внешней политике наметился известный перелом в смысле отхода от Италии и сближения с Францией. Итальянское фашистское правительство неизменно с большим вниманием следило за развитием политической борьбы в Испании. Во время и в особенности после войны с Эфиопией итальянский империализм снова стал проявлять оживленный интерес к Танжеру. Итальянский журнал «*Azione Coloniale*», являющийся рупором фашистского министерства колоний, вновь начал обсуждать вопрос о судьбе Танжера. А глава итальянской дипломатической миссии в Танжере Росси, одновременно являющийся членом Международной комиссии по управлению интернациональной зоной Танжера, довольно открыто стал помогать испанским мятежникам. Устроив с полицейских постов испанских чиновников, оставшихся верными правительству, Росси назначил итальянских фашистов, которые всячески облегчают деятельность агентов генерала Франко. Можно также предполагать, что Росси являлся вдохновителем «ультиматума» генерала Франко об уводе испанских правительственных военных кораблей из Танжера, откуда последние угрожали связям между Марокко и Испанией и, следовательно, затрудняли мятежным генералам переброску войск. Вместе с тем Росси превратил танжерский порт в базу военного снаряжения, поступающего для мятежников из Италии. «Италия,— пишет „*News Chronicle*“,— намерена утвердиться в Испанском Марокко. Тетуан стал базой для итальянских самолетов. Там находятся итальянские офицеры. Без всяких инцидентов Италия оказалась там, где хотела быть. Кто сможет ее удалить оттуда?»

О своих политических домогательствах итальянский империализм недвусмысленно заявил посылкой военных кораблей в испанские воды. Большие военно-морские силы Италии сконцентрированы в Палермо. Укрепленный остров Пантеллерия, находящийся посредине между Сицилией и северным берегом Африки, стал крупной военно-стратегической базой итальянского империализма. Активная поддержка, которую оказывает итальянский фашизм мятежникам в Испании, посылая им в огромном количестве самолеты, летчиков, военное снаряжение и т. д., указывает на то, что в связи с гражданской войной в Испании итальянский фашизм пытается провести свои планы экспансии в западной части Средиземноморского бассейна. Итальянский фашизм фактически оккупировал важнейший из Балеарских островов — остров Майорку, и управление этим островом сосредоточено в руках итальянского военного командования. Европейская пресса уже давно сообщала, что итальянский фашизм, поддерживающий испанских мятежников, требует уступки в свою пользу Балеарских островов. Это реальная угроза одной из главнейших военно-стратегических баз Англии — Гибралтару, господствующему над выходом из Средиземного моря в Атлантический океан. В условиях

того изменения в политико-стратегической ситуации, которое произошло в последние годы, захват итальянским фашизмом Балеарских островов (какова бы ни была форма этого захвата) может иметь большое значение и серьезные результаты. Не удивительно, что эти планы итальянского фашизма вызвали беспокойство и в политических кругах Франции.

4

Проводя свою политику активной помощи испанским мятежникам, итальянский фашизм с самого начала решил действовать рука об руку с германским фашизмом. Как указывает «Times», не приходится сомневаться в том, что между итальянским и германским фашизмом существует в связи с испанскими событиями если не формальный договор, то, во всяком случае, соглашение о совместных действиях. Почти одновременно в испанских водах появились и германские, и итальянские военные корабли. Одновременно германское и итальянское военно-морское командование осуществило нажим на испанское правительство, предъявляя последнему по всякому поводу и без всяких поводов всевозможные протесты, сопровождаемые недвусмысленными угрозами. Одновременно и в германской, и в итальянской прессе развернулась широкая политическая кампания против законного испанского правительства. Одновременно и в Германии, и в Италии начали раздаваться голоса о признании правительства военно-фашистских мятежников, сформировавшегося в Бургосе. Наконец, если в развертывании кампании лжи и клеветы по адресу Советского Союза инициатива принадлежала германскому фашизму, то вскоре можно было констатировать, что аналогичная кампания против Советского Союза началась и на страницах итальянской прессы. Этот тесный политический контакт, установившийся между итальянским и германским фашизмом по вопросу об интервенции в пользу испанских мятежников, был скреплен во время пребывания в Берлине итальянского министра пропаганды графа Альфиери.

Совместный характер политических акций германского и итальянского фашизма нашел свое выражение не только в методах интервенции в пользу испанских мятежников, но и в тех конкретных политических целях, которые преследуются германским и итальянским империализмом в связи с проводимой им политикой активного вмешательства. В иностранную прессу проникли сведения о переговорах между фашистскими интервентами, с одной стороны, и испанскими мятежниками — с другой. Сообщается, что если итальянский фашизм добивается укрепления на Балеарских островах, то германский фашизм стремится к овладению Канарскими островами, где, как указывалось выше, германская агентура проявляла значительную активность. Можно предполагать, что в зависимости от дальнейшего хода событий планы интервентов этим не ограничатся. Фашистские силы, стремящиеся к новой войне за передел мира, имеют в виду, воспользовавшись ими же разжигаемой гражданской войной в Испании, сделать попытку укрепиться и в других пунктах вокруг главнейших артерий, связывающих Англию и Францию с их колониальными империями в Африке. Как бы то ни было, обе фашистские державы, принимающие участие в интервенции против испанского народа, стремятся воспользоваться создавшейся обстановкой, чтобы «подползти» к новым опорным пунктам, которые должны сыграть значительную роль во время европейской войны.

Вынужденные формально присоединиться к международному соглашению о невмешательстве в испанские дела, германские и итальянские фашисты отнюдь не отказались от своей прежней политической линии. Для этого они решили использовать Португалию, которая превратилась в штаб-квартиру интервентов и в надежный тыл испанских мятежников.

В европейской прессе часто высказывается предположение о том, что фашистская диктатура, возглавляемая Салазаром, заинтересована в разгроме испанской демократии, ибо надеется, что в случае победы мятежников она укрепит реакционный режим в Португалии.

Планы фашистских держав, связанные с интервенцией в Испании, преследуют, однако, и другие цели. Утверждение фашистской диктатуры в Испании эти державы надеются использовать в целях укрепления своего преобладающего политического влияния на самом Пиренейском полуострове. Тем самым будет создана не только угроза важнейшей английским коммуникациям и морским базам, но и непосредственная угроза безопасности самой Франции. Появление фашистской диктатуры в Испании при условии укрепления там преобладающего политического влияния Италии, а еще более Германии привело бы к тому, что Франция в случае войны оказалась бы в значительно более стесненном положении, чем это было во время мировой войны 1914—1918 гг. Вместе с тем укрепление фашистской диктатуры в Испании может привести к тому, что фашистская реакция во Франции, несколько отброшенная назад, может поднять голову и попытаться перейти в наступление против рабочего класса и демократических завоеваний французского народа. Гитлер и его клика явно рассчитывают на усиление во Франции наиболее реакционных элементов, которые, предавая национальные интересы страны, будут стремиться к сговору с фашистской Германией.

Подготовив военно-фашистский мятеж в Испании, германский фашизм явно надеялся добиться такого положения, при котором Испания могла бы стать, во-первых, трамплином для осуществления его колониальных устремлений, во-вторых, политическим, а если понадобится, то и стратегическим плацдармом для будущей войны. Если бы германскому фашизму удалось перенести во Францию политические методы, применяемые им в Испании, это сразу значительно облегчило бы ему проведение военной агрессии в Европе. Германская фашистская пресса не скрывает своих расчетов, связанных с планами раскола Народного фронта во Франции.

Ожесточенная гражданская война, вспыхнувшая при поддержке германского и итальянского фашизма в Испании, имеет большое международное значение, выходящее далеко за пределы Пиренейского полуострова. Победа испанского фашизма означала бы, что фашистские агрессоры прошли еще один крупный этап на пути подготовки войны.

Интервенция фашистских государств в Испании является, таким образом, составной частью агрессивных планов организаторов новой войны, усилий государств-агрессоров создать новый политический и военный плацдарм, угрожающий миру в Европе. Без активной помощи фашистской Германии и фашистской Италии мятежники не рискнули бы открыть свои действия, так как они были бы явно обречены на провал. Без активной помощи Германии и Италии мятеж, опирающийся на жалкую кучку представителей феодальной и церковной реакции и финансовой олигархии, давно бы уже был подавлен законным правительством демократической Испании, опирающимся на широчайшие народные массы. Только активной помощью со стороны фашистской Германии и фашистской Италии можно объяснить тот факт, что техническое превосходство правительственных войск, на стороне которых осталась подавляющая часть испанской авиации и флота, сменилось значительным техническим превосходством мятежных войск, которые получают из-за границы современные самолеты, танки, тяжелую артиллерию и т. д. Активное вмешательство фашистской Германии и фашистской Италии и превращение Испанского Марокко в базу военного снабжения мятежников являются грубым нарушением международных

договоров. Активное вмешательство Германии и Италии продолжается и после подписания этими государствами в конце августа 1936 г. соглашения о невмешательстве. Факты такого вмешательства являются новым доказательством бесцеремонного и грубого попрания государствами-агрессорами международных обязательств, которые они лицемерно взяли на себя и которые рассматривают лишь как клочок бумаги

Активная интервенция фашистской Германии и фашистской Италии продемонстрировала, к чему ведет политика уступок и политика задабривания агрессора со стороны тех капиталистических государств, которые, во всяком случае на данном этапе, объективно не заинтересованы в развязывании новой войны. Соглашение о невмешательстве в испанские дела — плод колеблющейся и неустойчивой внешнеполитической линии французского правительства. Инициатором создания Комитета по невмешательству была английская дипломатия. Глава французского правительства Леон Блюм подхватил эту инициативу, и было решено, что именно ему, как лидеру социалистов, более удобно выступить официальным трубадуром невмешательства, чем лидеру консерваторов — английскому премьер-министру Болдуину. В основе английской политики лежали два мотива: во-первых, глубокая неприязнь к демократическим силам Испании и прежде всего к сложившемуся там Народному фронту, а во-вторых, — и это главное, — нежелание осложнять ту «большую игру» с гитлеровской Германией, которую она вела для того, чтобы направить ее экспансию против СССР².

Эта линия французского правительства была использована французской реакцией, которая, будучи вдохновленной фашистским мятежом в Испании, сама сделала ставку на развязывание гражданской войны во Франции. При этом французские фашисты, именующие себя «националистами», не останавливаются перед тем, чтобы помочь созданию в ближайшем тылу Франции, за Пиренеями, новой базы германской агрессии против Франции. Нет сомнения в том, что без санкции руководящих кругов английской буржуазии и Португалия не играла бы той роли, которую она играет в качестве ворот для интервенции крупных фашистских государств во внутренние дела испанского народа.

Советский Союз, выступая в защиту героического испанского народа, вместе с тем беспощадно разоблачил фашистских интервентов и снял маску с тех, кто решил, что под ширмой невмешательства можно продолжать интервенцию или помогать ей. Советский Союз поставил свою подпись под соглашением о невмешательстве, хотя и считал неправильным проведение принципа нейтралитета по отношению к законному испанскому правительству, борющемуся против мятежников. Он пошел на это только в интересах поддержания мира, а также потому, что учел настоятельную просьбу французского правительства. Вступая в Комитет по невмешательству, Советский Союз считал нужным попытаться в рамках Комитета ликвидировать или хотя бы сильно ограничить размеры германо-итальянской интервенции в Испании. Было ясно, что без активной военной помощи интервентов фашистский мятеж Франко будет быстро подавлен. Но когда выяснилось, что соглашение о невмешательстве — это только ширма, прикрывающая активную помощь фашистских государств испанским мятежникам, Советский Союз резко выступил с требованием немедленного уничтожения этой ширмы³.

² О дальнейшей политике Англии в испанском вопросе см. ниже: «Англия и „ось Берлин — Рим — Токио“».

³ Впоследствии, установив, что соглашение о невмешательстве, грубо нарушаемое гитлеровской Германией и фашистской Италией, превратилось в фарс, представитель СССР в Комитете посол И. М. Майский заявил, что Советское правительство не может считать себя связанным соглашением. Советский Союз стал снабжать Испанскую Республику оружием, боеприпасами и пр.

Испанский народ, выступивший с оружием в руках против фашистских мятежников, борется не только за свои демократические права, за свою свободу и национальную независимость, он борется также и против тех сил, которые готовят новую войну в Европе во имя империалистического передела мира. Своей кровью, проливаемой в борьбе против мятежников и против объединенной интервенции фашистских держав — Германии и Италии, героический испанский народ вписывает замечательную страницу в историю борьбы народов против фашизма, за мир и безопасность в Европе.

1936 г.

АНГЛИЯ

И «ОСЬ БЕРЛИН — РИМ — ТОКИО»

Каждый, кто сколько-нибудь внимательно следит за развитием событий международной жизни, может констатировать, что последние месяцы 1937 г. прошли под знаком новых и в достаточной мере значительных внешнеполитических сдвигов в капиталистическом мире. Анализ этих сдвигов затрудняется тем обстоятельством, что им сопутствует ряд более или менее сложных внешнеполитических маневров, предпринятых некоторыми буржуазно-демократическими государствами. В свою очередь одни из этих маневров являются косвенной реакцией или прямым ответом на новые акты фашистской агрессии, другие, может быть, определяются стремлением предупредить осуществление подготовляемых агрессивных актов, третьи диктуются желанием отвести, «канализировать» фашистскую агрессию. В совокупности все эти маневры являются продолжением той колеблющейся непоследовательной политики буржуазно-демократических государств, которая в итоге оказывается политикой попустительства агрессору, ослабляет систему коллективной безопасности и в конце концов наносит ущерб в первую очередь государствам, ведущим такую политику. Относительно некоторых из этих маневров можно поставить вопрос: не скрываются ли за ними новые внешнеполитические тенденции, которые отнюдь не соответствуют разрешению основной проблемы современной международной политической жизни — проблемы организации мира? Эта проблема становится все более острой и разрешение ее становится все более настоятельным, ибо фашистские державы проявляют особенную активность в организации блока военных агрессоров.

Несомненно, наиболее существенным фактом, лежащим в основе новых сдвигов и новых маневров на арене международной политики, является война, предпринятая японским империализмом против китайского народа. Эта война — новый крупнейший этап в серии «локализованных» войн на путях к всеобщей войне.

Послевоенная система международных отношений, расшатанная ударами мирового экономического кризиса, получила первую брешь в результате начавшейся в 1931 г. военной экспансии японского империализма, который, захватив при попустительстве капиталистических держав Маньчжурию, тем самым открыто встал на путь вооруженной борьбы за новый передел мира.

Огромное значение для положения дел в Европе, — и не только в Европе, — имеет приход в Германии к власти фашизма с его программой неслыханных вооружений и широкой экспансии в разных направлениях. Этот факт значительно усилил и приблизил опасность новой мировой войны.

За войной в Восточной Азии последовала война в Восточной Африке — война фашистской Италии против Эфиопии.

Стремясь облегчить западноевропейским державам сделку за счет Эфиопии, Муссолини неоднократно заверял, что после захвата этой страны фашистская Италия не будет иметь оснований для дальнейшего развертывания агрессии и даже перейдет в лагерь «удовлетворенных» держав. Однако последующие события показали, что фашизм, встав на путь военной агрессии, в дальнейшем развивает ее, так сказать, в геометрической прогрессии. Еще не было завершено итальянским фашизмом кровавое «умиротворение» Эфиопии, как им уже была предпринята, совместно с фашистской Германией и при помощи фашистской Португалии, война против испанского народа. Еще не закончив своей борьбы за создание колониальной империи на Красном море, фашистская Италия направила свой удар в западную часть Средиземноморского бассейна, подготавливая там совместно с германским фашизмом плацдарм для общеевропейской войны¹. Одновременно мероприятиями военного, политического и дипломатического характера Италия подготавливает почву для своей агрессии в центральной и восточной частях Средиземноморского бассейна.

Так, не встречая должного отпора со стороны крупнейших буржуазно-демократических держав, а в некоторых случаях пользуясь их сознательным попустительством и даже прямым покровительством, агрессоры непрерывно расширяют сферу своих захватов, стремятся координировать свою активность и разобщить силы, заинтересованные в мире.

Фашистская агрессия не имеет границ, если она не будет остановлена или предотвращена коллективными усилиями держав, заинтересованных в мире. Пламя империалистической войны обнаруживает свойство перебрасываться с одного участка земного шара на другой, пока оно не охватит весь мир, если очаги военной опасности не будут заранее и полностью изолированы.

Политическое сотрудничество между японской военщиной и германским фашизмом наметилось задолго до подписания пакта о «борьбе против Коминтерна», призванного прикрыть самый обыкновенный военный империалистический союз, созданный в целях взаимопомощи для агрессии. Точно так же фактическое сотрудничество между японской военщиной и итальянским фашизмом установилось еще до формального присоединения Италии к японо-германскому «пакту против Коминтерна». Опасное для всеобщего мира вращение вокруг «оси Берлин — Рим — Токио» усилило пламя военного пожара, прежде чем эта «ось», связывающая агрессию на Тихом океане с агрессией в Средиземноморском бассейне и в Центральной Европе, была формально закреплена в виде тройственного союза фашистско-милитаристских держав — Германии, Италии и Японии².

Нападение Японии на Китай сразу развеяло оживившиеся было в некоторых английских кругах надежды на восстановление если не союза, то во всяком случае «подлинно дружественных» отношений Англии с Японией. Правда, эти надежды, по крайней мере, их открытая пропаганда в части английской прессы, возможно, выражали собой стремление рассеять в Токио впечатление в связи с миссией сэра Лэйт-Росса в Китай, а также в связи с предоставлением Китаю кредитов и займов. Возможно также, что этими переговорами Англия пыталась прощупать японские планы относительно Китая и дипломатически задержать осуществление этих планов.

Как свидетельствует иностранная пресса, японская агрессия вызвала в некоторых кругах лондонского Сити, еще столь недавно охваченных радужными надеждами относительно перспектив англо-японской «друж-

¹ См. выше: «Борьба фашистских держав за испанский плацдарм».

² См. ниже: «Германский милитаризм и агрессивные блоки».

бы», значительное разочарование. Но несомненно и то, что среди некоторой части английской буржуазии еще живы традиции старого англо-японского союза. И именно из этих кругов в первую очередь исходят планы «канализации» японской агрессии на Север.

В самом начале японо-китайской войны Советский Союз, подписав пакт о ненападении с Китаем, продемонстрировал свою верность принципам коллективной безопасности и всеобщего мира. Если в некоторой части политических кругов Англии политика мира, проводимая Советским Союзом, находит свое признание, то другие, довольно значительные, круги консервативной буржуазии, несмотря на удары, уже теперь наносимые Англии японской агрессией, больше всего опасаются, чтобы Япония в связи с ослаблением в войне против Китая не утратила своего значения как фактор антисоветской политики на Дальнем Востоке. Разумеется, эти антисоветские тенденции влиятельных кругов английской буржуазии отнюдь не способствуют внесению ясности и последовательности в британскую политику на Дальнем Востоке и в других зонах, где делу мира грозит опасность со стороны фашистских агрессоров. Разумеется, также, что политика Англии на Дальнем Востоке и, в частности, отношение Англии к японскому агрессору находятся в определенной взаимозависимости с политикой Англии и с ее отношением к другим участникам «оси Берлин — Рим — Токио», а следовательно, с ее политикой на других театрах — в Европе и в бассейне Средиземного моря.

Все это порождает некоторые новые тенденции в развитии британской внешней политики. Эти тенденции еще порой весьма трудно уловимы, ибо они как бы перекрываются различного рода маневрами, имеющими только тактическое значение. Но и эти маневры, если они часто повторяются, в конце концов приводят к известным объективным результатам, на которые те же основные политические тенденции накладывают свою печать.

В политической литературе все чаще говорится о переломном состоянии британской внешней политики. «Проводит ли Британия новую внешнюю политику?» — ставит вопрос серьезный и влиятельный орган английских консервативных политических кругов³. Анализируя новую международную ситуацию и вместе с тем позицию Англии в новой обстановке, этот орган исходит из того, что послевоенная Великобритания всегда рассматривала систему коллективной безопасности, основанную на Статуте Лиги наций, не столько как реальный политический принцип, сколько лишь как политический идеал мирного сожительства народов. И все же он готов признать наличие «новых неопределенностей в британской внешней политике», косвенно признавая также, что позиция Великобритании на международной арене претерпела и претерпевает значительные изменения.

Добившись победы в мировой войне 1914—1918 гг., Англия в конечном итоге оказалась перед своим собственным историческим просчетом. В результате войны Англия получила значительные колониальные приращения, но это отнюдь не компенсировало существенного умаления основных факторов британского могущества. Теперь уже не приходится говорить о промышленной гегемонии Англии. Выросшая в огромной степени промышленность США, а также, правда в меньшей степени, рост промышленности в других капиталистических странах, — все это сдвинуло Англию с того места, которое она в данном отношении занимала в мире в течение довольно большого исторического периода. Продолжая занимать весьма выдающееся место в мире в качестве денежного рынка, Англия и здесь не без труда сохраняет свои позиции и вынуждена считаться с возрастающей ролью США. Англии все в боль-

³ «Round Table», Sept. 1937, p. 709.

шей степени приходится считаться с самостоятельными интересами и возрастающей экономической и политической ролью доминионов.

Наконец, в известной мере ослаблен один из основных элементов мирового могущества Англии — ее военно-морская мощь. Вряд ли можно сомневаться, что, несмотря на паритет с американским флотом, установленный на Вашингтонской конференции в 1922 г., английский флот все еще является самым мощным флотом в мире как по количественным, так и по качественным показателям. Однако несомненно также, что процесс уменьшения степени мирового превосходства английского флота, начавшийся еще перед первой мировой войной, в течение всего послевоенного периода усиливается. Теперь уже не может быть и речи о сохранении Англией принципа *two power standard*. В послевоенное время Англии приходится считаться с огромным ростом не только американского, но и японского, итальянского, а в последнее время и германского флота. Разорвав Вашингтонский договор, Япония развязала себе руки не только для проведения агрессии на Дальнем Востоке, но и для борьбы за дальнейшее усиление ее флота на Тихом океане. Фашистская Италия, стремящаяся к превращению Средиземного моря в «итальянское озеро», затрачивает огромные средства и усилия на увеличение своего флота. Фашистская Германия также занимается строительством большого флота, особенно обращая внимание на рост своего подводного флота, оказавшегося в годы мировой войны чрезвычайно острым оружием борьбы против английской «владычицы морей». В 1935 г. фашистская Германия добилась в Лондоне соглашения, предоставляющего для ее флота 35% общего тоннажа военно-морских сил Британской империи и устанавливающего в принципе равенство ее подводного флота по отношению ко всему подводному флоту Англии.

Разумеется, ни один из флотов фашистских агрессивных держав, отдельно взятый, не может противостоять английскому флоту, однако при одновременности действий этих флотов, сконцентрированных на Тихом океане, в Средиземном или Северном морях, участники «оси Берлин — Рим — Токио» могут заставить Англию разбросать ее флот и тем самым создать угрозу ее коммуникациям и заморским владениям и ослабить ее позиции мировой державы. Когда по случаю подписания Римского «пакта против Коминтерна» итальянская пресса писала, что новый тройственный союз сможет выставить флот в 2 млн. т, то за этой фанфаронадой все же скрывался определенный политический расчет, показывающий, куда этот союз нацеливается. Следует добавить, что по сравнению с периодом, предшествующим началу мировой войны 1914—1918 гг., положение Англии усложняется тем, что в огромной степени возросла роль военной авиации, на развитие которой агрессоры обращают особенно большое внимание. Между тем Англия только в последнее время приступила к созданию крупного воздушного флота, что само по себе является выражением серьезных опасений, охвативших Англию в связи с ростом вооружений агрессивных держав, в частности фашистской Германии. По циничному, но откровенному признанию «Round Table», никто не знает, в какой большой степени фашистская Германия обязана Англии тем, что Германии удалось поднять свои вооружения до современного уровня. Англия же начинает расплачиваться не только выполнением небывалой в ее истории программой вооружений, но и потерей крупных позиций, прежде всего на Дальнем Востоке. Будущее чревато еще более серьезными опасениями, к устранению которых и направлена политика английского правительства. Но какими путями и методами может быть сохранена Британская империя?

Некоторые голоса, раздающиеся в Лондоне и призывающие «уйти» с Дальнего Востока, чтобы, вернувшись к политике «изоляции», спасти Британскую империю от столкновения, заглушаются голосами тех про-

мышленных, финансовых и торговых кругов, непосредственным интересам которых наносит удар за ударом японская агрессия в Китае. Несомненно, даже немногочисленные сторонники «ухода» из Китая должны признать, что за этим актом последовало бы огромное падение престижа Англии не только на Дальнем Востоке, но и во всем мире. К тому же, кто может дать гарантию, что японский империализм, почерпнув силы в самом факте отступления Англии, не предпримет новую авантюру, нарушив предлагаемую политику «изоляции» вторжением непосредственно во владения Британской империи? Ясно, что английское правительство, все еще не решающееся занять твердую позицию по отношению к японскому агрессору, не может следовать и за сторонниками полной «изоляции».

События идут в чрезвычайно быстром темпе,— в течение нескольких месяцев японская военщина создала новую ситуацию на Дальнем Востоке, в частности, нанеся серьезный удар исторически сложившимся там интересам английского капитализма. И все же до сих пор Англия не решилась даже на серьезную военно-морскую демонстрацию на Тихом океане. Дело ограничивается пока тем, что английская руководящая пресса во главе с «Times» убеждает Соединенные Штаты, что их интересы на Тихом океане затронуты Японией в гораздо большей степени, нежели интересы Великобритании, и что поэтому американцам рекомендуется взять инициативу в свои руки для проведения антияпонской морской демонстрации. Хотя Англия и имеет некоторые интересы на Тихом океане, однако ее нельзя считать тихоокеанской державой,— писал почтенный «Times». Небывалые слова, свидетельствующие о серьезных затруднениях, переживаемых правящими кругами Англии!

Конечно, многие в Лондоне не скрывают своих мечтаний о том, чтобы отвести японскую агрессию на Север, т. е. против Советского Союза. Подобные планы переплетаются с опасениями, что в случае истощения японского империализма в борьбе против национального движения в Китае победа последнего поднимет на новую ступень и без того возросшее после войны 1914—1918 гг. национально-освободительное движение в колониях. Хотя ясно, что корни этого движения заложены в экономическом и политическом положении народных масс колониального мира, некоторые влиятельные круги английской буржуазии усматривают в нем «руку Москвы» и этим мотивируют антисоветские устремления своей политики. Между тем совершенно очевидно, что затруднениями Англии пользуются фашистские агрессоры, которые, не жалея средств и не брезгуя никакими методами, систематически ведут подрывную работу в странах, имеющих для Англии особое экономическое, политическое и стратегическое значение.

Так, например, на Дальнем Востоке можно отметить усиление японского влияния в Сиаме, создающего угрозу британской колонии Индии и французской колонии Индокитаю. Известны происки итальянского фашизма в странах арабского Востока — происки, направленные прежде всего против Англии. Итальянская активность особенно остро сказывается в Египте, в Судане и в Палестине. Наблюдающаяся в последнее время переброска итальянской армии в Ливию и усиленное строительство там военных дорог связаны, несомненно, с планами подготовки удара против Египта. Одновременно это создает угрозу и французским позициям в Тунисе. Не меньшую угрозу составляет высадка фашистской Италией десанта на Балеарских островах, несмотря на то, что самый важный в стратегическом отношении остров этой группы — Минорка — остается в руках республиканской Испании. Отсюда фашистская Италия стремится установить контроль как над коммуникациями, соединяющими Францию с ее колониальными владениями в Африке, так и над системой английских коммуникаций, охраняемых Гиб-

ралтаром. Что касается происков германского фашизма, то и они, не ограничиваясь Канарскими островами и островом Мадейра, имеющими большое стратегическое значение, дошли до геркулесовых столпов в подлинном, географическом смысле этого выражения, т. е. до Гибралтара: фашистская Германия стремится закрепить свое влияние в Иберийском Марокко, проводит оттуда подрывную работу во Французском Марокко, воздвигает укрепления и устанавливает тяжелую артиллерию, угрожающую Гибралтару и важнейшим английским и французским коммуникациям, связующим Атлантический океан со Средиземным морем ⁴.

Таким образом, не прошло и двух десятилетий по окончании мировой войны, которая принесла Англии расширение ее колониальных владений (но результаты которой вместе с тем принесли ей новые, возросшие трудности), как снова, и притом в менее благоприятной для нее обстановке, против Англии выступают ее империалистические противники. Среди них старый, исторический враг Англии — империалистическая Германия, выступающая ныне, вследствие господства в ней фашизма, с особенной агрессивностью. Среди них — два бывших союзника Англии — Япония и Италия, которые и после войны вскармливались английской экономической, финансовой и политической помощью.

Эти три агрессивные державы объединились во имя борьбы за новый империалистический передел мира. Особенную ненависть они питают к Стране Советов; у двух из них — фашистской Германии и милитаристской Японии — ненависть к Стране социализма, к оплоту всеобщего мира помножается на вождения к империалистическим захватам за счет Советского Союза. Но все участники «оси Берлин — Рим — Токио» не отказываются произвести передел мира — а частично уже осуществляют его — и за счет капиталистических держав, в частности за счет владений Великобритании. В создавшейся обстановке поиски новых внешнеполитических путей оказываются для Англии значительно более сложным вопросом, нежели в конце XIX и в самом начале XX столетия, когда она начала отходить от своей политики «блестящего одиночества» к политике союзов. Теперь международная обстановка для Англии стала значительно более сложной, а база для маневрирования стала более ограниченной. Теперь английской политике приходится иметь дело не с такими противниками, которые готовы вести войну между собой, а с такими, которые при наличии между ними противоречий все же объединились для взаимной поддержки во имя вооруженной борьбы за новый передел мира в свою пользу.

При этом образовавшийся блок агрессивных фашистских держав стремится укрепить свои международные позиции и расширить свое влияние. В Португалии, где экономические позиции Англии являются доминирующими, несомненно усилилось политическое влияние Италии и Германии. Нечего и говорить, что в Испании генерал Франко служит креатурой и опорой своих итальянских и германских «союзников». В некоторых других малых странах Европы фашистские агрессоры пытаются утвердить свое преобладающее влияние, а некоторых из них (например, королевскую Югославию) стремятся подцепить на свою «ось».

⁴ В связи с запросом Ллойд Джорджа в палате общин консервативное правительство пыталось отрицать значение этого факта. Для ответа на вопрос со скамьи консерваторов встал адмирал Кийс, засвидетельствовавший под аплодисменты правительственного большинства, что артиллерия на африканском берегу Гибралтара не может угрожать британскому флоту. Однако на повторные и в упор поставленные вопросы все еще «неистового» Ллойд Джорджа адмирал должен был констатировать, что безопасность флота может быть полностью гарантирована, если флот будет проходить темной ночью, а днем — при дымовой завесе. «Я полностью удовлетворен, — саркастически заметил Ллойд Джордж. — Британский флот, пробирающийся через Гибралтар под покровом ночи или под прикрытием дымовой завесы! Какое величественное зрелище!» После этой реплики никто, ни со стороны правительства, ни со стороны правительственной партии, не решился более оспаривать наличие угрозы.

Военный блок фашистских держав явно стремится к расширению. Можно ли удивляться, что в тех кругах английского общественного мнения, которые не разделяют, частично или полностью, внешнеполитический курс кабинета Невилля Чемберлена, не скрывают свою тревогу по поводу образования «оси Берлин—Рим—Токио»? Эта тревога исходит из понимания природы и целей нового фашистского тройственного союза.

«Фашистские державы,—пишет еженедельник „Time and Tide“,—объединились и подписали так называемый антикоминтерновский пакт. Все три державы отнюдь не объединились просто для борьбы с опасностью коммунизма. Намерены ли они пойти войной на Советский Союз? Возможно, если бы им представился такой случай. Но пакт... в основном имеет другие цели. Русские, конечно, правы, рассматривая этот пакт как опасность для них самих. Но этот пакт прежде всего является угрозой для Британской империи... Для Японии война против СССР трудна,—продолжает свои размышления английский журнал.—Завоевание Китая также сопряжено с большими трудностями. Наиболее легким направлением для Японии является южное — на Аннам и Голландскую Восточную Индию. Но здесь на пути Японии стоит Великобритания... Что мешает германскому нападению на Францию с целью низведения ее на положение полного бессилия и превращения Германии в господина на европейском континенте? Великобритания. Что препятствует Муссолини создать вторую Римскую империю со Средиземным морем в качестве ее озера? Великобритания. Без Великобритании Франция оказалась бы бессильной против Германии и была бы не в состоянии защищать свои интересы на Средиземном море».

Было бы напрасным трудом искать в руководящей консервативной и околоправительственной прессе подобные оценки международного политического значения тройственного блока фашистских держав. Правительственные круги явно предпочитают сознательно закрывать глаза на происходящие сдвиги на международной арене, чтобы тем легче провести намечаемые ими внешнеполитические маневры. В своих выступлениях, состоявшихся тотчас же после опубликования Римского пакта, премьер Невиль Чемберлен обошел этот факт почти полным молчанием. Близкая к правительству «Times» явно пытается создать впечатление, что ничего, собственно, не изменилось, что Римский пакт является не более чем «политической демонстрацией». И все же даже «Times» вынужден, как бы сквозь зубы, сказать, что эта демонстрация, «можно предполагать, в данный момент заключается в перестраховке Японии и Италии в связи с их действиями в Китае и Испании». Фашистская Германия, таким образом, вовсе выпала и, как мы увидим, выпала не случайно. «В заключение,—утешает себя „Times“,—тройственный фашистский союз будет тем, чем события его сделают». Прошло более месяца после подписания Римского пакта, а «Round Table» (в декабрьском номере за 1937 г.) все еще повторяет эту «утешительную» оценку — блок фашистских агрессоров не является военным блоком. Тем не менее не только в оппозиционных, но и в консервативных кругах, как это видно и из прессы различных направлений, усиливается тревога, которую едва удастся скрыть представителям правительственного Олимпа. Не чувствуя себя связанными партийной дисциплиной, старые парламентарии и знаменитые ораторы — либерал Д. Ллойд Джордж и консерватор У. Черчилль в своих нападках на правительственную политику топтания на месте в вопросах внешней политики в резкой форме передают по существу довольно широко распространенное мнение, что перед лицом опасности миру необходимо начать действовать. «Сигнал из Рима должен побудить... подумать о том, что пришло время для поворота», — пишет старый либеральный орган «Economist». Аналогичные требования раздаются и из крайне правого лагеря консерваторов: рупор этого

лагеря Гарвин констатирует глубокий кризис британской внешней политики. Однако дальше этой констатации единство взглядов различных групп английской буржуазии не идет. Дальше открывается арена ожесточенной внутренней борьбы, в которой находят свое проявление противоречивые интересы, тенденции и настроения.

В связи с новым этапом японской агрессии и в связи с образованием тройственного блока фашистских держав внутренняя борьба в Англии разгорелась с новой силой. В политической прессе это отражается усиливающимся разбоем. Тот же «Round Table», в течение долгого времени упорно отстаивавший идею соглашения с фашистской Германией, теперь в связи с японской агрессией на Дальнем Востоке призывает во что бы то ни стало добиться союза с Соединенными Штатами. Оппозиционная пресса, либеральная и лейбористская, отчасти требует более решительного поворота к системе коллективной безопасности, но, главным образом, требует соглашения с Соединенными Штатами и укрепления отношений с Францией. Правительственные круги и близкая им пресса не очень склонны распространяться о международном (в частности, для Англии) значении блока агрессивных держав. Это замалчивание соответствует стремлению избегать ясной постановки вопроса о позиции Англии в происходящей размежевке сил, организующих войну, и сил, борющихся за мир. Оно соответствует также тенденции английской дипломатии не связывать себе руки для новых маневров. Пока же правительственная пресса при, по меньшей мере, непротивленческой позиции оппозиционной печати ставит во главу угла вопрос о том, что все должно быть подчинено выполнению намеченной огромной программы сухопутных, морских и воздушных вооружений. Через 18 месяцев, обещает министр по координации Инскип, соотношение военных сил решительно изменится в пользу Англии. Однако политика выжидания встречает все более резкую критику. «Одни только вооружения,— пишет, например, Гарвин,— не могут сами по себе создать равновесия сил и обеспечить нашу безопасность до тех пор, пока наша дипломатия не будет коренным образом реформирована». И в качестве панацеи от всех настоящих и будущих зол, выпадающих на долю Англии, Гарвин выставляет свое старое требование — соглашение с Гитлером.

В последнее время эта тенденция начинает звучать еще явственнее и сильнее, чем раньше. Ее носителями является сравнительно небольшая, но довольно влиятельная группа консерваторов и либералов. Сюда входят известная семья Астор, владельцы «Times» (салон леди Астор — один из центров германофильствующих и профашистских элементов Лондона), иностранная редакция «Times», лорды Лондондерри, Лотиан и др. В правительстве эта группа представлена довольно внушительно: лорд Галифакс, сэр Джон Саймон, отчасти сэр Сэмюэль Хор и пока не так открыто — премьер Невиль Чемберлен. В связи с обострением японской агрессии на Дальнем Востоке намечилось некоторое усиление тенденций в сторону переговоров с фашистской Германией о двустороннем соглашении. Прикрытием для проведения этих тенденций является обычная и распространенная в Англии аргументация, которая сводится к тому, что опасности, которые встают перед Англией в связи с созданием японо-германо-итальянского блока, можно уменьшить или даже отвести путем двусторонних соглашений с каждым из участников этого блока или, во всяком случае, с тем из них, с кем легче договориться и кто представляет меньшую угрозу.

Опыт последних лет показал, что попытки Англии удовлетворить захватнические, и притом угрожающие ей самой, вождедения агрессивных держав за чужой счет, за счет других государств, отнюдь не увенчались успехом. Наоборот, эти попытки стимулировали дальнейший рост агрессии. Таков был результат английских попыток договориться в 1931 г.

с Японией за счет Китая с целью направить японскую агрессию против Советского Союза. Таков был результат английских попыток «укротить» фашистскую Германию, предоставляя ей «равенство» в вооружениях, а затем благоприятной для германского фашизма позиции в вопросе о возвращении Германии Саарской области и ремилитаризации Рейнской зоны и одностороннем расторжении Локарнского пакта. Таков был результат английских попыток договориться с фашистской Италией за счет раздела Эфиопии. Таков был результат английской политики «невмешательства» в испанском вопросе. Тем не менее и после создания «оси Берлин — Рим — Токио» эти попытки продолжают: если раньше Англия усматривала в этом метод предотвращения создания «оси», то теперь она усматривает в этом метод ослабления «оси», угрожающей миру и не в последнюю очередь самой Англии.

Два момента способствуют тому, что те элементы в Англии, которые ищут соглашений с европейскими агрессорами — поочередно с фашистской Италией и фашистской Германией, — оказывают довольно значительное влияние на внешнюю политику правительства. Следует иметь в виду, во-первых, стремление консервативного лагеря и части примыкающих к нему либералов прежде всего и главным образом выиграть время для завершения программы вооружений. Выполнение этой программы даст не только значительный количественный рост британского флота, британской авиации и отчасти сухопутной армии, но и предоставит преимущество в том отношении, что Англия выполнит эту программу на основе самых новейших военно-технических достижений. Таким образом, правительство каждую свою попытку соглашения с фашистскими агрессорами стремится представить, с одной стороны, как шаг, отодвигающий войну, а с другой стороны, как действие, укрепляющее обороноспособность страны. Во-вторых, в основе попыток договориться с агрессорами в Европе лежит стремление развязать себе руки, хотя бы временно, для повышения активности на Дальнем Востоке. На современном этапе, по-видимому, нет основы для соглашения Англии с Японией. Японский империализм слишком решительно вытесняет Англию и США из Китая, чтобы идти теперь на какое-нибудь соглашение, которое ограничивало бы его претензии. С другой стороны, Япония слишком завязла в Китае, и китайский народ настолько решительно встал на борьбу за свою независимость, что немисливо допустить в настоящих условиях возможность какой-нибудь англо-японской сделки за счет Китая. Крах германских попыток «посредничества» между Японией и Китаем в этом отношении весьма показателен. В таких условиях британское правительство стремится политическими и дипломатическими маневрами, выжидая дальнейшего хода событий, укрепить свои позиции по отношению к Японии. С этого трамплина могут более активно действовать те элементы британской буржуазии, которые добиваются соглашения с агрессорами в Европе — с Германией и Италией.

Тенденции в сторону соглашения с итальянским фашизмом уже давно наблюдались в политике кабинета Невилля Чемберлена. Размах японской агрессии на Дальнем Востоке, выдвинувший перед лондонским правительством вопрос о переброске на Тихий океан военно-морских подкреплений, способствовал усилению этих тенденций. Насколько можно судить по прессе, во время англо-итальянских дипломатических переговоров в Риме с английской стороны выдвигались следующие предложения: 1) прекращение Италией антианглийской пропаганды в Египте и Палестине, 2) уменьшение итальянских гарнизонов в Ливии, 3) устранение пограничных инцидентов, имеющих место в африканских владениях Англии и Италии, 4) обеспечение Италией свободы мореплавания в Средиземном море, 5) в качестве компенсации Англия готова была признать захват Италией Эфиопии. Почти одновременно в Лондоне

итальянский банкир Вольпи вел переговоры о получении займа. Эти переговоры и в Риме, и в Лондоне окончились неудачно. Однако нет оснований предполагать, что эти переговоры были прерваны окончательно. Несомненно, попытка договориться с фашистской Италией связана и с позицией Англии в испанском вопросе. Во всяком случае, формальное полупризнание Англией генерала Франко (назначение в Саламанку дипломатического агента Ходжсона) бросает свет на всю тактику «невмешательства» Англии в испанские дела.

Этот вопрос, однако, имеет два аспекта. Первый заключается в том, что реакционная английская буржуазия, всегда сочувствовавшая генералу Франко, сочла теперь момент подходящим для того, чтобы, не разрывая с Испанской Республикой, окончательно перестраховаться на случай не только ожидаемой, но и желаемой ею победы мятежников над испанским народом. Совершенно ясно, что руководящие круги Англии стремятся к тому, чтобы «покончить» с «испанским вопросом». Это находит свое частичное отражение в повышенной активности английской дипломатии в деле «посредничества» между испанским правительством и фашистскими мятежниками. А с этим связан второй аспект, который заключается в том, чтобы, пользуясь финансово-экономическими затруднениями Франко, попытаться прибрать его к своим рукам, постепенно вытесняя политическое влияние его хозяев, прежде всего итальянских, которые сами завязли в испанской войне и которые переживают значительные внутреннеполитические и финансово-экономические затруднения⁵.

Наконец, наиболее значительным фактом в конце 1937 г., свидетельствующим об усилении в английской политике тенденций к соглашению с фашистской Германией, является поездка лорда Галифакса в Берлин и Берхтесгаден. Задуманные еще раньше — не только втайне от широкого общественного мнения, но даже за спиной некоторой части самого английского кабинета, — переговоры с фашистской Германией рассматривались английскими инициаторами как открытие путей для самого широкого урегулирования вопросов, разделяющих Англию и Германию. Буржуазная пресса, не без преувеличений, оценивала эти переговоры, как самые крупные со времени окончания мировой войны. Содержание этих переговоров известно лишь в общих чертах. Предоставление Германии свободы рук по отношению к Австрии, а также и Чехословакии, расторжение Францией договора о взаимопомощи с Советским Союзом, заключение нового западного пакта, по существу гарантирующего невмешательство западных держав в случае германской агрессии на Восток и Юго-Восток Европы, наконец, предоставление Германии колоний, — та-

⁵ Сноп света на английскую позицию в испанском вопросе бросает речь Идена, произнесенная в начале ноября 1937 г. «Имеются люди, — заявил он, — которые убеждены в том, что в случае победы восставших сил Испания будет вовлечена в активный союз по вопросам внешней политики, направленный против Англии. Этого мнения я не разделяю [одобрение на правительственных скамьях]. Так же, как и оппозиция, мы осознаем опасность; однако имеются факторы, которые действуют в обратном направлении, — факторы экономического и географического порядка. Англия — все еще самая сильная морская держава в Европе, и я выражаю веру в то, что она таковой же и останется. Это обстоятельство не может не оказать влияния, поскольку известно, что по вопросу о нарушении территориальной неприкосновенности и политической независимости Испании мы не имеем никаких намерений и никаких задних мыслей, — ни прямо, ни косвенно. Испанцы это знают очень хорошо. Они знают также, что британские военные материалы не вызвали смерть ни одного испанца, ни у одной из обеих борющихся сторон [одобрение]. Я уверен, что эти обстоятельства в будущем будут иметь свое значение. Поэтому я не согласен с теми, кто утверждает, что после победы испанских инсургентов неизбежно должно прийти в Испанию правительство, настроенное против Англии. Мы поэтому хотим жить в полной дружбе с Испанией, совершенно независимо от исхода теперешнего конфликта [одобрение на правительственных скамьях]. Я уверен, что при любых обстоятельствах Испания будет разделять наше пожелание» («Тimes», 2 ноября 1937 г.).

кова частичная программа, предложенная германским фашистским правительством лорду Галифаксу. Программа «умиротворения» фашистской Германии, развернутая в более «умеренной» форме Гитлером, а еще более широко и нагло изложенная его политическим окружением, несколько отпугнула даже реакционные профашистские круги английской буржуазии. Однако активность этих кругов вовсе не прекратилась. В английской печати раздаются громкие голоса, призывающие правительство идти на максимально возможные уступки, чтобы добиться соглашения с фашистской Германией. Правая реакционная пресса доходит до того, что требует предоставления Германии возможности захватить Австрию и расчленив Чехословакию. Она требует от Франции отказа от выполнения ею своих международных обязательств на Востоке и Юго-Востоке Европы. Она требует полного выхода из Статута Лиги наций в смысле отмены тех статей, которые предусматривают коллективный отпор агрессору. Словом, она требует соглашения с фашистской Германией ценой различных уступок. Так далеко руководящие круги британской политики еще не идут. Однако влияние германофильствующих элементов, действующих под прикрытием указаний на большую опасность, надвигающуюся с Дальнего Востока, несомненно в последнее время усиливается. Впервые рупор английского правительства — «Times» заговорил по вопросу об Австрии и о судетских немцах как о части неразрешенного вопроса национального объединения Германии. Это соскальзывание на путь гитлеровской аргументации и политической фразеологии является выражением двух моментов: во-первых, поисков к соглашению с фашистской Германией и, во-вторых, стремления вбить в Центральной Европе политический клин между фашистской Германией и ее союзницей — фашистской Италией.

Таким образом, в условиях огромной опасности, надвинувшейся на дальневосточные позиции Великобритании в связи с развитием японской агрессии и особенно после оформления тройственной «оси Берлин — Рим — Токио», политика Англии на современном этапе обнаруживает тенденции дальнейшего соскальзывания с пути организации коллективной безопасности на путь сепаратных переговоров и двусторонних соглашений с каждым из участников «оси».

Ненависть широких масс английского народа к фашистским агрессорам английское правительство стремится использовать для проведения программы вооружений. Ненависть широких масс английского народа к войне английское правительство стремится использовать для проведения своей политики уступок агрессору, как метода умиротворения агрессора. Но в основном эта политика, полная противоречий, шатаний и маневров, складывается в результате борьбы различных групп английской буржуазии. То, что на данном историческом этапе объединяет все эти группы, проявляется лишь в одном, отнюдь немаловажном моменте, — в стремлении завершить программу вооружений. С этим неразрывно связана английская тактика в области внешней политики, направленная прежде всего на то, чтобы многочисленными различными маневрами выиграть время. Тактика английской дипломатии сводится к попыткам договориться путем некоторых уступок, конечно, за чужой счет, с каждым из военных агрессоров порознь. Тем самым предполагается усилить внутренние противоречия, существующие в фашистской «оси Берлин — Рим — Токио», ослабить эту «ось» и по возможности ее расколоть.

На этот путь — путь соскальзывания с принципов всеобщей международной безопасности и коллективной организации мира к двусторонним сделкам с агрессором — Англия постепенно подталкивает и Францию, тесному сотрудничеству с которой в Лондоне придают первостепенное значение. Некоторые факты (встреча Ивона Дельбоса с Нейратом в Берлине, его поездка в Варшаву, Бухарест, Белград и Прагу, франко-гер-

манские переговоры о «культурном соглашении», поездка Фландена в Берлин) означают, что такое соскальзывание происходит и во внешней политике Франции.

Все это, однако, отнюдь не свидетельствует о благоприятных перспективах подобной внешней политики ни для Франции, ни для Англии с точки зрения обеспечения мира. Позиция Англии по отношению к фашистским агрессорам на современном этапе скорее свидетельствует об углублении давно наметившегося кризиса английской внешней политики. Бесконечные поиски нового «равновесия» на основе признания «совершившихся фактов» фашистской агрессии, колебания и уступки по отношению к агрессорам, балансирование между силами, заинтересованными в мире, и силами, организующими войну,— таково теперь единственное выражение прославленного английского «реализма». Политика «свободы рук» Англии в современной обстановке оказывается политикой, предоставляющей «свободу рук» военным агрессорам.

По сравнению с периодом, предшествующим первой мировой войне, изменилось соотношение сил на мировой арене, изменилось и положение Англии. Современный кризис британской внешней политики поэтому более глубок и серьезен и для самой Англии, и для всеобщего мира. Несомненно одно: если Англия и дальше будет держать курс на самоизоляцию от коллективной организации всеобщего мира, она этим только ускорит начало второй мировой войны. Кто сеет ветер — пожнет бурю.

1938 г.

ИЗ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПРЕДЫСТОРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Существуют исторические даты, отмечая которые народы вправе исполниться гордости за свое прошлое, вправе почерпнуть в нем веру в свой неистощимый разум и творческие силы. Эти знаменательные даты, как факелы, освещают путь, пройденный народами в борьбе за прогресс, за создание и утверждение высших человеческих ценностей, за лучшее будущее. Но существуют и другие исторические даты,— они напоминают о глубокой опасности, которая нависает над народами; когда агрессивные силы империализма и милитаризма, стремясь осуществить свои широкие экспансионистские цели и интересы, решаются ввергнуть Европу и весь мир в пучину войн, несущих смерть и разрушения.

Когда 1 сентября 1939 г. германский империализм, совершив нападение на Польшу, развязал вторую мировую войну, он был уверен не только в своих силах, но и в бессилии своих противников. Гитлеровское командование было убеждено, что, захватив военную и политическую инициативу, оно сможет путем нескольких молниеносных ударов, последовательно нанесенных в избранных направлениях, быстро разгромить каждого из своих противников и таким образом в короткий срок добиться утверждения своего господства в Европе и над всем миром. Выдвинув на первый план идеологию антикоммунизма и провозгласив ее официальной государственной доктриной, гитлеровский империализм открыто пропагандировал планы войны против Советского Союза и активно готовился к этой войне. Но разнузданный антикоммунизм как в области внутренней, так и в области внешней политики преследовал и другую цель: как признался однажды Гитлер, при помощи «призрака большевизма» он стремился заставить западные капиталистические державы «поверить, что Германия — последний оплот против красного потопа. Для нас,— разъяснял он,— это единственный способ пережить критический период, разделаться с Версалем и снова вооружиться»¹.

И действительно, в период между первой и второй мировыми войнами руководящие круги западных держав, в особенности американские и английские монополии, потратили немало усилий, чтобы помочь возрождению германского империализма и милитаризма, который они рассчитывали использовать для борьбы против Советского Союза. Это возрождение шло столь быстрыми темпами, что, установив в стране фашистскую диктатуру, германский монополистический капитал уже был в состоянии широко развернуть свою экспансию в различных направлениях². Его сильные щупальца стали проникать не только в страны Центральной, Юго-Восточной и Юго-Западной Европы, но и на Ближний Восток —

¹ K. G. W. Ludecke. I knew Hitler. The Story of a Nazi who escaped the Blood purge. New York, 1938, p. 468.

² См. выше: «Колониальные планы германского империализма».

в Турцию, Иран и Ирак, в Египет и Палестину, а также в Южную Африку, в английские и французские колонии, прежде всего те, которые ранее были подвластны Германии. Вскоре экономическое и политическое влияние германского империализма стало весьма ощутимо и в странах Латинской Америки, которые США и Англия, соперничая между собою, привыкли рассматривать как свой домен. Рост экономических, политических и территориальных претензий гитлеровского империализма в Европе и за ее пределами, неслыханный рост германского милитаризма, террор и разнузданная пропаганда расизма, реваншизма и агрессии, создание «оси Берлин — Рим — Токио» и ведущая роль немецкого фашизма в сложившемся блоке военных агрессоров — все это показало, какую опасность для всеобщего мира представляет гитлеровская Германия.

В условиях, когда в результате нападения милитаристской Японии на Китай очаг войны уже сложился на Дальнем Востоке, а в результате агрессивно-милитаристского курса фашистской Германии еще один военный очаг складывался в самом центре Европы, все миролюбивые государства и народы были заинтересованы в том, чтобы предотвратить назревающую новую войну мирового масштаба. Опыт мировой войны 1914—1918 гг., вспыхнувшей на Балканах, а также агрессивные устремления объединившихся милитаристских держав, вставших на путь нового насильственного передела мира, — все это показало, что мир неделим: агрессивная война, возникающая в одной части Европы, угрожает охватить весь континент, а война, развязанная на любом континенте, угрожает охватить весь мир. Исторический и политический опыт, накопившийся к тому времени, показал также, что фашистская концепция небольших, локализованных войн является обманом, призванным прикрыть стремление агрессивных держав разъединить своих противников и бить их поодиночке.

Разгадав эти планы, учитывая опыт прошлого и сложившуюся обстановку, Советский Союз, не довольствуясь заключением пактов о взаимопомощи с Францией и Чехословакией, стал настойчиво и последовательно бороться за создание системы коллективной безопасности, которая могла бы обуздать агрессора и тем самым предотвратить войну и упрочить мир. В создании этой системы были заинтересованы не только народы Советского Союза, но и все другие народы, большие и малые, европейские и неевропейские. Поэтому усилия дипломатии гитлеровской Германии в тот период были направлены, во-первых, на консолидацию блока агрессивных держав и, во-вторых, на то, чтобы не допустить создания системы коллективной безопасности. Решение первой задачи должен был обеспечить так называемый «пакт против Коминтерна» (25 ноября 1936 г.), который был открыто направлен против СССР, а фактически и против западных держав — Англии, Франции и США. Решение второй задачи должны были обеспечить дипломатические маневры агрессивных держав с целью изоляции и ослабления первого в мире социалистического государства — Советского Союза. Обе эти задачи были неотделимы одна от другой. Расчет германского империализма был прост: выдвигая себя в качестве чемпиона антикоммунизма, воспользоваться финансовой и политической поддержкой западных держав, угрозами вымогать у них одну уступку за другой, а затем, укрепив свои позиции в Европе, ударить в том направлении, где будет обеспечен большой успех. Стремление западных держав зажать Советский Союз в тиски, навязав ему войну на два фронта — против гитлеровской Германии и милитаристской Японии — одновременно, было настолько сильным, что, казалось, оправдывало этот расчет. В самом деле, в ходе итальянской агрессии против Эфиопии, японской агрессии против Китая, итало-германской интервенции против республиканской Испании стало

очевидно, что западные державы не только не предполагают направить свои усилия для обуздания агрессоров, но прямо или косвенно поощряют их. Более того, узнав, что гитлеровская клика решила захватить Австрию и Чехословакию, лорд Галифакс, английский министр, явился к Гитлеру и заверил его, что он и другие члены английского правительства «проникнуты сознанием» роли фашистской Германии, которая «по праву может считаться бастионом Запада против большевизма». Зная об агрессивных намерениях германского империализма, Галифакс поспешил согласиться, что «мир не статичен» и предложил направить «всю имеющуюся энергию на достижение общей цели»³.

Но в чем должна была заключаться эта «общая цель»? Едва Гитлер упомянул о своих претензиях на колонии, как Галифакс предложил ему развернуть экспансию в другую сторону — в сторону Центральной и Восточной Европы, имея в виду в первую очередь Австрию, Чехословакию и Данциг (Гданьск)⁴. В начале марта 1938 г. английский посол в Берлине Невиль Гендерсон, продолжая переговоры, заверил, что Гитлер имеет в Лондоне отличного партнера, который, «не обращая внимания ни на что, сорвал маску с таких интернациональных фраз, как коллективная безопасность и т. д.». Этим партнером были премьер Н. Чемберлен и те империалистические круги Англии, которые стояли за его спиной. Тогда же Чемберлен дал понять, что английское правительство является сторонником «аншлюса» — присоединения Австрии к гитлеровской Германии. В свою очередь Гитлер заявил, что «в своих предложениях он имел в виду объединение Европы без России»...⁵ Одновременно гитлеровские эмиссары вели аналогичные переговоры и с правящими кругами Франции⁶.

11 марта 1938 г. немецко-фашистские войска захватили Австрию. США, Англия и Франция тотчас же признали этот захват. Только Советский Союз, решительно осудив агрессию, предостерег мир об опасных его последствиях: «Завтра может быть уже поздно, но сегодня время для этого еще не прошло, если все государства, в особенности великие державы, займут твердую недвусмысленную позицию в отношении проблемы коллективного спасения мира»⁷. Западные державы игнорировали этот призыв. Они уже толкали гитлеровскую Германию к захвату Чехословакии, связанной с Советским Союзом пактом о взаимопомощи.

Трагическая история того, как западные державы под предлогом «умиротворения» возросших аппетитов агрессивного германского империализма бросили в его пасть Чехословакию, широко известна. Когда в ночь на 30 сентября 1938 г. в зал заседаний Мюнхенской конференции четырех держав — Германии, Италии, Англии, Франции — ввели представителей Чехословакии, по свидетельству одного из участников этой сцены, «атмосфера была угнетающая: ожидали объявления приговора». Этот приговор уже был вынесен за закрытыми дверями конференции. На требование Гитлера, поддержанное Муссолини, немедленно приступить к расчленению Чехословакии Чемберлен ответил, что «и он не считает нужным больше ждать». Что касается главы правительства Франции Даладье, то он заявил: «Я уже раньше стал на эту точку зрения, несмотря на то что между Францией и Чехословакией имеется союзный договор». Важную роль сыграла и позиция руководящих кругов

³ «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I. М., 1948, стр. 16, 23, 24.

⁴ Там же, стр. 35.

⁵ Там же, стр. 65.

⁶ «Documents on German Foreign Policy. 1918—1945». Series D, v. I, № 22, p. 41—45.

⁷ «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 105.

монополистического капитала США. Еще в декабре 1937 г. гитлеровский посол в США Дикгоф отмечал, что в случае развертывания германской экспансии на Восток она не встретит в США никакого сопротивления. Более того, круги, определявшие направление американской дипломатии в Европе, активно поддерживали идею такой экспансии. Посол США в Лондоне Кеннеди, связанный с Морганом, Барухом и Херстом, неоднократно выражал убеждение, что для разрешения экономических проблем Германии должна быть предоставлена «свобода рук на Востоке, а также и на Юго-Востоке».

Уверенные в непреложности своих хитроумных расчетов, охваченные приступом антикоммунизма, правители западных стран — Англии и Франции и действовавшие за их спиной представители монополистических кругов США пошли на откровенный сговор с агрессивными силами немецко-фашистского империализма. При этом всю ответственность за опасные последствия мюнхенского сговора западная пропаганда пыталась возложить на... Советский Союз. Между тем, как об этом свидетельствуют опубликованные документы, Советский Союз не только призвал всех, кому дорого дело мира, к организации коллективного отпора агрессии, но и через дипломатические и военные каналы заверил Чехословакию, что он готов выполнить свои обязательства по отношению к ней. Более того, в середине мая 1938 г. Советский Союз сообщил президенту Чехословакии Бенешу, что он готов оказать помощь Чехословакии даже в том случае, если Франция не выполнит своих обязательств, но, разумеется, при условии, что сама Чехословакия будет просить об этой помощи и решит защищаться⁸. Однако Бенеш и чехословацкое правительство сначала делали вид, что они стоят перед выбором между борьбой и капитуляцией, а затем открыто выбрали капитуляцию. Империалистическая реакция торжествовала. Чемберлен, тупой и самодовольный, по возвращении из Мюнхена заявил, что «отныне мир обеспечен на целое поколение». Он имел в виду обеспечение мира на Западе путем разжигания советско-германской войны на Востоке. У. Буллит, игравший крупную роль в американской дипломатии, с удовлетворением отметил: «Бросив Россию на произвол судьбы, Англия и Франция отвели угрозу от себя»⁹. Будущее показало, что Мюнхен был не только величайшей иллюзией западных держав, но и преступной сделкой.

Правда, в течение некоторого времени западные державы были убеждены, что «экспансия на Восток в один прекрасный день приведет к столкновению между Германией и Россией»¹⁰. И на этом они строили свои расчеты. Однако в апреле 1939 г. гитлеровское командование, учитывая, что стратегическое и политическое положение Англии и Франции после Мюнхена значительно ухудшилось, пришло к выводу, что первый удар выгоднее нанести не против Советского Союза, а против западных держав, причем «предварительной мерой» для удара в этом направлении должно было стать нападение на Польшу¹¹.

Убедившись в том, что гитлеровская Германия, захватив Чехословакию, оттягивает развертывание агрессии против Советского Союза и в то же время усиливает военную и идеологическую подготовку нападения на западные державы, правительства Англии и Франции были вынуждены предложить Советскому Союзу вступить в переговоры (15 апреля 1939 г.). Все то, что в ходе переговоров западные державы предлагали, нельзя было расценить иначе, как стремление получить от Советского

⁸ «Новые документы по истории Мюнхена». М., 1958, № 6, 7, 14, 20, 24, 26, 38, 50, 53.

⁹ H. L. Ickes. The Secret Diary of Harold L. Ickes, v. 2. New York, 1954, p. 519.

¹⁰ «Documents on British Foreign Policy. 1919—1939». Third Series, v. IV, № 195, p. 214.

¹¹ «Нюрнбергский процесс. Сборник материалов», т. II, изд. 3-е. М., 1955, стр. 697.

Союза односторонние гарантии полновесной помощи. Что касается равноценных гарантий Советскому Союзу, то Англия и Франция явно уклонялись от их предоставления. Таким образом, в случае нападения гитлеровской Германии, Советский Союз остался бы в одиночестве. Подлинные намерения Англии и Франции внушали тем больше подозрений, что эти державы особенно настойчиво отклоняли советское предложение о предоставлении ими гарантии прибалтийским странам; по сути дела, это означало, что они указывают гитлеровской Германии фарватер агрессии на Восток. Таким образом, западные державы стремились не к эффективному и равноправному соглашению с СССР в интересах предотвращения агрессии и войны, а лишь к тому, чтобы использовать переговоры с СССР для воздействия на гитлеровскую Германию и заключения с ней соглашения, направленного против СССР. Это еще в большей степени стало ясно во время переговоров военных миссий СССР, Англии и Франции, начавшихся в Москве 12 августа 1939 г.¹²

В то время как Советский Союз, инициатор этих переговоров, серьезно оценивая обстановку, предложил заключить не только политическое соглашение, но и военную конвенцию, направленную на то, чтобы сдерживать гитлеровскую агрессию, военные миссии Англии и Франции уклонялись от рассмотрения конкретных вопросов координации военно-стратегических усилий, а предлагали рассмотреть только «общие цели» и «общие принципы» военного сотрудничества. Более того, в ходе переговоров выяснилось, что английская и французская военные миссии, состоящие, кстати сказать, из второстепенных деятелей, не могут предложить даже предварительного военного плана совместной борьбы, а английская военная миссия не может предъявить даже полномочий на заключение военной конвенции.

Учитывая сложившуюся в Европе обстановку, глава советской военной миссии маршал К. Е. Ворошилов поставил вполне закономерный вопрос: «...Как данные миссии или генеральные штабы Франции и Англии представляют себе участие Советского Союза в войне против агрессора, если он нападет на Францию и Англию, если агрессор нападет на Польшу или Румынию, или на Польшу и Румынию вместе, если агрессор нападет на Турцию? Одним словом, как себе представляют английская и французская миссии наши совместные действия против агрессора или блока агрессоров в случае их выступления против одной из договаривающихся стран или против тех стран, о которых я только что упомянул?» Ответ французского генерала Думенка гласил: «Что касается упомянутых ранее стран, то мы считаем, что их дело защищать свою территорию. Но мы должны быть готовыми прийти им на помощь, когда они об этом попросят». На реплику маршала Ворошилова: «...Если же они своевременно не попросят этой помощи, это будет значить, что они подняли руки вверх, что они сдаются», — генерал Думенк мог только ответить, что «это было бы крайне неприятно»¹³. Никаких реальных действий западные державы не предлагали. Вновь и вновь они продолжали ссылаться на позицию реакционных правительств Польши и Румынии, которые по их же наущению, предавая национальные интересы своих стран, отказывались от советской помощи. Таким образом западные державы завели переговоры в тупик и сделали их беспредметными. 21 августа глава советской делегации был вынужден поэтому констатировать, что «ответственность за затяжку военных переговоров, как и за перерыв этих переговоров, естественно, падает на французского и английскую стороны»¹⁴.

¹² «Переговоры военных миссий СССР, Англии и Франции в Москве в августе 1939 г.» — «Международная жизнь», 1959, № 2, стр. 144—158; № 3, стр. 139—158.

¹³ Там же, № 2, стр. 154.

¹⁴ Там же, № 3, стр. 157.

Предположения Советского правительства оказались верными. Как показывают документы, Англия и Франция вели переговоры с СССР лишь для прикрытия в глазах общественного мнения других переговоров,— закулисных переговоров с гитлеровской Германией и для того, чтобы оказывать давление на последнюю в целях достижения с ней соглашения.

Сначала гитлеровские империалисты были крайне встревожены перспективой заключения пакта об эффективном сотрудничестве Советского Союза с другими державами против подготовляемой агрессии. Однако германский посол в Лондоне Дирксен, получавший из английских правящих кругов обширную информацию, поспешил успокоить гитлеровское правительство. 1 августа 1939 г. он телеграфировал в Берлин, «что военная миссия скорее имеет своей задачей установить боеспособность Советской Армии, чем заключить оперативные соглашения»¹⁵. Таким образом Дирксен подтвердил, что английская военная миссия, направленная в Москву, преследовала лишь разведывательные цели. Она служила своего рода дымовой завесой.

С другой стороны, опубликованные документы показывают, что правящие круги западных держав даже в самый разгар переговоров с СССР закулисно продолжали искать соглашения с гитлеровским империализмом. Эти переговоры, по инициативе Англии¹⁶, возобновились 7 июня и велись по разным каналам вплоть до нападения гитлеровской Германии на Польшу. Используя в качестве посредников шведских промышленников (Веннер-Грена, Далеруса), гитлеровская клика выдвигала все новые и новые требования то колоний в Африке, то нефтеносных колоний на Ближнем Востоке¹⁷. Но руководящие круги английского империализма отказывались удовлетворить эти требования своего германского соперника, они предлагали ему удовлетворить свои претензии за счет Советского Союза и Китая, при условии разграничения сфер английских и германских интересов в мире. В том же духе выступали и представители реакционных кругов США (например, Ванденберг, Фиш и др.).

В переговорах с Вольтамом, представителем Геринга, Вильсон заявил, чтобы в случае подписания пакта с Германией Англия получила бы «возможность освободиться от обязательств в отношении Польши», т. е. бросить Польшу на растерзание гитлеровского империализма, при условии, чтобы последний гарантировал бы направить свою агрессию на Восток и Юго-Восток Европы¹⁸. 29 июля один из лейбористских деятелей Чарльз Роден Бакстон явился к советнику германского посольства Кордту и снова поднял вопрос о необходимости широкого англо-германского соглашения на следующей основе: «1) Германия обещает не вмешиваться в дела Британской империи. 2) Великобритания обещает полностью уважать германские сферы интересов в Восточной и Юго-Восточной Европе. Следствием этого было бы то, что Великобритания отказалась бы от гарантий, предоставленных ею некоторым государствам в германской сфере интересов. Далее, Великобритания обещает действовать в том направлении, чтобы Франция расторгла союз с Советским Союзом и отказалась бы от всех своих связей в Юго-Восточной Европе. 3) Великобритания обещает прекратить ведущиеся в настоящее время переговоры о заключении пакта с Советским Союзом»¹⁹. Этот широкий план был санкционирован Вильсоном и Чемберленом.

¹⁵ «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II. М., 148, стр. 117.

¹⁶ «Documents on British Foreign Policy. 1919—1939». Third Series, v. VI, № 9, p. 13.

¹⁷ Ibid., p. 736—738, 756—757.

¹⁸ См. «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II, стр. 75.

¹⁹ Там же, стр. 125—126.

Далее переговоры стали продвигаться между официальными инстанциями. Через несколько дней, 3 августа 1939 г., Гораций Вильсон разъяснил Дирксену, что англо-германское соглашение, к которому он стремится, «наисто освободило бы британское правительство от принятых им на себя в настоящее время гарантийных обязательств в отношении Польши, Турции и т. д.»²⁰ Единственное, чего требовал Вильсон, — это сохранения полной тайны англо-германских переговоров. Тогда же Дирксен встретился с лордом Галифаксом, британским министром иностранных дел, который также заверил его, что «с английской стороны пойдут очень далеко, чтобы достигнуть соглашения с Германией»²¹. Дирксен уезжал в Берлин, и английское правительство надеялось, что он привезет оттуда согласие Гитлера. Но Гитлер вовсе не собирался отказываться от своих империалистических притязаний в отношении к западным державам. Предложения, полученные из Лондона, он воспринял как дальнейшее свидетельство слабости Англии, а также как новое доказательство того, «что в случае германо-польской войны Англия не выступит на стороне Польши»²².

Итак, правящие круги Англии и других западных держав вовсе не собирались идти на сближение с Советским Союзом в целях предотвращения войны. Главной их целью были поиски путей к заключению широкого военно-политического соглашения с гитлеровской Германией, — соглашения, которое обеспечило бы направление гитлеровской агрессии на Восток и Юго-Восток Европы. Следует также напомнить, что в разгар переговоров, в мае 1939 г., Япония напала на дружественную Советскому Союзу Монгольскую Народную Республику, явно стремясь прорваться к советской границе в районе озера Байкал. Тогда же США и другие западные державы стали выдвигать планы созыва Тихоокеанской конференции, которая могла стать «восточным Мюнхеном»: Китаю готовилась судьба Чехословакии, после чего японская агрессия должна была быть направлена против Советского Союза.

Советский Союз своевременно разгадал проводимую западными державами империалистическую политику «двойного действия». В этих условиях, когда перед ним встала реальная опасность войны против единого фронта империалистических держав и на западе, и на востоке, он продолжал борьбу за создание системы коллективной безопасности, которая могла бы вообще предотвратить или отсрочить войну. Убедившись в том, что западные державы не стремятся к созданию этой системы, Советский Союз настойчиво искал эффективного и равноправного соглашения с ними во имя совместной борьбы против фашистского агрессора. Он искал этого соглашения даже после того, как в мае 1939 г. гитлеровская Германия начала зондировать вопрос о позиции Советского Союза, но безрезультатно: факты показали, что руководящие круги западных держав стремились не к соглашению с СССР, а к соглашению с гитлеровской Германией против СССР и за счет СССР. Позднее гитлеровская Германия предложила Советскому Союзу заключить пакт о ненападении. Она пошла на этот шаг, учитывая соотношение военных сил и опасность войны с такой могущественной державой, как Советский Союз, а с другой стороны, надеясь на больший успех в борьбе против западных держав, которые уже показали, что они готовы предать своих союзников. Она опасалась, что, сразу же истощив свои ресурсы в войне с сильным противником, не сможет впоследствии добиться своих империалистических целей на Западе.

Таким образом, в напряженные и критические дни августа 1939 г. Советский Союз стоял перед выбором: или продолжить безнадежные

²⁰ «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II, стр. 133.

²¹ Там же, стр. 146

²² Там же, стр. 226

переговоры с западными державами, переговоры, облегчающие этим державам закулисный сговор с гитлеровской Германией, или принять предложение последней — заключить с ней пакт о ненападении. В первом случае Советский Союз облегчил бы империалистическим силам возможность развязать против него войну, и притом в самых неблагоприятных для него условиях. Во втором случае он сорвал бы планы мировой империалистической реакции навязать ему войну против Германии и Японии одновременно, — войну, которую он должен был бы вести в положении полной международной изоляции. Более того, подписание пакта о ненападении с гитлеровской Германией означало некоторый выигрыш времени, который можно было бы использовать для укрепления обороны Советского Союза в случае последующей гитлеровской агрессии. Советский Союз решил использовать представляющуюся ему возможность и принял предложение о подписании пакта. Таким образом, Советский Союз избежал ловушки, которую ему готовили империалистические державы.

Между тем гитлеровская клика, уже в марте 1939 г. принявшая решение напасть на Польшу, продолжала военные приготовления. К этому времени Гитлер и его окружение уже окончательно пришли к выводу, что «Польша в тот же день, когда она подвергнется атаке, будет... покинута Парижем и Лондоном»²³. Поддерживая среди правящих кругов панской Польши убеждение, что в случае войны против СССР Польша сможет осуществить свои захватнические планы за счет Советской Украины, гитлеровская клика одновременно готовила удар против Польши с целью полного уничтожения ее как независимого и самостоятельного государства. Ослепленная классовой ненавистью к Советскому Союзу, осуществляя политику воинствующего антикоммунизма, Польша Бека и Мосьцицкого продолжала курс на сотрудничество с Гитлером. Как отметил Леон Ноэль, бывший посол Франции в Варшаве, «в области общей политики Бек по существу постоянно оказывал ценные услуги политике „фюрера“». Польская дипломатия при каждом удобном случае поддерживала маневры райха против Лиги наций, коллективной безопасности и многосторонних пактов взаимопомощи». Советское правительство не раз предостерегало польских правителей о смертельной опасности, которая угрожает ей со стороны гитлеровского империализма. Но безуспешно.

В течение многих лет принимая активное участие в политике, направленной к международной изоляции СССР, бековская Польша добилась лишь того, что в критический момент своей истории сама оказалась в полной изоляции. Так расплачивалась она за своекорыстие и политическое безрассудство своих господствующих классов, которые до конца дней своих так и не поняли, что антикоммунизм, возведенный в ранг государственной доктрины, привел страну к национальной катастрофе небывалых размеров. Уже 13 августа, т. е. за 10 дней до подписания пакта о ненападении с СССР, Гитлер сообщил Муссолини, что его нападение на Польшу — дело нескольких дней. Тем не менее даже 20 августа польское правительство сообщило в Лондон, что оно не собирается идти на соглашение с Советским Союзом. Только 25 августа перед лицом гитлеровских провокаций, направленных на разжигание конфликта с Польшей, Англия подписала с последней договор о взаимопомощи. Но и этот договор она рассматривала лишь как инструмент для подготовки нового «Мюнхена» за счет Польши: переговоры об умиротворении продолжались, пока гитлеровский империализм, развернув военную агрессию против Польши, отбросил западные империалистиче-

²³ L. Noel *L'agression allemande contre la Pologne*. Paris, 1946, p. 260.

ские державы туда, где они вовсе не хотели быть,— в стан своих военных противников.

Таким образом, дипломатическая предыстория второй мировой войны показала, что западные державы — Англия и Франция — делали гитлеровской Германии одну уступку за другой, толкая ее на Восток, — в конечном счете против Советского Союза. Они рассчитывали одновременно решить две связанные между собой задачи: отвести агрессию гитлеровской Германии от себя и направить ее против Советского Союза. Именно поэтому они отказались от создания системы коллективной безопасности, которая в тех исторических условиях была призвана обуздать фашистскую агрессию, а тем самым спасти мир от катастрофы, в которую ее вверг германский фашизм, его союзники и сателлиты. Убедившись, что система коллективной безопасности окончательно распалась, гитлеровский империализм обрушился прежде всего на Запад, — против держав, способствовавших устранению этой системы, а затем, подчинив себе почти всю Западную Европу и опираясь на экономический потенциал, он вторгся в пределы Советского Союза. День этого вторжения был днем не только перелома в истории второй мировой войны, но и началом крушения гитлеровской армии и «третьей империи».

1959 г.

ГИТЛЕР НАД БЕЗДНОЙ

Ровно год назад Гитлер обещал: «1941 год увенчает величайшие исторические победы Германии». Истекали последние часы старого, 1941 года, и многие ждали, что же произойдет до полуночи. Оказалось, Гитлер осчастливил своих верноподданных «посланием», а свою армию — очередным приказом. Разумеется, Гитлер не мог предъявить обещанной победы. Как мелкий бес, он трепещет, стремясь непроницаемой пеленою лживых слов укрыться от неизбежной участи своей. Все напрасно. Весь мир на собственном опыте убедился, что Гитлер — главный зачинщик «тотальной» войны.

В первые дни борьбы за Москву американский обозреватель Эллиот отметил, что советскому народу нужно только устоять, чтобы победить, между тем как Гитлеру нужно победить, чтобы устоять. Советский народ устоял против гитлеровской военной машины. Захлебнувшись в своей собственной крови, гитлеровская армия начала откатываться назад. Одновременно в далекой Ливии немецко-фашистская армия и ее итальянский союзник получили удар от англичан. Смятение, охватившее фашистскую Германию, нашло свое отражение в кризисе командования немецкой армии. Накануне нового, 1942 года, и новых авантур Гитлер решил сделать генерала Браухича козлом отпущения за свои собственные стратегические неудачи. В новогоднем приказе он вынужден признать: «1941 год — год больших и тяжелых потерь». Ответственность за военные решения в будущем он возложил на самого себя. Ему нечего терять, этому кровавому палачу и проходимцу, который напяливает на себя наполеоновские сапоги. Браухич ушел, но на Востоке гитлеровская армия терпит новые поражения. Фашистский бес в своем «послании» об этом умолчал.

Гитлер требует теперь, чтобы Германия всецело положила на его «интуицию». Что еще может он ей предложить теперь? Он обещал быструю и легкую победу, но вынужден вести длительную, изнурительную войну, несущую германской армии небывалый разгром. Он провозгласил войну на истребление, но она обернулась против него самого. Он надеялся бить своих противников поодиночке, а оказалось, что восстановил против Германии великие и малые державы, объединившие свои усилия, чтобы задавить фашистскую гидру. Он надеялся уже в 1941 г. стать полновластным хозяином всей Европы, но оказывается, что везде против его господства поднимаются силы сопротивления. Его стратегия оказалась порочной. Обанкротились его политические планы укрощения и окончательного закабаления Европы.

Тем не менее Гитлер, его дипломатия и пресса выступают теперь не иначе, как от имени всей «молодой Европы». В своем новогоднем обращении он говорит, что решение напасть на Советский Союз было якобы продиктовано интересами «будущности всей Европы». Свой раз-

бойнический поход на СССР он изображает в следующих словах: «22 июня поднялась вся Европа». Таким образом, «Европа», оказывается,— это Гитлер и банда его вассалов.

Но что такое «Европа» в гитлеровском понимании? Где проходят ее границы?

Еще совсем недавно Гитлер говорил, что только командование германской армии вольно по своему усмотрению решить, произойдет ли «объединение» Европы на линии Урала или «только» на линии Волги. И уж во всяком случае Гитлер рассчитывал увенчать 1941 г. вступлением в Москву. С этим были связаны широкие политические планы «устроения Европы» и стратегические планы дальнейшей борьбы за мировое господство. Здесь, в Москве, он рассчитывал созвать в конце 1941 г. конференцию своих вассалов. Эта конференция должна была провозгласить уже заготовленную немецко-фашистской режиссурой «декларацию объединенной Европы». Вся пресса в Германии и в вассальных странах, подвластная Геббельсу, как по команде, перегоняя события, уже забила в литавры: «Создана новая Европа», «Европа не боится блокады», «Европа стала неуязвимой». Казалось, что подобным заклинаниям нет конца. Еще 3 декабря 1941 г. prostituiрованная Геббельсом газета «Frankfurter Zeitung» писала: «Главной задачей теперешней фазы войны является поворот Европы к Востоку, уничтожение экспансионистских сил в лице большевизма, а также политическое и экономическое использование Востока для нужд европейских народов».

Прошло всего лишь несколько дней после того как эти слова были написаны, и гитлеровская армия была вынуждена совершить новый «поворот», но уже в обратную сторону. Фашистским правителям пришлось изыскивать «стратегическое» объяснение своему отступлению на Восточном фронте. Вместе с тем широковещательные планы созыва «все-европейской конференции» лопнули, как мыльный пузырь. Заготовленную «декларацию объединенной Европы» пришлось выбросить в корзину. Победа снова отдалилась, и притом настолько, что Риббентроп уже говорит о возможности ведения... тридцатилетней войны. Мрачный для фашистов итог 1941 года! Вот почему Гитлер, уже не раз обманывавший немцев о близких сроках победы, на этот раз ничего не может пообещать. Он мог только сказать: «Будущий год поставит перед нами величайшие требования». И это все!

Вместе с тем Гитлер делает конвульсивные попытки спасти для своей кровавой орды все, что можно. Прежде всего он спешит закрепить за собой Европу, вернее, тот ее кусок, который он уже успел поглотить. «От Киркенеса до испанских границ,— возвестил он 11 декабря 1941 г.,— протянулся пояс опорных пунктов и крепостей крупнейшего масштаба. Возведены сооружения, не уступающие линии Зигфрида... Я твердо решил сделать этот европейский фронт неприступным».

Что скрывается за этими словами? Недавно мы слышали громкие заявления, что германская армия полностью обеспечена для ведения кампании в условиях русской зимы. Грянули первые морозы, и гитлеровцы на собственной шкуре почувствовали, к чему приводит пустое бахвальство их «фюрера». И теперь Гитлер прибегает к обычному блефу. «Линия Зигфрида», опоясавшая всю захваченную Европу, построена только в воображении «фюрера». Он пугает противников этой несуществующей линией, ибо смертельно боится образования второго фронта в Европе.

Спротивление народных масс в странах, оккупированных фашистской Германией, растет и будет далее расти по мере того, как возрастает сила военных ударов по гитлеровской армии. Это знают и сама гитлеровская клика, и ее квислинги различных национальностей. Вот почему Риббентроп спешит их успокоить: «В наш век моторов, танков и пикирующих бомбардировщиков заранее исключены восстания в обе-

зоруженных районах». Вот, оказывается, на чем держится «молодая Европа»! Интересное признание! Но Риббентроп сам не верит своим словам. Конечно, добавляет он, рождение «нового порядка» не обойдется без родовых схваток.

Схватки уже начались — схватки закабаленных народов с фашистскими угнетателями. Как отмечает турецкая газета «Тан», «недовольство в Европе начало в некоторых местах уже принимать форму настоящей войны». Это относится не только к партизанской войне на захваченной советской территории. На юге Европы, в Югославии действуют большие отряды партизан и части регулярной армии. Система нацистского террора — расстрел ста сербов за каждого убитого немца — не дала Гитлеру ожидаемого эффекта. Но эту систему он вынужден ввести и в Центральной Европе — в Чехии, и на западе — во Франции, и на севере — в Норвегии. Во Франции, в Чехии, в других странах распластанной Европы — везде немецко-фашистские захватчики расстреливают заложников. Это не приносит им успокоения, ибо в конце концов каждый гитлеровский оккупант — заложник в руках европейских народов. Куда бы ни ступала его нога — везде он вызывает ненависть и жажду мести. Не теперь, так в будущем его настигнет справедливая пуля.

Гитлер стремится превратить Европу в плацдарм борьбы за господство во всем мире. Он пытается удержаться в Африке, и даже за счет Франции расширить там свои позиции. Более того, этот маньяк бросил вызов Америке и заставил всех своих европейских вассалов последовать за ним. Даже марионеточное «Хорватское королевство», по его указке, объявило, что идет войной на США. Так, потеряв чувство смешного, Гитлер демонстрирует «европейскую общность». Он продолжает грабить Европу и терзать ее. Вместе с тем он пытается обмануть ее мифом о будущем мире, который воцарится под его господством. Не создав ни одной собственной идеи, он и тут оказался вором и плагиатором, бесцеремонным и крайне грубым.

Древние греки создали миф о похищении Европы, прекрасной, как бессмертная богиня. Она была похищена влюбленным в нее Зевсом, принявшим образ быка. Гитлер насилует Европу и объясняется ей в любви. В своей последней речи он уверял, будто «третья империя» является наследницей культуры Древней Греции и Рима. Под этим предлогом фашистский бык набросился на Европу и хочет ее пожрать. Но Гитлер — не громовержец. Он просто бандит, который связал Европу, чтобы ограбить ее. Гитлеровский миф об объединении Европы под главенством Германии развеялся так же быстро, как и миф о непобедимости германских войск.

Теперь, более чем когда-либо ранее, видно, что европейские народы ненавидят фашистскую Германию и поднимаются на борьбу с ней. Они пользуются поддержкой и народов других континентов, прежде всего США. По сообщению иностранной печати, Рузвельт и Черчилль, встретившись в Вашингтоне, пришли к выводу, что гитлеризм — главный враг человечества. В недавних переговорах между Советским Союзом и Англией было установлено «единство взглядов обеих сторон на вопросы, касающиеся ведения войны, в особенности на необходимость полного разгрома гитлеровской Германии...» Все это будет иметь огромные практические последствия. Рухнут надежды Гитлера превратить европейский континент в вотчину Германии. Симпатии всех народов на стороне Красной Армии, разящей фашистских захватчиков. Европа, весь цивилизованный мир против Гитлера. Фашистский дьявол будет сброшен в бездну. Объединенные народы добьются того, чтобы германский империализм никогда больше на нашей планете не мог справлять свои кровавые оргии «тотальной» войны.

3 января 1942 г.

КАЙЗЕР И «ФЮРЕР»

С момента, когда Красная Армия перешла в наступление в битве под Москвой, Германия впервые в ходе второй мировой войны, словно кошмаром, охвачена опасением, что «блицкриг» провалился. В памяти немцев все более явственно воскрешаются события 1918 г.— черного года германской армии. В гуще солдатской массы родилась тогда поговорка: «Мы напобеждали до поражения». Эта фраза снова становится теперь популярной.

Фашистские правители, встревоженные этими настроениями, в последнее время начинают усердно заклинять немцев не думать о поучительных уроках прошлого. В своей речи 30 января 1942 г. Гитлер заявил: «Германия была тогда другой страной,— она была монархией... Пока я жив, 1918 год не повторится». Словом, «фюрер» — это не кайзер, — таковы его «гарантии» победы.

1

История, однако, заметил Маркс, повторяется дважды: сначала, как трагедия, а затем, как фарс. Последний германский кайзер отнюдь не являлся трагической натурой, зато в фигуре «фюрера» действительно много от кровавого шута. Наиболее отрицательные черты Вильгельма II имеются и у Гитлера, но у последнего они доведены до крайности. Кайзер был напыщен, болтлив и тщеславен. У Гитлера эти черты доведены до абсурда. О кайзере было известно, что он неустойчив в своих настроениях. «Фюрер», как эпилептик, бьется в истерических припадках и к тому же требует, чтобы в этом видели доказательство его особой избранности свыше. Чтобы прикрыть свою посредственность, Вильгельм пользовался своим положением и пышностью императорского обихода. Гитлер должен прибегать к дешевой мишуре, пустозвонным фразам и вместе с тем к угрозам: «Нельзя сравнивать,— кричал он,— звание поденщика и фюрера!» Так этот выскочка пытается прикрыть свою ничтожность и возвести себя в ранг великих полководцев.

Кайзер любил разыгрывать роль исторической персоны, чаще всего Фридриха II. Это не было случайным. Еще Маркс заметил, что в династии Гогенцоллернов из поколения в поколение комедианты и фельдфебели чередовались между собой. Адольф Гитлер — не Гогенцоллерн, но он впустил в себя черты комедианта и фельдфебеля одновременно. Этот бывший ефрейтор всегда разыгрывает какую-нибудь роль, словно актер на театральных подмостках. Но если кайзер был позером, то Гитлер — маниак. Он возомнил себя Наполеоном.

И вот он, этот «фюрер» Германской империи, поставил перед собой цель огнем и мечом подчинить весь мир. Вместе со своей бандой этот проходимец, провокатор и убийца воплощает наиболее разбойничьи черты германского империализма.

Давно прошли те времена, когда, как говорил Бисмарк, Германская империя была «сыта» и не нуждалась в новых захватах. Очень скоро аппетиты к захватам новых территорий, колониальных и европейских, пробудились и затем стали быстро возрастать. Юнкерские элементы во главе с полусамодержавным кайзером все еще сохраняли власть в своих руках, но решающую роль в экономической и политической жизни Германии стала обретать небольшая кучка магнатов промышленности и банковских воротил.

Некоторые из них оказались родоначальниками крупнокапиталистических династий, которые царствуют в Германии и поныне. Среди них были Кирдорф, Сименс и Крупп. Владея крупнейшими сталелитейными и оружейными заводами в Эссене, верфями в Киле и многими другими крупными предприятиями, тесно связанная с «Немецким банком», фирма Круппа стала как бы синонимом германского империализма. Кайзер немало способствовал политической и коммерческой рекламе пушечного короля. В том же духе неоднократно выступал и Гитлер. Оба они почти в одинаковых выражениях превозносили эту фирму, торгующую смертью, как олицетворение всех немецких добродетелей: «Честь Круппа — честь Германии».

Восхваляя пушечного короля Германии, и кайзер и «фюрер» имели к тому еще мотивы особого свойства. Кайзер владел пакетом акций крупновской фирмы и, конечно, получал неплохие дивиденды. «Фюрер» же, вспоминая прошлое, преисполнен благодарности к Круппу, как и к Кирдорфу, за полученные им в свое время подачки и субсидии. Теперь Гитлер в них больше не нуждается, так как сам является анонимным совладельцем концерна «Геринг». Как концерн Круппа олицетворял в свое время Германию кайзеровскую, а концерн Стинеса — Германию веймарскую, так концерн Геринга представляет гитлеровскую Германию. Это — страшный спрут, голова которого в Берлине, а щупальца охватили не только всю Германию, но и большинство захваченных фашистами европейских стран. Теперь свои стальные щупальца гитлеровские империалисты протянули и на Восток в надежде подчинить себе Советский Союз. Таким образом, Гитлер собирается «объединить» весь европейский континент, а далее — подчинить себе весь мир. Гитлер и его клика привнесли в политику методы подлинного бандитизма. По своей реакционности и по преступным методам гитлеровцы далеко превзошли даже Вильгельма.

2

Как всякий преступник, «фюрер» считает себя свободным от ответственности за свои злодеяния. «В политике, — заявил Гитлер однажды, — я не признаю никаких моральных законов. Политика — это такая игра, в которой допустимо все». Он клеймит политику кайзера, как якобы слишком миролюбивую и недостаточно агрессивную. Сам Гитлер никогда этим не страдал.

Правда, иногда и «фюрер» любил напяливать на себя маску «миролюбия». «Немцы желают жить в мире со всем миром», — заявил он вскоре после прихода к власти. Но это имело определенный смысл: «Задача германской политики, — поясняла фашистская газета „Ostsee Beobachter“, — создавать впечатление о миролюбии Германии... Необходимо время для завершения германских вооружений». Это имело и другой смысл: «Нельзя, конечно, драться сразу со всеми», — поясняет гитлеровская публицистика. Нужно бить своих противников поодиночке, — такая идеальная тактика «фюрера».

Этой тактики пытался придерживаться кайзер Вильгельм, но уже его постигла неудача. Проводя империалистическую политику, он бросался

в разные стороны и таким образом восстановил всех против себя. Его главной опорой была Австро-Венгрия — лоскутное, многонациональное государство, обреченное на распад. Кайзер ненавидел Францию и не пошел на союз ни с Англией, ни с Россией. Впрочем, он неоднократно вел переговоры с Англией о союзе против России и переговоры с Россией о союзе против Англии. Он постоянно пытался натравить одни державы на другие державы, великие и малые, сеять между ними недоверие и усугублять трения. Затем шантажом и угрозами в отношении каждой из них он старался добиться территориальных «компенсаций» и политической выгоды для себя.

«Фюрер» считает, что шантаж и вымогательство — действительно лучшие методы достижения политических целей. В течение некоторого времени ему удавалось и шантажировать, и вымогать. Но он и в этом далеко превзошел кайзера. Он применял этот метод с одинаковой настойчивостью как в отношении своих противников, так и в отношении своих «друзей» и «союзников». Ему все равно, лишь бы цель была достигнута. Он научился прикрывать громкими лозунгами свои преступные дела.

3

Неспособный создать ни одной сколько бы то ни было самостоятельной идеи, он и тут оказался всего лишь плагиатором, жалким и бездарным. Он заимствовал у пангерманцев — наиболее агрессивных идеологов политики кайзеровского империализма — их «расовые» бредни и выдает теперь за свои.

Он использует лозунг «расовой общности» в интересах политики захватов. Пангерманцы пытались поступать точно так же. Гитлер усвоил и другие их лозунги, которыми сопровождает каждый шаг своей агрессивной политики. «Мировое владычество либо крушение — таков будет наш лозунг», — вещал один из идеологов пангерманизма генерал Бернгарди в 1912 г. «Германия либо должна стать мировой державой, либо не существовать вовсе», — повторяет за ним Гитлер. «Только меч может выполнить задачи нашей политики», — вещал Бернгарди. «Меч — единственное оружие внешней политики», — повторяет за ним Гитлер. Сколько раз он обещал, подобно кайзеру, завоевать для Германии ее «будущее на море»? А сколько раз, подобно кайзеру, он потрясал в воздухе «бронированным кулаком»?

Охотнее всего, в особенности теперь, «фюрер» кричит о «красной опасности». Тем самым он хочет прикрыть свои захватнические цели. И в этом отношении он далеко превзошел кайзера. Последний пытался всех страшать «желтой опасностью», чтобы, запугав ею, можно было проглотить какой-нибудь, по собственному его выражению, «жирный кусок».

Гитлер же идет гораздо дальше. Под лозунгом борьбы «объединенной Европы» против «красной опасности» он добивается от своих вассалов поставок новых порций пушечного мяса, в чем уже испытывает столь острую нужду. Он обращается и к своим противникам. Одних он страшает «красной опасностью», других — «плутократией», а в общем хочет всех стравить и тем самым облегчить себе задачу. В прошлом босяк в Вене и шпик в Мюнхене, он легко усвоил методы провокаций. Но главной своей специальностью он считает вероломство. В этом отношении его ничто не смущает: «Щепетильный человек, — говорил он, — который считает себя обязанным консультироваться со своей совестью... просто дурак». Он цинично поясняет далее: «Я не остановлюсь ни перед чем. Никакое международное право, никакой договор не помешает мне использовать преимущество, когда оно представится».

До поры до времени Гитлер мог считать, что ему сопутствовал успех. Но и кайзеру казалось, что в своей политике он идет от успеха к успеху. На деле же он не добился ни изоляции, ни нейтрализации каждого из своих противников. Своей политикой он восстановил против Германии крупнейшие державы мира. В тупике международной изоляции оказалась сама кайзеровская Германия.

Гитлер все еще пытается убедить немцев, что он сможет избежать и роковых ошибок, и судьбы кайзера. Но поздно! И накануне, и в ходе войны он восстановил против себя сначала поочередно все народы Западной Европы, а затем и Советский Союз. Наконец, бросив вызов США, он восстановил против себя и заокеанские страны. Весь мир против гитлеровского империализма. Ясно, что «фюрер» в еще большей степени, чем кайзер, потерпел полное политическое банкротство. И ждет его еще более позорная судьба.

4

В своей речи, произнесенной 30 января 1942 г., Гитлер пытается успокоить немцев тем, что на протяжении девяти лет со времени его прихода к власти он ведет «новую политику», отличную от кайзеровской. Действительно, грабительские планы Гитлера оказались значительно более широкими, нежели у кайзера. Захватнические планы кайзера росли быстро, но в окончательном виде они оформились не сразу. Как это обычно бывает, аппетиты росли во время еды. Первоначальные планы походили скорее на скромный список «пожеланий»: имелось в виду приобретение некоторых колониальных территорий, главным образом в Африке, а также «опорных пунктов» на морях. Затем кайзер стал вдохновляться обширными планами экспансии на Ближний Восток. Одновременно он начал мечтать о создании собственной большой колониальной империи. Наконец, в его голове складываются планы расчленения России и захвата ее западных провинций.

Однако это было только начало. Когда грянула мировая война, когда германская армия, казалось, одерживает победы, захватнические планы германских империалистов еще более развернулись. Кайзер полностью их усвоил. Согласно этим планам, разработанным шестью немецкими крупнейшими предпринимательскими союзами, Германия должна была приобрести обширные территории на Востоке (Польша, Прибалтика) и на Западе (Бельгия, некоторые французские области), а также в колониальных странах.

В дальнейшем эти планы изменялись в соответствии с политическим и стратегическим положением Германии. В марте 1917 г. в качестве «минимальной программы» намечалось «длительное присоединение неприятельских областей». Было официально зафиксировано, что «речь шла главным образом о Востоке». В апреле на совещании в Крейцнахе было решено, что «Курляндия и Литва должны быть присоединены к Германской империи». В августе было решено прибрать к рукам и Украину. Морская клика требовала «осуществить идею среднеафриканской колониальной империи» и одновременно захватить «опорные пункты» на Атлантическом, Тихом и Индийском океанах.

Вот отсюда-то Гитлер и почерпнул свою сумасбродную «идею» мирового владычества. Таково же происхождение и пресловутого «нового порядка в Европе», в котором «фюрер» усматривает фундамент своего мирового господства. Гитлер списал известный план «Срединной Европы», но раздул его до чудовищных размеров; в этой форме он предусматривает полное подчинение германскому империализму всех народов европейского континента. Первоначальный план «Срединной Европы» был разработан идеологами пангерманского империализма еще на ру-

беже XIX и XX в. У кайзера «идея» мирового господства формировалась в течение двух десятков лет. «Фюрер» же сразу начал с программы-максимум. Он взял ее, как готовую формулу, и расширил до масштабов, поистине безумных.

В 1918 г. Вильгельм держал в кулаке огромные пространства Западной Европы, почти столько же, сколько захватил и Гитлер. На Востоке кайзер захватил еще более значительные территории. Он стал хозяином Финляндии, Польши и всей Прибалтики. В его руках был Псков, его армия стояла тогда на подступах к Ленинграду, захватила Украину, Донецкий бассейн, Ростов и Крым. Более того, кайзеровская Германия хозяйничала в Грузии, а через своих тогдашних союзников — одно время и в Баку. Как отметил тогда начальник австрийского генерального штаба Арц фон Штрауссенбург, Германия хотела «навсегда закрепить за собою самый безопасный путь на Месопотамию и Аравию через Баку и Персию». Германия хозяйничала и на Балканах. По существу, в ее распоряжении были ресурсы Ближнего Востока вплоть до Персидского залива. Какие огромные пространства, какие огромные ресурсы оказались под властью кайзера! Необъятные перспективы, экономические и военные, казалось, были открыты перед германским империализмом.

Гитлер также захватил огромные территории. Но территории, захваченные им на Востоке, — это выжженная земля. Население захваченных им областей — его смертельные враги. Он успел ограбить население, но еще менее, чем кайзер, может заставить его производительно работать.

Зато трудности Гитлера неизмеримы. Потери его армий огромны. Они намного превосходят потери армий кайзера. Его просчеты еще более губительны. Летом 1914 г. кайзер считал, что война закончится спустя восемь недель, но она продолжалась более четырех лет. Она привела к полному истощению и поражению Германии. «Фюрер» заявлял, что «война будет наиболее короткой». Он уже воюет 2½ года и теперь говорит: «Я не знаю, когда окончится война».

Никогда кайзеровская Германия не раздувалась до таких размеров, как накануне ее гибели. Разгром германской армии произошел на Марне, на Балканах, на полях Украины. Уже в августе Людендорф понял, что война проиграна, но, как одержимый, он продолжал войну, обреченную на поражение. Гитлер пытается утверждать, что в 1918 г. германская армия не была разгромлена, что только революция нанесла ей «удар ножом в спину». Таким аргументом он хочет поддержать миф о непобедимости германской армии. Красная Армия развеяла этот миф более крепкими и более вескими аргументами.

Гитлер ведет Германию по стопам Вильгельма II, но, как одержимый, он ведет ее не только к поражению, а к полному крушению. Его неслыханная жадность, еще более чем у кайзера, слишком несоизмерима с возможностями, находящимися в распоряжении империалистической Германии. Разгром немецких империалистов и их армий неминуем. Это будет крушение небывалого в истории масштаба. Преступные германские планы мирового господства под обломками гитлеровского империализма будут погребены навсегда.

7 февраля 1942 г.

ИЗ ЗАПИСЕЙ ВОЕННЫХ ЛЕТ

25 сентября 1942 г.

Идет сражение, исход которого в значительной степени определит судьбы нашей страны и, следовательно, будущее мира. Никто за пределами нашей страны не предполагал, что германская армия встретит здесь столь беспримерное сопротивление. Менее всех это предполагало германское командование. Уже в начале августа немецко-фашистская пропаганда и радио заявляли, что твердыня на Волге падет через несколько дней. Во второй половине августа германская пропаганда настолько взвинтила нервное напряжение немцев, что в Берлине толпы людей стояли у репродукторов в ожидании сообщения о взятии Сталинграда и окончательного — в какой-то раз? — разгрома Красной Армии. Но в последние дни немецко-фашистская пропаганда вынуждена взять другой тон. Она сообщает населению Германии о «русском фанатизме» и «упрямстве». Она даже стала выискивать объяснения, почему гитлеровскому командованию не удалось одним ударом закончить войну на Волге.

В последние дни в прессе англо-саксонских стран нередко можно встретить сравнение Сталинграда с Верденом. Сравнение это мне представляется надуманным и неправильным. Стойкость и моральные качества, проявленные французскими солдатами в сражении под Верденом, не подлежат сомнению. Но нужно учитывать не только субъективные качества армии, но и объективную обстановку, в которой разворачивается историческое сражение. Защитники Вердена, находясь в первоклассной европейской крепости, знали, что союзная им русская армия на Восточном фронте отвлекает большие силы германской армии с Западного фронта и из-под Вердена. Теперь положение прямо противоположное. Германское командование, до сих пор пользуясь возможностью вести войну на одном фронте, безнаказанно снимает с западного побережья Европы и даже из Северной Африки войска и авиацию и подбрасывает их под Сталинград, который вовсе и не является крепостью. Тем не менее защитники этого волжского города приняли на себя удар германской военной машины. Наши потери, конечно, велики. Но отставая каждую пядь земли, защитники города уже смогли перемолоть многие дивизии гитлеровцев. Германская пропаганда сбавила спесь. В начале августа берлинская пресса утверждала, что после взятия Севастополя всякая другая военная задача покажется германской армии легкой. Но 11 сентября германское радио признало, что взять Сталинград — задача куда более трудная и сложная.

Гитлеровская армия все еще рвется вперед, хотя и терпит большие потери. Интересно: каковы настроения населения Германии? По признанию Геббельса, у многих немцев возникает вопрос: «Как долго еще до победы?» Мюндлер, редактор «Das Reich», отвечает уклончиво. Он пишет: «Немецкие солдаты на Востоке не смотрят на календарь». Геб-

бельс отвечает более определенно: «Длительная война потребует от нас еще много жертв и напряжения». Итак, на пороге четвертого года войны, накануне второй зимней кампании в России сам обер-мастер фашистской пропаганды ничего не может обещать немцам, кроме нового кровопускания, потерь и напряжения.

Похоже на то, что Гитлер вынужден изыскивать новые резервы. Он рыщет по Европе и пытается наскрести все, что можно. Он хватает поляков, французов, голландцев и насильственно включает в состав своей армии. Однако он наталкивается на затруднения. Когда одним росчерком пера он включил в состав «третьей империи» Эльзас-Лотарингию, встревоженное население молчало. Несколько дней назад, по сообщением из Лондона, германские власти объявили принудительную регистрацию населения Эльзас-Лотарингии, рассчитывая найти здесь пополнение для германской армии. Многие решились бежать за границу. Одним это удалось, другие были пойманы и расстреляны. Среди жителей царит возбуждение.

Переименовав и люксембуржцев в немцев, Гитлер приказал и их призвать в германскую армию. Но, тут в крохотной стране его постигла большая политическая неудача. Воодушевленное сопротивлением советского народа население нашло в себе силу и мужество отказаться выполнять повеление фашистского диктатора: в Люксембурге вспыхнула всеобщая забастовка протеста — первая за время войны всеобщая забастовка в европейской стране, оккупированной германскими войсками. Вбешенные гитлеровцы ввели в Люксембурге чрезвычайное положение. В стране свирепствует гестапо. Но остается фактом: забастовка является свидетельством не только возросшей активности европейских народов в их борьбе против фашистских оккупантов, но и готовности ударить по тылам гитлеровской армии в случае открытия второго фронта в Европе. В этом смысле забастовка в маленьком Люксембурге связана с тем, что происходит во Франции.

Вдумываясь в сообщения иностранной прессы и радио, приходишь к заключению, что французский народ находится в состоянии напряженного и отнюдь не пассивного ожидания. Франция — прекрасная, но несчастная страна, расплачивается за бездарность и политическую преступность своих руководителей, за беспечность и доверчивость по отношению к врагу. Франция отрешается от былых иллюзий; возрастающей ненавистью к оккупантам и предателям она искупает свои ошибки. Она стала суровой и, видимо, готовится к борьбе. «Многие полагают, — сообщает Бьерк, корреспондент „Stockholms Tidningen“, только что вернувшийся из Виши, — что во Франции приближается время серьезных внутренних столкновений. Указывают при этом на беспорядки в Париже, Лионе, Марселе и других городах. Дух восстания может вспыхнуть в массе в любой момент, если только ход войны изменится и тиски оккупантов несколько ослабнут...»

Оккупационный режим и новый нажим Гитлера на европейские народы усиливают их сопротивление. Эти народы воодушевлены примером Красной Армии. Они ждут поддержки от союзников из-за Ла-Манша. Доколе?

8 декабря 1942 г.

Армия Роммеля потерпела в Египте поражение. Хорошо организованная и проведенная высадка англо-американских войск в Северной Африке решительно изменила обстановку в Средиземноморском бассейне. Но в Европе — на главном театре войны — определяющим фактором продолжает оставаться грандиозное сражение на берегу Волги — в Сталинграде. Теперь уже ясно: стратегические и политические планы

гитлеровской коалиции, намеченные на 1942 г., останутся неосуществленными. Время продолжает работать на нас. Одним из косвенных, но немаловажных симптомов вызревающей новой ситуации является то, что, по многим признакам, престиж итало-германской коалиции в нейтральных странах начинает падать.

Немного осталось в Европе государств, нейтралитет которых не нарушен германской армией. В свое время Гитлер широко раздавал отдельным странам обещания соблюдать их нейтралитет. Так он стремился устранять эти государства с линии борьбы против агрессоров, чтобы тем легче в надлежащий момент поглотить их одно за другим. Везде и всюду он насаждал свою политическую агентуру, которая должна была облегчить ему достижение военных и политических целей. В одних случаях он создавал фашистские организации — «пятую колонну», которая могла бы составить опору при осуществлении намеченных планов захватнической политики. В других случаях применялись методы широкого экономического внедрения, которые должны были принести те же результаты. Обычно же германский империализм применял эти методы в определенной комбинации. Но везде, выдвигая на первый план лозунг «борьбы против большевизма», Гитлер стремился привлечь на свою сторону наиболее реакционные круги. Так он надеялся использовать одни государства в качестве «союзников», другие — подвергнув их оккупации. Он надеялся, что остальные государства, стоящие в стороне от пожара войны, падут рано или поздно к его ногам.

В начале ноября нажим гитлеровской Германии на нейтральные государства заметно усилился. На днях «Völkischer Beobachter» снова зарычала по адресу нейтральных государств, требуя от них «жертв». Еще яснее выразился орган СС «Das schwarze Korps», который писал по адресу Швеции и других нейтральных стран Европы: «Национал-социалистский и фашистский общественный строй будет осуществлен у вас независимо от того, хотите вы этого или нет».

Прежде всего немецко-фашистским правителям не нравится, что пресса нейтральных стран высказывает собственные суждения по поводу происходящих событий и не всегда склонна воспроизводить утверждения германской пропаганды, в частности, по вопросу о «разгроме» Красной Армии. В начале ноября Дитрих, руководитель печати в нацистской Германии, повел из Берлина наступление на прессу нейтральных государств, требуя, чтобы она следовала немецко-фашистской указке. Он называл это «идейным нейтралитетом». Его атака была отбита, а цель распознана: «Дитрих считает,— писала шведская газета „Dagens Nyheter“,— что газеты нейтральных стран обязаны исповедовать религию новой Европы, а если они не могут пойти на это, то, по крайней мере, не выступать против немецкого „нового порядка“. Нацистское требование идейного нейтралитета,— заключает газета,— решительно отвергнуто в нейтральных странах».

Несмотря на строгую фашистскую цензуру, в иностранную печать проникает информация о политике гитлеровской Германии в оккупированных странах, о зверском режиме, установленном ею в Польше и на захваченной территории Советского Союза. Наша пресса приводит много фактов, которые не могут не заставить задуматься о том, что скрывается за «новым порядком» в Европе. С другой стороны, не приходится сомневаться, что гитлеровская Германия тратит огромные средства, чтобы сделать свою пропаганду в нейтральных странах более эффективной. Так, например, в Швеции немецко-фашистские агенты широко распространяют листовки, фотографии, литературу,— все это должно убедить в благодеянии, якобы царящем в фашистской Германии, в захваченных ею странах. Но кровавые дела разоблачают лживые слова. По свидетельству иностранных наблюдателей, симпатии широких обще-

ственных кругов Швеции на стороне норвежского народа, загнанного в тиски «нового порядка», но не сгибающего спину перед гитлеровским наместником Тербовеном и его марионеткой Квислингом. На многочисленных митингах шведской общественности раздаются слова солидарности с норвежцами, борющимися за свою свободу. Не только массовые организации (профсоюзы и другие), но и некоторые акционерные общества, сберегательные кассы и т. д. производят месячные отчисления в фонд помощи Норвегии.

Эти факты, видимо, отражают и падение престижа гитлеровской Германии. «Теперь у нас нет оснований терять самообладание,— пишет шведская газета „Göteborgs Handelstidningen“,— так как мы понимаем беспокойство, вызванное у немцев ходом войны. Время больших германских успехов закончилось...»

В своих взаимоотношениях с нейтральными государствами немецкие и итальянские фашисты начинают сталкиваться с рядом затруднений. Там, где раньше они могли добиваться своей цели, притопнув ногой, теперь они должны считаться с возрастающей решимостью нейтральных государств защищать свои права и свою независимость.

26 января 1943 г.

Еще несколько дней назад фашистская пропаганда отмалчивалась по поводу поражения, понесенного германской армией под Сталинградом. По-видимому, берлинские правители и их союзники все еще надеялись, что как-нибудь удастся подправить столь сильно пошатнувшееся дела, и тогда вынужденное молчание покажется многозначительным и мудрым. Но как долго можно замалчивать события, о которых говорит весь мир? Сведения о поражении на фронте советско-германской войны просочились через все рогатки фашистской цензуры, и вот тогда-то пришлось заговорить более членораздельно. Тут окончательно стало ясно, каким смятением охвачены Берлин и Рим.

По свидетельству берлинского корреспондента шведской газеты «Svenska Dagbladet», «в Берлине теперь открыто говорят, что нынешние зимние сражения в СССР являются самым трудным и роковым периодом войны, пережитым до сих пор Германией. Постоянно подчеркивается, что огромные и трудные оборонительные бои на Востоке требуют максимума усилий и жертв».

Еще совсем недавно не только германская пресса, но и «сам» Гитлер потчевали немцев обещанием в течение 1942 г. окончательно разгромить Красную Армию и добиться на Востоке решающих успехов. Теперь гитлеровский официоз «Völkischer Beobachter» пишет: «Германская армия вынуждена вести вторую зимнюю кампанию на Восточном фронте против самого серьезного противника, который ставит своей целью разгром германской армии». Фашистская газета, которая еще так недавно рисовала перспективы уничтожения Советского Союза, теперь призывает к необходимости «выиграть битву на Восточном фронте во что бы то ни стало. В противном случае третья империя будет уничтожена раз и навсегда». Новые слова!

Из Рима раздаются истерические голоса. Оно и понятно: итальянская колониальная империя рухнула, а в то же время немало дивизий нашли себе вечное пристанище в холодной земле донских степей. Но в Риме, по-видимому, предпочитают говорить о неудаче Германии. Итальянский обозреватель Аппелиус заявил: «Мы признаем успехи русских в районе Сталинграда. Мы признаем отчаянное положение сражающихся там германских войск. Мы признаем, что создавшееся для них положение является драматическим. Русские сражаются с необычайной яростью и силой». Это еще не все. «Положение на русском фронте

весьма серьезное не только потому, что русские бросили в сражение огромные резервы, но и потому, что державы „оси“ не могут использовать в зимней кампании более установленного ими количества дивизий. Нажим русских войск поистине страшен по своей силе». Тоже новые слова!

В официальных сводках германское командование все еще пытается делать хорошую мину при плохой игре. Красная Армия прорвала на широком фронте оборону немецко-фашистских войск, она продвинулась вперед на 400 километров, а германское командование утверждает, будто события развиваются по заранее разработанным планам «эластичной обороны». Странная оборона! Красная Армия разбила одну из крупнейших группировок противника, захватила более 200 тысяч пленных, 13 тысяч орудий и много другой техники. Это ли входило в планы германского командования?

12—14 мая 1943 г.

В последнее время в иностранную печать просачивается немало сообщений о том, что за дипломатическими кулисами фашистские державы проявляют активность в определенном направлении. Фашистский корабль еще не идет ко дну. Тем не менее некоторые круги в подвассальных Гитлеру странах уже пронюхивают, словно крысы, возможные ходы и выходы. Так, в середине февраля в газете «Giornale d'Italia» появилась статья Гайды, литературного оруженосца «дуче», в которой сказано, что Италия собирается продолжать войну, но в принципе не отрицает возможности мира... с Англией и США.

Но еще раньше, в конце января 1943 г., английская консервативная газета «Daily Mail» глухо указывала на появившиеся симптомы, что «в ближайшем будущем Германия предпримет новое и более решительное мирное наступление». Удивительная осведомленность! А может быть, предусмотрительность? Во время совещания Рузвельта и Черчилля в Касабланке слухи о мирном зондировании, исходящем из Германии, стали обсуждаться на страницах иностранной печати особенно оживленно.

Американский журнал «News Week» еще в январе высказал предположение, что влиятельные круги в Берлине либо уже пускают пробные шары, либо собираются их пускать. «Полагают,— писал журнал,— что некоторые представители германского верховного командования уже сейчас понимают, что Германия обречена на неизбежное поражение. Поэтому ожидают, что они попытаются расколоть объединенные страны, выдвинув „мирные“ условия Англии и Америке или же Советскому Союзу». В начале февраля, когда вся германская пресса под впечатлением поражений на советско-германском фронте, особенно в связи с капитуляцией 6-й германской армии на Волге, подняла кампанию о «тотальной мобилизации», Геббельс поместил в «Das Reich» статью, которая расценивалась иностранной печатью как одно из проявлений «мирных» маневров гитлеровской пропаганды. Газета «France» писала по этому поводу: «Несомненно, вскоре последует зондирование через различные каналы. Попытаются ли немцы использовать Стокгольм, Берн, Мадрид, Лиссабон, Рим или Хельсинки? Посредников хватит».

Во второй половине апреля иностранная печать сообщала о выступлении испанского министра иностранных дел генерала Хорданы, предложившего посредничество Испании для мирных переговоров между Германией и западными державами — Англией и США. Хэлл и Иден категорически отвергли подобного рода предложения, подчеркнув, что объединенные нации преисполнены решимости добиться безусловной капи-

туляции итало-германской коалиции и ее сателлитов. После этого гитлеровцам не осталось ничего другого, как поспешно сообщить, будто Германия не знала ранее о предложении Хорданы. Любопытно, что за месяц до этого выступления шведская газета «Dagposten», контролируемая, как известно, фашистами, пустила слух, будто не исключено, что возможен мир между Германией и... Советским Союзом.

Смысл «мирных» происков гитлеровского империализма настолько очевиден, что никакая их маскировка не может устранить того, что за ними кроется. По-видимому, некоторые влиятельные круги в гитлеровской Германии рассчитывают, что при помощи хитроумных маневров они смогут вернуться к тем временам, когда им удавалось бить своих противников поодиночке. Но и мир на основе компромисса принес бы гитлеровцам значительные выгоды. Они смогли бы избежать ответственности за свои злодеяния. Они смогли бы сохранить в своих руках огромные богатства, награбленные в Европе. Они смогли бы вести подготовку к новой захватнической войне. Они надеются на вероломство кого-либо из своих противников, объединившихся на базе реальных интересов совместной борьбы против нацистской чумы.

Вспоминаю, что 11 ноября 1941 г. (в 23-ю годовщину подписания Германией капитуляции в Компьене в 1918 г.), когда гитлеровская армия находилась на подступах к Москве, представитель германского министерства иностранных дел Шмидт в официальном заявлении, между прочим, сказал: «Когда впоследствии будут писать историю этой войны, то в ней напрасно будут искать слова: „Зондирование Германией почвы для заключения мира“. Будут говорить только о германской победе».

Нет, историю этой войны будут писать по-другому. Уже теперь похоже на то, что в ней, как и в истории первой мировой войны, будет немало страниц, посвященных «мирным» маневрам германского империализма. И уже теперь ясно, что только полный разгром гитлеровской армии и безоговорочная капитуляция гитлеровской Германии могут принести мир пострадавшим народам Европы.

20 июля 1943 г.

Сегодня в нашу «Красную звезду» поступил первый номер новой, поистине необычной, но и примечательной газеты «Freies Deutschland» (от 19 июля 1943 г.). Каждому, кому приходится читать коричневую (правильнее сказать, желтую) нацистскую прессу, вызывающую отвращение, новая газета покажется глотком свежего воздуха: наконец-то на немецком языке можно прочесть слова правды, написанные немцами для немцев. До войны мне довелось видеть отдельные экземпляры нелегально распространяемой в Германии газеты «Die Rote Fahne». Напечатанная убогим, четким шрифтом на четверти листа очень тонкой, но плотной бумаги, эта газета Коммунистической партии Германии волновала как голос лучших людей немецкого рабочего класса, как призыв борцов, воспитанных на традициях революционной борьбы.

«Freies Deutschland» — нечто иное. Это новое явление в антифашистской борьбе немецкого народа, и никто, конечно, не может предугадать, как эта борьба развернется в дальнейшем. Нужно исходить из фактов. А факты таковы. 12—13 июля в Москве состоялась конференция военнопленных германских офицеров и солдат совместно с антифашистскими общественными и профсоюзными деятелями и депутатами рейхстага, находящимися в СССР. В работах конференции участвовали делегаты всех расположенных на советской территории лагерей германских военнопленных. В результате двухдневной дискуссии конференция избрала Национальный Комитет «Свободная Германия», президентом которого избран известный немецкий поэт Эрих Вайнерт, а вице-прези-

дентами два офицера — майор Карл Хетц и лейтенант Генрих фон Эйнзидель.

На первой полосе новой газеты «Freies Deutschland» опубликован Манифест Национального Комитета, обращенный к германской армии и к германскому народу. Вот главные положения Манифеста, который, надо полагать, войдет в историю антифашистской борьбы.

«Факты свидетельствуют неумолимо: война проиграна. Ценой неслыханных жертв и лишений Германия может еще на некоторое время затянуть войну».

«...Образование подлинно национального немецкого правительства является неотложнейшей задачей нашего народа. Только такое правительство будет пользоваться доверием народа и его бывших противников. Только оно может принести мир... Это правительство может быть создано лишь в результате освободительной борьбы всех слоев немецкого народа. Оно будет опираться на боевые группы, которые объединятся для свержения Гитлера».

«Наша цель — свободная Германия».

Это означает:

«Сильную демократическую власть»;

«Полную отмену всех законов, основанных на национальной и расовой ненависти»;

«Восстановление и расширение политических прав и социальных завоеваний трудящихся»;

«Свободу хозяйства, торговли и ремесла»;

«Немедленное освобождение жертв гитлеровского террора и материальное возмещение причиненного им ущерба»;

«Справедливый и беспристрастный суд над виновниками войны, над ее зачинщиками».

«Вперед, немцы, на борьбу за свободную Германию».

Такова программа «Свободной Германии». Кто поддержит ее в Германии, покажет будущее. Сегодня же 33 подписи, стоящие под Манифестом, свидетельствуют, что программа сплочает людей различных профессий, политических взглядов и убеждений. Среди них испытанные лидеры Коммунистической партии Германии, политические друзья Эрнста Тельмана, выдающиеся деятели немецкого и международного рабочего движения Вильгельм Пик, Вальтер Ульбрихт, Вильгельм Флорин — депутаты рейхстага. Гитлер насильственно лишил их мандата, но кто может отрицать, что они сохраняют мандат, врученный им немецким народом? В Национальный Комитет, кроме Эриха Вайнерта, вошли другие крупные поэты и писатели, защищающие свободное слово и творческую мысль немецкой интеллигенции, — Вилли Бредель и Фридрих Вольф (автор замечательного антифашистского фильма «Профессор Мамлок»). Нельзя не обратить внимания, что под Манифестом поставили свои подписи и кадровые офицеры, и солдаты германской армии — майор Генрих Хоман, служивший в 100-й егерской дивизии, Эрих Кюн, в прошлом берлинский рабочий, затем солдат 368-го пехотного полка, и многие другие.

Газета «Freies Deutschland» и созданный Национальный Комитет могут стать началом нового этапа в истории антифашистской, освободительной борьбы немецкого народа. До конечной цели — еще далеко. Какова будет она — свободная Германия?

20 сентября 1943 г.

Сегодня в «Правде» опубликован новый важный и интересный документ — «Обращение к немецким генералам и офицерам! К народу и армии», принятое на учредительном собрании Союза германских офи-

церов, состоявшемся под Москвой 11 и 12 сентября. На этом собрании присутствовало свыше 100 делегатов от пяти лагерей для военнопленных офицеров и члены Национального Комитета «Свободная Германия». В своем обращении генералы и офицеры, оставшиеся в живых после разгрома 6-й германской армии на Волге, указывают, что «национал-социалистский режим не сможет вступить на путь, который один способен привести к миру». Они призывают «объявить войну этому губительному режиму». Обращение заканчивается словами: «Потребуйте немедленной отставки Гитлера и его правительства!», «Да здравствует свободная, мирная и независимая Германия!» Под ним 95 подписей, среди которых генерала артиллерии фон Зейдлица, генерал-лейтенанта Эдлер фон Даниельса, генерал-майора Корфеса и др.

На кого рассчитывают эти генералы и офицеры? О себе они пишут: «В Германии нас заживо похоронили, но мы воскресли для новой жизни?» Вопрос заключается в том, имеются ли в гитлеровской военной машине такие элементы, которые, не потеряв способности самостоятельно мыслить, могут действовать против режима? В состоянии ли эти элементы понять, что действовать можно только широким фронтом, включающим в себя самые активные демократические силы! Сейчас важно, что созданный Союз германских офицеров решил примкнуть к движению «Свободная Германия».

16—18 октября 1943 г.

Могучее эхо советского наступления пронеслось над Европой, везде поднимая дух борьбы против немецко-фашистских захватчиков. Даже там, где еще совсем недавно народные силы, казалось, дремали, они ныне пробудились. С этой точки зрения интересны сведения, поступающие из Дании. Когда в апреле 1940 г. гитлеровские войска вторглись в эту страну, датское правительство приказало поднять перед ними пограничные шлагбаумы, надеясь таким образом заслужить милость захватчиков.

На первых порах Гитлер делал вид, что он готов оказать такую милость. По-видимому, сначала он отказался от мысли поставить у власти датских нацистов, тем более, что нацистская группа не пользуется в стране ни малейшим влиянием (на парламентских выборах в марте 1942 г. против нацистов было подано 98 процентов голосов). Гитлер решил даже сохранить Дании декорум «самостоятельности». Это приносило ему известные выгоды: не нужно было затрачивать кадры и средства на административное и военное управление страной, а кроме того можно было в пропагандистских целях превратить Данию в экспонат примерного повиновения в назидание другим, более строптивым народам, заточенным в «европейскую крепость» германского фашизма.

Летом нынешнего года, когда военное и политическое положение Германии ухудшилось, в особенности в связи с ударами, нанесенными ей нашей армией в сражении на Курской дуге, германское командование усилило нажим на Данию. Оно потребовало от нее больших экстренных поставок продовольствия. Одновременно оно решило, что даже офицеры небольшой датской армии могут пригодиться, если их привлечь на службу в состав германской армии. Тотчас же сорвав фиговый листок «невмешательства» во внутренние дела Дании, германский посланец Бест потребовал в Копенгагене пересмотра закона о военной службе с целью облегчения датским офицерам перехода на германскую службу. Славениус, датский премьер-министр, услужливый сподвижник Беста, лишь с большим трудом добился, чтобы правительство пошло на некоторые уступки и в этом вопросе. Однако результаты оказались неожиданными как для берлинских правителей, так и для датских

исполнителей из числа датских офицеров в состав германской армии записалось... пять человек. Тогда многие датские офицеры были отправлены в Германию, но не для зачисления в армию, а в концентрационные лагеря. Это было только начало.

Если раньше датчане ответили оккупантам тем, что воздвигли вокруг них холодную непроницаемую стену моральной изоляции, то теперь есть достаточно оснований предполагать, что эти мирные и молчаливые люди взялись за оружие, чтобы перейти к более решительным и активным формам борьбы. Они стали взрывать немецкие суда, пускать под откос военные поезда, поджигать немецкие казармы, убивать немецких солдат. Патриотическое движение датчан с особенной силой поднялось как раз в последние месяцы, когда военное положение Германии столь серьезно пошатнулось. Торгни Сегерстедт, шведский журналист, дает в английской газете «*Evening Standard*» следующую характеристику политическим настроениям, ныне царящим в Дании: «Датчане,— пишет он,— обладают чувством реальности, у них нет иллюзий относительно их южного соседа. Они рассуждают, что если их фабрики будут продолжать работать на немцев, то союзники могут разбомбить их. С другой стороны, если они сами взорвут их, они будут удовлетворены, так как сделают то, что должны были бы сделать союзники. Сверх того для них было бы национальным унижением, если бы они ничего не сделали для своего собственного положения. Они не хотят быть прирученной канарейкой банды убийц».

28 августа, вернувшись из Берлина, Бест вручил правительству Скавениуса ультимативное требование о введении в Дании чрезвычайного положения, о введении германской цензуры, о выдаче датских патриотов на расправу германским военно-полевым судам. Словом, он потребовал введения в Дании всех атрибутов гитлеровского кровавого режима. Даже правительство Скавениуса отказалось принять все эти требования,— оно не могло поступить иначе, не рискуя вызвать против себя возмущение народа. Тотчас же генерал Ганнекен, командующий германскими вооруженными силами в Дании, объявил в стране чрезвычайное положение. Бест причитает: «Проводившаяся мною примирительная политика потерпела крах». Он плачет крокодиловыми слезами и обвиняет во всем правительство Скавениуса. Это пустая комедия, где каждый выполняет свою роль. Берлинские правители заранее знали, что они будут делать. Они направили в Данию войска (в количестве не менее 50 тысяч человек) с танками и артиллерией.

Установив в стране режим свирепого террора, генерал Ганнекен приступил к разоружению датской армии. Он пытался захватить датский военно-морской флот, но потерпел неудачу: своевременно получив от командующего датским флотом секретный приказ «маневр номер 3», командиры датских кораблей потопили свои суда или увели их в шведские порты. На голову датчан посыпались новые репрессии. Сопrotивление датчан германское командование стремилось задушить со всей свойственной ему беспощадностью и жестокостью.

Когда весной 1940 г. гитлеровское командование захватило Данию и Норвегию, ему казалось, что задача прикрытия северного фланга Германии решена. Еще недавно германский контр-адмирал Браун в журнале «*Die Kriegsmarine*» отмечал, что, захватив эти страны, Германия обеспечила себе не только полное политическое влияние в Скандинавии, но и огромные стратегические преимущества. Она получила бы возможность оказывать постоянное давление на Британские острова и на северные территории Советского Союза, а также захватила бы контроль над морскими путями, ведущими из Англии в Советский Союз. Теперь, однако, положение решительно изменилось. Вынужденные перейти к оборонительной стратегии, немецкие оккупанты поставили перед

собою цель установить абсолютный контроль над Данией и уничтожить в стране людей, которые могли бы в будущем выступить против них.

На днях германские оккупанты объявили о формальной отмене чрезвычайного положения в Дании. Они пытаются убедить мир, что все спокойно в королевстве датском. Однако они пока не могут даже сформировать в Дании правительство. С другой стороны, стало известно, что в Дании создан нелегальный комитет освобождения. В Дании по-прежнему царит разгул немецко-фашистского террора, а это свидетельствует, что и на северном фланге «европейской крепости» накопилось огромное количество горючего материала, готового вспыхнуть, когда союзные войска откроют второй фронт в Европе. Но когда это будет?

25 октября 1943 г.

Получены сведения, что англо-американские союзные войска, форсировав реку Вольтурно и заняв Винчатуру и Кампобассо, приближаются к центральной части Италии. Но в руках германской армии находятся еще две трети территории страны.

Ведя борьбу против наступающих союзных армий, германское командование серьезно озабочено и состоянием своего тыла в Италии, где население оказывает ему сопротивление, особенно в крупных промышленных центрах севера. Убийство в Милане видного фашистского чиновника Риччи является новым подтверждением того, что германским оккупантам не удается справиться с положением и обеспечить безопасность своих ставленников. Но судя по всему, и в Риме германские военные власти чувствуют себя неуверенно и беспокойно: они ведут себя так, как будто каждый из семи холмов, на которых расположен этот вечный город, кажется им Везувием, извергающим горячую лаву. После того как Муссолини бежал, а правительство Бадольо объявило войну Германии, сопротивление итальянского населения в областях, занятых германскими войсками, возросло.

Теперь германское командование решило взнудать своего «союзника», навязав ему жестокий оккупационный режим. В Италию переброшены германские войска, конечно не с Восточного фронта, а из Австрии и Южной Франции. Гитлеровские фельдмаршалы Роммель — в Северной Италии и Кессельринг — в центральной части страны стали полновластными военными диктаторами. Гаулейтер Гофер, известный своей террористической деятельностью во время оккупации гитлеровцами Австрии, назначен военным администратором трех северных итальянских провинций. Германские войска приступили к разоружению частей итальянской армии, но, по-видимому, не всегда успешно: многие итальянские солдаты и офицеры с оружием в руках оказывают сопротивление или уходят в горы, организуя там партизанские отряды.

Отступая на север, германские войска везде оставляют кровавые следы своей расправы над страной. Военные корреспонденты иностранных газет сообщают, что в Неаполе германские войска взорвали сталелитейные заводы и огромный химический завод, на котором работало около четырех тысяч человек. Взорвавшейся миной замедленного действия, заложенной под здание почтамта, было убито много людей. Специальные отряды систематически, по заранее разработанному плану, производят на всем пути отступления германской армии чудовищные разрушения. Корреспондент агентства Рейтер передает из Неаполя, что вдоль длинной прибрежной дороги эти отряды подожгли все большие дома.

Там, где итальянские патриоты активно выступают против оккупантов, германские военные власти действуют с особой свирепостью.

На улицах городов и деревень развешан приказ германского командования. Он гласит: «За каждого убитого немца будут расстреляны сто итальянцев». Угрозы не остаются пустыми словами. Это показали события в Неаполе. Здесь население воспротивилось приказу германского командования об отправке 30 тысяч итальянцев на принудительные работы. Не сумев мобилизовать более 150 человек, германские власти выместили свою неудачу на населении: многие жители Неаполя были расстреляны, их имущество разграблено. Тогда неаполитанцы вооружились ружьями, ножами и выступили против германских войск. Немецкие оккупанты жестоко расправились с населением. Передо мной текст германского официального военного донесения. Вот как он живописует действия германских войск в Неаполе: «Германские боевые группы беспощадно подавили восстание населения. Наши танки носились по улицам и уничтожали очаги сопротивления один за другим. Саперные части начали производить разрушения, согласно приказу, и привели в негодность портовые сооружения. Неаполь дорого заплатился за свое выступление». Такова немецкая версия. Имеются, однако, сведения, что восставшие неаполитанцы изгнали немецких оккупантов из своего города.

Теперь германское командование свирепствует в Риме. Оно конфисковало продовольственные запасы столицы. Население голодает. Германские военные патрули задерживают на улицах всех итальянцев призывного возраста для отправки их на принудительные работы в Северную Италию. В окрестностях Рима германские власти создали несколько концентрационных лагерей, где в заточении находятся десятки тысяч итальянских солдат. По сведениям, проникшим в иностранную печать, на протяжении всей прибрежной полосы от Остии до Неттуно и в глубину до Велетри германские власти насильственно эвакуировали все население. При эвакуации они отобрали работоспособных и отправили их на принудительные работы по сооружению германских укреплений на полуострове. Батальоны насильственно мобилизованных итальянцев ставятся под командование германских офицеров. Всему этому предприятию дано пышное название — «Новая итальянская трудовая армия». Вытащив обанкротившегося фашистского «дуче» из политического небытия и поставив его во главе марионеточного правительства, Гитлер требует от него создать новую итальянскую армию, которая могла бы быть в какой-то степени использована германским командованием. Но даже в областях, оккупированных германскими войсками, Муссолини бессилен. Вот почему с приказом о мобилизации выступает германское командование. Последний приказ Роммеля гласит: «Две возможности открыты для каждого итальянца. Он может присоединиться к германским войскам первой линии или он может быть использован во вспомогательных частях». Однако итальянское население стремится избежать каждой из этих возможностей. Иностранные газеты сообщают: на севере Италии германские власти скрывают от итальянского населения, что правительство Бадольо объявило Германии войну. По-видимому, они опасаются, что, узнав об этом факте, итальянское население еще более усилит борьбу против оккупантов.

Трудно сказать, в каком темпе развернутся дальнейшие события в Италии: в значительной степени это будет зависеть от темпов военных операций союзников против германских войск.

9 декабря 1943 г.

По миру пронеслась весть первостепенного значения: в столице Ирана состоялась конференция руководителей трех великих держав — главных участников антигитлеровской коалиции — СССР, США и Велико-

британии. 1 декабря они подписали в Тегеране совместную Декларацию, в которой сказано следующее: «Мы согласовали наши планы уничтожения германских вооруженных сил... Никакая сила в мире не сможет помешать нам уничтожить германские армии на суше, их подводные лодки на море и разрушить их военные заводы с воздуха. Наше наступление будет беспощадным и нарастающим». После всех тяжелых испытаний, выпавших на долю нашей страны, которая вот уже полтора года ведет единоборство с немецко-фашистской военной машиной, питаемой огромным экономическим потенциалом не только Германии, но и всей подвластной ей Западной Европы, эти слова звучат как смертный приговор, вынесенный германскому фашизму и милитаризму. Декларация проникнута духом боевого оптимизма, духом, который у нас так окреп после битвы на Волге и на Курской дуге. Теперь этот дух, несомненно, поднимется и в странах, порабощенных гитлеровской тиранией. Будем надеяться, что он воплотится и в активных военных действиях наших союзников по антигитлеровской коалиции.

Память историка подсказывает немало примеров ведения коалиционных войн. Одни из этих примеров напоминают, как часто политические трещины, возникающие в ходе войны, приводят к ослаблению общих военных усилий или даже к распаду коалиции прежде чем достигнута общая цель — разгром врага. Другие примеры напоминают, с каким трудом участникам коалиции удается координировать стратегические планы и с еще большим трудом осуществлять их на деле. Бывало и так, что дело сводилось к согласованию военных операций более или менее ограниченного значения. Но в Тегеране, как указывается в Декларации, руководители трех союзных держав «пришли к полному соглашению относительно масштаба и сроков операций, которые будут приняты с востока, запада и юга». Это широкое соглашение по стратегическим вопросам огромных масштабов является небывалым в истории коалиционных войн. Если оно будет строго выполняться всеми его участниками, то откроет новый этап больших военных операций против общего врага — гитлеровской Германии.

Не всем дано оценивать значение событий своевременно, правильно и точно. Исторический опыт вовсе не всегда дает возможность предусмотреть варианты будущего, но в нынешней обстановке значение военных решений Тегеранской конференции огромно. Несмотря на это, а возможно, именно поэтому в США и Англии раздаются голоса, стремящиеся подорвать веру в решения Тегеранской конференции. Это помогает гитлеровской клике, которая на протяжении всей войны стремилась разобщить участников противогерманской коалиции, посеять между ними недоверие и рознь и тем самым ослабить или даже вовсе сорвать их совместные военные усилия. С другой стороны, немецко-фашистская пропаганда всячески пытается преуменьшить или даже вовсе отрицать военное значение тегеранских решений. Земмлер, один из сотрудников Геббельса, 6 декабря заявил, что в Берлине не придают значения Тегеранской конференции, что «германский фронт на Востоке стоит и будет стоять прочно». Отто Кригк, другой клевет Геббельса, заявлял, что «решения Тегеранской конференции — это новый блеф». Газета «Berliner Börsenzeitung», близкая к генеральному штабу, пишет: «Конференция в Тегеране свидетельствует о резком падении военного курса наших противников, — они не знают, где бы им предпринять наступление». А сегодня берлинское радио заявило: «Все вопросы, освещенные в Декларации трех держав, вызвали здесь, в Берлине, улыбку. Вопрос о втором фронте немало развлек наш народ». Трудно сказать, что преобладает в этих словах: тупая и наглая самоуверенность или отчаянный страх, который нужно скрыть?

7 июня 1944 г.

Второй фронт в Европе открыт: вчера, 6 июня на рассвете английские, американские и канадские войска отлично осуществили высадку в Нормандии, быстро сломили сопротивление германских войск, захватили первые плацдармы и успешно закрепились на них. Вчера же вечером в помещении английской военной миссии в СССР, в одном из московских переулков, состоялась пресс-конференция для представителей советской печати. На пресс-конференции выступили глава английской военной миссии генерал-лейтенант Брокас Баррос и глава американской военной миссии генерал-майор Джон Дин. Раскрыв большую карту, висевшую на стене, Брокас Баррос показал на ней, каков был замысел англо-американского военного командования, разработавшего стратегический план вторжения на континент с Британских островов, старательно отметив при этом, что, по его сведениям, план выполняется точно в соответствии с общим замыслом и конкретными заданиями, полученными всеми родами войск, участвующими в экспедиции. В своем сообщении, которое было предельно кратким, генерал касался, естественно, только военных вопросов и положения в день высадки. При этом он довольно глухо отметил, что операция в Нормандии требовала весьма длительной и тщательной подготовки. По-видимому, он считал это замечание достаточным, чтобы заранее устранить вопрос, почему операция не была осуществлена раньше, хотя еще в июне 1942 г. в результате англо-советских переговоров в Лондоне и советско-американских переговоров в Вашингтоне было достигнуто соглашение об открытии второго фронта в Европе в 1942 г. Но никто, кажется, и не собирался ставить этого вопроса в прямой форме. Каждый, кто в течение последних двух лет следил за английской и американской печатью, мог составить себе представление, что проблема второго фронта в Европе — проблема не только военная, но и политическая. В течение этих двух лет в руководящих кругах Англии и США шла то открытая, то скрытая борьба вокруг проблемы второго фронта в Европе. Рассказать об этой сложной борьбе на разных ее этапах сможет будущий историк. Это будет интересный, а главное поучительный рассказ...

Как бы то ни было, долгожданное открытие второго фронта в Европе — событие большого значения. И многое зависит от того, какие стратегические и политические цели будут преследовать США и Англия в Европе. Разумеется, это понимают в Берлине. Какова будет их реакция,— военная и политическая?

26 июня 1944 г.

Прошло почти три недели после открытия союзниками второго фронта в Европе и становится очевидным, что правители гитлеровской Германии делают главную ставку на разногласия между Советским Союзом и англо-американскими союзниками. После того как весь мир и даже население Германии убедились, что германский миф о «неприступной европейской крепости» развеялся, как дым, казалось, что политическим стратегам гитлеровской Германии придется разработать и применить какие-либо новые методы с целью предотвращения окончательного военного разгрома. Пока что, если судить по общему тону и направлению германской пропаганды, рассчитанной на заграницу, берлинские правители после шока, испытанного ими в связи с высадкой союзных войск в Нормандии, ничего нового не изобрели: но в еще большей степени, чем раньше, они продолжают прежний курс на разжигание разногласий и недоверия между участниками антигитлеровской коалиции, преимущественно между англо-саксонскими странами и Со-

ветским Союзом. Так, уже 9 июня, через три дня после начала вторжения в Нормандию, Гельмут Якш, один из сотрудников Геббельса, обращаясь к англичанам, иронически вопрошал: «Если союзные войска пытаются добиться успеха на Западе, между тем как на Востоке царит покой, то где же возвещенная в Тегеране координация?»...

...Прошло несколько дней, и Красная Армия дала ответ на этот не столько риторический, сколько провокационный вопрос. Ответ был столь определенный, решительный и сокрушающий, что ведомство Геббельса на первых порах даже не поняло всей его силы и значения. Всего четыре дня назад, 22 июня, в день трехлетия нападения гитлеровской Германии на Советский Союз и накануне мощного удара нашей армии на Витебск, «Bremer Nachrichten» по инерции все еще твердила: «Если мы отдали часть завоеванной нами обширной территории России, то это произошло в результате хладнокровных соображений, вытекающих из хода военных действий». Фашистская пропаганда все еще стремится удержаться на своих старых бастионах, тех самых, которые были воздвигнуты ею еще в прошлом году, когда была создана версия о планах «эластичной обороны». Прошло еще несколько дней, как рухнули и эти бастионы. Теперь на смену пришла формула — «планомерное выравнивание фронта». Вслед за освобождением на Западе Шербура на Востоке освобождены Витебск, Орша и Могилев. Таким образом, непревзойденная стремительность советского наступления, начавшегося 23 июня, его масштабы и мощь в течение нескольких дней решительно изменили военную обстановку в Европе. По свежим следам развертывающихся событий еще трудно в полной мере предугадать все возможные их последствия. Но уже теперь ясно, что Красная Армия, прорвав широкую полосу первоклассных германских укреплений, ведя бои на окружение и уничтожение немецких войск, наращивая удары и быстро продвигаясь на Запад, окончательно сломала германские планы летней кампании 1944 года. В результате июньских событий на обоих европейских фронтах германское командование, кажется, впервые признало то, что еще недавно отрицало: превосходство вооруженных сил держав антигитлеровской коалиции.

4 июля 1944 г.

Еще в битве на Курской дуге гитлеровская Германия потеряла инициативу окончательно и безвозвратно. Теперь можно сказать: активные действия Красной Армии и англо-американских союзников приближают час полного разгрома Германии. Геббельс требует проведения в самые короткие сроки сверхтотальной мобилизации. Испытывая острый недостаток в людских ресурсах, гитлеровские стратеги рассчитывают теперь на использование двух факторов — времени и пространства.

Это означает, что они хотели бы держаться на линии обороны не только как можно дольше, но и как можно дальше от жизненных центров Германии. Как сообщает корреспондент шведской газеты «Dagens Nuheter» из Берлина, «29 июня в немецких обозрениях военного положения заявляется, что как в России, так и на западе Германия будет пока лишь обороняться... Здесь говорят, — сообщает он далее, — что Франция достаточно велика для того, чтобы Германия смогла бы позволить себе вести оборонительную войну, не подвергая непосредственной угрозе жизненно важные немецкие зоны».

А вот что сообщает берлинский корреспондент японской газеты «Иомиури Хоци» от 29 июня: «Военная ситуация становится все более напряженной, если учесть тот темп, с каким Красная Армия продвинулась за последние пять дней... Один германский военный эксперт утверждает, что фельдмаршал Модель может отступить до польской терри-

тории, и все еще у Германии в запасе останется территория в 200 тысяч квадратных километров... Однако необходимо отметить, что с наступлением летних месяцев военная ситуация, как указывают германские военные авторитеты, станет еще более напряженной».

Германские «военные авторитеты» считаются с этой возможностью, потому что знают, каково истинное положение на советско-германском фронте. Красная Армия освободила Полоцк, тем самым она открыла пути к освобождению Советской Литвы. Ее мощные удары и быстрое движение на запад ошеломляют германское командование. Уже теперь они вынуждены задуматься над тем, как прикрыть подступы к Восточной Пруссии.

28 июля 1944 г.

Взорвавшаяся 20 июля бомба полковника Штауфенберга, неудачно покушавшегося на Гитлера, и заговор германского генералитета внезапно, как молния, блеснувшая ночью, осветили назревающий «кризис верхов» в гитлеровской Германии. Насколько можно судить по информации и дезинформации, появляющейся на страницах иностранной печати, организаторы и вдохновители генеральского заговора поняли, что война окончательно проиграна. Подобно Людендорфу в 1918 г., они еще надеялись спасти то, что можно,—спасти германскую армию от окончательного разгрома и не допустить превращения Германии в арену военных действий. И подобно Людендорфу, который в последний момент понял, что необходимо пожертвовать кайзером Вильгельмом, они решили, что нужно пожертвовать Гитлером и его кликой. В обоих случаях это, казалось, имело то преимущество, что таким образом генералы добивались уменьшения своей собственной ответственности за ту роль, которую они выполняли в качестве составной части германской военной машины.

Согласно официальной гитлеровской версии, в состав группы заговорщиков входили главным образом генералы, отстраненные от дел. Это не мешает, однако, генералу Дитмару, главному военно-политическому комментатору в Берлине, возложить на этих генералов ответственность за самые последние поражения германской армии. Он пишет: «Критическое положение, создавшееся на центральном участке Восточного фронта, вызвано в известной мере деятельностью этого кружка заговорщиков». Расстреливая своих генералов и офицеров, а также лиц, связанных с ними, Гитлер заверяет, что таким образом он устраняет последние препятствия к победе. Но ведь генералы-то устроили заговор как раз потому, что считают Гитлера ответственным за поражения!

Расправы, учиняемые Гиммлером, призваны помочь германскому фашизму в осуществлении планов затяжной войны. Гитлеровская клика делает конвульсивные усилия, чтобы отсрочить окончательную катастрофу. Только так можно оценить последний декрет Гитлера о новой, сверхтотальной мобилизации в Германии. Дитмар называет ее «импровизацией». По-видимому, даже он не очень верит в ее эффективность, но он знает, что пресловутая «интуиция» Гитлера на сей раз уже ничего больше предложить не может: утопающий хватается за соломинку. Поставив Геббельса во главе новой армии «сверхтотальников» и предоставив Гиммлеру диктаторские полномочия для расправы в тылу, Гитлер созвал совещание командующих на советско-германском фронте для обсуждения опасности, создавшейся для германской обороны в Польше и непосредственно нависшей над Восточной Пруссией. «Наши самые тяжелые заботы,—пишет Дитмар,—на Востоке», ибо здесь, «у ворот Германии бушует неимоверная угроза». События в Германии свидетельствуют по меньшей мере о двух важных явлениях: во-первых,

Гитлер, который был апологетом молниеносной войны, вынужден стать сторонником затяжной войны и, во-вторых, среди германского генералитета, а может быть и в других высоких кругах назревает кризис. При всех условиях это результат тяжелых поражений германской армии, стратегических и политических просчетов фашизма.

8 августа 1944 г.

Вглядываясь сквозь почти непроницаемую пелену, которой гитлеровская Германия постаралась себя окружить, основываясь на некоторых данных, прежде всего германской прессы и радио, прихожу к выводу, что старая милитаристская легенда об «ударе ножом в спину», созданная в 1918 г. проигравшими войну генералами, теперь быстро реставрируется применительно к современной обстановке. Еще совсем недавно Гитлер утверждал, что победа Германии в этой войне полностью обеспечена, поскольку, в отличие от первой мировой войны, германским войскам, сражающимся на фронтах, пресловутый «нож в спину» не угрожает. Но вот 4 августа Гитлер впервые сделал признание, которое нельзя не отметить: он заявляет, что не может быть полностью уверен в успехе, поскольку «не уверен в том, что в тылу налицо полная безопасность, глубокая вера и тесное сотрудничество». Всю ответственность за свои поражения он взваливает на участников заговора 20 июля.

Еще на днях Гитлер и его ближайшее окружение пытались убедить весь мир о том, что заговор, как бы ни были серьезны его последствия, не имел глубоких корней. Теперь даже Фриче, один из ближайших сотрудников Геббельса, признает, что «первоначально выслеженная четверть дюжины заговорщиков, оказывается, встретила некоторую поддержку в подготовке к осуществлению своих намерений. Эта группа,— продолжает он далее,— оказалась больше, чем можно было сначала предполагать». Ценное признание!

Теперь стало известно, что наряду с Бекем в заговоре участвовали и другие крупные генералы и офицеры, которые по своему служебному положению имели возможность составить себе точное представление о том, какая пропасть лежит между официальными оценками и подлинным военным положением Германии. Среди них следует назвать генерала Фельгибеля, начальника технических средств связи, через руки которого проходили секретные донесения со всех театров военных действий. Полковник Ганзен, начальник одного из управлений Верховного командования, так же как и сотрудники Верховного командования генерал артиллерии Вагнер и генерал-майор Штиф, располагали данными о людских резервах и материальных ресурсах Германии. Полковник фон Фрейтаг Лорингофен, начальник другого управления, располагал данными о размерах активного сопротивления народов в оккупированных областях, а также о размерах того ущерба, который наносит сопротивление многомиллионной армии иностранных рабочих, насильно ввезенных в Германию. Многие лица включены в список тех, кто подлежит расправе на импровизированном Гитлером «суде чести».

Однако число генералов и офицеров — участников заговора этим списком далеко не ограничивается. Более того, в числе заговорщиков были и представители гражданской администрации, и промышленных кругов, тех самых, которые в свое время субсидировали и активно поддерживали Гитлера и его клику. В этом отношении особенно знаменательна роль Герделера, который мог трезво оценить экономические резервы. Но каковы политические планы участников заговора 20 июля? Куда ведут его нити в пределах Германии, а может быть и за ее

пределами? Таковы некоторые из вопросов, ответы на которые могли бы многое осветить как в общем положении среди правящих кругов Германии, так и, возможно, вообще в политической истории войны.

На что надеется гитлеровская клика? Главные персонажи, фигурировавшие на срочно созванном совещании рейхслейтеров и гаулейтеров, как бы олицетворяют те силы, которые призваны Гитлером, чтобы отсрочить час его гибели. Шпеер, министр вооружения, заверял, что он готовит перевооружение германской армии. Он утверждал, что «секретное оружие» (Фау-1 — так называются самолеты-снаряды) — является «стратегическим фактором», который сорвет наступательные планы союзников в Западной Европе. Пока же Шпеер призывал «держаться». На этом же совещании Геббельс доказывал, что спасение — в новой проводимой им свертотальной мобилизации.

Гиммлер заявил, что он будет проводить «чистку» со всей присущей ему жестокостью. На немецко-фашистском жаргоне эта операция теперь называется «устранением последней песчинки в военной машине». В совокупности, по свидетельству «Hakenkreuzbanner», все это сводится к следующему: «Мы стремимся к тому, чтобы выиграть время». Под этим знаком и прошло экстренное совещание фашистских бонз, на котором Гитлер заявил, что он боится только «ножа в спину». На самом деле Гитлер в еще большей степени боится новых поражений и уже близкого полного разгрома германской армии.

30 августа 1944 г.

Десять дней назад немецко-фашистская газета «Flensburger Nachrichten» писала: «Война вступила в чрезвычайно серьезную фазу. На Востоке советские войска стоят на Висле и севернее этого района угрожают территории Германии». С тех пор положение гитлеровской Германии, военное и политическое, еще более ухудшилось. В то самое время, когда внимание гитлеровского командования было приковано к северному и центральному участкам советско-германского фронта, Красная Армия нанесла на южном участке такие удары, военные последствия которых трудно переоценить.

В ходе наступления советские войска вышли на Дунай. Все это привело к крупным политическим последствиям. Давно назревавший в Румынии внутренний кризис вызвал падение диктатуры Антонеску. Вновь сформированное правительство Санатеску заявило о разрыве с гитлеровской Германией и о готовности вместе с союзниками вести войну против нее. В качестве курьеза можно отметить, что свержение Антонеску и этот поворот в политике Румынии немецко-фашистское агентство Трансоцеан расценило, как «факты второстепенного значения». Ясно, что в Берлине царит некоторая растерянность и что гитлеровская Германия уже не в силах приостановить начавшийся распад блока ее сателлитов.

С военной точки зрения судьба немецких дивизий в Румынии предопределена! Эти дивизии уже основательно потрепаны Красной Армией. Как отмечает Денис Мартин, корреспондент агентства Рейтер, дивизии, расположенные в Югославии, как раз в последнее время терпят неудачи под ударами национально-освободительной армии Тито.

Париж освобожден! Как много могут в себя вместить всего только два слова... Союзные войска уже ведут наступление за Марной. Части, высадившиеся на юге Франции, продвигаются на восток и вскоре, вступив на территорию Северной Италии, создадут новые затруднения войскам Кессельринга. Другие части союзных войск, продвигаясь на север, вскоре подойдут к юго-западным границам Германии.

23 октября 1944 г.

Ни одно событие международной жизни не привлекает в эти дни столь пристального внимания, как итоги англо-советских переговоров, состоявшихся в Москве с 9 по 18 октября. Эти переговоры, которые происходили после встречи Черчилля и Рузвельта в Квебеке, где были приняты решения относительно войны в Западной Европе, должны иметь, как отмечает «Times», «важнейшее значение для дальнейшей консолидации политики союзников как в военной, так и в политической областях». Тот факт, что переговоры происходили с одобрения правительства США, которое было представлено на переговорах послом США в Москве Гарриманом в качестве наблюдателя, свидетельствует о нерушимости боевой дружбы великих держав — СССР, Великобритании и США. В результате московских переговоров это боевое содружество еще более окрепло. Это нашло свое выражение не только в том, что, как гласит англо-советское коммюнике, «по многим политическим вопросам, представляющим общий интерес, имел место свободный и искренний обмен мнениями», но и в достигнутых результатах по вопросам общей стратегии, конечной целью которой является быстрый и окончательный разгром общего врага — гитлеровской Германии. Свою длительную и в то же время напряженную работу Московское совещание провело в духе Тегеранских решений, которые, как показал опыт, принесли хорошие результаты.

Лучшим показателем успешности московских переговоров является страх, который усилился в рядах гитлеровской клики. Представитель германского министерства иностранных дел 21 октября мрачно признал: «За скупыми формулировками московского коммюнике скрываются широкие планы кампании союзников в целях разгрома Германии». Как раз в дни московского совещания Красная Армия одержала новые победы: Красная Армия совместно с войсками маршала Тито освободила Белград; она ведет наступление на Будапешт, прорвала на Карпатах фронт протяжением 250 километров, завершает очищение Прибалтики, наносит удары на территории Восточной Пруссии. В то же время на Западе союзные войска овладели городом Ахен. Стратегическая обстановка сложилась так, что германское командование имеет все основания в смертельном страхе ожидать координированных военных ударов в самое сердце гитлеровской Германии.

30 ноября 1944 г.

Даже в такое многотрудное время, как наше, полезно бывает оглянуться назад, чтобы уяснить, как велик пройденный этап на пути к цели. Завтра исполняется ровно год с того дня, как стало известно, что в Тегеране состоялась конференция руководителей трех союзных держав — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании. За этот год Красная Армия одержала над гитлеровской Германией победы крупнейшего исторического значения. Она прошла огромный путь — от Днепропетровска до Белграда, до Варшавы и до Тильзита. За этот же год союзные армии прошли с юга на север Апеннинского полуострова, а в результате вторжения в Западную Европу, — вторжения, которое они уже не могли больше откладывать, создали новый большой военный театр, пройдя от берегов Ла-Манша до верхнего течения Рейна. Таким образом наша Армия изгнала немцев не только с территории Советского Союза, но и с территории Румынии, Финляндии, Болгарии, большей части Венгрии, освободила значительную часть Польши, Югославии, часть Чехословакии и Норвегии, уже вступила на тер-

риторию Восточной Пруссии и угрожает жизненным центрам Южной Германии и Австрии. В то же время англо-американские войска освободили большую часть Италии, почти полностью Францию, Бельгию, значительную часть Голландии и вступили на территорию Западной Германии, угрожая ее жизненным центрам — Рейнской и Рурской областям.

Как бы ни был значителен путь, пройденный Красной Армией и армиями наших союзников, он не исчисляется только километрами. Он знаменует решительный поворот в ходе войны против гитлеровской Германии, и теперь уже не может быть сомнения в том, что час ее полного и окончательного разгрома близок. Гитлеровская Германия потеряла всех своих европейских союзников и вассалов, кроме Венгрии. Испытывая неразрешимые трудности, военные, экономические и политические, и прежде всего кризис резервов, а также, возможно, кризис верхов, она стоит перед лицом мощной коалиции демократических держав, силы которой продолжают нарастать. Зажатая в тисках между двумя фронтами, гитлеровская Германия еще ожесточенно сопротивляется, но это сопротивление обреченного.

Еще 25 октября 1944 г. «Völkischer Beobachter» писала: «Положение, несомненно, серьезное, очень серьезное... Грозная опасность, нависшая над Восточной Пруссией и над Германией, не уменьшается». В призывах гитлеровской прессы звучит отчаяние. В своем последнем обращении к немцам Гитлер вынужден был признать, что в результате могучих ударов Красной Армии «последовал развал фронтов» и что наступление англо-американских армий ухудшило военное положение Германии. Так гитлеровская Германия испытала силу и значение военных решений, принятых в Тегеране.

2 января 1945 г.

Передо мною тексты двух новогодних обращений Гитлера к немецкому народу, первое относится к 1944 г., второе — к 1945 г. Год назад Гитлер утверждал, что германские войска являются надежным щитом, выдвинутым далеко на восток, и что, следовательно, с этой стороны границам «фатерланда» ничто угрожать не может. Он утверждал, далее, что германская армия, находившаяся тогда южнее Рима, не отступит ни на один шаг и во всяком случае способна удержать Италию в своих руках. Он утверждал, наконец, что германская армия полностью господствует на Балканах и что она сокрушит любую силу, которая делает попытку совершить вторжение в пределы «европейской крепости» на Западе.

Все эти утверждения опрокинуты, и вчера, подводя итоги 1944 г., Гитлер был вынужден признать: «Одна катастрофа буквально следовала за другой». В том же духе вчера высказались и высшие представители генералитета. Генерал Гудериан, начальник генерального штаба, констатирует: «В прошлом году нашим противникам удалось достичь границ Германии». Гросс-адмирал Дёниц, который обещал беспощадной подводной войной поставить союзников на колени, заявляет: «Позади остался тяжелый роковой год, — он принес Германии тяжелые поражения». Геринг, который в начале войны утверждал, что его воздушная армада сокрушит всех врагов и что ни одна вражеская бомба не упадет на территорию Германии, в нынешнем новогоднем обращении счел благоразумным вообще не касаться прошлого: разрушение германских городов является слишком красноречивой иллюстрацией огромного превосходства союзной авиации над германской. Он решил поэтому на сей раз ограничиться только изъявлением верности своему «фюреру», — возможно, потому, что он был одним из тех, по выражению Ганса Фриче,

«многочисленных, сознающих свою ответственность немцев, которые были убеждены, что они заглянули прямо в пропасть».

Но и сам «фюрер» заглянул в нее. Признав, что Германия потерпела «ужасные поражения», он готов обвинить в этом бывших правителей Румынии, Болгарии и других своих сателлитов, казенных им участников генеральского заговора — кого угодно, лишь бы оправдать себя и фашистский режим. Гитлер заклинает немцев, чтобы они «доверяли руководству национал-социалистского движения», доверяли лично ему, его политике, его «интуитивной стратегии». Он требует, чтобы немцы «фанатически довели до конца эту тяжелую борьбу». Однако «несколько кризисов и немало поражений», которые Гитлер вынужден признать в прошлом, видимо, не вселяют в немцев надежд относительно будущего. В создавшейся обстановке Гитлер не может сулить немцам пряника, тем более яростно он должен стегать их кнутом: он недвусмысленно угрожает, что «уничтожит каждого, кто намеревается уклониться» от продолжения борьбы. Он требует, чтобы они верили в его способности творить «чудо», и Геббельс уже поспешил объявить его небожителем.

Немецко-фашистская пропаганда утверждает, что наступление, предпринятое армией Рундштедта на западе,— это и есть «германское чудо».

9 января 1945 г.

Теперь уже окончательно ясно, что германские наступательные операции, предпринятые Рундштедтом сначала в Бельгии, а затем в Эльзасе, преследовали не только стратегические, но и крупные политические цели. В те дни, когда эти операции принесли германскому командованию некоторые успехи, «Völkischer Beobachter» утверждала, что «в битве сегодняшнего дня вряд ли дело идет о городах и реках, дело идет даже не о судьбе дивизий и армий, а прежде всего о том, кто будет в ближайшие недели диктовать закон действия на западноевропейском театре войны». Газета далее утверждала, что гитлеровское командование, потеряв возможность диктовать «закон действия» еще во время своего поражения на Волге, считает необходимым во что бы то ни стало обрести его теперь вновь, чтобы предотвратить общий штурм «германской крепости», окруженной с трех сторон Красной Армией и англо-американскими союзниками.

Гитлеровское командование рассчитывало, следовательно, прежде всего вырвать военную инициативу из рук союзников,— в надежде, что этот факт сам по себе будет иметь немалые политические последствия. Уже избранное им направление удара свидетельствовало о намеченных политических целях: совершив прорыв в расположении 1-й американской армии, оно надеялось, что сможет направить и развить его на участке, удерживаемом англичанами в Бельгии. Стратегически гитлеровское командование нацеливалось на Льеж, а политически метило гораздо дальше. В последние дни Рундштедт нацеливается на Страсбург, но и здесь метит гораздо дальше — на Париж.

Гитлеровская клика считает, что в случае успеха она сможет спасти себя тем, что вызовет политическое замешательство и разногласия в лагере союзников: таков единственный шанс, оставшийся в ее распоряжении. В своем последнем послании конгрессу президент США Франклин Рузвельт счел необходимым обратить на это особое внимание. Он заявил: «Клин, который немцы пытались вбить в Западной Европе, был менее опасным для одержания победы в войне, чем те клинья, которые они постоянно пытаются вбить между нами и нашими союзниками. Каждый, самый маленький слух, который имеет целью ослабить нашу

веру в союзников, равнозначен действию вражеского агента в нашей среде, пытающегося саботировать наши военные усилия». Рузвельт отметил, что каждый из этих слухов носит на себе клеймо: «Made in Germany». Это напоминание, сделанное Рузвельтом, следует считать как нельзя более своевременным.

Нетрудно распознать это клеймо на пропагандистских изделиях ведомства Геббельса или закулисных «мирных» маневрах дипломатического ведомства Риббентропа, но иногда его можно различить и там, где Гитлер, казалось бы, не должен иметь своих адептов. В качестве примера можно указать на влиятельный американский журнал «Army and Navy Journal». В последнем номере можно прочесть, будто причиной наступательных операций германских войск в Бельгии является... бездействие Красной Армии. Журнал пытается даже создать впечатление, будто наступление на Западе Рундштедт предпринял силами, переброшенными с советско-германского фронта. Между тем дело обстоит как раз наоборот: чтобы вернуть Будапешт, гитлеровское командование перебрасывает в Венгрию войска с Запада, между прочим и из Голландии. Но американские чернильные стратеги знать этого не хотят. Они утверждают: «Если ничего не будет сделано для взятия Будапешта, Гитлер сможет перебросить подкрепления Рундштедту и отсрочить наше вторжение в Германию». Какие-то круги в США явно стремятся посеять сомнение в лагере союзников и вызвать недоверие к Красной Армии.

Подобного рода взгляды не могут не вызвать отповеди со стороны честных людей. Патрик Лейси, английский обозреватель, полемизируя с теми, кто придерживается взглядов «Army and Navy Journal», замечает: «Эти „критики“ явно проглядели целый ряд фактов. Прежде всего они, очевидно, не учитывают такие операции, как наступление в Чехословакии и Венгрии, где русские ведут настоящее зимнее наступление, ничуть не меньшего, если не большего масштаба, чем операции союзных армий на Западе... В Венгрии русские изолировали огромный город Будапешт, один из главных европейских оплотов Германии... Русский фронт всегда отвлекал максимум германских сил, и даже теперь, после трех с половиной лет войны, русские сковывают значительно больше половины всех германских дивизий».

Однако американский журнал ничего об этом знать не хочет. Он утверждает, что наступление Красной Армии в Венгрии преследует какие-то «особые цели». Это наступление ему явно не нравится. Но гитлеровской клике оно тоже не нравится. Законно поэтому звучит вопрос Патрика Лейси: «А кто же эти люди, критикующие русских?» Важный вопрос, в особенности, если уяснить себе, какие силы в США заинтересованы в том, чтобы подорвать доверие к Советскому Союзу.

17 февраля 1945 г.

На днях были опубликованы документы новой конференции руководителей СССР, США и Великобритании. Весть о возможной встрече руководителей трех великих держав впервые стала обсуждаться на страницах мировой печати еще осенью истекшего года. После переизбрания на пост президента США Франклина Рузвельта слухи о предстоящей встрече стали еще более настойчивыми. На страницах иностранной печати высказывались самые различные предположения о месте встречи: одни называли Лондон или Париж, другие — Фербенкс (Аляска) или Тегеран, третьи говорили о каком-то пункте в районе Средиземного моря. Представитель государственного департамента США заявил в ответ на вопросы корреспондентов: «Мы не хотим сообщать

о месте встречи потому, что, быть может, мы еще захотим этим местом воспользоваться». И вот, оказывается, конференция состоялась 4—11 февраля у нас, в Крыму.

Все мы с верой и надеждой на успех ожидали результатов предстоящей конференции. Ожидали этой встречи, но с возрастающим страхом и в лагере противника. Накануне Тегеранской конференции правители гитлеровской Германии еще твердо рассчитывали на то, что если им не удастся выиграть войну, то, во всяком, случае, удастся ее не проиграть.

Накануне Крымской конференции гитлеровская клика уже не могла заниматься пустым бахвальством. Охваченная смертельным страхом, она самым тщательным образом следила за всеми сообщениями, проникающими на страницы мировой печати, о предстоящей конференции. На сей раз она уже не посмела выражать сомнения в возможности этой встречи. Накануне представитель ведомства Риббентропа заявил, что, по его мнению, основной задачей конференции явятся «не военные вопросы, а политическая проблема сохранения англо-американо-советской коалиции». «Ни один из партнеров,— заявил он далее,— не верит в прочность коалиции». В этих словах гитлеровцы выражали желаемое и изображали его как сущее. Тем самым они раскрыли свои главные чаяния: они хотят, чтобы разногласия, имевшие место между союзниками по отдельным вопросам, превратились в глубокие и непреодолимые противоречия, которыми можно было бы воспользоваться, чтобы спасти себя или хотя бы отсрочить час своей гибели.

Дело в том, что в последние месяцы, предшествовавшие Крымской конференции, в некоторой части прессы союзных стран можно было наблюдать довольно оживленную перепалку и разногласицу по различным вопросам, главным образом экономического и политического характера. Оживленно обсуждались проблемы распределения нефтяных ресурсов мира, проблемы морской политики и развития послевоенной гражданской авиации. Острая полемика развернулась по вопросу о Польше, о положении в странах, бывших сателлитами Германии, и, наконец, о будущем самой Германии. Разные мнения, которые высказывались печатью по этим и по другим вопросам, германская пропаганда рассматривала как выражение непреодолимых разногласий, существующих в лагере союзников. В таком же духе освещала события и японская пресса. Так, например, японская газета «Майници Симбун» (23 января 1945 г.) утверждала, что перспективы конференции крайне неблагоприятны и что отсутствие решений по ряду вопросов вообще исключает возможность скорого созыва конференции трех великих держав. Незадолго до начала работы Крымской конференции Геббельс на страницах газеты «Das Reich» также утверждал, что в существующей обстановке соглашение между союзниками и в особенности между Советским Союзом и англо-саксонскими странами невозможно. Гитлеровская пропаганда подняла новую волну кампании о «большевистской опасности». В этом отношении немецко-фашистская пропаганда нашла себе подражателей. Реакционная пресса в США, в Англии и в других странах явно пыталась отравить атмосферу предстоящей конференции и весьма скептически относилась к тому, что конференция вообще сможет решить основные проблемы войны и будущего мира. Решения, принятые Крымской конференцией, следует поэтому рассматривать как сильный удар, нанесенный всем, кто надеялся, что союзники не найдут общего языка и продемонстрируют кризис антигитлеровской коалиции.

Судя по опубликованным документам, проблема военного разгрома Германии занимает в решениях Крымской конференции центральное место. Подробности этих решений мы не знаем и знать не можем; они зафиксированы в военных планах Красной Армии и англо-американ-

ских союзников,— планах, согласованных и обеспечивающих такие мощные удары по врагу с востока, запада, севера и юга, которые должны привести к ускорению конца войны.

Германия будет разгромлена, и нужно подумать о том, что с ней будет дальше. Это крайне важно не только для определения судеб Германии, но и для определения характера грядущего мира. Крымская конференция разработала общий план принудительного осуществления условий безоговорочной капитуляции. Некоторые круги в Англии, Америке и других странах возражали против этого принципа и продолжают возражать до сих пор. Ватикан настойчиво проповедует «примирение», в таком же духе высказывается и католическая печать в Англии, а также некоторые другие английские реакционные круги. Журнал «Nineteenth Century and after» высказывается за сохранение милитаристской Германии в качестве орудия антисоветской политики. В США подобной же политической линии придерживается ряд видных изоляционистов, в частности сенатор Уиллер. В защиту гитлеровской Германии выступает небезызвестная американская журналистка Дороти Томпсон, которая в ряде статей под общим заголовком «Почему Германия не может капитулировать?» выступает против безоговорочной капитуляции и настаивает на том, что переговоры с Германией должны предшествовать заключению с ней перемирия. Крымская конференция отбросила советы адвокатов Гитлера. Она приняла решение о принудительном осуществлении безоговорочной капитуляции.

Условия безоговорочной капитуляции станут известны после того, как германское вооруженное сопротивление будет окончательно сокрушено. Многое при этом зависит от военной обстановки в Германии в момент ее капитуляции. Если германские войска будут упорствовать и действительно сопротивляться до конца, это может привести к тому, что капитуляцию будут осуществлять отдельные войсковые соединения, потерявшие централизованное управление. Генерал Дитмар, гитлеровский военный обозреватель, уже придумал термин, определяющий безнадежность сопротивления этих окруженных войсковых соединений и группировок,— «блуждающие котлы». Блуждая, эти «котлы», естественно, не смогут долго сопротивляться. Они будут вынуждены капитулировать. Это будет означать распад германского военного организма и его ликвидацию в результате разгрома.

Возможно, что главные военные преступники постараются укрыться в какой-либо нейтральной стране или где-нибудь в другом месте. Но еще во время Московской конференции трех министров иностранных дел союзные державы решили, что возмездие настигнет этих преступников, где бы они ни пытались укрыться — «даже на краю света».

Поняв это, Геббельс недавно заявил: «Мы лучше умрем, но не капитулируем». Можно быть уверенным в том, что правители гитлеровской Германии не смогут избежать ни капитуляции, ни смерти. Крымская конференция еще раз подтвердила, что они будут подвергнуты «справедливому и быстрому наказанию». Это в полной мере должно относиться и к верхушке гитлеровского милитаризма. Как гласит немецкая пословица: «Mitgefangen — mitgehangen». Руководители трех держав пришли в Ялте к единственно правильному решению: гитлеровская армия должна быть полностью разоружена и все германские вооруженные силы должны быть распущены; германское военное оборудование должно быть изъято или уничтожено; вся германская военная промышленность должна быть ликвидирована или взята под контроль. Осуществление этих мер будет означать начало ликвидации прусско-германского милитаризма.

Эти решения, если они будут последовательно проводиться в жизнь, закрывают щели, пролезая через которые германские империалисты

могли бы снова восстановить свою мощь. Германия будет оккупирована союзными войсками, притом не частично, как это было после первой мировой войны, а полностью. Предполагается создание на территории Германии трех больших оккупационных зон. Как сообщил Рузвельт в своем выступлении об итогах Крымской конференции, восточная зона должна быть оккупирована Красной Армией, северо-западная зона — английскими войсками, а юго-западная с большим коридором, проходящим Бремену, — американской армией. Было решено также предложить Франции взять на себя, если она этого пожелает, зону оккупации.

Возникает вопрос: в какой зоне будет находиться столица Германии — Берлин? Можно предположить, что этот вопрос будет решен независимо от того, какая армия первой водрузит над германской столицей знамя победы. По-видимому, Берлин будет оккупирован армиями великих держав, представленными в Центральной Контрольной Комиссии, состоящей из Главнокомандующих главных держав антигитлеровской коалиции. Местопребывание этой Комиссии будет в Берлине.

В опубликованных решениях Крымской конференции не говорится о территориальных вопросах, касающихся Германии. Между тем эти вопросы живо обсуждаются на страницах иностранной печати. Можно считать установленным два факта: во-первых, согласно ранее принятому решению, Австрия будет восстановлена как свободная и независимая страна; во-вторых, «Польша должна получить существенное приращение территории на севере и на западе».

Большое впечатление производит опубликованная «Декларация об освобожденной Европе»; она намечает путь, «который позволит освобожденным народам уничтожить последние следы нацизма и фашизма и создать демократические учреждения по их собственному выбору».

...Велик и труден путь, который ведет к полному и окончательному разгрому германского милитаризма, воплотившегося в гитлеровском государстве. Путь, пройденный советскими войсками от Волги до Одера, несомненно, во многом определил успех Крымской конференции. Вопреки проискам гитлеровской дипломатии и нарастающему влиянию реакционных элементов в Англии, США и других странах, антигитлеровская коалиция не распалась. Война входит в завершающую стадию. Поистине — поднявший меч от меча и погибнет!

28 февраля 1945 г.

Красная Армия, овладев почти всей Восточной Пруссией и жизненными военно-промышленными центрами Силезии, наносит могучие удары в самое сердце Германии. На Западе американские и канадские войска успешно прогрызают «линию Зигфрида» и непосредственно угрожают Рейнско-Вестфальскому району. Можно со всей убежденностью утверждать, что, если не будет каких-либо неожиданностей политического свойства, нет той силы, которая могла бы уберечь гитлеровскую армию и гитлеровское государство от полного и окончательного разгрома. Это понимает и немецко-фашистская клика: ее пропаганда отныне уже не в состоянии скрыть положение вещей на фронтах.

Совсем недавно генерал Дитмар превозносил германские войска, запертые Красной Армией в Кенигсберге, в Бреславле, в Познани и других городах. А через неделю, 24 февраля, Гитлер, обращаясь к гаулейтерам городов, окруженных советскими войсками, не упомянул о Познани, ибо гарнизон ее уже был разгромлен. По той же причине он не упомянул и о группировке, окруженной в городе Шнейдемюль. Но и гаулейтерам в Бреславле и Кенигсберге он не смог обещать никакой

помощи: он предложил им довольствоваться «верой в будущее» и сопротивляться, сопротивляться до конца.

Судьба германских войск в Будапеште, в Познани и в других городах показывает, каков конец этого отчаянного, но бессмысленного сопротивления. Такова же и судьба всей гитлеровской Германии. Гитлер, германское командование и все нацистские правители не могут не понимать, что означают предуказанные Крымской конференцией удары с востока, запада, севера и юга. Вот почему они больше всего боятся, по выражению Рудольфа Земмлера, одного из сотрудников Геббельса, «синхронизации генерального наступления с востока и запада». Но наступательные операции с обеих сторон уже начались. В своем последнем обзоре «Битва на Востоке и на Западе» (от 27 февраля) генерал Дитмар счел необходимым подготовить немцев к сообщениям о новых поражениях.

Имеется немало сведений о том, что блестящие операции Красной Армии на Востоке и успешное наступление англо-американских союзников на Западе усилили моральную депрессию среди германского населения. Это особенно заметно в прифронтовых областях. А какие области Германии ныне далеко отстоят от фронта? По сообщению шведской газеты «Aftonbladet», в Саксонии среди населения царит возбуждение в связи с тем, что батальоны фольксштурма отправляются на фронт. В Коттбусе произошли демонстрации женщин. Раздавались возгласы: «Зачем нужны фюреру даже старики? Если он хочет продолжать войну, пусть это делает сам». Иностранная печать отмечает рост дезертирства,— в особенности среди фольксштурмовцев.

В этих условиях Гитлер опубликовал новое обращение, в котором потребовал продолжать борьбу «с предельным фанатизмом и ожесточенной стойкостью». Рассудку вопреки Гитлер призывает верить в то, во что сам не верит. «Еще в нынешнем году,— заявляет он,— наступит исторический перелом». Он имеет в виду победу Германии. Ясно, что это обещание имеет такую же цену, какую, по выражению одной английской газеты, имеет гнилая картошка. Но ясно и то, что гитлеровская Германия, ее правители, ее командование, ее армия, стремясь отсрочить час полного и окончательного разгрома, будут сопротивляться со всей яростью и ожесточенностью обреченных.

На что же еще надеются в Берлине? Уже прошло немало времени с тех пор, как шведский пронацист Свен Гедин, ныне окончательно впавший в старческий маразм, сказал, что Германия выиграет войну в том случае, если она ее не проиграет. Теперь, когда Германия быстро идет к разгрому, это звучит по меньшей мере анахронизмом. После Крымской конференции в Берлине должны были понять, что у них нет никаких надежд не только на победу, но даже и на «компромиссный мир», который дал бы им возможность приступить к подготовке новой войны. Однако все говорит о том, что гитлеровская клика ищет этой возможности. 24 февраля Гитлер созвал рейхслейтеров, гаулейтеров и других нацистских «лейтеров» для того, чтобы, как гласит официальное сообщение, «дать им указание о продолжении борьбы и организации всех сил сопротивления». Похоже на то, что Гитлер и его клика рассчитывают не только на организацию подпольной нацистской армии, но и на ту помощь, которую им могут оказать в союзных и нейтральных странах их старые и новые реакционные друзья и влиятельные покровители. Вильфред фон Овен, один из гитлеровских обозревателей, выступая 23 февраля по радио, дал понять, что если на фронте «нам не остается ничего иного, как сопротивляться», то за линией фронта можно рассчитывать на создание политических затруднений в лагере антигитлеровской коалиции...

13 марта 1945 г.

Последние дни прошли под знаком новых событий, свидетельствующих о том, что военные и политические решения Крымской конференции, опубликованные месяц назад, уже начинают претворяться в жизнь. Советские войска вышли на подступы к Данцигу и Штеттину. Заняв Кюстрин, они еще более приблизились к Берлину. В то же время войска англо-американских союзников форсировали Рейн в нескольких местах и создали плацдармы на восточном его берегу. Теперь всего только около 500 километров германской земли отделяют Красную Армию, продвигающуюся на Запад, от союзных войск, продвигающихся на Восток. «Создается такое впечатление, словно судьба идет против нас», — заявил Гитлер в своем последнем обращении к германской армии.

Это обращение во многом отличается от предыдущих. Как правильно отмечает английская газета «Yorkshir Post», оно может представлять больший интерес для тех, кто интересуется психологией преступников, чем для тех, кто следит за военной и политической ориентацией руководителей государства. На сей раз Гитлер ничего не обещает. Он только требует «сопротивляться, сопротивляться до тех пор, пока враги не устанут». Германские войска уже получили возможность убедиться в том, что испытываемые ими удары не только не ослабевают, но наоборот, все более нарастают. Германское командование уже подсчитывает свои последние резервы, и новая волна пропаганды, поднятая Геббельсом вокруг фольксштурма, свидетельствует о том, что эти резервы иссякают.

Обращение Гитлера — это уже даже не пропаганда. Это истерическое заклинание любыми средствами отсрочить разгром и предотвратить капитуляцию. Оно выражает только одно: животный страх, который охватил «фюрера», когда он понял, что Красная Армия и армии союзников не дадут ни передышки, ни послаблений и доведут дело до конца.

26 марта 1945 г.

События на фронтах развиваются crescendo, и невольно возвращаясь к вопросу: на что рассчитывают берлинские правители и их военное командование? После Крымской конференции руководителей трех союзных держав они не могут строить иллюзий относительно ударов, которые Германии предстоит испытать с разных сторон. Весь аппарат пропаганды должен был подготовить население Германии выдержать эти удары. Разумеется, готовилось и гитлеровское военное командование: оно стремилось сорвать согласованные в Крыму военные решения союзников или хотя бы в возможной степени затруднить их осуществление. С этой целью оно, между прочим, пыталось повести наступление в районе озера Балатон, то есть на участке, прикрывающем те районы «третьей империи» — Австрию и западную часть Чехословакии, — где теперь укрывается германская военная промышленность. После потери Верхней Силезии и в связи с опасностью, непосредственно нависшей над Рурским бассейном, эти районы приобретают для гитлеровской Германии наиважнейшее значение. Однако наступление германских войск закончилось их новым крупным поражением, и генерал Дитмар 23 марта поспешил разъяснить: «Было бы неправильно считать этот участок второстепенным, ибо путь вверх по Дунаю ведет из района Будапешта в Братиславу и в район Вены. Не подлежит сомнению, — заключает Дитмар, — что Красная Армия намерена и в состоянии рано или поздно развернуть большое наступление и на этом фронте».

События показали, что Красная Армия начала наступление раньше, чем гитлеровское командование того ожидало. При этом она наносит удары не только из района Будапешта. Окружение и уничтожение большой группировки гитлеровских войск в районе Оппельна настолько ошеломило гитлеровских правителей, что в последние дни они уже перестали превозносить «спасительную» роль германских группировок, окруженных Красной Армией в других местах, но продолжающих сопротивление. События показали далее, что эти группировки не спасли гитлеровскую Германию от новых ударов, да и сами они не спаслись; ликвидация восточнопрусской группировки успешно подходит к концу, и Дитмар, отражая, надо полагать, настроения гитлеровского командования, уже предается мрачным размышлениям о том, что может последовать за этим. Он пытается заглянуть в будущее и уже видит, как «наступление Красной Армии на сердце империи осуществляется, так сказать, в несколько этапов».

В то время, как внимание и главные силы гитлеровского командования прикованы к Востоку, англо-американские союзники форсировали Рейн. Германское командование потеряло не только мощную водную преграду, с которой у него связано так много воспоминаний и так много надежд, но и ряд промышленных центров, составляющих немалую часть военного потенциала. Полный паралич Рура не за горами. «Для каждого ясно,— заявил несколько дней назад Гитлер,— что здесь начинает вырисовываться ситуация, требующая срочных и радикальных решений». Но какие решения мог принять Гитлер? Изгнание Рундштедта и назначение Кессельринга не спасло положения. В самом деле, что может Кессельринг противопоставить маршалу Монтгомери, кроме 15 немецких дивизий, личный состав которых к тому же не полностью укомплектован. Оценивая создавшуюся военную обстановку, гитлеровское агентство Трансоцеан замечает по поводу успехов, одержанных за последние дни англо-американскими войсками: «Они оказались в благоприятном положении, особенно с момента синхронизации их действий с операциями советских войск».

Эта синхронизация ударов, то есть их согласованность на основе военных решений, принятых на Крымской конференции, вызывает в Германии такой страх и смятение, которые официальная гитлеровская пропаганда едва в состоянии скрыть. Как правильно отмечает американский обозреватель Льюис, «единственный вопрос заключается в том, сколько времени Гитлер сможет еще вести немцев от поражения к поражению». Так на что же рассчитывают Гитлер, Гиммлер, Борман, Геббельс, Геринг,— вся эта злодейская клика? По-видимому, они все же рассчитывают на «политический кризис» в отношениях между союзниками. Казалось бы, после Крымской конференции они должны были окончательно похоронить и эту надежду. Но нет, эта надежда у них, оказывается, еще существует и даже обновляется. Только так можно расценить сообщения о новых спазмах тайной гитлеровской дипломатии. В этом отношении обратила на себя внимание миссия фон Хессе в Стокгольм с целью «мирного зондажа»: то была попытка гитлеровских правителей посеять недоверие между союзниками и добиться, чтобы таким образом отравленная политическая атмосфера задержала осуществление их стратегических и оперативных планов.

Эти и другие аналогичные попытки немецко-фашистской дипломатии кончаются провалом. Что касается целей, то они только на днях были еще раз сформулированы Геббельсом: «Мы исполнены решимости,— заявил он,— начать все сначала».

Это ни для кого не составляет секрета. Вот почему наш народ, со своей стороны, исполнен решимости разгромить гитлеровскую Германию и стереть с лица земли фашизм, его корни, ростки и следы.

10 апреля 1945 г.

Красная Армия овладела Кенигсбергом. Она ведет бои на улицах Вены. Советские и иностранные военные обозреватели считают, что эти события имеют первостепенное стратегическое значение.

Победа в Кенигсберге, являющемся важным узлом немецко-фашистской обороны на Балтийском море, завершает военный разгром всей восточнопрусской группы германских войск. С другой стороны, как отмечает Эллиот, военный обозреватель «New York Herald Tribune», «наступление Красной Армии от озера Балатон на Вену является одним из величайших военных достижений всей войны. С занятием Вены Красная Армия вступит во внутреннюю германскую цитадель». Маккензи, военный обозреватель «Associated Press», также отмечает, что «ни одно из нынешних событий не превышает по своему значению битву за Вену, ибо эта битва угрожает плану Гитлера оказать последнее сопротивление в Альпах».

Но и политическое значение этих событий очень велико. Восточная Пруссия, являющаяся исторически сложившейся цитаделью прусско-немецкой реакции и агрессивной политики на Востоке, отныне потеряна германским милитаризмом, потеряна навсегда. Одновременно советские войска, ведя бои в столице Австрии — Вене, нанесли сокрушительный удар господству германского империализма в Центральной Европе. Вена — шестая по счету европейская столица, освобождаемая Красной Армией. Имеются сведения, что население Австрии не уходит с германскими войсками и даже оказывает им некоторое сопротивление: в ряде случаев оно применяет тактику замедленной работы, срывает попытки гитлеровцев вывезти заводское оборудование, отказывается вступать в фольксштурм. Заявление Советского правительства о том, что «оно будет содействовать ликвидации режима немецко-фашистских оккупантов и восстановлению в Австрии демократических порядков и учреждений», видимо, нашло благоприятные отклики как в самой Австрии, так и в других странах. Это заявление внесло полную ясность: вступив на территорию Австрии, Красная Армия не преследует там никаких целей приобретения территорий или изменения в ней социального строя. Политика СССР исходит из буквы и духа Московской декларации союзников о независимости Австрии.

Между тем в последнее время гитлеровская Германия усиленно распространяла за границей слухи, будто СССР решил отказаться от применения этой декларации. К сожалению, на Западе имеются круги, по-видимому, заинтересованные в поддержании этой версии, цель которой — посеять недоверие между союзниками по вопросу об Австрии.

Эти и некоторые другие факты свидетельствуют о том, что германский фашизм ищет средства, которые он мог бы применить в качестве политического эрзаца отсутствующих у него военных резервов. Все, что можно было, гитлеровское командование уже мобилизовало и бросило на фронт, на Восточный фронт. Немецкие резервы окончательно иссякли. Теперь гитлеровское командование в спешном порядке бросает на Восточный фронт «отряды чрезвычайного назначения», — соединения «Валькирии» и батальоны «Гнейзенау». По выражению гитлеровского агентства Трансоеан, эти соединения и батальоны являются «пожарными командами», которые должны «ликвидировать внезапно возникшую опасность». Формирование «пожарных команд» — признание краха надежд гитлеровского командования на всепасающую роль фольксштурма. Теперь уже ничто — ни фольксштурм, ни соединения «Валькирии», ни батальоны «Гнейзенау», ни яростное сопротивление регулярных немецких частей, перебрасываемых с Западного фронта

на Восточный,— уже ничто не сможет ослабить сокрушающие удары Красной Армии и предотвратить близкое крушение гитлеровской Германии.

События, происходящие на Западном фронте, только подтверждают это, хотя характер этих событий совершенно иной по сравнению с тем, что происходит на советско-германском фронте. Как отмечает лондонская газета «Times» (от 7 апреля), «положение на Востоке, где немцы по-прежнему сражаются в виде организованных армий, служит поразительным контрастом бегству немцев на Западе». Разумеется, гитлеровское командование пытается скрыть от населения глубину своих поражений на Востоке, а также факты, свидетельствующие о развале немецкой обороны на Западе. Оно пытается создать впечатление, будто германские войска на всех фронтах — и на Востоке, и на Юге, и на Западе — еще в состоянии в одинаковой степени оказывать ожесточенное сопротивление. 7 апреля гитлеровское информационное бюро утверждало: «Характерной особенностью круговой обороны Германской империи является повсеместное упорное сопротивление». Но уже на следующий день, 8 апреля, другое гитлеровское агентство, Трансоцеан, признало, что «положение на Западном фронте меняется ежечасно и ежеминутно», а представитель ставки германского командования на Западе заявил, что так будет продолжаться и впредь, если «немцы не восстановят единую линию фронта». Таким образом, он признал, что единой линии фронта на Западе немцы больше не имеют. При этом он добавил: «Союзники до сих пор не смогли разгромить крупные германские контингенты войск».

Разумеется, трудно разгромить то, чего нет. А у гитлеровского командования значительных контингентов на Западе нет, и нет тех резервов, которыми оно могло бы воспользоваться. Как сообщает военный корреспондент английской газеты «Manchester Guardian», гитлеровское командование «спешно формирует небольшие части из людей, «независимо от того, какую военную подготовку они прошли», и направляет эти неполноценные части «на линию фронта, туда, где существует хоть какая-либо линия фронта». Но этой линии на Западе не существует, и гитлеровское командование не в силах ее воссоздать, даже если бы оно к тому и стремилось, и по той простой причине, что оно больше не располагает на Западе достаточным количеством войск. Почему? Захваченный в плен американскими войсками видный чиновник германского министерства иностранных дел показал: «Угроза с Востока считалась более серьезной, чем угроза с Запада, и было решено бросить против нее как можно больше войск».

Представитель ставки германского командования пытается утверждать, будто «командующий германскими вооруженными силами на Западе совершенно трезво оценивает положение». В эти дни, когда, употребляя выражение Черчилля, Красная Армия выбила дух из германского чудовища, эти слова звучат как юмор висельника. Однако речь идет о серьезных вещах.

В Германии, по-видимому, уже все понимают, что окончательная развязка придет скоро, очень скоро. Ганс Фриче заявляет: «На Востоке осуществляется новое наступление и потому сегодня — не время для разговоров». Он призывает немцев использовать время для дел — создавать группы «Вервольф», которые смогут вести войну в подполье. Но более важное значение имеют другие дела: крупные германские банки и промышленники тайно и явно вывозят за границу капиталы, ценные бумаги, патенты и т. д. Как заявил помощник государственного секретаря США Холмс, в Германии уже давно разработали планы сохранения промышленной и военной мощи германского империализма после поражения. Еще в 1943 г. разработкой этих планов занимался фон Па-

пен. Осенью 1944 г. немецкие промышленники стали осуществлять эти планы посредством экспорта капиталов и отправки высококвалифицированных кадров в безопасные районы. В ноябре 1943 г. представитель концерна «I. G. Farbenindustrie» заявил в узком кругу представителей иностранных деловых кругов, что этот концерн и после войны постарается удержать свои позиции не только в Германии, но и за границей.

Как сообщает агентство Рейтер, в хорошо информированных кругах Лондона стало известно, что влиятельные финансовые и промышленные круги Германии в ходе войны разрабатывали планы восстановления своего господства на случай крушения «третьей империи». Отдельные элементы этих планов таковы: жалобы в суды различных стран на то, что немецкая собственность «незаконно» захвачена союзниками; использование подставных лиц для установления немецкого контроля над германскими патентами в других странах; протаскивание немецких ученых и специалистов в иностранные предприятия и научные институты с целью расширения шпионской сети в промышленности союзных стран; пропаганда и другие мероприятия, направленные на разжигание политических разногласий между союзниками.

26 апреля 1945 г.

Свершилось! Красная Армия крепким кольцом окружила Берлин и ведет бои на его улицах и площадях. Весь мир следит за ожесточенным сражением, в ходе которого советские войска наносят последний сокрушающий удар в самое сердце гитлеровской Германии. Немецко-фашистские войска все еще сопротивляются, яростно и ожесточенно. Гитлеровское командование бросает в бой все имеющиеся в его распоряжении силы. Город-спрут с его широко раскинутыми предместьями, с его большими казарменными зданиями, с его прямыми улицами, большими площадями и многочисленными каналами превращен в огромную крепость. Геббельс, назначенный комиссаром обороны Берлина, в обращении к населению заявил: «За последние несколько недель в столице созданы значительные оборонительные сооружения. Эти сооружения тянутся от окраинных районов до центра города. Вокруг Берлина созданы несколько тысяч противотанковых заграждений, баррикады, завалы, земляные сооружения. Столица находится в полной готовности к обороне».

Это заявление Геббельс сделал 22 апреля, т. е. ровно через три года и десять месяцев после того, как Гитлер зачитал в Берлине приказ о вторжении германской армии в пределы Советского Союза. Немезида истории восторжествовала! Гитлеровская «третья империя» разваливается на части, и сопротивление наступающим советским войскам является спазмами чудовища, которое уже подыхает, но которое еще нужно добить.

Таким образом, как отмечает «New York Times» (от 23 апреля), «пожар, зажженный в Берлине, пожар, который Германия раздула в Европе, вернулся туда, где он был организован, и жалкие остатки прежней надменной германской армии, которая выступала из Берлина в поход, неся смерть, насилия и ограбление многим странам, теперь вынуждены отступить из своей обреченной столицы». Но отступить берлинской группировке гитлеровских войск некуда. Зажатая в тиски советских армий, она обречена на полный разгром. На днях мы слушали, как немецкое радио передавало сообщение, что германские войска подготовились продолжать ожесточенное сопротивление: на юге — «в баварском редуте» и на севере — в Норвегии. Но эти призывы бессильны изменить ход событий. Теперь гитлеровская клика заявляет, что Берлин будет сопротивляться до конца. Это означает, что, уходя в небытие, она хочет превратить Берлин в руины. Под руинами германской столицы должны

быть погребены и германские империалистические планы господства над миром. Нельзя допустить, чтобы эти планы вновь возродились. И тем более нельзя допустить, чтобы кровавая попытка их осуществления была предпринята в третий раз.

Берлин. 3 мая 1945 г.

Так вот какова она, нацистская Германия, в дни своей агонии! Даже те города и селения северо-восточных районов страны, которые остались незатронутыми огненным шквалом войны и каким-то образом уцелели, стоят покинутыми, опустошенными, лишенными признаков жизни. На зданиях ратуш подняты большие белые полотнища — символ капитуляции. Но автострада Штеттин — Берлин и прилегающие к ней дороги переполнены.

В середине 30-х гг., вскоре после прихода фашизма к власти, «Организация Тодта» под видом выполнения программы ликвидации безработицы развернула строительство стратегических автострад, тщательно вычерченных на картах военной агрессии. Думали ли те, кто расчетливо вскормил Гитлера, и те, кто слепо ему поклонялся, что наступит время, когда придется на отдельных участках автострады взрывать мосты, чтобы советские войска, прижатые в начале войны к Москве, Ленинграду и Волге, к концу войны не могли воспользоваться ими в своем неудержимом наступлении на Берлин.

Но где население этих многочисленных городов, о чем оно думает, на что надеется? Нужно свернуть с магистральной автострады на одну из многочисленных дорог, больших или проселочных, чтобы увидеть беспорядочное движение десятков тысяч немцев — мужчин и женщин, стариков и детей, отягощенных домашним скарбом. Рассказывают, что нацистские власти вначале собирались осуществить грандиозный план эвакуации населения из восточных областей страны на Запад. Но как можно эвакуировать 30 миллионов людей в обстановке непрерывных боев? Это еще одна авантюра, еще одно преступление нацизма, и притом в отношении собственного народа. На деле нацистские правители помогли эвакуации только местных властей, наиболее крупных чиновников, богачей и семей офицеров. И вот результаты: основная масса населения, напуганная геббельсовской пропагандой о «большевистской опасности», движимая привитым чувством организованной стадности, а главное чувством страха и опасениями перед возможным возмездием за преступные действия гитлеровских властей и армии на советской территории, бредет на запад, на юг и на север, как бы ничего не видя перед собой. Привыкшие к повиновению, но теперь брошенные своими властями, они потеряли самоконтроль над своими действиями, а тем более понимание обстановки. Страх и великое смятение, вызванное столь неожиданным и быстрым крушением, охватили каждого из них и обратили в бегство. Наиболее оголенные, фанатические элементы нацистских властей на местах то требовали от населения рыть окопы перед каждой деревней и защищать каждый дом, то призывали сниматься с насиженных мест и бежать. Паническое поведение одних передавалось другим. Многие, перемешиваясь с частями гитлеровских войск или отстав от них, попадали в зону действия танков и артиллерийского огня; их бессмысленная смерть наводила на уцелевших ужас. Но германское командование ни в какой степени не считается с этим. Отказываясь от капитуляции, продолжая упорное и бессмысленное сопротивление, оно сознательно жертвует своими солдатами и гражданским населением, еще раз обманутым и доведенным до бедствия.

Впервые на собственном тяжелом опыте население Германии узнало, что такое война на своей территории. Со времени наполеоновских войн

оно не знало такой войны. За последние 80 лет Пруссия и Германия вели пять войн, но каждый раз на чужой территории. И в течение этой, гитлеровской войны оно дало себя убедить в том, что, захватив огромные «жизненные пространства», германская армия добьется своих целей в сокрушительных сражениях с противником далеко от границ Германской империи. Но оказалось, что война завершается не победой, обеспечивающей тысячелетие «третьей империи», а крушением этой империи. Население убедилось, что удар нанесен в самое сердце империи — в Берлин. Историческая столица Германии после бессмысленно ожесточенного сопротивления вчера была вынуждена капитулировать перед советскими войсками!

И вот, находясь в состоянии какого-то шока, огромные толпы людей бродят, одни в поисках нового пристанища, другие возвращаясь в покинутые ими дома. Их глаза пусты, и никто еще не может сказать, что происходит в глубине их сознания, которое так долго подвергалось массированной обработке и отравлялось страшным ядом, составленным из смеси национализма и милитаризма, демагогии и антисемитизма, — словом, «национал-социализма». Только чудом уцелевшие коммунисты и бывшие активисты профессиональных союзов, выйдя из подполья, знают, что им делать: они направляются в советскую комендатуру и заявляют о своей готовности принять участие в восстановлении демократических порядков. Интересно наблюдать встречи толп немецких «беженцев» с группами поляков, французов или итальянцев, освобожденных из концентрационных лагерей или с каторги военных заводов и юнкерских поместий: объединившись под своими национальными флагами, они бодро идут на Восток, — туда, откуда пришла свобода. Немцы пропускают их молча, потупив глаза и как бы не замечая. Этот «великий исход» в разных направлениях, эта неповторимая миграция множества людей, из которых еще недавно одни чувствовали свою принадлежность к «народу господ», а другие были низведены до уровня рабов, — таковы первые зримые признаки распада фашистского общества и начала ликвидации гитлеровского государства.

Нужно увидеть Берлин, чтобы понять, в какую катастрофу фашизм вовлек Германию.

Столица Германии лежит в руинах. Ночью, погруженный в крошечную тьму, Берлин кажется кратером огромного вулкана, в котором каменная лава застыла в самых причудливых формах. Город мертв и беззвучен. В разных частях его догорают пожары, и наиболее крупный из них — где-то в районе рейхстага — становится ориентиром. Только отблеск огня возвращает к представлению, что это — город, а не фантазмагория, отражающая в воспаленном мозгу человека непонятные законы стихии. Днем Берлин тоже неузнаваем и еще более уродлив. Его прямолинейные улицы и площади непроходимы: везде воронки, взрытые бомбами, или груды камня, вырванные из домов и сброшенные на землю. Серо-желтая пыль окутывает руины и отравляет воздух. В разрушенной резиденции Гитлера — имперской канцелярии, говоря библейскими словами, — мерзость запустения. Такая же мерзость царит и на Вильгельмштрассе — в здании ведомства Риббентропа и в других правительственных зданиях, в том числе в генеральном штабе.

Где Гитлер — «рейхсканцлер, фюрер германского народа и главнокомандующий вооруженными силами Германской империи»? Говорят, он покончил с собой и сожжен; обнаружены трупы нескольких его двойников. Где Геббельс, комиссар Берлина? И он покончил с собой. Геринг, Борман, Гиммлер, Иодль, Кейтель — все они позорно бежали.

Так подходит к концу величайшее преступление века. Прав Шекспир: «Кто начал злом, тот и погрязнет в нем».

Берлин. 5 мая 1945 г.

Сегодня в полдень из подвалов рейхстага был выведен уже ранее капитулировавший и обезоруженный немецко-фашистский гарнизон. 12 лет назад в этом подвале фашистские провокаторы устроили поджог, который, по их замыслу, должен был стать сигналом к войне против коммунизма и предлогом для удушения демократических сил и традиций немецкого народа. Какими жалкими и недалекими выглядят теперь те, кто пытался тогда утверждать, что поджог рейхстага — всего лишь неудачный эпизод в борьбе нацизма против коммунизма. Нет, начав с поджога в этом подвале, факельщики войны уже тогда мечтали поджечь всю Европу и весь мир. Нужно было обладать не только глубоким пониманием смысла исторических событий, но и чувством ответственности перед будущим, чтобы, находясь в лапах гестапо, публично бросить обвинение в этом в лицо своим обвинителям. Это сделал Георгий Димитров. Только в смраде пожара, в атмосфере военных преступлений и преступлений против человечности, доведенных до чудовищных размеров, гитлеровская Германия могла пытаться утвердить свое господство. И вот три дня назад столица гитлеровского государства капитулировала, а последние факельщики войны были вынуждены укрыться в этих подвалах, чтобы спасти свою жизнь. В системе гитлеровской диктатуры рейхстаг практически никакой роли не играл, а его огромное старое здание после поджога не было восстановлено. Но этот поджог сделал его символом фашистской политики, и советское знамя, водруженное над рейхстагом, расположенным в центре Берлина, стало символом победы над силами черной реакции, фашизма и агрессивной войны.

Битва за Берлин была тяжелой битвой. Не только германское командование и офицеры, но и солдаты до последнего момента продолжали ожесточенно сопротивляться, хотя, конечно, не могли не понимать, что их положение явно безнадежное. На что надеялись они? Находились ли они во власти лозунгов, везде расклеенных по приказу Геббельса, — «Berlin bleibt treu», «Berlin bleibt deutsch» и даже «Berlin siegt»? Или они верили в обещанную им помощь германских частей, которые должны были быть сняты с Западного фронта и брошены на Восток? Не могли же они верить в эффективную помощь фольксштурма, в который были включены 14-летние берлинские подростки, наспех облаченные в серую униформу с солдатского плеча. В целом нужно признать, что рефлекс бездумного повиновения и прусско-германской военной дисциплины, выработанный милитаризмом в течение столетий и приумноженный страхом перед карательным аппаратом, сработал в фашистской армии безотказно.

Но на что надеялись фашистские правители и германское командование? Быстрое продвижение Красной Армии, которая окружила Берлин и вошла в него, продвижение союзных армий на территории Германии, казалось бы, должно было помочь верхушке гитлеровской Германии уяснить себе, что, обрушив все мыслимые и немыслимые бедствия на народы Европы и на свой собственный народ, она проиграла войну — окончательно и бесповоротно. И тем не менее продолжая сопротивление до конца, она показывает, что не хочет уйти со сцены, которая уже сполна залита кровью народов. На что надеялся Гитлер, который, как рассказывают пленные германские генералы, застрелился днем 30 апреля, т. е. тогда, когда советские части уже подходили к его подземному логову? На что надеется его преемник гросс-адмирал Дёниц, который, находясь где-то в районе Шлезвига, все еще не прекращает борьбы, хотя Берлин уже три дня назад капитулировал?

Настанет время, когда мир узнает, а историк сможет осмыслить все или многое из того, что происходило и происходит среди фашистских

правителей в эти решающие весенние дни крушения нацистской Германии. Но уже теперь наблюдение за эфиром, в особенности в последние недели, полагаю, может дать некоторое представление о политико-стратегических расчетах ставки Гитлера, а возможно, и ставки Дёница. Это наблюдение приводит к выводу, что в прессе союзных стран, а также в их радиопропаганде началось и, по-видимому, усиливается нечто похожее на политическое сражение по давно решенному и согласованному вопросу — о безоговорочной капитуляции Германии. Исходя из жизненных интересов и будущего мира, Ф. Рузвельт еще в 1943 г. на Квебекской конференции выдвинул этот вопрос как общую задачу антигитлеровской коалиции. Конференции трех держав в Тегеране и в Ялте сформулировали и подтвердили эту задачу. Но создается впечатление, что неожиданная смерть Рузвельта окрылила его политических противников как в США, так и в Англии. Требуя ревизии его курса в области внешней политики, в особенности в отношении Советского Союза, эти круги, по-видимому, дали серьезный повод Гитлеру и его клике рассчитывать на распад антигитлеровской коалиции. Во всяком случае, судя по немецко-фашистской прессе и радиопропаганде, вера в возможное усиление разногласий среди участников этой коалиции превратилась в убеждение о неизбежности ее распада.

Создается странная ситуация: чем более военные усилия Красной Армии и армий англо-американских союзников приближают момент полной и безоговорочной капитуляции нацистской Германии, тем сильнее в некоторых кругах США, Англии и нейтральных стран выдвигаются политические аргументы против требования о безоговорочной капитуляции. Эти аргументы в общей форме таковы: требование безоговорочной капитуляции лишает немецкий народ и германскую армию каких бы то ни было перспектив, ожесточает их, а тем самым затягивает войну и вызывает ненужные жертвы с обеих сторон; наоборот, отказ от этого требования со стороны западных держав способствовал бы созданию атмосферы, которая позволит германским правителям вступить в переговоры об условиях мира; поэтому отказ от требования безоговорочной капитуляции диктуется разумной политикой прекращения войны и интересами гуманности.

Ложные послышки и ложные выводы! Конечно, Гитлер и вся его политическая и военная клика стремились запугать немецкий народ и убедить его в том, что судьба народа тесно связана с судьбой нацистской армии и нацистского государства; и нельзя не признать, что в условиях необузданной националистической пропаганды и столь же необузданного террора фашистские усилия возымели свое действие в этом отношении. Но именно поэтому неизмеримо большее значение имеют другие факты. Капитуляция 6-й германской армии на Волге, капитуляция крупных военных соединений в районе Будапешта и в других местах, наконец, полная и безоговорочная капитуляция германских войск в Берлине произошли не потому, что командованию была открыта какая-то перспектива, а, наоборот, потому, что никакого другого выхода оно не имело. Требование безоговорочной капитуляции — это не требование, продиктованное местью. С самого начала оно предусматривало, что необходимо поставить гитлеровскую Германию в такие условия, чтобы каждому немцу, военному и штатскому, было ясно: гитлеровское государство, нацизм и милитаризм должны быть и будут уничтожены в интересах всех народов, в том числе и немецкого народа. В этом и только в этом перед немецким народом открывается новая историческая перспектива. Только такая политика — разумная и подлинно гуманная политика, если оценить ее с позиций будущего.

Но как раз этого хотели и, по-видимому, все еще надеются избежать «сильные мира сего» в Германии, прежде чем уйти в небытие. Одни из

них, видимо, рассчитывают, что вопрос о судьбе Германии вызовет разногласия в лагере антигитлеровской коалиции, а другие, возможно, лелеют мысль о возможности сепаратного мирного сговора с США и Англией при условии продолжения борьбы против Советского Союза. К сожалению, нельзя сказать, что эти расчеты не имеют под собой никаких оснований. Помнится, в конце апреля (кажется, 26-го) корреспондент «Daily Mirror», находившийся в Сан-Франциско, не без удовлетворения сообщал, что влиятельные круги в Англии и США «начали предпринимать маневры с целью воссоздания сильной послевоенной Германии в качестве оплота против Советского Союза». Это далеко не единичное сообщение. В этой связи не могут не привлечь внимания появившиеся в иностранной печати сообщения, что в последние дни апреля председатель Шведского общества Красного Креста граф Бернадотт выступил посредником между кем-то из гитлеровских правителей и представителями правящих кругов Англии и США.

Гитлера уже нет, но его генералы остались. Кто знает, может быть затычка общей капитуляции объясняется тем, что они делают аналогичные попытки по другим каналам?

Берлин. 9 мая 1945 г.

Весь мир ждал этого дня. И вот он наступил — день Победы, день Надежды. Целеустремленная воля нашего народа и других народов антигитлеровской коалиции оказалась сильнее дипломатических интриг гитлеровских генералов и адмиралов, искавших закулисных сделок с правящими кругами на Западе...

Вчера население Берлина, расцвеченного флагами союзных держав, вышло на улицу, смутно понимая, что в этой полуразрушенной столице разрушенного гитлеровского райха что-то должно произойти. Примерно в полдень на аэродром Темпельгоф прибыли представитель главнокомандующего союзных экспедиционных сил в Европе Д. Эйзенхауэра главный маршал авиации Англии Теддер и командующий стратегическими воздушными силами США генерал Спаатс. От имени советского командования их приветствовали генералы В. Д. Соколовский, Н. Э. Берзарин, С. И. Руденко, Ф. Е. Боков и др. Представитель французской армии почему-то пока не прибыл.

Вскоре на аэродроме приземлился еще один самолет, из которого вышли фельдмаршал Кейтель, адмирал Фридебург и генерал-полковник авиации Штумпф в сопровождении своих адъютантов. Зачем-то держа в руке маршальский жезл, Кейтель шел впереди, невольно поглядывая направо, где под звуки военного оркестра происходила церемония встречи представителей союзного командования. За Кейтелем шли его спутники. Они выглядели как пойманные убийцы или как кандидаты в самоубийцы...

Днем отдельным самолетом в Берлин прибыл главнокомандующий французской армией генерал Делатр де Тассиньи. А поздно вечером, почти в полночь, после томительного, но радостного ожидания приглашенных, в Карлсхорсте, в сером здании бывшего военно-инженерного училища состоялась церемония подписания представителями германского командования «акта о военной капитуляции».

Одержимый безудержными планами завоевания господства над Европой и над всем миром, Гитлер однажды заявил: «Но даже если мы не сможем это завоевание осуществить, мы вместе с собою разрушим полмира... Мы не капитулируем».

Апокалиптические пророчества Гитлера не оправдали надежд германского империализма и милитаризма, его политиков и идеологов. Действительно, разрушив полмира, агрессивный немецкий милитаризм привел

Германию к неслыханному краху, но избежать капитуляции, и более того, безоговорочной капитуляции ему не удалось. Только в одном отношении Гитлер оказался прав: 1945 год не является повторением 1918 года. Тот факт, что исторический акт подписания капитуляции на сей раз состоялся не в Компьене или в другом месте за пределами Германии, а в самом центре Германии, в ее исторической столице — в Берлине, как бы символизирует глубину крушения германского империализма и милитаризма, их фашистской экспозитуры, их идеологии войны и агрессии. Капитуляция в 1918 г. кайзеровской Германии была осуществлена не генералом Людендорфом, а депутатом рейхстага Эрцбергером, и притом только перед капиталистическими державами Запада. Теперь для подписания акта о безоговорочной капитуляции были вынуждены явиться в Берлин «сам» фельдмаршал Кейтель и другие представители германского милитаризма. Решающий вклад в дело победы над немецко-фашистским империализмом сделал Советский Союз, и это имеет всемирно-историческое значение не только в чисто военном, но и в морально-политическом отношении. Капитуляция гитлеровской Германии — победа, в достижении которой кровно заинтересованы все народы, борющиеся за торжество идей национальной свободы, идей мира и демократии...

Когда председательствовавший Маршал Советского Союза Г. К. Жуков приказал ввести германскую делегацию, в зале воцарилась глубокая тишина. Входя, Кейтель взмахнул своим маршальским жезлом и, вероятно, сам почувствовал никчемность этого жеста, — последнего жеста нацистского милитаризма, уже разгромленного, исторически осужденного и подлежащего полному уничтожению. Кейтель явно нервничал (монокль несколько раз падал с его глаза), но все еще пытался играть какую-то роль, хотя бы перед самим собой. Прежде чем подписать акт, он сделал попытку что-то сказать. Но что мог сказать этот военный преступник в момент, когда усилиями народов история опускала занавес после самой тяжелой и самой кровавой трагедии, которую фашизм обрушил на человечество? Хотел ли он, уходя со сцены, попытаться оправдать злодеяния германского империализма, реставрируя гитлеровский вариант старой милитаристской легенды об «окружении Германии» и о необходимости «превентивной войны»? Или, быть может, он хотел воссоздать в новых формах старую милитаристскую легенду об «ударе ножом в спину» германской армии? Или под белым флагом капитуляции он таил призыв к реваншу в назидание тем, кто в будущем должен выждать благоприятного момента, чтобы снова поднять милитаристское знамя и приступить к подготовке новой войны? Речь осталась произнесенной, ибо история уже вынесла свой приговор. Предъявив полномочия, Кейтель, Фридебург и Штумпф поочередно подходили к столу, чтобы поставить свои подписи под актом о капитуляции. «Мы, нижеподписавшиеся, — гласит первый пункт документа, — действуя от имени Германского Верховного Командования, соглашаемся на безоговорочную капитуляцию всех наших вооруженных сил на суше, на море и в воздухе, а также всех сил, находящихся в настоящее время под немецким командованием, — Верховному Главнокомандованию Красной Армии и одновременно Верховному Командованию Союзных экспедиционных сил». Заключительный пункт предусматривает, что в случае невыполнения германской стороной этого акта, против нее будут приняты «карательные меры или другие действия», которые будут сочтены необходимыми.

«Карательные меры»... Вынужденные подписаться под этими словами представители германского милитаризма тем самым вынуждены признать преступность своих действий. Но их действия были преступными с самого начала. Свидетелями тому все солдаты, офицеры и генералы Советской Армии, принявшие на себя главный удар немецко-фашистской

военной машины, устоявшие и сломившие эту машину. Здесь, в этом зале, присутствует генерал В. И. Чуйков, войска которого прошли от берегов Волги до Шпрее. Все, кто принудили гитлеровскую Германию к капитуляции, незримо присутствуют здесь. В этом небольшом зале как бы сконцентрировались все огромные героические и мучительные усилия советского народа, всех других народов, больших и малых, поднявшихся на борьбу против немецко-фашистской тирании. Сюда пришли все воины, все партизаны,— и те, кто живы, и те, кто отдали свою жизнь за правое дело, пришли коммунисты и некоммунисты,— вся большая армия народного Сопротивления, разнородная, многонациональная, слившаяся в единый поток. Сюда пришли миллионы людей,— мужчины и женщины, живые, расстрелянные и умерщвленные,— из концентрационных лагерей, покрывших, подобно оспенной сыпи, тело Европы; пришли и дети, погибшие в газовых камерах, сожженные в печах Майданека и Освенцима и расстрелянные в каждом городе или селе, захваченном фашистами. Все, кто сражались, все, кто боролись, все, кто своей смертью закаляли волю и совесть живых,— все вложили свою драгоценную и неповторимую лепту усилий в общее дело разгрома врага, все принудили милитаристских представителей фашистской империи явиться в этот зал, признать свое крушение и уйти в политическое небытие. Впервые за многие годы воздух стал очищаться от фашистского смрада, извергаемого нацистской Германией.

Отныне ликвидация основ германского милитаризма и фашизма — задача политическая и моральная. В ее решении заинтересованы не только народы, ставшие жертвой германской империалистической агрессии и выступившие против нее с оружием в руках, но и прогрессивные, демократические силы немецкого народа, которые в течение многих лет тосковали и систематически уничтожались в фашистских лагерях смерти или, находясь в эмиграции и в подполье, вели тяжелую борьбу против фашистской диктатуры в Германии. От того, в какой степени практически будет осуществлена эта задача, зависит дальнейшая судьба немецкого народа и в значительной степени будущее Европы.

Сегодня мы предаемся радости Победы, но завтра нужно думать о структуре мира,— главном условии созидания. Можно иметь разное мнение о будущем, но одно остается непреложным: германскому милитаризму в структуре мира места нет.

Часть IV

**СНОВА МИЛИТАРИЗМ.
МИРНОЕ
СОСУЩЕСТВОВАНИЕ
ИЛИ
АТОМНАЯ
КАТАСТРОФА?**

ЛИКВИДАЦИЯ ПРУССКОГО ГОСУДАРСТВА И ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ МИЛИТАРИЗМА

История знает немало примеров столь сложной модификации определенных явлений, что их результаты, оказывается, вовсе не имеют того решающего значения, которое им придавалось ранее. В этом нельзя усмотреть ни ошибку историка, ни aberrацию современника, — при условии, если общая оценка события соизмеряется с основными борющимися между собой противоречивыми тенденциями, одни из которых знаменуют новый путь исторического развития, а другие реставрацию старых сил, хотя, быть может, в иных формах своего проявления. В самом деле, ликвидация всякого государства в глазах историка и современника не может не восприниматься как своего рода результат военного, социального или политического катаклизма, а с другой стороны, как крупное событие, которое должно наложить свой отпечаток на будущее. Но вот на наших глазах, в самом центре Европы, произошла ликвидация Прусского государства, являвшегося в течение столетий символом исторических традиций милитаризма, и никто не может сказать, каковы будут результаты этого события и какое влияние оно окажет на дальнейшие судьбы тех сил, которые являются носителями этих традиций.

Формально дело обстоит так: Совет министров иностранных дел государств — главных участников антигитлеровской коалиции (СССР, США, Великобритании и Франции), собравшись в 1947 г. в Москве, принял решение санкционировать закон Союзного Контрольного Совета в Германии, опубликованный 25 февраля 1947 г., о ликвидации Прусского государства. Предпосылкой этого закона является, конечно, военный разгром гитлеровского государства, полная и безоговорочная капитуляция Германии, в состав которой Пруссия входила в качестве наиболее важного и крупного ядра. «Прусское государство, — говорится в законе, — являющееся с давних времен носителем милитаризма и реакции в Германии, фактически перестало существовать». Утверждение этого закона державами антигитлеровской коалиции означало, что Прусское государство перестало существовать и формально. Таким образом, можно считать, что оно окончательно стерто с политической карты Европы. Но какое значение может иметь этот факт современной истории? Является ли он лишь символическим актом, имеющим преходящее значение, или он знаменует начало новой исторической полосы в развитии Германии, судьбы которой, как показал опыт двух мировых войн, в немалой степени определяют и судьбы Европы? С политической и социологической точки зрения вопрос стоит так: означает ли, что ликвидация Прусского государства в условиях нашей современности неизбежно повлечет за собой и ликвидацию тех исторических сил и традиций, средоточием и воплощением которых оно являлось?

На протяжении более 700 лет, с момента своего возникновения и до его фактического уничтожения, Прусское государство было милитаристским государством по преимуществу. Как в области внутренней политики, так и в области внешних отношений в нем все всегда было подчинено интересам войны. Поскольку в течение последних трех четвертей века своего существования Прусское государство являлось политическим остовом Германской империи, его ликвидация, казалось бы, не может не иметь серьезных последствий и для государственного переустройства Германии на новых основах. Это понимает и германская реакция, заинтересованная в сохранении милитаристских основ своего существования. Уже давно она создала историческую концепцию, согласно которой война является единственной животворящей силой, которая обеспечивала единство Пруссии, а затем единство Германии. Упорно и настойчиво она насаждала представление, будто только «железом и кровью», на прусской основе, можно было претворить в жизнь идею единства германского народа и что только войной или постоянной готовностью к войне можно было гарантировать это единство от опасности извне. Автором этой концепции был Бисмарк. Впоследствии эту концепцию в новой форме усвоил Гитлер, который к тому же ее использовал в наиболее агрессивных целях: поднимая на щит традиции прусского милитаризма, он пытался оправдать свою империалистскую программу в неслыханных масштабах.

Влияние бисмарковской концепции было в Германии настолько длительным, значительным и серьезным, что и после второй мировой войны германская реакция пытается возродить ее, чтобы использовать в качестве орудия укрепления своих политических позиций и идеологического влияния. Однако, будучи ослаблена в результате небывалого военного крушения, она стала искать покровителей в лагере международной реакции. Ее расчеты в этом отношении небезосновательны. Показательно, что одни органы английской и американской прессы пытались расценить ликвидацию Прусского государства как событие, которое не заслуживает серьезного внимания. Другие же были готовы выразить скорбь по поводу смерти этого государственного образования и на его могилу возложить цветы. Лондонская газета «Times» призвала искать «лучшие стороны прусского характера и достижений». Она пыталась убедить, что этот прусский характер «отличается чертами трудолюбия, бережливости, любви к богу и повиновения закону». Некоторые реакционные круги, по видимому, хотели бы ложной характеристикой пруссачества спасти его от полной и окончательной дискредитации.

1

История возникновения Прусского государства начинается в далекие средние века, когда Бранденбургская марка, созданная в качестве оплота Германской империи на Востоке (на славянской территории, носившей название Бранибор), была затеряна среди более 1700 феодальных территориальных владений Священной римской империи германской нации. Бранденбург, который назывался Северной маркой, сначала был небольшой военной заставой на берегу Эльбы, откуда осуществлялись бесчисленные нападения против славянских племен. Постепенно эти племена отеснялись или истреблялись, и Бранденбургская марка расширяла свои владения за счет их земель. Бранденбургские завоеватели дошли до реки Одер и продолжали распространяться далее на Восток. Сначала ими командовали королевские графы, которые в XII столетии начали называться маркграфами Бранденбургскими. Этих маркграфов поставляли члены Ангальтского дома, затем Баварского, впослед-

ствии Люксембургского, и в начале XV столетия сюда явились отпрыски захудалого швабского дома — Гогенцоллерны. Так обосновалась здесь династия Гогенцоллернов, которая просуществовала сначала в Бранденбурге, затем в Пруссии и, наконец, в Германии до 1918 г.

Но тогда, когда Гогенцоллерны явились в Бранденбург, на Востоке уже существовало Прусское государство, очень схожее с Бранденбургским по своему типу и характеру. То было государство тевтонских рыцарей, которое, потерпев разгром в походе крестоносцев на Сирию, пыталось было захватить австрийскую область Бургенланд, но, потерпев и тут неудачу, было переброшено в отдаленный северо-восточный угол Европы — на балтийское побережье. Тевтонские рыцари окончательно обосновались здесь после того как провели опустошительные и истребительные войны против литовского населения — пруссов. Цветущая страна, которую захватили тевтонские рыцари, к концу XIII в. была превращена ими в пустыню, а ее население было истреблено или обращено в рабство. Тогда Тевтонский орден начал привлекать новых поселенцев. Маркс, который внимательно изучал историю колонизации и насильственной германизации славянских земель, писал: «...Чужеземные завоеватели проникают в глубь страны, вырубая леса, осушают болота, уничтожают свободу и фетишизм коренного населения, основывают замки, города, монастыри, сеньерии и епископства немецкого образца. Там, где жителей не истребляют, их обращают в рабство»¹. Так создавалось и расширялось Прусское государство, государство, которое родилось из разбоя, существовало разбоем и, подобно Бранденбургской марке, усматривало в разбое средства и цель своего существования.

В самом начале XVI в. один из Гогенцоллернов, Альбрехт Бранденбургский, оказался избранным гроссмейстером Тевтонского ордена. Приняв учение Лютера и превратив Тевтонский орден в светское герцогство, он сделал обширные земли этого герцогства наследственным достоянием Гогенцоллернов. Тевтонские рыцари превратились в крупных помещиков, впоследствии породивших прусское юнкерство. В XVII в., когда потомство Альбрехта по мужской линии прекратилось, курфюрст Бранденбургский прибрал Прусское герцогство к своим рукам. В 1701 г. он добился возведения своего Прусского герцогства в королевство и получил титул короля Пруссии. Так на базе Бранденбурга и тевтонской Пруссии, возникших на костях славянских и литовских племен, появилось Прусское государство в собственном смысле этого слова.

До конца XVIII в. Прусское государство оставалось разделенным на две части расположенными между ними польскими землями. Это было государство военно-колонизаторского типа, в котором господствующую роль играли феодалы-разбойники. Завоеватели составили в нем командующий класс, присвоивший все богатства и землю покоренных народов. В конце XVIII в. государство захватило лежащие между его частями исконные польские земли: Гданьск, Торунь (Торн) и Познань, а в начале XIX в. добилось дальнейшего расширения путем присоединения значительной части Саксонии и обширных территорий на правом и левом берегах Рейна. Так Пруссия превратилась в одно из самых крупных государств Центральной Европы.

Тогда-то окончательно сложились те черты пруссачества, которые с самого начала представляли опасность для государств и народов, оказавшихся соседями Пруссии на Востоке и на Западе. Носителями этого агрессивного духа был класс юнкеров — крупных помещиков, — класс, тупость которого уступала только его алчности и жажде новых захватов.

¹ «Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 342—343.

Он цепко держал в руках феодальные привилегии. От своих отцов, тевтонских рыцарей, он унаследовал представление о том, что только грубая сила является источником права и что, применяя эту силу, можно укреплять свое господство в стране и постоянно расширять свои владения. Он породил замкнутую касту военщины, грубой и чванливой, представления и нравы которой наложили отпечаток на всю политическую жизнь страны. Время шло, история выдвигала новые, прогрессивные задачи в области культуры и переустройства социальных отношений, а Пруссия сохраняла старые специфические черты и даже усугубляла их. Если бы юнкерство могло, оно постаралось бы навеки законсервировать Прусское государство. Оно всегда стремилось к тому, чтобы Пруссия оставалась государством реакционным и милитаристским.

Еще Мирабо, французский политический деятель XVIII в., заметил, что война является единственным национальным ремеслом Пруссии. Бернгорст, бытописатель войн прусского короля Фридриха II, считал, что Пруссия вообще не являлась государством в обычном смысле этого слова. Он называл ее «армейской квартирой». Знаменитый итальянский поэт Альфиери, посетивший Пруссию в 1770 г., записал, что Берлин, столица Пруссии, представляется ему «омерзительной огромной казармой, а вся Пруссия с ее тысячами наемных солдат — одной колоссальной гауптвахтой». Это справедливо и для более раннего и для последующих периодов.

Фридрих II, кумир немецкого милитаризма и империализма, был подлинным воплощением не только «просвещенного абсолютизма», но и пруссаческого духа. Это он, следуя заветам своих отцов, создал армию наемников, которая, по выражению одного из прогрессивных военных деятелей в начале XIX в. Шарнгорста, была набрана «из бродяг, пьяниц, воров, негодяев и вообще преступников со всей Германии», а также из насильственно призванных крепостных крестьян, — армию настолько большую, что прокормить ее можно было только за счет постоянного грабежа чужих земель. Это он довел до крайнего выражения военную систему по принципу: «Солдат должен бояться своего офицера больше, чем врага». Это он создал громоздкую полицейско-бюрократическую машину, которая, по выражению Лессинга, превратила Пруссию в самую рабскую страну Европы. Это он считал, что прусская каста дворян «настолько хороша, что должна быть охраняема и почитаема всеми возможными средствами». Это он старался никогда не упускать случая, чтобы урвать у соседей кусок земли, даже немецкой.

Фридрих II не страдал излишней щепетильностью при выборе средств: вероломство он возвел в ранг государственной доктрины.

Он был рад, когда ему удавалось одурачить противника. На полях одного доклада он написал: «Англичане — глупцы, а голландцы — простаки. Воспользуемся пока что обстановкой и одурачим их всех вместе». Собираясь начать наступление на Вроцлав с целью захвата польских земель, он решил дипломатическими средствами отвлечь внимание всех, кто мог ему в этом помешать. «Будьте самым ловким шарлатаном в мире, — писал он своему министру иностранных дел, — тогда я буду самым счастливым сыном фортуны, и наших имен не забудут никогда». Прусские милитаристы и германские империалисты действительно не забыли его имени. Они создали культ «старого Фрица». Разумеется, это не означает, что цели и методы старого пруссачества остались и впредь неизменными. Но они наложили свой отпечаток на деятельность последующих поколений прусско-германского милитаризма вплоть до его крушения в 1945 г.

Прямые потомки тевтонских рыцарей и прусской военщины сыграли крупную роль и в образовании Германской империи. Когда над Францией в конце XVIII в. пронеслась гроза Великой буржуазной революции,

очистившей страну от феодальных порядков, Германия все еще пребывала в состоянии политической раздробленности. Она являлась скорее географическим, чем политическим понятием. На ее территории можно было насчитать более 300 феодальных владений: королевств, эрцгерцогств, герцогств, княжеств, архиепископств, епископств, свободных городов и других государств; некоторые из них, как шутил Гейне, можно было легко унести на подошве сапога. Наполеон перекроил и перетасовал эти государства, большие и малые, так, как он это считал для себя выгодным. Но после разгрома прусской армии под Иеной (в 1806 г.) в сознании немецкого народа в условиях развития капиталистических отношений начала созревать идея национального единства. Однако он был еще слишком слаб, чтобы смести со своего пути феодальные порядки и династические перегородки, чтобы заложить основы единого германского государства, а Пруссия, самое сильное из этих государств, ни о чем другом не помышляла, как только о том, чтобы удовлетворить свои юнкерские и династические интересы. Идеи французской буржуазной революции не могли не оказать воздействия на сознание немецкого народа. Король Фридрих Вильгельм III, охваченный страхом, обещал конституцию, но обманул народ: он не мог и не хотел ни в какой степени мешать владычеству прусских юнкеров. Как писал впоследствии Энгельс, он был «одним из величайших олухов, когда-либо служивших украшением престола. Рожденный быть капралом и проверять, в порядке ли пуговицы у солдат, холодный развратник и в то же время проповедник морали, неспособный говорить иначе, как в неопределенном наклонении, превзойденный в искусстве писать приказы только своим сыном, он знал всего лишь два чувства: страх и капральскую заносчивость»².

Страх он испытывал перед Наполеоном, а после свержения последнего — перед русским царем, направлявшим политику реакционного Священного союза. Но зато неизмеримо возросла его «капральская заносчивость» в отношении своих подданных и в отношении мелких германских государств. После Венского конгресса 1815 г. произошла новая перестройка германских государств. Их уже осталось только 39, и наиболее крупным из них была Пруссия, которая, наряду с Австрийской империей, стала главным оплотом реакции в Центральной Европе. После того как прусское правительство издало закон, отменивший, наконец, крепостное право (1807 г.), последовало так много новых законов, указов и правительственных инструкций, что реакционный юнкерский класс мог снова считать себя победителем. Феодализм спас многие из своих привилегий, в том числе барщину и другие повинности крестьян. При помощи спекуляций, быстро и сильно обогащаясь на выкупе старых феодальных повинностей, юнкера получили возможность применять также капиталистические методы эксплуатации и таким образом, пользуясь разорением и обнищанием крестьянства, безмерно усиливать свое господство в сельском хозяйстве и свою руководящую роль в Прусском государстве. Это был длительный процесс прусского развития капиталистических отношений в земледелии, процесс, который более чем на столетие наложил свой отпечаток не только на экономическое, но и на политическое развитие Германии.

Юнкерство продолжало оставаться преобладающей силой в Пруссии, а порожденная им военная каста продолжала задавать тон в политике этого государства. Даже тогда, когда буржуазия начала пробуждаться к жизни и, не довольствуясь «бурей и натиском» в области отвлеченных идей, стала претендовать на политические права, которые могли бы обеспечить ее реальные интересы, ничто не изменилось в королевстве

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 2, стр. 567—568.

Пруссом. Наш соотечественник А. И. Герцен, посетивший Пруссию незадолго до революции 1848 г., с горечью записал в свой дневник: «Кап-ральской палкой и мещанским понятием об экономии в Пруссии... все-ляется гуманизм. Пруссия бездушна». Революция 1848 г. не смогла решить задачу, выдвигаемую национальными интересами,— задачу воссоединения Германии на демократической основе. Демократические элементы Германии еще не были настолько сильны, чтобы взять дело воссоединения в собственные руки. Однако они уже играли настолько большую роль, что немецкая буржуазия, испугавшись развития революции, переметнулась в лагерь феодально-абсолютистской контрреволюции.

2

Именно в этот период впервые на арену политической деятельности вышел Бисмарк. Его нрав и убеждения были таковы, что даже соседи-помещики называли его «диким юнкером». Узнав о революции в Берлине, он пытался поднять прусскую Вандею: при помощи вооруженных крестьян своего поместья он хотел восстановить во всей неприкосновенности власть прусского короля, абсолютную постольку, поскольку она выполняла волю юнкерского класса. Тогда его откровенная реакционность напугала даже короля. Но Бисмарк мало смущался этим. Революция была подавлена, прусская реакция торжествовала победу. Идея единства Германии, возникшая в немецком народе, осталась неосуществленной. Вскоре эту идею ухватил в свои руки Бисмарк. После своего назначения министром-президентом Пруссии (в 1862 г.) он заявил: «Германия смотрит не на либерализм Пруссии, а на ее мощь. Великие вопросы времени решаются не речами и парламентскими резолюциями...— а железом и кровью». В другой раз Бисмарк сказал: «Германский вопрос может быть разрешен не в парламентах, а только дипломатией и на поле битвы». Позднее, в 1864 г., приступая к осуществлению своих планов, он заявил: «Вопросы государственного права в последнем счете решаются при помощи штыков».

Чтобы распространить господство Пруссии на всю Германию, Бисмарк решил использовать идею единства немецкого народа,— идею, в осуществлении которой была заинтересована буржуазия. Когда настал час, он приступил к осуществлению своих планов, и притом обычным прусским способом, т. е. войной. Немалую роль в этом сыграла прусская дипломатия, которая с самого начала усвоила простой принцип: противников легче бить поодиночке. Сначала Бисмарк последовательно провел войны против Дании и затем против Австрии. Не все понимали тогда его цели; многие прусские юнкеры, являясь восторженными сторонниками методов Бисмарка, отказывались сочувствовать его планам. Немецкая буржуазия восторженно поддерживала и его планы, и его методы: следуя за политикой юнкерской Пруссии, она быстро растрачивала последние остатки своих либеральных идей.

Вдумчивые и наблюдательные современники уже тогда поняли, что скрывается за этой политикой. «...Маска долой,— писал Герцен,— и Бисмарк из Германии пошел сколачивать империю пруссаков, употребляя на пыжи клочья изорванной конституции... Пользуйтесь вашим величием,— иронически обращался Герцен к немцам,— молитесь за будущего императора пруссов и не забывайте, что рука, которая раздавила целые королевства, раздавит всякую неблагодарную попытку с вашей стороны с неумолимой строгостью». Герцен понимал, что господство Пруссии в Германии означает господство в ней реакции, а рост прусского милитаризма создает в Европе постоянную опасность войны. Намекая на

игольчатые ружья, примененные прусской армией в войнах, с помощью которых Пруссия проводила объединение Германии, Герцен писал: «Все знают, что Европа, сшитая прусскими иголками, сшита на живую нитку, что все это завтра расплзется, что это не в самом деле...»

Война против Франции завершила объединение Германии на прусско-милитаристской основе. Пруссия одержала победу над Францией. Она захватила и присоединила старинные французские области Эльзас и Лотарингию. Она получила огромную по тому времени контрибуцию, которую использовала преимущественно в целях дальнейшего роста вооружений. Но она одержала победу и над немецкими государствами, правители которых явились в прусскую главную квартиру, чтобы предложить королю Пруссии германскую корону.

Военная победа над Францией и политическая победа над немецкими государствами придали прусскому милитаризму открыто вызывающую форму. Упоенная военными и политическими победами, Пруссия находилась в состоянии националистической горячки, и ее настроения передавались на всю Германию. М. Е. Салтыков-Щедрин, побывав в это время в прусской столице, сразу заметил, что бисмарковская политика опруссачения Германии вызывает у многих немцев неприязненную реакцию. «В настоящее время,— писал Салтыков-Щедрин,— для доброй половины Германии Берлин не только не симпатичен, но даже прямо неприятен. Он у всех что-нибудь отнял и ничем за отнятое не вознаградил. И вдобавок везде насовал берлинского солдата с соответствующим количеством берлинских офицеров». Прусская военная каста, неизмеримо возгордившаяся своими победами, вызывала не страх, а только отвращение. Салтыков-Щедрин не мог подавить в себе этого чувства. Он писал: «Когда я прохожу мимо берлинского офицера, меня всегда берет оторопь... Он всем своим складом, повадкой, устоем, выпяченной грудью, выбритым подбородком так и тычет в меня: я герой. Мне кажется, что если бы вместо того он сказал: я разбойник и сейчас начну тебя свежевать, мне было бы легче».

Салтыков-Щедрин понимал, что прусская военщина, прикрываясь идеей единства немецкого народа, стремится лишь к утверждению своего господства в Германии и к обеспечению своих агрессивных планов в Европе. Он знал, где расположен мозг всемогущего в Германии прусского милитаризма, и понимал, где разрабатываются его планы, угрожающие миру. «Вся суть современного Берлина, все мировое значение его,— писал Салтыков-Щедрин,— сосредоточены в настоящую минуту в здании, возвышающемся в виду Королевской площади и носящем название Главный штаб». И действительно, Большой штаб Пруссии играл такую выдающуюся роль как в вопросах внешней, так и в вопросах внутренней политики, какую генеральный штаб не играл ни в одной стране мира. С тяжелым и мрачным чувством Салтыков-Щедрин покинул прусскую столицу, которая превратилась в столицу общегерманскую. И другие современники также заметили черты, которые живо, остро и точно Салтыков-Щедрин воспроизвел своим сатирическим пером. Глеб Успенский, совершивший путешествие в Германию, писал: «...Вы только переехали границу,— хватъ, стоит Берлин, с такой солдатчиной, о которой у нас не имеют понятия... Палаши, шпоры, каски, усы, два пальца у козырька, под которым в тугом воротнике сидит самодовольная физиономия победителя, попадают на каждом шагу, поминутно; тут отдают честь, здесь меняют караул, там что-то выделывают ружьем, словно в помешательстве, а потом с гордым видом идут куда-то... Но существеннейшая вещь — это полное убеждение в своем деле».

Пруссачество как социально-политическая сила и Пруссия как государство обеспечили себе господствующее положение в Германии. Созданное руками прусско-милитаристской реакции, германское государство являлось по существу Великопруссией или, как иронически называл ее Энгельс, «Германской империей прусской нации». В руках Пруссии остались командные политические посты Германской империи. Прусский король одновременно был германским императором, прусский министр-президент обычно оставался и имперским канцлером и прусским министром иностранных дел одновременно. Занимая около 65% всей немецкой территории, имея свыше 61% всего населения империи, заключая в себе две трети обрабатываемой площади в сельском хозяйстве и почти такую же долю всей германской промышленности, выставляя две трети военных сил Германии, Пруссия оставалась самым крупным, самым влиятельным из государств, входивших в состав Германской империи. Обладая в Союзном Совете, который был представительным органом всех государств Германской империи, 17 голосами из 61, Пруссия и здесь играла руководящую роль. Когда однажды, в 1880 г., по какому-то совершенно второстепенному вопросу Пруссия осталась в Союзном Совете в меньшинстве, министр-президент Пруссии, он же имперский канцлер, нашел способ заставить «непокорных» подчиниться воле Пруссии и гарантировать ей, что в будущем подобное невыгодное ей голосование никогда не повторится.

Если Пруссия оставалась господствующей силой в Германии, то наиболее реакционные классы — юнкерство и крупная буржуазия — оставались господствующими в Пруссии. Это достигалось не только тем, что в их руках концентрировались основные богатства страны как в сельском хозяйстве, так и в промышленности, но и тем, что им удалось в течение долгих десятилетий удерживать старую прусскую систему избирательного права. В отличие от общегерманской избирательной системы, основанной на всеобщем избирательном праве для мужчин, выборы в прусский ландтаг происходили по трехклассной системе, в зависимости от размеров налогов, уплачиваемых избирателями; к тому же сохранялось открытое голосование и крайне устарелое деление страны на избирательные округа. Прусская административная машина и полицейский режим при этом, как правило, добивались того, что процент голосующих избирателей никогда не составлял больше одной трети избирателей. В результате этой механики реакционная партия прусских консерваторов, собирая на выборах, например, всего 17% голосов, захватывала добрую половину всех депутатских мест. В то же время социал-демократы, однажды сумевшие, несмотря на трехклассную систему выборов и открытое голосование, получить голоса 24% избирателей, провели в прусский ландтаг только 7 депутатов. Таким образом, ландтаг, который на две трети состоял из юнкерско-буржуазных и бюрократических элементов, являлся сборищем прусской реакции. Прусские реакционеры опирались на ландтаг и тогда, когда считали нужным начать борьбу против избранного несколько более демократическим путем общегерманского рейхстага. Маркс справедливо характеризовал государственный строй опруссаченной Германии как «обшитый парламентскими формами, смешанный с феодальными придатками и в то же время уже находящийся под влиянием буржуазии, бюрократически сколоченный, полицейский охраняемый военный деспотизм»³.

В начале XX в. германский империализм, выросший на старых прусских милитаристских традициях, уже потрясал в Европе «бронированным кулаком». Впоследствии на этих традициях генерал Людендорф,

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, стр. 28.

один из типичных представителей милитаристской Германии, создал доктрину «тотальной войны». В период Веймарской республики эти традиции поддерживались в рейхсвере. Его создатель генерал фон Сект говорил: «Государство — это армия». В известной степени на прусской основе складывалась и идеология немецкого фашизма ⁴.

Но уже значительно раньше появление и быстрый рост германских монополий, их стремление к экспансии придали агрессивной политике опруссаченной Германии новый, дотоле небывалый размах. Буржуазная пресса стала писать о Германии как о «мировой державе». Кайзер начал проводить «мировую политику». Германские банки стремились играть «мировую роль», а купцы — вести «мировую торговлю». Даже континентальные масштабы захватнической политики стали казаться провинциальными. Старые прусские феодальные понятия получили новое назначение. Все наиболее реакционное было перенесено в германские арсеналы империалистской борьбы как ценный и нужный вклад; с новой силой стал возрождаться культ войны, непреклонной воли и грубой силы.

Пока в Европе готовилась война, германская армия вела ее в своих колониях. В ходе одной из своих колониальных войн в Африке прусская военщина почти полностью истребила доверчивое и миролюбивое племя гереро.

Наблюдая за первыми шагами в политическом развитии опруссаченной Германии, вдумчивые современники понимали, что несет с собою и куда идет это сколоченное войною государство. Известный публицист Н. К. Михайловский в 1871 г. писал в «Отечественных записках»: «Европа еще наглядится на кровь, наслышится стонов и пушечной пальбы. Уже прусские прогрессисты до такой степени увлеклись успехом, что проектируют союз с Австрией против славянства; уже Мольтке, как уверяет одна английская газета, составил план вторжения в Англию. Что-то будет? Верно то, что на несколько десятков лет „пруская цивилизация“ окрасит собою мир. Однако в конце концов падение этой цивилизации есть вопрос времени... Вопрос только о том, как и когда провалится дело Бисмарка. Быть может, эту задачу исполнит коалиция европейских государств».

В конце 1918 г. дело Бисмарка рухнуло. Коалиция европейских и неевропейских государств нанесла опруссаченной Германии военное поражение ⁵. В стране вспыхнула революция, которая смела все сохранившиеся в Германии династии. Кайзер Вильгельм II, вынужденный отказаться от германского престола, еще надеялся сохраниться в качестве прусского короля, но был вынужден бежать в Голландию.

4

Прусская династия ушла, но генералы остались. Вокруг них собирались силы прусской и всей германской реакции. Эти силы, сначала притаившись, вскоре стали более активными. Они поставили перед собой цель укрепить свое господство и подавить народное движение. Поскольку Ноябрьская революция 1918 г. не затронула их экономических позиций, поскольку юнкерство оставалось полновластным хозяином своих латифундий, а капиталистические монополии оставались хозяином промышленной жизни страны, они имели возможность оказывать глубокое влияние на политическую жизнь Германии с тем, чтобы не допустить ее полного преобразования на демократической основе. Все же им пришлось пойти на некоторые уступки.

⁴ См. ниже: «Идеология германского империализма и реальности нашего века».

⁵ См. выше: «Капитуляция в 1918 году».

Крах монархического режима в Германии выдвинул вопрос об основных принципах новой конституции. В частности, возник вопрос и о роли Пруссии в составе Германского государства. В начале января 1919 г. один из видных деятелей буржуазно-либеральной «прогрессивной партии» министр внутренних дел Гуго Преисс представил «Проект будущей имперской конституции». Противник принципа федерализма, Преисс утверждал, что «новая германская республика бесспорно должна быть создана как по существу единое народное государство на основе права самоопределения немецкой нации в ее общности».

Считая, что ни монархический, ни федералистский принцип не является «первым и решающим фактором политической формы жизни немецкого народа», он доказывал, что этим фактором «в большей степени является самое существование немецкого народа, как исторически данное политическое единство». Преисс писал: «Не существует ни прусской, ни баварской нации, в такой же степени, как не существует нации княжеств Липпе или Рейсс; существует только немецкая нация, которая должна политическую форму своей жизни воплотить в немецкой демократической республике». Что касается Пруссии, то Преисс считал, что ее сохранение, а тем более ее гегемония несовместимы с выдвигаемым им принципом «единого народного государства» (*«einheitlicher Volksstaat»*). Тогда же Преисс набросал проект нового территориального устройства Германии. Исходя из интересов развития буржуазной демократии в Германии, Преисс предлагал раздробить Пруссию между другими германскими землями. Это должно было привести если не к полной ликвидации Прусского государства, то, во всяком случае, к его значительному ограничению. При этом Преисс ни в какой степени не затрагивал проблему ликвидации тех экономических и социальных основ, на которых Прусское государство возникло и укреплялось. Тем не менее его проект вызвал с разных сторон ожесточенные нападки. Прусские реакционеры, южногерманские партикуляристы, социал-демократы, взявшие на себя защиту интересов господствующих классов и стремившиеся предотвратить ломку политических основ Германской империи,— все они объединились, чтобы провалить проект Преисса. Это им удалось. В конце января 1919 г. Преисс должен был заявить, что его проект в настоящих условиях неосуществим. «Проект конституции Германской империи» был сильно переработан и 21 февраля 1919 г. представлен собравшемуся в Веймаре Национальному собранию. Здесь развернулась ожесточенная борьба по вопросу о том, какое название должно носить Германское государство: были предложения назвать его «Союзом» (*«Bund»*) и даже «Соединенными Штатами Германии». Преисс доказывал, что принятие этих предложений, носящих сугубо партикуляристский характер, было бы шагом назад в истории Германии. Но вместе с тем Национальное собрание побоялось назвать государство «Германской республикой». Было принято название «Reich» («Империя») под тем предлогом, что с этим понятием якобы связаны вековые традиции немецкого народа и его исторически сложившееся стремление к национальному объединению. Эта была уступка силам реакции, которые со времен средневековья выдвигали идею «империи» на первый план.

Еще более ожесточенная борьба разгорелась вокруг того раздела проекта конституции, который касался вопроса о взаимоотношениях между «райхом» и «землями». Преисс снова предложил, хотя и не в такой определенной и категорической форме, как раньше, уничтожить гегемонию Пруссии. «Задачей конституции,— сказал он,— является создание немецкой Германии, свободной от австрийской и прусской гегемонии,— Германии со своей собственной центральной властью над всеми составляющими ее землями (*„Gliederstaaten“*)». Это вызвало решительные возражения по разным основаниям и с разных сторон. Шпан, один из лиде-

ров католической партии центра, выступил против гегемонии Пруссии, которая, по его словам, удерживалась благодаря ее военному превосходству, ее бюрократической системе и существованию династической унии между Пруссией и Германией. Падение династии Гогенцоллернов, заявлял он далее, ослабило господствующее положение Пруссии. Но отсюда он делал вывод не в пользу ликвидации Пруссии как государства, а в пользу усиления роли других германских земель. Исходя из реакционных партикуляристских устремлений, он предлагал, чтобы Германия, воспользовавшись ослаблением Прусского государства, была реорганизована на федералистских началах. Еще более яростно в защиту существования Прусского государства выступали представители партий аграриев и монополистического капитала. Дельбрюк, один из видных деятелей «германской национальной народной партии», доказывал, будто только сильная Пруссия является главным условием сохранения Германии как государства. Гейнце, не скрывавший своих реакционных убеждений, признавал, что ликвидация прусской монархии делает невозможным концентрацию военной силы в руках Пруссии, но требовал, чтобы прусская военная система была доведена до общегерманских масштабов. Он ненавидел республиканский строй и тем более считал важным сохранение Пруссии как государства. «Мы не можем дробить Пруссию», — заявил он, — так как уничтожим единственную опору империи. Мы отказываемся от расчленения Пруссии». В таком же духе выступал и Штреземан — один из политических лидеров германской монополистической буржуазии. Свой призыв сохранить Пруссию он пытался оправдать тем, что она якобы перестала быть оплотом реакции в Германии.

Веймарская конституция оставила Пруссию в качестве одного из государств Германской империи. Но главный недостаток Веймарской конституции заключался в том, что некоторые ее положения противоречили интересам развития демократии. Это прежде всего относится к § 48, предусматривавшему предоставление президенту чрезвычайных прав и впоследствии открывшему путь к установлению гитлеровской диктатуры. Однако Веймарская конституция впервые в истории Германии сделала значительный шаг вперед на пути к установлению буржуазно-демократических порядков в стране. Она предоставила народу такие демократические права, которые никогда в прошлом не знали ни Германия, ни, тем более, Пруссия. Она предоставила право свободной деятельности демократических партий, профессиональных союзов, других демократических обществ и организаций, право свободы печати, собраний и т. д. Она предоставила известную автономию землям, а также возможность демократического устройства на их территориях в рамках единого Германского государства.

В период действия Веймарской конституции формальное и административно-политическое положение Пруссии в составе германского рейха несколько изменилось. Пруссия уже не имела коронованного возглавления, общего с Германской империей. Ее министр-президент не был рейхсканцлером, а имперский министр иностранных дел не входил в состав прусского кабинета. Партийное лицо прусского кабинета также несколько отличалось от общегерманского. В его составе обычно были партии так называемой Веймарской коалиции (социал-демократическая партия, «демократическая партия» и католический центр), в то время как имперские кабинеты заключали в себе представителей крупнокапиталистической «народной партии» и реакционной партии буржуазно-юнкерского империализма — германских националистов.

На этом основании некоторые германские деятели стали утверждать, будто в период Веймарской конституции роль Пруссии значительно изменилась: если раньше Прусское государство являлось оплотом юнкер-

ской реакции, то впоследствии оно стало оплотом демократического лагеря во всей Германии. Сторонники этой точки зрения в качестве доказательства ссылались на то, что после Ноябрьской революции 1918 г. силы реакции в течение всего дальнейшего периода гнездились в Баварии. Они указывали, что в Баварии началась организация полулегальных военно-фашистских формирований и что в Баварии Гитлер начал готовить фашистский переворот.

Конечно, наряду с Пруссией нельзя недооценивать и Баварию как один из бастионов реакции и оплотов феодальных и сепаратистских тенденций германской истории. В своем романе «Успех» Фейхтвангер нарисовал колоритную картину, которая показывает, как в силу известной социальной, экономической и идеологической отсталости Бавария стала удобным пристанищем для германской реакции. После того как там укрепилась власть открыто реакционного типа, многие германские милитаристы, и среди них генерал Людендорф, поселились в Баварии. Вскоре они начали поддерживать гитлеровское движение, предоставляя ему и средства, и кадры, и политический опыт. Все это, однако, вовсе не означает, что Прусское государство превратилось в очаг демократии. Правда, демократическое движение в Пруссии продолжало нарастать, в особенности в наиболее промышленных районах — в Берлине и в рейнско-вестфальских промышленных округах. Но это происходило вовсе не потому, что в Пруссии сложились какие-либо исключительные обстоятельства, благоприятствовавшие росту демократических сил. Прусская полиция, находившаяся в руках социал-демократов, так же расстреливала рабочие демонстрации, как и реакционные правительства в Тюрингии или Баварии. Главное же заключается в том, что прусское правительство ни в малейшей степени не затронуло тех экономических позиций прусских феодалов-юнкеров и крупных магнатов промышленного и финансового капитала, которые составляли основу их господства не только в Пруссии, но и во всей Германии. Эти реакционные силы, опираясь на свою экономическую мощь, продолжали культивировать прусские традиции и в армии, и в политике, и в области социальных отношений. Припоравливаясь к новому времени, они прибегали к неслыханной дотоле демагогии. Такова была политическая и идейная атмосфера, в которой Освальд Шпенглер родил свою книгу «Пруссачество и социализм», а Гитлер окрестил свою партию крайней реакции — национал-социалистской.

Вскоре имперское правительство, стремясь консолидировать силы общегерманской реакции и опасаясь встретить сопротивление в отдельных германских землях, решило приступить к «выдалбливанию» сохранившейся в этих землях некоторой самостоятельности. В частности, между двумя центральными правительствами — империи и Пруссии — усиливались трения по ряду административных вопросов. Сторонники реформы взаимоотношений между райхом и Пруссией указывали на параллелизм в деятельности некоторых административных органов и на ряд других неудобств, вытекающих из факта существования в системе Германии такого крупного государства, каким являлась Пруссия. С целью реорганизации этих взаимоотношений на новой основе в 1928 г. был создан «Союз обновления государства»⁶, во главе которого стоял Ганс Лютер, один из видных представителей интересов крупного капитала, бывший канцлер и впоследствии председатель Рейхсбанка. Кроме того, была создана специальная комиссия, возглавленная социал-демократом Арнольдом Брехтом. Основы разработанного ею плана были следующие:

1) центральная администрация прусского правительства сливается с администрацией имперского правительства;

⁶ См. выше: «Распад правительственной коалиции в 1928 году».

2) областные и местные учреждения прусского правительства сливаются с соответствующими учреждениями имперского правительства;

3) Пруссия поэтому должна быть совершенно упразднена как германская земля или автономная единица;

4) вместо этого создаются новые территориальные единицы, новые земли из 13 прусских провинций, включая сюда и Берлин.

Таким образом, предполагалось провести административное разделение Пруссии на ряд земель, положение которых немногим отличалось бы от положения других германских земель — Баварии, Саксонии и т. д. Против этого плана выступили прежде всего представители реакционного правительства Баварии. Исторически Бавария являлась соперником Пруссии в Германии. Но в данном случае ее реакционные представители выступили за то, чтобы Пруссия была оставлена в полной неприкосновенности. Эта позиция объяснялась, во-первых, тем, что баварские реакционеры опасались, что после Пруссии административной реорганизации подвергнется Бавария, а во-вторых, тем, что в существовании Пруссии они усматривали оправдание для своих партикуляристских устремлений. Кроме того, они опасались, что реорганизация Пруссии вызовет усиление демократического движения в стране. Вместе с тем среди правящих классов Пруссии, при всей общности их интересов, наметились и углубились известные расхождения. Восточноэльбские юнкеры требовали, чтобы прусское правительство предоставляло им значительные преимущества, между тем как магнаты тяжелой промышленности, расположенной в западных областях Пруссии, требовали, чтобы эти преимущества были предоставлены им. В то же время те и другие опасались рабочего и социалистического движения, которое развивалось преимущественно в промышленных областях Пруссии и всей Германии.

Проект административной реорганизации Прусского государства на основе его ликвидации проходил через многочисленные инстанции, пока не дошел до рейхстага. Правящие классы Германии отнюдь не испугались этого проекта реорганизации и даже ликвидации Прусского государства. Они знали, что ни прусское, ни имперское правительства не посмеют затронуть основ их экономического и политического господства. Но рейхсканцлер Брюнинг, который уже расчищал дорогу фашистской диктатуре, не допустил в рейхстаге даже обсуждения проекта. Применив знаменитый § 48 Веймарской конституции, он совершил покушение на убийство самой конституции: Брюнинг распустил рейхстаг. Его преемник Франц фон Папен дал вопросу о реформе Прусского государства совершенно неожиданное направление. По его предложению, фельдмаршал фон Гинденбург, типичный старый пруссак и монархист, ставший президентом Веймарской республики, опубликовал указ об увольнении всех прусских министров. Их функции перешли к имперскому канцлеру и его комиссарам. Таким образом, руками истого прусского милитариста Пруссия была лишена ее конституционных прав. После некоторых препирагелств конфликт был передан на рассмотрение верховного суда, который высказался в пользу восстановления прусского правительства. Возглавляемое социал-демократом Отто Брауном, это правительство еще пыталось вести борьбу за продление своего существования — борьбу не принципиальную, не массовую и без всякой надежды на успех. К борьбе с поползновениями общеимперского полуфашистского правительства социал-демократы боялись привлечь те силы рабочего класса, которые активно выступали против нарастающей фашистской опасности. В то же время силы пруссачества активно поддерживали реакционное общеимперское правительство, требуя от него, чтобы оно подготовило приход к власти самой реакционной и империалистической партии — гитлеровцев. Гитлер захватил власть и тотчас же установил контроль над государственными органами Пруссии. Политические усилия социал-демокра-

тии опереться на Пруссию в борьбе против черных сил гитлеровской реакции оказались попыткой с негодными средствами.

Стремясь привлечь на свою сторону носителей старопруссских милитаристских традиций в духе Фридриха II, Гитлер не считал нужным уничтожить Прусское государство и даже устроил, вскоре после своего прихода к власти, помпезное торжество в Потсдаме. Пруссия была полностью фашизирована, как и вся Германия. Во главе Пруссии в качестве премьер-министра прусского кабинета был поставлен Герман Геринг. Прусское правительство отличалось от имперского правительства фактически только тем, что в него не входили Гитлер и министр иностранных дел. Таким образом, Гитлер унифицировал Прусское государство, включив его в фашистскую систему «третьей империи» и создав ту сверхцентрализацию, которая соответствовала интересам наиболее агрессивных элементов крупного монополистического капитала и интересам ведения тотальной войны.

5

Гитлеровская Германия потерпела такой разгром, какого не знала история войн. Гитлеровская армия и гитлеровское государство, воплотившие в себе самые реакционные и самые агрессивные черты прусско-германского империализма и милитаризма, были уничтожены. По окончании войны в Потсдаме во дворце «Сесилиенгоф» собралась конференция руководителей трех великих держав — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании, которая разработала принципы обращения с Германией и переустройства ее экономической и политической жизни на новых, демократических началах.

Потсдамская конференция установила необходимость полного разоружения и демилитаризации Германии, децентрализации ее экономики с целью уничтожения существующей чрезмерной концентрации экономической силы, представленной особенно в форме картелей, синдикатов, трестов и других монополистических объединений, игравших столь крупную роль в подготовке войны. Она установила необходимость ликвидации той части германской промышленности, которая может быть использована для военного производства, или же введения контроля над ней. Далее было признано необходимым не только выкорчевать на территории всей Германии остатки фашизма и фашистских организаций, но и устранить с общественных должностей и с ответственных постов важных частных предприятий всех членов нацистской партии, которые были больше чем номинальными участниками ее деятельности, и всех других лиц, враждебных целям союзников. Одно из наиболее важных, поистине исторических решений Потсдамской конференции заключалось в признании необходимости полной ликвидации прусско-германского милитаризма и выкорчевывания его экономических, социально-политических и идеологических основ. С этой целью было сочтено необходимым полностью и окончательно упразднить все сухопутные, морские и воздушные вооруженные силы Германии, все специальные военные и полувоенные формирования, созданные гитлеровским режимом, все клубы и «фрейны», которые в течение многих десятилетий служили интересам поддержания военных традиций в Германии. Конференция решила также навсегда уничтожить германский генеральный штаб, который издавна являлся мозгом прусско-германского милитаризма и всегда играл в стране крупную политическую роль. Экономические принципы обращения с Германией, сформулированные Потсдамской конференцией, означали, что выполнение их должно привести к полному уничтожению германского военного потенциала и к организации германской экономики на но-

вых, демократических началах. Согласно решениям конференции план экономического разоружения Германии должен осуществляться на территории всей страны, которую следует рассматривать как единое экономическое целое.

Прошло всего два года после того, как Потсдамская конференция приняла решения об уничтожении чрезмерной концентрации экономической силы, о полной денацификации общественно-политической жизни и об уничтожении всей системы милитаризма в Германии, и стало ясно, что эти решения осуществляются только в Восточной Германии. Здесь демократические силы немецкой нации, пробудившиеся к активной общественно-политической жизни, сплотились вокруг объединенной партии рабочего класса — Социалистической единой партии Германии и, впервые в истории взяв свою судьбу в собственные руки, приступили к осуществлению глубоких структурных реформ на основе принципов Потсдамской конференции. Важнейшее достоинство этих принципов заключалось в том, что, будучи выработаны общими и согласованными усилиями великих держав — участников антигитлеровской коалиции, они полностью соответствовали историческим задачам и интересам немецкого народа в тех условиях, когда он испытывал величайшее бедствие, в которое был ввергнут зловещими силами милитаризма, империализма и фашизма. Национальная задача немецкого народа, следовательно, заключается в том, чтобы устранить господство этих сил — полностью и навсегда. Вот почему столь важное и, можно сказать, определяющее значение имеют аграрная реформа и национализация крупной промышленности, осуществленные в Восточной Германии. Передача земель, ранее принадлежащих крупным помещикам — юнкерам, в руки малоземельного крестьянства открыла новую полосу в развитии будущей Германии. Юнкерский класс, создавший военную касту и порождавший дух агрессии, разбоя и угнетения, лишен здесь своей экономической мощи. Устранено также господство монополий, крупных промышленников, которые вместе с юнкерством породили и поддерживали гитлеровскую диктатуру. Наконец, начали осуществляться важные мероприятия по демократизации общественно-политической жизни. Это значит, что на значительной части прусской и германской территории история не пойдет теперь по старому, милитаристскому пути развития. Здесь, в соответствии с историческими решениями Потсдамской конференции, созданы основы для нового, демократического пути.

Ликвидация Прусского государства — оплота прусско-германских агрессивных традиций, открыла, следовательно, новые возможности для преобразования Германии на демократической основе. Она как бы подвела итоговую черту развития Пруссии и могла стать символом преодоления милитаризма во всей Германии, символом превращения этой страны в единое миролюбивое демократическое государство, лишенное агрессивных и реваншистских устремлений и идущее по пути экономического и культурного процветания. Если бы это было так, вся история Германии и история Европы пошли бы по новому пути. Но тенденция экономического и политического развития в Западной Германии пошла в направлении, явно противоположном согласованным принципам Потсдамской конференции. Не ликвидация господства монополий, а восстановление их мощи; не полное устранение влияния милитаристских сил, а их собирание и новая организация; не полная денацификация общественно-политической жизни, а искусная комедия, прикрывающая старые нацистские кадры; не демократизация, а усиление реакции в новой, клерикальной форме, — таково это направление. Было бы поэтому величайшим самообманом предполагать, что ликвидация Прусского государства сама по себе может означать ликвидацию агрессивных сил и исторических традиций милитаризма. Корни агрессии, носителем которой некогда

являлась Пруссия, впоследствии модифицируясь, стали гнездиться в монополиях и во всей системе германского милитаризма. Получая поддержку со стороны западных империалистических держав, эта система, закрепляясь в Западной Германии, явно не хочет уходить с исторической арены.

В этих условиях ликвидация Прусского государства становится лишь символом тех исторических возможностей, которые открываются в решении германской проблемы, как проблемы антимилитаристского, демократического пути развития немецкого народа. Однако символ еще не является реальностью, а открывшаяся возможность еще не означает ее претворения в действительность. Вот почему ликвидация Прусского государства может занять свое заметное историческое место лишь при условии, что не только в Восточной, но и в Западной Германии будет преодолена система милитаризма, которая, выступая в различных формах, всегда являлась врагом демократических сил немецкого народа, орудием политики агрессии и реванша.

1947 г.

О НЕКОТОРЫХ ПОПЫТКАХ РЕАБИЛИТАЦИИ ГЕРМАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

1

Давно прошли те времена, когда буржуазная историческая наука имела серьезные основания гордиться своими достижениями не только в области высокой техники исследования источников, но и в общем осмыслении путей развития исторического процесса. После того как буржуазия утвердила свое господство, а на историческую арену вышел революционный класс, осознавший свою историческую задачу освобождения человечества от ига капитализма, в реакционной историографии появились признаки глубокого кризиса, преодолеть которые ей не дано. Говоря словами К. Маркса, «отныне дело шло уже не о том, правильна или неправильна та или другая теорема, а о том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет. Бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой»¹.

Еще в начале 70-х гг. XIX в., когда капитализм только начинал перерастать в империализм, один из типичных представителей английской либеральной историографии Эдвард Фримэн писал: «История есть политика прошлого; политика есть история, опрокинутая в настоящее»². Этот тезис, по сути дела, отрицающий историю как науку о закономерностях развития человеческого общества и откровенно низводящий ее до уровня политического орудия господствующих классов, стал альфой и омегой современной реакционной историографии.

И действительно, развитие реакционной буржуазной историографии в эпоху империализма в основном идет по пути разработки исторических концепций, призванных оправдать политический курс господствующих классов.

В Германии то были концепции идеологов Пангерманского союза, рассматривавших империалистическую Германию как «сердце Европы», а немцев — как единственную расу, призванную господствовать в Европе и во всем мире³. Воспевая культ милитаризма и реакции, империали-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 17.

² E. A. Freeman. Comparative Politic. Six Lectures read before the Royal Institution in January and February 1873. London, 1873; он же. The Methods of historical Study. London, 1886.

³ Например, «Alldeutsche Blätter», 1894—1919; E. Hasse. Deutsche Politik, Bd. I—II. München, 1905—1908; D. Frymann. Wenn ich der Kaiser wäre. Leipzig, 1914; H. Oncken. Das alte und das neue Mitteleuropa. Historisch-politische Betrachtungen über deutsche Bündnispolitik im Zeitalter Bismarcks und im Zeitalter des Weltkrieges. Gotha, 1917; H. Class. Gegen den Strom. Stuttgart, 1928; E. Jäckh. Deutschland als Herz Europas. Berlin, 1929; L. Werner. Der Alldeutsche Verband 1890—1918. Berlin, 1935.

стической агрессии и войны, эти концепции нашли свое крайнее человеческонавистническое выражение в немецко-фашистской историографии в период господства гитлеровского режима.

В Англии одним из родоначальников империалистической концепции в конце XIX в. был Джон Сили. Его книга «Расширение Англии»⁴ до сих пор является библией британского колониального экспансионизма, а другая его работа, «Развитие британской политики»⁵, — апологией агрессивных целей и специфических методов английского империализма, боровшегося за утверждение своего мирового господства.

В Соединенных Штатах Америки одним из ранних империалистических идеологов в области историографии был А. Мэхэн. Его концепция, изложенная в книге «Влияние морской силы на историю»⁶, до сих пор превозносится правящими кругами США, как обоснование исторической миссии американского империализма, якобы призванного господствовать на всех морях и океанах и играть руководящую роль во всем мире.

В концепциях Сили и Мэхэна уже в момент их формирования обнаружилось значительные разноречия: если Сили в рамках «англосаксонской расы» выдвигал на авансцену Англию как руководящую политическую силу, то Мэхэн ставил на первое место Соединенные Штаты Америки. Впоследствии эта тенденция проявлялась в империалистической политике и в реакционной историографии этих стран с еще большей резкостью и остротой.

Наряду с расизмом и идеей мирового господства старые трубадуры английского и американского империализма Сили и Мэхэн выдвинули также реакционную идею исторической необходимости и политической целесообразности отстранения народов от всякого влияния на решение вопросов внешней политики и дипломатии. Отсюда попытки исторической апологии тайной дипломатии, предоставляющей столь широкие возможности для закулисных сделок в интересах обеспечения экспансии и агрессии. Поэтому нет ничего удивительного, что Джозеф Чемберлен и Сесиль Родс поспешили поднять на щит «англосаксонский» расизм и апологию колониальной экспансии, преподанные Джоном Сили и его школой английской историографии, а один из наиболее характерных представителей агрессивного американского империализма, Теодор Рузвельт, поспешил объявить себя учеником Мэхэна и сторонником практического осуществления его исторических взглядов относительно роли военно-морского флота в борьбе за мировое господство.

В период между первой и второй мировыми войнами руководящую роль в англо-американской историографии играли историки-профессионалы Бирд и Фей, Гуч и Темперлей, каждый из которых отражал и формулировал в своей области политические интересы и взгляды господствующих классов; некоторые из них были тесно связаны с государственным департаментом и Форейн оффисом. Но во время второй мировой войны и в особенности в послевоенный период они стали отходить на задний план. На авансцене англо-американской историографии начали появляться сами монополисты и их непосредственные политические ставленники. Этот факт, небывалый доселе в историографии, признает и официальный орган американского «Общества истории бизнеса»: «Радостно видеть, как на наших глазах суживается водораздел, отделявший ученых от бизнесменов, и между ними развивается тесное сотрудничество»⁷. Ценное признание!

Не менее тесное сотрудничество, в особенности после второй мировой войны, установилось между американской историографией и Пента-

⁴ J. R. Seeley. The Expansion of England. London, 1921.

⁵ J. R. Seeley. The growth of British Policy. Cambridge, 1922.

⁶ A. Mahan. The Influence of Sea-Power upon History, 1660—1783. London, 1890.

⁷ «Business historical Society». Bulletin. Boston, v. XXII, № 1. February, 1948.

гоном. Как говорится в докладе «Милитаризация просвещения», опубликованном в Соединенных Штатах Америки, «значение тесной связи между военными и деятелями просвещения данной страны является глубоким и само по себе очевидным». По признанию бюллетеня «Общества истории бизнеса», правдивое освещение экспансии американских монополий «подорывает нынешние усилия государственного департамента». Поскольку усилия государственного департамента и Пентагона в последнее время направлены к тому, чтобы восстановить мощь германских монополий и воссоздать реваншистские вооруженные силы под руководством гитлеровского генералитета, реакционная историография в США добивается исторической реабилитации германского империализма и милитаризма. Захватив инициативу в свои руки, она стремится распространить свое идеологическое влияние и в других странах. Разумеется, особенным ее благорасположением пользуется Западная Германия, которую американский империализм рассматривает как своего союзника. Реакционные историки в Англии и в Западной Германии, обращаясь к проблемам исторических судеб Германии в новое и новейшее время, в основном идут в том же направлении, что и американские.

2

Еще во время второй мировой войны, когда народы Советского Союза и другие свободолюбивые народы Европы вели героическую борьбу против гитлеровского империализма, монополисты США разрабатывали обширные экспансионистские планы, осуществление которых должно было обеспечить им мировое господство. Промышленные и финансовые магнаты Уолл-стрита рассматривали германских монополистов как крупных и опасных империалистических соперников США и мечтали о том, чтобы сокрушить экономическую мощь Германии, устранить ее с мирового рынка и таким образом расширить свое господство. Один из лидеров этой группы монополистов, Генри Моргентау, занимавший пост министра финансов, осенью 1944 г. представил президенту США Рузвельту план уничтожения германской промышленности, превращения Германии в аграрную страну и низведения ее до уровня колонии. После войны Моргентау опубликовал книгу «Германия — наша проблема»⁸, в которой пытался исторически обосновать свой план.

Моргентау призывал разрушить Германию — не только гитлеровское государство, но и германское государство вообще, не только военно-экономическую машину гитлеровской агрессии, но и всю германскую экономику. «Моя программа ликвидации угрозы германской агрессии, — писал он, — заключается в своей простейшей форме в лишении Германии ее тяжелой промышленности». Но прежде всего в целях обоснования своих политических планов Моргентау решил «разрушить» исторические легенды, получившие широкое распространение в США. Не без иронии он пишет, например, что в освещении американской историографии Германия в первой половине XIX в. предстает «сказочной страной, где принц Альберт и принц Эрнст собирали образцы трав в лесах или играли небольшие дуэты на фортепьяно в старинных обветшалых замках, страной, где крестьянин откармливал рождественского гуся в аккуратной прибранных крестьянских дворах, страной, где большинство королей и принцев Европы находили себе исключительно некрасивых жен».

Отбрасывая эти сентиментальные исторические легенды, Моргентау рекомендует обратить внимание на другую, решающую, с его точки зрения, сторону дела, а именно на то, что «на протяжении столетий Европа вербовала наемников в этих живописных деревушках». Моргентау

⁸ H. Morgenthau. Germany is our Problem. New York — London, 1945.

утверждает, что роль германских государств как поставщика ландскнехтов свидетельствует об исконной агрессивности, исторически или даже биологически присущей немецкому народу. Более того, он утверждает, что «жажда немецкого народа к завоеваниям» послужила первопричиной всех войн, которые когда-либо вела Германия, включая две войны мирового масштаба, развязанные в первой половине XX в. Бегло упоминая о роли юнкеров как «самых упорных поджигателей войны в Европе на протяжении ряда поколений», Моргентау рассматривает юнкерство не как определенную социальную силу, а просто как составную часть немецкого народа. Что касается другого реакционного класса, магнатов финансового капитала, то он вовсе не считает нужным упоминать о его роли как вдохновителя и организатора военной агрессии. Всю ответственность за войну он возлагает на немецкий народ, в особенности на немецкий пролетариат. Поскольку, утверждает Моргентау, германская промышленность всегда работала преимущественно для нужд войны, немецкий рабочий класс был одной из главных движущих сил германской агрессии.

Эта чудовищная интерпретация истории преследует две цели. Во-первых, выдвигая тезис, что «воля к войне» и «неприязнь к демократии» являются основными свойствами немецкого народа, Моргентау стремится скомпрометировать демократические силы немецкого народа и даже вовсе отрицает их существование на всем протяжении истории; во-вторых, Моргентау стремится реабилитировать германский финансовый капитал, уже давно многочисленными нитями связанный с финансовым капиталом США.

Исторические экскурсы американского министра финансов, прикрывавшиеся антинацистской фразеологией, уже тогда имели определенную политическую направленность. Моргентау объявил себя не только сторонником аграризации Германии, рассредоточения и деклассирования немецкого пролетариата путем принудительного массового перевода рабочих на землю, но также и сторонником раскола Германии. Извращенно освещая историю образования государственного и национального единства немецкого народа, он утверждает, будто это единство и является движущей силой немецкой агрессии. «С двумя Германиями,— заявляет Моргентау,— будет легче иметь дело, чем с одной... ибо по странной внешнеполитической арифметике две половины не равны целому. Они равняются значительно меньшему». Таким образом, уже во время второй мировой войны он стремился исторически обосновать политический курс на раскол Германии.

Аналогичную программу выдвигал в годы второй мировой войны лорд Ванситтарт. Будучи в предвоенные годы постоянным заместителем министра иностранных дел Англии, а также дипломатическим советником кабинета, Ванситтарт играл крупную роль в формировании внешней политики английского правительства. Ванситтарт развернул свою историческую концепцию в нескольких книгах⁹ и в ряде статей. Столь же реакционную, сколь и утопическую, идею уничтожения немецкой нации и ее государственности Ванситтарт облек в парадоксы сомнительного свойства. Он изрекал, например: «Всякая история теряет свое значение после того, как нации перерастают ее. Германская история сохраняет свое значение, ибо немцы стали хуже». Быть может, это должно означать, что в истории Германии милитаризм играл исключительно крупную роль? Но какие социальные силы являются носителями агрессивного милитаризма? Кто заинтересован в поддержании и укреплении этих

⁹ R. G. Vansittart. *Lessons of my Life*. London, 1944; он же. *Bones of Contention*. New York, 1945; он же. *Events and Shadows. A Policy for the Remnants of a Century*. London, [1947].

сил? Наконец, на какой почве мог вырасти германский милитаризм до столь опасных размеров? На все эти вопросы Ванситтарт дает следующий ответ: «Капитализм может быть причиной других зол, но не этого зла. Социализм, может быть, поможет против других зол, но не против этого зла. В данном случае виновником является определенный фактор — нация».

Выдвигая этот тезис, Ванситтарт стремился, во-первых, реабилитировать господствующие классы империалистической Германии, носителей милитаризма, юнкерство и монополистов; во-вторых, дискредитировать социализм, в победе которого народы усматривают гарантию своего процветания и мирного развития; в-третьих, обвинить весь немецкий народ в том, будто именно он развязывает войны в целях закабаления других народов. Ванситтарт утверждал, что было бы напрасно искать причины первой и второй мировых войн «в той или иной экономической системе». Эти причины, оказывается, следует искать... «в тиранических устремлениях германской души». Более того, Ванситтарт утверждает, будто социалистическое движение в Германии с момента своего возникновения было движением... милитаристским. Выдвигая этот чудовищный тезис, он вовсе не имел в виду деятельность правых социал-демократических лидеров типа Шейдемана и Носке. Нет, он имел в виду великих сынов немецкого народа Энгельса и Бебеля. Легко представить, к каким приемам интерпретации исторических документов ему пришлось прибегнуть в обоснование подобных измышлений.

Опасаясь, что после разгрома гитлеровской военной машины Советской Армией немецкий народ станет на широкий путь национального демократического развития, Ванситтарт призывал не к уничтожению германского империализма, а к уничтожению единого германского государства, к установлению длительной англо-американской оккупации Германии. Продолжая эту линию в новых условиях, когда на западе страны была создана Федеративная Республика Германии, а в восточной части страны образовалась Германская Демократическая Республика, Ванситтарт завершил свою историческую концепцию следующим политическим выводом: «Наша единственная надежда,— заявил он,— Аденауэр»¹⁰.

3

Вскоре после окончания второй мировой войны, когда международно-политическая обстановка претерпела глубокие изменения, в старых «мотивах» реакционной историографии появились новые вариации. Правящие круги США и Англии отбросили планы полного уничтожения германской промышленности и искусственной аграризации страны. Это объясняется тем, что в новых условиях, сложившихся в Европе в результате всемирно-исторической победы Советского Союза, образования мировой системы социалистических стран и роста демократических сил в самой Германии, западные державы осуществили раскол Германии и стали восстанавливать и укреплять в западной части страны немецкие монополии, стали поддерживать силы милитаризма и реакции. Растоптав решения Потсдамской конференции о создании единой, независимой, миролюбивой, демократической Германии, деятели Уолл-стрита и Сити взяли курс на восстановление и усиление экономического и военного потенциала в Западной Германии и на ее превращение в свой военный плацдарм и арсенал.

Прежние концепции исторических судеб Германии были видоизменены применительно к новым политическим задачам, причем в некоторых

¹⁰ «Daily Sketch», 1 сентября 1953 г.

случаях этим занялись даже видные дельцы. Руководители и представители американских монополий, побывав в Европе, в частности в Западной Германии, опубликовали плоды своих исследований и размышлений о целях и методах экспансии американского империализма, об историческом развитии тех стран, которые начали представлять для них особый интерес. Так, Люис Броун, председатель акционерного общества «Джонс Мэнвилл», побывав после войны в Западной Германии, опубликовал «Доклад о Германии»¹¹, выводы которого изучались на Уолл-стрите, в государственном департаменте и Пентагоне. Люис Броун начал с анализа «предпосылок современного положения». Погрузившись в дебри истории, он с непревзойденным цинизмом заявил, что в этих вопросах выступает как бизнесмен. «Я подхожу к этой проблеме,— пишет Люис Броун,— как к попытке промышленника проанализировать состояние обанкротившейся компании и определить простейшие принципы, вытекающие из здравого смысла, принципы, необходимые для того, чтобы... компания как можно скорее снова начала давать прибыль». Обуреваемый этим порывом, Люис Броун в специальном разделе, посвященном историческому развитию Германии, разъясняет своим читателям историю банкротства этой «компании»: он заявляет, что прежде, чем лечить больного, нужно знать историю его болезни.

Согласно этой «истории», в Германии уже были времена, аналогичные тем, которые наступили после разгрома гитлеровской военной машины. То были времена Тридцатилетней войны (1618—1648 гг.), после которой, утверждает Броун, немецкий народ проникся милитаристскими чувствами и был «готов заплатить любой ценой за мощную армию».

Выступая в роли историка, американский бизнесмен воскрешает легенду о том, что милитаризм является давно сложившейся отличительной чертой немецкого народа. Люис Броун пытается доказать, что господствующие классы Германии — юнкерство и магнаты капитала — насколько не повинны в возникновении первой и второй мировых войн. Кто же повинен? По мнению Люиса Бруна, прежде всего страх, который стал одолевать Францию под впечатлением увеличения численности немецкого населения в конце XIX и в начале XX в., когда в Германии стала развиваться тяжелая промышленность. Под влиянием этого страха Франция поспешила заключить союз с Россией, что «в свою очередь привело к созданию Тройственного союза — Германии, Австро-Венгрии и Италии». Поскольку даже школьнику известно, что заключение союза между Францией и Россией (в 1891—1893 гг.) не могло привести к заключению Тройственного союза в 1882 г., а, наоборот, само являлось ответом на последнее, трудно усмотреть в этом утверждении фальсификацию исторических фактов: перед нами просто один из примеров невежества. Зато грубой фальсификацией истории является утверждение Бруна, что первую мировую войну вызвали не противоречия между германским и английским империализмом, а только конфликт между Россией и Германией, который в силу непонятных причин «должен был распространиться и на Запад». Люис Броун явно сожалеет об этом обстоятельстве: насколько было бы лучше, если бы только Германия и Россия истощали друг друга в бесконечной кровавой бойне!

С помощью подобных приемов Люис Броун стремится реабилитировать действия германских милитаристов в годы второй мировой войны. С этой целью он утверждает, будто только в определенный период Гитлер опирался на монополистов, юнкеров и милитаристов. Броун утверждает, что эти элементы, «послужив своего рода лестницей», поддерживали Гитлера и рассчитывали использовать его «в своих интересах», но, «придя к власти, Гитлер быстро отбросил лестницу в сторону». Отсюда

¹¹ L. H. Brown. A Report on Germany. New York, 1947.

делается вывод: «традиционные милитаристы феодального происхождения и промышленники новейшего происхождения, давно, уже при кайзере, заключившие между собой союз», в период второй мировой войны играли роль невинных агнцев, которых Гитлер обрек на заклание. Люис Броун поднимает своих германских компаньонов на высокий исторический пьедестал. Утверждая, что германские монополисты «обладают мозгами и квалификацией», он усматривает в этом достаточное основание, чтобы присовокупить их «к числу величайших человеческих активов Германии» и обосновать их право на господство в Германии.

Далее, самым грубым образом фальсифицируя историю, Броун приписывает военную победу над гитлеровской Германией только вооруженным силам США. Замалчивая великую историческую роль Советской Армии, выполнившей героическую миссию освобождения европейских народов от ига немецко-фашистской тирании, он изображает дело так, будто Берлин пал «перед грандиозной мощью американских моторизованных колонн». Таковы геркулесовы столпы американского фальсификатора истории. Люис Броун призывает «усвоить уроки истории» и вернуться к временам Тридцатилетней войны, когда, согласно его версии, немецкий народ начал усматривать свое спасение в милитаризме. Правда, Люис Броун вынужден признать, что немецкий народ не хочет быть вовлечен в третью мировую войну, поставлять ландскнехтов для США и участвовать в новой агрессии против Советского Союза.

Как историк, Люис Броун усматривает в этих настроениях немецкого народа привнесенный «комплекс безнадежности»; как бизнесмен, занимающийся социальной медициной в интересах «получения прибылей», он предлагает поистине оригинальный рецепт излечения немецкого народа от мирных настроений. «Лечение требует,— пишет он,— сочетания средств, основанных на реалистическом понимании характера больного,— открытия двери надежды и крепкого пинка, чтобы заставить его войти в нее». Коротко и ясно!

Люис Броун пытается доказать, будто дальнейшее историческое развитие немецкого народа возможно лишь при условии установления над ним власти крупных немецких промышленников, «назначенных дядей Сэмом». Он вынужден признать, что в арсенале американского империализма нет идей, которые могли бы привлечь на его сторону «души народов». Поэтому, апеллируя к урокам прошлого, Люис Броун утверждает, что немецкий народ можно заставить «принимать заказы, в особенности если позади будет кулак правительства». Обосновывая целесообразность экспансионистских целей и кулачных методов американской политики в Германии, Люис Броун пишет: «Я не надеюсь, что со мной согласятся враги американского образа жизни». Это — единственное утверждение в исследовании Люиса Броуна, которое не нуждается в опровержении.

4

Если бросить ретроспективный взгляд на развитие современной американской и английской историографии и публицистики реакционного направления по новой и новейшей истории Германии, то будет нетрудно отметить, что в центре внимания стоит главным образом одна тема — апология германского генералитета и в особенности германского генерального штаба. При ближайшем рассмотрении оказывается, что внимание к этой теме, даже взятой в историческом аспекте, объясняется мотивами сугубо практического свойства. Влиятельный американский журнал раскрыл эти мотивы в следующих словах: «США подвергают

испытанию идею германского генерального штаба»¹². Казалось бы, опыт первой, а тем более второй мировой войны с полной ясностью обнаружил, что эта «идея», как и вся система германского милитаризма и военной идеологии, не выдержала серьезных исторических испытаний и полностью обанкротилась.

Советская Армия развеяла миф о непобедимости германской армии, уничтожила ореол, который в течение десятилетий искусственно создавался вокруг немецкого генерального штаба. Что касается морально-политической оценки деятельности германского генерального штаба, сосредоточившего в себе наиболее типичные черты агрессивного прусско-германского милитаризма, то она была дана в особом мнении члена международного трибунала от Советского Союза на Нюрнбергском процессе гитлеровских военных преступников¹³. На основании всей совокупности исторических документов он доказал, что германский генеральный штаб являлся преступной организацией, подлежащей уничтожению. Однако представители западных держав в трибунале встали на путь реабилитации германского милитаризма. Первые крупные усилия в этом направлении сделали сами представители германского генералитета — фельдмаршалы Браухич, Манштейн, Кессельринг и другие. Это они, избежав скамьи подсудимых и выступая на Нюрнбергском процессе главных немецко-фашистских военных преступников, создали согласованную версию о том, что Гитлер вел не агрессивную, а превентивную войну, что генеральный штаб и командование вермахтом выполняли лишь ограниченную роль «техников» войны и, более того, выступая против гитлеровской политики и стратегии, являлись не агрессивной, а, наоборот, сдерживающей силой.

С тех пор как новые претенденты на мировое господство взяли открытый курс на возрождение германских вооруженных сил, некоторые представители реакционной историографии в США, а также в Англии стали разрабатывать вопрос о том, в какой мере опыт германского генерального штаба может быть использован в новой мировой войне. Это связано с вопросом о реорганизации генерального штаба США и всей системы американского милитаризма. В частности, один из проектов такой реорганизации по предложению военных кругов США разработал бывший гитлеровский генерал Гудериан. Журнал «United States News and World Report» сообщал, что «в основу плана Гудериана положена централизация власти в руках кадровых военных. Между военными и президентом не должно быть промежуточных гражданских властей». Таковы некоторые результаты «испытания идеи германского генерального штаба».

Реакционная американская и английская историография прилагает усилия к реабилитации германского милитаризма в двух направлениях: во-первых, она стремится снять с него ответственность за военные преступления и, во-вторых, пытается показать, что германский генералитет, в частности генеральный штаб, не может нести ответственности за военный разгром Германии. Широкая кампания в пользу военных преступников уже давно ведется не только в западногерманской, но и в американской и английской публицистике и историографии. Американская историография откровенно и цинично возвеличивает не только германских милитаристов и генеральный штаб, но и самого Гитлера. Наиболее показательна в этом отношении статья Тревор-Ропера «Переоценка Гитлера спустя десять лет»¹⁴. Автор, профессор истории, опирается на такие «исторические источники», как «Mein Kampf», переписка Гитлера

¹² «United States News and World Report», 10 февраля 1950 г.

¹³ «Нюрнбергский процесс. Сборник материалов», т. 2. М., 1951, стр. 568—588.

¹⁴ «New York Times Magazine», 4 сентября 1949 г.

с Муссолини, дневники Геббельса, записки фашиста Раушнинга и другие аналогичные материалы. Не удивительно, что, припав к «источникам» столь мутного свойства, Тревор-Ропер «переоценивает» Гитлера в духе воспроизведения самых худших образцов геббельсовской пропаганды.

Уже во время второй мировой войны американская историография предприняла бесславную попытку обосновать тезис, будто германский генеральный штаб представлял собой корпорацию крупнейших военных специалистов, чуждых фашистской политике и отнюдь не преступников. Этому были посвящены многочисленные книги и статьи. После войны эту попытку апологии гитлеровского милитаризма продолжает не только американская, но и английская историография. Так, английский военный историк и теоретик генерал Фуллер в своей книге «Вторая мировая война»¹⁵ утверждает буквально следующее: «Идея, лежавшая в основе гитлеровского стратегического плана, была правильной. Однако уже в ходе осуществления этого плана совершалась одна грубая ошибка за другой». Говоря об «ошибках» Гитлера, Фуллер стремится оправдать агрессию гитлеровского империализма и его войну против СССР и всячески преуменьшить решающую роль Советской Армии в разгроме гитлеровской военной машины.

В том же духе выступает и известный английский военный историк и публицист Лиддель Гарт. Советский читатель знает его книгу «Правда о войне»¹⁶, которая, заключая в себе немало спорных положений, представляет все же определенный интерес. В капиталистических странах авторитет Лидделя Гарта как историка и идеолога стоит довольно высоко. Тем более знаменательно, хотя и досадно, что и Лиддель Гарт решил выступить в качестве идейного союзника гитлеровского генералитета. Доказательством тому является его нашумевшая книга «По ту сторону холма»¹⁷. Основными источниками книги Лиддель Гарта послужили тенденциозно составленные материалы верхушки реакционного генералитета германского империализма. Сект и Бломберг, Фрич и Браухич, Гальдер и Клюге, Гудериан и Рундштедт, Манштейн и Роммель — все представлены здесь.

Лиддель Гарт утверждает, что по сравнению с временами кайзеровского режима роль германского генерального штаба существенно изменилась; этот штаб якобы не пользовался большим влиянием при Гитлере и был «скорее склонен тормозить агрессивные планы Гитлера, чем стимулировать их». С другой стороны, стремясь снять с германского милитаризма ответственность и за военные преступления, Лиддель Гарт утверждает, будто «в общем германская армия на фронте соблюдала правила войны лучше, чем в 1914—1918 гг.». Поскольку это утверждение стоит в вопиющем противоречии с общеизвестными фактами, Лиддель Гарт осторожно оговаривает, что он имеет в виду военные действия «против западных союзников». Таким образом, чудовищные преступления гитлеровских захватчиков, совершенные против народов СССР, Польши, Чехословакии и Югославии, а также народов стран Западной Европы, он считает возможным сбросить со счетов истории. Зато к первостепенным историческим факторам Лиддель Гарт относит организаторскую выучку гитлеровского генералитета. Он утверждает, что германские генералы во второй мировой войне как организаторы «действовали с математическим расчетом», «являясь лучшими представителями своей профессии».

¹⁵ J. F. C. Fuller. The second World War. 1939—1945. London, 1948.

¹⁶ В. Н. Лиддел Гарт. The real War 1914—1918... London, 1930; Б. Лиддель Гарт. Правда о войне 1914—1918 гг. Перев. с англ. М., 1935.

¹⁷ B. H. Liddel Hart. The Other Side of the Hill. Germany's Generals, their Rise and Fall, with their own Account of Military Events. 1939—1945. London, 1948. Одновременно книга вышла и в США, а в 1950 г. и в Западной Германии в переводе бывшего гитлеровского генерала и пропагандиста Дитмара.

После столь выпренных оценок германского генерального штаба и всего гитлеровского генералитета, естественно, возникает вопрос: чем же объясняется военный разгром гитлеровской Германии? Где заложены корни великой победы Советского Союза? Лиддель Гарт утверждает, будто «причина спасения России заключалась прежде всего не в современном ее прогрессе, а в ее отсталости». Ссылаясь на реляции Клейста и других битых гитлеровских генералов, он повторяет версию, будто советский народ был спасен... морозами и непроходимостью дорог. Главные же причины военного разгрома гитлеровской Германии Лиддель Гарт усматривает в психологической ситуации, сложившейся «по ту сторону холма», а именно во взаимоотношениях и расхождениях между «стратегической интуицией» Гитлера и «школой» генерального штаба.

Выводы, которые можно сделать из исследований Лиддель Гарта, напрашиваются сами собой: Лиддель Гарт, объективно говоря, воскрешает тезис о непобедимости германской армии при условии, если ее генералитет, обнаружив «более глубокое понимание», ограничится выполнением своих профессиональных функций под руководством тех сил, которые собираются осуществлять «военную политику» и «большую стратегию» в мировых масштабах. Нам представляется, что исторические выводы подобного рода продиктованы широкими политическими планами, предусматривающими восстановление германского милитаризма и его использование в интересах агрессивного Атлантического блока.

5

Нет сомнения, что усилия значительной части современной американской и английской историографии реакционного направления по реабилитации германского империализма и милитаризма способствуют возрождению реакционной, милитаристской и реваншистской идеологии в Западной Германии¹⁸. Факты таковы: уже вскоре после разгрома гитлеровской Германии реакционные монополистические и милитаристские круги, сосредоточившиеся под прикрытием англо-американских оккупантов в Западной Германии, занялись при их поддержке исторической и политической самореабилитацией. В области историографии это проходило сначала под флагом «переоценки ценностей», осмысления заново исторических судеб Германии, которая на протяжении жизни одного поколения пришла от одного военного разгрома ко второму, еще более катастрофическому. Заинтересованные круги в Западной Германии и их покровители в США и Англии стали на путь не только возрождения старых исторических легенд, концепций и версий, но и в еще большей степени их модификации применительно к новым политическим условиям и к новым агрессивным и реваншистским целям.

Реакционная германская историография имеет в этом отношении огромный опыт. Еще в период первой мировой войны в буржуазных и юнкерских кругах большим успехом пользовался труд графа Ревентлова¹⁹, стремившегося доказать, что с первых же шагов своей «мировой политики» Германия обнаружила неумение подкрепить эту политику более мощными средствами борьбы — крупной армией и большим военно-морским флотом. То был призыв к осуществлению еще более агрессивного курса в «мировой политике», чем курс кайзеровского правительства. Не удивительно поэтому, что Ревентлов, типичный представитель германской историографии, впоследствии вступил в гитлеровскую партию.

¹⁸ См. ниже: «Идеология германского империализма и реальности нашего века».

¹⁹ E. Reventlow. Deutschlands auswärtige Politik. 1888—1914. Berlin, 1918.

После первой мировой войны германская историография создала несколько легенд, которые были использованы как идеологическое оружие реваншистской пропаганды и политической подготовки новой войны²⁰.

В дальнейшем в соответствии с общим ходом восстановления германского империализма и милитаризма, а также военной, политической и идеологической подготовки новой агрессивной войны немецкая историография, меняя свою тактику, выдвигала одну версию за другой²¹. На первых порах она пыталась доказать, что германское правительство было повинно в возникновении первой мировой войны не в большей степени, чем были повинны в ней и правительства других европейских держав. Эта версия нашла частичную поддержку американской историографии, поскольку она устраняла вопрос о роли американского империализма. Затем стала выдвигаться версия, согласно которой германский империализм вообще якобы не повинен в возникновении первой мировой войны. Реакционные круги монополистического капитала в США и в Англии стали тогда на путь финансирования и активной поддержки возрождавшегося германского империализма и милитаризма. Не удивительно, что в таких условиях попытки реабилитации империалистических кругов Германии получили поддержку английской и американской историографии. А это, в свою очередь, привело к возрождению старой исторической версии о том, что Германия была вынуждена взяться за оружие якобы лишь в целях предотвращения пагубных для нее последствий политики «окружения Германии», главная ответственность за которую возлагалась на английский империализм.

Со своей стороны, английская и американская историография в период между первой и второй мировыми войнами выдвигала на первый план другую историческую версию — о постоянном стремлении правящих кругов Англии и США устранить противоречия и разногласия с Германией по главным вопросам мировой политики. В этом нашла свое отражение политика английского и американского империализма, имевшая своей целью путем сговора с Германией направить ее агрессию на Восток — против Советского Союза. Таким образом, дискуссия о «виновниках войны» вступила в стадию, когда правящие круги Германии, Англии и США достигли своего рода компромисса на основе взаимной амнистии и реабилитации. Характерно, что в это время была выдвинута новая историческая легенда, которая объявляла главным виновником первой мировой войны Россию, а также славянские народы на Балканах и в Австро-Венгрии, поднявшие на национально-освободительную борьбу. Эта легенда получила широкую поддержку английской и американской историографии²².

Интересно отметить, что после того как гитлеровский империализм вступил в войну против западных держав (1939 г.), немецкая историография не замедлила сбросить с себя маску: она громогласно заявила, что рассматривает вторую мировую войну как прямое историческое продолжение первой.

Итак, германская историография реакционного, националистического направления выполняла задачи, продиктованные политикой реванша и агрессии, и в той части, в которой эти задачи соответствовали интересам правящих кругов Англии и США, они получали их поддержку. Вот почему после второй мировой войны, когда Западная Германия

²⁰ См. выше: «Легенды и правда о первой мировой войне».

²¹ См. выше: «Версальский тезис и его ревизия (Исторические документы как оружие политической борьбы)».

²² Например, G. P. Gooch. *Studies in Modern History*. London, 1931; S. B. Fay. *The Origins of the World War*, v. I—II. New York, 1928. Имеется русский перевод. С. Фей. Происхождение мировой войны. Т. I с предисловием А. Попова. М., 1933; т. II с предисловием А. Ерусалимского. М., 1934.

превратилась сначала в зону оккупации, а затем в союзника англо-американского империализма, попытки реакционной немецкой историографии реабилитировать германских монополистов и милитаристов встретили в США и в Англии еще более энергичную поддержку, чем это было после первой мировой войны. В интересах агрессивной политики американского империализма в Европе началась гальванизация старых и фабрикация новых исторических легенд.

Знаменательно, что старая дискуссия о виновности Германии в войне и о ее ответственности за военные преступления в новых условиях не продолжается. Уильям Эбенштейн на страницах «Annals of the American Academy of Political and Social Sciences» (1949 г.) дает этому факту довольно откровенное объяснение. Он пишет: «Обсуждение виновности Германии в преступлениях... утратило свое практическое значение. Русский вопрос настолько овладел нашими мыслями, что проблемы, связанные с прошлыми войнами, не считаются достаточно важными, чтобы отвлекать наше внимание от единственной основной проблемы». Вступив на путь «холодной войны» против Советского Союза, правящие круги США направили свои усилия в области политической пропаганды, а также в известной степени в области историографии на то, чтобы, отбрасывая в сторону вопрос об исторической ответственности агрессивных сил германского империализма и милитаризма за развязывание второй мировой войны, попытаться найти исторические мотивы политической амнистии и моральной реабилитации этих сил. При этом они охотно опираются на такие исторические или философские трактаты, появляющиеся в Западной Германии, которые, осуждая варварские методы гитлеризма, уходят от вопроса об ответственности империализма и милитаризма.

В книге Ясперса «Вопрос о виновности»²³ имеются рассуждения, которые импонируют реакционным кругам США. Таковы его утверждения об отсутствии в истории немецкого народа традиций национально-освободительной борьбы. Этот вопрос является для американского империализма весьма актуальным, поскольку его политика раскола Германии не встречает поддержки прогрессивных сил немецкого народа. Вот почему, откликаясь на рассуждения Ясперса, «Annals of the American Academy of Political and Social Sciences» приходят к следующему заключению: «Германия (помимо Японии) — единственная страна, которая никогда не знала революционного движения народно-освободительного характера». Так просто и легко устраняются из новой и новейшей истории Германии национально-освободительная борьба немецкого народа в период наполеоновского владычества, устраняется революция 1848 г. и ее демократические, освободительные традиции, устраняется революционная освободительная борьба немецкого пролетариата в период захвата Рура иностранными оккупантами, устраняется программа борьбы за национальное и социальное освобождение немецкого народа, выдвинутая передовыми отрядами немецкого рабочего класса накануне прихода фашизма к власти, отрицаются революционные, освободительные и демократические традиции немецкого народа. Однако в этих утверждениях правящие круги финансового капитала США черпают аргументы в пользу дальнейшего осуществления реакционного курса в Западной Германии. Следует ли удивляться, что книга Ясперса, переведенная на английский язык, привлекла к себе внимание реакционной американской и английской публицистики.

С большим вниманием была встречена в США и реакционная концепция Фридриха Мейнеке, книга которого «Германская катастрофа»²⁴

²³ K. Jaspers. Die Schuldfrage. Ein Beitrag zur deutschen Frage. Zürich, 1946.

²⁴ F. Meinecke. Die deutsche Katastrophe. Betrachtungen und Erinnerungen. 3. Aufl. Wiesbaden, 1947.

была переведена на английский язык американским историком Сиднеем Феем, явно склонным идеализировать историю внешней политики и дипломатии германского империализма. Издав свою книгу в Западной Германии вскоре после окончания войны, Ф. Мейнеке на основании исторического опыта двух мировых войн пришел к следующему горестному для себя выводу: «Стремление стать мировой державой оказалось для нас ложным кумиром». Признав обреченность попыток германского империализма установить мировое господство, Мейнеке не отрицает исторической правомерности установления гегемонии США в Европе и даже в самой Германии. Он пытается привязать исторические судьбы Германии к колеснице американского империализма, не останавливаясь перед попыткой оправдать раскол Германии. Насилюя факты истории Германии применительно к своей политической схеме, Мейнеке пытается доказать, что не немецкий народ, а только Бисмарк стремился к объединению Германии. Выступая против нынешней борьбы германского народа за объединение Германии в единое демократическое государство, Мейнеке стремится обосновать необходимость пойти назад, к «Германии периода Гёте», когда страна была раздроблена, но когда, по его мнению, высокие ценности духовной жизни создавали основу для западноевропейского универсализма. Идеализируя культурную жизнь немецких дворов тех времен, Мейнеке пишет: «Последуем же их примеру. Мы можем вернуть себе силу лишь в качестве члена будущей федерации, добровольно созданной из государств Центральной и Западной Европы».

Таким образом, выдвигая эту идею о включении Германии в западноевропейскую федерацию, Мейнеке под видом борьбы против наследия Бисмарка пытается обосновать тезис, глубоко враждебный прогрессивным историческим традициям немецкого народа. Апеллируя к идее «европейской общности», Мейнеке пытается доказать, что немецкий народ сможет избежать новой катастрофы, если откажется от борьбы за свои национальные интересы и возьмет курс на интеграцию государств Западной Европы. Эта концепция получила горячую поддержку американской реакционной прессы. Превознося ее как попытку пересмотреть уроки истории Германии, одна из наиболее влиятельных американских газет²⁵ писала: «Надо надеяться, что немецкая молодежь, воспитанная в мрачной атмосфере поражения 1945 г., вернется, как, по-видимому, ожидает Мейнеке, к старым германским традициям». Но эти старые традиции партикуляризма и ограниченного западноевропейского универсализма ничего общего не имеют с прогрессивными демократическими традициями, которые реакционные силы не раз пытались задуть.

Итак, не вопрос о виновниках войны и военных преступлений, а вопрос о том, кто несет ответственность за военный разгром и катастрофу гитлеровского государства, — вот что прежде всего занимает немецкую реакционную историографию. После войны в Западной Германии появилось немало работ, в которых делаются попытки осветить исторические корни «германской катастрофы». Какова бы ни была познавательная ценность этих работ с точки зрения фактической и документальной, политические взгляды и тенденции, которые находят в них свое отражение, весьма симптоматичны.

В этом отношении показательна книга Людвиг Гейльбрунна «Кайзеровская империя, республика и нацистское господство», в которой он стремится исторически обосновать политику, направленную против Потсдамских решений о создании единой, миролюбивой, демократической Германии. С этой целью выдвигается тезис о том, что фашистское господство Гитлера является результатом длительного исторического раз-

²⁵ «New York Herald Tribune», 29 января 1950 г.

вития Германии. «Ответственность,— пишет Гейльбрунн,— восходит к прошлому, ко времени Бисмарка»²⁶. Еще более откровенно выступил Эд. Геммерле, требовавший решительной «ревизии общей исторической картины» для осознания причин и результатов «не только политической и военной, но также и духовной катастрофы»²⁷. В отличие от большинства других апологетов германского милитаризма, автор утверждает, что эта «катастрофа» объясняется не ошибками Гитлера и его сподвижников, а общим духовным развитием Германии, начиная со времени образования Германской империи.

Так на первый план был вновь выдвинут вопрос о роли Бисмарка в истории Германии и вновь развернулась дискуссия о том, являлся ли Бисмарк сторонником политики завоеваний или он никогда не помышлял о завоеваниях, считая Германию «насыщенной»²⁸. Нетрудно видеть, какова политическая подоплека этой дискуссии в условиях, сложившихся после второй мировой войны. Во-первых, уводя от вопроса о катастрофических результатах кровавой диктатуры и агрессивной политики гитлеровского империализма, немецкая реакционная историография, по сути дела, выгораживает ее; во-вторых, выступая, по видимости, против Бисмарка — этого старого кумира буржуазно-юнкерской реакции, некоторые представители этой историографии пытаются вообще очернить идею национального и государственного единства Германии, усматривая свою главную задачу в оправдании политического курса на раздробление и федерализм во внутреннем устройстве Германии, на включение Западной Германии в реваншистских целях в западный блок империалистических держав, в систему агрессивного Атлантического пакта.

Историческая концепция Геммерле в этом отношении довольно показательна: под видом «антибисмаркизма» Геммерле выступал, по сути дела, против идеи объединения Германии, в пользу насаждавшегося англо-американскими оккупантами принципа «федерализма»; под видом «антинационализма» Геммерле откровенно проповедовал ориентацию на «космополитический мир западной культуры, с которым Германия должна чувствовать единство принципов»; наконец, под видом «антиматериализма» он проповедовал поход против экономических и политических идеалов прогрессивных кругов немецкого народа, прежде всего немецкого рабочего класса. Эту историческую концепцию Геммерле пытался обосновать сугубо реакционной идеей необходимости религиозного возрождения, что вполне соответствовало интересам утверждавшейся системы политического клерикализма.

В этом смысле показательны и то, что адмирал Канарис, руководитель военной разведки с 1934 г., участник генеральского заговора 20 июля 1944 г. и вскоре казненный, расценивается как «религиозно настроенный борец против Гитлера»²⁹, как «гражданин мира», усматривавший спасение Германии в тесном «сближении с западными державами».

Уже вскоре после военного разгрома фашизма и окончания второй мировой войны в Западной Германии, как и в США, авансцену реакционной историографии стали выступать сами магнаты финансового капитала и представители военщины: по выражению консервативной английской газеты «Daily Mail»³⁰, публикуемые ими трактаты и мемуа-

²⁶ L. Heilbrunn. Kaiserreich, Republik, Nazi Herrschaft. Ein Rückblick auf die deutsche Politik. 1870—1945. Hamburg, 1947. См. также A. Hegeler. Die deutsche Tragödie und ihre geschichtlichen Ursachen. Celle, 1947.

²⁷ Ed. Hemmerle. Deutsche Geschichte von Bismarcks Entlassung bis zum Ende Hitlers. München, 1948.

²⁸ См. выше: «Проблемы „восточной“ и „западной“ ориентации германской политики в бисмаркианской историографии».

²⁹ K. H. Abs hagen. Canaris. Patriot und Weltbürger. Stuttgart, 1950.

³⁰ «Daily Mail», 2 июня 1949 г.

ры «расхватываются, как горячие пирожки». Правда, эти пирожки обычно испечены из более чем недоброкачественного исторического материала и начинены ядом реваншистских, агрессивных и даже неонацистских идей. Но именно поэтому реакционная пресса в Англии и США рекламирует эту вредоносную историческую литературу.

Среди новоявленных авторов, взявших на себя труд пересмотреть историю Германии, одним из первых выступил «финансовый гений третьей империи», гитлеровский министр и военный преступник Ялмар Шахт. В буржуазной исторической мемуаристике имеется немало примеров беззастенчивой апологии таких дел, виновники которых выступают в качестве своих собственных лжесвидетелей, адвокатов и подкупных судей одновременно. Историко-политические упражнения Шахта являются в этом отношении одним из непревзойденных образцов. Его книга «Расчет с Гитлером»³¹ является не только самоапологией; она представляет собой наглую попытку свести счеты с прогрессивными, демократическими силами немецкого народа, возвеличить роль магнатов финансового капитала и исторически оправдать их послевоенный курс на сговор с американским империализмом.

В самом деле, сколько нужно было иметь наглости, чтобы, перевернув новейшую историю Германии с ног на голову, утверждать, будто всю полноту исторической ответственности за приход Гитлера к власти и установление в Германии фашистской диктатуры несет только немецкий народ, «и никто другой», и будто подлинным и единственным носителем демократии в Германии являлись и являются... немецкие монополисты и финансовый капитал! Каким нужно было быть лжецом и демагогом, чтобы писать, что главной цитаделью демократии в Германии являлся... «Немецкий банк»! Какова должна быть уверенность в безнаказанности, чтобы утверждать, будто главным апостолом и защитником демократии выступал он сам, военный преступник Ялмар Шахт, который вошел в состав гитлеровского правительства и действовал в нем якобы «сознательно в качестве его противника»! Наконец, как глубоко нужно было проникнуться иезуитизмом, чтобы утверждать, что, взяв на себя руководство финансированием гитлеровской военной машины, он на деле обеспечил условия, исключавшие возможность использования ее в агрессивных целях. Шахт стремится подвести к выводу, что гитлеровская армия и гитлеровское государство рухнули не под сокрушительными ударами Советской Армии и вооруженных сил всех государств антигитлеровской коалиции, а в большой степени в результате его личных усилий «воспрепятствовать» склонности гитлеровского правительства «к несправедливости и насильственным мерам».

Вспоминая старую дискуссию о виновниках первой мировой войны, Шахт пишет: «Сейчас речь не может идти о вине. Ее нельзя обсуждать, не обвиняя обе стороны». Настаивая на том, что новая историческая дискуссия о виновниках второй мировой войны может только уничтожить «чувство общности» между германскими и англо-американскими монополистами, он восклицает: «Я же хочу помочь примирению!...» Реакционная пресса в Англии и в США восприняла это намерение восторженно. Она начала превозносить Шахта как «немецкого Талейрана», что должно означать, по-видимому, наивысшее историческое и политическое признание. Стремясь исторически обосновать заинтересованность западных держав в поддержании германского империализма и милитаризма, Шахт восстанавливает старую немецко-шовинистическую легенду, созданную идеологами Пангерманского союза, будто «после падения Рима Германия стала сердцем западной культуры», и вопрошает: «Может ли

³¹ H. Schacht. Abrechnung mit Hitler. Hamburg — Stuttgart, [1948].

эта культура жить без сердца?» Заранее уверенный в поддержке, бывший гитлеровский министр преподносит и новую легенду, которой старается исторически оправдать стремление западногерманских монополистов искать поддержки и союза правящих кругов США. Вот почему, повторяя тезис немецко-фашистской пропаганды о том, что вторая мировая война является непосредственным продолжением первой, Шахт пишет: «Немецкому народу уже пришлось однажды пережить катастрофу подобного размаха, когда Тридцатилетняя братоубийственная война бушевала на его земле. Когда кончилась резня, происходившая ровно 300 лет назад, Германия была так же опустошена, как сейчас». И, далее, не затрудняя себя подбором исторических доказательств, поскольку они не существуют в природе, Шахт безапелляционно утверждает, будто немецкий народ воспрянул тогда, после Тридцатилетней войны, потому, что согласился принять «духовное руководство не столько от Старого, сколько от Нового Света». И Шахт рекомендует теперь немецкому народу идти по этому же пути.

«Расчет с Гитлером», который производит Шахт, вызван тем, что Гитлер не сумел обеспечить осуществления экспансионистских планов магнатов германского капитала. Несмотря на поражение и даже ввиду поражения Германии во второй мировой войне, эти планы, утверждает Шахт, могут и должны быть осуществлены, ибо они, по его мнению, имеют глубокое историческое и экономическое обоснование. Захватнические планы германского империализма в Европе и в колониях Шахт легко оправдывает при помощи старой пангерманской и фашистской «теории»: «германский народ перерос то жизненное пространство, которое было ему отведено историей». Шахт не скрывает, что фашистская концепция происхождения первой мировой войны нужна ему для оправдания реванша и развязывания мировой войны в третий раз. «Если,— пишет он,— и до 1914 г. было невозможно прокормить немецкое население за счет собственной земли, то сейчас это еще более невозможно». Он решительно выступает против демократической аграрной реформы. Главную историческую задачу германских монополистов он усматривает в поддержании крупного землевладения, а главное в том, чтобы готовиться к новой борьбе за «жизненное пространство», на сей раз совместно с западными империалистическими державами под эгидой США.

Такова программа новоявленного «немецкого Талейрана», который, выступая в роли историка и идеолога антигитлеровского толка, на деле является апологетом идеи реванша германского империализма. Учиня столь своеобразный «расчет с Гитлером», Шахт вместе с тем требовал, чтобы историческая наука занялась реабилитацией германских монополистов, ибо, как он утверждает, «тот, кто по своей профессии имеет дело с деньгами, не может быть долго популярным». Поэтому он считал далее необходимым, чтобы в любом учебнике истории наряду с именами крупнейших представителей прусско-германского милитаризма стояли имена директора «Deutsche Bank» Георга Сименса, директора банка «Disconto-Gesellschaft» Давида Ганземана и других виднейших вдохновителей германской империалистической агрессии, по стопам которых пошли Шахт, Пфедменгес и другие лидеры финансового капитала.

Не меньше усилий реакционная историография предприняла с целью реабилитации германского милитаризма.

Эти попытки предпринимаются как в исторических исследованиях, так и в историко-мемуарной литературе. Наиболее крупной является работа Вальтера Гёрлица «Германский генеральный штаб»³², освещаю-

³² W. Görlich. Der deutsche Generalstab. Geschichte und Gestalt 1657—1945. Frankfurt a/M., 1950.

шая историю этого учреждения, игравшего столь крупную роль в подготовке и осуществлении всех агрессивных войн, которые на протяжении трех веков (1657—1945 гг.) вела Пруссия, а затем опруссаченная и, наконец, гитлеризованная Германия. Гёрлиц в некоторых случаях вынужден констатировать объективные исторические факты. Так, он признает, что битва на Волге «в большой степени определила банкротство гитлеровской стратегии, основанной на иллюзиях и на престиже».

Однако Гёрлиц вовсе не собирается разоблачить деятельность генерального штаба. Наоборот, он явно стремится восстановить его престиж, пытается доказать, что разгром гитлеровской Германии будто бы не означал краха складывавшейся веками военной идеологии агрессивного германского милитаризма. Он настойчиво пытается доказать, будто после установления гитлеровской диктатуры генеральный штаб был главным средоточием сил, боровшихся против войны, а прусско-германский генералитет, генеральный штаб и его стратегию он настойчиво стремится противопоставить Гитлеру, гитлеровской клике и гитлеровской стратегии. Основная цель Гёрлица — дискредитировать приговор Нюрнбергского суда над главными военными преступниками гитлеровской Германии. Провозглашая принципы «объективизма», выступая против превращения истории в обвинителя или судью, Гёрлиц на деле сам предстает в роли адвоката германского генерального штаба, генералитета и всей исторически сложившейся системы милитаризма.

Любопытно отметить, что в наиболее реакционных кругах Западной Германии, США и Англии книга Гёрлица сначала получила в общем сдержанную оценку: ее апологетические тенденции представляются этим кругам недостаточно резко выраженными и уже не соответствующими их откровенному курсу на полную реабилитацию германских милитаристов, а главное утверждению идеологии в духе «европейской общности» и наднационального Атлантического пакта. Зато большим вниманием пользуется историко-мемуарная литература, созданная гитлеровской военщиной в духе уже известного нам «Расчета с Гитлером». Особенный успех выпал на долю бывшего начальника гитлеровского генерального штаба генерал-полковника Гальдера. Полностью обанкротившись во время войны на поприще стратегии, Гальдер ныне выступает в качестве историка³³. В предисловии к книге «Гитлер как полководец» он утверждает, что его историческая концепция имеет целью подорвать репутацию Гитлера как военного стратега. На самом же деле Гальдер преследует другие цели — поднять репутацию свою собственную и всего гитлеровского генералитета.

Причину банкротства гитлеровской стратегии Гальдер видит в том, что Гитлер присвоил себе роль «полководца» — роль, исторически исчерпавшую себя, объективно несостоятельную и не соответствующую характеру современной войны. «Для „полководца“, то есть для военачальника в прежнем смысле слова, — пишет Гальдер, — в современной войне нет больше места». Гальдер не скупится на крепкие слова, чтобы дискредитировать своего бывшего фюрера. Он издевается над его трусостью и нерешительностью, разоблачает его безответственность и манию величия. Главное же, Гальдер стремится доказать, что банкротство стратегии Гитлера вовсе не означает банкротства стратегии германского генералитета. Основную и даже единственную причину разгрома гитлеровской Германии Гальдер усматривает в том, что Гитлер соединил в своих руках и политическую и военную власть и, таким образом, обосновывая свои планы соображениями «высшей политики», в решающие моменты мог выступать против доводов «военных специалистов», воплощающих весь опыт и разум германского генералитета.

³³ F. Halder. Hitler als Feldherr. München, 1949.

Однако из изложения самого Гальдера видно, что эти генеральские «доводы» мало чем отличались от гитлеровской «высшей политики». Гальдер оправдывает нападение гитлеровской армии на Советский Союз, обвиняя Гитлера только в том, что он плохо подготовил кампанию. Гальдер оправдывает попытки захватить Москву в 1941 г. и Сталинград в 1942 г., обвиняя Гитлера лишь в том, что он не сумел достигнуть этих целей, так как оставил без внимания «отчаянные призывы верховного командования армии к концентрации всех возможных резервов». Всячески обходя вопрос о роли военщины в подготовке гитлеровской агрессии, Гальдер пытается доказать, что главной причиной, определившей поражение гитлеровской Германии, являлось то, что генералитет не мог оказывать влияния на решение вопросов стратегии. При этом он обходит вопрос о том, какую роль в разгроме германской армии играли сокрушающие удары Советской Армии. Не сумев свести концы с концами, Гальдер апеллирует к богу как к решающей силе, всегда находящейся на стороне германского генералитета. Так Гальдер в интересах реабилитации германского милитаризма совершает свой «расчет с Гитлером».

Гальдер не одинок. Весь лагерь гитлеровского милитаризма, получив поддержку заокеанских покровителей, воспрянул духом, пришел в движение и стал важным орудием в западногерманской политике реванша. В этих условиях реакционная германская историография зашла столь далеко, что некоторые ее представители сочли возможным приобщить германский милитаризм к лику святых миротворцев. Наиболее крайнее выражение это нашло в работе Латернзера «Защита немецких солдат». «Где вы найдете хотя бы частицу германского „милитаризма“, который был бы предтечей и подготовителем агрессивных планов Гитлера? — пишет Латернзер. — ...Офицеры того времени, — утверждает он далее, — действовали только в духе мира и гуманности, чтобы в случае вражеского нападения обеспечить оборону... Если в чем-либо и существовало единогласие среди военных руководителей, то, конечно, отнюдь не в разработке планов агрессивных войн, а... только в том, чтобы отвергнуть эти планы главы государства»³⁴. Поставив перед собой цель оправдать восстановление позиций германского милитаризма, реакционная историография и мемуаристика выполняют и роль поставщика милитаристских идей, которые агрессивные круги американского империализма широко используют в своих интересах. Западногерманская милитаристская литература на исторические темы получила широкое распространение и большое идеологическое влияние в США, а также в Великобритании.

6

Было бы неправильно утверждать, что современная реакционная историография, главное направление которой разрабатывается или непосредственно вдохновляется крупными монополистами, милитаристами и их политическими ставленниками, занимаясь реабилитацией германского империализма, извращает только отдельные проблемы. Нет, она рассматривает вопросы истории Германии как составную часть более широкой исторической концепции, в свою очередь подчиненной определенным политическим целям.

В этом отношении характерна концепция Джорджа Кеннана, изложенная им в лекциях, читанных в Чикагском университете, а затем в книге «Американская дипломатия 1900—1950 гг.»³⁵ Автор — политический деятель, близко стоящий к государственному департаменту США, тесно связанный с финансовой олигархией США, — решительно отбросив

³⁴ H. Laternser. Verteidigung deutscher Soldaten. Bonn, 1950.

³⁵ G. F. Kennan. American Diplomacy, 1900—1950. Chicago, 1951.

фиговый листок буржуазного объективизма, прямо заявляет, что его публичный дебют в роли историка «порождается вовсе не абстрактным интересом к истории ради самой истории... а озабоченностью проблемами внешней политики, стоящими сегодня перед нами». К освещению истории Германии Кеннан подошел с точки зрения освоения одного из главных театров американской политики — западноевропейского. Кеннан не скрывает, что полное подчинение этого и других театров (дальневосточного и латиноамериканского) влиянию США он расценивал бы как крупнейший этап на пути к утверждению мировой руководящей роли американского империализма. Германскую проблему он рассматривает как часть общеевропейской проблемы, считая, что ее решение во второй половине XX в. и является важнейшей задачей США.

Концепция Кеннана довольно проста и прямолинейна. В ее основе лежит старая теория «равновесия сил», прикрывавшая английскую политику разжигания противоречий на европейском континенте для осуществления колониальной экспансии Англии во внеевропейских странах. «Отсутствие большой войны на континенте в течение ста лет до 1914 г., — пишет Кеннан, — основывалось на равновесии сил, которое предполагало существование Франции, Германии, Австро-Венгрии и России в качестве главных элементов, на фланге которых находилась Англия... Эта сложная структура обеспечивала не только мир в Европе, но и безопасность США».

Кеннан выбрасывает за борт истории все войны, которые происходили в Европе после низложения Наполеона до начала первой мировой войны. По-видимому, он не придает существенного исторического значения и войнам, в огне которых складывалась Германская империя, которая, следовательно, не могла быть фактором «равновесия сил» до того, как она появилась. Более того, если даже придерживаться концепции Кеннана, то нельзя не признать, что образование Германии внесло крупные изменения в «равновесие сил», сложившееся в Европе после окончания наполеоновских войн. К тому же историческая концепция Кеннана «равновесия сил» в Европе игнорирует многочисленные кровавые войны за раздел и передел колоний и полуколоний. Как известно, рождение империализма ознаменовалось грабительской войной США против Испании в целях подчинения Кубы и захвата Филиппин. Но Кеннан прикрывает захват американским империализмом Филиппинских островов все той же системой мира и «равновесия сил» в Европе. «Если бы, — пишет он, — мы не захватили эти острова, то, вероятно, из-за них возникла бы ожесточенная борьба между Англией и Германией». Так, перестраивая на новый, американский лад старую английскую теорию «равновесия сил», Кеннан пытается доказать, что уже в конце XIX в. и в особенности в XX в. благодаря США сохранялся мир и устойчивость международных отношений.

Учитывая эту концепцию Кеннана, не приходится удивляться и его утверждению, что «мировой кризис», вспыхнувший в 1914 г. и продолжающийся поныне, имеет исключительно европейское происхождение. Причины первой мировой войны Кеннан усматривает отчасти «в неумолимых проблемах распада Турецкой империи», а отчасти в том, что в связи с «волнениями подчиненных народов в бассейне Дуная» Австро-Венгрия утратила «жизненный порыв». Таким образом, в качестве главного фактора, породившего первую мировую войну, Кеннан выдвигает национально-освободительное движение поработенных народов, в первую очередь славянских, — тезис, уже ранее получивший распространение в американской реакционной историографии. Среди других причин, вызвавших войну, Кеннан на последнем месте упоминает «соперничество между Германией и Англией». Касаясь вопроса о виновниках войны, он устанавливает целую шкалу ответственности, настолько не аргументи-

рованную, что и сам называет ее «довольно неясной картиной». В этой шкале, пишет он, «австрийцы и русские, несомненно, на первом месте; на немцах — меньшая, но, несомненно, значительная доля вины; нет никого, кто был бы абсолютно невиновен». В этой действительно более чем неясной картине ясно только одно: автор ставит американский империализм над европейской, даже над мировой историей, считая, что США не имели никакого отношения к возникновению войны. Таким образом, корни мировой войны он ищет не в мировой системе государств и мировых антагонизмах, а только в переплетении локальных конфликтов, нарушавших равновесие сил на европейском континенте.

Тезис Кеннана далеко не оригинален. Бирд, Фей и некоторые другие представители американской историографии уже давно проповедовали его. Скользя по поверхности дипломатической истории, они тщательно обходят вопрос о наличии глубоких экономических и классовых основ империалистических войн мирового масштаба и пытаются утверждать, будто империализм США не причастен к возникновению первой мировой войны и своим вмешательством в войну только способствовал ее прекращению. Не отрицая, что в период первой мировой войны Германия была «милитаристской и антидемократической страной», Кеннан считает, что с точки зрения дальнейшего развития исторических событий это не имеет отрицательного значения и даже является скорее преимуществом.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции вызывает в Кеннана слепую ненависть к революции. Он никак не мог примириться с тем, что к тому времени, когда был подписан Версальский договор, границы района, в котором западные государственные деятели, и главным образом американские, могли бы «восстановить постоянное процветание и мир для западной цивилизации... были, к сожалению, трагически сужены». С другой стороны, следуя традиции немецко-фашистской историографии, Кеннан рассматривает вторую мировую войну как прямое продолжение первой. «Эти войны,— пишет он,— велись ценою... нарушения равновесия сил на континенте, ценою создания в Западной Европе опасной, быть может, роковой восприимчивости к советской власти». Тем самым Кеннан пытается не только реабилитировать агрессивный германский империализм, но и прямо оправдать историческую версию гитлеровской пропаганды, которая грабительские цели закабаления и порабощения народов стремилась прикрыть лозунгами «борьбы против коммунизма». В то же время он стремился затушевать роль монополий США, которые, поддерживая и субсидируя немецких монополистов и гитлеровский режим, способствовали разжиганию второй мировой войны и прежде всего агрессии германского империализма против Советского Союза. Кеннан утверждает, будто не может «найти данных, говорящих о том, что ответственные круги в каких-либо из западных стран вообще хотели в то время войны,— даже войны между Россией и Германией». Таким образом, создавая свою историко-политическую концепцию американской дипломатии первой половины XX в., Кеннан считает возможным игнорировать факты, раскрывающие смысл мюнхенской политики капиталистических держав Западной Европы. Это дает ему возможность отказаться от анализа основных тенденций американской политики в период Мюнхена, а в особенности того курса, который закулисно вели крупные и влиятельные американские монополии. Более того, Кеннан, видимо, мечтал о том, чтобы вообще зачеркнуть весь исторический путь, пройденный человечеством после первой мировой войны и Великой Октябрьской социалистической революции в России, и начать все сначала. Применительно к современным интересам американского империализма в Европе это означало бы возродить... «сильную (т. е. милитаристскую.— А. Е.) Германию, способную снова играть определенную роль в качестве противника России в Европе».

Но стремясь исторически обосновать необходимость возрождения германского милитаризма, Кеннан считал нужным предупредить, что в таком случае «Америка должна была бы заручиться правом создать в различных местах те или иные военные сооружения, с тем, чтобы наше слово могло иметь определенный вес и чтобы державы к нам прислушивались». Речь идет, следовательно, о создании военных баз США, и притом отнюдь не только в Западной Германии. В целом это означает, что, опрокидывая современную политику в прошлое, Кеннан создал историческую концепцию, чтобы оправдать экспансионистские планы правящих кругов США, составной частью которых было и остается восстановление германского милитаризма.

Перед нами один из наиболее ярких и довольно типичных примеров политической направленности современной буржуазной историографии. Обнаружив в условиях «холодной войны» свою идейную бесплодность, она оказалась способной только возвращаться к старым, отжившим историческим теориям, идеям и представлениям, пытаясь приспособить их к своим реакционным и агрессивным политическим задачам и целям. В частности, она пытается возродить старую теорию цикличности, или круговорота исторического процесса, которая ныне в модернизированном и весьма упрощенном виде противопоставляется идее прогрессивного всемирно-исторического процесса развития человечества. Намерения Кеннана повернуть колесо истории Германии и Европы на сорок лет назад и осуществить агрессивные планы американского империализма наших дней являются лишь одним из вариантов представлений о цикличности исторического кругооборота. Эти циклы в реакционной историографии могут быть различных географических и исторических измерений, но — странное дело! — они завершаются попыткой в одних случаях обосновать установление мировой гегемонии США, в других — стремлением реабилитировать германский милитаризм, и во всех случаях внести свой вклад в идеологию «холодной войны».

Мы видели, что создателями реакционных теорий американской историографии в период «холодной войны» стали выступать как дельцы, так и их идеологи, как политики, занимающиеся историей, так и историки, занимающиеся политикой. Американский историк Доналд Митчелл на страницах журнала «Current History» выступил как эксперт по вопросу о военном значении агрессивного Атлантического пакта, газетный стратег Хэнсон Болдуин на страницах «Atlantic Monthly» выступил как историк второй мировой войны, призывающий учесть ее опыт под углом зрения современной политики американского империализма, а Кеннан, в недавнем прошлом политик и дипломат, стал заниматься не только историей американской дипломатии, но и историей Германии в духе циклического кругооборота в XX в.

Возвращаясь к этому циклу, объединяющему две мировые войны, американский историк профессор Фредерик Крамер пошел еще дальше: он сделал попытку найти ему историческую аналогию в древнем мире. В статье «Падение и гибель Западной Европы»³⁶ он провел аналогию между экономическим и политическим развитием Западной Европы с момента начала первой мировой войны и развитием греко-римской цивилизации. В обоих случаях причины упадка он усматривает в «гражданских войнах и длительном истощении политического организма». Но говоря о современности, он особо выделяет историческую роль Германии. Его исходная позиция такова: существование Германской империи является одним из наиболее значительных факторов западноевропейской цивилизации. С другой стороны, борьбу европейских народов за незави-

³⁶ «Current History», 1948, № 87.

симость он рассматривает как «раковое заболевание». Этой борьбе он противопоставил «идеи западноевропейской общности», утрата которых, по его мнению, может иметь такие же последствия, как и гибель единой греко-римской цивилизации. Наконец, одну из важнейших причин «падения и гибели Западной Европы» Крамер усмотрел в том, что сложившаяся в конце XIX в. система международных отношений, при которой «Великобритания, Россия, Германия, Австро-Венгрия и Франция сообща управляли миром», теперь, в середине XX в., распалась. «Мы присутствуем,— пишет он,— при кончине этой беспрецедентной европейской силы и престижа». Забегая вперед, он уже считает возможным «отслужить панихиду у гроба старой и мощной Европы, умершей за истекшую треть века», и торжествовать по поводу того, что мировое господство «оказалось» в руках США. В данном случае эта историко-политическая концепция только свидетельствует о крайней недалекости тех, кто желаемое принимает за сущее.

В истории нового и новейшего времени германская проблема всегда являлась одной из наиболее важных, острых и сложных проблем, связанных с судьбами европейских народов. Ныне, когда немецкий народ вступил в новый весьма ответственный период своей истории, германская проблема стала ареной острой идеологической борьбы между силами реакции и агрессии, с одной стороны, и прогрессивными силами, заинтересованными в мире,— с другой. В этих условиях реакционная историография, всемерно стремящаяся реабилитировать германский империализм и милитаризм, является составной частью политики «холодной войны», направленной против всех миролюбивых народов, в том числе и немецкого народа.

Прогрессивная историография всех стран, в том числе немецкая историография, активно разоблачает милитаристские и реваншистские концепции. Значительный вклад в дело борьбы против реакционной историографии вносят историки Германской Демократической Республики. Но и некоторые историки в Западной Германии высказывают довольно трезвые взгляды, направленные против попыток реабилитации германского милитаризма, империализма и гитлеризма. Но не нужно быть историком, чтобы уяснить себе непреложный факт: идеология «холодной войны» и попытки реабилитации германского милитаризма никак не отвечают мирным устремлениям и интересам народов. После всего, что народы Европы,— и не только Европы,— испытали в ходе второй мировой войны, стремление к осмыслению исторической роли германского милитаризма тесно связывается с поистине назревшей задачей. Нужно глубже проникнуть в историю германского империализма и милитаризма, чтобы, вскрыв его корни, суметь их устранить. Эта задача, по нашему разумению, не только научная и политическая, но и моральная. Ее осуществление не приведет к падению и гибели Европы, а будет только способствовать укреплению мира и тем самым ее новому возрождению.

1953 г.

БРИТАНСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И ГЕРМАНСКАЯ ПРОБЛЕМА

Существует представление, и притом довольно распространенное, что влияние Англии на решение международных проблем, в частности в Западной Европе, после второй мировой войны быстро снизилось,— в такой степени, в какой усилилось влияние Соединенных Штатов Америки. Как ни странно, утверждению подобного взгляда способствовал У. Черчилль. В 1947 г., уже будучи экс-премьером, он заявил, что выйдя из войны, Великобритания оказалась «настолько истощенной в экономическом, финансовом и психологическом отношении, как это обычно бывает лишь с побежденными народами, да и то не со всеми». К этому следует добавить, что уже в ходе войны и тотчас же после ее окончания многие позиции Великобритании, как колониальной державы, также оказались подорванными. Таким образом, роль «гордого Альбиона» в системе капиталистических государств претерпела серьезные изменения: «владычица морей», еще недавно казавшаяся неприступной в стратегическом отношении, могущественной в промышленном и финансово-экономическом отношении, наиболее опытной и влиятельной в дипломатическом отношении, стала уязвимой, несмотря на то, что ее главный и наиболее опасный соперник — империалистическая Германия дважды потерпела поражение. Казалось бы, последнее обстоятельство должно было стать благоприятным фактором, укрепляющим экономические, политические и стратегические позиции Англии не только в Западной Европе, но и во всем мире, в частности в ее отношениях с США. Но нет, правящие круги Англии не использовали эти благоприятные возможности ни после поражения кайзеровской Германии, ни после разгрома гитлеровской Германии. Завершая войну против империалистической Германии в 1918 г., они задумывались не о том, как предотвратить возрождение германского милитаризма, а о том, как способствовать его возрождению, чтобы воспользоваться им в собственных интересах.

В этом отношении поистине примечательно одно небольшое признание, сделанное Черчиллем, который в те годы занимал пост министра военного снабжения. В своих мемуарах («Мировой кризис») Черчилль рассказывает, что вечером в тот день, когда в Компьене было подписано перемирие, он явился на Даунинг-стрит к Ллойд Джорджу, премьер-министру Англии. Они сидели в большом зале, стены которого были увешаны портретами крупных политических и военных деятелей старой Англии — Питта, Фокса, Нельсона и Веллингтона, а также почему-то Вашингтона. В часы, когда усталые солдаты мечтали вернуться к своим очагам, а народ на улицах ликовал по поводу того, что наконец-то наступает мир, у руководителей английского правительства, оказывается, «не было ощущения, что дело сделано». «Напротив того, Ллойд Джордж ясно сознавал, что ему предстоят новые и, может быть, еще большие усилия.

Мое собственное настроение,— признается Черчилль,— было двойственным: с одной стороны, я боялся за будущее, с другой — хотел помочь разбитому врагу».

Только спустя двадцать лет, когда этот «разбитый враг», воспользовавшись помощью западных капиталистических держав, не только восстановил свои силы, но и стал готовиться к новому прыжку, Черчилль понял, как глубоко ошибается правительство Н. Чемберлена, полагая, что этот прыжок будет совершен только на Восток. Поняв, что милитаристская Германия вовсе не отказывается нанести удар и на Запад, он заявил (24 марта 1938 г.): «Если британскую нацию и Британскую империю постигнет смертельная катастрофа, будущие историки спустя тысячу лет тщетно будут пытаться постигнуть тайны нашей политики. Никогда они не смогут понять, как это случилось, что народ, одержавший победу... унизили до такого падения, пустил по ветру все, что выиграл в результате безмерных жертв и решительного торжества над противником. Они не поймут, почему победители оказались побежденными, а те, которые сложили оружие на поле битвы и молили о перемирии, ныне идут к господству над миром». Но вопреки мнению Черчилля не только будущий, но и современный историк должен сделать попытку осмыслить поставленный вопрос,— тем более, что, наблюдая последующие и современные события в области международных отношений, он накопил большой дополнительный опыт, который дает ему возможность, говоря словами Черчилля, «постигнуть тайну» политики Англии в германском вопросе. Уже в конце второй мировой войны после небывалого крушения германского милитаризма, у самого Черчилля, стоявшего тогда у руля государственной власти, явно обнаружилось возрождение старой политической тенденции — «помочь разбитому врагу»,— тенденция, которая, несмотря на отставку Черчилля в результате выборов летом 1945 г., вскоре в полной степени возобладала в общем курсе британского правительства и его дипломатии.

Несмотря на заверения экс-премьера, что после второй мировой войны Англия испытывает трудности, как будто она является побежденной страной, было бы ошибкой считать, что она не справится с этими трудностями, и еще большей ошибкой недооценивать ее место и роль в системе капиталистических государств в настоящем и в будущем. И хотя США играют в этой системе возрастающую роль, Англия несет немалую долю ответственности за судьбы решения германской проблемы, как ключевой проблемы развития международных отношений в современной Европе. Если британская дипломатия после второй мировой войны снова встала на путь возрождения германского милитаризма, подобно тому как она решилась на это после первой мировой войны, то современный историк, озабоченный судьбой мира в Европе, вправе бросить ретроспективный взгляд на общие традиции британской дипломатии в плане ее отношения к германской проблеме. Этот взгляд в прошлое, возможно, поможет уяснить, почему в стране, где исторические традиции возведены в фетиш, правящие круги поступают так, будто единственный урок истории они усматривают в том, что она их ничему научить не может.

1

С начала XIX в., с тех далеких времен, когда европейские народы и государства сбросили с себя иго Наполеона I, британская дипломатия неоднократно занималась германской проблемой. Британская дипломатия играла крупную роль на Венском конгрессе 1815 г., где она, идя рука об руку с меттерниховской Австрией, защищая принцип независимости германских государей, крупных и малых, по существу высту-

пала против Пруссии. Британская дипломатия играла, далее, выдающуюся и в известной степени руководящую роль на Парижской мирной конференции 1919 г., когда перед державами победившей Антанты встала проблема заключения мирного договора с побежденной Германией. И после небывалого в истории войн разгрома «третьей империи» — уничтожения гитлеровской тирании в Европе — британская дипломатия снова должна была сказать свое слово.

Разумеется, историческая обстановка Парижской мирной конференции 1919 г. весьма отличалась от обстановки Венского конгресса 1815 г., точно так же, как историческая обстановка, в которой закладывались основы решения германской проблемы после второй мировой войны, в огромной степени отличалась от той, в которой Англия вместе со своими союзниками, но без Советской страны, создавала Версальский договор. Вместе с тем английское общественное мнение, или, вернее, те влиятельные силы, которые его формируют, все чаще обращались к английской дипломатии с призывом учесть накопленный ею опыт и сложившиеся традиции, сформулированные еще Пальмерстоном: «У нас нет вечных врагов, у нас нет вечных союзников. Вечны наши интересы и наш долг их защищать». Возможно, что приспособляемость английской дипломатии к быстро меняющейся обстановке, ее умение учитывать многочисленные факторы международных отношений, ее искусство использовать эти противоречия в своих интересах, а также высокие профессиональные качества ее аппарата и отдельных его представителей — все это и создало ей ту высокую репутацию, которой она пользовалась в течение более чем столетия. Но с другой стороны, придерживаясь старых традиций, английская дипломатия так часто обнаруживала непонимание истинной роли новых, прогрессивных социальных сил и их политических движений, происходивших на европейском континенте, и, ослепленная враждой к этим движениям, совершала, по признанию многих своих деятелей, такие крупные ошибки, что было бы опасно, если на эти старые ошибки она начала бы нагромождать еще и новые.

Уже давно отмечено, что Венский конгресс на долгие десятилетия послужил отправной точкой сложившихся традиций английской дипломатии в отношении вопросов европейской политики, и, в частности, в отношении Германии. На Венском конгрессе английской дипломатии удалось, правда, с большим трудом и при помощи хитроумных комбинаций, создать систему, которая вполне ее устраивала. Меттерниховская Австрия продолжала оставаться точкой опоры английской дипломатии, которая одновременно не раз пыталась вовлечь и соперницу Австрии — Пруссию — в комбинации против Российской империи. Одновременно Англия выдвигала Пруссию в качестве противовеса Франции. Поддержка австро-прусского соперничества означала и поддержку политической раздробленности Германии. Буржуазная революция 1848 г. не решила выдвинутой историей задачи воссоединения Германии в национальное буржуазно-демократическое государство. Поскольку задача объединения Германии не была решена революционно-демократическим путем, Бисмарк позднее решил ее контрреволюционно, по-юнкерски.

В июне 1862 г. Бисмарк посетил Лондон и в беседе с Дизраэли, находившимся тогда в оппозиции к либеральному правительству Пальмерстона, раскрыл свои политические планы на ближайшие годы. «В непродолжительном времени, — заявил он, — я буду вынужден взять на себя руководство политикой Пруссии. Моя первая задача будет заключаться в том, чтобы с помощью или без помощи ландтага реорганизовать прусскую армию. Далее я воспользуюсь первым предложением для того, чтобы объявить войну Австрии, уничтожить Германский союз, подчинить своему влиянию средние и мелкие государства и создать единую Германию под главенством Пруссии. Я приехал сюда затем, чтобы сооб-

щить об этом министрам королевы». Это нарочито откровенное заявление Бисмарка, по-видимому, произвело на Дизраэли сильное впечатление. «Остерегайтесь его,— сказал он одному из своих друзей.— Он говорит то, что думает!»

Но министры королевы не испугались планов Бисмарка. Когда Бисмарк приступил к их осуществлению, он увидел, что английская дипломатия не только не мешает, но даже покровительствует ему. Он развязал три войны, которые увенчались успехом прусского оружия, и, таким образом, «в огне и крови» закладывал милитаристские основы опруссаченной Германии. Бисмарк начал с того, что захватил у Дании Шлезвиг и Гольштеинию. Пальмерстон благословил этот захват. «Конечно,— писал он,— было нечестно и неблагородно отнять у Дании Шлезвиг и Гольштеинию... Но нынешняя Пруссия слишком слаба для того, чтобы в своих действиях быть честной и независимой. И, принимая во внимание интересы будущего, крайне желательно, чтобы Германия, как целое, сделалась сильной, чтобы она оказалась в состоянии держать в узде обе честолюбивые и воинственные державы — Францию и Россию... Германия должна быть сильна для того, чтобы быть в состоянии противостоять русскому напору, и если Германия должна быть сильна, то совершенно неизбежно, что должна быть сильна и Пруссия».

Через два года Пруссия разбила и Австрию, на которую в течение долгого времени ориентировалась и опиралась английская дипломатия. С этого момента английская дипломатия начала делать ставку уже не столько на австрийскую, сколько на прусскую лошадь. «Со времени войны 1866 г.,— писал тогда Бисмарк,— англичане, как практические люди, изменили свою позицию. Теперь они ничего не имеют против национального объединения Германии. Наоборот, оно им только приятно». И действительно, все симпатии английской дипломатии во время спровоцированной Бисмарком войны против Франции были на стороне Пруссии. Газета «Times» в день начала войны писала, что области Эльзас и Лотарингия являются «старинными немецкими провинциями».

Но восторги правящих кругов Англии стали сразу более умеренными после Седана и краха наполеоновской Франции. Опасаясь столь внезапного и чрезмерного роста прусско-германской мощи, английское правительство уменьшило свой пыл и даже разрешило владельцам оружейных заводов продавать Франции военное снаряжение. Бисмарк по этому поводу бесновался, но ничего поделать не мог. В общем этот эпизод не повлиял на развитие англо-германских отношений. В Европе образовалась Германская империя, английская дипломатия считалась с этим фактом и старалась извлечь для себя возможные выгоды, не только экономические, но и политические.

На протяжении длительного времени английская дипломатия, руководимая консервативным или либеральным кабинетом, стремилась поддерживать наилучшие отношения с Германской империей, усматривая в ее растущей военной мощи фактор, который можно использовать как противовес Франции и России. Используя и разжигая до определенных пределов разногласия и противоречия между наиболее крупными европейскими державами, Англия могла спокойно и успешно предаваться своей политике колониального расширения. В этом, собственно, и заключался один из важных аспектов английской политики «блестящей изоляции».

Не раз и в период господства Бисмарка и после него между английской и германской дипломатией происходили переговоры о заключении союза. Отношения между державами омрачались, когда эти переговоры заканчивались крахом. Германия, по образному выражению «железного канцлера», не хотела тогда быть «гончей собакой, которую Англия направляет на Россию». Такие предложения делал Германии глава кон-

сервативного кабинета Дизраэли. Позднее с планами использования Германии в качестве гончей собаки против России выступал Рандольф Черчилль, отец британского экс-премьера Уинстона Черчилля. «Мы с вами вдвоем могли бы управлять всем миром», — соблазнял Черчилль. Но германская дипломатия разгадала эту ловушку и уклонилась принять английское предложение.

По мере роста империалистического могущества в Германии появились мечты о своем собственном господстве над миром. Начало колониальной политики Германии привело ее к первым политическим столкновениям с Англией. Позднее империалистическое соперничество усилилось, и с конца XIX в. оно начало превращаться в один из крупнейших факторов, определяющих направление в германской и английской дипломатии.

Осенью 1897 г. в английской прессе прозвучали слова: «*Germania esse delendam*» («Германия должна быть разрушена»). Защищая это положение, журнал «*Saturday Review*» писал: «Если бы Германия была завтра стерта с лица земли, то послезавтра не нашлось бы на свете ни одного англичанина, который не стал бы от этого богаче. Прежде народы годами сражались за какой-нибудь город или наследство, неужели же они теперь не должны начать войну из-за ежегодного торгового дохода в пять миллиардов?» Кто же был новоявленным Катоном, который требовал разрушения германского Карфагена? То был Сесиль Родс, один из «строителей империи», ставших, по выражению В. И. Ленина, «в конце XIX века героями дня в Англии», открыто «проповедовавших империализм и применявших империалистскую политику с наибольшим цинизмом»¹. Скупив пакет акций «*Saturday Review*», Сесиль Родс и его политические друзья изменили политическое направление журнала, почтенного и скучноватого, поставив его на службу интересам Южно-Африканской привилегированной компании.

Но тогда, на заре англо-германского соперничества, статья, призывающая к разрушению Германии, прошла почти незамеченной, и уже спустя несколько месяцев те самые круги, которые инспирировали ее, начали искать союза с Германией, направленного против России и отчасти против Франции. Инициатором и вдохновителем этих попыток был Джозеф Чемберлен, один из наиболее энергичных и импульсивных представителей английской агрессивной политики. В речи, произнесенной в мае 1898 г. в своем родном городе Бирмингеме, он открыто призвал к заключению военного союза с США и к союзу с Германией. «В будущем, — заявил он, — нам придется посчитаться с Россией. Великобритания должна была бы объявить России войну, однако мы не можем, не имея союзника, нанести России серьезный ущерб». Его речь вызвала в английской прессе бурю. Но тогда еще никто не знал, что Чемберлен при поддержке короля английской текстильной промышленности герцога Девонширского в загородной вилле лондонского банкира Ротшильда втайне вел с немецким дипломатом Эккардштейном переговоры о заключении союза с Германией. Глава кабинета Солсбери осторожнее относился к планам заключения союза с немцами. Он говорил: «Но сможем ли мы их заполучить?» Это следовало понимать так: не придется ли платить слишком дорогой ценой? Закулисные переговоры потерпели фиаско. Вскоре они возобновились, но закончились с тем же результатом.

Наконец, в 1901 г., ведя переговоры с Японией о союзе, направленном против России, английская дипломатия снова вступила в переговоры с Германией. Английская пресса, вдохновляемая кликой Чемберлена, прикрывала эти переговоры рассуждениями об общности судеб

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 375.

англосаксонских стран и Германии. «Daily Chronicle» призывала английское правительство заключить союз с Германией и США одновременно. «Мир будет управляться мощными объединениями,— писала газета.— По одну сторону встанут Россия и Франция. По другую — все народы германского языка... Еще до истечения грядущего столетия у этой второй группы народов будет общее знамя». Этим общим знаменем была провозглашенная Чемберленом и его кликой пантевтонская программа. Он восхвалял будущую войну против России, войну, в которой «звездное знамя Америки будет развеиваться рядом с британским». В то же время некоторые представители американской дипломатии воспевали Германию, как «вторую метрополию Соединенных Штатов Америки».

Несмотря на эту искусно создаваемую в Англии атмосферу, Чемберлену не удалось осуществить свои планы союза с Германией. Слишком глубоки были противоречия, выросшие между обеими империалистическими державами. Слишком непримиримыми были их интересы — экономические, политические и колониальные. Быстро осуществляемая германским правительством военно-морская программа угрожала интересам Англии. С этого момента английская дипломатия приступила к активным поискам союзников против Германии. Все же на протяжении ряда лет в английской дипломатии существовали две противоречивые, но взаимно дополняющие тенденции в отношении Германии: создавая союзы против Германии, английская дипломатия не раз пыталась договориться с ней². В частности, Давид Ллойд Джордж и Уинстон Черчилль не раз пытались договориться об ограничении германских морских вооружений. Одновременно английская дипломатия рекомендовала германскому правительству усилить сухопутные вооруженные силы. Германский милитаризм всегда занимал определенное место в далеко идущих планах английской дипломатии.

Когда Германия развязывала в 1914 г. войну, английская дипломатия создавала в Берлине впечатление, будто Англия хочет остаться на позициях нейтралитета³. Она выжидала даже тогда, когда германские войска уже ринулись на Россию. Но когда германская армия начала наступление на Запад, угрожая непосредственным интересам Англии, британское правительство решило, что настал час расквитаться со своим империалистическим соперником. Война, вспыхнувшая на Балканах, превратилась в мировую империалистическую войну.

Следует отметить, что, намечая цели этой войны, английская дипломатия никогда в то время не ставила перед собою ни задачи расчленения Германии, ни тем более задачи ликвидации германского милитаризма. В октябре 1916 г. лорд Бальфур, член военного кабинета, составил меморандум, в котором, касаясь решения германской проблемы, писал: «Те, кто считают, что будущее непременно должно походить на прошлое, пожалуй, напомним нам, что в течение пяти столетий, предшествовавших бисмарковской эре, в Германии в общем преобладали центробежные и сепаратистские политические тенденции. Они будут доказывать, что эта старая традиция была лишь прервана на 45 лет объединенной и победоносной Германией, но, тем не менее, отражала действительные тенденции расы; что эта традиция вернется после войны, ответственность за которую несут прусская политика и прусская династия. Лично я склонен сомневаться в таком выводе... Я не разделяю опасений тех, кто полагает, что триумф славянских стран, вероятно, станет угрозой для германского преобладания в Центральной Европе». Отмечая,

² См. выше: «Дипломатическая подготовка мировой войны 1914—1918 годов».

³ См. выше: «Июльский кризис 1914 года».

что многие в Англии опасаются ослабления военно-экономического потенциала Германии после ее поражения и что тогда «равновесие держав будет совершенно нарушено», Бальфур указывал, что Германия выйдет из войны все еще достаточно сильной милитаристской державой, чтобы быть противовесом Франции и России.

В другом меморандуме, представленном военному кабинету в марте 1917 г., Бальфур снова подчеркивал, что Англия собирается уничтожить не Германию, а лишь только «современную Пруссию, которая включает в себя много славянских элементов». Эти элементы, писал далее Бальфур, «никогда не принадлежали Германии раньше, были включены в нее только 140 лет назад и действительно не должны более принадлежать Германии». Поэтому Бальфур высказался за отторжение от Германии ее польских провинций. Вместе с тем он высказывался за то, чтобы Россия оставалась мощным фактором европейской политики.

Но когда в России произошла Великая Октябрьская социалистическая революция, отношение английской дипломатии к решению германской проблемы сразу изменилось. Это в полной степени раскрылось на Парижской мирной конференции 1919 г.

Существует огромная литература, которая рассказывает, как делался мир в 1919 г. Теперь уже все, даже составители Версальского договора, признали, что этот мир «делался» плохо. Наблюдая за ходом мирной конференции, германские империалисты не падали духом и имели основание уверенно смотреть в будущее. Дело, конечно, не в том, что не была принята крайняя французская программа расчленения Германии. Главное в том, что экономические и политические позиции германских монополий и юнкерства — этих носителей милитаризма и агрессии — оказались нетронутыми. Более того, германские милитаристы приобрели новых покровителей в лице правящих кругов Англии и США. Об этом свидетельствует знаменитый меморандум из Фонтенбло, составленный Ллойд Джорджем, — меморандум, который, ссылаясь на опасность роста демократического и социалистического движения в Германии и пугая возможностью союза Германии с Советской Россией, призывал сохранить в Германии основы милитаризма и использовать ее реакционные силы в качестве тарана, который может быть направлен против Советского государства. Черчилль, в то время один из главных организаторов и идеологов интервенции, высказал эту мысль еще более определенно. «Задача захватить Россию, — писал он, — слишком тяжела для одних держав-победительниц. Если мы действительно этого хотим, то осуществить эту задачу можно лишь с помощью немцев. В настоящий момент они оккупируют наиболее богатые и густо населенные области России. Почему бы и им не принять участия вместе с нами в мероприятиях по наведению порядка на этом большом восточном пространстве».

Но курс на сохранение или восстановление милитаристских сил в Германии в то же время означал, что последняя в дальнейшем станет противовесом даже Франции на европейском континенте. Однажды после Парижской конференции, во время пребывания Клемансо в Лондоне, Ллойд Джордж обратился к нему с вопросом: «Ну, что скажете?» «Да, я имею вам кое-что сказать, — злобно ответил старый „тигр“. — На другой день после перемирия я нашел в вашем лице врага Франции». «Что же, — согласился Ллойд Джордж, — разве это не наша традиционная политика?» Вспоминая об этом, Клемансо в своей книге «Величие и ничтожество одной победы» писал: «Англия продолжает прилагать все силы к умножению противоречий между континентальными странами для обеспечения своих завоеваний».

Что касается США, то возобладавшая там политика изоляционизма в немалой степени была использована теми кругами германского милитаризма, которые выжидали первой возможности, чтобы под лозунгом

антиверсальского ревизионизма начать борьбу за восстановление своих позиций.

Германские империалисты ловко воспользовались соперничеством в лагере победителей для подготовки новой мировой войны. Мир, заключенный в 1919 г., оказался весьма относительным и кратковременным потому, что великая Советская страна была устранена от участия в его создании и обеспечении. Версальский мир был не демократическим, а империалистическим миром. Он не решил германской проблемы путем устранения основ милитаризма.

Впоследствии, когда гитлеровская Германия, стремясь удовлетворить свои реваншистские притязания, потребовала ревизии Версальского договора, линия английской дипломатии, при всех ее зигзагах, заключалась в том, чтобы осуществить эту ревизию за счет той державы, которая за Версальский договор никакой ответственности не несла. Эта линия английской дипломатии дала свои плоды в период Мюнхенского соглашения, но сложилась она значительно раньше. В 1935 г. лорд Лотиан, один из участников реакционной «кляйвденской» клики, разработал план создания союза западных империалистических государств, который «отвел бы от них всякий удар со стороны Германии и направил бы его на Восток». В прошлом, будучи политическим секретарем премьер-министра Ллойд Джорджа, Лотиан принимал участие в разработке условий Версальского договора. Теперь в войне между гитлеровской Германией и Советским Союзом он усматривал «хорошее средство устранения трудностей, навязанных Германии Версальским договором». На деле же эта линия на поддержку агрессивных сил германского милитаризма оказалась средством вовлечения Англии в войну и в самую тяжелую полосу ее истории.

Никогда еще политический престиж Великобритании не падал так низко, как в 1940—1941 гг., когда, расплачиваясь за свой отказ от политики коллективной безопасности с участием Советского Союза и за сговор с гитлеровской Германией против Советского Союза, потеряв своих прежних союзников и не приобретя новых, Англия стояла на грани военной катастрофы. Нельзя не испытывать чувства глубокого уважения к английскому народу, который в это тяжелое для него время, утратив привитые ему веками иллюзии островной неприступности, стойко выдержал варварские налеты немецко-фашистской авиации на Ковентри и систематическую воздушную бомбардировку, которую гитлеровское командование назвало «битвой за Лондон». Но нельзя не задуматься о том, какие пути привели «гордого Альбиона» к краху его дипломатии, — к краху, за который расплату понес английский народ.

Только после 22 июня 1941 г. — после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, международное и политическое положение Англии решительно изменилось в лучшую сторону. Британская дипломатия вышла из состояния самоизоляции, в котором она сама была повинна. Благодаря героическим усилиям народов Советского Союза и других свободолюбивых народов новая агрессия германского империализма ценою огромных жертв была остановлена, а затем германская армия, продвинувшаяся далеко на Восток, стала терпеть поражение за поражением. В 1942 г. было объявлено об обязательстве Англии открыть второй фронт в Европе. Но английское правительство всячески оттягивало выполнение этого решения, и Советская Армия сражалась с германскими полчищами один на один. Чтобы компенсировать трудности, связанные с этой оттяжкой, английская пресса подняла шумную пропагандистскую кампанию об огромной материально-технической помощи, которую Англия предоставляет Советскому Союзу. Никто не отрицает наличия этой помощи, но ее размеры и удельный вес в средствах достижения победы были значительно скромней, чем поднятый тогда

шум и его отзвуки в английской публицистике послевоенных лет. Автор этих строк имел случай в этом лично убедиться. Случилось так, что в начале лета 1942 г., в день объявления об обязательстве открыть второй фронт в Европе, я находился на одной из английских военных баз на Ближнем Востоке (в Ираке, близ Басры); американские самолеты, поступавшие на базу в разобранном виде, собирались в огромных ангарах и затем переотправлялись в Советский Союз. Организация была плохой, план поступления и сборки самолетов не выполнялся, а после объявления о решении английского правительства по поводу открытия второго фронта заверения относительно будущего явно превышали выполнение обязательств в настоящем. Незадолго до приезда на базу мне довелось побывать в штабе английской армии, расположенной на Ближнем Востоке. В окрестностях Керманшаха в огромном зелено-желтом шатре, укрывавшем от палящего солнца, командующий армией генерал Майп в окружении своих многочисленных военных помощников, стоя у большой географической карты, доказывал нам, что вопрос об открытии второго фронта — бессмысленный вопрос, поскольку английские войска, ведя военные действия в Ливийской пустыне, обороняя Египет, Ирак, Иран, Малайю и другие страны, и без того уже заняты на многочисленных фронтах, между тем как Советская Армия ведет борьбу только на одном фронте — против Германии, не собираясь, по-видимому, открывать второй фронт против Японии...

Открытие Англией и США второго фронта в Европе, как известно, не было выполнено в срок, — по настоянию британского правительства оно было осуществлено только спустя два года, т. е. после того, как стало ясно, что Советский Союз в состоянии не только самостоятельно разгромить гитлеровскую Германию, но и полностью освободить народы Западной Европы от фашистской тирании. Перелом на фронте советско-германской войны активизировал английскую дипломатию, однако далеко не всегда в том направлении, которое могло обеспечить скорейшее сокрушение германской военной машины и приближение общей победы. Правда, на Крымской конференции СССР, США и Великобритания взяли на себя обязательство «об общей политике и планах принудительного осуществления условий безоговорочной капитуляции». Было решено, что эти условия будут совместно предписаны «нацистской Германии после того как германское вооруженное сопротивление будет окончательно сокрушено». Но историк, — и притом не спустя тысячу лет, как предполагает Черчилль, а уже в наше время, — сможет «постигнуть тайну» британской дипломатии, которая, даже приняв на себя в Крыму подобные обязательства, не отказывалась в лице своих отдельных представителей от контакта с гитлеровцами, которые на этом завершающем этапе войны, используя различные каналы, нащупывали возможность сепаратного мира с западными державами — Англией и Соединенными Штатами Америки. Уже теперь историк может утверждать, что главное условие, которое выдвигалось германским командованием, — это возможность перегруппировать и консолидировать свои силы в целях войны на одном фронте — против Советского Союза. Иные английские дипломаты и генералы были бы не прочь пойти на сговор с милитаристскими кругами гитлеровской Германии, и если переговоры с ними не были доведены до желаемого для обеих сторон конца, то к тому были серьезные основания: осведомленность Советского правительства, которое, разумеется, не оставалось в этих условиях на позициях пассивного наблюдателя; возражения со стороны правящих кругов и военного командования США, которые были заинтересованы в том, чтобы Советский Союз, выполняя обязательства, взятые им на Крымской конференции, уже через три месяца после капитуляции гитлеровской Германии нанес мощный удар на Дальнем Востоке с целью разгрома Квантунской ар-

мии Японии; наконец, опасения, что английский народ осудит любую попытку сепаратного сговора с гитлеровским командованием взрывом негодования. И если попытки этого сговора за кулисами продолжались до самого конца войны,— то это поистине означало: влечение — род недуга⁴. Так в 1945 г., как и в 1918 г., британская дипломатия снова выдвинула вопрос: «как помочь разбитому врагу». Но в отличие от 1918 г., когда при решении этого вопроса она встретила некоторое сопротивление американской дипломатии Вильсона, теперь, после смерти Ф. Рузвельта, она получила поддержку американской дипломатии Трумэна.

2

Однажды статс-секретарь США Джон Фостер Даллес, один из наиболее крупных вдохновителей политики «холодной войны», заявил, что Советский Союз является «внеконтинентальной державой», подобно Великобритании и Соединенным Штатам Америки; однако отсюда он сделал вывод, что обе англосаксонские страны в силу «общности культуры» более заинтересованы в делах Центральной Европы и, в частности, в решении германской проблемы, чем Советский Союз, приверженность которого к решениям Потсдамской конференции устарела и не соответствует духу времени. В реакционных кругах англосаксонских стран стало раздаваться немало голосов, пытающихся, вопреки здравому смыслу, утверждать, будто Советский Союз действительно не является европейской державой и поэтому не может проявлять заинтересованности в решении европейских проблем и, в частности, германской проблемы. Нетрудно видеть, какова политическая направленность подобного рода утверждений. Они отражают стремление опустить, употребляя слова Черчилля, «железный занавес», который изолировал бы Советский Союз от всего остального мира и который способствовал бы установлению мировой гегемонии англо-американского империализма.

Хотя существуют некоторые основания предполагать, что Соединенные Штаты Америки не находятся в Европе и, следовательно, с большим основанием могут быть названы внеевропейской державой, никто не оспаривал их права участвовать в обсуждении и решении германской проблемы. Точно так же никто не оспаривал заинтересованности Англии, хотя Даллес также назвал ее в числе внеконтинентальных держав.

Советский Союз, вынесший на своих плечах всю тяжесть борьбы против германского империализма, тем более не мог быть отстранен от ре-

⁴ После написания статьи стали известны многочисленные факты, дающие широкую возможность «постигнуть тайну» британской дипломатии. В своих мемуарах о второй мировой войне У. Черчилль рассказывает, что весной 1945 г. велись переговоры «о сепаратной военной капитуляции на юге, которая позволила бы нашим армиям продвинуться вперед против ослабившего свое сопротивление противника до самой Вены и дальше вплоть до Эльбы и Берлина» (W. S. Churchill. *The second World War*, v. VI. London, 1954, p. 387). Эта капитуляция, по мысли Черчилля, облегчила бы английской армии проникнуть в «мягкое подбрюшье» Европы, т. е. на Балканы, чтобы предотвратить продвижение туда Советской Армии и парализовать успехи югославских партизан. 16 марта 1945 г. Советское правительство заявило официальный протест Англии и США в связи с тем, что за его спиной представители командования обеих держав вели переговоры с германским командованием. Спустя менее чем неделю, 22 марта 1945 г., оно заявило по аналогичному вопросу вторичный протест («Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», т. I. М., 1957, стр. 402—403; т. II, стр. 291—292). По свидетельству самого Черчилля, в марте 1945 г. он был склонен принять «капитуляцию германских войск на Западе»; в конце войны он усматривал в «разрушении германской военной машины» огромную опасность, поскольку главные удары по ней наносили советские войска: «В моих глазах,— признался он,— советская угроза заменила собой нацистского врага». Вот почему он послал фельдмаршалу Монтгомери директиву «тщательно собирать и складывать германское оружие, чтобы его легко можно было снова раздать германским солдатам, с которыми мы стали бы сотрудничать, если бы советское наступление продолжалось» (W. S. Churchill. *Op. cit.*, v. VI, p. 390, 495, 499).

шения проблем мирного урегулирования, как это было после первой мировой войны. С этим правом СССР не могли не считаться даже самые ярые его враги и противники. Опыт подготовки мирных договоров с бывшими союзниками Германии показал, что при наличии согласия между великими державами и доброй воли к сотрудничеству и разумным компромиссам даже самые трудные проблемы поддаются справедливому решению в интересах поддержания и упрочения всеобщего мира. Но этот опыт показал также, что английская дипломатия при поддержке американской, и американская дипломатия при поддержке английской, и обе они при поддержке своих клиентов не раз пытались свести работу по мирному урегулированию с прямого пути ранее принятых решений. Чем кончились эти попытки — известно.

Конечно, германская проблема весьма сложна. Но ее решение облегчено тем, что основные принципы подхода к ней были установлены по окончании войны конференцией руководителей трех великих держав в Потсдаме. Решения Потсдамской конференции предусмотрели переустройство экономической и политической жизни Германии на демократических началах.

Между тем еще во время войны в некоторых американских и английских политических кругах были распространены настроения в пользу экономического и политического расчленения Германии. Агентство Рейтер поведало миру, что Черчилль, будучи премьер-министром, серьезно обсуждал эти планы как в Лондоне, так и в Вашингтоне. Он добивался раздела Германии. В Англии эти планы открыто пропагандировались Ванситтартом, в США — Моргантау и другими⁵. Во Франции эти планы поддерживал де Голль. Иностранная печать сообщала, что во время Потсдамской конференции некоторые политические и дипломатические круги США и Англии обсуждали различные планы экономического и политического расчленения Германии. В частности, обсуждался вопрос об «исключении» Баварии из состава Германии и соединении ее с Австрией. Таким образом, этот проект предусматривал создание в Центральной Европе нового большого католического государства. Существовали и другие проекты политического расчленения Германии, одинаково искусственные и опасные. По сообщению агентства Рейтер, эти проекты были отвергнуты «Большой тройкой». Основной идеей политических решений, принятых Потсдамской конференцией, является полная денацификация Германии, постепенная подготовка Германии к самоуправлению, превращение Германии в демократическое, миролюбивое государство.

Казалось бы, сторонниками экономического и политического расчленения Германии могли остаться только Уинстон Черчилль и другие государственные деятели, находящиеся не у дел. Оказывается, дело обстоит совсем не так. Каждый, кто внимательно следит за американской и английской прессой, легко может заметить, что определенные политические круги в США и Англии усиливают кампанию против экономических и политических принципов обращения с Германией, принятых на Потсдамской конференции трех держав. В своей речи, произнесенной в Лондоне 15 января 1947 г., английский министр иностранных дел Бевин заявил: «Мы желаем избежать ситуации, сложившейся после прошлой войны, в результате которой Германия быстро возродилась. Мы не желаем допускать создания такого положения, когда разногласия между нами привели бы к тому, что различные государства старались бы угодить Германии и тем самым дать ей возможность снова возродиться как воинственной державе. Я могу вас заверить, — и я говорю также за Францию, Бельгию, Голландию, Великобританию, — что на Западе мы

⁵ См. выше: «О некоторых попытках реабилитации германского империализма».

горячо и глубоко убеждены, что никак нельзя допустить нового возрождения Германии как великой державы».

Возникает, однако, вопрос: как английская дипломатия предполагала не допустить возрождения германского империализма и милитаризма, если правящие круги западных держав взяли курс на отказ от осуществления решений Потсдамской конференции? Английская пресса, черпаящая свое вдохновение во влиятельных политических кругах английской буржуазии, так же как и американская пресса, начала прямую атаку против решений Потсдамской конференции. Эта кампания, все шире развертывающаяся, имеет двоякую цель. С одной стороны, она стремится подготовить общественное мнение к формальному отходу от решений конференции. С другой стороны, она стремится оказать давление на сторонников этих решений. С этой целью она начала всячески рекламировать дипломатические документы, составленные правительствами доминионов и некоторых других государств, в которых предлагаются новые проекты решения германской проблемы.

Раньше других выступила голландская дипломатия. Она представила совещанию заместителей в Совете министров иностранных дел меморандум, по существу отвергающий решения Потсдамской конференции. Голландский меморандум рекомендовал политическое расчленение Германии и считал, что это должно быть проведено «параллельно с последовательным проведением в жизнь восстановления немецкой экономики в разумных размерах и децентрализации ее политической структуры». Столь ярко выраженная забота о восстановлении экономики и полное отсутствие заботы о денацификации Германии и усилении в ней демократических элементов обратила на себя всеобщее внимание. Английская газета «News Chronicle» (15 января 1947 г.) назвала голландский меморандум «документом, содержащим больше милосердных предложений, чем имели право ожидать нацисты, разрушившие Роттердам». И тем не менее английская и американская пресса стала превозносить голландский меморандум как шедевр политической мудрости.

В таком же примерно духе выдержаны опубликованные меморандумы британских доминионов. Все они более или менее откровенно выражали планы, соответствующие интересам международной реакции. Южно-Африканский Союз заявил, что с его точки зрения «нет необходимости ограничивать развитие Германии в экономическом и социальном отношении». Если это что-либо означает, то только отказ от ограничения деятельности германских монополий и германской политической и, в частности, милитаристской реакции. Кроме того, Южно-Африканский Союз предложил создать «децентрализованную федеративную Германию в той степени, в какой это соответствует традиционным историческим линиям раздела (за исключением Пруссии)». Это означает искусственное возвращение Германии к тому политическому положению, которое существовало в ней свыше 100 лет назад. Представитель Канады поспешил заявить, что «Канада не намерена требовать сурового мира». Нетрудно догадаться, кому Канада предполагает оказать милосердие и кого она считает нужным заранее амнистировать.

Можно не без основания утверждать, что эти выступления по германскому вопросу являются симптомом, свидетельствующим о подготовке генеральной атаки на решения Потсдамской конференции. Впрочем, английская пресса различной партийной принадлежности только подтвердила это. Так, официальный лейбористский орган «Daily Herald» (от 14 января 1947 г.) заявил: «Потсдамские решения должны быть заменены новым экономическим планом. Одним из шагов навстречу этому было экономическое объединение английских и американских зон». Либеральная газета «Manchester Guardian» (от 15 января 1947 г.) писала: «Мы все еще слишком мало знаем о том, до каких пределов дойдут

англичане и американцы, требуя изменения Потсдамского соглашения». Но зато эта газета не оставила сомнений в своей собственной позиции: она воспекает предложение Голландии и утверждает, будто в нем «содержатся разумные доводы». Рассмотрев заявления Польши, Чехословакии и Югославии по вопросу об их отношении к решению германской проблемы, газета заключила, что требования этих государств, касающиеся гарантий их безопасности, «напоминают отрывки из какого-то военного учебника XVIII века». Газета не заметила, что эта оценка с гораздо большим правом может быть отнесена к защищаемым ею планам раздробления Германии под видом ее федерализации.

3

Еще в июне 1946 г. министр иностранных дел Бевин сделал заявление о том, что Германия должна получить новое государственное устройство путем раздробления ее на несколько «автономных» государств. Вскоре, по сообщению агентства Рейтер, последовало формальное согласие правительства США поддержать английское предложение о создании германского федеративного государства.

Разумеется, это вовсе не означает, что инициатива плана «федерализации» принадлежит английской дипломатии, а американская лишь последовала за ней. Многие данные говорят за то, что дело обстояло как раз наоборот. Во всяком случае, Бирнс, будучи государственным секретарем США, в своей нашумевшей штутгартской речи (6 сентября 1946 г.) взял на себя труд официально провозгласить принцип «федерализации» германского государства. Он выразил это в формуле «Соединенные Штаты Германии». Через несколько дней, в середине сентября 1946 г., британский экс-премьер Уинстон Черчилль, выступая в Цюрихе, развернул еще более обширный план — план сплочения германской и общеевропейской реакции путем создания «Соединенных Штатов Европы».

Программа эта не нова: Черчилль заимствовал ее у Аристиды Бриана, который стремился использовать проект «Пан-Европы» в откровенно враждебных СССР целях. Черчилль стремился использовать ее в тех же целях, но при помощи американских империалистов и используя германских империалистов в интересах английских.

Вынужденный в результате выборов в 1945 г. уйти в отставку (выборы состоялись во время Потсдамской конференции), Черчилль отнюдь не сбавил своей политической активности. В Лондоне он стал поддерживать внешнюю политику нового правительства, взявшего курс на отказ от Потсдамских решений по германскому вопросу. В Фултоне он выступил с призывом к созданию англо-американского «Западного блока», направленного против Советского Союза. В Цюрихе он предложил, чтобы «Западный блок» использовал германскую реакцию и германский военный потенциал путем включения их в так называемые «Соединенные Штаты Европы». Так Черчилль взял на себя роль «спасителя Европы». Притворно он скорбел о «трагедии Европы», — трагедии, которую он усматривает не в страданиях народов, отдавших все свои силы борьбе против фашистской реакции и агрессии, а в том, что «среди побежденных царит мрачное молчание отчаяния». Он счел нужным пробудить надежду среди побежденных сил германского милитаризма путем привлечения их в лагерь держав «Западного блока», созданию которого он решил отдать свои незаурядные дипломатические способности и огромный политический опыт. «Первым шагом, — говорит он, — должно быть товарищество между Францией и Германией». Франции он предложил довольствоваться только «моральным руководством Европы». Политическое, экономическое, а главное военное руководство он предла

гает оставить в руках английского и американского империализма. Этот новый, предлагаемый им «Западный блок» должен иметь свой главный штаб, и Черчилль придумал ему невинное название: «Совет Европы». Деятельность этого штаба и всей проектируемой организации «Соединенных Штатов Европы» должна протекать, по словам Черчилля, «под защитой атомной бомбы».

Черчилль думал, что его угрозы кого-нибудь испугают. Но они никого не испугали. Излагая в Цюрихе свои планы, он сказал: «Я думаю, что то, что я хочу сказать, вас удивит». Но он никого не удивил: его цели довольно ясны. Предлагая свой реакционный план «Соединенных Штатов Европы», Черчилль, перефразируя известный парадокс Бернарда Шоу, заявил: «Должен ли единственный урок истории заключаться в том, что человечество ничему нельзя научить?»

Дело в том, что Черчилль действительно не хочет, чтобы «объединенная Германия играла господствующую роль в мире». Он хочет, чтобы эта роль была в руках англо-американских империалистов. Черчилль действительно не хочет, чтобы империалистская Германия в третий раз начала мировую войну против Англии в целях реванша. Он хочет, чтобы в будущем германская политика реванша была направлена на Восток. Наконец, он вообще не хочет, чтобы в Европе существовало единое германское государство. Он предлагает раздробить Германию, восстановить существовавшие до ее объединения «древние государства и княжества» или искусственно создать новые, затем соединить их в «федеральную систему» и заставить войти в «Западный блок». Что касается США и Англии, этих двух, по выражению Даллеса, «внеконтинентальных держав», то они, по плану Черчилля, должны стать «покровителями новой Европы». Таким образом, план «Соединенных Штатов Европы» — это план создания в Европе военно-политической комбинации, направленной против Советского Союза.

Понимая, что народы, боровшиеся против тирании гитлеровской Германии и накопившие огромный политический опыт в ходе второй мировой войны, могут вскоре распознать подлинные цели «Соединенных Штатов Европы», Черчилль явно торопится. «Может оказаться,— говорит он,— что осталось мало времени... Если мы хотим создать Соединенные Штаты Европы... то мы должны начать это сейчас... Если вначале,— заявляет он далее,— все государства Европы не пожелают или не будут в состоянии присоединиться к Союзу, то тем не менее нужно приступить к собиранию и объединению тех, кто этого захочет или кто сможет это сделать».

Но кто же захочет это сделать? Черчилль дал понять, что он прежде всего рассчитывает привлечь в свою хранину «Соединенных Штатов Европы» те германские «государства и княжества», которые давно исчезли с политической карты Европы. Английская дипломатия вместе с американской как будто собиралась возродить эти средневековые образования или заново их сфабриковать. Ясно, что эти призраки далекого прошлого, эти пережитки средневековых феодальных порядков, искусственно возвращенные к жизни в середине XX в., должны были выполнить свою роль в качестве плацдарма реакции против того могучего демократического движения, которым, в разной степени и в разных формах, охвачены европейские народы после второй мировой войны. Ясно также, что социальной и политической опорой федерации «древних германских государств и княжеств» могли быть те наиболее реакционные силы немецкого милитаризма и крупной монополистической буржуазии, которые породили германскую агрессию и развязали две мировые войны. Эти силы до крайней возможности и до последнего дня поддерживали гитлеровский режим и его планы «нового порядка в Европе», а затем они стали искать спасителей и покровителей в лагере англо-американской

реакции. Черчилль обещал им покровительство. Он заявил, что «нужно положить конец возмездию», и потребовал осуществить то, что «Гладстон называл „благословенным актом забвения“». Таким образом, силы германской реакции, милитаризма и реванша, подопечные американской и английской дипломатии, должны, по мысли Черчилля, выступить в роли основателей «Соединенных Штатов Европы». Поистине, согласно английской пословице,— подходящий человек на подходящем месте.

В своей пропаганде Черчилль тем более охотно тогда жонглировал старыми либеральными понятиями, что умел вкладывать в них новый, сугубо реакционный смысл. Он охотно пользовался демократической фразеологией, чтобы прикрыть империалистическую сущность своей политики и дипломатии.

Вскоре после выступлений Черчилля английские газеты сообщили, что в Англии уже создан «Британский комитет объединения Европы». Большая часть английской прессы постаралась скрыть, в каком направлении действуют и влияют реакционные приверженцы «федерализации Германии» и «Соединенных Штатов Европы». Но иностранная пресса в этом отношении более трезво и более откровенно раскрыла сущность вещей. Так, шведская газета «Stockholms Tidningen», комментируя агрессивные выступления Черчилля, писала: «Черчилль является первым государственным деятелем, который открыто высказал то, что думали многие консерваторы в лагере союзников: теперь надо поскорей простить и реабилитировать Германию, восстановить ее в материальном и в правовом отношении, для того чтобы присоединить такой ценный фактор к западноевропейской сфере мощи».

Если английская пресса в большей своей части комментировала позицию Черчилля сдержанно и, по понятным причинам, осторожно, то реакционная часть американской прессы стала поддерживать черчиллевские планы решения германской проблемы более энергично и откровенно. Впрочем, английская ультраконсервативная газета «Observer» также заявила, что «федерализация» может создать основу для осуществления новых, так называемых паневропейских планов, экономической базой которых должен стать Рурский бассейн. «Если Англия,— писала «Observer»,— которая теперь, совместно с США, ведет жизненно важным промышленным районом Западной Германии, присоединится к своему партнеру также и в решимости создать Объединенную Европу вокруг своего подопечного, это намерение будет укреплено».

Внимательные наблюдатели на Западе единодушно отмечали, что началом осуществления планов «федерализации» Германии является англо-американское так называемое двухзональное соглашение. Подписанное Бевином и Бирнсом в Нью-Йорке 2 декабря 1946 г., это соглашение вступило в силу с 1 января 1947 г.

4

Англо-американское соглашение предусматривало экономическое объединение американской и британской зон оккупации Германии. Оно ставило своей целью превращение этих зон в изолированную от остальной Германии экономическую и политическую единицу. В этих зонах сосредоточены главные центры германской промышленности. До войны здесь добывалось 75% каменного угля, 80% кокса, выплавлялось около 70% чугуна и почти 80% стали. Соглашение предусматривало ориентацию внешней торговли этих зон на Англию и США и совершенно обходило молчанием важный вопрос об уничтожении военно-промышленного потенциала Германии.

Многочисленные факты свидетельствуют о том, что экономическая политика английских оккупационных властей в Германии направлена на

сохранение высокого промышленного потенциала в своей зоне и прежде всего в Руре. Американский и английский капитал явно стремится к тому, чтобы усилить свое влияние в важнейших промышленных районах Германии, расположенных в западных зонах. Вслед за этим начались крупные инвестиции американских и английских капиталов в германскую промышленность, объединенную двухзональным соглашением. Одна из главных политических целей этого соглашения — желание спасти ключевые позиции крупного германского капитала. На многие командные посты в экономике английские военные власти поставили бывших «фюреров» военной промышленности гитлеровской Германии. Так, например, во главе «Северогерманской контрольной организации железа и стали» был поставлен Динкельбах, бывший член правления «Стального треста» — «Vereinigte Stahlwerke». На руководящих постах оказались бывший начальник отдела германского министерства военной промышленности Шликкер, его бывший заместитель Шерф и другие. То же самое можно сказать и о положении в американской зоне. Английские оккупационные власти заявили о плане «национализации» подведомственной им германской промышленности. Однако дальше обещаний дело не пошло. К тому же во главе всех предприятий фактически остались прежние хозяева — магнаты германского капитала, активно поддерживавшие Гитлера. «Угольный синдикат» («Reichs-Vereinigung Kohle») переименован в «Северогерманскую организацию по контролю над угольной промышленностью». Подобными мерами закончился первый этап объявленной «национализации».

Не удивительно, что, несмотря на проекты «национализации», крупные американские и английские дельцы спокойно, но энергично продолжали и продолжают скупать акции германских предприятий. По-видимому, они имеют основание не обращать внимания на разговоры о «национализации», тем более, что американские власти решили этот вопрос по-своему: они предпочитают концентрацию экономики в частных руках, считая это для себя более выгодным, удобным и более соответствующим их интересам. Английский министр по делам оккупации Хайнд посетил Германию и должен был завершить задуманную «национализацию» угольной и железорудной, сталелитейной и химической промышленности. Однако американские монополии воспротивились этому. Лейбористское правительство вынуждено согласиться с требованиями Уолл-стрита.

Восстанавливая мощь германской промышленности западных районов, англо-американские администраторы взяли курс и на раскол Германии.

В начале февраля 1946 г. в английской прессе появилось сообщение, что американские и английские власти совместно разработали план создания западногерманского государства, основой которого будет служить район, охватываемый объединенной английской и американской зоной. Ведутся переговоры о создании «политического директората» германских земель западных зон оккупации, а также о возможном создании правительства или его «зародыша» для этого западногерманского государства. Ясно, что по букве и по духу своему все это полностью противоречит решениям, принятым Потсдамской конференцией трех держав.

Не прошло и двух лет, как западные державы окончательно раскрыли свои карты в политической игре вокруг германской проблемы. В конце 1947 г. на сессии Совета министров иностранных дел в Лондоне советская делегация сделала попытку спасти согласованные в Потсдаме принципы решения германской проблемы. Сессия была сорвана, а тем самым окончательно был сорван и общий курс антигитлеровской коалиции на ликвидацию остатков нацизма и основ милитаризма

на всей немецкой земле. «Мы достигли конца пути: времени Ялты остались позади,— писала по этому поводу «New York Herald Tribune» (20 декабря 1947 г.) —...Раскол Германии развяжет нам руки и позволит включить Западную Германию в систему западных государств». Такова программа не только американской, но и английской дипломатии. Это программа реставрации германского империализма и милитаризма.

За последние сто лет Англия четыре раза покровительствовала агрессии прусско-германского милитаризма и дважды сама стала жертвой этой агрессии. Если она будет поддерживать германскую реакцию и впредь, она снова будет способствовать созданию очага военной опасности в Европе. Планы раскола Германии означают не только возвращение к традициям начала XIX в., но и возрождение самых худших и, как показал опыт истории, самых опасных традиций английской дипломатии, опасных не только для дела мира в Европе, но и для самой Англии. Будущий историк, к которому апеллировал Черчилль накануне второй мировой войны, будет иметь возможность приложить еще немало усилий, чтобы постигнуть тайну английской дипломатии, которая, несмотря на свой прославленный реализм и высокие профессиональные качества, при решении больших вопросов оказалась во власти старых политических концепций и традиций.

1947 г.

ИСТОРИЧЕСКАЯ АНОМАЛИЯ В ЦЕНТРЕ ЕВРОПЫ

Летом 1959 г., в течение нескольких недель, внимание мировой общественности было приковано к берегам Женевского озера. Там во Дворце наций и в резиденциях министров иностранных дел СССР, США, Великобритании и Франции происходили длительные и сложные переговоры по вопросам, решение которых означало бы урегулирование одной из наиболее актуальных и назревших проблем современности — ликвидации последствий второй мировой войны. Речь шла о заключении мирного договора с Германией, а также о ликвидации ненормального положения в Западном Берлине. На совещании министров иностранных дел держав — главных участников антигитлеровской коалиции участвовали также министр иностранных дел Германской Демократической Республики и представитель ФРГ¹.

Никто не может отрицать, что в наши дни вопрос о мирном договоре, а также вопрос о Западном Берлине порождены исторической аномалией. История нового и новейшего времени не знает случая, чтобы спустя многие годы после окончания войны изменения, вызванные этой войной, не были зафиксированы в виде мирного договора. Так, после франко-прусской войны 1870—1871 гг. мирный договор был заключен уже через несколько месяцев, а оккупация французских департаментов германскими войсками была прекращена через два с небольшим года. Даже Версальский мирный договор, продиктованный Германией западными державами, был подписан примерно спустя полгода после окончания военных действий, а затянувшаяся оккупация Рейнской области войсками западных держав все же закончилась раньше, чем это было предусмотрено.

Положение, создавшееся ныне, является не только беспрецедентным, но и крайне опасным: столь длительное отсутствие мирного договора с Германией и сохранение такого грубого пережитка военного периода, как оккупационный режим в Западном Берлине, отнюдь не способствуют мирной стабилизации международных отношений. Наоборот, эти факты нарушают нормальное развитие международных отношений, создают атмосферу крайней напряженности не только в Германии, но и в Европе и во всем мире, — атмосферу, в поддержании которой заинтересованы лишь вдохновители «холодной войны».

Реальность, созданная современной историей, такова: в послевоенной Германии сложились два самостоятельных и суверенных германских государства с различными общественно-экономическими и политическими системами, а подвергавшийся оккупации Западный Берлин превращен во «фронтный город» против Германской Демократической

¹ Министр иностранных дел ФРГ Брентано находился в Женеве, но демонстративно не появлялся во Дворце наций.

Республики, на территории которой он расположен. Германские государства развиваются по различным путям: в то время как Германская Демократическая Республика, в которой осуществлены Потсдамские решения, устранила экономические, политические и идеологические основы германского милитаризма, Федеративная Республика Германии пошла по пути восстановления агрессивного милитаризма, который становится особенно опасным потому, что стремится получить в свои руки атомное и ракетное оружие.

Главным условием устранения исторической аномалии является нормализация отношений между обоими германскими государствами. Эта нормализация способствовала бы заключению германского мирного договора. И наоборот, мирный договор способствовал бы нормализации этих отношений.

Можно вести дискуссию по тому или иному пункту проекта мирного договора с Германией, представленного Советским Союзом, можно обсуждать вопрос о том, насколько реален тот или иной срок ликвидации оккупационного режима в Западном Берлине, но нельзя отрицать огромного значения инициативы Советского Союза, отвечающей настоятельной необходимости мирного решения германской проблемы. По сути дела, это вынуждены признать и западные державы,— ибо как иначе объяснить тот факт, что они согласились принять участие в Женевском совещании?

Несмотря на все усилия сторонников «холодной войны» мировое общественное мнение проявило огромный интерес к инициативе Советского Союза, понимая всю важность выдвинутых им проблем. Шумная кампания, поднятая в Западной Германии, а также в США и некоторых других странах реакционной прессой, утверждающей, будто эта мирная инициатива являлась «вызовом», «угрозой» или «ультиматумом», не достигла целей, которые она преследовала. А эти цели были таковы: задуть идею созыва совещания министров иностранных дел, не допустить попыток решения спорных вопросов путем переговоров.

Но идея необходимости переговоров между Западом и Востоком, овладев массами во всех странах, на всех континентах, стала такой внушительной силой, что даже ее противники не могут не считаться с ней. С другой стороны, политическая концепция «холодной войны» столь явно обнаружила свою несостоятельность, что даже Джон Фостер Даллес, главный ее идеолог, в последний период своей жизни понял, что некоторые крупные ее элементы нуждаются в пересмотре.

Было бы слишком оптимистично утверждать, что этот пересмотр начался в Женеве и дал большие результаты. Однако нельзя отрицать и того, что понимание необходимости пересмотра этой политики, в соответствии с огромными изменениями, происходящими в соотношении сил на мировой арене, начинает пробивать себе дорогу. Женевское совещание и есть одно из проявлений этого факта.

Нельзя, однако, не учесть и того, что сторонники милитаризма и политики реванша в Западной Германии стремятся консолидировать свои силы. После смерти Даллеса бундесканцлер Аденауэр стал открыто претендовать на роль главного идеолога и вдохновителя политики «холодной войны» во всем лагере Североатлантического пакта, и малейший отход одной из западных держав от политики «с позиции силы» в сторону политики с позиции разума он готов заклеить как измену «свободному миру». Так, в связи с поездкой британского премьер-министра Макмиллана в Советский Союз и его готовностью вступить в переговоры с СССР в целях решения спорных вопросов, Аденауэр разразился столь открытыми и грубыми нападками на политику Англии, какие могут идти в сравнение только с нападками на «коварный Альбион», которые разрешали себе Вильгельм II и Гитлер.

Крайнее неудовольствие в боннских правящих кругах вызвали и результаты Женевского совещания, на котором, несмотря на все усилия Аденауэра и Брентано, был достигнут некоторый сдвиг.

Английская пресса была вынуждена спокойно напомнить, что претензии Аденауэра на руководящую роль среди западных держав вовсе не отвечают его реальному положению не только в западном мире, но и в самой Западной Германии; как справедливо писала 24 июня 1959 г. газета «Scotsman», «жесткая позиция Аденауэра сейчас далеко не повсеместно разделяется в его собственной стране и даже в его собственной партии». Хотя его позиция в основном поддерживалась руководящими кругами некоторых западных держав, эти круги должны были согласиться на проведение совещания министров иностранных дел в Женеве. Таким образом, идея решения спорных вопросов путем переговоров между Западом и Востоком одержала свою первую победу.

Факты, однако, показали, что сторонники «холодной войны» вовсе не сложили оружия. Сначала они потратили огромные усилия, чтобы не допустить совещания в Женеве; они были убеждены, что таким образом забаррикадируют и путь к разрядке международной напряженности. Когда же стало ясно, что предотвратить Женевское совещание им не удастся, они удвоили свои усилия, чтобы его сорвать.

Уже в день открытия совещания пущенная в ход фабрика сенсаций пыталась убедить мир, что в связи с возникшими трудностями по процедурным вопросам (о размещении в зале заседаний делегаций двух германских государств — ГДР и ФРГ) министры разьедутся раньше, чем сядут за стол. Впоследствии оказалось, что эти трудности носили искусственный характер и что их удалось быстро разрешить вопреки желаниям тех, кто стремился торпедировать совещание министров.

Даже в техническом аппарате совещания оказались люди, которые, по-видимому, усматривали свои функции не в том, чтобы обеспечить его нормальную работу, а в том, чтобы создать помехи: эти люди пытались сделать все возможное, чтобы с изысканной вежливостью помешать делегации ГДР прибыть в зал заседаний к началу работы совещания. Они не учли одного нового и немаловажного обстоятельства: правительства четырех держав заранее договорились о равноправном участии в совещании обоих германских государств, и, следовательно, без участия делегации ГДР совещание не могло бы даже приступить к работе.

Но и в ходе работ совещания, как на первом его этапе, так и на втором, как в зале заседаний, так и за его стенами, было приложено немало усилий, чтобы увести совещание от основных его задач, блокировать рассмотрение этих задач, завести совещание в тупик и, таким образом, скомпрометировать в глазах мирового общественного мнения самую идею переговоров как основного метода решения спорных вопросов. Однако уже первые попытки в этом направлении вызвали обратную реакцию: Женева стала центром паломничества многих сотен делегаций и центром притяжения многих тысяч петиций, содержавших требование скорейшего заключения мирного договора с Германией и согласованного решения западноберлинской проблемы.

В течение всего периода работы совещания Женева представляла собой арену борьбы между силами, стремившимися обеспечить успешный ход переговоров, и силами, стремившимися к их срыву. Западные державы, их дипломатия и их пресса не раз пытались создать впечатление, будто переговоры бесперспективны, будто между позицией Советского Союза и ГДР, с одной стороны, и их собственной позицией — с другой, лежит глубокая пропасть, через которую нельзя перебросить мост ввиду того, что советская делегация проявляет «упорство», а ее политика якобы «лишена гибкости». Но по-русски это называется — свалить с больной головы на здоровую.

В самом деле, уже на первоначальном этапе переговоров западные державы поспешили противопоставить советскому проекту мирного договора свой собственный «пакет» — так называемый комплексный план решения германского вопроса. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что план полностью игнорирует исторический факт существования двух самостоятельных и суверенных германских государств и предусматривает вмешательство четырех держав во внутренние дела немецкого народа. Столь широко разрекламированный «комплексный план» оказался настолько нереальным, что даже его авторы, вынуженные из «пакета» то, что относилось к вопросу о статусе Западного Берлина, остальное отодвинули на задний план. Предложения же по этому вопросу, по сути дела, сводились к увековечению оккупационного режима в Западном Берлине. Это означало, следовательно, уход от решения тех вопросов, которые являлись основным предметом рассмотрения.

Более того, не раз в ходе совещания западные державы заявляли, что они готовы прервать работу, если Советский Союз не откажется от тех или иных внесенных предложений. Иностранная пресса сообщала, что западногерманские круги стремятся спровоцировать окончательный разрыв. Она сообщала также, что к концу первой фазы совещания государственный секретарь США Гертер заявил, что он приказал приготовить самолет на тот случай, если советская делегация не откажется от своих предложений.

Истории дипломатии знаком такой метод давления. Еще в 1878 г. на Берлинском конгрессе он был применен британским премьером Дизраэли в отношении престарелого канцлера Горчакова: Дизраэли заявил тогда, что его поезд уже стоит под парами. Но с тех пор многое в мире изменилось, и то, что некогда могло произвести впечатление, теперь воспринимается просто как анахронизм...

В этих условиях советская делегация, несмотря на все препятствия и нагромождения, искусственно создаваемые некоторыми западными кругами, упорно и последовательно стремилась достигнуть цели — согласованного решения о мирном договоре с Германией и о ликвидации в определенный срок оккупационного режима в Западном Берлине. В частности, она предлагала превратить Западный Берлин, расположенный в самом сердце Германской Демократической Республики, в вольный город при сохранении создавшегося там общественного устройства и свободных связей как с Востоком, так и с Западом, под контролем четырех держав — США, СССР, Англии и Франции. Поставив перед собою цель — устранить столь опасную историческую аномалию в Центральной Европе, — Советский Союз исходит из того, что это соответствует интересам мирного развития народов, в том числе и немецкого народа.

В конце концов, и западные державы, которые первоначально заняли отрицательную позицию по отношению к советскому предложению заключить мирный договор с Германией, были вынуждены признать целесообразность переговоров. Им не удалось, таким образом, похоронить этот вопрос.

Правда, западные державы пока еще не пошли дальше признания значения мирного договора с Германией. Однако Советский Союз и вместе с ним все миролюбивые силы проявили решимость положить конец нынешнему ненормальному состоянию.

Советское правительство считало, что наиболее реальным и эффективным путем к устранению этого ненормального состояния было бы подписание договора с обоими существующими германскими государствами, если не будет достигнуто объединение Германии путем создания конфедерации этих государств. Представив свой проект мирного договора, оно стремилось только к одной цели — подвести черту под второй мировой войной и, тем самым укрепив мир и безопасность в центре Евро-

пы, добиться разрядки напряженности в одном из самых невралгических центров международных отношений.

Советская делегация на Женевском совещании показала, что она ищет путей, которые были бы приемлемы для всех участников совещания. В ходе работы она выдвигала новые и новые конструктивные предложения, направленные на решение основных задач, разъясняла свои позиции и всегда проявляла готовность, не жертвуя основными принципами, по-деловому рассмотреть и всякие другие предложения, от кого бы они ни исходили.

Таковы, в частности, были предложения, внесенные советской делегацией, по вопросу о Западном Берлине. Учитывая, что западные державы еще не готовы к ликвидации оккупационного режима в Западном Берлине, и идя навстречу ряду пожеланий западных держав, советская делегация предложила заключить соглашение о временном статуте Западного Берлина. Как отметил глава советской делегации А. А. Громыко, это соглашение включало бы договоренность по следующим вопросам: о сокращении вооруженных сил и вооружений трех западных держав в Западном Берлине до символических размеров; о прекращении подрывной и враждебной пропагандистской деятельности из Западного Берлина против ГДР и других социалистических стран; о неразмещении в Западном Берлине атомного и ракетного оружия.

В связи с тем, что представители западных держав проявляли озабоченность относительно доступа в Западный Берлин, Советское правительство, по согласованию с правительством ГДР, заявило, что на период действия временного соглашения связи Западного Берлина с внешним миром будут сохранены в том же виде, в каком они существуют в настоящее время.

Конечно, временный статут Западного Берлина не может быть увечен. Его действие, согласно советским предложениям, следовало бы ограничить определенным согласованным сроком.

Существует внутренняя взаимосвязь между вопросами о временном соглашении по Западному Берлину и о переговорах между двумя германскими государствами. В течение срока действия соглашения общегерманский комитет или какой-либо другой орган, созданный из представителей ГДР и ФРГ, мог бы разработать необходимые мероприятия по развитию контактов между обоими германскими государствами, а также рассмотреть вопросы, связанные с подготовкой и заключением мирного договора и с объединением Германии. Если в течение указанного срока в результате работы общегерманского комитета или переговоров между ГДР и ФРГ в иной приемлемой для них форме представилась бы возможность заключения мирного договора с Германией, то тем самым был бы окончательно решен и вопрос о Западном Берлине. Если же ГДР и ФРГ, ввиду упорного отказа ФРГ содействовать сближению между двумя германскими государствами, не смогут прийти к соглашению, то участники Женевского совещания могли бы вновь вернуться к рассмотрению вопроса о статуте Западного Берлина.

Таков в общих чертах был смысл советского предложения. Именно благодаря доброй воле Советского правительства Женевское совещание и не оказалось совершенно бесплодным, как этого хотели бы враги смятения международной напряженности.

Правда, западные державы, судя по многим признакам, хотели бы ограничить переговоры только временным соглашением по Западному Берлину и не ставить вопроса о переговорах между ГДР и ФРГ. Тем не менее обмен мнениями относительно переговоров между двумя германскими государствами не был безрезультатным. Западные державы фактически признали необходимость таких переговоров по вопросам, связанным с подготовкой и заключением мирного договора с Германией, обсуждением и разработкой конкретных мероприятий по объединению

страны и развитию контактов. Конечно, такие переговоры мыслимы только как переговоры двух суверенных государств, без какого-либо контроля со стороны, без какой бы то ни было опеки четырех держав.

Когда в работе Женевского совещания наступил перерыв, инициаторами которого были западные державы, реакционная пресса в ряде западных стран стала утверждать, что будто женевские переговоры вообще бессмысленны и лишены всяких перспектив. «Весь мир будет подавлен этим результатом», — писала «Washington Post» 20 июня 1959 г. Втайне злорадствуя, сторонники «холодной войны» оценивали итоги Женевского совещания министров в самых пессимистических тонах. Тем самым они выдавали себя с головой.

Было бы, конечно, чудом, если бы после многих лет «холодной войны», создавшей обстановку большого недоверия, крайней отчужденности и враждебности между Востоком и Западом, стороны смогли бы в течение нескольких дней или недель сразу достигнуть соглашения по наиболее острым и важным вопросам, оставшимся нерешенными после окончания войны. За истекшие годы эти вопросы настолько осложнились, вокруг них накопилось столько наслоений, что в совокупности они представляют собой, можно сказать, Gordiev узел современных международных отношений в Европе. Если бы западные державы приняли советский проект мирного договора с Германией, это означало бы, что Gordiev узел, охватывающий и проблему Западного Берлина, был наконец общими усилиями разрублен.

В 1919 г., когда западные державы подводили итоги первой мировой войны, они навязали Германии Версальский мирный договор в качестве диктата. Советский Союз не несет никакой ответственности за этот договор, который, будучи грабительским, не поставил решительных преград возрождению германского милитаризма. Стремясь подвести черту после второй мировой войны, Советский Союз предложил обсудить проект такого мирного договора с Германией, который должен определить не милитаристское, а мирное развитие Германии, что соответствует интересам всех народов, в том числе и немецкого народа. Советский проект, следовательно, ничего общего с диктатом не имеет, и тот факт, что для обсуждения выдвинутого Советским Союзом вопроса было создано в Женеве совещание министров, сам по себе является весьма знаменательным. На этом совещании были сделаны серьезные попытки сблизить позиции государств по важнейшим проблемам международного положения. Работа протекала в деловой обстановке, в условиях откровенного обмена мнениями, чему оказались не в силах воспрепятствовать враги переговоров.

Первостепенную важность имело то, что в соответствии с реальной обстановкой в зале Женевского совещания находились представители обоих существующих германских государств — ГДР и ФРГ, каждое из которых свободно, не испытывая никакого диктата, принимало участие в работе совещания. Тот факт, что ГДР была представлена министром иностранных дел Л. Большом, в то время как министр иностранных дел ФРГ Брентано предпочел действовать закулисно, выдвинув вместо себя бывшего деятеля нацистской партии Гreve, практически значения не имеет: это трагикомическое зрелище только иллюстрирует положение дел в Западной Германии. Но совещание показало, что претензии боннского правительства на исключительное право говорить от имени всей Германии не имеют никаких оснований.

С другой стороны, совещание открыло перед немецким народом реальную возможность в решении общегерманского вопроса. Если эта возможность не была использована, то за это несут ответственность в первую очередь правящие круги ФРГ, препятствующие воссоединению и подготовке мирного договора с Германией.

Обстоятельное и откровенное обсуждение помогло внести ясность во многие аспекты рассматриваемых проблем, дало возможность более определенно выявить позиции сторон, а в ряде вопросов и сблизить их. Все это имеет большую ценность и существенно облегчает дальнейшее рассмотрение и решение неурегулированных вопросов. Конечно, было бы неправильным не учитывать того, что остались еще значительные разногласия, в том числе по самым главным вопросам — о мирном договоре с Германией и прямых переговорах между двумя германскими государствами относительно их сближения. Но это должно только еще более обязывать государства, представленные в Женеве, умножить усилия для нахождения взаимоприемлемых решений.

К концу совещания в Женеве нельзя было не видеть, что определенные круги на Западе будут и впредь пытаться препятствовать урегулированию германской проблемы. При этом они хотели бы обвинить Советский Союз в том, будто «задача дальнего прицела», которую он преследует, — это сохранение раскола Германии. Но так говорить — это значит, употребляя выражение государственного секретаря США Гертера, «говорить шиворот-навыворот». В самом деле, если иметь в виду «задачу дальнего прицела», то в современных условиях только мирный договор и общегерманский комитет, созданный на паритетных и равноправных началах, могут способствовать сближению обоих германских государств на пути к их объединению, на пути к созданию единой миролюбивой демократической Германии.

Советский Союз всегда выступал против раздела или раскола Германии. Но, основываясь на историческом опыте, Советский Союз считает, что проблема объединения была, есть и будет внутренней проблемой самого немецкого народа. Всякое же вмешательство иностранных держав в решение этой проблемы — вспомним только попытки Наполеона III в XIX в. или попытки Пуанкаре в XX в. — ни к чему доброму привести не может.

С другой стороны, нельзя не учитывать и то обстоятельство, что в прошлом единство Германии вовсе не устраняло угрозу всеобщему миру: кайзеровская Германия, начав первую мировую войну, и гитлеровская Германия, начав вторую мировую войну, были едиными государствами. Они не страдали от раскола, а, стремясь к захвату и разделу других стран, сами заставили весь мир испытать неслыханные страдания.

Таким образом, угрозу всеобщему миру представляет не факт существования на территории Германии двух самостоятельных государств, а факт возрождения агрессивного германского милитаризма, ныне снова поднявшего голову в Западной Германии.

Этим мы вовсе не хотим сказать, что создавшееся ныне в Германии положение в виде существования двух государств должно быть вечным. Наоборот, именно учитывая коренные национальные интересы немецкого народа, Советский Союз выступает за сближение обоих германских государств и создание общегерманского комитета или другого аналогичного органа, считая, что это было бы первым реальным шагом на пути к решению проблемы объединения Германии руками самих немцев — и только немцев.

Со своей стороны, западные державы до сих пор никакого конструктивного плана решения вопроса не предложили, ибо международную проблему мирного урегулирования с Германией, как и общую проблему объединения Германии в современных условиях, они рассматривают только как составную часть агрессивных военно-политических планов НАТО. Западные державы, как писала в дни Женевского совещания шведская газета «Stockholms Tidningen», ни разу не выдвинули предложения о создании объединенной Германии, независимой ни от

Атлантического пакта, ни от Варшавского договора, ибо это нарушило бы все их экономические, политические и военные планы: «Ведь Западная Германия представляет собой один из опорных столбов как Североатлантического пакта, так и союза шести государств».

Наибольшую активность, направленную на срыв мирного урегулирования, проявляют те политические деятели ФРГ, которые, не сумев — это и невозможно было! — предотвратить совещание министров и не сумев сорвать его работу, решили, что можно все-таки воспрепятствовать успеху переговоров. В Западном Берлине и в ряде городов Западной Германии были проведены крупные реваншистские слеты, на которых Аденауэр, Штраус и другие представители западногерманского правительства метали громы и молнии по адресу Женевского совещания, недвусмысленно давая понять, что объединение Германии они мыслят только как милитаристское поглощение Германской Демократической Республики. Немало реваншистских угроз раздавалось и по адресу Польши, Чехословакии и других социалистических стран.

Огромную активность, направленную на срыв совещания, проявил и обер-бургомистр Западного Берлина Брандт, который требовал укрепления оккупационного режима в Западном Берлине, усиления враждебной пропаганды против ГДР и других стран социалистического лагеря, полного хозяйничанья на территории ГДР, лежащей между Западным Берлином и Западной Германией. Если бы требовались дополнительные доказательства опасности, угрожающей из Западного Берлина, то речи, произнесенные тогда Брандтом, могли бы быть ее подтверждением.

Но Аденауэр и другие сторонники «холодной войны» не учли силы мирового общественного мнения, которое требует продолжения переговоров и дальнейшего делового рассмотрения проблем. Эти требования побудили, в частности, ряд крупных буржуазных газет, в некоторых случаях изменив свою позицию, высказываться против того, чтобы правительства слепо выполняли волю сторонников «холодной войны» типа Аденауэра. «Известная оппозиция Аденауэра... — писала, например, „New York Post“, — возможно, служит его собственным политическим целям. Однако это не значит, что она непременно служит целям Запада». Высказываясь далее против «раблепного поклонения стране, которая принесла столько ужасов XX веку», газета заключила: «Мы должны настаивать на том, чтобы все пути к урегулированию в Европе были исследованы столько раз и так настойчиво, как это только возможно, на всех уровнях».

Совещание министров иностранных дел в Женеве засвидетельствовало то, что ощущает сейчас каждый человек, следящий за развитием международных отношений: не только политический климат, но и соотношение сил и вся реальная обстановка таковы, что переговоры должны быть единственным способом решения неурегулированных и спорных вопросов.

Женевское совещание со всей очевидностью подтвердило, что договоренность о мирном договоре с Германией и на этой основе решение вопроса о Западном Берлине, — таков путь, который подвел бы черту под второй мировой войной. Совещание показало, что этого можно достигнуть — разумеется, если есть желание. А не проявить такого желания — значит поддерживать реваншистские силы германского милитаризма и стремиться к тому, чтобы сохранить опасность неожиданного взрыва.

Именно в предвидении этой опасности и стремясь ее предотвратить, Германская Демократическая Республика, при поддержке других государств — участников Варшавского договора, 13 августа 1961 г. осуществила ряд оборонительных мероприятий, имеющих целью укрепление государственной границы как в Берлине, где граница до того време-

ни была открыта, так и на протяжении всей территориальной полосы, к которой примыкает восточная граница Федеративной Республики Германии. В сложившихся условиях эти мероприятия носили вынужденный характер. Если бы конференция в Женеве завершилась подписанием германского мирного договора и на этой основе был бы решен вопрос о Западном Берлине или если бы западные державы, и прежде всего ФРГ, проявили хотя бы готовность сделать шаг вперед, чтобы устранить историческую аномалию, сложившуюся в центре Европы, возможно, ГДР не была бы вынуждена осуществлять новые мероприятия по укреплению своих западных границ. Ведь перспектива мирного урегулирования открыла бы и возможность сближения двух германских государств в форме конфедерации или какой-либо другой форме, приемлемой для обоих государств, имеющих различные социально-экономические системы. Но как раз эта перспектива и испугала милитаристские круги Западной Германии.

После того как Женевское совещание закончило свою работу, эти круги решили использовать обстановку, чтобы заранее торпедировать всякую возможность мирного урегулирования германского вопроса. Вот почему их усилия были направлены не к тому, чтобы искать путей сближения с ГДР, и не к тому, чтобы разработать конструктивные предложения, которые могли бы быть вкладом в германское мирное урегулирование.

Наоборот, демонстративно игнорируя все предложения ГДР, даже не давая себе труда их деловым образом рассмотреть, правящие круги Западной Германии подняли новую волну реваншизма в надежде, что их политика «холодной войны» в Европе создаст во всем мире атмосферу крайней напряженности, при которой они смогут, опираясь на НАТО, действовать безнаказанно. В этих условиях оборонительные мероприятия ГДР, осуществленные 13 августа 1961 г., оказались для них ударом неожиданным и опрокинувшим их расчеты. Раньше они надеялись, что настанет день — «день Икс», когда накаленная международная обстановка позволит им перебросить через открытую границу в Берлине большие группы людей с целью инсценировать путч, который можно будет использовать в качестве предлога для милитаристской аннексии ГДР. И вот этот опасный, авантюристский план, который разрабатывался на протяжении почти десяти лет, оказался разрушенным в течение одной ночи, и нет той силы, которая могла бы его восстановить и, тем более, осуществить.

Реакция на оборонительные мероприятия ГДР в Западной Германии была схожей с шоком. Правящие круги сначала растерялись. Ганс Церер, главный редактор самой крупной западногерманской газеты «Die Welt», издаваемой концерном Шпрингера, в те дни писал: «Вопрос стоит так: что должно случиться?» Наиболее агрессивные милитаристско-реваншистские и неофашистские круги, идеологическим знаменем которых являются «Deutsche Soldatenzeitung» или «Nation Europa», выдвинули провокационные требования: «Бундесвер еще 13 августа — на Берлин!» или «Официальное включение Западного Берлина в Федеративную Республику». Это были явно провокационные требования, осуществление которых тотчас же поставило бы Европу на грань войны. Убедившись, что боннское правительство практически не в состоянии сорвать оборонительные мероприятия ГДР, западногерманские «ультра» стали подвергать критике действия Бонна, считая их равносильными бездействию. Но главные упреки были направлены против НАТО и в особенности против США. М. Фрейнд, реакционный историк и публицист, как бы скрежеща зубами, спустя несколько дней писал: «Действовать теперь уже поздно: в воскресенье (т. е. 13 августа.— А. Е.) до восхода солнца это было еще возможно. В будущем подобные утра Запад

не должен больше просыпаться»². Это звучало, как угроза, которую крайние «ультра» уже совсем недвусмысленно выразили в следующих словах: «Если Запад предаст Берлин, то Германия может отвернуться от Запада»³.

Правящие круги Западной Германии отнюдь не препятствовали той кампании, которую «ультра» подняли не только против ГДР, но и против западных партнеров ФРГ. Эта кампания была им выгодна по двум мотивам: во-первых, она прикрывала провал политики правящих кругов германского империализма и милитаризма в отношении Германской Демократической Республики, а во-вторых, она предоставляла этим кругам возможность дополнительного давления на западные державы с целью получения доступа к атомному оружию. И действительно, милитаристские круги ФРГ и их дипломатия поставили вопрос об атомном вооружении бундесвера как первоочередной вопрос, к которому стягиваются все нити их усилий в области политики и идеологии.

Устранив открытую границу в Берлине, являвшуюся пережитком оккупационного режима, установленного державами антигитлеровской коалиции после крушения «третьей империи», Германская Демократическая Республика действовала в интересах не только укрепления своего суверенитета, но и международной безопасности. В самом деле, нетрудно себе представить, каковы были бы последствия, если бы в разгар Карибского кризиса, когда мир находился на волоске от войны, реваншистские элементы, сосредоточенные в Западном Берлине, проникли через Бранденбургские ворота, чтобы устроить военную провокацию в столице Германской Демократической Республики. Своими решительными действиями ГДР ослабила эту опасную возможность, но полностью устранить ее могло бы только мирное урегулирование германской проблемы в целом. Когда кризис миновал, западная печать сообщала, что миллионы европейцев были охвачены тревогой, опасаясь, что кризис в Карибском море повлечет за собой опасный международный кризис в связи с нерешенностью германского вопроса.

После того как Германская Демократическая Республика 13 августа 1961 г. осуществила оборонительные мероприятия в Берлине, в некоторых политических кругах Западной Германии, Западной Европы и США стали раздаваться голоса, утверждающие, что эти мероприятия вообще сняли вопрос о германском мирном договоре. Единственным мотивом этих утверждений может быть только стремление уйти от решения основной проблемы современности, выдвинутой послевоенным развитием международных отношений в Европе. Конечно, мероприятия 13 августа 1961 г. внесли существенный корректив в общее положение, сложившееся между двумя германскими государствами. Но они не устранили историческую аномалию, которая отягощает международные отношения в Европе и препятствует их развитию на пути к мирному сосуществованию государств с различными социально-экономическими системами. Проект мирного договора с обоими германскими государствами и решение на его основе вопроса о Западном Берлине — это не тактический маневр, предпринятый с целью оправдать меры по укреплению границ ГДР; в его основе лежит глубоко продуманная концепция, осуществление которой преследует только одну цель: укрепление международной безопасности в центре Европы, — в одном из наиболее невралгических пунктов мировой политики.

В самом деле, заключение германского мирного договора даже теперь, спустя почти двадцать лет после окончания второй мировой вой-

² «Frankfurter Allgemeine Zeitung», 19 августа 1961 г.

³ «Deutsche Soldatenzeitung», 1 сентября 1961 г.

ны, внесло бы необходимую стабильность в международные отношения, которая особенно необходима в наш атомный век. Этот договор, исходящий из признания существующего положения вещей, как они сложились в Европе в результате и после второй мировой войны, практически не нанес бы ущерба ни одному из государств — его участников. Но зато он принес бы осязаемые выгоды всем, — и притом не только его участникам. Фиксируя уже давно установленные границы, он затушил бы неоправданные реваншистские претензии милитаристских кругов Западной Германии и тем самым устранил очаг военной опасности, все еще тлеющий в центре Европы и угрожающий вызвать не только локальные военные столкновения между двумя германскими государствами, но и атомную катастрофу, в которую неизбежно будет вовлечен весь мир.

С другой стороны, заключение германского мирного договора означало бы признание принципа мирного сосуществования между двумя германскими государствами, что, как указывалось выше, открыло бы реальную перспективу для сближения этих государств в общих национальных интересах немецкого народа. В этих условиях Западный Берлин, который в течение всего послевоенного периода был и, к сожалению, до сих пор остается военной базой НАТО, «фронтовым городом», отравляющим политическую атмосферу во всей Европе, мог бы стать центром международных контактов и внести свой вклад в оздоровление этой атмосферы.

Мирное германское урегулирование, несомненно, открыло бы и другие благоприятные возможности и перспективы. Федеративная Республика Германии, которая, придерживаясь реваншистского курса, обрекла себя на самоизоляцию от государств Восточной Европы, могла бы вступить на путь нормализации отношений с этими государствами на основе взаимного признания и взаимных экономических выгод. В то же время западные капиталистические государства, нормализовав свои отношения с Германской Демократической Республикой, уже признанной *de facto* и *de jure* многими государствами Европы, Азии и Африки, смогли бы также развивать с ней свои отношения на взаимовыгодной основе. Устранение исторической аномалии в центре Европы способствовало бы и общей разрядке международной напряженности в мире, быстрейшему затуханию «холодной войны». Это, в свою очередь, создало бы реальные предпосылки для вывода иностранных войск, с одной стороны, с территории ФРГ, а с другой, с территории ГДР; далее это содействовало бы решению вопроса о возможности одновременного выхода каждого из германских государств из военных группировок, к которым они принадлежат; наконец, был бы расчищен путь для создания на территории этих государств безатомной зоны. Такова перспектива, которая открылась бы во второй половине XX в. перед старой, не раз истерзанной Европой, которая впервые за многие столетия превратилась бы в оплот мира. Можно ли отказаться от столь благоприятной и притом реальной возможности, которую таит в себе современная история? Есть поэтому что-то закономерное в том, что инициатором в постановке проблемы германского мирного урегулирования выступил Советский Союз и другие социалистические страны Европы.

Когда политика «холодной войны», раздуваемая наиболее реакционными и агрессивными силами на Западе, стала обнаруживать свою бесперспективность и президент США Кеннеди уяснил себе, что единственной альтернативой атомной войны может быть путь переговоров на основе равноправия, проблема германского мирного урегулирования стала предметом советско-американского обмена мнениями. Начавшись в Нью-Йорке в сентябре 1961 г., переговоры затем продолжались в Москве, Женеве и Вашингтоне. В ходе обмена мнениями были затронуты важ-

нейшие аспекты мирного урегулирования, и прежде всего вопрос о нормализации положения в Западном Берлине, о закреплении существующих германских границ, а тем самым об уважении государственного суверенитета ГДР. Большое место в обмене мнениями занимали важные вопросы, касающиеся невооружения обоих германских государств ядерным оружием и возможности заключения пакта о ненападении между НАТО и организацией Варшавского договора. Словом, казалось бы, лед тронулся и политический климат «холодной войны» стал меняться в лучшую сторону.

Но о словах следует судить по делам, а о делах — по их результатам. В общественном мнении западных держав наметился явный сдвиг, благоприятствующий течению переговоров. В прессе было высказано немало конструктивных предложений и о мирном урегулировании германской проблемы, и о путях столь назревшей и необходимой разрядки международных отношений. Каждое из этих предложений заслуживало специального рассмотрения, но в США и в особенности в Западной Германии имеется немало влиятельных кругов, которые прилагают большие усилия, чтобы льдины «холодной войны» не растапливались согревающим ветром истории, а, наоборот, нагромождались одна на другую и препятствовали тому, чтобы идея мирного сосуществования восторжествовала в международных отношениях. Стремясь скомпрометировать эту идею, один из влиятельных органов западногерманской печати журнал «Die Aussenpolitik» даже пытался доказать, будто эта идея является одной из форм «холодной войны», проводимой Советским Союзом. В таком случае возникает вопрос, почему сами сторонники «холодной войны» на Западе так упорно отказываются от того, чтобы воспользоваться ею?

Как бы то ни было, реакционные силы на Западе прилагали огромные усилия, чтобы помешать или даже вовсе сорвать нормальное течение советско-американских переговоров, которые могли бы, в конце концов, привести к устранению исторической аномалии в центре Европы. В ходе обмена мнениями не раз намечалась возможность сближения позиций по некоторым конкретным вопросам. Так, в конце ноября 1961 г. президент Кеннеди, которому нельзя было отказать ни в широте взглядов, ни в чувстве реализма, столь важном в нашем быстро меняющемся мире, проявил определенный интерес к вопросу о создании международного органа, который мог бы обеспечить свободный доступ в Западный Берлин. В то время как ФРГ противилась каждому шагу американской дипломатии, если он открывал перспективу продвижения вперед на пути к решению основного вопроса, ГДР обнаружила готовность пойти навстречу пожеланиям США, поскольку в них можно было усмотреть зерно конструктивных и взаимоприемлемых решений. В Берлине было объявлено, что ГДР согласна на создание международного органа, который являлся бы арбитром при решении спорных положений, могущих возникнуть на практике, но, конечно, этот орган не может обладать административными функциями и правом вмешательства во внутренние дела ГДР. Поскольку это право является неотъемлемой частью суверенитета всякого государства, оно, собственно говоря, неоспоримо. Что касается согласия на создание международного органа с функциями арбитра, то оно не может не рассматриваться как проявление доброй воли.

Когда выяснилось, что американская сторона решила придать этому органу такие функции, которые давали бы ему право нарушения суверенитета ГДР, вопрос в целом повис в воздухе. В то же время западные державы сделали попытку еще более грубого нарушения суверенитета ГДР, предложив распространить статут и на демократический Берлин путем подчинения всего Берлина сфере деятельности комендантов четырех держав антигитлеровской коалиции — США, СССР, Великобрита-

нии и Франции. Но межсоюзническая комендатура в Берлине,— орган оккупационного режима,— прекратила свое существование еще в 1948 г.; к тому же упразднение комендатуры советского гарнизона в Берлине (22 августа 1962 г.) выявило полную несостоятельность расчетов западных держав использовать СССР в целях ущемления суверенитета ГДР, и притом,— ни много, ни мало,— в его столице. Задача заключается отнюдь не в том, чтобы распространить оккупационный статут на демократический Берлин, а в том, чтобы ликвидировать этот статут — наследие войны — и в Западном Берлине.

Советско-американский обмен мнениями продолжался, но каждый раз, когда возникала надежда на взаимопонимание по тому или иному конкретному вопросу, силы, заинтересованные в замораживании переговоров, оказывали новое давление на американскую сторону. Правда, уже в ходе обмена мнениями американская дипломатия выверяла свои шаги и в Совете НАТО, и в специальной рабочей группе, созданной в Вашингтоне из представителей США, Великобритании, Франции и ФРГ. Тем не менее за кулисами дипломатии развернулись драматические коллизии и столкновения. Если позиция Великобритании в общем совпадала с позицией США, то участники «оси Бонн — Париж» явно стремились сорвать и без того трудные переговоры между США и СССР о возможностях решения проблемы германского мирного урегулирования. 15 мая 1962 г. генерал де Голль, президент Франции, публично заявил, что расценивает эту проблему как бессмыслицу — своего рода «квадратуру круга»,— и категорически высказался за сохранение оккупационного статута в Западном Берлине. Еще более негативную позицию заняли правящие круги ФРГ. Боннские министры и другие политические деятели стали еще чаще, чем обычно, посещать США, чтобы оказать давление на их позицию, а если возможно, то и вообще затормозить их контакты с СССР. При этом не обошлось и без жертв. В попытках осуществить нажим на Вашингтон посол ФРГ Гreve проявил такую назойливость и бестактность, что был вынужден уйти со своего поста. С другой стороны, и посол ФРГ в Москве Кролл, проявивший в докладах своему правительству известный реализм и пытавшийся искать пути к улучшению отношений между своей страной и СССР, поплатился своим постом.

Канцлер Аденауэр, считая себя главным апостолом «холодной войны», продолжал рвать и метать. В начале 1962 г. он возобновил кампанию против обмена мнениями между США и СССР; по сути дела, он подтверждал, что решение германского вопроса он усматривает не на пути мирных переговоров, а только на пути милитаризма и политики реванша. В апреле он содействовал разглашению американского плана по германскому вопросу и таким образом поставил его под обстрел реакционной прессы, которая воспользовалась нарочито предоставленной ей возможностью, чтобы, демонстрируя свою «независимость», торпедировать обмен мнениями о возможностях германского мирного урегулирования. Наконец, 8 мая 1962 г., в семнадцатую годовщину подписания капитуляции Германией, Аденауэр явился в Западный Берлин, чтобы громко выступить не только против советских, но и против американских предложений. Словом, его позиция была такова: никакого мирного урегулирования и никаких переговоров. Более того, 9 октября 1962 г. правительство ФРГ выступило с угрозой по адресу тех государств, которые ввиду отрицательной позиции Бонна к общегерманскому мирному урегулированию проявили бы готовность к подписанию сепаратного мирного договора с Германской Демократической Республикой. Эта угроза знаменательна только в одном отношении: реакционные, милитаристские и реваншистские силы в Западной Германии считают, что, несмотря на неизбежный конец «эры Аденауэра», они сохраняют свою

«вахту на Рейне», задача которой в современных условиях — продолжать милитаристский курс на разжигание «холодной войны» и реванша. Но эта позиция не позитивна и не реалистична. Поэтому она и бесперспективна.

В этих условиях большого внимания заслуживает программа урегулирования отношений между двумя германскими государствами, сформулированная Вальтером Ульбрихтом в январе 1963 г. на VI съезде Социалистической единой партии Германии в Берлине. Она предусматривает возможность урегулирования примерно на следующих принципах:

1. Уважение существования другого германского государства и его политического и общественного строя. Торжественный отказ от применения насилия в любой форме.

2. Уважение границ другого германского государства. Торжественный отказ от всех попыток нарушить или изменить эти границы. Фиксирование и закрепление также существующих внешних германских границ.

3. Торжественный отказ от испытаний ядерного оружия, обладания им, его изготовления и приобретения, а также от права им распоряжаться.

4. Приостановка вооружения в обоих германских государствах, связанная с обязательствами не повышать расходы на военные цели. Впоследствии — договоренность о разоружении в обоих государствах.

Далее программа предусматривает отказ от всякой дискриминации и неравноправного обращения с гражданами обоих германских государств в стране и за границей, восстановление нормальных культурных и спортивных отношений между обоими государствами, заключение торгового договора между правительствами Германской Демократической Республики и Федеративной Республики Германии с целью расширения и развития экономических и торговых связей между ними. После заключения германского мирного договора сотрудничество между обоими германскими государствами было бы поставлено на твердую основу⁴. Правительство Германской Демократической Республики заявило, что оно ждет от правительства Федеративной Республики встречных предложений и готово их обсудить.

Но боннское правительство решило игнорировать программу, предложенную Германской Демократической Республикой. Оно идет прежним курсом — опасным курсом реваншизма и милитаризма, курсом на атомное вооружение бундесвера.

Тем не менее под впечатлением серьезных неудач, которые терпит политика агрессии и реванша, в Западной Германии формируются новые идеи, которые выражают тенденции в изменении политической тактики. Одни силы, — они еще далеко не возобладали, — высказываются за разумную, реалистическую политику, исходящую из необходимости признания наличия двух германских государств и соглашения между ними. Другие, оставаясь приверженцами реваншизма, считали бы целесообразным «сбросить некоторый балласт», чтобы получить большую «свободу движения».

Ни одна из этих тенденций еще в полной мере не стала решающей. Но каждая из них отражает глубинные процессы, происходящие в широких массах ФРГ, — процессы, свидетельствующие о поисках реалистического пути устранения исторической аномалии в центре Европы. Существование двух германских государств — это историческая реаль-

⁴ «Protokoll der Verhandlungen des VI Parteitages der Sozialistischen Einheitspartei Deutschlands», Bd I. Berlin, 1963, S. 61—62.

ность. Вот почему некоторые круги в Западной Германии начинают понимать, что устранение этой реальности при помощи войны невозможно. Как выразился западногерманский историк и публицист Голо Манн: «Война сожжет всех нас, и правых и неправых». И тем не менее правящие круги германского империализма и милитаризма, все еще придерживаясь реваншистского курса, ищут решения в атомном вооружении ФРГ. Если война — не реалистический путь, то столь же нереалистичны и тактические маневры германского реваншизма в отношении ГДР.

Вопрос о германском мирном урегулировании поставлен и пробивает дорогу к своему будущему решению, — неизбежному и необходимому. История — необратима, и движется она обычно по извилистым путям. Как бы ни были велики завалы, воздвигаемые на этих путях недоброй волей тех, кто почитает себя в качестве сильных мира сего, коллективный разум миллионов людей понимает великую альтернативу нашей эпохи — мирное сосуществование или атомная катастрофа. Вот почему историческая аномалия, существующая в центре Европы, не только может, но и должна в тех или иных формах быть устранена. Таково, на наш взгляд, веление времени — не фатальное, а обусловленное пониманием долга перед будущим.

1959—1963 гг.

ГЕРМАНСКИЙ МИЛИТАРИЗМ И АГРЕССИВНЫЕ БЛОКИ

Горький и жестокий опыт, почерпнутый народами в результате кровопролитнейших и опустошительных войн, уже дважды в XX в. возникавших в Европе и охватывавших весь мир, поистине многообразен, поучителен и красноречив. Этот опыт побудил народы подняться на борьбу за мир. Народы не хотят новой войны. Движение в защиту мира, пробужденное нависшей над человечеством и осознанной опасностью термоядерной войны, охватывает широкие массы во всех странах, на всех континентах.

Наиболее агрессивные круги империалистического лагеря пытаются ликвидировать или хотя бы ослабить это великое движение. Они хотели бы убедить массы, что война неизбежна, — война против Советского Союза и других миролюбивых государств. В данном случае речь идет не об апологии войны вообще в духе старых идеологов прусско-германского милитаризма типа Мольтке и Бернгарди или в духе утверждений У. Черчилля, который уже в период между первой и второй мировыми войнами заявлял, что «война — удел человеческой расы»¹. В данном случае мы имеем в виду усилия наиболее агрессивных и ультрареакционных кругов США и Западной Германии внушить народам мысль о невозможности мирного сосуществования государств, придерживающихся различных социально-экономических систем.

Нет нужды доказывать, что эта политическая концепция столь же безрассудна, сколь и опасна. Она теряет почву среди народов даже тех европейских стран, которые, будучи вовлечены в агрессивный Атлантический блок, уже в течение длительного времени подвергаются энергичной идеологической обработке.

Пропаганда военных блоков как необходимого фактора современной истории продолжается в различных вариантах. Главным из них является утверждение, что политика «с позиции силы», политика возрождения германского милитаризма и укрепления существующих военных блоков — единственно возможная политика спасения западноевропейских государств от угрозы новой, еще более разрушительной войны.

Между тем история международных отношений в новое и новейшее время свидетельствует о том, что, во-первых, инициатива, направленная к созданию военного блока, обычно принадлежит тем государствам, которые охвачены наиболее агрессивными устремлениями; во-вторых, создание военных империалистических блоков не является средством укрепления мирных отношений между государствами, а ведет к усилению международной напряженности и в конце концов приводит к крупному столкновению, в которое так или иначе вовлекаются все европейские государства, большие и малые.

¹ W. S. Churchill. The World Crisis. The Aftermath. London, 1929, p. 451.

Роковая, крайне опасная роль военных блоков с наибольшей силой раскрылась в тот период европейской истории, когда старый, «свободный», доминирующий капитализм вступил в более высокую — империалистическую — стадию своего развития. Нарастание реакции и агрессии по всей линии стало знаменем эпохи империализма, начиная с первых ее проявлений. Именно с того времени в огромной степени начала усиливаться борьба между главными капиталистическими державами, между складывавшимися монополиями не только за рынки сбыта товаров и за расширение источников сырья, но и за сферы приложения капиталов, за овладение новыми и новыми колониальными территориями. Завершение экономического и территориального раздела мира не ослабило напряженности международных отношений. Наоборот, оно еще более усилило ее, поскольку в условиях неравномерного развития капитализма борьба за передел мира приняла еще более острые, еще более угрожающие формы, подрывая мирные отношения в сложившейся системе государств. Именно в тех условиях и происходила трансформация военных блоков старого типа, возникших после франко-прусской войны и имевших в немалой степени общую основу династических интересов, в военные блоки империалистического характера.

Уже на рубеже XIX и XX в. по меньшей мере в трех крупных империалистических державах — в Германии, США и Англии — сформировалась идея мирового господства. Она не была отвлеченной идеей, царившей только в умах социологов, философов и демагогов. Нет, в разных формах и на разных этапах исторического развития она была орудием вселенских домогательств руководящих кругов этих держав. Претворяясь в широкие политические планы, крайне агрессивная по своей сути, она становилась той основой, на которой заинтересованные силы стремились сколотить военный блок в целях осуществления этих планов. Еще в 1885 г. лорд Рандольф Черчилль, вступив в переговоры с милитаристской Германией, говорил германскому послу в Лондоне: «Мы с вами вдвоем могли бы управлять всем миром»². Позднее не раз возникали планы политического сговора и даже военного блока между Германией, Англией и Соединенными Штатами Америки, и эти планы выражали стремление заинтересованных кругов к достижению мирового господства. Но именно наличие глубоких империалистических противоречий, в особенности между Германией, с одной стороны, Англией и США, с другой, неизменно срывало эти планы, и тогда на поверхность оставались, в качестве рудиментов, только трескучие фразы об «общности судеб англосаксонской и тевтонской расы», об «общности интересов западной цивилизации». Это те самые фразы, которыми политики, стратеги и идеологи Атлантического блока стремятся и ныне прикрыть курс на усиление германского милитаризма в системе империалистского блока западных держав.

На основании богатого, оплаченного кровью народов исторического опыта двух мировых войн можно убедиться в том, что в системе империалистских блоков германский милитаризм играл наиболее агрессивную роль.

Конечно, создание агрессивного блока в период подготовки второй мировой войны осуществлялось в условиях, глубоко отличных от условий, в которых готовилась первая мировая война. Точно так же политика Атлантического блока с участием Западной Германии осуществляется в настоящее время в условиях, далеко не совпадающих с теми, какие сложились накануне второй мировой войны.

Тогда инициатива и главная роль в сколачивании блока военных агрессоров принадлежала германскому империализму. Теперь эту иници-

² GP, Bd. IV, № 788

циативу и главную роль взяли в свои руки агрессивные круги американского империализма. Включив силы германского милитаризма в систему НАТО, они приумножили агрессивные устремления империалистического блока. Но это обстоятельство только подчеркивает общность тех функций, которые в современной истории выполняют военные агрессивные блоки в качестве средства подготовки войны.

1

Итак, европейской державой, которая первой стала на путь сколачивания военных блоков после франко-прусской войны, была Германская империя.

Если Бисмарк, первый рейхсканцлер и главный инициатор политики блоков, любил повторять, что его постоянно мучает «кошмар коалиций»³, то это его признание следует воспринимать, употребляя выражение древних римлян, *sunt grano salis* («со щепоткой соли»). На деле, создавая коалицию, Бисмарк сам стремился запугать «кошмаром коалиций» и военной опасности широкие слои немецкого народа, чтобы не допустить их сопротивления мероприятиям по укреплению германского милитаризма. Первые его усилия были направлены к военно-политическому сближению с царской Россией, а затем и с Габсбургской империей. Так возник «Союз трех императоров» — военно-дипломатическая группировка, основой которой были реакционно-монархические интересы восточноевропейских держав. Опираясь на свое сближение с Россией, а затем и на «Союз трех императоров», Бисмарк стремился удержать Францию в состоянии международной изоляции. Затем насаждаемый в Германии «кошмар коалиций» был использован германским милитаризмом для того, чтобы оправдать ту действительную коалицию, которая была им создана в 1879 г. То был австро-германский союз — военный блок, который в 1882 г., после присоединения к нему Италии, превратился в Тройственный союз. Австро-германский блок являлся главной осью германской политики с момента своего возникновения на протяжении всего длительного периода подготовки первой мировой войны и вплоть до военного разгрома Германии, краха и развала всей германской коалиции в 1918 г. В течение этого периода характер союза претерпел значительные изменения.

Текст договора об австро-германском союзе, ознаменовавшего начало складывания системы военных блоков в Европе, весьма примечателен. Договор предусматривал военные действия со стороны его участников лишь тогда, когда одна из сторон подвергалась бы «нападению со стороны России» или «со стороны какой-либо другой державы», поддержанной Россией. В самом тексте договора сформированный военный блок назывался не иначе, как «союз мира и взаимной защиты». Впоследствии Бисмарк как бы сквозь зубы процедил, что этот блок был заключен хотя и с «оборонительной, но все же военной (*kriegerisches*) целью»⁴. Более того, Бисмарк и другие организаторы военного блока в Европе во время не пожалели торжественных и пышных слов, чтобы обещать друг другу, что они «никогда и ни в каком направлении не пожелают придать агрессивной тенденции своему чисто оборонительному соглашению». Создатели группировки центральноевропейских держав решили, что «с целью устранения всякого ложного истолкования» договор

³ O. v. Bismarck. Gedanken und Erinnerungen, Bd. II. Stuttgart — Berlin, 1922, S. 260.

⁴ Ibid., S. 283.

«будет сохраняться в тайне»⁵. При этом, чтобы ввести в заблуждение Россию, то есть ту страну, против которой договор был направлен в первую очередь, германское правительство сообщило Александру II, что между Германией и Австро-Венгрией подписано соглашение о поддержании всеобщего мира; России было даже предложено присоединиться к этому соглашению⁶ в расчете на то, что Александр II его отвергнет в связи с ростом противоречий между Россией и Австро-Венгрией на Балканах.

Заключение союзного договора между Германией, Австро-Венгрией и Италией (20 мая 1882 г.) внесло новые, весьма существенные моменты, предвещавшие начало колониальных устремлений⁷.

Как и Двойственный (австро-германский) союз, Тройственный (австро-германо-итальянский) союз прикрывался стремлением его участников «увеличить гарантии всеобщего мира». Вместе с тем, как и в «Союзе трех императоров», в нем были выдвинуты на первый план реакционные мотивы идеологического характера, а именно, стремление «укрепить монархический принцип и обеспечить тем самым сохранение неприкосновенности общественного и политического строя» в государствах, являвшихся участниками Тройственного союза. В целом австро-германский союз и существовавший параллельно с ним Тройственный союз закрепляли созданный военный блок, направленный против Франции и России. Но одновременно, уже после заключения австро-германского союза, был восстановлен старый «Союз трех императоров» — союз Германии, России и Австро-Венгрии. В середине 80-х гг., после того как противоречия между Россией и Австро-Венгрией на Балканах настолько обострились, что «Союз трех императоров» окончательно распался, Германия заключила с Россией секретный «договор о перестраховке», а одновременно содействовала заключению Средиземноморской Антанты между Австро-Венгрией, Англией и Италией.

Дипломатия бисмарковской Германии была в такой же степени заинтересована в росте противоречий между Россией и Англией, в какой дипломатия царской России была заинтересована в раздорах между Германией и Францией, а французская дипломатия в раздорах между Германией и Россией: каждое из европейских государств сообразовалось с собственными экономическими, политическими и военными интересами, которые они и стремились осуществить при помощи тех или иных дипломатических комбинаций и военно-политических блоков. В конце концов все попытки германской дипломатии предотвратить создание военного блока других европейских держав, против которых были направлены австро-германский союз и Тройственный союз, окончились неудачей. Самое большее, что Бисмарку удалось сделать, — это при помощи сложной дипломатической эквилибристики в известной мере отсрочить политиче-

⁵ A. F. Pribram. Die politischen Geheimverträge Österreichs-Ungarns 1879—1914, Bd. I. Wien, 1920, S. 6—9.

⁶ С. С. Татищев. Император Александр II, его жизнь и царствование, т. II. СПб., 1903, стр. 696—697.

⁷ Статья 2 договора гласила «В случае, если Италия, без прямого вызова с ее стороны, подверглась бы нападению Франции по какому бы то ни было поводу, обе другие договаривающиеся стороны обязаны подать атакованной стороне помощь и содействие всеми своими силами». Но таким поводом в сложившихся тогда условиях могли быть только распри, возникшие между Францией и Италией в Северной Африке. В случае, если бы эти колониальные распри вызвали между Францией и Италией прямое столкновение, — это означало бы, что не только Германия, но и Австро-Венгрия должна была выступить против Франции. Такое же обязательство возлагалось и на Италию в том случае, если бы Германия подверглась «невызванному» нападению со стороны Франции. С другой стороны, Австро-Венгрия, как и по договору 1879 г., не должна была выступать против Франции в случае ее столкновения с Германией. См. GP, Bd. III, № 571.

ское и военное сближение между царской Россией и Францией. Каждая из этих держав преследовала собственные интересы, которые сталкивались как с интересами Германии, так и с интересами Англии. Каждая из них опасалась, что Англия готова в той или иной форме присоединиться к Тройственному союзу⁸. Кроме того, у двух участников Тройственного союза — Австро-Венгрии и Италии — росли раздоры: у первой — с Россией, у второй — с Францией. Наконец, между Россией и Германией росли экономические и политические противоречия. Среди господствующих классов Франции шла борьба: если одна часть буржуазии, заинтересованная в колониальных аферах, угодничала перед бисмарковской Германией, стремясь заручиться ее поддержкой, то другая, мечтавшая о реванше, угодничала перед царизмом и искала сближения с Россией против Германии. Эти колебания и зигзаги на международной арене свидетельствовали о неустойчивости всей системы государств в Европе в связи с процессом перехода старого капитализма к новому — империализму, а в особенности в связи с усилением борьбы за раздел колониального мира. Именно в этот период, когда «Союз трех императоров» и русско-германский союз распались, а Тройственный союз, созданный под эгидой Германской империи, стал консолидироваться, — сложилась перспектива создания противостоящего военного блока — союза между царской Россией и Францией.

Эта перспектива была реализована вскоре, но не сразу и не в той форме, в какой был создан военный блок центральноевропейских держав. Начало было положено обменом письмами между министрами иностранных дел России и Франции⁹. Затем был оформлен секретный союз в виде военной конвенции, разработанной генеральными штабами и утвержденной в декабре 1893 г.¹⁰ Главная задача конвенции усматривалась в том, чтобы создать такое положение, при котором Германии «пришлось бы сражаться сразу на Востоке и на Западе».

Как и договоры, заключенные Германией, документы о создании франко-русского союза сохранялись в глубокой тайне: не только французский парламент или его комиссии, но даже и большинство членов французского и царского правительств ни тогда, ни впоследствии не знали о содержании военной конвенции, положенной в основу деятельности правительств и генеральных штабов царской России и Франции.

Тем не менее политическое значение этих документов было весьма значительно. После того как в Европе сложился германский блок, образование франко-русского союза означало создание второго военного блока европейских держав. Размышляя о том периоде всемирной истории, когда капитализм еще не вступил в империалистическую стадию своего развития, В. И. Ленин как раз на примере военных блоков показал глубокую трансформацию, которая происходила тогда в системе европейских государств. Сопоставляя тот период, когда Европа распалась на два военных блока (в начале 90-х гг. XIX в.), с периодом мировой империалистической войны, возникшей в 1914 г., он подходил к характеристике ситуаций и явлений глубоко конкретно и исторически принципиально: «Все дело в *системе* политических отношений перед войной и во время войны», — писал он. Исходя из оценки этой системы применительно к предимпериалистическому периоду, Ленин далее писал: «Цезаризм во Франции + царизм в России против *не империалистической* Германии в 1891 г. — вот историческая обстановка 1891 года»¹¹. В другом месте, возвращаясь к размышлениям об изменениях в системе

⁸ DDF, 1-e série, t. VIII, Doc. 427.

⁹ В. Н. Ламздорф. Дневник 1891—1892 гг. М.—Л., 1934, стр. 171, 177—179.

¹⁰ Там же, стр. 388—389.

¹¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 35, стр. 215.

государств, Ленин писал: «1891-ый год. Колониальная политика Франции и Германии *ничтожна*. У Италии, Японии, С. Штатов *вовсе нет* колоний... В Западной Европе сложилась... *система* государств, в общем конституционных, национальных. *Рядом* с ними могучий, непоколебленный, дореволюционный царизм, грабящий и угнетающий всех сотни лет, подавивший революции 1849, 1863 годов»¹².

Ленин, конечно, отдавал себе полный отчет в том, что бисмарковская Германия имела милитаристскую основу. Но он оценивал события конкретно-исторически, в широком плане анализа общих тенденций развития с позиций интересов социализма и демократии. Вот почему он пришел к выводу, что в случае возникновения войны в 1891 г., в период создания франко-русского союза, «*со стороны Франции и России это была бы реакционная война*»¹³. Если бы глава французского реваншизма генерал Буланже и столп российской реакции Александр III начали войну против Германии, это был бы со стороны Германии, считал В. И. Ленин, «своеобразный вариант *национальной войны*»¹⁴. Для общей оценки вопроса он считал принципиально важным установить три обстоятельства, имевших определяющее значение: во-первых, то, что система империализма, в частности, в Германии еще не сложилась и, следовательно, Германия еще не могла вести империалистическую войну; во-вторых, то, что социалистическое движение Германии занимало передовые рубежи в международном рабочем движении, и, в-третьих, «не было тогда и революционной России; это очень важно»¹⁵. В начале XX в., когда империализм уже сложился, и вопрос шел об империалистической войне, общая международная ситуация и вся система государств претерпела серьезные изменения: «царизм подорван 1905-ым годом, а Германия ведет борьбу ради господства над миром». Отсюда Ленин сделал важный принципиальный вывод: «Отождествить, даже уподобить международные ситуации 1891 и 1914 годов — *верх неисторичности*»¹⁶.

Когда старый домонополистический капитализм окончательно перерос в империализм, военные блоки — Тройственный союз и франко-русский союз — стали в одинаковой степени агрессивными империалистическими блоками. Образование Антанты (в специфической форме военно-политического блока Англии, Франции и России) являлось детищем и орудием империализма, как и противостоящий ей блок — Тройственный союз, ранее созданный под эгидой германского милитаризма.

Естественно, общий и довольно длительно протекавший процесс распада Европы на две противостоящие друг другу группировки имел самые серьезные последствия не только для участников этих группировок, но и для других европейских держав, а впоследствии и для всего мира. Прежде всего он сказался в растущей гонке вооружений, которая тяжелым бременем легла на государственные бюджеты, то есть, в конечном счете, на плечи самых широких масс трудящихся в каждой из стран — участниц того или иного военного блока. Еще в конце 1905 г. английский премьер-министр Кэмпбелл-Бэннерман публично говорил о последствиях гонки вооружений: «Политика гигантских вооружений, — заявил он, — поддерживает, стимулирует и укрепляет веру в то, что сила является наилучшим, если не единственным, способом разрешения международных споров»¹⁷. Некоторое представление о результатах гонки вооружений могут дать следующие цифры: вооруженные силы мирного времени держав Антанты (России, Франции, Англии, а также Бельгии, Сер-

¹² В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 35, стр. 219.

¹³ Там же, стр. 213.

¹⁴ Там же, стр. 201.

¹⁵ Там же, стр. 214.

¹⁶ Там же, стр. 220.

¹⁷ J. A. Spender. Campbell-Bannerman, v. II. London, 1923, p. 208.

бии и Черногории), с одной стороны, и австро-германского блока, с другой, насчитывали в начале 1914 г. свыше 4 млн. человек, а их армии военного времени в конце 1914 г. насчитывали уже почти 21 млн. человек. Так европейский континент превратился в огромный военный лагерь, в поле всеобщего побоища.

2

В ноябре 1918 г., когда мир узнал, что милитаристская Германия, потерпев военное поражение, подписала в Компьенском лесу акт о капитуляции, едва ли кто-либо мог предполагать, что спустя всего лишь два десятка лет германский милитаризм снова возродится и не только развяжет новую войну в Европе, но и принудит Францию подписать капитуляцию в том же Компьенском лесу. После четырехлетней мировой войны, потребовавшей огромного напряжения сил и человеческих жертв, европейские народы уповали на мир — мир прочный и длительный.

Никогда еще в предшествующей истории обстоятельства не складывались в этом отношении столь благоприятно, как после окончания войны 1914—1918 гг. На Востоке Европы, в России, там, где ранее существовала царская монархия — оплот российской и международной реакции, в результате Великой Октябрьской социалистической революции сложилось могущественное демократическое государство нового типа — Советское государство; все свои помыслы и усилия в области внешней политики оно посвятило одной задаче — борьбе за всеобщий мир. Эта же задача вдохновляла и широкие массы в других странах, в том числе в Германии. Народы понимали, что разгром германского милитаризма весьма облегчил их борьбу против опасности новой войны. Слившись с борьбой Советского государства за мир, усилия народов, несомненно, принесли бы самые положительные результаты. В сложившихся тогда условиях общая историческая задача заключалась в том, чтобы не допустить возрождения агрессивного германского милитаризма, предотвратить создание военных блоков как средства подготовки новой войны, создать новую прочную систему международных отношений на мирной и демократической основе. Если эта задача осталась нерешенной, то потому, что среди влиятельных реакционных сил не только в Германии, но и в других западноевропейских странах, а также в США уже зрели планы, чреватые новой войной.

И в Англии, и в США, и даже во Франции влиятельные политические круги господствующих классов взяли курс на сохранение кадров германской армии, стремясь использовать их как против демократического и социалистического движения в самой Германии, так и против Советского государства — неумолимого и последовательного защитника мира в Европе. Версальский договор ограничивал размеры германской армии численностью в 100 тыс. человек, но он не подорвал экономической и политической основы германского милитаризма. Не удивительно, что уже через несколько месяцев после подписания Версальского договора, как это было установлено на Нюрнбергском процессе, правящие круги Германии при помощи многочисленных хитроумных уловок начали нарушать его военные постановления¹⁸.

Послеверсальская система международных отношений, в частности по германскому вопросу, не только была создана без участия Советской России, но и была направлена против нее. Уже с первых моментов своего существования она обеспечила такие условия, при которых наиболее

¹⁸ См. «Trial of the Major War Criminals Before the International Military Tribunal. Nuremberg, 14 November 1945 — 1 October 1946», v. XIV. Nuremberg, 1948, Doc. D—854. GB — 460.

агрессивные и наглые представители германского милитаризма типа Гофмана и Людендорфа могли рассчитывать, что им удастся восстановить всю систему германского милитаризма в целом. Путь к восстановлению этой системы они усматривали в создании тайного или даже открытого военного блока западноевропейских держав с Германией, чтобы она могла развернуть новый «натиск на Восток». И хотя планы создания такого военного блока не удалось осуществить, тем не менее финансово-экономическая и политическая поддержка со стороны западных держав создала самые благоприятные условия для возрождения и быстрого роста агрессивного германского милитаризма.

Результаты политики западных держав в отношении Германии были таковы: не прошло и пятнадцати лет после краха германского военного блока и окончания первой мировой войны, как германский империализм уже настолько восстановил свою мощь, что смог приступить к созданию нового военного блока как средства подготовки второй мировой войны.

В отличие от периода подготовки первой мировой войны, когда процесс образования и консолидации военных агрессивных блоков занял многие годы и даже десятилетия, накануне второй мировой войны этот процесс происходил гораздо более ускоренными темпами. Фашизм в огромной степени ускорил подготовку и организацию войны. Этому в немалой степени благоприятствовала политика западных держав, отказавшихся от организации системы коллективной безопасности в Европе. Если бы такая система, последовательным и неукротимым поборником которой являлся Советский Союз, была тогда воплощена в жизнь и стала политической реальностью, гитлеровская Германия, фашистская Италия и милитаристская Япония не смогли бы приступить к осуществлению своих агрессивных планов. Они не смогли бы и координировать свои агрессивные действия, не смогли бы создать военный блок, ставший угрозой для народов Европы, Азии, Африки и всего мира.

Начальная дата создания блока военных агрессоров накануне второй мировой войны обычно относится к переговорам между Чиапо и Гитлером в Берхтесгадене 20—25 октября 1936 г. На деле, однако, согласованность политических, а затем и военных акций будущих участников агрессивного военного блока началась значительно раньше этих переговоров. Уже в течение 1933 г., после того как милитаристская Япония (27 марта), а затем гитлеровская Германия (19 октября) вышли из Лиги наций, обе эти державы начали дипломатическую и идеологическую подготовку к созданию нового военного блока. Задача заключалась в том, чтобы, по выражению Гитлера, сколотить «синдикат недовольных держав». Однако осуществление этой задачи стало возможным лишь после того, как гитлеровская Германия, разорвав односторонним актом военные ограничения, установленные Версальским договором, усилила ранее принятый курс на быструю ремилитаризацию. В марте 1935 г. было объявлено, что Германия создаст армию численностью в 500 тыс. человек. Наряду с восстановлением армии в Германии воссоздавалась крупная военная авиация. В конце 1934 г. гитлеровское правительство начало тайно строить и подводный флот. Заранее известив об этом английского военного атташе в Берлине, оно в 1935 г. добилось не только легализации акта нарушения ограничений, наложенных на Германию Версальским договором, но и официального соглашения с Англией по вопросам морских вооружений.

Открыто приступив к созданию вермахта, гитлеровское правительство заявило, будто оно намерено «не превращать национальное вооружение Германии в средство воинственной наступательной политики, но использовать его исключительно в целях обороны и, следовательно, в интересах поддержания мира». Ровно через год после того, как в гитлеровской Германии было объявлено о создании 500-тысячной армии, части

вермахта вступили в Рейнскую область и, ремилитаризовав ее, появились у границ Франции. Что касается гарантий, которые Англия предоставила Франции в Локарно, то они, разумеется, остались на бумаге.

Такова была обстановка, когда гитлеровская дипломатия непосредственно приступила к сколачиванию итало-германского военного блока. Даже Чиано, министр иностранных дел фашистской Италии, заметил, что развернувшаяся в сентябре 1936 г. шумная гитлеровская пропаганда «против коммунизма» являлась ширмой, прикрывавшей создание этого блока на основе распределения сфер влияния и сфер агрессии. Именно тогда, выразив готовность считать Средиземное море «итальянским озером» и признать итальянскую «империю» в Восточной Африке, гитлеровская Германия добилась согласия Италии признать за ней «право» на господство в Австрии и на предъявление колониальных претензий, направленных в первую очередь против Англии. Далее Гитлер потребовал, чтобы Муссолини, вынужденный отказаться от своего влияния в Австрии в пользу Германии, согласился и на более тесное военно-политическое сотрудничество с Германией. По словам Муссолини, речь шла не только об установлении «солидарности режимов», но и об общей политике двух государств — Италии и Германии — «в направлении Востока и Запада, в направлении Юга и Севера»¹⁹.

Такова была изнанка и вместе с тем подлинная сущность политики антикоммунизма. Захват Эфиопии показал, что ширма антикоммунизма может принести военному агрессору немалую пользу даже в дебрях Африки. Тем более можно было рассчитывать на успех, когда речь зашла о том, чтобы прикрыть этой ширмой агрессивные акты в Европе. Расчет был прост: пользуясь попустительством и даже поощрением со стороны реакционных кругов Западной Европы и США, создать ударный кулак в виде агрессивного военного блока, который мог бы действовать одновременно в разных направлениях. По мере создания вермахта инициатива агрессивной политики в Европе под прикрытием антикоммунизма явно переходила к гитлеровской Германии. Захватив эту инициативу, гитлеровское правительство уже не упускало ее из своих рук даже в отношениях с другими агрессивными державами. Оно не только разработало программу дальнейших поворотов и действий, но и сумело навязать ее своему итальянскому партнеру. Когда Чиано прибыл в Берхтесгаден, там уже был заготовлен протокол, который должен был стать основой нового военного блока. Заранее было заготовлено и коммюнике, которое лозунгами антикоммунизма должно было прикрыть истинную, агрессивную сущность итало-германской сделки.

Соглашение предусматривало, что Германия признает разбойничий захват Эфиопии Италией. Оно устанавливало, далее, общую линию поведения Германии и Италии во всех вопросах международной политики и, в частности, определяло их совместные действия в Испании. Обе агрессивные державы договорились о линии поведения в лондонском Комитете по невмешательству в испанские дела, чтобы использовать этот Комитет (при помощи его участников — представителей западных держав) для поддержки Франко и его фашистской мятежной армии. Соглашение предусматривало также усиление германской и итальянской авиации. Наконец, оно предусматривало разделение сфер влияния на Балканском полуострове и в придунайских государствах. В ходе переговоров между двумя агрессивными государствами была разработана и хитроумная тактика по подрыву Лиги наций на случай, если бы она стала препятствием на пути их военных авантур: было решено, что Италия останется в составе Лиги наций и таким образом сможет прибегать «к действию саботажа, полезного для совместных целей»²⁰.

¹⁹ G. Ciano. Les archives secrètes du comte Ciano 1936—1942 Paris, 1948, p. 44.

²⁰ Ibid., p. 51.

Так была заложена основа нового агрессивного военного блока, которому Муссолини придумал название «ось Берлин — Рим». В ноябре 1936 г., выступая в Милане, фашистский диктатор Италии пояснил, какова политическая направленность только что созданной «оси». «Необходимо, — сказал он, — прежде всего окончательно отказаться от всех иллюзий. Одна из них уже разбита до основания — это иллюзия разоружения... Другая иллюзия, которую мы отвергаем, еще существует под названием коллективной безопасности... Наконец, последний тезис, который мы отвергли, — это неделимый мир»²¹. Так, один из создателей «оси» открыто признал, что сколоченный военный блок был направлен против политики разоружения, против основных принципов коллективной безопасности, против всеобщего мира. Муссолини скрыл, что, создавая свой военный блок, его участники решили под прикрытием «антибольшевизма» «перейти в атаку» против западных держав — против Франции и Англии. В секретных переговорах со своим партнером по «оси» Гитлер горячо и пространно развивал широкие планы разгрома Британской империи, которой, по его словам, «управляют неспособные люди». Однако в публичных выступлениях создатели фашистского военного блока предпочитали на первый план выдвигать свой «антикоммунизм» и рекламировать «ось» как инструмент «сотрудничества и мира»²².

«Ось Берлин — Рим» явилась первым звеном в создании военного агрессивного блока. Уже во время переговоров в Берхтесгадене с германской стороны было «совершенно секретно» сообщено Чиано, что вскоре состоится подписание двух важных протоколов между Германией и Японией: протокол, предназначенный к опубликованию, должен был провозгласить создание «антибольшевистского союза», а секретный протокол должен был содержать статью о благожелательном нейтралитете одной из сторон на случай агрессивных действий другой стороны. Японский министр иностранных дел, а затем премьер Хирота утверждали, что этот новый военный блок необходим, чтобы «сдержать Европу и создать крепкий фундамент для имперской политики на Дальнем Востоке». Таким образом, создатели военного блока рассчитывали, что, координируя свои агрессивные действия на разных театрах мировой политики, каждый из них извлечет для себя прямую выгоду.

25 ноября 1936 г. военный блок между Японией и Германией был оформлен в виде договора об «оборонительном сотрудничестве против Коммунистического Интернационала». Был опубликован пакт, который гласил, что стороны обязались обмениваться взаимной информацией о деятельности Коммунистического Интернационала, а также установить тесное сотрудничество в деле осуществления мероприятий, направленных против него. Пакт приглашал третьи государства принять «меры защиты» против Коммунистического Интернационала в духе японо-германского соглашения или присоединиться к этому соглашению. Одновременно с текстом «пакта против Коминтерна» был опубликован дополнительный протокол, который гласил, что «компетентные власти в рамках существующих законов предпримут строгие меры против тех, кто в своей стране или за ее пределами прямо или косвенно служит Коммунистическому Интернационалу или способствует его разрушительным действиям». Кроме того, было объявлено, что создается постоянная комиссия из представителей Германии и Японии для дальнейшей разработки мероприятий по борьбе «против Коминтерна»²³.

Таково было внешнее оформление нового военного блока, который получил наименование «ось Берлин — Токио». Передавая текст «антико-

²¹ M. Macartney and P. Cremona. *Italy's Foreign and Colonial Policy, 1914—1937*. London, 1938, p. 247.

²² G. Ciano. *Op. cit.*, p. 53—56.

²³ «Documents on International Affairs, 1936». London, 1937, p. 297—299.

минтерновского пакта» представителям западных держав, гитлеровские дипломаты пытались создать впечатление, будто пакт имеет целью борьбу против «пропаганды Коминтерна». В частности, в беседах с Доддом, послом США в Берлине, они неоднократно повторяли, что «крайне не любят пропаганду». «Безусловно,— заметил тогда Додд,— они не любят никакой пропаганды, кроме своей собственной»²⁴.

Впрочем, уже тогда общественное мнение выражало твердую уверенность, что опубликованный пакт является пропагандистским документом, прикрывающим собою секретное соглашение. Теперь стал известен текст этого соглашения. Во-первых, оно предусматривало, что в случае, если одна сторона вступит в войну против Советского Союза, другая должна занять позицию, благоприятствующую первой, и в то же время обе стороны должны консультироваться между собой, чтобы принять меры, «удовлетворяющие их совместные интересы». Во-вторых, секретное соглашение устанавливало, что ни одна из сторон не должна заключать с Советским Союзом политических соглашений, которые противоречили бы духу заключенного пакта²⁵.

Во всяком случае, еще накануне подписания «пакта против Коминтерна» японский журнал «Бунгей Сюдзю» приоткрыл завесу над политическими и стратегическими планами, которые разрабатывались за кулисами японо-германской «оси»: «...Соглашение важно тем,— писал журнал,— что оно предоставляет Японии и Германии возможность образовывать военный союз... с чрезвычайно широкой сферой применения; хотя этот союз направлен только против СССР, но в то же время он может быть обращен и против других стран».

Иностранная печать, даже реакционного направления, уже тогда давала понять, что усматривает в «антикоминтерновском пакте» прикрытие широких агрессивных замыслов военного блока «оси Берлин—Токио». Так, газета «New York Herald Tribune» отмечала, что авторы «антикоминтерновского пакта» «переоценивают доверчивость мирового общественного мнения»²⁶. Другая американская газета, «New York Times», писала: «Германия и Япония стараются заверить мир, будто они защищают все страны от злокозненного Коминтерна. Но другие страны рассматривают дело иначе. Говоря прямо, они не верят тому, что им рассказывают»²⁷. Комментируя текст гермапо-японского соглашения, английский журнал «Economist» обращал внимание на то, что под видом борьбы против коммунизма участники нового военного блока присваивали себе право принять «строгие меры» в целях активного, даже вооруженного вмешательства во внутренние дела других государств. По этому поводу «Economist» писал: «„Строгие меры“ могут означать и военные меры. Отдельные лица „внутри или за границей“ могут с легкостью быть обвинены „в рамках существующих законов“ Германии или Японии в том, что „косвенно“ работают для Коммунистического Интернационала или содействуют его деятельности. Постоянно указывается, что Чехословакия будет вскоре объявлена Германией страной, подпавшей под влияние большевизма»²⁸. В свою очередь, и лондонская газета «Times» не сомневалась в том, что гермапо-японское соглашение представляет собою не только декларацию, направленную против коммунизма.

Таким образом, даже реакционная пресса в Англии и США в то время отдавала себе отчет в том, что лозунги борьбы «против коммунизма»

²⁴ W. E. Dodd. Ambassadors Dodd's diary, 1933—1938. London, 1941, p. 366.

²⁵ «Documents on German Foreign Policy 1918—1945. From the Archives of the German Foreign Ministry», Series D, v. I, Doc. 463.

²⁶ «New York Herald Tribune», 5 декабря 1936 г.

²⁷ «New York Times», 29 октября 1936 г.

²⁸ «Economist», 28 ноября 1936 г.

являются идеологической дымовой завесой, призванной скрыть подлинную агрессивную сущность военного блока милитаристских держав.

Современная американская историография не может не признать, что «антикоминтерновский пакт» являл собой серьезную угрозу, подрывавшую мир во всем мире²⁹. Она вынуждена признать, что быстрое восстановление германского милитаризма стимулировало рост вооружений и в других странах, объединившихся вместе с ним в рамках общего военного блока.

Германия не смогла бы своими силами в короткий срок восстановить тяжелую промышленность без мощной поддержки со стороны США. Американские банки и тресты вложили после первой мировой войны миллиарды долларов в германскую экономику. Ведущие американские монополии установили тесные связи с германской тяжелой промышленностью. Эти экономические связи имели не только коммерческое, но и военное значение. Прямая и широкая финансовая поддержка США была важнейшей предпосылкой гитлеровской агрессии.

Ведущую роль в предвоенной гонке вооружений играл германский милитаризм. Если в 1933 г. расходы гитлеровской Германии на вооружение исчислялись в сумме 3 млрд. марок, то накануне войны, в 1938 г., они достигли 27 млрд. марок. Как справедливо отмечает известный немецкий экономист Ю. Кучинский, «затрата усилий при подготовке войны в условиях фашизма немногим разнится от затрат усилий для ведения войны»³⁰.

После заключения «антикоминтерновского пакта» в огромной степени возросли и военные расходы Японии: если в 1936 г. они исчислялись в сумме 1059 млн. иен, то на следующий год после подписания пакта они уже достигли 1500 млн. иен, поглотив более 60 процентов всего государственного бюджета. Значительно выросли и военные расходы в Италии (с 10,5 млрд. лир в 1934/35 г. до 27,7 млрд. лир в 1939/40 г.)³¹. Но «антикоминтерновский пакт» имел и другие, еще более тяжелые и грозные последствия: спустя несколько месяцев после его заключения японские милитаристы развязали войну против Китая, а спустя еще несколько месяцев гитлеровская Германия начала осуществлять военную, дипломатическую и пропагандистскую подготовку вторжения в Австрию. Таковы были первые результаты создания военного блока «Берлин — Рим — Токио» и его политики, осуществлявшейся под прикрытием «антикоминтерновского пакта».

Следующим звеном в создании военного блока фашистских агрессоров было присоединение Италии к «антикоминтерновскому пакту». И тут инициатива принадлежала германскому милитаризму. 20 октября 1937 г. гитлеровская Германия формально предложила Италии присоединиться к «антикоминтерновскому пакту». Тогда же итальянскому правительству был сообщен заготовленный в Берлине текст проекта протокола о присоединении Италии к пакту. Вслед за этим Риббентроп явился в Рим и довольно бесцеремонно потребовал, чтобы итальянский союзник по «оси Берлин — Рим» немедленно подписал заготовленный протокол. Попытка Муссолини и Чiano выведать, что конкретно скрывается за «пактом против Коминтерна», каково содержание секретных дополнительных соглашений между Японией и Германией, ни к чему не привела. С германской стороны было сказано, что никаких секретных соглашений между Японией и Германией не существует. Теперь мы точно знаем, что это

²⁹ Ch. C. Tansill. Back Door to War. The Roosevelt Foreign Policy 1933—1941. Chicago, 1952, p. 320.

³⁰ Ю. Кучинский. История условий труда в Германии. Перев. с нем. М., 1949, стр. 376.

³¹ А. М. Алексеев. Военные финансы капиталистических государств. М., 1952, стр. 36.

была ложь, но и тогда Чиано не поверил своим германским друзьям и союзникам³².

Стремясь поднять себе цену и добиться определенных компенсаций, колониальных, политических и иных, правители фашистской Италии некоторое время пытались упираться. Однако в конце концов в результате нажима и пушенных в ход посулов, впрочем, довольно неопределенного свойства, гитлеровская Германия вогнала фашистскую Италию в созданный ею военный блок: правители Италии подписали 6 ноября 1937 г. предложенный им протокол о присоединении к «антикоминтерновскому пакту»³³.

Так был оформлен тройственный военный блок Японии, Италии и Германии.

Создатели этой военной коалиции утверждали, будто подписанное ими соглашение преследует мирные цели. Но уже через несколько дней Чиано разглагольствовал, что созданная коалиция трех держав — это «сильнейшая коалиция в мире» и что «антикоминтерновский пакт» — «лишь первый шаг к внутреннему усилению и внешней экспансии этой коалиции». И действительно, создание «оси Берлин — Рим — Токио» ознаменовало консолидацию блока военных агрессоров и стало основой для расширения их военной экспансии и усиления подготовки всеобщей войны.

Вторжение германских войск в Австрию явилось новым крупным шагом на пути к войне. Западные державы не воспрепятствовали этому агрессивному акту германского милитаризма; больше того, они подталкивали его на этот шаг. Следующим актом германской агрессии в Европе явился захват Чехословакии, который был осуществлен гитлеровской Германией в результате сговора не только с фашистской Италией, но и с Англией и Францией при закулисном участии США. Такая политика западных держав могла только способствовать консолидации военного блока фашистских агрессоров. В частности, его консолидация была продемонстрирована Германией и Италией 22 мая 1939 г., когда они подписали новый договор о военно-политическом союзе. Договор предусматривал, что в случае вооруженного конфликта оба его участника должны немедленно прийти на помощь друг другу «всеми своими силами — сухопутными, морскими и воздушными»³⁴.

Таким образом, в течение всего лишь нескольких лет после того как германский милитаризм при финансовой и политической поддержке западных держав разорвал все пути, мешавшие его росту, и сколотил тройственный блок агрессоров, возникла грозная опасность новой мировой войны. Сформировавшийся блок в короткий срок создал военный и дипломатический механизм, при помощи которого он развязал войну, — притом в первую очередь против тех западных государств, экономической и политической поддержкой которых он пользовался на всех предшествующих этапах развертывания своей агрессии. История еще не знала такого крупного и позорного политического провала, какой испытали западные державы: спустя всего лишь двадцать лет после победы над германским милитаризмом пришла расплата за всю политику предшествующих лет — политику возрождения германского милитаризма и сговора с ним в надежде направить его агрессию на Восток — против Советского Союза. Результаты этой политики известны: пожар новой войны охватил весь мир, а Европа была залита кровью народов.

³² «Documents on German Foreign Policy 1918—1945. From the Archives of the German Foreign Ministry». Series D, v. I, Doc. 10.

³³ Ibid., Doc. 17.

³⁴ «Jahrbuch für Auswärtige Politik», 1940, S. 167.

Всемирная история еще не знала столь быстрой по своим темпам, столь значительной по своим последствиям и столь опасной для всего человечества военно-политической перегруппировки в системе капиталистических государств, какая произошла тотчас после окончания второй мировой войны. Еще не зажили глубокие раны, нанесенные народам немецко-фашистским империализмом и другими участниками агрессивного блока, созданного под его эгидой, исторические итоги войны не зафиксированы в виде мирного договора, а США и Великобритания, взяв курс на скорейшую ликвидацию антигитлеровской коалиции, уже приступили к созданию нового военно-политического блока — Организация Североатлантического договора — НАТО (North Atlantic Treaty Organization), направленного против Советского Союза — главного участника коалиции свободолюбивых народов ³⁵.

Темпы создания НАТО поистине беспримерны. Если процесс формирования Тройственного союза и Тройственного соглашения (Антанты) потребовал не менее четверти века, если на сколачивание военно-политического блока фашистских агрессоров потребовалось около шести лет, то план создания НАТО был разработан и осуществлен в течение трех лет, а непосредственные переговоры между его участниками о заключении Североатлантического пакта продолжались около одного года ³⁶. «Фактор, принуждающий нас спешить,— впоследствии писал Джон Фостер Даллес, один из вдохновителей и идеологов НАТО и политики „холодной войны“,— это проблема Германии. Указанная проблема не может быть удовлетворительно решена, если Германия или, по крайней мере, большая ее часть... не примкнет к Западу в качестве неотъемлемой части» ³⁷. «Необходимо было спешить,— признавался позже и фельдмаршал Монтгомери,— так как на Западе начало шириться влияние коммунизма» ³⁸.

Все это, однако, отнюдь не означает, что на пути создания НАТО его организаторы не встретили никаких трудностей. Наоборот, поставив перед собой задачу создать крупный военно-политический блок, направленный против Советского Союза и других стран мировой социалистической системы, сложившейся после войны, а также против роста коммунистического, национально-освободительного и вообще антиимпериалистического движения, поднявшегося в мире, реакционные силы США, Англии и других капиталистических государств прошли через несколько стадий и испробовали несколько вариантов; каждый из них свидетельствовал не только об активных поисках новых и новых форм и методов, применявшихся для достижения поставленной цели, но и о трудностях, возникавших на пути к этой цели.

Рассматривая Западную Европу как огромный резервуар экономических сил и людских ресурсов, а также как важный стратегический плацдарм, американский империализм приступил к созданию НАТО, рассчитывая, что, опираясь на эту систему, он сможет добиться такой мощи, какой еще не обладала ни одна держава мира. Эту мощь должна

³⁵ См. «Atlantic Alliance. NATO's Role in the Free World. A Report by a Chatham House Study Group». London — New York, 1952; B. T. Moore. NATO and the Future of Europe. New York, 1958; «NATO. 1949—1959. The First Ten Years». Washington, 1959; F. W. Mulley. The Politics of Western Defence. London, 1962; Б. М. Халоса. Североатлантический блок. М., 1960; Г. М. Свердлов. Лондон и Бонн. Английский империализм и политика перевооружения ФРГ (1955—1963 гг.). М., 1963.

³⁶ Пакт НАТО был подписан в Вашингтоне 4 апреля 1949 г. следующими государствами: США, Великобританией, Францией, Италией, Канадой, Исландией, Бельгией, Данией, Норвегией, Голландией, Люксембургом и Португалией.

³⁷ J. F. Dulles. War or Peace. New York, 1957, p. 220.

³⁸ B. Montgomery. The Memoirs. London, 1958, p. 506.

была представлять атомная бомба, существование которой американский империализм продемонстрировал еще в 1945 г. Бессмысленно жестокие взрывы над Хиросимой и Нагасаки возвестили тогда не столько об окончании второй мировой войны и о крушении последнего из участников блока фашистских агрессоров (крушение уже было неминуемо!), сколько о рождении нового претендента на тотальное господство над миром. «Атомная бомба,— писал впоследствии американский генерал Максуэлл Тэйлор,— предоставила в распоряжение военно-воздушных сил (Соединенных Штатов Америки.— А. Е.) новое оружие страшной разрушительной силы и снова укрепила убежденность, что они получили в руки абсолютное оружие, которое позволит Соединенным Штатам навязать миру своего рода Pax Americana»³⁹. Но в современной истории Pax Americana оказался недолговечной иллюзией.

В октябре 1949 г. миру стало известно, что Советский Союз, вопреки всем расчетам западных капиталистических держав, навсегда подорвал атомную монополию Соединенных Штатов Америки. Историческое значение этого факта трудно было переоценить. Ликвидация атомной монополии американского империализма заключала в себе потенциальную ликвидацию американских претензий на мировое господство. В этих условиях при сложившемся соотношении сил между мировой системой социализма и мировой системой капитализма вступление всемирной истории во второй половине XX в. в эпоху атомной энергии могло бы означать создание предпосылок для мирного развития, в котором человечество, испытавшее ужасы второй мировой войны, так нуждалось и нуждается до сих пор. Но идеологи и политики империализма, не желая расстаться ни со своими агрессивными планами, ни со своими историческими и политическими иллюзиями, не сделали необходимых реалистических выводов даже тогда, когда наиболее дальновидные из них поняли, что наступил «решающий перелом в мировом соотношении сил». Более того, они приняли решение «со стремительной последовательностью, решительностью, а вместе с тем и осторожностью» ринуться вперед по пути агрессивной политики и, усилив «холодную войну», начать новый раунд вооружений, как атомных, так и конвенциональных. Это был акт политического безумия, продиктованный надеждами на успех политики «холодной войны» и «отбрасывания коммунизма». Программа была такова: «Вооружение Америки должно проводиться, безусловно, в первую очередь; после этого должна быть вооружена Западная Европа и, наконец, Западная Германия»⁴⁰. Атомное вооружение в системе НАТО должно было остаться монополией США; другим участникам НАТО предназначалось, наряду с США, нести всю тяжесть участия в гонке конвенциональных вооружений.

Исходным пунктом последующего развития курса на возрождение германского милитаризма и на включение его в систему НАТО являлся раскол Германии, осуществленный в результате переговоров между западными империалистическими державами и руководящими кругами Западной Германии. В этом смысле, наряду с ликвидацией атомной монополии США, образование Федеративной Республики Германии, с одной стороны, а затем Германской Демократической Республики — с другой, стали, в пределах нашей темы, важнейшими событиями, определившими, начиная с осени 1949 г., дальнейшее развитие истории современной Европы. Еще одним важным событием того же времени явилась разработка в НАТО (в ноябре 1949 г.) начального варианта стратегической доктрины «щита и меча». Несколько позднее, когда этот вариант был принят участниками НАТО в качестве общей доктрины, стало ясно, что

³⁹ M. D. Taylor. *The Uncertain Trumpet*. New York, 1960, p. 12.

⁴⁰ H. M. Morgenthau. *American Foreign Policy*. London, 1952, p. 179—181.

сухопутным армиям в Западной Европе, а также тактической авиации и военно-морским силам отводилась роль «щита», между тем как роль «меча», т. е. главной ударной силы, предназначалась американской стратегической бомбардировочной авиации, располагающей атомным оружием. Но это означало, что западноевропейские державы не только признавали свою военную зависимость от США, но и должны были взять на себя новое бремя, связанное с участием в гонке вооружений.

В целом все это не могло не вызвать серьезных трений в каждом из западноевропейских государств — участников НАТО, а также между этими государствами и Соединенными Штатами Америки. Руководящие политические круги Федеративной Республики Германии смогли использовать эти трения и разногласия в лагере НАТО прежде всего, чтобы заинтересовать США перспективой возрождения германского милитаризма и более эффективного его использования в плане стратегической доктрины «щита и меча». Но эта перспектива еще пугала западноевропейских участников НАТО. Летом 1949 г. при обсуждении во французском Национальном собрании вопроса о ратификации пакта НАТО, Робер Шуман, министр иностранных дел, заверял, что «Германия не будет допущена к участию в Атлантическом пакте», что «Германия не имеет армии и не может ее иметь», что «у нее нет оружия, и она не получит его...»⁴¹. В марте 1950 г. в ответ на требование лидера консерваторов У. Черчилля предоставить Западной Германии возможность включиться в систему вооружений государств Западной Европы, Бевин, министр иностранных дел лейбористского правительства, заявил, что предложение экс-премьера «ужасно» и что не только Англия и Франция, но и США «противятся перевооружению Германии»⁴². Все это было «слова, слова, слова...». Уже в сентябре 1950 г. Макклой, верховный комиссар США в Германии, публично заявил: «Так или иначе следует предоставить немцам возможность, если они хотят этого, оборонять свою страну... Если это называется перевооружением, — ну что же, пусть будет перевооружение»⁴³.

Правительства Англии и Франции еще оказывали некоторое сопротивление планам открытой ремилитаризации Западной Германии, весьма робко, непоследовательно и несогласованно. Но за кулисами уже действовали влиятельные силы американского империализма, — и притом в тесном контакте с правящими кругами Федеративной Республики Германии. Бундесканцлер К. Аденауэр знал, что делает, когда в конце августа 1950 г. заявил, что, если будет создана западноевропейская армия, ФРГ готова принять в ней участие, предоставив соответствующие контингенты. Правительство и военные круги США активно поддерживали идею ремилитаризации ФРГ и настолько активно продвигали эту идею, что перед их натиском Англия и Франция стали отступать, тем более, что их позиции с самого начала дипломатической борьбы не отличались ни твердостью, ни определенностью. В начале 1951 г. в результате согласованного нажима Вашингтона и Бонна представители Англии и Франции согласились, что ФРГ предоставит «европейской армии» крупные контингенты. Это был большой успех сил, заинтересованных в возрождении германского милитаризма, тем более, что через год Лиссабонская сессия Совета НАТО не только одобрила проект создания «Европейского оборонительного сообщества» (ЕОС), но и приняла

⁴¹ Ю. Лидер. НАТО. Очерки истории и доктрины. Сокращ. перев. с польск. А. Панфилова. Предисловие Б. Халоши. М., 1964, стр. 65.

⁴² Н. Н. Софинский. К истории создания агрессивного блока в Европе (1952 — август 1954 гг.). — Сб. «Вопросы новой и новейшей истории. Акад. обществ. наук. Ученые записки», вып. 33. М., 1958, стр. 154.

⁴³ J. P. Warburg. Germany, Key to Peace. Cambridge, 1953, p. 141.

ряд других решений, имевших целью укрепить военную систему НАТО на западноевропейском плацдарме.

Однако темпы усиления этой системы, навязанные агрессивными кругами американского империализма, не соответствовали ни финансово-экономическим возможностям, ни общим политическим настроениям западноевропейских государств, и поэтому, в конце концов, они не были выдержаны; но в этих условиях активность милитаристских кругов ФРГ не могла не получить поддержку со стороны руководящих кругов НАТО и Пентагона. 26 мая 1952 г., накануне подписания договора о «Европейском оборонительном сообществе» в Бонне был подписан «Общий договор» между США, Англией, Францией и ФРГ, — договор, который формально отменял оккупационный режим в Западной Германии, хотя и предоставлял западным державам право содержать войска на ее территории. Правда, идея создания «Европейского оборонительного сообщества», выдвинутая Францией не без инспирации со стороны Соединенных Штатов⁴⁴, вызвала острую борьбу среди участников НАТО; если английское правительство, ссылаясь на свою принадлежность к Британскому содружеству наций и стремясь сохранить за собой роль арбитра в Западной Европе, отказалось от вступления в ЕОС, то французское правительство, формально являвшееся инициатором ЕОС, встретило решительное сопротивление со стороны Национального собрания. Эти внешние и внутренние разногласия, хотя и задержали осуществление разработанных планов ремилитаризации Западной Германии, однако создали для правящих кругов ФРГ широкие возможности маневрирования в интересах политического продвижения этих планов.

В конце 1953 и в начале 1954 г. в мире появились не только признаки, но и объективные возможности некоторого смягчения международной напряженности, в частности, в связи с заключением перемирия сначала в Корее, а затем во Вьетнаме. В августе 1953 г., после того как стало известно, что Советский Союз является обладателем водородной бомбы, было очевидно, что все агрессивные политические и военные расчеты американского империализма и НАТО, связанные с «холодной войной» и политикой «отбрасывания», теряют под собою почву, так же как и концепция «щита и меча». Таким образом, открывалась перспектива для поисков путей к устранению «холодной войны», более того, для разрядки международной напряженности, а следовательно, и для трансформации агрессивного блока НАТО в действительно оборонительную организацию в рамках всеобщей системы коллективной безопасности. В течение последних пяти месяцев 1953 г. Советское правительство пять раз настаивало на созыве совещания министров иностранных дел для рассмотрения мер по уменьшению напряженности в международных отношениях и особо — германского вопроса, решение которого теснейшим образом связано с обеспечением безопасности в Европе и, следовательно, с уменьшением напряженности в международной обстановке. Далее, в начале 1954 г. Советский Союз предложил проект договора о создании системы коллективной безопасности, но и это предложение было отклонено западными державами.

Учитывая, что организаторы и руководители НАТО, стремясь оправдать предстоящее включение в него милитаристских сил, возрождаемых в Западной Германии, постоянно заверяли, что они усматривают в этом эффективную меру предотвращения новой германской агрессии, поскольку НАТО является организацией, преследующей исключительно оборонительные цели, Советский Союз выразил готовность (31 марта 1954 г.) рассмотреть вопрос о возможном своем включении в эту организацию. Но западные державы, представленные в НАТО, отклонили

⁴⁴ См. Н. Н. Софинский. Указ. соч., стр. 144—165.

советское предложение, осуществление которого могло бы создать самые благоприятные возможности для нормализации международных отношений в Европе и во всем мире. Более того, руководящие политические и военные круги в США и в НАТО как раз в это время были заняты разработкой новой программы военной политики «с позиции силы» и новой доктрины «массированного возмездия». Переоценив значение первого взрыва водородной бомбы, осуществленного США на атолле Бикини (1 марта 1954 г.), эти агрессивные круги считали, что, заполучив в свои руки новое сверхоружие, они снова, на еще более грозной основе, могут овладеть и инициативой ведения тотальной и глобальной войны. Политика «вытеснения коммунизма», казалось бы, получила новый, зловещий импульс для своего практического претворения. Как отмечает польский публицист Юлиан Лидер в своем исследовании истории НАТО, с этим были связаны два решения: «Военные планы европейской системы НАТО должны опираться на ядерное оружие; Западная Германия должна быть окончательно включена в НАТО»⁴⁵.

И действительно, опираясь на доктрину «массированного возмездия», НАТО положил в основу своих планов оснащение американских частей, находящихся в составе вооруженных сил НАТО, тактическим атомным оружием, а также использование стратегической авиации США, обладающей ядерными снарядами. Политико-стратегическая обстановка осложнялась еще тем, что значительные вооруженные силы НАТО размещались непосредственно у восточных границ ФРГ. При всем том монополия на атомное оружие в системе НАТО сохранялась в руках США, что вызвало недовольство со стороны других участников этого военного блока. И хотя все круги населения ФРГ отдавали себе отчет в том, что в случае атомной войны территория Германии обречена на страшные разрушения, правящие круги ФРГ не подвергали политику США критике и открыто не выдвигали каких-либо требований, имеющих отношение к стратегии НАТО.

Однако, как отметили тогда в английских военных кругах, «немцы (имеются в виду милитаристские круги ФРГ.— А. Е.) находятся в выгодной для торга позиции ввиду того значения, какое придают на Западе немецкой военной силе. Поэтому не удивительно, что их самоуверенность растет»⁴⁶. Одержимый реваншистскими устремлениями в отношении стран социалистического сообщества, германский милитаризм ждал часа, когда он сможет предъявить западным партнерам свои требования стратегического и политического характера.

4

И вот этот час наступил. 21 октября 1954 г. в Париже были подписаны соглашения, открывавшие широкие ворота для ремилитаризации ФРГ (формирование вооруженных сил в размере более 500 тыс. человек, в частности 12 моторизованных дивизий) и для вступления ФРГ в НАТО. 8 мая 1955 г.— в десятую годовщину подписания акта о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии, германский милитаризм был официально принят в число участников военного блока современного империализма — НАТО. Так завершился процесс перегруппировки в системе капиталистических государств Запада. День вступления ФРГ в НАТО был днем окончательного раскола Германии.

С тех пор усилия германского милитаризма в системе НАТО идут в четырех направлениях.

⁴⁵ Ю. Лидер. Указ. соч., стр. 99.

⁴⁶ J. D. Wagne. NATO and its Prospects. London, 1954, p. 60—61.

Во-первых, германский милитаризм стремился в наикратчайшие сроки выполнить разработанную программу своих вооружений. Если в конце 1956 г. в составе бундесвера было 67 тыс. человек, то в середине 1964 г.— уже свыше 400 тыс. Это означает, что программа формирования 12 дивизий выполнена, причем уже подготовлены все мероприятия, осуществление которых даст возможность развернуть массовую армию численностью до 2 млн. человек. По своей квалификации, насыщенности новейшей военной техникой, наконец, по оснащенности современным вооружением, включая средства доставки атомных боеголовок, эти германские дивизии, по мнению наблюдателей, превосходят другие национальные контингенты в системе НАТО.

Во-вторых, германский милитаризм настойчиво добивался и добивается продвижения своих офицерских кадров на такие посты в НАТО, которые предоставляют ему если не формальную, то фактическую возможность установить контроль над важнейшими политическими, стратегическими и оперативными решениями НАТО. И в этом отношении, в особенности за последние годы, германский милитаризм во многом преуспел⁴⁷.

В-третьих, воспользовавшись высокой экономической конъюнктурой и методами финансово-политического давления на другие государства, входящие в НАТО, а также учитывая исторический опыт экономической подготовки второй мировой войны, потребовавшей огромного напряжения, германский милитаризм в современных условиях предпочитает не брать на себя всю тяжесть развертывания военной промышленности, а выступать в роли «интегратора» вооружений⁴⁸. Военные расходы ФРГ уже в 1963 г. превышали 18 млрд. марок, и тем не менее доля национального дохода, затрачиваемая ею на вооружения, в процентном отношении значительно ниже не только по сравнению с США, но и по сравнению с Англией и Францией. Правящие круги Западной Германии при помощи распределения военных заказов не только стимулируют гонку вооружений в других странах, но приобретают дополнительное оружие давления на них. В то же время, придерживаясь в рамках НАТО принципа специализации военного производства, германские монополии, действуя в союзе с милитаристскими кругами, стремятся удержать в своих руках авиастроение, а главное — ракетную технику. Именно в этой области они действуют в тесном контакте с крупными американскими монополиями.

Наконец,— и это самое главное,— со времени своего вступления в НАТО германский милитаризм упорно и настойчиво добивается продвижения к пульту атомной войны. Накануне вступления в НАТО и в первые годы после вступления в него Аденауэр, Штраус и другие политические лидеры ФРГ утверждали, что они не собираются добиваться атомного оружия. Эти заверения имели ту же цену, как и более ранние их заверения, что ФРГ не собирается восстанавливать вооруженных сил. Не обошлось и без хитроумных маневров. В начале мая 1957 г. на сессии Совета НАТО в Бад-Годесберге Аденауэр решительно поддержал Даллеса, требовавшего подтвердить стратегию ядерной войны и, в частности, усилить мощь ядерного «меча». Но затем, когда некоторые участники НАТО, пугаясь «устрашающей силы» ядерного «меча», посколь-

⁴⁷ Германский милитаризм уже имеет свое представительство в следующих органах командования НАТО в Европе: Штаб-квартира верховного командования НАТО в Европе, Главное командование в Северной Европе, Главное командование в Центральной Европе, Командование сухопутными силами в Центральной Европе, Командование сухопутными силами в Шлезвиг-Гольштейне, Датско-западногерманское объединенное командование на Балтике, Командование военно-воздушных сил в Центральной Европе, Командование военно-морских сил в Центральной Европе.

⁴⁸ Л. Г. Истягин. ФРГ и НАТО. М., 1963, стр. 31—48.

ку понимали, что ответный удар может обернуться против них, стали выдвигать требование усиления конвенциональных войск «щита», никто не поддержал эти требования так активно, как милитаристские круги ФРГ. Речь сначала шла об увеличении бундесвера, чтобы затем потребовать его усиления при помощи оснащения ядерным оружием.

Запуск в СССР первого в мире искусственного спутника Земли (4 октября 1957 г.) вызвал кризис стратегии США и НАТО⁴⁹. Только Аденауэр сделал вид, будто, по его мнению, ничего собственно не произошло. И действительно, руководящие круги германского милитаризма не отказались от своей основной политико-стратегической линии: реваншистские претензии и курс на атомное вооружение. В Вашингтоне начались поиски выхода из этого кризиса, и германские стратеги в Бонне и в НАТО искали его на пути наиболее агрессивных политических решений. Предложения Советского Союза о прекращении испытаний ядерного оружия, о подписании всеобщего пакта о ненападении не были приняты, как и предложение польского правительства о создании в Центральной Европе безатомной зоны (план Рапацкого). Руководящие политические и милитаристские круги ФРГ рассматривали эту позицию, занятую западными державами, как свой успех. С другой стороны, они активно поддерживали военные решения НАТО, которые, как справедливо отмечает Ю. Лидер, «были направлены исключительно на то, чтобы попытаться гальванизировать концепцию „щита и меча“ путем дополнения теории тотальной ядерной войны теорией ограниченной ядерной войны в Европе»⁵⁰. Так весной 1958 г. родился план «МС-70», предусматривающий в течение пяти лет увеличение количества дивизий «щита» и оснащение его тактическим ядерным оружием. Германский милитаризм тотчас же активно включился не только в разработку этого плана, но и в его реализацию. Отныне вопросы атомного вооружения бундесвера из секретных досье военного министерства были перенесены на рассмотрение бундестага, поспешившего одобрить программу, существование которой ранее отрицалось. Более того, Штраус, министр обороны и наиболее ретивый сторонник атомного вооружения бундесвера, получил свободу действий в этом направлении до 1963 г., и хотя в связи со скандальным делом «Шпигель» ему не удалось удержаться на своем посту, намеченная программа продолжала выполняться и его преемником Хасселем. План «МС-70» предусматривал предоставление бундесверу ракет для использования атомного оружия, хранящегося на складах, ключи от которых находятся у американских офицеров.

Но сделав сильный рывок к овладению ракетно-ядерным оружием, германский милитаризм уже не удовлетворяется этим. Он не только воспринимает агрессивные установки НАТО в отношении бундесвера, но и стремится внедрить в НАТО свои собственные установки применительно к реваншистским целям. В августе 1960 г. в своем «генеральском меморандуме» он громогласно заявил, что «ответственность начальников за доверенных им солдат вынуждает их в существующей ситуации требовать атомного оружия». Далее, имея в виду достижение поставленных военных целей, он формулировал требования как в отношении НАТО, так и в отношении правительства ФРГ: укрепление НАТО, усиление ядерного «щита» (т. е. вооружение ядерным оружием западноевропейских войск, в первую очередь, конечно, бундесвера) и введение всеобщей воинской повинности в ФРГ. Когда в поисках выхода из кризиса стратегической доктрины НАТО милитаристские круги США выдвинули идею «ограниченных войн», в ходе которых специально выделенные силы должны играть роль «меча», в то время как атомная мощь должна

⁴⁹ См. W. W. Rostow. The United States in the World Arena. New York, 1960. p. 366

⁵⁰ Ю. Лидер. Указ. соч., стр. 161.

выполнять обязанности «щита», руководящие круги германского милитаризма поспешили поддержать эту идею. Идеологи «ограниченной войны» не могли не знать, что выдвинутая ими концепция является антиреалистической и крайне опасной концепцией. Еще в 1958 г. Советский Союз счел нужным предупредить, что ограниченная война «может легко разгореться, как разгорается огонь при сильном ветре. В этих условиях всякие разговоры о „малых“ и „локальных“ войнах не более как наивная иллюзия, надежды на ограниченность военных действий — обман или самообман. Тот, кто поставлен у кормила настоящего, не имеет права забывать прошлого, а первыми звеньями в цепи событий, которые привели к второй мировой войне, тоже были „малые“ и „локальные“ войны и захват чужих территорий»⁵¹. Однако германский милитаризм постарался придать американской концепции такое направление, которое отвечало его агрессивным целям. Во-первых, он искал санкции на развязывание «ограниченной войны» в Центральной Европе, имея в виду поглотить Германскую Демократическую Республику. Во-вторых, ему импонировала связанная с этой идеей концепция «постепенного устрашения», поскольку, как разъяснял бывший нацистский генерал Г. Шпейдель, занимавший пост командующего сухопутными войсками НАТО в Центральной Европе, можно было воспользоваться конвенциональными войсками, не прибегая сразу к тотальной атомной войне⁵². В-третьих, — «генеральский меморандум» формулировал это достаточно ясно — концепция «устрашения» влекла за собой требование атомного вооружения войск, участвующих в «ограниченной войне».

Одновременно германский милитаризм не упускал случая, чтобы оказать и политическое давление на США. Опираясь на растущую экономическую мощь германских монополий в «общем рынке» и в осуществлении планов неокOLONиалистской экспансии, он стал добиваться, — и небезуспешно, — усиления своего политического влияния в НАТО. С этой целью руководящие круги Бонна при помощи политических средств, дипломатических каналов и прессы стали оказывать давление на США; используя каждую возможность, они стали внушать им, что послевоенный период зависимости ФРГ от США остался позади и что последние сами нуждаются во «вкладе», который может быть предоставлен ФРГ в систему НАТО, в особенности в критические моменты ее внутреннего развития и общей международной обстановки. Вот почему правящие круги германского милитаризма проявили такую активность, когда возник проект превращения НАТО в «четвертую ядерную державу». Этот план впервые был выдвинут в декабре 1959 г. Л. Норстэдом, который предложил передать командованию НАТО 300 аппаратов для запуска американских ракет типа «Поларис» с атомными боеголовками. План Норстэда был принят в Бонне с восторгом. Аденауэр, Штраус, Брентано и другие политические деятели, представляющие наиболее агрессивное крыло германского милитаризма, не скрывали, что в осуществлении этого плана они усматривают значительный шаг на пути к удовлетворению своих атомных вожделений. Однако «план Норстэда» встретил решительное сопротивление со стороны Англии и Франции, которые усмотрели в нем угрозу их собственной ядерной мощи, — настоящей или будущей. К тому же они понимали, что осуществление этого плана слишком усилит ядерные позиции германского милитаризма в системе НАТО. В конце концов «план Норстэда» отпал, и вместо него в декабре 1962 г. в ходе переговоров Дж. Кеннеди и Макмиллана возник план «многосторонних ядерных сил».

Между тем два европейских участника НАТО — ФРГ и Франция, за-

⁵¹ «Правда», 20 июля 1958 г.

⁵² См. «Wehr und Wirtschaft», сентябрь 1960 г.

ключили новый военный блок, выходящий за рамки НАТО. В основе этого блока лежит сближение между влиятельными западногерманскими и французскими монополиями, попытка согласования их разноречивых интересов в борьбе за господство в пределах «общего рынка», а также в борьбе за благоприятные условия неокOLONиалистской экспансии. Но договор (22 января 1963 г.), оформивший «ось Бонн — Париж», имеет и другие важные аспекты, политические и военные. Он создает дополнительные трудности решения германского вопроса. Он направлен против заключения германского мирного договора и против решения на этой основе вопроса о Западном Берлине. Вместе с тем он открывает германскому милитаризму новую перспективу атомного вооружения в условиях сотрудничества с Францией как новой атомной державы. В этом смысле «ось Бонн — Париж» предоставляет ФРГ возможность дополнительного воздействия на США и даже их шантажирования в тех вопросах общей политики и политики НАТО, которым в Бонне придается особое значение с точки зрения курса на атомное вооружение как орудие политики реванша.

В конце 1963 г. руководящие круги германского милитаризма приступили к разработке «новой стратегии передовой обороны», которая, в противоположность американской доктрине применения в случае войны в Европе «обычного» оружия в течение первых тридцати дней конфликта, планирует применение тактического атомного оружия уже в начале военного конфликта. Ссылаясь на «надежные круги штаб-квартиры НАТО», крупнокапиталистический орган «Die Welt» сообщал: «Новая германская концепция включает применение „боевого оружия“. Основой этой концепции является предусмотренное введение дальнобойного тактического ядерного оружия. Предварительное условие новой стратегии — чтобы все намечаемые соединения в своих исходных районах восточной части Федеративной Республики двинулись „в поход“»⁵³. Эта концепция «стратегии передовых рубежей» уже не является первоначальной наметкой. Она была подробно изложена министром обороны ФРГ Хасселем перед американской аудиторией. Решительно настаивая на скорейшем создании в рамках НАТО многосторонних ядерных сил, он подтвердил «стратегию устрашения»: «Североатлантический союз должен иметь способность использовать ядерное оружие в условиях, когда его применение было бы не признаком отчаяния, а определялось военными и политическими соображениями»⁵⁴. Так германский милитаризм спустя несколько лет после своего вступления в НАТО пытается диктовать последнему свои методы и свои цели — агрессивные методы и агрессивные цели, которые могут повлечь за собой возникновение на немецкой земле атомной катастрофы.

В этих условиях поиски реальной возможности устранения в Европе опасности возникновения термоядерной войны остаются самой актуальной проблемой современности. К реалистическому решению этой жизненной проблемы ведут многие пути. Главным из них является заключение германского мирного договора, который, учтя происшедшие в Европе изменения, подвел бы черту под второй мировой войной. Важнейшей задачей является заключение договора о всеобщем и полном разоружении, разумеется, под строгим международным контролем. Этому в значительной степени способствовала бы договоренность о сохранении строго ограниченного согласованного количества ракетных и ядерных средств, предназначенных для обороны, на территории СССР и США вплоть до окончания завершающего этапа программы всеобщего и полного разоружения. Но имеется и ряд других предложений, осущес-

⁵³ «Die Welt», 30 октября 1963 г.

⁵⁴ «Foreign Affairs», 1964, № 1.

ствление которых отвечает всеобщим интересам и в значительной степени укрепило бы мир и безопасность в Европе: вывод иностранных войск с чужих территорий, сокращение общей численности вооруженных сил государств, предотвращение дальнейшего распространения ядерного оружия, меры предотвращения внезапного нападения, заключение пакта о ненападении между державами НАТО и участниками Варшавского договора и, — последнее по счету, но отнюдь не по значению, — замораживание ядерных вооружений в Центральной Европе, а также создание там широкой зоны, свободной от атомного оружия. Нет сомнения, что после заключения Московского договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой, после договоренности между СССР и США о невыводе в космос объектов с ядерным и другим оружием массового уничтожения на борту и, наконец, после решения СССР, США и Великобритании сократить производство расщепляющихся материалов для военных целей, достижение соглашения о замораживании ядерных вооружений, а затем о безатомной зоне в Центральной Европе далеко продвинуло бы вперед дело разрядки международной напряженности.

Сторонники политики атомного вооружения ФРГ утверждают, что создание такой зоны не обеспечит безопасности немецкому народу, поскольку вокруг территории германских государств остаются ракеты с атомными боеголовками. Но этот аргумент нельзя считать состоятельным, — он отвечает только агрессивным устремлениям германского милитаризма. Германская Демократическая Республика, озабоченная судьбой всего немецкого народа, разработала широкую и эффективную программу, осуществление которой может не допустить, чтобы на немецкой земле мировая война возникла в третий раз. Реваншистской программе атомного вооружения германского милитаризма Германская Демократическая Республика противопоставляет «германскую мирную доктрину», основанную на признании реального положения на немецкой земле и нормализации отношений между двумя существующими германскими государствами. Эта «мирная доктрина» исходит из того, что оба германских государства должны отказаться от производства, приобретения и применения ядерного оружия, не стремиться ни в какой форме, прямо или косвенно, через третьи государства или группировки держав, одним или в союзе с другими государствами к тому, чтобы получить право распоряжаться атомным оружием, не размещать ни в каком виде ядерное оружие на собственной территории и не разрешать этого делать третьим государствам или группировкам держав, а также значительно сократить военные бюджеты и предпринять другие меры, которые способствовали бы разрядке международных отношений в Европе и во всем мире⁵⁵. Таким образом, впервые в истории агрессивной доктрине германского милитаризма противостоит «германская доктрина мира», — и притом не утопическая, а глубоко реалистическая, учитывающая соотношение сил в мире и опасности ядерного века.

Образование безатомной зоны в Центральной Европе облегчило бы создание безатомной зоны и в Скандинавии, и на Балканах. Если к тому же принять во внимание нейтральный статус Австрии и Швейцарии, то стало бы фактом создание широкой полосы, разделяющей атомные силы от северной точки Европы до Средиземноморья. Это имело бы тем большее значение, что все африканские государства стремятся превратить свой материк в огромную безатомную зону. Таким образом, в международных отношениях произошли бы крупные изменения позитивного зна-

⁵⁵ См. Erklärung des Vorsitzenden des Staatsrates der DDR, Walter Ulbricht, vor der Volkskammer am 1. September 1964 aus Anlass des 25. Jahrestages des Ausbruchs des zweiten Weltkrieges und des 50. Jahrestages des Ausbruchs des ersten Weltkrieges. — «Neues Deutschland», 2 сентября 1964 г.

чения. Вот почему идея создания безатомной зоны в Европе является одной из самых многообещающих идей современной истории. Ее осуществление тем более возможно, что идея необходимости и целесообразности международной разрядки стала достоянием широких общественных кругов во всех капиталистических странах. Только американские и западногерманские «ультра» заинтересованы в том, чтобы вернуться к политике «холодной войны».

Некоторые круги на Западе утверждают, будто, выдвигая идею международной разрядки, Советский Союз рассчитывает ослабить НАТО и использовать в своих целях разногласия и противоречия в нем. Разногласия внутри НАТО являются объективно существующим фактом, присущим общему кризису империалистической политики. Наличие этих противоречий не следует ни недооценивать, ни преувеличивать. История не знала военно-агрессивных блоков, которые были бы всегда монолитны или не имели бы трещин. И тем не менее эти блоки существовали порою в течение десятилетий. Реально говоря, не следует думать, что разногласия в НАТО, иногда довольно острые, могут вскоре привести к распаду этого блока. Но существование этого блока не должно быть препятствием для поисков возможностей устранения опасности войны в Европе. Агрессивный германский милитаризм, снова стремящийся играть крупную роль в системе военного блока, стремится помешать этим поискам. Поскольку в мире существуют противоположные социально-экономические системы, единственное средство устранить опасность возникновения вооруженного конфликта в Центральной Европе,— конфликта, который в современных условиях может вылиться в мировую термоядерную катастрофу,— состоит в том, чтобы обеспечить торжество принципов мирного сосуществования. Тогда германский милитаризм не сможет использовать военные блоки в своих агрессивных целях.

1964 г.

ИДЕОЛОГИЯ ГЕРМАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА И РЕАЛЬНОСТИ НАШЕГО ВЕКА

Великие переломные эпохи всемирной истории ставят перед человечеством и великие проблемы бытия. В эти эпохи рушатся давно установившиеся понятия и представления, категории и догматы, рушатся иррациональные, мистифицированные или религиозные формы мышления и дерзновенный разум совершает такие открытия в понимании законов диалектики природы или развития общества, которые заново формируют мировоззрение передового человечества. Так было в эпоху перехода от феодализма к капитализму, в эпоху Возрождения, когда Николай Коперник, Джордано Бруно и Галилео Галилей, эти «гиганты учености, духа и характера»¹, проникнув в тайны мироздания и бросив вызов реакционной идеологии католицизма, скрепленной вековой традицией и могущественной инквизицией, раскрыли закономерности движения нашей планеты в гелиоцентрической системе мира. Так было в эпоху первых революционных натисков рабочего класса против бастилий капитализма в Западной Европе, когда Карл Маркс и Фридрих Энгельс, великие творцы материалистической диалектики, раскрыв закономерности борьбы классов в различных сменяющих друг друга общественно-экономических формациях, показали историческую неизбежность дальнейшего прогрессивного движения общества от сложившейся формации — капитализма, к новой формации — бесклассовому обществу — коммунизму. Так происходит и в наш век, начало которому было положено великими открытиями В. И. Ленина, показавшими исторические особенности и закономерности империализма и проложившими новые пути как в развитии теории научного коммунизма, так и в практике ее революционного воплощения в действительность. Ныне, после второй мировой войны, эта теория, являющаяся творческим обобщением всего опыта мировой истории, уже господствует на огромной части нашей планеты. Она владеет умами передовых отрядов рабочего класса и интеллигенции и в странах капиталистического мира, где сама история и объективное положение народных масс толкают их на поиски путей освобождения от господства империализма и его неизбежных спутников — милитаризма, различных форм колониализма и постоянной угрозы новой агрессии. Империализм и милитаризм все еще таят в себе опасность развязать новую мировую войну, которая ввиду наличия термоядерного оружия была бы наиболее разрушительной и опустошительной в истории человечества.

В этих условиях единственным реалистическим подходом к устранению опасности атомной войны был бы отказ империалистических держав от «холодной войны», отход от политики «с позиции силы» к политике с позиции разума, признание принципа мирного сосуществования государств с различным общественным и государственным устройством. Со времени раскола мира на две системы — социалистическую и капитали-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 508.

стическую — этот принцип, разработанный и обоснованный В. И. Лениным, имеет универсальное значение.

Однако в Германии сложились особые условия, а в соответствии с этим история выдвинула перед немецким народом особые национальные задачи, решение которых будет иметь большое интернациональное значение для всей Европы и даже для всего мира. Эти условия объективно определяются тем, что после окончания второй мировой войны на территории Германии сложились два самостоятельных немецких государства с различным общественным и государственным устройством. В одном из этих государств — ГДР — победила идеология социализма, демократии и мира, а в другом — ФРГ — господствуют силы империализма и милитаризма, которые, будучи одержимы идеологией реваншизма, стремятся внедрить эту идеологию во все области жизни и, ослепив массы, повести их за собой. С другой стороны, встав на путь раскола Германии и включения ее западной части в систему НАТО, эти агрессивные силы германского империализма представляют наибольшую опасность для дела мира в Европе: мечтая о восстановлении Германской империи в границах 1937 г. и даже в границах 1871 г., они взяли курс на насильственный захват Германской Демократической Республики, курс на реванш против Польши, Чехословакии и Советского Союза. Они поставили перед собой цель добиться господствующих позиций в системе НАТО и, вооружив бундесвер ракетным и атомным оружием, осуществить ревизионистские планы при помощи своих западных партнеров. Таким образом, здесь, в центре Европы, идеологическая борьба двух систем по вопросу, составляющему главную проблему современной истории, — мирное сосуществование или атомная война, — выступает особенно остро и осязаемо.

Нельзя сказать, что апологеты германского империализма и милитаризма не понимают объективного значения этой проблемы и той роли, какую идеология призвана сыграть в ее решении. Они это понимают и потому искажают в своих интересах. Говоря словами Теодора Литта, одного из идеологов господствующих классов Западной Германии, в особенности ее милитаристских кругов, в основе всех вопросов о судьбах современности лежит один вопрос: «Как наша эпоха понимает самое себя?»² Преследуя определенную цель оправдания политического курса германского милитаризма и атомного вооружения бундесвера, современные идеологи господствующих классов Западной Германии ищут в понятии «атомного века» основной ответ на «вопрос судьбы» в современную эпоху. Но направление идеологических поисков и вариации заранее данного ответа не могут не привлечь к себе всеобщего внимания. Вот почему в наше время, когда действительно решаются исторические судьбы человечества, раскрытие содержания новых форм и специфических тенденций империалистической идеологии, возродившейся и утвердившейся в Западной Германии, в сопоставлении со старыми формами и их исторически пагубной ролью, является одной из наиболее актуальных научных и политических задач не только прогрессивных демократических сил немецкого народа, но и вообще всех людей, повсеместно заинтересованных в том, чтобы угрозу третьей мировой войны — атомной катастрофы устранить навсегда.

1

Оглядываясь назад на развитие немецкой историко-политической мысли, нетрудно убедиться, с какой энергией и последовательностью ее наиболее крупные или типичные представители выдвигали идею «не-

² T. Litt. *Wie versteht unser Zeitalter sich selbst?* — «Schicksalsfragen der Gegenwart», Bd. I. Tübingen, 1957, S. 9 ff.

мецкой миссии». Ее содержанием были не достижения немецкого гуманизма, которые завоевали мировое признание как вклад в историю культуры человечества, и не усилия немецкой философской мысли — Гердера и Канта — проложить пути к «вечному миру». Нет, различные варианты идеи «немецкой миссии», выдвигаемые в меняющихся исторических условиях, нагромождаясь, а порою и сталкиваясь, имели другую отличающую их сквозную черту: они были призваны идейно утвердить и морально оправдать реакционный курс и экспансионистские устремления германского милитаризма и империализма.

У истоков этих традиций стояла «немецкая историческая школа» Леопольда Ранке. Если его историко-критический метод и широкое привлечение архивных документов создавали трудно распознаваемую иллюзию научной объективности, то философско-историческая концепция, опираясь на видимый реализм и конкретность исторической науки, раскрывала широкий простор для утверждения прусско-германского государства как реализации «божественной мысли»³. Идея обожествления этого государства покоилась на старой философско-исторической традиции, которую не избежал даже такой великий мыслитель, как Гегель. Концентрируя свои усилия на изучении развития идей крупнейших государственных и политических деятелей как воплощении исторического процесса, Ранке усматривал объективное содержание этого процесса в том, чтобы, говоря словами его более либерального последователя Фридриха Мейнеке, утвердить взгляд на «политику могущества, как на органическую жизненную функцию государства»⁴. Столь реакционное понимание этой функции, распространяемой прежде всего на прусско-германское государство, вело, с одной стороны, к решительному отрицанию идей народного суверенитета, демократии и даже либерализма, как противоречащих «немецкой сущности», а с другой — к столь же решительному утверждению идеи о примате внешней политики.

Рассматривая государство как демиурга исторического процесса, Ранке придавал ему почти мистическое значение, а его внешнеполитическую функцию стал рассматривать как первенствующую и определяющую. В этой связи Ранке выдвинул идею о системе европейских государств как важнейшем факторе исторического процесса, — идею, которая могла бы быть научно плодотворной, если бы в нее было вложено прогрессивное содержание. Но сам Ранке, а затем и ранкеанцы постарались придать ей реакционный смысл: поставив в центре своего внимания идею о равновесии сил «великих держав»⁵, они не только внесли в нее европоцентристскую ограниченность (что, впрочем, было объяснимо в условиях первой половины XIX в.), но прежде всего создали концепцию, которая послужила идеологической основой и историческим обоснованием утверждения господства милитаристской Пруссии в Германии, а затем и борьбы милитаристской Германии за гегемонию в Европе. Впоследствии, попав на благоприятную политическую почву гегемонистских устремлений германского милитаризма в условиях бисмарковской системы военно-политических союзов, ранкеанская идея о равновесии сил нашла себе многочисленных адептов в буржуазно-юнкерской историографии и историко-политической публицистике того времени.

В конце XIX в. ранкеанство стало вырождаться в вульгарно-националистические идеи Трейчке, которого В. И. Ленин справедливо назвал казенно-полицейским историком⁶. Пренебрегая элементарными требова-

³ L. Ranke. *Sämtliche Werke*, Bd. 49/50. Leipzig, 1887, S. 329, 339.

⁴ F. Meinecke. *Die Idee der Staatsräson in der neueren Geschichte*. München, 1925, S. 429.

⁵ L. Ranke. *Die grossen Mächte*. — «Historische Zeitschrift», Berlin, 1833.

⁶ См. В. И. Ленин. *Полн. собр. соч.*, т. 16, стр. 9.

ниями научности, Трейчке умел придать своим плоским и реакционным идеям такой откровенно агрессивный характер, который весьма импонировал всему лагерю крайней реакции и сторонникам осуществления «немецкой миссии» ударом «немецкого меча». В частности, идеи Трейчке весьма импонировали Пангерманскому союзу, который, будучи основан крупными промышленниками и колониальными дельцами для пропаганды экспансионизма, охотно пополнял свой идеологический арсенал и из этого мутного источника⁷.

Вскоре, однако, идея «немецкой миссии» стала пониматься настолько расширительно, что рамки европейского континента оказались для нее уже слишком узкими. Задача заключалась в том, чтобы в старую националистическую идею вложить новое содержание, которое отвечало бы агрессивным устремлениям формирующегося империализма. Предчувствуя нарастание этих устремлений и как бы провозглашая их в духе уже твердо укоренившейся идеи «немецкой миссии», немецкая публицистика еще в 1895 г. внушала мысль: «Нужно где-либо в мире завоевать что-нибудь, чтобы самим стать чем-нибудь». Спустя год в «Национально-социальном катехизисе» прозвучали слова, еще более определенные и далеко идущие: «Что такое национальное? Это стремление немецкого народа распространить свое влияние на весь земной шар». Автором этой новой, столь многозначительной и емкой трактовки «немецкой миссии» был Ф. Науман⁸, в будущем автор широкой империалистской концепции «Срединной Европы».

В этих условиях раздавшийся с трибуны рейхстага на рубеже XIX—XX в. запечатлевшийся в истории клич — «Мы требуем места под солнцем!» — был всего только скромным плагиатом; но эти пять слов были восприняты современниками, говоря словами Наумана, как формула «великого вторжения в мировую историю». Последующие исследования показали⁹, как велика была роль исторической публицистики в формировании общественного мнения, когда новые «сильные мира сего» — финансисты, короли тяжелой промышленности и колониальные круги в союзе с адмиралом Тирпицем стали продвигать планы строительства крупного военно-морского флота как орудия «мировой политики». При помощи этого орудия, как тогда утверждали, можно будет вырвать «трезубец Нептуна» из рук Англии, а тем самым подорвать ее мировую гегемонию. Науман, который, как мы видели, одним из первых не только почуял дух времени, но и сумел подчинить ему старые, традиционные исторические идеи, придав им новый смысл и универсальное звучание, уже в 1900 г. писал: «Если в мировой истории что-то является безусловным, то это будущая мировая война, т. е. война тех, кто стремится спасти себя от Англии». Таким образом, идея «немецкой миссии» в ее «прусско-германском», а затем «континентальном» выражении времен «эры Бисмарка», стала с наступлением эпохи империализма расцениваться почти как провиденциальная, исторически предопределенная, поскольку геополитиче-

⁷ H. v. Treitschke. Deutsche Geschichte im 19. Jahrhundert, Bd. 1—5. Leipzig. 1904—1920; он же. Bundesstaat und Einheitsstaat, 1864; он же. Frankreichs Staatsleben und der Bonapartismus, 1861 ff; он же. Das konstitutionelle Königtum in Deutschland. Berlin, 1869 ff; он же. Der Sozialismus und seine Gönner. Berlin, 1875; он же. Der Sozialismus und Meuchelmord. Berlin, 1878; он же. Ausgewählte Schriften, Bd. I—II. Leipzig, 1907; он же. Historische und politische Aufsätze. Leipzig, 1911; он же. Die Politik, Vorlesungen gehalten an der Universität zu Berlin... Leipzig, 1911.

⁸ F. Naumann. Was heisst christlich-sozial? Sammlung von Aufsätzen, Bd. I—II. Leipzig, 1894—1896; он же. Soziale Briefe an reiche Leute. Göttingen, 1895; он же. National-sozialer Katechismus. Berlin, 1899; он же. Weltpolitik und Sozialreform. Berlin, 1897; он же. Mitteleuropa. Berlin, 1915. См. также T. Heuss. Friedrich Naumann. Tübingen, 1949; G. Theodor. Friedrich Naumann oder der Prophet des Profits. Berlin. 1957.

⁹ E. Kehr. Schlachtfloottenbau und Parteipolitik. 1894—1901. Berlin, 1930.

ское, срединное положение Германии в Европе и сложившаяся на континенте система военно-политических союзов великих держав не могли не быть включены в общую концепцию «мировой политики».

С тех пор и поныне неоранкеанство как главное направление в немецкой буржуазной историографии при всех различиях проблематики исторических и историко-публицистических работ и при всех разновидностях аспектов философско-исторических воззрений и исторических концепций воплощает в себе общие идеологические устремления германского империализма на различных этапах его развития. Объединенные общностью идеи о примате внешней политики и реакционными традициями «немецкого историзма» представители неоранкеанской школы сохраняли и сохраняют присущие каждому из них определенные акценты и аргументы в оценке исторической перспективы и соотношения методов и целей осуществления «немецкой миссии» в условиях меняющегося «равновесия сил великих держав». Так, назвав свое историко-политическое эссе, повторяя Ранке, «Великие державы», Макс Ленц уже на рубеже XIX—XX в. стремился доказать, что нарушенное равновесие может быть восстановлено только при условии, если «немецкая миссия» выйдет за пределы «континентальных» задач и, пусть с историческим запозданием, примет участие в разделе мира, притом не только при помощи активизации капитала, но и опираясь на военную мощь. Чтобы восстановить равновесие на новой, мировой основе, утверждал Ленц, наступает время, когда в исторических интересах «немецкой миссии» в мире следует бросить на весы всю мощь против великих держав, нарушивших это равновесие: «Мы можем им повелевать; мы держим весы в своих руках».

Эту апелляцию к милитаризму как решающей силе в борьбе за восстановление равновесия Дельбрюк, один из наиболее влиятельных историков и публицистов вильгельмовской эры, дополнил апелляцией к маринизму; в соответствии с политико-стратегической концепцией Тирпица он исходил из того, что не только и не столько континентальная армия, сколько броненосцы и дредноуты на морях и океанах могут решить проблему мирового равновесия. Но если Дельбрюк исходил из необходимости максимального использования дипломатических средств борьбы до тех времен, когда «владычица морей» сочтет риском превентивное столкновение с новым потенциальным морским соперником, то Гинце, оправдывая, как и все неоранкеанцы того времени, «стремление к могуществу» («Streben nach Macht»), формулировал историческую задачу так: «Мы хотим дополнить равновесие на суше равновесием на море». Как справедливо отметил Дехио, «это буквальная формулировка Тирпица!»¹⁰

Развиваясь вместе с ростом «мировой политики» германского империализма и с изменениями в соотношении сил на путях к мировой войне, неоранкеанская концепция «равновесия сил» приобретала различные аспекты: от попыток Мейнеке придать «немецкой миссии» мировое значение, утверждая превосходство немецкой философии, истории и государства (в исторических фигурах Гегеля, Ранке и Бисмарка он усматривал прежде всего «трех великих освободителей государства»), до откровенной исторической апологии германского милитаризма, системы военно-политических союзов и идей «старой и новой Срединной Европы», как у Онкена¹¹. Но при всей внешней многоликости различных аспектов в этой общей концепции выкристаллизовались несколько определяющих

¹⁰ L. Dehio. Deutschland und die Weltpolitik im 20. Jahrhundert. München, 1955, S. 54.

¹¹ H. Oncken. Das alte und das neue Mitteleuropa. Historisch-politische Betrachtungen über deutsche Bündnispolitik im Zeitalter Bismarcks und im Zeitalter des Weltkrieges. Gotha, 1917.

черт, раскрывающих ее функциональное значение: во-первых, обоснование ведущей роли прусско-германского государства в истории и современности; во-вторых, историческое обоснование идеи «немецкой миссии» в новых условиях XX в. в борьбе против «культурной монополии» англосаксонских стран и против «русско-московитского мира», в-третьих, апелляция к милитаризму как исторической силе, уже оправдавшей восхождение Пруссии до уровня Германской империи, а последней до уровня «великой державы» в Европе; в-четвертых, выдвижение германской гегемонистской идеи в масштабах и не только Европы, но всего мира. Как отметил впоследствии немецкий историк Вальтер Фогель, «накануне 1914 г. немецкая концепция в целом сводилась к следующему тезису: историческое призвание Германии состоит в том, чтобы перевести состояние европейского равновесия в состояние мирового равновесия»¹².

Этот тезис, по сути дела, и явился обоснованием исторической неизбежности и необходимости мирового господства германского империализма. Тем самым историческая идея была окончательно низведена до уровня вульгарной функции империалистических устремлений. И действительно, накануне войны, в 1912 г., историческая публицистика неоранкеанской школы уже почти сомкнулась с публицистикой наиболее агрессивного лагеря пангерманизма: Дельбрюк на страницах самого солидного органа консервативной историко-политической мысли «*Preussische Jahrbücher*» авторитетно утверждал, что «мировая миссия» Германии повелевает «принять участие в мировом господстве»¹³; Рорбах, наиболее известный публицист того времени, в книге «Немецкая идея в мире» обстоятельно доказывал, что в историческом смысле вся цель образования Германской империи заключалась в утверждении ее мирового превосходства и что в целях воплощения «немецкой идеи» должны заговорить и пушки¹⁴; наконец, генерал Бернгарди вызвал шум своей книгой, название которой полностью покрыло не только ее собственное содержание, но и всю целенаправленную империалистическую концепцию «немецкого историзма» — «Германия и будущая война»¹⁵.

Теперь бессмысленная путь, пройденный неоранкеанской школой — главной, определяющей школой немецкой буржуазной исторической мысли, можно прийти к выводу, что война 1914—1918 гг., которую концепция немецкой исторической школы заранее оправдывала и идеологически подготавливала, а главное — итоги этой войны нанесли ей удар, от которой ей сразу было трудно оправиться. Охваченная националистическим угаром, она была только способна воспевать мировую империалистическую войну как «немецкую войну», как войну, порожденную не столько экономическим соперничеством, взорвавшим старую систему «равновесия сил», сколько потребностью молодого германского «героизма» утвердить превосходство своей морали и своей идеи над лишенной «духа» моралью английских «лавочников» и моралью других противников, исторически себя изживших или вообще не имеющих права на историческое бытие и историческое будущее. Выдвинутые тогда «идеи 1914 г.» были агрессивными идеями, которые, молчаливо опрокидывая первоначальный миф об оборонительном характере войны, обосновывали ее как высшую историческую необходимость, как судьбу и призвание «немецкого духа, немецкой культуры и немецкой государственной жизни» активно выступить против держав, находящихся во враждебном лагере¹⁶.

¹² W. Vogel. Das neue Europa und seine historisch-geographischen Grundlagen. Bonn — Leipzig, 1921, S. 51.

¹³ «*Preussische Jahrbücher*», Bd. 149. Berlin, 1912.

¹⁴ P. Rohrbach. Der deutsche Gedanke in der Welt. Düsseldorf — Leipzig, 1912, S. 191.

¹⁵ F. v. Bernhardi. Deutschland und der nächste Krieg. Stuttgart — Berlin, 1912.

¹⁶ См. F. Fischer. Griff nach der Weltmacht. Düsseldorf, 1962, S. 178 ff.

Свое отношение к современности немецкая историческая мысль перед всем миром продемонстрировала не только открытым заявлением о приверженности к милитаризму («Заявление 93», собравшее фактически в верхушечных кругах немецкой интеллигенции около 4 тысяч подписей). Она пошла дальше. Подтверждая свой старый идейный союз с монополистическим капиталом, она вместе с его наиболее крупными организациями отдала себя делу разработки широких аннексионистских планов в различных направлениях. «Профессорский меморандум», представленный правительству, был только одним из документов подобного рода. В совокупности это были планы создания «Срединной Европы».

Так немецкая историческая школа полностью поставила себя на службу империалистической войне. При этом историческое обоснование аннексионистских планов нашло свое выражение не только в традиционных понятиях «немецкой миссии», но и в новых, столь же иррациональных, заимствованных в арсенале пангерманской идеологии и уже приближающихся к понятиям об историческом призвании германского «народа господ» («Herrenvolk») и о его «жизненном пространстве» («Lebensraum»). Некоторые разногласия в историко-политической оценке современности имели не принципиальный, а тактический характер: речь шла об обосновании преимуществ «мира по соглашению» или «мира при помощи военных средств», и притом в обоих случаях с точки зрения исторической перспективы будущей войны.

Но идея мирового господства, как бы она ни обосновывалась — фило-софско-исторически, морально-политически, как бы она ни подкреплялась старыми идеями милитаризма с его теориями превентивной войны или новыми идеями колониализма и маринизма с его «теорией риска», эта идея мирового господства оказалась антиреалистической, мертворожденной и обреченной. Немецкая буржуазная историческая мысль, которая расценивала себя как высшее воплощение национального самосознания, обнаружив собственную ограниченность, даже на последнем этапе войны не понимала, что эта идея стоит накануне банкротства: еще весной 1917 г., после Февральской революции в России, Мейнеке, историк либеральной школы, принял участие в организации петиции, требовавшей аннексии Прибалтики¹⁷. Но полное и окончательное банкротство немецкая историческая школа обнаружила перед лицом Великой Октябрьской социалистической революции в России.

2

На заре новой эпохи, когда всемирная история на одной шестой части земного шара совершила грандиозный поворот, в Европе окончательно рухнула система государств, сложившаяся еще в последней трети XIX в. Вслед за крушением Российской империи распалась и перестала существовать Австро-Венгерская империя, а Германская империя, потерпев военное поражение, была вынуждена капитулировать и принять условия Версальского диктата. Октябрьская революция в России, открыв новые, неизведанные перспективы преобразования общества на социалистических началах, послужила мощным толчком, взметнувшим рабочее революционное движение в странах Западной Европы на небывалую ранее высоту. Позиции германского милитаризма, еще недавно казавшиеся несокрушимыми не только в самой Германии, но и далеко за ее пределами, в результате военного поражения и Ноябрьской революции 1918 г. были сильно подорваны. Это поражение германского империализма было не только военным и политическим поражением, оно было кру-

¹⁷ F. Fischer. Op. cit., S. 202.

шением его гегемонистских претензий, его исторических иллюзий и исторических идей, в одинаковой степени нереалистических, хотя и претендовавших на научную объективность, освещенную тенью старого Ранке. Все варианты идеалистической концепции «равновесия сил», каждая из которых стремилась внести свою лепту в историческое обоснование неизбежности или необходимости изменения этого равновесия в пользу «немецкой сущности», были опрокинуты самой историей, не посчитавшейся с ними. Традиционные исторические воззрения, понятия и категории поблекли, в особенности в условиях, когда революционная марксистская мысль с такой неотразимой силой наглядно показала свою творческую способность к историческому осмыслению современности и к исторической прозорливости.

Наиболее крупные представители немецкой буржуазной мысли, убедившись в том, что идеология пруссачества, монархизма и пангерманизма обанкротилась, на первых порах не знали, с чего начать ее реставрацию в новых условиях. Глава гейдельбергской социологической школы Макс Вебер, один из наиболее выдающихся и влиятельных идеологов весьма консервативного либерализма тех времен, писал зимой 1918 г.: «В настоящее время наш облик претерпел столь значительные разрушения, какие едва ли имели место с другим народом в аналогичном положении. Как после 1648 г. (т. е. после окончания Тридцатилетней войны и Вестфальского мира.— *А. Е.*) и после 1807 г. (т. е. после поражения при Аустерлице и установления в Германии владычества Наполеона I.— *А. Е.*), нам приходится начинать все сначала. Такова простая констатация положения дел... Естественно, что стремление к правдивости побуждает нас сказать: Германия утратила свою роль державы, определяющей мировую политику».

Эти строки, написанные еще до Версальского договора, навязанного Германии западными державами, были проникнуты недоверием в отношении немецкого рабочего класса, который как раз в бурный период Ноябрьской революции 1918 г. активно боролся за восстановление национального величия Германии, однако искал пути к этому величию не в восстановлении позиций германского империализма и милитаризма, а в устранении его господства и социального обновления на демократической основе. Поскольку понятие «мировая политика» явилось основным, центральным и всеопределяющим понятием уже давно сформировавшейся идеологии борьбы германского империализма и милитаризма за мировое господство¹⁸, его военно-политическое поражение тогда расценивалось как факт, свидетельствующий, что Германия отброшена далеко назад к временам Вестфальского мира или наполеоновского владычества. Отсюда и раздумье на тему о том, откуда и как следует «начинать еще раз... все сначала».

Подавленная историческими событиями огромного, всемирно-исторического масштаба, немецкая историческая школа прежде всего направила свои усилия на то, чтобы, говоря словами Мейнеке, «укрепить ту узкую плотину, которая еще отделяла нас от большевизма»¹⁹. Задача усматривалась в том, чтобы предотвратить или задержать подъем революционного движения в Германии. Но в целом буржуазная историческая мысль пребывала в состоянии крайней растерянности. Авторитет неоранкеанства оказался сильно поколебленным, как и авторитет германского

¹⁸ C. Bornhak. Die Kriegsschuld. Deutschlands Weltpolitik von 1890—1914. Berlin, 1929; B. v. Bülow. Denkwürdigkeiten, Bd. 1—4. Berlin, 1930—1931; A. H. Cartellieri. Deutschland in der Weltpolitik seit dem Frankfurter Frieden. Jena, 1923; O. Hammann. Deutsche Weltpolitik von 1890—1912. Berlin, 1925; J. H. Shagen. Umriss der Weltpolitik, Bd. I. Leipzig—Berlin, 1918.

¹⁹ F. Meinecke. Strassburg—Freiburg—Berlin, 1901—1919. Erinnerungen. Stuttgart, 1949, S. 260.

милитаризма, и на Олимпе немецкой исторической школы начались сумерки богов.

Буржуазная историческая мысль потеряла свою философию, и только в этих ее сумерках могла появиться философия, утверждающая в новых проявлениях и сочетаниях старых компонентов еще более реакционные идеи. То был прежде всего широкий поток «философии жизни» (Зиммель, Клагес, Кайзерлинг, Мюллер-Фрейенфельс и др.)²⁰, который отличался необузданным иррационализмом, а в еще большей степени — ницшеанский иррационализм Освальда Шпенглера с его изощренным и извращенным эстетическим и псевдоисторическим культом «героической личности» и презрением, прикрытым толстым слоем демагогии, к народным массам — подлинным творцам истории. «Философия жизни» имела своими истоками взгляды Ницше, Дильтея и Гуссерля²¹. Философско-историческая концепция Освальда Шпенглера явно искала популярности и стремилась консолидировать вокруг себя всю реакционную мысль, в частности и в особенности историческую: «Чего мы хотим, — авторитарно заявлял Шпенглер, — должны хотеть все»²². Рассматривая всемирную историю не как историю народов, а как историю государств и рассматривая историю государств как историю войн, Шпенглер при всем своеобразии усвоенной им фразеологии, — но отнюдь не идеологии! — в этих вопросах просто следовал за Трейчке, Бернгарди и другими идеологами старого, традиционного прусско-германского милитаризма. Как и его предшественники, Шпенглер утверждал, что война вообще есть вечная форма и высшая ценность человеческого бытия; весь смысл существования и оправданное назначение государства он усматривал в ведении войн²³. Свою общую концепцию он формулировал в следующих словах: «Так как жизнь стала для нас внешней политической, социальной и хозяйственной жизнью. то все должны либо приспособиться к нашему политическому, социальному и хозяйственному идеалу, либо погибнуть. Это сознание, становящееся все более ясным, я назвал современным социализмом... Но оно присуще только нам, античного, китайского, русского социализма в этом смысле не существует»²⁴. Итак, существует только «прусский», или национальный германский «социализм» как новая форма империалистической экспансии и мирового господства.

В своем конкретном содержании шпенглеровская идея «прусского социализма» являлась слепком с действительности не столько прусско-германских государственно-капиталистических мероприятий времен Бисмарка, сколько германского государственно-монополистического капитализма времен мировой войны 1914—1918 гг. Предпринятая Шпенглером скептическая попытка при помощи своей псевдонаучной морфологии общественного и культурного развития показать «закат Запада» являлась выражением разочарованности в связи с крахом германского империализма, но одновременно также выражением контрреволюционной активности, которая призывает спасти «извечные и неповторимые ценности» Запада от разрушительной силы «восточного коммунизма» при помощи «прусского социализма», выступавшего в качестве синонима империализма и милитаризма, предвкушающего свое торжество²⁵.

²⁰ G. Mende und W. Heise. Die Lebensphilosophie. — «Die deutsche bürgerliche Philosophie seit 1917» Berlin, 1958, S 32 ff.

²¹ W. Dilthey. Einleitung in die Geisteswissenschaften, Bd. I. Leipzig — Berlin, 1933; E. Husserl. Logische Untersuchungen. Halle, 1900 f.; он же. Ideen zu einer reinen Phänomenologie. Halle, 1913.

²² О Шпенглер Пруссачество и социализм. Пр., 1922, стр. 23.

²³ Там же, стр. 46.

²⁴ Там же, стр. 23.

²⁵ O. Spengler. Der Untergang des Abendlandes, Bd. 1—2. München, 1922.

Так в условиях глубокого идеологического кризиса, которым был охвачен германский империализм в результате первой мировой войны и поражения, реакционная шпенглеровская концепция временно оказалась модной идеологической панацеей, и притом не только потому, что в нее проникли подспудные течения иррационализма и элементы мелководного скептицизма, а прежде всего потому, что софистически трактуя «Запад» как единый, целостный организм — вместилище высших и над-исторических культурных ценностей, она нацеливала его на борьбу против «восточного коммунизма». Шпенглеровская концепция импонировала господствующим классам еще и потому, что столь же софистически трактуя международный социализм как «империалистический интернационал», она стремилась дискредитировать рабочее революционное движение, противопоставив ему «прусский социализм» как реальный феномен, несущий на себе глубокую морфологическую печать прусско-германской действительности. Таким образом, являясь орудием яростного антикоммунизма, философия Шпенглера не в малой степени была прообразом идеологии немецкого фашизма. Последнее свидетельствовало, разумеется, не о даре исторического провидения Шпенглера, а о жалком эклектизме и крайней реакционности и агрессивном характере всего того месива, которое вошло в идеологический арсенал гитлеровского национал-социализма.

Любопытно, однако, что наряду с этой концепцией Шпенглера, по сути дела антиисторической, в идеологии правящих классов Германии отлично уживался и вовсе лишенный демагогии консервативно-либеральный, академический историзм, противопоставлявший себя шпенглеровству, и вовсе не потому, что идеология антикоммунизма была для него неприемлемой, а потому, что, как заявил в 1922 г. один из виднейших историков и социологов Эрнст Трёльч, концепция Шпенглера расценивалась как «аморальная... и циничная концепция индивидуализма, опирающаяся на насилие»²⁶. Это были новые слова, кажется, впервые свидетельствовавшие о попытке отрешиться от некоторых откровенно милитаристских идей и заменить их «идеями естественного права и идеями гуманности». Именно в тот переломный период всемирной истории перед Германией впервые открылась возможность коренным образом пересмотреть свое место в новой системе государств в интересах обеспечения мира. Ослабление позиций германского милитаризма могло облегчить демократическим силам немецкого народа найти верные пути преодоления тисков Версальского договора.

Молодое Советское государство, начавшее свое существование историческим Декретом о мире, выступало против империалистического Версальского договора; тем не менее потребовалось несколько лет, чтобы правящие круги Германии осознали необходимость найти выход из тупика: Рапалльский договор, означавший признание ленинских принципов мирного сосуществования государств с различными социально-экономическими системами, вывел Веймарскую Германию из состояния международной изоляции²⁷.

Перед лицом этих крупнейших событий, свидетельствовавших об огромных сдвигах во всей мировой системе государств и, в частности, открывавших пути для мирного, демократического развития Германии, немецкая историческая школа оказалась не в состоянии выполнить то, что всегда считала своей прерогативой, а именно исторически осмыслить

²⁶ E. Troeltsch. Deutscher Geist und Westeuropa. Gesammelte kulturphilosophische Aufsätze und Reden. Tübingen, 1925, S. 23.

²⁷ См. выше: «Великая Октябрьская революция и проблема советско-германских отношений»; а также сборник «Рапалльский договор и проблема мирного сосуществования. Материалы научной сессии, посвященной 40-летию Рапалльского договора (25—28 апреля 1962 года)». М., 1963.

современность. Исторические возможности политики Рапалло остались явно недооцененными и даже не раскрытыми в немецкой буржуазной историографии и исторической публицистике того времени. Только Отто Гётч, стоявший, собственно, вне неоранкеанской школы, стал активным и убежденным сторонником этой политики²⁸: консерватор и националист, он, как и некоторые его друзья и ученики, исторически обосновывал ее реалистическими традициями «восточной» ориентации Бисмарка.

Автор этих строк, не раз бывая в те годы в Веймарской Германии, посещая ее университеты и научные институты, изучая на месте ее историографию и историческую публицистику, наблюдал, как в буржуазную историческую мысль проникало понимание необходимости пересмотра старых идей и концепций. Однако это понимание исходило в большинстве случаев вовсе не из стремления произвести решительный и принципиальный расчет с прошлым, в том числе и со своим собственным, а прежде всего из стремления сохранить основные принципы, метод и понятия, применяя их к сложившейся обстановке. Создавалось впечатление, что, избегая глубокой самокритики, не желая признавать банкротство или, по меньшей мере, свои неудачи в осмысливании исторических путей, которые привели Германию к военному поражению и Версальскому диктату, буржуазная историческая наука никак не могла создать новую историческую концепцию, которая открывала бы перед немецким народом широкие горизонты. Да она и не стремилась к этому. Социологический метод главы гейдельбергской школы Макса Вебера, заменивший изучение объективных закономерностей исторического процесса конструированием «идеально-типических понятий», все еще оказывал широкое влияние не только на буржуазную, но и на социал-демократическую общественную науку, которая усматривала в нем достаточно умное и сильное противодействие влиянию марксизма. Эдуард Мейер, который после Моммзена являлся одним из наиболее маститых ученых в области истории античного мира, в своем курсе «Главные моменты всемирной истории» в Берлинском университете все еще доказывал извечность капитализма и цикличность развития присущих ему черт. Ганс Ротфельс (тогда молодой приват-доцент, впоследствии профессор, эмигрировавший из гитлеровской Германии в США, а ныне одна из ведущих фигур буржуазной историографии в ФРГ) читал курс на тему «Вопрос об ответственности за войну» — тему, которая в связи с условиями Версальского договора стояла в центре политической борьбы не только самой Германии, но и в ее взаимоотношениях с империалистическими державами Запада. Опираясь на старый ранкеанский объективизм, Ротфельс при помощи идеалистических категорий и понятий стремился подвести к мысли об исторической необоснованности версальского тезиса, зафиксировавшего одностороннюю ответственность Германии за войну. Вместе с тем он полемизировал с теорией Ленина, а также с теорией Р. Люксембург об империализме и об ответственности империализма за порождение мировой войны 1914—1918 гг.: ленинскую теорию империализма уже нельзя было больше замалчивать.

Так проблема ответственности за войну повлекла за собой проблему происхождения и возникновения войны, которая рассматривалась, однако, только в дипломатических аспектах. Внимание к вопросам дипломатии, как таковой, позволяло вернуться к концепции «равновесия сил», тем более, что после крушения гегемонистских идей о «мировом равновесии» можно было вернуться к старой ранкеанской концепции равновесия сил великих держав в Европе. После того как французский империализм сделал попытки путем вторжения в Рур и создания системы воен-

²⁸ Впоследствии, в 1935 г., Гётч был изгнан фашистскими властями из Берлинского университета.

ных союзов закрепить свою гегемонию в Европе, исторические экскурсы в период наполеоновских войн и другие аналогичные исторические параллели звучали, казалось бы, весьма актуально: традиционные идеи немецкого национализма получили импульс к новой вспышке. Главное же заключалось в том, что реминисценции о равновесии сил в Европе уводили в сторону от основной проблемы современной германской истории — проблемы империализма и милитаризма. Казалось бы, в условиях, когда германский милитаризм потерпел поражение, морально был скомпрометирован, а к тому же, по условиям Версальского договора, несколько ограничен в своих силах и возможностях, историческая мысль, обращаясь к широким демократическим кругам немецкого народа и опираясь на них, могла бы дать сокрушительную научную критику милитаризма. Но нет, она пошла по другому пути.

Современному читателю трудно себе представить, какое впечатление среди академических и политических кругов Веймарской Германии произвела книга одного из корифеев немецкой исторической школы Ф. Мейнеке «Идея государственного разума в новейшей истории»²⁹. Прежде всего она привлекла внимание тем, что в ней впервые раздался призыв о необходимости критики немецкой исторической школы. «Глубокий недостаток немецкой исторической школы, — писал Мейнеке, — состоял в приукрашивании и идеализации политики силы теорией, согласно которой эта политика как будто соответствует более высокой нравственности». Но Мейнеке был весьма далек от того, чтобы критику немецкой школы последовательно довести до критики немецкого милитаризма. Он считал, что, осуществив некоторую самокритику или самопроверку в рамках своих традиционных идей и понятий, немецкая буржуазная историческая мысль только окрепнет и сможет расширить мир своих представлений в такой степени, что это ее не оттолкнет, а наоборот, сблизит с другим строем мышления, господствующим в буржуазно-демократических государствах Запада.

И в «естественно-правовом мышлении» западных капиталистических держав Мейнеке принимал далеко не все. Главный изъян он усматривал в том, что это «естественно-правовое мышление» оказалось оторванным от действительной жизни государства, в то время как непреложность немецкого историзма он усматривал в признании «государственного разума». Так в традиционных терминах идеалистической философии истории расчищался путь к слиянию тех элементов немецкой исторической школы и буржуазных идей Запада (преимущественно английских), которые, по мнению Мейнеке, могли выдержать испытание критики и самопроверки и стать общей основой дальнейшего развития исторической и государственной мысли. В целом, как отметил Мейнеке, выдвинутый им дуалистический принцип имел в виду открыть «возможность теоретического и практического взаимопонимания с Западом»³⁰.

Так под флагом немецкого либерализма и искусственно возбужденных традиций немецкого гуманизма исподволь зарождалась попытка философско-исторического, методологического и социологического обоснования идеологии антисоциализма и антикоммунизма, хотя еще не в откровенно агрессивной и brutальной форме. Однако уже и тогда даже в области исторической идеологии далеко не все считали нужным и не все были способны поднять свои воззрения до высот общих и абстрактных категорий всемирно-исторического или хотя бы только европоцентрического масштаба.

Несмотря на то, что философско-историческая концепция Мейнеке не заключала в себе критики идей германского империализма и милитариз-

²⁹ F. Meinecke. Die Idee der Staatsräson in der neueren Geschichte. München — Berlin, 1924.

³⁰ Ibid., S. 502.

ма, с судьбами которых немецкая историческая школа, как мы видели, тесно связала свою судьбу, более того, несмотря на то, что эта концепция предвосхищала и воплощала в себе новую политическую тенденцию определенных кругов в правящем лагере («политика Локарно» Штреземана), новые взгляды Мейнеке подверглись критике со стороны многих видных представителей буржуазной исторической школы. Немецкий историзм, окрепший в условиях относительной стабилизации капитализма и поднявшийся в своих глазах, не допускал критики, даже если она исходила из его собственных рядов. Герхард Риттер, историко-политические идеи которого также выросли на почве неоранкеанства, заявил, что он усматривает достаточно глубокие «противоречия между западным естественно-правовым и немецким идеалистическим образом мышления... чтобы действительно верить в возможность их „синтеза“»³¹.

Создавалось впечатление, что оппоненты Мейнеке, довольно многочисленные, стремились утвердиться в старых бастионах своей идеологии, ибо главную историческую задачу усматривали не столько в поисках духовного единства и одностороннего соглашения с Западом, сколько в возрождении традиционного милитаризма с целью ревизии Версальской системы и подготовки реванша. Но достижение этой цели предполагало создание и использование благоприятной международной обстановки. И тут, опираясь на старую ранкеанскую идею о примате внешней политики, немецкая историческая школа времен Веймарской Германии одним из главных вопросов своих исследований, размышлений и дискуссий выдвинула вопрос о «восточной» и «западной» ориентации в истории Германской империи³². Современнику могло показаться, что немецкая историческая школа распадается по меньшей мере на два враждующих лагеря. Несмотря на острую полемику, она осталась, однако, верной себе, своим империалистическим идеям и идеалам. «Кто бы решился порицать немецкий народ и его вождей,— писал Мейнеке,— за их гордое самосознание вообще и за их притязания на мировое признание и на долю в пользовании мировыми богатствами? Это самосознание не сломлено поражением, и эти притязания сохраняют свою силу, хотя теперь они могут быть осуществлены в совершенно иных формах, нежели те, которые были характерны для старой политики силы»³³. С другой стороны, Риттер, убежденный в том, что «вопреки всем силам судьбы нужно поддерживать национальную волю к действию»³⁴, лелеял те же исторические цели, но считал их достижение возможным лишь при условии более определенного реваншистского курса, более решительного разрыва с «демократами 1918 года», которые рассчитывали, что Германия «отказом от своей „империалистической“ политики силы заслужит моральные симпатии всего мира»³⁵. Это был недвусмысленный выпад не только против передовых сил рабочего класса, но и против тех кругов немецкой интеллигенции, которые на опыте прошлого и опыте современности прониклись глубоким пониманием исторической опасности милитаризма для судеб немецкой нации.

Немецкая историческая школа не считала нужным отказываться от «политики силы» и в поисках персонифицированного воплощения под-

³¹ «Neue Jahrbücher für Wissenschaft und Jugendbildung», 1925, № 1, S. 114. Об этой полемике, как и всей проблеме в целом, см. W. Berthold. «...grosshungern und gehorchen». Zur Entstehung und politischen Funktion der Geschichtsideologie des westdeutschen Imperialismus. Berlin, 1960.

³² См. выше: «Проблемы „восточной“ и „западной“ ориентации в бисмаркианской историографии».

³³ F. Meinecke. Geschichte des deutsch-englischen Bündnisproblems 1890 bis 1901. München — Berlin, 1927, S. 268 (пазрядка наша.— A. E.).

³⁴ G. Ritter. Stein. Eine politische Biographie, Bd. II. Stuttgart — Berlin, 1931, S. 67.

³⁵ G. Ritter. Friedrich der Grosse. Heidelberg, 1954, S. 267.

линного «государственного разума» поднимала на щит фигуру Бисмарка. Но не только ее. Риттер, например, вдохновлялся и фигурой Лютера, который «способствовал самосознанию метафизической сущности немца»³⁶, и Фридрихом II³⁷ и, в конце концов, фигурой Гинденбурга.

В своей полемике против мейнековского либерализма как идеологической основы духовного сближения и политического соглашения с державами Запада традиционная немецкая историческая школа не подвергла критике понятие «демонизма» как иррациональной силы, которая, будучи присуща жизни, может завладеть историей, наложив отпечаток и на «государственный разум»³⁸. Это понятие, всплывшее из глубин реакционного романтизма, стало одним из основополагающих понятий современной буржуазной философско-исторической и историко-политической мысли в ее попытках осмыслить фашизм.

Итак, различные течения в немецкой исторической школе веймарских времен, по сути дела, вернулись, хотя, быть может, и в другой форме, к старым концепциям, измененным лишь в соответствии с новыми историческими условиями. Эти концепции отнюдь не были построены на критике прошлого германского империализма и милитаризма.

Правда, нельзя сказать, что в отношении прошлого не было никакой критики. Но, как это на первый взгляд ни покажется странным, критика исходила из лагеря самого милитаризма и наиболее близко стоявших к нему идеологов. Генерал Гофман назвал проигранную войну «войной упущенных возможностей». Граф Ревентлов указывал на огромные несоответствия между политическими целями, во имя которых велась мировая война, и военными средствами, которые должны были обеспечить достижение этих целей³⁹. Но отсюда делались выводы, что военные средства были недостаточны и что если бы политическое руководство придавало меньше значения дипломатии, а больше укрепляло систему милитаризма и вообще полностью и целиком подчинило всю экономическую и духовную жизнь страны интересам войны, то и результаты были бы иные.

Так в германской историографии, мемуаристике и исторической публицистике тех лет утверждалась явно определившаяся тенденция к реабилитации германского милитаризма и идея необходимости «тотальной» войны. Она вовсе не была прямолинейна, эта критика, а скорее многообразна. Она направлялась не только против дипломатии, как не сумевшей обеспечить германскому милитаризму благоприятную международно-политическую обстановку. Она была направлена против немецкого народа, которому бросались обвинения двоякого рода: в одних случаях — в том, что охваченный непомерным национализмом и переоценивая свои силы он сам являлся питательной средой горделивой идеи «народа господ»; в других случаях, — и это преобладало, — в том, что в решающий момент он проявил «духовную слабость» и поддался влиянию демократических и революционных идей. Так, Ганс Гентиг в своей работе о психологической стратегии мировой войны писал: «Самосознание весьма быстро усилившейся нации превратилось во всеобщее, неспособное на самокритику любование собственной силой. Это умонастроение нашло свое выражение в весьма наивной, но столь же твердой уверенности, что чем больше у Германии врагов, тем хуже для последних». Формула о приближении сроков победы по мере увеличения числа врагов вовсе не была национальной, народной формулой; провозглашенная Вильгельмом II, она была грубо националистической формулой германского милитаризма, который в своей безумной игре ва-банк поставил на

³⁶ G. Ritter. Luther — Gestalt und Symbol. München, 1925, S. 153.

³⁷ G. Ritter. Friedrich der Grosse. Heidelberg, 1954, S. 256.

³⁸ F. Meinecke. Die Idee der Staatsräson in der neueren Geschichte. München, 1925, S. 508.

³⁹ E. Reventlow. Deutschlands auswärtige Politik 1888 bis 1914. Berlin, 1918.

карту не только интересы, но и жизнь многих миллионов людей немецкой нации. Но главный огонь милитаристской критики был направлен с другой стороны.

Создав легенду об «ударе ножом в спину»⁴⁰, милитаризм насаждал версию, что война была им проиграна в результате революционного движения, вспыхнувшего в тылу как раз в тот момент, когда победа была обеспечена. Главная задача этой легенды заключалась в том, чтобы насадить и утвердить в сознании миллионов людей миф о непобедимости германского генерального штаба и непререкаемости его стратегических принципов и военного искусства. Милитаризм еще не был восстановлен, но его идеология и традиции восстанавливались в полную силу; не только буржуазно-демократические партии, но и социал-демократия делала вид, что не замечает этого. Между тем, по позднейшему признанию генерала Винценца Мюллера, работавшего тогда в военно-политическом отделе министерства рейхсвера, «традиции в Веймарской республике культивировались ради подготовки к реваншу»⁴¹.

Функциональный смысл этих идеологических вариаций становится особенно ясным, если вспомнить, что как раз тогда начался процесс возрождения, правда, в несколько видоизмененной, но достаточно жесткой форме одного из главных аспектов милитаристской идеологии пангерманизма, — аспекта, который нашел свое выражение в широко известной традиционно-агрессивной формуле «Drang nach Osten». Что касается военной доктрины того времени, то тут на первых порах восторжествовала концепция генерала Секта о создании небольшой механизированной и модернизированной профессиональной армии как ядра будущей массовой армии. И подобно тому как Шлиффен — отец стратегического плана войны Германии на два фронта⁴², согласно преданию, даже лежа на смертном одре, шептал, имея в виду обходный удар на Париж: «Только не ослабляйте правый фланг», — генерал Сект в своем политико-стратегическом завещании «Германия между Западом и Востоком»⁴³ поучал своих современников и преемников необходимости избежать войны на два фронта и возможности нанесения удара в одном направлении при условии политического прикрытия другого направления. Именно в этих условиях символом милитаристских традиций стал фельдмаршал Гинденбург, фигура, которую немецкая историческая школа подняла на пьедестал как «исторический образ»⁴⁴.

Есть что-то глубоко символическое в том, что этот кайзеровский фельдмаршал стал президентом Германской республики веймарских времен. Правые лидеры социал-демократии, расколовшие рабочий класс, отказались видеть нараставшую опасность милитаризма, фашизма и войны. Занятые пропагандой «хозяйственной демократии», придерживаясь теории «меньшего зла», они способствовали избранию Гинденбурга. При этом они пытались уверить рабочий класс и весь немецкий народ, что этот заядлый реакционер стал оплотом демократии, что этот ограниченный человек, который, по собственному признанию, со времени окон-

⁴⁰ «Der Prozess des Reichspräsidenten» Berlin, 1925; «Die Dolchstoßlegende». Hrsg. vom Reichsvorstand der Deutschen Republikanischen Reichsbundes. Frankfurt a./M., 1919; «Der Dolchstoß der USPD». Berlin, 1925; E. Beckmann. Der Dolchstoßprozess im München vom 19. Oktober bis 20. November 1925 Verhandlungsberichte. München, 1926; «Der Dolchstoß. Warum das deutsche Heer zusammenbrach». Berlin, 1920. См. также интересную работу J. Petzold. Die Dolchstoßlegende. Eine Geschichtsfälschung im Dienst des deutschen Imperialismus und Militarismus. Berlin, 1963.

⁴¹ В. Мюллер. Я нашел подлинную родину. Перев. с нем. М., 1964, стр. 140.

⁴² W. Groener. Das Testament des Grafen Schlieffen. Berlin, 1926; G. Ritter. Der Schlieffen-Plan. München, 1956.

⁴³ v. Seeckt. Deutschland zwischen West und Ost. Hamburg, 1933.

⁴⁴ G. Ritter. Hindenburg als historische Gestalt. — «Die Woche» (Sonderheft), 2.VIII.1934. Цит. по W. Berthold. Op. cit., S. 71.

чания кадетского корпуса не прочел ни одной книги, кроме воинского устава, стал воплощением и защитником гуманистических традиций немецкой культуры. В середине 20-х гг. на улицах Германии можно было видеть огромные плакаты с изображением Гинденбурга и с надписью «Наш спаситель» («Unser Retter»). Но едва ли кто-либо может ответить, кого, собственно, спас этот кумир германского милитаризма, который помог гитлеровскому фашизму «легально» захватить власть, установить в Германии режим кровавой диктатуры и приступить к подготовке второй мировой войны.

Таков был финал Веймарской республики, которая § 48-м своей конституции сама предоставила милитаризму и фашизму возможность себя удушить. Ирония, на которую способна история, бывает страшна; только великие художники, потрясающие нас ощущением ее трагической правды, в состоянии запечатлеть гримасы, на которые история так щедра. В данном случае представление, которое темные силы милитаризма и империализма разыграли на подмостках веймарской демократии,— это представление показал Бертольд Брехт в «Карьере господина Артуро Ui»,— обернулось такой страшной трагедией для Германии и для всего мира, глубину, исторические масштабы и опустошающие результаты которой необходимо осмыслить до конца. Немецкая буржуазная историческая наука в своем основном направлении не разгадала тайну фашизма, да и не ставила перед собой этой задачи, ибо сама в той или иной форме воплощала идеологию германского милитаризма и империализма. И она поплатилась за это тем, что если хотела продолжать в Германии свое существование, то должна была низвести себя до роли апологета и простой служанки фашистской агрессии.

3

Придя к власти, Гитлер и его фашистская клика, резко отмежевываясь от официальной буржуазной идеологии веймарских времен, шеголявшей в демократическом обличье, пытались создать впечатление, что они являются носителями старых прусско-германских традиций, нашедших свою персонификацию в фигурах Фридриха II и Гинденбурга. С этой целью и была поставлена безвкусная театральная комедия в Потсдаме — исконной цитадели исконно пруссаческих традиций; именно там под звуки труб и фанфар, у гробниц прусских курфюрстов и королей, Гитлер устроил колоссальную и пышную церемонию, в которой красные полотнища с черной паучьей свастикой перемешались в сонме старых полковых знамен прусской армии. Все это должно было быть воспринято как символ неразрывного, взаимопроникающего союза милитаризма и нацизма, внутреннего единства их корней и традиций, их сущности и целей. И если теперь, после военного крушения гитлеровской Германии, небылого в истории, предприняты столь активные усилия доказать, что социологически, политически и идеологически основ такого союза, а тем более двуединства не существовало, то при всех аксессуарах правдоподобия они, эти усилия, остаются попыткой с негодными средствами. Гитлер полностью усвоил старую прусско-германскую милитаристскую традицию, но придал ей еще большее всеобщее значение применительно к демагогическим лозунгам и откровенно разбойничьей практике нацизма. Усвоив милитаристские взгляды о войне как о естественном состоянии общества и постоянной функции «здорового» государства, он, далее, утверждал, что усматривает в ней «революцию здоровых народов» и «наиболее сильное классическое выражение жизни».

Как разъяснял орган гитлеровского генерального штаба, задача фашистской идеологии и фашистской пропаганды заключалась в том, чтобы создать в стране такое положение, при котором немецкий народ «не смеет

и не может думать ни о чем другом, как только о войне». «Эта мысль, — внушал «Deutsche Wehr», — является его единственной страстью, его единственным наслаждением, его пороком и его спортом, словом, это его подлинная одержимость»⁴⁵. При этом в отличие от времен первой мировой войны германский империализм в соответствии с порожденной им фашистской идеологией зоологического национализма и расизма поставил перед собой задачу не только завоевания «жизненного пространства», но и его тотальной «германизации» путем закабаления и массового истребления целых народов. Утверждая, что «национальные и расовые свойства лежат в крови», Гитлер еще до прихода к власти открыто провозгласил человеконенавистнические цели агрессивной, аннексионистской программы фашизма: «Германизировать можно только пространство, а не людей, — писал он в своей библии „Mein Kampf“ — ...Что в прошлом было с пользой германизировано, — это только почва, которую наши предки добыли при помощи меча». Политику «германизации» фашизм начал с германской почвы, покрыв ее густой сетью концентрационных лагерей.

Но главным в нацизме был доведенный до крайности звериный антикоммунизм. Во внутренней политике нацистский антикоммунизм был связан с методами неслыханного кровавого террора в отношении коммунистов, социалистов и вообще всех демократических и прогрессивных сил немецкого народа, а также с антисемитизмом, который имел целью физическое уничтожение всех евреев. Во внешней политике нацистский антикоммунизм был рассчитан на то, чтобы, используя политику так называемых «мюнхенских» кругов западных держав, по возможности избежать войны на два фронта и, таким образом, бить своих противников поодиночке.

Затем, свергнув мир в войну, немецкий фашизм в чудовищных формах распространил политику «германизации» на всю завоеванную и подвластную ему часть Европы, везде сея массовую смерть миллионов людей и огромные разрушения материальных и культурных ценностей, принадлежащих народам и всему человечеству. Именно в политике завоеваний идеологи нацизма усматривали провиденциальное выполнение «немецкой миссии», а историческая публицистика усматривала основания для прославления «вождя» («фюрера») как «гениальнейшего полководца всех времен»⁴⁶. Такова была логика развития агрессивного национализма, идеи расового превосходства и культа «фюрера», подкрепленного системой государственного терроризма в отношении своего собственного народа и истребительной политикой в отношении других народов. Охваченный разнузданным цинизмом, лишенный, или, правильнее сказать, лишивший себя всякого представления об объективной истине, присущей философскому и научному мышлению, немецко-фашистский империализм сознательно и планомерно растоптал научные понятия, выдвигая вместо них мистификацию и иррационализм типа розенберговского «мифа XX века»⁴⁷, более соответствующие его разбойничьим, преступным целям и методам. В этих условиях на авансцене фашистской историографии появились такие откровенные фальсификаторы, как Отто Вестфаль, Вальтер Франк, Христоф Штединг⁴⁸, которые стали простыми разносчиками бредовых идей Гитлера, Геббельса и Розенберга. Но и традиционная немецкая историческая школа не в малой степени ском-

⁴⁵ «Deutsche Wehr», Dezember, 1935.

⁴⁶ «Das Bild des Kriegeres in deutschen Denker». Hrsg. v. A. Faust. Bd. I. Stuttgart — Berlin, 1941. Предисловие.

⁴⁷ A. Rosenberg. Der Mythos des 20. Jahrhunderts. München, 1930.

⁴⁸ См. о них А. Норден. Фальсификаторы. К истории германо-советских отношений. М., 1959. См. также «Против фашистской фальсификации истории». Под ред. Ф. О. Нотовича. М.—Л., 1939.

прометировала себя усилиями исторически обосновать фашистскую политику агрессии и войны. «Чем полнее произойдет слияние государства и нации, составляющее основное содержание ...высшую цель нашего нынешнего государственного руководства,— писал Риттер в 1937 г.,— тем больше будет наша надежда на утверждение в будущем свободы, мощи и престижа Германии, на все большее их возрастание». Выражая, далее, глубокую убежденность в том, что фашистское государство способно выполнить задачу, предназначенную ему немецкой историей, и «что на Рейне больше не повторятся мрачные картины бессилия и позора Германии», Риттер заключал такими апологетическими словами, которые раскрывали перед «третьей империей» оптимистическую перспективу: «Быстрый взлет из глубочайшего унижения, который мы пережили в итоге этой долгой истории,— утверждал он,— станет тогда началом еще более величественной и прекрасной поры»⁴⁹. Но будущее показало, что этот исторический диагноз был в такой же степени лживым, в какой антиреалистическим и иллюзорным оказался исторический прогноз. На сей раз германский милитаризм испытал позор поражения не на Рейне. Он потерпел крушение прежде всего на широких пространствах от Волги до Шпрее.

Если в идеологии германского империализма кайзеровских времен понятие мирового господства было конкретным и связанным с достижением определенных целей в результате мировой войны, то в идеологии гитлеровского империализма это понятие получило самое широкое содержание, связанное с целой эпохой разбойничьих войн на уничтожение. Гитлер заявлял, что даже победа в мировой войне его не удовлетворила бы, ибо только перманентная война, став главным и даже единственным проявлением жизни «тысячелетнего райха», могла бы возвести немецкий народ до положения господствующей расы. Таким образом, считал он, эта «высшая раса», поднятая до уровня мирового господства, была бы доведена и до своего естественного состояния — первоначальной формы жизни, бесконечно похожей на жизнь пещерных людей, пользующихся, однако, благами суровой, казарменной цивилизации.

Вместе с тем в истории трудно подыскать пример более циничного отношения создателей империалистической идеологии к своему собственному детищу. Так, выдвигая «теорию нордической расы», являющуюся жалкой компиляцией антинаучных взглядов нескольких реакционных публицистов старых времен — француза Гобино⁵⁰, немецкого француза или офранцузенного немца де Лагарда⁵¹ (Бёттихера) и полуавстрийца-полуанглосакса Чемберлена⁵², сам Гитлер не верил в «теорию», но счел нужным поднять ее до уровня государственной доктрины. «Я хорошо знаю,— признался он однажды,— что в научном смысле ничего подобного вроде расы не существует... Но как политик я нуждаюсь в концепции, которая предоставляет возможность уничтожить до сих пор существовавшие исторические основы и на их место утвердить полностью новый антиисторический порядок и придать ему интеллектуальный базис». Но как раз интеллектуального базиса фашизм не имел и по самой своей природе иметь не мог. Поэтому-то он и пробуждал в самом себе и в организованных толпах своих последователей самые низменные инстинкты и насаждал массовый психоз, который в сочетании с индивидуальным страхом в условиях постоянного террора находил выход в ан-

⁴⁹ G. Ritter. Der Oberrhein in der deutschen Geschichte.— «Freiburger Universitätsreden», H. 25, Freiburg, 1937, S. 36. См. W. Berthold. Op. cit., S. 76.

⁵⁰ A. Gobineau. Versuch über die Ungleichheit der Menschenrassen, Bd. 1—4. Stuttgart, 1898—1902.

⁵¹ P. de Lagarde. Schriften für Deutschland. Leipzig, 1933.

⁵² H. S. Chamberlain. Die Grundlagen des 19. Jahrhunderts, Bd. 1—2. München, 1932.

тикритицизме и в слепой, отравляющей сознание, вере в непреложность «интуиции вождя».

Так, иррационализм и апелляция к темным, разнузданным инстинктам, зоологический расизм, превзошедший даже крайний национализм идеологов Пангерманского союза, обожествление хилиастической идеи нацистского государства и его «фюрера», мистицизм «крови и почвы» — все эти элементы идеологии немецко-фашистского империализма сочетались с наглой и постоянно угрожающей бравадой, облеченной в формы самой реакционной псевдоромантики, с массовым насаждением символов, внешне импонирующих, а по существу лишь прикрывающих кровавый террор и высокоорганизованную смертоносную практику массовых концентрационных лагерей. Что касается казарменного «немецкого национального социализма», то он являлся лишь прикрытием диктатуры крупных магнатов монополистического капитала и громадного, крепко сколоченного аппарата нацистской партии, грубая антиплутократическая пропаганда которого субсидировалась фашистской плутократией; наконец, идея «нового порядка в Европе» служила цели оправдания политики уничтожения целых государств, больших и малых, физического истребления народов и установления господства германского империализма над миром. Главное же заключалось в том, что звериный антикоммунизм служил завесой, прикрывающей подрывную деятельность и военную агрессию небывалых масштабов и во всех направлениях. Говоря словами Э. Хемингуэя, «фашизм — это ложь, изрекаемая бандитами».

Такова была эта наглая, иррациональная и циничная система неслыханной национальной и социальной демагогии гитлеровского империализма. Крайняя опасность этой демагогии заключалась в эффективности ее воздействия. Отвечая темным инстинктам толпы и разжигая их, она умело приспосаблилась к психическому складу и настоящим или иллюзорным потребностям различных слоев населения — и притом довольно широко. Экономическая конъюнктура, связанная с подготовкой войны, а затем с ее развертыванием, первоначальные внешнеполитические успехи, связанные с завоевательной политикой в различных направлениях, наглядные результаты и грубые осязаемые выгоды политики открытого грабежа завоеванных стран и массовой транспортировки иностранных рабочих в Германию, где они низводились до уровня дешевых рабов, — все это поддерживало успех «германской национал-социалистской» демагогии, помноженной на исконную привычку к дисциплине и веру в «истинно немецкий» образ жизни, националистическую спесь и добродетель «верноподданного», чванливого и угодливого одновременно. История «третьей империи» оказалась недолговечной, но самой мрачной страницей в истории человечества. Стремясь укрепить себя при помощи апокалиптической идеи, она заранее объявила о своем «тысячелетнем царстве», но была низвергнута в политическое небытие за 988 лет до хилиастического срока. Она просуществовала двенадцать лет, из которых первое шестилетие занималась подготовкой военной агрессии и политикой захватов в Центральной Европе, а второе — развертыванием мировой войны во имя достижения мирового господства в таких масштабах, каких еще не знала история. Социологическое исследование идеологии фашизма — чудовищного явления, порожденного империализмом и милитаризмом своей эпохи, ее формирования и утверждения в массах остается задачей тем более актуальной⁵³, что крушение этой идеологии в Германии задержалось вплоть до полного крушения и капитуляции милитаристских сил.

⁵³ См. интересную, хотя и во многом спорную, работу E. Nolte. *Faschismus in seiner Epoche*. München, 1963.

Нет ничего удивительного в том, что современный, вновь возрожденный в Западной Германии милитаризм пытается делать вид, будто он отрешивается от гитлеровского фашизма и его весьма скомпрометированной идеологии. Вначале, в первое время после безоговорочной капитуляции 1945 г., он в еще более острой степени, чем после военного поражения в 1918 г., стал предаваться раздумью о том, откуда и как следует «начинать еще раз все сначала».

Так называемое «демократическое обновление», провозглашенное правящими кругами и их идеологами в Западной Германии, отнюдь не являлось действительным обновлением, а тем более оно не являлось демократическим. Пока «маленькие люди» фашистского аппарата подвергались бюрократической процедуре, получившей громкое название «денацификация», подлинные господа положения — крупные монополисты и милитаристы, некогда вскормившие Гитлера, поддерживавшие его нацистское «движение» и его режим террора, беззащитной национальной и социальной демагогии и военной агрессии, сколачивали государство, которое, опираясь в немалой степени на прежние кадры гитлеровской бюрократии и юстиции, в то же время имело бы иной внешний фасад парламентского режима. В этой связи они больше всего нуждались в политической и идеологической экспозитуре, которая в новой обстановке в такой же степени осуществляла бы их цели и интересы, в какой раньше выполнял фашистский райх.

Эту экспозитуру германский империализм обрел в политическом клерикализме, который, не будучи скомпрометирован как сила, идентичная фашизму, мог предстать в качестве оплота «демократического обновления» на основе социального учения христианства; при этом уже вскоре политический клерикализм стал пользоваться фразеологией «свободы личности», утверждая свою способность заменить классовое господство и классовую борьбу системой «классового мира», «социального партнерства» или соучастия. На деле же «демократическое обновление» являлось ширмой реакционной реставрации политического и идеологического господства монополистов⁵⁴. Хитроумная идея «свободного рыночного хозяйства», выступая под лозунгом «капитализма для всех» или «народного капитализма», на деле прикрывала собой возрождение крупных капиталистических монополий и некоторую перестройку их внутренних и внешних связей с использованием благоприятной экономической конъюнктуры для осуществления некоторых, порой довольно широких маневров в области социальной политики. При этом главная задача усматривалась в том, чтобы помешать пробуждению классового сознания среди широких масс грудящихся, направить их интересы на путь мелких и повседневных экономических требований и достижений мелкобуржуазного достатка. Что касается идеи «социального партнерства», то она является современной разновидностью идеи «народной общности» времен нацистского господства. Обе эти «социальные идеи» в одинаковой степени антисоциальны с тем лишь различием, что фашизм в условиях военной экономики вдалбливал свою демагогию при помощи открыто террористических мер, между тем как в современных условиях система политического клерикализма в этом отношении может пользоваться более эластичными методами. Рупор западногерманской социал-демократии отметил однажды, что «в период всеобщего довольства господствующий общественный строй не нуждается в идеологической защите. Ему вполне достаточно, что его „чудеса“ приписывают „социальной рыночной эконо-

⁵⁴ Это отмечает и ряд наблюдателей в Западной Германии. См., например, R. Riemack. Wohin geht der Weg? — «Blätter für deutsche und internationale Politik», 1958, H. 6; A. v. Borries. Der demokratische Vorhang. — Ibid., 1958, H. 7.

мике". Роль идеологов играют сочинители рекламных текстов»⁵⁵. Это, конечно, преувеличение, но оно не лишено рационального зерна. С другой стороны, идея парламентарной демократии, выдвинутая кругами политического клерикализма, по сути дела, прикрывала усилия укрепить государственный аппарат, в котором испытанные нацистские кадры занимали немалое место. Вскоре к этому присоединились и усилия, направленные к реставрации традиционных военных союзов и созданию бундесвера как нового оплота агрессивного немецкого милитаризма.

Окрепнув, клерикально-милитаристский режим начал «холодную войну» и внутри страны — против своих противников, настоящих и потенциальных, против всех прогрессивных сил, социальных и интеллектуальных, которые выражали недовольство укреплением реакции и призывали к подлинному обновлению жизни страны на демократических началах. Так началось политическое и идеологическое наступление политического клерикализма не только против идей коммунизма, но и вообще против прогрессивных идей. Если идеология коммунизма открыто объявлена вне закона и вне общества, то и антимилитаризм и антифашизм подвергаются неперестанному идеологическому террору. Система политического клерикализма и милитаризма стремится утвердить свое господство в качестве борца за «порядок» и «авторитет» государства. В конце концов «демократическое обновление» вылилось, таким образом, в форму полуавтократического режима представителей монополистов и милитаристов.

Знаменательно, что в процессе утверждения их господства в Западной Германии получила широкое распространение концепция элиты⁵⁶, призванная идеологически обосновать руководящую роль «избранных» в экономической, социальной и политической жизни государства и народа. В своей основе эта концепция отнюдь не нова; не раз в эпоху империализма она выступала в различных вариантах: то в виде философских афоризмов Ницше о «сверхчеловеке», единственно способном повелевать и вести за собой бесформенную массу людей, то в виде апологии Шпенглером торжества крайнего индивидуализма как высшего проявления мессианизма избранных людей культурного круга Запада. Крайнее, наиболее реакционное воплощение эта концепция нашла в идеологии фашизма, поднявшей культ «фюрера» до уровня непререкаемой государственной доктрины и внушавшей массе, что только слепая вера и солдатское повиновение избранной нацистской элите, наделенной железной волей к власти и потому обладающей этой властью, является подлинным выражением «национального немецкого духа».

После разгрома «третьей империи» и краха фашистской идеологии главные, наиболее скомпрометированные понятия, идеи и представления, составлявшие концепцию элиты, были отодвинуты на задний план. в особенности те, которые стояли в вопиющем противоречии с элементарными понятиями буржуазной демократии: ведь реставрация идеологии германского империализма шла под лозунгом «свободы» и «демократического обновления». Поэтому на первых порах сторонники кон-

⁵⁵ «Vorwärts», 31 октября 1958 г.

⁵⁶ Проблема элиты имеет в Западной Германии огромную (в том числе и переводную) литературу. См., например, R. Michels. Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie. Untersuchungen über die oligarchischen Tendenzen des Gruppenlebens. Leipzig, 1925; M. Weber. Wirtschaft und Gesellschaft. Tübingen, 1921; G. Mosca. Die herrschende Klasse. Grundlagen der politischen Wissenschaft. München, 1950; E. W. Mommsen. Elitebildung in der Wirtschaft. Darmstadt, 1955; H. Zahrnt. Probleme der Elitebildung. Von der Bedrohung und Bewahrung des Einzelnen in der Massenwelt. Hamburg, 1955, и др. Марксистскую критику западногерманских теорий элиты см.: E. Gottschling. «Moderne» Elitetheorien in Westdeutschland. — «Staat und Recht», Berlin, 1957, H. 7, S. 691—708; он же. Herrschaft der Elite? Gegen eine reaktionäre Theorie. Berlin, 1958.

цепции элиты ограничивались специальными исследованиями в области социологии и психологии или переизданием трудов старых итальянских теоретиков элиты — предтеч идеологии итальянского фашизма. Но по мере превращения Западной Германии в государство клерикально-милитаристского типа концепция элиты, хотя и в несколько иных формах, вновь возродилась как составная часть общей идеологии германского империализма и милитаризма. Не кто иной, как министр боннского правительства Г. Шрёдер формулировал задачу в следующих словах: «...Ни общее социальное рассуждение, ни страшные деяния национал-социалистской элиты не могут нас увести на ложный путь, чтобы придать понятию элиты только исключительно негативное значение»⁵⁷.

И действительно, многочисленные сторонники этой концепции пытались утверждать, будто, в противоположность «фальсификации идеи элиты» в «тоталитарно-автократических системах», они устанавливают научное понятие этой идеи, «присущей демократической системе». Каково же содержание этого понятия? Ответ на этот вопрос звучал не одинаково. «Элита,— писал Кнолл,— является динамическим понятием. Под ней разумеют ту избранную группу, которая обладает способностью своим образцовым представлением порядка пронизать, сформировать и повести жизненную общность... В основе либеральной концепции элиты лежат такие понятия, которые можно определить словами „собственность и образование“»⁵⁸ Штаммер⁵⁹ считал, что элита является выражением не столько социальной, классовой привилегии, сколько функцией, присущей определенным группам в условиях демократии, а граф Макс цу Зольмс⁶⁰ склонялся к утверждению, будто даже в условиях «настоящей демократии» элита становится «аристократически-качественным идеалом». Наконец, Фрейнд утверждал, будто «элита является отмеченной особыми свойствами группой, которая со своего рода магнетической силой притягивает к себе подобным образом созданных людей. В особенности ими являются люди, призванные к активному руководству делами сообщества»⁶¹.

Во всей этой разноголосице мнений и определений имеются две основные и характерные черты, которые, по сути дела, и определяют функциональное значение теории элиты. Одной из этих черт является противопоставление «элиты» «массе», которая якобы «ни в коем случае не является группой людей, определяемой по профессии, состоянию, заработку или образованию»⁶². Поэтому, утверждал, например, Мартини, промышленник может быть с тем же правом включен в понятие «массы», как и необученный рабочий. Второй чертой является стремление преподнести массам процесс выделения элиты как нечто имманентное социальной и политической жизни, но наделенное совершенно непостижимой силой. «Эта сила,— утверждал Фрейнд,—...является случаем, благословением, чудом. Человеческое неравенство — это факт... который едва ли может быть нами объясним»⁶³.

⁵⁷ G. Schröder. Elitebildung und soziale Verpflichtung. Ansprache vor der Evangelischen Akademie Bad Boll am 15. Januar 1955.— «Schriftenreihe der Bundeszentrale für Heimatdienst», 1955, H. 12, S. 6.

⁵⁸ J. H. Knoll. Führungsauslese in Liberalismus und Demokratie. Stuttgart, 1937, S. 12, 15.

⁵⁹ O. Stammer. Das Elitenproblem in der Demokratie.— «Schmollers Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft», Berlin, 1951, H. 5.

⁶⁰ M. zu Solms. Echte Demokratie und Elitedanke.— «Aus der Werkstatt des Sozialforschers», Frankfurt a/M., 1948, № 3.

⁶¹ M. Freund. Das Elitenproblem in der modernen Politik.— «Politische Bildung. Schriftenreihe der Hochschule für Politische Wissenschaften», München, 1954, H. 46, S. 237.

⁶² W. Martini. Das Ende aller Sicherheit. Eine Kritik des Westens. Stuttgart, 1954, S. 111.

⁶³ M. Freund. Op. cit., S. 238.

Таким образом, поставив перед собою задачу научного исследования структуры общества в условиях «демократического обновления», идеологи элиты в Западной Германии, по сути дела, стали на путь иррационализма. А в целом теория элиты является одной из новых форм социальной демагогии господствующих классов, заинтересованных в том, чтобы ослабить перед лицом народных масс глубину социальных антагонизмов, порождаемых господством монополистического капитала. Так, стремясь доказать, будто наличие элиты в области экономической жизни не противоречит либерализму и демократии, Кнолль пытался аргументировать тем, что управление современной экономикой под силу только специалистам — «большим техникам» и что прошли те времена, когда это было под силу только крупным монополистам и промышленникам типа Стиннеса и Круппа⁶⁴.

Было бы наивно предполагать, что подобного рода социологические концепции имели в виду действительно преуменьшить значение позиций и общее влияние западногерманских монополистов в экономической, социальной и политической областях. Наоборот, основная идеологическая тенденция такова: доказать ведущую, непререкаемо-позитивную роль монополистов, как ведущих «техников» в деле организации «экономического чуда», излучающего благоденствие и на массы, которые обязаны вкладывать свою энергию и труд в дело созидания «народного капитализма». Вот почему, наряду с новыми формами социальной демагогии, апология немецких монополистов достигла небывалых высот: по примеру американской истории «большого бизнеса» на книжный рынок Западной Германии, как из рога изобилия, обрушивается огромная биографическая и монографическая литература⁶⁵, воспевающая величие дел и духа Фёглера, Круппа, Тиссена и других наиболее крупных представителей германского монополистического капитала. Герт фон Класс, один из наиболее плодовитых авторов этих биографий, живописует А. Фёглера как «рыцаря без страха и упрека»⁶⁶. О роли этих рыцарей в развертывании империалистической экспансии, агрессии и двух войн мирового масштаба авторы, разумеется, умалчивают.

С этим связана и вторая сторона политической идеологии клерикально-милитаристского режима: реставрация идеологии Священного союза как орудия борьбы против прогрессивных сил человечества — в настоящее время против коммунизма, против всего социалистического лагеря и вообще против демократического движения в Европе и во всем мире. Эта идеология, апостолом которой в США был Даллес, а в Западной Германии Аденауэр, в современных условиях не основана и не может быть основана на принципе монархизма. Но, рьяно защищая принцип легитимизма и неприкосновенности капитализма, она пользуется идеями «свободы», «демократии» в противовес «автократии» и «тоталитаризму». Реставрировав также старое, мистифицированное противопоставление Христа Антихристу, идеологи Священного союза в его современной форме противопоставляют «христианский Запад» — «коммунистическому Востоку», усматривая в этом оправдание образованию агрессивной военно-политической системы НАТО с включением в нее Западной Германии как плацдарма и главной ударной силы в Европе. Таким образом, активный воинствующий антикоммунизм оказался основой основ всей идеологии политического клерикализма в период «холодной войны» как

⁶⁴ J. H. Knoll. Op. cit., S. 214.

⁶⁵ См., например, G. v. Klass. Albert Vögler. Tübingen, 1957; он же. Die drei Ringe. Tübingen, 1953; он же. Die Wollspindel. Ein schwäbisches Familienporträt Tübingen, 1955; он же. Hugo Stinnes. Tübingen, 1958; L. Schwerin v. Krosigk. Die grosse Zeit des Feuers. Der Weg der deutschen Industrie, Bd. I—III. Tübingen, 1957—1959.

⁶⁶ G. v. Klass. Albert Vögler, S. 241.

во внутренней, так и во внешней политике. По мере реставрации, роста и утверждения позиций германского милитаризма в системе НАТО идеология реваншизма стала все более откровенно выступать на первый план. Интересно проследить некоторые моменты эволюции этой идеологии в послевоенный период.

5

После крушения 1945 г. в течение некоторого времени буржуазная философско-историческая и историко-политическая мысль Германии находилась в состоянии глубокого шока. «История Германии,— писал в 1946 г. патриарх либерального крыла неоранкеанской школы Мейнеке,— богата трудно разрешимыми загадками и печальными поворотами. Однако поставленная перед нами сегодня загадка и переживаемая нами катастрофа превосходят все прежние подобные случаи»⁶⁷. В том же духе высказывался тогда и Риттер — антипод Мейнеке в рамках немецкого буржуазного историзма: «Не омрачился ли окончательно смысл нашей загадочной истории вместе с внезапным концом нашего национального государства? Ибо там, где не видно никакого будущего, не может быть и толкования прошлого». Общую же идеологическую ситуацию, создавшуюся среди тех, кто, казалось бы, призван был осмыслить прошлое, чтобы найти новые пути в будущее, Риттер характеризовал как «беспримерное замешательство и растерянность»⁶⁸. Но уже тогда, в первые годы после второй мировой войны, даже те идеологи германского империализма, которые претендовали на роль носителей идей немецкого либерализма, демократизма и гуманизма, быстро ориентируясь в положении вещей и учтя задачи, выдвигаемые господствующими кругами в Западной Германии, стали изыскивать философские и исторические аргументы в целях посильного восстановления престижа германского милитаризма и его морально-политического ореола, на поддержание которого в свое время в течение многих десятилетий было потрачено столь много усилий и в области идеологии.

Прежде всего, учитывая непреложный факт военного разгрома гитлеровской Германии и изменившееся соотношение сил в послевоенный период, идеологи германского империализма должны были заняться пересмотром ранее сложившихся исторических концепций, но так, чтобы, не порывая с милитаристскими традициями, сделать попытку такого переосмысления прошлого, которое отвечало бы насущным политическим задачам в отношении настоящего и будущего.

Накануне раскола Германии и как бы предвосхищая его с позиций реакционного германского национализма, Риттер заявил, что в новых условиях «пересмотр традиционной концепции германской истории становится непосредственной политической задачей»⁶⁹. Надо отдать справедливость Риттеру — он начал с постановки главного вопроса современной истории: «Должны ли мы рассматривать гитлеризм,— писал он,— как закономерный итог развития прусско-германского государственного мышления, всегда ли грубый дух завоевания и агрессии, развязавший вторую мировую войну, был отличительным признаком прусско-германской политики?»⁷⁰. Такая постановка вопроса сама по себе исключала научно-историческое решение, ибо, как справедливо отмечает Вернер Бертольд, марксистский критик Риттера, она уводит от подлинной проблемы фашизма, проблемы его социально-экономических и по-

⁶⁷ F. Meinecke. Die deutsche Katastrophe. Wiesbaden, 1946, S. 5.

⁶⁸ G. Ritter. Geschichte als Bildungsmacht. Stuttgart, 1946, S. 17. 7. См. W. Bertold. Op. cit., S. 135.

⁶⁹ G. Ritter. Europa und die deutsche Frage. München, 1948, S. 7.

⁷⁰ Ibid., S. 193.

литических корней⁷¹. Правда, ограничиваясь вопросом об идеологической традиции, Риттер сразу включился в общий круг представлений, свойственный буржуазной историографии и публицистике в Западной Европе и США, но на это он, собственно, и рассчитывал. В прошлом выступая в качестве антипода Мейнеке, который, как мы знаем, в своем трактате «Идея государственного разума в новейшей истории» еще в веймарские времена искал пути сближения буржуазной философско-исторической мысли Германии и западных держав, Риттер в новых условиях пересмотрел свои позиции в отношении западных держав, признал правоту Мейнеке и сразу обратился к центральной проблеме современной немецкой истории — проблеме милитаризма.

Тема о роли германского милитаризма вызвала в Западной Германии большую дискуссию, в особенности после того, как вышел немецкий перевод книги английского автора Джона Уилера-Бенетта «Немезида власти», трактующей вопрос о роли германской армии в политике новейшего времени (1918—1945 гг.)⁷². Эта книга не являлась ни историей германского милитаризма в широком смысле этого понятия, ни историей германской армии (рейхсвера и вермахта). Она являлась документированной попыткой показать, как германская армия, учтя опыт поражения в 1918 г., сумела не только восстановить свои силы, но и стать крупным политическим фактором в Веймарской республике; автор показывает, как германский генералитет, уйдя с открытой арены политической жизни, на самом деле «в удивительной степени» уже в те времена наращивал свою силу и влияние в политической жизни; а затем активно содействовал приходу к власти нацизма и своевременно ничего не предпринял, чтобы устранить режим фашистской диктатуры. «В целом,— писал автор, раскрывая общий замысел своего труда,— это является историей того, как германская армия, после того, как она достигла высшей власти в государстве, отбросила сущее ради кажущегося и за это ее настигла Немезида»⁷³. В известной степени, считает Уилер-Бенетт,— «это является также и моральной историей». Указывая на традиции германского милитаризма, восходящие к тем временам, когда армия являлась «национальной индустрией Пруссии», автор считает исторически необходимым, чтобы „вирус *Furor Teutonicus*“, которым заражен политический организм Германии, наконец был бы умерщвлен». Казалось бы, достижение этой цели требует устранения всей системы германского милитаризма как единственной эффективной меры, способной оздоровить политическую атмосферу в жизни немецкого народа. Но нет, автор возлагал надежды на то, что опасность возрождения германского милитаризма может быть устранена при условии включения бундесвера в систему НАТО. По-видимому, и сам автор не был уверен в правильности своих политических выводов. Изучив политические методы германского генералитета, он в какой-то степени опасался, что, начав с марша «Вахта на Рейне», западногерманская армия закончит старым боевым кличем «Германия, Германия превыше всего»⁷⁴.

Работа английского историка вызвала сильную реакцию в западногерманской историографии и публицистике. Одни критиковали выдвинутый автором постулат, что рейхсвер должен был бы, как во времена генерала Секта, остаться «неполитическим» фактором и что отказ генерала Шлейхера от этой позиции и привел к сосуществованию герман-

⁷¹ См. W. Berthold. Op. cit., S. 145.

⁷² J. W. Wheeler-Bennett. *The Nemesis of Power. The German Army in Politics 1918—1945*. London, 1953. См. немецкий перевод: *Die deutsche Armee in der Politik 1918—1945*. Düsseldorf, 1954.

⁷³ J. W. Wheeler-Bennett. Op. cit., S. 16.

⁷⁴ Ibid., S. 15.

ского милитаризма с фашистской диктатурой⁷⁵. Другие бросали автору обвинение в том, что, подходя к вопросу с позиций извечного соперника Германии — Англии, он недооценил или сознательно принизил национально-политические заслуги германской армии и ее генералитета даже во времена фашистской диктатуры. Впоследствии политические идеологи бундесвера стали утверждать, что Уилер-Бенетт слишком переоценил и драматизировал судьбу германского милитаризма, как «Немезиду власти»; скорее, утверждали они, то была «Немезида безвластия». Отсюда делался вывод, что после своего возрождения германский милитаризм должен идти рука об руку с политическим руководством страны⁷⁶. Что касается общей характеристики эволюции взглядов по этому вопросу, то она давалась в следующих словах: «Огромное преувеличение и прославление милитаристского самосознания в писаниях о мире и войне „третьей империи“... сменилось в 1945 г. уничтожающим вердиктом о германском милитаризме... Спустя десять лет маятник опять так сильно качнулся назад, что в условиях нового вооружения солдатские газеты и военные мемуары снова, похоже на то, начинают господствовать на рынках, где формируется общественное мнение»⁷⁷.

Нельзя не признать, что в формировании идеологии современного германского милитаризма наряду с примитивной демагогией «солдатских газет» и обширной литературой «военных воспоминаний» участников гитлеровского похода на Восток крупную роль играет реакционная немецкая историография, которая, становясь в позу критического судьи прошлого, стремится придать идеям и роли германского милитаризма научную санкцию. Наиболее типичными в этом отношении являются усилия крупнейшего представителя современной западногерманской историографии Герхарда Риттера.

Если исторические размышления Мейнеке о характере и причинах «немецкой катастрофы», а также его призывы к самоопределению путем восстановления идейных ценностей классического гуманизма времен Гёте⁷⁸ отражали растерянность немецкой буржуазии и буржуазной интеллигенции в первые годы после военного разгрома фашизма, то Риттер в течение всего послевоенного периода сознательно и целеустремленно ведет линию на реставрацию, а затем и на самоутверждение идеологии германского милитаризма: его работы о стратегическом плане Шлиффена, о генеральском заговоре 20 июля 1944 г. и вообще об основных проблемах германского милитаризма в этом отношении достаточно знаменательны⁷⁹. Но еще более знаменательно политико-идеологическое содержание его работ; оно свидетельствует о том, что Риттер не только отражает и формирует, но и в какой-то степени предвосхищает общую тенденцию развития идеологии германского милитаризма и его интересов на современном этапе⁸⁰. В самом деле, как и Людвиг Дехио⁸¹, дру-

⁷⁵ H. Herzfeld. Das Deutsche Heer als geschichtliches Problem.— «Zeitschrift für Politik», 1954, № 2, S. 273 ff; O. E. Schüddekopf. Wehrmacht und Politik in Deutschland.— «Politische Literatur», 1954, № 3—4; K. D. Bracher. Die Auflösung der Weimarer Republik. Stuttgart — Düsseldorf, 1955, S. 264, 326.

⁷⁶ G. Ritter. Nemesis der Ohnmacht.— «Frankfurter Allgemeine Zeitung», 20 апреля 1955 г.; W. Hubatsch.— «Historische Zeitschrift», 1956, Bd. 182, H. 2, S. 417.

⁷⁷ K. D. Bracher. Die deutsche Armee zwischen Republik und Diktatur (1918—1945).— «Schicksalsfragen der Gegenwart», Bd. I, S. 95—120.

⁷⁸ F. Meinecke. Die deutsche Katastrophe, S. 172.

⁷⁹ G. Ritter. Staatskunst und Kriegshandwerk. Das Problem des «Militarismus» in Deutschland, Bd. I—II. München, 1959—1960; он же. Der Schliffen-Plan. Kritik eines Mythos. München, 1956.

⁸⁰ E. Engelberg. Über das Problem des deutschen Militarismus.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1956, H. 6, S. 1113—1145; W. Berthold. Der politisch-ideologische Weg Gerhard Ritters, eines führenden Ideologen der deutschen Bourgeoisie.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1958, № 5, S. 959—989.

⁸¹ L. Dehio. Gleichgewicht oder Hegemonie. Krefeld, 1948; он же. Deutschland und die Weltpolitik im 20. Jahrhundert. München, 1955.

гой крупный представитель реакционной немецкой историографии, Риттер, не может расстаться с идеей «мировой политики» Германии, рассматривая ее как основной геополитический принцип, определяющий развитие всемирной истории в XX в. В 1947 г. Риттер считал, что в мире наступило «тотальное изменение», которое он усматривал в том, что будущее всего мира... будет определяться «только лишь двумя мировыми державами или группировками держав первейшего ранга». Он имел в виду «англосаксонские морские державы», с одной стороны, и «русскую континентальную державу» — с другой. Отсюда он делал вывод: «Естественное противопоставление „островных“ и „континентальных“ методов и идеалов вступает тем самым в планетарную стадию»⁸².

Какое же место в этом противопоставлении должна занимать западная, империалистическая часть Германии? На этот вопрос Риттер ответил идеей утверждения исторической роли германского милитаризма. Применяя метод смещения, или, правильней сказать, извращения понятий, Риттер объявил, что милитаризм и фашистский «принцип тотального народного государства» является наследием Великой французской революции XVIII в., а источник «стихийно-воинственной формы национального самосознания» он усмотрел во влиянии народных движений⁸³; в идее гуманизма он, как и все реакционеры, усмотрел проявление «безродного космополитизма»⁸⁴, а в «демонизме» Гитлера — «смешение мотивов, добрых и злых»⁸⁵; Бебеля он объявил «немецким националистом»⁸⁶, а Бисмарка — «истинным европейцем»⁸⁷; источник «демонической власти» он усмотрел в иррациональной силе националистических и агрессивных настроений масс, которые, по его мнению, и «подтолкнули своих руководителей вперед» — начать войну⁸⁸, а «подлинную тайну... стремительного взлета» Гитлера он увидел в том, что нацистский «фюрер», «казалось, наконец, решил проблему XIX в. — соединение национализма с социализмом»⁸⁹. Зато, утверждал Риттер, марксизм — учение научного коммунизма со времени своего возникновения выступает как агрессивно-экспансионистская и милитаристская сила.

Нужно ли продолжать показ тех методов эквилибристики конструкциями идей и методов извращения реальных политических понятий, в основе которых лежит общая идея исторической реабилитации и политическое утверждение германского милитаризма в целом? Как историк и современник Риттер отдает себе полный отчет в политической направленности этой реабилитации. Так, скорбя о ликвидации Прусского государства (в 1947 г.), он впоследствии писал: «Тот, кто задумается о проявлениях духа Фридриха в истории Германии... найдет повод хорошо подумать о значении исчезновения мощной старопрусской военной силы на восточной границе „Запада“ для его настоящего и будущего»⁹⁰. В целом свою апологетическую линию Риттер проводил по следующим линиям: во-первых, он стремился доказать, что генералитет германской армии не определяется категорией «милитаризма», поскольку даже в период «демонической власти» Гитлера генералитет якобы тормозил аг-

⁸² G. Ritter. *Dämonie der Macht*. München, 1947, S. 161.

⁸³ G. Ritter. *Staatskunst und Kriegshandwerk*, Bd. I. München, 1959, S. 327.

⁸⁴ G. Ritter. *Dämonie der Macht*, S. 74.

⁸⁵ H. Picker. *Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier 1941—1942*. Im Auftrage des Deutschen Instituts für Geschichte der national-soziologischen Zeit geordnet, eingeleitet und veröffentlicht von G. Ritter. Bonn, 1951, S. 28.

⁸⁶ G. Ritter. *Europa und die deutsche Frage*, S. 98.

⁸⁷ Ibid., S. 205. См. E. Engelberg. *NATO — Politik und die Westdeutsche Historiographie über die Probleme des 19. Jahrhunderts*. — *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*, 1959, № 3.

⁸⁸ G. Ritter. *Europa und die deutsche Frage*, S. 140.

⁸⁹ Ibid., S. 191.

⁹⁰ G. Ritter. *Friedrich der Grosse*. Heidelberg, 1954, S. 260.

рессивную военную политику фашизма и занимался лишь воссозданием оборонительной армии; во-вторых, он стремился доказать, что на протяжении всей своей истории прусский, а затем германский генеральный штаб и вообще генералитет, осуществляя свои задачи в пределах ограниченной, «технической» компетенции, никогда не выходили за рамки чисто военных вопросов и всегда подчинялись политическому руководству (нарушение этих традиций Гинденбургом и Людендорфом в годы первой мировой войны имело поэтому роковые последствия); в-третьих, если участники заговора 20 июля 1944 г., вопреки всем традициям, подняли руку на главу государства, то только потому, что сложившаяся тогда ситуация имела «характер абсолютной исключительности» — Германия находилась во власти группы преступников, которая вела страну к военной катастрофе; в-четвертых, то, что генеральский заговор не удался, являлось катастрофой, последствия которой выходят за пределы Германии, — «с тех пор над Европой висит тень большевистской мировой державы»⁹¹. Общий исторический вывод Риттера таков: германский милитаризм не только спас «честь Германии», но и призван «освободить Европу от угрозы коммунизма». Ясно, что эта историко-политическая концепция направлена не только на реабилитацию германского милитаризма путем искусственного его противопоставления фашизму, но и на утверждение всей политической идеологии, связанной со вхождением Западной Германии в агрессивную систему НАТО.

Таковыми оказались общие итоги и цели пересмотра одной из разновидностей традиционной концепции немецкой истории. Вращенная на идеях прусско-германского милитаризма, эта концепция в соответствии с новыми политико-идеологическими задачами осуществила некоторую внутреннюю перестройку, чтобы остаться верной своим идеям, реабилитировать их и попытаться не только утвердить, но и расширить их влияние в пределах всего «Запада». В конечном счете, идеи Риттера — это несколько модифицированные идеи старого немецкого национализма и милитаризма, приумноженные современным антикоммунизмом в условиях «холодной войны».

Концепция Риттера подверглась критике, и притом из собственных рядов неоранкеанской исторической школы, однако не за то, что она — милитаристская концепция, а за то, что она слишком традиционна. Дехио противопоставил ей другую концепцию, претендующую на то, чтобы включить современные проблемы немецкой истории в широкие рамки «мировой политики XX века». Учитывая исторические уроки двух мировых войн и двух поражений, которые потерпела Германия, Дехио словесно готов отвергнуть прусско-германский милитаризм старого типа. Это как будто звучит призывом и к глубокой самокритике. «Мы, немцы, — писал он, — стремились при помощи истинно прусского метода — это означает с помощью систематических вооружений — вторгнуться за узко европейские пределы в вожделенную систему мирового равновесия, так же как некогда Пруссия вторглась в европейскую систему равновесия... А каковы были необратимые результаты нашего стремления? Оно привело на путь мировой войны: мы и только мы угрожали центральным жизненным нервам Англии»⁹². Так, все еще пользуясь инструментарием понятий неоранкеанства о примате внешней политики и «борьбе за гегемонию» как основном понятии всемирной истории в новое время, Дехио усматривал корни второй мировой войны в том, что в результате первой мировой войны победителям не удалось обновить «европейскую систему» в той степени, как это удалось реакцион-

⁹¹ G. Ritter. Der 20. Juli 1944. Die Wehrmacht und der politische Widerstand gegen Hitler. — «Schicksalsfragen der Gegenwart», Bd. I, S. 349—381.

⁹² L. Dehio. Deutschland und die Weltpolitik im 20. Jahrhundert. München, 1955, S. 14—15.

ному Священному союзу, который после наполеоновских войн якобы сумел обеспечить Европе длительный мир. В этих условиях гегемонистские устремления, уже ранее созревшие в Германии, помноженные на тлеющий реваншизм, искали своего выхода. В Германии, утверждал Дехио, уже дважды «произросли экспансивные идеи: реформация и марксизм; но не немецкой политике принесли они пользу»⁹³. Поэтому гегемонистские устремления, обостренные одновременной борьбой против марксизма и большевизма, оснащенные «пруско-германской традицией мощи... с лишенным формы революционным насилием (revolutionärformloser Gewaltsamkeit), переплавились в новую фашистскую динамику»⁹⁴.

Так Гитлер оказался концентрированным воплощением «экстремистской борьбы за гегемонию»; «ведь просто непонятно,— восклицал Дехио,— как могла бы Германия без такого сатанинского гения еще раз подняться на столь головокружительную высоту»⁹⁵. Но и падение с этой высоты было беспрецедентным в истории, и хотя Дехио пытался усмотреть в нем типичную историческую судьбу «гегемонистской державы», тем не менее он призывал уяснить, что «в цепи европейских войн за гегемонию... германская борьба является последней в этом ряду». В 1945 г., утверждал Дехио, «путь оказался открытым к новой всемирной истории», содержанием которой является «русско-англосаксонское соперничество в борьбе за мировую гегемонию»⁹⁶. В этих терминах Дехио характеризовал борьбу американского империализма за его мировую гегемонию и политику «отбрасывания коммунизма».

В условиях борьбы двух мировых систем перед Федеративной Республикой Германии уже на первом этапе ее существования история поставила вопрос о месте, которое она должна была занять. Это, разумеется, понимала и немецкая историческая школа. В этом отношении, говоря словами Геймпеля, «попытка жить с прошлым»⁹⁷ как попытка обоснования роли «истории и исторической науки в наше время» на деле оказалась стремлением к консервации реакционной идеологии и реакционных традиций; практически задача этой попытки сводится к тому, чтобы при помощи исторических софизмов прикрыть или оправдать политические конструкции и цели, которые выдвигаются господствующими классами Западной Германии и их системой политического клерикализма и возрожденного милитаризма. Это ведет, с одной стороны, к идеализации сил старой, средневековой Германии, к решительному выдвижению идеи «империи», как надисторического абсолюта, в частности к идеализации империи Каролингов, как ядра «романо-германского Запада», к прославлению средневекового клерикализма в целях исторического обоснования империалистической идеологии германского «райха» и «Малой Европы»⁹⁸. С другой стороны, оно ведет к «современной истории», в которой усматривается «попытка в историческом изучении недавнего прошлого найти ключ к пониманию крупнейших перемен», которые произошли в критический период истории германского империализма и которые должны «повлечь за собой и изменения в историческом и политическом взгляде на мир»⁹⁹. Таким образом, идеологи-

⁹³ Ibid., S. 34.

⁹⁴ Ibid., S. 25.

⁹⁵ Ibid., S. 30.

⁹⁶ Ibid., S. 32.

⁹⁷ H. Heimpel. Der Versuch mit der Vergangenheit zu leben. Über die Geschichte und Geschichtswissenschaft in unserer Zeit.—«Frankfurter Allgemeine Zeitung», 25 марта 1959 г.

⁹⁸ T. Büttner. «Abendland» Ideologie und Neo-Karolingertum im Dienste der Adenauer-CDU.—«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1959, H. 8, S. 1803 ff.

⁹⁹ P. Kluge. Aufgaben und Methoden zeitgeschichtlicher Forschung.—«Europa-Archiv», 5 апреля 1955 г. См. также H. Heimpel. Der Mensch in seiner Gegenwart.—«Die Sammlung», 1951, September.

ческая задача «современной истории», как признал и Ротфельс, один из корифеев современной западногерманской историографии, является глубоко политической; не только преодоление «релятивистского скепсиса», но и создание «такой духовной дисциплины, которая может быть внесена как вспомогательная сила познания, а также и самовоспитания в сфере нравственных решений, как того с новой настоятельностью требует от нас эпоха»¹⁰⁰.

Процесс обращения к «современной истории» протекает в различных организационных формах и соответственно в различных вариантах: в эту огромную область идеологической работы включены университетские и специализированные институты, католические и евангелические фонды и организации по «исследованию Востока», — и все это в значительной степени координируется военным министерством и его органами «психологической войны»¹⁰¹. Если разработка вопросов, связанных с историей немецкого фашизма, в конечном счете преследует цель противопоставления нацизма немецкому милитаризму в целях идеологической апологии последнего, то «исследование Востока» (*Ostforschung*) — это в главных своих направлениях попытка исторического обоснования ревизионистских устремлений германского империализма на Восток — против Польши, Чехословакии и Советского Союза. «Исследование Востока», как и «современная история», заключают в себе много нюансов, вариаций и аспектов, это многообразие используется в качестве доказательства преимуществ «Атлантического сообщества». В последнее время обнаруживается тенденция исторического обоснования принадлежности Польши и Чехословакии к «Западу».

С другой стороны, еще ранее имели место многообразные попытки согласовать на основе компромиссных формул историю стран, входящих в систему «европейской интеграции» или — более широко — в агрессивную систему НАТО. На специальных координационных совещаниях представителей историографии отдельных стран, региональных и двусторонних, проводилась большая идеологическая работа: расистские, наиболее откровенно националистические и милитаристские концепции германского империализма были отодвинуты на задний план, чтобы дать дорогу псевдодемократическим идеям, сглаживающим противоречия между отдельными странами Западной Европы, утверждающим общность судьбы «западного мира», а тем самым устранению в историографии или соответствующей интерпретации тех фактов и проблем, которые касаются агрессивных устремлений германского империализма и вообще роли милитаристских сил и традиций в истории Пруссии и Германии. В современной западногерманской историографии основные усилия направлены не только на то, чтобы исторически доказать извечную принадлежность Германии к «свободному миру», ее места как одной из составных частей «западной культуры», но и главным образом, чтобы утвердить ведущую историческую миссию Германии в Европе как ударной силы в борьбе против Востока. Вот почему идеологи «психологической войны» столь усиленно стремятся показать самостоятельную роль германского империализма в системе «Запада» и «Европы». В этом отношении весьма показательно, как Герман Аубин трактует понятия «Запад, империя, Германия и Европа»; утверждая, что они имеют политическую, культурную и религиозную общность, он усматривает историческую заслугу Германии в том, что она сдерживала вторжение Востока в Европу. Что касается захватнической политики германского империализма, то Аубин не отрицает этого факта, но оправдывает его; так, на-

¹⁰⁰ H. Rothfels. *Zeitgeschichte als Aufgabe*. — *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*, 1953, № 1, S. 8.

¹⁰¹ W. Heise. *Wesen und Funktion der «psychologischen Kriegsführung» der Bonner Machthaber*. — *«Einheit»*, 1959, H. 12, S. 1666.

пример, захват Чехословакии в 1938 г. он расценивает как осуществление признанных «Западом» исторических прав немецкого народа. Более того, Аубин готов был бы признать заслуги гитлеровской клики, если бы она обеспечила успех в войне «против России и коммунизма в интересах Запада», но Гитлер, начав войну на западе, «скомпрометировал идею западного сообщества». Теперь, утверждает далее Аубин, понятие «Европа» приобретает новое содержание: «это — наименование Запада», которое в «главных линиях» определяется господством международных монополий «Европейского объединения угля и стали» и «Евратома». Таким образом, заключает Аубин, «эта новая „Европа“ и „Россия“ выступают в полном противоречии», в решении которого Германия призвана сыграть активную роль¹⁰².

Мысль о признании империалистической Германии играть руководящую роль в Европе превратилась в составную часть общей идеологии политического клерикализма «эры Аденауэра». Если Аубин пытался трактовать этот вопрос с историко-политических позиций, то в правящей партии нет недостатка фундировать внешнеполитические устремления, исходя из мотивов внутренней и религиозной политики. Венгер, один из ближайших экспертов Аденауэра по вопросам идеологии, в книге «Кто выиграет Германию?», обобщая политический опыт послевоенных лет, поставил цель убедить, что наступает время, когда правящие круги ФРГ должны задуматься над тем, как использовать складывающуюся обстановку, чтобы «выиграть» Европу. «Поскольку трагическая вина немцев за раскол веры ныне искуплена политическим союзом христиан, перед этим союзом, представляющим с точки зрения внутренней политики коалицию всех слоев населения, стоит великая историческая задача. Сущность ее — преодолеть в сердце Европы основные последствия раскола веры, национальный сепаратизм и атеистический материализм. Тем самым Запад вновь обретает себя как свободное христианское и федералистское содружество народов, как посредник всеобщего мира между американской и азиатской системами государств и сможет показать вдохновляющий пример в разрешении рождающихся в Европе мировых проблем»¹⁰³. Таковы нарождающиеся претензии руководящей партии современного западногерманского империализма, выраженные в терминах политического клерикализма.

Правда, в современных условиях некоторые идеологи «психологической войны» считают более целесообразным выдвигать не столько откровенно националистические, сколько квазидемократические формулы и оперировать такими понятиями, как «личная свобода», «естественное право», «народ», «демократический порядок» и т. д. Один из них пытается даже утверждать, будто в политической действительности ФРГ воплощены... принципы французской буржуазной революции 1789 г.¹⁰⁴ Однако, по признанию Лейбгольца, одного из авторов труда, написанного по заданию военного министерства с целью политико-исторического образования офицерских кадров бундесвера, в этой трактовке проявляется необходимость координации идеологической жизни применительно к общим интересам держав, входящих в состав Атлантического блока¹⁰⁵.

Но «идея Европы» не раз использовалась наиболее реакционными и агрессивными силами германского империализма. Если Пангерманский союз уже в период подготовки первой мировой войны выдвигал лозунг

¹⁰² H. Aubin. Abendland, Reich, Deutschland und Europa.— «Schicksalsfragen der Gegenwart», Bd. I, S. 29—63.

¹⁰³ P. W. Wenger. Wer gewinnt Deutschland? Stuttgart, 1959, S. 47.

¹⁰⁴ M. Göhring. Die französische Revolution und der Moderne Staat.— «Schicksalsfragen der Gegenwart», Bd. I, S. 217—244.

¹⁰⁵ G. Leibholz. Volk, Nation und Staat im 20. Jahrhundert.— Ibid., S. 64—90.

«Срединной Европы», а гитлеровский империализм в период второй мировой войны стремился установить свое господство под лозунгом защиты «европейской идеи» и создания «нового порядка в Европе», то и теперь эта идея, хотя в несколько подновленном виде, используется вдохновителями «психологической войны» как идеологическое прикрытие их подлинных — реваншистских и агрессивных — целей и интересов. Вот почему Венгер, редактор главного органа политического католицизма «Rheinischer Merkur», провозгласил план создания «нового порядка в Европе» на клерикально-федеральной основе. Этот план предусматривал также создание «восточноевропейского союза государств», расположенного к востоку от Эльбы, но связанного с католической Западной Европой¹⁰⁶. Вот почему вокруг «европейской идеи» собираются не только те, кто, активно поддерживая и представляя режим политического клерикализма и воинствующего милитаризма, предпочитают выдвигать формулы демократии, но и те, кто открыто объявляют себя сторонниками гитлеровского нацизма: так, идеологи неофашизма в Западной Германии собираются под знамена «Nation Europa».

Исторический парадокс и состоит в том, что наиболее реакционные и агрессивные силы, несущие главную ответственность за неисчислимые человеческие жертвы, за неслыханные разрушения материальных и культурных ценностей в Европе, за духовное опустошение людей, которое они пытались вызвать везде, где ступала их нога, и распространить дальше границ своего непосредственного господства, — именно эти силы научились сочетать в различных дозировках свой крайне агрессивный национализм с идеями «европеизма».

Этим мы вовсе не хотим отрицать огромного вклада народов европейского континента в развитие всемирной истории и общечеловеческой культуры. Наоборот, было бы насилием над историей, извращением смысла ее глубинных процессов, имеющих универсальное значение, если бы кто-либо встал на путь противопоставления одних континентов или региональных комплексов другим, а тем самым противопоставления одних народов другим ввиду различия их исторических судеб. К сожалению, идеология агрессивного национализма и гегемонистских устремлений оказалась живучей не только в Западной Германии, Западной Европе и вообще в «западном мире», но и в других странах и на других континентах. Человечество преисполнено глубоким уважением к истории Индии, Китая, Египта и всех других районов мира, ставших колыбелью цивилизации. Но не меньшего признания требуют и страны европейского континента, где, наряду с величайшими произведениями науки, культуры и искусства, родилась идея научного социализма и коммунизма, впитавшая в себя весь опыт всемирной истории в различных его проявлениях и являвшаяся высшим достижением развития человеческого общества, его материальной культуры, а главное его духа. В этом смысле история Европы имеет поистине универсальное значение, отнюдь не в меньшей степени, чем история других континентов древней цивилизации; пробуждение Азии, отмеченное Лениным еще в начале XX в. как событие всемирно-исторического значения, не обошлось без влияния со стороны социальных движений и социальных идей, охвативших рабочий класс и другие демократические силы Европы. Огромное значение в процессе этого воздействия имел и тот факт, что центр революционного движения и наиболее передовых общественно-политических идей в начале XX в. переместился в Россию.

Итак, в целом идеология «антиевропеизма» столь же тлетворна и опасна, как и идеология «европоцентризма», столь свойственная империализму европейских держав. Более того, «идея Европы» в различных

¹⁰⁶ «Der Spiegel», 1958, № 21, S. 22.

ее вариантах — «Срединная Европа» или «Новый порядок в Европе», «Малая Европа» или «Новая Европа», а теперь и «Нация Европа» — является составной частью идеологии германского империализма на различных стадиях и в различных условиях его исторического развития и направлена против национальных интересов всех европейских народов, больших и малых. Она направлена и против национальных интересов самого немецкого народа, в особенности в современный период его истории: превратившись в руках милитаристских сил в одно из орудий «психологической войны» против лагеря мира, социализма и демократии, она как бы призвана оправдать раскол Германии. Так национальные интересы немецкого народа и будущее Европы снова приносятся в жертву старому Молоху немецкого милитаризма, облеченному ныне в новую форму.

6

Если идеология, господствующая в Германской Демократической Республике, ставит одной из своих главных задач разработку вопроса о демократических традициях немецкого народа и представляет его основную прогрессивную историческую концепцию, то идеология империализма, господствующая в Западной Германии, ставит одной из своих главных задач разработку вопроса о милитаристских традициях применительно к новым условиям. Вот почему на первый план ныне выдвигаются не проблема обеспечения мира, а проблема коалиционной войны¹⁰⁷, не проблема, связанная с отказом от войны на вечные времена, а усилия, направленные к философской и исторической апологии империалистических войн прошлого и будущего. С этим, в частности, связаны и усилия, направленные на дискредитацию Нюрнбергского процесса, являвшегося якобы не актом правосудия, а «актом высокой политики» со стороны победителей, которые решили вернуться к «праву Версаля»¹⁰⁸. Одновременно в Западной Германии широкой волной идет пропаганда, имеющая своей целью не только реабилитировать, но и прославить наиболее крупные фигуры германского милитаризма, а также доказать, что война вообще не может быть преступлением. Наконец, современные идеологи германского империализма стремятся затушевать вопрос о социальных жорнях гитлеровского фашизма и доказать, что его «тоталитаризм» якобы является постоянным свойством коммунизма, для борьбы против которого следует использовать традиционную силу — германский милитаризм, оснащенный новейшей техникой, в том числе атомным оружием. Оправдывая гитлеровский антикоммунизм, эти идеологи в то же время пытаются утверждать, будто антигитлеровская коалиция СССР и западных держав являлась противоестественным союзом¹⁰⁹; естественным союзом они считают блок западных держав и германского империализма против СССР.

Можно ли удивляться, что в этой атмосфере воинствующего антикоммунизма и возрожденного культа немецкого милитаризма, когда гитлеровские генералы типа Шпейделя и Хойзингера, поставленные во главе НАТО и бундесвера, были объявлены опытными, прославленными «техниками войны», когда одни военные преступники стали претендовать на роль «национальных героев» немецкой истории, а другие — типа Оберлендера и Глобке — могли занимать высокие посты в правительстве, когда агрессивный германский национализм и реваншизм превоз-

¹⁰⁷ W. Hubatsch. Koalitionskriegführung in neuester Zeit, historisch-politisch betrachtet. — «Schicksalsfragen der Gegenwart», Bd. I, S. 245—270.

¹⁰⁸ E. Kaufmann. Warum konnte der Krieg zum Verbrechen erklärt werden? — Ibid., S. 271—294.

¹⁰⁹ G. Stadtmüller. Europäische Ostpolitik in der Geschichte. — Ibid., S. 399.

носятся как орудие «европейской идеи», — можно ли удивляться, что в этой атмосфере снова стали раздаваться призывы к пропаганде «германской общности», например с фламандцами и голландцами, призывы разжигать «ненависть»¹¹⁰ во имя осуществления идей реваншизма, и притом в разных направлениях¹¹¹, снова, как и после первой мировой войны, стали раздаваться призывы бороться против «лжи об ответственности за войну». Но в отличие от веймарских времен, когда германский империализм, выдвигая на первый план «вопрос об ответственности за войну», ставил перед собой задачу реабилитации германского империализма, «эра Аденауэра» открыла возможность и для попыток реабилитации гитлеровского фашизма. Так, например, неофашистский орган «Nation Europa» утверждает на своих страницах, что «Гитлер, которому приписывают безмерные и безрассудные требования, на самом деле выдвигал лишь в высшей степени ограниченные требования»¹¹².

И действительно, в обстановке «холодной войны» агрессивные устремления некоторых западных публицистов были таковы, что они не в малой степени перекрывали первоначальные планы гитлеровского империализма. Руководящие круги Западной Германии «эры Аденауэра» отмежевывались от идеологии нацизма, изложенной Гитлером в его книге «Mein Kampf». Это не мешало им поднять на щит книгу Барника «Немецкие козыри»¹¹³, которая, будучи основана на гитлеровских планах в области внутренней и внешней политики, пыталась приспособить эти обанкротившиеся планы к современным условиям. Барник считал, что правящим кругам германского империализма пора отказаться от псевдodemократического фасада, от лозунгов и учреждений, имеющих своей целью заигрывать с народными массами, ибо уделом масс является только «глупость», а «серьезная политика... просто не в состоянии продержаться», если она будет следовать чаяниям масс¹¹⁴. С другой стороны, утверждал Барник, «только немецкий милитаризм имеет свою этическую почву»¹¹⁵, и чтобы выполнить его задачи, он призывает опереться на старые кадры; только «ветеран спокойно делает свою кровавую работу»¹¹⁶. Прежде всего Барник имел в виду создание в Западной Германии авторитарного режима, т. е. милитаристский путь и установление военной диктатуры.

Таков один из козырей — козырей агрессивной политики германского империализма. В качестве второго козыря Барник выдвинул идею ускоренной подготовки новой войны, заявляя, что даже границы 1937 г. являются «не историческими границами»; как и Гитлер, он снова нацеливал на захват Чехословакии, Австрии, Польши и требовал возвращения южнотирольцев к райху любой ценой¹¹⁷. Не ограничиваясь этим, он нацеливал также и на захват других территорий Центральной и Юго-Восточной Европы и далее — на захват территорий Советского Союза. Как и Гитлер, Барник отлично понимает, что осуществление этой захватнической программы означает развязывание новой войны, но он не только не отказывается от этой перспективы, но, наоборот, цинично провозгласил ее целесообразность и необходимость: «Третья мировая война, — пишет он, —...при всех условиях является единственно возможным путем»¹¹⁸.

Как зарвавшийся игрок, Барник поставил на карту все: он понимал,

¹¹⁰ «Nation Europa», 1958, № 5, S. 6.

¹¹¹ «Nation Europa», 1958, № 1, S. 26.

¹¹² «Nation Europa», 1959, № 4, S. 37.

¹¹³ J. Barnick. Die deutschen Trümpfe. Stuttgart, 1958.

¹¹⁴ Ibidem.

¹¹⁵ Ibid., S. 279.

¹¹⁶ Ibid., S. 100—101.

¹¹⁷ Ibid., S. 166.

¹¹⁸ Ibid., S. 27.

что в будущей войне еще больше городов будет повергнуто в прах и пепел, а количество человеческих жертв будет неисчислимым¹¹⁹. Но он не смущался этим. Как бы заранее подавая заявку на включение своего имени в список военных преступников третьей мировой войны, он бросил главный козырь — авантюристскую стратегию внезапного массированного атомного удара против Советского Союза. Ничего не забыв, он ничему не научился. И если здесь приходится упоминать об этих авантюристских надеждах и помыслах Барника, то только потому, что Штраус, будучи военным министром Федеративной Республики Германии, нашел, что они представляют «большой интерес» и даже являются «конструктивными». Таким образом, военный министр «эры Аденауэра» как бы официально включил идеологию агрессивного реваншизма и атомной катастрофы в политический арсенал «психологической войны».

«Немецкие козыри» Барника не представляют собой ничего нового, — в них нетрудно усмотреть старые, битые козыри германского империализма и фашизма, которые пора, давно пора выбросить на свалку истории. Единственное, что их отличает от козырей Гитлера, — это призыв развязать атомную войну — преступный и чудовищный призыв, порожденный той «атомной идеологией» современного германского империализма, в разработке которой активная роль принадлежала философии экзистенциализма и клерикализма, объединенных приверженностью к иррационализму, который, уже давно выйдя из берегов чистой философии, заполнил широкие просторы политического мышления и политических действий. В системе политического клерикализма, утвердившей свое господство в ФРГ, он глубоко проник как в католическое, так и в протестантское крыло этой системы, — по крайней мере в те ее руководящие слои, которые, претендуя на монополию в области формирования идеологических взглядов, считали возможным преследование инакомыслящих даже в лоне их собственной церкви. Еще в 1953 г. Гильманс, в то время видный деятель в кругах протестантизма, в клерикальном органе «*Evangelische Verantwortung*» утверждал, что «человеческое познание, в том числе и в политике, не является высшим критерием»¹²⁰. Политический иррационализм, будучи неразрывной, составной частью идеологии политического клерикализма, с самого начала заявил себя как агрессивная, воинствующая сила, направленная не только против идей научного коммунизма, но и традиций немецкого гуманизма. Один из идеологов Христианско-демократического союза (протестант), бывший председатель бундестага Герман Элерс, требовал объявить «беспощадную войну всем, кто еще мыслит категориями прошлого столетия, провозглашает единство законов развития государства и политики и считает человека мерилom всех ценностей»¹²¹. Итак, не человек и его разум, не познание объективных законов развития человеческого общества, а торжество иррационализма в политической философии нашего века — такая тенденция развития идеологии политического клерикализма, утвердившего своего господство в Западной Германии. Опасная тенденция — потому, что она родственна идеологии нацизма. Еще более опасная в наш атомный век.

7

Георг Менде, один из наиболее видных представителей философской мысли в ГДР, убедительно показал, что немецкий экзистенциализм в свое время сыграл существенную роль в идеологической подготовке

¹¹⁹ Ibid., S. 31.

¹²⁰ «*Evangelische Verantwortung*», Bonn, 1953, № 10.

¹²¹ «*Zeitwende*», Hamburg, 1954, № 12.

фашизма. Он показал, что и в послевоенный период немецкий экзистенциализм сохранил свою антидемократическую направленность, свою реакционную, антинаучную сущность, а также то замаскированную и утонченную, то откровенно выраженную способность приспосабливаться к общим идеологическим и политическим задачам, выдвигаемым руководящими кругами германского империализма¹²². Так, Хейдеггер, утверждая, что «тотальный» характер мировых войн нашего века является следствием одиночества бытия и что между войной и миром со всей неизбежностью и необходимостью стираются грани, по сути дела обнаружил, как нетрудно спланировать от старой немецко-фашистской идеологии «тотальной войны» к идеологии современного германского империализма, выступающего под знаменем «холодной войны» против Востока. В самом деле, что означает утверждение Хейдеггера, будто в ходе второй мировой войны стало вызревать состояние невойны и будто состояние мира после войны стало внутренне бессмысленным и бессодержательным¹²³? И что означает его утверждение: «Используется ли атомная энергия в мирных целях или мобилизуется в военных целях, поддерживает ли и вызывает ли одно другое — все это лишь второстепенные вопросы»¹²⁴. Ответом являются те усилия, которые современный западногерманский экзистенциализм прилагает в целях философского оправдания политики «холодной войны» и атомного вооружения бундесвера. Но если идеологическая апология «холодной войны» началась и разворачивалась вместе с осуществлением разработанного политического курса, то апология атомной войны началась задолго до того, как требование атомного вооружения бундесвера было формально выдвинуто в качестве политической задачи ближайшего времени. Нельзя не признать, что в идеологическом предвосхищении и в попытках философского, а затем и морально-го обоснования задачи немецкий экзистенциализм занял видное место.

Наиболее выразительной фигурой в этом отношении является Карл Ясперс. Выдвинув на первый план понятие «человеческой судьбы», Ясперс не мог претендовать на оригинальность, — он просто включил это понятие в ту полосу фаталистических представлений, которые в послевоенный период столь усердно насаждаются в Западной Германии всей клерикально-политической, философской и исторической мыслью. Этот фатализм являлся своего рода прививкой чувства беспомощности и обреченности каждого отдельного человека не только перед лицом индивидуальной смерти, но и перед лицом такого исторического потрясения, каким является война. Не удивительно, что и большое руководство по наиболее актуальным историко-политическим вопросам, изданное боннским военным министерством в целях идеологической обработки бундесвера, носит название «Вопросы судьбы современности». Штраус, находясь на посту военного министра, дал этому следующее обоснование: «Вопросы судьбы современности, ответы на которые предсказывают будущее, не могут быть поняты без познания прошлого»¹²⁵.

Однако апелляция к истории и мобилизация наиболее реакционных представителей исторической мысли для обоснования возрождения милитаризма как основного вопроса «судьбы современности», не были изолированным явлением в области идеологии. Если Мейнеке в первые послевоенные годы скорбно и полурастерянно отмечал, что «радикальный разрыв с нашим милитаристским прошлым, который мы должны теперь на себя возложить, ставит нас, однако, перед вопросом, что вообще станет с нашими историческими традициями»¹²⁶, если затем Риттер, а вме-

¹²² Т. Менде. Очерки о философии экзистенциализма. Перев. с нем. М., 1958.

¹²³ M. Heidegger. Vorträge und Aufsätze. Pfullingen, 1954, S. 93.

¹²⁴ M. Heidegger. Der Satz vom Grund. Pfullingen, 1958, S. 199.

¹²⁵ «Schicksalsfragen der Gegenwart», Bd. I, S. 7.

¹²⁶ F. Meinecke. Die deutsche Katastrophe, S. 156.

сте с ним и вся реакционная историческая наука Западной Германии, как мы видели, сознательно и целеустремленно посвятили себя делу возрождения милитаристской идеологии и обоснованию ее традиций в применении к современности, то клерикализм, с одной стороны, и экзистенциализм — с другой, взяли на себя труд разработать основные категории «атомной идеологии» современной войны. Трамплином и на сей раз послужило иррациональное понятие «судьбы». Где заложены корни современных империалистических войн, принесших немецкому народу и всему человечеству столько бедствий? Реакционная немецкая историография, социология и философия сознательно уклоняются от научного ответа на этот животрепещущий вопрос, ответа, вытекающего из анализа самой природы империализма и агрессивного милитаризма. В этом смысле понятие «человеческой судьбы», подсказанное иррационализмом, является находкой, ибо, ничего не объясняя в прошлом, оно парализует естественное стремление к пониманию настоящего и будущего. Зато оно открывает широкие возможности для насаждения представлений о фатальной неизбежности постоянной угрозы новой войны, поскольку, как утверждает Ясперс, «во всех нас заключено то насилие, вследствие которого мы всегда живем под угрозой войны,— и это наша человеческая судьба». В дальнейшем выясняется, что речь идет не только о фатальной неизбежности военной угрозы, но и о подобной же неизбежности самой войны, поскольку она коренится не в исторически преходящей природе капитализма и империализма, а в извечной и постоянной природе человека. Как и Хейдеггер, Ясперс считает, что «война берет свое начало в человеческом бытии, в его недрах, которые не могут быть удовлетворительно объяснены ни как характерные особенности, ни как объективно неразрешимое противоречие между людьми и группами людей»¹²⁷.

Было бы, конечно, наивно предполагать, что, рассматривая вопрос о корнях и природе войн, а также о перспективах мира, Ясперс делает акцент на самопризнании научного банкротства по вопросам, волнующим все человечество и каждого человека в отдельности. Нет, в условиях разыгравшейся «холодной войны», он усмотрел свою задачу в том, чтобы из понятия «человеческой судьбы» вывести фатальную неизбежность гонки не только обычных вооружений, но прежде всего атомных вооружений, постоянной и безграничной гонки, которая может быть приостановлена только военной катастрофой космического масштаба. В те времена сторонники и вдохновители политики с «позиции силы» и «холодной войны» в Западной Германии были убеждены в атомном превосходстве США и в том, что Советский Союз навсегда обречен на отставание в этой области. Тем не менее, или, вернее, именно поэтому, Ясперс старался обосновать необходимость дальнейшей гонки в области атомных вооружений, поскольку это превосходство, считал он, может быть сохранено только в случае постоянного увеличения разрушительной силы оружия, ибо каждое изобретение, несмотря на стремление сохранить тайну, становится через некоторое время достоянием всех. Его общий вывод был таков: нет иного пути, кроме гонки вооружений до тех пор, пока земной шар не будет разнесен на мелкие куски и превращен в космическую пыль.

Так, утверждая в Западной Германии идеологию атомного милитаризма, апостол немецкого экзистенциализма в то же время пытался предотвратить массовое движение против атомного вооружения Западной Германии. Этому движению он придавал не большее значение, чем «учтивому заклинанию над атомной бомбой». Что касается возможных государственных мероприятий в целях запрещения применения атомной бомбы, то с высоты своего философского Олимпа он расценивал их как

¹²⁷ K. Jaspers. Rechenschaft und Ausblick. Reden und Aufsätze. München, 1958, S. 300.

бессмыслицу. Основой этого «величия» была та политическая ограниченность, которая покоилась на ложном представлении или самообмане о неоспоримом научном и техническом превосходстве капитализма над социализмом.

Но вот настало время, когда в глазах даже самого предубежденного человека действительность решительно опрокинула это представление, а основанная на нем политика «с позиции силы» и гонки вооружений оказались бессмыслицей. Однако германский милитаризм не может отказаться от самого себя, от своих агрессивных целей и, следовательно, от своей идеологии, призванной прикрыть или оправдать эти цели. Более того, укрепляя свои позиции и расширяя свое влияние в агрессивной системе НАТО, он стремится и практически стать на путь активного атомного вооружения, что вызвало резкие протесты со стороны лучших представителей немецкой интеллигенции (прежде всего физиков-атомников), а также со стороны передовой части рабочего класса. Германский милитаризм, — главный виновник «тотальных» катастроф немецкого народа, — начал превращаться в потенциального носителя угрозы «тотальной» атомной смерти.

В этих условиях насаждаемая в послевоенный период идеология антикоммунизма, антисоветизма и реваншизма требовала новых модификаций и новых аргументов. Но и тут идеология германского империализма обнаружила свое творческое бесплодие: идея смерти не может быть животворящей идеей. Это в полной мере показывало дальнейшее развитие или, правильней сказать, дальнейшее вырождение экзистенциалистской философии Ясперса. В самом деле, размышляя в своей книге «Атомная бомба и будущее человека»¹²⁸ о политическом сознании нашей эпохи, Ясперс снова возвращается к понятию «человеческой судьбы» как иррациональной субстанции всемирной истории, в центре которой он ставит Западную Европу — единственное вместилище высших культурных ценностей и идеи «свободы и правды». Жонглируя словами и понятиями и выворачивая наизнанку их подлинный смысл, Ясперс утверждал тождество «тоталитаризма» и коммунизма, противопоставляя его капиталистической системе «западного мира», основанной «на свободе». Он утверждал далее, будто этой «свободе» угрожает «тотальное господство», материальной основой которого является небывалая ранее «технизация», а идейной — «марксистско-коммунистическая доктрина»; в целом это означает создание жизненных условий, при которых «человек прекращает быть самим собой».

Более того, не чувствуя себя в силах противопоставить идеям марксизма и коммунизма научную аргументацию, Ясперс спешил опустить «железный занавес», чтобы обрести полную «свободу» — свободу поистине фантастических измышлений, направленных против коммунизма. Утверждая, что коммунизм ставит перед собою цель — создание «тоталитарного мирового государства», Ясперс делал вывод отсюда, что человечество, стремящееся к самоутверждению, будет подвергаться «тотальному» контролю благодаря атомной бомбе, дозированное применение которой уничтожит человека и массы людей, не уничтожая полностью человечество. Но даже эта фантазмагория представляется Ясперсу недостаточной: то, что можно ожидать, пишет он, трудно поддается фантазии, ибо оно кажется человечески невозможным и потому неосуществимым...¹²⁹

Между тем эта фантазмагория, порожденная автором трудов по психопатологии, имела определенную идеологическую функцию, выходяв-

¹²⁸ K. Jaspers. Die Atombombe und die Zukunft des Menschen. Politisches Bewusstsein in unserer Zeit. München, 1958.

¹²⁹ Ibid., S. 229.

шую далеко за пределы философии экзистенциализма: считая, что только «западная солидарность» может на ближайший период гарантировать неприкосновенность духовных «ценностей» капитализма, Ясперс призывает укреплять военный блок западных держав, т. е. агрессивную систему НАТО, в которой Западная Германия по своему географическому положению, экономическому и военно-стратегическому потенциалу может и должна играть все более значительную и активную роль. Но это еще не все и даже не самое главное. Основная идея Ясперса состоит в том, будто отказ от атомного вооружения ведет не к укреплению мира, а к усилению угрозы войны. В своей речи, озаглавленной «К немцам: свобода и мир», Ясперс заявил: «Мир — это не отсутствие способности к борьбе»¹³⁰. Это вовсе не означает призыва к борьбе против угрозы войны. Наоборот, это означает, по мысли Ясперса, что в эпоху атомной бомбы человек стоит лицом к лицу со своей собственной обреченностью: «Благодаря технике человек оказался в ситуации, которую он сам создал, но которую он не предвидел»¹³¹.

Казалось бы, логический и рациональный вывод отсюда должен вести к полному, всеобщему и контролируемому запрещению и уничтожению атомного оружия как средства массового уничтожения людей и к использованию величайшего открытия человеческого гения — атомной энергии — только в интересах мирного развития и технического прогресса. Но нет, глава немецкого экзистенциализма продолжает идти по пути иррационализма. Этот путь приводит к выводу, что современный человек Запада не имеет возможности выбора между атомной войной и миром и, следовательно, не имеет будущего: стремясь отстоять свое бытие, он не может более рассчитывать на благословение божье, — он должен воспользоваться атомной бомбой, чтобы пойти навстречу смерти. Так «атомная философия» немецкого экзистенциализма выступала с проповедью превентивной атомной войны. Это философия национального отчаяния и самоубийства немецкого народа, — чудовищная философия, которая затмевает даже фашистскую теорию «тотальной войны». Это аморальная философия атомной катастрофы и тотальной смерти.

Было бы неправильно предполагать, что идеология атомной войны является монополией немецкого экзистенциализма. Ее пропагандируют руководящие круги боннского государства, большая политическая пресса и даже церковь. Вся система политического клерикализма приведена в действие, чтобы оправдать атомное вооружение бундесвера и внедрить в сознание масс идею неизбежности и необходимости атомной войны. Если Аденауэр, стремясь скрыть правду, утверждал, будто атомное оружие в руках бундесвера — это всего только дальнейшее развитие современной артиллерии, если Штраус призывал к осуществлению политики атомного «меча и щита» и к риску «малой войны», то некоторые влиятельные круги церкви, протестантской и католической, заранее готовы придать атомной войне теологическое обоснование и этическое оправдание.

Автор этих строк имел возможность обсуждать вопрос об опасности атомной войны с одним из видных деятелей западноберлинской протестантской церкви, который пытался уверить, что современная «атомная идеология» в Западной Германии является всего лишь плодом философских рассуждений отдельных экзистенциалистов и, следовательно, не имеет широкого распространения. Это была попытка уйти от рассмотрения серьезного вопроса, выдвинутого не философией, а агрессивной политикой германского милитаризма. Между тем в самой протестантской церкви многие видные деятели и теологи — Дибелиус, Тилике

¹³⁰ K. Jaspers. An die deutschen: Freiheit und Frieden.— «Die Welt», Hamburg. 30 сентября 1958 г.

¹³¹ K. Jaspers. Die Atombombe und die Zukunft des Menschen, S. 400.

и др. — открыто объявили себя сторонниками атомного вооружения бундесвера и атомной войны, — и даже официальные инстанции (в частности, общенемецкий синод) при помощи каучуковых теологических формул, по сути дела, разделяют эту позицию. Правда, многие евангелические пасторы — Нимёллер, Мохальски — мужественно и активно выступают против атомного вооружения Западной Германии, понимая, что «атомная идеология» противоречит не только религиозно-этическим идеям христианства, но и жизненным интересам немецкого народа. Разумеется, это свидетельствует о том, что их усилия направлены против милитаризма.

Что касается католицизма в Западной Германии, тесно связанного с правящей партией клерикально-милитаристского государства в политическом и организационном отношении, то он с самого начала включался в дело идеологической подготовки атомной войны. Сначала эта роль осуществлялась подспудно, но последовательно и систематически, причем больше в области политической, чем в области теологическо-этической. Но затем ограничения были отброшены, и католицизм, ссылаясь на авторитет основных догматов церкви, стал открыто склоняться к тому, что в современных условиях идеология атомной войны — это его идеология, а глубокую аморальность этой идеологии стал оправдывать как высшее достижение христианской этики, отвечающее велению бога. Все это было объявлено с трибуны Католической Академии в Баварии в феврале 1959 г. перед форумом, в котором наряду с представителями немецкой теологии, философии, права и естественных наук участвовали политические деятели и офицеры бундесвера.

Уже сама тематика докладов, поставленных на обсуждение Католической Академии, была весьма знаменательна: «Ядерная физика и атомная бомба», «Атомное оружие как средство политики», «Этическая проблематика войны при помощи атомного оружия», и др. В целом — это была демонстрация готовности католической реакции в Западной Германии перейти к широкому идеологическому наступлению в целях подготовки атомного вооружения бундесвера. Задачи, которые в данном случае были подготовлены идеологами западногерманского католицизма, «*Rheinischer Merkur*» формулировал в следующих словах: «Вопрос атомного вооружения бундесвера является политическим вопросом, но это не означает, что он ничего общего не имеет с этикой: принимая во внимание, что сложившаяся ситуация изменилась, постоянный разговор между политикой и этикой является необходимым».

И вот этот разговор начался, причем многие аргументы, выдвинутые западногерманской католической мыслью, заслуживают того, чтобы их особо отметить: они выглядят как неповторимый сплав цинизма и ханжества, непревзойденного антигуманизма и призывов к тотальному разрушению мира, а все вместе покрывается лаком христианской этики и санкционируется в качестве «божественного порядка в мире». В самом деле, как можно расценивать утверждение, что не следует страшиться ужасов атомной войны, поскольку человеческому разуму не дано предвидеть, кто окажется в ней победителем? Разве это не является прямым благословением крайним авантюристским устремлениям германского империализма, его политики реванша и нового «*Drang nach Osten*»? Но на пути к осуществлению этих устремлений стоит Германская Демократическая Республика, а это означает, что поход на Восток в современных условиях неизбежно повлечет за собой войну немцев против немцев.

Однако с точки зрения идеологии современного западногерманского католицизма это никого не должно смущать, ибо согласно христианскому учению «каждая война является войной между братьями». Далее, если совесть всего мира до сих пор восстает против того, что в 1945 г. США

подвергли города Японии атомной бомбардировке, то с точки зрения этики современного западногерманского католицизма достойны сожаления только время и место сбрасывания атомных бомб. Атомная бомбардировка в другое время и в другом направлении могла бы быть оправдана...

Но и эта аргументация в пользу морально-теологического оправдания атомной войны показалась недостаточной. В докладе профессора Густава Гундлаха, патера и иезуита, она достигла поистине геркулесовых столпов. Гундлах заявил, что вообще не существует оружия и средств борьбы, которые были бы аморальны; по сути своей они индифферентны, и только применение их человеком в соответствии с его целями может придать этим средствам массового уничтожения людей религиозно-этическое качество и оправдание. Поэтому война во имя «ценностей», символом которых является крест, должна быть морально-теологически оправдана, даже при условии, если в ход будет пущена атомная бомба. Таков первый аргумент в пользу атомной войны как «крестового похода».

Каждый понимает, что развязать атомную войну во имя «крестового похода» германского империализма, значит обречь германский народ на уничтожение, а Германию превратить в пустыню. Имея это в виду, Гундлах выдвинул второй и решающий аргумент, который в изложении официоза правящей партии ФРГ должен был звучать неотразимо: «Само исчезновение народа, при сохранении его верности богу, уже включает в себе определенный смысл. Мироздание не вечно; ответственность за его сохранение не лежит в руке человеческой; бог может нас привести к ситуации, в которой мы должны проявить наше сознание верности ему, не оглядываясь на эту опасность». Таким образом, «война остается корнем мирового порядка, установленного богом»¹³². Представители бундесвера приветствовали патера Гундлаха за его «ясные слова». Идеология католического клерикализма здесь полностью сомкнулась с интересами агрессивного германского милитаризма.

Такова общая тенденция развития идеологии современного германского империализма в ее крайнем экстремистском выражении. В соответствии с новыми историческими условиями она формулирует в различных аспектах милитаристские и ревизионистские устремления реакционных и агрессивных сил Западной Германии, пользуясь при этом модернизированной фразеологией, но по существу не в состоянии выдвинуть ни одной новой, а тем более животворящей идеи.

Между тем никогда еще в своей истории немецкий народ не нуждался в такой философско-исторической и историко-политической идее, которая, учитывая уроки прошлого, отличалась бы в условиях современности политическим реализмом и тем самым обеспечила бы мирное развитие в будущем. Создавая определенные и многообразные концепции — философские и исторические, политические и моральные, — чаще всего антиисторические, антиреалистические и реакционные, глубоко искажающие основную и глубокую проблему бытия современного и будущего человечества, идеология империализма декорирует или оправдывает, формулирует или просто маскирует реакционные и агрессивные устремления тех социальных и политических сил, воззрения которых она представляет, выражает и защищает.

¹³² G. Gundlach. Atomverteidigung und gerechter Krieg. — «Rheinischer Merkur», 27 февраля 1959 г. См. также статьи — Die Bombe und die Moral der Katoliken. — «Frankfurter Allgemeine Zeitung», 24 февраля 1959 г.; Aus moral-theologischer Sicht nicht zulässig. — «Frankfurter Rundschau», 25 февраля 1959 г.; Welchen Papstes Meinung vertrat Pater Gundlach? — «Deutsche Woche», 4 марта 1959 г.; P. Nellen. Gerechter atomarer Krieg? — «Frankfurter Hefte», 1959, № 4, S. 232—236; Atomkrieg zur Weltvernichtung. — «Neues Deutschland», 18 апреля 1959 г.

Эти концепции находят различное воплощение как по содержанию, так и по форме своего воздействия на массы: они то поднимаются до высот философских абстракций экзистенциализма¹³³ и холодных логических категорий и догматов неотомизма¹³⁴, то формулируются в виде сомнительных исторических софизмов и парадоксов об извечной миротворческой роли германского милитаризма и попыток доказать, что немецкий фашизм является не порождением германского монополистического капитала, а наносным и «демоническим» феноменом, принесенным извне; в других случаях эти концепции преподносятся в виде попыток реставрации и реабилитации ницшеанства в его новых или обновленных текстах, очищенных от наиболее циничных, вызывающих и скомпрометированных формул и наслоений¹³⁵, то, наконец, они просто опускаются до уровня уличной демагогии и грубой пропаганды большой прессы и вечерних газет, массовых иллюстрированных журналов, вкрадчивого радиовещания и зрительного псевдодокументированного индивидуального воздействия телевидения, хорошо организованного централизованными крупнокапиталистическими компаниями. Но при всех условиях эти концепции в обобщенных, усложненных, упрощенных и даже вульгаризированных вариациях стали выполнять определенную функциональную роль в интересах развития и утверждения идеологии германского империализма и милитаризма, идеологии «холодной» и атомной войны.

Немецкая историческая школа в основных своих направлениях, как мы видели, также приняла участие в формировании этой идеологии, понимая при этом, что, учитывая исторический опыт двух военных катастроф, на ней лежит немалая доля ответственности в определении фарватера в будущее. Еще в 1955 г. Дехио писал: «В третий раз в полстолетия Германия стоит на распутье своей судьбы. Дважды она избирала ложный путь, эгоцентрически переоценила свои возможности, привела старую Европу, как и самое себя, на грань уничтожения». Какой же путь следовало избрать в третий раз? Если бы не было раскола Германии и в западной ее части не был восстановлен милитаризм, немецкий народ мог бы считать, что ему обеспечено мирное развитие. Но после раскола Германии, осуществленного западными державами в союзе с реакционными силами страны, существуют две Германии. Германская Демократическая Республика избрала новый путь — путь социализма и мирного развития. Федеративная Республика Германии, оставшись капиталистической страной, могла, подобно Австрии и Финляндии, избрать путь нейтрализма и, во всяком случае, путь мирного сосуществования. Но она избрала другой путь — путь возрождения милитаризма, включения в НАТО и политики «холодной войны», и немецкая историческая школа стремится обосновать этот курс. Считая, что образование ФРГ и раскол Германии являются «счастьем в несчастье», пользуясь неоранкеанскими категориями «равновесия сил», она безоговорочно стала оправды-

¹³³ K. Jaspers. Philosophische Logik, Bd. I. München, 1947; он же. Von der Wahrheit. München, 1958; он же. Vernunft und Existenz. Bremen, 1949; он же. Vernunft und Wiedervernunft in unserer Zeit. München, 1950; он же. Vom Ursprung und Ziel der Geschichte. München, 1952; он же. Wahrheit, Freiheit, Friede. München, 1958; M. Heidegger. Einführung in die Metaphysik. Tübingen, 1953; он же. Identität und Differenz. Pfullingen, 1957; он же. Zur Seinsfrage. Frankfurt a/M., 1956.

¹³⁴ O. v. Neil-Breuning. Wirtschaft und Gesellschaft heute, Bd. 1—2. Freiburg, 1956—1957; J. Messner. Das Naturrecht. Innsbruck (Wien) — München, 1958; E. Welty. Herders Sozialkatechismus, Bd. 1. Freiburg, 1957; J. Lotz und J. de Vries. Die Welt des Menschen. 2. Aufl. Regensburg, 1951; G. Klaus. Jesuiten Gott. Materie Berlin, 1957; «Philosophie des Verbrechens». Hrsg. von G. Heyden, M. Klein und A. Kosing. Berlin, 1959.

¹³⁵ См. F. Nietzsche. Werke in drei Bänden. Hrsg. von K. Schlechta. München, 1954—1956. Новую попытку интерпретации и реабилитации Ницше предпринял Карл Шлехта (K. Schlechta. Der Fall Nietzsche. München, 1958). Эта попытка подверглась марксистской критике: см. «Deutsche Zeitschrift für Philosophie», Berlin, 1958, № 4, S. 653—658; 1958, № 5, S. 821—822.

вать политику «западной солидарности», рассчитывая на американскую политику «отбрасывания большевизма по широкому фронту»¹³⁶.

Разумеется, немецкая историческая школа отлично отдает себе отчет в том, что на этом пути неизбежно встают непреодолимые препятствия к решению проблемы объединения Германии на мирной основе. «В этом смысле и возникает истинное распутье,— писал Дехио,— одна дорога ведет прямо к национальной цели, а другая — с обходом через атлантическую солидарность, и притом с таким, который окажется длительным состоянием»¹³⁷. Отсюда делается главный упор не только на традиционные и самостоятельно действующие силы германского милитаризма, но и на то, что «американский милитаризм, доверяя своему сверхоружию», в надлежащий момент сможет «развязать превентивную войну». Но Дехио, видимо, сам понял всю опасность и антиреализм этих упований. Вот почему, призывая «придать бегству из нашей недавней истории определенную цель», а именно при помощи «западной сущности... облагородить национальную жизнедеятельность» (Triebhaftigkeit), он заключает свои историко-политические размышления следующими словами: «Нетерпение и плохой глазомер... дважды определили выбор неправильных путей. В третий раз для нас этого — быть или не быть! — не дано»¹³⁸.

Но, чтобы ответить на этот гамлетовский вопрос в широком плане современной истории, немецкая буржуазная историческая мысль должна была бы, заглянув в глубины истории германского империализма, решительно пересмотреть традиционную концепцию германской истории, и притом не в целях реабилитации милитаризма в различных его формах, а тем более не в целях обоснования его атомного вооружения, а для полного и окончательного расчета с ним в интересах обеспечения действительно новых путей в будущее, в интересах мирного развития в Европе. Эти поиски правильных путей в будущее лежат через правдивое, глубокое и реалистическое осмысление и современности, и прошлого, а это означало бы признать, говоря словами одного из героев Шекспира, что «там в подлинности голой лежат деянья наши без прикрас, и мы должны на очной ставке с прошлым держать ответ»...

8

В истории международных отношений не было политической концепции, столь широкой и универсальной, столь реалистической и емкой, а главное столь отвечающей духу времени и жизненным интересам всех народов, как ленинская концепция мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Эта концепция, к разработке которой В. И. Ленин приступил еще в период первой мировой войны, с самого начала была положена в основу внешней политики Советского государства. Возвешенная народам в историческом Декрете о мире, она не сразу получила возможность воплотиться в действительность, но всегда являлась путеводной нитью в борьбе за нормализацию взаимоотношений между Советским Союзом и всеми капиталистическими странами, большими и малыми. В конце концов, пройдя через серьезные исторические испытания великой и трудной эпохи — от Октября до наших дней, она так глубоко и широко проникла в сознание миллионов людей различных стран, на всех континентах, что уже стала весомой материальной силой, с которой даже ее противники вынуждены считаться. В этом смысле идея мирного сосуществования, являющаяся в наше время единственной исторически возможной альтернативой атомной катастрофы,

¹³⁶ L. Dehio. Op. cit., S. 148.

¹³⁷ Ibid., S. 146—147.

¹³⁸ Ibid., S. 155

поистине несравнима ни с одной международно-политической идеей ни в прошлом, ни в настоящем.

Тем не менее, а верней именно поэтому, идеологи империализма и «холодной войны», стремясь к обострению международной напряженности, отвергают идею мирного сосуществования. В борьбе против этой идеи еще недавно существовали две отчетливые линии, внешне противоречивые, а по сути дела взаимно друг друга дополняющие. С одной стороны, выдвигались утверждения, будто В. И. Ленин был чужд концепции мирного сосуществования и что, возникнув позднее, эта концепция, как бы нуждаясь в высшей исторической и морально-политической санкции, прагматически была затем связана с его именем. Однако теперь эти усилия уже не пользуются успехом даже среди идеологов и практиков «холодной войны» германского империализма. В качестве доказательства можно сослаться на книгу В. Грeve, одного из наиболее крупных представителей дипломатии ФРГ. Признавая, что В. И. Ленин действительно писал «о параллельном сосуществовании государств с различной классовой структурой», Грeve сделал еще одно многозначительное заключение. Отмечая активную внешнюю политику Советского правительства последних лет, он пришел к выводу, что оно «в принципе все еще разделяет эти взгляды Ленина... Я могу допустить, что оно честно исключает войну как метод решения спорных вопросов. Но я не думаю, что тот вид соревнования, который оно предлагает, заслуживает названия „мирное“»¹³⁹.

Так вырисовывается вторая, ныне доминирующая линия борьбы против концепции мирного сосуществования. Несмотря на то, что эта концепция получила высокое признание Бандунгской конференции азиатских и африканских государств, а затем Организации Объединенных Наций, идеологи и политики «холодной войны» пытаются доказать, что принцип мирного сосуществования, разработанный и конкретизированный XX съездом КПСС применительно к современным условиям, является идеологическим и дипломатическим маневром. Нет, идея мирного сосуществования — не маневр и не абстрактная идея, оторванная от жизни, и не утопия, которая желаемое принимает за сущее. Это научный результат больших и глубоких творческих раздумий ленинского гения о будущем человечества, — раздумий, порожденных самой жизнью и во имя утверждения жизни. С тех пор, как Ленин выдвинул эту идею, за период, измеремый менее чем полстолетием, соотношение между силами социализма и мира и силами империализма и войны настолько изменилось, что ленинская партия, умудренная собственным историческим опытом и опытом международного рабочего, коммунистического и антиколониалистского движения, обрела теоретическую и практическую возможность сделать великое и самое обнадеживающее для человечества открытие: подобно тому как раньше, в условиях безраздельного господства империализма, мировые войны являлись неизбежностью, ныне, когда мировая социалистическая система превратилась в могущественную силу, определяющую историческое развитие человечества, мирное сосуществование социалистических и капиталистических государств становится объективной возможностью.

Таким образом, после жестокого опыта двух мировых войн перед человечеством впервые открывается реальная перспектива предотвращения новой катастрофы, которая была бы еще более разрушительной и опустошительной, чем все войны прошлого, вместе взятые. Отныне, во второй половине XX в. устранение опасности войны перестает быть иллюзией или утопией. В условиях реальностей ядерного века возможность устранения войн необходимо претворить в действительность. Вре-

¹³⁹ W. G. Grew e. *Deutsche Aussenpolitik der Nachkriegszeit*. Stuttgart, 1960.

мена крестовых походов отошли в прошлое. Мирное сосуществование государств с различным социальным строем — таково веление нашего века, которое становится реальностью, определяющей развитие международных отношений и предотвращение атомной катастрофы.

Если идея мирного сосуществования является подлинно современной, прогрессивной идеей, прокладывающей пути в будущее, то попытки противопоставить ей идеи агрессивного антикоммунизма в современных условиях являются архаическими.

Западногерманские критики «эры Аденауэра» отмечают, что эта «эра» была «тысячами нитей неразрывно связана с немецким политическим, общественным, экономическим, военным и умственным прошлым» того отрезка немецкой истории, который относится к середине XIX в. Они отмечают, далее, что несмотря на «несколько модифицированный стиль, изменившуюся, увеличенную форму ее военно-политических союзов», несмотря на место, занятое ФРГ в капиталистическо-индустриализованном мире, и на модернизированные манеры в политике, основные политические идеи «эры Аденауэра» восходят к «структурам», формировавшим «историческую реальность» более чем столетней давности¹⁴⁰. Словом, эти идеи характеризуются как исторический и политический анахронизм. Это, во всяком случае, справедливо по отношению к основной идее антикоммунизма, которая действительно имеет своим прообразом идею легитимизма в международных отношениях, выдвинутую после Великой французской революции и наполеоновских войн. В самом деле, эта реакционная идея, положенная в начале XIX в. в основу деятельности Священного союза, была направлена против народных, демократических движений, даже если они ограничивались умеренно буржуазными целями: призванная оправдать активное политическое вмешательство и даже прямую военную интервенцию главных европейских реакционных держав во внутренние дела государств, делающих попытку встать на путь самостоятельного прогрессивного движения, она уже очень скоро себя изжила и скомпрометировала. Тем не менее реакционная идеология Священного союза, несколько видоизмененная и модернизированная применительно к новым историческим условиям, на наших глазах снова возродилась: она нашла свое воплощение в концепции современного антикоммунизма, которую Томас Манн, один из наиболее честных и дальновидных представителей немецкой интеллигенции, назвал самой большой глупостью XX в. Человечество дорого заплатило за эту гомерическую глупость, под знаком которой, как это признал Делер, заместитель председателя боннского бундестага, германский империализм — от времен Папена и Гитлера до времен Аденауэра и Штрауса — вел «тридцатилетнюю войну» против Советского Союза.

Как показал исторический опыт, эта война, при всем различии ее форм, — от преступной гитлеровской войны до современной «холодной войны» и «психологической войны», — не являлась ни локальной, ни изолированной. Реставрировав и вобрав в себя архаическую идеологию Священного союза, один из главных вдохновителей и практиков «холодной войны» Джон Фостер Даллес разработал концепцию «оттеснения» социалистических стран в интересах экспансии и расширения господства капитализма и империализма. Эта агрессивная концепция, собственно, и лежала в основе ревизионистских устремлений германского милитаризма «эры Аденауэра»¹⁴¹, и пока нет признаков, что этим устремле-

¹⁴⁰ F. Heer. Von der Paulskirche nach Bonn, 1848—1963. — «Die Ära Adenauer. Einsichten und Ausblicke». Frankfurt a/M., 1964, S. 94.

¹⁴¹ Это признается в западногерманской исторической публицистике. См. K. Bölling. Die zweite Republik, 15. Jahre Politik in Deutschland. Köln — Berlin, 1963, S. 361—362.

ниям положен конец. Но даже Даллес, уходя в другой мир, начал понимать, что его концепция «холодной войны» против стран социалистического сообщества, которую он стремился противопоставить концепции мирного сосуществования государств с различными социально-экономическими системами, исторически и практически бесперспективна и что основанная на ней политика держав Атлантического блока требует по меньшей мере серьезного пересмотра. Идеи агрессивного антикоммунизма, территориального ревизионизма, «холодной войны», увенчанные мечтами о «политике силы» и атомном вооружении германского милитаризма, были в такой степени присущи «эре Аденауэра», что они не раз оказывались рычагом, при помощи которого делались попытки помешать нормализации отношений между двумя главнейшими ядерными державами — США и СССР и даже способствовать дальнейшему обострению этих отношений.

Более того, в целях подкрепления концепции «холодной войны» реставрировались и другие концепции, которые, уже давно обнаружив свое банкротство, казалось бы, канули в Лету. Так стала выдвигаться идея «равновесия сил». То была старая идея, при помощи которой сначала Англия, а затем США, противопоставляя одни державы другим, стремились утвердить свое господство над миром. Мы видели, что эта идея, исторически разработанная неоранкеанской школой, была призвана обосновать и гегемонистские устремления германского империализма. Теперь эта идея призвана подкрепить и обосновать требования германского милитаризма о предоставлении ему атомного оружия как средства поддержания «равновесия сил» в Европе. Но распространение ядерного оружия не может гарантировать мирное развитие международных отношений. Наоборот, оно может только осложнить международную обстановку, в особенности, если атомное оружие окажется в руках германского милитаризма, исторически скомпрометировавшего себя как наиболее агрессивная сила в Европе. Имеется только одна непререкаемая гарантия мира — всеобщее и полное разоружение под эффективным международным контролем. Но западные державы, отказываясь признать советский Проект всеобщего разоружения, практически противопоставляют ему идею «вооруженного мира» — старую идею, которая в течение многих десятилетий прикрывала политику нарастающей гонки вооружений. Многочисленные локальные и колониальные войны, а главное две войны мирового масштаба, — таков был неизбежный финал этой политики.

В послевоенный период гонка вооружений, обычных и атомных, стала составной частью «холодной войны», и тот, кто утверждает, что «холодная война», осуществляемая под флагом антикоммунизма, является альтернативой новой всемирной катастрофы, сеет опасные иллюзии. Впрочем, милитаристские идеологи «эры Аденауэра» недвусмысленно утверждали, что в условиях гонки атомных вооружений «холодная война» — «не газетная фраза», а «действительная война» или, во всяком случае, своеобразная идеологическо-политическая прелюдия к ней. Но уже и эта прелюдия имела весьма тяжелые последствия, потребовав от ее участников огромного напряжения и затраты неисчислимых моральных, экономических и военно-политических усилий. Главное же — она таит в себе опасность атомной катастрофы, последствия которой трудно даже предусмотреть.

Понимают ли горячие сторонники «холодной войны», сторонники насильственного захвата Германской Демократической Республики и ревизии послевоенных границ, куда ведет идеология агрессивного антикоммунизма, идеология «отбрасывания» и «атомная идеология»? Один видный западногерманский публицист при встрече с автором этих строк в Нюрнберге в июле 1961 г., защищая политику Штрауса, неожиданно сделал следующее признание: «Впрочем, я понимаю, что объеди-

нить Германию при помощи атомного оружия значит объединить кладбище...»

Проблема объединения Германии — это внутренняя германская проблема, и существует только один реальный путь ее мирного решения — путь переговоров между обоими германскими государствами, имеющими различное социально-экономическое устройство. Следовательно, и на немецкой земле идея мирного сосуществования является единственной реальной, творческой и перспективной идеей. Именно эта идея и положена в основу «немецкой доктрины мира», выдвинутой Германской Демократической Республикой в интересах сближения обоих германских государств и предотвращения возникновения мировой войны на немецкой земле в третий раз.

9

Идеология современного германского империализма — это не идеология мирного развития современной истории и будущего немецкого народа. Не будучи в состоянии создать ничего нового, империалистская идеология может только комбинировать старые или обновленные, но присущие ей черты, комбинировать их в определенных сопоставлениях и сочетаниях в соответствии с современными условиями и очередными политическими задачами, обычно весьма конкретными, приспособленными к злобе дня. Героический период немецкой буржуазной мысли остался далеко позади. От рационализма и идей прогресса к крайнему иррационализму и утверждению реакции; от веры в торжество человека к уверенности во всеилии над ним массовой пропаганды и американизированной рекламы; от диалектики Гегеля и материализма Фейербаха к экзистенциализму, подновленной схоластике томизма и политическому клерикализму; от светлого гуманизма Гердера, Гёте и Шиллера к антикоммунизму и модернизированным методам «психологической войны»; от трактата Канта о вечном мире к мрачной философии атомной войны¹⁴², — таков в общих чертах итог, к которому пришла идеология германского империализма. Отвергая реалистическую идею современности — идею мирного сосуществования, она тем самым наглухо закрывает перед немецким народом историческую перспективу национального объединения на демократической основе. Более того, оправдывая политику милитаризма и реванша, она тем самым игнорирует реальности ядерного века или интерпретирует их в духе крайнего иррационализма. Это означает, что при всей своей агрессивной браваре она пребывает в состоянии глубокого кризиса, преодолеть который ей не дано, ибо возрождение германского милитаризма исключает германское Возрождение, а попытка достижения целей при помощи массового убийства в современных условиях может привести только к самоубийству. Идеология германского империализма является, следовательно, не только антигуманистической, но и антиреалистической идеологией. В условиях реальностей ядерного века ее единственный смысл — бессмыслица атомной катастрофы. В этом ее опасность для всей немецкой нации, — но и не только для нее, — для Европы и для всего мира. Таковы закономерности цепной реакции, которые могут быть преодолены не философией «сдерживающего страха» и не началом германского раунда атомных вооружений, а только отказом от них и борьбой за всеобщее разоружение под строгим международным контролем. Эта цель заслуживает того, чтобы за нее бороться, ибо ее достижение было бы исторической победой человеческого разума над его собственным великим, но и самым страшным творением. Возможность достижения этой победы была бы далеко отодвинута или даже

¹⁴² См. W. S. Sch l a m m. Die Grenzen des Wunders. Ein Bericht über Deutschland. Zürich, 1959.

вовсе устранена, если бы германский империализм,— наиболее агрессивная сила в современной Европе,— будучи уже вооруженным идеологией модернизированного милитаризма и реваншизма, получил бы доступ и к атомному вооружению. Силы мира и разума не могут примириться с мыслью об этой возможности. Эти силы, как и их совесть,— вовсе не абстрактные понятия, порожденные умом философа и моралиста, и не образы, созданные воображением поэта, и не aberrации историка, привыкшего смотреть на жизнь только сквозь призму прошлого. Нет, это реальные, мощные и передовые силы нашего трудного века, испытавшего страшные тяготы двух мировых войн.

В Западной Германии эти силы все еще разобщены, в значительной степени подавлены господствующей идеологией империализма, нередко ослеплены внешним блеском «экономического чуда» или просто преследуются. И все же, побуждаемые сложными противоречиями самой жизни, они начинают искать новые идеи, которые могли бы быть реалистической альтернативой «холодной войны», чреватой опасностью атомной катастрофы. «Стабильность» и «никаких экспериментов» — главные лозунги «эры Аденауэра» уже не соответствуют объективному положению, возбуждающему тревогу в умах многих людей, стремящихся более реалистически взглянуть на настоящее и озабоченных будущим. Как отмечает Тило Кох, вдумчивый наблюдатель повседневной жизни «Второй республики», «иммобильность во внешней политике, в особенности в отношении Востока; автократия и непреодоленное прошлое во внутренних делах»¹⁴³, — такова цена за призрачную стабильность «эры Аденауэра».

Конец «эры Аденауэра» не повлек за собой смены политического курса, но попытки осмысления уроков и итогов послевоенной истории в какой-то степени обнаружили накопление некоторых новых тенденций в философско-историческом и историко-политическом мышлении определенных кругов, стоящих вне сферы непосредственного влияния политического клерикализма. Если в художественной литературе уже вскоре после крушения «третьей империи» сложилось течение «дня ноль», сознательно и радикально противопоставляющее себя всей системе фашистской идеологии, стремящееся глубоко осудить эту идеологию во всех ее проявлениях и таким образом решить ряд важных проблем морали и психологии, актуальных и в условиях современности, то в историографии и исторической публицистике подобное течение не сформировалось. Правда, обращаясь к исходному пункту послевоенного развития, Ганс Вернер Рихтер, западногерманский публицист и первый президент Европейского комитета против атомного вооружения, образовавшегося в 1959 г., пишет: «„Год ноль“ был годом нового начала, свободным от всего груза немецкой истории... Германия стояла, — так верили тогда, — на решающем переломе своей истории. У нее было много возможностей. Она должна была от своего „несуществования“ как государства и нации пробиться к полностью новому существованию»¹⁴⁴. Но, как мы знаем, развитие в Западной Германии пошло по другому пути, и историко-политическая мысль не в малой степени способствовала тому, чтобы, трансформируя старые империалистические идеи в новых условиях, не допустить полного и радикального расчета с прошлым, а тем самым воспрепятствовать действительно «новому существованию». Однако в последние годы, когда выяснилось, что модернизация традиционных империалистических идей не привела к решению жизненных проблем немецкой нации, — ни к преодолению раскола Германии, ни к устранению опасности атомной катастрофы на немецкой земле, — в историко-поли-

¹⁴³ T. Koch. Stabilität und ihr Preis.— «Die Ära Adenauer. Einsichten und Ausblicke». Frankfurt a/M., 1964, S. 28.

¹⁴⁴ H. W. Richter. Zwischen Freiheit und Quarantäne.— «Bestandsaufnahme. Eine deutsche Bilanz 1962». Hrsg. v. H. W. Richter. München — Wien — Basel, 1962, S. 18.

тическом мышлении стали обнаруживаться новые тенденции — нарастание идей исторического и политического реализма. Эти идеи нельзя рассматривать только как порождение политической ситуации, сложившейся в условиях, когда в мире наметился отход от атмосферы «холодной войны» и стала ощущаться некоторая разрядка международной напряженности. Как и все, что относится к сфере идеологии, развитие идей исторического и политического реализма имеет и свою внутреннюю логику. Одни из этих идей формируются в виде реакции на столь же бесперспективные, сколь и опасные экстремистские тенденции или явления в развитии идеологии современного германского империализма и атомного милитаризма. Другие идеи, оставаясь в общем русле этого развития, являются лишь робкой попыткой поисков более надежного фарватера, поскольку возникают опасения, что фарватер послевоенной политики Бонна исторически себя исчерпал и по сравнению с быстро меняющимся миром становится архаическим. При всех условиях нарождающиеся идеи исторического и политического реализма отнюдь не носят радикального характера и формируются не без внутренних противоречий. Тем не менее, как и всякий неконформизм, который стремится пробить себе дорогу, поскольку он отвечает назревшим потребностям времени и оплодотворяет творческую мысль, эти идеи встречают сопротивление со стороны реакционных сил, которые во всяком отходе от традиционных понятий и канонов, установившихся в период «холодной войны», усматривают измену или опасность, еще более угрожающую, чем опасность последствий этой войны.

В области историографии идеи реализма находят свое выражение в поисках исторической правды, — даже ценой отказа от метода и категорий немецкой исторической школы, от неоранкеанских идей, возрожденных в различных вариантах, — от традиционно-националистических до «европейских» и «атлантических». Именно в результате этих поисков и появился исторический труд гамбургского исследователя Фрица Фишера «Рывок к мировому господству»¹⁴⁵. Основанный на изучении огромного архивного документального материала, этот труд заключает в себе глубокий и всесторонний анализ аннексионистских целей германского империализма в период первой мировой войны. К кругу общих идей Фишера, разработанных в духе исторического реализма; непосредственно примыкают и идеи его ученика Иммануэля Гейсса, изложенные в трудах, посвященных проблеме польско-германских границ в период мировой войны 1914—1918 гг.¹⁴⁶, а также июльскому кризису как прологу этой войны¹⁴⁷. Если в первой из этих работ Гейсс подходит к важной историко-политической мысли о непригодности «аннексий и применения насилия», как грубой политики в современную эпоху, то во второй он документально подтверждает крайне агрессивную роль германского империализма в решающие дни возникновения первой мировой войны¹⁴⁸. И хотя некоторые аспекты трудов Фишера и Гейсса являются, на наш взгляд, спорными¹⁴⁹, нельзя не признать, что в целом их основные идеи и выводы заслуживают внимания и уважения не только как результат больших научных изысканий, но и как проявление научной смелости и известного интеллектуального новаторства, основанного на понимании необходимости пересмотра традиционных и апологетических

¹⁴⁵ F. Fischer. Griff nach der Weltmacht. Düsseldorf, 1961 (2-е изд. в 1962 г.).

¹⁴⁶ J. Geiss. Der polnische Grenzstreifen 1914—1918. Lübeck — Hamburg, 1960.

¹⁴⁷ «Julikrise und Kriegausbruch 1914», Bd. 1. Bearbeitet und eingeleitet von J. Geiss. Mit einem Vorwort v. F. Fischer. Hannover, 1963.

¹⁴⁸ См. также F. Fischer. Jetzt oder nie — Die Julikrise 1914. — «Spiegel», 1964, № 21.

¹⁴⁹ Марксистскую оценку труда Ф. Фишера см. F. Klein. Die Westdeutsche Geschichtsschreibung über die Ziele des deutschen Imperialismus im ersten Weltkrieg. — «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1962, H. 8.

концепций, мешающих переосмыслению немецкой истории в интересах будущего.

Это понимает и сам Фишер. Отвечая своим критикам, он писал: «Наш взгляд обострен страданиями и опытом двух мировых войн. Вопрос стоит так: готовы ли мы с появившейся за это время дистанции извлечь из немецкого прошлого выводы в смысле трезвого итога»¹⁵⁰. Но как раз попытка подвести «трезвый итог», т. е. рассмотреть большую и актуальную историческую проблему с позиций реализма, и вызвала нападки с разных флангов современной «исторической школы»¹⁵¹. Риттер обрушился на Фишера, обвиняя его в создании «нового тезиса о виновниках войны»¹⁵². Но еще раньше перед буржуазной исторической мыслью была поставлена проблема, как мягко выразился Фишер, «преemptивности заблуждения»¹⁵³. Это вызвало особенное раздражение сторонников традиционных империалистических концепций, почуявших, что исторический реализм в освещении первой мировой войны не может не повлиять и на «общий контур современности»¹⁵⁴. Опасаясь, далее, что исторический реализм сомкнется с проявлениями политического реализма в подходе к наиболее актуальным проблемам современности, Риттер, который при всей внешней мобильности своих воззрений всегда стоит на страже реакционной, националистической концепции, обвинил Фишера и в национальном нигилизме, поставив в этом смысле его реалистические идеи на одну доску с историко-политическими идеями Ротфельса и философско-историческими идеями Ясперса. Это смешение носит явно демагогический характер¹⁵⁵ и имеет в виду скомпрометировать любые идеи, даже взаимно противоречащие, если только они обнаруживают, хотя бы в зачаточной форме, симптомы реализма.

Ротфельс, которого можно считать идейным вдохновителем западно-германской школы «современной истории», стремится модернизировать историческую идеологию, сделать ее более действенной; с этой целью он готов пожертвовать многими традиционными националистическими категориями и концепциями в интересах укрепления идеологии НАТО. Проявляя значительную активность, теоретическую и практическую, его школа пользуется амальгамой, с одной стороны, либеральных и даже антигитлеровских понятий и традиций, а с другой, — идей, заимствованных из арсенала антикоммунизма, прикрываемого доктриной «антитоталитаризма». Практически такая амальгама противоречивых идей ведет и к противоречивой и меняющейся историко-политической позиции: признание большой исторической роли Коммунистической партии Германии и других демократических сил и организаций немецкого народа в антифашистском движении Сопротивления, а затем — отказ в этом признании в интересах исторической реабилитации и апологии правого крыла антигитлеровского заговора 20 июля 1944 г.¹⁵⁶; попытки исторического обоснования концепции «непризнания» Германской Демократической Республики и решительного отклонения концепции нейтрализации Гер-

¹⁵⁰ «Die Welt», 7 июля 1962 г.

¹⁵¹ См. H. Herzfeld. Zur deutschen Politik im ersten Weltkrieg. Kontinuität oder permanente Krise? — «Historische Zeitschrift», 1960, Bd. 161; он же. Die deutsche Kriegszielpolitik im ersten Weltkrieg. — «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte», 1963, H. 3; E. Hölzle. Griff nach der Weltmacht? — «Das historisch-politische Buch», 1962, H. 3.

¹⁵² G. Ritter. Eine neue Kriegsschildthese. — «Historische Zeitschrift», 1962, Bd. 194.

¹⁵³ F. Fischer. Kontinuität des Irrtums. Zum Problem der deutschen Kriegszielpolitik im ersten Weltkrieg. — «Historische Zeitschrift», 1960, Bd. 191.

¹⁵⁴ J. Engel. Zeitgeschichte-Aussenpolitik. — «Geschichte in Wissenschaft und Unterricht», 1963, № 8.

¹⁵⁵ См. W. Berthold, G. Lozek, H. Meyer. Entwicklungstendenzen in historisch-politischen Denken in Westdeutschland. — «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1964, H. 4.

¹⁵⁶ На это обратил внимание Д. Е. Мельников. Заговор 20 июля 1944 года в Германии. Легенда и действительность. М., 1962, стр. 284—286.

мании как концепции «иллюзорной», а вместе с тем признание необходимости размышлять над проблемой сосуществования как проблемой «отношений между двумя социальными системами в одной стране..., а также отношений к соседним славянским народам»¹⁵⁷.

В плане научно-методологическом школа Ротфельса стремится укрепить свои позиции при помощи социологических воззрений Макса Вебера, которые, как мы знаем, уже во времена Веймарской республики считались испытанным орудием, противостоящим марксизму, а в плане философско-историческом она проявляет тенденцию сомкнуться с экзистенциализмом Ясперса. Холодный традиционализм и национализм усматривает в этих разноречиях школы Ротфельса опасные эксперименты, тем более, что и воззрения Ясперса, еще недавно являвшегося идеологом атомной бомбы, претерпели некоторые изменения. Но националистическая реакция не терпит изменений даже в лагере реакции: ее идеал — заморозить идеи и тем самым противопоставить их историческому развитию и историческому прогрессу. Между тем это развитие накладывает свой отпечаток и на развитие идей, даже реакционных. К мрачной философии атомной смерти Ясперс подошел не сразу. В 1945—1946 гг., в «год ноль», начавшийся после крушения «третьей империи», размышляя об отношении немецкого народа к преступной системе гитлеровского режима, он поставил «вопрос о вине», — один из наиболее острых морально-политических вопросов того времени, остающийся актуальным и поныне. Вернувшись из эмиграции, гейдельбергский философ, обращаясь к студентам университета, впервые собравшимся после краха фашистского государства и фашистской идеологии, сказал: «Основа нашей новой жизни может быть достигнута из глубины нашей сущности только в результате полного самопросвещения»¹⁵⁸. И хотя он ставил этот вопрос не как социально-политическую проблему, а только как проблему индивидуальной и национальной морали и психологии, его призыв к расчету с прошлым звучал тогда смело и впечатляюще. Затем, уже в условиях «Второй республики» — боннского государства, вступившего на путь «холодной войны», он прошел через дантовский ад «атомной идеологии». И только теперь, продолжая вращаться в кругу своих прежних морально-политических проблем, он скорбит по поводу того, что идеи демократии и свободы, даже в его ограниченном понимании, не нашли своего претворения в жизни. Более того, учитывая реальности нашего времени, он как будто подходит к пониманию необходимости изменить инструментарий познаний прошлого и будущего: «Отправная точка наших морально-политических возможностей, — пишет он, — кроется в опыте прошлой катастрофы и того, что к ней привело; далее, она кроется в опыте угрозы будущей мировой катастрофы. Оба опыта могут привести к повороту в образе политического мышления, чего, однако, до сих пор в целом не произошло»¹⁵⁹.

Действительно, этот поворот еще далеко не определился, но поиски его возможностей продолжают, и притом с различной силой интенсивности, в различных пределах и вариантах, но в общем в одном направлении — исторического и политического реализма. В этом отношении заслуживает внимания эволюция историко-публицистических идей Голо Манна. Уже его попытка осмыслить немецкую историю XIX и XX вв.

¹⁵⁷ H. Rothfels. Historie und weltpolitische Situation. — «Aus Politik und Zeitgeschichte», 12 декабря 1962 г. Ср. о нем же. Zeitgeschichtliche Betrachtungen. Göttingen, 1959.

¹⁵⁸ K. Jaspers. Die Schuldfrage. Ein Beitrag zur deutschen Frage. Zürich, 1946. Воспроизведено в книге K. Jaspers. Lebensfragen der deutschen Politik. München, 1963, S. 88. См. выше: «О некоторых попытках реабилитации германского империализма».

¹⁵⁹ K. Jaspers. Lebensfragen der deutschen Politik, S. 12 (разрядка наша. — А. Е.).

являлась некоторым отходом от реакционных традиций неоранкеанской историографии в сторону буржуазно-демократических идей, порою довольно радикального свойства¹⁶⁰. Но в своей исторической публицистике последних лет он выдвинул ряд идей, которые свидетельствуют о его готовности критически рассмотреть и основные исторические линии «эры Аденауэра»¹⁶¹. Голо Манн понимает, что в век атомной бомбы реваншизм становится бессмыслицей в той же степени, как надежда на изменение социально-экономического строя в социалистических странах, являющихся объектом ревизионистских вождедений. Если раньше он считал, что граница по Одру — Нейссе была аннексирована Польшей, то теперь он пришел к выводу, что она является историческим итогом гитлеровской войны, и с этим связывает следующее заключение: «Выдвижение немецкого права на границы 1937 г. не хорошо с точки зрения политики силы и не хорошо с точки зрения морали... хорошо было бы признание границы по Одру — Нейссе свободным решением правительства Федеративной Республики и нации»¹⁶². Это открыло бы, считает Г. Манн, перед Федеративной Республикой Германии широкие политические и исторические горизонты, поскольку устранение международной напряженности в Европе и реалистический подход к политике мирного сосуществования с Советским Союзом и другими странами социалистического сообщества устранили бы опасность новой войны¹⁶³. На пути к этой цели он усматривает немало препятствий; к ним следует отнести и его собственные иллюзии относительно судьбы Германской Демократической Республики; он отказывает ей в историческом будущем. Но в целом эволюция его взглядов, в какой-то степени навеянная реалистическими тенденциями «курса Кеннеди»¹⁶⁴, является критикой антиреалистического курса «эры Аденауэра». Подвергнув анализу общие итоги этой «эры», он раскрыл в ее политической идеологии глубокие исторические противоречия, которые неизбежно возникают, когда политические цели не соответствуют их внутренней логике или объективной возможности их осуществления. «Политика, которая не знает, чего она хочет, или хочет невозможного, ничего не добьется или добьется войны»¹⁶⁵. Но «войны, — заключает Голо Манн, — не должно больше быть»¹⁶⁶.

Призыв к отказу от войны — это не пацифистский призыв и не добрые пожелания, которыми была вымощена дорога в ад. В современных условиях пацифистские идеи, распространенные в некоторых кругах немецкой интеллигенции, в протестантской и католической церкви, также имеют реальное значение. Но в данном случае поиски путей избежать войну связаны со стремлением реалистически оценить современность и нащупать те историко-политические идеи, которые соответствуют сложившемуся в мире соотношению сил и тому «духу времени», осознание которого столь необходимо, чтобы актуальные проблемы современности решить не при помощи устаревшего инструментария, а при помощи средств, стоящих на уровне века.

В наше время, когда темпы исторического развития неимоверно выросли, политическое сознание не может от него отставать: несоответст-

¹⁶⁰ G. Mann. Deutsche Geschichte des 19. und 20. Jahrhunderts. Frankfurt a/M., 1958.

¹⁶¹ G. Mann. Der Staatsmann und sein Werk. — «Die Ära Adenauer», S. 170—183.

¹⁶² G. Mann. Der Verlorene Krieg und die Folgen. — «Bestandsaufnahme. Eine deutsche Bilanz 1962», S. 53—54.

¹⁶³ G. Mann. Hat Deutschland eine Zukunft? — «Die Zeit», 7 сентября 1962 г.; он же. Krieg darf nicht mehr sein! — «Neue Rundschau», 1963, № 1.

¹⁶⁴ Это верно отметили W. Berthold, G. Lozek, H. Meyer. Entwicklungstendenzen in historisch-politischen Denken in Westdeutschland. — «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1964, H. 4.

¹⁶⁵ G. Mann. Der Verlorene Krieg und die Folgen. — «Bestandsaufnahme. Eine deutsche Bilanz 1962», S. 54.

¹⁶⁶ G. Mann. Krieg darf nicht mehr sein! — «Neue Rundschau», 1963, № 1.

вие между идеями, которые призваны решать насущные проблемы, и реальностью, которая их выдвигает, может привести к опасным результатам. Между тем, несмотря на экономические успехи, достигнутые ФРГ, именно это несоответствие наложило глубокий отпечаток на политическое развитие этого государства. Поскольку с первых шагов существования ФРГ там утвердился авторитарный режим «канцлерской демократии», буржуазная историко-политическая мысль до сих пор склонна усматривать в фигуре Аденауэра воплощение основных идей, определяющих политику боннского государства. Это относится не только к апологетам экс-канцлера, но и к его критикам, в том числе и к тем, кто стремится исторически уяснить причины несоответствия старого курса новым условиям и возможности устранения этого несоответствия в интересах мирного развития. «Конрад Аденауэр,— пишет К. Г. Флах, видный западногерманский публицист, один из бывших руководителей Свободной Демократической партии,— уходит корнями еще в XIX век. В Федеративной Республике он пришел к власти, когда Хиросима уже была уничтожена, но когда еще не были поняты масштабы влияния супер-бомбы с ее невообразимой силой. Он не переучился». Это означает, по мысли Флаха, что, осуществив раскол Германии и закрепив его путем включения Западной Германии в военный блок западных держав, правящие круги, опиравшиеся на Аденауэра, смогли только вернуться к старым методам — наращивать военные силы, одновременно выдвигая территориальные требования. Таким образом, он признает, что Федеративная Республика Германии является в Европе единственным государством, которое «вселяет страх войны». Обвиняя Аденауэра и тех, кто стоял за его спиной, в том, что они насаждали среди населения Западной Германии «безграничный иллюзионизм» в сочетании с «беспомощным малодушием», Флах призывает открыть народу глаза на реальное положение вещей и сказать, что осуществление ревизионистской программы «может произойти только ценой войны». Поскольку новая война означала бы неслыханную катастрофу, главная историческая задача Федеративной Республики, утверждает Флах, состоит в том, чтобы найти «возможности приобщиться во внешней и внутренней политике к атомному веку»¹⁶⁸. А это означает отказаться от идеологии и практики «холодной войны» и признать реальности нашего века,— реальности социальные, политические и идейные.

Проблемы исторического и политического реализма, наблюдавшиеся еще на первых этапах возрождения милитаризма в Западной Германии, стали расширяться по мере того, как боннское правительство брало курс на атомное вооружение. Однако развитие реалистических идей протекало весьма неравномерно, поскольку давление идеологии империализма постоянно наращивалось. Только голос Коммунистической партии Германии, раздающийся из глубокого подполья, неизменно напоминал и напоминает об опасностях «холодной войны» и реваншизма, политики милитаризации, в особенности атомной политики и атомной идеологии германского милитаризма.

Теперь, когда «эра Аденауэра» отошла в прошлое, ее общие исторические контуры и присущие ей противоречия стали более наглядными, а все ее глубокие политические просчеты стали расцениваться более реалистически, как и опасности, которые она оставила в наследство. Вот почему в самых различных кругах ФРГ, и притом не только в демократических, общественная мысль начинает,— правда постепенно, непоследовательно, прерывисто и извилисто,— концентрировать свои усилия на основной и главной идее нашего времени — идее предотвращения атомной войны. Даже в кругах крупных предпринимателей и банкиров эта

¹⁶⁸ К. Н. Fl a c h. Erhards schwerer Weg. Stuttgart, 1963.

идея находит своих сторонников. «Должна ли страна, которая расположена в сердце Европы между гигантами на Востоке и Западе, и притом значительно ближе к гиганту на Востоке,— пишет один из них, Гарольд Раш,— располагать такими средствами массового уничтожения, как атомная и водородная бомбы.... — это вопрос не военно-технических специалистов, а жизненно важный политический вопрос нации. Кто намерен выступить в его поддержку, тот... должен открыто сказать, что он готов последствия этого возложить на наш народ»¹⁶⁹.

Такова проблема, которую германский империализм и милитаризм поставил перед всей немецкой нацией. Эта проблема требует конструктивного решения, которое не только возможно, но и необходимо; современная история предоставила оптимистическую альтернативу,— мирное сосуществование государств с различными социально-экономическими системами. Нужно воспользоваться этой альтернативой, ибо в ее основе лежит идея, утверждающая жизнь. Человечество не может допустить, чтобы преступные расчеты и просчеты империализма повлекли за собою гибель цивилизации. Политический анахронизм в духе «эры Аденауэра» долго продолжаться не может. На смену должен прийти политический реализм, соответствующий новой исторической эпохе. Как справедливо отметил западногерманский публицист Флах, «срок отпуска от истории истек; теперь надо думать, планировать, решать и действовать»¹⁷⁰.

Так неужели в столь ответственный момент всемирной истории, каким является современная эпоха, немецкий народ, который в прошлом создал великие ценности гуманистической культуры и достигал замечательных вершин научного и философского мышления, но который уже давал себя столкнуть в низины национализма, расизма и агрессивного милитаризма, на сей раз не найдет в себе мужества и моральной силы, чтобы сделать разумный выбор в великой альтернативе современности: мирное сосуществование или атомная катастрофа? Неужели идеология германского империализма и антикоммунизма снова лишит немецкий народ его разума и просто здравого смысла, а тем самым не даст ему возможности осмыслить эту альтернативу применительно к его собственной исторической судьбе: уничтожение немецкой нации или ее новое возрождение? Германская Демократическая Республика сделала этот выбор. В этом ее неоспоримая моральная сила и непреходящая заслуга перед историей.

История — не только летопись событий прошлого, далекого и близкого. Вплетаясь в современность, она становится и судьей, а если распознать ее законы, она становится и ариадниной нитью в лабиринте жизни, и глубоким источником, припадая к которому человек обретает веру в самого себя, в свой разум и в свое будущее. Вот почему, предаваясь глубоким размышлениям о судьбах народов и о германском милитаризме, который, как и всякий милитаризм, стремится подавить мысль человека и его волю к жизни, Бертольд Брехт, крупнейший немецкий мыслитель-художник XX в., несмотря на тяжелый опыт прошлого, ушел из жизни, исполненный исторического оптимизма; он верил в разум демократических сил. За несколько лет до своей смерти Брехт писал:

Генерал! Человек очень нужен.
Он может летать и он может убивать.
Но у него есть один недостаток:
Он может думать.

1959—1964 гг.

¹⁶⁹ H. R a s c h. Die Bundesrepublik und Osteuropa. Grundfragen einer künftigen deutschen Ostpolitik. Köln, 1963, S. 97.

¹⁷⁰ К. Н. F l a c h. Op. cit.

БИБЛИОГРАФИЯ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН

БИБЛИОГРАФИЯ

В настоящую библиографию включены основные источники и исследования по истории Германии с 1900 до 1949 г., а также по истории ГДР и ФРГ, как на русском, так и на иностранных языках. Ограниченность объема библиографии не позволила включить ряд книг по отдельным проблемам внутренней политики, рабочего и профсоюзного движения, социальной, экономической и военной истории, истории культуры, о Соппротивлении гитлеризму, а также о преступлениях гитлеровского режима в Германии и оккупированных ею странах.

Журнальные и газетные статьи в библиографию не включались.

Библиографические описания расположены в соответствии с частями книги. Помимо этого имеется общий раздел, куда включена литература, относящаяся к периоду 1900—1964 гг. в целом.

Как правило, в библиографии даются сведения о книгах на языке оригинала. Сведения о переводах на русский язык приводятся после данных об иностранном издании книги. В основном в библиографию включались последние издания книг.

Труды общего характера

- Маркс К. Критика Готской программы.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, с. 9—32.
- Маркс К. Письмо Комитету Германской социал-демократической рабочей партии 1 сентября 1870 г.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVI, с. 68—70.
- Энгельс Ф. Армии Европы.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 11, с. 433—507.
- Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 22, с. 11—52.
- Энгельс Ф. Может ли Европа разоружиться? — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 22, с. 383—415.
- Энгельс Ф. Положение в Германии.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 2, с. 559—579.
- Энгельс Ф. Принципы прусской военной системы.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 17, с. 124—127.
- Энгельс Ф. Роль насилия в истории.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, с. 419—479.
- Ленин В. И. Август Бебель.— Полн. собр. соч., т. 23, с. 363—369.
- Ленин В. И. Война и революция. Лекция 14 (27) мая 1917 г.— Полн. собр. соч., т. 32, с. 77—102.
- Ленин В. И. Война и российская социал-демократия.— Полн. собр. соч., т. 26, с. 13—23.
- Ленин В. И. Главная задача наших дней.— Полн. собр. соч., т. 36, с. 78—82.
- Ленин В. И. Государство и революция.— Полн. собр. соч., т. 33, с. 1—120.
- Ленин В. И. Два мира.— Полн. собр. соч., т. 20, с. 10—18.
- Ленин В. И. Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г.— Полн. собр. соч., т. 39, с. 318—331.
- Ленин В. И. Доклад об очередных задачах Советской власти (на заседании ВЦИК 29 апреля 1918 г.).— Полн. собр. соч., т. 36, с. 241—267.
- Ленин В. И. Доклад о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала 19 июля (1920 г.).— Полн. собр. соч., т. 41, с. 215—235.
- Ленин В. И. Доклад о переговорах с Духониным (на заседании ВЦИК 10 (23) ноября 1917 г.).— Полн. собр. соч., т. 35, с. 85—86.
- Ленин В. И. Доклад о текущем моменте 27 июня и Заключительное слово по докладу о текущем моменте 28 июня (на IV конференции профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов Москвы 27 июня —2 июля 1918 г.).— Полн. собр. соч., т. 36, с. 435—468.

- Ленин В. И. Задачи революционной социал-демократии в европейской войне.— Полн. собр. соч., т. 26, с. 1—7.
- Ленин В. И. Значение братанья.— Полн. собр. соч., т. 31, с. 459—461.
- Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма (Популярный очерк).— Полн. собр. соч., т. 27, с. 299—426.
- Ленин В. И. Интервью корреспонденту «Обсервер» и «Манчестер гардиан» М. Фарбману.— Полн. собр. соч., т. 45, с. 237—244.
- Ленин В. И. Карл Маркс.— Полн. собр. соч., т. 26, с. 43—93.
- Ленин В. И. Китайская война.— Полн. собр. соч., т. 4, с. 378—383.
- Ленин В. И. Крах II Интернационала.— Полн. собр. соч., т. 26, с. 209—265.
- Ленин В. И. Несчастный мир.— Полн. собр. соч., т. 35, с. 382—383.
- Ленин В. И. Новейшие данные о партиях в Германии.— Полн. собр. соч., т. 23, с. 339—342.
- Ленин В. И. О сепаратном мире.— Полн. собр. соч., т. 30, с. 184—192.
- Ленин В. И. Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический.— Полн. собр. соч., т. 30, с. 239—260.
- Ленин В. И. Письма из далека. Письмо 4. Как добиться мира? — Полн. собр. соч., т. 31, с. 48—54.
- Ленин В. И. Письмо Инессе Арманд 25 декабря 1916 г.— Сочинения, изд. 4-е, т. 35, с. 212—214.
- Ленин В. И. Письмо Инессе Арманд, декабрь 1916 г.— Сочинения, изд. 4-е, т. 35, с. 215—216.
- Ленин В. И. Письмо Инессе Арманд 19 января 1917 г.— Сочинения, изд. 4-е, т. 35, с. 218—220.
- Ленин В. И. Приветствие Баварской Советской республике.— Полн. собр. соч., т. 38, с. 321—322.
- Ленин В. И. Речь на митинге протеста против убийства Карла Либкнехта и Розы Люксембург 19 января 1919 г. Краткий газетный отчет.— Полн. собр. соч., т. 37, с. 434.
- Ленин В. И. Речь о внешнем и внутреннем положении на беспартийной конференции красноармейцев Ходынского гарнизона 15 июля 1919 г. Краткий газетный отчет.— Полн. собр. соч., т. 39, с. 110—111.
- Ленин В. И. Речь о международном положении 8 ноября (на VI Всероссийском чрезвычайном съезде Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов 6—9 ноября 1918 г.).— Полн. собр. соч., т. 37, с. 153—168.
- Ленин В. И. Социализм и война (Отношение РСДРП к войне).— Полн. собр. соч., т. 26, с. 307—350.
- Ленин В. И. Социальное значение сербско-болгарских побед.— Полн. собр. соч., т. 22, с. 186—188.
- Ленин В. И. Тайны внешней политики.— Полн. собр. соч., т. 32, с. 55—57.
- Ленин В. И. Тетради по империализму.— Полн. собр. соч., т. 28, с. 1—740.
- Ленин В. И. Уроки кризиса.— Полн. собр. соч., т. 31, с. 324—327.
- Ленин В. И. Фридрих Энгельс.— Полн. собр. соч., т. 2, с. 1—14.
- Ленин В. И. Чему не следует подражать в немецком рабочем движении.— Полн. собр. соч., т. 25, с. 106—110.

Всемирная история в десяти томах. Главн. редакция: Е. М. Жуков (глав. ред.) [и др.], т. 7—9. М., 1960—1962.

Гольдштейн И. И. и Левина Р. С. Германский империализм. М., 1947.

Международные отношения на Дальнем Востоке (1840—1949). Под ред. Е. М. Жукова. М., 1956.

Мендельсон Л. А. Теория и история экономических кризисов и циклов, т. 1—3. М., 1959—1964.

Мировые экономические кризисы 1848—1935, т. 1, 3. М., 1937—1939.

Петрушов А. М. Аграрные отношения в Германии (по данным сельскохозяйственных переписей 1882—1939 гг.). М., 1945.

Файнгар И. М. Очерки развития германского монополистического капитала. М., 1958.

Abusch A. Der Irrweg einer Nation. Ein Beitrag zum Verständnis deutscher Geschichte. Brl., 1960. Р. пер.: Абуш А. Ложный путь одной нации. К пониманию германской истории. М., 1962.

Badia G. Histoire de l'Allemagne contemporaine. 1917—1962, t. 1—2. P., 1962.

Bergsträsser L. Geschichte der politischen Parteien in Deutschland. München, 1960.

Binder G. Epoche der Entscheidungen. Eine Geschichte des 20. Jahrhunderts. Mit Dokumenten in Text und Bild. Stuttgart, 1960.

Bühler J. Vom Bismarck-Reich zum geteilten Deutschland. Deutsche Geschichte seit 1871. Brl., 1960.

Calmette J. L'Europe et le péril allemand, du Traité de Verdun à l'armistice de Reims (1843—1945). P., 1947.

Craig G. A. From Bismarck to Adenauer. Aspects of German Statescraft. Baltimore, 1958.

- Dahms H. G. Vom Kaiserreich zum Bundeshaus. 50 Jahre Deutsche Geschichte. Bildband. Brl., 1964.
- Dehio L. Deutschland und die Weltpolitik im 20. Jahrhundert. München, 1955.
- Dill M. Germany. A Modern History. Ann Arbor, 1961.
- Dlouhý K. a. Charvát J. Nemecko — problém Európy. Bratislava, 1956.
- Flenley R. Modern German History. N. Y., 1953.
- Förster G., Otto H., Schnitter H. Der preussisch-deutsche Generalstab 1870—1963. Brl., 1964.
- Freudenfeld B. (Hrsg.) Stationen der deutschen Geschichte. 1919—1945. Stuttgart, 1962.
- Freund M. Deutsche Geschichte. Gütersloh, 1960.
- Göhring M. Bismarcks Erben. 1890—1945. Deutschlands Weg von Wilhelm II. bis Adolf Hitler. Wiesbaden, 1958.
- Görlitz W. Der deutsche Generalstab. Geschichte und Gestalt 1657—1945. Frankfurt a/M., 1950.
- Hemmerle E. Deutsche Geschichte. Von Bismarcks Entlassung bis zum Ende Hitlers. München, 1948.
- Hubatsch W. Der Admiralstab und die obersten Marinebehörden in Deutschland 1848 bis 1945. Frankfurt a/M., 1958.
- Kohn H. The Mind of Germany. N. Y., 1960.
- Kruck A. Geschichte des Alldeutschen Verbandes 1890—1939. Wiesbaden, 1954.
- Kuczyński J. Die Geschichte der Lage der Arbeiter in Deutschland von 1800 bis in die Gegenwart, Bd. 1—2. Brl., 1948—1949. *P. nep:* Кучинский Ю. История условий труда в Германии. М., 1949.
- Kuczyński J. Studien zur Geschichte des deutschen Imperialismus, Bd. 1—2. Brl., 1948—1950. *P. nep:* Кучинский Ю. Очерки истории германского империализма. М., 1952.
- Mann G. Deutsche Geschichte des neunzehnten und zwanzigsten Jahrhunderts. Frankfurt a/M., 1958.
- Mommsen W. Deutsche Parteiprogramme. München, 1960.
- Noack U. Geist und Raum in der Geschichte. Einordnung der deutschen Geschichte in den Aufbau der Weltgeschichte. Göttingen, 1961.
- Norden A. Lehren deutscher Geschichte. Zur politischen Rolle des Finanzkapitals und der Junker. Brl., 1947. *P. nep:* Норден А. Уроки германской истории. К вопросу о политической роли финансового капитала и юнкерства. М., 1948.
- Rajewski J. Niemcy w czasach nowożytnych (1517—1939). Poznań, 1947.
- Pieck W. Gesammelte Reden und Schriften, Bd. 1—3. Brl., 1959—1961. *На рус. яз.:* Пик В. Избранные произведения. М., 1956.
- Pieck W. Reden und Aufsätze, Bd. 1—4. Brl., 1950—1956.
- Pinson K. S. Modern Germany. Its History and Civilisation. N. Y., 1954.
- Pritzkolet K. Das kommandierte Wunder. Deutschlands Weg im zwanzigsten Jahrhundert. München, 1959.
- Rassow P. (Hrsg.) u. a. Deutsche Geschichte im Überblick. Ein Handbuch. Stuttgart, 1953.
- Rössler H. u. Franz G. Biografisches Wörterbuch zur deutschen Geschichte. München, 1952.
- Rössler H. Deutsche Geschichte. Schicksale des Volkes in Europas Mitte. Gütersloh, 1961.
- Sethé P. Deutsche Geschichte im letzten Jahrhundert. Von 1848 bis heute. Frankfurt a/M., 1961.
- Snyder L. L. Documents of German History. New Brunswick, 1958.
- Stier H. E. Deutsche Geschichte im Rahmen der Weltgeschichte. Frankfurt a/M., 1960.
- Treue W. Deutsche Geschichte von den Anfängen bis zum Ende des zweiten Weltkrieges. Stuttgart, 1958.
- Ulbricht W. Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 1—7. Brl., 1956—1964. *На рус. яз.:* Ульбрихт В. Избранные статьи и речи. М., 1961.
- Zieger O. 1917—1955. Das Bild unserer Zeit. Murnau, 1954.

К части I. «„МИРОВАЯ ПОЛИТИКА“ — ПУТЬ К ВОЙНЕ И ПОРАЖЕНИЮ»

Источники

Публикации

- Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг. Сборник секретных дипломатических документов бывш. имп. российского министерства иностр. дел. М., 1922.
- Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств, 1898—1917. Сер. II. 1900—1913, т. 18—20; сер. III. 1914—1917, т. 1—10. М.—Л., 1938, 1931.

- Die auswärtige Politik des Deutschen Reiches. 1871—1914. Einzige vom Auswärtigen Amt autorisiert gekürzte Ausgabe, Bd. 1—4. Brl., 1928.
- B o g h i t s c h e w i t s c h M. Die auswärtige Politik Serbiens 1903—1914, Bd. 1—3. Brl., 1928—1931.
- British Documents on the Origins of the War. 1898—1914. Ed. by G. Gooch and H. Temperley, v. 1—11. Lnd., 1927—1936.
- B ü l o w B. Deutschland und die Mächte vor dem Krieg in amtlichen Schriften des Fürsten Bernhard von Bülow, Bd. 1—2. Dresden, 1929.
- Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch. Zollständige Sammlung der von K. Kautsky zusammengestellten amtlichen Aktenstücke mit einigen Ergänzungen. Hrsg. von M. Montgelaß und W. Schücking, Bd. 1—4. Brl., 1927.
- Deutsche Kolonialpolitik in Dokumenten. Hrsg. von E. G. Jacob. Leipzig, 1938.
- Diplomatische Aktenstücke zur Vorgeschichte des Krieges 1914. Ergänzungen und Nachträge zum österreichisch-ungarischen Rotbuch. Wien, 1919.
- D i r r P. Bayerische Dokumente zum Kriegsausbruch und zum Versailler Schuldspruch. München, 1924.
- Dokumente der deutschen Politik und Geschichte von 1848 bis zur Gegenwart. Ein Quellenwerk für die politische Bildung und staatsbürgerliche Erziehung. Hrsg. J. Hohlfeld. Bd. 2. Das Zeitalter Wilhelm II. 1890—1918. Brl., 1951.
- Documents diplomatiques français (1871—1914), t. 1—42. P., 1929—1959.
- G e i s s I. (Hrsg.) Julikrise und Kriegsausbruch 1914. Eine Dokumentensammlung, Bd. 1. Hannover, 1963.
- Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Hrsg. J. Lepsius, A. Mendelssohn-Bartholdy, F. Thimme, Bd. 1—40. Brl., 1922—1927.
- G r u m b a c h S. Das annexionistische Deutschland. Eine Sammlung von Dokumenten, die seit dem 4. August 1914 in Deutschland öffentlich oder geheim verbreitet wurden. Lausanne, 1917.
- L u d e n d o r f f E. Urkunden der obersten Heeresleitung über ihre Tätigkeit 1916—1918. Brl., 1920.
- Österreichs-Ungarns Aussenpolitik von der Bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914. Diplomatische Aktenstücke des österreichisch-ungarischen Ministerium des Äussern, Bd. 1—8, 12. Wien, 1930.
- P o z z i H. Les coupables. Documents officiels inéd. sur la responsabilité de la guerre et les dessous de la paix. P., 1935.
- P r i b r a m A. F. Die politischen Geheimverträge Österreichs-Ungarns 1879—1914. Nach den Akten des Wiener Staatsarchivs bearbeitet, Teil 1—2. Wien, 1920.
- P r o s s H. Die Zerstörung der deutschen Politik. Dokumente 1871—1933. Frankfurt a/M., 1959.
- S c h w e r t f e g e r B. (Hrsg.) Zur europäischen Politik 1897—1914. Unveröffentlichte Dokumente. Hrsg. im amtlichen Auftrage. Brl., 1919.
- S i e b e r t B. v. Graf von Benckendorffs diplomatischer Schriftwechsel, Bd. 1—3. Brl., 1928.
- Der Weltkrieg 1914—1918. Bearbeitet im Reichsarchiv. Die militärischen Operationen zu Lande, Bd. 1—2. Brl., 1924.
- «Цветные книги»
- Оранжевая книга (До войны). Сборник дипломатических документов... СПб., 1914.
- Atti parlamentari. Legislativa XXIV — Camera dei deputati, № XXII. Documenti diplomatici presentati al Parlamento Italiano dal Ministro degli affari esteri (Sonnino). Milano, 1915.
- P. пер.: Зеленая книга. Итальянская дипломатическая переписка, относящаяся к войне 1914 года. Пр., 1916.
- Correspondence respecting the European Crisis. Presented to both Houses of Parliament by His Majesty's Stationery Office. Lnd., 1914. Рашир. изд.: Great Britain and the European Crisis. Correspondence and Statements in Parliament, together with an Introductory Narrative of Events. Lnd., 1914. P. пер.: Белая книга. Переписка Англии, относящаяся к европейскому кризису, представленная обеим палатам по повелению его величества короля Георга V. Пр., 1914.
- Das Deutsche Weissbuch. Wie Russland Deutschland hinterging und den europäischen Krieg entfesselte. Brl., 1914. P. пер.: Германская Белая книга о возникновении германо-русско-французской войны. По представленным рейхстагу материалам. Пр., 1915.
- Das Deutsche Weissbuch über die Schuld am Kriege. Brl., 1919.
- Livre gris belge. Correspondance diplomatique... relative à la guerre de 1914... Berne, 1914.
- P. пер.: Бельгийская серая книга. Пр., 1915.
- Le livre jaune. Documents diplomatiques français, relatifs à l'origine de la guerre, texte officiel complet. P., 1915. P. пер.: Желтая книга. Документы, относящиеся к великой европейской войне 1914 года. Пр. (6. г.).
- Un livre noir. Diplomatie d'avant-guerre d'après les documents des archives russes, t. 1—3. P., 1922—1934.

- Министерство иностранных дела. Дипломатска преписка о српско-аустријском сукобу. Ниш, 1914. *Р. пер.*: Синяя книга. Сербская дипломатическая переписка, относящаяся к войне 1914 года. Пг., 1915.
- Österreichisch-ungarisches Rotbuch. Diplomatische Aktenstücke zur Vorgeschichte des Krieges 1914. Wien, 1915. *Р. пер.*: Красная книга. Австро-венгерская дипломатическая переписка, относящаяся к войне 1914 года. Пг., 1915.
- Sass J. Die deutschen Weissbücher zur auswärtigen Politik 1870—1914. Geschichte und Bibliographie. Brl., 1928.

Статьи, речи, переписка государственных, политических и общественных деятелей

- Bethmann-Hollweg T. Bethmann-Hollwegs Kriegsreden. Hrsg. von F. Thimme. Stuttgart, 1919.
- Chamberlain H. Briefe 1882—1924 und Briefwechsel mit Kaiser Wilhelm II, Bd. 1—2. München, 1928.
- Hertling G. v. Graf. Reden, Ansprachen und Vorträge. Ges. von A. Dyroff. Köln, 1929.
- Liebknecht K. Gesammelte Reden und Schriften, Bd. 1—4. Brl., 1958—1960. *На рус. яз.*: Либкнехт К. Избранные речи, письма и статьи. М., 1961.
- Luxemburg R. Ausgewählte Reden und Schriften, Bd. 1—2. Brl., 1951. *На рус. яз.*: Люксембург Р. Избранные сочинения, т. 1, ч. 1, М.—Л., 1928; ч. 2, М., 1930.
- Luxemburg R. Briefe an Karl und Luise Kautsky (1896—1918). Brl., 1922. *Р. пер.*: Люксембург Р. Письма к Карлу и Луизе Каутским. М., 1923.
- Mehring F. Krieg und Politik, Bd. 1—2. Brl., 1959—1961.
- Meincke F. Politische Schriften und Reden. Darmstadt, 1958.
- Schlieffen A. Graf. Briefe. Hrsg. E. Kessel. Göttingen, 1958.
- Weber M. Gesammelte politische Schriften. Tübingen, 1958.
- Zetkin Cl. Ausgewählte Reden und Schriften, Bd. 1. Auswahl aus den Jahren 1889 bis 1917. Brl., 1957.

Мемуары

- Bernstorff J. H. Graf. Deutschland und Amerika. Erinnerungen aus dem fünfjährigen Kriege. Brl., 1920.
- Bethmann-Hollweg T. Betrachtungen zum Weltkriege, Bd. 1—2. Brl., 1919—1921. *Р. пер.*: Бетман-Гольвег Т. Мысли о войне. М.—Л., 1925.
- Bülow B. Fürst v. Denkwürdigkeiten, Bd. 1—4. Brl., 1930—1931. *Р. пер.*: Булов Б. Воспоминания. М.—Л., 1935.
- Caillaux J. Agadir: ma politique extérieure. P., 1919.
- Churchill W. S. The World Crisis, v. 1—5. Lnd., 1923—1929.
- Conrad v. Hötzendorf E. Aus meiner Dienstzeit, Bd. 1—5. Wien, 1921—1925.
- Czernin O. Im Weltkriege. Brl., 1919. *Р. пер.*: Чернин О. В дни мировой войны. Мемуары. М.—Пг., 1923.
- Eckardstein H. Freiherr v. Lebenserinnerungen und politische Denkwürdigkeiten, Bd. 1—3. Leipzig, 1919—1921.
- Erzberger M. Erlebnisse im Weltkriege. Stuttgart, 1920. *Р. пер.*: Эрцбергер М. Германия и Антанта. Мемуары. М., 1923.
- Eulenburg-Hertefeld Ph. Fürst zu. Erlebnisse, Bd. 1—2. Leipzig, 1934.
- Falkenhayn E. v. Die oberste Heeresleitung 1914—1916 in ihren wichtigsten Entschlüssen. Brl., 1920.
- Grey E. Viscount of Fallodon. Twenty-five Years 1892 to 1916, v. 1—2. Lnd., 1925—1926.
- Groener W. Lebenserinnerungen. Jugend, Generalstab, Weltkrieg. Göttingen, 1957.
- Hamann O. Der neue Kurs. Erinnerungen (1890—1906). Brl., 1918.
- Hamann O. Zur Vorgeschichte des Weltkrieges. Erinnerungen aus den Jahren 1897—1906. Brl., 1919.
- Hertling G. v. Erinnerungen aus meinem Leben, Bd. 1—2. München, 1919—1920.
- Hindenburg P. v. Aus meinem Leben. Leipzig, 1920. *Р. пер.*: Гинденбург П. Воспоминания. Пг., 1922.
- Hohenlohe-Schillingfürst C. Fürst zu. Denkwürdigkeiten der Reichskanzlerzeit. Stuttgart, 1931.
- Holstein F. v. The Holstein Papers. The Memoirs, Diaries and Correspondence of Friedrich von Holstein, v. 1—4. Lnd., 1955—1963. *Нем. изд.*: Die geheimen Papiere Friedrich von Holsteins, Bd. 1—4. Göttingen, 1957—1963.
- Jagow G. v. Ursachen zum Ausbruch des Weltkrieges. Brl., 1919.
- Kiderlen-Wächter, der Staatsmann und Mensch. Hrsg. von E. Jäckh, Bd. 1—2. Stuttgart, 1925.
- Krogmann C. V. Bellevue — Die Welt von damals. Hamburg, 1960.
- Kühlmann R. v. Erinnerungen. Heidelberg, 1948.
- Lettow-Vorbeck O. v. Meine Erinnerungen aus Ostafrika. Leipzig, 1920. *Р. пер.*: Леттов-Форбек О. Мои воспоминания о Восточной Африке. М., 1927.

- Lichnowsky K. M. Auf dem Wege zum Abgrund. Londoner Berichte, Erinnerungen und sonstige Schriften, Bd. 1—2. Dresden, 1927.
- Lichnowsky K. M. Meine Londoner Mission 1912—1914. Zürich, 1918.
- Liman v. Sanders. Fünf Jahre Türkei. Brl., 1920.
- Lloyd-George D. The Truth about the Peace Treaties, v. 1—2. Lnd., 1938. *P. nep.:* Ллойд-Джордж Д. Правда о мирных договорах, т. 1—2. М., 1957.
- Lloyd-George D. War Memoirs, v. 1—6. Lnd., 1933—1936. *P. nep.:* Ллойд-Джордж Д. Военные мемуары, т. 1—6. М., 1934—1938.
- Löbe P. Der Weg war lang. Lebenserinnerungen... Brl., 1954.
- Ludendorff E. Meine Lebenserinnerungen 1914—1918. Brl., 1919. *P. nep.:* Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг., т. 1—2. М., 1923—1924.
- Max Prinz von Baden. Erinnerungen und Dokumente. Stuttgart, 1927.
- Michaelis G. Für Staat und Volk. Eine Lebensgeschichte. Brl., 1922.
- Moltke H. v. Erinnerungen. Briefe. Dokumente 1877—1916. Stuttgart, 1922.
- Müller A. G. v. Regierte der Kaiser? Kriegstagebücher, Aufzeichnungen und Briefe des Chefs des Marine-Kabinetts... 1914 bis 1918. Hrsg. von W. Görlitz. Göttingen, 1959.
- Poincaré R. Au service de la France. Neuf années de souvenirs, t. 1—10. P., 1926—1933. *P. nep.:* Пуанкаре Р. Воспоминания. 1914—1918, т. 1—2. М., 1936.
- Pourtalès Graf. Am Scheidewege zwischen Krieg und Frieden. Meine letzten Verhandlungen in Petersburg Ende Juli 1914. Brl., 1919.
- Raschdau L. Der Weg in die Weltkrise. Betrachtungen eines deutschen Diplomaten aus den Jahren 1912—1913. Brl., 1934.
- Reinbaben W. v. Viermal Deutschland. Aus dem Erlebten eines Seemanns, Diplomaten, Politikers 1895—1954. Brl., 1954.
- Rosen F. Aus einem diplomatischen Wanderleben, Bd. 1—2. Brl., 1931—1932; Bd. 3—4. Wiesbaden, 1959.
- Rupprecht Kronprinz von Bayern. Mein Kriegstagebuch, Bd. 1—3. Brl., 1929.
- Scheer Admiral. Deutschlands Hochseeflotte im Weltkrieg. Persönliche Erinnerungen. Brl., 1920.
- Schlieffen A. Graf v. Canne. Mit einem Auswahl von Aufsätzen und Reden des Feldmarschalls. Brl., 1925.
- Seymour Ch. (ed.). The Intimate Papers of Colonel House, v. 1—4. Lnd., 1926—1928. *P. nep.:* Архив полковника Хауза, т. 1—4. М., 1937—1944.
- Tirpitz A. v. Erinnerungen. Leipzig, 1919. *P. nep.:* Тирпиц А. Воспоминания. М., 1957.
- Tirpitz A. v. Politische Dokumente (Ohnmachtspolitik im Weltkriege). Hamburg, 1926.
- Waldersee A. Denkwürdigkeiten, Bd. 1—3. Stuttgart, 1923—1925.
- Wilhelm II. Ereignisse und Gestalten aus den Jahren 1878—1918. Leipzig, 1922. *P. nep.:* Вильгельм II. Мемуары. Изд. 2-е. Пр., 1923.
- Wilhelm Kronprinz. Erinnerungen. Stuttgart, 1922.

Исследования

- Бондаревский Г. Л. Багдадская железная дорога и проникновение германского империализма на Ближний Восток (1888—1903). Ташкент, 1955.
- Варга Е. Исторические корни особенностей германского империализма. М., 1946.
- Ерусалимский А. С. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века. Изд. 2-е, доп., М., 1951.
- Лукин Н. М. Очерки по новейшей истории Германии (1890—1914). Л.—М., 1925.
- Покровский М. Н. Империалистская война. Сб. статей 1915—1927 гг. М., 1929.
- Полетика Н. П. Возникновение первой мировой войны (Июльский кризис 1914 года). М., 1964.
- Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. Изд. 2-е. М., 1955.
- Рубинштейн Е. И. Политика германского империализма в западных польских землях в конце XIX — начале XX века. М., 1953.
- Тарле Е. В. Европа в эпоху империализма.— Соч., т. 5, М., 1958.
- Хвостов В. М. История дипломатии. Изд. 2-е, т. 2. М., 1963.
- Эггерт В. К. Борьба классов и партий в Германии в годы первой мировой войны (авг. 1914 — окт. 1919). М., 1957.
- Albertini L. Le origini della guerra del 1914, v. 1—3. Milano, 1943.
- Albin P. Le «coup» d'Agadir. Origines et développement de la crise de 1911. P., 1912.
- Albin P. D'Agadir à Sarajevo. 1911—1914. P., 1915.
- Anderson E. N. The First Moroccan Crisis 1904—1906. Chicago, 1930.
- Anderson P. R. The Background of Anti-English Feeling in Germany. 1890—1902. Wash., 1939.
- Barlow I. Ch. The Agadir Crisis. Chapel Hill, 1940.

- Barnes H. E. The Genesis of the World War: an Introduction to the Problem of War Guilt. N. Y., 1926.
- Bartel W. Die Linken in der deutschen Sozialdemokratie im Kampf gegen Militarismus und Krieg. Brl., 1958. *P. nep.: Бартель В. Левые в германской социал-демократии в борьбе против милитаризма и войны. М., 1959.*
- Basler W. Deutschlands Annexionspolitik in Polen und im Baltikum 1914—1918. Brl., 1962.
- Becker W. Fürst Bülow und England 1897—1909. Greifswald, 1929.
- Benns F. L. Europe since 1914. N. Y., 1934.
- Bernhardi F. v. Deutschland und der nächste Krieg. Stuttgart, 1912.
- Bidou H. Histoire de la Grande guerre. P., 1936.
- Bloch E. Les causes de la guerre mondiale. P., 1934.
- Bornhak C. Die Kriegsschuld. Deutschlands Weltpolitik 1890—1914. Brl., 1929.
- Bourgeois E. Les origines et les responsabilités de la Grande guerre. Preuves et aveux. P., 1922.
- Brandenburg E. Von Bismarck zum Weltkriege. Die deutsche Politik in den Jahrzehnten vor dem Kriege. Brl., 1924.
- Brehm B. Das war das Ende. Von Brest-Litowsk bis Versailles. München, 1932.
- Carrol E. M. Germany and the Great Powers. 1866—1914. A Study in Public Opinion and Foreign Policy. N. Y., 1938.
- Cruttwell C. R. M. F. A History of the Great War 1914—1918. Oxford, 1934.
- Dąbrowski J. Wielka wojna 1914—1918. W-wa, 1937.
- Darmstätter P. Geschichte der Aufteilung und Kolonisation Afrikas seit dem Zeitalter der Entdeckungen, Bd. 1—2. Brl., 1913—1920. *P. nep.: Дармштеттер П. История раздела Африки. М., 1926.*
- Dawson W. H. The German Empire. 1867—1914, v. 1—2. Lnd., 1919.
- Dehn P. Von deutscher Kolonial- und Weltpolitik. Brl., 1907.
- Egelhaaf G. Geschichte der neuesten Zeit vom Frankfurter Frieden bis zur Gegenwart. 7. Aufl., Stuttgart, 1918.
- Ewart J. S. The Causes and Roots of the Wars 1914—1918, v. 1—2. N. Y., 1925.
- Eysck E. Das persönliche Regiment Wilhelm II. Politische Geschichte des deutschen Kaiserreiches von 1870 bis 1914. Erlenbach, 1948.
- Fastreiz A. La guerre de 1914—1918. La responsabilité de l'Allemagne. Brux., 1926.
- Fay S. B. The Origins of the World War, v. 1—2, N. Y., 1928. *P. nep.: Фей С. Происхождение мировой войны, т. 1—2. М., 1933—1934.*
- Fischer E. Holsteins grosses Nein. Die deutsch-englischen Bündnisverhandlungen 1898—1901. Brl., 1925.
- Fischer E. Die kritischen 39 Tage von Sarajevo bis zum Weltbrand. Brl., 1928.
- Fischer F. Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914/18. Düsseldorf, 1961.
- Foerster W. Graf Schlieffen und der Weltkrieg. 2. neu bearb. Aufl., Brl., 1925.
- Frank O. Die Grossmächte in Ostasien von 1894 bis 1914. Ein Beitrag zur Vorgeschichte des Krieges. Braunschweig, 1923.
- Friedjung H. Das Zeitalter des Imperialismus. 1814—1914, Bd. 1—3. Brl., 1919—1922.
- Gehrke U. Persien in der deutschen Orientpolitik während des ersten Weltkrieges. Anmerkungen und Dokumente, Bd. 1—2. Stuttgart, 1961.
- Geiss I. Der polnische Grenzstreifen 1914—1918. Ein Beitrag zur deutschen Kriegszielpolitik im ersten Weltkrieg. Lübeck, 1960.
- Gooch G. P. Before the War. Studies in Diplomacy. V. 1. The Grouping of the Powers. Lnd., 1936.
- Gooch G. P. Germany. Lnd., 1925.
- Gooch G. P. Studies in German History. Lnd., 1948.
- Gooch G. P. Studies in modern History. Lnd., 1931.
- Groener W. Das Testament des Grafen Schlieffen. Operative Studien über den Weltkrieg. Brl., 1927. *P. nep.: Гренер В. Завещание графа Шлиффена. М., 1937.*
- Groos O. (bearb.) Der Krieg zur See 1914—1918. Hrsg. vom Marinearchiv. Brl., 1920.
- Hake F. v. Am Brandherd des Weltkrieges. Die kritischen Julitage 1914 in Petersburg. Erfurt, 1929.
- Hale O. J. Publicity and Diplomacy. With Special Reference to England and Germany, 1890—1914. Lnd., 1940.
- Haller J. Die Ära Bülow. Eine historisch-politische Studie. Stuttgart, 1922.
- Hallgarten G. W. F. Imperialismus vor 1914, Bd. 1—2. München, 1951. *P. nep.: Халлгартен Г. Империализм до 1914 г. М., 1961.*
- Hamann O. Deutsche Weltpolitik 1890—1912. Brl., 1925.
- Hartung F. Deutsche Geschichte 1871—1919. 6. neu bearb. Aufl., Stuttgart, 1952.
- Haselmayer F. Diplomatische Geschichte des Zweiten Reiches von 1871—1918, Bd. 1—6. München, 1955—1963.
- Hauser O. Deutschland und der englisch-russische Gegensatz 1900—1904. Göttingen, 1958.
- Heidegger H. Die deutsche Sozialdemokratie und der nationale Staat. 1870—1920. Unter besonderer Berücksichtigung der Kriegs- und Revolutionsjahre. Göttingen, 1956.

- Heidorn G. Monopole — Presse — Krieg. Die Rolle der Presse bei der Vorbereitung des Ersten Weltkrieges. Studien zur deutschen Aussenpolitik in der Periode von 1902 bis 1914. Brl., 1963. *P. пер.:* Гейдорн Г. Монополии, пресса, война. Исследование внешней политики Германии с 1902 по 1914 г. М., 1964.
- Helfferrich K. Die deutsche Türkeipolitik. Brl., 1921.
- Helfferrich K. Der Weltkrieg, Bd. 1—3. Brl., 1919.
- Herzfeld H. Die deutsche Rüstungspolitik vor dem Weltkriege. Bonn, 1923.
- Hoffman R. J. S. Great Britain and the German Trade Rivalry 1875—1914. Philadelphia, 1933.
- Hohlfeld J. Geschichte des Deutschen Reiches 1871—1924. Leipzig, 1924.
- Holldack H. (Hrsg.) Was wirklich geschah. Die diplomatischen Hintergründe der deutschen Kriegspolitik. München, 1949.
- Hubatsch W. Die Ära Tirpitz. Studien zur deutschen Marinepolitik 1890—1918. Göttingen, 1955.
- Ibeken R. Das aussenpolitische Problem, Staat und Wirtschaft in der deutschen Reichspolitik 1880—1914. Untersuchungen über Kolonialpolitik, internationale Finanzpolitik, Handelsverträge und die Bagdadbahn. Schleswig, 1928.
- Janssen K. H. Macht und Verblendung. Kriegszielpolitik der deutschen Bundesstaaten 1914/18. Göttingen, 1963.
- Kautsky K. Wie der Weltkrieg entstand. Dargestellt nach dem Aktenmaterial des deutschen Auswärtigen Amtes. Brl., 1920. *P. пер.:* Каутский К. Как возникла мировая война. По документам германского министерства иностранных дел. М., 1924.
- Klein F. Deutschland von 1897/98 bis 1917. Brl., 1963.
- Kuczynski J. Der Ausbruch des ersten Weltkrieges und die deutsche Sozialdemokratie. Chronik und Analyse. Brl., 1957.
- Kuhl H. v. Der deutsche Generalstab in Vorbereitung und Durchführung des Weltkrieges. Brl., 1920. *P. пер.:* Куль Г. Германский генеральный штаб. Его роль в подготовке и ведении мировой войны. М., 1922.
- Laloy E. La guerre mondiale. Ses origines et l'après-guerre d'après leurs principaux historiens. P., 1930.
- Langer W. L. The Diplomacy of Imperialism 1890—1902. N. Y., 1956.
- Langsam W. C. The World since 1914. N. Y., 1933.
- Liddel-Hart B. H. A History of the World War. 1914—1918. Lnd., 1934.
- Liddel-Hart B. H. The Real War 1914—1918. Lnd., 1930. *P. пер.:* Лиддел-Гарт Б. Правда о войне 1914—1918 гг. М., 1935.
- Lohmeyer H. Die Politik des Zweiten Reiches 1870—1918, Bd. 1—2. Brl., 1939.
- Lumbroso A. Le origini economiche e diplomatiche della guerra mondiale, v. 1—2. Milano, 1927—1928.
- Lutz H. Gutachten. Die europäische Politik in der Julikrise 1914. Brl., 1930.
- Meinecke F. Geschichte des deutsch-englischen Bündnisproblems 1890—1901. München, 1927.
- Michon G. La préparation à la guerre. La loi de trois ans (1910—1914). P., 1935.
- Moussé A. Un drame historique. L'attentat de Sarajevo. Documents inéd. et texte intégral des sténogrammes du procès. P., 1930.
- Nowak K. F. Das dritte deutsche Kaiserreich. Bd. 2. Der Weg in die Einkreisung. Brl., 1931.
- Oncken H. Das alte und das neue Mitteleuropa. Historisch-politische Betrachtungen über deutsche Bündnispolitik im Zeitalter Bismarcks und im Zeitalter des Weltkrieges. Gotha, 1917.
- Oncken H. Das Deutsche Reich und die Vorgeschichte des Weltkrieges, Bd. 1—2. Leipzig, 1933.
- Ostwald P. So fing es an. Die diplomatische Vorgeschichte des ersten Weltkrieges. Baden-Baden, 1957.
- Payer F. Von Bethmann-Hollweg bis Ebert. Frankfurt a/M., 1923.
- Pinon R. France et Allemagne 1870—1913. P., 1913.
- Rathmann L. Berlin — Bagdad. Die imperialistische Nahostpolitik des kaiserlichen Deutschlands. Brl., 1962.
- Rathmann L. Stossrichtung Nahost. 1914—1918. Zur Expansionspolitik des deutschen Imperialismus im ersten Weltkrieg. Brl., 1963.
- Reiners L. In Europa gehen die Lichter aus. Der Untergang des wilhelminischen Reichs. München, 1955.
- Renouvin P. La crise européenne et la Grande guerre (1904—1918). P., 1934.
- Renouvin P. Les origines immédiates de la guerre (28 juin — 4 août 1914). 2. me éd., P., 1927.
- Reventlow E. Graf. Deutschlands auswärtige Politik 1888 bis 1914. 11. durchges. Aufl., Brl., 1918.
- Ritter G. Die Legende von der verschmähten englischen Freundschaft. 1898—1901. Freiburg, 1929.
- Ritter G. Staatskunst und Kriegshandwerk. Das Problem des «Militarismus» in Deutschland, Bd. 1—2. München, 1959—1960.
- Ritter G. Der Schlieffen-Plan. Kritik eines Mythos. München, 1956.

- Rogge H. Holstein und Harden. Politisch-publizistisches Zusammenspiel zweier Aussenseiter des wilhelminischen Reichs. München, 1959.
- Romberg C. v. Die Fälschungen des russischen Orangebuches. Brl., 1922.
- Rosenberg A. Die Entstehung der Deutschen Republik. 1871—1918. Brl., 1930.
- Rudin H. R. Germans in the Cameroons 1884—1914. A Case Study in Modern Imperialism. New Haven, 1938.
- Sartorius v. Waltershausen A. Deutsche Wirtschaftsgeschichte 1815—1914. Jena, 1920.
- Schmitt B. E. The Annexation of Bosnia 1908—1909. Cambridge, 1937.
- Schmitt B. E. The Coming of the War 1914, v. 1—2. N. Y., 1930.
- Schreiner A. Zur Geschichte der deutschen Aussenpolitik 1871—1945. Bd. 1. 1871—1918. Von der Reichseinigung bis zur Novemberrevolution. Brl., 1952.
- Seton-Watson R. W. Sarajevo. A Study in the Origins of the Great War. Lnd., 1926.
- Stenkewitz K. Gegen Bajonett und Dividende. Eine politische Krise in Deutschland am Vorabend des ersten Weltkrieges. Brl., 1960.
- Stoecker H. (Hrsg.) Kamerun unter deutscher Kolonialherrschaft. Studien, Bd. 1. Brl., 1960.
- Taylor A. J. P. The Struggle for Mastery in Europe 1848—1918. N. Y., 1954. *P. nep.*: Тейлор А. Борьба за господство в Европе 1848—1918. М., 1958.
- Thomson G. M. The Twelve Days. The Complex Pattern of Events and Personalities Leading up to World War I. Lnd., 1964.
- Toscano M. Pagine di storia diplomatica contemporanea, v. 1—2. Milano, 1963. V. 1. Origini e vicende della prima guerra mondiale.
- Townsend M. E. The Rise and Fall of Germany's Colonial Empire 1884—1918. N. Y., 1930.
- Vagts A. Deutschland und die Vereinigten Staaten in der Weltpolitik, Bd. 1—2. Lnd., 1935.
- Valentin V. Deutschlands Aussenpolitik von Bismarcks Abgang bis zum Ende des Weltkrieges. Brl., 1921.
- Vermeil E. L'Allemagne contemporaine sociale, politique et culturelle. 1890—1950, t. 1—2. P., 1952—1953. T. 1. Le règne de Guillaume II. 1890—1918.
- Viallate A. L'imperialisme économique et les relations internationales pendant le dernier demi-siècle (1870—1920). P., 1923.
- Wegerer A. Der Ausbruch des Weltkrieges, Bd. 1—2. Hamburg, 1939.
- Werner L. Der Alldeutsche Verband 1890—1918. Ein Beitrag zur Geschichte der öffentlichen Meinung in Deutschland in den Jahren vor und während des Weltkrieges. Brl., 1935.
- Ziekursch J. Politische Geschichte des neuen deutschen Kaiserreiches, Bd. 1—3. Frankfurt a/M., 1925—1930.
- Zimmermann A. Geschichte der deutschen Kolonialpolitik. Brl., 1914.

Биографии

- Görlitz W. Hindenburg. Ein Lebensbild. Bonn, 1953.
- Groener-Geyer D. General Groener. Soldat und Staatsmann. Frankfurt a/M., 1955.
- Huldermann B. Albert Ballin. Oldenburg, 1922.
- Kürenberg J. Fritz von Holstein. Die graue Eminenz. Brl., 1934.
- Kürenberg J. War alles falsch? Das Leben Kaiser Wilhelms II. Bonn, 1952.
- Ludwig E. Hindenburg. Legende und Wirklichkeit. Hamburg, 1962.
- Ludwig E. Wilhelm der Zweite. Brl., 1926. *P. nep.*: Людви́г Э. Последний Гогенцоллерн (Вильгельм II). М., 1929.
- Menne B. Krupp. Deutschlands Kanonen-Könige. Zürich, 1937.
- Mommsen W. Max Weber und die deutsche Politik (1890—1920). Tübingen, 1959.
- Schulze-Hinrichs A. Grossadmiral Alfred von Tirpitz. Göttingen, 1958.
- Tschuppik K. Ludendorff. Die Tragödie des Fachmannes. Wien, 1929.
- Weber M. Max Weber. Ein Lebensbild. Tübingen, 1926.

К части II. «ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗИГЗАГИ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ»

Источники

Публикации

- Документы внешней политики СССР. Комиссия по изданию дипломатических документов: д-р экон. наук А. А. Громыко (председатель) [и др.], т. 1—9. М., 1957—1964.
- Локарнская конференция. 1925. М., 1959.
- План Юнга и Гагская конференция 1929—1930 гг. Документы и материалы. М.—Л., 1931.
- Репарационный вопрос и военные долги. Сборник документов. М., 1933.

- Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918—1945. Aus dem Archiv des deutschen Auswärtigen Amtes. Serie D., Bd. 1—7. Baden-Baden, 1950—1953.
- Amtliche Urkunden zur Vorgeschichte des Waffenstillstandes. Hrsg. von Auswärtigem Amt und vom Reichsministerium des Inneren. Brl., 1927.
- Beckmann E. (Hrsg.) Der Dolchstoßprozess in München vom 19. Okt. bis 20. Nov. 1925. Verhandlungsberichte. München, 1926.
- Berber F. Locarno. Eine Dokumentensammlung. Brl., 1936.
- Deuerlein E. (Hrsg.) Der Hitlerputsch. Bayerische Dokumente zum 9. November 1923. Stuttgart, 1961.
- Dokumente der deutschen Politik. Reihe: die Zeit des Weltkrieges und der Weimarer Republik. 1919—1933, Bd. 1—2. Brl., 1942.
- Dokumente der deutschen Politik und Geschichte von 1848 bis zur Gegenwart. Ein Quellenwerk für die politische Bildung und staatsbürgerliche Erziehung. Hrsg. von J. Hohlfeld. Bd. 3. Die Weimarer Republik. 1919—1933. Brl., 1951.
- Documents on International Affairs. Lnd., 1929—1958.
- Der Friedensvertrag zwischen Deutschland und den Alliierten und Assoziierten Mächten. Amtl. Text der Entente und amtll. deutsche Übertragung. Brl., 1919. *Р. пер.:* Версальский мирный договор. Серия мирных договоров. Под ред. Ю. В. Ключникова и А. Сабанина. М., 1925.
- Giovanpucci F. S. Locarno. 32 documenti. Roma, 1935.
- Locarno. Amtliche Dokumente und öffentliche Zeugnisse zur Geschichte des Rheinpaktes und der Schiedsverträge. Bielefeld, 1929.
- Lokarno-Konferenz 1925. Eine Dokumentensammlung. Hrsg. von dem Ministerium der Auswärtigen Angelegenheiten der DDR. Brl., 1962.
- Nemecký imperialism proti ČSR (1918—1939). Praha, 1962.
- Stenografische Berichte des Deutschen Reichstages. Brl., 1920—1933.
- Der Waffenstillstand 1918—1919. Hrsg. von E. Marchefka, Bd. 1—3. Brl., 1928.
- Die Weimarer Republik. Dokumente und Materialien. Eingel., zugest. und bearb. von B. Berthold [u. a.] Brl., 1963.
- Weissbuch über die schwarze Reichswehr. Hrsg. von der Deutschen Liga für Menschenrechte. Brl., 193..
- Das Werk des Untersuchungsausschusses der verfassungsgebenden deutschen Nationalversammlung und des deutschen Reichstages 1919—1928. Verhandlungen, Gutachten, Urkunden. Brl., 1928.

Статьи, речи, переписка государственных, политических и общественных деятелей

- Литвинов М. Внешняя политика СССР. Речи и заявления 1927—1937. М., 1937.
- Чичерин Г. В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961.
- Heinrich Brüning. Ein deutscher Staatsmann im Urteil der Zeit. Reden und Aufsätze. Ges. von W. Vernekehl. Münster, 1961.
- Ebert F. Schriften, Aufzeichnungen, Reden, Bd. 1—2. Dresden, 1926.
- Rathenau W. Gesammelte Schriften, Bd. 1—4. Brl., 1925.
- Rathenau W. Nachgelassene Schriften, Bd. 1—2. Brl., 1928.
- Rathenau W. Politische Briefe. Dresden, 1929.
- Rathenau W. Schriften aus Kriegs- und Nachkriegszeit. Brl., 1929.
- Stresemann G. Reden und Schriften, Bd. 1—2. Dresden, 1926.
- Thälmann E. Reden und Aufsätze zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 1—2. Brl., 1955—1956. *Р. пер.:* Тельман Э. Избранные статьи и речи. К истории германского рабочего движения. Т. 1. Июнь 1919 — ноябрь 1928 г. М., 1957. Т. 2. Ноябрь 1928 — сентябрь 1930 г. М., 1958.
- Tucholsky K. Gesammelte Werke, Bd. 1—3. Hamburg, 1960—1961.
- Wirth J. Reden während der Kanzlerschaft. Brl., 1925.
- Zetkin Cl. Ausgewählte Reden und Schriften. Bd. 2. Auswahl aus den Jahren 1918 bis 1923. Bd. 3. Auswahl aus den Jahren 1924 bis 1933. Brl., 1960. *На рус. яз.:* Цеткин К. Борьба Коммунистической партии против войны и военной опасности. Доклад на расширенном пленуме Исполкома Коминтерна 2 марта 1922 г. М., 1923.

Мемуары

- D'Abernon E. V. An Ambassador of Peace. Lord D'Abernon's Diary, v. 1—3. Lnd., 1929—1930.
- D'Abernon E. V. Rapallo to Dawes 1922—1924. Garden city, 1930.
- D'Abernon E. V. Versailles to Rapallo 1920—1922. Garden city, 1929.
- Brockdorff-Rantzau U. Dokumente. Brl., 1920.
- Kessler H. Graf. Tagebücher 1918—1937. Frankfurt a/M., 1961.
- Luther H. Politiker ohne Partei. Erinnerungen. Stuttgart, 1960.
- Meissner O. Staatssekretär unter Ebert, Hindenburg, Hitler. Der Schicksalsweg des deutschen Volkes von 1918—1945, wie ich ihn erlebte. Hamburg, 1950.

Noske G. Erlebtes aus Aufstieg und Niedergang einer Demokratie. Offenbach, 1947.
 Scheidemann Ph. Memoiren eines Sozialdemokraten, Bd. 1—2. Dresden, 1928.
 Seeckt H. v. Aus meinem Leben, Bd. 1—2. Hrsg. von F. v. Rabenau. Brl., 1938—1940.
 Severing C. Mein Lebensweg, Bd. 1—2. Köln, 1950.
 Stockhausen M. v. Sechs Jahre Reichskanzlei. Von Rapallo bis Locarno. **Erinnerungen**
 und Tagebuchnotizen 1922—1927. Bonn, 1954.
 Stresemann G. Vermächtnis. Der Nachlass, Bd. 1—3. Brl., 1932.
 Zechlin W. Pressechef bei Ebert, Hindenburg und Kopf. Erlebnisse eines Pressechefs
 und Diplomaten. Hannover, 1956.

Исследования

- Ахтамзян А. А. От Бреста до Кия. Провал антисоветской политики германского империализма в 1918 году. М., 1963.
 Восленский М. С. Из истории политики США в германском вопросе (1918—1919 гг.). М., 1954.
 Галкин А. А. Версаль и рейнские сепаратисты. М., 1962.
 Давидович Д. С. Революционный кризис 1923 г. в Германии и гамбургское восстание. М., 1963.
 Драбкин Я. С. Революция 1918—1919 гг. в Германии. Краткий очерк. М., 1958.
 История международных отношений и внешней политики СССР 1917—1963 гг., т. 1—3. Под ред. В. Г. Трухановского. Т. 1. 1917—1939 гг. М., 1961.
 Кобляков И. К. От Бреста до Рапалло. Очерки истории советско-германских отношений с 1918 по 1922 г. М., 1954.
 Корнев Н. От Носке до Гитлера. М., 1934.
 Кремер И. С. Германский пролетариат в борьбе за мир с Советской Россией (нояб. 1917 — февр. 1918). М., 1963.
 Кульбакин В. Д. Милитаризация Германии в 1928—1930 гг. М.—Л., 1954.
 Постников В. В. США и дауэсизация Германии (1924—1929). М., 1957.
 Турок В. М. Локарно. М.—Л., 1949.
 Ушаков В. Б. Внешняя политика Германии в период Веймарской республики. М., 1958.
 Anderle A. Die deutsche Rapallo-Politik. Deutsch-sowjetische Beziehungen 1922—1929. Brl., 1962.
 Die Auswirkungen der Grossen Sozialistischen Oktoberrevolution auf Deutschland. Hrsg. von L. Stern., Bd. 1—4. Brl., 1959. *Р. пер.:* Октябрьская революция и Германия. Доклады и дискуссии по теме: влияние Великой Октябрьской социалистической революции на Германию. М., 1960.
 Badia G. La fin de la République allemande (1929—1933). P., 1958.
 Baguch B. M. The Making of the Reparation and Economic Sections of the Treaty. N. Y., 1920.
 Benoist-Méchin J. Histoire de l'armée allemande (1918—1945), v. 1—3. P., 1954—1963.
 Bernhard G. Die deutsche Tragödie. Der Selbstmord einer Republik. Prag, 1933.
 Berthold L. u. Neef H. Militarismus und Opportunismus gegen die Novemberrevolution. Das Bündnis der rechten SPD-Führung mit den Obersten Heeresleitung Nov. und Dez. 1918. Eine Dokumentation. Brl., 1958.
 Blücher W. v. Deutschlands Weg nach Rapallo. Wiesbaden, 1951.
 Bracher K. D. Die Auflösung der Weimarer Republik. Eine Studie zum Problem des Machtverfalls in der Demokratie. Stuttgart, 1955.
 Braun O. Von Weimar zu Hitler. Zürich, 1940.
 Brecht A. Prelude to Silence. The End of the German Republic. N. Y., 1944.
 Buchta B. Die Junker und die Weimarer Republik. Charakter und Bedeutung der Osthilfe in den Jahren 1928—1933. Brl., 1959.
 Carr E. H. German-Soviet Relations between the two World Wars. 1919—1939. Baltimore, 1951.
 Carr E. H. International Relations between the two World Wars (1919—1939). Lnd., 1948.
 Dickmann F. Die Kriegsschuldfrage auf der Friedenskonferenz von Paris 1919. München, 1964.
 Epstein K. Matthias Erzberger and the Dilemma of German Democracy. Princeton, 1959.
 Erfurth W. Die Geschichte des deutschen Generalstabes von 1918 bis 1945. 2. neu bearb. und erw. Aufl., Göttingen, 1960.
 Euler H. Die Aussenpolitik der Weimarer Republik 1918—1923. Aschaffenburg, 1957.
 Eyck E. Geschichte der Weimarer Republik, Bd. 1—2. Erlenbach, 1954—1956.
 Fabre-Luce A. Locarno sans rêves. P., 1927.
 Fraenckel E. Military Occupation and the Rule of Law: Occupational Government in the Rhineland 1918—1923. Lnd., 1944.
 Friedensburg F. Die Weimarer Republik. Brl., 1946.

- Gatzke H. W. *Stresemann and the Rearmament of Germany*. Baltimore, 1954.
- Gessler O. *Reichswehrpolitik in der Weimarer Zeit*. Stuttgart, 1958.
- Gordon H. J. *The Reichswehr and the German Republic. 1919—1926*. Princeton, 1957.
- Hallgarten G. W. F. Hitler, Reichswehr und Industrie. *Zur Geschichte der Jahre 1918—1933*. Frankfurt a/M., 1962.
- Halperin S. W. *Germany Tried Democracy. A Political History of the Reich from 1918—1933*. N. Y., 1946.
- Helbig H. *Die Träger der Rapallo-Politik*. Göttingen, 1958.
- Hoegner W. *Die verratene Republik. Geschichte der deutschen Gegenrevolution*. München, 1958.
- Höltje Ch. *Die Weimarer Republik und das Ostlocarno-Problem 1919—1934. Revision oder Garantie der deutschen Ostgrenze von 1919*. Würzburg, 1958.
- Hortzschansky G. *Der nationale Verrat der deutschen Monopolherren während des Ruhrkampfes 1923*. Brl., 1961.
- Kern E. *Von Versailles zu Adolf Hitler. Der schreckliche Friede*. Göttingen, 1962.
- Klein F. *Deutschland 1918*. Brl., 1962.
- Klein F. *Die diplomatischen Beziehungen Deutschlands zur Sowjetunion 1917—1932*. Brl., 1953.
- Krebs A. *Tendenzen und Gestalten der NSDAP. Erinnerungen an die Frühzeit der Partei*. Stuttgart, 1959.
- Laboor E. *Der Kampf der deutschen Arbeiterklasse gegen Militarismus und Kriegsgefahr 1927 bis 1929*. Brl., 1961.
- Levy H. *Industrial Germany*. Lnd., 1935. *P. пер.: Леви Г. Германские монополии*. М., 1936.
- Luckau A. *The German Delegation at the Paris peace Conference*. Lnd., 1941.
- Lücke R. E. *Von der Stabilisierung zur Krise*. Zürich, 1958.
- Lynar E. W. Graf. *Deutsche Kriegsziele 1914/1918*. Frankfurt a/M., 1964.
- Meinecke F. *Nach der Revolution. Geschichtliche Betrachtungen über unsere Lage*. München, 1919.
- Meinecke F. *Weltbürgertum und Nationalstaat. Studien zur Genesis des deutschen Nationalstaates*. 6. durchges. Aufl., München, 1922.
- Mohler A. *Die konservative Revolution in Deutschland 1918 bis 1932. Grundriss ihrer Weltanschauungen*. Stuttgart, 1950.
- Morgan J. H. *Assize of Arms: the Disarmament of Germany and her Rearmament (1919—1939)*. Lnd., 1945.
- Nicolson H. *Peacemaking 1919*. Lnd., 1933. *P. пер.: Никольсон Г. Как делался мир в 1919 г.* М., 1945.
- Norden A. *Fälscher. Zur Geschichte der deutsch-sowjetischen Beziehungen*. Brl., 1959. *P. пер.: Норден А. Фальсификаторы. К истории германо-советских отношений*. М., 1959.
- Norden A. *Zwischen Berlin und Moskau. Zur Geschichte der deutsch-sowjetischen Beziehungen*. Brl., 1954. *P. пер.: Норден А. Между Берлином и Москвой. К истории германо-советских отношений*. М., 1956.
- Nowak K. F. *Versailles*. Brl., 1927. *P. пер.: Новак К. Ф. Версаль*. М., 1930.
- Oberman K. *Die Beziehungen des amerikanischen Imperialismus zum deutschen Imperialismus in der Zeit der Weimarer Republik (1918—1925)*. Brl., 1952.
- Petzold J. *Die Dolchstoßlegende. Eine Geschichtsfälschung im Dienst des deutschen Imperialismus und Militarismus*. Brl., 1963.
- Rapallo und die friedliche Koexistenz. Wiss. Red.: A. Anderle. Brl., 1963. *P. пер.: Рапальский договор и проблема мирного сосуществования. Материалы научной сессии, посвященной 40-летию Рапальского договора (25 апр. 1962 г.)*. Ред. коллегия: А. Андерле [и др.] М., 1963.
- Rosenfeld G. *Sowjetrussland und Deutschland 1917—1922*. Brl., 1960.
- Ruge W. *Die Stellungnahme der Sowjetunion gegen die Besetzung des Ruhrgebiets. Zur Geschichte der deutsch-sowjetischen Beziehungen von Jan. bis Sept. 1923*. Brl., 1962.
- Schüddekopf O. E. *Das Heer und die Republik. Quellen zur Politik der Reichswehrführung 1918 bis 1933*. Hannover, 1955.
- Schwarz A. *Die Weimarer Republik*. Konstanz, 1958.
- Seeckt H. v. *Deutschland zwischen Ost und West*. 3. Aufl., Hamburg, 1940.
- Stamper F. *Die vierzehn Jahre der ersten deutschen Republik*. Hamburg, 1947.
- Vermeil E. *L'Allemagne contemporaine sociale, politique et culturelle. 1890—1950*. T. 2. *La République de Weimar et le Troisième Reich*. P., 1953.
- Vietsch E. v. Arnold Rechberg und das Problem der politischen Westorientierung Deutschlands nach dem 1. Weltkrieg. Koblenz, 1958.
- Vogelsang Th. *Reichswehr, Staat und NSDAP. Beiträge zur deutschen Geschichte 1930—1932*. Stuttgart, 1962.
- Wentzke P. *Ruhrkampf*, Bd. 1—2. Brl., 1931—1932.
- Wheeler-Bennet J. W. *Disarmament and Security since Locarno 1925—1931*. Lnd., 1932.
- Zimmermann L. *Deutsche Aussenpolitik in der Ära der Weimarer Republik*. Göttingen, 1958.

Биографии

- Роза Люксембург. Сборник статей. М., 1921.
Böttcher H. M. Walther Rathenau. Persönlichkeit und Werk. Bonn, 1958.
Burger F. u. Singer K. Carl von Ossietzky. Zürich, 1937.
Deutschlands unsterblicher Sohn. Erinnerungen an Ernst Thälmann. Brl., 1963. *P. пер.*:
Германии бессмертный сын. Воспоминания об Эрнсте Тельмане. М., 1963.
Grossmann K. R. Ossietzky. Ein deutscher Patriot. München, 1963.
Haschke G. u. Tönnies N. Friedrich Ebert. Ein Leben für Deutschland. Preetz, 1961.
Klass G. v. Hugo Stinnes. Tübingen, 1958.
Lucas F. J. Hindenburg als Reichspräsident. Bonn, 1959.
Siemens G. Carl Friedrich von Siemens. Ein grosser Unternehmer. Freiburg, 1960.
Stern-Rubarth E. Graf Brockdorff-Rantzau. Wanderer zwischen zwei Welten. Ein Lebensbild. Brl., 1929.
Thimme A. Gustav Stresemann. Eine politische Biographie zur Geschichte der Weimarer Republik. Hannover, 1957.
Zwoch G. Gustav Stresemann-Bibliographie. Düsseldorf, 1953.

К части III. «„ТРЕТЬЯ ИМПЕРИЯ“: АГРЕССИЯ И КРУШЕНИЕ»

Источники

Публикации

- Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 1—3. М., 1946—1947.
Документы и материалы кануна второй мировой войны, т. 1—2. М., 1948.
Документы министерства иностранных дел Германии, вып. 2—3. М., 1946.
Новые документы из истории Мюнхена. М., 1958.
Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов, т. 1—7. М., 1957—1961.
Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., т. 1—2. М., 1957.
Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 2. Акт о военной капитуляции германских вооруженных сил. Декларация о поражении Германии. М., 1955.
Фальсификаторы истории (Историческая справка). М., 1948.
Braunbuch über Reichstagsbrand und Hitler-Terror. Basel, 1933. *P. пер.*: Коричневая книга о поджоге рейхстага и гитлеровском терроре. М., 1933.
Deutschland und der spanische Bürgerkrieg 1936—1939. Baden-Baden, 1951.
Dokumente der deutschen Politik. Reihe: das Reich Adolf Hitlers, Bd. 1—9. Brl., 1939—1940.
Documents on German Foreign Policy. 1918—1945. Series C. 1933—1937, v. 1—4. Series D. 1937—1945, v. 1—12. Lnd., 1951—1958.
Hitlers Lagebesprechungen. Die Protokollfragmente seiner militärischen Konferenzen 1942—1945. Hrsg. von H. Heiber. Stuttgart, 1962.
Hofier W. Der Nationalsozialismus. Dokumente 1933—1945. Frankfurt a/M., 1957.
Huber H. (Hrsg.) u. a. Das dritte Reich. Seine Geschichte in Texten, Bildern und Dokumenten, Bd. 1—2. Hamburg, 1964.
Die Kriegsschuld Deutschlands und die Mitschuld des deutschen Volkes. Hrsg. von dem Zentralkomitee der KPD. Brl., 1945.
Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht 1940—1945, geführt v. H. Greiner und P. E. Schramm, Bd. 1—4. Frankfurt a/M., 1961—1964.
Meyer-Abich F. (Hrsg.) Die Masken fallen. Aus den Geheimpapieren des Dritten Reiches. Hamburg, 1949.
Murauski E. Der deutsche Wehrmachtsbericht 1939—1945. 2. durchges. Aufl., Boppard, 1962.
Picker H. Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier 1941—1942. Stuttgart, 1963.
Schmidt W. A. Damit Deutschland lebe. Quellenwerk über den deutschen antifaschistischen Widerstandskampf 1933—1945. Brl., 1958.
Spiegelbild einer Verschwörung. Die Kaltenbrunner-Berichte über den Attentat vom 20. Juli 1944. Geheime Dokumente aus dem ehemaligen Reichssicherheitshauptamt. Stuttgart, 1961.
SS im Einsatz. Eine Dokumentation über die Verbrechen der SS. Brl., 1957. *P. пер.*: СС в действии. Документы о преступлениях СС. М., 1960.

Статьи, речи, переписка государственных, политических и общественных деятелей

Димитров Г. Лейпцигский процесс. Речь, письма и документы. М., 1961.
Литвинов М. М. Против агрессии. М., 1938.
Churchill W. Step by Step. 1936—1939. Lnd., 1942.

Мемуары

Майский И. М. Воспоминания советского посла, кн. 2. Мир или война? М., 1964.
Burckhardt C. J. Meine Danziger Mission 1937—1939. Zürich, 1960.
Churchill W. The second World War, v. 1—6. Lnd., 1949—1954.
Ciano G. Les archives secrètes du comte Ciano 1936—1942. P., 1948.
Dirksen H. v. Moskau, Tokio, London. Erinnerungen und Betrachtungen zu 20 Jahren deutscher Aussenpolitik 1919—1939. Stuttgart, 1949.
Dodd W. E. Ambassadors Dodd's Diary 1933—1938. Ed. by W. E. Dodd and M. Dodd. Lnd., 1941. *Р. пер.:* Додд У. Э. Дневник посла Додда. М., 1961.
Dönitz K. Zehn Jahre und zwanzig Tage. Bonn, 1958.
François-Poncet A. Souvenirs d'une ambassade à Berlin. Sept. 1931 — oct. 1938. P., 1946.
Georg v. Schwenpenburg L. Erinnerungen eines Militärattachés, London 1933—1937. Stuttgart, 1949.
Gisevius H. B. Bis zum bitteren Ende, Bd. 1—2. Zürich, 1946.
Guderian H. Erinnerungen eines Soldaten. Heidelberg, 1951. *Р. пер.:* Гудернан Г. Танки — вперед. М., 1957.
Henderson N. Failure of a Mission. Berlin 1937—1939. Lnd., 1940.
Heusinger A. Befehl im Widerstreit. Schicksalsstunden der deutschen Armee, 1923—1945. Tübingen, 1957.
Ickes H. L. The secret diary, v. 1—3, N. Y., 1953—1954.
Kesselring A. Gedanken zum zweiten Weltkrieg. Bonn, 1955.
Ludecke K. G. W. I knew Hitler. The Story of a Nazi who Escaped the Blood Purge. N. Y., 1938.
Manstein E. v. Aus einem Soldatenleben. 1887—1939. Bonn, 1958.
Manstein E. v. Verlorene Siege. Bonn, 1955.
Neubacher H. Sonderauftrag Südost 1940—1945. Bericht eines fliegenden Diplomaten. Göttingen, 1956.
Niekißch E. Das Reich der niederen Dämonen. Brl., 1957.
Papen F. v. Der Wahrheit eine Gasse. München, 1952.
Paulus F. «Ich stehe hier auf Befehl!» Lebensweg des Generalfeldmarschalls Friedrich Paulus. Mit den Aufzeichnungen aus dem Nachlass, Briefen und Dokumenten. Hrsg. von W. Görlitz. Frankfurt a/M., 1960.
Petershagen R. Gewissen in Aufruhr. Brl., 1957. *Р. пер.:* Петерсхаген Р. Мятежная совесть. М., 1960.
Puttitz W. G. Unterwegs nach Deutschland. Erinnerungen eines ehemaligen Diplomaten. Brl., 1956. *Р. пер.:* Путлиц В. Г. По пути в Германию. Воспоминания бывшего дипломата. М., 1957.
Raeder E. Mein Leben, Bd. 1—2. Tübingen, 1956—1957.
Ribbentrop J. v. Zwischen London und Moskau. Erinnerungen und letzte Aufzeichnungen. Leoni, 1953.
Rintelen E. v. Mussolini als Bundesgenosse. Erinnerungen eines deutschen Militärattachés in Rom 1936—1943. Tübingen, 1951.
Schacht H. Abrechnung mit Hitler. Brl., 1949.
Schacht H. 76 Jahre meines Lebens. Bad Wörishofen, 1953.
Schellenberg W. Memoiren. Köln, 1959.
Schmidt P. Statist auf diplomatischer Bühne. Erlebnisse des Chefdolmetschers im Auswärtigen Amt mit den Staatsmännern Europas. Bonn, 1954.
Smith H. K. Last train from Berlin. N. Y., 1943.
Warlimont N. Im Hauptquartier der deutschen Wehrmacht 1939—1945. Frankfurt a/M., 1962.
Weizsäcker E. v. Erinnerungen. München, 1950.

Исследования

Безыменский Л. А. Германские генералы — с Гитлером и без него. М., 1961.
Гинцберг Л. И. и Драбкин Я. С. Немецкие антифашисты в борьбе против гитлеровской диктатуры (1933—1945). М., 1961.
Вторая мировая война 1939—1945. Военно-исторический очерк. Под общ. ред. С. П. Платонова [и др.]. М., 1958.
Из истории агрессивной внешней политики германского империализма (Сборник статей). М., 1959.

- История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. 1—5. Ред. комиссия: П. Н. Поспелов [и др.] М., 1960—1963.
- История международных отношений и внешней политики СССР 1917—1963 гг., т. 1—3. Под ред. В. Г. Трухановского. Т. 2. 1939—1945 гг. М., 1962.
- Матвеев В. А. Провал мюнхенской политики (1938—1939). М., 1955.
- Мельников Д. Заговор 20 июля 1944 года в Германии. Легенда и действительность. М., 1962.
- Мельников Ю. М. США и гитлеровская Германия. М., 1959.
- Мильштейн М. А. Заговор против Гитлера (20 июля 1944 г.). М., 1962.
- Мировая война 1939—1945 гг. Сборник статей. М., 1957.
- Некрич А. М. Внешняя политика Англии 1939—1941 гг. М., 1963.
- Некрич А. М. Политика английского империализма в Европе (окт. 1938 — сент. 1939 г.). М., 1955.
- Поздеева Л. В. Англия и ремилитаризация Германии 1933—1936. М., 1956.
- Поздеева Л. В. Англо-американские отношения в период второй мировой войны. М., 1964.
- Полторак А. И. От Мюнхена до Нюрнберга. М., 1961.
- Поляков В. Г. Англия и мюнхенский сговор. М., 1960.
- Поражение германского империализма во второй мировой войне. Статьи и документы. Под общ. ред. Н. Г. Павленко. М., 1960.
- Размеров В. В. Экономическая подготовка гитлеровской агрессии. М., 1958.
- Розанов Г. Л. Германия под властью фашизма (1933—1939). М., 1961.
- Розанов Г. Л. Крушение фашистской Германии. М., 1963.
- Ротштейн Ф. А. Из истории прусско-германской империи. М.—Л., 1948.
- Ушаков В. Б. Внешняя политика гитлеровской Германии. М., 1961.
- Фомин В. Т. Агрессия фашистской Германии в Европе 1933—1939 гг. М., 1963.
- Хвостов В. М. и Некрич А. М. Как возникла вторая мировая война. М., 1959.
- Anders A. u. Basler W. (Red.) Juni 1941. Beiträge zur Geschichte des hitlerfaschistischen Überfalls auf die Sowjetunion. Brl., 1961.
- Bartel W. Deutschland in der Zeit der faschistischen Diktatur 1933—1945. Brl., 1956.
- Basler W. Der deutsche Imperialismus und die Sowjetunion. Grundzüge der Aussenpolitik Deutschlands gegenüber dem Sowjetstaat 1917—1941. Halle, 1961.
- Blond G. L'agonie de l'Allemagne. 1944—1945. P., 1954.
- Bracher K. u. a. Die national-sozialistische Machtergreifung. Studien zur Errichtung des totalitären Herrschaftssystems in Deutschland 1933/34. Köln, 1960.
- Brehm B. Das zwölfjährige Reich, Bd. 1—3. Graz, 1960—1961.
- Carrell P. Unternehmen Barbarossa — der Marsch nach Russland. Brl., 1963.
- Cartier R. Le secrets de la guerre dévoilés par Nuremberg. P., 1948.
- Castellan G. Le réarmement clandestin du Reich 1930—1935. P., 1954.
- Celovsky B. Das Münchener Abkommen. Stuttgart, 1958.
- Colotti E. La Germania nazista. Torino, 1962.
- Dahms H. G. Der zweite Weltkrieg. Tübingen, 1960.
- Deakin F. W. The Brutal Friendship. Mussolini, Hitler and the Fall of Italian Fascism. Lnd., 1962.
- Delarue J. Histoire de la gestapo. P., 1962.
- Der deutsche Imperialismus und der zweite Weltkrieg. Hrsg. von der Kommission der Historiker der DDR und der UdSSR, Bd. 1—5. Brl., 1960—1962. P. пер.: Германский империализм и вторая мировая война. Материалы научной конференции Комиссии историков СССР и ГДР в Берлине (14—19 дек. 1959 г.) Ред. коллегия: А. С. Ерусалимский [и др.]. М. 1963.
- Die deutsche Industrie im Kriege 1939—1945. Brl., 1954. P. пер.: Промышленность Германии в период войны 1939—1945 гг. М., 1956.
- De Jong L. The German Fifth Column in the Second World War. Chicago, 1956. P. пер.: Де Йонг Л. Немецкая пятая колонна во второй мировой войне. М., 1958.
- Dulles A. W. Germany's Underground. N. Y., 1951.
- Erckner S. L'Allemagne champ de manoeuvre. Le fascisme et la guerre. P., 1934.
- Erfurth W. Die Geschichte des deutschen Generalstabes von 1918 bis 1945. 2. neu bearb. und erw. Aufl., Göttingen, 1960.
- The fatal decisions. N. Y., 1956. P. пер.: Роковые решения. М., 1958.
- Fest J. C. Das Gesicht des Dritten Reiches — Profile einer totalitären Herrschaft. München, 1963.
- Fuller J. F. C. The Second World War. 1939—1945. A Strategical and Tactical History. Lnd., 1948. P. пер.: Фуллер Дж. Ф. Ч. Вторая мировая война. 1939—1945. Стратегический и тактический обзор. М., 1956.
- Hegner H. S. Die Reichkanzlei 1933—1945. Anfang und Ende des Dritten Reiches. 3. verarb. u. erw. Aufl., Frankfurt a/M., 1960.
- Heiden K. Geschichte des Nationalsozialismus. Die Karriere einer Idee. Brl., 1932. P. пер.: Гейден К. История германского фашизма. М.—Л., 1935.
- Henri E. Hitler over Europe? Lnd., 1934. P. пер.: Генри Э. Гитлер над Европой. М., 1935.

- Henri E. Hitler over Russia? The Coming Fight between the Fascist and Socialist Armies. N. Y., 1936. *Р. пер.*: Генри Э. Гитлер против СССР. Грядущая схватка между фашистской и социалистической армиями. М., 1938.
- Heydecker J. u. Leeb J. Der Nürnberger Prozess. Bilanz der tausend Jahre. Köln, 1958.
- Heyden H. Kritik der deutschen Geopolitik. Brl., 1958. *Р. пер.*: Гейден Г. Критика немецкой геополитики. М., 1960.
- Heyden H. Philosophie des Verbrechens. Brl., 1959. *Р. пер.*: Гейден Г. Философия преступления. Против идеологии германского милитаризма. М., 1962.
- Hindels J. Hitler war kein Zufall. Ein Beitrag zur Soziologie der Nazibarbarei. Wien, 1962.
- Die Hintergründe des Münchner Abkommens 1938. Auswahl von Referaten und Diskussionsbeiträgen der Prager internationalen wissenschaftlichen Konferenz zum 20. Jahrestag der Münchner Ereignisse. Brl., 1959.
- Iklé F. W. German-Japanese Relations 1936—1940. N. Y., 1956.
- Ingrim R. Hitlers glücklichster Tag. London, am 18. Juni 1935. Stuttgart, 1962.
- Kempner R. M. W. Eichmann und Komplizen. Zürich, 1961.
- Klee K. Das Unternehmen «Seelöwe». Die geplante deutsche Landung in England 1940. Göttingen, 1958.
- Kogon E. Der SS-Staat. Das System der deutschen Konzentrationslager. Frankfurt a/M., 1947.
- Königer H. Der Weg nach München. Über die Mai- und Septemberkrise im Jahre 1938 und ihre Vorgeschichte. Brl., 1958.
- Kühne H. Faschistische Kolonialideologie und zweiter Weltkrieg. Brl., 1962.
- Kurella A. Dimitroff contra Göring. Nach Berichten Georgi Dimitroffs über den Reichstagsbrandprozess 1933. Brl., 1964.
- Lidell-Hart B. The Other Side of the Hill. Germany's Generals, their Rise and Fall, with their own Account of Military Events. 1939—1945. Lnd., 1951.
- Lüdde-Neurath W. Regierung Dönitz. Die letzten Tage des Dritten Reiches. Göttingen, 1953.
- Matthias E. u. Morsey R. (Hrsg.) Das Ende der Parteien 1933. Düsseldorf, 1960.
- Meinck G. Hitler und die deutsche Aufrüstung 1933—1937. Wiesbaden, 1959.
- Meincke F. Die deutsche Katastrophe. Betrachtungen und Erinnerungen. Wiesbaden, 1947.
- Merkel M. Die deutsche Politik gegenüber dem spanischen Bürgerkrieg 1936—1939. Bonn, 1961.
- The Nazi conspiracy in Spain. Lnd., 1937.
- Noel L. L'agression allemande contre la Pologne. P., 1946.
- Nolte E. Der Faschismus in seiner Epoche. Action Française. Der italienische Faschismus. Der Nationalsozialismus. München, 1963.
- Norden A. Die spanische Tragödie. Brl., 1956.
- Peterson E. N. Hjalmar Schacht for and against Hitler. A Political-Economic Study of Germany 1923—1945. Boston, 1954.
- Pieck W. Deutschland unter dem Hitlerfaschismus. Wie lange noch? P., 1939.
- Ploetz A. (Hrsg.) Geschichte des zweiten Weltkrieges. 2. erw. Aufl., Würzburg, 1960.
- Presseisen E. L. Germany and Japan. A study in Totalitarian Diplomacy 1933—1941. Hague, 1958.
- Rauschnig H. Gespräche mit Hitler. Zürich, 1940.
- Rauschnig H. Men of Chaos. N. Y., 1942.
- Rauschnig H. The Revolution of Nihilism. Warning to the West. N. Y., 1939.
- Reitlinger G. The House Built on Sand. The Conflicts of German Policy in Russia 1939—1945. Lnd., 1960.
- Ripka H. Munich: before and after. Lnd., 1939.
- Rossmann G. Der Kampf der KPD um die Einheit aller Hitlergegner. Brl., 1963.
- Rothfels H. The German Opposition to Hitler. Hinsdal, 1948.
- Rothstein A. The Munich Conspiracy. Lnd., 1958. *Р. пер.*: Ротштейн Э. Мюнхенский сговор. М., 1959.
- Sasuly R. IG Farben. N. Y., 1947. *Р. пер.*: Сэсюли Р. ИГ Фарбениндурии. М., 1948.
- Seabury P. The Wilhelmstrasse. A study of German «Diplomatie» under the Nazi regime. Berkeley, 1954.
- Shirer W. Berlin Diary. The Journal of a Foreign Correspondent 1934—1941. N. Y., 1943.
- Shirer W. The Rise and Fall of the Third Reich. A History of Nazi Germany. Lnd., 1960.
- Spiru B. September 1939. Brl., 1959.
- Strauch R. Sir Neville Henderson. Britischer Botschafter in Berlin von 1937 bis 1939. Ein Beitrag zur diplomatischen Vorgeschichte des zweiten Weltkrieges. Bonn, 1959.
- Taylor A. J. The origins of the second World War. Lnd., 1961.
- Tippelskirch K. v. Geschichte des zweiten Weltkrieges. Bonn, 1954. *Р. пер.*: Типпельсkirch К. История второй мировой войны. М., 1956.
- Tobias F. Der Reichstagsbrand. Legende und Wirklichkeit. Rastatt, 1962.

- Toscano M. Pagine di storia diplomatica contemporanea, v. 1—2. Milano, 1963. V. 2. Origini e vicende della seconda guerra mondiale.
- Toynbee A. a. Toynbee V. The Eve of War 1939. Lnd., 1958.
- Toynbee A. a. Toynbee V. Hitler's Europe. Lnd., 1954.
- Toynbee A. a. Toynbee V. The Initial Triumph of the Axis. Lnd., 1958.
- Toynbee A. a. Toynbee V. The Realignment of Europe. Lnd., 1955.
- Trevor-Rooper H. R. The Last Days of Hitler. Lnd., 1956.
- Ulbricht W. Der faschistische deutsche Imperialismus 1933—1945. Die Legende vom «deutschen Sozialismus». Brl., 1952.
- Vietzke S. Deutschland und die deutsche Arbeiterbewegung 1933—1939. Brl., 1962.
- Wheeler-Bennet J. W. Munich. Prologue to Tragedy. Lnd., 1963.
- Wheeler-Bennet J. W. The Nemesis of Power. The German Army in Politics 1918—1945. Lnd., 1953.
- Winzer O. Zwölf Jahre Kampf gegen den Faschismus und Krieg. Ein Beitrag zur Geschichte der Kommunistischen Partei Deutschlands 1933 bis 1945. Brl., 1955. *P. пер.:* В и н ц е р О. 12 лет борьбы против фашизма и войны. Очерки по истории Коммунистической партии Германии в период с 1933 по 1945 гг. М., 1956.
- Woodman D. Hitler Prepares the War. Lnd., 1934. *P. пер.:* В у д м а н Д. Германия вооружается. М., 1935.
- Wschodnia ekspansja Niemiec w Europie środkowej. Zbiór studiów nad tzw. niemieckim «Drang nach Osten». Red. G. Labada. Poznań, 1963.
- Zeller E. Geist der Freiheit. Der 20. Juli. München 1963.
- Zimmermann A. u. Jacobsen H. A. (Hrsg.) 20. Juli 1944. Bonn, 1961.

К части IV. «СНОВА МИЛИТАРИЗМ. МИРНОЕ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ ИЛИ АТОМНАЯ КАТАСТРОФА?»

Источники

Публикации

- Внешняя политика Советского Союза 1945—1950 гг., т. 1—8. М., 1949—1952.
- Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. 1961. Сборник документов. М., 1962.
- Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. 1962. Сборник документов. М., 1963.
- Контрольный Совет в Германии. Доклад Контрольного Совета в Германии Совету министров иностранных дел. Разделы 1—9. Берлин, Изд. Советской военной администрации, 1947.
- Контрольный Совет в Германии. Сборник официальных документов, вып. 1—2. Берлин, Изд. Советской военной администрации, 1946.
- Международные отношения (Библиографический справочник). 1945—1960. М., 1961.
- Образование Германской Демократической Республики. Документы и материалы. М.—Л., 1950.
- Правда о политике западных держав в германском вопросе. Об ответственности западных держав за нарушение Потсдамского соглашения и возрождение германского милитаризма (Историческая справка). М., 1959.
- Пребывание партийно-правительственной делегации Советского Союза в ГДР. 7—14 августа 1957 г. Сборник материалов. М., 1957.
- Советский Союз и берлинский вопрос (Документы), вып. 1—2. М., 1948.
- Anders A. (Hrsg.) Die Pariser Verträge. Das Gesamte Pariser Vertragswerk vom 23. Okt. 1954... Karlsruhe, 1955.
- Die Deutsche Demokratische Republik im Kampfe um die Einheit Deutschlands. Brl., 1952.
- Der Deutsche Friedensplan... Hrsg. von dem Staatsrat der Deutschen Demokratischen Republik. Brl., 1961.
- Deutschland. Bundestag. Verhandlungen, Bd. 1—79. Bonn, 1949—1963.
- Deutschlandplan der SPD. Kommentare, Argumente, Begründungen. Bonn, 1959.
- Deutschlandplan des Volkes — Weg zur Rettung der deutschen Nation. Brl., 1960.
- Dokumente der deutschen Politik und Geschichte von 1848 bis zur Gegenwart. Ein Quellenwerk für die politische Bildung und staatsbürgerliche Erziehung. Hrsg. J. Hohlfeld. Bd. 6. Deutschland nach dem Zusammenbruch 1945. Brl., 195... Bd. 7. Ringen um Deutschlands Wiederaufstieg. T. 1—2. Brl., 1952—1954.
- Dokumente der Sozialistischen Einheitspartei Deutschlands, Bd. 1—3. Brl., 1951—1952.
- Dokumente zur Aussenpolitik der Regierung der Deutschen Demokratischen Republik, Bd. 1—10. Brl., 1954—1963. *P. пер.:* Документы о внешней политике правительства Германской Демократической Республики, вып. 1—3. М., 1955—1958.
- Documents on Germany 1944—1961. Wash., Committee on Foreign Relations, U. S. Senate, 1961.

- Für ein einiges, unabhängiges und friedliches Deutschland. Die KPD antwortet auf Adenauers verfassungswidrige Verbotsdrohung. Düsseldorf, 1962.
- Jahrbücher der SPD, Bd. 1—6. Bonn, 1949—1961.
- Die KPD lebt und kämpft. Dokuments der Kommunistischen Partei Deutschlands 1956—1962. Brl., 1963.
- Die Lage in der Bundesrepublik und der Kampf für Frieden, Demokratie und sozialen Wohlstand. Protokoll der Parteidelegiertenkonferenz der KPD. Febr. 1960. Brl., 1960.
- Die Nationale Front des demokratischen Deutschland im Kampf für Einheit, Frieden, Demokratie und Sozialismus. Kleine Dokumentensammlung. Brl., 1959.
- Die Nauheimer Protokolle. Diskussionen über die Neutralisierung Deutschlands. Die ersten drei Tagungen des Nauheimer Kreises. Aug., Sept., Dez., 1948. Würzburg, 1950.
- Parteitag 1964 der Kommunistischen Partei Deutschlands. Brl., 1964.
- Potsdamer Abkommen und andere Dokumente. Brl., 1955.
- Protokoll des I. Deutschen Volkskongresses für Einheit und gerechten Frieden am 6. u. 7. Dezember 1947. Brl., 1948.
- Regierung Adenauer 1949—1963. Wiesbaden, 1963.
- Der Revanchismus als Kriegsvorbereitung in der Bonner Bundesrepublik. Brl., 1961.
- Schwarzer J. Deutsche Kriegsbrandstifter wieder am Werk. Eine Dokumentation über die Militarisierung Westdeutschlands nach Materialien des Ausschusses für deutsche Einheit, Bd. 1—3. Brl., 1959—1961.
- Selected Documents on Germany and the Question of Berlin 1944—1961. Lnd., 1961.
- Sozialdemokratie und Bundeswehr. Hrsg. von der SPD. Hannover, 1957.
- Spaltung und Wiedervereinigung Deutschlands, Bd. 1—2. Brl., 1958—1959.
- Tatsachen über Westberlin. Subversion, Wirtschaftskrieg, Revanchismus gegen die sozialistischen Staaten. Brl., 1961. *P. nep.*: Книга фактов о подрывной деятельности из Западного Берлина против социалистических стран. М., 1962.
- Verträge der Bundesrepublik Deutschland. Ser. A. Multilaterale Verträge, Bd. 1—16. Bonn, 1955—1963.
- Vorschläge der DDR zur Verständigung der beiden deutschen Staaten 1949—1960. Eine chronologische Dokumentation. Hrsg. vom Ausschuss für Deutsche Einheit. Brl., 1961.
- Weissbuch der Kommunistischen Partei Deutschlands über den Verbotprozess vor dem Bundesverfassungsgericht in Karlsruhe. Zugest. nach dem amtlichen Verhandlungsprotokoll des Gerichts. Bremen—Düsseldorf, 1955. *P. nep.*: Белая книга Коммунистической партии Германии о процессе против КПГ в Федеральном конституционном суде в Карлсруэ. Составлена по официальным протоколам судебных заседаний. М., 1956.
- Weissbuch über die aggressive Politik der Regierung der deutschen Bundesrepublik. Hrsg. vom Ministerium für auswärtige Angelegenheiten der DDR. Brl., 1958. *P. nep.*: Белая книга об агрессивной политике правительства Федеративной Республики Германии. М., 1959.
- Weissbuch über die amerikanisch-englische Interventionspolitik in Westdeutschland und das Wiedererstehen des deutschen Imperialismus. Überreicht vom Nationalrat der Nationalen Front des demokratischen Deutschland. Leipzig, 1951.
- Weissbuch über den Generalkriegsvertrag. Leipzig, 1952. *P. nep.*: Белая книга о милитаристском «общем» договоре. М., 1953.
- Weissbuch über die Politik der beiden deutschen Staaten. Frieden oder Atomkrieg? Hrsg. vom Min. für Auswärtige Angelegenheiten der DDR. Brl., 1960.
- Die Westberlinfrage und die Vorschläge der Regierung der DDR zu ihrer Lösung. Mit Dokumenten. Brl., 1961.
- Westberlin. Ein Handbuch zur Westberlinfrage. Brl., 1959. *P. nep.*: Западный Берлин. Западнберлинская проблема в систематическом изложении. М., 1961.
- Das Wiedererstehen des Militarismus in Westdeutschland (1945—1960). Dokumente und Materialien. Brl., 1962.

Статьи, речи, переписка государственных, политических и общественных деятелей

- Dieckmann J. In Deutschlands entscheidungsvoller Zeit. Reden und Aufsätze. Brl., 1958.
- Ebert F. Einheit der Arbeiterklasse — Unterpfand des Sieges. Ausgew. Reden und Aufsätze. Brl., 1959.
- Erhard L. Deutsche Wirtschaftspolitik. Der Weg der sozialen Marktwirtschaft. Frankfurt a/M., 1962.
- Gerstenmaier E. Reden und Aufsätze, Bd. 1—2. Stuttgart, 1956—1962.
- Grotewohl O. Im Kampf um die deutsche demokratische Republik. Reden und Aufsätze, Bd. 1—6. Brl., 1959—1964. *Ha pyc. яз.*: Гротеволь О. Избранные статьи и речи (1945—1949). М., 1961.
- Heuss Th. Geist der Politik. Ausgewählte Reden. Frankfurt a/M., 1964.
- Heuss Th. Würdigungen. Reden, Aufsätze und Briefe aus den Jahren 1949—1955. Tübingen, 1955.

- Jaspers K. Die Atombombe und die Zukunft des Menschen. Politisches Bewusstsein in unserer Zeit. München, 1958.
- Jaspers K. Lebensfragen der deutschen Politik. München, 1963.
- Jaspers K. Rechenschaft und Ausblick. Reden und Aufsätze. München, 1958.
- Jaspers K. Die Schuldfrage. Ein Beitrag zur deutschen Frage. Zürich, 1946.
- Niemöller M. Reden 1945—1954. Darmstadt, 1958.
- Niemöller M. Reden 1955—1957. Darmstadt, 1957.
- Nuschke O. Gegen Militarismus, für nationale Verteidigung. Brl., 1955.
- Ulbricht W. Der XXII. Parteitag der KPD/SU und die Aufgaben in der Deutschen Demokratischen Republik. Brl., 1961.
- Ulbricht W. Referat: Das Programm des Sozialismus und die geschichtliche Aufgabe der Sozialistischen Einheitspartei Deutschlands. Schlusswort des Genossen Walter Ulbricht. Programm der Sozialistischen Einheitspartei Deutschlands. Brl., 1963. *P. nep.*: Ульянов В. Программа социализма и историческая задача СЕПГ. Программа Социалистической единой партии Германии. М., 1963.

Исследования

- Вебер А. Б. Классовая структура общества в Западной Германии. М., 1961.
- Восленский М. С. Внешняя политика и партии ФРГ. М., 1961.
- Горошкова Г. Н. Движение Немецкого народного конгресса за единство Германии и мирный договор (1947—1949). М., 1959.
- Европейская безопасность и угроза западногерманского милитаризма. Сборник материалов Международной научной конференции в Праге 23—27 мая 1961 г. М., 1962.
- Залетный А. Бундесвер. Западногерманские вооруженные силы — орудие агрессии. М., 1958.
- Иноземцев Н. Американский империализм и германский вопрос (1945—1954 гг.). М., 1954.
- История международных отношений и внешней политики СССР 1917—1963 гг., т. 1—3. Под ред. В. Г. Трухановского. Т. 3. 1945—1963 гг. М., 1964.
- Истягин Л. Г. ФРГ и НАТО. М., 1963.
- Мельников Д. Борьба за единую, независимую, демократическую, миролюбивую Германию. М., 1951.
- Молчанов Н. Н. Саарский вопрос (1945—1957). М., 1958.
- Монополии и государство в ФРГ. М., 1962.
- Свердлов Г. М. Лондон и Бонн. Английский империализм и политика перевооружения ФРГ (1955—1963). М., 1963.
- Фомин Б. С. Главная угроза миру в Европе (Очерк послевоенного развития западногерманского милитаризма). М., 1963.
- Халоша Б. М. Североатлантический блок. М., 1960.
- Хмельницкая Е. Л. Монополистический капитализм Западной Германии. М., 1959.
- Alexander H. G. Zwischen Bonn und London. Missverständnisse und Hoffnungen. Ein Beitrag zur Zeitgeschichte. Düsseldorf, 1959.
- Alleman F. R. Bonn ist nicht Weimar. Köln, 1956.
- Alleman F. R. Zwischen Stabilität und Krise. Etappen der deutschen Politik. München, 1963.
- Die Ära Adenauer. Einsichten und Ausblicke. Frankfurt a/M., 1963.
- Barnick J. F. Die deutschen Trümpfe. Stuttgart, 1958.
- Bathurst M. E. a. Simpson J. L. Germany and the North Atlantic Community. A legal Survey. Lnd., 1956.
- Bertsch H. CDU/CSU demaskiert. Brl., 1961. *P. nep.*: Берч Г. ХДС/ХСС без маски. М., 1963.
- Bertsch H. Von Potsdam zum Friedensvertrag. Brl., 1961.
- Bertsch H. Wer sitzt im Bonner Bundestag? Eine dokumentarische Analyse der Bundestagswahlen 1961. Brl., 1962. *P. nep.*: Берч Г. Западная Германия — государство монополий. М., 1962.
- Bestandaufnahme. Eine deutsche Bilanz 1962. 36 Beiträge deutscher Wissenschaftler, Schriftsteller und Publizisten. Hrsg. von H. W. Richter. München, 1962.
- Bittel K. Die Feinde der deutschen Nation. Eine historische Dokumentation über die Deutschlandpolitik der imperialistischen Westmächte. Brl., 1953.
- Bölling K. Die zweite Republik. 15 Jahre Politik in Deutschland. Köln, 1963.
- Bonte F. Le militarisme allemand et la France. P., 1961. *P. nep.*: Бонт Ф. Германский милитаризм и Франция. М., 1961.
- Brandweiner H. Die Pariser Verträge. Brl., 1956.
- Clay L. D. Decision in Germany. N. Y., 1950.
- Davison W. Ph. The Berlin Blockade. A Study in Cold War Politics. Princeton, 1958.
- Dengler G. Die Bonner Masche. Brl., 1960. *P. nep.*: Денглер Г. Тенета Бонна. М., 1962.

- Doernberg S. Die Geburt eines neuen Deutschland 1945—1949. Brl., 1959. *P. nep.*: Дернберг С. Рождение новой Германии 1945—1949. М., 1962.
- Doernberg S. Kurze Geschichte der Deutschen Demokratischen Republik. Brl., 1964.
- Feis H. Between War and Peace. The Potsdam Conference. Lnd., 1960.
- François-Poncet J. Politique économique de l'Allemagne Occidentale, t. 1—2. P., 1960.
- Gentzen F. H. u. Wolfgramm E. «Ostforscher» — «Ostforschung». Brl., 1960.
- Gerst W. K. Bundesrepublik Deutschland unter Adenauer. Brl., 1957. *P. nep.*: Герст В. Федеративная Республика Германии под властью Аденауэра. М., 1958.
- Grewe W. G. Deutsche Aussenpolitik der Nachkriegszeit. Stuttgart, 1960.
- Hubatsch W. Die deutsche Frage. Würzburg, 1961.
- Jenke M. Verschwörung von rechts? Ein Bericht über den Rechtsradikalismus in Deutschland nach 1945. Brl., 1961.
- Knüttler H. H. Ideologien des Rechtsradikalismus im Nachkriegsdeutschland. Eine Studie über die Nachwirkungen des Nationalsozialismus. Bonn, 1961.
- Koenen W. Das ganze Deutschland soll es sein. Zur Geschichte der patriotischen Volksbewegung in Deutschland. Brl., 1958.
- Kohn H. German History: some New German Views. Boston, 1954.
- Kuczyński J. Die Geschichte der Lage der Arbeiter unter dem Kapitalismus, Bd. 7a — 7b. Darstellung der Lage der Arbeiter in Westdeutschland seit 1945. Brl., 1963.
- Lemberg E. u. Edding F. (Hrsg.) Die Vertriebenen in Westdeutschland, Bd. 1—3. Kiel, 1959.
- Leśniewski A. «Ostpolitik» a samopostanowienie narodów. Poznań, 1963.
- Lider J. Nato. Szkice o historii i doktrynie. W-wa, 1961. *P. nep.*: Лидер Ю. НАТО. Очерки истории и доктрины. М., 1964.
- Lowie R. H. Towards Understanding Germany. Chicago, 1954.
- Maier H. u. Stier P. Faschismus und politischer Klerikalismus. Brl., 1961. *P. nep.*: Майер Г. и Штир П. Фашизм и политический клерикализм. М., 1963.
- Martini W. Freiheit auf Abruf. Die Lebenserwartung der Bundesrepublik. Köln, 1960.
- Merkel P. H. The Origin of the West German Republic. N. Y., 1963.
- Monopole — Militarismus — Massenmord. Brl., 1959.
- Morgenthau H. Germany is our Problem. N. Y., 1945.
- Norden A. So werden Kriege gemacht. Über Hintergründe und Technik der Aggression. Brl., 1952. *P. nep.*: Норден А. Так делаются войны. М., 1951.
- Norden A. Um die Nation. Beiträge zur Deutschlands Lebensfrage. Brl., 1953. *P. nep.*: Норден А. Во имя нации. М., 1953.
- Pritzkolet K. Auf einer Woge von Gold. München, 1962.
- Pritzkolet K. Wem gehört Deutschland. Eine Chronik von Besitz und Macht. Köln, 1957. *P. nep.*: Прицколейт К. Кому принадлежит Западная Германия. Хроника собственности и власти. М., 1960.
- Rasch H. Die Bundesrepublik und Osteuropa. Grundfragen einer künftigen deutschen Ostpolitik. Köln, 1963.
- Rechtsradikalismus im Nachkriegsdeutschland. Studien über die «Sozialistische Reichspartei» (SRP). Brl., 1957.
- Ritter G. Europa und die deutsche Frage. München, 1948.
- Sawicki J. Od Norymbergi do Układu paryskiego. Za kulisami niemieckiego rewizjonizmu. W-wa, 1956.
- Schicksalsfragen der Gegenwart, Bd. 1—6. Hrsg. vom Bundesministerium für Verteidigung. Tübingen, 1957—1961.
- Schlam W. S. Germany and the East-West Crisis. The Decisive Challenge to American Policy. N. Y., 1959.
- Schmidt H. Verteidigung oder Vergeltung. Ein deutscher Beitrag zum strategischen Problem der NATO. Stuttgart, 1961.
- Scholz G. In Bonn schlägt's 12. Brl., 1961.
- Seydewitz M. Deutschland zwischen Oder und Rhein. Ein Beitrag zur neuesten deutschen Geschichte. Brl., 1958. *P. nep.*: Зейдевиц М. Германия между Одером и Рейном. К новейшей истории Германии. М., 1960.
- Speier H. German Rearmament and Atomic War. The Views of German Military and Political Leaders. N. Y., 1957.
- Steiniger A. u. a. Westberlin. Ein Handbuch zur Westberlin-Frage. Brl., 1959.
- Stern L. Zur nationalen Grundkonzeption der deutschen Arbeiterklasse im Kampf um die Lösung der Lebensfragen der deutschen Nation. Brl., 1961.
- Stöckigt R. Der Kampf der KPD um die demokratische Bodenreform 1945—1946. Brl., 1963.
- Tetens T. H. The New Germany and the Old Nazis. N. Y., 1961.
- Tönnies N. Der Weg zu den Waffen. Die Geschichte der deutschen Wiederbewaffnung 1919—1957. Köln, 1957.
- Ulbricht W. Zur Geschichte der neuesten Zeit. Brl., 1955. *P. nep.*: Ульбрихт В. К истории новейшего времени. М., 1961.

Westdeutscher Neokolonialismus. Untersuchungen über die wirtschaftliche und politische Expansion des westdeutschen Imperialismus in Afrika und Asien. Hrsg. von H. Tillmann und W. Kowalski. Brl., 1963.

Биографии

- Alexander E. Adenauer und das neue Deutschland. Recklinghausen, 1956.
Dzelerу E. N. Le mythe Adenauer. Brux., 1959. *Р. пер.:* Дзелепи Э. Конрад Аденауэр: легенда и действительность. М., 1960.
Erpenbeck F. Wilhelm Pieck. Ein Lebensbild. Brl., 1952.
Flach K. H. Erhards schwerer Weg. Stuttgart, 1963.
Henkels W. Zeitgenossen. 50 Bonner Köpfe. Hamburg, 1953.
Joesten J. (ed.) Who's who in German Politics Today, v. 1—2. Barrington, 1949.
Kopp O. Adenauer. Eine biographische und politische Dokumentation. Stuttgart, 1963.
Peck J. Dr. Konrad Adenauer. 1917—1952. Brl., 1952.
Welchert H. H. Theodor Heuss, ein Lebensbild. Bonn, 1959.
Wesemann F. Kurt Schumacher. Ein Leben für Deutschland. Frankfurt a/M., 1952.
Weymar P. Konrad Adenauer. Die autorisierte Biographie. München, 1955.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВПР — Архив внешней политики России Министерства иностранных дел СССР.
- МО — «Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств, 1898—1918», сер. III. М.— Л., 1931.
- ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив.
- ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив в Ленинграде.
- BD — «British Documents on the Origins of the War, 1898—1914», v. 1—11. London, 1927—1938.
- DA — «Diplomatische Aktenstücke zur Vorgeschichte des Krieges 1914. Ergänzungen und Nachträge zum österreichisch-ungarischen Botbuch». Wien, 1919.
- DD — «Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch Vollständige Sammlung der von K. Kautsky zusammengestellten amtlichen Aktenstücke mit einigen Ergänzungen», Bd. 1—4. Charlottenburg, 1919.
- DDF — «Documents diplomatiques français (1871—1914)», t. 1—42. Paris, 1929—1959.
- DZA — Deutsches Zentral-Archiv.
- GP — «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette, 1871—1914. Sammlung der Diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes», Bd. 1—40. Berlin, 1922—1927.
- ÖUA — «Österreichs-Ungarns Aussenpolitik von der Bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914. Diplomatische Aktenstücke des österreichisch-ungarischen Ministerium des Aussern», Bd. 1—8, 12. Wien — Leipzig, 1930.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН

- Абсхаген (Abshagen) Карл Хейнц (р. 1895) 508 *
- Аденауэр (Adenauer) Конрад (р. 1876) 10, 11, 291, 499, 535, 536, 541, 546, 564, 567—569, 595, 603, 606, 607, 611, 617, 618, 620, 624—626
- Айзин Борис Аронович (р. 1919) 22
- Александр I Карагеоргиевич (Aleksandar I Karađorđević) (1888—1934) 256
- Александр II, Николаевич (1818—1881) 552
- Александр III, Александрович (1845—1894) 554
- Алексеев Александр Михайлович (р. 1911) 560
- Альбрехт (Albrecht Alcibiades), маркграф Бранденбургский (1522—1557) 481
- Альфиери (Alfieri) Витторио (1749—1803) 482
- Альфиери (Alfieri) Одоардо Дино (р. 1886) 407
- Андерсон (Anderson) Паулин Релейа 26
- Антонеску (Antonescu) Йон (1882—1946) 456
- фон Анцер (von Anzer) Иоганн Баптист (1851—1903) 118
- Аппелиус (Appelius) Марио (р. 1892) 443
- Армстронг (Armstrong) Уильям Джордж (1810—1900) 106, 198
- Ари фон Штрауссенбург (Arz von Straußenburg) Артур Альберт (1857—1935) 439
- Аршимбо (Archimbaud) Леон (1880—1944) 299
- Асквит (Asquith) Герберт Генри (1852—1928) 154, 168, 177, 255
- Астор (Astor) Нанси Уитгер (р. 1879) 418
- Астор (Astor), семья 418
- Аубин (Aubin) Герман (р. 1885) 27, 602, 603
- Ашман (Aschmann), германский консул в Женеве 301
- Бадиа (Badia) Жильбер 22
- Бадольо (Badoglio) Пьетро (1871—1956) 449, 450
- Бакстон (Buxton) Чарльз Роден (1875—1942) 428
- Бальфур (Balfour) Артур Джемс (1848—1930) 522, 523
- Барник (Barnick) Иоганнес (р. 1916) 606, 607
- Баррос (Burrows) Монтегю Брокас (р. 1894) 452
- Бартольди см. Мендельсон-Бартольди
- Барту (Barthou) Жан Луи (1862—1934) 353, 360, 361
- Барух (Baruch) Бернард Маннес (р. 1870) 243, 244, 426
- Бауэр, представитель фирмы Круппа в Китае 106
- Бауэр (Bauer) Отто (1881—1938) 242
- Бах (Bach) Август (р. 1897) 183
- Бebel (Bebel) Август (1840—1913) 12, 223, 499, 599
- Беверидж (Beveridge) Альберт (1862—1927) 126
- Бевин (Bevin) Эрнест (1881—1951) 527, 529, 531, 564
- Бек (Beck) Юзеф (1894—1944) 360, 363, 430, 455
- Беккер (Becker) Вилли 44
- Беккер (Becker) Говард (р. 1899) 47
- Беккер (Becker) Отто (р. 1885) 279, 282—285
- Бекман (Beckmann) Эвальд 587
- Бёллинг (Bolling) Клаус 617
- Бенеш (Beneš) Эдуард (1884—1948) 426
- Бенкендорф Александр Константинович (1849—1917) 164, 165, 171—173, 176, 178, 252
- Берзарин Николай Эрнестович (1904—1945) 474
- Бернадотт (Bernadotte af Wisborg) Фольке (1895—1948) 474
- Бернардистон (Barnardiston) Натаниэль Уолтер (1858—1919) 133
- фон Бернгарди (von Bernhardi) Фридрих (1849—1930) 437, 549, 578, 581
- Бернгорст (Berenhorst) Георг Генрих (1733—1814) 482
- фон Бернсторф (von Bernstorff) Иоганн Генрих (1862—1939) 245
- Бернштейн (Bernstein) Эдуард (1850—1932) 223, 248
- Бертело (Berthelot) Филипп (1866—1934) 263
- Берти (Bertie) Френсис Левезон (1844—1919) 191
- Бертольд (Berthold) Вернер (р. 1923) 66, 585, 587, 590, 596, 597, 598, 622, 624
- Берхтольд (Berchtold) Леопольд (1863—1942) 162, 163, 170, 254

* Курсивом набраны номера страниц, на которых указанная фамилия упоминается только в подстрочных примечаниях.

- Бест (Best) Вернер (р. 1903) 447, 448
фон Бетман-Гольвег (von Bethmann-Hollweg) Теобальд (1856—1921) 162, 176, 178, 181, 267
Бёттихер см. Лагард
Биконсфилд см. Дизраэли
Бирд (Beard) Чарльз Остин (1874—1948) 496, 514
Бирилев Алексей Алексеевич (1844—1915) 131
Бирман (Biermann), германский консул в Претории 86
Бирнс (Burgnes) Джемс Френсис (р. 1879) 529, 531
фон Бисмарк (von Bismarck) Герберт (1849—1904) 93
фон Бисмарк (von Bismarck-Schönhausen) Отто (1815—1898) 10, 11, 23, 24, 41, 43, 44—47, 56—59, 207, 220, 226, 232, 246, 247, 269—288, 373, 398, 436, 480, 484, 487, 507, 508, 519, 520, 551—553, 576, 577, 581, 583, 586, 599
Биттнер (Bittner) Людвиг (1877—1945) 252
фон Блейхрёдер (von Bleichröder) Герсон (1822—1893) 57
фон Бломберг (von Blomberg) Вернер (1878—1946) 503
Блох (Bloch) Камиль (1865—1949) 251, 266
Блэкберн см. Морлей
Блюм (Blum) Леон (1872—1950) 409
Богичевич (Bogičević) Милош (1876—1937?) 255, 257, 258
Бодрильяр (Baudrillart) Альфред (1858—1942) 264
Боков Федор Евграфович (р. 1904) 474
Болдуин (Baldwin) Стэнли (1867—1947) 359, 360, 366, 409
Болдуин (Baldwin) Хэнсон (р. 1903) 515
Болен см. Крупп фон Болен
Больц (Bolz) Лотар (р. 1903) 539
Бомпар (Bomgard) Морис (1854—1935) 263
Бондаревский Григорий Львович (р. 1920) 22, 63, 76
Бонкур см. Поль-Бонкур
Борман (Bormann) Мартин (р. 1900) 466, 471
Борнхак (Bornhak) Конрад (1861—1944) 284, 580
Бороздин Илья Николаевич (1883—1959) 279
фон Борьес (von Borries) Ахим 592
Босков (Boskoff) Алвин (р. 1924) 47
де Бофюр (de Beaufort) Виллем Гендрик (1845—1918) 83
Бош (Bosch) Карл (1874—1940) 336
Брайан (Bryan) Уильям Дженнингс (1860—1925) 157
Бранденбург (Brandenburg) Эрих (1868—1946) 23, 44, 220, 246
Брандт (Brandt) Вилли (р. 1913) 541
Браун, контр-адмирал 448
Браун (Braun) Отто (1872—1955) 338, 347, 491
Браунс (Brauns) Генрих (1868—1939) 323
фон Браухич (von Brauchitsch) Вальтер (1881—1948) 432, 502, 503
Брахер (Bracher) Карл (р. 1922) 598
Бредель (Bredel) Вилли (1901—1954) 446
Брейлсфорд (Brailsford) Генри Ноэль (1873—1958) 51
Брейнинг см. Нель-Брейнинг
Брейтшейд (Breitscheid) Рудольф (1874—1944) 12
фон Брентано (von Brentano) Генрих (1904—1964) 534, 536, 539, 569
Брехт (Brecht) Арнольд (р. 1884) 490
Брехт (Brecht) Бертольд (1898—1956) 3, 588, 626
Бриан (Briand) Аристид (1862—1932) 245, 263, 292—294, 301, 302, 304—306, 313, 314, 317, 325, 529
фон Бринкен (von Brincken) Эуген 91, 92
фон Брокдорф-Ранцау (von Brockdorff-Rantzau) Ульрих (1869—1928) 225, 243, 244, 290
Броун (Brown) Люнс Герольд (р. 1894) 500, 501
Бруно (Bruno) Джордано (1548—1600) 573
Брюнинг Владимир Георгиевич (р. 1909) 227
Брюнинг (Brüning) Генрих (р. 1885) 330, 331, 335—338, 340—342, 346, 347, 491
Буланже (Boulanger) Жорж (1837—1891) 554
Буллит (Bullitt) Уильям (р. 1891) 426
Бурбоны (Bourbon), династия 7
Буржуа (Bourgeois) Эмиль (1857—1934) 248—251, 264
Бухгейм (Buchheim) Карл Артур (р. 1889) 26
Бухер (Bucher) Лотар (1817—1892) 279, 280
Бьенвеню-Мартен (Bienvenu-Martin) Жан-Батист (1847—1943) 171, 188
Бьерк, корреспондент «Stockholms Tidningen» 441
Бьюкенен (Buchanan) Джордж Уильям (1854—1924) 168—170, 171, 172, 185—187, 259
фон Бюлов (von Bülow) Бернгард (1849—1929) 22, 23, 25, 27, 29, 44, 73, 77—86, 90, 91, 92—95, 112, 119, 132, 134, 373, 580
Бютнер (Büttner) Курт 66
Бютнер (Büttner) Теодор 601
Вагнер (Wagner) Эдуард (ум. 1944) 455
Вайнерт (Weinert) Эрих (1890—1953) 445
фон Вальдерзее (von Waldersee) Альфред (1832—1904) 30, 57, 104, 270
Вальфрей (Valfrey) Жюль Жозеф (1838?—1900) 276
Ванденберг (Vandenberg) Артур Гендрик (1884—1951) 428
Ван дер Пуль (Van der Poel) Жан 70
Ванситтарт (Vansittart) Роберт (1881—1957) 498, 499, 527
Варга Евгений Самуилович (1879—1964) 25
Вашингтон (Washington) Джордж (1732—1799) 517
Вебер (Weber) Макс (1864—1920) 48—50, 243, 244, 580, 583, 593, 623
Вебер (Weber) Марианна (1870—1954) 244
фон Вегерер (von Wegerer) Альфред (1880—1945) 42, 244, 245, 246, 255, 257, 355
Вейган (Weygand) Максим (р. 1867) 211
Веллингтон (Wellington) Артур Уэлсли (1769—1852) 517
Вельти (Welty) Эберхард (р. 1902) 614
Венгер (Wenger) Пауль Вильгельм (р. 1915) 603, 604
Вендель (Wendel) Герман (р. 1884) 255, 283
Веннер-Грен (Wenner-Gren) Аксель (1881—1961) 428
Вернер (Werner) Лотар 26, 495
Вестфаль (Westphal) Отто 589
Виалат (Viallate) Ашаль (1866—?) 205

Вивиани (Viviani) Рене (1863—1925) 189, 191
 Вид (Wied) Вильгельм (1876—1945) 149
 Виктория (Victoria) (1819—1901) 92, 94
 Виленкин Григорий Абрамович (1864 —?)
 111
 Вильгельм I (Wilhelm I) (1797—1888) 274, 552
 Вильгельм II (Wilhelm II) (1859—1941) 23, 64, 75, 77, 80, 82, 85, 87, 90, 91, 92, 94—96, 126, 128, 131, 132, 138—140, 156—163, 167—171, 173, 174—177, 182, 213, 227, 228, 240, 247, 248, 259, 269, 270, 274, 287, 399, 435, 436, 439, 454, 487, 535, 586
 Вильсон (Wilson) Вудро (1856—1924) 156, 157, 210, 230, 231, 240, 275, 526
 Вильсон (Wilson) Генри (1864—1922) 211, 213
 Вильсон (Wilson) Гораций (р. 1882) 428, 429
 Вирт (Wirth) Иозеф (1879—1956) 232, 324, 325
 Витте Сергей Юльевич (1849—1915) 122, 131
 Вольпи (Volpi di Misurata) Джузеппе (1877—1947) 420
 Вольтат (Wohlthat) Хельмут 428
 Вольф (Wolff) Отто (1881—1940) 290
 Вольф (Wolff) Теодор (1868—1943) 306
 Вольф (Wolf) Фридрих (1888—1953) 446
 Вольф-Меттерних (Wolff-Metternich) Пауль (1853—1934) 140
 Ворошилов Климент Ефремович (р. 1881) 427
 Вудман (Woodman) Доротти 358, 359
 Вудхауз (Woodhouse) Кристофер Монтегю (р. 1917) 71
 Габсбурги (Habsburger), династия 44, 197, 253, 255, 256, 354
 Гавенштейн (Havenstein) Рудольф (1857—1923) 227
 Гайда (Gayda) Вирджинио (1885—1944) 444
 Галевы (Halévy) Эли (1870—1937) 84
 Галилей (Galilei) Галилео (1564—1642) 573
 Галифакс (Halifax) Эдуард Фредерик Вуд (1881—1959) 418, 420, 421, 425, 429
 Галлер (Haller) Иоганнес (1865—1947) 23, 44, 272
 Гальдер (Halder) Франц (р. 1884) 503, 511, 512
 Гамман (Hammann) Отто (1852—1928) 273—275, 280, 580
 фон Ганземан (von Hanseman) Адольф (1826—1903) 57, 75, 81, 109
 фон Ганземан (von Hanseman) Давид Юстус (1790—1864) 510
 Ганзен (Hansen) Георг 455
 фон Ганнекен (von Hanneken) Герман 448
 Гао Си-чжэ 123
 Гарвин (Garvin) Джеймс Луис (1868—1947) 75, 79, 91, 365, 418
 Гарриман (Harriman) Уильям Аверелл (р. 1891) 457
 Гарстенгауэр (Garstenhauer), публицист 88
 Гартвиг Николай Генрихович (1855—1914) 160
 Гартунг (Hartung) Фриц (р. 1883) 23, 42
 Гарушанц Юрий Мисакович (р. 1930) 98
 фон Гатцфельд (von Hatzfeldt) Пауль (1831—1901) 45, 75, 78, 83, 85, 86, 90—92, 94, 95
 Гацке (Gatzke) Ганс Вильгельм (р. 1915) 234

Геббельс (Goebbels) Иозеф Пауль (1897—1945) 40, 45, 355, 372, 433, 440, 441, 444, 451, 453—456, 459—462, 464—466, 469, 471, 472, 503, 589
 Гегель (Hegel) Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831) 575, 577, 619
 Гедин (Hedin) Свен (1865—1952) 464
 Геер (Heer) Фридрих (р. 1916) 617
 Гейден (Heyden) Гюнтер (р. 1921) 614
 Гейдорн (Heidorn) Гюнтер (р. 1925) 22, 26
 Гейер (Geyer) Дитрих 230, 231
 фон Гейкинг (von Heyking) Эдмунд (1850—1915) 104, 105, 110, 111, 113, 114, 116, 118—121
 Гейльбрунн (Heilbrunn) Людвиг (1870—?) 507, 508
 Геймпель (Heimpel) Герман (р. 1901) 601
 Гейне (Heine) Генрих (1797—1856) 483
 Гейнце (Heinze) Рудольф (1865—1928) 489
 Гейсс (Geiss) Иммануэль 621
 Гельд (Held) Генрих (1868—1938) 296
 Гельферих (Helfferich) Карл (1872—1924) 69, 227
 Геммерле (Hemmerle) Эдуард (р. 1883) 508
 Гендерсон (Henderson) Невиль (1882—1942) 425
 фон Гентиг (von Hentig) Ганс (р. 1887) 586
 Георг V (Georg V) (1865—1936) 183, 259
 Гёпкер-Ашоф (Höpker-Aschoff) Герман (1883—1954) 336
 фон Герар (von Guerard) Теодор (1863—?) 324
 Гёрделер (Geordeler) Карл-Фридрих (1884—1945) 13, 455
 Гердер (Herder) Иоганн Готфрид (1744—1803) 575, 619
 Герц (Hertz) Адольф 70
 Геринг (Göring) Герман (1893—1946) 355, 359, 366, 428, 436, 458, 466, 471, 492
 Гёринг (Göhring) Мартин (р. 1903) 603
 Гёрлиц (Görlitz) Вальтер (р. 1913) 510, 511
 Гертер (Herter) Кристиан (р. 1895) 537, 540
 Герцен Александр Иванович (1812—1870) 226, 484, 485
 Герцфельд (Herzfeld) Ганс (р. 1892) 278, 279, 598, 622
 Гесс (Hess) Рудольф (р. 1894) 372, 393
 Гёте (Goethe) Иоганн Вольфганг (1749—1832) 12, 507, 598, 619
 Гётч (Hoetzsche) Отто (1876—1946) 281, 290, 583
 фон Гёш (von Hoesch) Леопольд (1881—1936) 293, 301, 304
 Гильгер (Hilger) Густав (р. 1886) 232
 Гильденбрандт, немецкий инженер в Китае 110
 Гильманс, деятель протестантизма 607
 Гильфердинг (Hilferding) Рудольф (1877—1941) 51, 53, 321
 Гиммлер (Himmler) Генрих (1900—1945) 454, 456, 466, 471
 фон Гинденбург (von Hindenburg) Герберт 255, 257
 фон Гинденбург (von Hindenburg) Пауль (1847—1934) 12, 208, 213, 227, 326, 335, 336, 345, 491, 586—588, 600
 Гинце (Hintze) Отто (1861—1940) 45, 577
 Гисль фон Гислинген (Giesel von Gieslingen) Владимир (1860—1936) 169
 Гитлер (Hitler) Адольф (1889—1945) 7, 10, 12, 13, 65, 229, 344, 345, 351, 357, 358, 361,

- 363, 364, 366—369, 372, 385—388, 391, 393, 394, 401, 408, 418, 421, 423, 425, 429, 430, 432—439, 441—444, 446, 447, 450, 454—456, 458—460, 462—467, 469—475, 480, 490—492, 500—504, 507—512, 532, 535, 556—558, 588—590, 592, 599, 600, 601, 603, 606, 607, 617
- Гладстон (Gladstone) Уильям (1809—1898) 531
- Глайзе фон Хорстенау (Glaise von Horstenaу) Эдмунд (р. 1882) 252
- Глобке (Globke) Ганс (р. 1898) 605
- Гобино (Gobineau) Жозеф Артур (1816—1882) 590
- Гобсон (Hobson) Джон (1858—1940) 50
- Гогенлоэ (Hohenlohe-Schillingsfürst) Хлодвиг (1819—1901) 25, 45, 73, 89, 90, 105, 106, 116
- Гогенцоллерны (Hohenzollern), династия 44, 141, 219, 398, 435, 481, 489
- Гойош (Hoyos) Александр (1876—1937) 161, 162
- де Голль (de Gaulle) Шарль (р. 1890) 527, 546
- Гольборн (Holborn) Хайо (р. 1902) 285, 286
- Гольвег см. Бетман-Гольвег
- Гольдштейн Исаак Иосифович (1892—1953) 22
- фон Гольштейн (von Holstein) Фридрих Август (1837—1909) 24, 27, 29, 45, 77, 84, 85, 128, 130, 220
- фон Гольцендорф (von Holtzendorff) Хеннинг (1853—1919) 227
- Гонто-Бирон (Gontaut-Biron) Арман (1817—1890) 278
- Гоос (Gooss) Родерих 242
- Горелик Сарра Борисовна (р. 1904) 99
- Горчаков Александр Михайлович (1798—1883) 47, 278, 537
- Готшлинг (Gottschling) Эрнст 593
- Гофер (Hofer) Франц (р. 1902) 449
- Гофман (Hoffmann) Макс (1869—1927) 556, 586
- Гофман (Hoffman) Росс Джон (р. 1902) 28, 62
- Гошен (Gochen) Уильям Эдвард (1847—1924) 165, 176
- Грац (Graz) Густав (1875—1946) 255
- Греве (Grewе) Вильгельм (р. 1911) 539, 546, 616
- Грей (Grey) Эдуард, виконт Фалладон (1862—1933) 142, 143, 157, 164, 165, 168, 169, 171—175, 177—179, 183—185, 187, 191, 241, 255, 259—261
- Грен см. Веннер-Грен
- Грёнер (Groener) Вильгельм (1867—1939) 587
- Гризингер (Griesinger) Юлиус-Адольф (1863—?) 169
- Громыко Андрей Андреевич (р. 1909) 538
- Гротеволь (Grotewohl) Отто (1894—1964) 236
- Гугенберг (Hugenberg) Альфред (1865—1951) 227, 318, 345, 391
- Гудериан (Guderian) Хейнц (1888—1954) 458, 502, 503
- Гундлах (Gundlach) Густав (р. 1892) 613
- Гуссерль (Husserl) Эдмунд (1859—1938) 581
- Гуч (Gooch) Джордж Пибоди (р. 1873) 258, 260, 496, 505
- Давидсон Аполлон Борисович (р. 1929) 71
- Даладье (Daladier) Эдуард (р. 1884) 425
- Далерус (Dahlerus) Биргер (р. 1891) 428
- Даллес (Dulles) Джон Фостер (1888—1959) 196, 526, 530, 535, 562, 567, 595, 617, 618
- фон Даниельс (von Daniels) Александр 447
- Дарре (Darré) Рихард Вальтер (1895—1953) 391
- Дауэс (Dawes) Чарльз (1865—1951) 249, 260, 263, 287, 289—291, 294, 295, 298, 300, 310, 311, 315, 316, 318, 323, 330, 331, 347, 382, 383, 385
- Деборин Абрам Моисеевич (1881—1963) 53
- Девонширский (Devonshire) Спенсер Комpton Кевендиш (1833—1908) 521
- Делатр де Тассиньи (Delattre de Tassigny) Жан Жозеф-Мари (1889—1952) 474
- Делер (Dehler) Томас (р. 1897) 617
- Дельбос (Delbos) Ивон (1885—1956) 421
- Дельбрюк (Delbrück) Ганс (1848—1929) 243, 271, 272, 577, 578
- фон Дельбрюк (von Delbrück) Клеменс Эрнст (1856—1921) 489
- Дельбрюк (Delbrück) Людвиг 142
- Делькассе (Delcassé) Теофиль (1852—1923) 132, 133
- Демартиаль (Demartial) Жорж (1861—?) 263
- Дёнгф-Фридрихштейн (Dönhoff-Friedrichstein) Август (1845—1920) 112
- Дёниц (Dönitz) Карл (р. 1891) 458, 472, 473
- Денни (Denny) Людвиг (р. 1894) 194
- фон Деренталь (von Derenthall) Эдуард (1835—?) 95
- Десино Константин Николаевич (1857—?) 102
- Дехио (Dehio) Людвиг (1888—1963) 577, 598, 600, 601, 614, 615
- Джемсон (Jameson) Линдер Старр (1853—1917) 70, 71, 82
- Джерард (Gerard) Джон Уотсон (1867—1922) 156
- Дибелиус (Dibelius) Отто (р. 1880) 611
- фон Дидерикс (von Diederichs) Отто (1843—1918) 118
- Дизраэли (Disraeli) Бенджамин, граф Биконсфилд (1804—1881) 226, 519—521, 537
- Дикгоф (Dieckhoff) Ганс Генрих (1884—1952) 426
- Дилк (Dilke) Чарльз (1843—1911) 50, 52
- Дильтей (Dilthey) Вильгельм (1833—1911) 581
- Димитриевич (Dimitrijević) Драгутин—Апис (1876—1917) 160, 256
- Димитров Георгий (1882—1949) 472
- Дин (Deane) Джон (р. 1896) 452
- Динкельбах (Dinkelbach) Генрих (р. 1891) 532
- фон Дирксен (von Dirksen) Герберт (1882—1949) 428, 429
- Дирр (Dirr) Пий (1875—1943) 241
- фон Дитмар (von Dittmar) Курт (р. 1891) 454, 462—466, 503
- Дитрих (Dietrich) Герман Роберт (р. 1879) 336
- Дитрих (Dietrich) Отто (1897—1952) 442
- Додд (Dodds) Уильям Эдвард (1869—1940) 559
- Дольфус (Dollfuß) Энгельберт (1892—1934) 354

Драс (Drus) Этел 74
 Друммонд (Drummond) Эрик, граф Перт (1876—1952) 301, 304
 Дука (Dusa) Ион (1879—1938) 359
 Думенк (Dumenk) Жозеф (1880—1948) 427
 Дюкарн (Ducarne), представитель бельгийского генерального штаба 133
 Дюмен (Dumaine) Альфред (1852 — ?) 171
 Дюринг (Dühring) Карл Эуген (1833—1921) 224
 Ефимов Геронтий Валентинович (р. 1906) 22, 99
 Жерен (Gerin) Рене 263
 Жорес (Jaurès) Жан (1859—1914) 176, 189
 Жоффри (Joffre) Жозеф Жак (1852—1931) 143
 де Жувенель (de Jouvenel) Бертран (р. 1903) 196
 Жуков Георгий Константинович (р. 1896) 475
 Жуков Евгений Михайлович (р. 1907) 22
 Залесский (Zaleski) Август (р. 1883) 313
 Зальц (Salz) Артур (р. 1881) 54
 Зауэрвейн (Sauerwein) Жюль (р. 1880) 362
 Зеверинг (Severing) Карл (1875—1952) 327, 338
 фон Зейдлиц (von Seydlitz) Вальтер (р. 1888) 447
 Зейпель (Seipel) Игнац (1876—1932) 295
 Зейц (Seitz) Теодор (1863 — ?) 374
 Зелль (Sell) Манфред 372, 388, 389, 395
 Земмлер (Semmler) Рудольф 451, 464
 фон Зиберт (von Siebert) Бенно 185, 252
 Зиммель (Simmel) Георг (1858—1918) 581
 Зингер (Singer) Пауль (1844—1911) 12, 223
 Зольмс (zu Solms) Макс (р. 1893) 594
 Зольц см. Тротт цу Зольц
 Зюдекум (Südekum) Альберт (1871—1944) 179
 Игнатьев Алексей Алексеевич (1877—1954) 175
 Иден (Eden) Антони (р. 1897) 367, 368, 420, 444
 Иек (Jäckh) Эрнст (1875—1959) 495
 Иешке (Jäeschke), германский губернатор Цзяочжоу 114, 119, 120, 121
 Изабелла I (Isabel I) (1451—1504) 404
 Извольский Александр Петрович (1856—1919) 137, 138, 141, 170, 174, 175, 178, 188, 189, 251, 262, 264
 Икес (Ickes) Гарольд (1874—1952) 426
 Имбуш (Imbusch) Генрих (1878—1945) 324
 Инскип (Inskip) Томас, виконт Колдекот (1876—1947) 418
 Иованович (Jovanović) Любомир (1865—1928) 255, 256
 Иодль (Jodl) Альфред (1890—1946) 471
 Иоос (Yoos) Иозеф (р. 1878) 323
 Истягин Леонид Григорьевич (р. 1931) 567
 Кабиш (Kabisch) Эрнст (1866—?) 255
 Кадорна (Cadorna) Луиджи (1850—1928) 211
 фон Кайзерлинг (von Keyserling) Герман (1880—1946) 581
 Кайо (Caillaux) Жозеф (1863—1944) 142, 143
 Камбон (Cambon) Жюль (1845—1935) 155, 263
 Камбон (Cambon) Поль (1843—1924) 143, 176—178, 185, 191

Кан Ю-вэй (1858—1927) 99
 Канарис (Canaris) Вильгельм (1887—1945) 508
 Кант (Kant) Иммануил (1724—1804) 575, 619
 Канторович Анатолий Яковлевич (р. 1896) 99
 Канторович (Kantorowicz) Герман (1877—1940) 251, 273
 фон Каприви (von Caprivi) Лео (1831—1899) 45
 Каролинги (Karolinger), династия 601
 Карр (Carr) Эдуард Халлетт (р. 1892) 230, 231, 232
 Картельери (Cartellieri) Александр (1867—1955) 580
 Катон (Catone) Марк Порций (234—149 до н. э.) 521
 Каутский (Kautsky) Карл (1854—1938) 223, 241, 242, 246, 259, 338
 Кауфман (Kaufmann) Эрих (р. 1880) 605
 Кварк (Quarck) Макс (1860—1930) 241
 Квислинг (Quisling) Видкун (1887—1945) 443
 Кевендиш см. Девонширский
 Кейтель (Keitel) Вильгельм (1882—1946) 7, 471, 474, 475
 Келлог (Kellogg) Франк (1856—1937) 312, 313
 Кеннан (Kennan) Джордж Фрост (р. 1904) 196, 512—515
 Кеннеди (Kennedy) Джозеф (р. 1888) 426
 Кеннеди (Kennedy) Джон Фицджеральд (1917—1963) 544, 569, 624
 Кер (Kehr) Эккарт (1903—1933) 24, 28, 45—47, 576
 Кессельринг (Kesselring) Альберт (1885—1960) 449, 456, 466, 502
 фон Кеттелер (von Ketteler) Клеменс (1853—1900) 116, 117
 Кийс (Keyes) Роджер Джон (1872—1945) 416
 Киплинг (Kipling) Редьярд (1865—1936) 52
 Кирдорф (Kirdorf) Эмиль (1847—1938) 436
 Клагес (Klages) Людвиг (1872—1956) 581
 Класс (Class) Генрих (1868—1953) 495
 фон Класс (von Klaf) Герт (р. 1892) 595
 фон Клаузевиц (von Clausewitz) Карл (1780—1831) 355
 Клаус (Klaus) Георг (р. 1912) 614
 Клейн (Klein) Матеус (р. 1911) 614
 Клейн (Klein) Фриц (р. 1924) 28, 229, 232, 621
 фон Клейст (von Kleist) Эвальд (1881—1954) 504
 Клёкнер (Klöckner) Петер (1863—1940) 323
 Клемансо (Clemenceau) Жорж (1841—1929) 210, 213, 276, 523
 Клемм Вильям Оскарович 133
 фон Клюге (von Kluge) Ганс Гюнтер (1882—1944) 503
 Клюке (Kluke) Пауль (р. 1908) 601
 Клюпфель, член дирекции фирмы Круппа 106
 Кноль (Knoll) Иохим 594, 595
 Козинг (Kosing) Альфред 614
 Коковцов Владимир Николаевич (1853—1943) 130
 Колдекот см. Инскип
 Конрад фон Хётцендорф (Conrad von Hötzen-dorf) Франц (1852—1925) 138, 163, 253

- Коперник (Kopernik) Николай (1473—1543) 573
- Кордт (Kordt) Тео (р. 1893) 428
- Корфес (Korfes) Отто (1889—1964) 447
- Коста (Costa) Альфонсо Аугусто (1871—1937) 305
- Кох (Koch) Тило (р. 1920) 620
- Крамер (Cramer) Фредерик 515, 516
- Кремона (Cremona) Пауль 558
- Кригк Отто 451
- Крозиг см. Шверин фон Крозиг
- Кроль (Kroll) Ганс (р. 1898) 546
- Кроу (Crowe) Эйр (1864—1925) 135, 168, 171, 172
- Крук (Kruick) Альфред 26
- Крупп (Krupp) Фридрих Альфред (1854—1902) 29, 57, 63, 71, 72, 75, 87, 103, 105—107, 198, 436, 595
- Крупп фон Болен (Krupp von Böhlen und Halbach) Густав (1870—1950) 510, 595
- Крэг (Craig) Гордон Александр (р. 1913) 26
- Крюгер (Krüger) Паулус (1825—1904) 73, 74, 78, 82, 83, 84, 85, 86, 91, 92, 94—96
- Кулундшич (Kulundšić) Франьо 257
- фон Куль (von Kuhl) Герман (1856—1957) 209, 211
- Кунов (Cunow) Генрих (1862—1936) 53
- Кучинский (Kuczynski) Юрген (р. 1904) 22, 66, 331, 560
- Кэмпбелл-Бэннерман (Campbell-Bannerman) Генри (1836—1908) 554
- Кэрнок см. Никольсон
- Кэррол (Cargoll) Эбер Малькольм (р. 1893) 26
- фон Кюльман (von Kühlmann) Рихард (1873—1948) 227
- Кюн Эрих 446
- Лаваль (Laval) Пьер (1883—1945) 361, 362**
- де Лагард (de Lagarde), псевд. Бёттихера (Bötticher) Пауля Антона (1827—1891) 590
- де Лакруа (de Lacroix) Виктор (1878—1948) 263
- Ламздорф Владимир Николаевич (1841—1907) 130, 131, 553
- Лангер (Langer) Уильям Леонард (р. 1896) 69
- Лансинг (Lansing) Роберт (1864—1928) 242
- Ласвель (Lasswell) Гарольд Дуайт (р. 1902) 180, 181
- Латернзер (Laternser) Ганс (р. 1908) 512
- фон Лёбель (von Loebell) Фридрих Вильгельм (1855—1931) 202, 203
- Левина Ревекка Сауловна (р. 1899) 22
- Легин (Legien) Карл (1861—1920) 223
- Лейбгольц (Leibholz) Герхард (р. 1901) 603
- Лейси Патрик 460
- Лекса см. Эренталь
- Ленин Владимир Ильич (1870—1924) 12, 15, 19, 20, 25, 28, 32, 33, 35—37, 48, 50—52, 54, 60, 62, 63, 65, 68, 98, 100, 130, 131, 135—137, 145—148, 151, 153, 155, 179, 192—195, 199, 201, 202, 214, 217, 219, 221—228, 230, 231, 238, 375, 521, 553, 554, 573—575, 583, 604, 615, 616
- Леннэ, агент фирмы Круппа в Китае 106
- Ленц (Lenz), германский вице-консул в Чифу 119
- Ленц (Lenz) Макс (1850—1932) 577
- Леон-Перье (Leon-Perrier) Лоран Франсиз (р. 1873) 299
- Леритье (Lhéritier) Мишель (р. 1889) 249
- Лессар Павел Михайлович 68, 69, 71, 74
- Лесселс (Lascelles) Франк Кавендиш (1841—1920) 95
- Лессинг (Lessing) Готхольд Эфраим (1729—1781) 482
- Ли Хун-чжан (1823—1901) 105
- Либкнехт (Liebknecht) Вильгельм (1826—1900) 12
- Либкнехт (Liebknecht) Карл (1871—1919) 12, 22, 223
- Лиддell Гарт (Liddell Hart) Базиль Генри (р. 1895) 503, 504
- Лидер, представитель фирмы «Mandel und C^s» 101
- Лидер (Lider) Юлиан 564, 566, 568
- Лиман фон Сандерс (Liman von Sanders) Отто (1855—1929) 150
- Линнебах (Linnebach) Карл (р. 1879) 276, 277
- Литвинов Максим Максимович (1876—1951) 365, 370
- Литт (Litt) Теодор (р. 1880) 574
- Лихновский (Lichnowsky) Карл Макс (1860—1928) 163, 164, 166, 167, 175, 183
- Ллойд Джордж (Lloyd George) Давид (1863—1945) 142, 164, 210, 212, 231, 245, 305, 308, 416, 417, 517, 522—524
- Ло Чэн-лэ 121, 122
- Ломейер (Lohmeyer) Ганс (р. 1881) 23, 29
- Лонгфорд (Longford) Элизабет 71
- Лондондерри (Londonderry) Чарльз Стюарт Генри (1878—1949) 418
- Лорингофен см. Фрейтаг-Лорингофен
- Лотиан (Lothian) Филипп Генри Керр (1882—1940) 361, 418, 524
- Лоуэл (Lovell) Реджинальд Иван 69
- Лоц (Lotz) Иоганнес (р. 1903) 614
- Лоцек (Lozek) Герхард (р. 1923) 622, 624
- Льюис, американский обозреватель 466
- Лэйт-Росс (Leit-Ross) Фредерик (р. 1887) 412
- Людеке (Ludecke) Курт Георг (р. 1890) 423
- Людендорф (Ludendorff) Эрих (1865—1937) 7, 10, 42, 208—213, 224, 225, 227, 228, 439, 454, 475, 486, 490, 556, 600
- Людериц (Lüderitz) Адольф (1834—1886) 373
- Льюй Хай-хуань 119
- Люксембург (Luxemburg) Роза (1870—1919) 12, 53, 223, 583
- Люс см. Фабр-Люс
- Лютер (Luther) Ганс (1879—1962) 304, 305, 320, 490
- Лютер (Luther) Мартин (1483—1546) 481, 586
- Люц (Lutz) Герман (р. 1881) 184, 255
- Майн, генерал 525**
- Майский Иван Михайлович (р. 1884) 28, 123, 409
- Макартней (Macartney) Максвелл 558
- Макдональд (Macdonald) Джеймс Рамсей (1866—1937) 258, 361, 370
- Маккензи, военный обозреватель «Associated Press» 467
- Макклой (Mac Cloy) Джон Джей (р. 1895) 564
- Макмиллан (Macmillan) Гарольд (р. 1894) 535, 569

- Маллей (Mulley) Ф. У. 562
фон Мальцан (von Maltzan) Адольф Георг Отто (1877—1927) 290
Маммах (Mammach) Клаус (р. 1931) 229
Манн (Mann) Голо (р. 1909) 548, 623, 624
Манн (Mann) Томас (1875—1955) 617
фон Манштейн (von Manstein) Эрих (р. 1887) 502, 503
Мараун (Mahraun) Артур (1890—1950) 336
Маркин Николай Григорьевич (1893—1918) 238
Марков (Markow) Вальтер (р. 1909) 22
Маркович Р., переводчик 181
Маркс (Marx) Вильгельм (1863—1946) 309, 324, 326
Маркс Карл (1818—1883) 12, 15, 48, 54, 125, 198, 201, 223, 224, 248, 435, 481, 483, 486, 495, 573
Маркс (Marcks) Эрих (1861—1938) 271
Мартен см. Бьенвеню-Мартен
Мартин Денис 456
Мартини (Martini) Винфрид (р. 1905) 594
Марч (March) Хуан (1882—1962) 403
Маршан (Marchand) Рене (р. 1888) 262
Мей (May) Гастон 276
Мейер (Meyer) Генри Корд (р. 1913) 26
Мейер (Meyer) Хельмут (р. 1912) 622, 624
Мейер (Meyer) Эдуард (1855—1930) 583
Мейнеке (Meinecke) Фридрих (1862—1954) 23, 27, 44, 46, 66, 220, 288, 506, 507, 575, 577, 579, 580, 584, 585, 586, 596—598, 608
Мейпл Джон Блондель 75
Мейснер (Meisner) Генрих Отто (р. 1890) 30, 104, 270
Мелло-Франко (Mello-Franko) Карло (р. 1896) 306
Мельников Даниил Ефимович (р. 1916) 622
Мельхиор (Melchior) Карл (1871—1933) 336
Менде (Mende) Георг (р. 1910) 581, 607, 608
Мендельсон Лев Абрамович (1899—1962) 25
Мендельсон-Бартольди (Mendelssohn-Bartoldy) Альбрехт (1874—1936) 243, 249, 251
Менсгаузен (Menshausen), член дирекции Круппа 106
Меринг (Mehring) Франц (1846—1919) 12
Месснер (Messner) Иоганнес (р. 1891) 614
Меттерних (Metternich) Клеменс Венцеслав (1773—1859) 206
Меттерних см. Вольф-Меттерних
фон Микель (von Miquel) Иоганнес (1828—1901) 23
Милнер (Milner) Альфред (1854—1925) 78, 79, 83, 85, 91, 92
де Мирабо (de Mirabeau) Оноре Габриель Рикетти (1749—1791) 482
Митчелл (Mitchell) Дональд Грант (1822—1908) 515
Михайловский Николай Константинович (1842—1904) 487
Михельс (Michels) Роберт (1876—1936) 593
Модель (Model) Вальтер (1891—1945) 453
фон Мольтке (von Moltke) Хельмут Джемс (1907—1945) 14
фон Мольтке (von Moltke) Хельмут Иоганн младший (1848—1916) 30, 138, 144, 162, 177, 179, 207, 270
фон Мольтке (von Moltke) Хельмут Карл старший (1800—1891) 7, 57, 487, 549
Моммзен (Mommssen) Теодор (1817—1903) 583
Моммзен (Mommssen) Эрнст Вольф (р. 1910) 593
фон Монжеля (von Montgela) Максимилиан (1860 — ?) 241, 243
Монтгомери (Montgomery) Бернард Лоу (р. 1887) 466, 526, 562
Морган (Morgan) Джон Пирпонт (1867—1943) 33, 426
Моргентау (Morgenthau) Генри младший (р. 1891) 497, 498, 527, 563
Морель (Morel) Эдмунд (1873—1924) 168
Морлей см. Хидлам-Морлей
Морлей (Morley) Джон, виконт Блэкберн (1838—1923) 255
Моска (Mosca) Гаэтано (1858—1941) 593
Мосьницкий (Mościcki) Игнацы (1867—1946) 430
Мохальски (Mochalski) Герберт (р. 1910) 612
Мумм (Mumm) Рейнхард (1873—1932) 95
Мун (Moon) Паркер Томас (1892—1936) 51
Мур (Moore) Бен Тильман 562
Муссолини (Mussolini) Бенито (1883—1945) 296, 297, 405, 412, 417, 425, 430, 449, 450, 503, 557, 558, 560
Мэхэн (Mahan) Альфред Тайер (1840—1914) 496
фон Мюллер (von Müller) Альфред (1869—?) 92
Мюллер (Müller) Винценц (1894—1961) 587
Мюллер (Müller) Герман (1876—1931) 309—311, 313, 314, 317, 318, 327, 341
Мюллер-Фрейенфельс (Müller-Freienfels) Рихард (1882—1949) 581
Мюндлер (Mündler) Антон (р. 1895) 440
Наполеон I Бонапарт (1769—1821) 228, 435, 483, 513, 518, 580
Наполеон III Бонапарт (1808—1873) 262, 540
Нарочницкий Алексей Леонтьевич (р. 1907) 99
Науман (Naumann) Фридрих (1860—1919) 203, 576
фон Нейрат (von Neurath) Константин (1873—1956) 421
Нелен (Nellen) Петер (р. 1912) 613
фон Нель-Брейнинг (von Nell-Breuning) Освальд (р. 1890) 614
Нельсон (Nelson) Гораций (1758—1805) 517
Николай II, Александрович (1868—1918) 21, 128, 131, 159, 160, 169, 170, 174, 176
Никольсон (Nicolson) Артур, барон Кэрнок (1849—1928) 133, 169.
Нимёллер (Niemöller) Мартин (р. 1892) 612
Ниринг (Nearing) Скотт (р. 1883) 51
Ницше (Nietzsche) Фридрих Вильгельм (1844—1900) 581, 593, 614
Новак (Nowak) Карл Фридрих (1883—1932) 231, 244
Нольте (Nolte) Эрнст 591
Норден (Norden) Альберт (р. 1904) 66, 229, 231, 589
Норстэд (Norstad) Лаурис (р. 1907) 569
Носке (Noske) Густав (1868—1946) 240, 320, 499
Ностиц Григорий Иванович (1862 — ?) 30
Нотович Филипп Осипович (1890—1958) 42, 589
Нозль (Noel) Леон (р. 1888) 430
Нэф (Näf) Вернер (р. 1894) 280

- Оберлендер (Oberländer) Теодор (р. 1905) 605
фон Овен (Oven) Вильфред 464
Олар (Aulard) Альфонс (1849—1928) 250, 251
Ольдерогге Дмитрий Алексеевич (р. 1903) 71
Онкен (Oncken) Герман (1869—1945) 23, 43, 220, 495, 577
фон Осецкий (von Ossietzky) Карл (1889—1938) 12
Остен-Сакен Николай Дмитриевич (1831—1912) 81, 82
- Паевский (Pajewski) Януш 26
Пажэ (Pagès) Жорж (1867—1939) 248
фон Пайер (von Payer) Фридрих (1847—1931) 227
Палеолог (Paléologue) Морис (1859—1944) 192, 263
Пальмерстон (Palmerston) Генри Джон (1784—1865) 226, 519, 520
Панфилов А., переводчик 564
фон Папен (von Papen) Франц (р. 1879) 353, 354, 386, 468, 469, 491, 617
Парвус (Parvus), псевд. Гельфанда (Helphand) Александра (1867—1924) 223
Пашич (Pašić) Никола (1846—1926) 160, 256
Перт см. Друммонд
Пертинакс (Pertinax), псевд. Жеро (Géraud) Шарля Жозефа Андраэ (р. 1882) 362, 364
Перье см. Леон-Перье
Петцольд (Petzold) Иоахим (р. 1933) 587
Петэн (Pétain) Филипп (1856—1951) 210, 211, 213
Пик (Pieck) Вильгельм (1876—1960) 446
Пикер (Picker) Генри 599
Пилсудский (Piłsudski) Юзеф (1867—1935) 368
Питт (Pitt) Уильям младший (1759—1806) 517
Платон (Platon) (427—347 до н. э.) 268
Плен (Plehn) Ганс (1868—1918) 270, 278, 279
Покотиллов Д. Д., представитель Русско-Китайского банка в Пекине 104, 122
Покровский Михаил Николаевич (1868—1932) 63, 242
Политис (Politis) Никос (1872—1942) 242
Поль-Бонкур (Paul-Boncour) Жозеф (р. 1873) 312, 313
Попов Александр Львович (1888—1943) 505
Поссер (Posser) Дитер 233
Потехин Иван Изосимович (1903—1964) 71
Прайс (Price) Уорд 366, 391
Прейсс (Preuß) Гуго (1860—1925) 488
Прибрам (Pribram) Альфред Френсиз (1859—1942) 242, 252, 552
Примо де Ривера (Primo de Rivera y Orballes) Мигель Марке (1870—1930) 405, 406
Принцип Гаврило (1893—1918) 160
фон Приттвиц (von Prittwitz) 112, 114, 121
Пуанкаре (Poincaré) Раймон (1860—1934) 142, 143, 148, 163, 168—170, 185, 186, 191, 211, 244, 249, 250, 252, 262, 263, 265, 266, 275, 276, 279, 291, 312, 540
фон Пурталес (von Portalès) Фридрих (1853—1928) 170, 177
Путилов, промышленник 63, 198
Пфердменгес (Pferdmenges) Роберт (1880—1962) 510
- Рааб (Raab) Герхард 284
фон Радович (von Radowitz) Иозеф Мария (1839—1912) 270, 285,
Райс см. Спринг-Райс
фон Ранке (von Ranke) Леопольд (1795—1886) 54, 231, 575, 577, 580
Ранцау см. Брокдорф-Ранцау
Расацкий (Rasacki) Адам (р. 1909) 568
Рассов (Rassow) Петер (1889—1961) 29
Ратенау (Rathenau) Вальтер (1867—1922) 232, 246, 290
Ратман (Rathmann) Лотар (р. 1927) 22, 66
фон Раух (von Rauch) Георг (р. 1904) 218
Раушнинг (Rauschnig) Герман (р. 1887) 503
Рахфаль (Rachfahl) Феликс (1867—1925) 271, 280—285
Раш (Rasch) Гарольд 626
Ревентлов (zu Reventlow) Эрнст (1869—1943) 23, 42, 504, 586
Рёдерс (Roeders), директор «Немецко-Азиатского банка» 120
фон Рейнбабен (von Rheinbaben) Вернер (р. 1878) 316
Ренувен (Renouvin) Пьер (р. 1893) 24, 40, 266
фон Рехенберг (von Rechenberg) Альбрехт (1861—1935) 298
фон Риббентроп (von Ribbentrop) Иоахим (1893—1946) 433, 434, 460, 461, 471, 560
Ридинг (Reading) Руфус Даниэл (1860—1935) 212
Риккерт (Rickert) Генрих (1863—1936) 48—50
Римек (Riemeck) Рената (р. 1920) 592
Риссер (Riesser) Якоб (1853—1932) 69
Риттер (Ritter) Герхард (р. 1888) 10, 23, 27, 30, 44, 66, 585, 586, 587, 590, 596—600, 608, 622
фон Рихтгофен (von Richthofen) Освальд (1847—1906) 86, 92, 106, 114
Рихтер (Richter) Ганс Вернер (р. 1908) 620
Риччи (Ricci) Ренато (1896—1943) 449
Робертсон (Robertson) Уильям (1860—1933) 212
Родс (Rhodes) Сесиль Джон (1853—1902) 20, 70, 71, 75, 78, 80—82, 87, 92, 94, 95, 496, 521
Роз (Rose) Джон Холланд (1855—1942) 278
Розенберг (Rosenberg) Альфред (1893—1946) 9, 40, 45, 355, 372, 589
Розенберг (Rosenberg) Артур (р. 1887) 238, 239, 241, 255
Розенфельд (Rosenfeld) Гюнтер (р. 1926) 229
Романов Борис Александрович (1889—1957) 21, 22, 34, 111
Романовы, династия 141, 219
фон Ромберг (von Romberg) Конрад (1866—?) 188
Роммель (Rommel) Эрвин (1891—1944) 441, 449, 450, 503
Ромпель (Rompel) Фредерик 94
Ропер см. Тревор-Ропер
Рорбах (Rohrbach) Пауль (1869—1956) 271, 272, 391, 578
Росс см. Лэйт-Росс
Росси (Rossi del Lion Nero) Филиппо (р. 1884) 406
Ростоу (Rostow) Уот Уитмен (р. 1916) 568
Ротермир (Rothermere) Гарольд Сидней (1868—1940) 361

- Ротфельс (Rothfels) Ганс (р. 1891) 583, 602, 622, 623
- Ротшильд (Rothschild) Альфред Чарльз (1842—1918) 20, 73, 74, 92
- Ротшильд (Rothschild) Натаниэль (1840—1915) 109, 521
- Рубинштейн Евгения Ильинична (р. 1899) 22
- Рувье (Rouvier) Морис (1842—1911) 132, 139, 143
- Руденко Сергей Игнатьевич (р. 1904) 474
- Рузвельт (Roosevelt) Теодор (1858—1919) 85, 133, 205, 496
- Рузвельт (Roosevelt) Франклин Делано (1882—1945) 434, 444, 457, 459, 460, 463, 473, 497, 526, 560
- Румбольд (Rumbold) Гораций Джордж (1869—1941) 165
- Рундштедт (Rundstedt) Герд (1875—1953) 459, 460, 466, 503
- Сазонов Сергей Дмитриевич (1860—1927) 141, 159, 160, 162, 165, 168—170, 174, 177, 178, 186, 187, 189
- Саймон (Simon) Джон (1873—1954) 361, 362, 366—370, 394, 418
- Салазар (Salazar) Антонио (р. 1889) 408
- Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович (1826—1889) 485
- Санатеску¹ (Sănațescu) Константин (1884—1947) 456
- Сандерс см. Лиман фон Сандерс
- Санхурхо (Sanjurjo y Sacañell) Хосе (1872—1936) 402, 403
- Сапари (Szapary de Szapar) Ференц (1869—1935) 162, 170
- Свердлов Герман Михайлович (р. 1905) 562
- Севастопуло Матвей Маркович 188
- Сегени см. Седьени
- Сегерстедт (Sagerstedt) Торгни (р. 1876) 448
- Седьени (Szögyény-Marich) Ласло (1841—1916) 161, 163, 167, 169
- Сеймур (Seymour) Чарльз (1885—1963) 156
- Сеймур (Seymour) Эдвард Хобарт (1840—1929) 28, 123
- фон Сект (von Seeckt) Ганс (1866—1936) 293, 487, 503, 587, 597
- Сидоров Аркадий Лаврович (р. 1900) 63
- Сили (Seeley) Джон Роберт (1834—1895) 50, 52, 496
- фон Сименс (von Siemens) Георг (1839—1901) 69, 70, 74—78, 81, 436, 510
- Сиссон (Sisson) Эдгар (1875—1948) 225
- Скавениус (Scavenius) Эрих (р. 1877) 447, 448
- Скотт (Scott) Джемс Броун (1866—1943) 242
- Скрутейтор, английский обозреватель 365, 367
- Сноуден (Snowden) Филипп (1864—1937) 364
- Соколовский Василий Данилович (р. 1897) 474
- Солсбери (Salisbury) Роберт Артур (1830—1903) 78, 83, 85, 90, 92, 284, 521
- Сорель (Sorel) Альбер (1842—1906) 276
- Софинский Николай Николаевич (р. 1924) 564, 565
- Спаатс (Spraatz) Карл (р. 1891) 474
- Спендер (Spender) Джон Альфред (1862—1942) 554
- Сперанский А. Ф., переводчик 279
- Спир Чарльз Ф. 345
- Спринг-Райс (Spring-Rice) Сесиль Артур (1859—1918) 157
- фон Србик (von Srbik) Генрих (1878—1951) 252
- Станоевич (Stanojević) Станое (1874—1937) 255, 256
- Ственхаген Курт 203
- Стейн (Stein) Мартинус Теунис (1857—1916) 94, 95
- Стид (Steed) Генри Уикхем (1871—1956) 70
- Стиннес (Stinnes) Гуго (1870—1924) 378, 595
- Столыпин Петр Аркадьевич (1862—1911) 138, 141
- Сухолинов Владимир Александрович (1848—1926) 159
- де Талейран (de Talleyrand) Шарль Морис (1754—1838) 226, 509, 510
- Тань Тянь-кай 121, 122
- Тардьё (Tardieu) Андре (1876—1945) 143, 242
- Тарле Евгений Викторович (1875—1955) 5, 22, 43, 70, 220
- Тассиньи см. Делатр де Тассиньи
- Татищев Сергей Спиридонович (1846—1906) 552
- фон Таттенбах (von Tattenbach) Христиан Фридрих (1846—1910) 89
- фон Таубе (von Taube) Отто Адольф Александр (р. 1879) 284
- Теддер (Tedder) Артур Уильям (р. 1890) 474
- Тельман (Thälmann) Эрнст (1886—1944) 13, 14, 446
- Темперлей (Temperley) Гарольд (1879—1939) 258, 496
- Темплвуд см. Хор
- Теодор (Theodor) Гертруда (р. 1920) 576
- Тербовен (Terboven) Иозеф (1898—1945) 443
- Тиликке (Thielicke) Хельмут (р. 1908) 611
- Тимме (Thimme) Фридрих Вильгельм (1868—1938) 246, 247, 248, 249, 251, 255
- фон Тирлиц (von Tirpitz) Альфред (1849—1930) 23, 26, 77, 118, 126, 139, 142, 143, 158, 162, 259, 388, 576, 577
- Тисса (Tisza) Иштван (1861—1918) 159, 162, 255
- Тиссен (Thyssen) Фриц (1873—1951) 595
- Тито (Broz-Tito) Иосип (р. 1892) 456, 457
- Титтони (Tittoni) Томазо (1855—1931) 295
- Тихвинский Сергей Леонидович (р. 1918) 99, 120
- Томпсон (Thompson) Доротти (р. 1894) 462
- Трахтенберг Иосиф Адольфович (1883—1960) 25
- Тревор-Ропер (Trevor-Roper) Хью Редвальд (р. 1914) 502, 503
- фон Трейчке (von Treitschke) Генрих (1834—1896) 9, 575, 576, 581
- Трельч (Troeltsch) Эрнст (1865—1923) 582
- Тройтлер (Treutler) Карл-Георг (1858—?) 158, 159
- фон Тротт цу Зольц (von Trott zu Solz) Адам (1909—1944) 14
- Трумэн (Truman) Гарри (р. 1884) 526
- Трюцшлер фон Фалькенштейн (Trützschler von Falkenstein) Хейнц 284

- Тухольский (Tucholsky) Курт (1890—1935) 13
- Тэйлор (Taylor) Алан Джон Персивал (р. 1906) 22
- Тэйлор (Taylor) Максвелл Давенпорт (р. 1901) 563
- Тэнсил (Tansill) Чарльз Калан (р. 1890) 560
- Уиллер (Wheeler) Бартон Кендал (р. 1882) 462
- Уиллер-Бенетт (Wheeler-Bennett) Джон Уиллер (р. 1902) 597, 598
- Ульбрихт (Ulbricht) Вальтер (р. 1893) 236, 446, 547, 571
- Унден (Unden) Эстен (р. 1886) 305
- Уорберг (Warburg) Джеймс Поль (р. 1896) 564
- Уорн (Warne) Джемс Дуглас 566
- Урбиг, представитель «Немецко-Азиатского банка» в Китае 113, 114—116
- Успенский Глеб Иванович (1843—1902) 485
- Фабр-Люс (Fabre-Luce) Альфред (р. 1899) 263
- Фаттс (Vagts) Альфред (р. 1892) 32
- Фаллодон см. Грей
- фон Фалькенгейн (von Falkenhausen) Эрих (1861—1922) 157
- Фалькенштейн см. Трюцшлер фон Фалькенштейн
- Фариначчи (Farinacci) Роберто (1892—1945) 296
- Фауст (Faust) Август 589
- Фёглер (Vögler) Альберт (1877—1945) 595
- Фей (Fay) Сидней Бредшоу (р. 1876) 496, 505, 507, 514
- Фейербах (Feuerbach) Людвиг Андреас (1804—1872) 619
- Фейхтвангер (Feuchtwanger) Лион (1884—1958) 492
- Фельгибель (Fellgiebel) Эрих 455
- Фердинанд I (Ferdinand I) 1861—1948) 149
- Фердинанд II Арагонский (Fernando II) (1452—1516) 404
- Фёрстер (Förster) Вольфганг (р. 1875) 355
- Фиш (Fish) Гамилтон (р. 1888) 428
- Фишер (Fischer) Фриц (р. 1908) 155, 374, 578, 579, 621, 622
- Фишер (Fischer) Эуген (р. 1881) 27, 45, 254, 255, 336
- Фланден (Flandin) Пьер-Этьен (1889—1958) 361, 362, 422
- Флах (Flach) Карл Герман (р. 1930) 625, 626
- Флорин (Florin) Вильгельм (1894—1944) 446
- Флотов (Flotow) Ганс (1862—1935) 83, 84, 85
- Фогель (Vogel) Вальтер (1880—1938) 578
- Фокс (Fox) Чарльз Джемс (1749—1806) 517
- Фостер (Foster) Уильям (1881—1961) 205
- Фох (Foch) Фердинан (1851—1929) 207, 211—213, 292—294
- Франк (Frank) Вальтер (р. 1905) 589
- Франк (Frank) Леонард (1882—1961) 13
- Франкенберг (Frankenberg) Рихард 284
- Франклин, английский полковник 379
- Франко см. Мелло-Франко
- Франко (Franco) Франсиско (р. 1892) 403, 406, 409, 416, 420, 557
- Франц-Иосиф I (Franz-Joseph I) (1830—1916) 161
- Франц-Фердинанд (Franz-Ferdinand) (1863—1914) 158—160, 201, 255, 259
- Франше д'Эспре (Franchet d'Esperey) Луи-Феликс (1856—1942) 214
- Фрейенфельс см. Мюллер-Фрейенфельс
- Фрейн (Freund) Михаэль (р. 1902) 542, 594
- фон Фрейтаг-Лорингофен (Freitag-Loringhoven), полковник 455
- фон Фридебург (von Friedeburg) Ганс Георг Фридрих (1895—1945) 474, 475
- Фридрих II (Friedrich II) (1712—1786) 7, 162, 356, 435, 482, 492, 585, 586, 588, 599
- Фридрих-Вильгельм III (Friedrich-Wilhelm III) (1770—1840) 483
- Фридрихштейн см. Дёгоф-Фридрихштейн
- Фридьонг (Friedjung) Генрих (1851—1920), 269
- де Фриз (de Vries) Иозеф (р. 1898) 614
- Фриман (Frymann) Даниэль 495
- Фримэн (Frieman) Джозеф (р. 1897) 51
- Фримэн (Freeman) Эдвард Август (1823—1892) 495
- Фрич (Fritsch) Вернер (1880—1939) 503
- Фриче (Fritzsche) Ганс (р. 1902) 455, 458, 468
- Фромажо (Fromageot) Анри (1864—1949) 263
- Фуллер (Fuller) Джон Фредерик Чарльз (р. 1878) 503
- Фурсенко Александр Александрович (р. 1927) 99
- фон Хаген (von Hagen) Максимилиан (р. 1886) 287
- Хазельмейер (Haselmayer) Фридрих (р. 1879) 23, 66
- Хайнд (Hynd) Джон Барнс (р. 1902) 532
- Халоша Борис Михайлович (р. 1927) 562, 564
- Хальвер (Hahlweg) Вернер (р. 1912) 224
- Хальгартен (Hallgarten) Джордж (Георг) (р. 1901) 23, 24, 38—41, 43, 45—50, 52—67, 69
- Харт (Hart) Роберт (1835—1911) 110
- Хассе (Hasse) Эрнст (1846—1908) 117, 495
- Хассель (von Hassel) Кай-Уве (р. 1913) 568, 570
- Хасхаген (Hashagen) Юстус (р. 1877) 580
- Хауз (House) Эдвард Мандель (1856—1938) 156—158, 165, 210
- Хаузер (Hauser) Освальд (р. 1910) 27
- Хвостов Владимир Михайлович (р. 1905) 22, 46, 124
- Хегелер (Hegeler) Альберт 508
- Хейг (Haig) Дуглас (1861—1928) 211
- Хейдеггер (Heidegger) Мартин (р. 1889) 608, 609, 614
- Хейзе (Heise) Вольфганг (р. 1925) 581, 602
- Хейл (Hale) Орон Джемс 26
- Хейс (Heuss) Теодор (1884—1964) 576
- Хёльцле (Holzle) Эрвин (р. 1901) 622
- Хемингуэй (Hemingway) Эрнест (1899—1961) 591
- Херст (Hearst) Уильям Рандольф (1863—1951) 426
- фон Хессе (von Hesse), глава германской миссии в Стокгольме 466
- Хетц Карл 446
- Хётцендорф см. Конрад фон Хётцендорф
- Хёхберг (Höchberg) Карл (1853—1885) 224
- Хидлам-Морлей (Headlam-Morley) Джемс Уиклиф (1863—1929) 259

- Хирота Коки (1878—1948) 558
Ходжсон (Hodgson) Роберт Маклеод (1874—1956) 420
Хойзингер (Heusinger) Адольф (р. 1897) 7, 605
Холден (Haldane) Ричард Бердон (1856—1928) 143, 265
Холмс (Holmes) Юлиус Сесил (р. 1899) 468
Хоман (Homann) Генрих (р. 1911) 446
Хор (Hoare) Сэмюэль, виконт Темплвуд (1880—1959) 405, 418
Хордана (Jordana) Франсиско Гомес (1876—1944) 444, 445
Хорстенау см. Глайзе фон Хорстенау
Ху Фу-чэнь 118
Хубач (Hubatsch) Вальтер (р. 1915) 26, 598, 605
Хэлл (Hull) Корделл (1871—1955) 444
Хюне (Huene Н.), псевд. фон Хойнингена (von Hoyningen) Генриха 44
- Ц**
Царнт (Zahrnt) Хейнц (р. 1915) 593
Цахе (Zache) Ганс (1869—1935) 287, 378
Церер (Zehrer) Ганс (р. 1899) 542
Цеткин (Zetkin) Клара (1857—1933) 12
Цзин Цзя-жуй 122
Цикурш (Ziekursch) Иоганес (1876—1945) 23
Циммерман (Zimmermann) Альфред (1859—1925) 158, 159
Циммерман (Zimmermann) Артур (1864 —?) 162
Цюльке (Zühlke) Герберт 44
- Ч**
Чемберлен (Chamberlain) Джозеф (1836—1914) 20, 69, 70, 71, 74, 75, 78, 82—86, 89, 90—95, 109, 496, 521, 522
Чемберлен (Chamberlain) Невиль (1869—1940) 417—419, 425, 426, 428, 518
Чемберлен (Chamberlain) Остин (1863—1937) 260, 267, 289, 292, 294, 302, 305, 306, 312, 317
Чемберлен (Chamberlain) Хаустон Стюарт (1855—1927) 590
Черчилль (Churchill) Рандольф (1849—1895) 521, 550
Черчилль (Churchill) Уинстон (р. 1874) 11, 168, 177, 179, 417, 434, 444, 457, 468, 517, 518, 521—523, 525—527, 529—531, 533, 549, 564
Чжан Чжи-дун (1837—1909) 101, 110
Чиано (Ciano) Галеаццо (1903—1944) 556—558, 560, 561
Фон Чиршки (von' Tschirschky und Bögen-dorff) Генрих (1858—1916) 161, 162, 163, 164, 166, 169, 173
Чуйков Василий Иванович (р. 1900) 476
- Ф**
Фон Шарнгорст (von Scharnhorst) Герхард (1755—1813) 482
Шахт (Schacht) Яльмар (р. 1877) 382, 385, 393, 509, 510
Шварценштейн (Schwarzenstein), дипломат 95
Швайниц (Schweinitz) Ганс Лотар (1822—1901) 270
Шверин фон Кросиг (Schwerin von Krosigk) Луц (р. 1887) 595
Швертфегер (Schwertfeger) Бернард (1868—1953) 267
Шебеко Николай Николаевич 160
- Шейдеман (Scheidemann) Филипп (1865—1939) 229, 240, 241, 499
Шейдтвеллер, немецкий инженер в Китае 101
Шекспир (Shakespeare) Вильям (1564—1616) 471, 615
Шени (Schoen) Вильгельм Эдуард (1851—1933) 189
Шер (Schaer) Вильгельм 255
Шерф, нацист 532
Шефлер (Scheffler) Карл (1869—1951) 273
Шиле (Schiele) Мартин (1870—1939) 325
Шиллер (von Schiller) Фридрих (1759—1805) 619
Шиль (Schiel) Адольф 89
Шламм (Schlamm) Вильям Зигмунд (р. 1904) 619
Шлее-Паша (Schlee-Pascha), генерал 299
Шлеер, фашистский агент. Руководитель «коричневого дома» в Париже 403
фон Шлейхер (von Schleicher) Курт (1882—1934) 597
Шлехта (Schlechta) Карл (р. 1904) 614
Шликкер (Schlicker) Ганс-Георг (р. 1900) 532
фон Шлиффен (von Schlieffen) Альфред (1833—1913) 29, 30, 132, 144, 168, 177, 179, 207, 587, 598
Шмидт, представитель германского министерства иностранных дел 445
Шнее (Schnee) Генрих (1871—1949) 258, 374
Шпан (Spann) Отмар (1878—1950) 488
Шпеер (Speer) Альберт (р. 1905) 456
Шпейдель (Speidel) Ганс (р. 1897) 569, 605
Шпенглер (Spengler) Освальд (1880—1936) 490, 581, 582, 593
Шрайнер (Schreiner) Альберт (р. 1892) 22, 66, 229
Шрёдер (Schröder) Герхард (р. 1910) 594
Штадтмюллер (Stadtmüller) Георг (р. 1909) 605
Штаммер (Stammer) Отто (р. 1900) 594
Штаммлер (Stammeler) Рудольф (1856—1938) 49
фон Штауфенберг (von Stauffenberg) Клаус Шенк (1907—1944) 14, 454
Штереман (Stegemann) Герман (1870—1945) 229, 358, 360
Штегервальд (Stegerwald) Адам (1874—1945) 324, 337
Штединг (Steding) Кристоф 589
Штейн Борис Ефимович (1892—1961) 238
Штёккер (Stoecker) Хельмут (р. 1920) 22, 66, 99
Штенкевич (Stenkewitz) Курт (р. 1906) 66
Штерн (Stern) Лео (р. 1901) 35
Штернберг (Sternberg) Фриц (р. 1895) 53
Штиве (Stieve) Фридрих (р. 1884) 251, 255, 288
Штиф (Stieff) (1901—1944) Хельмут 455
Штрассер (Strasser) Отто (р. 1897) 344
Штраус (Strauß) Франц-Иозеф (р. 1915) 541, 567—569, 607, 608, 611, 617, 618
фон Штрауссенбург см. Арц фон Штрауссенбург
Штреземан (Stresemann) Густав (1878—1929) 234, 246, 250, 276, 292, 294, 296, 297, 299, 301, 304, 305, 312, 313, 316—318, 325, 326, 489, 585
Штрупп (Strupp) Карл (1886—1940) 203
фон Штумм (von Stumm-Halberg) Карл (1836—1901) 57

- Штумпф (Stumpf) Ганс-Юрген (р. 1889) 474, 475
- Шуман (Schuman) Робер (1886—1963) 564
- Шумпетер (Schumpeter) Иозеф Алоиз (1883—1950) 54
- Шюдекопф (Schüddekopf) Отто Эрнст (р. 1912) 26, 598
- Шюкинг (Schücking) Вальтер (1875—1935) 241
- Шюсслер (Schüssler) Вильгельм (р. 1888) 23
- Эбенштейн (Ebenstein) Уильям (р. 1910) 506
- Эберт (Ebert) Фридрих (1871—1925) 229, 240, 241, 300
- Эдлер фон Даниельс см. фон Даниельс
- Эдуард VII (Edward VII) (1841—1910) 139, 259
- Эйзенманн (Eisenmann) Луи (1869—1937) 266
- Эйзенхауэр (Eisenhower) Дуайт Давид (р. 1890) 474
- Эйк (Euck) Эрих (1878—1964) 23
- фон Эйнцидель (von Einsiedel) Генрих (р. 1921) 446
- Эйснер (Eisner) Курт (1867—1919) 240, 241
- фон Эккардштейн (von Eckardstein) Герман (1864—1933) 44, 45, 75, 92—95, 270, 279, 280, 521
- Элерс (Ehlers) Герман (1904—1954) 607
- Эллиот (Elliott) Джон (р. 1896) 432, 467
- Энгель (Engel) Иозеф 622
- Энгельберг (Engelberg) Эрнст (р. 1909) 66, 598, 599
- Энгельс Фридрих (1820—1895) 12, 54, 124, 125, 198, 201, 223, 248, 481, 483, 486, 495, 499, 573
- фон Эпп (von Epp) Франц (1868—1946) 372, 391
- Эренталь (Aehrenthal) Алоиз, граф Лекса (1854—1912) 137, 253, 254
- Эркнер (Erckner S.), псевдоним 359
- Эррио (Herriot) Эдуард (1872—1957) 263
- Эрхард (Erhard) Людвиг (р. 1897) 625
- Эрцбергер (Erzberger) Матиас (1875—1921) 207, 214, 243, 475
- д'Эспре см. Франше д'Эспре
- Эссе (Hesse) Андрэ (р. 1874) 299
- фон Эхельхейзер (von Oechelhäuser) Вильгельм (1820—1902) 75
- Юань Ши-кай (1859—1916) 122
- Юберсбергер (Übersberger) Ганс (р. 1877) 252
- Юй Сянь (ум. 1901) 119—122
- Юнг (Young) Оуэн (1874—1962) 252, 330—333, 336, 342, 343, 346, 347, 385
- фон Ягов (von Jagow) Готлиб (1863—1935) 164, 166, 167
- Якш Хельмут 453
- Янушкевич Николай Николаевич (1868—1918) 175
- Ясперс (Jaspers) Карл (р. 1883) 11, 506, 608—611, 614, 622, 623

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
---------------------	---

Часть I. «МИРОВАЯ ПОЛИТИКА» — ПУТЬ К ВОЙНЕ И ПОРАЖЕНИЮ

Внешняя политика Германии в начале XX века (Проблемы и источники) . . .	19
Опыт социологического исследования германского империализма (О труде Г. Хальгартена «Империализм до 1914 года»)	38
Германский империализм и возникновение англо-бурской войны	68
Германские монополии в Китае на рубеже XIX—XX веков	98
Дипломатическая подготовка мировой войны 1914—1918 годов	124
Июльский кризис 1914 года	152
«Цветные книги»	180
Легенды и правда о первой мировой войне	195
Капитуляция в 1918 году	207

Часть II. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗИГЗАГИ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Великая Октябрьская революция и проблема советско-германских отношений	217
Версальский тезис и его ревизия (Исторические документы как орудие полити- ческой борьбы)	238
Проблемы «восточной» и «западной» ориентации германской политики в бис- маркианской историографии	269
Германская дипломатия от Локарно до Женева	289
«Дух Локарно» и франко-германские противоречия	309
Распад правительственной коалиции в 1928 году	319
Перегруппировка политических сил и наступление фашизма (Выборы 1930 года)	330

Часть III. «ТРЕТЬЯ ИМПЕРИЯ»: АГРЕССИЯ И КРУШЕНИЕ

Пропаганда войны в фашистской исторической публицистике	351
Начало перевооружения фашистской Германии и переговоры с западными дер- жаваами (По следам событий)	357
Колониальные планы германского империализма	372
Борьба фашистских держав за испанский плацдарм	397
Англия и «ось Берлин — Рим — Токио»	411
Из дипломатической предистории второй мировой войны	423
Гитлер над бездной	432
Кайзер и «фюрер»	435
Из записей военных лет	440

Часть IV. СНОВА МИЛИТАРИЗМ.
МИРНОЕ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ ИЛИ АТОМНАЯ КАТАСТРОФА?

Ликвидация Прусского государства и исторические традиции милитаризма	479
О некоторых попытках реабилитации германского империализма	495
Британская дипломатия и германская проблема	517
Историческая аномалия в центре Европы	534
Германский милитаризм и агрессивные блоки	549
Идеология германского империализма и реальности нашего века	573

БИБЛИОГРАФИЯ, СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ,
УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН

Библиография	629
Список сокращений	650
Указатель личных имен	651

Аркадий Самсонович Ерусалимский

Германский империализм: история и современность

Утверждено к печати Институтом истории Академии наук СССР

Редактор *С. А. Левина*
Технический редактор *А. П. Гусева*
Художник *А. Г. Кобрин*

Сдано в набор 16/V 1964 г. Подписано к печати 10/X 1964 г. Формат 70×108¹/₁₆. Печ. л. 41,5.
Усл. печ. л. 56,85. Уч. изд. л. 58,1. Тираж 3500 экз. Изд. № 2627. Тип. зак. № 679.
Т-15021 БЗ, 1964 г., № 35.

Цена 3 р. 50 к.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука». Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
34	6 св.	классов партий	классов и партий
114	7 св.	кайнозойское	кайзеровское
134	14 св.	России	Россия
145	2 св.	то	что
145	3 св.	окажется	откажется
156	14 сн.	ее	его
427	6 сн.	французского	французскую
447	15 св.	жизни?	жизни!

А. С. Ерусалимский.